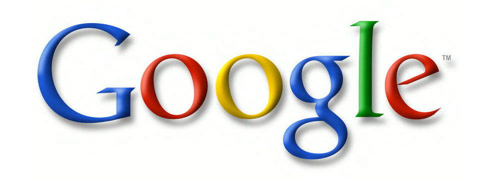

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

Александръ Ефремовъ.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА.

Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова и примѣчаніями,

составленными А. О. Круглымъ.

Томъ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ. — ПРОЗА.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
„СѢВЕРЪ",
ЗА
ЯНВАРЬ.
1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1892 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

Денисъ Давыдовъ

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

Александръ Ефремов

стр.

Проза.

Д. В. ДАВЫДОВЪ.

(историко-литературный очеркъ).

Участникъ почти всѣхъ войнъ Александровскаго времени и нѣкоторыхъ военныхъ событій въ царствованіе императора Николая, знаменитый партизанъ и въ то же время даровитый писатель, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ оставилъ самъ свою краткую автобіографію, и кромѣ того, описалъ многіе эпизоды своей боевой жизни въ отдѣльныхъ очеркахъ. Поэтому пересказывать здѣсь его біографію вполнѣ не представляется нужнымъ; мы дополнимъ ее лишь нѣкоторыми подробностями и затѣмъ постараемся очертить литературную дѣятельность Давыдова.

Автобіографія Давыдова доведена до 1831 года, когда, награжденный чиномъ генералъ-лейтенанта, онъ вышелъ въ отставку. Послѣ того онъ поселился въ своемъ имѣніи Верхней Мазѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, лишь изрѣдка посѣщая нѣкоторые сосѣдніе города и свою родину Москву. Въ Мазѣ Давыдовъ и скончался пятидесятипяти лѣтъ отъ роду, 22-го апрѣля 1839 года. Тѣло его было перевезено въ Москву и предано землѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Давыдовъ не дожилъ трехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ до двадцать-седьмой годовщины Бородинскаго сраженія, которая должна была имѣть для него высокое нравственное значеніе. Въ эту годовщину должно было совершиться, по соизволенію императора Николая, перенесеніе праха князя Багратіона изъ имѣнія князей Голицыныхъ Симы (Владимірской губерніи) на Бородинское поле, гдѣ въ то же время должно было послѣдовать открытіе Бородинскаго памятника. Денисъ Васильевичъ питалъ «глубочайшее благоговѣніе и самую искреннюю душевную признательность» къ памяти Багратіона. Еще въ 1837 году Давыдовъ началъ хлопотать о перенесеніи тѣла Багратіона на Бородинское поле. Хлопоты увѣнчались

успѣхомъ, и было уже рѣшено, что Давыдовъ будетъ сопровождать тѣло своего любимаго героя; но судьба судила иначе. Внезапная смерть Дениса Васильевича вызвала у Жуковскаго слѣдующіе стихи:

И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

Д. В. Давыдовъ выросъ въ старинной дворянской семьѣ. Первые годы своей жизни онъ провелъ въ Бѣлокаменной, а «съ семи лѣтъ жилъ подъ солдатской палаткой», въ селѣ Грушевкѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его командовалъ кавалерійскимъ полкомъ. Образованіе Денисъ Васильевичъ получилъ въ духѣ своего времени: болѣе всего учился французскому языку, даже въ ущербъ своему родному; затѣмъ слѣдовали: музыка, танцы и рисованіе. Тринадцати лѣтъ Давыдовъ былъ опять привезенъ въ Москву и здѣсь познакомился съ нѣкоторыми воспитанниками университетскаго благороднаго пансіона. Какъ извѣстно, это заведеніе давало своимъ питомцамъ преимущественно литературное образованіе. Новые пріятели между прочимъ познакомили Давыдова съ «Аонидами», первымъ русскимъ альманахомъ, который былъ издаваемъ Карамзинымъ (1796—1799 гг.) при сотрудничествѣ Державина, Хераскова, Капниста, Дмитріева и другихъ лучшихъ писателей того времени. Это возбудило въ Давыдовѣ желаніе самому испытать свои литературныя силы. Первый его опытъ, стихотвореніе «Пастушка Лиза», оказался весьма слабымъ: эта небольшая пьеса, написанная въ сентиментальномъ духѣ, грѣшила даже противъ внѣшнихъ формъ языка и просодіи. Но Давыдовъ не унывалъ. Въ письмѣ С. Н. Марина къ князю М. С Воронцову, отъ 27-го октября 1803 года, мы читаемъ: «Давыдовъ кавалеристъ написалъ двѣ басни, которыя къ тебѣ отправляю съ первымъ курьеромъ». И въ другомъ письмѣ, отъ 24-го января 1804 года, тотъ же Маринъ писалъ: «Маленькому Денису мыли за стихи голову; онъ написалъ «Сонъ», гдѣ всѣхъ ругаетъ безъ милосердія» [1]). Упомянутыя двѣ басни были: «Голова и Ноги» и «Рѣка и Зеркало»; стихотвореніе же

[1]) Архивъ князя Воронцова. т. XXXV. стр. 413 и 421.

«Сонъ» осталось не напечатаннымъ и не извѣстнымъ. Написанныя уже съ большею легкостью въ слогѣ, съ примѣсью удачно схваченной простой разговорной рѣчи, басни скоро облетѣли военные кружки и дошли до свѣдѣнія высшаго начальства. Въ наказаніе за выраженныя въ басняхъ вольныя мысли Давыдовъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію, въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ.

Сатирическое направленіе, впервые проявившееся у Давыдова въ этихъ басняхъ, сохранилось и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Такъ, въ 1808 году въ «Вѣстникѣ Европы» было напечатано его стихотвореніе «Договоры», вольный переводъ пьесы Виже «Mes Conventions». Чрезъ тридцать почти лѣтъ этотъ переводъ, съ весьма незначительными поправками, снова появился въ «Библіотекѣ для чтенія» съ слѣдующею замѣткой автора: «Стихотвореніе это, напечатанное 1808 года въ «Вѣстникѣ Европы», принято было за элегію, тогда какъ оно, подъ личиной элегіи, есть сатира на старыхъ холостяковъ, заключающихъ брачные союзы съ молодыми и свѣтскими дѣвушками» [1]). Впрочемъ, сатирою въ точномъ смыслѣ эта пьеса не можетъ быть названа: авторъ мѣшаетъ въ ней сатирическое направленіе съ сентиментальнымъ, платя дань своему вѣку. Болѣе рѣзко выразилось сатирическое направленіе Давыдова въ его эпиграммахъ, которыя помѣщались въ различныхъ журналахъ и сборникахъ. Первая эпиграмма въ печати появилась, на сколько намъ извѣстно, въ 1811 году. Несомнѣнно, что Давыдовъ написалъ гораздо больше эпиграммъ, чѣмъ ихъ дошло до насъ. Галаховъ, разбирая эту сторону поэзіи Давыдова, характеризуетъ ее слѣдующими словами: «Всѣ піесы его въ этомъ родѣ запечатлѣны особеннымъ характеромъ, какою-то бойкостью, живостью и рѣзвостью краткой рѣчи, мѣткостью насмѣшки, ничѣмъ не подслащенной. Сатирическіе пріемы его не разводятся даже въ аттической соли, а даются пополамъ съ перцемъ, или посылаются, какъ ружейные выстрѣлы, съ порохомъ и дробью: они жгутъ и бьютъ. Отъ нихъ глупость краснѣетъ. Эпиграммы его имѣютъ по тону своему сходство съ эпиграммами Пушкина, который, также какъ и Давыдовъ, оставлялъ въ сторонѣ деликатность тамъ, гдѣ надобно было поразить глупость или подлость» [2]).

---

[1]) Библіотека для чтенія 1837 г., т.. XXIII, стр. 148.
[2]) Отечественныя Записки 1849 г., т. LXII, отд. V, стр. 52.

«Современная пѣсня», сочиненная авторомъ уже на закатѣ его дней, представляетъ высшій образецъ сатирическаго таланта Давыдова. Написанная съ замѣчательно злою ироніей, съ Грибоѣдовскою мѣткостью въ выраженіяхъ, эта сатира была направлена на тѣ слои современнаго Давыдову общества, въ которыхъ бродило недовольство существовавшимъ порядкомъ вещей. Этотъ «духъ общегражданства, разливаемаго нашими школьниками-Ликургами съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ», былъ подмѣченъ авторомъ еще въ 1835 году, въ письмѣ его къ Пушкину. Сатира имѣла громадный успѣхъ. «Стоило только», говоритъ современникъ появленія ея Галаховъ,—«произнести:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ...

какъ слушатели подхватывали продолженіе и дочитывали пьесу до конца при единодушномъ смѣхѣ». А вотъ что̀ сказалъ про злой стихъ Давыдова другой современникъ, графъ Ѳ. И. Толстой:

Ужасенъ мечъ его отечества врагамъ,
Ужаснѣе перо надменнымъ дуракамъ.

Теперь перейдемъ къ обзору произведеній нашего поэта въ дру̀гомъ родѣ. А. Ѳ. Воейковъ въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ» записалъ: «Д. В. Давыдовъ, дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона при перепискѣ Вакха съ Венерой». Пѣсни Давыдова, сложенныя въ честь Вакха и Эрота, составляютъ особую группу его стихотвореній, въ которыхъ въ живыхъ картинахъ проходитъ передъ нами бытъ стараго гусарства. «Образецъ русскихъ гусаровъ, первый русскій партизанъ въ Отечественную войну, поэтъ-воинъ Денисъ Давыдовъ списалъ съ натуры кавалерійскую жизнь своего времени:

Я люблю кровавый бой... и т. д.

«Такъ въ самомъ дѣлѣ, думали девять десятыхъ офицеровъ легкой кавалеріи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія» [1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ этому замѣчанію, которое находимъ въ Воспоминаніяхъ Ѳаддея Булгарина (ч. II, стр. 133), онъ приводитъ отрывокъ изъ одного не напечатаннаго стихотворенія Давыдова, сохранившагося лишь въ памяти старыхъ воиновъ»:

Гусары, братцы, удальцы,
Рубаки,—чортъ мою взялъ душу!
Я съ вами, братцы, молодцы,
Я съ вами чорта не потрушу!

Вино, любовныя интриги, буйный разгулъ, удалая жизнь—вотъ что̀ составляетъ содержаніе этихъ стихотвореній Давыдова. Поэтому въ кружкѣ молодыхъ московскихъ литераторовъ еще до 1812 года Давыдова прозвали «Анакреономъ подъ доломаномъ». Въ пѣсняхъ его сказалась вся ширина русской натуры, олицетвореніемъ которой онъ былъ:

Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки,

восклицаетъ онъ. Пѣсни выливаются у него прямо изъ кипящей души, онѣ дышатъ неподдѣльною откровенностью, онѣ—плодъ его разгульнаго вдохновенія. Такими именно чертами характеризуетъ стихъ Давыдова въ одномъ изъ своихъ посланій къ нашему поэту Языковъ, талантъ котораго имѣетъ много общаго съ талантомъ Давыдова:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій
И воинственно-летучій
И разгульно-удалой [1]).

Правда, стихи въ этихъ произведеніяхъ Давыдова не всегда гладки и звучны,—но какъ ему было заниматься ихъ отдѣлкою, если «онъ писалъ ихъ во время дежурствъ, въ казармахъ, госпиталѣ и даже въ эскадронной конюшнѣ»? А между тѣмъ кто, напримѣръ, не знаетъ по стихамъ Давыдова—прославленнаго въ нихъ типическаго стариннаго гусара Бурцова? Самъ Давыдовъ прекрасно охарактеризовалъ свое отношеніе къ поэтическому творчеству, сказавъ:

Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ.

Дѣйствительно, Давыдовъ никогда не отдавался поэтическому творчеству вполнѣ, писалъ по порывамъ вдохновенія и не способенъ былъ къ строгому литературному труду. И, не смотря на то, его импровизаціямъ нельзя отказать нерѣдко въ красотѣ формы, въ мѣткости выраженія и слѣдуетъ признать за ними полную искренность чувства. Пушкинъ какъ увидимъ далѣе, придавалъ большую цѣну поэтическимъ опытамъ Давыдова.

Лишь только дайте мнѣ стаканъ,
Позвольте выпить по порядку,
Тогда, лоханка—океанъ!
Француза по щекѣ, какъ..... и проч.

[1]) Стихотворенія Н. М. Языкова. С.-Пб. 1858, ч. II, стр. 58.

Не всегда въ своихъ произведеніяхъ Давыдовъ былъ самостоятеленъ. Онъ любилъ переводить современныхъ ему французскихъ стихотворцевъ Арно, Виже, Делиля, Понсъ-де-Вердена, подражалъ Вольтеру, Горацію, Тибуллу—послѣднимъ двумъ, разумѣется, чрезъ французскіе переводы. По воспоминаніямъ князя П. А. Вяземскаго, Давыдовъ «сохранялъ до самой кончины изумительную молодость сердца и нрава» [1]); въ такія минуты сердечныхъ тревогъ онъ любилъ обращаться къ Парни; Давыдова, какъ и Батюшкова, привлекали въ немъ простота и горячность чувства. Бо̀льшая часть элегій, написанныхъ Давыдовымъ въ молодости, суть или переводы прославленныхъ элегій Парни, или подражанія имъ. Впрочемъ, недостатокъ самостоятельности нельзя ставить въ особый упрекъ Давыдову: въ его время это было общее явленіе нашей литературы. Болѣе самостоятеленъ Давыдовъ въ своихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ, навѣянныхъ, съ одной стороны, чувствами нѣжной страсти къ Е. Д. Золотаревой, а съ другой—впечатлѣніями природы. Къ этому періоду относятся всѣ лучшія его поэтическія произведенія. Въ эту пору и стиль его стихотвореній становится уже болѣе изящнымъ, болѣе обдѣланнымъ. Давыдовъ, какъ стихотворецъ, поддался вліянію младшихъ своихъ современниковъ-поэтовъ—Пушкина, Баратынскаго, и это послужило ему въ пользу. Какъ видно изъ переписки его съ Языковымъ, онъ сталъ относиться къ обработкѣ своихъ произведеній съ большею тщательностью и отправлялъ свои стихи на просмотръ друзьямъ—Жуковскому, Баратынскому, Вяземскому, Пушкину; въ одномъ изъ писемъ къ Баратынскому онъ прямо коритъ его за то, что тотъ не исправилъ его піесъ.

Что касается прозы Давыдова, бо̀льшая часть ея носитъ характеръ личныхъ военныхъ воспоминаній и была написана имъ въ послѣдніе годы жизни. Ранѣе имъ были напечатаны: «Выписки изъ дневника 1812 года» (Отеч. Записки за 1820 и 1822 гг.), первый его прозаическій опытъ, и затѣмъ «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій», вышедшій въ 1821 году, а въ слѣдующемъ уже перепечатанный вторымъ изданіемъ, не смотря на свой спеціально-военный характеръ. Пушкинъ привѣтствовалъ появленіе «Опыта» слѣдующими стихами:

Недавно я въ часы свободы
Уставъ наѣздника читалъ
И даже ясно понималъ

[1]) Русскій Архивъ 1866 г., ст. 899.

Его искусные доводы;.
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога.

Въ 1825 году Давыдовъ напечаталъ «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона», а въ 1832 году—«Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго».

Какъ военный писатель и дѣятельный участникъ во всѣхъ почти войнахъ Александровскаго времени, Давыдовъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, и его военныя воспоминанія считаются въ числѣ цѣнныхъ источниковъ для исторіи войнъ той эпохи. Не всѣ, впрочемъ, одинаково цѣнили и цѣнятъ военныя заслуги Давыдова. Раздавались и такіе голоса, которые умаляли ихъ значеніе. Дениса Васильевича называли даже трусомъ, какъ видно, напримѣръ, изъ его эпиграммы на князя Шаликова. Въ письмѣ А. А. Бестужева къ К. А. Полевому, отъ 15-го марта 1832 года, читаются такія строки: «Дениса Давыдова судите по его словамъ; но, между нами будь сказано, онъ болѣе выписалъ, чѣмъ вырубилъ себѣ славу храбреца. Въ 1812 году быть партизаномъ значило быть наименѣе въ опасности, нападая ночью на усталыхъ или врасплохъ. Притомъ французы безъ пушекъ и внѣ строя — не страшные ратники... Я не отнимаю впрочемъ ни славы, ни пользы у Давыдова: онъ очень хорошо постигъ свое ремесло... Я очень люблю его, но онъ принадлежитъ исторіи, а исторія есть нагая истина» [1]). Рядомъ съ такимъ отзывомъ мы имѣемъ однако отзывъ А. А. Писарева, который въ своихъ «Военныхъ письмахъ» говоритъ: «Полковникъ Давыдовъ живьмя живалъ среди непріятелей и, какъ нѣкій чародѣй, въ одно и то же время и на берегу рѣки Угры, и на рѣкѣ Гжатѣ, и на рѣкѣ Вязьмѣ купалъ и топилъ загрязнившихся французовъ!» [2])

Пріятель Давыдова А. И. Михайловскій-Данилевскій отзывается о немъ такъ: «Жаль, что Давыдовъ, снѣдаемый челолюбіемъ, не доволенъ титломъ храбраго офицера и геніальнаго поэта и слишкомъ много и часто въ прозѣ и стихахъ говоритъ о себѣ и подвигахъ своихъ и печатаетъ въ разныхъ видахъ свою біографію. Онъ обижается также, что публика мало обращаетъ вниманія на дѣйствія партизановъ въ войнѣ 1812 года, и безпрестанно твердитъ о партизанскихъ своихъ похожденіяхъ» [3]).

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1861 г., № 3, стр. 323.
[2]) Военныя письма, ч. I, стр. 93.
[3]) Историческій Вѣстникъ 1892 г., т. XLIX, стр. 301.

Наиболѣе рѣзкую характеристику какъ самой личности, такъ и «Дневника партизанскихъ дѣйствій» Давыдова, далъ графъ П. Д. Киселевъ. Вотъ что̀ отмѣтилъ Киселевъ въ своемъ дневникѣ подъ 17-мъ марта 1864 года: «Записки Давыдова не составляютъ творенія, заслуживающаго большаго вниманія и довѣрія... Онъ былъ поклонникъ всего, что̀ могло льстить нѣкоторымъ, и слѣпо подчинялся бѣглымъ впечатлѣніямъ того круга, въ которомъ проводилъ время. Изъ боязни пьянаго Бурцова онъ его восхвалялъ прозою и стихами; Ермолова ставилъ выше всѣхъ, а Барклая унижалъ потому только, что онъ былъ нѣмецъ. Таковъ былъ у французовъ Beranger; таковыхъ много повсюду,—но это не историки, и вѣрить имъ должно съ крайнимъ разборомъ. Разговоры Ермолова съ императоромъ Александромъ I суть вымыслы, не соотвѣтствующіе уклончивому характеру Ермолова, который, въ свою очередь, имѣлъ между нашими генералами свое особенное достоинство и значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ выше всего отголосокъ крикуновъ безразсудныхъ. Въ военномъ совѣтѣ при Воробьевыхъ горахъ онъ провозгласилъ мнѣніе о защитѣ Москвы, зная, что при разстройствѣ нашей арміи это было не возможно и могло довершить уничтоженіе конченое этой арміи, послѣдняго оплота, который оставался для Россіи. Барклай удержалъ свое мнѣніе твердо и честно, съ подпорою Кутузова-Смоленскаго, который отступилъ для дальнѣйшаго продолженія войны и спасенія отечества. Я былъ тогда весьма молодъ, но помню восклицанія, которыя произносились синклитомъ записныхъ поклонниковъ Ермолова. Въ главной квартирѣ польская партія—Станиславъ Потоцкій, Ожаровскій, Влодекъ и другіе выпускали сатирическіе куплеты противъ Барклая, которые перелагались на русскій языкъ и разносились Давыдовымъ и его братьями. Предъ Бородинскимъ сраженіемъ онъ выпросилъ у Ермолова нѣсколько сотенъ казаковъ и взводъ гусаровъ, чтобы дѣйствовать въ тылу непріятельской арміи, и въ семъ случаѣ оказалъ услугу не столько личными подвигами, какъ мыслію, которая породила систему партизановъ и вывела на свѣтъ Сеславина, Фигнера и другихъ, которые, каждый въ своемъ объемѣ, оказывали важныя услуги арміи и заслуживаютъ подражанія въ будущемъ, въ особенности если мы сумѣемъ сохранить драгоцѣнное для русской арміи казачье войско» [1]).

---

[1]) *А. П. Заблоцкій-Десятовскій.* Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Пб. 1882, т. III, стр. 362.

Нельзя не согласиться съ нѣкоторыми частями этихъ характеристикъ. Такъ, напримѣръ, Давыдову несомнѣнно присуща была нѣкоторая доля самомнѣнія, которое и заставляло его такъ сильно выдвигать свою роль въ ходѣ военныхъ дѣйствій, а особливо въ партизанской войнѣ. Весьма характеристично въ этомъ отношеніи письмо нашего автора къ Языкову отъ 11-го сентября 1835 года. Но, съ другой стороны, едва ли Киселевъ справедливъ относительно Давыдова, когда изображаетъ его отношенія къ Барклаю. Характеристика послѣдняго, сдѣланная Давыдовымъ въ «Матеріалахъ», идетъ въ полный разрѣзъ съ тономъ разсказа графа Киселева. Но, говоря вообще съ точки зрѣнія исторической достовѣрности, матеріалъ, представляемый записками Давыдова, не всегда выдерживаетъ строгую критику, особенно въ оцѣнкѣ дѣятелей. У Давыдова были свои симпатіи, отъ которыхъ онъ никогда не могъ отказаться; таковыми слѣдуетъ признать Суворова, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, Багратіона, «благодѣтеля» Давыдова, и А. П. Ермолова, приходившагося, между прочимъ, нашему поэту двоюроднымъ братомъ [1]). Тайныя козни Дибича противъ послѣдняго, его участіе въ отставкѣ Ермолова до нѣкоторой степени объясняютъ намъ причины той сильной вражды Давыдова къ Дибичу, которая сквозитъ въ каждой почти страницѣ «Записокъ о польскомъ возстаніи 1831 года», и особенно въ сдѣланной тамъ характеристикѣ Дибича. Назначеніе Дибича главнокомандующимъ въ Польшу вызываетъ со стороны Давыдова рѣзкую эпиграмму. Въ литературѣ были уже сдѣланы замѣчанія на пристрастіе и невѣрности въ запискахъ Давыдова о польскомъ возстаніи [2]); со своей стороны мы желаемъ указать лишь на тотъ фактъ, что въ запискахъ Давыдова, какъ въ большей части всякихъ мемуаровъ, историческія лица и событія получали оцѣнку не съ объективной точки зрѣнія, а такъ, какъ ихъ понималъ и судилъ самъ авторъ очевидецъ.

Любопытно взглянуть на прозаическія сочиненія Давыдова какъ на литературный памятникъ своего времени. Съ этой точки зрѣнія особенный интересъ пріобрѣтаетъ голосъ князя П. А. Вяземскаго, который въ заключеніе своей критики на «Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ

[1]) Тетка Давыдова, Марія Денисовна, была во второмъ бракѣ за Петромъ Алексѣевичемъ Ермоловымъ, отцомъ Алексѣя Петровича.

[2]) Русская Старина 1884 г., т. XLI, стр. 160.; т. LXXVI, стр. 524—527.

запискахъ Наполеона», говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Какъ въ полевыхъ дѣйствіяхъ Давыдова, такъ и въ самомъ языкѣ, Тугуты военные и литературные найдутъ, вѣроятно, погрѣшности непростительныя, ибо для нихъ успѣхъ ничего не значитъ, когда онъ не выведенъ изъ постановленныхъ правилъ, а вспыхнулъ подъ внезапнымъ вдохновеніемъ. Но для насъ, охотно раздѣляющихъ ненависть Суворова, образъ изложенія мыслей и чувствъ, свойственныхъ автору нашему, носитъ отпечатокъ ума быстраго и свѣтлаго: живость мыслей и чувствъ пробивается сквозь сухость предмета и увлекаетъ читателя; ему недосугъ справиться, наслаждается ли онъ въ силу такого-то риторическаго узаконенія, и не достанется ли ему вмѣстѣ съ авторомъ отъ журналиста, разбирающаго книгу, какъ школьный учитель разбираетъ черновыя тетради учениковъ и ничего предъ своими глазами не видитъ, кромѣ дѣепричастій, мѣстоименій, кавыкъ и проч., и проч. Многимъ не подъ силу раздробить ядро мысли, и потому съ алчностью острятся они о скорлупу». Единственный упрекъ автору критикъ дѣлаетъ въ злоупотребленіи галлицизмами въ оборотахъ рѣчи. Но и этотъ, впрочемъ, недостатокъ Вяземскій не ставитъ въ особую вину Давыдову, принимая во вниманіе, что «языкъ политическій, языкъ военный, языкъ мысли вообще мало и немногими у насъ обработаны» [1]). Упрекъ относительно галлицизмовъ былъ сдѣланъ Давыдову и въ «Дамскомъ Журналѣ», гдѣ напечатано было слѣдующее четверостишіе:

Писатель-партизанъ, защитникъ партизановъ,
Какъ говорится, бьетъ челомъ
Врагу его жъ добромъ
И галлицизмами нещадно хлещетъ галловъ [2]).

Впрочемъ, и самъ Давыдовъ въ письмѣ къ И. В. Салаеву сознается въ этомъ недостаткѣ своей рѣчи. Другимъ ея недостаткомъ можно назвать присутствіе въ ней тяжелыхъ, запутанныхъ оборотовъ.

Давыдовъ печаталъ свою прозу въ «Библіотекѣ для чтенія» Сенковскаго, «Современникѣ» Пушкина и «Сынѣ Отечества» Греча и Булгарина. Первымъ онъ былъ очень недоволенъ за его обычныя редакціонныя поправки, которыя иногда совсѣмъ искажали дѣйствительный смыслъ.

---

[1]) Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 196—197.
[2]) Дамскій Журналъ 1825 г., ч. XI, стр. 19.

Денисъ Васильевичъ не разъ жаловался на такія выходки Сенковскаго въ своихъ письмахъ къ Языковымъ; но особенно сильно его возмутило, когда эти «губительныя поправки» коснулись «любимаго его дѣтища»—«Воспоминанія о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау». Когда Пушкинъ узналъ, что Сенковскій исправляетъ слогъ Давыдова, то онъ писалъ послѣднему: «Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина».

Не оставляла въ покоѣ Давыдова и цензура. Особенно жестоко пострадала статья его «О занятіи Дрездена», напечатанная въ «Современникѣ», о чемъ, между прочимъ, авторъ ея писалъ къ Пушкину: «Не замедли прислать мнѣ чадо мое (то-есть, рукопись), пострадавшее въ битвѣ; дай мнѣ полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные въ неравной борьбѣ, смѣло предпринятой и храбро выдержанной».

Успѣхи Дениса Васильевича въ области отечественной словесности пріобрѣли ему право на принятіе въ члены нѣкоторыхъ литературныхъ обществъ. Такъ, на засѣданіи 20-го мая 1816 года Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ единогласно избрало Давыдова въ отсутствующіе дѣйствительные члены. Въ «Трудахъ» этого общества Денисъ Васильевичъ напечаталъ двѣ свои элегіи, но самъ никогда не бывалъ на его засѣданіяхъ. Другое общество, котораго нашъ поэтъ состоялъ членомъ, было Арзамасъ. Какъ извѣстно, оно носило скорѣе характеръ дружескаго кружка, чѣмъ общества, дѣйствовавшаго на основаніи строгаго устава. Возникъ Арзамасъ на почвѣ литературной борьбы за старый и новый слогъ между приверженцами Шишкова и Карамзина. Тогда какъ лагерь послѣдняго находился въ Арзамасѣ, лагерь перваго—въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Главныя засѣданія Арзамаса происходили въ Петербургѣ. То былъ «горній» Арзамасъ, какъ его называетъ Вигель. Съ избраніемъ въ члены Д. В. Давыдова, въ Москвѣ образовалось отдѣленіе Арзамаса, которое составили князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ и нашъ поэтъ. Сообразно принятому обычаю давать каждому новому члену особое прозвище, Давыдовъ сталъ называться «Армяниномъ». Въ 1816 году Арзамасъ задумалъ выпустить литературный сборникъ, но изданіе это не состоялось. Изъ сохранившейся программы его видно, что въ немъ предполагалось помѣ-

стить двѣнадцать стихотвореній Давыдова [1]). Кромѣ того, уцѣлѣлъ черновой набросокъ рѣчи, которую нашъ авторъ произнесъ въ одномъ изъ засѣданій Арзамаса.

Давыдовъ пользовался извѣстностью и за границей. Это особенно видно изъ его сношеній съ Вальтеромъ Скоттомъ, которому онъ сообщалъ замѣчанія на «Жизнь Наполеона Бонапарте», написанную знаменитымъ романистомъ.

Давыдовъ занимаетъ въ нашей литературѣ оригинальное положеніе. Его современники признавали въ его талантѣ нѣчто самобытное, хотя на нѣкоторыхъ его произведеніяхъ и сказалось вліяніе Батюшкова и Пушкина. Приведемъ по этому поводу разсказъ М. В. Юзефовича о Пушкинѣ: «Однажды на мой вопросъ, какъ удалось ему не поддаться тогдашнему обаянію Жуковскаго или Батюшкова и не попасть даже на школьной скамьѣ въ ихъ подражателей, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я этимъ обязанъ Денису Давыдову. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ». Это понятно. Оригинальность Давыдова могла, дѣйствительно, поразить геніальнаго юношу: она такъ исключительно своеобразна, что не оставляла даже возможности подражать ему. У него одного не было ни поддѣльщиковъ, ни подражателей» [2]). Пушкинъ говаривалъ, что «въ молодости онъ старался подражать Д. Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда» [3]).

Въ 1834 году Бѣлинскій въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ» сблизилъ поэзію Давыдова съ поэзіей Языкова въ слѣдующей характеристикѣ: «Какъ тотъ, такъ и другой, нерѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильные, громкіе и торжественные; нерѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живого и пламеннаго. Ихъ односторонность въ нихъ есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта» [4]). Жуковскій охарактеризовалъ военную и поэтическую дѣятельность Давыдова въ слѣдующихъ стихахъ:

Давыдовъ, пламенный боецъ:
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!

---

[1]) Бумаги В. А. Жуковскаго. С.-Пб., 1887, стр. 158.
[2]) Русскій Архивъ 1874 г., ст. 732.
[3]) Бумаги А. С. Пушкина, изд. *П. И. Бартеневымъ*, вып. II, стр. 61.
[4]) Сочиненія Бѣлинскаго. М., 1881, т. I, стр. 82.

Сочиненія Д. В. Давыдова выдержали до сихъ поръ пять изданій. Первое изъ нихъ, появившееся при жизни автора въ 1832 году, заключаетъ въ себѣ его стихотворенія и автобіографію. Въ трехъ послѣдующихъ изданіяхъ, 1840, 1848 и 1860 годовъ, помѣщены какъ стихи, такъ и проза; кромѣ того, въ изданіи 1860 года, самомъ полномъ, помѣщена и часть переписки Давыдова. Пятое изданіе, 1889 года, составившее одинъ изъ томиковъ «Дешевой библіотеки» А. С. Суворина, содержитъ въ себѣ только собраніе стихотвореній Давыдова.

Въ основаніе настоящаго шестого изданія, положено изданіе 1860 года, которое было сдѣлано сыновьями автора, В. Д. и Д. Д. Давыдовыми, съ рукописей, значительно исправленныхъ ихъ отцомъ незадолго до кончины. Въ настоящее изданіе внесены: всѣ когда-либо появившіяся въ печати стихотворенія Давыдова, въ томъ числѣ двѣнадцать піесъ, не включавшихся ни въ одно изъ прежнихъ изданій [1]; всѣ его прозаическія статьи, кромѣ чисто спеціальнаго по содержанію «Опыта теоріи партизанскихъ дѣйствій», и всѣ его письма, имѣющія литературный интересъ [2]).

Текстъ автобіографіи напечатанъ въ наиболѣе обширной ея редакціи, помѣщенной въ изданіи 1832 года, съ небольшими дополненіями изъ изданія 1860 года и изъ «Русскаго Архива» 1889 года, гдѣ впрочемъ было сообщено только начало автобіографіи по списку, принадлежавшему графу П. П. Сухтелену. Въ предисловіи къ изданію 1840 года было напечатано письмо Д. В. Давыдова, въ которомъ онъ отрекается отъ сочиненія своей автобіографіи и приписываетъ ея составленіе своему старинному пріятелю О. Д. Ольшевскому; но за то, что Давыдовъ дѣйствительно самъ написалъ очеркъ своей жизни, говорятъ, во-первыхъ, слогъ статьи, и во-вторыхъ, показанія сыновей въ изданіи 1860 года (т. III, стр. 104 и 123) и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ съ указаніемъ, по возможности, при каждомъ изъ

---

[1]) Эти піесы напечатаны подъ №№ I, II, VIII, XVII, XXI, XXII, XXIV, XLVII, LIII, LXXI, LXXIV и LXXXII.

[2]) Такимъ образомъ, не помѣщены всѣ письма и донесенія Давыдова, носящія чисто военный характеръ; значительная часть писемъ такого рода была писана Денисомъ Васильевичемъ къ А. А. Закревскому и напечатана въ томѣ 73-мъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

нихъ, какъ времени сочиненія, такъ и времени перваго ихъ появленія въ печати. Отдѣлъ прозы состоитъ изъ двухъ группъ: въ первую вошли статьи, носящія характеръ личныхъ воспоминаній, а во вторую — статьи историко-полемическія; затѣмъ въ концѣ изданія помѣщены письма Дениса Васильевича и его рѣчь въ литературномъ обществѣ Арзамасъ. Статьи расположены въ порядкѣ слѣдованія самыхъ описываемыхъ событій, съ указаніемъ при каждой изъ нихъ времени перваго появленія въ печати.

Александръ Круглый.

АВТОБІОГРАФІЯ

Д. В. ДАВЫДОВА.

АВТОБІОГРАФІЯ
ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ 1784 года іюля 16-го дня, въ годъ смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сіе тѣмъ примѣчательно, что оба сіи Денисы обратили на себя вниманіе земляковъ своихъ Богъ знаетъ за какія услуги на словесномъ поприщѣ.

Давыдовъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и проч. Страсть эта получила высшее направленіе въ 1793 году отъ нечаяннаго вниманія къ нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотрѣ Полтавскаго легко-коннаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословивъ его, сказалъ: „Ты выиграешь три сраженія!“ Маленькій повѣса бросилъ Псалтырь, замахалъ саблею, выколюлъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка. Розга обратила его къ миру и къ ученію. Но какъ тогда учили! Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствій, а не для пользы общества: учили лепетать по французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился и Давыдовъ до тринадцатилѣтняго возраста. Тутъ пора было подумать и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ—и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе.

Между порфшами и брызгами, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ университетскомъ пансіонѣ. Они доставили ему случай прочитать „Аониды“, полупеpіодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ своихъ, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣсенками, помѣщонными въ „Аонидахъ“, воспламенили его честолюбіе. Онъ сталъ писать; мысли толпились, но какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Въ порывахъ нетерпѣнія своего онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья, но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ, и вотъ первый опытъ его стихотворенія:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О, милая овечка! Когда я думала, что ты меня
«Завсегда будешь любить,
«Увы, по моему сердцу судя,
«Я не думала, что другу можно измѣнить!»

Въ началѣ 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову въ руки 400 рублей ассигнаціями и отправили его въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ кавалергардскій полкъ безъ затрудненія. Наконецъ, привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и треугольною шляпою.

Таковымъ чудовищемъ спѣшилъ онъ къ двоюродному брату своему А. М. Каховскому, чтобы порадовать его своею радостью; но увы, какой пріемъ! Вмѣсто поздравленій, вмѣсто взаимныхъ съ нимъ восторговъ этотъ отличный человѣкъ осыпалъ его язвительными насмѣшками и упреками за вступленіе на службу неучемъ. „Что за солдатъ, братъ Денисъ“, заключилъ онъ поразительный монологъ свой,—„что за солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ! А какъ

тебѣ снести званіе это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штабъ-офицеру?" Самолюбіе Давыдова было скорбно тронуто, и съ того времени, гонимый словами Каховскаго, подобно грозному призраку, онъ не только обратился къ военнымъ книгамъ, но пристрастился къ нимъ такъ, что не имѣлъ уже нужды въ пугалищахъ, чтобъ заниматься чтеніемъ.

Между тѣмъ онъ не оставлялъ и бесѣды съ музами: онъ призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ въ казармы, въ госпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Онъ часто на нарахъ солдатскихъ, на столикѣ больнаго, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ ограниченное словесное поприще свое.

Въ 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ее ударами, принудили повѣсу нашего выйти въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи, въ окрестностяхъ Звенигородки. Молодой гусарскій ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду. Въ это бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, потому что была полька, и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ Бурцову [1]), который читать не могъ отъ того, что самъ „писалъ мыслете".

Въ 1806 году, бывъ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ поручикомъ, Давыдовъ явился въ Петербургъ. Вскорѣ загорѣлась война съ французами, и знаменитый князь Багратіонъ избралъ его въ свои адъютанты. Давыдовъ поскакалъ въ армію, прискакалъ въ авангардъ, бросился въ сѣчу, едва не попался въ плѣнъ, но былъ спасенъ казаками. По заключеніи мира Давыдовъ возвратился въ Россію и написалъ „Договоры", „Мудрость" и нѣсколько другихъ стихотвореній.

Зимою 1808 года объявлена война Швеціи. Давыдовъ является въ армію, ждетъ обѣщаннаго приступа Свеаборгу, но, узнавъ о начатіи переговоровъ для сдачи этой крѣпости,

---

[1]) Этотъ Бурцовъ служилъ въ одномъ полку съ Давыдовымъ и умеръ въ 1813 году.

онъ спѣшитъ къ Кульневу на сѣверъ; слѣдуя съ нимъ до окрестностей Улеаборга, онъ занимаетъ съ командою казаковъ островъ Карлое и, возвратясь къ авангарду, отступаетъ по льду Ботническаго залива, до селенія Пигаіоковъ, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селеніи Химанго, въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, онъ перевелъ Делилеву басню: „La Rose et l'Etourneau".

Въ теченіе этой кампаніи Давыдовъ неотлучно находился при авангардѣ Кульнева въ сѣверной Финляндіи; сопутствуя ему во время завоеванія Аландскихъ острововъ, онъ съ нимъ разставлялъ пикеты, наблюдалъ за непріятелемъ, раздѣлялъ суровую его пищу и спалъ на соломѣ подъ крышею неба.

Въ теченіе лѣта 1809 года князь Багратіонъ поступаетъ на степень главнокомандующаго Задунайскою арміею; Давыдовъ находится при семъ блистательномъ полководцѣ во всѣхъ сраженіяхъ того года.

1810 года обстоятельства отрываютъ князя Багратіона отъ арміи; графъ Каменскій заступаетъ его мѣсто, и Давыдова снова приписываютъ къ авангарду Кульнева. Въ поучительной школѣ этого неусыпнаго и отважнаго воина онъ кончаетъ курсъ аванпостной службы, начатой въ Финляндіи, и познаетъ цѣну спартанской жизни, необходимой для всякаго, кто рѣшился нести службу, а не играть со службою. Возвратясь послѣ рущукскаго приступа къ генералу своему, получившему тогда главное начальство надъ 2-ю западною арміею, Давыдовъ находился при немъ въ Житомирѣ и Луцкѣ безъ дѣйствія, если исключимъ курьерскія поѣздки и бесѣды его съ соименнымъ ему покорителемъ Индіи (Вахусомъ или Вакхомъ, иначе Діонисіемъ).

Начинается Отечественная война. Давыдовъ поступаетъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ, командуетъ 1-мъ баталіономъ онаго до Бородина [1]); подавъ первый мысль о выгодѣ партизанскаго дѣйствія, онъ отправляется съ партіею

---

[1]) Тогда гусарскіе полки состояли изъ двухъ баталіоновъ; каждый баталіонъ заключалъ въ себѣ 5 эскадроновъ въ мирное и 4 эскадрона въ военное время.

гусаръ и казаковъ (130-ю всадниками) въ тылъ непріятеля, въ средину его обозовъ, командъ и резервовъ; онъ дѣйствуетъ противъ нихъ сряду десять сутокъ и, усиленный шестью стами новыхъ казаковъ, сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и подъ стѣнами Вязьмы. Онъ раздѣляетъ славу съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ подъ Ляховымъ, разбиваетъ трехтысячное кавалерійское депо подъ Копысомъ, разсѣеваетъ непріятеля подъ Бѣлыничами и продолжаетъ веселые и залетные свои поиски до береговъ Нѣмана. Подъ Гродномъ онъ нападаетъ на четырехтысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ венгерцевъ: Давыдовъ—въ душѣ гусаръ и любитель природнаго ихъ напитка; за стукомъ сабель застучали стаканы, и городъ—нашъ!

Тутъ фортуна обращается къ нему задомъ. Давыдовъ поступаетъ подъ начальство генерала Винценгероде. Онъ съ нимъ идетъ чрезъ Польшу, Силезію и вступаетъ въ Саксонію. Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину города Дрездена, защищаемаго корпусомъ Дюрюта, но за таковую дерзость онъ былъ лишенъ команды и сосланъ въ главную квартиру.

Справедливость царя-покровителя была щитомъ безпокровнаго. Давыдовъ снова является на похищенное у него поприще, на коемъ продолжаетъ дѣйствовать до береговъ Рейна.

Во Франціи онъ командуетъ въ арміи Блюхера Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ Краонскаго сраженія, въ коемъ всѣ генералы 2-ой гусарской дивизіи (что нынѣ 3-ья) были убиты или ранены, онъ управляетъ двое сутокъ всею дивизіею, а потомъ бригадою, составленною изъ гусарскихъ полковъ—того же Ахтырскаго и Бѣлорусскаго, съ которыми онъ проходитъ чрезъ Парижъ. За отличіе въ сраженіи подъ Бріеномъ (Ларотьеръ) онъ производится въ генералъ-маіоры.

1814 года Давыдовъ возвращается изъ Парижа въ Москву, гдѣ предается исключительно поэзіи и сочиняетъ нѣсколько элегій.

Во время мира онъ занимаетъ мѣсто начальника штаба пѣхотныхъ корпусовъ: въ началѣ 7-го, а потомъ 3-го. Въ 1819 году онъ вступаетъ въ бракъ, а въ 1821 году бра-

куетъ себя изъ списковъ фронтовыхъ генераловъ и поступаетъ въ списокъ генераловъ, состоящихъ по кавалеріи. Въ началѣ 1823 года онъ выходитъ въ чистую отставку.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Давыдовъ снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персіяне вторгаются въ Грузію. Государь императоръ удостоиваетъ его избраніемъ въ дѣйствующія лица на ту единственную пограничную черту Россіи, которая не звучала еще подъ копытами коня Давыдова. Онъ вырывается изъ объятій милаго ему семейства и спѣшитъ изъ Москвы въ Грузію: въ десять дней Давыдовъ за Кавказомъ. Еще нѣсколько дней, и онъ съ отрядомъ своимъ за Безобдаломъ, въ погонѣ за непріятелемъ, отступающимъ отъ него по Бамбакской долинѣ. Наконецъ, еще одни сутки, и онъ близъ заоблачнаго Алагёза поражаетъ четырехтысячный отрядъ извѣстнаго Гассанъ-хана, принудивъ его бѣжать къ Эриванской крѣпости, куда спѣшитъ и самъ сардарь эриванскій съ войсками своими отъ озера Гохчи. Тутъ открывается глазамъ Давыдова Араратъ въ полномъ блескѣ, въ своей снѣговой одеждѣ, съ своимъ голубымъ небомъ и со всѣми воспоминаніями о колыбели рода человѣческаго.

Послѣ этой экспедиціи Давыдовъ занимается строеніемъ крѣпостцы Джелалъ-оглу, которую довершаетъ около декабря мѣсяца. Зимою, во время бездѣйствія, онъ получаетъ отъ генерала Ермолова отпускъ въ Москву на шесть недѣль, но едва успѣваетъ онъ обнять свое семейство, какъ снова долгъ службы влечетъ его за кавказскіе предѣлы. Но эта поѣздка не приноситъ ему успѣха прошлогодняго: на этотъ разъ перемѣна климата не благопріятствуетъ Давыдову, и недугъ принуждаетъ его удалиться къ кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ, тщетно ожидая себѣ облегченія, онъ находится вынужденнымъ уже безвозвратно отбыть въ Россію.

До 1831 года онъ замѣняетъ привычныя ему боевыя упражненія занятіями хозяйственными, живетъ въ своей приволжской деревнѣ, вдали отъ шума обѣихъ столицъ, и пользуется всѣми наслажденіями мирной, уединенной и семейной

жизни. Тамъ сочиняетъ онъ: „Бородинское поле“, „Душеньку“, „Посланіе Зайцевскому“ и проч.

Тяжкій для Россіи 1831 годъ вызываетъ снова Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое отъ заразы общемірнаго гражданства, не забилось сильнѣе при первомъ извѣстіи о возстаніи Польши? Низкопоклонная, невѣжественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими надъ ея мыслями и дѣлами, осмѣливается требовать у Россіи того, что самъ Наполеонъ, предводительствовавшій всѣми силами Европы, совѣстился явно требовать, силился исторгнуть и—не могъ. Онъ скачетъ въ Польшу и находится уже 12-го марта въ главной квартирѣ арміи, въ мѣстечкѣ Шеницѣ, а 22-го въ Красноставѣ, гдѣ кочуетъ порученный ему отрядъ войскъ, состоящій изъ полковъ: трехъ казачьихъ и Финляндскаго драгунскаго. 6-го апрѣля онъ беретъ приступомъ городъ Владиміръ-на-Волыни и низлагаетъ въ немъ одно изъ главныхъ ополченій мятежниковъ Волынской губерніи. 29-го апрѣля онъ, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ графомъ Толстымъ, загоняетъ корпусъ Хржановскаго подъ пушки крѣпости Замостья. 7-го іюня, командуя авангардомъ корпуса генерала Ридигера въ сраженіи подъ Лисобиками, Давыдовъ принимаетъ на щитъ свой всѣ удары главныхъ силъ непріятеля и не уступаетъ ему ни шагу. Бой длится болѣе трехъ часовъ. Генералъ Ридигеръ, пользуясь стойкостью пѣхоты Давыдова, обходитъ сражающихся, ударяетъ въ тылъ непріятеля и симъ искуснымъ и отважнымъ движеніемъ обращаетъ побѣду на свою сторону. За этотъ бой Давыдовъ производится въ генералъ-лейтенанты. Въ теченіе августа Давыдовъ, продолжая командовать то различными отрядами, то всею кавалеріею корпуса генерала Ридигера, дѣйствуетъ за Вислою между Варшавою и Краковомъ. Наконецъ, командуя въ предмостномъ укрѣпленіи на Вислѣ при мѣстечкѣ Казимиржѣ, онъ отбиваетъ учиненное на него всѣмъ корпусомъ Ружицкаго нападеніе, предпринятое 28-го августа, и по совершенномъ низложеніи мятежа русскою арміею возвращается въ Москву, на свою родину, къ своему семейству.

Давыдовъ не много писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ по обстоятельствамъ изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, какъ карманные часы, можетъ пуститься въ обращеніе, миновавъ строгость казенныхъ осмотрщиковъ. Запрещенный товаръ какъ запрещенный плодъ: цѣна его удвоивается отъ запрещенія. Сколько столовыхъ часовъ подъ свинцовыми печатями стоятъ въ лавкѣ; на вопросъ: долго ли имъ стоять? отвѣчаютъ они: „вѣчность!"

Общество любителей россійской словесности, учрежденное при Московскомъ университетѣ, удостоило Давыдова выборомъ въ дѣйствительные члены, и онъ примкнулъ къ нему въ числѣ малодѣйствующихъ. Однако, сочиненіе его: „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія" и издаваемыя нынѣ „Стихотворенія" даютъ ему право на адресъ-календарь Глазунова и на уголокъ въ Публичной Библіотекѣ, въ семъ страннопріимномъ заседеніи, куда стекаются любовники гулливыхъ барышенъ Парнасса. При всемъ томъ, Давыдовъ не искалъ авторскаго имени, и какъ пріобрѣлъ его—самъ того не знаетъ. Большая часть стиховъ его пахнетъ бивуакомъ. Они были писаны на привалахъ, на дневкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ сраженій, между двухъ войнъ; это пробные почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ.

Стихи эти были завербованы въ нѣкоторыя московскія типографіи тѣмъ же средствомъ, какъ нѣкогда вербовали разнаго рода бродягъ въ гусарскіе полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйнаго разгула. Они, подобно Давыдову во всѣхъ минувшихъ войнахъ, появлялись во многихъ журналахъ наѣздниками, поодиночкѣ, наскокомъ, очертя голову; день ихъ былъ вѣкъ ихъ. Сходство между ними идетъ далѣе: въ каждой войнѣ онъ пользовался общимъ одобреніемъ, общею похвалою; въ мирное время о немъ забывали вмѣстѣ съ каждою войною. То же было и съ журналами, заключающими стихи его, и съ его стихами. Кому извѣстна нынѣ служба его во время войнъ въ Пруссіи, въ

Финляндіи, въ Турціи, въ Россіи, въ Германіи, во Франціи, въ Грузіи и въ Польшѣ? Кто нынѣ знаетъ о существованіи какой-нибудь „Мнемозины“, какого-нибудь „Соревнователя просвѣщенія“, „Амфіона“, и другихъ журналовъ, поглощенныхъ вѣчностью вмѣстѣ со стихами Давыдова? Никогда бы не рѣшился онъ на собраніе этой разсѣянной вольницы и на помѣщеніе ея на непремѣнныя квартиры у книгопродавца, если бы добрые люди не доказали ему, что одно и то же—покоиться имъ розно или вмѣстѣ.

Сборъ этотъ стоилъ ему немалаго труда. Нѣкоторыя стихотворенія были исторгнуты имъ изъ покрытыхъ уже прахомъ или изорванныхъ журналовъ, а другія, переходя изъ рукъ въ руки писцовъ, болѣе или менѣе грамотныхъ, измѣнились до того, что едва были узнаны самимъ авторомъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ, которыя, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могутъ теперь показаться на инспекторскій смотръ цензурнаго комитета, и о тѣхъ, кои исключены имъ изъ списка за риѳмы на глаголы, „ибо“, какъ говоритъ онъ, „во многоглаголаніи нѣсть спасенія“.

Какъ бы то ни было, онъ объэскадронилъ все, что̀ могъ изъ своей сволочи, и представляетъ команду эту на судъ читателя, съ ея странною поступью (allure), съ ея обветшалыми ухватками, въ ея одеждѣ старомоднаго покроя, какъ кагульскихъ, какъ очаковскихъ инвалидовъ-героевъ—новому поколѣнію забалканскихъ и варшавскихъ побѣдителей. Будутъ нападки: это въ порядкѣ вещей. Но пусть въ волю располяшется на этотъ подвигъ санктпетербургская и московская милиція критиковъ. Въ лѣта щекотливой юности Давыдова малѣйшее осужденіе глянца сапоговъ, фабры усовъ, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что онъ ко многому уже равнодушенъ, особенно къ стихамъ своимъ, къ коимъ равнодушіе его, относительно ихъ красоты или недостатковъ, не измѣнялось и не измѣнится. И какъ быть иначе? Онъ никогда не принадлежалъ ни къ какому литературному цеху. Правда, онъ былъ поэтомъ, но поэтомъ

не по риемамъ и стопамъ, а по чувству; по мнѣнію нѣкоторыхъ—воображеніемъ, разсказами и разговорами; по мнѣнію другихъ—по залету и отважности его военныхъ дѣйствій. Что касается до упражненія его въ стихотворствѣ, то онъ часто говаривалъ намъ, что это упражненіе или, лучше сказать, порывы онаго утѣшали его, какъ бутылка шампанскаго, какъ наслажденіе, безъ коего онъ могъ обойтись, но которымъ упиваясь, онъ упивался уже съ полнымъ чувствомъ эгоизма и безъ желанія удѣлить кому-нибудь хотя бы малѣйшую каплю своего наслажденія.

Заключимъ. Давыдовъ не нюхаетъ съ важностью табаку, не смыкаетъ бровей въ задумчивости; голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старѣющему уже поколѣнію и лѣтами, и службою, онъ свѣжестью чувствъ, веселостью характера, подвижностью тѣлесною и ратоборствомъ въ послѣднихъ войнахъ собратствуетъ, какъ однолѣтокъ, и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе; но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время занимаетъ непослѣднее мѣсто въ словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всесокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, онъ пѣлъ въ пылу ихъ, какъ на кострѣ тампліеръ Моле, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе — и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною — и онъ уже тутъ, торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ — и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ—въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея. Вотъ Давыдовъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ГОЛОВА и НОГИ.

Уставши бѣгать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гнѣвно
Разговорились съ Головой:
«За что мы у тебя подъ властію такой?
«Днемъ, ночью, осенью, весной,
«Лишь вздумалось тебѣ, изволь бѣжать, таскаться
«Туда, сюда, куда велишь,
«И словомъ, бѣдными Ногами
«Какъ шашками вертишь».
«Молчите дерзкія», имъ Голова сказала,
«Какъ смѣете вы бунтовать,
«Когда природой намъ дано повелѣвать?»
«Все это хорошо, пусть ты бъ повелѣвала,
«По крайней мѣрѣ насъ повсюду не швыряла.
«Да между нами, вѣдь признаться,
«Коль право ты имѣешь управляться,
«То мы имѣемъ право спотыкаться
«И можемъ иногда, споткнувшись—какъ же быть—
«Твое могущество объ камень разшибить».

Смыслъ этой басни всякій знаетъ.
Но должно—тс!—молчать:
Дуракъ лишь все болтаетъ.

1803.
Русская Старина 1872 г., т. V.

II.

РѢКА и ЗЕРКАЛО.

За правду колкую, за истину святую,
За сихъ враговъ царей, деспотъ
Вельможу осудилъ: главу его сѣдую
Велѣлъ снести на эшафотъ.
Но сей успѣлъ добиться
Предъ грознаго царя предстать—
Не съ тѣмъ, чтобъ плакать, иль крушиться,
Но если правды не боится,
То чтобы басню разсказать.
Царь жаждетъ словъ его; философъ не страшится
И твердымъ гласомъ говоритъ:
«Ребенокъ нѣкогда сердился,
«Увидѣвъ въ зеркалѣ свой безобразный видъ;
«Ну въ зеркало стучать, и въ сердцѣ веселится,
«Что можетъ зеркало разбить.
«На утро же, гуляя въ полѣ,
«Свой гнусный видъ въ рѣкѣ увидѣлъ онъ опять.
«Какъ рѣку истребить? Нельзя, и по неволѣ
«Онъ долженъ былъ и стыдъ, и срамъ питать.
«Монархъ, стыдись! Ужели это сходство
«Прилично для тебя?..
«Я—зеркало: разбей меня,
«Рѣка—твое потомство:
«Ты въ ней найдешь еще себя».
Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
Что онъ велѣлъ ему и жизнь, и волю..
Постойте, виноватъ!—велѣлъ... сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

1803.

Русская Старина 1872 г., т. V. Подражаніе баснѣ Лафонтена: «L'homme et son image».

III.

БУРЦОВУ.

ПРИЗВАНІЕ НА ПУНШЪ.

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и... арака
Посѣти домишко мой!
Въ немъ нѣтъ нищихъ у порогу,
Въ немъ нѣтъ зеркалъ, вазъ, картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ.
Онъ гусаръ и не пускаетъ
Мишурою пыль въ глаза;
У него, братъ, замѣняетъ
Всѣ диваны—куль овса.
Нѣтъ курильницъ, можетъ статься,
За то трубка съ табакомъ;
Нѣтъ картинъ, да замѣнятся
Ташкой съ царскимъ вензелёмъ.
Вмѣсто зеркала сіяетъ
Ясной сабли полоса:
Онъ по ней лишь поправляетъ
Два любезные уса;
А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
Бѣломраморныхъ, большихъ
На столѣ стоятъ ужасныхъ
Пять стакановъ пуншевыхъ!
Они полны, увѣряю,
Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.
Пріѣзжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусаръ!

1804.
Изданіе 1832 г.

IV.

БУРЦОВУ.

Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ
У пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.
Собирайся въ круговую,
Православный весь причетъ!
Подавай лохань златую,
Гдѣ веселіе живетъ!
Наливай обширны чаши
Въ шумѣ радостныхъ рѣчей,
Какъ пивали предки наши
Среди копій и мечей.
Бурцовъ, ты—гусаръ гусаровъ,
Ты на ухарскомъ конѣ
Жесточайшій изъ угаровъ
И наѣздникъ на войнѣ;
Стукнемъ чашу съ чашей дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубятъ,
Завтра громы загремятъ.
Выпьемъ же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шагъ уступимъ, поблѣднѣемъ,
Пожалѣемъ нашу грудь
И въ несчастьи оробѣемъ;
Если мы когда дадимъ
Лѣвый бокъ на фланкировкѣ,
Или лошадь осадимъ,
Или миленькой плутовкѣ
Даромъ сердце подаримъ!
Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ,
А въ собраніи героевъ
Остръ, отважен, говорливъ!

Пусть мой усъ, краса природы,
Чернобурый въ завиткахъ,
Изсѣчется въ юны годы
И исчезнетъ яко прахъ!
Пусть фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ за вахтпарады
Иль Георгій за совѣтъ!
Пусть.... Но чу! гулять не время!
Къ конямъ, братъ, и ногу въ стремя,
Саблю вонъ — и въ сѣчу! Вотъ
Пиръ иной намъ Богъ даетъ,
Пиръ задорнѣй, удалѣе,
И шумнѣй, и веселѣе...
Нутка, киверъ на бекрень,
И—ура! Счастливый день!

1804.
Изданіе 1832 г.

V.

ГУСАРСКІЙ ПИРЪ.

Ради Бога трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
Съ закрученными усами,
Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ,
Чтобъ до неба возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ,
Чтобы стѣны отъ ура
И тряслись, и трепетали!..
Лучше бъ въ полѣ закричали...
Но другіе горло драли—
И до насъ придетъ пора!
Бурцовъ, братъ, что за раздолье!
Пуншъ жестокій!.. Хоръ гремитъ!
Бурцовъ, пью твое здоровье:
Будь гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ!

Понтируй, какъ понтируешь,
Фланкируй, какъ фланкируешь;
Въ мирныхъ дняхъ не унывай,
И въ бояхъ качай-валяй!
Жизнь летитъ: не осрамися,
Не проспи ея полетъ.
Пей, люби, да веселися!
Вотъ мой дружескій совѣтъ.

1804.
Изданіе 1832 г

VI.

ХРАБРОМУ ПОВѢСѢ.

Люблю тебя, какъ сабли лоскъ,
Когда, пріосѣнясь фуражкой,
Съ виноточивою баклажкой
Идешь въ бивачный мой кіоскъ;
Когда, летая по рядамъ,
Горишь, какъ свѣчка, въ дымѣ бранномъ;
Когда въ . . . . . . ѣ окаянномъ
Ты лупишь . . . . къ по щекамъ.
Киплю, любуюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую,
Какъ старый хрычъ, цыганъ Илья,
Глядитъ на пляску удалую,
Подъ ладъ плечами шевеля.
О рыцарь, идолъ усачей,
Гордись пороками своими!
Чаруй съ гусарами лихими,
И *очаровывай* . . . . ей!

1804.
Изданіе 1832 г.

VII.

МУДРОСТЬ.

Анакреонтическая ода.

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали,
И просили Мудрость вонъ.
«Дѣтушки, поберегитесь!»
Говорила Мудрость намъ.
«Пить не должно; воздержитесь:
«Этотъ сокъ опасенъ вамъ».
«Бабушка!» сказалъ плутишка,
«Твой совѣтъ закономъ мнѣ.
«Я—послушливый мальчишка,
«Но вотъ капелька тебѣ.
«Выпей!» Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Какъ откажешь! Богъ прекрасной
Такъ искусенъ говорить.
Выпила и намъ твердила
О воздержности въ винѣ;
Еще выпивъ, попросила,
Что̀ осталося на днѣ.
И старушка зашаталась,
Не нашедши больше словъ;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807.
Собраніе русск. стихотвореній, изд. В. Жуковскимъ, ч. II.

VIII.

Возврату твоему съ похода всякъ дивится:
Какъ безъ носу пойти, а съ носомъ возвратиться.

1808.
Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VIII.

IX.

ЧИЖЪ и РОЗА.

БАСНЯ.

Дочь юная весны младой,
Румяна роза расцвѣтала
И утреннею красотой
Сердца невольно привлекала.
И Чижикъ Розу полюбилъ;
Онъ путь къ красавицѣ направилъ,
Кочующихъ друзей оставилъ
И день и ночь при Розѣ жилъ,
Качаясь на зеленой вѣткѣ,
Гдѣ ждалъ награды для себя.
Хорошенькой своей сосѣдкѣ
Онъ говорилъ: «Люблю тебя!»
«Ужь многіе любить клянутся»,
Сказала Роза, «такъ, какъ ты;
«Когда жь лишусь я красоты,
«Гдѣ вѣрные друзья найдутся?»
«Мнѣ быть невѣрнымъ? Никогда!»
Поетъ любовникъ легкокрылый.
«Напротивъ: страсть моя тогда
«Еще усилится, другъ милый!»
Амуръ тогда въ саду леталъ;
Ему ль оставить это дѣло?
Онъ вдругъ дыханье удержалъ,
И все въ природѣ охладѣло.
Бореи свищутъ, прахъ метутъ;
Листочки Розы поблѣднѣли.
Зефиры, мотыльки слетѣли,
И слѣду нѣтъ!.. А Чижикъ тутъ.
«Ахъ, если ты находишь счастье
«Въ моей любви», онъ говорилъ,
«Утѣшься! Я люблю въ ненастье,
«Какъ въ утро красное любилъ!»
Богъ удивился не напрасно,
Онъ щедро наградилъ чету:
Удвоилъ Розы красоту,
И Чижъ одинъ любимъ былъ страстно.

Смыслъ басни, кажется, найденъ;
Его ты знаешь, другъ мой милый:
Я — тотъ любовникъ легкокрылый
Но какъ за вѣрность награжденъ?

1808.
Изданіе 1832 г. Переводъ изъ Делиля: «La Rose et L 'Etourneau».

X.

ДОГОВОРЫ.

Довольно! Я рѣшенъ: люблю тебя, люблю.
Давно признанію удобный мигъ ловлю,
И съ устъ трепещущихъ слетѣть оно готово,
Но взглянешь ты — смущаюсь я
И въ сердце робкое скрываю отъ тебя
Все бытіе мое, вмѣщающее слово.
Бѣгу тебя.... вотще!..... Полна
Безумная душа тобою.
Въ мечтахъ безсонницы и въ жаркихъ грезахъ сна,
Неотразимая, ты всюду предо мною.
Прилично ль это мнѣ? Прошла, прошла пора
Тревожнымъ радостямъ и бурнымъ наслажденьямъ,
Потухла въ сумракѣ весны моей заря.
Напрасно предаюсь привычнымъ заблужденьямъ,
Напрасно мнѣ ль тебя любить?
Мнѣ ль сердце юное къ взаимности склонить?
Увы, не въ сѣдинахъ сердца обворожаешь!
Все правда..... Но вчера..... ты знаешь.....
Могу ли позабыть нашъ тайный разговоръ?
Ты рѣзвостью мила: но вздохъ, но томный взоръ.
Но что̀ задумчивость твоя мнѣ обѣщаетъ?
Сказать ли все тебѣ? Ужъ въ свѣтѣ примѣчаютъ,
Что ты не такъ рѣзва, безпечна и меня
Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя
Моей не покидала:
Она въ рукѣ моей горѣла, трепетала,
И ты глядѣла — на кого?
Глядѣла на меня, меня лишь одного.....

Я видѣлъ все..... Да, я любимъ тобою!
Какъ выражу восторгъ я сердца моего?
Теперь заранѣе намъ должно межъ собою
Согласно начертать сердечный договоръ;
Мы тѣмъ предупредимъ семейственный раздоръ,
Неудовольствія и неизбѣжны споры.
Вотъ первая статья:
Мы будемъ жить одни, глазъ на глазъ, ты да я.
Здѣсь тьма насмѣшниковъ, которыхъ разговоры
Кипятъ злословіемъ. Ехидныхъ языковъ
Я, право, не боюсь; но модныхъ болтуновъ,
Кудрявыхъ волокитъ, съ лорнетами, съ хлыстами,
Съ очками на носу, съ надутыми брыжжами —
Какъ можно принимать? Нѣтъ, безъ обиняковъ,
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно: отказъ имъ невозвратный!
И для чего намъ свѣтъ и чопорный, и знатный,
Рой обожателей и шайка сорванцовъ?
Къ чему, скажи ты мнѣ, мѣнять намъ тихій кровъ
И мирную любви обитель
На шумный маскарадъ нахаловъ и шутовъ?
Богъ съ ними! Что̀ до нихъ? Я обществъ не любитель
И врагъ любезникамъ. Могу ль переносить
И угожденія, и въ дружбѣ увѣренья
Вертлявыхъ шаркуновъ? Имѣешь позволенье
Разъ въ мѣсяцъ..... два раза — принять и угостить
Мнѣ съ дѣтства моего знакомаго сосѣда
Семидесяти лѣтъ. О, какъ его бесѣда
Полезна для души! Какой онъ явный врагъ
Всѣмъ вѣтренымъ забавамъ, развлеченьямъ,
Пирамъ и праздникамъ, и свѣтскимъ угожденьямъ!
Итакъ, мой сдѣланъ первый шагъ,
И первая статья написана. Вторая:
Прошу театръ не посѣщать.
Но это — жертва не большая.
Ахъ, намъ ли время убивать,
За наслажденіемъ искусственнымъ стремиться?
Мигъ дорогъ для любви! Мой другъ, мой юный другъ,
Минута праздная чѣмъ можетъ наградиться?
Къ тому жь, что̀ видимъ мы въ театрахъ? Малый кругъ
Разумныхъ критиковъ, а прочіе — зѣваки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, забіяки.
Открылся занавѣсъ. Неистовый герой
Завоетъ «на стихахъ» и въ бѣшенствѣ жеманномъ,

Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударить невпопадъ кинжаломъ деревяннымъ,
Иль, небу и землѣ отмщеніемъ грозя,
Пронзаетъ грудь свою и, выпуча глаза,
Весь въ клюквенномъ соку, кобенясь, умираетъ.....
И ужинать домой съ княжною уѣзжаетъ.
Комедія тебя неужто веселитъ?
Чему учиться въ ней? Лукавствовать, смѣяться
Надъ добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастьемъ ближняго? Тамъ старичокъ смѣшитъ,
Что поздно полюбилъ, — но кто повелѣваетъ
Волненіемъ страстей? Тамъ мужа наряжаетъ
Прической модною прелестная жена
И мужъ бодается. Насмѣшка не одна
Язвитъ любовниковъ ревнивыхъ.
Чтò тутъ веселаго? Къ тому жь, не вижу ль я
Опять соборища слѣпцовъ многорѣчивыхъ!
Куда дѣваться мнѣ? Куда укрыть тебя
Отъ жадныхъ взглядовъ ихъ и устъ медоточивыхъ?
Ужь вотъ они, шумятъ! Ужь въ ложѣ — Боже мой!....
Ужь пять наѣздниковъ межь мною и тобой!...
И вотъ еще одинъ тѣснится съ извиненьемъ....
И я у притолки! Любезныя слова
Ихъ слушать осужденъ съ досадой, съ нетерпѣньемъ....
Молчу! Чтò дѣлать мнѣ? Супружнія права
Теряютъ дѣйствіе въ собраньяхъ многолюдныхъ.
Но зрѣлищу конецъ, и мы идемъ съ толпой
Къ подъѣзду.... Ахъ, и тутъ не легче жребій мой,
И тутъ я сволочью нахаловъ безразсудныхъ
Затолканъ до смерти! Они спѣшатъ, летятъ,
Усердствуютъ тебѣ и руку предлагаютъ....
Возможно ль отказать? Учтивость, говорятъ,
Отказамъ первый врагъ. Глаза мои теряютъ
Тебя средь моря шубъ, капотовъ, сертуковъ
И шляпъ съ султанами, и шапокъ, и чепцовъ!
Не черти ли на зло мнѣ путь пересѣкаютъ?
Вездѣ препятствія! И я одинъ брожу....
Нѣтъ, именемъ любви тебя прошу
Забыть на вѣкъ театръ, любви моей опасный.
Не все, не все еще: танцуешь ты прекрасно,
Я знаю; но тебѣ на балахъ не бывать.
Какъ? Будешь ты на балъ заранѣ наряжаться,
Съ намѣреньемъ приготовляться,

Чтобъ нравиться другимъ, прельщать, обворожать!....
Такъ, стало, для другихъ и локоны волнисты
Завьются? Для другихъ и яхонты огнисты,
Алмазы яркіе зажгутся въ волосахъ,
Все это для другихъ? И въ золотѣ, въ лучахъ,
Богиня празднества, кадимая жрецами
И упоенная мольбами и хвалами,
Изъ жалости одной взоръ бросишь на того,
Кто болѣе всѣхъ любитъ, и кого
Ты не нарядами, не блескомъ привлекаешь,
Но сердцемъ, но умомъ, но скромностью плѣняешь?....
Но вальсы начались. На вальсъ тебя просить
Подходитъ юноша. Онъ, съ видомъ боязливымъ,
Бродящимъ взоромъ, торопливымъ,
Окинулъ общество и взоръ остановить
Рѣшился на тебѣ.... И кто не восхитится,
Увидѣвши тебя? Ужь онъ съ тобой вертится....
Злодѣй! Ужь онъ, обнявъ твой гибкій, стройный станъ,
Летаетъ.... до полу изъ милости касаясь,
И ты лицо съ лицомъ! А я? Я, разрываясь,
Опять у притолки! А я? Опять въ обманъ
Попался! Думалъ быть съ тобою неразлученъ,
Ждалъ удовольствія — теперь несносенъ, скученъ,
Въ отчаяньи, взбѣшенъ! Но вальса вихрь утихъ,
И ты спѣшишь ко мнѣ, чтобъ перевесть дыханье.
Я ожилъ, я забылъ и горе и страданье.
Но, ахъ, надолго ли? Рой франтовъ молодыхъ
Въ погонѣ за тобой, и ты съ однимъ изъ нихъ —
Прекраснѣйшимъ, любезнѣйшимъ.... Нѣтъ, полно!
Нѣтъ, балы позабудь! Утѣшь меня!.... Довольно
Измученъ уже я одной мечтой моей!
Для разсудительныхъ, безчувственныхъ людей
Я страненъ, можетъ быть. Что жь дѣлать, другъ мой милый!
Не я виновенъ въ томъ. Я сердца моего
Могу ль избавиться? Какою силой
Дамъ чувства новыя ему?
Мнѣ скажутъ: я тебя на скуку осуждаю,
Твой домъ — въ безлюдную тюрьму,
Столицу — въ монастырь пустынный обращаю....
О, нѣтъ, я самъ хочу, чтобъ всюду за тобой
Утѣхи радости стремилися толпой....
Но я покой люблю, но скромность обожаю....
И потому тебя въ деревню призываю.

Огромны зданія не нужны намъ съ тобой:
Чертогъ, украшенный искусною рукой,
Очаровательный, чудесный,
Не такъ мнѣ нравится, какъ сельскій домикъ тѣсный,
Но свѣтлый и простой. Я тѣсноту люблю:
Боюсь далеко жить отъ той, съ кѣмъ жизнь дѣлю;
Въ одной же горницѣ кто шепчетъ, кто вздыхаетъ,
Кто стукнетъ, заскрыпитъ, на цыпочкахъ ступаетъ,
Я вижу, слышу, знаю все,
И сердце отъ того спокойнѣе мое.
Чего жь еще желать блаженства къ дополненью?
Во вкусѣ англійскомъ простомъ
Я рощу насажу; она окружитъ домъ,
Пустыню оживитъ, дастъ пищу размышленью;
Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеекъ;
Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся;
Березы надъ скамьей развѣсившись нагнутся;
Тамъ мшистый, темный гротъ, тамъ свѣтленькій лужокъ
И даже огородъ прманятъ насъ порою
Своей роскошною и скромной простотою.
Мы будемъ счастливы природой и собой.
Недалеко межа пустынниковъ владѣнью,
Но сколько мѣста въ немъ живому наслажденью!
Богъ съ ними, съ благами роскошныхъ гордецовъ!
Имъ міръ и блескъ мірской — намъ уголъ и любовь.
Друзья, товарищи трудовъ моихъ смиренныхъ
Кто будутъ? Жители села съ простымъ умомъ.
Умъ стоитъ остроты: въ невѣжествѣ своемъ
Они почтеннѣе людей высокомѣрныхъ,
Которыхъ называть опасно.... Замолчу!...
Итакъ, съ тобою я въ деревню полечу,
Забывши свѣтскія печальныя забавы,
И общежитіе, и модные уставы.
О, сколько радостей насъ ожидаетъ тамъ!
Скитаться будемъ мы по рощамъ, по горамъ,
Куда глаза глядятъ.... Но только все со мною,
Не разлучаяся, рука съ рукою.
Найдемъ красивый видъ: мы, восхищаясь имъ,
Пріостановимся и взоры усладимъ,
И сердце сладкими наполнится мечтами.
Но вечерѣетъ день, ужь солнце за горами,
И сумракъ стелется; мы тихою стопой
Идемъ задумавшись, съ растроганной душой,

Спокойны, счастливы. Деревню переходимъ,
Но мимо хижины убогой не проходимъ:
Тамъ скорбь безмолвную ты въ рубищѣ найдешь....
Смотри: мать блѣдная съ дѣтьми къ тебѣ тѣснится;
Ты всѣмъ несчастнымъ другъ, ты помощь имъ даешь,
И жаркая слеза изъ глазъ твоихъ катится.
Такъ дни проводишь ты. Тамъ щедрою рукой
Даришь приданое невѣстѣ молодой;
Тамъ старца дряхлаго ты лѣта уважаешь:
Почетную скамью на свадьбѣ уступаешь,
И въ скромномъ платьицѣ, безъ вычурныхъ чудесъ,
Ты всѣмъ являешься посланницей небесъ.
Такъ въ радостяхъ любви мы дней не замѣчаемъ;
Такъ жизнь летящую въ блаженство обращаемъ.
Ратификаціи трактату моему
Я съ нетерпѣньемъ жду. Довѣрься своему
Ты другу, подпиши статьи первоначальны:
Доволенъ будетъ онъ. Со временемъ ему
Осенни вечера, мечты, прогулки дальны
Внушатъ важнѣйшія. Придетъ счастливый часъ
И тайныя статьи явятся на показъ.

1808.
Вѣстникъ Европы 1808 г., № 6. Переводъ изъ Виже: «Mes conventions».

XI.

Если бъ боги милосердые
Были боги справедливости,
Если бъ ты лишилась прелестей,
Нарушая обѣщанія, —
Я бы, можетъ быть, осмѣлился
Быть невольникомъ преступницы.
Но, Аглая, какъ идетъ къ тебѣ
Быть лукавой и обманчивой!
Ты измѣнишь — и прекраснѣе!
И уста твои румяныя
Еще болѣе румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой,
Голосъ, взоръ твой привлекательнѣй!
И, богами вдохновенная,

Ты улыбкою небесною
Разрушаешь всѣ намѣренья
Разлюбить не разлюбимую!
Сколько плѣнниковъ считается,
Сколько презрѣнныхъ терзается
Вкругъ обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взоръ супруга вѣрнаго
Хотя разъ, хоть на мгновеніе
Обратится на волшебницу!..

1809.
Изданіе 1832 г. Подражаніе Горацію, ода VIII-я книги II-ой.

XII.

Не пробуждай, не пробуждай
Моихъ безумствъ и изступленій,
И мимолетныхъ сновидѣній
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мнѣ имя той,
Которой память — мука жизни;
Какъ на чужбинѣ пѣснь отчизны
Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшія напасти!
Дай отдохнуть тревогамъ страсти
И ранъ живыхъ не раздражай!

Иль нѣтъ! Сорви покровъ долой!...
Мнѣ легче горя своеволье,
Чѣмъ ложное холоднокровье,
Чѣмъ мой обманчивый покой!

1809.
Изданіе 1840 г.

XIII.

ГРАФУ П. А. СТРОГАНОВУ

ЗА ЧЕКМЕНЬ, ПОДАРЕННЫЙ ИМЪ МНѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1810 ГОДА, ВЪ ТУРЦІИ.

Блаженной памяти мой предокъ Чингисъ-ханъ,
Грабитель, озорникъ, съ аршинными усами,
На ухарскомъ конѣ, какъ вихрь передъ громами,
Въ блестящемъ панцырѣ влеталъ во вражій станъ
И мощно разсѣкалъ татарскою рукою
Все, что̀ противилось могущему герою.
Почтенный пращуръ мой, такой же грубіянъ,
Какъ дѣдушка его, нахальный Чингисъ-ханъ,
Въ чекменѣ легонькомъ, среди мечей разящихъ,
Ордами управлялъ въ поляхъ, войной гремящихъ.
Я тѣмъ же пламенемъ, какъ Чингисъ-ханъ, горю;
Какъ пращуръ мой, Батый, готовъ на бранну прю.
Но мнѣ ль, любезный графъ, въ французскомъ одѣяньи
Явиться въ авангардъ, какъ франту на гуляньи,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачамъ себя Линдоромъ показать?
Потомка бѣднаго ты пожалѣй Батыя
И за чекмень прими его стихи дурные!

1810.

Изданіе 1832 г.

XIV.

Говоритъ хоть очень тупо,
Но въ немъ это мудрено,
Что онъ умничаетъ глупо,
А дурачится умно.

1811.

Собраніе русск. стихотвореній, изд. В. Жуковскимъ, ч. V.

XV.

МОЯ ПѢСНЯ.

Я на чердакъ переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
Съ швейцаромъ, съ кучеромъ простился
И повара лишился я.
Толпѣ заимодавцевъ знаю
И безъ швейцара дать отвѣтъ;
Я самъ дверь важно отворяю
И говорю имъ: «Дома нѣтъ!»

Въ дни праздничные для катанья
Готовъ извозчикъ площадной,
И будуаръ мой, зала, спальня
Вмѣстились въ горницѣ одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцамъ показываю дверь,
На стулъ одинъ друзей сажаю,
А миленькую.... на постель.

Мои владѣнья необъятны:
Въ окрестностяхъ столицы сей
Всѣ мызы, гдѣ собранья знатны,
Гдѣ пиръ горой, толпа людей.
Мои всѣ радости въ стаканѣ,
Мой гардеробъ лежитъ въ ряду,
Богатство — въ часовомъ карманѣ,
А садъ — въ Таврическомъ саду.

Обжоры, пьяницы, хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слухъ на пѣснь мою склоните,
И мнѣ старайтесь подражать.
Я завтракъ сытный получаю
Отъ друга, только что проснусь;
Обѣдать въ гости уѣзжаю,
А спать безъ ужина ложусь.

О богачи, не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что съ вами равенъ счастьемъ я.

Я кой-какъ день переживаю —
Богачъ роскошно годъ живётъ,
Чѣмъ кончится? И я встрѣчаю,
Какъ милліонщикъ новый годъ.

1811.
Сынъ Отечества 1820 г., ч. LXV.

XVI.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

На вьюкѣ въ торокахъ цѣвницу я таскаю,
Она и подъ локтемъ, она подъ головой;
Межъ конскихъ ногъ позабываю,
Въ пыли, на влагѣ дождевой....
Такъ мнѣ ли ударять въ разлаженныя струны
И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
Пусть загремятъ войны перуны,
Я въ этой пѣснѣ виртуозъ!

1811.
Изданіе 1832 г.

XVII.

КЪ Е. Ѳ. С—ну,

увѣждавшему меня написать ему что-нибудь.

Рушитель лѣности моей,
Оставь дремать меня въ покоѣ
Среди моихъ безпечныхъ дней;
Позволь мнѣ время золотое
Заботами не возмущать!
Я славы не хочу искать;
Хочу покоиться всечасно,
Лежа въ постелѣ размышлять
И вѣкъ лѣниться сладострастно!

1814. Дрезденъ.
Альманахъ «Сиріусъ», кн. I.

XVIII.

Возьмите мечъ—я не достоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела — онъ страстью помраченъ!
О, боги Паѳоса, окуйте мощны длани
И робкимъ плѣнникомъ въ постыдный риньте плѣнъ!
Я—вашъ. И кто не воспылаетъ?
Кому не пишется любовью приговоръ,
Какъ длинныя она рѣсницы подымаетъ,
И пышетъ страстью взоръ?
Когда Харитой улыбнется,
Или въ ночной тиши
Воздушнымъ призракомъ несется,
Иль, непреклонная, надъ чувствами смѣется
Обуреваемой души!
О, вы, которыя здѣсь прелестьми гордитесь!
Не вамъ ужь болѣе покорствуетъ любовь,
Взгляните на нее и сердцемъ содрогнитесь:
Она — владычица и смертныхъ, и боговъ!
Ахъ, пусть богъ Ѳракіи мнѣ срамомъ угрожаетъ
И, потрясая лавръ, манитъ еще къ боямъ,—
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ея лобзаетъ,
И говоритъ «прости!» торжественнымъ вѣнкамъ....
Но кто сей юноша блаженный,
Который будетъ пить дыханье воспаленно
На тающихъ устахъ,
Познаетъ млѣнье чувствъ въ потупленныхъ очахъ
И на груди ея воздремлетъ утомленной?

1814.
Газета «Рецензентъ» 1821 г.. № 2.

XIX.

ПѢСНЯ.

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами,
Днемъ рубиться молодцами,
Вечеркомъ горѣлку пить!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами!

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ,
Ждать конца подъ балдахиномъ
И всечасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ!

То ли дѣло средь мечей:
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дѣло средь мечей:
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой.
Я рожденъ для службы царской!

1815.

Сынъ Отечества 1820 г., ч. LXVI.

XX.

О, милый другъ, оставь угадывать другихъ
Предметъ, сомнительный для нихъ,
Тѣхъ пѣсней пламенныхъ, въ которыхъ, восхищенный,
Я прославлялъ любовь, любовью распаленный!
Пусть ищутъ для кого я въ лиру ударялъ,
Когда поэтовъ въ хорѣ
Россійской Терпсихорѣ
Восторги посвящалъ.
Но ты не въ заблужденьи,
Кого въ воображеньи
Я розами вѣнчалъ,
Чьи длинныя рѣсницы,
Звукъ стройныя цѣвницы
Потомству предавалъ.
И мнѣ ли огнь желанья
Въ другихъ воспламенять?
Мнѣ ль новаго искать
Въ любви очарованья?
Я страстенъ лишь тобой!
Подъ именемъ другой
Тебя лишь славятъ струны,
И для тебя одной
Бросаю въ вражій строй
Разящіе перуны.
Восторгомъ упоенъ,
Вѣка предупреждаю
И, миртомъ осѣненъ,
Безсмертіе вкушаю.

1815.

Альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1823 г.

XXI.

ЭЛЕГІЯ.

Пусть бога-мстителя могучая рука
На темя острыхъ скалъ, надъ вѣчными снѣгами
За ребра прикуетъ чугунными цѣпями
Того, кто изобрѣлъ ревниваго замка

Закрѣпы звучные и тяжкими вратами
За хладными стѣнами
Красавицъ заточилъ въ презрѣніи къ богамъ!

Гдѣ ты, рожденная къ восторгамъ, торжествамъ
И къ радостямъ сердецъ, и къ счастью юной страсти?
Гдѣ ты скрываешься во цвѣтѣ раннихъ лѣтъ,
Ты, дѣва горести, воспитанница бѣдъ,
Смиренная раба неумолимой власти?

Увижу ли тебя? Услышу ль голосъ твой?
И долго ль въ мрачности ночной
Мнѣ съ думой горестной, съ душой осиротѣлой
Бродить вокругъ обители твоей,
Угадывать окно, гдѣ ты томишься въ ней,
Межъ тѣмъ какъ снѣжный вихрь крутитъ среди полей,
И свищетъ рѣзкій вѣтръ въ власахъ оледенѣлыхъ?

Ахъ, можетъ быть, къ окну влекомая судьбой
Или предчувствіемъ какимъ неизъяснимымъ,
Ты крадешься къ нему, когда мучитель твой,
Станъ гибкій обхватя, насильственной рукой
Бросаетъ трепетну къ подругамъ торопливымъ!

Возстань, о богъ боговъ! Да пламенной рѣкой
Твой гнѣвъ, жестокій и правдивый,
Обрушится съ небесъ на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности младой,
И надъ строптиваго преступною главой
Перуны ярые со трескомъ разразятся!
Тотъ, кто осмѣлится безчувственно касаться
До юныхъ прелестей красавицы моей,
Тотъ въ буйной дерзости своей
И ликъ священный твой повергнетъ раздробленный,
И рушитъ алтари, тебѣ сооруженны.
А ты, любимица боговъ,
Ты бѣдствій не страшись! Невидимый покровъ
Пріосѣнитъ тебя отъ бури разъяренной,
Твой спутникъ — богъ любви: стезею потаенной
Онъ провести прекрасную готовъ
Отъ ложа горести до ложа наслажденья.

О, не чуждайся ты благого поученья
Безсмертнаго вождя! Учись, во тьмѣ ночной

Какъ между стражами украдкой пробираться,
Какъ мягкою стопой чуть до пола касаться,
И ощупью идти по лѣстницѣ крутой.

Дерзай! Я жду тебя, кипящій нетерпѣньемъ.
Тебѣ ль, тебѣ ль платить обиднымъ подозрѣньемъ
Владыкѣ благъ земныхъ? Ты вспомни, сколько разъ
Отъ бдительныхъ моихъ и ненасытныхъ глазъ
Твой аргусъ въ трепетномъ смущеньи
Тебя съ угрозой похищалъ
И тайнымъ влекъ путемъ обратно въ заточенье.

Все тщетно! Я ему стезю пересѣкалъ.
Крылатый проводникъ меня предупреждалъ
И путь указывалъ мнѣ прежде неизвѣстный.
Рѣшись безъ робости, о сердца другъ прелестный!
Не медли: полночь бьетъ,
И угасающи лампады закурились,
И стражи грозные во мракѣ усыпились,
И руку богъ любви прекрасной подаетъ!

1815.

Амфіонъ 1815 г., № 5. Подражаніе Тибуллу, элегія II-я книги I-ой.

XXII.

УТРО.

Все тихо, и заря багряною стопой
По синеву небесъ безмолвно побѣжала;
И мгла, что горъ хребты и рощи покрывала,
Волнуясь стелется туманною рѣкой
По лугу пестрому и нивѣ молодой.
Блаженные часы! Весь міръ въ отдохновеньи.
Еще зефиры спятъ на дремлющихъ листахъ,
Еще пернатыя покоятся въ кустахъ,
И все безмолвствуетъ въ моемъ уединеньи....
Но боги, неужель вы міра тишиной
И чувствъ души моей порывы усмирили?
Ужели и во мнѣ господствуетъ покой?...
Уже, о счастіе, не вижу предъ собой
Я призракъ грозный, вѣчно милый,
Котораго нигдѣ мой взоръ не покидалъ....
Нигдѣ: ни въ шумной сѣчѣ боя,

Ни въ бранныхъ игрищахъ военнаго покоя!...
О ты, что я въ тоскѣ на помощь призывалъ,
Безчувствіе, о даръ разсудка драгоцѣнный,
Ты, внявъ мольбѣ моей смиренной,
Нисходишь наконецъ спасителемъ моимъ!
Я погибалъ... Тобой однимъ
Достигнулъ берега, и съ мирныя вершины
Смотрю безтрепетно, грозою невредимъ,
На шумные валы бездонныя пучины!...
А ты, съ кѣмъ нѣкогда дѣлился я душой,
И кѣмъ душа моя въ мученьяхъ истощалась,
Утѣшься: ты забыта мной!...
Но, ахъ, почто слезой ланита окропилась!...
О, слезы пламенны, теките! Я свои
Минуты радости отъ сихъ минутъ считаю
И васъ не отъ любви,
Но отъ блаженства проливаю!

1816.

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. V. Переводъ V-ой элегіи Парни.

XXIII.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА.

Что она?—Порывъ, смятенье,
И холодность, и восторгъ,
И отпоръ, и увлеченье,
Смѣхъ и слезы, чортъ и богъ,
Пылъ полуденнаго лѣта,
Урагана красота,
Изступленнаго поэта
Безпокойная мечта!
Съ нею дружба—упоенье....
Но спаси, Создатель, съ ней
Отъ любовнаго сношенья
И таинственныхъ связей!
Огненнà, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Какъ законная жена!

1816.

Изданіе 1832 г.

XXIV.

ОТВѢТЪ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ.

Вы хотите, чтобъ стихами
Я опять заговорилъ,
Но чтобъ новыми стезями
Верхъ Парнасса находилъ:
Чтобы славилъ нѣжны розы,
Вѣрность женскія любви,
Гдѣ трескучіе морозы
И кокетства лишь одни!
Чтобъ при шашкѣ въ доломанѣ
Посошокъ въ рукѣ держалъ
И при грозномъ барабанѣ
Чтобъ миноромъ воспѣвалъ.
Неужель любить не можно,
Чтобъ стихами не писать?
И любя, ужели должно
Чувства въ риѳмы оковать?
По кадансу кто вздыхаетъ,
Кто любовь въ цвѣтущій вѣкъ
Лишь на стопы размѣряетъ,
Тотъ—прежалкій человѣкъ!
Онъ влюбился — и поспѣшно
Славитъ милую свою;
Возрыдая безутѣшно,
Говоритъ въ стихахъ: пою!
Отъ Парнасскаго паренья
Безпокойной головы
Скажетъ также, безъ сомнѣнья,
И жестокая: увы!
Я поэзіей небесной
Былъ когда-то вдохновленъ.
Даръ божественный, чудесный,
Я на вѣкъ тебя лишенъ!
Лизой душу занимая,
Мнѣ ли риѳмы набирать?
Ахъ, гдѣ есть любовь прямая,
Тамъ стихи не говорятъ!

1816.
Альманахъ «Сѣверная Звѣзда» 1829 г.

XXV.

О, ты, смущенная присутствіемъ моимъ,
Спокойся: я бѣгу въ предѣлы отдаленны.
Пусть избранный тобой вкушаетъ дни блаженны,
Пока судьбой хранимъ.
Но, ахъ! Не мысли ты, чтобъ новые восторги
И спутникъ счастливый твоихъ весеннихъ дней
Изгладили меня изъ памяти твоей!
О, нѣтъ! Есть судъ небесъ и справедливы боги!
Душевны радости, дѣлимыя со мной,
Воспоминанія протекшихъ упованій
И сладкіе часы забвенья и мечтаній,
И я, я самъ явлюсь тревожить твой покой,
Но ужь не въ видѣ томъ, какъ въ дни мои счастливы,
Когда смущенный, торопливый
Я плакалъ безъ укоръ, безъ гнѣва угрожалъ
И за вину твою—любовникъ боязливый—
Себѣ у ногъ твоихъ прощенія искалъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Явлюсь опять, но какъ посланникъ мщенья,
Но какъ каратель преступленья,
Свирѣпъ, неумолимъ вездѣ передъ тобой —
И среди свѣтскаго блистательнаго круга,
И средь семьи твоей, гдѣ ты цвѣтешь душой,
Въ уединеніи, въ объятіяхъ супруга,
Вездѣ, вездѣ въ твоихъ очахъ
Грозящимъ призракомъ, съ упрекомъ на устахъ!
Но, нѣтъ!.. О, гнѣвъ меня къ упрекамъ не принудитъ!
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тотъ благости твои ужель когда забудетъ?
Его богамъ молитва лишь одна:
Да будетъ счастлива она!....
Но врядъ ли счастіе твоимъ удѣломъ будетъ!

1816.

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. VI. Переводъ IX-ой элегіи Парни.

XXVI.

Нѣтъ, полно пробѣгать съ улыбкою любви
Перстами легкими цѣвницу золотую!
Пускай другой поетъ и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую.
Я одинокъ, какъ цвѣтъ степей,
Когда, колеблемый грозой освирѣпѣлой,
Онъ клонится къ землѣ главой осиротѣлой
И блекнетъ средь цвѣтущихъ дней.
О, боги, мнѣ ль сносить измѣну надлежало?
Какъ я любилъ! Въ тѣ красныя лѣта,
Когда къ разсѣянью все сердце увлекало,
　　Вездѣ одна мечта,
Одно желаніе меня одушевляло,
Все чувство бытія лишь ей принадлежало.
О, Лиза, сколько разъ на Марсовыхъ поляхъ,
Среди грозы боевъ я, презирая страхъ,
Съ воспламененною душою
　　Тебя, какъ славу, призывалъ
　　И въ пылъ сраженья мчалъ
　　Крылатые полки желѣзною стѣною!
　　Кто понуждалъ меня, скажи,
Отъ жизни радостной на жадну смерть стремиться?
　　Одно, одно мечтаніе души,
Что славы лучъ моей на милой отразится,
Что, можетъ быть, вѣнокъ, пріобрѣтенный мной
Въ бояхъ мечемъ нетерпѣливымъ,
Покроетъ лавромъ горделивымъ
Чело стыдливое подруги молодой.
Не я ли, вдохновленъ, касался струнъ согласныхъ
И пѣлъ прекрасную?.. Еще Москва полна
Моихъ въ стихахъ восторговъ страстныхъ,
И если ты еще толпой окружена
Соперницъ, завистью смущенныхъ,
И милыхъ юношей, любовью упоенныхъ,
Неблагодарная, не мнѣ ль одолжена
Ты торжествомъ своимъ?.. Пусть пламень пожираетъ.
Пусть шумная волна навѣки поглощаетъ
Стихи, которыми я Лизу прославлялъ!..
Но, нѣтъ! Измѣнницу весь міръ давно узналъ:
Безсмертіе ея удѣломъ остается.
Забудутъ, что покой я ею потерялъ,

И до конца вѣковъ, средь плесковъ и похвалъ,
Невѣрной имя пронесется.
А я?... Мнѣ жребій пасть въ бояхъ
Мечемъ побѣды пораженнымъ
И, можетъ быть, врагомъ влеченнымъ на поляхъ
Чертить кремнистый путь челомъ окровавленнымъ.
Такъ! Я паду въ странѣ чужой,
Далеко родины, изгнанникомъ невиннымъ;
Никто не окропитъ холодный трупъ слезой,
И разбросаетъ вѣтръ мой прахъ съ пескомъ пустыннымъ!

1817.

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. VII.

XXVII.

Сижу на берегу потока.
Боръ дремлетъ въ сумракѣ; все спитъ вокругъ, а я
Сижу на берегу — и мыслію далеко,
Тамъ, тамъ... гдѣ жизнь моя!
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока....

Сижу на берегу потока,
Снѣдаемъ ревностью, задумчивъ, молчаливъ...
Не торжествуй еще, о ты, любимецъ рока!
Ты счастливъ.... Но я живъ,
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока!

Сижу на берегу потока....
Вздохнешь ли ты о немъ, о другъ, невѣрный другъ?
И точно ль онъ любимъ? Ахъ, эта мысль жестока!
Кипитъ отмщеньемъ духъ,
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока!

1817.

Альманахъ «Сѣв. Звѣзда» на 1829 г. Переводъ изъ третьей пѣсни «Isnel et Asléga» Парни.

XXVIII.

О, пощади! Зачѣмъ волшёбство ласкъ и словъ,
Зачѣмъ сей взглядъ, зачѣмъ сей вздохъ глубокой,
Зачѣмъ скользитъ небережно покровъ
Съ плечъ бѣлыхъ и груди высокой?
О, пощади! Я гибну безъ того,
Я замираю, я нѣмѣю
При легкомъ шорохѣ прихода твоего;
Я, звуку словъ твоихъ внимая, цѣпенѣю....
Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бѣшенство желанья
Бѣгутъ по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
Съ тобой летятъ, летятъ часы,
Языкъ безмолвствуетъ..... однѣ мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

1817.
Изданіе 1832 г.

XXIX.

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Какъ бѣшеный кричу: увы!
И отъ измѣны измѣняюсь?
Я—тотъ же атеистъ въ любви,
Какъ былъ и буду, увѣряю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я ваши къ вамъ же отсылаю.
А чтобъ впослѣдствіи не быть
Передъ наслѣдникомъ въ отвѣтѣ,
Всѣ ваши клятвы «вѣкъ любить»
Ему послалъ по эстафетѣ.
Простите! Право, виноватъ!
Но если бъ знали, какъ я радъ

Моей отставкѣ благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ѣмъ, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ, что̀ здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817.
Сынъ Отечества 1820 г., ч. LXVI.

XXX.

ЛИСТОКЪ.

Листокъ изсохшій, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчикъ мой?
«Какъ знать мнѣ! Налетѣли тучи,
«И дубъ родимый, дубъ могучій
«Сломили вихремъ и грозой.
«Съ тѣхъ поръ, игралище Борея,
«Не сѣтуя и не робѣя,
«Ношусь я, странникъ кочевой,
«Изъ края въ край земли чужой;
«Несусь, куда несетъ суровый,
«Всему неизбѣжимый рокъ,
«Куда летитъ и листъ лавровый,
«И легкій розовый листокъ!»

1816—1818.
Библіотека для Чтенія 1837 г., т. XXII. Переводъ изъ Арно: «La Feuille».

XXXI.

Болтунъ краснорѣчивый,
Повѣса дорогой,
Оставимъ свѣтъ шумливый
Съ безпутной суетой!
Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы
И важныхъ музъ пѣнье,
Съ харитами житье
Украсятъ день счастливый.
Другъ милый, вечеркомъ
Хоть на часокъ покинемъ
Вельможъ докучный домъ
И къ камельку подвинемъ
Диваны со столомъ,
Плодами и виномъ
Роскошно покровеннымъ
И гордо отягченнымъ
Страсбургскимъ пирогомъ.
Къ намъ созванъ кругъ желанный
Отличныхъ сорванцовъ,
И плющемъ увѣнчанны,
Владѣльцы острыхъ словъ,
Мы Вакховыхъ даровъ
Потянемъ сокъ избранный.
Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепсъ, и понтировку,
И страсть людей губить,
А лучше пригласить
Измѣнницу, плутовку,
Которую любить
До завтра, можетъ быть,
Вчера ты обѣщался.
Провѣдавши мой зовъ,
На пиръ ко мнѣ назвался
Эротъ, сей богъ боговъ,
Веселыхъ шалуновъ
Любимецъ и любитель,
Мой грозный повелитель
До сребряныхъ власовъ.

Я мѣсто назначаю
   Почетное ему:
   По сану и уму
Прекраснаго сажаю
Близъ гостьи молодой
И тяжкій кубокъ мой
Четѣ препоручаю.
И пробка полетитъ
До потолка стрѣлою,
И пѣна зашумитъ
Сребристою струею
Подъ розовой рукою
Рѣзвѣйшей изъ харитъ!
Такъ время пробѣжитъ
Межъ радостей чудесныхъ,—
А чтобъ хмѣльнѣе быть,
Давай здоровье пить
Всѣхъ вѣтреницъ извѣстныхъ!

1816 — 1818.
Изданіе 1832 г.

XXXII.

ЛОГИКА ПЬЯНАГО.

Подъ вечерокъ Хруновъ изъ кабачка Совы,
Богъ вѣдаетъ куда, по стѣнкѣ пробирался;
Шелъ, шелъ и рухнулся. Народъ расхохотался.
Чему бы кажется? Но люди таковы!
      Однакожь кто-то изъ толпы —
Почтенный человѣкъ — помогъ ему подняться,
И говорилъ: «Дружокъ, чтобъ впредь не спотыкаться,
      «Тебѣ не надо пить»...
«Эхъ, братецъ! все не то: не надо мнѣ ходить!»

1816 — 1818.
Изданіе 1832 г. Переводъ изъ Pons de Verdun: „L'Ivrogne logicien".

XXXIII.

БУРИМЕ.

Въ любезности его неодолимый *грунъ*,
Въ немъ не господствуютъ ни соль, ни *перецъ*;
Я вѣрю: можетъ быть, для нѣмокъ онъ—*французъ*,
Но для француженокъ онъ—*нѣмецъ*.

1816—1818.
Изданіе 1840 г.

XXXIV.

А что онъ? Французъ, германецъ,
Франтъ, философъ, скряга, мотъ,
То блудливъ какъ ярый котъ,
То трусливъ какъ робкій заяцъ;
То является томимъ
Чувствомъ жалостно унылымъ,
То барономъ легкокрылымъ,
То маркизомъ пудовымъ.

1816—1818.
Изданіе 1860 г.

XXXV.

НА МОНУМЕНТЪ ПОЖАРСКАГО.

Такъ правосудная Россія награждаетъ!
О зависть, содрогнись, сколь брененъ твой оплотъ!
Пожарскій оживаетъ—
Смоленскій оживетъ!

1817.
Изданіе 1832 г.

XXXVI.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ ГУСАРА.

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою,
Сегодня вечеромъ рѣшится жребій мой,
Сегодня получу желаемое мною—
Иль абшидъ на покой.

А завтра—чортъ возьми—какъ зюзя натянуся;
На тройкѣ ухарской стрѣлою полечу;
Проспавшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу!
Но если счастіе назначено судьбою
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ незнакомъ,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею,
И съ радости пропью прогоны съ кошелькомъ!

1818.
Изданіе 1832 г.

XXXVII.

ПѢСНЯ СТАРАГО ГУСАРА.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ—кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.

Къ стр. 46.

Ни полслова.... Дымъ столбомъ....
Ни полслова.... Всѣ мертвецки
Пьютъ и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится....
Бой умолкъ, и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь чтò вижу? Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ умнѣй они...
Но чтò слышимъ отъ любова?
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

1819.

Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1819 г., № 4.

XXXVIII.

Онъ съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ стебелька на стебелекъ
Мотылькомъ перелетаетъ.
Но какъ рокъ его суровъ!
Всѣ растенья онъ лобзаетъ,
Кромѣ.... лавровыхъ листовъ!

1820.

Сынъ Отечества 1820 г., ч. LXVI.

XXXIX.

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.

1820.
Сынъ Отечества 1820 г., ч. LXVI.

XL.

Въ ужасахъ войны кровавой
Я опасности искалъ,
Я горѣлъ безсмертной славой,
Разрушеніемъ дышалъ;
Но, судьбой гонимый вѣчно,
Счастья нѣтъ, подумалъ я...
Другъ мой милый, другъ сердечный,
Я тогда не зналъ тебя.
Пусть теперь другой стремится
За блистательной мечтой,
Пусть черезъ кровавый бой
Свѣжимъ лавромъ осѣнится.
О мой милый другъ, съ тобой
Не хочу высокихъ званій,
И мечты завоеваній
Не тревожатъ мой покой!
Если жь врагъ ожесточенный
Вновь дерзнетъ на Русь возстать,
Другъ твой въ полѣ появится,
Еще саблею блеснетъ,
Или въ лаврахъ возвратится,
Иль на лаврахъ мертвъ падетъ.
Полумертвый, не престану
Биться съ храбрыми въ ряду.
Въ память друга приведу,
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще возстану
И другую смерть найду.

1821.
Газета «Рецензентъ» 1821 г., № 20.

XLI.

ГУСАРЪ.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусаръ, питомецъ славы,
Любилъ лишь только бой кровавый
И былъ отступникомъ любви.
Амуръ не вѣчно пастушкомъ
Въ свирѣль безъ умолка играетъ:
Онъ часто, скучивъ посошкомъ,
Съ гусарской саблею гуляетъ;
Онъ часто храбрости огонь
Любовнымъ пламенемъ питаетъ,
И тѣмъ милѣй бываетъ онъ!
Онъ часто съ грознымъ барабаномъ
Мѣшаетъ звукъ любовныхъ словъ;
Онъ такъ и намъ подъ доломаномъ
Вселяетъ звѣрство и любовь.
Въ насъ сердце не всегда желаетъ
Услышать стонъ, увидѣть бой...
Ахъ, часто и гусаръ вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гнѣздышко свиваетъ.

1822.
Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVIII.

XLII.

ОТВѢТЪ.

Я не поэтъ, я—партизанъ, казакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ
И беззаботно, кое-какъ
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ, не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь, нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой —
Я въ этой пѣсни запѣвало!

1824 — 1825.
Изданіе 1840 г.

XLIII.

НА КНЯЗЯ П. И. ШАЛИКОВА.

Грузинскій князь, газетчикъ русской,
Героя трусомъ называлъ,
Но оплеушиной съ закуской
Ему герой нашъ отвѣчалъ:
Онъ ѣдетъ къ боевому куру,
Спасаетъ родину князька,
А князикъ держитъ корректуру
Литературнаго листка.

1826.
Русская Старина 1871 г., т. IV.

XLIV.

ТОВАРИЩУ

1812 ГОДА, НА ПУТИ ВЪ АРМІЮ.

Мы оба въ дальній путь летимъ, товарищъ мой,
Туда, гдѣ бой кипитъ, гдѣ русскій штыкъ бушуетъ,
Но о тебѣ любовь горюетъ,
Счастливецъ, о тебѣ — я видѣлъ самъ — тоской
Заныли..... влажный взоръ стремился за тобой...
А обо мнѣ хотя бъ вздохнули,
Хотя бъ въ окошечко взглянули,
Какъ я на тройкѣ проскакалъ
И, позабывъ покой и нѣгу,
Въ курьерску развалясь телегу,
Гусарскіе усы слезами обливалъ.

1826.
Изданіе 1832 г.

XLV.

ТОСТЪ НА ОБѢДѢ ДОНЦОВЪ.

Брызни искрами изъ плѣна
Радость, жизнь донскихъ холмовъ!
Окропи, моя любовь,
Черный усъ мой бѣлой пѣной!

Другъ народа удалого,
Я стаканъ съ широкимъ дномъ
Осушу однимъ глоткомъ,
Въ славу воинства Донского!

Здравствуйте, братцы, атаманы-молодцы!

1826.
Изданіе 1840 г.

XLVI.

ГЕНЕРАЛАМЪ, ТАНЦУЮЩИМЪ НА БАЛѢ ВЪ 1826 ГОДУ.

Мы всѣ несемъ едино бремя,
Но жребій намъ иной:
Вы назначены на племя,
Я же посланъ на убой.

1826.
Изданіе 1860 г.

XLVII.

Вода мнѣ вовсе не вкусна,
А есть напитокъ благородный,
Сліянье рома и вина
Безъ примѣси воды негодной.

1826.
Чтенія Моск. Общества исторіи и древностей 1874 г., кн. I.

XLVIII.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ІЮНѢ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали,
Зарницы бѣгали за синею горой,

И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И преклонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1826.
Изданіе 1832 г.

XLIX.

ПАРТИЗАНЪ.

(отрывокъ).

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.

Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что́ будетъ—вольны боги!

Давно не знаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный:
Его любовь—кровавый бой,
Родня—Донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушьми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.

Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ....

1826. 28-го ноября. Тифлисъ.
Московскій Вѣстникъ 1827 г., т. I.

L.

ПОЛУСОЛДАТЪ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полусолдатъ
«Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
«Жена, полдюжины ребятъ
«Да щи, да чарка съ запеканкой!
«Вы видѣли: я не боюсь
«Ни пуль, ни дротика куртинца;
«Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
«На ножъ и шашку кабардинца.
«Все такъ! Но прекратился бой,
«Холмы усыпались огнями,
«И хохотъ обуялъ толпой,
«И клики вторятся горами.
«И все кипитъ, и все гремитъ,
«А я, межъ вами одинокой,
«Нѣмою грустію убитъ,
«Душой и мыслію далеко.
«Я не внимаю стуку чашъ
«И спорамъ вкругъ солдатской каши;
«Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
«Нѣтъ взгляда на проказы ваши!
«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
«На буйной Вислѣ, на Балканѣ,

«На Эльбѣ, на войнѣ родной,
«На льдахъ Торнео, на Секванѣ?
«Бывало, слово: « другъ, явись!»
«И ужь Денисъ съ коня слѣзаетъ;
«Лишь чашей стукнутъ, и Денисъ
«Какъ тутъ — и чашу осушаетъ!
«На скачку, на борьбу готовъ,
«И чтимый *выродкомъ* глупцами,
«Онъ, расточитель острыхъ словъ,
«Имъ хлещетъ прозой и стихами;
«Иль въ карты бьется до утра,
«Раскинувшись на горской буркѣ;
«Или вкругъ свѣтлаго костра
«Танцуетъ съ дѣвками мазурки.
«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полусолдатъ
«Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
«Жена, полдюжины ребятъ
«Да щи, да чарка съ запеканкой!»
Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключъ нагорный,
И Алагёзъ[1]), нахмурясь спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.
Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края....
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека[2]) груда снѣговая.
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда.

1826.
Московскій Вѣстникъ 1827 г., т. I.

---

[1]) Заоблачная гора, на границѣ Эриванской области.
[2]) Одна изъ высочайшихъ горъ Кавказскаго хребта.

LI.

ГУСАРСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Я каюсь: я гусаръ давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ все рабъ младой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ
И громогласныя шампанскаго оттычки.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утѣхъ, —
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ,
И дымъ столбомъ отъ трубочной затяжки!

Бѣгу васъ, сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спѣсь до подлости, вельможа да холопъ,
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
Гдѣ подъ подушками потѣетъ столько ж...
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты!
Но не скажу, чтобы въ безумный день
Не погрѣшилъ и я, не посѣтилъ кругъ модный;
Чтобъ не искалъ присѣсть подъ благодатну тѣнь
Разскащицы и сплетницы дородной,
Чтобъ схватки съ острякомъ бонтоннымъ убѣгалъ,
Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я бъ шопотомъ любовь не напѣвалъ
Красавицѣ, мазуркой утомленной.
Но то — набѣгъ, наскокъ; я мигъ ему даю,
И торжествуютъ вновь любимыя привычки,
И я спѣшу въ мою гусарскую семью,
Гдѣ хлопаютъ еще шампанскаго оттычки.
Долой, долой крючки, отъ глотки до пупа!
Гдѣ трубки?... Вейся, дымъ, на удаломъ раздольѣ!
Роскошествуй, веселая толпа,
Въ живомъ и братскомъ своевольѣ!

1826 — 1827.
Изданіе 1832 г.

LII.

НА СМЕРТЬ N. N.

Гонители, онъ—вашъ! Вамъ плески и хвала!
Терзайте клеветой его дѣла земныя,
Но не сорвать вѣнка со славнаго чела,
Но не стереть съ груди вамъ раны боевыя!

1827.
Изданіе 1832 г.

LIII.

ПРИ ВИДѢ МОСКВЫ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ ПЕРСИДСКАГО ПОХОДА.

О юности моей гостепріимный кровъ,
О колыбель надеждъ и грезъ честолюбивыхъ!
О кто, кто изъ твоихъ сыновъ
Зрѣлъ безъ восторговъ горделивыхъ
Красу рѣки твоей волшебныхъ береговъ,
Твоихъ палатъ, твоихъ садовъ,
Твоихъ холмовъ краснорѣчивыхъ!

1827.
Съ рукописи.

LIV.

ЗАЙЦЕВСКОМУ.

ПОЭТУ-МОРЯКУ.

Счастливый Зайцевскій, поэтъ и герой!
Позволь земледѣльцу-гусару
Пожать тебѣ руку солдатской рукой
И въ честь тебѣ высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь Россіи,
Дитя удалое свободной стихіи!

Лавръ первый изъ длани Камены младой
Ты взялъ на Парнасскихъ вершинахъ;
Ты, собственной кровью омытый, другой
Сорвалъ на гремящихъ твердыняхъ;
И къ третьему, съ лаской вдали колыхая,
Тебя призываетъ равнина морская.

Мужайся! Козарскій, живой Леонидъ,
Ждетъ друга на новый пиръ славы...
О, будьте вы оба отечества щитъ,
Перунъ вѣковѣчной державы!
И гимны побѣды съ ладей окрыленныхъ
Пусть искрами брызнутъ отъ струнъ вдохновенныхъ!

Давно ль подъ мечами, въ пылу батарей
И я попиралъ долъ кровавый,
И я въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы?..
Давно ль... Но забвеньемъ судьба меня губитъ,
И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ.

1828.
Литературная Газета 1830 г., т. I.

LV.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

Умолкшіе холмы, долъ нѣкогда кровавый,
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу!
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ, я лечу—веди меня, я твой!
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

1829.
Литературная Газета 1830 г., т. I.

LVI.

ЭПИТАФІЯ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Мосальскій тощій,
Онъ весь былъ въ немощи: теперь попалъ онъ въ мощи.

1829.
Изданіе 1860 г.

LVII.

Вы хороши! Каштановой волной
Вашъ локонъ падаетъ на свѣжія ланиты.
Какъ милъ вашъ взоръ полузакрытый,
Какъ милъ вашъ станъ полунагой!
Не вы ль оригиналъ живой
Очаровательной хариты,
Кановы созданной рукой?
Вы хороши!... Но мой покой
Неколебимъ. Осанка величава,
Желанная тоска искусственной любви
Не страшны мнѣ: моя отрава —
Взоръ вдохновительный и слово отъ души.
Я ихъ ищу давно, давно не обрѣтая.
Вамъ не съ родни крылатый богъ;
Жизнь ваша — стрѣлка часовая,
Ариѳметическій итогъ.
Но та, которую люблю, не называя,
Ахъ, та вся — чувство, вся — восторгъ,
Какъ Пиндара строфа живая!

1830.
Литературная Газета 1830 г., т. I.

LVIII.

ДУШЕНЬКА.

Бывали ль вы въ странѣ чудесъ,
Гдѣ жертвой грознаго велѣнья,
Въ глуши земного заточенья
Живетъ изгнанница небесъ?

Я былъ, я видѣлъ божество;
Я пѣлъ ей пѣснь съ восторгомъ новымъ
И осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.

Я, какъ младенецъ, трепеталъ
У ногъ ея въ уничиженьи
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.

Ахъ, мнѣ ль божественной къ стопамъ
Несть обольщенія искусство?
Я весь былъ гимнъ, я весь былъ чувство,
Я весь былъ чистый ѳиміамъ.

И что̀ ей нашъ земной восторгъ,
Слова любви? Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительныхъ тревогъ.

Изъ-подъ рѣсницъ ея густыхъ
Горитъ и гаснетъ взоръ стыдливый....
Но отъ чего души порывы
И вздохи персей молодыхъ?

Былъ мигъ: пролетная мечта.
Скользнула по челу прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорѣлися уста!

Но это мигъ — игра одна
Какихъ-то думъ.... воспоминанье
О томъ небесномъ обитаньѣ,
Откуда изгнана она...

Иль скучась безъ нея, съ небесъ
Воздушный гость, незримый мною,
Амуръ съ повинной головою
Предсталъ, нѣмѣющій отъ слезъ.

И очи онъ возвелъ къ очамъ,
И пробудилъ въ груди волненья,
Отъ жаркихъ устъ прикосновенья
Къ ея трепещущимъ устамъ.

1830.

Литературная Газета 1830 г., т. I.

LIX.

С. А. КУШКИНОЙ.

Вы личикомъ — пафосскій богъ,
Вы молоды, вы стройны, какъ Аглая!
Но я гусаръ... я бъ васъ любить не могъ,
Простите: для меня вы слишкомъ не земная!
Къ вамъ свѣтской страстью, какъ къ другой,
Горѣть грѣшно!....

1830.
Изданіе 1832 г.

LX.

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою,
Которую любилъ, которую люблю,
Чьей власти избѣжать я льстилъ себя обманомъ, —
Я обомлѣлъ! Такъ, случаемъ нежданнымъ,
Гуляющій на валѣ сорванецъ —
Встрѣчается солдатъ-бѣглецъ
Съ своимъ суровымъ капитаномъ.

1833.
Современникъ 1836 г., т. III.

LXI.

Вошла—какъ Психея, томна и стыдлива,
Какъ юная Пери, стройна и красива....
И шопотъ восторга бѣжитъ по устамъ,
И крестятся вѣдьмы, и тошно чертямъ!

1833.
Изданіе 1840 г.

LXII.

Въ тебѣ, въ тебѣ одной природа, не искусство,
Умъ обольстительный съ душевной простотой,
Веселость рѣзвая съ мечтательной душой
И въ каждомъ словѣ мысль, и въ каждомъ взорѣ чувство!

1833.
Изданіе 1840 г. Подражаніе Вольтеру: «Portrait de m-me Saint-Julien»

LXIII.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою —
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна для меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое —
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

1834.
Библіотека для Чтенія 1834 г., т. III.

LXIV.

ВАЛЬСЪ.

Кипитъ потокъ въ дубравѣ шумной
И мчится скачущей волной,
И катитъ въ ярости безумной
Песокъ и камень вѣковой.
Но покоренъ красой невольно,
Колышетъ ласково потокъ

Слетѣвшій съ берега на волны
Весенній, розовый листокъ.
Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена,
Летитъ воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Волненья чувствъ моихъ и думы,
И поэтическихъ безумій,
И поэтическихъ страстей!

1834.
Библіотека для Чтенія 1834 г., т. III.

LXV.

РѢЧКА.

Давно ли, рѣчка голубая,
Давно ли, ласковой волной
Мой челнъ привольно колыхая,
Владѣла ты, источникъ рая,
Моей блуждающей судьбой?

Давно ль съ безпечностію милой
Въ благоуханныхъ берегахъ
Ты влагу ясную катила
И отражать меня любила
Въ своихъ задумчивыхъ струяхъ?

Теперь, печально пробѣгая,
Ты стонешь въ сумрачной тиши,
Какъ стонетъ дѣва молодая,
Пролетный призракъ обнимая
Своей тоскующей души.

Увы, твой ропотъ заунывный
Понятенъ мнѣ! Онъ—ропотъ мой:
И я пою послѣдни гимны
И твой потокъ гостепріимный
Кроплю прощальною слезой!

На утро пурпурной зарею
Запышетъ небо, берега

Блеснутъ одеждой золотою,
И благотворною росою
Закаплютъ рощи и луга.

Но водъ твоихъ на лонѣ мутномъ
Все будетъ пусто!.... Лишь порой,
Носясь полетомъ безпріютнымъ
Ихъ гостемъ посѣтитъ минутнымъ
Журавль, пустынникъ кочевой.

О, гдѣ тогда, осиротѣлый,
Гдѣ буду я? Къ какимъ странамъ,
Въ какіе чуждые предѣлы
Мчать будетъ гордо парусъ смѣлый
Мой челнъ по скачущимъ волнамъ?

Но гдѣ бъ я ни былъ, сердца дани
Тебѣ одной. Чрезъ даль морей
Я на крылахъ воспоминаній
Явлюсь къ тебѣ, пріютъ мечтаній,
И мукъ, и благъ души моей!

Явлюсь, весь въ думу превращенный,
На берега твоихъ зыбей,
Въ обитель дѣвы незабвенной
И тихо, странникъ потаенной,
Невидимымъ приникну къ ней.

И не подвластный злымъ укорамъ,
Я облеку ее собой,
Упьюсь ея стыдливымъ взоромъ
И вдохновеннымъ разговоромъ,
И гармонической красой,

Ея, чья прелесть—увлеченье,
Свѣтла, небесна и чиста,
Какъ чувство ангела въ моленьѣ,
Какъ непорочно сновидѣнье,
Какъ юной граціи мечта.

1834.
Библіотека для Чтенія 1837 г., т. XXI.

LXVI.

НА ГОЛОСЪ ИЗВѢСТНОЙ РУССКОЙ ПѢСНИ.

Я люблю тебя, безъ ума люблю,
О тебѣ одной думы думаю,
При тебѣ одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядомъ ласковымъ
Успокой меня безпокойнаго,
Осчастливь меня несчастливаго!

Если жребій мой умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и въ смертный часъ воздыхаючи
О тебѣ, мой другъ, моя душечка!

1834.
Изданіе 1840 г.

LXVII.

Я васъ люблю такъ, какъ любить васъ должно:
Наперекоръ судьбы и сплетней городскихъ,
Наперекоръ, быть можетъ, васъ самихъ,
Томящихъ жизнь мою жестоко и безбожно.
Я васъ люблю не оттого, что вы
Прекраснѣй всѣхъ, что станъ вашъ нѣгой дышитъ,
Уста роскошьствуютъ и взоръ Востокомъ пышетъ,
Что вы — поэзія отъ ногъ до головы!
Я васъ люблю безъ страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я могъ бы васъ любить глухимъ, лишеннымъ зрѣнья..
Я васъ люблю затѣмъ, что это — вы!
Но право, васъ любить не прибѣгу къ паспорту
Изсохшихъ завистью жеманницъ отставныхъ:
Давно съ почтеніемъ я умоляю ихъ
Не заниматься мной и убираться къ чорту!

1834.
Изданіе 1840 г.

LXVIII.

Я не ропщу. Я вознесенъ судьбою
Превыше всѣхъ! Я счастливъ, я любимъ!
Привѣтливость даруется тобою
Соперникамъ моимъ...
Но теплота души, но все, что такъ любимо я
Съ тобой наединѣ,
Но дѣвственность живого поцѣлуя
Не имъ, а мнѣ!
1834.
Изданіе 1840 г.

LXIX.

Что пользы мнѣ въ твоемъ совѣтѣ,
Когда я съединилъ и пламенно люблю
Весь Божій міръ въ одномъ предметѣ
И въ одномъ чувствѣ—жизнь мою?
1834.
Изданіе 1860 г.

LXX.

Тебѣ легко: ты весела,
Ты радостна какъ утро мая,
Ты рѣзвишься, не вспоминая,
Какую клятву мнѣ дала!..
Ты пра̀ва. Какъ отъ упоенья,
Въ чаду кадильницъ, не забыть
Обѣтъ, который, можетъ быть,
Ты бросила отъ нетерпѣнья!
А я?... Я жалуюсь безжалостной судьбѣ,
Я плачу, какъ дитя, приникнувъ къ изголовью
Мечусь по ложу сна, терзаемый любовью,
И мыслю о тебѣ... и объ одной тебѣ!
1834.
Изданіе 1840 г.

LXXI.

О, кто, скажи ты мнѣ, кто ты,
Владычица моей мечты?
Скажи мнѣ, кто же ты? Мой ангелъ ли хранитель,
Иль злобный геній разрушитель
Всѣхъ радостей моихъ? Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главѣ вѣнокъ мой боевой,
Ты изъ души моей изгнала жажду славы
И грезы гордыя, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбилъ войну, —
Я въ мысляхъ, я въ душѣ храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Какъ свѣтъ для зрѣнья, какъ воздухъ для дыханья.
Ахъ, чтобъ безъ ропота, безъ ужаса терпѣть
Разгнѣванной судьбы и грозы, и волненья,
Мнѣ надо на тебя глядѣть, всегда глядѣть,
Глядѣть безъ устали, какъ на звѣзду спасенья!
Уходишь ты, и за тобою вслѣдъ
Стремится мысль, душа несется,
И стынетъ кровь, и жизни нѣтъ!
Но только мнѣ твой шорохъ отзовется,
Я чувствую приливы жизни, вижу свѣтъ,
И возвращается душа, и сердце бьется!

1834.
Историческій Вѣстникъ 1883 г., т. XI.

LXXII.

Жестокій другъ, за что мученье?
Зачѣмъ приманка милыхъ словъ?
Зачѣмъ въ глазахъ твоихъ любовь,
А въ сердцѣ гнѣвъ и нетерпѣнье?
Но будь спокойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю всѣ мечты
Моей души развороженной...

И этотъ край очарованья,
Гдѣ столько былъ судьбой гонимъ.

Гдѣ я любилъ, не бывъ любимъ,
Гдѣ я страдалъ безъ состраданья,
Гдѣ такъ жестоко испыталъ
Невѣрность клятвъ и обѣщаній,
И гдѣ никто не покималъ
Моей души глухихъ рыданій!

1834.
Изданіе 1840 г.

LXXIII.

Въ былыя времена она меня любила
И тайно обо мнѣ подругамъ говорила,
Смущенная и очи опустя,
Какъ передъ матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стихъ порывистый, несвязный,
Стихъ безыскусственный, но жгучій и живой,
И чувствъ разстроенныхъ языкъ разнообразный,
И упоенный взглядъ любовью и тоской.
Она внимала мнѣ, она ко мнѣ ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль ободренная, какъ ангелъ, улыбалась
Надеждамъ и мечтамъ обманчиваго сна...
И долгій взоръ ея изъ-подъ рѣсницъ стыдливыхъ
Бѣжалъ струей любви и мягко упадалъ
Мнѣ на душу — и на устахъ пылалъ
Готовый поцѣлуй для устъ нетерпѣливыхъ...

1834.
Изданіе 1840 г.

LXXIV.

Унеслись невозвратимые
Дни тревогъ и милыхъ бурь
И мечты мои любимыя,
И небесъ моихъ лазурь.
Не глядитъ она печальная
На пролетъ надеждъ моихъ,
Не дрожитъ слеза прощальная
На рѣсницахъ молодыхъ!

1834.
Историческій Вѣстникъ 1890 г., т. XLI.

LXXV.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ,
О, мой давній покровитель,
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Благочиній саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарныхъ трубъ и крючій,
То есть, по просту сказать:
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты,
Мой Пречистенскій дворецъ!
Тѣсенъ онъ для партизана.
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей и стѣнъ кирпичныхъ,
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налетовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ иль пикой въ брюхо.
Другъ, вотъ истинный мой домъ!
Онъ вездѣ, но скучно въ немъ:
Нѣтъ гостей для угощенья!
Подожду, а ты пока
Вникни въ просьбу казака
И уважь его моленье.

1836.
Современникъ 1836 г., т. III.

LXXVI.

О ты, убившій жизнь въ ученомъ кабинетѣ,
Скажи мнѣ: сколько чудъ считается на свѣтѣ?
«Семь». Нѣтъ, восьмое—ты, педантъ мой дорогой!

Девятое—твой носъ, носъ сизокрасноватый,
Что̀, такъ спѣсиво приподнятый,
Стоитъ, украшенный табачною ноздрей!

1836.
Современникъ 1836 г., т. III.

LXXVII.

Мериносъ собакой сталъ;
Онъ нахальствуетъ не къ рожѣ,
Онъ сейчасъ народъ прохожій
Затолкалъ и забодалъ.
Сторожъ, что жь ты оплошалъ?
Подойди къ барану прямо,
Поддѣпи его на крюкъ
И прижги ему курдюкъ
Раскаленной эпиграммой.

1836.
Современникъ 1836 г., т. III.

LXXVIII.

Нѣтъ, кажется, тебѣ не суждено
Сразить врага: твой врагъ—дѣтина чудный;
Въ немъ совѣсть спитъ спокойно, непробудно.
Заставить, другъ, его стыдиться мудрено,
Заставить покраснѣть не трудно!

1836.
Современникъ 1836 г., т. III.

LXXIX.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы.

То былъ вѣкъ богатырей!
Но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачокъ,
Корчитъ либерала.

Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся, слѣпъ и бородатъ
Гордый регистраторъ.

Томы Тьера и Рабо
Онъ на память знаетъ
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврило
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ, да въ рыло.

А глядишь: нашъ Лафаетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ пресъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
Прапорщикъ въ отставкѣ,
Для него Наполеонъ —
Въ родѣ бородавки.

Для него славнѣе бой
Карбонаровъ блѣдныхъ,
Чѣмъ когда нашъ шаръ земной
Отъ громовъ побѣдныхъ

Колыхался и дрожалъ,
И народъ въ смятеньѣ,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенье.

Что жъ? Быть можетъ, нашъ герой
Утомилъ свой генiй
И заботой боевой,
И огнемъ сраженiй?

Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ:
Шаркалъ по гостинымъ
И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.

Что жъ? Быть можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тогой гражданина?

Нѣтъ, нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ
И въ театрахъ развалясь
Все шипитъ да свищетъ.

Что жъ? Быть можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ?
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ спозаранокъ?

Нѣтъ, мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы
И теперь бы крестикъ взялъ,
Только чтобъ безъ службы.

Вотъ гостиная въ лучахъ:
Свѣчи да кенкеты;
На столѣ и на софахъ
Кипами газеты;

И превыспреннiй конгрессъ
Двухъ графинь оглохшихъ
И двухъ жалкихъ баронессъ
Чопорныхъ и тощихъ;

Все исчадiе грѣха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
Съ мухой-якобинкой;

И козявка-егова,
Дѣвка пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;

И въ очкахъ сухой паукъ,
Длинный лазарони,
И въ очкахъ плюгавый жукъ
Разноситель вони;

И комаръ, студентъ хромой,
Въ кучерской прическѣ,
И сверчокъ, крикунъ ночной,
Другъ Крылова «Моськи»;

И мурашка-филантропъ,
И червякъ голодный,
И Иванъ Иванычъ клопъ,
Мужъ женоподобный, —

Всѣ вокругъ стола, и скокъ
Въ кипеть совѣщанья
Утопистъ, идеологъ,
Президентъ собранья,

Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ аханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum!»

И раздолье языкамъ,
И ужь тутъ не шутка!
И народамъ, и царямъ,
Всѣмъ приходитъ жутко!

Все, что есть, все въ пыль и прахъ!
Все, что процвѣтаетъ,
Съ корнемъ вонъ! Ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.

И жужжитъ онъ, полнъ грозой,
Царства низвергая;
А Россiи, Боже мой! —
Таска, да какая!

И весь размежеванъ свѣтъ
Безъ войны и драки!
И Россiи уже нѣтъ,
И въ Москвѣ поляки!

Но на зло врагамъ она
Все живетъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышитъ.

Насѣкомыхъ болтовни
Внятiемъ не тѣшитъ,
Да и мѣсто, гдѣ они,
Даже не почешетъ.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползетъ ей въ носъ: она
Чхнетъ — и вонъ букашка!

1836.
Утренняя Заря на 1840 г.

LXXX.

Я помню — глубоко,
Глубоко мой взоръ,
Какъ лучъ, проникалъ и рощи, и боръ,
И степь обнималъ широко, широко....
Но, зоркiя очи,
Потухли и вы:
Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви,
Я выплакалъ васъ въ безсонныя ночи!

1836.
Изданiе 1840 г.

LXXXI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Прошла борьба моихъ страстей,
Болѣзнь души моей мятежной,
И призракъ пламенныхъ ночей
Неотразимый, неизбѣжный,
И милыя тревоги милыхъ дней,
И языка несвязный лепетъ,
И сердца судорожный трепетъ,
И смерть, и жизнь при встрѣчѣ съ ней....
Исчезло все! Покой желанный
У изголовія сидитъ....
Но каплетъ кровь еще изъ раны,
И грудь усталая и ноетъ, и болитъ!

1836.
Изданіе 1840 г.

LXXXII.

Какъ будто Діогенъ съ зажженымъ фонаремъ
Я по свѣту бродилъ, искавши человѣка,
И сильно утвердясь въ намѣреньи моемъ,
Въ столицахъ потерялъ я лучшую часть вѣка.
Судей, подьячихъ я, сенаторовъ нашелъ,
Вельможъ, министровъ, прокуроровъ,
Нашелъ людей я разныхъ сборовъ —
Фонарь мой все горѣлъ.
Но, встрѣтившись съ тобой, я вздрогнулъ, удивился —
Фонарь упалъ изъ рукъ, но ахъ!.. не погасился.

1837—1839.
Древняя и Новая Россія 1876 г., т. III.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

III, IV, V и VI *(стр. 15—18)*. Однополчанинъ и пріятель Давыдова Алексѣй Петровичъ Бурцовъ, умершій въ 1813 году въ Брестѣ Литовскомъ, былъ, по отзыву С. П. Жихарева, «величайшій гуляка и самый отчаянный забулдыга изъ всѣхъ гусарскихъ поручиковъ» (Записки. М. 1890, стр. 60). Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ посланій къ Давыдову вспоминаетъ Бурцова слѣдующими словами:

«О Бурцовъ, Бурцовъ, честь гусаровъ,
По сердцу Вакха человѣкъ,

и нѣсколько далѣе:

Любилъ онъ въ чашахъ видѣть дно,
Врагамъ казать лицо средь боя».

XI и XII *(стр. 26, 27)*. Воспѣваемая въ этихъ стихотвореніяхъ Аглая есть герцогиня Аделаида Антоновна де-Грамонъ, въ первомъ бракѣ бывшая за двоюроднымъ братомъ нашего поэта Александромъ Львовичемъ Довыдовымъ, по смерти котораго вышла замужъ за графа Себастіани. Денисъ Васильевичъ видѣлся съ нею во время пребыванія своего въ имѣніи Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ жила въ то время вся семья Давыдовыхъ. Прекрасная собою, вѣтреная и кокетливая, А. А. Давыдова была «магнитомъ въ Каменкѣ, привлекавшимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей славнаго Александровскаго времени» (Русская Старина 1872 г., т. V, стр. 632). Кромѣ Давыдова, ее воспѣлъ и А. С. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Къ Аглаѣ».

XX *(стр. 33)*. «Россійская Терпсихора»—танцовщица, а потомъ водевильная и оперная актриса Александра Ивановна Иванова. Она воспитывалась въ Московскомъ театральномъ училищѣ, а впослѣдствіи вышла замужъ за балетмейстера А. П. Глушковскаго. Д. В. Давыдовъ познакомился съ нею на одномъ изъ домашнихъ спектаклей у Аполлона Александровича Майкова и влюбился въ нее. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, она дѣйствительно, была красавица и необыкновенно стыдливо-граціозна (Русскій Архивъ 1866 года, ст. 900). Иванова умерла въ молодыхъ лѣтахъ 30-го декабря 1830 года.

XXI *(стр. 33 — 35)*. Это стихотвореніе хотя и составляетъ подражаніе Тибуллу, имѣетъ также отношеніе къ танцовщицѣ А. И. Ивановой и заключаетъ въ себѣ намеки на Московское театральное училище (Русскій Архивъ 1874 г., кн. II, ст. 734).

XXIX *(стр. 41, 42).* Это стихотвореніе посвящено Елизаветѣ Антоновнѣ Злотницкой, родомъ полькѣ. Давыдовъ познакомился съ нею въ свою бытность въ Кіевѣ, посватался и получилъ уже согласіе на бракъ; но въ одну изъ отлучекъ Дениса Васильевича Злотницкая была помолвлена за князя Петра Алексѣевича Голицына, за котораго въ 1820 году и вышла замужъ (Русская Старина 1872 г., т. V, стр. 635).

XXX *(стр. 42).* Въ изданіи сочиненій Арно (Paris. 1824—1827) помѣщенъ его отзывъ о переводѣ этого стихотворенія, сдѣланномъ Давыдовымъ. Арно находилъ переводъ замѣчательнымъ по своему изяществу и близости къ подлиннику. Извѣстіе объ этомъ отзывѣ сообщено въ «Современникѣ» Пушкина 1836 г., т. II, въ статьѣ «Французская академія». Кромѣ Давыдова, «La Feuille» переводили еще Жуковскій и В. Л. Пушкинъ.

XXXI *(стр. 43, 44).* «Болтунъ краснорѣчивый» — вѣроятно, князь П. А. Вяземскій, съ которымъ Давыдовъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. По формѣ своей это стихотвореніе напоминаетъ «Мои пенаты» Батюшкова, а также посланіе князя П. А. Вяземскаго «Къ Батюшкову».

XLII *(стр. 49).* Эта піеса есть, по всей вѣроятности, отвѣтъ на стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки «Партизанъ», въ которомъ воспѣваются военные подвиги Д. В. Давыдова и есть, между прочимъ, такой стихъ:

Давыдовъ, это ты—поэтъ и партизанъ!

Стихотвореніе Глинки было написано въ 1824 году, а напечатано въ 1827, въ журналѣ «Славянинъ».

XLIII *(стр. 50).* «Грузинскій князь, газетчикъ русскій» — князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (род. 1768 г., ум. 1852 г.), родомъ грузинъ; онъ вскорѣ послѣ 1812 года сталъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и несъ эти обязанности въ теченіе 25 лѣтъ. Въ 1826 году открылась война съ Персіей, и Давыдовъ въ ней участвовалъ.

LII *(стр. 56).* Хотя это стихотвореніе озаглавлено «На смерть NN», но, по всей вѣроятности, оно написано по случаю отставки главнокомандующаго на Кавказѣ А. П. Ермолова, послѣдовавшей въ 1827 году, главнымъ образомъ по интригамъ Дибича. «Съ кончиной императора Александра похоронено и мое счастіе», говорилъ самъ Ермоловъ.

LIV *(стр. 56, 57).* Стихотвореніе это написано по случаю отъѣзда Зайцевскаго на войну 1828—1829 годовъ. Ефимъ Петровичъ Зайцевскій (род. въ началѣ текущаго столѣтія, ум. въ Неаполѣ 1860 г.) служилъ первоначально въ черноморскомъ флотѣ; участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ и при взятіи Варны былъ раненъ, послѣ чего перешелъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, написанныхъ преимущественно въ элегическомъ тонѣ. Его произведенія печатались въ нѣкоторыхъ журналахъ и альманахахъ 1825—1840 годовъ. Упоминаемый въ настоящемъ стихотвореніи Александръ Ивановичъ Козарскій (род. 1798 г., ум. 1833 г.) прославился въ Турецкую войну 1829 года геройскою защитой военнаго брига «Меркурій». Въ Севастополѣ ему поставленъ памятникъ.

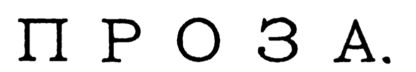
LVI *(стр. 58)*. Константинъ Петровичъ Масальскій (род. 1802 г., ум. 1861 г.)—одинъ изъ плохихъ писателей тридцатыхъ годовъ; писалъ онъ романы, драматическія произведенія, стихи и занимался переводами. Съ 1842 по 1849 годъ состоялъ редакторомъ «Сынъ Отечества».

LXIV *(стр. 61)*. Авторъ посвятилъ это стихотвореніе, равно какъ и многія другія, написанныя въ 1833 и 1834 годахъ, Евгеніи Дмитріевнѣ Золотаревой, дочери пензенскаго помѣщика. Умная, образованная и прекрасная собою молодая дѣвушка плѣнила сердце стараго годами, но юнаго чувствами Давыдова. Между ними завязалась переписка, которая, впрочемъ, скоро должна была прекратиться, такъ какъ Евгенія Дмитріевна вышла замужъ за Мацнева. Отрывки изъ переписки Давыдова съ Е. Д. Золотаревой напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г., т. XLI.

LXXV *(стр. 68)*. Стихотвореніе «Челобитная» написано Давыдовымъ по поводу задуманной имъ въ 1836 году продажи своего дома въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, противъ пожарнаго депо. Желая заручиться по этому дѣлу содѣйствіемъ тогдашняго предсѣдателя строительной коммиссіи въ Москвѣ А. А. Башилова, авторъ и обращается къ нему со своею «Челобитной».

LXXVI *(стр. 68, 69)*. Эта эпиграмма написана на Платона Петровича Бекетова (род. 1761 г., ум. 1836 г.), просвѣщеннаго любителя русской старины. Большую часть своей жизни онъ прожилъ вдали отъ большого свѣта, посвящая свой досугъ изученію отечественной исторіи и словесности. Съ 1810 года по 1820 состоялъ предсѣдателемъ Московскаго общества исторіи и древностей.

LXXVII *(стр. 69)*. Эта эпиграмма написана на пензенскаго помѣщика Ивана Васильевича Сабурова (род. 1788 г., ум. 1873 г.), извѣстнаго въ свое время сельскаго хозяина. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 и 1843 годовъ печатались его «Записки пензенскаго землевладѣльца о теоріи и практикѣ селкаго хозяйства»; здѣсь между прочимъ Сабуровъ излагалъ свои замѣчаія о разведеніи мериносовъ въ Россіи.

ПРОЗА.

I.

ВСТРѢЧА

съ

ВЕЛИКИМЪ СУВОРОВЫМЪ.

(1793).

Посвящается князю Александру Аркадьевичу Италійскому графу Суворову-Рымникскому.

Съ семилѣтняго возраста я жилъ подъ солдатскою палаткой, при отцѣ моемъ, который командовалъ тогда Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ; объ этомъ гдѣ-то было уже сказано. Забавы дѣтства моего состояли въ метаніи ружьемъ и въ маршированьи, а верхъ блаженства — въ ѣздѣ на казачьей лошади съ спокойнымъ Филиппомъ Михайловичемъ Ежовымъ, сотникомъ Донскаго войска.

Какъ рѣзвому ребенку не полюбить всего военнаго при всечасномъ зрѣлищѣ солдатъ и лагеря? А типъ всего военнаго, русскаго, роднаго не былъ ли тогда Суворовъ? Не Суворовымъ ли занимались и лагерныя сборища, и гражданскія общества того времени? Не онъ ли былъ предметомъ восхищеній и благословеній, заочно и лично, всѣхъ и каждаго? Его таинственность, происходившая отъ своенравныхъ странностей, которыя онъ постоянно употреблялъ наперекоръ условнымъ странностямъ свѣта, его предпріятія, казавшіяся задуманными какъ будто „очертя голову", его молніелетные переходы, его громовыя побѣды на неожиданныхъ ни нами,

ни непріятелемъ точкахъ военныхъ дѣйствій,—вся эта поэзія событій, подвиговъ, побѣдъ, славы, продолжавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, все отзывалось въ свѣжей, молодой Россіи полною поэзіей, какъ все, что̀ свѣжо и молодо!

Онъ былъ сынъ генералъ-аншефа, человѣка весьма умнаго и образованнаго въ свое время; оцѣнивъ просвѣщеніе, онъ неослабно наблюдалъ за воспитаніемъ сына и дочери (княгини Горчаковой). Александръ Васильевичъ изучилъ основательно языки французскій, нѣмецкій, турецкій и отчасти италіанскій; до поступленія своего на службу онъ не обнаруживалъ никакихъ странностей. Совершивъ славные партизанскіе подвиги во время Семилѣтней войны, онъ узналъ, что̀ такое люди; убѣдившись въ невозможности достигнуть высшихъ степеней наперекоръ могущественнымъ завистникамъ, онъ сталъ отличаться причудами и странностями. Завистники его, видя эти странности и не подозрѣвая истинной причины его успѣховъ, вполнѣ оцѣненныхъ великой Екатериной, относили всѣ его побѣды лишь слѣпому счастью. Суворовъ вполнѣ олицетворилъ собою героя трагедіи Шекспира, поражающаго въ одно время комическимъ буфонствомъ и смѣлыми порывами генія. Гордый отъ природы, онъ постоянно боролся съ волею всесильныхъ вельможъ временъ Екатерины. Онъ въ глаза насмѣхался надъ могущественнымъ Потемкинымъ, хотя часто писалъ ему весьма почтительныя письма, и ссорился съ всесильнымъ австрійскимъ министромъ, барономъ Тугутомъ. Онъ называлъ часто Потемкина и графа Разумовскаго своими благодѣтелями; отправляясь въ Италію, Суворовъ палъ къ ногамъ Павла [1]). Было ли это слѣдствіемъ разсчета, къ которому онъ прибѣгалъ для того, чтобы вводить въ заблужденіе наблюдателей, которыхъ онъ любилъ ставить въ недоумѣніе, или, дѣйствуя на массы своими странностями, преступавшими за черту обыкновенія.

---

[1]) Извѣстно, что онъ упалъ къ ногамъ императора Павла, говоря: «Боже, спаси Царей!» «Вамъ», сказалъ императоръ, «предстоитъ спасать ихъ». Видя, что Суворовъ съ трудомъ подымается, государь сказалъ своимъ придворнымъ: «Помогите встать графу». При этихъ словахъ Суворовъ самъ быстро всталъ, воскликнувъ: «О, помилуй Богъ, Суворовъ самъ подымается, никто въ томъ ему не помогаетъ».

онъ хотѣлъ приковать къ себѣ всеобщее вниманіе? Если вся жизнь этого изумительнаго человѣка, одареннаго нѣжнымъ сердцемъ [1]), возвышеннымъ умомъ и высокою душой, была лишь театральнымъ представленіемъ, и всѣ его поступки заблаговременно обдуманы,—весьма любопытно знать: когда онъ былъ въ естественномъ положеніи? Балагуря и напуская на себя разнаго рода причуды, онъ въ то же время отдавалъ приказанія арміямъ, обнаруживавшія могучій геній. Бесѣдуя съ глазу на глазъ съ Екатериной о высшихъ военныхъ и политическихъ предметахъ, онъ удивлялъ эту необычайную женщину своимъ оригинальнымъ, превосходнымъ умомъ и обширными разносторонними свѣдѣніями [2]); поражая вельможъ своими высокими подвигами, онъ язвилъ ихъ насмѣшками, достойными Аристофана и Пирона. Во время боя, слѣдя внимательно за всѣми обстоятельствами, онъ вполнѣ обнималъ и проникалъ ихъ своимъ орлинымъ взглядомъ. Въ минуты, гдѣ бесѣда его съ государственными людьми становилась наиболѣе любопытною, когда онъ съ свойственной ему ясностью и краснорѣчіемъ излагалъ ходъ дѣлъ, онъ внезапно вскакивалъ на стулъ и пѣлъ пѣтухомъ, либо казался усыпленнымъ вслѣдствіе подобнаго разговора; такимъ образомъ поступилъ онъ съ графомъ Разумовскимъ и эрцгерцогомъ Карломъ. Лишь только они начинали говорить о военныхъ дѣйствіяхъ, Суворовъ, повидимому, засыпалъ, что̀ вынуждало ихъ измѣнять разговоръ, или, увлекая ихъ своимъ краснорѣчіемъ, онъ вне-

---

[1]) Суворовъ просился однажды въ Москву въ отпускъ съ Моздокской линіи, устройство которой ему было поручено. Такъ какъ императрица не изъявляла своего согласія на продолжительный отпускъ, онъ получилъ лишь пятнадцатидневный. Прибывъ въ Москву ночью, онъ благословилъ спящихъ дѣтей и тотчасъ предпринялъ возвратный путь на линію.

[2]) Однажды военная коллегія жаловалась императрицѣ на Суворова, въ полкахъ котораго было слишкомъ много музыкантовъ, что̀ вынуждало его уменьшать число фронтовыхъ солдатъ. Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и Суворовъ, который, выслушавъ всѣ мнѣнія, сказалъ: «Хорошій и полный хоръ музыкантовъ возвышаетъ духъ солдатъ, расширяетъ шагъ; это ведетъ къ побѣдѣ, а побѣда къ славѣ». Императрица вполнѣ предоставила это дѣло на его благоусмотрѣніе. (Многія свѣдѣнія о великомъ Суворовѣ были мнѣ сообщены княземъ Андреемъ Ивановичемъ Горчаковымъ).

запно прерывалъ свой разсказъ криками пѣтуха. Эрцгерцогъ, оскорбившись этимъ, сказалъ ему: „Вы, вѣроятно, графъ, не почитаете меня достаточно умнымъ и образованнымъ, чтобы слушать ваши поучительныя и краснорѣчивыя рѣчи?“ На это Суворовъ возразилъ ему: „Проживете съ моихъ лѣтъ и испытаете то̀, что я испыталъ, и вы тогда запоете не пѣтухомъ, а курицей“. Набожный до суевѣрія, онъ своими причудами въ храмахъ вызывалъ улыбку самихъ священнослужителей.

Многіе указываютъ на Суворова, какъ на человѣка сумасброднаго, невѣжду, злодѣя, не уступавшаго въ жестокости Аттилѣ и Тамерлану, и отказываютъ ему даже въ военномъ геніѣ. Хотя я вполнѣ сознаю свое безсиліе и неспособность, чтобы вполнѣ опровергнуть всѣ возводимыя на этого великаго человѣка клеветы, но я дерзаю, хотя слабо, возражать порицателямъ его.

Предводительствуя россійскими арміями пятьдесятъ-пять лѣтъ отъ роду, онъ не сдѣлалъ несчастнымъ ни одного чиновника и рядоваго; онъ, не ударивъ ни разу солдата, каралъ виновныхъ лишь насмѣшками, прозвищами въ народномъ духѣ, которыя врѣзывались въ нихъ, какъ клейма. Онъ иногда приказывалъ людей, не заслуживших его расположенія, выкуривать жаровнями. Кровопролитіе при взятіи Измаила и Праги было лишь прямымъ послѣдствіемъ всякаго штурма послѣ продолжительной и упорной обороны. Во всѣхъ войнахъ въ Азіи, гдѣ каждый житель есть вмѣстѣ съ тѣмъ воинъ, и въ Европѣ во время народной войны, когда гарнизоны, вспомоществуемые жителями, отражаютъ непріятеля, всякій приступъ неминуемо сопровождается кровопролитіемъ. Вспомнимъ кровопролитные штурмы Сарагоссы и Тарагоны; послѣднею овладѣлъ человѣколюбивый и благородный Сюшетъ. Вспомнимъ наконецъ варварскіе поступки англичанъ въ Индіи; эти народы, кичащіеся своимъ просвѣщеніемъ, упоминая о кровопролитіи при взятіи Измаила и Праги, умалчиваютъ о совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, не оправдываемыхъ даже обстоятельствами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ французы овладѣли приступомъ городами Сенъ-Жанъ-д'Акръ и Смоленскомъ, они поступили бы

такимъ же образомъ, потому что ожесточеніе осаждающихъ возрастаетъ по мѣрѣ сопротивленія гарнизона. Штурмующіе, ворвавшись въ улицы и дома, еще обороняемые защитниками, приходятъ въ остервенѣніе; начальники не въ состояніи обуздать порывъ войскъ до полнаго низложенія гарнизона. Такимъ образомъ были взяты Измаилъ и Прага. Легко осуждать это въ кабинетѣ внѣ круга ожесточеннаго боя, но христіанская вѣра, совѣсть и человѣколюбивый голосъ начальниковъ не въ состояніи остановить ожесточенныхъ и упоенныхъ побѣдою солдатъ. Во время штурма Праги остервенѣніе нашихъ войскъ, пылавшихъ местью за измѣнническое побіеніе поляками товарищей, достигло крайнихъ предѣловъ. Суворовъ, вступая въ Варшаву, взялъ съ собою лишь тѣ полки, которые не занимали этой столицы съ Игельстромомъ въ эпоху вѣроломнаго побоища русскихъ. Полки, наиболѣе тогда потерпѣвшіе, были оставлены въ Прагѣ, дабы не дать имъ случая удовлетворить свое мщеніе. Этотъ поступокъ, о которомъ многіе не знаютъ, достаточно говоритъ въ пользу человѣколюбія Суворова [1]).

Въ это время здравствовалъ еще знаменитый Румянцовъ, нѣкогда начальникъ Суворова, и нѣкоторые другіе вожди, украшавшіе вѣкъ чудесъ, вѣкъ Екатерины; но блескъ именъ ихъ тонулъ въ ослѣпительныхъ лучахъ этого самобытнаго, не разгадываемаго метеора, увлекшаго за собою весь міръ чувствъ, умовъ, вниманій и довѣренности своихъ соотчичей,—ибо въ геніи его не было ни малѣйшаго противозвучія общей гармоніи мыслей, повѣрій, предразсудковъ, страстей, которыми исключительно они отличались. Этого мало; когда и понынѣ еще господствуетъ между чужеземцами мнѣніе, что войско наше безъ чувствъ, безъ порывовъ, безъ честолюбія, что оно движимо однимъ только страхомъ къ начальству, онъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, положилъ руку на сердце русскаго солдата и изучилъ его біеніе. Онъ увѣрился, что русскій сол-

[1]) Взятіе Варшавы въ 1831 году безъ грабежа нисколько не опровергаетъ всего мною сказаннаго, ибо гарнизонъ города имѣлъ свободный выходъ, которымъ и воспользовался. Еслибъ гарнизонъ нашелся вынужденнымъ сражаться на улицахъ, въ домахъ и костелахъ, городъ подвергся бы страшнымъ бѣдствіямъ.

дать, если не болѣе, то конечно, не менѣе всякаго чужеземнаго солдата причастенъ воспламененію и познанію своего достоинства, и на этой увѣренности Суворовъ основалъ образъ своихъ съ нимъ сношеній. Находя повиновеніе начальству—этотъ необходимый и единственный склей всякой арміи—доведеннымъ въ нашей до совершенства, онъ не удовольствовался качествомъ, посредствомъ котораго можно достигнуть нѣкоторой только извѣстной черты, но не далѣе; онъ удесятерилъ пользу, приносимую повиновеніемъ, сочетавъ ее въ душѣ солдата съ чувствомъ воинской гордости и увѣренности въ превосходствѣ своемъ надъ всѣми солдатами въ мірѣ, чувствомъ, котораго слѣдствію нѣтъ предѣловъ.

Прежніе полководцы, вступая въ командованіе войсками, обращались къ войскамъ съ пышными, непонятными для нихъ рѣчами. Суворовъ предпочелъ жить среди войска и вполнѣ его изучилъ; его добродушіе, доходившее до простодушія, его причуды въ народномъ духѣ привлекали къ нему сердца солдатъ. Онъ говорилъ съ ними въ походахъ и въ лагерѣ его нарѣчіемъ. Вмѣсто огромныхъ штабовъ онъ окружалъ себя людьми простыми, такъ на примѣръ: Тищенкой, Ставраковымъ.

Но къ чему послужило бы, скажу болѣе,—долго ли удержалось бы на своей высотѣ это подъятіе духа въ войскахъ, ему ввѣренныхъ, еслибъ воинскія его дарованія (я не говорю уже о непоколебимой стойкости его характера и неограниченной его предпріимчивости) хотя немного уступали неустрашимости и самоотверженію, которыя онъ посѣялъ въ воинахъ, исполнявшихъ его предначертанія; если бы, подобно всѣмъ полководцамъ своего времени, онъ продолжалъ идти тѣсною стезею искусства, проложенною посредственностью, и не шагнулъ исполински на пространство широкое, разгульное, которое имъ однимъ было угадано, и котораго до сей поры никто не посѣщалъ послѣ него, кромѣ Наполеона? Случай, который я хочу разсказать, требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, чтобы сдѣлаться понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Они не будутъ длинны.

Суворовъ засталъ военное искусство, основанное на самыхъ жалкихъ началахъ. Наступательное дѣйствіе состояло въ движеніи войскъ, растянутыхъ и разсѣянныхъ по чрезмѣрному пространству, чтобы, какъ говорили тогда, „охватить оба крыла противника и поставить его между двухъ огней“. Оборонительное дѣйствіе не уступало въ нелѣпости наступательному. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь разсѣяніемъ войскъ противника, ударять совокупно на средину, разрѣженную и слабую отъ чрезмѣрнаго протяженія линіи, и разорвавъ ее на двѣ части, поражать каждую порознь, полководцы, дѣйствовавшіе оборонительно, растягивали силы свои наравнѣ съ наступательною арміею, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверстіе, которыми она могла къ нимъ приблизиться. Нѣкоторые,—и тѣ почитались уже превосходнѣйшими вождями,—нѣкоторые рѣшались измѣнять оборонительное дѣйствіе въ наступательное, растягивая силы свои еще болѣе растянутой непріятельской арміи, чтобы съ своей стороны охватить оба ея крыла и поставить ихъ „между двухъ огней“ обоихъ крылъ своихъ. Къ этому надобно еще прибавить такъ-называемыя демонстраціи отряженными частями арміи на далекое разстояніе, отъ чего только уменьшалась числительная сила главной массы, опредѣленной для боя, размѣренные переходы войскъ, которые только способствовали непріятелю разсчитывать время ихъ прибытія къ предмету дѣйствій и, слѣдственно, предупреждать намѣренія ихъ начальника, и наконецъ, большую заботливость о механическомъ устройствѣ подвозовъ съ пищею въ опредѣленные сроки, чѣмъ о предметахъ, касающихся собственно до битвъ, и тѣмъ самымъ полную зависимость военныхъ соображеній и дѣйствій отъ распоряженій чиновниковъ, управляющихъ способами пропитанія арміи. Такова была стратегія того времени! Тактика представляла не менѣе нелѣпостей; когда дѣло доходило до сраженія, то важнѣйшія условія для принятія битвы состояли въ избраніи возвышеннаго мѣстоположенія, въ примкнутіи обоихъ крылъ арміи къ искусственнымъ или природнымъ преградамъ и въ отраженіи оттуда непріятельскихъ усилій, не двигаясь съ мѣста. При

нападеніи на непріятеля—употребленіе фальшивыхъ атакъ, которыя никого не обманывали, и дѣйствіе болѣе огнемъ, чѣмъ холоднымъ оружіемъ; нигдѣ рѣшительности, вездѣ ощупь и колебаніе воли.

Можно себѣ представить, какъ поступилъ съ такими преградами геній безпокойный, своенравный, независимый. Будучи еще полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка на маневрахъ у Краснаго Села, гдѣ одна сторона была предводительствуема графомъ Панинымъ, а другая не помню кѣмъ, Суворовъ, который давно уже негодовалъ на методическія движенія, почитаемыя въ то время во всей Европѣ за совершенство военнаго искусства, и на долговременную стрѣльбу во время боя, по мнѣнію его ничего не рѣшающую, осмѣлился показать великой монархинѣ и своимъ начальникамъ образъ дѣйствія, приличнѣйшій духу русскаго солдата; онъ испортилъ маневръ порывомъ своевольнымъ и неожиданнымъ. Среди одного изъ самыхъ педантическихъ движеній, сопряженнаго съ залпами „плутонгами", онъ вдругъ прекратилъ стрѣльбу своего полка, двинулся съ нимъ вонъ изъ линіи, ворвался въ средину противной стороны, привелъ въ замѣшательство часть ея и, перепутавъ всѣ предначертанія и распоряженія обоихъ начальниковъ, обратилъ все въ хаосъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда ему было предписано идти съ полкомъ изъ Петербурга въ Ригу, онъ не пропустилъ и этого случая, чтобъ не открыть глазъ и не обратить вниманія на пользу, какую могутъ принести переходы войскъ, выходящіе изъ разряда тѣхъ, какіе были употребляемы тогда всѣми безъ исключенія. Посадивъ одинъ взводъ на подводы и взявъ съ нимъ полковую казну и знамена, онъ прибылъ въ восемь дней въ Ригу и донесъ оттуда съ нарочнымъ о днѣ прибытія полка на назначенное ему мѣсто. Военная коллегія была изумлена такою поспѣшностью. Вскорѣ прибыла туда и остальная часть полка, но не въ тридцать сутокъ, какъ предписано по маршруту, а не болѣе какъ въ четырнадцать дней. Одна Екатерина во всей Россіи поняла и молодого полковника, и оба данныя имъ наставленія, и тогда же она сказала объ немъ: „Это мой

собственный, будущій генералъ!“ Послѣ такого слова легко было и не Суворову идти къ цѣли свободно и безъ опасенія препятствій. Чтò же долженъ былъ сдѣлать Суворовъ съ своею предпріимчивостью, желѣзною волей, и какъ онъ этимъ воспользовался?

Онъ предалъ анаѳемѣ всякое оборонительное, еще болѣе отступательное дѣйствіе въ русской арміи, и сорокъ лѣтъ сряду, то-есть отъ перваго боеваго выстрѣла до послѣдняго дня своей службы, дѣйствовалъ не иначе, какъ наступательно. Онъ, сосредоточивая всѣ силы, всегда воевалъ одною массою, чтò давало ему рѣшительное превосходство надъ образомъ дѣйствія [1]), принятымъ тогда въ Европѣ, образомъ дѣйствія, донынѣ употребляемымъ посредственностью, которая, достигая часто власти, имѣетъ такимъ образомъ преимущество предъ дарованіемъ.

Что касается до чистаго боеваго дѣйствія, Суворовъ или стоялъ на мѣстѣ, вникая въ движенія противника, или проникнувъ ихъ, стремглавъ бросался на него усиленными переходами, которые донынѣ именуются „суворовскими“, и падалъ, „какъ снѣгъ на голову“.

Слѣдствіемъ такихъ летучихъ переходовъ, предпринимаемыхъ единственно для изумленія непріятеля внезапнымъ на него нападеніемъ во время сплошной неготовности его къ бою, было предпочтеніе Суворовымъ холоднаго оружія огнестрѣльному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же линіи и не завязывать дѣла канонадою и застрѣльщиками, чтобы, встревоживъ противника нечаяннымъ появленіемъ, дать ему время прійти въ себя, оглядѣться, устроиться и привести положеніе атакованнаго въ равновѣсіе съ положеніемъ атакую-

---

[1]) Разсѣяніе части арміи на осады нѣкоторыхъ крѣпостей въ Италіи принадлежитъ единственно Вѣнскому военному совѣту. Суворовъ неоднократно возставалъ на такой распорядокъ и два раза просилъ себѣ отзыва изъ арміи. Не вмѣшивайся этотъ совѣтъ въ его распоряженія,— нѣтъ сомнѣнія, что, по превосходству числительной силы Суворова надъ силою французской арміи и генія его надъ дарованіями Моро, союзныя войска еще въ іюлѣ мѣсяцѣ были бы въ границахъ Франціи, и Массена, обойденный съ праваго своего фланга, принужденъ былъ бы оставить Швейцарію.

щаго! И весь этотъ образъ дѣйствія, имъ созданный, былъ приспособленъ къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ; его чудесная, неизъяснимая, мгновенная смѣтливость обнаруживалась при избраніи выгоднѣйшаго стратегическаго пути между путями, разсѣкающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля, на которомъ надлежало сражаться. По этому пути и на эту точку устремлялъ онъ всѣ свои силы, не развлекая ихъ никакими посторонними предпріятіями и предметами.

Изъ краткихъ выписокъ его приказовъ или такъ-называемыхъ замѣтокъ мы видимъ лишь похвалы штыку и презрѣніе къ ружейной пальбѣ; это значило, что надо было, избѣгая грома, часто мало вредящаго и отсрочивающаго развязку битвъ, сближаться съ непріятелемъ грудь съ грудью въ рукопашной схваткѣ. Вездѣ видна рѣшительность и быстрота, а не дѣйствіе ощупью. Онъ любилъ рѣшительность въ дѣйствіяхъ и лаконизмъ въ рѣчахъ; длинныя донесенія и разсказы приводили его въ негодованіе. Онъ требовалъ „да" или „нѣтъ", или лаконическую фразу, выражающую мысль двумя, тремя словами. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ немогузнаекъ, о которыхъ говорилъ: „Отъ проклятыхъ немогузнаекъ много бѣды". Однажды Суворовъ спросилъ гренадера: „Далеко ли отсюда до дальнѣйшей звѣзды?" „Три Суворовскихъ перехода", отвѣчалъ гренадеръ. Презирая дѣйствія, носящія отпечатокъ робости, вялости, излишней разсчетливости и предусмотрительности, онъ старался возбудить въ войскахъ рѣшительность и смѣлость, которыя соотвѣтствовали бы его залетнымъ движеніямъ.

Суворовъ въ концѣ своего знаменитаго поприща предводительствовалъ австрійцами противъ французовъ [1]); онъ покорилъ Италію, въ которой много буйныхъ головъ обна-

---

[1]) Маршалъ Макдональдъ сказалъ однажды въ Парижѣ нашему послу графу П. А. Толстому: «Хотя императоръ Наполеонъ не дозволяетъ себѣ порицать кампанію Суворова въ Италіи, но онъ не любитъ говорить о ней. Я былъ очень молодъ во время сраженія при Требіи; эта неудача могла бы имѣть пагубное вліяніе на мою карьеру; меня спасло лишь то, что побѣдителемъ моимъ былъ Суворовъ».

руживали явную непокорность законнымъ властямъ. Пусть австрійцы, французы, италіанцы скажутъ: гдѣ и въ какомъ случаѣ Суворовъ обнаружилъ жестокость и безчеловѣчіе. Къ концу кампаніи половина арміи Моро съ генералами Груши, Периньонъ, Викторъ, Гарданъ и другими были взяты въ плѣнъ. Обращеніе Суворова съ плѣнными и вышеупомянутыми лицами могло ли сравниться съ поведеніемъ австрійцевъ и англичанъ, которые томили своихъ плѣнныхъ въ смрадныхъ, сырыхъ казематахъ крѣпостей и понтонахъ. Всѣ не мало изумлялись постоянству, съ которымъ Суворовъ съ юныхъ лѣтъ стремился къ достиженію однажды избранной имъ цѣли, и выказанной имъ твердости душевной, необходимой для всякаго генія, сколько бы онъ ни былъ глубокъ и обширенъ. Я полагаю, что еще въ юности Суворовъ, взвѣсивъ свои физическія и душевныя силы, сказалъ себѣ: „Я избираю военное поприще и укажу русскимъ войскамъ путь къ побѣдамъ; я пріучу ихъ къ перенесенію лишеній всякаго рода и научу ихъ совершать усиленные и быстрые переходы“. Съ этою цѣлью онъ укрѣпилъ свое слабое тѣло упражненіями разнаго рода, такъ что, достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, онъ ежедневно ходилъ по десяти верстъ; употребляя пищу простую и умѣренную, онъ одинъ разъ въ сутки спалъ на свѣжемъ сѣнѣ, и каждое утро обливался нѣсколькими ушатами воды со льдомъ. Избравъ военное поприще, онъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить на немъ много препятствій со стороны многочисленныхъ завистниковъ и вынести не мало оскорбленій. Первымъ онъ противопоставилъ Діогеновскую бочку, и пока они занимались осужденіемъ его причудъ и странностей, онъ ускользалъ отъ ихъ гоненія; пренебрегая вторыми, онъ терпѣливо слѣдовалъ по единожды избранному пути. Онъ стремился къ одной главной цѣли—достиженію высшаго званія для употребленія съ пользой необычайныхъ дарованій своихъ, которыя онъ сознавалъ въ себѣ. Онъ мечталъ лишь о славѣ, но о славѣ чистой и возвышенной; эта страсть поглотила всѣ прочія, такъ что въ эпоху возмужалости, когда природа влечетъ насъ болѣе къ существенному, нежели къ идеальному, Суворовъ казался вопи-

ственнымъ схимникомъ. Избѣгая общества женщинъ, развлеченій, свойственныхъ его лѣтамъ, онъ былъ нечувствителенъ ко всему тому, что обольщаетъ сердце. Ненавистники Россіи и, къ сожалѣнію, нѣкоторые русскіе не признаютъ въ немъ военнаго генія; пятидесяти-трехъ лѣтнее служеніе его не было ознаменовано ни одной неудачей; имъ были одержаны блестящія побѣды надъ знаменитѣйшими полководцами его времени, и имя его до сихъ поръ неразлучно въ понятіяхъ каждаго русскаго съ высшею степенью военнаго искусства; все это говоритъ краснорѣчивѣе всякаго панегирика.

Предвидя, что алчность къ приращенію имѣнія можетъ увеличиться съ лѣтами, онъ заблаговременно отстранилъ себя отъ хозяйственныхъ заботъ и постоянно избѣгалъ прикосновенія съ металломъ, питающимъ это недостойное чувство. Владѣя девятью тысячами душами, онъ никогда не зналъ количества получаемыхъ доходовъ; будучи еще тридцати лѣтъ отъ роду, онъ поручилъ [1]) управленіе имѣніями своимъ родственникамъ, которые доставляли его адъютантамъ, избираемымъ всегда изъ низшаго класса военной іерархіи, ту часть доходовъ, которая была необходима для его умѣреннаго рода жизни. Познаніе слабостей человѣчества и неослабное наблюденіе за самимъ собою составляли отличительную черту его философіи; когда старость и думы покрыли чело его сѣдинами и морщинами, достойными наблюденія Лафатера, онъ возненавидѣлъ зеркала, которыя надлежало выносить изъ занимаемыхъ имъ покоевъ

---

1) Въ 1794 году Суворовъ, выступивъ изъ Бреста-Литовскаго, оставилъ здѣсь нѣсколько гренадеръ для охраненія имущества отставнаго польскаго полковника Детерко, опасавшагося быть разореннымъ русскими войсками, которыя должны были слѣдовать чрезъ этотъ городъ въ Варшаву послѣ выступленія Суворова. Послѣ взятія Варшавы императрица наградила Суворова фельдмаршальскимъ жезломъ и мѣстечкомъ Кобринымъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько сутокъ во время проѣзда своего въ свою главную квартиру, находившуюся въ Тульчинѣ. Явившись въ Кобринъ, Детерко со слезами обратился къ Суворову и объявилъ ему, что, не взирая на присутствіе оставленныхъ гренадеръ, онъ былъ совершенно ограбленъ нашими войсками. Суворовъ спросилъ у управляющаго Кобринымъ: «Сколько у насъ денегъ?» На отвѣтъ управляющаго: «До десяти мѣшковъ и въ каждомъ не менѣе тысячи рублей», Суворовъ приказалъ все отдать Детерко, который былъ крайне удивленъ этой щедростью. (Это мнѣ сообщено А. П. Ермоловымъ).

или закрывать полотномъ, и часы, которые также выносили изъ занимаемыхъ имъ комнатъ. Многимъ эти оригинальныя причуды казались весьма странными; они относили ихъ къ своенравію Суворова. Обладая въ высшей степени духомъ предпріятія, онъ, подобно свѣжему юношѣ, избѣгалъ всего того, что̀ напоминало ему о времени, и изгонялъ мысль, что жизнь его уже приближается къ концу. Онъ не любилъ зеркалъ вѣроятно потому, что мысль увидѣть себя въ нихъ старикомъ могла невольно охладить въ немъ юношескій пылъ, убить въ немъ духъ предпріятія, который требовалъ всей мощи душевной всей любви къ случайностямъ, которыя были свойственны лишь молодости. Фридрихъ Великій, имѣя вѣроятно въ виду ту же самую цѣль, сталъ румяниться за нѣсколько лѣтъ до своей кончины.

Такимъ образомъ, укрѣпивъ свое тѣло физическими упражненіями, введя въ заблужденіе зависть своими причудами, терпѣливо перенося разнаго рода оскорбленія, наблюдая постоянно за собою и наконецъ предавшись душею лишь страсти къ славѣ, Суворовъ съ полной увѣренностію въ силѣ своего генія ринулся въ военное поприще. Онъ достигъ генералъ-маіорскаго чина лишь на 41-мъ году жизни, то-есть, въ такія лѣта, когда нынѣ многіе, удостоившись получить это званіе, спѣшатъ уже оставить службу. Кто изъ насъ не видалъ тридцатилѣтнихъ генералъ-маіоровъ, ропщущихъ на судьбу, препятствующую имъ достигнуть слѣдующаго чина чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ? Суворовъ при производствѣ своемъ въ генералъ-маіоры былъ почти вовсе неизвѣстенъ, но за то какой быстрый и изумительный переходъ отъ этой малой извѣстности къ великой и неоспоримой славѣ! Генералъ Фуа сказалъ о Наполеонѣ: „Подобно богамъ Гомера, онъ, сдѣлавъ три шага, былъ уже на краю свѣта“. Слова этого извѣстнаго генерала могутъ быть вполнѣ примѣнены къ нашему великому и незабвенному Суворову. Этого-то человѣка судьба позволила мнѣ видѣть, и что̀ еще для меня лестнѣе, обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами въ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Вотъ какъ это было.

За нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія Польши, Суворовъ командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была въ Херсонѣ. Четыре кавалерійскіе полка, входившіе въ составъ корпуса: Переяславскій конно-егерскій, Стародубскій, Черниговскій карабинерные, и Полтавскій легко-конный, стояли лагеремъ близъ Днѣпра, въ разныхъ, но близкихъ одинъ къ другому пунктахъ. Полтавскій находился у села Грушевки, принадлежавшаго тогда княгинѣ Еленѣ Никитишнѣ Вяземской, послѣ барону Штиглицу, а нынче не знаю кому. Домъ, занимаемый нашимъ семействомъ, былъ высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины, во время путешествія ея въ Крымскую область. Лагерь полка отстоялъ отъ дома не далѣе ста шаговъ. Я и братъ мой жили въ лагерѣ. Въ одну ночь я услышалъ въ немъ шумъ и суматицу. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ весь полкъ на коняхъ и на лагерномъ мѣстѣ одну только нашу палатку не снятою. Я освѣдомился о причинѣ такого неожиданнаго происшествія: мнѣ сказали, что Суворовъ только что пріѣхалъ изъ Херсона, въ простой курьерской тележкѣ [1]), и остановился въ десяти верстахъ отъ насъ, въ лагерѣ одного изъ полковъ, куда приказалъ прибыть всѣмъ прочимъ полкамъ на смотръ и маневры. Я былъ очень молодъ, но уже говорилъ и мечталъ о Суворовѣ. Можно себѣ вообразить взрывъ моей радости! Впрочемъ радость и любопытство овладѣли не однимъ мною. Я помню, что покойная мать моя и всѣ жившіе у насъ родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки, все, чтò было живаго въ домѣ и въ селѣ, собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворовъ, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего боеваго полубога. Замѣтимъ, что тогда еще не было ни побѣдъ его въ Польшѣ, ни побѣдъ въ Италіи, ни побѣды надъ самою природою на Альпахъ, этой отдѣльной пиндарической

---

[1]) Тележка эта хранилась у покойнаго отца моего, какъ драгоцѣнность, и сожжена въ Бородинѣ, во время сраженія, вмѣстѣ съ селомъ, домомъ и всѣмъ имуществомъ, оставленнымъ въ домѣ.

оды, заключившей величественную эпопею подвиговъ чудеснаго человѣка.

Вскорѣ мать моя и мы отправились вслѣдъ за полкомъ и за любопытными зрителями и остановились въ пустомъ лагерѣ, потому что войска были уже на маневрахъ. Суворовъ приказалъ изъ каждаго полка оставить по малочисленной командѣ для разбитія палатокъ, а съ прочими войсками началъ дѣйствовать, и дѣйствовать по своему: маневръ кипѣлъ, подвигался и кончился въ семнадцати верстахъ отъ лагернаго мѣста. Къ полудню войска возвратились. Отецъ мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошелъ къ намъ въ палатку. Разсказы не умолкали. Анекдоты о Суворовѣ, самыя пролетныя его слова, самыя мелкія его странности передавались изъ устъ въ уста съ восторгомъ. Излишними были только, какъ говорили тогда офицеры, быстрота въ движеніяхъ, которую онъ требовалъ отъ конницы, и продолжительное преслѣдованіе мнимаго непріятеля, безъ всякой пользы изнурявшее людей и лошадей. Но всего болѣе не нравился многимъ слѣдующій маневръ: Суворовъ требовалъ, чтобы каждый родъ войска подчинялъ все второстепенно касающееся до боеваго дѣла той цѣли, для которой онъ созданъ. Существенная обязанность конницы состоитъ въ томъ, чтобы врѣзываться въ непріятельскія войска, какого бы они рода ни были; она должна вторгаться въ средину непріятельской колонны или фронта и рубить все, что̀ ни попадется подъ руку. Суворовъ, пріучая лошадей своей конницы къ скоку во всю прыть, вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ ихъ врѣзываться въ средину стрѣляющаго фронта, на который производится нападеніе. Но чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ не прежде приступалъ къ послѣднему маневру, какъ при окончаніи смотра или ученья, увѣренный въ памятливости лошадей о томъ построеніи и даже о томъ командномъ словѣ, которымъ прекращается зависимость ихъ отъ сѣдоковъ. Для этого онъ, спѣшивая половинное число конныхъ войскъ, приказывалъ имъ заряжать ружья холостыми патронами и ставилъ ихъ такъ, чтобы каждый стрѣлокъ находился одинъ

отъ другаго на такомъ разстояніи, сколько нужно одному всаднику для проскока между ними; другую половину оставлялъ онъ на коняхъ, и поставивъ каждаго всадника противъ промежутка, назначеннаго ему для проскока въ пѣхотномъ фронтѣ, пускалъ всѣхъ вдругъ въ атаку. Пѣшіе стрѣляли въ то самое время, какъ всадники проскакивали во всю прыть сквозь стрѣляющій фронтъ: проскочивъ, они тотчасъ слѣзали съ лошадей, и тѣмъ заключался каждый смотръ, маневръ или ученье. Посредствомъ выбора времени для такого маневра, лошади такъ пріучились къ выстрѣламъ, пускаемымъ, можно сказать, въ ихъ морду, что, вмѣсто страха, онѣ, при одномъ взглядѣ на послѣднее построеніе, предчувствуя конецъ трудамъ своимъ, начинали ржать и рваться впередъ, чтобы скорѣе проскакать сквозь выстрѣлы и возвратиться на покой въ свои коновязи или конюшни. Но такіе проскоки всадниковъ сквозь ряды спѣшившихся солдатъ часто дорого стоили послѣднимъ. Случалось, что отъ дыма ружейныхъ выстрѣловъ, отъ излишней торопливости всадниковъ или отъ заноса нѣкоторыхъ своенравными лошадьми попадало вдругъ по нѣскольку всадниковъ въ промежутокъ, назначенный для одного: это причиняло увѣчье и даже смертоубійство въ пѣхотномъ фронтѣ. Вотъ отчего маневръ былъ такъ непріятенъ тѣмъ, кому выпадалъ жребій играть роль пѣхоты. Но эти несчастные случаи не могли отвратить Суворова отъ средства, признаннаго имъ за лучшее для пріученія конницы къ пораженію пѣхоты. Когда доносили ему о числѣ жертвъ, затоптанныхъ первою, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Богъ съ ними! Четыре, пять, десять человѣкъ убью; четыре, пять, десять тысячъ выучу!“ И тѣмъ оканчивались всѣ попытки доносящихъ отвлечь его отъ этого единственнаго способа довести конницу до предмета, для котораго она создана.

За полчаса до полночи меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова или, по крайней мѣрѣ, слышать слова его, потому что ученье начиналось за часъ до разсвѣта, а въ самую полночь, какъ насъ увѣряли, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударитъ въ ладоши и прокричитъ пѣтухомъ:

Къ стр. 97.

по этому сигналу трубачи затрубятъ „генералъ-маршъ", и войско станетъ сѣдлать лошадей, ожидая „сбора", чтобы садиться для выступленія изъ лагеря. Но, не взирая на все наше вниманіе, мы не слыхали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда ни прежде, ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду. оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами въ облакахъ пыли показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ, и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ полѣ для одного съ нами предмета, вырывались крики: „Вотъ онъ, вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!" Вотъ все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хоть однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были окончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ. И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: „Скачетъ, скачетъ!" Мы выбѣжали и увидѣли Суворова во ста саженяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упадало при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы Суворова, на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣ-

шнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатора, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ отъ чего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, непохожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи и безжизненъ. Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совершенно необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій, Тищенко закричалъ ему: „Графъ! чтò вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!“ „Гдѣ они? гдѣ они?“ спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: „Любишь ли ты солдатъ, другъ мой?“ Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: „Я люблю графа Суворова; въ немъ все, и солдаты, и побѣда, и слава!“ „О, помилуй Богъ, какой удалой!“ сказалъ онъ; „это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!“ Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ: братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ и служилъ съ честью, чтò доказываютъ восемь полученныхъ ранъ, всѣ, кромѣ двухъ, отъ холоднаго оружія, ранъ издалека не получаемыхъ:

а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выигрывать сраженій. При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошло для обоихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать насъ въ иностранную коллегію; но я, полный словъ героя, не хотѣлъ другаго поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, озадаченный, можетъ-быть, его предсказаніемъ, покорился своей службѣ, и прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около года служилъ въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ.

Въ этотъ день всѣ полковники и нѣсколько штабъ-офицеровъ у него обѣдали. Отецъ мой, возвратясь домой, разсказывалъ, что передъ обѣдомъ Суворовъ толковалъ о маневрѣ того дня и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ въ этомъ маневрѣ отецъ мой командовалъ второю линіею, то Суворовъ, обратясь къ нему, спросилъ: „Отъ чего вы такъ тихо вели вторую линію во время третьей атаки первой линіи? Я посылалъ вамъ приказаніе прибавить скоку, а вы все продолжали тихо подвигаться!" Такой вопросъ изъ устъ всякаго начальника не забавенъ, а изъ устъ Суворова былъ, можно сказать, убійственъ. Отецъ мой былъ извѣстенъ въ обществѣ необыкновеннымъ остроуміемъ и присутствіемъ духа въ отвѣтахъ; онъ, не запнувшись, отвѣчалъ ему: „Отъ того, что я не видалъ въ томъ нужды, ваше сіятельство!" „А почему такъ?" „Потому, что успѣхъ первой линіи этого не требовалъ: она не переставала гнать непріятеля. Вторая линія нужна была только для смѣны первой, когда та устанетъ отъ погони. Вотъ почему я берегъ силу лошадей, которымъ надлежало впослѣдствіи замѣнить выбившихся уже изъ силъ". „А если бы непріятель ободрился и опрокинулъ бы первую линію?" „Этого быть не могло: ваше сіятельство были съ нею!" Суворовъ улыбнулся и замолчалъ. Извѣстно, что онъ морщился и мигомъ обращался спиною въ отвѣтъ на самую утонченную лесть и похвалу, исключая тѣхъ только, посредствомъ которыхъ разглашалась и укоренялась въ общемъ мнѣніи его

непобѣдимость: эту лесть и эти похвалы онъ любилъ страстно— вѣроятно, не изъ тщеславія, а какъ нравственную подмогу и, такъ сказать, заблаговременную подготовку непобѣдимости.

Вечеромъ мы съ матерью нашею и со всѣми домашними поспѣшили обратно въ Грушевку. Важное происшествіе приготовлялось для нашего дома. Суворовъ, по особенной благосклонности къ моему отцу, самъ назвался къ нему на обѣдъ. Не помню точно, но кажется, что это было во время Петровскаго поста или въ какой то постный день; только мнѣ весьма памятны хлопоты и суматоха въ домѣ для пріисканія рыбы побольше и получше и для приготовленія другихъ любимыхъ имъ постныхъ блюдъ. Не мало было заботъ, чтобъ приготовиться къ пріему и угощенію знаменитаго гостя, не любившаго измѣнять своего обыкновеннаго образа жизни. Къ восьми часамъ утра все было устроено. Въ гостиной поставленъ былъ большой круглый столъ съ разными постными закусками, съ рюмкою „благороднаго размѣра“ и графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на двадцать-три прибора безъ малѣйшаго украшенія посреди, — безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ плато, какъ тогда водилось. Ничего этого не было, Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Поставленъ былъ длинный столъ, на немъ скатерть, на скатерти двадцать-два прибора, и все тутъ. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ, потому что кушанья должны были подаваться одно за другимъ съ самаго пыла кухоннаго огня прямо къ сидѣвшимъ за трапезою; такъ обыкновенно дѣлывалось у Суворова. Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ были приготовлены: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водою, нѣсколько чистыхъ простынь, перемѣнное бѣлье его и одежда, привезенная изъ лагеря.

Маневры того дня кончились въ семь часовъ утра, то-есть, въ семь часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣнивъ его скорѣе, успѣть пріѣхать къ намъ и до прибытія Суворова исправить то, что было нужно для его принятія. Уже онъ былъ на поло-

винѣ пути отъ лагеря къ Грушевкѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ сторонѣ, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко; оба они скакали во всѣ поводья по направленію къ Грушевкѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесятитрехлѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. „Помилуй Богъ, славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужильная [1]), а трехжильная!“ Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ что нельзя было угадать чертъ его лица.

Начали наѣзжать приглашенные на этотъ обѣдъ другіе гости. Я помню бывшаго тогда при Суворовѣ дежурнаго генерала Ѳедора Ивановича Левашева, маіора Чорбу, Тищенко, о которомъ сказалъ прежде; тутъ были также полковники полковъ, собранныхъ на маневры, всѣ чиновники корпуснаго штаба Суворова, съ нимъ прибывшіе, и нѣсколько штабъ-офицеровъ Полтавскаго полка: изъ полковниковъ памятны мнѣ только Юрій Игнатьевичъ Поливановъ (кажется, тогда уже въ бригадирскомъ чинѣ) и подполковникъ Карлъ Ѳедоровичъ Гейльфрейхъ. Всѣ эти гости были въ полномъ парадѣ, въ шарфахъ, и всѣ находились въ гостиной, гдѣ были отецъ мой, одѣтый подобно имъ во всю форму, мать моя, мы и одна пожилая госпожа, знакомая моей матери, пріѣхавшая изъ Москвы вмѣстѣ съ нами. Она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ насмѣшливыхъ его взглядовъ и шутокъ во все время пребыванія его у насъ.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдругъ растворились двери

[1]) Въ народѣ существуетъ повѣрье, будто въ шеяхъ нѣкоторыхъ сильныхъ и прыткихъ лошадей находятся двѣ особыя жилы.

изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія;. волосы были у него убраны, мундиръ на немъ былъ генераланшефскій того времени, богато шитый серебромъ или золотомъ, не помню, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее бѣлое, довольно узкое исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было—ни шляпы, ни каски. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова.

Отецъ мой вышелъ къ нему на встрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней и, поцѣловавъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, генералъ-поручикѣ Щербининѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; каждаго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцѣловать свою руку, и сказалъ: „Это мои знакомые". Потомъ, обратясь ко мнѣ, повторилъ: „О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!" Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехлѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: „Чтò съ тобою, моя голубушка? Чтò ты такъ худа и блѣдна?"—Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. „Помилуй Богъ, это не хорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высѣчь розгами, чтобъ она ушла и не возвращалась къ тебѣ". Сестра подумала, что сѣченье предлагается ей, а не лихорадкѣ, и едва не заплакала. Тогда, обратясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: „Объ этой и спрашивать нечего; это, вѣрно, какая-нибудь мадамка!" Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, чтò возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя физіономіи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки, выпилъ однимъ глоткомъ и такъ плотно принялся завтракать, что любо. Спустя нѣсколько времени,

отецъ мой пригласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣстились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ хлебать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ. Я помню, что почти до половины обѣда онъ не занимался ничѣмъ, кромѣ утоленія голода и жажды среди глубокаго молчанія; онъ обѣими операціями занялся ревностно и прилежно. Около половины обѣда пришла череда и разговорамъ. Но болѣе всего остались у меня въ памяти частыя насмѣшки его надъ пожилою госпожей, что̀ насъ дѣтей очень забавляло, да и старшихъ едва не увлекало къ смѣху. Въ теченіе всего обѣда, Суворовъ при самыхъ интересныхъ разговорахъ не забылъ ловить каждое движеніе ея, какъ скоро она обращалась въ противную отъ него сторону, и мгновенно бросалъ какую-нибудь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ, подобно школьнику-повѣсѣ, потуплялъ глаза въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ или стакану, показывая, будто занимается питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, напримѣръ, взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ стола, онъ сказалъ въ полголоса, но довольно явственно: „Какая тетеха!" И едва успѣла она обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже были опущены на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: „Какъ вытаращила глаза!" Въ третій разъ, увидѣвъ то же, онъ произнесъ: „Они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!"

Тищенко сказывалъ послѣ, что изъ одного только уваженія къ моей матери Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что онъ, обыкновенно, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: „Воняетъ, воняетъ! Курите, курите!" И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно подходили къ той особѣ и просили ея выдти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; онъ хвалилъ ея прыткость и силу и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза въ сраженіи подъ Козлуджи. „Въ этомъ сраженіи“, сказалъ онъ, „я былъ отхваченъ и преслѣдуемъ турками очень долго. Зная турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою, чтобы не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живаго: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ, лошадь моя, какъ стрѣла, бросалась впередъ, и гнавшіеся за мною турки отставали вдругъ на нѣсколько саженъ. Такъ я спасся“.

Пробывъ у насъ около часа послѣ обѣда, онъ былъ весьма разговорчивъ, веселъ и безъ малѣйшихъ странностей; отправившись въ коляскѣ въ лагерь, онъ отдалъ тамъ слѣдующій приказъ: „Первый полкъ отличный; второй полкъ хорошъ; про третій ничего не скажу; четвертый никуда не годится“.

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ каждаго: я назвалъ ихъ нумерами. Не могу умолчать однако, что первый нумеръ принадлежитъ Полтавскому легко-конному полку. По отданіи этого приказа Суворовъ немедленно сѣлъ на перекладную тележку и поскакалъ обратно въ Херсонъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и насмѣшекъ надъ пожилою госпожей на берегахъ Днѣпра, Польское королевство стояло уже вверхъ дномъ, и Прага, залитая кровью, курилась.

Суворовъ, соединившись въ Кобылкахъ съ корпусомъ Дерфельдена, входившемъ до этого времени въ составъ арміи князя Репнина, двинулся къ Прагѣ. Авангардомъ этого корпуса командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, которому оторвало ногу при переправѣ чрезъ Наревъ, близъ деревни Поповки; ему пожаловали за то Андреевскій орденъ, что да-

вало право на генералъ-лейтенантскій чинъ. Всѣ офицеры корпуса Дерфельдена должны были представляться Суворову; въ комнатахъ, гдѣ былъ назначенъ пріемъ, не взирая на холодное время года, были заблаговременно отворены всѣ окна и двери для выкуриванія немогузнаекъ. Такъ какъ Суворовъ не любилъ чернаго цвѣта, то было строго запрещено представляться въ нижнемъ платьѣ этого цвѣта. Въ числѣ представляющихся находился Дерфельденъ, высокоуважаемый Суворовымъ, князь Лобановъ-Ростовскій (племянникъ князя Репнина и впослѣдствіи министръ), украшенный св. Георгія 3-го класса за Мачинское сраженіе, Ливенъ (впослѣдствіи князь), капитанъ А. П. Ермоловъ, много иностранныхъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ находились подполковникъ графъ Кенсона и графъ Сенъ-При. Суворовъ, обратясь къ Лобанову, сказалъ съ усмѣшкой: „Помилуй Богъ, вѣдь Мачинское сраженіе было кровопролитно“. Смотря на Ливена, онъ сказалъ: „Какой высокій, должно быть, весьма храбрый офицеръ, отчего это я на васъ не вижу ни одного ордена?“ Сказавъ графу Сенъ-При: „Вы счастливо служите; въ ваши лѣта я былъ бы только поручикомъ“, онъ вдругъ бросился его цѣловать, говоря: „Вашъ дядя былъ моимъ благодѣтелемъ, я ему многимъ обязанъ“. Эти слова не были понятны въ то время, но впослѣдствіи узнали, что дядя Сенъ-При, будучи французскимъ министромъ, возбудилъ первую Турецкую войну. Обратясь къ графу Кенсона, Суворовъ спросилъ его: „За какое сраженіе получили вы носимый вами орденъ, и какъ зовутъ орденъ?“ Кенсона отвѣчалъ, что орденъ называется Мальтійскимъ, и имъ награждаются лишь члены знатныхъ фамилій. „Какой почтенный орденъ!“ возразилъ Суворовъ. „Позвольте посмотрѣть его“. Снявъ его съ Кенсона, онъ его показывалъ всѣмъ, повторяя: „Какой почтенный орденъ!“ Обратясь потомъ къ прочимъ присутствовавшимъ офицерамъ, онъ сталъ ихъ поодиночкѣ спрашивать: „За что получили вы этотъ орденъ?“ „За взятіе Измаила, Очакова, и прочее“ было отвѣтомъ ихъ. „Ваши ордена ниже этого“, сказалъ Суворовъ. „Они даны вамъ за храбрость, а этотъ почтенный орденъ данъ за знатный родъ“.

Всѣ представлявшіеся были приглашены къ обѣденному столу Суворова, который имѣлъ обыкновеніе садиться за столу въ девять часовъ утра. Приглашенные заняли мѣста по старшинству за столомъ, на которомъ была поставлена простая фаянсовая посуда; передъ обѣдомъ Суворовъ, не поморщившись, выпилъ большой стаканъ водки. Подали сперва весьма горячій и отвратительный супъ, который надлежало каждому весь съѣсть; послѣ того былъ принесенъ затхлый балыкъ на конопляномъ маслѣ. Такъ какъ было строго запрещено брать соль ножемъ изъ солоницы, то каждому слѣдовало заблаговременно отсыпать по кучкѣ соли возлѣ себя. Суворовъ не любилъ, чтобы за столомъ катали шарики изъ хлѣба; замѣченному въ подобной винѣ тотчасъ приносили рукомойникъ съ водой; А. М. Каховскій, замѣчательный по своему необыкновенному уму, избавился отъ подобнаго наказанія лишь острымъ словомъ.

Опасаясь послѣ штурма Праги быть застигнутымъ непріятелемъ врасплохъ, Суворовъ приказалъ артиллеріи сжечь большой мостъ, ведущій въ Варшаву, гдѣ въ то время находилось еще 10000 хорошаго войска, подъ начальствомъ Вавжецкаго. Въ нашемъ лагерѣ все ликовало послѣ удачнаго штурма и пило по случаю побѣды; солдаты Фанагорійскаго полка, не будучи въ состояніи чистить свое оружіе, наняли для этого другихъ солдатъ. Погода стояла хорошая, но весьма холодная; изъ поднятыхъ палатокъ подымался паръ отъ красныхъ лицъ солдатъ, что̀ доставляло не малое удовольствіе Суворову, говорившему: „Помилуй Богъ, послѣ побѣды день пропить ничего, лишь бы начальникъ позаботился принять мѣры противу внезапнаго нападенія“. Онъ приказалъ построить узкій мостъ для пѣшеходовъ, по которому было дозволено жителямъ приходить въ Прагу для отыскиванія тѣлъ своихъ ближнихъ. Суворовъ справедливо разсчиталъ, что это ужасное зрѣлище должно неминуемо поколебать мужество поляковъ; въ самомъ дѣлѣ, Варшава вскорѣ сдалась. Суворовъ торжественно отправился въ каретѣ въ королевскій дворецъ; въ каретѣ сидѣлъ противъ него дежурный генералъ Потемкинъ, человѣкъ

замѣчательнаго ума (онъ служилъ впослѣдствіи на Кавказѣ и сдѣлалъ на воротахъ Екатеринограда, обращенныхъ къ сторонѣ Тифлиса, надпись: „Дорога въ Грузію"). Король встрѣтилъ его у подъѣзда. Простившись съ его величествомъ, Суворовъ не допустилъ его сойти съ лѣстницы. Во время выступленія польскихъ войскъ въ числѣ 10000 человѣкъ изъ Варшавы, казачьему маіору Андрею Карповичу Денисову удалось захватить всѣхъ польскихъ начальниковъ, безпечно завтракавшихъ въ гостинницѣ; подъѣхавъ послѣ того къ польскимъ войскамъ, Денисовъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, приказалъ имъ положить оружіе, что̀ и было тотчасъ исполнено. (Это было мнѣ сообщено А. П. Ермоловымъ).

Въ 1820 году этотъ самый Денисовъ, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ отданъ подъ судъ за превышеніе власти генераломъ А. И. Чернышевымъ. А. П. Ермоловъ, будучи вызванъ около этого времени въ Лайбахъ для начальствованія арміею въ Италіи и заѣхавъ дорогой въ Новочеркаскъ, узналъ о томъ отъ Бо̀лгарскаго, правителя канцеляріи Чернышева. Убѣдившись въ невинности храбраго генерала Денисова, онъ рѣшился его спасти. Прибывъ въ Лайбахъ, Алексѣй Петровичъ увидѣлъ Чернышева, который сказалъ ему: „Я слышалъ, что вы находите мой поступокъ несправедливымъ; но я не могъ не подвергнуть суду Денисова, превысившаго власть свою". На это Ермоловъ возразилъ: „Во-первыхъ, я знаю положительно и докажу вамъ, что ваше обвиненіе несправедливо и совершенно неосновательно; во-вторыхъ, я спрошу васъ: дерзнули ли вы бы сдѣлать малѣйшее замѣчаніе Матвѣю Ивановичу Платову, который несравненно болѣе Денисова и весьма часто превышалъ свою власть, и въ-третьихъ, я обращу ваше вниманіе на слѣдующее: я былъ еще ничтожнымъ офицеромъ, а вы — ребенкомъ, когда этотъ храбрый Денисовъ, отличаемый Суворовымъ, заставилъ въ 1794 году 10000 польскій корпусъ положить оружіе и спасъ съ двумя полками пруссаковъ послѣ отраженія ихъ отъ Варшавы". Зная благосклонность императора Александра къ Ермолову, который не преминулъ бы довести это до свѣдѣнія его ве-

личества, Чернышевъ нашелся вынужденнымъ освободить Денисова изъ-подъ суда. Возвращаясь въ Грузію, Ермоловъ проѣхалъ черезъ Аксай, куда выѣхали къ нему на встрѣчу многіе Донцы, которые весьма любили и уважали его. Въ числѣ прибывшихъ находился и Денисовъ, который пріѣхалъ благодарить за ходатайство его объ немъ. (Мнѣ разсказалъ это самъ Вѣлгарскій и дополнилъ А. К. Денисовъ).

Библіотека для чтенія 1835 г., т. XI.

II.

ВСТРѢЧА

съ

ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ

(1806).

1806 года іюля 4-го дня я былъ переведенъ изъ ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка (что нынѣ полкъ принца Оранскаго) въ лейбъ-гусарскій полкъ поручикомъ [1]). Въ началѣ сентября я прибылъ въ Петербургъ и немедленно переѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ; эскадронный командиръ былъ давній другъ мой, одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію, сослуживцы же—ребята добрые. Мы жили ладно: у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго (разумѣется, въ долгъ), чѣмъ печали, всегда веселье и всегда навеселѣ.

Можетъ-быть въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ бы участь мою и не желалъ бы болѣе; но мнѣ тогда было двадцать-два года, я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни. Сверхъ того, положеніе мое было

---

[1]) 1804 года, сентября 13-го дня, я былъ выписанъ изъ поручиковъ Кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ (что нынѣ полкъ принца Оранскаго) ротмистромъ.

для меня истинно нестерпимо. Оставя гвардію, не слыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, пришедшую изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня еще пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ! Я говорилъ о рвеніи моемъ; мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости!

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи прусской арміи при Іенѣ [1]). Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и фельдмаршалъ графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни своей для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшеный, пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ адъютанты или быть приписану къ какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои! Я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя мало-мальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ! Вездѣ на поэзію, кипѣвшую въ душѣ, въ глазахъ и въ словахъ моихъ, встрѣчалъ я прозаическое словцо: „Это вамъ дѣлаетъ честь!“ „Умилосердитесь! Я не похвалы прошу, но не дайте мнѣ заглохнуть, дайте подышать чистымъ воздухомъ“. „Вы знаете, что государь не любитъ волонтеровъ“. Я принималъ за клевету такое святотатственное слово на счетъ государя императора, почитая за сверхъестественное дѣло, чтобы Русскій царь не любилъ тѣхъ, кои рвутся впередъ.

Между тѣмъ колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ, какъ будто войско, принадлежащее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной гостинницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ. Всякій просилъ его о своемъ кровномъ, всѣ просьбы были удовлетворены, и къ большему моему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отъѣзду въ армію многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей.

---

[1]) Замѣчательно то, что во время этого сраженія канонада была слышна королемъ Виртембергскимъ въ замкѣ его Лудвигслутъ; это было передано самимъ королемъ великому князю Константину Павловичу.

Ужасное отчаяніе овладѣло мною и внушило мнѣ отважный поступокъ: 16-го ноября, въ четвертомъ часу пополуночи, я надѣлъ мундиръ, сѣлъ въ дрожки и пріѣхалъ къ самому фельдмаршалу. Я избралъ часъ сей для того, чтобы предупредить новую колонну родственниковъ, готовившуюся вновь атаковать его. Къ тому, всякій чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи молодаго поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго фельдмаршала, живаго, яраго и строптиваго, не былъ слишкомъ близокъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. Все спало на дворѣ и въ гостинницѣ; 9-й нумеръ, къ коему вела крутая, тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находился въ третьемъ этажѣ [1]). У входа въ оный былъ маленькій корридоръ, въ коемъ горѣлъ фонарь. Погода была холодная; подойдя къ дверямъ нумера, я завернулся въ шинель и прислонился къ углу въ ожиданіи какого-нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика фельдмаршала. Однако, когда первый пылъ рѣшительности моей поубавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщаемый гаснувшимъ уже фонаремъ, и сообразилъ съ сими очевидными предметами часъ, избранный мною на торжественное представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своенравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, свойственными лично графу Каменскому,—подумавъ немного, я сбросилъ съ себя шинель, придавшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-Діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего набѣга въ одномъ мундирѣ.

Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является предо мною въ халатѣ съ головою повязанною бѣлой тряпицею и съ не зажженнымъ въ рукѣ огар-

---

[1]) Въ самомъ этомъ нумерѣ стоялъ сынъ фельдмаршала, графъ Николай Михайловичъ Каменскій по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи, въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курьеромъ изъ Финляндіи же къ военному министру, я навѣщалъ графа въ семъ нумерѣ и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ видѣлъ то мѣсто, гдѣ предпринялъ первую мою попытку на боевую службу.

комъ; это былъ фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. „Кто вы таковы?“ спросилъ онъ. Я назвалъ себя. „Къ кому вы пришли?“ „Къ вашему сіятельству“. Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль по корридору, зажегъ огарокъ свой и, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: „Пожалуйте сюда“. Я пошелъ за нимъ; онъ молча шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ спальнею я изъ уваженія хотѣлъ остановиться, пока удостоюсь особаго зова; примѣтя сіе, онъ сказалъ довольно сердито: „Нѣтъ, пожалуйте сюда“. Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столикѣ подлѣ кровати, спросилъ меня: „Что̀ вамъ надо?“ Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ и говорить почти въ изступленіи: „Да что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще самъ не назначенъ къ мѣсту. Замучили меня просьбами! Да кто вы таковы?“ Я повторилъ мое имя. „Какой Давыдовъ?“ Я сказалъ имя отца моего. „Неужто? Помню, помню, любилъ и очень любилъ его, да и съ дѣдушкой твоимъ мы были пріятели“. Тутъ онъ началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды Минчака Касаевича, родоначальника рода Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія, онъ сказалъ: „Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи? За что? Скажи мнѣ правду, какъ бы ты сказалъ ее покойному отцу своему“. Я разсказалъ приключеніе сіе со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я, какъ ястребъ, взмывая надъ мѣстами, отъ коихъ примѣчалъ, что брови его начинали смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ коихъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же буду просить тебя съ собою и разскажу государю все: какъ ты ночью ворвался ко мнѣ, какъ я тебя принялъ— прости меня! —за неблагонамѣреннаго человѣка. Право, я ду-

калъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу; признайся!“ Я извинялся, что обезпокоилъ его въ такой необыкновенный часъ. „Нѣтъ нѣтъ, напротивъ“, возразилъ онъ съ пылкостію, „это мнѣ пріятно, это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце... я это знаю, я чувствую!“ Итакъ, распростясь съ нимъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалось радостію, чадъ бродилъ въ головѣ моей; уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ, уже я рѣшилъ важное сраженіе и едва ли не побѣдителемъ Наполеона бросился на постель, на коей не могъ сомкнуть глазъ отъ волненія душевнаго. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на дѣйствительность!

По утру заговорили въ Петербургѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на фельдмаршала, но отъ него я ничего не получалъ въ теченіе этого дня. Назавтра я пріѣхалъ къ нему въ девять часовъ утра, чтобы узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами; я вошелъ въ горницы, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ: „Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ; просилъ тебя въ адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказали, подъ предлогомъ, что тебѣ надо еще послужить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что по словамъ и по лицу государя я вижу, что не могу тебя выпросить къ себѣ. Ищи самъ собою средства, и какіе бы ты ни нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и дамъ тебѣ случай отличиться“. Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопанный. Но когда потянулась мимо меня процессія избранныхъ, я взглянулъ на нихъ, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда сатана не улыбался! Этою попыткой я не могъ удовольствоваться; закусивъ повода, я бросался на каждую стезю, которая, какъ казалось мнѣ, могла вести меня къ моей цѣли.

Находясь уже давно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ эскадроннымъ командиромъ, я потому былъ весьма обласканъ сестрою его, весьма значительною въ то время особой. Проводя обыкновенно время мое въ ея великолѣпномъ, роскошномъ и посѣщаемомъ вельможами, иностранными послами и знатными лицами домѣ, я потому имѣлъ довольно обширный кругъ знакомыхъ. Поискъ мой въ 9-й нумеръ Сѣверной гостинницы сдѣлался, какъ я уже сказалъ, предметомъ минутныхъ разговоровъ той части столицы, которая отъ тунеядства питается лишь перелетными новостями, какого бы рода онѣ ни были. Домъ Марьи Антоновны Нарышкиной, какъ домъ модный, принадлежалъ къ этому кварталу. Едва я послѣ вышесказаннаго происшествія вступилъ въ ея гостиную, какъ все обратилось ко мнѣ съ вопросами объ этомъ; никто болѣе ея не удивлялся смѣлому набѣгу моему на бѣшенаго старика.

Этотъ подвигъ, который удостоивали называть чрезвычайнымъ, много возвысилъ меня въ глазахъ этой могущественной женщины. Въ заключеніе всѣхъ восклицаній, которыми меня осыпали, она мнѣ наконецъ сказала: „Зачѣмъ вамъ было рисковать, вы бы меня избрали вашимъ адвокатомъ, и можетъ быть, желаніе ваше давно уже было бы исполнено“. Можно вообразить себѣ взрывъ моей радости! Я отвѣчалъ, что время еще не ушло, что одно вниманіе и участіе ея служитъ вѣрнымъ залогомъ успѣха, и прочія въ томъ же вкусѣ фразы. Она обѣщала похлопотать обо мнѣ; она, можетъ быть, полагала, что во мнѣ таится зародышъ чего-либо необыкновеннаго, и что слава покровительствуемаго можетъ со временемъ отразиться на покровительницу; я поцѣловалъ съ восторгомъ прелестную руку и возвратился домой съ такими же надеждами на успѣхъ, какъ по возвращеніи моемъ изъ Сѣверной гостинницы. Чрезъ два дня я узналъ, что всѣ мои просьбы рушились о приговоръ не лишать меня изящнаго занятія равняться во фронтѣ и драть горло передъ взводомъ. Казалось, что приговоръ мой былъ подписанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своей улыбкой! Что̀ же вышло?

Пріѣзжаетъ курьеръ (Валуевъ) съ извѣстіемъ о болѣзни фельдмаршала и объ отбытіи его изъ арміи. Спустя три дня является другой курьеръ (графъ Васильевъ), съ донесеніемъ Беннингсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ назначается государемъ командиромъ авангарда дѣйствующей арміи, которая ввѣряется начальству генерала Беннингсена.

Какое, повидимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговой чашей съ товарищами, фельдмаршалъ графъ Каменскій, и Пултускъ, и Беннингсенъ, и Багратіонъ? Первому отказали на счетъ меня тогда, когда ему ни въ чемъ не отказывали; Беннингсенъ не вѣдалъ о моемъ существованіи; о Пултускѣ я зналъ только по картѣ, а Багратіонъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, и все тутъ! Я въ день пріѣзда графа Васильева былъ въ Петербургѣ для свиданья съ братомъ и весьма мало ожидалъ ходатайства обо мнѣ князя Багратіона, будучи убѣжденъ въ неудачѣ его попытокъ, если бы онъ и вздумалъ предпринять ихъ. Узнавъ о назначеніи его въ армію, мнѣ и въ голову не входило проситься къ нему въ адъютанты! Вотъ какимъ образомъ исполнились мои желанія.

Князь, получивъ изъ устъ государя извѣстіе о назначеніи своемъ и о позволеніи взять съ собою нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, заѣхалъ въ то же утро къ Нарышкиной съ тѣмъ, чтобы спросить ее, не пожелаетъ ли она, чтобы онъ взялъ съ собою брата ея (моего эскадроннаго командира), такъ какъ онъ уже служилъ при князѣ въ Аустерлицкую кампанію съ большимъ отличіемъ, былъ ему душевно преданъ и всегда говаривалъ, что онъ ни съ кѣмъ другимъ не поѣдетъ въ армію. Нарышкина немедленно согласилась на предложеніе князя, прибавивъ къ этому, что если онъ вполнѣ желаетъ ее одолжить, то чтобы взялъ съ собою и Дениса Давыдова. Одно слово этой женщины было тогда повелѣніемъ; князь поѣхалъ на другой день къ императору, и я по сіе время не знаю, какъ достигъ онъ до той цѣли, до коей фельдмаршалъ

достигнуть не могъ, не смотря на всѣ его старанія. Ничего не подозрѣвая обо всемъ этомъ, я въ день рѣшенія своей участи пріѣхалъ по обыкновенію обѣдать къ Нарышкиной, вмѣстѣ съ ея братомъ. Она, увидѣвъ его, поспѣшила объявить ему, что онъ ѣдетъ съ княземъ Багратіономъ; меня бросило въ дрожь; Борисъ Четвертинскій, любившій меня какъ брата, зная, какъ велико было желаніе мое ѣхать въ армію, спросилъ ее: „А онъ?" показывая на меня, „а онъ?" „Нѣтъ, опять отказъ!" отвѣчала она. Я поблѣднѣлъ. Замѣтивъ это, она испугалась, бросилась ко мнѣ и сказала: „Виновата, я хотѣла пошутить, и вы ѣдете". Я не помню, что̀ въ то время со мною сдѣлалось; но меня увѣряли, что я едва не бросился къ ней на шею.

Во время обѣда я не могъ ѣсть; не кровь, но огонь пробѣгалъ по всѣмъ моимъ жиламъ, и голова была вверхъ дномъ! Послѣ обѣда я бросился къ князю Багратіону, который вечеромъ долженъ былъ отправиться къ своему мѣсту. Онъ жилъ въ домѣ князя Гагарина на Дворцовой набережной. Когда я пріѣхалъ, кибитка была уже подвезена къ его крыльцу [1]). Стыжусь своей слабости! Я хотя былъ увѣренъ, что князь не обманулъ Нарышкину, объявивъ ей о соизволеніи государя на отъѣздъ мой въ армію, и былъ также увѣренъ, что и Нарышкина не обманула меня, но, опасаясь разочарованія, я лучше хотѣлъ остаться въ невѣдѣніи, чѣмъ удостовѣриться въ истинѣ, можетъ быть, для меня ужасной! И что же? Вмѣсто того, чтобы спросить князя, точно ли я къ нему назначенъ и когда прикажетъ мнѣ ѣхать, что̀ необходимо слѣдовало бы сдѣлать, я, простившись съ нимъ, проводилъ до кибитки, не промолвивъ о себѣ ни слова! Когда уже онъ былъ далеко, я устыдясь самого себя, не безъ усилія поѣхалъ къ графу Ливену (исправлявшему тогда должность директора военно-

[1]) У князя я нашелъ трехъ офицеровъ. Странно, что изо всѣхъ присутствовавшихъ въ горницѣ его я одинъ остался въ живыхъ. Во-первыхъ, самъ князь Багратіонъ палъ подъ Бородиномъ; Голицынъ (князь Михаилъ Сергѣевичъ) убитъ подъ Ландсбергомъ въ 1807 году; графъ Грабовскій убитъ подъ Краснымъ въ 1812 году, а графъ Сенъ-При убитъ подъ Реймсомъ въ 1814 году.

походной его величества канцеляріи), который рѣшительно объявилъ мнѣ, что я назначенъ адъютантомъ къ князю Багратіону, и что на другой день будетъ о томъ отдано въ приказѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 3-го января, я догналъ около Пскова князя Ѳедора Гагарина (служившаго тогда корнетомъ въ Кавалергардскомъ полку) и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Вильно. Тамъ нашли мы множество гвардейскихъ офицеровъ нашихъ, изъ коихъ помню только Рындина (убитаго генералъ-маіоромъ при Проводахъ 1829 года), барона Дамаса, довольно основательно владѣвшаго русскимъ языкомъ, (который былъ потомъ министромъ военнымъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, а еще позднѣе наставникомъ герцога Бордосскаго), Пущина (что нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ), Фридрихса (что нынѣ шталмейстеромъ при дворѣ), Мандрыку (что нынѣ генералъ-маіоръ) и прочихъ. Всѣ эти офицеры были командированы для обученія порядку службы новоформировавшихся армейскихъ полковъ. Мы хотѣли, отдохнувъ нѣсколько дней въ Вильно, воспользоваться балами и прочими увеселеніями города, а потомъ уже скакать къ мѣсту назначенія. Но, узнавъ, что въ арміи ждутъ съ часа на часъ генеральнаго сраженія, кровь моя снова закипѣла, и я поспѣшно оставилъ Вильно. Проѣздомъ чрезъ Скидель, я заѣзжалъ въ Озеркахъ къ Шепелеву, который былъ тогда полковникомъ и формировалъ Гродненскій (что нынѣ Клястицкій) гусарскій полкъ, тамъ нашелъ я эскадронныхъ командировъ полка его и моихъ пріятелей Степана Бибикова, Александра Давыдова, вѣчнаго маіора, но славнаго впослѣдствіи генерала Кульнева, Горголія, познакомился съ славнымъ впослѣдствіи Ѳ. В. Ридигеромъ, отцемъ-командиромъ моимъ въ войну 1831 года, столь справедливо его прославившую; онъ былъ тогда, кажется, штабъ-ротмистромъ или ротмистромъ Гродненскаго полка. Въ Гродно я заѣзжалъ къ женѣ полковника Бороздина (что умеръ генераломъ отъ кавалеріи); онъ также, какъ и Шепелевъ, окончивъ формированіе полка Финляндскаго драгунскаго, былъ уже за границей въ Лыкѣ.

Я никогда не забуду той радости, съ которою я первый разъ въ жизни переѣхалъ нашу границу. Какъ все было для меня ново, необыкновенно! Это было бы весьма естественно, если бы я любовался чистыми и весьма красивыми городками и селеніями, но меня радовали и аккуратные нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками на счетъ Наполеона, отъ нашествія котораго ихъ не на шутку бросало въ дрожь, и бирсупъ, и буттербродъ, и грубые почталіоны, обходящіеся столь учтиво съ лошадьми своими! Я ѣхалъ на Августово, Лыкъ, гдѣ ночевалъ у Бороздина, Рейнъ, Гутштадтъ, и 15-го въ 10 часовъ утра пріѣхалъ въ Либштадтъ, въ минуту выступленія главной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ атакованъ и разбитъ Бернадотомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій главнымъ авангардомъ арміи.

Имѣвъ нѣсколько пакетовъ на имя главнокомандующаго, я былъ представленъ ему и имѣлъ честь вручить ихъ лично. Мнѣ пріятно было встрѣтить въ комнатѣ его множество моихъ петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякій спрашивалъ о друзьяхъ, въ Петербургѣ оставленныхъ. Всей или большей части молодежи нашей надоѣла война, которая велась въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при недостаткахъ всякаго рода; всѣ вздыхали о петербургской роскошной жизни. „Глупый ты человѣкъ“, говорили мнѣ они, „чортъ тебя сюда занесъ! Какъ дорого бы мы дали, чтобъ возвратится назадъ! Ты еще въ чаду, мы это видимъ,—погоди немного, и мы услышимъ, что ты скажешь“. Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду, туда, гдѣ дерутся, а не туда, гдѣ цѣлуются, и былъ всегда увѣренъ, что война не похлёбка на стерляжьемъ бульонѣ. И подлинно, я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ: такъ неограниченность надеждъ и новизна положенія дѣйствовали на мои чувства. Довольно сказать, что я съ дѣтства моего мечталъ только о боевой службѣ; имѣя только двадцать-третій годъ отъ роду, я былъ честолюбивъ до крайности.

Такъ какъ я пріѣхалъ на почтовыхъ, то не было еще у меня верховой лошади, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками; Кавалергардскаго полка ротмистръ (что нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) Левашевъ далъ мнѣ на походъ до Морунгена лошадь изъ-подъ казака своего, и мы такимъ образомъ отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку съ шефомъ его, генералъ-маіоромъ Чаплицомъ, и эскадроннымъ командиромъ, графомъ Орурkомъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ). На походѣ я познакомился съ нѣкоторыми офицерами сего полка, между коими были князь Баратаевъ, Ясонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ и заключу съ нимъ братскую дружбу на кровавыхъ пирахъ войны Отечественной!

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ глядѣлъ я на все, что вокругъ меня происходило, на все то, что мнѣ бросалось въ глаза! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовыя къ движенію, облегали еще возвышенія справа и слѣва въ то время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ пушечныхъ колесъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ или ропотъ пѣхоты, идущей по колѣно въ снѣгу, скачка адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, генераловъ съ ихъ свитами, самая небрежность и неопрятность въ одеждѣ войскъ, два мѣсяца не видавшихъ крышей, закопченныхъ дымомъ биваковъ и сраженій, съ усами, покрытыми оледенѣлымъ инеемъ, съ прострѣленными киверами и плащами,—все это, такъ сказать, благородное безобразіе, знаменующее понесенные ими труды и опасности, все неизъяснимо электризировало, возвышало мою душу! Наконецъ я попалъ въ мою стихію! Но сколь чувства и мысли человѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ я смотрѣлъ на военное ремесло съ привлекательнѣйшей стороны; пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей своей отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгенншталь, къ самому тому полю, на коемъ за два дня предъ приходомъ нашимъ былъ

разбитъ Марковъ. Селеніе сіе было разбираемо на костры тою частію войскъ нашихъ, которой было опредѣлено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестію, но безъ слезъ и ропота, что̀ всегда для меня было и есть поразительнѣе стенаній и вопля. Неопытный воинъ, я доселѣ полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи войскъ, доставляя все въ армію, посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся для войска не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корню. Словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, на коихъ происходятъ военныя дѣйствія, вовсе не подвержены никакому несчастію и разоренію, и что они ничто болѣе, какъ спокойные зрители происшествій, подобно жителямъ Краснаго Села во время нашихъ маневровъ. Каково было мое удивленіе при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, послѣдняго куска хлѣба, но жизни, чести женъ и дочерей и, тощій и пораженный во всемъ, что̀ есть для него милаго и святаго, умираетъ на дымящихся развалинахъ своей родины.

На этомъ же полѣ картина другаго рода потрясла мою душу. Мы вступили, какъ я сказалъ, на равнину Морунгенской битвы. „Уже“, какъ говоритъ одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, „уже отстонало поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы съ отверстыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли. Они валялись, разбросанные, какъ сосуды драгоцѣннаго напитка, раздробленные насильственною рукой. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины человѣчества, въ которыхъ за два дня предъ тѣмъ бушевали страсти, играли надежды, и свѣжія желанія кипѣли, какъ лѣта пылкой юности“.

Я изъ любопытства посѣтилъ все поле сраженія. Я прежде осматривалъ нашу позицію, а потомъ и непріятельскую. Видно было, гдѣ огонь и натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда уже извѣстный полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было во всемъ смыслѣ слова разрушительно для пѣхотныхъ колоннъ и линій непріятельской кавалеріи, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали у деревни Пфаресфельдшенъ, пораженные ядрами и картечью въ томъ же порядкѣ, какъ они шли или стояли во время битвы.

Вначалѣ сія равнина смерти, попираемая нами, которые спѣшили къ подобной участи, сіи лица и тѣла, искаженныя и обезображенныя огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не произвели надо мною никакого особеннаго впечатлѣнія; но по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію своему, я—со стыдомъ признаюсь—дошелъ до той степени безпокойства относительно самого себя или, по просту сказать, я ощутилъ такую робость, что, пріѣхавъ въ Морунгенъ, я во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, пугаясь подобнаго же искаженія. Если бы разсудокъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи коего воображенія, я бы легко увидѣлъ, что таковая смертъ не только не ужасна, но завидна, ибо чѣмъ рана смертельнѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе, а какое дѣло до того, что послѣ смерти я буду пугать живыхъ людей своихъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя? Слава Богу, что съ разсвѣтомъ воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе, и я, пришедъ въ первобытное положеніе, самъ надъ собою смѣялся; въ теченіе долговременной моей службы я уже никогда не впадалъ въ подобный пароксизмъ больнаго воображенія.

День дневки я пробылъ въ Морунгенѣ и обѣдалъ у главнокомандующаго, къ которому заходилъ еще и вечеромъ. Хотя я былъ весьма неопытенъ въ военномъ ремеслѣ, но помню, что меня крайне удивила нескромность Беннингсена и прочихъ генераловъ, при главной квартирѣ находившихся. Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ Беннингсенъ, К., графъ Толстой, лежа на

картѣ, сообщали другъ другу о предположеніяхъ своихъ. Они объявляли свои намѣренія при множествѣ разнаго рода чиновниковъ военныхъ и статскихъ, адъютантовъ и иностранцевъ!

16-го января рано по утру я купилъ себѣ верховую лошадь и въ сопровожденіи одного казака отправился къ князю Багратіону, принявшему уже начальство надъ авангардомъ Маркова, Барклая-де-Толли и Баговута; этотъ авангардъ находился тогда въ деревнѣ Биберсвальдъ, лежащей на дорогѣ, которая идетъ изъ Либемиля въ Дейчъ-Эйлау. На пути моемъ я нашелъ конницу Корфа и графа Палена въ Гросъ-Готсвальде, гдѣ купилъ еще лошадь верховую въ Сумскомъ гусарскомъ полку; слѣдуя далѣе въ Остерродскомъ лѣсу, я проѣхалъ мимо кочующей на дорогѣ около озера Ворлингъ-зе дивизіи графа Остермана. Ночью пріѣхавъ въ Любемиль, я явился къ Н. А. Тучкову, коего дивизія находилась въ семъ городѣ, и рано по утру прибылъ къ своему мѣсту. На пути присоединились ко мнѣ, ѣхавшіе такъ же, какъ и я, въ авангардъ, Митавскаго драгунскаго полка поручикъ Хитровъ и одинъ казачій офицеръ, коего я забылъ имя.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ прусскаго поселянина. Онъ занималъ большую горницу, гдѣ стояла кровать хозяйская, на которой ему была постлана солома; полъ этой горницы былъ также устланъ соломою. Въ свитѣ князя находились въ это время Кавалергардскаго полка полковникъ князь Трубецкой (что̀ нынѣ генералъ-адъютантъ генералъ отъ кавалеріи), графъ де-Бальменъ, графъ Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ, и прочіе. Вскорѣ я увидѣлъ Евгенія Ивановича Маркова и Барклая, тогда еще въ генералъ-маіорскихъ чинахъ, генералъ-маіора Баговута, полковниковъ Юрковскаго, Ермолова, Турчанинова и прочихъ; аванпостами командовалъ Юрковскій. Я помню, что въ то время, хотя Барклай былъ украшенъ лишь Георгіемъ и Владиміромъ 4-ой степени, и штурмовой Очаковской медалью, но уже пользовался репутаціей мужественнаго и искуснаго генерала.

Въ теченіе пятилѣтней моей службы при князѣ Багратіонѣ въ качествѣ адъютанта его, я во время военныхъ дѣй-

ствій не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью. Сонъ его былъ весьма короткій—три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если извѣстіе, имъ привезенное, того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего было у него вдоволь, но для другихъ, а не для себя. Онъ самъ же довольствовался весьма малымъ и былъ чрезмѣрно трезвъ; я не видалъ, чтобы онъ когда либо пилъ водку или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время одежда его была слѣдующая: сертукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка, шпага, которую онъ носилъ въ Италіи при Суворовѣ, на головѣ картузъ изъ сѣрой смушки и въ рукѣ казачья нагайка.

Отъ суровости времени года въ сію кампанію не глядѣли за формою, и мы все то носили, что̀ болѣе другаго грѣло. Я было надѣлъ на себя лейбъ-гусарскій ментикъ, но меня уговорили снять его, дабы избѣгнуть опасности быть ранену или убиту отъ своихъ, потому что въ корпусѣ Бернадота, который въ то время ближе другихъ находился къ намъ, былъ 10-й гусарскій полкъ, носившій красные ментики, подобно лейбъ-гусарскому полку.

Библіотека для чтенія 1834 г., т. II.

III.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЙНЪ.

(1806 и 1807 гг.)

Я имѣлъ сначала намѣреніе упомянуть въ этихъ запискахъ лишь о тѣхъ случаяхъ, коихъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ, но непримѣтно и вкратцѣ набросалъ почти всю кампанію. Просматривая эти записки, и найдя ихъ слишкомъ сжатыми, я потому рѣшился дополнить недостающее краткимъ описаніемъ положенія и дѣйствія обѣихъ воюющихъ армій, начиная съ перехода чрезъ Вислу до моего прибытія къ авангарду 18-го января, день, съ котораго я начинаю свое повѣствованіе, какъ очевидецъ.

Я почитаю однако нужнымъ предупредить, что свѣдѣнія о силѣ и размѣщеніи дѣйствовавшихъ войскъ, также и о предположеніяхъ генерала Беннингсена, я извлекъ изъ словъ и изъ собственныхъ не изданныхъ еще записокъ этого генерала. Да простятъ мнѣ строгіе наблюдатели законовъ классическаго! Изображаю событія и личности мнѣ извѣстныя, какъ представляетъ мнѣ ихъ моя память. Если эти матеріалы достойны вниманія, то пусть мозаическій кропатель подведетъ тѣнь къ тѣни. Мнѣ некогда было этимъ заниматься, я писалъ ихъ на сѣдлѣ при блескѣ бивачныхъ огней, а переписывалъ подъ звуками мирныхъ сельскихъ работъ.

Пораженіе прусской арміи при Іенѣ и Ауерштедтѣ не убѣдили нашего государя отказаться отъ союза, заключеннаго съ дворомъ Берлинскимъ. Въ началѣ ноября русскія войска двинулись отъ береговъ Нѣмана на помощь остаткамъ прусскихъ войскъ (такъ называемый корпусъ Лестока, состоявшій въ то время изъ 6000 человѣкъ), спѣшившимъ въ Старую Пруссію. Корпусъ генерала Беннингсена выступалъ изъ окрестностей Гродно къ Варшавѣ; корпусъ генерала графа Буксгевдена выступилъ изъ окрестностей Вильны по тому же направленію; корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го получилъ повелѣніе оставить окрестности Хотина и идти къ Бресту-Литовскому. Первый состоялъ изъ дивизій генералъ-лейтенантовъ: графа Остермана, Сакена, князя Голицына, Седморадскаго, и заключалъ въ себѣ до 54000 человѣкъ. Второй состоялъ изъ дивизій генералъ-лейтенантовъ: Тучкова 1-го, Дохтурова, Анрепа, Эссена 3-го, и заключалъ въ себѣ 36000 человѣкъ.

Въ эту эпоху составъ нашей арміи былъ превосходный. Она почти вся состояла изъ широкоплечихъ, усастыхъ ветерановъ вѣка Екатерины, временъ Потемкинскихъ и Суворовскихъ. Многіе солдаты, прослужившіе слишкомъ двадцать лѣтъ и имѣвшіе лишь отъ 40 до 45 лѣтъ отъ роду, участвовали въ приступахъ Очакова и Измаила, въ сраженіяхъ подъ Рымникомъ и Мачиномъ; тѣ, которыхъ служба простиралась не свыше 12 лѣтъ и которымъ было отъ роду отъ 32 до 37 лѣтъ, участвовавъ въ приступѣ Праги и въ сраженіяхъ подъ Брестомъ и Мацiовицами, разгромили Польшу. Наконецъ даже тѣ, которымъ считалось только семь лѣтъ службы и которые имѣли лишь отъ 27 до 32 лѣтъ отъ роду, совершили безсмертный Италіанскій походъ съ Суворовымъ; они побѣждали французовъ на Аддѣ, Требіи, подъ Нови и на заоблачныхъ высотахъ и въ ущельяхъ Швейцаріи. Правда, что въ предшествовавшемъ году нѣкоторые изъ полковъ пострадали подъ Аустерлицемъ; этотъ случай, подобно тревожному сну, поразившій лишь слегка ихъ мысли и чувства, не могъ поколебать еще высокаго ихъ о себѣ мнѣнія. Самолюбіе ихъ, вознесенное вѣковою непобѣдимостью, приписало несчастіе это несоразмѣр-

ности числительной силы непріятеля съ силою нашей арміи и слабымъ дѣйствіямъ союзниковъ, но не генію Наполеона, еще менѣе превосходству надъ ними въ удальствѣ и храбрости французскаго войска, такъ недавно не выдержавшаго въ Италіи и въ Швейцаріи ихъ бурныхъ натисковъ. Такая армія могла смѣло состязаться съ войскомъ, покрытымъ лаврами Пирамидъ, Маренго и Ульма, и была готова поддержать всею мощью богатырской груди своей и русскаго штыка всякое отважное предпріятіе ея вождя. Все это ополченіе состояло изъ 107000 человѣкъ.

Относительно генераловъ [1]) всѣ эти воспоминанія были, къ несчастію, глубоко потрясены пораженіемъ при Аустер-

---

[1]) Многіе престарѣлые генералы, въ числѣ коихъ находился фельдмаршалъ князь Прозоровскій, домогались начальства надъ арміею во время войны 1806 и 1807 годовъ съ французами. Девяностолѣтній князь Прозоровскій, одержимый хирагрой, подагрой, слѣпотой и сильнымъ трясеніемъ въ рукахъ и ногахъ, находилъ нужнымъ для поддержанія своего здоровья натираться ежедневно мадерой. Этотъ старецъ, не лишенный мужества, былъ человѣкъ ограниченный и въ высшей степени самонадѣянный; въ его понятіяхъ всѣ генералы, въ особенности князь Потемкинъ, о коемъ онъ имѣлъ самое невыгодное мнѣніе, за исключеніемъ одного Румянцева, были люди ничтожные и бездарные. Услыхавъ въ 1807 году о дѣйствіяхъ Беннингсена противу французовъ, князь Прозоровскій сказалъ о немъ слѣдующее: «Весьма удивительно, что Беннингсенъ ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается въ тылу арміи Бонапарте; будь я на его мѣстѣ, я бы высылалъ свои разъѣзды до самаго Рейна». Желая убѣдить всѣхъ, что онъ всегда пользовался репутаціею отличнаго генерала, онъ часто повторялъ слова: «Отъ Суворова до Прозорова»; хитрый М. И. Платовъ объяснилъ однажды всѣмъ, что эта поговорка была сказана въ первый разъ по слѣдующему поводу: великій Суворовъ, находившійся близъ Анапы, узнавъ о пораженіи, понесенномъ княземъ Прозоровскимъ на Салгирѣ, и поспѣшномъ отступленіи его къ Перекопу, послалъ курьера въ Крымъ, дабы собрать обстоятельныя объ этомъ свѣдѣнія. Будучи назначенъ въ 1807 году главнокомандующимъ арміею въ Молдавіи и Валахіи, князь Прозоровскій, питавшій глубокую ненависть къ Потемкину, и потому избѣгавшій позицій, нѣкогда занимаемыхъ княземъ Тавриды, избиралъ нерѣдко для своихъ войскъ мѣста, гдѣ свирѣпствовали губительныя болѣзни. Хотя его войска совершали свои переходы въ теченіе цѣлаго дня, но они не дѣлали болѣе 12 верстъ въ сутки. Причина того заключалась въ построеніи арміи: обозы слѣдовали въ срединѣ огромнаго карре, которое, подвигаясь весьма медленно, должно было перестраиваться при переправахъ чрезъ каждую рѣчку. Фельдмаршала, сопровождавшаго армію на маленькомъ клеперѣ, ссаживали съ него у каждаго кургана. Къ нему былъ назначенъ въ качествѣ помощника шестидесятилѣтній, но безсмертный впослѣдствіи М. И. Кутузовъ, страдавшій отъ полученныхъ прежнихъ ранъ и разслабленіемъ въ но-

лицѣ. Ни одинъ генералъ этой арміи, за исключеніемъ князя Багратіона, не служилъ подъ знаменами великаго Суворова въ Италіи; нѣкоторые изъ нихъ видѣли непріятеля лишь въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, прочіе же слышали выстрѣлы лишь на маневрахъ близъ Гатчины и Краснаго Села.

Армія наша была раздѣлена на дивизіи, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ всѣ роды войска, отъ кирасиръ или драгунъ до казаковъ, отъ гренадеръ до егерей, артиллерію конную и пѣшую. Такъ какъ дивизія при полномъ комплектѣ не превышала 13000 человѣкъ, то каждый родъ войска, входившій въ составъ ея, былъ чрезвычайно дробенъ; эти дробныя части, не будучи въ состояніи образовать тѣла плотнаго, что̀ необходимо для оборонительнаго и наступательнаго дѣйствія, были слишкомъ слабы для оказанія взаимнаго содѣйствія. Кромѣ того, у насъ не существовало особенныхъ резервовъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллерійскихъ, столь полезныхъ во время веденія войны.

Устройство непріятельской арміи не могло не обратить на себя всеобщаго вниманія; французская армія состояла изъ корпусовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ армію малаго размѣра, въ которую входили пѣхота, артиллерія и кавалерія.

Я почитаю необходимымъ, для полнаго уразумѣнія этой второй борьбы императора Александра съ Наполеономъ, ознакомить моихъ читателей съ характерами нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ дѣятелей. Вполнѣ сознавая свое безсиліе и неумѣ-

---

гахъ, отчего онъ подвигался какъ будто на лыжахъ; не взирая на палящіе жары, Кутузовъ отправлялся ежедневно въ полной формѣ съ паролемъ къ фельдмаршалу, который, говоря съ нимъ, называлъ его всегда молодымъ человѣкомъ. Въ торжественные дни фельдмаршалъ давалъ парадные обѣды, къ коимъ бывали приглашаемы всѣ генералы; Кутузовъ, не любившій присутствовать на этихъ обѣдахъ, прибѣгалъ даже нерѣдко къ лѣкарствамъ, чтобы избавиться отъ этой тягостной для него обязанности. Однажды обѣдалъ у фельдмаршала въ концѣ 1807 года въ Яссахъ проѣзжавшій изъ Константинополя въ Парижъ генералъ Себастіани; этотъ генералъ, послѣ продолжительнаго фанфаронства и исчисленія монарховъ, покорныхъ волѣ Наполеона, разговорился о атаманѣ Платовѣ. Обратившись вдругъ къ Кутузову, онъ спросилъ его: «Qu'est ce que c'est qu'un hettman de cosaques»? «C'est une espèce de roi de Westphalie», отвѣчалъ весьма хладнокровно Михаилъ Иларіоновичъ. Этотъ вполнѣ остроумный отвѣтъ вынудилъ Себастіани закусить губы.

не обрисовать съ достаточною яркостью эти личности, изъ коихъ нѣкоторыя прославились впослѣдствіи знаменитыми подвигами, я предоставляю каждому судить, въ какой мѣрѣ я достигъ желаемой цѣли. Я имѣю въ виду представить въ настоящемъ свѣтѣ лишь нѣкоторыя характеристическія черты изъ жизни замѣчательнѣйшихъ вождей нашихъ войскъ и, быть можетъ, заблуждаюсь въ оцѣнкѣ ихъ характеровъ и дѣйствій, а потому не только не опасаюсь противорѣчій, но приму съ истинною признательностью всякое возраженіе, основанное не на фактахъ, умышленно искаженныхъ и подверженныхъ сомнѣнію.

16-го ноября фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею. Престарѣлый лѣтами, но еще бодрый духомъ и тѣломъ, этотъ полководецъ, будучи одаренъ быстрымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ, обладалъ блистательными способностями и основательными разносторонними свѣдѣніями. Къ несчастію, эти качества были омрачены своенравіемъ, доходившимъ до бѣшенства, злобнымъ до безчеловѣчія сердцемъ, и нравомъ весьма строптивымъ; малѣйшее возраженіе или противорѣчіе, ошибка подчиненнаго, движеніе непріятеля, не соотвѣтствующее его предположенію, лихоимство какого-нибудь чиновника, все это могло возбудить въ немъ страшный гнѣвъ, въ пылу котораго онъ все забывалъ. Онъ до глубочайшей старости изучалъ математику и повѣрялъ часто вновь выходившіе курсы, дѣлая самъ по нимъ математическія выкладки.

Графъ Буксгевденъ, бывшій впослѣдствіи главнокомандующимъ въ Финляндіи, былъ человѣкъ весьма храбрый, но надменный, упрямый и не одаренный способностями. Онъ былъ извѣстенъ письмомъ своимъ, писаннымъ въ 1809 году графу Аракчееву; дѣйствительный же авторъ этого письма былъ полковникъ квартирмейстерской части Говардовскій, замѣчательный необыкновенными способностями и убитый въ Бородинскомъ сраженіи.

Генералъ Беннигсенъ былъ извѣстенъ блистательными кабинетными способностями, рѣдкимъ безкорыстіемъ и вполнѣ

геройскою неустрашимостью; не взирая на превосходныя и основательныя свѣдѣнія, онъ былъ одаренъ малою предпріимчивостью, доходившею въ немъ иногда до чрезмѣрной робости. Онъ служилъ долго и всегда отлично подъ начальствомъ другихъ; рѣшаясь весьма рѣдко предупреждать непріятеля, онъ большею частію лишь отшибалъ удары его, но почти никогда не отваживался его наказать. Къ несчастію, онъ былъ подверженъ падучей болѣзни, которая часто проявлялась въ немъ въ то время, когда ему слѣдовало бы наиболѣе обнаружить умственныя способности и дѣятельность, въ которыхъ природа ему не отказала; извѣстно, что эта страшная болѣзнь обнаружилась у него въ самую критическую минуту гибельнаго для насъ Фридландскаго сраженія. Чрезмѣрное добродушіе сего генерала относительно своихъ подчиненныхъ много вредило исполненію самыхъ лучшихъ его предначертаній. Вообще Беннингсенъ, которому—есть весьма основательныя причины полагать—принадлежитъ мысль о знаменитомъ фланговомъ маршѣ нашихъ армій послѣ отступленія ихъ изъ Москвы, былъ также весьма замѣчателенъ по своему ласковому безъ короткости обращенію, благородству рѣчей и степенности, свойственной лишь вождю вождей могущественной арміи. Беннингсенъ, ненавидимый Кутузовымъ, съ которымъ его окончательно разсорилъ Толь въ Тарутинѣ, питалъ къ нему столь же малое сочувствіе; письма его въ 1812 году къ государю наполнены, къ сожалѣнію, недостойными противъ фельдмаршала выходками. Однако записки его объ Отечественной войнѣ, изъ коихъ онъ мнѣ читалъ нѣкоторые отрывки, замѣчательны по справедливости сужденій и вѣрному военному взгляду.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, столь знаменитый по своему изумительному мужеству, высокому безкорыстію, рѣшительности и дѣятельности, не получилъ, къ несчастью, никакого образованія. Поступивъ унтеръ-офицеромъ въ одинъ изъ егерскихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, онъ служилъ въ батальонѣ полковника Пьери. Принявъ участіе въ несчастномъ дѣлѣ близъ чеченскаго аула Агды, мо-

лодой князь былъ обязанъ своимъ спасеніемъ преданному намъ мусульманину, извѣстившему маіора Мансурова о истребленіи отряда Пьери чеченцами, завлекшими его въ густой лѣсъ. Высокія природныя его дарованія, мужество, дѣятельность и неподражаемая бдительность, замѣнившія ему свѣдѣнія, обратили на него вниманіе великаго Суворова, котораго онъ, можно сказать, былъ правою рукой въ безсмертной Италіанской кампаніи. Суворовъ, подобно всѣмъ геніальнымъ людямъ, будучи выше зависти, любилъ готовить себѣ сотрудниковъ достойныхъ его великихъ предначертаній. Заслуживъ дружбу сего великаго представителя всей нашей военной славы, князь Багратіонъ на берегахъ Адды, Требіи, у подошвы Апеннинскихъ горъ и на заоблачныхъ высяхъ Альповъ, исполняя въ точности его приказанія, прославилъ себя чудесами мужества, дѣятельности и великодушія. Онъ почерпнулъ въ этой безсмертной войнѣ ту быстроту въ дѣйствіяхъ, то искусство въ изворотахъ, ту внезапность въ нападеніяхъ, то единство въ натискѣ, которыя пріобрѣли ему полную довѣренность, неограниченную любовь и глубокое уваженіе всей арміи. Во время войны 1805 года [1]), князь Багратіонъ, раздѣливъ славу

---

[1]) Имѣвъ случай узнать отъ князя Багратіона, Ермолова и другихъ участниковъ войны 1805 года многія, относящіяся къ ней, подробности, я не могу не сказать здѣсь о томъ нѣсколькихъ словъ. Во время движенія нашей арміи въ Баварію австрійцы снабдили ее форшпанами, на коихъ помѣщалось половинное число людей, что̀ доставило нашимъ войскамъ возможность дѣлать ежедневно по два перехода; артиллерійскихъ лошадей вели въ поводу. Хотя герцогъ Баварскій обѣщалъ намъ свое содѣйствіе, но опасаясь, чтобы Наполеонъ не задержалъ находившагося во Франціи сына его, онъ былъ вполнѣ преданъ французамъ. Однажды во время обѣда Кутузова въ Браунау къ нему явился незнакомый генералъ съ повязанною головою, который объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить ему весьма важныя извѣстія. На вопросъ Кутузова, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, незнакомый отвѣчалъ: «Я генералъ Маккъ; армія моя уничтожена; я самъ отпущенъ Наполеономъ, которому обѣщался честнымъ словомъ не служить противу него въ теченіе этой войны». Пораженный этимъ извѣстіемъ, Кутузовъ спросилъ его: «Вы, вѣроятно, носите повязку вслѣдствіе полученной раны?» «Нѣтъ», отвѣчалъ Маккъ, «я ушибъ сильно голову, сидя въ своей каретѣ». Не взирая на представленія австрійскихъ генераловъ, въ особенности грубаго Мерфельда, Кутузовъ, превосходно оцѣнивъ опасность своего положенія, рѣшился тотчасъ отступить. Давъ отойти отправленнымъ заблаговременно госпиталямъ и разнымъ запасамъ на довольно значительное разстояніе,

безпримѣрнаго отступленія съ нашимъ Фабіемъ-Кутузовымъ, обрекшимъ его съ 6000 человѣкъ войска на вѣрную гибель, для спасенія главной арміи, пробился съ величайшей честью сквозь 30000 непріятелей. Во время войны 1806 и 1807 годовъ князь былъ неизмѣннымъ начальникомъ авангарда нашей арміи; имѣя дѣло съ неутомимымъ и энергическимъ На-

---

Кутузовъ съ арміею началъ свое отступленіе лишь три дня спустя. Дурныя дороги замедляли движеніе обозовъ, значительно задерживавшихъ армію, которая во время своего обратнаго слѣдованія была предоставлена лишь собственнымъ своимъ средствамъ. Насъ спасало лишь слѣдующее: главная непріятельская армія, находясь значительно назади, не могла настойчиво преслѣдовать наши войска, имѣвшія противу себя лишь небольшой авангардъ. Кутузовъ, не взирая на всѣ свои увѣренія и офиціальныя донесенія, расположивъ арміи за рѣкою Энсомъ, не устроилъ здѣсь ни шанцовъ, ни укрѣпленій. На смѣну арріергарда князя Багратіона, понесшаго близъ Амштетена сильное пораженіе, былъ высланъ корпусъ Милорадовича. Войска наши, слѣдовавшія по шоссе вдоль праваго берега Дуная, видѣли движеніе корпуса Мортье, медленно пробиравшагося лѣвымъ берегомъ рѣки по весьма дурнымъ дорогамъ. Перейдя на лѣвую сторону Дуная, наши войска расположились въ Кремсѣ и его окрестностяхъ, гдѣ они воспользовались богатыми складами виноградмаго вина. Непріятель былъ отбитъ отъ Кремса, причемъ, вслѣдствіе удачнаго дѣйствія двухъ пушекъ роты Ермолова, спасавшіеся на лодкахъ французскіе генералъ Грендоржъ и два полковника сдались военноплѣнными. Внезапная смерть генералъ-квартирмейстера Шмита, превосходно знавшаго окрестную мѣстность, не дозволила намъ, окруживъ корпусъ Мортье, истребить его. По кончинѣ Шмита, убитаго выстрѣлами непріятельскаго пикета, наши генералы, не будучи знакомы съ свойствами мѣстности, крайне пересѣченной, рѣшились отступить. Этому лишь обстоятельству обязанъ Мортье своимъ спасеніемъ. Если бы Мюратъ прибылъ на пересѣченіе дорогъ изъ Вѣны и Кремса нѣсколькими часами ранѣе, вся артиллерія наша сдѣлалась бы добычей французовъ. Отдавая полную справедливость великимъ заслугамъ князя Багратіона въ теченіе этой войны и въ особенности въ знаменитомъ Голлабрюнскомъ дѣлѣ, я не могу не указать на подвиги нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, о коихъ умалчиваютъ наши военные историки. Князь Багратіонъ, заключивъ съ непріятелемъ перемиріе съ условіемъ не покидать занимаемыхъ позицій, приказалъ однако заднимъ эшелонамъ своихъ войскъ начать отступательное движеніе, но вслѣдствіе требованій французовъ онъ нашелся вынужденнымъ возвратить ихъ на прежнія позиціи. Князь сдѣлалъ немаловажную ошибку, ввѣривъ начальство надъ своимъ лѣвымъ флангомъ генералу Сомову, котораго неосмотрительность имѣла гибельное вліяніе на исходъ дѣлъ; приказавъ людямъ составить ружья въ козлы, Сомовъ отпустилъ ихъ въ лѣсъ за дровами. Когда наступилъ срокъ перемирія, французы, извѣстивъ насъ о томъ боевымъ пушечнымъ выстрѣломъ, овладѣли безъ сопротивленія ружьями и 12 пушками нашего лѣваго фланга; хотя отпущенные въ лѣсъ люди, услыхавъ перестрѣлку, не замедлили прибѣжать на поле сраженія, но они не были въ состояніи возвратить отбитыхъ ружей и пушекъ. Отлично умный и обра-

полеономъ, князь долженъ былъ обнаружить здѣсь много хладнокровія, мужества, бдительности и искусства, для охраненія отступающей нашей арміи и отраженія настойчивыхъ наступленій французовъ. Тотъ, котораго почитали лишь богатыремъ, но не тактикомъ, авангарднымъ начальникомъ, но не полководцемъ, доказалъ въ началѣ Отечественной войны, что онъ соединялъ въ себѣ неустрашимость съ опытностью искуснаго военачальника. Желая однако остаться вѣрнымъ истинѣ, я не могу потому не указать на двѣ грубыя ошибки, сдѣланныя въ эту эпоху княземъ, не имѣвшимъ впрочемъ вѣрныхъ свѣдѣній о числительности непріятельскихъ войскъ. Онъ долженъ былъ предупредить непріятеля въ занятіи Минска или, по крайней мѣрѣ, вытѣснить оттуда слабый его авангардъ. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ Ермолову: „Не ожидалъ я этого отъ Багратіона; не Барклай, а что сдѣлалъ!“

зованный полковникъ Уланіусъ, занимая съ своимъ полкомъ выдавшійся мысъ земли и блистательно отражая сильныя колонны французовъ, тщетно взбиравшихся на него, надолго задержалъ ихъ здѣсь. Во время главной непріятельской атаки маіоръ Кіевскаго гренадерскаго полка Экономовъ, занявъ своимъ баталіономъ деревню, находившуюся въ тылу нашей позиціи при спускѣ въ крутой оврагъ, оказалъ тѣмъ всему отряду величайшую заслугу. Непріятель, подойдя къ ней, былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ; если бы ему удалось овладѣть этою деревней, весь отрядъ князя Багратіона былъ бы неминуемо истребленъ. Впослѣдствіи наша армія занимала превосходную позицію подъ пушками Ольмюцкой крѣпости, гдѣ она могла безопасно ожидать присоединенія войскъ эрцъ-герцога Карла, который молилъ Бога лишь о томъ, чтобы русскіе не давали сраженія въ Моравіи. Въ то время какъ войска его спѣшили на соединеніе съ арміей Кутузова, отрядъ эрцъ-герцога Фердинанда занималъ Цнаймскій путь, по коему Наполеону надлежало бы отступать, и поспѣшно вооружавшаяся Пруссія предъявляла ему новыя требованія. Если бы мы съумѣли выждать развитія обстоятельствъ, Наполеонъ нашелся бы вынужденнымъ, не давъ намъ генеральнаго сраженія, поспѣшно очистить австрійскія владѣнія. Занятіе австрійцами Цнаймской дороги могло имѣть весьма гибельныя для него послѣдствія. Движеніе нашей арміи къ Аустерлицу не можетъ быть ничѣмъ оправдано; оно не было послѣдствіемъ лишь недостатка въ продовольствіи, какъ то старались разглашать многіе. Кутузовъ, предлагавшій не покидать самой Ольмюцкой позиціи, не обнаружилъ здѣсь большой твердости характера; ему слѣдовало отказаться отъ начальствованія надъ арміей, явно стремившейся къ своей гибели, и гдѣ отдавали приказанія не столько онъ, сколько генералъ Вейротеръ и многія другія лица. Дѣйствія Вейротера возбудили всеобщее подозрѣніе; Наполеонъ зналъ положительно наканунѣ сраженія о мѣстѣ расположенія каждой колонны союзной арміи; Вейротеръ, отданный послѣ сраженія подъ судъ, говорятъ, отравилъ себя.

Вмѣсто безостановочнаго слѣдованія къ Смоленску, гдѣ мы могли легко быть предупреждены французами, князь дозволилъ своей арміи отдыхать почти сутки близъ Стараго Быхова во время кровопролитнаго дѣла подъ Дашковкой. Нельзя однако не согласиться, что князь загладилъ все это быстротою въ дѣйствіяхъ, рѣшительностью, изумительнымъ мужествомъ и умѣньемъ возвышать духъ въ своихъ подчиненныхъ. Назначеніе Барклая главнокомандующимъ 1-ю арміею и подчиненіе ему князя Багратіона не мало оскорбило сего послѣдняго. Съ этого времени оба полководца начали питать взаимное недовѣріе, которое усилилось вслѣдствіе различія ихъ характеровъ и одинаковости ихъ положенія. Пламенный, рѣшительный и нетерпѣливый князь Багратіонъ не могъ сочувствовать холодному, разсчетливому и методическому Барклаю. Блестящія качества, открытый характеръ и ласковое со всѣми обращеніе князя привлекали къ нему всѣ сердца его подчиненныхъ, изъ которыхъ самые слабые и робкіе, воодушевляемые его примѣромъ, становились героями. Напротивъ того, безстрашный, неутомимый, но мало привѣтливый Барклай, не взирая на высокія свои достоинства, не умѣлъ привязать къ себѣ войскъ. Такимъ образомъ Барклай, будучи несравненно моложе князя, столкнулся съ нимъ въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ. Князь Багратіонъ, незнавшій положительно о числительности непріятельскихъ силъ, былъ весьма мало свѣдущъ въ правилахъ высшей военной науки; ненавидя, подобно великому Суворову, малѣйшее отступленіе, онъ глубоко скорбѣлъ при видѣ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ нашимъ отечествомъ. Называя Барклая методикомъ, Давустомъ, князь, не знавшій матеріальныхъ средствъ Россіи, кои были лучше извѣстны военному министру, былъ убѣжденъ, что одна наступательная война могла отвратить бѣдствія, постигшія Россію; онъ потому непрестанно твердилъ: „Если мы не перейдемъ въ наступленіе, я сниму съ себя мундиръ; вѣдь мы французовъ шапками закидаемъ". Вотъ истинная причина того, почему онъ тяготился зависимостью своею отъ Барклая, обнаружившаго въ этомъ случаѣ несравненно большую проницa-

тельность. Въ эту минуту, когда недовѣріе между главнокомандующими перешло во вражду, выступилъ на сцену начальникъ штаба 1-й арміи Ермоловъ, который, пользуясь большимъ расположеніемъ и довѣріемъ князя Багратіона, рѣшился установить, по возможности, согласіе между нимъ и Барклаемъ. Въ самомъ дѣлѣ можно было извлечь большія выгоды изъ самой противоположности ихъ характеровъ; холодная разсудительность одного въ соединеніи съ предпріимчивостью и рѣшительностью другаго могли дать огромные результаты. Смягчая выраженія Барклая при передачѣ приказаній его князю, и поступая такимъ же образомъ, когда надлежало докладывать первому донесенія втораго, ему удалось возстановить согласіе между ними. Но это не продолжалось долго; къ сожалѣнію, послѣ выздоровленія благороднаго и мужественнаго графа Сенъ-При, подчинившагося, къ несчастію, интриганту Jean Bare, внушившему ему мысль принять на себя, подобно Ермолову, роль посредника, что̀ далеко превосходило его способности,—возникли новыя распри, гибельныя послѣдствія которыхъ могли быть отвращены лишь назначеніемъ князя Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій. Способный къ увлеченіямъ, пылкій и запальчивый князь могъ заблуждаться, но онъ не могъ быть обвиненъ въ недостаткѣ искренности и благородства; недостойныя клеветы оскорбленнаго и раздраженнаго Барклая на князя и многихъ нашихъ славныхъ дѣятелей Отечественной войны не заслуживаютъ довѣрія. Желая однако остаться вѣрнымъ истинѣ, я съ глубокимъ сожалѣніемъ нахожусь вынужденнымъ упрекнуть въ свою очередь моего знаменитаго и несравненнаго благодѣтеля за страшныя и неосновательныя обвиненія его противъ Барклая, оказавшаго Россіи безсмертныя заслуги. Исполненный самою пламенною любовью къ нашему отечеству, князь съ свойственною всѣмъ азіатцамъ неудержимою пылкостью питалъ какое-то озлобленіе противъ Барклая; это чувство, проистекавшее лишь изъ глубокой непріязни его къ нѣмецкой партіи, значительно усилилось вслѣдствіе постояннаго отступленія нашихъ войскъ, великіе результаты котораго князь не успѣлъ предугадать.

Подобныя обвиненія сего рыцарски-благороднаго, нетерпѣливаго, вулканическаго и нерѣдко крайне запальчиваго героя встрѣчаются, къ несчастію, даже и въ нѣкоторыхъ его частныхъ письмахъ. Въ Бородинскомъ сраженіи сей доблестный исполинъ, отстаивавшій, какъ гранитная скала, занимаемую имъ позицію, получилъ смертельную рану; скорбя болѣе о гибели Россіи, чѣмъ о своей жизни, онъ пренебрегъ лѣченіемъ своей раны и умеръ, горько оплаканный своими подчиненными, находившими всегда у него отеческій привѣтъ и участіе, и съ которыми онъ нерѣдко дѣлилъ послѣдній кусокъ хлѣба. Не взирая на свое невѣжество, этотъ Ахиллъ Наполеоновскихъ войнъ, въ числѣ первыхъ оцѣнившій пользу партизанской войны, постигъ силою одного своего генія основныя правила военнаго искусства; несмотря на значительное превосходство въ свѣдѣніяхъ своихъ подчиненныхъ, онъ умѣлъ всегда сохранить преимущество своего сана, безъ оскорбленія чьего бы то ни было самолюбія. Величественная поступь и осанка князя, орлиный взглядъ его производили обаятельное на всѣхъ дѣйствіе. Имѣвъ неоцѣненное счастіе служить въ теченіе пяти лѣтъ адъютантомъ при князѣ, который былъ всегда весьма взыскательнымъ начальникомъ, я сохранилъ и сохраню до конца дней моихъ къ памяти этого высокаго героя и неподражаемо-заботливаго, добраго и снисходительнаго генерала чувства глубочайшаго благоговѣнія и самой искренней душевной признательности.

Генералъ Н. А. Тучковъ, не видавшій непріятеля со времени Польской войны 1794 года, былъ отлично храбрый воинъ; имѣя поверхностныя обо всемъ свѣдѣнія, онъ никогда не обнаруживалъ блистательныхъ дарованій.

Графъ Остерманъ не видалъ непріятеля со времени послѣдней Турецкой войны. Онъ былъ замѣчателенъ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ и рѣдкою непоколебимостію въ защитѣ ввѣреннаго ему пункта; хотя онъ въ минуты величайшихъ опасностей обнаруживалъ высокое и ничѣмъ невозмутимое присутствіе духа, но, не отличаясь большими свѣдѣніями и замѣчательнымъ умомъ, онъ иногда не умѣлъ пользоваться

благопріятными обстоятельствами. Въ немъ нѣсколько разъ обнаруживалось разстройство ума; отъ этой болѣзни пользовалъ его въ 1812 году баронетъ сиръ Вилье.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ есть въ полномъ смыслѣ слова благородный и доблестный русскій вельможа, отличавшійся всегда замѣчательною неустрашимостью. Участвовавъ въ Польской войнѣ въ качествѣ волонтера, онъ также съ этого времени не видалъ непріятеля; во время Отечественной войны этотъ безстрашный рыцарь исполнялъ всѣ возлагаемыя на него обязанности съ полнымъ самоотверженіемъ. Занимая въ настоящее мѣсто мѣсто московскаго военнаго генералъ-губернатора, почтенный князь, весьма мало знакомый съ русскимъ языкомъ, принимая городскія сословія, держитъ часто рѣчи, написанныя на полурусскомъ и говоренныя имъ на четверть-русскомъ нарѣчіи.

Генералъ Сакенъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь, служилъ долго въ штабъ-офицерскихъ чинахъ. Будучи раненъ въ Цюрихскомъ сраженіи, Сакенъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ взятъ французами въ плѣнъ. Дерзкій на словахъ, отлично умный, острый, злой, желчный, Сакенъ много читалъ и умѣлъ все понять и сохранить въ своей памяти. Хотя дѣйствія его въ войну 1806 и 1807 годовъ не отличались, какъ мы увидимъ ниже, большою добросовѣстностью, но онъ вполнѣ искупилъ эти ошибки блистательными заслугами въ войну 1812 и 1814 годовъ. Грубыя ошибки Сакена въ описываемую нами войну 1806 и 1807 годовъ проистекали, къ несчастію, лишь изъ личныхъ, непріязненныхъ отношеній его къ генералу Беннигсену.

Дохтуровъ отличался еще въ чинѣ капитана гвардіи въ войнѣ противъ Шведовъ; командуя частью войскъ во время знаменитой ретирады изъ Баваріи въ 1805 году, онъ выказалъ большое мужество подъ Кремсомъ и Аустерлицомъ. Будучи весьма храбръ, добродушенъ до слабости, онъ вовсе не имѣлъ военныхъ дарованій и въ особенности рѣшительности. Впослѣдствіи этотъ неустрашимый воинъ предложилъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ уступить Москву безъ боя по

слѣдующей причинѣ: армія, лишившаяся большаго количества генераловъ и офицеровъ, не была уже, по его мнѣнію, въ состояніи принимать какого-либо сраженія.

Седморацкій и П. К. Эссенъ 3-й были лишь хорошіе гатчинскіе парадиры. Это были люди честные, но бездарные, тупые, несвѣдущіе, обнаружившіе однако большое хладнокровіе при встрѣчѣ съ непріятелемъ, котораго они до того времени еще никогда не видывали.

Генералъ Эссенъ 1-й командовалъ корпусомъ послѣ пораженія въ Голландіи и взятія въ плѣнъ генерала Германси; онъ въ своемъ кабинетѣ простиралъ свою распорядительность до самой изящной аккуратности. Хотя Эссенъ не былъ лишенъ замѣчательнаго ума и рѣшительности, но правила, коими онъ руководствовался, были иногда болѣе пагубны для своихъ, чѣмъ вредны для противниковъ.

Барклай де-Толли и Баговутъ служили съ достоинствомъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, первый въ Шведской и Турецкой войнахъ, а послѣдній въ Польской; они оба съ того времени не принимали участія ни въ одной войнѣ.

Барклай-де-Толли съ самаго начала своего служенія обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ изумительнымъ мужествомъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла. Эти свойства внушили нашимъ солдатамъ пословицу: погляди на Барклая, и страхъ не беретъ. Находясь послѣ войны 1807 года на западныхъ границахъ, онъ ежедневно упражнялъ войска свои въ маневрированіи, при чемъ онъ обращалъ большое вниманіе на то, чтобы они успѣли приноравливаться къ мѣстности. Это повторялось ежедневно послѣ смѣны карауловъ. Возвращавшіяся на свои квартиры части войскъ встрѣчали на пути своемъ препятствія, кои имъ надлежало преодолѣть. Желая пріучить своихъ подчиненныхъ быть всегда готовыми къ отраженію самаго неожиданнаго непріятельскаго нападенія, Барклай нерѣдко производилъ внезапныя атаки на квартиры своихъ подчиненныхъ. Однажды одинъ изъ его баталіонныхъ командировъ овладѣлъ неожиданно квартирой Барклая, при чемъ его самого взяли въ

плѣнъ; это доставило ему величайшее удовольствіе. Эта высокая личность, какъ бы привыкшая съ самаго дѣтства своего повелѣвать, имѣла однако слѣдующія слабыя стороны: незнаніе русскаго языка, необходимаго для основательнаго изученія характера нашихъ солдатъ и для того, чтобы привязать къ себѣ войска, излишнее пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ, и малую природную привѣтливость къ окружающимъ и подчиненнымъ. Въ сумрачномъ, постоянно угрюмомъ, хотя и скромномъ, безстрашномъ, неутомимомъ и холодномъ, какъ мраморная статуя, Барклаѣ проявилась впослѣдствіи сильная раздражительность, недовѣрчивость и несправедливость въ оцѣнкѣ чужихъ заслугъ; начало этихъ недостатковъ должно искать въ тѣхъ ужасныхъ гоненіяхъ и непріятностяхъ, коимъ онъ подвергся въ 1812 году. Рядъ оскорбленій, испытанныхъ Барклаемъ послѣ пріѣзда князя Кутузова въ армію, и всеобщія неосновательныя клеветы въ измѣнѣ, коими его преслѣдовали послѣ отъѣзда изъ арміи, имѣли огромное вліяніе на его характеръ. Глубоко огорченный всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, Барклай искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи; онъ въ этомъ со слезами на глазахъ признался Ермолову. На знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Барклай, въ качествѣ военнаго министра, отлично знакомый съ матеріальными средствами Россіи, указалъ на необходимость уступленія Москвы безъ боя. По мнѣнію Ермолова, все сказанное при этомъ случаѣ этимъ славнымъ, но злополучнымъ мужемъ, заслуживаетъ того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами [1]); весьма замѣчательно то, что Барклай вовсе не упоминаетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ обстоятельствѣ, приносящемъ ему величайшую честь и славу. Кутузовъ, объявившій, что непріятель вступитъ въ Москву лишь чрезъ его трупъ, возрадовался предложенію Барклая, избавлявшему его

[1]) Хотя Ермоловъ, подавшій на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ въ 1812 году однимъ изъ первыхъ свое мнѣніе, не сомнѣвался въ томъ, что оно будетъ отвергнуто большинствомъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не сожалѣть о томъ, что имъ сдѣлано было противное предложеніе, вопреки собственнаго убѣжденія и съ намѣреніемъ сохранить лишь пріобрѣтенную любовь въ войскахъ.

отъ необходимости предлагать мѣру, противъ которой онъ, повидимому, такъ возставалъ, и которая, по его мнѣнію, была лишь послѣдствіемъ паденія Смоленска. Барклай, испившій до дна чашу самыхъ горькихъ, незаслуженныхъ испытаній, въ то самое время какъ дѣятельность его была посвящена благу Россіи, для спасенія которой онъ не разъ жертвовалъ своею жизнью, есть въ полномъ смыслѣ слова та величественная личность, о которой нашъ незабвенный А. С. Пушкинъ сказалъ:

«Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
«Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье».

Къ сожалѣнію, „Изображенія военныхъ дѣйствій 1-й арміи въ 1812 году", написанныя Барклаемъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ, съ явнымъ намѣреніемъ оправдать свое поведеніе въ эту бѣдственную для Россіи эпоху, недостойны сего славнаго мужа. Многія событія невѣрно описаны и даже искажены, многимъ замѣчательнымъ личностямъ приписаны недостойныя и несвойственныя имъ дѣла; однимъ словомъ, имѣя въ виду выставить въ нихъ лишь свои собственныя заслуги, высокое значеніе которыхъ, конечно, никто не дерзнетъ оспаривать, онъ слишкомъ пристрастно и несправедливо судитъ о дѣйствіяхъ и заслугахъ другихъ лицъ.

Мужественный и благородный генералъ Баговутъ, убитый ядромъ въ началѣ Тарутинскаго сраженія, отличался своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и способностями, которыя не были однако первостепенными. Баговутъ былъ отличнымъ корпуснымъ командиромъ и былъ весьма любимъ товарищами за свое рыцарское благородство и постоянно веселый нравъ. Находясь однажды съ своимъ полкомъ во время войны 1806 года въ цѣпи, онъ увидѣлъ приближавшагося въ качествѣ парламентера французскаго офицера Сегюра; хотя Баговутъ приказалъ прекратить перестрѣлку, но вдругъ раздался съ нашей стороны выстрѣлъ, который, къ счастію, не причинилъ никому вреда. Сегюръ, оскорбившись этимъ, потребовалъ объясненія; Баговутъ не замедлилъ представить ему, что этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ молодымъ и неопытнымъ рекрутомъ, ко-

торый однако не останется безъ наказанія. Такъ какъ Сегюръ не хотѣлъ этимъ удовольствоваться, Баговутъ, изорвавъ на себѣ рубашку и обнаживъ предъ нимъ свою грудь, сказалъ ему: „Если вамъ этого недостаточно, то вотъ вамъ моя грудь: стрѣляйте въ нее“; надменный и хвастливый французъ поспѣшилъ успокоиться.

Марковъ участвовалъ въ чинѣ штабъ-офицера въ Польской войнѣ, гдѣ онъ послѣ перваго дѣла взятъ былъ въ плѣнъ; онъ также съ того времени не видалъ непріятеля. Этотъ умный, весьма хитрый и храбрый генералъ не обнаруживалъ никогда большихъ военныхъ способностей. Я объ немъ сказалъ однажды: „Думаютъ, что онъ геній, но онъ лишь Евгеній“.

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, сынъ фельдмаршала, былъ человѣкъ пылкій, вулканическій, одаренный замѣчательными способностями и свѣдѣніями; но, подобно отцу своему, онъ отличался невѣроятною жестокостью. Графъ Каменскій послѣ блистательныхъ подвиговъ своихъ въ Финляндіи былъ возведенъ тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду на степень главнокомандующаго арміею въ Молдавіи, гдѣ, одержавъ нѣкоторые успѣхи, онъ скоропостижно умеръ. Онъ, говорятъ, былъ отравленъ на одномъ вечерѣ.

Графъ Карлъ Ламбертъ, сынъ генералъ-инспектора французской кавалеріи еще до революціи, былъ одаренъ рѣдкими личными достоинствами: отличное образованіе, замѣчательныя способности, изумительное мужество, высокія благородство и безкорыстіе привлекли къ нему всеобщую любовь и уваженіе. Графъ Ламбертъ, распоряжавшійся на полѣ сраженія съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ, и бывшій всегда врагомъ суетливости во время боя, напоминалъ собою благороднаго рыцаря среднихъ вѣковъ, въ которомъ пламенное мужество не уступало прочимъ доблестямъ истиннаго героя. Участвовавъ въ походѣ графа Зубова въ Персію, онъ съ этого времени до конца дней своихъ былъ въ весьма близкихъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Ермоловымъ. Этому блистательному во всѣхъ отношеніяхъ генералу мы обязаны сохраненіемъ послѣ гибель-

наго Фридландскаго сраженія 29 орудій, съ которыми онъ ночевалъ на непріятельскомъ берегу рѣки Алле. Въ Отечественную войну графъ Ламбертъ, одержавъ рѣшительную побѣду надъ войсками Домбровскаго, овладѣлъ Борисовымъ, гдѣ получилъ жестокую рану, отъ которой онъ долгое время не могъ оправиться. Вообще блистательныя и вполнѣ рыцарскія свойства графа Ламберта не могли не плѣнить всѣхъ, знавшихъ его; оказанные имъ славные подвиги, кои онъ запечатлѣлъ своею кровью, не могли не возбудить въ каждомъ русскомъ чувство высокаго уваженія къ этому доблестному чужеземцу, искренно и вполнѣ преданному своему второму отечеству.

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ, далеко уступающій въ образованіи графу Ламберту, участвовалъ въ качествѣ волонтера въ походѣ графа Зубова въ Персію. Этотъ вполнѣ доблестный воинъ, называемый Ермоловымъ еще въ 1812 году восходящимъ свѣтиломъ на военномъ горизонтѣ, есть въ полномъ смыслѣ слова Баярдъ безъ страха и упрека. Отличительныя свойства этого знаменитаго дѣятеля великихъ Наполеоновскихъ войнъ суть: необычайныя мужество и хладнокровіе, замѣчательная распорядительность, полное присутствіе духа въ минуты величайшихъ опасностей, высокое благородство и отмѣнная скромность. Характеръ этого безстрашнаго и безупречнаго генерала сходствуетъ во многомъ съ характеромъ безсмертнаго князя Багратіона, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первый, отличаясь врожденною наружною холодностію, не обладалъ способностью привязать къ себѣ войска въ одинакой степени. Подобно ему, графъ Паленъ, отличаясь всегда неимовѣрною бдительностью, былъ пламенный, рѣшительный и неудержимый воинъ, когда предстояла возможность, перейдя въ наступленіе, смѣло опрокинуть непріятеля, яростно преслѣдовать его, и нанести ему окончательный ударъ; когда же надлежало твердо отстаивать занимаемую позицію, онъ поражалъ враговъ и подчиненныхъ своимъ величественнымъ, ничѣмъ непоколебимымъ хладнокровіемъ. Въ обстоятельствахъ наиболѣе важныхъ и опасныхъ, изъ которыхъ, казалось, не было

никакого исхода и могущихъ привести въ смущеніе самаго опытнаго и неустрашимаго полководца, графъ Паленъ, подобно князю Багратіону, обнаруживалъ высокое и всѣхъ изумлявшее присутствіе духа. Я всегда съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрю на графа Петра Петровича, въ которомъ высокія природныя дарованія замѣняли образованіе, которымъ онъ не успѣлъ заняться. Отецъ сего почтеннаго и славнаго воина, находившагося всегда въ весьма пріятельскихъ съ Ермоловымъ сношеніяхъ, говаривалъ о немъ: „Es ist viel zu ehrlich".

Мужественный и добрый князь А. Г. Щербатовъ, пылкій, храбрый и даровитый графъ Кутайсовъ, никогда еще не слыхали боевого выстрѣла.

Графъ Кутайсовъ былъ племянникомъ генерала Рѣзваго, начальника артиллеріи арміи, который постоянно заботился о томъ, чтобы выставить заслуги сего молодаго генерала, прекрасно писавшаго прозой и стихами.

Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, оказавшій своему отечеству знаменитыя заслуги въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, высоко чтимый россійскою арміею и въ особенности на Кавказѣ, былъ очень молодъ при вступленіи своемъ на служебное поприще. Обнаруживъ съ самаго юнаго возраста замѣчательныя способности, онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи всѣ качества отличнаго воина. Онъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проницательностью, неутомимою дѣятельностью и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неимовѣрное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства. Будучи одаренъ необыкновенною физическою силою и крѣпкимъ здоровьемъ, при замѣчательномъ ростѣ, Ермоловъ имѣетъ голову, которая, будучи украшена сѣдыми въ безпорядкѣ лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва. Ермоловъ, будучи весьма смѣлъ съ старшими, явно выказывалъ, подобно князю Багратіону, малое сочувствіе свое къ нѣмецкой партіи, въ главѣ которой находились въ то время Барклай, Витгенштейнъ и многіе другіе. Такъ, на-

примѣръ, въ началѣ Отечественной войны онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о штабѣ Барклая: „Здѣсь все нѣмцы, одинъ русскій, да и тотъ безродный“; въ то время служилъ тутъ чиновникъ Безродный. Одаренный характеромъ твердымъ и самостоятельнымъ, онъ былъ всегда замѣчателенъ по отмѣнной привѣтливости и обходительности съ своими подчиненными, сердцами которыхъ онъ всегда вполнѣ владѣлъ. Находясь еще въ чинѣ полковника, его обращеніе относительно нѣкоторыхъ генераловъ было таково, что они говорили: „Когда-то его произведутъ въ генералы? Онъ тогда, конечно, перестанетъ выказывать такое къ намъ пренебреженіе“. Отличаясь всегда примѣрною скромностью, онъ не только не старался возвышать заслугъ своихъ порицаніемъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ, но, напротивъ, изыскивалъ всѣ способы, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія ихъ; они всегда находили въ немъ самаго ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ [1]). Не дозволяя себѣ никогда малѣйшей дерзости или невниманія относительно младшихъ по себѣ, особливо провинившихся, онъ ограничивался замѣчаніями, уподобленіями, кои, не заключая въ себѣ ничего оскорбительнаго, производили тѣмъ не менѣе на нихъ магическое дѣйствіе. Выслушивая снисходительно всѣ справедливыя возраженія своихъ подчиненныхъ, хотя бы они были иногда облечены въ формы нѣсколько рѣзкія, онъ усугублялъ вниманіе и снисходительность, когда обстоятельства, о коихъ ему доносили, принимали серьезный характеръ. Но добродушіе, какимъ отличаются разговоры его съ младшими, совершенно исчезаетъ, когда ему надлежитъ прибѣгать къ перу; мысли и сужденія, излагаемыя имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественною силою и энергической простотой, облекаются часто въ формы крайне рѣзкія; впрочемъ самый разговоръ его носитъ обыкновенно на себѣ отпечатокъ боль-

[1]) Я кромѣ случаевъ, приведенныхъ мною въ моихъ запискахъ, могъ бы еще упомянуть о многихъ другихъ, въ коихъ многія лица нашей арміи имѣли въ Ермоловѣ самаго неустрашимаго ходатая, нерѣдко высказывавшаго своимъ начальникамъ весьма сильныя и не совсѣмъ для нихъ пріятныя истины.

шаго остроумія и язвительной насмѣшки. Ѣдкая иронія его рѣчей, которою онъ разилъ враговъ своихъ, пріобрѣла ему весьма много недоброжелателей. Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ, я не могъ воздержаться, чтобы ему не написать: „Во чтó обмакиваете вы перо ваше, потому что съ него стекаетъ не чернила, а желчь?“ Это можетъ быть причиной того, что онъ кромѣ записокъ объ Отечественной войнѣ почти ничего другаго не писалъ. Оставаясь во многихъ отношеніяхъ образцемъ избранныхъ людей прошедшаго времени, онъ стоитъ выше толпы, которая, видя въ немъ живой протестъ, безпощадно преслѣдуетъ его своею завистью. Бездарная и неблагонамѣренная посредственность, оскорбленная его ѣдкими насмѣшками, и не будучи въ состояніи обвинить его въ неспособности, изощряла и изощряетъ умъ свой для изобрѣтенія всевозможныхъ противу него клеветъ: его называли интригантомъ, пьяницей, безбожникомъ, хотя положительно извѣстно, что онъ почти не употреблялъ и не употребляетъ вина, и нерѣдко взыскивалъ съ своихъ приближенныхъ за исполненіе церковныхъ обрядовъ [1]). Ермоловъ, пріобрѣтшій обширныя свѣдѣнія, особливо въ военныхъ наукахъ и исторіи, снималъ большею частью самъ мѣстность на бумагу и дѣлалъ весьма скоро croquis. Вынужденный часто диктовать въ одно время нѣсколькимъ лицамъ письма разнороднаго содержанія, онъ обыкновенно собственноручно и прямо набѣло писалъ значительнымъ особамъ офиціальныя бумаги и письма; эти посланія, писанныя часто подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, и проникнутыя потому самой ѣдкой ироніей, отличались вполнѣ смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, кои просили Ермолова, избавивъ ихъ отъ офиціальной съ нимъ переписки, излагать свои просьбы и требованія въ частныхъ письмахъ. Пользуясь благоволеніемъ императора Александра, находившаго большое удовольствіе читать

---

[1]) Во время пребыванія своего въ Грузіи Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобы окружающіе его чиновники и офицеры постились на страстной недѣлѣ и посѣщали бы церковь въ праздничные дни; въ великій четвергъ во время чтенія о страстяхъ Господнихъ присутствовали даже и нѣкоторые мусульмане.

его письма къ П. А. Кикину, П. И. Меллеръ-Закомельскому и другимъ пріятелямъ, Алексѣй Петровичъ, ненавидѣвшій просить о чемъ либо для себя, нерѣдко исходатайствовалъ этимъ путемъ аренды и разнаго рода денежныя награжденія достойнымъ лицамъ, о недостаточности состоянія которыхъ никто не рѣшался доводить до свѣдѣнія его величества. Хотя Ермоловъ испыталъ въ теченіе своей жизни весьма много непріятнаго, но это не оказало никакого вліянія на его неизмѣнно веселый нравъ. Взоръ мой не можетъ не остановиться на этой свѣтлой личности, нерѣдко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, безъ сомнѣнія, большихъ недостатковъ и слабостей, но вполнѣ искупившей все это теплотою души и замѣчательною любовью къ общественному благу. Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія персіанъ въ наши Закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ обстоятельствахъ, которыя, болѣе чѣмъ когда-нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобы удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ персіанамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ Закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббаса-Мирзы, и сознавая чрезмѣрную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовалъ своими личными выгодами; онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, ввѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходныхъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполнѣ обязанъ своей первой побѣдой надъ персіанами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не допустить всеобщаго противу насъ взры-

ва [1]). Это безпримѣрное самоотверженіе, переносящее насъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставитъ этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, не смотря на многіе другіе, совершенные имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ наперекоръ многочисленнымъ врагамъ своимъ рѣдкую популярность человѣка, въ коемъ нынѣ никто не нуждается для какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей. Будучи всегда поклонникомъ красоты, онъ тѣмъ не менѣе всегда чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую кампанію, и будучи современникомъ всего совершавшагося въ Россіи въ Россіи въ теченіе болѣе полустолѣтія, Алексѣй Петровичъ, употреблявшій нѣкогда свой замѣчательный даръ слова на одушевленіе воиновъ, увлекаетъ имъ нынѣ многочисленныхъ стекающихся къ нему посѣтителей. Литература и поэзія составляли всегда истинное наслажденіе Алексѣя Петровича, знающаго наизусть много стихотвореній. Надо присовокупить, что Алексѣй Петровичъ, не могшій не сознавать въ себѣ способностей, былъ всегда одаренъ большимъ честолюбіемъ, что не укрылось отъ проницательнаго князя М. И. Кутузова, который сказалъ о немъ въ концѣ 1812 года слѣдующее: „Il vise au commandement des armées“. Не почитая себя администраторомъ, онъ никогда не былъ преисполненъ того ложнаго и неумѣстнаго самолюбія, которое не дозволяетъ сознаваться въ ограниченномъ кругѣ своихъ познаній и прибѣгать за совѣтами къ болѣе свѣдущимъ подчиненнымъ; напротивъ того, чистосердечно сознавая въ себѣ отсутствіе

[1]) Маіоръ князь Григорій Челокаевъ, принимавшій нѣкогда участіе въ возстаніи противъ насъ, пріѣзжалъ въ это время изъ Кахетіи въ Тифлисъ съ порученіемъ узнать о положеніи дѣлъ; найдя не только спокойнымъ, но даже въ весьма веселомъ расположеніи духа Ермолова, ежедневно расхаживающаго по городу и производящаго пальбу по окрестнымъ горамъ изъ единственной батареи, остававшейся въ Тифлисѣ и вскорѣ также отосланной въ дѣйствующія войска, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ средствъ, коими мы могли въ то время располагать.

административныхъ свѣдѣній и совершенное непониманіе финансовыхъ вопросовъ, онъ любилъ поучаться у спеціалистовъ, хотя бы они были его подчиненные, къ коимъ онъ иногда и при всѣхъ своихъ способностяхъ и большомъ умѣ нерѣдко простиралъ свою довѣренность слишкомъ далеко; вѣрно оцѣнивая умомъ своимъ способности другихъ людей, онъ не рѣдко заблуждался насчетъ нравственныхъ качествъ окружавшихъ его лицъ [1]). Не получая почти ничего отъ отца своего, особенно со времени производства своего въ полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногимъ, онъ привыкъ вести жизнь весьма умѣренную и неприхотливую. Что-

---

[1]) Въ бумагахъ Д. В. Давыдова сохранился къ этому мѣсту слѣдующій варіантъ: «Не принадлежа къ числу тѣхъ, кои безусловно восторгаются всѣмъ, что дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не взирая на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коей онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину этого надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ человѣкомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни спеціальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не взирая на замѣчательную заботливость о благоденствіи ввѣреннаго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполнѣ сознававшій въ себѣ недостатокъ свѣдѣній и опытности, и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, скромно относилъ все сдѣланное въ гражданскомъ отношеніи во время своего правленія краемъ лишь совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству, и никогда не престававшій свидѣтельствовать о нихъ, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность. Получивъ однажды повелѣніе изложить свое мнѣніе на счетъ управленія калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отзыва астраханскаго губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично умнаго Н. Я. Бухарина, коему онъ исходатайствовалъ впослѣдствіи аренду, и отправивъ ихъ также въ С.-Петербургъ, онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагестанѣ, Чечнѣ и другихъ областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ занятій, но нельзя безъ явнаго нарушенія справедливости не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы».

бы изобразить его характеръ еще выпуклѣе и ярче, я вкратцѣ упомяну о важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, столь тѣсно связанной съ великими воспоминаніями нашего вѣка. Будучи выпущенъ въ 1792 году капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, молодой Ермоловъ, коего отецъ былъ правителемъ канцеляріи у генералъ-прокурора графа Самойлова, состоялъ при семъ послѣднемъ въ качествѣ адъютанта; онъ былъ по нѣскольку разъ въ годъ посылаемъ графомъ съ грузомъ эполетъ и эксельбантовъ единственной въ то время фабрики Роговикова къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшейся парфилажемъ. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію; участвовавъ въ войнѣ 1794 года съ поляками, онъ заслужилъ лестные отзывы славнаго генерала Дерфельдена, мнѣніемъ котораго онъ всегда очень дорожилъ. Ермоловъ, отличившись въ особенности при штурмѣ Праги, былъ награжденъ знакомъ св. Георгія 4-го класса, полученнымъ по назначенію самого великаго Суворова. Будучи посланъ въ Италію, вмѣстѣ съ чиновникомъ Вюрстомъ, коему было поручено окончить коммерческія дѣла съ генуэзскимъ банкомъ, онъ посѣтилъ главнѣйшіе пункты Италіи и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ знаменитую по своей красотѣ леди Гамильтонъ; вслѣдствіе ходатайства графовъ Самойлова и Безбородки, снабдившихъ его письмами къ всесильному барону Тугуту, Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, питавшемъ къ русскимъ величайшее уваженіе послѣ сраженія при Рымникѣ, въ коемъ онъ участвовалъ. Вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ съ австрійцами принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ противъ французовъ, Ермоловъ въ проѣздъ свой чрезъ Берлинъ присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскорѣ по своемъ возвращеніи въ походъ противъ Персидскаго шаха, Ермоловъ послѣ бомбардированія Дербента, вѣковыя стѣны котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ, двинулся далѣе; переправившись съ прочими войсками графа Зубова чрезъ Самуръ, онъ слѣдовалъ къ Курѣ на встрѣчу бе-

человѣчнаго Аги-Магомедъ-Хана, спѣшившаго съ огромнымъ войскомъ и 80-ю слонами. Прибывшій курьеромъ подполковникъ графъ Витгенштейнъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) привезъ повелѣніе императора Павла о поспѣшномъ возвращеніи войскъ въ предѣлы Россіи для полезнѣйшаго армія употребленія. Хотя на основаніи полученнаго повелѣнія надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному пораженію, но по рѣшенію военнаго совѣта весь отрядъ отступилъ вмѣстѣ до Терека, гдѣ его ожидалъ своенравный графъ Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему было ввѣрено начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе и въ томъ числѣ Ермоловъ пробрались степью въ Астрахань. Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ баталіона Иванова, изъ коего впослѣдствіи образовался 4-й артиллерійскій полкъ, въ которомъ, по мнѣнію графа Аракчеева, „у семи офицеровъ былъ лишь одинъ мундиръ". Во время заточенія своего въ Костромѣ, гдѣ онъ имѣлъ товарищемъ знаменитаго М. И. Платова, Алексѣй Петровичъ, одаренный необыкновенными способностями, изучилъ весьма основательно латинскій языкъ и военныя науки. Обогативъ въ то время свой умъ разнообразными свѣдѣніями, любознательный Ермоловъ являлся ежедневно рано утромъ къ учителю своему, соборному протоіерею и ключарю Егору Арсеньевичу Груздеву, котораго будилъ словами: „Пора вставать, Титъ Ливій насъ уже давно ждетъ" [1]). Блистательное участіе роты Ермолова въ кампаніи 1805 года обратило на него вниманіе высшаго начальства; въ Аустерлицкомъ сраженіи рота его, вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго отступленія графа Витта съ кирасирскимъ полкомъ, была окружена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, прислуга четырехъ орудій была мгновенно изрублена, другія три орудія, увязшія въ грязи, были также взяты французами, и самъ Ермоловъ, подъ которымъ была убита лошадь, захваченъ въ плѣнъ. Но наша кавалерія, опомнившись, и усмотрѣвъ малочисленность не-

---

[1]) Это мнѣ сообщено костромскими старожилами.

пріятеля, опрокинула его, при чемъ подполковники графъ Орургъ и Шау выручили Ермолова изъ рукъ французовъ. Будучи произведенъ въ полковники, по ходатайству почтеннаго и доблестнаго Ѳ. П. Уварова, воспользовавшагося отсутствіемъ графа Аракчеева, Ермоловъ заслужилъ въ теченіе войны 1806 и 1807 годовъ отличную репутацію. Князь Багратіонъ, письменными дѣлами котораго Ермоловъ завѣдывалъ въ теченіе этой войны, исходатайствовалъ ему за блистательное мужество, выказанное близъ Гутштадта, знаки св. Георгія 3-го класса, и обратилъ на него вниманіе цесаревича, коего особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ Алексѣй Петровичъ пользовался до самой его кончины. Слава, пріобрѣтенная имъ въ теченіе этой войны, была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ св. Георгія; такимъ образомъ получили Георгіевскіе кресты три штабъ-офицера [1]), отличившіеся въ глазахъ Ермолова подъ Гейльсбергомъ. Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію и въ особенности его самого, они громко кричали: „Напрасно французъ горячку поретъ, Ермоловъ за себя постоитъ“; я былъ очевидцемъ всего этого. Графъ Аракчеевъ, почитая Ермолова прежнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его весьма долго; оставаясь въ чинѣ подполковника въ продолженіи девяти лѣтъ, Ермоловъ думалъ одно время, перейдя въ инженеры, сопровождать генерала Анрепа на Іоническіе острова. Когда генералъ Бухмейеръ объяснилъ графу его ошибку, этотъ послѣдній рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Послѣ этой войны Ермоловъ, не взирая на малый чинъ свой, удостоился получить весьма милостивый рескриптъ [2]) государя, препроводившаго къ нему 1000 рублей для награжденія нижнихъ чиновъ командуемой имъ роты. Будучи произведенъ въ 1808 году въ генералъ-маіоры, Ермоловъ, состоя въ ди-

---

[1]) То были подполковникъ Конно-Польскаго полка Буняковскій и маіоры: Лифляндскаго драгунскаго Римскій-Корсаковъ и Финляндскаго Фитингофъ.

[2]) Весьма замѣчательно тѣ, что во все время царствованія императора Александра ни одинъ почти штабъ-офицеръ не удостоивался получать высочайшихъ рескриптовъ.

визіи молодаго и пылкаго князя Суворова, наблюдалъ за Австрійской Галиціею и Радзивиловской таможнею; энергическія дѣйствія его и строгій надзоръ за контрабандистами едва не навлекли ему большихъ непріятностей со стороны коммерцъ-коллегіи, но благодаря покровительству графа Аракчеева, онъ не подвергся взысканію за то, что, по незнанію правилъ таможеннаго устава, онъ безкорыстно уступалъ всѣ конфискованные предметы казакамъ, отличившимся при поимкѣ контрабандистовъ; онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать своему предмѣстнику Бауеру, который высылалъ цѣлые эскадроны для конвоированія контрабанды. Получивъ вскорѣ послѣ того предписаніе графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западныхъ губерній, коимъ наше правительство не хотѣло дозволить вступать въ слишкомъ тѣсныя сношенія съ войсками князя Понятовскаго, дѣйствовавшими въ то время противъ Австріи, и будучи имъ уполномоченъ ссылать виновныхъ, Алексѣй Петровичъ успѣлъ въ этомъ случаѣ сочетать разумную строгость съ рѣдкимъ великодушіемъ. Услыхавъ, что почетный попечитель Кременецкой гимназіи, тайный совѣтникъ графъ Чапскій держалъ въ этомъ городѣ непозволительныя рѣчи, Алексѣй Петровичъ прибылъ изъ Житомира въ Кременецъ; сообщивъ ему о своемъ полномочіи, онъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей грозно сказалъ ему [1]: „Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы, повидимому, убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, но я обязанъ предупредить васъ, что впредь малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія“. Это краткое, но ясное увѣщаніе не осталось безъ желанныхъ послѣдствій. Не взирая на ходатайство графа Николая Михайловича Каменскаго, имѣвшаго въ виду, вызвавъ Ермолова изъ резервной арміи генерала Милорадовича, назначить его къ себѣ либо дежурнымъ генераломъ, либо начальникомъ Верхне-валахскаго отряда,—государь, на-

---

[1]) Мнѣ подробно разсказывали о вышесказанныхъ происшествіяхъ многіе жители Кіева, Подоліи и Волыніи, бывшіе очевидцами всего этого.

мѣревавшійся дать ему другое назначеніе, не соизволилъ утвердить представленіе молодаго главнокомандующаго, которому доселѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Между тѣмъ Ермоловъ, не участвовавшій ни въ Шведской, ни въ Турецкой войнахъ, сломилъ себѣ въ Кіевѣ руку; государь простеръ свое къ нему вниманіе до того, что повелѣлъ присылать къ себѣ чрезъ каждые двѣ недѣли бюллетени о его здоровьѣ [1]). Ермоловъ былъ вскорѣ противъ своего желанія назначенъ сперва командиромъ гвардейской артиллерійской, а потомъ и гвардейской пѣхотной бригадъ; онъ имѣлъ въ это время, по порученію барона П. И. Меллера-Закомельскаго, сильныя стычки съ военнымъ министромъ Барклаемъ; Михаилъ Богдановичъ еще болѣе вознегодовалъ на него, узнавъ, что Алексѣй Петровичъ, объяснивъ государю устройство прицѣловъ, отдалъ предпочтеніе инструменту Кабанова предъ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ его племянникомъ Фицтумомъ. Супруга Барклая Елена Ивановна не разъ говорила мужу о Ермоловѣ: „Lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch“. Государь, оставшись весьма доволенъ распорядительностью Ермолова, который уже командовалъ гвардейской дивизіей въ окрестностяхъ Вильны, рѣшился назначить его начальникомъ главнаго штаба [2]) 1-й арміи; не взирая на ходатайство графа Аракчеева о старѣйшемъ генералъ-лейтенантѣ арміи Н. А. Тучковѣ и просьбы самого Ермолова [3]) не оставлять фронтовой службы,

[1]) Все мною здѣсь сказанное основывается на официальныхъ документахъ, хранящихся у генерала Ермолова.

[2]) Во все время отступленія арміи отъ Дриссы до Царева-Займища, Ермоловъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Барклая, отдавалъ по цѣлымъ недѣлямъ приказы по арміи. Когда Барклаю хотѣлось внесть что-нибудь въ приказъ, онъ увѣдомлялъ его записками. Ермоловъ, оцѣнившій способности Толя, съ которымъ онъ находился впослѣдствіи далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ходатайствовалъ о немъ не разъ у Барклая, который, какъ извѣстно, выслалъ его однако изъ арміи въ Москву. Ермоловъ подавалъ даже Барклаю записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ объ усердіи и дарованіяхъ Толя, пріобрѣтшаго впослѣдствіи огромное вліяніе на Кутузова, который привезъ его съ собою въ армію.

[3]) Извѣстно, что въ Тарутинѣ Коновницынъ, назначенный дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, отказывался отъ своей новой должности подъ предлогомъ, что она была выше его силъ; Кутузовъ думалъ дать ему въ помощники Ермолова, который, не желая служить секретаремъ Коновницыну, настоятельно просилъ перевода своего во фронтъ. Фельд-

это назначеніе состоялось. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о томъ, сказалъ Ермолову: „Вамъ, какъ человѣку молодому, предстоитъ много хлопотъ; Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и многаго не досказываетъ, а потому вамъ надо стараться понимать его, и дополнять его распоряженія своими собственными“. Алексѣй Петровичъ, будучи 410-мъ генералъ-маіоромъ по старшинству, былъ произведенъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты [1]). Письма, писанныя имъ государю въ началѣ Отечественной войны, вслѣдствіе особаго повелѣнія его величества и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось въ то время наше отечество, послужили, какъ извѣстно, поводомъ его врагамъ къ изобрѣтенію всевозможныхъ на него клеветъ; его обвиняли въ томъ, что онъ писалъ государю письма, въ коихъ будто бы старался поколебать довѣріе его величества къ лицамъ, казавшимся для него опасными. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ таковыхъ; но, сколько мнѣ извѣстно, письма его, большую часть которыхъ я имѣлъ возможность прочесть, заключаютъ въ себѣ лишь довольно рѣзкія указанія на нѣкоторыя ошибки Барклая, на малое довѣріе, внушенное имъ къ себѣ войскамъ; на необходимость въ единоначаліи и на дѣйствія генерала Эртеля. Эти письма были даны въ оригиналахъ государемъ Кутузову, при

маршалъ потребовалъ ихъ обоихъ къ себѣ; передразнивая ихъ, онъ сказалъ имъ: «Одинъ увѣряетъ, что не можетъ, а другой все можетъ, да не хочетъ, я о васъ обоихъ напишу государю». Ермоловъ, не пользовавшійся въ то время довѣріемъ Кутузова, будучи нѣкогда самъ начальникомъ главнаго штаба арміи, и вполнѣ сознававшій свое значительное превосходство въ умственномъ отношеніи надъ Коновницынымъ, возымѣлъ твердое намѣреніе перейти во фронтъ, что̀, какъ извѣстно, не состоялось, ибо для этого необходимъ былъ въ то время указъ сената.

[1]) Хотя Ермоловъ былъ представленъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты, но, видя себя всѣми обойденнымъ, потому что въ приказахъ не было объявлено о его производствѣ, онъ вошелъ о томъ съ рапортомъ къ князю Кутузову, который оставилъ это безъ всякаго вниманія. Во время вступленія нашихъ войскъ въ прусскія владѣнія, государь былъ столь милостивъ къ Ермолову, что приказалъ графу Аракчееву узнать, не почитаетъ ли себя Алексѣй Петровичъ чѣмъ-нибудь оскробленнымъ; когда найденъ былъ рапортъ его князю Кутузову, послѣдовалъ высочайшій приказъ о его производствѣ со старшинствомъ со дня сраженія при Заболотьѣ, и по этому поводу состоялось высочайшее постановленіе о томъ, что старшинство въ чинѣ должно полагаться со дня оказаннаго отличія.

отправленія сего послѣдняго въ армію. Кутузовъ, всегда любившій, особенно во время отступленія своего изъ Баваріи, Ермолова, называемаго потому l' enfant gâté du général, сталъ съ этого времени обнаруживать къ нему холодность и недовѣрчивость, которыя еще болѣ усилились во время Отечественной войны, благодаря окружающимъ свѣтлѣйшаго; извѣстны старанія сихъ послѣднихъ не допускать Ермолова, коему они завидовали, дѣйствовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о немъ въ реляціяхъ. По смерти Кутузова, эти письма перешли къ Барклаю; его окружающіе, принадлежавшіе большею частью къ партіи, которую Ермоловъ жестоко преслѣдовалъ своими насмѣшками, и потому ненавидѣвшіе его, воспользовались этими письмами, чтобы окончательно возстановить противъ него Михаила Богдановича, который не упускалъ впослѣдствіи случая ему, по возможности, вредить [1]). Вотъ истинная причина, почему Барклай невыгодно отозвался въ своемъ Изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи о Ермоловѣ, который, будучи глубоко преданъ князю Багратіону, никогда, впрочемъ, не выказывалъ большаго сочувствія Михаилу Богдановичу. Такимъ образомъ, обязанность, возложенная государемъ на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались немногія историческія лица, потому что она никогда не оканчивалась въ пользу тѣхъ, на которыхъ возлагалась, была выполнена Ермоловымъ съ рѣдкою добросовѣстностію. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобы Ермоловъ написалъ что-нибудь другое государю, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая, всему свѣту извѣстныхъ, и давно уже оцѣненныхъ, о вредѣ, который происходилъ отъ отсутствія единства въ командованіи арміями, и о маломъ довѣріи, питаемомъ войсками къ главнокомандующему, что̀ было, къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо. Изъ участниковъ

[1]) Послѣ Кульмскаго сраженія Барклай, старавшійся приписать всю славу побѣды, одержанной въ первый день боя, поручику Діесту, имѣлъ въ виду сдѣлать непріятность не столько графу Остерману, сколько Ермолову, который былъ обязанъ лишь ходатайству его высочества цесаревича тѣмъ, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годовъ.

же современной эпохи Ермоловъ отозвался невыгодно лишь объ одномъ Эртелѣ. Предоставляю на судъ каждаго, у кого есть капля здраваго смысла, сказать самому себѣ: много ли было на свѣтѣ людей, которые бы, взявъ на себя такую трудную роль передъ государемъ и отечествомъ, исполнили ее болѣе честно и болѣе скромно? Между тѣмъ, это подало поводъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ Ермолова, людямъ, большею частью, бездарнымъ и завистливымъ, упрекать его въ томъ, что онъ интригантъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискамъ и искательству у начальниковъ; весьма трудно согласить подобнаго рода обвиненія съ смѣлыми, рѣзкими и никому не безъизвѣстными возраженіями Ермолова своимъ начальникамъ и старшимъ генераламъ, коимъ онъ часто въ присутствіи многихъ свидѣтелей высказывалъ горькія истины. Возбудивъ этимъ противъ себя многихъ генераловъ, въ числѣ коихъ находилось не мало бездарныхъ, корыстолюбивыхъ и алчущихъ власти лицъ, онъ пріобрѣлъ тѣмъ весьма сильныхъ враговъ, которые, распространяя о немъ самые неблагопріятные слухи, могли значительно повредить ему, если не въ понятіяхъ прозорливаго правительства, то въ общественномъ мнѣніи. Вообще, если достоинства человѣка измѣряются числомъ его враговъ, никто болѣе Ермолова не имѣлъ столь большаго количества ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, но безгранично преданныхъ почитателей въ своихъ подчиненныхъ. Такъ какъ дѣятельность Ермолова въ войнѣ 1812 года и въ началѣ войны 1813 года уже извѣстна, я перехожу прямо къ сраженію при Люценѣ. Графъ Витгенштейнъ, не отличающійся большими умственными способностями, потерпѣлъ здѣсь пораженіе; онъ приписалъ, какъ извѣстно, свою неудачу недостатку зарядовъ въ артиллеріи. Это несправедливое обвиненіе, повторяемое позднѣе нашими военными историками, опровергается слѣдующимъ: во-первыхъ, положительно извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, кои нѣкоторые наши военные историки не хотѣли принять во вниманіе, что Ермоловымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ армій,

было приготовлено зарядовъ несравненно болѣе, чѣмъ было ихъ выпущено въ Бородинскомъ сраженіи; а во-вторыхъ, парки, наполненные зарядами, оставаясь не тронутыми въ теченіе боя, находились во все время лишь въ шести верстахъ отъ поля сраженія [1]). Ермоловъ, лишившійся вслѣдствіе этого вполнѣ недобросовѣстнаго обвиненія мѣста, былъ замѣненъ мужественнымъ, дѣятельнымъ и остроумнымъ княземъ Яшвилемъ (бывшимъ начальникомъ артиллеріи Полоцкаго корпуса, къ коему особенно благоволилъ Витгенштейнъ), который, будучи старѣе его въ чинѣ, находился однако подъ его начальствомъ въ этомъ сраженіи. Ермолову было кромѣ того приказано главнокомандующимъ доложить нашему государю и королю Прусскому о неблагопріятномъ исходѣ этого сраженія; такимъ образомъ Витгенштейнъ [2]), желая еще болѣе повредить ему въ глазахъ его величества, избралъ его вѣстникомъ неудачи. Послѣ сраженія при Бауценѣ, Ермоловъ, находясь въ арріергардѣ, блистательно выдержалъ главные натиски французовъ, коими близъ Рейхенбаха предводительствовалъ самъ Наполеонъ. Дойдя до знаменитой позиціи, нѣкогда занятой великимъ Фридрихомъ послѣ Гохкирхенскаго сраженія, Ермоловъ отразилъ здѣсь всѣ натиски непріятеля. Графъ Витгенштейнъ, отдавая ему здѣсь полную справедливость, доложилъ по этому случаю государю: „Я оставилъ на полѣ сраженія на полтора часа Ермолова, но онъ, удерживаясь на немъ съ свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, сохранилъ тѣмъ вашему величеству около 50 орудій“. Ермоловъ пользовался во все время особымъ расположеніемъ князя Шварценберга, рекомендовавшаго его императору и императрицѣ

[1]) Все мною здѣсь сказанное основано на документахъ, хранящихся въ артиллерійскихъ архивахъ.

[2]) Этотъ поступокъ Витгенштейна, столь благороднаго и великодушнаго въ другихъ случаяхъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ и прочія лица его партіи глубоко ненавидѣли Ермолова за его язвительныя насмѣшки; не будучи въ состояніи возражать ему съ успѣхомъ, они старались вредить ему по возможности по службѣ. Они при этомъ случаѣ достигли своей цѣли, что подтвердилъ оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, сказавшій о Ермоловѣ: «Ему деревня Гёршенъ» (въ которой ночевали ихъ величества, и куда прибылъ Ермоловъ съ донесеніемъ) «много повредила въ глазахъ государя».

Австрійскимъ. Слѣдуя въ 1814 году въ городѣ Мо по мосту черезъ Сену, Ермоловъ не хотѣлъ пропустить впереди гвардіи обоза генералиссимуса, сопровождаемаго однимъ изъ его адъютантовъ. Такъ какъ сей послѣдній сталъ надменно и дерзко настаивать въ своемъ намѣреніи, Ермоловъ, въ присутствіи почтеннаго и отлично способнаго И. В. Сабанѣева, объявилъ ему, что онъ его не пропуститъ; онъ грозилъ даже сбросить его въ воду. Эта рѣшительность Ермолова заставила адъютанта уступить; Шварценбергъ, узнавъ вскорѣ послѣ того объ этомъ обстоятельствѣ и увидавъ Ермолова, сказалъ ему: „J'ai appris, général, les impertinences faites par un de mes aides-de-camp en votre présence, aussi je viens de le renvoyer de chez moi à l'armée“. Проходя съ гвардіею мимо памятника великаго Тюреня, находящагося близъ Засбаха въ Баденскомъ герцогствѣ, Ермоловъ, не взирая на то, что мы въ то время были въ войнѣ съ французами, рѣшился отдать честь памяти этого полководца; напомнивъ въ приказѣ, что права великихъ людей на уваженіе народовъ вездѣ равны, онъ приказалъ войскамъ слѣдовать мимо памятника въ полной парадной формѣ и съ музыкой. Прибывъ въ 1814 году къ городу Баръ-Сюръ-Объ, въ которомъ проживалъ Удино у престарѣлаго отца своего, Ермоловъ, знавшій, сколь много этотъ маршалъ обласкалъ плѣннаго его адъютанта фонъ-Визина, рѣшился оказать ему съ своей стороны вниманіе; къ его квартирѣ былъ приставленъ почетный караулъ, что́ весьма тронуло Удино, отклонившаго однако отъ себя эту честь. Во время сраженія подъ Парижемъ, Ермоловъ, увидавъ, что солдаты дивизіи генерала Пышницкаго, коему онъ былъ нѣкогда въ войну 1794 года порученъ, нагибаются послѣ каждаго пушечнаго выстрѣла, воодушевилъ ихъ слѣдующими словами: „Стыдно, ребята, вамъ кланяться, вѣдь вы ядра рѣже видите, чѣмъ сухари“. Хотя всѣ пруссаки, поздравляя Ермолова съ успѣхомъ, говорили ему, что „сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ“, но Прусскій король, оставшись недовольнымъ потерей, понесенной прусской гвардіей, которую Ермоловъ, по его собственному выраженію, вывелъ въ расходъ,

не пожаловалъ ему этого ордена. Послѣ взятія Парижа въ 1814 году, командиръ прусской гвардейской пѣхотной бригады генералъ Альвенслебенъ, бывшій свидѣтелемъ мужества и искусства одного русскаго артиллерійскаго офицера, принадлежавшаго къ гренадерскому корпусу генерала Раевскаго, близъ деревни Pautin, ходатайствовалъ чрезъ Ермолова о его награжденіи. Этотъ благородный пруссакъ оканчиваетъ письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, слѣдующими словами: „Es ist mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excellenz bekannte gütige Fürsorge: das verborgene Verdienst zu heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen". (Мнѣ жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но извѣстная заботливость вашего превосходительства возвышать скрытыя заслуги ручается за то, что имя этого офицера будетъ скоро извѣстно). Этотъ офицеръ, имя котораго я забылъ, былъ отысканъ и награжденъ. Командуя въ 1815 году авангарднымъ корпусомъ въ Краковѣ, Ермоловъ получилъ двѣ диспозиціи Барклая и князя Шварценберга для движенія войскъ къ предѣламъ Франціи, куда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Такъ какъ маршрутъ Барклая во многомъ различествовалъ отъ маршрута князя Шварценберга, Ермоловъ отправилъ въ Вѣну адъютанта своего Граббе, который явился къ нашему государю. На вопросъ его величества, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ Алексѣй Петровичъ, Граббе отвѣчалъ: „Онъ мнѣ приказалъ доложить вашему величеству, что это его нисколько не затруднитъ, но онъ будетъ лишь сообразоваться съ обстоятельствами". Австрійцы, желавшіе задержать наши войска по возможности долѣе, требовали, чтобы во время марша они располагались не въ городахъ, но въ пріуготовленныхъ лагеряхъ, куда заблаговременно долженъ былъ быть свезенъ весь фуражъ и провіантъ. Ермоловъ грозно объявилъ австрійскому коммиссару фельдмаршалу лейтенанту Роткирху, что онъ съ 40000 человѣкъ вездѣ найдетъ себѣ провіантъ и квартиры; онъ до того устрашилъ сего послѣдняго, что комиссаръ, согласившись на все, снабдилъ его большимъ противъ положенія количествомъ подводъ. Такимъ

образомъ нашъ авангардъ прибылъ къ берегамъ Рейна гораздо ранѣе прочихъ войскъ. Войска графа Ланжерона и Раевскаго, находившагося въ то время въ отпуску, расположенныя близъ Галиціи, остались далеко назади по той лишь причинѣ, что онъ подчинился требованіямъ австрійцевъ. Ермоловъ, слѣдуя чрезъ Германію къ Рейну, поручилъ адъютанту своему Штрандману благодарить отъ своего имени жителей городовъ, кои оказывали нашимъ войскамъ радушный пріемъ. Въ этомъ году фельдмаршалъ Барклай, находившійся съ Ермоловымъ въ весьма холодныхъ отношеніяхъ, инспектировалъ близъ Гейдельберга завѣдываемый имъ 6-й корпусъ; во время осмотра Маріупольскаго гусарскаго полка, въ коемъ числился раненый въ 1812 году ротмистръ Горичъ, не получившій, не взирая на оказанныя имъ отличія, никакой награды, Ермоловъ, не предупредивъ Барклая, вызвалъ его изъ фронта и сказалъ ему: „Благодарите фельдмаршала за жалуемый вамъ слѣдующій чинъ". Барклай, не уважившій, быть можетъ, въ другое время ходатайства Ермолова, нашелся вынужденнымъ подтвердить это въ приказѣ.

Графъ Аракчеевъ, бившійся съ Ермоловымъ въ 1815 году въ Парижѣ объ закладъ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ государю слѣдующія замѣчательныя слова [1]): „Армія наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ генераловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ, и не лишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызется со всѣми;

[1]) Этотъ разговоръ былъ переданъ знаменитымъ нашимъ графомъ М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ.

но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость его бы вполнѣ впослѣдствіи оправдали". Когда въ 1816 году графъ Аракчеевъ учредилъ первыя военныя поселенія близъ Могилева, рѣшено было заблаговременно перевести мѣстныхъ жителей въ Новороссійскій край, и потому послѣдовало повелѣніе выстроить имъ въ этомъ краѣ избы и засѣять хлѣбъ, который они могли бы сжать тотчасъ же по ихъ туда прибытіи. Извѣстно, что герцогъ Ришелье не успѣлъ ничего приготовить; отчаяніе жителей, не хотѣвшихъ оставить родины, было неописанно. Ермоловъ, получившій приказаніе осмотрѣть поселенія и будучи свидѣтелемъ всего здѣсь совершившагося, донесъ обо всемъ лично государю; напомнивъ его величеству знаменитыя слова фельдмаршала графа Чернышева, по мнѣнію котораго устройство военныхъ поселеній внутри государства было очень опасно, онъ присовокупилъ: „Если воля вашего величества неотвратима, то въ военномъ отношеніи полезнѣе иногда учреждать поселенія внутри государства, чѣмъ на границахъ". Онъ приводилъ въ примѣръ жителей Саволакской области, которые въ послѣднюю Шведскую войну, боясь лишиться своего имущества, не оказали намъ почти никакого сопротивленія [1]). Впослѣдствіи недостатокъ женщинъ на Кавказѣ, въ особенности въ мусульманскихъ провинціяхъ, вынудилъ его просить о присылкѣ туда женатыхъ ротъ, кои стали извлекать большія выгоды изъ разведенія винограда и сарачинскаго пшена. Въ 1816 году, при отправленіи Ермолова посломъ въ Персію, государь предоставилъ на его благоусмотрѣніе согласиться на просьбу шаха, требовавшаго уступку нѣкоторыхъ областей, присоединенныхъ къ Закавказскимъ владѣніямъ, на основаніи Гюлистанскаго договора, или отвергнуть её. Находя невозможнымъ удовлетворить это желаніе шаха, онъ не безъ большаго труда успѣлъ склонить его отказаться отъ этихъ областей. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ командиромъ Гру-

---

[1]) Ермоловъ, не принимавшій, какъ извѣстно, участія въ войнѣ противъ Шведовъ, основывалъ, вѣроятно, свое мнѣніе на переданныхъ ему разсказахъ.

зинскаго корпуса, переименованнаго впослѣдствіи въ видѣ особой награды въ Кавказскій; этотъ корпусъ, состоя почти изъ 100000 человѣкъ, въ число которыхъ входили астраханскія, линейныя, черноморскія войска, занималъ пространство, заключавшее въ себѣ болѣе 1000 верстъ длины и 500 ширины и раздѣленное еще Кавказскимъ хребтомъ. Онъ былъ расположенъ отъ берега Чернаго моря до Каспійскаго, отъ Кубани и Терека до Карадага, озера Гохчи и горы Алагеза; на всемъ этомъ пространствѣ господствовала его воля, которая торчала какъ желѣзное остріе. Возвратившись изъ Персіи, онъ занялся устройствомъ края; его попеченіями была улучшена при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса военно-грузинская дорога, и созданы Имеретинская и Кахетинская линіи, и положено основаніе Сунженской. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскимъ и Черноморіемъ. До 1820 года въ Черноморіи, зависившей отъ герцога Ришельё и преемника его графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которыхъ покупались богатыя англійскія заводскія лошади, существовалъ огромный штатъ конюховъ и возведены были племянникомъ Ришельё флигель-адъютантомъ Roche-Chouare нѣсколько малыхъ крѣпостей въ болотахъ. Ермоловъ, уничтоживъ безполезные и крайне дорогіе конные заводы и упразднивъ все ненужное, распустилъ конюховъ; имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два караванъ-сарая. Шелководство и винодѣліе были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Кастелла, требовавшаго большую сумму для выписанія изъ Франціи женщинъ, привыкшихъ разматывать шелкъ, онъ приказалъ заняться этимъ солдатскимъ женамъ подъ наблюденіемъ корпуснаго дежурнаго штабъ-офицера; онъ былъ обязанъ, приложивъ печать къ моткамъ, пересылать ихъ въ мѣсто нахожденія Ермолова. Когда впослѣдствіи выданы были Кастеллѣ, по приказанію графа Паскевича, 8000

рублей бумажками, онъ бѣжалъ за границу. Желая также пріучить туземцевъ къ подражанію нѣмецкому хозяйству, онъ водворилъ нѣмецкія колоніи. Ермоловъ былъ человѣкъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смиряя желѣзною рукою дикихъ хищниковъ, онъ мудрою справедливостью привлекалъ различные народы къ признанію надъ собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностью; не взирая на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и комиссаріатскія зданія были имъ построены на счетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію, и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя [1]). Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма привѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, дозволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамильярность этого энергическаго человѣка не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ этимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полезный офицеръ намѣревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостью письменно просить его отказаться отъ того. Мы большею частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ; онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь слѣдствіемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему

---

[1]) Все мною сказанное основано на офиціальныхъ документахъ; я могу даже присовокупить, что бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ.

приходилось имѣть дѣло [1]). Приведя однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ впослѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости [2]). Онъ зналъ, что одна строгость безсильна, если ее не сопровождаютъ неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука объ руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ. Вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, питаемыхъ къ нему жителями края. Народы Азіи, еще незнакомые съ филантропическимъ воззрѣніемъ европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостью; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова [3]), чтобъ онъ

---

[1]) Хотя плодами его грозной и энергической военной системы было обузданіе горцевъ, но ему не удалось однако вполнѣ возбранить одинокимъ наѣздникамъ вторгаться въ наши предѣлы. При всемъ томъ хищническіе набѣги, кои имѣли всегда мѣсто даже при знаменитомъ князѣ Циціановѣ, сумасбродномъ графѣ Гудовичѣ, благородномъ и изящно одѣтомъ Тормасовѣ и слабомъ Ртищевѣ, значительно уменьшились. Никто, даже пастырскія увѣщанія не совсѣмъ нравственнаго князя Горчакова не были въ силахъ обратить къ мирной жизни отважныхъ всадниковъ, алчущихъ лишь добычи, и у коихъ разбои возведены на степень добродѣтели.

[2]) Весьма замѣчательно то, что А. П. Ермоловъ, вопреки увѣреній многочисленныхъ его недоброжелателей, весьма рѣдко наказывалъ виновныхъ въ послѣдніе годы своего командованія; эта система прямо противоположна образу дѣйствій многихъ филантроповъ, кои, начиная баловствомъ, находятся вскорѣе вынужденными слишкомъ часто обращаться къ мѣрамъ строгости, которыя уже не могутъ оказывать желаемаго дѣйствія.

[3]) А. А. Вельяминовъ, имя котораго займетъ, безъ сомнѣнія, блестящую страницу въ кавказскихъ военныхъ лѣтописяхъ, и слишкомъ рано похищенный смертью для пользы и благоденствія Кавказа и славы нашего оружія, обращалъ на себя справедливое вниманіе своими замѣчательными способностями, рѣдкою самостоятельностью въ характерѣ, необыкновенно вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, обширными свѣдѣніями и умѣньемъ превосходно излагать на бумагѣ свои мысли. Вельяминовъ, будучи еще штабсъ-капитаномъ 1-й гвардейской артиллерійской бригады, обратилъ на себя съ 1811 года вниманіе Ермолова, при которомъ онъ состоялъ впослѣдствіи въ званіи начальника штаба въ теченіе почти тринадцати лѣтъ. Хотя характеръ его былъ совершенно противоположенъ характеру Ермолова, но эти двѣ личности, отлично понимавшія другъ друга, находились постоянно въ самыхъ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Вельяминовъ, любившій и почитавшій Ермолова какъ отца, приноравливался во время продолжительнаго своего при немъ служенія

о нихъ ходатайствовалъ; уступая, повидимому, его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббаса-Мирзы, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій нѣкогда для Персіи оружіе въ Англіи и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, вознамѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностью передалъ ему на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля Англійскаго и Людовика XVIII. Вслѣдствіе требованія Аббаса-Мирзы выдать бѣжавшаго сановника, Ермоловъ совѣтывалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Впослѣдствіи онъ, возвратившись въ свое отечество, сопровождалъ Хозрева-Мирзу въ Петербургъ. Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ-нибудь свое вступленіе въ ко-

---

къ его умѣренному образу жизни. Сдѣлавшись самостоятельнымъ начальникомъ, Вельяминовъ, любившій давать всему тому, что онъ ни предпринималъ, огромные размѣры, сдѣлался крайне расточителенъ въ отношеніи къ собственному своему состоянію: такъ, напримѣръ, во всемъ, что онъ ни покупалъ или заказывалъ, онъ бралъ за единицу дюжину. Нынѣшній государь отозвался о немъ въ слѣдующихъ лестныхъ для него словахъ: «Съ нимъ весьма пріятно работать и послѣдовать его мнѣнію». Ермоловъ имѣлъ въ немъ и нѣкоторыхъ другихъ генералахъ и штабъ-офицерахъ превосходныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ генераловъ находился и нынѣшній доблестный атаманъ войска Донскаго Власовъ, прославившійся на Кавказѣ знаменитой побѣдой надъ закубанцами; Ермоловъ, отдававшій всегда полную справедливость его рѣдкимъ военнымъ и гражданскимъ достоинствамъ, но знавшій любовь его къ крайне длиннымъ донесеніямъ, былъ однажды вынужденъ просить его «воздержаться отъ страсти къ многописанію». Отправивъ къ нему листъ бумаги, обрѣзанный форменнымъ образомъ, онъ просилъ его не выходить изъ этого предѣла; хотя донесенія Власова умѣщались послѣ того лишь на одномъ форменномъ листѣ бумаги, но къ этимъ листамъ привязывались снизу довольно полныя тетради съ подробнѣйшимъ изложеніемъ всего хода дѣлъ. Между гражданскими чиновниками канцеляріи Ермолова, число коихъ никогда не превосходило девятнадцати, находились тоже отлично способныя и благонамѣренныя лица.

мандованіе Грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у государя прощеніе сорока грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь вслѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса, открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близъ Кизляра въ плѣнъ храбраго впослѣдствіи командира Куринскаго полка полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ Кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ слѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ дотолѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15000 рублей; Швецовъ былъ вскорѣ освобожденъ, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей. До 1820 года назначалась изъ военнаго министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи, гдѣ до временъ Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ чеченцовъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за имеретянъ, а прочихъ продалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на чеченцовъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то не иначе какъ поодиночкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Въ 1820-хъ годахъ было прислано изъ Ахена на имя Ермолова высочайшее повелѣніе объ уступленіи Турціи областей, лежащихъ близъ Чернаго моря; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенъ, что послу нашему въ Константинополѣ барону Строганову было приказано обѣщать султану скорое возвращеніе этихъ земель, жители которыхъ уже обратились въ христіанскую вѣру. Ермоловъ, написавъ государю всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ были изложены гибельныя послѣдствія столь несвоевременной уступки, окончилъ его слѣдующими словами: „Если воля ва-

шего величества неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника, для приведенія ея въ исполненіе“. Государь, милостиво оцѣнивъ представленіе Ермолова, тотчасъ повелѣлъ барону Строганову не давать вышесказаннаго обѣщанія; если оно было уже сдѣлано, то присовокупить, что это будетъ приведено въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда дружественныя сношенія между Россіею и Турціею не измѣнятся въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Ермоловъ, находившійся въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италію, отказался отъ высочайше пожалованной ему аренды въ 40000 рублей бумажками на двѣнадцать лѣтъ въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ ему: „Хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ, но я благодарю тебя за твой вполнѣ деликатный и безкорыстный поступокъ“. Посѣтивъ однажды Шушу, и увидавъ близъ великолѣпнаго дворца безнравственнаго Мехти-Кули-Хана Карабахскаго маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ ему: „Я требую, чтобы къ моему будущему пріѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соотвѣтствовала великолѣпію вашего дворца“. Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на туземное населеніе, которое еще болѣе усилилось, вслѣдствіе построенія самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ. Во время пребыванія барона Дибича въ Тифлисѣ, лезгины взяли въ плѣнъ молодаго офицера барона Фиркса; узнавъ о томъ, Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить не только плѣннаго, но и всѣ принадлежавшія ему вещи, какъ-то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать беззаконнымъ дѣйствіямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержаній, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскія управленія народными судами. Извѣстившись въ 1818 году о набѣгѣ въ наши предѣлы генералъ-маіора Ахметъ-

Хана Аварскаго, получавшаго 5000 рублей содержанія, онъ издалъ прокламацію, въ силу которой этотъ ханъ былъ объявленъ измѣнникомъ, съ лишеніемъ чина и содержанія; онъ возбудилъ противу него, хотя не способнаго, но принадлежавшаго къ ханскому дому Сурхая. Жена Ахметъ-Хана, жестокосердая Гейлиге-Бике, злодѣйски умертвившая жениха своего, прислала къ Ермолову муллу, съ предложеніемъ отравить мужа за извѣстную сумму; но онъ отвѣчалъ, что жизнь такого презрѣннаго негодяя не стóитъ ничего. Теща преданнаго намъ шамхала Тарковскаго, значительно содѣйствовавшая къ возстанію акушинцевъ, коихъ она просила доставить ей возможность выпить стаканъ крови своего зятя, была сослана сперва въ Черный Яръ, а потомъ въ Красный Яръ, гдѣ и умерла; владѣтельный князь аула Брагуны, умертвившій самымъ измѣнническимъ образомъ своего отца и брата, былъ сосланъ въ Сибирь. Такъ какъ Уцмій Кайтахскій былъ духовная особа, которая могла быть намъ опасна, то званіе это было уничтожено. Ермоловымъ были также изгнаны подъ разными предлогами: ханъ Талышинскій, умный, но коварный генералъ-лейтенантъ Мустафа-Ханъ Ширванскій, котораго нашъ знаменитый атаманъ Платовъ тщетно старался захватить еще въ 1796 году, и безнравственный Мехти-Кули-Ханъ Карабахскій. Учреждены были народные суды, на коихъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, при чемъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту маіора Якубъ Шардарова, уставъ для кабардинцевъ, коимъ они руководствуются доселѣ; у нихъ въ судахъ предсѣдательствуетъ эффенди. Ермоловъ, вполнѣ убѣжденный, что миръ между Россіею и сосѣдними восточными государствами не могъ быть продолжителенъ, въ особенности съ Персіею, гдѣ старшій сынъ шаха, умный и расположенный къ намъ Мамадъ-Али-Мирза, родившійся отъ христіанки, былъ лишенъ престола въ пользу постоянно враждебнаго намъ Аббаса-Мирзы, коего мать принадлежала къ фамиліи Каджаръ, старался пріобрѣсти себѣ тамъ союзниковъ на случай войны.

Онъ потому сблизился съ Мамадъ-Али-Мирзой, который не хотѣлъ добровольно уступить престола брату своему, непризнанному еще Россіей наслѣдникомъ его. Ермоловъ, не взирая на увѣренія многочисленныхъ его враговъ, утверждавшихъ, что онъ давно искалъ повода къ войнѣ и возбудилъ ее лишь изъ честолюбивыхъ видовъ, избѣгалъ ее однако, сколько было возможно; онъ, напротивъ, совѣтовалъ нетерпѣливому Мамадъ-Али-Мирзѣ выжидать благопріятнаго времени для явнаго возстанія противъ брата, тѣмъ болѣе, что, въ силу статьи Гюлистанскаго договора, мы были обязаны помогать шаху въ случаѣ междоусобной войны въ Персіи; этотъ принцъ, приносившій даже жалобу въ Петербургъ на Ермолова, который, по его мнѣнію, слишкомъ медлилъ объявленіемъ Персіи войны, былъ, къ сожалѣнію, скоро отравленъ. Ермоловъ, узнавъ, что Турецкій султанъ, подъ предлогомъ смѣны гарнизона въ Трапезунтѣ, посылаетъ войско для наказанія умнаго и самостоятельнаго паши Тутчи-Оглу, рѣшился предупредить его о томъ и тѣмъ пріобрѣсти вѣрнаго союзника на случай войны Россіи съ Турціей. Онъ отправилъ къ нему письмо, наполненное лишь привѣтствіями въ восточномъ вкусѣ, съ довѣреннымъ армяниномъ, бывшимъ нѣкогда дядькой знаменитаго князя Багратіона; ему было приказано изустно извѣстить объ угрожавшей опасности пашу, который принялъ всѣ необходимыя мѣры; двѣ турецкія арміи, потерявъ всѣ свои орудія, были имъ на голову разбиты. Тутчи-Оглу прислалъ, въ свою очередь, послѣ того въ Тифлисъ довѣренное лицо, которое, передавъ Ермолову письмо съ привѣтствіями, сказало ему: „Паша обязанъ жизнью своему отцу, но тебѣ гораздо болѣе, а потому разумѣй его, какъ самаго преданнаго къ тебѣ человѣка". Онъ былъ, къ несчастію, вскорѣ измѣннически задушенъ. Ермоловъ пріобрѣлъ также большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Луарсаба, сдѣлавшись Багдадскимъ и Бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Луарсаба отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатыя пар-

чевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба паши просили впослѣдствіи позволенія перейти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ. Отправленный Ермоловымъ въ Хиву, Муравьевъ былъ сперва посаженъ подъ арестъ ханомъ, намѣревавшимся предать его жестокой казни, но вслѣдствіе распространеннаго астраханскими армянами слуха, будто бы Ермоловъ хочетъ мстить хивинцамъ за истребленіе отряда Бековича еще во времена Петра Великаго, его отпустили съ подарками въ Тифлисъ; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи двухъ знатныхъ Хивинцевъ, которые оставались тамъ довольно долгое время. Ермоловъ пріобрѣлъ также вліяніе въ землѣ туркменцевъ; владѣтель острова Челекеме Кіатъ-Ханъ Туркменскій прислалъ даже сына своего, который поступилъ къ намъ на службу въ Эриванскій полкъ. Всѣ эти случаи, которыми я здѣсь ограничиваюсь, вполнѣ обрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣтельствуютъ о степени нравственнаго вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣніи возвышать духъ своихъ подчиненныхъ [1]). Прослуживъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положа руку на сердце, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: „ребята, походъ!“ возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по пятидесяти верстъ въ сутки, въ особенности, когда ею предво-

---

[1]) Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были примѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ изнурять ихъ фронтовыми ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ—папахи, а вмѣсто ранцевъ—холщевые мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ мыслей Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска, въ коихъ чрезъ то будто бы обнаружился упадокъ дисциплины, и осмѣливавшагося постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служатъ слова барона Дибича генералу Сабанѣеву по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: «Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ», и наши успѣхи въ войнахъ съ персіанами и турками.

дительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбѣжности близкой войны съ персіанами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда въ 1823 году. Онъ провелъ въ аулѣ Казанищи всю зиму съ 1823 на 1824 годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполнѣ преданнаго имъ Шахмала Тарковскаго ночныя свиданія съ Саидомъ-Эффенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ вліяніемъ. Во время этихъ свиданій, о коихъ не знали многія изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-Эффенди употреблять въ нашу пользу свое вліяніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами: этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года. Извѣстившись въ 1824 году о явномъ ослушаніи одного изъ дагестанскихъ муллъ, Ермоловъ приказалъ Асланъ-Хану Кюринскому захватить виновнаго и переслать его въ Тифлисъ. Не взирая на то, что этотъ ханъ привыкъ, подобно прочимъ туземнымъ властителямъ, къ безпрекословному повиновенію волѣ Ермолова, но онъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, пытался на сей разъ его обмануть и медлилъ приведеніемъ въ исполненіе его приказанія. Вскорѣ Ермоловъ, не знавшій объ этомъ обстоятельствѣ, подтвердилъ свое повелѣніе хану, который, опасаясь раздражить его, захватилъ виновнаго и принялъ уже всѣ мѣры къ немедленному отправленію его въ Тифлисъ. Но въ это время было получено извѣстіе объ оставленіи Ермоловымъ Кавказа, и Асланъ-Ханъ пользовался тѣмъ, чтобы освободить своего плѣнника, который, удалившись въ Табасарань, сталъ привлекать къ себѣ многихъ послѣдователей [1]). Война съ персіанами и турками, но въ особенности малое знакомство ближайшихъ преемниковъ Ермолова съ характеромъ туземцевъ,

[1]) Это было мнѣ сообщено А. А. Вельяминовымъ и подтверждено многими безпристрастными очевидцами.

дали этой шайкѣ мятежниковъ полную возможность пріобрѣсть большое значеніе; имъ даже вскорѣ удалось придать своему дѣлу религіозный характеръ, коего онъ вначалѣ вовсе не имѣлъ. Такимъ образомъ это броженіе умовъ, послѣдствіемъ котораго—настоящая упорная на Кавказѣ война, не было затушено въ самомъ его началѣ по причинамъ, вовсе независящимъ отъ воли Ермолова. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ дѣятельность Ермолова не была прервана столь внезапнымъ образомъ, ему, котораго отлично умный митрополитъ Грузіи Ѳеофилактъ называлъ мудрымъ правителемъ, удалось бы затушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Но обстоятельства, среди которыхъ Ермоловъ находился въ это время, не дозволили ему совершить этого, а потому всякій безпристрастный человѣкъ остережется поставить ему это въ вину. Я еще разъ повторяю, что Ермоловъ, какъ замѣчательный дѣятель современной ему эпохи, далеко не чуждъ многихъ упрековъ, но въ этомъ дѣлѣ они не могутъ имѣть мѣста. Ермоловъ, не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббаса-Мирзы, съ которымъ онъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько шести-фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ огонь не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ персіанъ генерала Паскевича; онъ снабдилъ его всѣми нужными наставленіями: самъ начертилъ диспозицію войскъ, на случай встрѣчи съ главными непріятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротные карре, при чемъ самъ нарисовалъ таковые на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ Кавказскомъ штабѣ. Избравъ въ Карабахѣ опорнымъ пунктомъ Шушу, куда были заблаговременно свезены довольно большіе запасы всякаго рода, Ермоловъ усилилъ гарнизонъ этой крѣпости, которая, будучи сильна своимъ положеніемъ, могла оказать персидскимъ толпамъ довольно продолжительное сопротивленіе. Не взирая на то, что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы непріятелемъ, безопасно спускались съ горы, на

коей возвышалась крѣпостца, въ лощину, гдѣ они спокойно мололи себѣ муку, и вооружившіеся жители армяне готовы были мужественно встрѣтить непріятеля, комендантъ послалъ къ Ермолову маіора Клюки съ донесеніемъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „Мы люди добрые, за что вы насъ покинули? Мы не въ состояніи долго сопротивляться непріятелю“. Маіоръ Клюки, захваченный персіанами, былъ привезенъ въ лагерь Аббасъ-Мирзы, который, прочитавъ съ удовольствіемъ это донесеніе, отпустилъ посланнаго въ Тифлисъ. Такъ какъ въ персидскомъ войскѣ были англичане и французы, Ермоловъ написалъ шушинскому коменданту сильный выговоръ, который былъ переведенъ на польскій языкъ; онъ послалъ его съ нарочнымъ Аджихановымъ, взятымъ въ плѣнъ персіанами и убитымъ ими послѣ Елисаветпольскаго сраженія. Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго Шамхорскаго дѣла, гдѣ былъ убитъ Аминъ-Сардарь, и въ которомъ князь Мадатовъ разсѣялъ сильный непріятельскій авангардъ, донесъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветполя было устлано непріятельскими трупами. Я положительно знаю отъ многихъ участниковъ Елисаветпольскаго сраженія, что Паскевичъ, увидавъ предъ собою всю персидскую армію, не рѣшался принимать сраженія, но Вельяминовъ и Мадатовъ убѣдили его неотлагательно атаковать непріятеля, который послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны началъ поспѣшно отступать. Но непріятельская пѣхота, будучи довольно хорошо обучена иностранцами, выславъ своихъ стрѣлковъ, открыла по насъ сильный огонь; смѣлое наступленіе нашей пѣхоты, въ особенности неустрашимаго Ширванскаго баталіона, заставило однако непріятеля обратиться въ поспѣшное бѣгство. Персидскій саркангъ, или полковникъ, съ своими сарбазами, или регулярной пѣхотой, нѣкогда стоявшій въ караулѣ у Ермолова во время пребыванія сего послѣдняго въ Султаніи, гдѣ онъ у него часто обѣдывалъ, и вообразившій, что самъ Ермоловъ предводительствовалъ нашими войсками, сдался лишь потому въ плѣнъ Мадатову. Извѣстно уже, что особенныя обстоя-

тельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ, блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполнѣ сознавалъ это; но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставалось лишь четыреста человѣкъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скораго появленія Аббаса-Мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища, — неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе, — все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу случай украситься свѣжими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всѣмъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполнѣ доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими цѣлями, — величайшею съ его стороны ошибкой. Нельзя душевно не скорбѣть о томъ, что этотъ высокій подвигъ Ермолова, имѣвшій для него столь неблагопріятныя послѣдствія, лишилъ Россію глубоко преданнаго и извѣстнаго по своимъ доблестямъ и дарованіямъ слуги. Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія персіанъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслью, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій. Таково было поприще одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей великой наполеоновской эпохи; хотя судьба не дозволила ему, совершивъ рядъ кампаній, одержать самому большія побѣды; но рѣшительность и проницательность, выказанныя имъ въ самыя критическія минуты великихъ войнъ, и коимъ наша армія была не одинъ разъ обязана своимъ спасеніемъ, примѣрная и столь рѣдко встрѣчающаяся бережливость относительно казенныхъ денегъ и людей, умѣнье увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать ихъ къ благотворной дѣятельности, справедливо стяжали ему завидную славу

и искреннее уваженіе современниковъ. Ни одинъ почти начальникъ не внушалъ, подобно А. П. Ермолову, своимъ подчиненнымъ такого глубокаго уваженія, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаній [1]). Я сохранилъ у себя нѣсколько копій съ писемъ, писанныхъ Ермолову нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ предъ самою ихъ кончиной, когда они не имѣли уже нужды говорить ничего другаго, кромѣ истины. Всѣ они оканчиваются молитвою къ Богу: да продлитъ и благословитъ Онъ его жизнь и командованіе. Я бы самъ тому не повѣрилъ, если бы не былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ случаевъ и не имѣлъ бы у себя въ рукахъ письменныхъ документовъ, подтверждающихъ это; а потому все мною здѣсь сказанное не есть лишь восторженный панегирикъ человѣка, коему судьба столь рано преградила путь къ вящшимъ заслугамъ отечеству и который могъ бы образовать много истинно полезныхъ военныхъ людей.

Одно мое искреннее убѣжденіе, основанное на неопровержимыхъ фактахъ, въ рѣдкихъ и доселѣ мало оцѣненныхъ достоинствахъ А. П. Ермолова, сдѣлавшаго безъ сомнѣнія въ теченіе своего поприща не одну немаловажную ошибку, и намѣреніе опровергнуть, по возможности, взводимыя на него клеветы, вызвали этотъ довольно полный очеркъ его служебной дѣятельности.

Полковникъ Юрковскій, венгерецъ родомъ, былъ превосходный аванпостный начальникъ; очень неглупый отъ природы, храбрый до невѣроятія, онъ пріобрѣлъ въ школѣ знаменитаго князя Багратіона то знаніе дѣла, ту опытность, которая впослѣдствіи его прославили. Всѣ эти качества отличнаго во-

[1]) Если мы, современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностью, коею онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ, если не вымышлено, то по крайней мѣрѣ весьма преувеличено; самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства. Достойно удивленія то, что, хотя Ермоловъ уже давно не стоитъ въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи, но доселѣ одно появленіе его среди нашихъ войскъ и въ особенности среди своихъ старыхъ подчиненныхъ возбуждаетъ по прежнему неимовѣрный и безграничный восторгъ.

ина были, къ сожалѣнію, омрачены непомѣрнымъ корыстолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ прибѣгалъ къ разнымъ противозаконнымъ мѣрамъ. Онъ находился въ чинѣ маіора подъ Очаковымъ; извѣстно, что во время осады этого города Потемкинъ [1]), посѣщавшій по нѣскольку разъ въ день госпиталь, расположенный близъ его землянки, нерѣдко катался подъ выстрѣлами крѣпости въ коляскѣ, запряженной шестерикомъ, при чемъ сопровождавшему его однажды Херсонскому губернатору Синельникову оторвало ядромъ ногу. Не получивъ за взятіе этой крѣпости Георгіевскаго креста, оскорбленный Юрковскій явился съ жалобой къ Потемкину. Гордый съ вельможами, но добродушный и снисходительный къ своимъ подчиненнымъ, Потемкинъ сказалъ ему, что онъ этого креста не получитъ; на отвѣтъ Юрковскаго, что онъ выйдетъ въ отставку, князь Тавриды отвѣчалъ, смѣясь, что онъ его не выпуститъ; когда же Юрковскій объявилъ ему, что онъ будетъ настоятельно просить о своемъ увольненіи, на что онъ какъ дворянинъ имѣетъ полное право, Потемкинъ расхохотался. Уѣзжая изъ-подъ Очакова въ Петербургъ, Потемкинъ, увидавъ изъ своей кареты въ числѣ сопровождавшаго его конвоя Юрковскаго, закричалъ ему: „А креста ты все-таки не получилъ“. Во время войны 1806—1807 годовъ Юрковскій, кричавшій казакамъ въ минуты атакъ на непріятеля: „Рубай ихъ въ песи“, покрылъ себя славой; онъ въ то же время занимался по ночамъ съ своимъ писаремъ сочиненіемъ вѣдомостей объ утраченныхъ будто бы казаками и гусарами вещахъ. Тщетно Ермоловъ, жившій одно время вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, доказывалъ ему всю безразсудность и противозаконность подобныхъ вѣдомостей, но Юрковскій не хотѣлъ внять его представленіямъ. Юрковскій, часто восклицавшій: „О, мати Господа“, былъ украшенъ еще за войну 1807 года знаками св. Георгія 3-го класса. Будучи въ

[1]) Все, мною сказанное о Потемкинѣ и другихъ представителяхъ славнаго екатерининскаго вѣка, заимствовано изъ разсказовъ графа А. И. Самойлова А. М. Каховскому и князя Андрея Ивановича Горчакова.

чинѣ генералъ-маіора шефомъ Александрійскаго гусарскаго полка, онъ, подобно многимъ, захватилъ богатую добычу подъ Краснымъ; сидя на дорогой лисьей шубѣ, Юрковскій, окруживъ себя мѣшками, наполненными отбитыми драгоцѣнностями, не преставалъ, указывая на нихъ, говорить Александрійцамъ: „Вѣдь это все вамъ, хузары“, но, не взирая на эти увѣренія, Юрковскій приберегъ всю добычу для себя. Пустивъ впослѣдствіи свой капиталъ въ оборотъ, онъ совершенно его лишился вслѣдствіе неблагопріятныхъ коммерческихъ операцій.

Впослѣдствіи многіе изъ вышепомянутыхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, которые въ то время лишь начинали свое военное поприще, обнаруживъ замѣчательныя дарованія, оказали отечеству важныя заслуги, но въ то время они, по неопытности и незнанію дѣла, бродили еще ощупью. Вотъ лица, коимъ было ввѣрено начальство надъ нашими войсками; они должны были бороться съ маршалами, закаленными въ битвахъ и побѣдахъ, коими предводительствовалъ величайшій изъ полководцевъ.

Беннингсенъ расположилъ близъ Пултуска войска слѣдующимъ образомъ: шести-тысячный обломокъ прусской арміи подъ командою Лестока въ Торунѣ и его окрестностяхъ до Врацлавска; дивизію Сакена между Млавой и Сольдау; авангардъ подъ командою Барклая между Плонскомъ и Плоцкомъ; дивизію Остермана въ Цѣхановѣ; дивизію Седморацкаго въ Прагѣ, предмѣстіи Варшавскомъ; авангардъ этой дивизіи подъ командою полковника Юрковскаго въ Блони; главную квартиру и дивизію князя Голицына въ Пултускѣ; корпусъ графа Буксгевдена только что подходилъ къ окрестностямъ Млавы.

Между тѣмъ французская армія подвигалась къ Вислѣ, она состояла:

	тыс.	сот.
изъ гвардіи	12	800
— корпуса Бернадота .	16	800
— — Лефебра . .	12 [1])	—

[1]) Во всю войну оставался за Вислою и былъ употребленъ для осады Данцига.

		тыс.	сот.
изъ корпуса Ожеро	. .	11	400
— — Даву.	. .	34	—
— — Сульта	. .	30	600
— — Ланна	. .	23	400
— — Нея .	. .	22	200
— резерва кавалеріи.	.	20	400
— дивизіи гренадеръ	.	8 [1])	—

Итого 191600 человѣкъ.

Направленіе этихъ корпусовъ было слѣдующее: корпусъ Нея, подкрѣпленный корпусомъ Бернадота и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Бессьера [2]), на Торунь; корпусъ Сульта на Плоцкъ; корпусъ Ожеро и 3-й кавалерійскій корпусъ [3]) на Закрочимъ; гвардія, корпуса Даву, Ланна и кавалерійскія дивизіи Бомонта и Бекера на Варшаву.

16-го ноября непріятель вступилъ въ послѣдній городъ. Седморацкій остался въ Прагѣ.

19-го этотъ генералъ, не испросивъ предварительно разрѣшенія Беннингсена и не бывъ атакованъ непріятелемъ, перешелъ за Наревъ подъ предлогомъ, что французы совершаютъ переправу въ Мнишевѣ и намѣреваются обойти его лѣвый флангъ чрезъ Австрійскую Галицію; эта земля была въ то время нейтральною, слѣдовательно непроходимою. За этотъ поступокъ Седморацкій былъ лишенъ командованія лѣвымъ флангомъ арміи, который ввѣренъ былъ начальству неустрашимаго графа Остермана.

Вскорѣ послѣ этого, то-есть, 22-го числа, самъ Беннингсенъ предпринялъ общее отступленіе къ Омулевѣ для соединенія съ Буксгевденомъ, подъ предлогомъ, что непріятель намѣревается перейти Наревъ и атаковать его въ Пултускѣ и

---

[1]) Еще не прибылъ въ армію.

[2]) Сей корпусъ состоялъ изъ одной дивизіи кирасиръ Гопульта, изъ двухъ дивизій драгунъ Груши и Сагюка, изъ одной дивизіи легкой кавалеріи Тилліа.

[3]) Сей корпусъ состоялъ изъ кирасирской дивизіи Нансути, изъ драгунскихъ дивизій Клейна и Мильго и изъ дивизіи легкой кавалеріи Ласаля.

силы его недостаточны для воспрепятствованія этому движенію. Беннигсенъ прибылъ уже лично въ Остроленку, гдѣ встрѣтилъ фельдмаршала, пріѣхавшаго изъ Петербурга [1]). Встрѣча эта была не весьма пріятная: разговоръ длился не долго. Причина отступленія Беннигсена была столь же мало извинительна, какъ и та, которая была приведена Седморацкимъ. Фельдмаршалъ приказалъ ему немедленно возвратиться къ Вислѣ и стараться препятствовать переходу непріятеля на правый берегъ рѣки.

Беннингсенъ повелъ свои войска назадъ, но уже было поздно. Французскіе корпуса, пользуясь нашимъ отступленіемъ, не замедлили перейти рѣку. 25-го Ней, Бернадотъ и Бессьеръ, вступивъ въ Торунь, немедленно занялись укрѣпленіемъ сего города.

28-го Сультъ перешелъ Вислу при Плоцкѣ. Того же числа Ожеро съ своимъ корпусомъ и 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перешелъ ее между Закрочима и Модлиномъ и приступилъ къ укрѣпленію послѣдняго селенія.

Главныя непріятельскія силы, приведя въ оборонительное положеніе Варшавское предмѣстье, Прагу, расположились въ углу, образуемомъ Вислою, Наревою и Австрійскою Галиціею, и, переправивъ за Нареву бригаду Готье у селенія Оконина, также занялись возведеніемъ укрѣпленія при устьѣ Вкры и Наревы.

Около 7-го декабря лѣвое крыло и центръ французской арміи двинулись къ Вкрѣ; Ней преслѣдовалъ прусскій кор-

---

[1]) Уѣзжая въ армію, фельдмаршалъ испросилъ у государя соизволеніе взять съ собой графа Петра Алексѣевича Палена; проѣзжая ночью чрезъ Ригу, онъ разбудилъ Палена и, сидя на его кровати, сообщилъ ему о высочайшемъ повелѣніи, которое должно было скоро послѣдовать на его имя; но его величество вскорѣ перемѣнилъ свое намѣреніе. Разсердившись однажды на сына своего графа Николая Михайловича, который, въ чинѣ преміеръ-маіора, состоялъ при немъ въ должности адъютанта, графъ Каменскій снялъ съ него галуны и отдалъ его въ ученье одному профессору; этому обстоятельству графъ Николай Михайловичъ былъ обязанъ пріобрѣтенными свѣдѣніями. Впослѣдствіи графъ Николай Михайловичъ увѣдомлялъ отца своего, проживавшаго въ селѣ Сабуровѣ, Орловской губерніи, о дѣйствіяхъ своихъ противъ турокъ въ войнѣ 1810 года.

пусъ къ Лаутенбургу; Бессьеръ подходилъ къ Безуню; за нимъ слѣдовалъ Бернадотъ; Сультъ шелъ чрезъ Плонскъ къ Колосомбу; Ожерô и Мюратъ [1]) слѣдовали чрезъ Плонскъ туда же.

Я уже говорилъ, что фельдмаршалъ, прибывъ въ Пултускъ и усиливъ 8-го декабря авангардъ двѣнадцатью баталіонами, поручилъ Беннингсену начальство надъ нимъ. Между тѣмъ, принявъ во вниманіе пространство, занимаемое французскою арміею, которая только что начала сокращать его посредствомъ сосредоточеннаго движенія лѣваго фланга къ Вкрѣ,— онъ рѣшился идти на встрѣчу Сульту, Ожерô и Мюрату, и, прогнавъ ихъ за Вислу, обратиться вправо на корпуса Нея, Бернадота и Бессьера. Эта мысль была достойна соперника Суворова, но одной мысли не достаточно: молнія безъ удара— лишь зарница. Чтобы нанести ударъ, надлежало сдѣлать многое, чего не было сдѣлано: во-первыхъ, такъ какъ разстояніе между самою отсталою дивизіей нашей арміи до Плонска не превышало пятидесяти-пяти верстъ, то надлежало его пройти не въ трое сутокъ, а гораздо поспѣшнѣе. Не взирая на распутицу, полагая тринадцать часовъ марша въ сутки и по три версты на часъ (что̀ весьма умѣренно для усиленнаго движенія), мы могли перейти это разстояніе въ полуторы сутки, слѣдовательно имѣли возможность прибыть къ Плонску 9-го числа въ полдень. Надо еще замѣтить, что 9-го и 10-го самъ Наполеонъ находился еще въ Варшавѣ, изъ чего должно заключить, что главныя его силы (войска праваго крыла) не тронулись бы съ мѣста во время нашего напора на средину его арміи, ибо онѣ, вѣроятно, вступили бы въ дѣйствіе лишь въ его присутствіи.

Если бы онѣ, по полученіи извѣстія объ нашей атакѣ, предприняли сами собою движеніе къ Плонску, и тогда бы оно не могло быть опаснымъ для насъ. Находясь въ тридцати верстахъ отъ этого города, онѣ не прежде могли быть извѣщены о нашемъ нападеніи, какъ къ вечеру 9-го числа; слѣдовательно онѣ могли прибыть на помощь войскамъ, атако-

[1]) Мюратъ командовалъ всею кавалеріею вообще, но въ это время лично присутствовалъ при 3-мъ корпусѣ.

ваннымъ лишь на другой день послѣ полудня, то-есть, въ то время, когда присутствіе ихъ было бы для нихъ болѣе вредно, чѣмъ полезно; онѣ потерпѣли бы пораженіе подобно тому, какое могли бы уже испытать Сультъ, Мюратъ и Ожерò. Во-вторыхъ, если уже фельдмаршалъ рѣшился немедленно двинуться къ цѣли, имъ избранной, то, по крайней мѣрѣ, ему не слѣдовало разбрасывать арміи отъ Макова до Вкры и отъ Сохочина на Вкрѣ до Новадвора на Наревѣ. Напротивъ, ему надлежало двигаться всею массою для того, чтобы, въ случаѣ движенія праваго непріятельскаго крыла къ Насельску, имѣть подъ рукой все войско и потому быть въ возможности задержать непріятельское правое крыло до окончательнаго пораженія Сульта, Ожерò и Мюрата. Дивизія Анрепа была расположена въ селѣ Поповѣ, чтò на Бугѣ, но отъ Попова до Чернова, гдѣ находился Остерманъ, двадцать-пять верстъ; дивизія эта находилась при Поповѣ лишь для наблюденія за непріятелемъ. Кардиналъ Ришельё говаривалъ: „Прежде нежели я рѣшаюсь на что-нибудь, я оглядываюсь направо и налѣво, и когда справа и слѣва мнѣ не угрожаетъ опасности, я бросаюсь на предметъ, ломаю все то, что передо мною, и покрываю развалины своею красною епанчею“. Не худо было бы помѣщать эти слова во всякую инструкцію лицамъ, коимъ предназначается дѣйствовать самостоятельно. Какъ бы то ни было, около 11-го оба корпуса выступили къ Вкрѣ; каждая дивизія, не заботясь о другихъ, шла сама собою, какъ будто въ Россіи. Главная квартира перенесена была изъ Пултуска въ Новомѣсто.

Въ этотъ день, въ пятомъ часу по полудни, Наполеонъ открылъ канонаду со всѣхъ баттарей, устроенныхъ на правомъ берегу Вкры и на островѣ при устьѣ этой рѣки и Нарева. Колонны его двинулись на противоположный берегъ; хотя Остерманъ геройски защищалъ переправу, но, будучи тѣснимъ дивизіею Морана (корпуса Даву) и кавалерійскою дивизіею Бомонта, за коими слѣдовали остальныя двѣ дивизіи Даву, кавалерійская дивизія Бекера, корпусъ Ланна и гвардія, онъ нашелся вынужденнымъ отступить къ Чернову. Вотъ минута

когда Анрепу слѣдовало перейти изъ Попова въ Сироцкъ [1]) или примкнуть къ арміи при Насельскѣ. Генералъ Анрепъ, расположенный на рѣкѣ, впадающей въ Нарову, на берегу коей происходило сраженіе, не могъ не слыхать пушечныхъ выстрѣловъ; дальнѣйшее пребываніе его въ Поповѣ было тѣмъ болѣе безполезно, что онъ былъ положительно извѣщенъ о рѣшительной переправѣ непріятеля при Черновѣ. Не взирая на то, онъ остался на своемъ мѣстѣ; надо полагать, что на это онъ имѣлъ, вѣроятно, особое повелѣніе, ибо, по мнѣнію всѣхъ, онъ былъ рѣшительный, отважный и знающій свое дѣло генералъ. Въ ночь на 12-е число отрядъ Остермана достигъ села Дембе, гдѣ и раздѣлился: самъ Остерманъ пошелъ къ Насельску, а Баговутъ, для сохраненія связи Анрепа съ арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрытія нашего единственнаго пути сообщенія, обратился къ Пултуску. Вслѣдствіе этого Наполеонъ, продолжая двигаться къ Насельску, отрядилъ изъ Дембе корпусъ Ланна и драгунскую девизію Бекера вслѣдъ за Баговутомъ. Между тѣмъ Сультъ, Ожеро и Мюратъ подходили къ Колосомбу, напирая на Беннингсена и Барклая, которые, отражая ихъ на каждомъ шагу, отступали къ Новомѣсту.

Вся армія получила повелѣніе отойти къ Стрегочину. Надлежало, оставивъ Беннингсена и Барклая противъ Сульта, Ожеро и Мюрата для защиты Вкры при Колосомбѣ и Сонны при Новомѣстѣ, устремиться со всѣми силами не къ Стрегочину, а къ Насельску, гдѣ, соединясь съ Остерманомъ, немедленно атаковать преслѣдовавшаго его непріятеля. Можно было тѣмъ безопаснѣе рѣшиться на это предпріятіе, что по этому направленію у непріятеля было только 50000 человѣкъ съ небольшимъ количествомъ легкой артиллеріи, растянутыхъ по причинѣ неудобной дороги почти до самаго Чернова. Мы могли сосредоточить въ Насельскѣ 70000 че-

---

[1]) Сироцкъ отъ Попова въ семи верстахъ на правомъ берегу Наревы, на дорогѣ отъ Чернова къ Пултуску, и имѣетъ свободное сообщеніе съ Насельскомъ. Село Дембе находится въ девяти верстахъ отъ Чернова и отъ Сироцка. Изъ Дембе идутъ двѣ дороги: одна въ Насельскъ, а другая чрезъ Сироцкъ на Пултускъ.

ловѣкъ и всю нашу артиллерію и должны были драться здѣсь съ величайшимъ ожесточеніемъ. Всѣ обстоятельства побуждали насъ къ тому: самое географическое положеніе этого пункта, гдѣ сходятся дороги, идущія отъ Варшавы, отъ Закрочима, отъ Плонска, отъ Цѣханова, отъ Голомина и Пултуска; стратегическое положеніе нашей арміи, находящейся между двумя разобщенными частями непріятельской арміи,—и наконецъ самое превосходство въ числѣ войскъ надъ главными силами Наполеона! Къ несчастію, какъ уже извѣстно, армія наша была разсѣяна, и ее невозможно было собрать ранѣе двухъ сутокъ, тогда какъ всякая минута была для насъ крайне драгоцѣнна. Фельдмаршалъ, не сосредоточивъ во-время своей арміи, лишился единственнаго случая нанести при началѣ кампаніи сильный ударъ непріятелю; онъ бы могъ, перейдя въ наступленіе, дать совершенно иной оборотъ всей войнѣ — и какой оборотъ: Наполеонъ, опрокинутый за Нареву; Ланнъ, отрѣзанный отъ него въ Пултускѣ; Ожеро̀, Сультъ и Мюратъ, безъ подпоры при Новомѣстѣ; Ней, Бессьеръ и Бернадотъ внѣ круга рѣшительныхъ происшествій!

Но казалось, что арміи нашей опредѣлено было перенести всякаго рода испытанія; 12-го фельдмаршалъ внезапно уѣхалъ въ Остроленку и Ломзу, оставивъ армію въ минуту рѣшительной опасности подъ командою двухъ генераловъ, издавна враждовавшихъ между собою [1]).

---

[1]) Весьма немногимъ извѣстна истинная причина предосудительнаго поступка графа Каменскаго. Многіе полагаютъ, что фельдмаршалъ, не видя возможности спасти армію, покинулъ ее лишь изъ робости. Я этого не могу допустить, во-первыхъ потому, что онъ никогда не обнаруживалъ робости во все время пятидесятилѣтняго своего служенія, и во-вторыхъ, въ минуту отъѣзда его изъ Новомѣста, арміи не угрожала еще большая опасность, ибо Остерманъ сражался, отступая къ Насельску; силы же непріятеля были раздѣлены Вкрою и нашею арміей. Разсказъ адъютанта его Валуева, неотлучно при немъ находившагося, нѣсколько правдоподобенъ.

11-го вечеромъ пришла петербургская почта; чемоданы, какъ обыкновенно это дѣлалось, были принесены прямо къ фельдмаршалу; адъютантъ долженъ былъ отбирать письма, адресованныя на имя графа Каменскаго, остальныя же надлежало разослать по принадлежности. Когда фельдмаршалъ велѣлъ подать себѣ пакеты, Валуевъ отвѣчалъ: «Нѣтъ полученнаго на имя вашего сіятельства». Тогда графъ спросилъ: «На чье

Итакъ, 12-го вечеромъ, Наполеонъ, не имѣя противъ себя никого, кромѣ Остермана, вступилъ безпрепятственно въ Насельскъ; онъ направилъ Даву вслѣдъ за Остерманомъ къ Стрегочину.

Въ ночь на 13-е число, Беннингсенъ, Барклай и Остерманъ, соединясь въ Стрегочинѣ и будучи преслѣдуемы дивизіею Гюдена (корпуса Даву), выступили по направленію къ Пултуску. Самъ Даву, оставшись съ двумя дивизіями въ Стрегочинѣ, пресѣкъ путь къ Пултуску дивизіи князя Го-

---

же имя есть пакеты?» «На имя многихъ, кромѣ вашего сіятельства», отвѣчалъ Валуевъ. Тогда графъ, придя въ изступленіе, сталъ кричать: «Что это значитъ? Такъ-то поступаютъ со мной: презрѣніе! недовѣрчивость! Распечатывай всѣ безъ исключенія пакеты, какъ казенные, такъ и партикулярные». Валуевъ повиновался, и изъ первыхъ писемъ графъ увидѣлъ, что нѣкоторые окружавшіе его чиновники приняли на себя благородную обязанность увѣдомлять графа Ливена о поступкахъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ его. Сверхъ того на одного изъ значительнѣйшихъ лицъ главной квартиры графа Толстого возложена была обязанность наблюдать за нимъ: онъ былъ снабженъ бланкетами, подобно тѣмъ, какіе были даны самому фельдмаршалу при отправленіи его въ армію. Человѣкъ хладнокровный, затаивъ на время оскорбленіе, удалилъ бы мало-по-малу изъ арміи лица, которыя онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать. Человѣкъ энергическій, арестовавъ ихъ, выслалъ бы ихъ немедленно изъ арміи; человѣкъ бѣшенный, необузданный, поступилъ бы подобно графу Каменскому. Написавъ донесеніе государю и отношеніе Ливену, исполненныя выраженіями непристойными, и отправивъ ихъ въ тотъ же вечеръ съ Валуевымъ, онъ оставилъ армію съ повелѣніемъ каждой дивизіи отступать особо къ нашимъ границамъ. Этимъ поступкомъ графъ Каменскій запятналъ пятидесятилѣтнюю свою славу, которую могъ удесятерить одной кампаніей; онъ едва не погубилъ арміи, чѣмъ вполнѣ оправдалъ недовѣрчивость правительства. Передъ выѣздомъ своимъ изъ арміи, графъ Каменскій сказалъ графу Буксгевдену: «Ваши распоряженія такъ безсмысленны, что мы неминуемо будемъ разбиты».

Въ 1809 году генералъ-маіоръ А. П. Ермоловъ, находясь въ отпуску въ Орловской губерніи, отправился съ своимъ отцомъ въ имѣніе графа Каменскаго за тѣмъ, чтобы поздравить его со днемъ рожденія. Они застали фельдмаршала, занимавшагося алгебраическими выкладками по вновь вышедшему курсу аббата Сори. При этомъ фельдмаршалъ сказалъ между прочимъ генералу Ермолову: «Всѣмъ извѣстно, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена для добыванія себѣ пищи и откапыванія въ огородахъ картофеля; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ; мнѣ къ концу моего долгаго поприща показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіе пятидесяти-шести лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію. Я сумасшедшій». Онъ погибъ жертвою своей жестокости.

лицына и отрядамъ графа Палена и Чаплица [1]), выступившимъ того же числа изъ Слубова и окрестностей Лопагина. Они были принуждены обратиться къ Голомину, куда могли прибыть не прежде 14-го по утру. Тамъ застали они дивизію Дохтурова, подкрѣпленную дивизіею Тучкова, стоявшею въ Маковѣ въ пятнадцати верстахъ отъ поля сраженія.

Вникая въ движенія непріятеля, мы видимъ, что намѣренія Наполеона состояли въ томъ, чтобы, сосредоточившись при Насельскѣ, ударить на центръ нашей арміи, которую онъ полагалъ между Млавой и Бугомъ, и, прорвавъ ее, разбить наши войска по частямъ. Если бы во время движенія его къ Насельску, мы успѣли стянуть свои силы и заключить фланги наши между Голоминомъ и Пултускомъ или расположиться всѣми силами на дорогѣ къ Голомину, тогда бы онъ сталъ дѣйствовать главными силами на Цѣхановъ и Маковъ; онъ этимъ, охвативъ нашъ правый флангъ, могъ бы припереть армію нашу къ Наревѣ, Бугу и Австрійской Галиціи. Наконецъ, если бы, по занятіи имъ Насельска, наша армія успѣла бы сосредоточиться при Цѣхановѣ, тогда онъ, напирая всѣми силами на Цѣхановъ, охватывалъ бы своимъ лѣвымъ крыломъ нашъ правый флангъ и этимъ оказалъ бы значительное содѣйствіе корпусамъ Бернадота, Нея и Бессьера. Мысль эта была превосходна, но приведеніе ея въ исполненіе зависѣло отъ соединенія при Насельскѣ войскъ, преслѣдовавшихъ Остермана отъ Чернова, съ войсками, преслѣдовавшими Беннигсена и Барклая отъ Колосомба. Я уже сказалъ, что, по моему мнѣнію, фельдмаршалъ могъ бы весьма легко опрокинуть непріятеля, если бы армія его не была разсѣяна между Оржи-

---

[1]) Фельдмаршалъ, оставляя армію, не могъ не замѣтить ошибочныхъ распоряженій графа Буксгевдена, которому, какъ мы уже видѣли, онъ сдѣлалъ сильное замѣчаніе. Отряды графа Палена и Чаплица, окруженные многочисленнымъ непріятелемъ, подвергались совершенному истребленію. Но, къ счастію, отважный и рѣшительный графъ Паленъ, совершивъ весьма смѣлое и быстрое движеніе посреди французскихъ корпусовъ, успѣлъ предупредить Чаплица объ угрожавшей ему опасности. Чаплицъ быстро отступилъ изъ Цѣханова къ Голомину; пробившись здѣсь сквозь легкіе французскіе отряды, Чаплицъ благополучно примкнулъ къ главнымъ нашимъ силамъ.

чей, Вкрой и Наревой, а потому нельзя не удивляться, почему Наполеонъ еще до прибытія въ Насельскъ не сосредоточилъ всѣхъ своихъ корпусовъ при Борковѣ и не перешелъ здѣсь Вкры, вмѣсто того, чтобы переходить ее въ двухъ мѣстахъ, среди которыхъ могла находиться наша армія. Дабы скрыть это движеніе стоило только сдѣлать ему сильныя, но фальшивыя атаки при Помиховѣ и при Колосомбѣ; это задержало бы войска, защищавшія оба пункта, и ввело бы фельдмаршала въ недоумѣніе касательно переправы. Это недоумѣніе могло бы продолжаться нѣсколько времени, а между тѣмъ непріятель успѣлъ бы сосредоточить свои силы и двинуться кратчайшимъ путемъ отъ Боркова къ Насельску. Не смотря на это безполезное и слишкомъ отважное движеніе Наполеона, которое могло бы стоить ему дорого, счастье благопріятствовало ему; колонны французской арміи соединились при Насельскѣ такъ легко, какъ будто бы они противъ себя не имѣли непріятеля. Что касается до Беннингсена, онъ никакимъ образомъ не могъ вывернуться изъ этого положенія; ему оставалось лишь раздѣлить участь своего корпуса! При всемъ томъ нельзя было видѣть безъ душевнаго благоговѣнія поведеніе сего генерала, особенно, когда представимъ себѣ, въ какое внезапное и безнадежное положеніе онъ былъ увлеченъ обстоятельствами! И подлинно, онъ былъ оторванъ отъ корпуса, имъ завѣдываемаго, для командованія авангардомъ, и былъ покинутъ фельдмаршаломъ во время наступательнаго движенія всей арміи; онъ не имѣлъ права распоряжаться корпусомъ Буксгевдена, коего былъ моложе по службѣ и находился въ невозможности просить его содѣйствія по причинѣ взаимной ихъ непріязни. Онъ зналъ, что каждый дивизіонный начальникъ получилъ особенное повелѣніе фельдмаршала, состоявшее въ томъ, чтобы отступать къ границамъ нашимъ. Онъ самъ получалъ неоднократныя о томъ подтвержденія, въ то самое время, какъ онъ былъ тѣснимъ сильнымъ непріятелемъ, и когда обозы, транспорты, парки и баттарейная артиллерія обоихъ корпусовъ перемѣшались съ отступавшими колоннами пѣхоты и кавалеріи. Надо было имѣть истинно высокую душу,

чтобы жертвовать трудами цѣлой жизни и пріобрѣтенною репутаціею отличнаго генерала для исправленія чужихъ ошибокъ; тогда какъ, сказавшись больнымъ, онъ имѣлъ средство избѣжать этого гибельнаго для себя положенія и вновь вступить въ командованіе лишь по минованіи опасности. На другой день послѣ занятія Насельска Наполеонъ, узнавъ отъ Даву, что Беннигсенъ съ большею частію корпуса своего обратился къ Пултуску и предполагая, что корпусъ Буксгевдена находится между Голоминомъ и Маковомъ, двинулъ Даву, Ожерô и Мюрата съ нѣкоторою частью кавалеріи на Голоминъ; самъ же онъ съ гвардіею и со всею резервною кавалеріею двинулся на Цѣхановъ для соединенія съ Сультомъ, слѣдовавшимъ туда отъ Сохочина. Не могу понять, для какой цѣли сей превосходный полководецъ отрядилъ Бернадота къ Эльбингу и два сильные корпуса Нея и Бессьера противъ шести-тысячнаго прусскаго корпуса, отступавшаго отъ Алутербурга внизъ по Алле. Быть можетъ, здѣсь скрывались политическіе виды, какъ то: занятіе Кёнигсберга, которымъ онъ хотѣлъ угрожать границѣ нашей, или истребленіе остатка прусской арміи, чтобы чрезъ то еще болѣе подѣйствовать на умы жителей Пруссіи. Разсматривая это движеніе въ стратегическомъ отношеніи, трудно было отыскать причину въ этомъ слишкомъ дерзкомъ и безполезномъ удаленіи 45000 человѣкъ отъ пункта, гдѣ надлежало встрѣтиться съ главными нашими силами.

13-го въ ночь дивизія Остермана, авангардъ Барклая и часть кавалеріи соединились съ отрядомъ Баговута [1]) при Пултускѣ, что̀ составило около 35000 человѣкъ. Беннигсенъ рѣшился здѣсь отразить нападеніе непріятельскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ князю Голицыну употребить всѣ старанія, чтобы удержаться при Голоминѣ; онъ также просилъ Дохтурова (ибо онъ принадлежалъ къ корпусу Буксгевдена) поддержать Голицына и Анрепа (также корпуса Буксгевдена) двинуться отъ Попова на Сироцкъ и тѣмъ угро-

[1]) Я положительно знаю, что Баговутъ отступилъ къ Пултуску самъ себѣ, но вовсе не по приказанію графа Остермана.

жать тылу непріятеля, слѣдовавшаго на Пултускъ. По истинѣ, если бы главныя силы Наполеона дѣйствительно стремились къ этому пункту, то намѣреніе Беннингсена увѣнчалось бы несомнѣннымъ успѣхомъ; ибо, принявъ на себя всю тяжесть удара, онъ чрезъ это спасъ бы огромные караваны съ жизненными и боевыми потребностями, тянувшіеся по дорогѣ къ Остроленкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчилъ бы отступленіе арміи къ этому пункту. Но мы выше видѣли, что главныя силы непріятеля двигались не на Пултускъ, а на Цѣхановъ къ Макову; слѣдовательно, если бы Беннингсенъ и одержалъ совершенную побѣду при Пултускѣ, и тогда бы онъ никакимъ образомъ не могъ бы ею воспользоваться; чѣмъ далѣе онъ подвигался вдоль Наревы для преслѣдованія войскъ, имъ побѣжденныхъ, тѣмъ болѣе онъ облегчалъ бы дѣйствія главныхъ силъ Наполеона. Французы могли бы легко обойти нашъ правый флангъ, припереть наши войска къ Наревѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣть въ тылу его тѣми предметами, для спасенія которыхъ Беннингсенъ принялъ битву при Пултускѣ. По всему видно, что извѣстія, получаемыя Беннингсеномъ о силѣ различныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся отъ Вкры по разнымъ дорогамъ, были неосновательны, и что онъ, не успѣвъ еще достаточно изучить образъ дѣйствій Наполеона, былъ убѣжденъ, что главныя силы его направляются на Пултускъ [1]).

14-го по утру войска наши, расположенныя при этомъ городѣ и при Голоминѣ, были атакованы въ одно время. Я умолчу объ этихъ сраженіяхъ, которыхъ я не былъ свидѣтелемъ. Довольно знать, что оба поля сраженія были оставлены нашими войсками: Голоминское—по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ и потому, что самъ Наполеонъ съ главными силами

---

[1]) Близъ Пултуска Беннингсенъ устроилъ мостъ чрезъ Наревъ слѣдующимъ образомъ: на перекинутые канаты была положена солома; ее полили водой, которая замерзла. Самъ Беннингсенъ съ оставшимся въ резервѣ Тульскимъ полкомъ ударилъ въ концѣ сраженія на непріятеля и удержалъ поле битвы. Послѣ этого сраженія мы потеряли 56 орудій, которыя увязли въ грязи и замерзли. Жители, вырубивъ орудія, доставили ихъ французамъ.

шелъ отъ Цѣханова на Маковъ; а Пултуское—отъ того, что уже Ожеро, Даву и Мюратъ, овладѣвъ Голоминомъ, подвигались также къ Макову.

15-го декабря Беннигсенъ, оставивъ Пултускъ, двинулся къ Остроленкѣ. Онъ имѣлъ намѣреніе пробраться правымъ берегомъ Наревы до Кольны, но переправы чрезъ рѣчки Розогу и Писсу, также болотистыя мѣста, здѣсь находящіяся, заставили его, измѣнивъ направленіе, обратиться отъ Остроленки къ Новогруду. Тамъ встрѣтилъ онъ новыя препятствія; тонкій ледъ, коимъ тогда былъ покрытъ Наревъ, и недостатокъ въ способахъ для переправы принудили его предпринять чрезмѣрное обходное движеніе на Тикочинъ, Ганіондзъ, Щучинъ, Баялу и Рейнъ, гдѣ 6-го января онъ соединился съ дивизіями, отступавшими правымъ берегомъ Нарева изъ окрестностей Голомина и Макова. Дивизія Анрепа, слѣдовавшая отъ Попова, соединилась съ нимъ на походѣ. Во время этого перемѣщенія силъ, Беннигсенъ былъ возведенъ на степень главнокомандующаго, а генералъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію. Новый главнокомандующій подвинулъ корпусъ Эссена 1-го въ Высоко-Мазовецкъ, оставилъ Седморацкаго въ Ганіондзѣ, Іоганнисбургѣ и Николайкинѣ для связи арміи съ этимъ корпусомъ. Наполеонъ съ своей стороны, перейдя Омулеву, расположилъ часть своей арміи на кантониръ-квартирахъ и лично возвратился въ Варшаву. Порядокъ размѣщенія корпусовъ былъ слѣдующій: корпусъ Ланна между Брокъ и Остроленкою противъ Эссена. Сей корпусъ, вслѣдствіе болѣзни маршала Ланна, поступилъ въ команду генерала Савари; Даву въ Мишеницахъ; Сультъ въ Вилленбергѣ; Ожеро въ Нейденбургѣ. Вся резервная кавалерія подъ начальствомъ Мюрата въ окрестностяхъ Вилленберга.

Между тѣмъ Бернадотъ находился въ Эльбингѣ; Ней и Бессьеръ, продолжая преслѣдованіе прусскаго корпуса внизъ по Алле, вступили въ Шипенбейль 4-го января. Прусскій корпусъ Лестока отступилъ къ Фридланду.

Беннигсенъ, прибывъ въ Рейнъ, засталъ въ такомъ положеніи непріятельскіе корпуса, дѣйствовавшіе въ Старой Пруссіи.

Пользуясь случайнымъ положеніемъ своимъ относительно двухъ послѣднихъ и зная, что главная французская армія на кантониръ-квартирахъ, онъ рѣшился отрѣзать ихъ отъ нея. Вслѣдствіе этого всѣ его силы обратились на Рёссель и Бишофштейнъ. Но и здѣсь онъ не имѣлъ успѣха: Ней и Бессьеръ, извѣстясь объ этомъ движеніи въ Шипенбейлѣ, выступили на Прейсишъ-Эйлау, а оттуда, пока армія наша двигалась на Гейльсбергъ, Аренсдорфъ и Либштадтъ, они пробрались между Алле и Пассаргою на перерѣзъ нашему движенію къ Либштадту и безпрепятственно достигли Гильгенбурга; они здѣсь вступили на линію главныхъ силъ своей арміи. Въ это же время Бернадотъ, узнавъ о фланговомъ движеніи нашемъ на перерѣзъ Нею и Бессьеру, и понявъ опасность, которой могъ подвергнуться при дальнѣйшемъ пребываніи своемъ на берегу Вислы между крѣпостями Данцигомъ и Грауденцомъ, еще занятыми тогда прусскими войсками, двинулся 9-го января со всѣмъ своимъ корпусомъ чрезъ Голландъ на соединеніе съ отступавшими корпусами.

11-го числа 8-й линейный полкъ съ частью конницы заняли Либштадтъ, дабы подать руку Нею и Бессьеру; дивизіи Риво и Друэ вступили въ Морунгенъ, а дивизія Дюпона остановилась на дорогѣ, лежащей отъ Голланда къ Морунгену.

13-го числа генералъ Марковъ слѣдовалъ съ авангардомъ арміи отъ Эльдитена; узнавъ, что Либштадтъ уже занятъ непріятелемъ, онъ поспѣшилъ къ этому городу, которымъ и овладѣлъ безъ большаго усилія. Армія слѣдовала за нимъ къ Либштадту.

13-го по утру Марковъ продолжалъ движеніе свое къ Морунгену. При селѣ Георгенпталь онъ встрѣтилъ бригаду Пакто, которую оттѣснилъ къ Пфаресфельдшену. Селеніе сіе, подобно Георгенпталю, было занято нашими войсками, но тутъ прекратилось наступленіе. Дивизіи Риво и Друэ, явившись изъ Морунгена на помощь войскамъ Пакто, вступили въ бой, который, усиливаясь по мѣрѣ прибытія полковъ нашего авангарда, сдѣлался общимъ; главная схватка была въ Пфаресфельдшенѣ. Въ рѣшительный моментъ резервъ Бернадота (дивизія Дюпо-

на), двинувшись изъ деревни Визе къ Георгеништалю, ударилъ на правый флангъ и тылъ нашихъ войскъ; этотъ ударъ смялъ нашихъ и заставилъ ихъ очистить большую Либштадтскую дорогу; все обратилось къ Либштадту, частью полями, частью окружными дорогами. Бернадотъ, пользуясь побѣдою, наступалъ всѣми силами до самой глубокой ночи. Вечеромъ прибылъ къ намъ Анрепъ съ кавалеріею; этотъ генералъ, желая лично осмотрѣть движеніе непріятеля, наскакалъ на французскихъ стрѣлковъ, при чемъ его убили выстрѣломъ изъ ружья; уронъ нашъ былъ весьма великъ. Многіе полки дрались съ ожесточеніемъ, въ особенности Екатеринославскій гренадерскій, въ которомъ оставалось еще до ста человѣкъ такъ называемыхъ Потемкинскихъ, — обломки вѣка побѣдъ и славы. Извѣстно, что одинъ изъ баталіоновъ этого полка громко захохоталъ, когда французы вздумали было итти на штыки; артиллерія наша дѣйствовала отлично, ею командовалъ полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который уже съ этого времени началъ обращать на себя всеобщее вниманіе своею рѣшительностью, знаніемъ дѣла и быстрымъ соображеніемъ. Ермолову, заслужившему въ эту войну огромную репутацію, принадлежитъ первому мысль собирать большое количество полевыхъ конныхъ орудій и направлять сосредоточенный огонь на извѣстный какой-нибудь пунктъ.

Я не могу умолчать здѣсь о партизанскомъ подвигѣ, тѣмъ болѣе замѣчательномъ по вѣрности соображенія и отличному исполненію, что въ это время дѣйствія этого рода были совершенно неизвѣстны въ нашей арміи. Самъ Платовъ никогда не отваживался на подобный подвигъ. Когда Бернадотъ оставилъ Морунгенъ и выступилъ съ корпусомъ своимъ вслѣдъ за разбитымъ авангардомъ Маркова, тогда генералъ-маіоръ графъ Паленъ и полковникъ князь Михаилъ Долгорукій, находившіеся съ полками Сумскимъ гусарскимъ и Курляндскимъ драгунскимъ въ Лоокенѣ, предприняли сами собою поискъ на Морунгенъ чрезъ Экерсдорфъ, Швекендорфъ и Гимельфортъ. Прибывъ подъ вечеръ къ городу, они съ пятью эскадронами гусаръ и драгунъ, оглашая воздухъ криками и производя

стрѣльбу, ворвались въ средину улицъ; оставшійся тамъ небольшой аррьергардъ вздумалъ было защищаться, но онъ былъ вскорѣ разсѣянъ. Въ Морунгенѣ оставались всѣ корпусныя тяжести и собственный обозъ Бернадота, спокойно отдыхавшіе здѣсь въ убѣжденіи, что, будучи прикрыты своимъ корпусомъ со стороны отступавшаго непріятеля, — имъ нечего было опасаться; вся эта сволочь попалась въ руки Палену и Долгорукому. Бернадотъ, возвратясь въ Морунгенъ, нашелъ улицы заваленными разломанными повозками и изорванными бумагами. Городъ былъ пустъ: похитители и похищенное исчезли!

Послѣ Морунгенскаго дѣла армія наша раздѣлилась на четыре колонны: 1-я Лестока (прусскія войска) 6000, съ присоединеніемъ двухъ русскихъ полковъ доходившая до 10000; 2-я Тучкова—авангардъ праваго фланга и отрядъ Баговута; 3-я князя Голицына—авангардъ и кавалерія лѣваго фланга, и двѣ пѣхотныя дивизіи; 4-я резервъ Сакена, 3-я, 4-я и 14-я дивизіи. Въ такомъ порядкѣ армія наша направлялась къ Грауденцу, въ намѣреніи освободить его отъ блокады [1]).

Около 20-го она находилась въ слѣдующихъ мѣстахъ: Лестокъ въ Ризенбургѣ; Тучковъ въ Либемилѣ, авангардъ праваго фланга и отрядъ Баговута, при которыхъ былъ князь Багратіонъ, въ Дейчь-Эйлау; аванпосты подъ командою Юрковскаго за Стразбургомъ; Голицынъ въ Алленштейнѣ; Сакенъ въ Зебургѣ; главная квартира въ Морунгенѣ.

21-го генералъ Юрковскій прислалъ къ князю Багратіону перехваченнаго казаками нашими французскаго курьера, ѣхавшаго къ Бернадоту съ повелѣніемъ стараться заманивать насъ къ Торуню; въ этомъ повелѣніи было сказано, что Наполеонъ со всею арміею слѣдуетъ чрезъ Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ, куда прибудетъ 22-го января [2]). Князь Багратіонъ мгновенно проникъ опасность, угрожавшую арміи; онъ отпра-

[1]) Изъ записокъ генерала Беннигсена.
[2]) Сія бумага была послана маршаломъ Вертье изъ Присница отъ $^{18}/_{30}$ января (изъ записокъ Беннигсена).

вилъ эту бумагу въ главную квартиру и, не ожидая повелѣнія, немедленно отступилъ съ авангардомъ и съ отрядомъ Баговута частью чрезъ Остероде, а частью чрезъ Биберсвальдъ, куда мы прибыли въ полночь. Отдохнувъ два часа, мы пошли далѣе, не взирая на темную ночь, сильную вьюгу и тѣсную дорогу.

22-го, за два часа предъ сумерками, князь Багратіонъ прибылъ самъ въ Янково, гдѣ мы нашли главнокомандующаго за обѣдомъ, а непріятельскую армію на высотахъ Эсткендорфа, тыломъ къ Алленштейну; къ ночи прибылъ и весь нашъ авангардъ. Передъ вечеромъ маршалъ Сультъ атаковалъ деревню Бергфридъ, къ которой примыкалъ лѣвый флангъ нашей арміи, и овладѣлъ мостомъ чрезъ Алле, а генералъ Гюо отбилъ въ Гутштадтѣ большую часть обозовъ, ей принадлежавшихъ.

Итакъ, хотя быстрымъ сосредоточеніемъ всей арміи при Янковѣ, мы сохранили сообщеніе наше съ Россіею, но послѣднимъ движеніемъ французской арміи мы снова поставлены были въ крайне опасное положеніе. При этихъ обстоятельствахъ намъ нельзя уже было оставаться въ Янковѣ, а потому въ ту же ночь вся наша армія предприняла отступленіе къ Вольфсдорфу. Я въ продолженіи службы моей былъ свидѣтелемъ многихъ отступленій, но никогда не видалъ ничего подобнаго! Пѣхотныя и кавалерійскія колонны, перемѣшанныя съ обозами, артиллеріею и парками, обгоняли одинъ другаго. Люди падали отъ голода и утомленія; орудія и повозки зацѣплялись за деревья, что̀ вынуждало канонировъ рубить ихъ; ночь, лѣсъ, снѣгъ по колѣно; непріятель на флангѣ и на разстояніи пушечнаго выстрѣла!

23-го числа армія расположилась близъ Вольфсдорфа. Генералъ Барклай, прикрывавшій отступленіе, былъ сильно атакованъ подъ Депеномъ, но отступилъ съ честью. Къ вечеру я былъ посланъ въ главную квартиру за приказаніями; я засталъ Беннингсена, дремавшаго въ большихъ креслахъ; близъ него находился генералъ Кноррингъ, говорившій съ другими генералами.

Вдругъ прибыли генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, Кретовъ и австрійскій полковникъ Кроссаръ съ извѣстіемъ, что генералъ Барклай въ великой опасности, и что чрезъ часъ непріятель неминуемо будетъ въ Вольфсдорфѣ; все въ главной квартирѣ пришло въ смятеніе, всѣ забыли, что день уже клонится къ вечеру, что армія была уже сосредоточена въ двухъ верстахъ отъ Вольфсдорфа, и что фланги ея были свободны. Я упоминаю объ этомъ случаѣ для того только, чтобы доказать, что духъ робости овладѣлъ даже и тою частью арміи, которая менѣе другихъ подвергается опасности, и которая во всякомъ случаѣ должна выказывать болѣе твердости. Оставивъ въ аррьергардѣ князя Багратіона при Вольфсдорфѣ, армія двинулась далѣе.

24-го въ десятомъ часу непріятель сталъ тѣснить наши пикеты подъ Варлакомъ. Князь Багратіонъ выступилъ изъ Вольфсдорфа и занялъ позицію позади этой деревни на высотахъ. Юрковскій съ Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ и четырьмя орудіями отступалъ чрезъ Вольфсдорфъ къ правому флангу за лѣсъ, лежащій на дорогѣ къ Эльдитену и занятый ротою егерей 5-го Егерскаго полка; часть гусаръ и казаковъ, разсыпанныхъ фланкерами, перестрѣливались съ непріятелемъ и отступали отъ Варлака чрезъ Вольфсдорфъ мимо опушки лѣса, а малый кавалерійскій отрядъ наблюдалъ за непріятелемъ со стороны Шарника. Между тѣмъ непріятель подвигался, густыя пѣхотныя и кавалерійскія колонны его видны были со стороны Варлака, и дѣло начиналось. Это дѣло было первымъ въ моей жизни; преисполненный самой невѣжественной, рыцарской отвагой, и желаніемъ украсить лаврами чело свое, я едва не сдѣлался жертвою моего непростительнаго сумасбродства. Я умолчу здѣсь объ этомъ приключеніи, которое было уже описано въ особой статьѣ [1]).

Между тѣмъ непріятель тѣснилъ насъ со стороны Вольфсдорфа и сильныя колонны его показывались около Сомерфельда; хотя князь намѣревался отступать, но большіе обозы

[1]) Въ статьѣ «Урокъ Сорванцу». А. К.

арміи слѣдовали по дорогѣ, по которой намъ надлежало двигаться, а потому мы были принуждены защищаться около Аренсдорфа до наступленія ночи, дабы дать тѣмъ арміи время выдти на большую дорогу.

Въ теченіе всей кампаніи обозы неоднократно бывали причиною безполезнаго урона въ аррьергардѣ; это однако не могло сравниться съ подвигами женоподобныхъ, военныхъ чиновниковъ, кои, лежа въ повозкахъ, ѣхали впереди своихъ частей въ то время, какъ ихъ прямая обязанность состояла въ томъ, чтобъ наблюдать за порядкомъ въ маршѣ и быстротой движенія. Когда близъ Аренсдорфа утихъ бой, и обозы очистили дорогу арміи, тогда аррьергардъ, оставивъ небольшую часть противъ непріятеля, поднялся вслѣдъ за арміею, но не ранѣе двухъ часовъ послѣ ея отступленія. Въ продолженіи нѣсколькихъ верстъ дорога была свободна, но передній полкъ, дойдя до мнимаго хвоста арміи, лежавшаго и отдыхавшаго на дорогѣ, остановился, а за нимъ остановились и прочіе полки аррьергарда. Всѣ полагали, что, ускоривъ слишкомъ выступленіемъ, мы потому наткнулись на всю армію. Одинъ артиллерійскій полковникъ, находясь съ своей ротою въ головѣ аррьергарда, спокойно ожидалъ, пока армія продвинется, но она съ полчаса и даже съ часъ не поднималась. Полковникъ, выйдя изъ терпѣнія, поѣхалъ впередъ, чтобы освѣдомиться о причинѣ этой неподвижности; проѣхавъ небольшое разстояніе, онъ увидѣлъ слѣдующее: два баталіона, не будучи въ состояніи обойти какія-то сани, на коихъ кто-то спалъ сномъ невинности, нашлись также вынужденными расположиться на ночлегъ. Молодой и смѣлый полковникъ, пользуясь темнотою ночи, разбудилъ нагайкой спящаго въ саняхъ и поспѣшно возвратился къ своему мѣсту. Все пришло въ движеніе, и мы этимъ двумъ ударамъ нагайки были обязаны тѣмъ, что къ утру войска были уже на полперехода отъ Ландсберга. Въ полночь аррьергардъ прибылъ чрезъ деревни Опенъ, Талбашъ и Кашауэнъ въ Бюргерсвальдъ. Положеніе воюющихъ армій было слѣдующее: главная наша армія въ Фрауендорфѣ; главная французская армія около Аренсдорфа; прусскій корпусъ, пре-

слѣдуемый Неемъ, почти на одной чертѣ съ нашей арміею близъ Вормдита. Бернадотъ, не знавшій ничего о движеніяхъ обѣихъ армій, оставался около Вислы близъ Торуня.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что быстрымъ сосредоточеніемъ нашей арміи при Янковѣ и отступленіемъ ея къ Вольфсдорфу, мы, сохранивъ хотя боковое сообщеніе съ Россіею, не могли уже быть подавленными въ углѣ, образуемомъ Вислою и Фришгафомъ. При всемъ томъ выборъ линіи отступленія къ Кёнигсбергу былъ не совсѣмъ удаченъ, ибо, при малѣйшемъ замедленіи нашемъ, мы снова могли быть атакованы во флангъ всей непріятельской арміей; если бы она ударила на лѣвое крыло наше, мы были бы снова поставлены въ первоначальное положеніе. Еслибъ даже непріятель не успѣлъ насъ атаковать во флангъ, и тогда бы рядомъ ошибокъ, какъ напримѣръ: обнаженіемъ отъ войскъ всей границы нашей отъ Ковно до Гродно, принятіемъ сраженія, имѣя въ тылу Прегель, а на правомъ флангѣ—море и наконецъ разобщеніемъ съ Эссеномъ и Седморацкимъ, мы себя добровольно ставили въ положеніе крайне опасное.

При обозрѣніи театра войны этого времени, мы видимъ, что онъ граничилъ съ сѣвера Балтійскимъ моремъ, съ юга Австрійскою Галиціею [1]) (землею въ то время нейтральною), съ запада Вислою, а съ востока Нѣманомъ, что̀ составляло около трехъ-сотъ верстъ длины. На этомъ тѣсномъ пространствѣ обѣ воюющія арміи должны были избѣгать сосѣдства съ Галиціею и моремъ, ибо, при движеніи своемъ впередъ вдоль одной изъ этихъ естественныхъ преградъ, каждая армія могла быть подавлена другою либо къ морю, либо къ Австрійской Галиціи; потерявъ чрезъ это сообщеніе съ источникомъ своихъ средствъ и запасовъ, одна изъ армій могла быть либо припертою къ морю, либо быть вынужденною нарушить нейтралитетъ могущественнаго государства. Это, вѣроятно, и побу-

[1]) Часть Австрійской Галиціи того времени, лежащая на лѣвомъ берегу Вислы и прилегавшая къ театру военныхъ дѣйствій, шла отъ Мнишева вдоль праваго берега Вислы почти до Праги; тамъ она склонялась вправо къ Сироцку, продолжая итти вдоль лѣваго берега Буга мимо Брока, Бреста и далѣе до Хотина.

дило генерала Беннингсена оставить Пултускъ и перенести дѣйствіе въ Старую Пруссію; малѣйшее замедленіе въ этомъ случаѣ могло быть гибельнымъ для нашей арміи, ибо главныя силы французовъ находились не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову; чрезвычайная ростополь того времени, не дозволивъ Наполеону достигнуть своей цѣли, облегчала намъ перемѣщеніе на берега Алле; но при этомъ мы не должны были переступать за эту рѣку, ибо, продолжая двигаться къ Вислѣ по сѣверной части Старой Пруссіи, мы могли снова подвергнуться такой же опасности, какъ и въ Пултускѣ [1]), а потому, въ случаѣ наступательнаго дѣйствія со стороны Беннингсена все понуждало его обратиться къ первоначальной мысли фельдмаршала Каменскаго: избравъ среднюю линію и пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ между источниками Омулева и Пассарги, стараться разрѣзать на двое непріятеля, растянутаго отъ Буга до Эльбинга. Въ случаѣ оборонительной съ его стороны войны, перенеся основаніе свое не на берега Прегеля, а на линію, лежащую отъ Цѣхановца до Гродно, расположиться за Наревой въ окрестностяхъ Остроленки — между непроходимыми болотами Пулви-Брухъ и Бьела-Брухъ. Первое изъ сихъ направленій требовало неутомимой дѣятельности и рѣшительности, качествъ, коими отличаются лишь великіе полководцы; а второе, болѣе доступное посредственности, возбудило бы не малое удивленіе и всеобщее негодованіе, ибо полководецъ, его избравшій, уступая безъ малѣйшаго сопротивленія остальную часть Пруссіи, открывалъ пути къ Вильнѣ и далѣе. Такъ какъ судьба Пруссіи была уже рѣшена при Іенѣ, то неужели, для спасенія остатка прусскихъ войскъ, мы должны были подвергать опасности собственныя свои границы? Извѣстно, что лучшій способъ защищать страну противъ непріятеля состоитъ не въ параллельномъ, а перпендикулярномъ или косвенномъ положеніи арміи относительно протяженія страны, если только глубина пути сообщенія этой арміи допускаетъ подобное положеніе.

---

[1]) А именно движеніемъ Наполеона отъ Вилленберга на Пассенгеймъ и Алленштейнъ во время слѣдованія нашей арміи къ Грауденцу.

И потому я полагаю, что отступленіемъ нашимъ за Нарову всѣ покушенія непріятеля, простирающіяся за черту отъ Брокъ до Эльбинга, были бы неудачны, ибо можно было легко угрожать ему фланговымъ движеніемъ; впрочемъ, для отраженія поисковъ къ Тильзиту и Вильнѣ можно было составить вспомогательный корпусъ; замѣтимъ однако, что главныя силы должны были занимать мѣсто вспомогательнаго корпуса Эссена, а вспомогательный корпусъ—мѣсто, занимаемое главною арміею. Дабы привести сіе въ дѣйствіе, я полагаю, что, при быстромъ движеніи всей нашей арміи изъ Вольфсдорфа къ Гутштадту и расположеніи за Алле въ Зебургѣ, подъ прикрытіемъ наблюдательныхъ отрядовъ, оставленныхъ въ Гейльсбергѣ, Алленштейнѣ и Гутштадтѣ, мы принудили бы Наполеона остановиться и даже зимовать за Пассаргою. Но мы этимъ не могли удовольствоваться; намъ надлежало, оставивъ противъ него означенные наблюдательные отряды (изъ коихъ составился бы вышеупомянутый вспомогательный корпусъ), обратиться на корпусъ Ланна, расположенный у Остроленки и вмѣстѣ съ дивизіею Седморацкаго и корпусомъ Эссена, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, уничтожить его. Тогда уже надлежало двинуться противъ Наполеона и атаковать его съ надеждой на успѣхъ. Но обратимся къ движеніямъ обѣихъ воюющихъ армій.

25-го два полка пѣхоты и пять эскадроновъ кавалеріи были отряжены изъ Фрауендорфа къ Гейльсбергу. Армія отступила къ Ландсбергу двумя колоннами: 1-я слѣдовала большой дорогою, а 2-я Сакена—на Сперваргенъ и Петерсгагенъ.

Арьергардъ генерала Барклая, выдержавшій сильный непріятельскій натискъ, прикрывалъ движеніе 1-й колонны, а арьергардъ князя Багратіона, также преслѣдуемый непріятелемъ, шелъ чрезъ Клаузитенъ, Плауенъ и Паппертенъ.

Подходя къ Паппертену, мы услышали за горою сильную перестрѣлку и канонаду; поднявшись на гору, мы увидѣли отступающій арьергардъ Барклая, атакованный сильными непріятельскими колоннами. Главнокомандующій приказалъ намъ расположиться на правомъ крылѣ арміи около Ватерлака и Паустерна, и послалъ въ помощь Барклаю нѣ-

сколько полковъ пѣхоты и кавалеріи; но уже было поздно, потому что непріятель сильно тѣснилъ Барклая прежде прохода его чрезъ Гофское дефиле. Въ это время два гусарскіе полка (Ольвіопольскій и Изюмскій), двинувшись сами собою впередъ, оставили позади Костромской пѣхотный полкъ, а вправо въ лѣсу 1-й егерскій. Гусары были опрокинуты французскими кирасирами, которые, перемѣшавшись съ ними, ворвались въ нашу пѣхоту. Костромской полкъ почти весь легъ на мѣстѣ, потерявъ знамена и орудія; 1-й егерскій полкъ, будучи отрѣзанъ, пострадалъ не менѣе его; но остатки его, пользуясь лѣсистой и пересѣченной мѣстностью, успѣли ночью собраться. Весь арьергардъ Барклая былъ чрезвычайно разстроенъ, но, не взирая на то, онъ при наступленіи ночи выставилъ всѣ свои пикеты, хотя почти не имѣлъ патроновъ. Онъ ночевалъ на ближайшемъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятеля. Огни непріятельскихъ биваковъ запылали на высотахъ Гофа, и все погрузилось въ сонъ.

Такъ какъ на другой день надлежало князю Багратіону смѣнить Барклая, то главнокомандующій позвалъ его съ себѣ и, снабдивъ его наставленіями касательно отступленія, сказалъ ему: „Я сейчасъ велѣлъ арміи подыматься; по всѣмъ моимъ разсчетамъ, въ два часа по полуночи она должна вся вытянуться и даже быть въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда; если въ три часа по полуночи останется еще здѣсь какая-нибудь дивизія, то пусть она прикрываетъ отступленіе, и вы съ арьергардомъ слѣдуйте за арміею; мнѣ уже надоѣли опаздываніе и медленность въ движеніи!“ Во время ночи арьергардъ нашъ былъ переведенъ съ праваго фланга на большую дорогу и поставленъ по обѣимъ ея сторонамъ, дабы не мѣшать арміи слѣдовать къ Прейсишъ-Эйлау.

Квартира князя Багратіона была въ Ландсбергѣ на большой улицѣ, по коей проходили войска, близъ въѣзда, обращеннаго къ сторонѣ непріятеля. Князь [1]) хладнокровно диктовалъ

[1]) При князѣ Багратіонѣ состоялъ одно время оберъ-аудиторъ Маевскій, который отличался замѣчательнымъ умомъ и невѣроятнымъ мужествомъ; онъ состоялъ впослѣдствіи при князѣ Кутузовѣ, и достигъ генералъ-лейтенантскаго чина.

оберъ-квартирмейстеру полковнику Эйхену 2-му приказъ по арьергарду; мы всѣ лежали на полу, и хотя ни одинъ изъ насъ не смыкалъ глазъ въ теченіе четырехъ дней, но я не видалъ ни одного спящаго. Причина нашей безсонницы и тревожнаго состоянія нашего духа заключалась въ томъ, что намъ было извѣстно, что вся непріятельская армія прибыла уже на высоты Гофа, такъ что главныя ея массы находились лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ цѣпи нашего слабаго арьергарда, предоставленнаго собственнымъ средствамъ арміею, поспѣшно отступающею къ Прейсишъ-Эйлау. Къ тому же непріятель, овладѣвъ уже дорогою отъ Гейльсберга къ Прейсишъ-Эйлау, могъ либо предупредить насъ въ этомъ городѣ, либо отрѣзать насъ отъ него. Ночью нѣсколько дивизіонныхъ генераловъ, какъ-то: графъ Остерманъ и князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ заѣзжали къБагратіону и соболѣзновали объ его участи; но князь казался не только не смущеннымъ, но онъ шутилъ болѣе обыкновеннаго, что̀ всегда дѣлывалъ въ минуты величайшей опасности. Въ пятомъ часу онъ послалъ меня узнать, какая проходитъ дивизія? Вскорѣ онъ былъ извѣщенъ о порядкѣ марша и о томъ, что еще остается выжидать прохожденія двухъ дивизій, ибо дивизія Тучкова, тщетно старавшаяся пробраться прямымъ путемъ, должна была вернуться на большую дорогу, а потому нашъ арьергардъ сталъ выдвигаться по дорогѣ къ Прейсишъ-Эйлау лишь въ осьмомъ часу; графъ Ламбертъ прикрывалъ его отступленіе. Мы видѣли, что густыя непріятельскія колонны стали спускаться съ высотъ Гофа; дѣло завязалось, и вскорѣ весь почти арьергардъ вступилъ въ бой. Мы подошли къ открытой полянѣ, а потому стали нуждаться въ кавалеріи; князь послалъ за нею въ главную квартиру Офросимова и меня. Я нашелъ штабныхъ за завтракомъ, а графъ Толстой, глотая котлету, кричалъ Офросимову: „Да что̀ надобно князю? Онъ хочетъ вытребовать всю армію въ арьергардъ; если онъ съ тѣмъ, что имѣетъ, не можетъ удерживать непріятеля, то что̀ это за генералъ?"

Я нашелся вынужденнымъ прямо обратиться къ Беннигсену, и онъ приказалъ мнѣ взять съ собой первые два кон-

ные полка, которые я встрѣчу; жребій палъ, кажется, на полки С.-Петербургскій драгунскій и Литовскій уланскій, которые прибыли къ арьергарду уже при Грингофшенской мызѣ. Между тѣмъ непріятель напиралъ сильнѣе и сильнѣе на арьергардъ, который, не выказывая ни малѣйшей торопливости, отступалъ въ величайшемъ порядкѣ. Онъ былъ усиленъ нѣсколькими полками 8-й дивизіи; такъ какъ армія еще не вся расположилась на избранной для нея позиціи, то надлежало удержать непріятеля еще нѣкоторое время. Князь, стоя на большой дорогѣ и осыпаемый ядрами и картечью, отдавалъ приказанія съ величественнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ воюющія стороны столкнулись; С.-Петербургскіе драгуны, ударивъ на 18-й линейный непріятельскій полкъ, слѣдовавшій отъ Грингофшена между озеромъ и высотою означенной мызы, разсѣяли его и взяли одного орла; Ермоловъ съ конно-артиллерійскою ротою своей, находясь въ переднихъ рядахъ, отражалъ картечью атаковавшія его непріятельскія колонны. Хотя Псковскій и Софійскій пѣхотные полки лишились весьма многихъ людей, но они сохранили порядокъ какъ на ученьѣ. Словомъ, казалось, всѣ полки, составлявшіе арьергардъ, одушевляемые примѣромъ безстрашнаго князя Багратіона, состязались одинъ передъ другимъ въ рвеніи и мужествѣ; но, не взирая на это, нашъ арьергардъ былъ оттѣсненъ къ городу превосходными непріятельскими силами, и огонь усилился. Около этого времени Барклай былъ жестоко раненъ; наши, будучи вынуждены продолжать свое отступленіе къ сторонѣ позиціи, избранной арміею, увидѣли главнокомандующаго въ жесточайшемъ огнѣ. Онъ приказалъ князю Багратіону снова овладѣть во что бы то ни стало городомъ, причемъ подкрѣпилъ его 4-ю пѣхотною дивизіею. Князь, сошедшій съ лошади, сталъ въ главѣ колоннъ; онъ съ свойственнымъ ему величественнымъ хладнокровіемъ направился пѣшкомъ къ городу. Войска послѣдовали за нимъ спокойно и безъ шума, но при вступленіи въ улицы, они, съ криками „ура!“ ударили въ штыки и снова заняли городъ. Ночь прекратила битву и городъ остался за нами. Князь, оставивъ въ Прейсишъ-Эйлау 4-ю дивизію, находи-

вшуюся тогда подъ командою генералъ-маіора Сомова, и давъ ему наставленія, распустилъ арьергардъ, на основаніи данной ему диспозиціи; не имѣя уже команды, онъ поѣхалъ въ главную квартиру, занимавшую тогда мызу Аукланенъ. Чтобы добраться до границы, занимаемой главнокомандующимъ, нужно было проходить чрезъ рядъ большихъ комнатъ, заваленныхъ ранеными и умирающими; стонъ и вопли страдальцевъ, не имѣвшихъ здѣсь покоя, производили тягостное впечатлѣніе на непрестанно входившихъ и выходившихъ адъютантовъ и ординарцевъ, изъ коихъ нѣкоторые шагали чрезъ нихъ безъ малѣйшей осторожности. При входѣ же въ горницу главнокомандующаго налѣво была видна кровать, на которой лежалъ Барклай; (я взглянулъ на сего почтеннаго и знаменитаго впослѣдствіи полководца, у котораго глаза были закрыты; я не замѣтилъ однако на блѣдномъ лицѣ его ни малѣйшаго признака страданія); среди комнаты стояло большое кресло, занятое главнокомандующимъ, около котораго сидѣли: генералъ Кноррингъ, Платовъ, недавно пріѣхавшій съ Дона, и многіе другіе генералы. Предъ ними стоялъ большой столъ съ тарелками, и горница была наполнена множествомъ генераловъ и адъютантовъ. Когда старшіе генералы занялись очищеніемъ легкаго ужина, поставленнаго предъ ними, мы же съ горя, не имѣя никакой закуски, легли на полъ; каждый изъ насъ положилъ свою голову на ляшку товарища и готовился отдохнуть. Вдругъ входитъ въ горницу офицеръ, сколько помню, въ драгунскомъ мундирѣ, и доноситъ главнокомандующему, что генералъ Сомовъ приказалъ увѣдомить его высокопревосходительство о подошедшей къ воротамъ города непріятельской колоннѣ, которая хочетъ сдаваться; генералъ Сомовъ приказалъ ему потому узнать, какъ надлежитъ поступить съ нею. Это важное извѣстіе всѣхъ подняло на ноги, но каждый мыслилъ по-своему; иные видѣли въ этомъ лишь военную хитрость, другіе, какъ графъ Толстой съ своими друзьями, ни мало тому не удивлялись, говоря, что французамъ надоѣло уже служить артиллерійскому поручику; большая же часть изъ насъ, по обыкновенію своему, ничего не думала. Главно-

командующій приказалъ принять колонну не иначе, какъ предварительно обезоруженную у воротъ города. Еще толки о томъ не умолкли, какъ вдругъ торопливо вбѣжалъ Ставицкій (тогда полковникъ и флигель-адъютантъ, а нынѣ сенаторъ) съ донесеніемъ, что онъ, предполагая городъ занятымъ нами, спокойно ѣхалъ къ Сомову съ квартирмейстерскимъ полковникомъ Вистицкимъ. За нѣсколько шаговъ до города, они, къ крайнему ихъ удивленію, были окликаны французскими пикетами, которые, выстрѣливъ, ранили Вистицкаго, и они лишь тогда убѣдились, что городъ уже во власти непріятеля [1]); это извѣстіе привело всѣхъ въ страшное отчаяніе: начались новыя предположенія, предсказанія одно другаго мрачнѣе, но вскорѣ былъ привезенъ раненый Вистицкій.

Тогда главнокомандующій послалъ къ городу генерала Чаплица и подполковника графа Орурка, поручивъ имъ узнать обстоятельнѣе объ этомъ непонятномъ для всѣхъ дѣлѣ. Чрезъ нѣкоторое время они оба возвратились и подтвердили донесеніе Ставицкаго, прибавивъ, что они искали генерала Сомова, но не могли его найти, и что, по причинѣ глубокой ночи, никто не знаетъ, гдѣ онъ [2]). Вскорѣ всѣ удостовѣрились въ занятіи города, находившагося лишь въ 700 шагахъ отъ нашей боевой линіи, которой онъ служилъ доселѣ военнымъ прикрытіемъ; наша армія, не имѣя уже предъ собою сильно занятаго пункта, могла легко подвергнуться внезапному ночному нападенію. Беннингсенъ, поручивъ Багратіону приведеніе въ порядокъ этой части арміи, приказалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ основательно развѣдать о причинахъ донесенія Сомова и внезапнаго занятія города непріятелемъ. Князь, подъ-

---

[1]) Такъ какъ войска Сомова разбрелись по городу, этотъ генералъ велѣлъ ударить сборъ въ сторонѣ противоположной непріятелю; по мѣрѣ того, какъ эта часть города очищалась, городъ стали занимать французы, которые укрѣпились въ немъ.

[2]) Такъ какъ французскимъ офицерамъ удалось уже снять планъ нашей позиціи, то Беннингсенъ, не взирая на глубокій снѣгъ, покрывавшій поля, приказалъ войскамъ избрать въ теченіе ночи другую позицію, что̀ вынудило на другой день Наполеона измѣнить въ свою очередь направленіе своихъ колоннъ. Это обстоятельство было причиною того, что сраженіе началось гораздо позднѣе, чѣмъ предполагали.

ѣхавъ къ бивакамъ арміи, разослалъ адъютантовъ своихъ разыскивать Сомова; я нечаянно наѣхалъ на Тульскій пѣхотный полкъ, коего шефомъ былъ Сомовъ, и узналъ, что этотъ генералъ спитъ посреди полка. Князь, подъѣхавъ къ полку, велѣлъ разбудить генерала, и спросилъ его: „Присылалъ ли онъ офицера съ донесеніемъ о томъ, что одна французская колонна, подошедшая къ воротамъ города, имѣла намѣреніе сдаться?“ Сомовъ отвѣчалъ, что никакая колонна непріятельская не изъявляла желанія сдаваться. Тогда князь спросилъ его: „Какъ онъ смѣлъ оставить городъ безъ дозволенія главнокомандующаго и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла?“ На сіе Сомовъ представилъ ему отговорки, „что французскія колонны обходили его фланги; что непріятель былъ сильнѣе“, и прочее. Тутъ князь, сдѣлавъ ему ужасный выговоръ, велѣлъ подняться 4-й дивизіи и занять мѣсто предъ боевою линіей у самаго входа въ городъ. Непріятельскіе пикеты, услыхавъ шумъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но вскорѣ все умолкло. Князь возвратился въ главную квартиру, и, отдавъ отчетъ Беннигсену, легъ съ нами отдыхать въ сараѣ. На разсвѣтѣ мы поѣхали къ арміи, которая становилась въ ружье; правымъ ея флангомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, срединою—генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ, резервомъ—генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, кавалеріею—князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ; такъ какъ князю Багратіону, какъ младшему, не было уже мѣста, то онъ поступилъ подъ команду Дохтурова (!!!!). Линія наша, примыкая правымъ флангомъ къ Шлодитену и направляясь косвенно къ городу, образовала уголъ; она упиралась лѣвымъ флангомъ къ Клейнъ-Саусгартену.

Деревня Серпаленъ, находившаяся впереди Клейнъ-Саусгартена, была занята слабымъ отрядомъ генерала Баговута; резервы, построенные въ двѣ колонны, были расположены вправо и влѣво отъ мызы Ауклапенъ, а кавалерія, разставленная вдоль всей линіи малыми отрядами, не представляла нигдѣ достаточной силы либо для удержанія стремленія непріятеля, либо для нанесенія рѣшительнаго удара. Независимо

отъ легкой артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи, 1-я баттарея, изъ 40 орудій баттарейныхъ и 20 легкихъ, была заложено у Шлодитена; 2-я изъ 70 баттарейныхъ въ 700 шагахъ предъ Ауклапеномъ, а 3-я изъ 40 баттарейныхъ, между этой баттареею и Клейнъ-Саусгартеномъ. Прусскій корпусъ, преслѣдуемый Неемъ, былъ еще далеко и направлялся къ Альтдорфу, то-есть, къ правому флангу нашей линіи. Въ ночь съ 26-го на 27-е января французская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: за городомъ по Ландсбергской дорогѣ кавалерійская дивизія Груши и Клейна; ближе къ Антъ-Эйлау гвардейская кавалерія; за Амтомъ дивизія Гопульта, имѣя впереди себя легкія бригады: Брюера, Гюо и Кольберта, коихъ флангъ былъ прикрываемъ легкою бригадою Дюронеля, у Альтдорфа расположеннаго; за Гопультомъ пѣхотный корпусъ маршала Ожерô. Городъ былъ занятъ частью корпуса маршала Сульта, расположеннаго на кладбищѣ за городомъ; къ Сульту примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера, а у Зетцена стояла кавалерійская дивизія Мильго; Наполеонъ съ гвардіею—на бивакахъ у мызы Грингофшенъ; корпусъ Даву на походѣ по дорогѣ, идущей отъ Биртенштейна къ Прейсишъ-Эйлау, верстахъ въ двадцати отъ поля сраженія.

По всему видно, что Наполеонъ, привыкшій къ ночнымъ отступленіямъ нашей арміи, не ожидалъ генеральнаго сраженія при Прейсишъ-Эйлау; онъ думалъ дать его передъ Кёнигсбергомъ, или полагалъ, что цѣль нашего отступленія состояла лишь въ занятіи зимнихъ квартиръ за Прегелемъ. Основываясь на этомъ и желая избѣжать затрудненія во время слѣдованія своего за нами по узкой и неудобной дорогѣ, онъ отдѣлилъ отъ себя корпуса Нея и Даву на довольно значительное разстояніе; еслибъ Беннингсенъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе со всѣми своими силами, простиравшимися до 80000 человѣкъ, едва ли бы Наполеонъ, до прибытія своихъ корпусовъ Нея, Даву, Бернадота, избѣжалъ пораженія. Времени было много. Сраженіе, начатое въ полдень 26-го, продолжалось до полудня 27-го числа съ тою же несоразмѣрностью въ силахъ, ибо Даву лишь въ полдень 27-го прибылъ на

лѣвый флангъ нашъ, а Ней подошелъ къ правому нашему флангу ночью и то съ малою частью своего корпуса. Мы могли нанести сильный ударъ французской арміи, а въ случаѣ неудачи—отступить, подобно тому какъ отступили послѣ этого сраженія.

Наполеонъ, увидя по утру вмѣсто аррьергарда всю нашу армію, готовую принять бой, послалъ повелѣніе къ Даву и Нею спѣшить къ Прейсишъ-Эйлау; онъ самъ рѣшился предупредить Беннигсена, направивъ Сульта къ переднимъ домамъ города; Ожеро, примкнувъ къ правому его флангу и выставивъ 150 баттарейныхъ орудій на высотахъ, простирающихся отъ города до Ротенена, открылъ жестокій противъ насъ огонь. Дивизія Сентъ-Илера, имѣя въ резервѣ двѣ кавалерійскія дивизіи Клейна и Мильго, стала на правомъ флангѣ Ожеро. Легкія дивизіи Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались около Антъ-Эйлау; дивизіи же Гопульта и Груши примкнули къ правому флангу гвардіи, пришедшей къ кладбищу, гдѣ во весь день находился самъ Наполеонъ. Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ развертыванія французской арміи; вскорѣ она, сдѣлавшись общею, усилилась и въ окрестностяхъ города. Густой снѣгъ скрывалъ движеніе непріятеля; корпусъ Ожеро незамѣтно подошелъ къ центральной баттареѣ нашей, скрытой и еще доселѣ безмолвствовавшей. Едва усмотрѣли мы его колонны, какъ огонь съ семидесяти орудейной баттареи осыпалъ картечью стѣсненные ряды атакующихъ. Остановленныя въ своемъ стремленіи, непріятельскія колонны были приняты нашими въ штыки; пѣхотные полки Московскій гренадерскій и Шлиссельбургскій, имѣя позади себя резервы арміи, опрокинули, разсѣяли непріятеля, который, потерявъ нѣсколько знаменъ и орудій, оставилъ поле сраженія и отступилъ въ безпорядкѣ къ главной своей баттареѣ [1]). Эта минута была столь

[1]) Корпусъ сей былъ совершенно разстроенъ; въ доказательство этого служитъ слѣдующее: 4-й линейный полкъ лишился всѣхъ своихъ офицеровъ, а въ 24-мъ осталось въ живыхъ только пять человѣкъ. Самъ маршалъ Ожеро былъ раненъ и всѣ генералы убиты. Впослѣдствіи остатокъ этого корпуса поступилъ на укомплектованіе другихъ корпусовъ, менѣе его пострадавшихъ.

рѣшительна для обѣихъ армій, что Наполеонъ, коего проницательность и энергія возвышались по мѣрѣ увеличенія опасности, приказалъ всему кавалерійскому резерву ударить на подвигавшуюся впередъ нашу линію. Мы между тѣмъ преслѣдовали французовъ столь яростно и стремительно, что одинъ баталіонъ нашъ достигъ даже кладбища, гдѣ находился самъ Наполеонъ, едва не попавшійся здѣсь въ плѣнъ. Но непріятельская кавалерія успѣла разстроить наши переднія войска; наскакавъ въ свою очередь на колонны резерва, она, будучи встрѣчена сильнымъ огнемъ, обратилась въ бѣгство. Нѣсколько нашихъ эскадроновъ преслѣдовали ее даже почти до Ротенена. Еслибъ генералъ Беннингсенъ имѣлъ въ срединѣ арміи громады кавалеріи, построенныя въ дивизіонныя колонны, и направилъ бы ихъ вслѣдъ за нашими эскадронами, преслѣдовавшими непріятеля; еслибъ онъ поддержалъ эту кавалерію пѣхотными резервами, которые могли бы достигнуть Ротенена; еслибъ онъ велѣлъ лѣвому флангу арміи слѣдовать дивизіонными колоннами къ Серпалену, что̀ составило бы резервъ для вступившаго уже въ бой резерва: тогда бы эта кровопролитная драма разыгралась бы въ нашу пользу еще до прибытія войскъ Даву, и мы не имѣли бы нужды увѣрять свѣтъ, что отступаемъ лишь вслѣдствіе побѣды, дабы запастись необходимыми зарядами. Ничего не было сдѣлано! Когда корпусъ Даву около перваго часа по полудни сталъ показываться на Бартенштейнской дорогѣ, тогда побѣда уже видимо ускользнула изъ рукъ нашихъ, и непріятель значительно ободрился. Но вскорѣ Даву, подкрѣпленный пѣхотной дивизіею Сентъ-Илера и конною Мильго, занялъ Серпаленъ; устроивъ на высотахъ этой деревни баттарею изъ сорока орудій, онъ продолжалъ тѣснить лѣвый флангъ нашей арміи. Въ то время остатки корпуса Ожеро̀, вся кавалерія и часть корпуса Сульта косвенно потянулись вправо для поддержанія атаки Даву, который быстро подвигался въ тылъ нашей линіи. Вскорѣ дивизія Сентъ-Илера расположилась въ Auклапенѣ, и самое селеніе Кушитенъ было занято пѣхотою Даву; огонь усиливался ежеминутно и поле отъ Кушитена до Шмодитена было покрыто разсѣян-

ными нашими войсками, въ которыхъ безпорядокъ сталъ замѣтно усиливаться. Въ эту грозную для насъ минуту, князь Багратіонъ, вынужденный обстоятельствами принять главное начальство надъ этимъ крыломъ, выстроилъ войска предъ деревней Ауклапеномъ, лицемъ обращеннымъ къ Даву.

Около этого времени конныя роты полковника Ермолова и Богданова находились на правомъ флангѣ арміи, предъ которымъ простиралось обширное, ровное поле, на коемъ, повидимому, могла съ успѣхомъ дѣйствовать многочисленная кавалерія; но непріятель, знавшій, что оно было весьма болотисто, избѣгалъ его. Наступленіе корпуса Даву, сильно встревожившее всѣхъ, заставило графа П. А. Толстаго [1]) приказать двумъ этимъ коннымъ ротамъ подъ командою Ермолова спѣшить на лѣвый флангъ. Прибывъ туда, Ермоловъ, снявшись съ передковъ, и оставивъ при себѣ самое необходимое количество зарядовъ, отправилъ всѣхъ лошадей, равно какъ и передки назадъ. Графъ Кутайсовъ, прибывъ позднѣе сюда съ 1-й конной ротой, сдѣлалъ тоже самое. Беннингсенъ,

---

[1]) Я не безъ намѣренія подробно описалъ этотъ подвигъ нашей конной артиллеріи, прибывшей на помощь нашего лѣваго фланга. Мое повѣствованіе, основанное на словахъ и свидѣтельствѣ многихъ артиллеристовъ, князя Багратіона, графа Толстаго, Богданова, наконецъ самого Беннингсена, явно противорѣчитъ вымышленнымъ разсказамъ слишкомъ усердныхъ почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большія надежды и о слишкомъ рановременной кончинѣ котораго справедливо сожалѣла вся наша армія, ни Ермолову не принадлежитъ мысль подкрѣпить тридцать-шестью конными орудіями нашъ лѣвый флангъ, который не выдерживалъ уже натисковъ Даву; будучи отправленъ княземъ Багратіономъ къ ротамъ Ермолова и Богданова вскорѣ послѣ присылки ихъ къ нашему лѣвому флангу, я не нашелъ здѣсь графа Кутайсова, о скоромъ прибытіи котораго съ одною ротою никто еще здѣсь ничего не зналъ. Прибывъ сюда позднѣе и приказавъ приведенной имъ ротѣ поступить такъ же, какъ уже сдѣлали роты Ермолова и Богданова, графъ Кутайсовъ не дозволилъ бы себѣ, безъ сомнѣнія, того, что дозволяютъ себѣ его почитатели, а именно — приписать себѣ главную честь быстраго появленія конной артиллеріи къ угрожаемому пункту. Мнѣ положительно извѣстно, что князь Багратіонъ, которому никто, безъ сомнѣнія, не дерзнетъ отказать въ безпристрастіи при оцѣнкѣ заслугъ своихъ подчиненныхъ, почелъ личнымъ для себя оскорбленіемъ то обстоятельство, что Ермоловъ, имѣвшій, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ равныя права съ графомъ Кутайсовымъ на знаки св. Георгія 3-го класса, не получилъ ихъ; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу.

возвращаясь изъ корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки безъ орудій, вообразилъ въ первую минуту, что они сдѣлались добычей непріятеля. Противъ нашихъ орудій находилось возвышеніе, вооруженное непріятельскими орудіями весьма большаго калибра, вѣроятно, захваченными въ прусскихъ крѣпостяхъ. Послѣ каждаго выстрѣла, наши артиллеристы, по приказанію Ермолова, пользуясь дымомъ, скрывавшимъ ихъ на время отъ непріятеля, подвигали впередъ на рукахъ по глубокому снѣгу свои орудія, по направленію къ возвышенію. Деревня Ауклапенъ, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена непріятелемъ. Когда корпусъ Лестока сталъ приближаться, всѣ непріятельскіе выстрѣлы обратились противъ него; французскія войска, покушавшіяся двинуться между возвышеніями и нашими ротами, противъ Лестока, выстрѣлами изъ нашихъ тридцати-шести конныхъ орудій, потерпѣли жестокій уронъ. Могилевскій и Выборгскій полки, входившіе въ составъ корпуса Лестока, перебѣжали рысью по снѣгу большое пространство, чтобы стать въ главѣ этого корпуса. Хотя графъ П. П. Паленъ и говорилъ, что Ермоловъ вполнѣ заслужилъ св. Георгія 3-го класса, и Беннигсенъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ, но этотъ орденъ былъ лишь пожалованъ мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Рѣзваго, а Ермоловъ получилъ Владиміра 3-го класса. Такъ какъ генералъ Рѣзвый приказалъ составить списки объ отличившихся, то графъ Кутайсовъ потребовалъ ихъ отъ Ермолова. Представляя ихъ, Ермоловъ сказалъ: „Благодарю, ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы“.

Между тѣмъ какъ графъ Остерманъ съ свойственной ему неустрашимостью, графъ Паленъ съ геройскимъ хладнокровіемъ отражали на лѣвомъ флангѣ нападеніе непріятеля, сраженіе казалось не только проиграннымъ, но всей нашей арміи угрожала совершенная гибель, ибо единственный путь, по которому намъ надлежало отступать, могъ быть занятъ непріятелемъ. Въ эту рѣшительную минуту, такъ давно ожидаемый прусскій корпусъ Лестока показался у Альтдорфа; отвлекши

большую часть корпуса Нея къ Крейцбургу, онъ вдругъ обратился на Лейсенъ, Гравентіенъ и Альтдорфъ, откуда немедленно двинулся чрезъ Шмодитенъ къ Куштену. Онъ мужественно атаковалъ непріятельскія колонны, которыя были принуждены отступить къ Клейнъ-Саусгартену. Спустя часъ времени, два полка корпуса Нея, шедшіе за прусскимъ корпусомъ со стороны Альтдорфа, овладѣли Шлодитеномъ и принудили нашъ правый флангъ, упиравшійся къ сему селенію, передвинуться къ Шлодитену; будучи однако сами вскорѣ атакованы, они, оставивъ Шлодитенъ, отступили къ Альтдорфу. Наступившая ночь прекратила битву.

Многіе упрекаютъ генерала Беннингсена въ томъ, что онъ отступилъ послѣ этого нерѣшительнаго сраженія; но ему трудно было послѣ понесенныхъ потерь вновь сразиться съ непріятелемъ, подкрѣпленнымъ въ теченіе ночи Неемъ, а на другой день Бернадотомъ. Хотя уронъ Даву былъ немаловаженъ, но это не разстроило единства корпуса; сверхъ сего, прибывъ на мѣсто сраженія двадцать-четыре часа послѣ начатія боя, онъ, слѣдовательно, не могъ потерпѣть столько, сколько потерпѣли прочія войска. Пѣшая гвардія, легкія дивизіи Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта, также и корпусъ Сульта (прикрытый каменнымъ строеніемъ города) мало пострадали, и все бремя этой битвы пало на корпусъ Ожеро и резервную кавалерію Мюрата. Напротивъ того, наша армія, не прикрытая никакими укрѣпленіями, сражавшаяся на всѣхъ пунктахъ, ввела въ дѣло всѣ свои резервы, которые понесли такой же уронъ, какъ и боевая линія, ибо находилась въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи. У насъ оставался одинъ десяти-тысячный прусскій корпусъ, но и онъ былъ полонъ, ибо одна бригада его, отдѣлившись къ Крейцбургу, соединилась съ нами только подъ Кёнигсбергомъ. Наконецъ свидѣтели сего ужаснаго дѣла знаютъ, въ какомъ положеніи была наша армія! они видѣли поспѣшное отступленіе этой густой, разстроенной массы до самыхъ береговъ Прегеля, совершенный недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ и уныніе, овладѣвшее всѣми чинами

14

арміи. Хотя французская армія [1]) ночевала на полѣ сраженія, а самъ Наполеонъ въ тотъ же вечеръ перенесъ свою главную квартиру въ Прейсишъ-Эйлау, но все то, что было впослѣдствіи писано объ отступленіи французовъ, не успѣвшихъ даже похоронить своихъ убитыхъ, вполнѣ справедливо. Однако, если слѣдовать слову великаго человѣка: „упрямѣйшій побѣждаетъ", то можно было бы, собравшись у Шлодитена, двинуться на Купитенъ, Лампахъ и на разсвѣтѣ атаковать всѣми силами Даву въ Клейнъ-Саусгартенѣ, но эту крайне смѣлую атаку нужно было привести въ исполненіе со всею рѣшительностью и въ случаѣ неудачи избрать путь отступленія на Домнау къ Велау, а не на Мильгаузенъ къ Кёнигсбергу. По мѣрѣ движенія Даву отъ Клейнъ-Саусгартена къ Прейсишъ-Эйлау и слѣдовательно, по мѣрѣ очищенія путей къ Шипенбейлю и Бартенштейну, надлежало избрать оборонительную линію не на Прегелѣ, а на Алле отъ Бартенштейна до Фридланда. Кто помнитъ мое сужденіе о театрѣ войны этой эпохи, тому не нужно повторять пользу сего движенія.

28-го числа армія, отдохнувъ нѣсколько часовъ въ Мильгаузенѣ, продолжала отступленіе свое къ Кёнигсбергу, близъ котораго остановилась, оставивъ арьергардъ князя Багратіона въ Людвигсвальде: прусскій же корпусъ отошелъ чрезъ Алленбургъ въ Велау. Вся наша армія состояла тогда изъ 46800 человѣкъ и 2500 казаковъ.

На другой день французскіе аванпосты заняли пространство отъ Буркерсдорфа до Мансфельда; армія же осталась на Прейсишъ-Эйлауской равнинѣ до 5-го февраля.

---

[1]) По показанію плѣнныхъ, у французовъ послѣ этого сраженія оставалось лишь по семи зарядовъ на орудіе; это самое подтвердилъ намъ житель города Ландсберга, въ домѣ котораго квартировалъ послѣ сраженія начальникъ французской артиллеріи генералъ Сорбье. Наполеонъ бросилъ на полѣ сраженія шестьдесятъ большихъ прусскихъ пушекъ и много другихъ, кои онъ впослѣдствіи всѣ вывезъ. Если бы Беннингсенъ рѣшился вновь атаковать непріятеля, какъ тò предлагали нѣкоторые генералы, онъ могъ бы захватить слишкомъ 200 пушекъ, но вслѣдствіе совершеннаго недостатка въ сухаряхъ, прибытія свѣжаго корпуса Бернадота и войскъ Нея, онъ не рѣшился возобновить боя, въ которомъ мы уже безъ того потеряли убитыми и ранеными 26000 человѣкъ.

Возникшія распри и тайныя интриги въ главной квартирѣ противъ главнокомандующаго вынудили его просить благороднаго князя Багратіона, какъ не принадлежащаго ни той, ни другой сторонѣ, лично объяснить государю императору все происходившее. Противники генерала Беннингсена были: генералъ Кноррингъ, человѣкъ извѣстный во время Польской войны по своимъ свѣдѣніямъ въ военномъ дѣлѣ; онъ уже устарѣлъ, но поведеніе его въ Вильнѣ и Пулавѣ надолго осталось въ памяти всѣхъ. Этотъ старикъ не былъ лишенъ дарованій, и при начатіи кампаніи его опредѣлили въ качествѣ генералъ-квартирмейстера къ фельдмаршалу графу Каменскому. При назначеніи же главнокомандующимъ Беннингсена, Кноррингъ, не смотря на то, что онъ былъ старѣе его въ чинѣ, остался при арміи и казался не только пріятелемъ, но совѣтникомъ этого генерала; послѣдствія доказали, что поведеніе его было основано на познаніи характера Беннингсена и на надеждѣ послѣ первой неудачи заступить его мѣсто. Онъ думалъ, получивъ за сраженіе награду, лишить Беннингсена званія главнокомандующаго; Кноррингъ, О. и графъ Толстой предложили ему отправить курьеромъ одного изъ своихъ приверженцевъ, Б., которому были вручены депеши для передачи государю императору. Ему было приказано чрезъ нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при дворѣ, и графа Ливена употребить всѣ способы къ оклеветанію главнокомандующаго въ глазахъ государя. Онъ долженъ былъ доложить его величеству о неспособности Беннингсена продолжать командованіе арміею и даже о бѣгствѣ его съ поля сраженія [1]), прибавивъ къ этому, что армія обязана побѣдою (?) Кноррингу, графу Толстому и О. Генералъ Беннингсенъ, узнавъ о семъ гнусномъ поступкѣ по отправленіи уже Б., немедленно послалъ за

[1]) Излишнее добродушіе, неустрашимость и дарованія Беннингсена были всѣмъ извѣстны; если этотъ генералъ ѣздилъ во время сраженія за правый флангъ арміи, то онъ былъ къ тому вынужденъ необходимостью ускорить движеніе пруссаковъ, которые, не взирая на приказанія, переданныя имъ чрезъ многихъ адъютантовъ, подвигались такъ медленно, что врядъ ли, безъ личнаго приказанія Беннингсена, они пришли бы на поле сраженія.

княземъ Багратіономъ, которому поручилъ лично отправиться къ государю для представленія ему въ настоящемъ видѣ коварства Кнорринга и его товарищей, и испрошенія высылки его изъ арміи; князь, вышедъ отъ Беннингсена и взявъ съ собою адъютанта своего Грабовскаго и полковника князя Трубецкаго, сѣлъ въ бричку и поскакалъ въ С.-Петербургъ, куда прибылъ немедленно послѣ Б. Вскорѣ Кноррингъ былъ отозванъ изъ арміи, а прочіе клевреты его получили другія назначенія.

Между тѣмъ хотя въ главной квартирѣ все успокоилось, но духъ арміи ни мало не возвысился. Вспоминая о положеніи арміи въ эту эпоху, нельзя не удивляться долговременному противоборству нашему съ Наполеономъ, приносящему, безъ всякаго сомнѣнія, величайшую честь Беннингсена. Не взирая на немаловажныя его ошибки, неопытность и неспособность многихъ частныхъ начальниковъ, мы еще не потерпѣли до этого времени рѣшительнаго пораженія; къ тому же бóльшая часть начальниковъ была до такой степени озабочена стараніемъ избѣгать сраженія, что, при нападеніи непріятеля на какую либо отдѣльную часть нашей арміи, ближайшія къ ней дивизіи, вмѣсто того, чтобы поддержать ее, быстро отступали въ сторону противоположную. Въ нижнихъ чинахъ убѣжденіе въ неизмѣнномъ отступленіи такъ усилилось, что, при начатіи дѣла, они, мало по малу, выходя изъ фронта, толпою уходили въ ту сторону, куда, по ихъ мнѣнію, не замедлятъ отступать. Уже въ срединѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія толпы бѣглецовъ стали такъ многочисленны, что главнокомандующій былъ принужденъ послать къ Кёнигсбергу отрядъ подъ командою полковника и флигель-адъютанта Жилинскаго съ приказаніемъ, занявъ заставы города, не пропускать въ него никого кромѣ раненыхъ. Къ стыду нашему весьма много лицъ увлеклось этимъ примѣромъ; можно смѣло сказать, что въ это время многіе штабные чиновники прослыли героями потому только, что они, опасаясь быть взятыми въ плѣнъ во время странствованія своего съ бродягами, не покидали рядовъ арміи. До 5-го февраля все было спо-

койно; я не упоминаю о счастливомъ поискѣ Сумскаго гусарскаго полка со стороны Буркерсдорфа до Мильгаузена, приписанномъ Платовымъ казакамъ своимъ, но коего истинными героями были слѣдующіе: Сумскаго гусарскаго полка поручики Генкель и Обозненко. Успѣхъ графа Ламберта противъ Бернадота при Мансфельдѣ былъ значительнѣе, но такъ какъ это было частное дѣло, котораго я не былъ свидѣтелемъ, то оно также не можетъ войти въ эти записки.

Наконецъ мы узнали объ отступленіи французской арміи 8-го февраля; атаманъ Платовъ, занявъ Эйлау, выступилъ 9-го къ Ландсбергу; 10-го Ермоловъ объѣзжалъ со мною Прейсишъ-Эйлауское поле сраженія, которое предстало во всей красотѣ своей, ибо ни одно тѣло не было еще убрано.

12-го генералъ Марковъ, командовавшій регулярными войсками авангарда, и къ которому я присталъ по отбытіи князя Багратіона изъ арміи, занялъ селеніе Ронау. Графъ Паленъ съ отрядомъ, принадлежащимъ авангарду, вступилъ въ Лонау, а генералъ Корфъ (егерскій)—въ Петерсвальдъ. Любопытно знать истинную причину отступленія французской арміи, усиленной свѣжими корпусами Нея и Бернадота; она могла однимъ натискомъ на лѣвый флангъ нашей арміи (кочующей въ великомъ растройствѣ предъ улицами города и обращенной тыломъ къ Прегелю) окончить войну, еще продолжавшуюся цѣлое лѣто. Для совершеннаго успѣха въ этомъ предпріятіи надлежало ей переправиться по льду противъ Вальдау или Тапіау, дабы въ случаѣ отступленія предупредить насъ на пути къ Лабіау и запереть въ уголъ, описанный Прегелемъ и моремъ. Нѣкоторые полагали, что причиною этого былъ недостатокъ въ пищѣ и боевыхъ снарядахъ, также и отдаленіе ея отъ основанія, расположеннаго на Вислѣ; другіе же объясняли его наступательнымъ движеніемъ Эссена къ Омулеву, предпринятомъ 22-го января. На это можно возразить, что область, занятая непріятелемъ, была еще въ то время въ состояніи прокормить французскую армію по крайней мѣрѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; артиллерія, прибывшая съ корпусами Нея и Бернадота, и парки были достаточно снабжены

на нѣсколько сраженій; если Наполеона не смущало значительное отдаленіе его отъ Франціи и сосѣдство съ ненадежной Австріей, то еще менѣе долженъ былъ онъ опасаться за сообщенія свои съ Вислою, угрожаемыя движеніемъ Эссена къ Остроленкѣ. Это движеніе могло бы быть опаснымъ, если бы оно было предпринято генераломъ, могшимъ располагать большими силами, но оно было произведено весьма слабымъ корпусомъ, разбитымъ на пять колоннъ, изъ которыхъ каждая имѣла особое направленіе.

13-го по утру пріѣхалъ къ Маркову офицеръ съ извѣстіемъ, что на разсвѣтѣ французы атаковали Петерсвальдъ, что генералъ Корфъ захваченъ ими въ плѣнъ, и что егеря наши, поступившіе въ команду полковника Вуича [1]), вытѣснены изъ Петерсвальда. Марковъ послалъ адъютанта своего Мандерштерна въ Лонау съ повелѣніемъ графу Палену спѣшить на помощь егерямъ въ Петерсвальдъ; я вскорѣ былъ туда же посланъ съ тѣмъ же порученіемъ; но ни Мандерштернъ, ни я не застали уже въ Лонау графа Палена, ибо этотъ вполнѣ достойный генералъ, едва услыхалъ выстрѣлы со стороны расположенія Корфа, не увлекаясь заразительнымъ примѣромъ своихъ товарищей, самъ по себѣ быстро двинулся въ Петерсвальдъ; подкрѣпивъ егерскій отрядъ болѣе своимъ появленіемъ, чѣмъ количествомъ приведенныхъ войскъ, онъ вытѣснилъ непріятеля.

По окончаніи дѣла и по возвращеніи моемъ въ Ронау, генералъ Марковъ послалъ меня въ главную квартиру съ донесеніемъ объ очищеніи непріятелемъ Петерсвальда. Ночь была туманная, ростополь ужасная, и я едва могъ добраться къ ночи до Ландсберга, куда вечеромъ прибыла главная квартира, которую я засталъ за ужиномъ.

---

[1]) Полковникъ Вуичъ, украшенный знаками св. Георгія 3-го класса, былъ человѣкъ не лишенный ума и одаренный замѣчательною храбростью. Не выполнивъ однажды близъ Кёнигсберга приказаній князя Багратіона, онъ навлекъ тѣмъ на себя справедливый гнѣвъ этого генерала; князь въ пылу негодованія своего, которое еще болѣе усилилось вслѣдствіе нежеланія Вуича сознаться въ своей винѣ, хотѣлъ строго взыскать съ него. Когда Вуичъ увидалъ это, то повинился, послѣ чего отлично добрый князь, не могшій не цѣнить достоинствъ сего штабъ-офицера, смягчился и сказалъ ему: «Давно бы вы такъ сказали».

14-е я пробылъ въ Ландсбергѣ и былъ свидѣтелемъ возвращенія Б. изъ Петербурга. Генералъ Беннингсенъ принялъ его очень ласково, но онъ, явившись въ большомъ смущеніи, подалъ ему собственноручное письмо государя на французскомъ языкѣ. В. былъ наказанъ даннымъ порученіемъ и тѣми благодѣяніями, которыми Беннингсенъ осыпалъ его послѣ этого происшествія.

15-го я отправился обратно въ авангардъ къ Платову и нашелъ его 16-го въ Гутштадтѣ. 17-го князь Четвертинскій, Левашевъ и я ѣздили въ Амтъ-Гутштадтъ, къ князю Щербатову, гдѣ ночевали.

Французская армія отступила на Либштадтъ, Морунгенъ и Остероде къ нижней Вислѣ; оставивъ корпусъ Савари на Омулевѣ, мы должны были, пользуясь разстройствомъ и ошибочнымъ направленіемъ французской арміи къ нижней Вислѣ, поспѣшно занять центральное положеніе между разобщенными ея двумя частями. Намъ надлежало предпринять сосредоточенное движеніе на Гутштадтъ, Алленштейнъ, Гогенштейнъ и далѣе, и угрожать постоянно правому флангу главной французской арміи, стараясь по возможности оттѣснить ее къ Данцигу, занимаемому тогда прусскими войсками. Вмѣсто того, мы, возрадовавшись отступленію французской арміи, такъ убѣдились въ томъ, что она занимаетъ зимнія квартиры за Вислою, что подвинули пруссаковъ съ 5-ю дивизіею между Гейлигенбейлемъ и Мельзакомъ, авангардъ къ Либштадту, главную армію къ Гейльсбергу, другія войска въ Вартенштейнъ, а бо́льшую часть кавалеріи въ Бенернъ.

18-го на разсвѣтѣ Платовъ выступилъ въ Либштадтъ, оставивъ въ Гутштадтѣ 5-й егерскій полкъ и нѣкоторую часть своихъ обозовъ. По выступленіи Платова, маршалъ Ней внезапно воротился изъ Алленштейна въ село Шлитъ, а изъ Шлита двинулся на Гутштадтъ; атаковавъ городъ и овладѣвъ имъ, онъ слѣдовалъ всѣми силами по Гейльсберской дорогѣ на Амтъ-Гутштадтъ и Альткирхенъ.

Оставивъ Щербатова въ Амтъ-Гутштадтѣ, мы поскакали къ городу. Нѣсколько десятковъ казаковъ, скакавшихъ от-

туда съ своими кашами, увѣдомили насъ, что непріятель подвигается въ большихъ силахъ; выскакавъ на высоту, мы сами увидѣли его колонны и полковника Гогеля, отступавшаго съ 5-мъ егерскимъ полкомъ въ превосходномъ порядкѣ. Между тѣмъ Щербатовъ, собравъ отрядъ свой, двинулся на помощь Гогелю. Этотъ отрядъ, не превышавшій и тысячи человѣкъ, состоялъ изъ полковъ Старооскольскаго и Костромскаго пѣхотныхъ и Ольвіопольскаго гусарскаго полка, подъ командою маіора Колышкина. Можно было предвидѣть, что съ такою горстью людей не сдѣлаешь многаго. Однако Щербатовъ выказалъ здѣсь рѣдкую неустрашимость; расположивъ свои войска на высотѣ, и подавъ руку Гогелю, онъ держался на своей позиціи до тѣхъ поръ, пока непріятель, дождавшись главныхъ своихъ войскъ, не двинулъ ихъ рѣшительно и прямо на его линію; наши картечь и пули, перелетая чрезъ головы его, не причиняли ему никакого вреда. Щербатовъ приказалъ отряду вытягиваться на дорогу; но едва вступили мы на нее, какъ непріятель открылъ по насъ жесточайшій огонь: ядра и картечь осыпали толпившуюся по одному протяженію пѣхоту нашу. Къ счастію, нельзя было свернуть съ дороги по причинѣ большой грязи, и потому разстройство наше не было замѣтно непріятелю. Преслѣдованіе продолжалось до Амтъ-Гутштадта, откуда Щербатовъ отступилъ къ Цехерну; непріятель, пройдя Амтъ-Гутштадтскій лѣсъ, остановился на опушкѣ его, оставивъ Цехернъ, Петерсвальдъ и Мавернъ, которые мы заняли егерями. Послѣ этого дѣла, Щербатовъ послалъ меня въ главную квартиру съ донесеніемъ. Тамъ такъ мало ожидали нападенія со стороны непріятеля, что, не доѣзжая до Гейльсберга, я принужденъ былъ воротить князя Д. В. Голицына, ѣхавшаго въ саняхъ съ адъютантомъ своимъ княземъ Павломъ Голицынымъ къ кавалеріи своей, расположенной въ селѣ Бенернѣ, находившемся уже тогда за непріятельской линіей.

Войдя въ квартиру главнокомандующаго, я засталъ его за обѣдомъ, за которымъ сидѣли и недавно прибывшіе: Н. Н. Новосильцевъ и благородный, и почтенный Ф. П. Уваровъ

съ адъютантами своими Чернышевымъ (что нынѣ графъ и военный министръ), Балабинымъ и княземъ Любомирскимъ. Я увидѣлъ по лицамъ, что всѣ ожидали извѣстія о какомъ-нибудь успѣхѣ авангарда; когда я объявилъ, что непріятель въ большихъ силахъ овладѣлъ Гутштадтомъ, и что авангардъ нашъ отступилъ въ Лонау, тогда всѣ встали изъ-за стола и главнокомандующій подошелъ съ Штейнгелемъ и со мною къ картѣ, приказалъ указать на ней направленіе непріятеля, при чемъ удостоилъ меня спросить, что я о томъ думаю. Я отвѣчалъ, „что полагаю для него весьма важнымъ занятіе Гутштадта, что было необходимо для прикрытія Пассарги, за которою онъ намѣренъ расположиться на зимнія квартиры, и что отъ атаки этой я не ожидаю никакого дальнѣйшаго послѣдствія". Но мои мысли были совершенно противоположны мыслямъ всей главной квартиры. Всѣ полагали, что генеральное сраженіе неизбѣжно. Адъютанты поскакали по всѣмъ направленіямъ съ приказаніемъ собраться у Гейльсберга; даже войска изъ Бартенштейна были придвинуты къ арміи. Главнокомандующій, получивъ на другой день извѣстіе о занятіи Брауенберга Бернадотомъ и возобновленіи нападенія на Лонау, еще болѣе убѣдился въ томъ. Надобно было видѣть впечатлѣніе, произведенное этимъ обстоятельствомъ въ главной квартирѣ, чтобы предсказать бѣдствія, постигшія насъ чрезъ три мѣсяца.

19-го авангардъ нашъ, усиленный 15000 человѣкъ, сражался въ Лонаускомъ лѣсу. На 20-е генералъ Сакенъ предпринялъ ночную атаку, которая осталась безъуспѣшною. Каждое войско, особенно русское, сильно порядкомъ и устройствомъ своимъ; какого же устройства можно было ожидать, когда никто другъ друга ночью не видитъ, а отъ стрѣльбы никто другъ друга не могъ разслышать. 20-го, послѣ малой перестрѣлки, непріятель, отступивъ, снова занялъ опушку Амтъ-Гутштадтскаго лѣса; аванпосты наши отступили въ Цехернъ-Петерсвальдъ, Гронау и Мавернъ, а авангардъ расположился въ Лонау. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ изъ С.-Петербурга князь Багратіонъ и принялъ снова начальство надъ авангардомъ, коего составъ замѣчателенъ:

начальникъ авангарда былъ князь Багратіонъ, пѣхотной линіей командовалъ генералъ Марковъ, егерями Баговутъ и Раевскій; полковые командиры пѣхотныхъ полковъ были: 5-го егерскаго Гогель (что нынѣ командиръ 27-й дивизіи), 20-го егерскаго Бистромъ (что нынѣ командиръ гвардейской пѣхоты), 28-го егерскаго Эриксонъ (умеръ генералъ-маіоромъ), 24-го егерскаго Властовъ (бывшій командиръ 6-й дивизіи), 3-го егерскаго Сабанѣевъ (бывшій командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса), Московскаго гренадерскаго Филисовъ (бывшій командиръ 10-й дивизіи), 25-го егерскаго Вуичъ (бывшій командиръ 24-й пѣхотной дивизіи), Лошкаревъ и другіе отличные офицеры; кавалеріею начальствовалъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, артиллеріею полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Въ это время прусскій корпусъ, подкрѣпленный 5-й дивизіею, занялъ Мельзакъ; 6-я дивизія расположилась въ окрестностяхъ Зебурга; Платовъ съ казаками простиралъ набѣги свои отъ Пассенгейма до Билленберга; армія заняла берега рѣки Алле, а главная квартира перешла 2-го марта въ Бартенштейнъ; основаніемъ служилъ все Прегель.

Нѣтъ выраженія достаточно сильнаго, чтобы описать гибельное состояніе нашей арміи! Оправданія въ ея неподвижности заключались въ недостаткѣ провіанта и фуража и въ истощеніи магазиновъ, устроенныхъ вдоль Алле и Прегеля. Но развѣ пребываніе на одномъ мѣстѣ и совершенное изнуреніе области, занятой нашей арміею, могло умножать наши способы? Какъ поставлялись провіантъ и фуражъ въ дивизіи? Какъ наблюдали за этимъ? Начальники дивизіи оспаривали одинъ у другого изрѣдка проявляющіеся транспорты, и потому они до авангарда почти не доходили.

Въ то время какъ въ главной квартирѣ все было въ изобиліи, кавалерійскія лошади наши, прокармливаясь лишь соломой съ домовъ, устилали своими трупами путь отъ авангарда до Бартенштейна; жители, скитавшіеся подобно тѣнямъ, отказывались отъ горсти червонцевъ, предлагаемыхъ сострадательными людьми; они просили хлѣба и падали мертвыми по улицамъ! Я былъ свидѣтелемъ смерти ребенка на изсох-

шей отъ голода груди его матери! Когда ропотъ доходилъ до Беннигсена, и когда онъ намѣревался вооружиться противъ виновныхъ, тогда его увѣряли, что всѣ слухи эти лишь басни; генераловъ, жаловавшихся на бѣдственную участь солдатъ, называли безпокойными; представляемыя пробы хлѣба, овса, сѣна, доставляемыхъ въ дивизіи, скоро успокоивали его. Я самъ видѣлъ у него на окнѣ хлѣбъ, составленный изъ частей гороха, картофеля и ржаной муки, прекрасно испеченной. Показывая его всѣмъ, онъ увѣрялъ и былъ увѣренъ, что армія довольствуется такимъ хлѣбомъ, тогда какъ солдаты бывали не разъ вынуждены отыскивать шомполами зарытое жителями послѣднее ихъ пропитаніе; обезсилѣвшіе же валялись иногда на бивакахъ въ виду непріятеля.

Я обращаюсь къ свидѣтелямъ этой эпохи съ вопросомъ: преувеличено ли это описаніе бѣдствій, испытанныхъ нашими войсками? Пора обратить на эту важную отрасль военнаго хозяйства полное вниманіе; правильное, добросовѣстное и своевременное снабженіе войскъ всѣмъ необходимымъ, поддерживая и возвышая физическую и нравственную силу войскъ, служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ къ одержанію успѣховъ на войнѣ. Главнокомандующій, вполнѣ благонамѣренный и распорядительный, озабоченный пріисканіемъ средствъ для противодѣйствія непріятелю, не въ состояніи въ одно и то же время вникать во всѣ распоряженія провіантскихъ и коммиссаріатскихъ властей и утверждать ихъ своею подписью. Зачѣмъ требовать невозможнаго отъ военачальника, хотя бы онъ обнаруживалъ способности геніальныя и примѣрную добросовѣстность, тѣмъ болѣе, что соединеніе этихъ двухъ неоцѣненныхъ качествъ есть явленіе слишкомъ рѣдкое. Пусть хозяйственныя власти, дѣйствуя самостоятельно, вполнѣ сами отвѣтствуютъ за все ими совершенное; при этомъ надлежитъ подчинить ихъ контролю главнокомандующихъ, которые, усмотрѣвъ безпорядокъ и упущенія въ ихъ частяхъ, имѣли бы возможность тотчасъ удалить ихъ отъ должности съ преданіемъ суду. Такимъ только образомъ репутація многихъ главнокомандующихъ, коею не можетъ не дорожить правительство и армія, могла бы

остаться чистою и незапятнанною. Выгоды подобнаго устройства не замедлили бы обнаружиться для самого правительства и особенно для войска и военачальниковъ, которые не могли бы подвергаться, какъ это часто случается, незаслуженнымъ нареканіямъ и неосновательнымъ обвиненіямъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Беннингсенъ, который отличался замѣчательными умственными способностями, обширными свѣдѣніями и рѣдкимъ безкорыстіемъ. Отвѣтственность за всѣ упущенія и недостатки, кои терпѣли войска въ настоящей кампаніи, должна была пасть лишь на лица, завѣдывавшія хозяйственною частью арміи. Клеймо проклятія горитъ на всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли изъ своекорыстныхъ видовъ печься о благѣ и довольствѣ тысячей храбрыхъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Да будетъ полное презрѣніе ихъ соотечественниковъ наградою имъ за ихъ вполнѣ преступныя и предосудительныя дѣйствія! Да послужитъ неумолимое правосудіе къ изобличенію этихъ злодѣевъ рода человѣческаго, и пусть примѣрная кара предостережетъ людей слабыхъ, не вполнѣ еще безчувственныхъ къ страданіямъ ближняго, но безсильныхъ, чтобы устоять противъ искушеній сего міра!

Пока главная квартира наша предавалась удовольствіямъ на берегахъ Алле, Наполеонъ, расположивъ армію свою въ окрестностяхъ Остероде, обратилъ вниманіе свое на Данцигъ, осадою котораго завѣдывалъ маршалъ Лефебръ, усиленный баварцами, поляками и гренадерами Удино. Около 8-го марта князь Щербатовъ былъ посланъ съ отрядомъ чрезъ Кёнигсбергъ и Пиллау въ Данцигъ для подкрѣпленія тамошняго гарнизона. Въ началѣ апрѣля прибыла въ Шипенбейль и Бартенштейнъ гвардія и его императорское величество.

30-го апрѣля армія наша собралась у Гейльсберга; 1-го мая авангардъ ея, подходя въ боевомъ порядкѣ къ селенію Гронау, бывъ удостоенъ посѣщеніемъ государя императора, возвратился обратно въ Лонау. Безъ сомнѣнія, это сосредоточиваніе силъ имѣло цѣлью освобожденіе Данцига, но неизвѣстно, что было причиною возвращенія авангарда въ Лонау и распущенія арміи по занимаемымъ ею прежде сего квартирамъ. Всѣ эти

приготовленія ограничились отряженіемъ генералъ-маіора графа Каменскаго чрезъ Кёнигсбергъ и Пиллау къ Данцигу и возвращенія главной квартиры къ временно покинутымъ увеселеніямъ.

3-го мая Каменскій, атаковавъ непріятеля со стороны Вейхсельмюнде, былъ отбитъ и отступилъ съ урономъ. Въ семъ дѣлѣ отличился покойный графъ Дебальменъ.

13-го, командовавшій въ Данцигѣ, генералъ Калкрейтъ сдался Лефебру на капитуляцію; Каменскій сѣлъ на суда и 16-го былъ высаженъ у Пиллау, гдѣ оставивъ два пѣхотныхъ полка для защиты Нерунга, отступилъ въ Кёнигсбергъ.

Во время этихъ прискорбныхъ происшествій, въ главной арміи господствовало такое, повидимому, равнодушіе, что, доходившій изъ Данцига грохотъ орудій не былъ въ состояніи вывести ее изъ этого усыпленія. Бартенштейнъ, будучи полонъ министрами, путешественниками, женами генераловъ, генералами и любезными, но безполезными ихъ адъютантами, казался счастливымъ оазисомъ въ этой пустынѣ. Наконецъ, когда взятіе Данцига упрочило обладаніе Вислой за Наполеономъ и сорока-тысячный осадный корпусъ двинулся на усиленіе французской арміи, когда всѣ выгоды были уже на сторонѣ непріятеля, мы лишь тогда вздумали перейти въ наступленіе! Французская армія была расположена вдоль Пассарги; Бернадотъ около Спандена, Сультъ около Ломитена, гвардія и резервная кавалерія около Остероде, а Даву въ Алленштейнѣ, Гогенштейнѣ и Остероде; корпусъ Нея, составляя авангардъ арміи, занималъ Гутштадтъ и Альткирхенъ; онъ состоялъ изъ 12385 человѣкъ.

23-го мая наши расположились слѣдующимъ образомъ: авангардъ князя Багратіона оставался въ Донау и не предпринималъ никакого движенія, дабы не встревожить этимъ корпусъ Нея; 7-я и 8-я дивизіи подъ командою Дохтурова у селенія Нейгофъ, близъ Вормдита; корпусъ князя Горчакова на рѣкѣ Алле, противъ Минстерберга; влѣво отъ него у Бергфрида Платовъ съ казачьими полками и отрядомъ генералъ-маіора Кнорринга; главная армія въ Аренсдорфѣ, резервный корпусъ въ Бенернѣ.

Замѣчательно то̀, что при наступленіи восьмидесяти-тысячной арміи на двѣнадцати-тысячный корпусъ, даны были отдѣльнымъ начальникамъ приказанія въ противоположномъ духѣ! Вотъ напримѣръ: „Прусскому корпусу, подкрѣпленному 5-ою дивизіею, атаковать Бернадота при Спанденѣ, дабы воспретить соединеніе его съ Сультомъ; генералу Дохтурову атаковать находившіеся на сей сторонѣ рѣки Пассарги передовые непріятельскіе посты, и, прогнавъ ихъ за рѣку, занять всѣ переправы небольшими постами, самому же итти по правому берегу сей рѣки и взять позицію между Швентомъ и Ельдитеномъ напротивъ Питененскаго моста, дабы тѣмъ воспрепятствовать Сульту соединиться съ Неемъ (про сію статью нечего говорить). Главной арміи, состоящей изъ кавалеріи, и 3-й, 14-й и 2-й дивизій, направить движеніе свое отъ Аренсдорфа въ деревню Вольфсдорфъ, дабы подкрѣпить оттуда отрядъ Дохтурова и авангардъ Багратіона; и въ то же время угрожать нападеніемъ (за чѣмъ лишь угрожать только, когда можно было уничтожить) корпусу Нея“.

„Авангарду князя Багратіона, оставивъ свой резервъ между Петерсвальдомъ и Цехерномъ, и не нападая на непріятельскія укрѣпленія и засѣки передъ лѣсомъ, итти чрезъ Гронау на Альткирхенъ; выгнавъ оттуда непріятеля, стараться отрѣзать находившихся въ Петерсвальдскомъ лѣсу непріятельскихъ егерей. Резерву же сего авангарда двинуться на подкрѣпленіе главной колонны не прежде очищенія лѣса (излишняя предосторожность). Между тѣмъ авангарду, не задерживаясь занятіемъ Гутштадта, продолжать маршъ свой чрезъ Нейсдорфъ и атаковать непріятельскія войска, находившіяся между Глотау и Кнопеномъ“.

„Генералу Горчакову, переправившись чрезъ Алле, напасть на правый флангъ тѣхъ же самыхъ непріятельскихъ войскъ, оставивъ казачьи полки для наблюденія за непріятелемъ со стороны Стернберга, Стольценгагена и Шенвизе“ (непріятель долженъ былъ опасаться за свои фланги, и потому чортъ его понесетъ къ Гутштадту къ намъ въ руки? Лучше открывать подобныя дороги, чѣмъ прикрывать ихъ!).

„Генералу Платову, выставивъ также форпосты противъ непріятельскихъ, стоявшихъ около Вилленберга и Едвибно, чтобы скрыть движеніе свое отъ Массены, съ командуемымъ имъ летучимъ корпусомъ (corps volant) и отрядомъ Кнорринга перейти Алле между Гутштадтомъ и Алленштейномъ, дабы тѣмъ споспѣшествовать нападенію прочихъ войскъ нашихъ“.

Что касается оставленія форпостовъ противъ Массены — эта мѣра была излишнею; нельзя также не согласиться, что все вышесказанное заключало въ себѣ много безполезнаго; для чего были мы растянуты отъ Вормдита до Алленштейна? Затѣмъ, чтобы окружить двѣнадцати-тысячный корпусъ Нея, занимавшій Гутштадтъ, Альткирхенъ и Глотау?

На другой день, то-есть, 24-го числа, въ три часа по полуночи войска двинулись къ атакѣ; Лестокъ атаковалъ Бернадота при Спанденѣ, гдѣ не произошло ничего важнаго. Дохтуровъ, вытѣснивъ съ великимъ усиліемъ непріятеля изъ Ломитенскаго лѣса, остановился близъ этого селенія. Въ этомъ дѣлѣ отличались гвардейскіе егеря; авангардъ, оставивъ 26-й егерскій полкъ въ Петерсвальдѣ, подошелъ лѣсомъ къ Гронау, и, по данному предписанію, двинулся мимо Амтъ-Гутштадтскаго лѣса прямо на Альткирхенъ.

Я здѣсь былъ свидѣтелемъ, сколь свято исполнялись правила воинскаго устава во французской арміи; часовые и пикеты, занимавшіе Амтъ-Гутштадтскій лѣсъ, видѣли ясно наше движеніе и свою гибель (ибо утро было ясно и колонны наши обходили ихъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла), но ни одинъ изъ нихъ не оставлялъ своего мѣста, и часовые исполняли свои обязанности съ величайшимъ хладнокровіемъ, какъ будто имъ не угрожала ни малѣйшая опасность! Атака на селеніе Альткирхенъ была произведена съ такою стремительностію, что оно было мгновенно занято; въ красивыхъ шалашахъ, выстроенныхъ непріятелемъ между Альткирхеномъ и Гутштадтомъ, все пришло въ движеніе. Вскорѣ открылась канонада съ обѣихъ сторонъ. Князь, не слыша выстрѣловъ ни со стороны главной арміи, ни со стороны Горчакова, которые должны были вступить въ бой по крайней мѣрѣ за часъ до атаки авангарда,

дабы успѣть до того пресѣчь дорогу непріятелю, остановился. Ней, не видя никакого движенія съ фланговъ, принялъ, повидимому, эту атаку за усиленное обозрѣніе; ибо, выстроивъ колонны, онъ самъ атаковалъ Альткирхенъ. Холмистая мѣстность между нами и непріятелемъ была неудобна для дѣйствія противъ его центра; князь Багратіонъ повелъ атаку на фланги: на правый—отрядомъ генералъ-маіора Баговута, состоявшимъ изъ полковъ: 3-го, 4-го, 7-го и 24-го егерскихъ и Тенгинскаго пѣхотнаго; а на лѣвый 5-го, 20-го и 25-го егерскихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Раевскаго; въ центрѣ же онъ поставилъ баттареи, размѣстивъ въ отдаленіи за ними всю линейную пѣхоту, дабы, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить атакующіе отряды. Сраженіе уже продолжалось болѣе шести часовъ, но князь Багратіонъ, не имѣя извѣстій о дивизіи генерала Сакена, который долженъ былъ содѣйствовать ему со стороны главной арміи, ни о корпусѣ Горчакова, не могъ и не долженъ былъ рѣшиться вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи и тѣмъ подвергать напрасной потерѣ свои войска; но когда Горчаковъ и Сакенъ стали показываться, Ней немедленно предпринялъ отступленіе, которое было имъ совершено въ блистательномъ порядкѣ. Впослѣдствіи Сакена отдали подъ судъ за невыполненіе даннаго ему приказанія, которое заключалось въ томъ, чтобы отрѣзать Нея отъ Депенской переправы. Сакенъ объявилъ во время суда, что онъ остановился вслѣдствіе особаго повелѣнія главнокомандующаго, который никогда подобнаго приказанія не давалъ [1]). Однако достовѣрно то̀, что это случилось вблизи непріятеля, и Сакену, при его вполнѣ замѣчательныхъ способностяхъ, легко было удостовѣриться собственными глазами въ томъ огромномъ вредѣ, какой онъ могъ нанести непріятелю своимъ наступленіемъ; если бы даже онъ дѣйствительно и получилъ подобное повелѣніе, онъ виновенъ, какъ генералъ, пріобрѣтшій уже нѣкоторую опытность, и какъ

[1]) Сакенъ утверждалъ, что это повелѣніе было передано ему черезъ одного кавалерійскаго офицера; Беннигсенъ, не помышлявшій посылать ему этого приказанія, мнѣ разсказывалъ это самому.

отличио умный и способный человѣкъ, который не могъ не постичь великихъ послѣдствій движенія его дивизіи. Маршалъ Ней не удовольствовался этимъ побѣдоноснымъ отступленіемъ предъ восьмидесяти-тысячной арміей, которою онъ могъ быть окруженъ; замѣтивъ, что генералъ Беннингсенъ ограничивается лишь овладѣніемъ канцелярскихъ ящиковъ генерала Роге, тысячи человѣкъ плѣнныхъ, онъ, остановившись при селеніи Квецѣ (хотя до вечера оставалось не болѣе двухъ часовъ), расположился на высотахъ селенія Анкендорфа, на пушечномъ выстрѣлѣ отъ нашего авангарда. Это было съ его стороны не только дерзко, но нагло; онъ видимо насмѣхался надъ нами. Армія наша расположилась для ночлега правымъ флангомъ къ озеру Савану, а лѣвымъ къ селенію Глотау. Горчаковъ, занявъ Гутштадтъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не продолжалъ своего наступательнаго движенія. Дохтуровъ остановился также предъ Ломитеномъ, а авангардъ подвинулся за селеніе Квецъ.

25-го на разсвѣтѣ вмѣсто того, чтобы намъ поспѣшно отправить всю кавалерію съ частью конной артиллеріи къ Деппенской переправѣ и, двинувшись густыми колоннами на непріятеля, заставить его раскаяться въ томъ, что онъ, будучи окруженъ арміею, превосходившей его въ шесть разъ, такъ явно пренебрегалъ нами,—мы стали вытягивать линію на мѣстѣ нашего ночлега и занимать позицію (сердце разрывается при воспоминаніи о сихъ эволюціяхъ!!). Одинъ авангардъ предпринялъ настоящую атаку. Правый непріятельскій флангъ прилегалъ къ утесистой горѣ, на вершинѣ которой была поставлена баттарея; гора поросла частымъ лѣсомъ, занятымъ стрѣлками; отъ подошвы простиралась отлогая и открытая долина, на которой также были поставлены баттареи; лѣвый же флангъ, прикрытый обширнымъ болотомъ, былъ внѣ пушечнаго выстрѣла. Князь Багратіонъ обратилъ потому всѣ свои силы на правый его флангъ и приказалъ усилить дѣйствіе нашей артиллеріи, особенно на баттарею, находившуюся у подошвы горы, дабы, сбивъ ее, очистить долину. Генералъ Раевскій съ 5-мъ, 20-мъ и 26-мъ егерскими полками атаковалъ лѣсъ, къ коему примыкалъ правый флангъ не-

пріятеля, и очистилъ его послѣ кровопролитной битвы. Ней защищался упорно, но, усмотрѣвъ нашу кавалерію, направлявшуюся на лѣвый флангъ его, онъ предпринялъ отступленіе свое къ Депену. Князь Багратіонъ, замѣтившій это, двинулся съ приготовленными двумя колоннами по большой дорогѣ къ Анкендорфу; отдѣливъ генерала Баговута на подкрѣпленіе Раевскому, онъ хотѣлъ оттѣснить непріятеля отъ лѣваго нашего крыла, и тѣмъ принудивъ его направиться на дорогу, ведущую вправо, навести его на кавалерію, обходившую его лѣвый флангъ. Ней сохранилъ полное присутствіе духа; оставивъ Анкендорфъ, онъ воспользовался позиціею при селѣ Гейлигенталѣ, для отраженія нашего авангарда. Замѣтивъ неровное и покрытое лѣсомъ мѣстоположеніе со стороны обходившей его нашей кавалеріи, онъ выдвинулъ противъ нея три густыя пѣхотныя колонны съ артиллеріею, чѣмъ уничтожилъ ея покушеніе. Выигравъ такимъ образомъ время для переправы тяжестей своего корпуса, онъ продолжалъ свое отступленіе, пользуясь каждой высотою, каждой рытвиной и каждымъ кустарникомъ для задержанія наступавшихъ войскъ нашихъ. Я былъ здѣсь свидѣтелемъ двухъ приключеній.

Первое, при начатіи канонады, непріятельское ядро прикатилось рикошетомъ на четверть отъ ноги князя Багратіона, который съ самаго начала хотя и видѣлъ вмѣстѣ съ нами направленіе его, но не тронулся съ мѣста. Когда оно остановилось возлѣ ноги его, Офросимовъ поднялъ его и отдалъ вѣстовому. Князь спросилъ: „Зачѣмъ?“ „Это ядро легло слишкомъ близко отъ васъ, чтобы не сохранить его“. „Э, братецъ!“ отвѣчалъ князь, „если этимъ заниматься, такъ ихъ возъ наберешь. А поѣзжай лучше къ Баговуту и скажи ему „пора“.

Второе, кромѣ другихъ предосудительныхъ привычекъ, нижніе чины дозволяли себѣ разряжать ружья (не только послѣ дѣла, но и во время самой битвы). Во время своего движенія чрезъ селеніе Анкендорфъ, князь едва не сдѣлался жертвою подобнаго обычая. Егерь, не видя насъ, выстрѣлилъ изъ-за угла дома, находившагося не болѣе двухъ саженъ отъ князя;

выстрѣлъ его былъ прямо направленъ въ него. Князь Багратіонъ давно уже отдалъ на этотъ счетъ строгое приказаніе и всегда сильно взыскивалъ съ ослушниковъ. Но здѣсь направленіе выстрѣла спасло егеря; ибо князь, полагая, что наказаніе въ этомъ случаѣ имѣло бы видъ личности, проскакалъ мимо; но никогда не забуду я орлинаго взгляда, брошеннаго имъ на виновнаго.

По занятіи Анкендорфа, полковникъ Ермоловъ выскакалъ съ конной артиллеріей своей влѣво отъ селенія, откуда онъ успѣшно поражалъ непріятельскія колонны, отступавшія чистымъ полемъ къ позиціи при Гейлигенталѣ. Разстройство непріятеля было весьма замѣтно, но за неимѣніемъ на этомъ пунктѣ кавалеріи, мы не могли этимъ воспользоваться: командующій ею графъ Паленъ не былъ въ этомъ случаѣ виноватъ; его взоръ проникалъ вездѣ и всюду, и онъ уже при первомъ движеніи впередъ отрядилъ Польскій уланскій полкъ для прикрытія артиллеріи Ермолова. Но шефъ этого полка генералъ Каховскій, пріобрѣтшій въ штабѣ много друзей чрезъ свое богатство, не только не подвигался, но скорѣе пресмыкался по направленію къ Анкендорфу. При всемъ томъ онъ показался еще вò-время. Увидя голову его колонны, нѣкоторые изъ насъ, находившіеся на баттареѣ Ермолова, подскакавъ къ Каховскому, просили его ударить поспѣшнѣе на разсыпавшуюся и бѣгущую пѣхоту французскаго арьергарда; но онъ, отвѣтивъ намъ, что его лошади устали (тогда какъ полкъ его подвинулся не далѣе двухъ сотъ саженъ отъ мѣста ночлега), остановился. Убѣдившись въ невозможности отрѣзать Нея отъ Депена, армія наша заняла позицію предъ Гейлигенталемъ, гвардія при Анкендорфѣ, Горчаковъ у Кнопена; онъ долженъ былъ открывать дорогу къ Минстербургу.

Къ вечеру прибылъ къ арміи корпусъ Дохтурова и гусарскій полкъ Шепелева; не взирая на слова Шепелева: „Je m'en vais faire avec mon régiment une trouée dans l'armée ennemie“, полкъ его, къ крайнему огорченію графа Палена, разсѣялся отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Въ заключеніи дѣла, Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ,

Кульневъ (тотъ славный Кульневъ, который впослѣдствіи отличался въ Финляндіи и Турціи и положилъ жизнь свою въ 1812 году подъ Клястицами), съ двумя эскадронами Гродненскихъ гусаръ, прогнавъ непріятеля за рѣку, наскакалъ на большой французскій транспортъ больныхъ и раненыхъ; несчастные ожидали себѣ смерти, но Кульневъ, подъѣхавъ къ нимъ, закричалъ по французски: „Ободритесь! Русскіе воюютъ только съ тѣми, которые въ состояніи состязаться съ ними, а раненымъ и больнымъ нечего бояться!“ Сказавъ это и забравъ въ плѣнъ прикрытіе, онъ овладѣлъ каретами, обозомъ, артиллерійскимъ паркомъ, при чемъ всѣ ящики съ снарядами были взорваны; прочія войска приняли это за канонаду. Близъ Цехерна на Пассаргѣ, Ермоловъ сталъ стрѣлять изъ единороговъ двѣнадцати-фунтовыми ядрами. Мы перехватили курьера съ донесеніемъ маршала Нея, который вслѣдствіе этого писалъ Наполеону: „Les russes veulent probablement tenir içi, car ils ont amenè des pièces de position“. Казаки, съ коими скакалъ сенаторъ графъ Строгановъ, переправившись за Пассаргу, лѣвѣе Кульнева, отбили небольшой обозъ.

Однако корпусъ Нея, бывъ преслѣдуемъ однимъ авангардомъ, перешелъ рѣку безъ большаго урона. Князь Багратіонъ, подвинувъ егерей Раевскаго къ берегу рѣки противъ Депена, поставилъ на отлогости горы артиллерію Ермолова, позади которой въ лѣсу была расположена вся пѣхота авангарда. Наскучивъ безполезною перестрѣлкою чрезъ рѣку, князь посылалъ меня два раза къ стрѣлкамъ съ приказаніемъ прекратить стрѣльбу, но задоръ ихъ былъ таковъ, что они не слушали ничьего повелѣнія. Я лишь въ третій разъ могъ убѣдить сихъ непреклонныхъ героевъ отступить; едва успѣлъ я донести князю, что стрѣлки воротились къ своимъ полкамъ и что все утихло, какъ вдругъ подъ горою огонь вновь загорѣлся съ большею противъ прежняго силою. Въ это время генералъ Сакенъ [1]), подъѣхавъ верхомъ къ князю, просилъ у него закуски. Князь, приказавъ подать обѣдать, спросилъ

---

[1]) Впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь.

его, откуда онъ явился? Сакенъ отвѣчалъ ему, что отъ Депенскаго сожженнаго моста, куда привелъ пѣхотный полкъ, которому велѣлъ вытѣснить оставшихся на сей сторонѣ французовъ: „Хочу", продолжалъ онъ, „чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался на этой сторонѣ!" На это князь ему отвѣчалъ, что если онъ пріѣхалъ къ нему въ качествѣ начальника, то пусть приказываетъ, и онъ, по его указанію, двинетъ весь авангардъ; но, какъ равному генералъ-лейтенанту, онъ позволяетъ себѣ сказать, что здѣсь не его мѣсто, что до авангарда ему дѣла нѣтъ, что было бы гораздо лучше исполнить наканунѣ въ точности приказаніе главнокомандующаго, чѣмъ завязывать пустыя дѣла для прикрытія своихъ погрѣшностей и терять чрезъ то безъ всякой пользы людей, столь необходимыхъ и полезныхъ государю и отечеству! Слова эти были выговорены со всею пылкостью азіатскаго характера, при чемъ князь дѣлалъ движенія рукою. Сакенъ отвѣчалъ, хотя не робко, но слабо. Багратіонъ, пылая гнѣвомъ, не могъ простить и этого; бросившись къ Сакену, онъ забылся до того, что предложилъ ему дуэль на такомъ мѣстѣ, которое могло бы лучше напомнить ему, что кровь его принадлежитъ отечеству. Тогда графъ Паленъ и покойный князь М. П. Долгорукій, подойдя къ князю, тихо сказали ему: „Ваше сіятельство, какой примѣръ подаете вы подчиненнымъ вашимъ?" Это мгновенно охладило пылъ князя, который сказалъ Сакену: „Мы можемъ и послѣ войны кончить это дѣло, какъ водится между благородными людьми! [1])" Послѣ этого князь удалился

---

[1]) Во время суда надъ Сакеномъ, графу М. С. Воронцову удалось оправдать этого генерала, не взирая на то, что презусъ судной коммиссіи баронъ Меллеръ-Закомельскій (артиллерійскій) и прочіе члены нашли его вполнѣ виновнымъ. Отвѣты генерала Сакена, исполненные ума и желчи, не могли однако убѣдить членовъ коммиссіи въ его невинности. Впослѣдствіи Сакенъ, загладившій этотъ проступокъ блистательными подвигами въ 1812 и 1814 годахъ, доказалъ свою признательность графу Воронцову, доставивъ ему случай прославиться въ знаменитомъ Краонскомъ сраженіи, которое могло бы имѣть самые блестящіе результаты, если бы Винценгероде зашелъ съ своею кавалеріею въ тылъ непріятелю; но онъ, не желая содѣйствовать Воронцову, остановился, приказавъ людямъ варить кашу. Въ этомъ сраженіи отличился какъ волонтеръ, не принадлежавшій къ этимъ войскамъ, благородный и мужественный графъ Орурќъ, который, по окончаніи дѣла, вложивъ саблю въ ножны, никому

въ свой шалашъ, а Сакенъ, уѣхавъ чрезъ нѣсколько минутъ, увелъ съ собою полкъ, потерявшій уже многихъ, вслѣдствіе прихоти своего начальника. Такимъ образомъ внутренняя и внѣшняя вражда прекратились.

26-го числа армія наша оставалась до полудня въ прежнемъ положеніи, и, кромѣ небольшой перестрѣлки на аванпостахъ, ничего не происходило. Многіе утверждали въ то время, что намѣреніе главнокомандующаго заключалось въ томъ, чтобы, истребивъ корпуса Нея при Гутштадтѣ, немедленно обратиться къ Алленштейну и Гогенштейну, между рѣками Алле и Пассаргою, на перерѣзъ корпуса Даву; они думали, что Беннингсенъ намѣревался послѣ пораженія Нея атаковать, при содѣйствіи войскъ графа Толстаго, сорока-пяти-тысячный корпусъ Массены. Если все вышесказанное было справедливо, то соображеніе атаки дѣлаетъ великую честь генералу Беннингсену; но исполненіе ея доказываетъ тò, что онъ былъ лишенъ той силы воли, которая, не довольствуясь половиннымъ успѣхомъ, борется съ препятствіями до полнаго достиженія единожды избранной цѣли. Чтò остановило его на берегахъ Пассарги при начатіи наступательнаго движенія? Неудачное предпріятіе противъ корпуса Нея. Неужели мы могли бездѣйствіемъ своимъ загладить нашъ проступокъ? Ужели медленностью въ исполненіи нашего планы мы не оказывали великой услуги Наполеону? Французская армія двинулась впередъ 28-го мая; ей ранѣе этого числа нельзя было предпринять чего либо, ибо она не была еще въ сборѣ; дѣйствуя 24-го числа рѣшительнѣе, мы были бы по крайней мѣрѣ въ состояніи принудить Нея отступить за Пассаргу; мы тогда должны были оставить противъ него нѣкоторую часть войскъ съ повелѣніемъ, въ случаѣ наступленія непріятеля, отступать къ Гутштадту. Мнѣ кажется, что намъ

ничего о томъ не говорилъ. Впослѣдствіи послѣ сраженія при Ларотьерѣ, государь, вспомнившій жалобы Беннингсена на дѣйствія Сакена въ 1807 году, сказалъ Ермолову: «Алексѣй Петровичъ, бывалъ ли ты съ Сакеномъ въ огнѣ?» «Никогда, ваше величество, я служилъ подъ его начальствомъ лишь въ мирное время». Государь сказалъ на это: «Онъ въ моихъ глазахъ дрался какъ левъ; напрасно Леонтій Леонтьевичъ (Беннингсенъ) его такъ сильно обвинялъ въ 1807 году».

надлежало слѣдовать 25-го къ Алленштейну и 26-го атаковать Даву, быть 27-го въ Нейденбургѣ, а 28-го въ Хорцелѣ (день, въ который Наполеонъ предпринялъ переправу чрезъ Пассаргу) и подойти къ Присницу; 30-го она вступила въ Маковъ, а 31-го мая или 1-го іюня могла бы атаковать съ тылу Массену. По занятіи же Остроленки и по присоединеніи войскъ графа Толстаго, состоявшихъ изъ 17000 человѣкъ, она могла даже двинуться на встрѣчу самому Наполеону.

Непріятель, начавъ послѣ полудня 26-го движеніе у деревни Эльдитенъ, переправился чрезъ Пассаргу и направился къ Вольфсдорфу. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, главнокомандующій приказалъ слѣдовать туда кавалеріи праваго фланга, находившейся тогда подъ командою генералъ-лейтенанта Уварова; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ атакъ этой кавалеріи, непріятель отступилъ отъ Вольфсдорфа, и правый флангъ нашъ остался покойнымъ. 27-го на разсвѣтѣ увѣдомили князя Багратіона, командовавшаго авангардомъ арміи, расположеннымъ на самомъ берегу Пассарги противъ деревни Деппена, что непріятель, построенный въ боевой порядокъ на противолежащихъ высотахъ, подходитъ къ опушкѣ лѣса, занятаго нами. Это сосредоточеніе близъ Деппена и появленіе разнаго рода войска, особенно большаго количества латниковъ, радостныя восклицанія войскъ убѣдили насъ въ прибытіи сюда всей французской арміи, и съ нею самого Наполеона. Вскорѣ нѣсколько колоннъ пѣхоты спустилось съ горы къ самой переправѣ; стрѣлки же ихъ появились даже на этой сторонѣ рѣки; Раевскій, вступивъ въ дѣло съ 25-мъ и 26-мъ егерскими полками, отразилъ непріятеля, но канонада, продолжавшаяся два часа, наконецъ утихла. Вскорѣ большая часть войскъ, занимавшая на разсвѣтѣ противоположныя высоты, разошлась по окружнымъ деревнямъ и расположилась биваками на кантониръ-квартирахъ.

Въ продолженіи этого дня мы получили извѣстія чрезъ разъѣздныхъ, посланныхъ къ Эльдитену, что непріятель переходитъ въ большихъ силахъ Пассаргу. Вслѣдствіе этого

князь отрядилъ въ ту сторону генералъ-маіоровъ Иловайскаго 2-го и 4-го съ казачьими полками, какъ для подкрѣпленія аванпостовъ праваго фланга, такъ и для наблюденія за непріятелемъ. Иловайскіе, встрѣтивъ уже кавалерію его при деревнѣ Клейнсфельдъ, атаковали ее съ успѣхомъ, такъ что вся атакованная часть обратилась къ Эльдитену и нашла убѣжище лишь за своею пѣхотою. Между тѣмъ прочія непріятельскія войска продолжали двигаться къ Вольфсдорфу—то былъ корпусъ Сульта, еще отдѣленный рѣкою отъ главной арміи. Какой представлялся случай наказать предводителя, осмѣлившагося отдѣлять часть своей арміи на такое дерзкое предпріятіе! Но Наполеону все сходило съ рукъ. Для чего намъ не предпринять было атаки противъ непріятеля? Въ случаѣ успѣха съ нашей стороны мы могли отрѣзать его отъ корпуса Массены и отъ единственнаго его пути сообщенія. Взятіе Данцига далеко не представляло Наполеону тѣхъ выгодъ, которыя были объявлены имъ въ своихъ бюллетеняхъ. Положеніе Данцига было слишкомъ смежно съ моремъ, чтобы служить хорошимъ пунктомъ, на которомъ можно было бы ему опереться въ случаѣ неудачи. Къ тому же никакія крѣпости никогда не спасали разбитой арміи. Генералъ Жомини справедливо сказалъ, что еслибъ армія Меласа имѣла въ Тортонѣ продовольствія на десять лѣтъ, но и тогда бы она была отрѣзана отъ Австріи однимъ положеніемъ французской арміи при Маренго. Все зависитъ отъ выбора наивыгоднѣйшаго пути сообщенія и умѣнія пресѣчь непріятелю этотъ путь. Въ этомъ отношеніи наша армія была въ завиднѣйшемъ положеніи. Въ случаѣ неудачи мы имѣли, какъ я уже сказалъ, свободное отступленіе къ корпусу нашему, расположенному противъ Остроленки, на естественномъ основаніи нашемъ для защиты сѣверной части Пруссіи; къ тому же стоило лишь выиграть нѣсколько маршей и истребить превосходными силами корпусъ Массены, занимавшій берега Омулевы. Я прошу читателя не терять изъ виду сего предположенія моего, ибо взаимное положеніе воюющихъ армій было все то же отъ 27-го мая до 2-го іюня; слѣдовательно, во все продолженіе сего времени мы не только не должны

были ужасаться пресѣченія сообщенія нашего съ Кёнигсбергомъ, но, напротивъ, должны были пользоваться ошибкою великаго полководца, направлявшаго свою армію между моремъ и нашими войсками. Разобщеніе его арміи съ корпусомъ Массены и удаленіе ея отъ естественнаго ея основанія были слишкомъ для насъ выгодны, чтобы намъ не стараться извлечь изъ того наибольшей выгоды. Не взирая на то, намъ казалось, что генералъ Беннингсенъ принялъ на себя обязанность исправлять ошибки Наполеона; мы, повидимому, перенеслись въ семнадцатое столѣтіе, когда военное искусство находилось еще въ состояніи младенчества и когда армія, внезапно появившаяся на флангѣ непріятеля, спѣшила перемѣнить позицію и занимать другую параллельно непріятельской. Получивъ извѣстіе о слѣдованіи Сульта къ Вольфсдорфу, главнокомандующій приказалъ князю Горчакову отступить къ Гутштадту, а генералу Дохтурову занять селеніе Лингенау; за Дохтуровымъ двинулась вскорѣ и вся армія; авангардъ же остался на мѣстѣ, имѣя повелѣніе отступать на другой день къ Гутштадту, что̀ онъ началъ приводить въ исполненіе въ ночь.

Предъ разсвѣтомъ я былъ посланъ въ этотъ городъ за приказаніемъ: гдѣ и какъ расположиться авангарду? Пріѣхавъ въ за̀мокъ, занимаемый главной квартирой, я нашелъ всѣхъ чиновниковъ спящими, и увидѣлъ въ галлереѣ одного только его высочество великаго князя Константина Павловича, который распрашивалъ меня о непріятелѣ. Удовлетворивъ его желаніе, я просилъ его высочество исходатайствовать мнѣ повелѣніе о томъ, гдѣ расположить арьергардъ, ибо мнѣ некогда было долго ждать. Онъ взялъ меня подъ руку, повелъ къ генералу Штейнгелю, котораго разбудилъ, и заставилъ взглянуть на карту; онъ немедленно назначилъ арьергарду селеніе Нейсндорфъ. Между тѣмъ онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я армію? Я сказалъ его высочеству, что видѣлъ ее отдыхающую въ хаотическомъ состояніи, баталіонъ на баталіонѣ и пушка на пушкѣ. Тогда онъ еще спросилъ: будетъ ли она имѣть время до прибытія непріятеля стать въ боевой порядокъ? Я отвѣчалъ, что если сейчасъ начнутъ ее устраивать,

то, конечно, каждая часть успѣетъ занять свое мѣсто до прибытія французовъ, но что время дорого, ибо я самъ видѣлъ, что многочисленный непріятель начиналъ уже переходить рѣку. Тогда его высочество приказалъ будить всѣхъ офицеровъ квартирмейстерской части, разослалъ ихъ по дивизіямъ арміи, и, бросивъ косвенный взоръ на одежду мою, казавшуюся ему крайне не форменною, простился со мною очень милостиво, приказавъ кланяться отъ себя князю Багратіону. Въѣзжая изъ зáмка, я встрѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, которые увѣряли меня, что главнокомандующій рѣшился принять сраженіе предъ Гутштадтомъ. Я возвратился къ князю и засталъ аррьергардъ, который непріятель еще слабо тѣснилъ, уже въ полномъ отступленіи. Вскорѣ онъ, по данному повелѣнію, остановился у Нейендорфа, оставивъ близъ Анкендорфа казачьи полки для перестрѣлки съ непріятелемъ. Командующіе казаками аррьергарда Павелъ и Иванъ Дмитріевичи Иловайскіе отражали сначала передовыя войска непріятеля съ успѣхомъ, но, будучи сильно тѣснимы превосходными силами, они отступили, требуя подкрѣпленія; мало по малу большая часть кавалеріи аррьергарда вступила въ дѣло, и даже пѣхота его стала въ ружье. Князь находился впереди кавалеріи и обозрѣвалъ расположеніе непріятеля. Имѣя изъ главной квартиры извѣстіе о намѣреніи принять сраженіе при Гутштадтѣ и видя большое число рабочихъ, занятыхъ строеніемъ редутовъ и баттарей, онъ такъ въ томъ убѣдился, что распоряженія его клонились лишь къ занятію мѣста, назначеннаго ему въ боевой линіи. Уже было девять часовъ утра и авангардъ французовъ чрезвычайно усилился; князь получилъ повелѣніе удерживать непріятеля до совершенія переправы чрезъ Алле нашей арміею, которая начала уже свое отступательное движеніе къ Гейльсбергу. Князь, знавшій число войскъ въ арміи, знавшій, что, вслѣдствіе намѣренія главнокомандующаго принять сраженіе предъ Гутштадтомъ, вся баттарейная артиллерія находилась при арміи, и что только четыре моста были устроены чрезъ Алле, разсчелъ, сколько нужно было времени для совершенія переправы арміею, обре-

мененною парками, всею баттарейною артиллеріею, а главное—обозами главной квартиры! Если бы онъ былъ заблаговременно извѣщенъ объ отступленіи, тогда вмѣсто слабой защиты оставленныхъ имъ позицій при Гейлигенталѣ, Анкендорфѣ и Квецѣ, онъ могъ бы здѣсь удержать гораздо долѣе непріятельскую армію; но, имѣя повелѣніе оставить только казаковъ при Анкендорфѣ, а самому слѣдовать прямо къ Гутштадту, дабы выиграть время для вступленія въ линію арміи, готовой встрѣтить непріятеля, онъ не могъ уже оказать сильнаго сопротивленія на позиціи, слишкомъ обширной для авангарда и атакованной большею частью непріятельской арміи.

Я предоставляю читателю судить о негодованіи князя Багратіона при полученіи сего повелѣнія! Но дѣло шло о спасеніи арміи, время было дорого, и потому князь занялся устроеніемъ въ боевой порядокъ войскъ, ему ввѣренныхъ, усиленныхъ частью кавалеріи главной арміи. Между тѣмъ наша кавалерія спѣшила переправляться чрезъ Алле; корпусъ Горчакова былъ поспѣшно отправленъ въ Гейльсбергъ, откуда имѣлъ назначеніе посылать партіи къ Лонау; части отряда атамана Платова велѣно было прикрывать при Аренсдорфѣ и Зоммеръ-Фельдѣ движеніе графа Каменскаго и Лестока, слѣдовавшихъ чрезъ Мельзакъ и Бюргерсвальдъ къ арміи.

Князь Багратіонъ, выдержавшій четырехъ-часовой упорный бой, занялъ конною ротою Ермолова высоты, господствовавшія надъ Гутштадтомъ [1]). Онъ оставилъ при ней 3-й и 7-й егерскіе полки, прочимъ же приказалъ отступать къ городу, а отряду генералъ-маіоровъ Маркова и Баговута по очищеніи мостовъ перейти на другую сторону рѣки. Въ этомъ

---

[1]) Близъ Гутштадта полковникъ Ермоловъ, въ присутствіи князя Багратіона и генерала Ѳ. П. Уварова, не дождавшись прикрытія, стремительно и молодецки атаковалъ своею ротой непріятельскую пѣхотную колонну, при которой находилась небольшая часть кавалеріи, одѣтая въ китили, отчего она была сперва принята нашими за Елизаветоградскихъ гусаръ; не взирая на сильный ружейный огонь, открытый непріятелемъ, рота Ермолова, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, разсѣяла эту колонну; прикрытіе же подоспѣло къ ней гораздо позднѣе. За этотъ подвигъ Ермоловъ удостоился получить знаки св. Георгія 3-го класса, заслуженные имъ, какъ уже извѣстно, еще въ Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи.

дѣлѣ генералъ-маіоры графъ Паленъ и Раевскій, артиллеріи полковникъ Ермоловъ и егерскіе полковники Бистромъ, Гогель, Сабанѣевъ, Вуичъ, Эриксонъ и подполковникъ Живковичъ покрыли себя славою. Уронъ авангарда былъ не маловаженъ, ибо и послѣ переправы нашей непріятель, отбившій мосты и перешедшій рѣку въ бродъ, справа и слѣва преслѣдовалъ и тѣснилъ его не малое время. По отступленіи за рѣку, мы видѣли громады кавалеріи, двигавшіяся близъ предмѣстія Гутштадта, и нѣсколько сильныхъ колоннъ пѣхоты, тянувшихся чрезъ Амтъ-Гутштадтъ и Альткирхенъ по дорогѣ къ Лонау. Къ вечеру аррьергардъ расположился между Рейхенбергомъ и Гейльсбергомъ; армія, перейдя на правый берегъ Алле, вступила въ позицію, которую избирали почти въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Платовъ остался въ Либенбергѣ, Штольценгагенѣ и Фрейденбергѣ, а генералъ-маіоръ Бороздинъ съ отрядомъ, составленнымъ изъ Финляндскаго драгунскаго, двухъ баталіоновъ Низовскаго и Ревельскаго полковъ, шести орудій и двухъ казачьихъ полковъ, занялъ селеніеЛонау.

Стратегическія выгоды заставляли непріятеля, перейдя Алле подъ Гутштадтомъ, дѣйствовать на оконечность лѣваго фланга нашей арміи, но тактическія выгоды влекли его на правый ея флангъ. Наполеонъ, противъ своего обыкновенія, избралъ послѣднее. Вслѣдствіе этого, 29-го числа около полудня, французская армія двинулась на Лонау. Бороздинъ, будучи атакованъ превосходными силами, отступалъ къ селенію Беверникену; Беннингсенъ, увѣдомленный о семъ отступленіи, отрядилъ на подкрѣпленіе къ Бороздину генералъ-маіора Львова съ Кіевскимъ драгунскимъ, 2-мъ егерскимъ, Ексгольмскимъ пѣхотнымъ полками, баталіономъ милиціи и двумя орудіями артиллеріи; онъ приказалъ тоже князю Багратіону слѣдовать туда же.

Между тѣмъ армія стала въ ружье, она размѣстилась слѣдующимъ образомъ: 2-я дивизія на высотахъ праваго берега; гвардія, построенная въ густыя колонны на правомъ же берегу у самаго Амтъ-Гутштадта; главныя силы заняли позицію, простирающуюся отъ селенія Конегена до Амтъ-

Гутштадтскаго моста; 1-й и 3-й баталіонъ каждаго полка были построены въ линію, имѣя 2-ые свернутыми въ колонну, позади интервала 1-го и 3-го баталіона; три резерва, по четыре баталіона каждый, были поставлены позади фланговъ, а третій позади средины арміи. Кавалерія прусская и Уварова примкнули къ правому флангу арміи, а резервъ кавалеріи подъ командою князя Голицына, построенный колоннами, расположился позади ея, имѣя правый флангъ прикрытый казаками Платова, коихъ линія простиралась до Конегена.

Бросивъ взглядъ на планъ сраженія, мы увидимъ, что армія наша была расположена едва не тыломъ къ рѣкѣ Алле, чрезъ которую, въ случаѣ неудачи, переправа была не только затруднительна, но даже крайне опасна. Ослѣпленіе или пристрастіе къ этой позиціи главнокомандующаго преодолѣло, повидимому, разсужденіе, и онъ рѣшился принять бой на столь невыгодномъ мѣстоположеніи.

Между тѣмъ князь Багратіонъ, тѣснимый превосходными силами, требовалъ подкрѣпленія. Кавалерія Уварова, состоявшая изъ двадцати-пяти эскадроновъ, двинулась къ селенію Лавдену и достигла опредѣленнаго ей пункта. Когда князь Багратіонъ готовился переходить ручей, протекающій у означеннаго селенія, Уваровъ, подскакавъ къ князю, сказалъ ему: „Ежели вы удержите вашу позицію, тогда я удержусь два дня на моемъ мѣстѣ!“ Вотъ слова его, я ихъ самъ слышалъ. Князь объявилъ Уварову, что онъ имѣетъ повелѣніе отражать непріятеля до совершеннаго построенія арміи въ боевой порядокъ; а такъ какъ уже онъ получилъ извѣстіе отъ князя Горчакова, что она уже въ ружьѣ и готова принять бой, то ему надо лишь исполнить данное повелѣніе; впрочемъ, зная долгъ чинопослушанія, онъ готовъ ему повиноваться. Послѣ этого Уваровъ возвратился къ своему мѣсту, и мы увидѣли его кавалерію въ схваткѣ съ непріятельскою. Между тѣмъ князь, остановивъ аррьергардъ у Лауденскаго ручья, снова возобновилъ битву. Однако атака Уварова продолжалась не долго; вскорѣ разстроенные полки его стали поспѣшно отступать и открыли

дорогу, идущую отъ Лаудена къ Гейльсбергу [1]), вслѣдствіе чего арьергардъ могъ легко быть отрѣзанъ отъ арміи. Князь, желая исправить ошибку своего временнаго начальника, бросился въ самый пылъ огня, гдѣ потерялъ лошадь; я предложилъ ему свою, но такъ какъ онъ не любилъ ѣздить на казачьемъ сѣдлѣ, то, оставшись пѣшкомъ посреди пѣхоты, онъ приказалъ мнѣ дать знать объ этомъ его высочеству и просить у него его собственную лошадь. Я поскакалъ къ Амтъ-Гутштадту и уже позади пѣхоты, гдѣ я оставилъ князя, наткнулся на Малороссійскій кирасирскій полкъ, преслѣдуемый французскою кавалеріею. Эта кавалерія такъ занеслась далеко, что, кромѣ пѣхоты, нѣкоторые конные полки наши оставались у нея въ тылу. Между прочими былъ какой-то уланскій полкъ (кажется, Польскій), который, сдѣлавъ лѣвое плечо впередъ, двинулся было въ атаку, но при крикѣ „ура!" остановился и пропустилъ обратно на рысяхъ и въ разстройствѣ проѣзжавшую мимо его означенную непріятельскую кавалерію.

Прискакавъ на гору Амтъ-Гутштадтскую, я, такъ сказать, очутился въ совершенно иномъ мірѣ. Въ то время, какъ пѣхота нашего арьергарда, испытанная въ ежедневныхъ битвахъ, вступала и переносила упорнѣйшіе бои съ какимъ-то непоколебимымъ равнодушіемъ, все мною здѣсь встрѣченное не обнаруживало большаго мужества и хладнокровія. Спросивъ о его высочествѣ, я поскакалъ вдоль рядовъ гвардіи на квартиру главнокомандующаго, гдѣ находился въ то время великій князь.

---

[1]) Когда во время Гейльсбергскаго сраженія князь Багратіонъ, тѣснимый съ фронта Мюратомъ, и обходимый Сультомъ, началъ отступать, прибылъ къ нему посланный Беннингсеномъ съ приказаніями генералъ Фокъ; мужественный, остроумный, но неразсудительный Фокъ передалъ ему приказаніе удерживать позицію. Когда князь объявилъ ему, что изнуреннымъ его войскамъ невозможно долѣе выдерживать непріятельскихъ натисковъ, не подвергаясь опасности быть вовсе отрѣзанными, Фокъ осмѣлился закричать ему: «Никогда не бывало, чтобы приказанія главнокомандующаго не были бы исполняемы». Князь, схвативъ Фока за руку, сказалъ ему: «Я вамъ покажу, что̀ такое выдерживать огонь непріятельскій». Съ этими словами онъ повелъ къ сторонѣ непріятеля Фока, получившаго здѣсь тяжелую рану, отъ которой онъ долго и жестоко страдалъ.

Не доѣзжая до города, я встрѣтилъ генерала Беннингсена и великаго князя Константина Павловича, ѣхавшихъ къ гвардіи. Беннингсенъ спросилъ меня, какъ идетъ дѣло? Я ему отвѣчалъ, что онъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ, самъ можетъ удостовѣриться въ ходѣ дѣла; обратясь же къ великому князю, я передалъ ему просьбу князя Багратіона. Приказавъ тотчасъ дать мнѣ свою собственную верховую лошадь подъ уланскимъ чепракомъ, онъ отправилъ меня обратно къ князю. Я нашелъ сего послѣдняго между Малымъ озеромъ, близъ дороги находящимся, и редутомъ № 1-й; князь сѣлъ на приведенную мною ему лошадь и направился къ редуту. Арьергардъ, выдержавшій сильный и продолжительный огонь, приходилъ уже въ видимое разстройство; находившійся при князѣ на ординарцахъ Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ Остроградскій предложилъ ему просить главнокомандующаго расположить нѣсколько орудій на правомъ берегу Алле и этимъ стараться удержать непріятеля, двигавшагося вдоль лѣваго ея берега. Хотя князь не всегда любилъ принимать совѣты, но отвергнуть подобный было бы непростительно; въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе поставленныхъ здѣсь орудій значительно облегчило отступленіе арьергарда. Хотя Остроградскій, представленный за это къ награжденію, не получилъ его, но князь сталъ ему оказывать съ этого времени особенное благоволеніе.

Между тѣмъ непріятель подвигался къ боевой нашей линіи; Мюратъ, подкрѣпленный корпусомъ маршала Ланна и частью гвардіи, шелъ на редуты 1-й и 2-й, прикрывая тѣмъ движеніе арміи на Речь и Гроссендорфъ и слѣдовательно на оконечность нашего праваго фланга. Эта атака была превосходно соображена, ибо при малѣйшей удачѣ со стороны непріятеля, армія наша, припертая къ рѣкѣ, не могла совершить отступленія въ порядкѣ, но предпріятіе это должно было быть приведено въ исполненіе гораздо ранѣе. Я не понимаю, отчего Наполеонъ не возобновилъ его на другой день, ибо генералъ Беннингсенъ не только не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы избѣжать этого несчастія, но перевелъ на лѣвый берегъ гвардію; онъ только на 31-е число перешелъ на правый берегъ Алле, отря-

дивъ графа Каменскаго съ 5000 союзнаго войска къ Кёнигсбергу для защиты сего города и береговъ Прегеля. Онъ самъ слѣдовалъ со всею арміею на Бартенштейнъ и Шиппенбейль, съ намѣреніемъ достигнуть чрезъ Фридландъ и Домнау Кёнигсберга ранѣе непріятеля, который описывалъ полукружіе въ то время, какъ мы намѣревались слѣдовать по хордѣ.

Къ сожалѣнію, съ самаго 27-го мая всѣ движенія нашей арміи клонились лишь къ спасенію приготовленныхъ на Прегелѣ кулей овса и муки, существовавшихъ большею частью только въ рапортахъ провіантскихъ чиновниковъ!—но истинный предметъ войны былъ упущенъ изъ виду. Вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ и ошибочнымъ направленіемъ французовъ между моремъ и нашею арміею, мы употребляли всѣ усилія, чтобы отдалиться отъ корпуса, оставленнаго на Наревѣ, и расположиться тыломъ къ морю. Къ тому же, что̀ дѣлали въ арміи многочисленные казачьи полки? Надо было занять ими Гутштадтъ, куда прибыли всѣ подвижные парки, гдѣ учреждались новые госпитали и гдѣ находились всѣ непріятельскіе обозы. По занятіи же сего города, раздѣливъ казачье войско на партіи, не выгодно ли было бы дѣйствовать вдоль Пассарги, частью на Вормдитъ, Мельзакъ и Браунсбергъ, а частью на Либштадтъ, Прейсишъ-Голландъ и Эльбингъ, вмѣсто того, чтобы употреблять это войско для однѣхъ пустыхъ перестрѣлокъ?

Между тѣмъ армія наша продолжала слѣдовать къ Фридланду четырьмя колоннами и правымъ берегомъ Алле: 1-я колонна состояла изъ гвардейскихъ полковъ; 2-я изъ кавалеріи лѣваго фланга и 7-й и 8-й дивизіи, 4-я изъ 2-й, 3-й и 14-й дивизіи—сія колонна слѣдовала за 3-ею; арьергардъ князя Багратіона и летучій отрядъ Платова прикрывали отступленіе и отражали слѣдовавшую за ними кавалерійскую дивизію генерала Ласаля.

Прибывъ къ Бартенштейну, главнокомандующій извѣстился о появленіи малой части непріятеля при деревнѣ Тольскѣ; онъ отрядилъ противъ нея часть кавалеріи праваго фланга и генерала Дохтурова съ 1-ю и 9-ю дивизіями. Непріятельскій

отрядъ былъ такъ слабъ, что прибывшій князь Михаилъ Долгоруковъ съ Курляндскимъ драгунскимъ и 3-мя казачьими полками успѣлъ съ нимъ управиться еще до прибытія войскъ, противъ него направленныхъ. Армія выступила въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я колонна по правому берегу рѣки Алле, чрезъ Мокіенъ и Рюкгарбенъ; 2-я, состоявшая изъ корпуса Горчакова, 2-й и 3-й дивизіи и кавалеріи лѣваго фланга, по лѣвому берегу чрезъ Вервинтенъ, Гросъ-Золенъ и Ротененъ; 3-ей колоннѣ изъ 7-й и 8-й дивизіи и съ кавалеріею праваго фланга велѣно было итти по одной дорогѣ со второй колонной. Изъ сего видно, что не только 7-я и 9-я дивизіи, но и вся армія (исключая гвардіи) подвергалась во время своего движенія большой опасности; къ сожалѣнію, атаманъ Платовъ, который долженъ былъ зорко слѣдить за непріятелемъ и извѣщать насъ о его движеніяхъ, не дѣлалъ на сей разъ своего дѣла.

Такимъ образомъ главныя наши силы прибыли къ Шипенбейлю 1-го іюня вечеромъ; генералъ князь Голицынъ, командовавшій кавалеріею лѣваго фланга и гвардейскою, предпринялъ обозрѣніе Фридланда съ полками: кирасирскимъ военнаго ордена и уланскимъ его высочества, при четырехъ орудіяхъ. Въ городѣ находились четыре непріятельскіе эскадрона 9-го гусарскаго полка, которые, увидя нашу кавалерію, отступили къ Георгенау, но не прежде однако жь, какъ опрокинувъ подскакавшій въ безпорядкѣ къ городу нашъ уланскій полкъ. Князь Голицынъ, занявъ Сортлакъ, Постененъ и Гейнрихсдорфъ, остановился и расположилъ свои войска на бивакахъ. Въ ночь на 2-е число 1-й эскадронъ гвардейской конницы занялъ Вонсдорфъ, два Кавалергардскихъ съ двумя орудіями были отправлены въ Велау, а Преображенскій полкъ былъ расположенъ въ Алленбургѣ. Узнавъ о пребываніи за Постененомъ гренадерской дивизіи Удино, главнокомандующій вознамѣрился истребить ее прежде прибытія къ ней главныхъ французскихъ силъ. Онъ потому приказалъ на разсвѣтѣ большой части арміи переходить рѣку, но вмѣсто того, чтобы пользоваться превосходствомъ силъ своихъ въ сравненіи съ корпусомъ Удино, и

удаленіемъ его отъ главной арміи, генералъ Беннингсенъ остановился предъ Фридландомъ и расположилъ армію боевымъ порядкомъ тыломъ къ рѣкѣ, на коей находилось только четыре моста: три понтонныхъ и одинъ деревянный, принадлежащій городу. Самая боевая линія раздѣлялась кромѣ того глубокимъ ручьемъ Мюкенъ-флисъ, текущимъ въ высокихъ берегахъ, чрезъ который сообщеніе было чрезвычайно затруднительно. Армія имѣла два особыя построенія; правая часть, состоявшая изъ войскъ графа Толстаго, 7-й, 8-й, 2-й дивизіи, и корпуса Горчакова, выдвигала всѣ 1-ые и 3-и баталіоны въ линію, а 2-ые въ колоннѣ между означенными баталіонами; лѣвая часть, составленная изъ авангарда князя Багратіона, имѣла всѣ 2-ые баталіоны развернутыми въ линію, а 1-ые и 3-и построенными въ колонны. Кавалерія, по древнему правилу, прикрывала оба фланга, гвардія находилась въ резервѣ, а 14-я дивизія за рѣкою по Шипенбейльской дорогѣ. Излишне было бы входить въ подробности этого сраженія. Достаточно сказать, что, переправившись почти всѣми силами за рѣку съ намѣреніемъ истребить корпусъ Удино, мы не только не атаковали его, но сами сдерживали до седьмаго часа утра его нападеніе, не двигаясь съ мѣста и давши тѣмъ всей французской арміи полную возможность прибыть къ нему на помощь. Въ началѣ этого гибельнаго для насъ сраженія, наши гвардейскіе егеря едва не овладѣли всѣми знаменами такъ называемой адской дивизіи Удино, которыя были всѣ собраны въ лѣсу на площадкѣ. Одинъ изъ состоявшихъ при князѣ Багратіонѣ офицеровъ ротмистръ Рыцарь, сойдя съ лошади, сталъ на правомъ флангѣ Измайловскаго полка, который праздновалъ въ этотъ день свой полковой праздникъ—Троицынъ день. Вскорѣ прибылъ къ этому полку князь Багратіонъ и поздравилъ его съ полковымъ торжествомъ. Около полудня для войскъ, коими командовалъ князь Багратіонъ, наступилъ краткій отдыхъ; въ то время, какъ на прочихъ пунктахъ кипѣла битва, здѣсь господствовала совершенная тишина. Званіе главнокомандующаго вмѣсто Беннингсена, у котораго обнаружились сильные припадки падучей болѣзни, принялъ на себя Эссенъ 1-й,

извѣстный сожженіемъ рижскаго форштадта въ 1812 году, но вслѣдствіе полученной имъ легкой контузіи онъ сдалъ начальство изнѣженному князю Алексѣю Ивановичу Горчакову. Разрумяненный и украшенный соломенной шляпой, князь Горчаковъ не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія посреди мужественныхъ лицъ нашихъ и непріятельскихъ солдатъ. Между тѣмъ французская кавалерія, испытавъ неудачи при нападеніи своемъ на нашъ правый флангъ, ограничилась выставленіемъ фланкеровъ. Вдругъ французы, занявъ опушку впереди находящагося лѣса десятью пушками огромнаго калибра, открыли по насъ губительный огонь картечью; дѣйствіе этихъ десяти пушекъ было вполнѣ ужасно для нашихъ войскъ, которыя были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермоловъ поспѣшно противопоставилъ непріятелю около сорока легкихъ орудій, но они не могли заставить молчать огромныя пушки французовъ; къ счастію, вслѣдствіе нашихъ выстрѣловъ, обвалившіяся деревья въ опушкѣ лѣса образовали родъ натуральнаго бруствера, чтò вынудило французовъ отступить съ занимаемой ими позиціи. Около двухъ часовъ по полудни главныя силы непріятеля, предшествуемыя весьма сильною артиллеріею, занявъ Сортланскій лѣсъ, устремились на нашъ лѣвый флангъ, и сильно потѣснили его къ городу; тщетно князь Багратіонъ, Раевскій, Ермоловъ и храбрѣйшіе офицеры лѣваго нашего фланга старались привести въ устройство разсѣянные полки наши! Усиливавшіяся непріятельскія колонны и многочисленная артиллерія, коею командовалъ мужественный и рѣшительный генералъ Сенармонъ, подвигались впередъ; дѣйствіе ядеръ, гранатъ и въ особенности картечи, густо осыпавшихъ наши войска съ самаго близкаго разстоянія, было неимовѣрно смертоносно. Багратіонъ со шпагою въ рукахъ (чтò я во все время моего при немъ служенія лишь здѣсь видѣлъ) ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, коего остатки окружали его лошадь. Онъ напоминалъ имъ подвиги ихъ въ Италіи и Суворова, но все было напрасно! Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и значительно осадили назадъ; неустрашимые Измайловцы, пустивъ

по Семеновцамъ бѣглый огонь, остановили ихъ. Вскорѣ Семеновцы и Павловцы, опомнившись послѣ первой минуты смущенія, мужественно встрѣтили непріятеля. Въ это грозное для насъ время, князь Багратіонъ, желая хотя сколько-нибудь пріостановить натискъ французовъ, которые грозили намъ совершеннымъ истребленіемъ, приказалъ Ермолову привести изъ резервовъ какую-нибудь баттарейную роту. Встрѣтивъ четыре орудія изъ бригады храбраго Осипова, коими завѣдывалъ поручикъ Комаровъ, приказавшій уже имъ взять на передки и продолжать свое отступательное движеніе, Ермоловъ велѣлъ ему остаться на мѣстѣ; когда Комаровъ донесъ ему, что у него вовсе нѣтъ зарядовъ, Ермоловъ сказалъ ему: „Я вамъ приказываю не оставлять вашего мѣста, чрезъ ваше отступленіе образуется интервалъ, коимъ непріятель можетъ воспользоваться; если ваше начальство останется тѣмъ недовольно, доложите, что вы это сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я между тѣмъ возьму съ собою одного фейерверкера вашего, съ которымъ доставлю вамъ четыре зарядные ящика“. Но встрѣченныя Ермоловымъ на пути роты не только не снабдили его зарядными ящиками,—онѣ, исполняя чье-то повелѣніе, поспѣшно напротивъ отступали съ поля сраженія.

Между тѣмъ главныя массы французовъ, стремившіяся къ городу, сильно тѣснили войска наши. Къ довершенію несчастія, мосты запылали прежде перехода арміи на правый берегъ, что̀ принудило бо̀льшую часть войскъ переправляться вплавь черезъ рѣку подъ выстрѣлами сильной непріятельской артиллеріи. Одинъ графъ Ламбертъ, находившійся на правомъ флангѣ арміи, собравъ оставленныя на полѣ сраженія двадцать-девять орудій, отступилъ лѣвымъ берегомъ Алле до Алленбурга, гдѣ благополучно перешелъ рѣку и соединился на другой день съ арміею, тянувшеюся въ безпорядкѣ къ Велау.

4-го числа эти толпы прибыли въ Ширау и послѣ малаго отдохновенія продолжали отступленіе свое чрезъ Попелкенъ. Баттарейная артиллерія и резервный корпусъ, составленный изъ гвардіи, слѣдовали впереди. Главная армія, имѣя предъ собою два конныхъ полка отъ кавалеріи праваго фланга,

а позади всю тяжелую кавалерію обоихъ фланговъ, слѣдовала на Лапушитенъ, Пашвентшенъ и Битененъ.

Аррьергардъ князя Багратіона, подкрѣпленный легкою кавалеріею, прикрывавшій отступленіе, долженъ былъ удерживать непріятеля; корпусъ прусскихъ войскъ и отрядъ графа Каменскаго, слѣдуя отъ Кёнигсберга чрезъ лѣсъ Гроссъ-Баумвальдъ и одну плотину, простиравшуюся на полторы мили, могли быть отрѣзаны отъ арміи. Съ своей стороны Наполеонъ, отрядивъ корпусъ Нея къ Инстербургу, слѣдовалъ съ главными силами на Велау; корпусъ Сульта и часть кавалеріи Мюрата были отдѣлены еще послѣ Гейльсбергскаго сраженія къ Кёнигсбергу. По занятіи этого города, они преслѣдовали прусскій корпусъ и отрядъ Каменскаго къ Либау; но къ счастію этимъ послѣднимъ удалось 5-го числа соединиться съ нашею арміею при Гекстенѣ.

Однако генералъ Беннингсенъ, не довольствуясь пораженіемъ, понесеннымъ при Фридландѣ вслѣдствіе ошибочнаго выбора мѣста сраженія и оборонительнаго дѣйствія его арміи, вознамѣрился 6-го числа снова расположиться въ боевой порядокъ тыломъ къ Нѣману. Позиція была избрана при киркѣ, именуемой Дранговской, у деревни Бендиглаукенъ. Но, къ счастію, непріятель не слѣдовалъ за нами далеко. Сего же числа былъ посланъ маіоръ Эрнестъ Шепингъ въ авангардъ французской арміи съ письмомъ главнокомандующаго и съ предложеніемъ о перемиріи. Это предложеніе, на которое французы согласились, позволило нашей арміи безопасно перейти Нѣманъ 7-го; предавъ огню мостъ, мы расположились между Микнтеномъ и Погегеномъ, резервъ же отошелъ къ Бениккайтену; прусскій корпусъ въ Амтъ-Вини; 14-я дивизія расположилась противъ Рагнита и далѣе къ Юрбургу; аррьергардъ и корпусъ Платова—противъ сожженнаго моста впереди арміи. Въ этотъ день начались переговоры, и военныя дѣйствія прекратились.

Если мы разсмотримъ безпристрастно эту кампанію, мы увидимъ, что эта слабѣйшая изъ всѣхъ кампаній Наполеона. Въ теченіе всей войны только два движенія: одно отъ Торуня

на Остроленку (когда армія наша находилась у Пултуска), а другое отъ Вилленберга къ Алленштейну (когда она слѣдовала къ Торуню) могутъ быть названы превосходными. Впослѣдствіи дѣйствія его между моремъ и нашею арміею не лучше дѣйствій Беннингсена, неумѣвшаго воспользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ между Массеною и главными непріятельскими силами.

Я этимъ собственно оканчиваю краткое обозрѣніе войны 1806 и 1807 годовъ, которая служила, можно сказать, колыбелью для моего военнаго поприща; состоя въ должности адъютанта при безсмертномъ князѣ Багратіонѣ, коего ангельскія свойства сердца стояли въ уровень съ его прочими высокими природными качествами, я имѣлъ случай видѣть и слышать весьма много любопытнаго и поучительнаго. Эти записки, исполненныя многихъ грубыхъ ошибокъ, поразятъ, безъ сомнѣнія, моихъ читателей, а тѣмъ болѣе ученыхъ спеціалистовъ, тономъ самоувѣренности и, быть можетъ, рѣзкими, смѣлыми и не всегда основательными сужденіями о дѣятельности вождей нашей арміи. Да не посѣтуютъ на меня строгіе критики за смѣлость, съ которою я рѣшился представить на судъ ихъ эту статью, которую я первоначально писалъ только для себя; въ ней безсвязное и неполное повѣствованіе искупается чистымъ намѣреніемъ моимъ изложить въ краткомъ, но правдивомъ разсказѣ очеркъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій этой войны.

Изданіе 1860 г.

IV.

УРОКЪ СОРВАНЦУ.

Посвящается сыновьямъ моимъ: Василію, Николаю, Денису, Ахиллу и Вадиму.

(1807 г.)

Армія наша отступала отъ Янкова къ Прейсишъ-Эйлау. Въ то время арьергардъ получилъ новое образованіе: онъ раздѣленъ былъ на двѣ части. Одной командовалъ генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, другой—генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ.

23-го января первый изъ нихъ дрался близъ Деппена, прикрывая отступленіе арміи къ Вольфсдорфу.

24-го пришла очередь князю Багратіону прикрывать отступленіе ея отъ Вольфсдорфа къ Ландсбергу.

Сколько помню я, арьергардъ князя Багратіона состоялъ изъ полковъ: Екатеринославскаго и Малороссійскаго гренадерскихъ; Псковскаго пѣхотнаго, нѣсколькихъ егерскихъ, Елисаветградскаго и Александрійскаго гусарскихъ, Курляндскаго драгунскаго, какого-то уланскаго, нѣсколькихъ казачьихъ и до сорока орудій артиллеріи. Частные командиры арьергарда были славные впослѣдствіи генералъ-маіоры: графъ Петръ Петровичъ Паленъ, Марковъ, Баговутъ, графъ Ламбертъ и уже въ то время знаменитые полковники: Ермоловъ, командовавшій всей артиллеріею арьергарда, князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, Гогель и Юрковскій. Послѣдній командовалъ передовою цѣпью.

Вольфсдорфское дѣло было первымъ боемъ моего долгаго поприща. Не забуду никогда нетерпѣнія, съ какимъ я ждалъ первыхъ выстрѣловъ, первой сѣчи! При всемъ томъ, какъ будто сомнѣваясь въ собственномъ мужествѣ, я старался заимствоваться духомъ у сподвижниковъ князя Багратіона, поглощая душой игру ихъ физіономій, ихъ взгляды, сужденія и распоряженія, которыя дышали любовью къ опасностямъ и сопровождались какою-то веселою беззаботностью о жизни. Но болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на меня самъ князь. Я еще не видалъ его возвышеннаго духа въ полномъ развитіи; но мое воображеніе уже проникало сквозь величавое спокойствіе князя въ хранилище нравственной силы и геніальныхъ соображеній, которыя обнаруживались у него въ самомъ пылу битвы, при безнадежности положенія и по мѣрѣ возрастающей очевидности гибели.

На разсвѣтѣ непріятель началъ сбивать передовую нашу цѣпь подъ Варлакомъ, верстахъ въ четырехъ отъ Вольфсдорфа. Арьергардъ сталъ въ ружье на мѣстѣ своего ночлега за Вольфсдорфомъ параллельно большой дорогѣ, ведущей изъ Гутштадта въ Либштадтъ. Позиція эта заслоняла проселочную дорогу, проходящую мимо Петерсдорфа на Дитрихсдорфъ и далѣе на Аренсдорфъ, Опенъ и Кашауенъ, по которой арьергардъ долженъ былъ отступать вслѣдъ за арміею. Уголъ лѣса, находящійся между Вольфсдорфомъ и Эльдитеномъ, наполнился егерями 5-го егерскаго полка. Малый кавалерійскій отрядъ двинулся рысью для наблюденія за непріятелемъ со стороны нашего лѣваго фланга.

Французскій авангардъ, предшествуемый фланкерами и за которымъ слѣдовала вся армія, изрѣдка стрѣлялъ изъ одного и не болѣе изъ двухъ орудій по нашей передовой цѣпи; выдвигая громады свои на снѣжные холмы, онъ спускался съ нихъ по направленію къ Вольфсдорфу.

Юрковскій, подъ прикрытіемъ ближайшихъ къ непріятелю казаковъ своей команды, то останавливался, то снова тянулся косвенно относительно боевой линіи арьергарда на правый флангъ 5-го егерскаго полка за уголъ лѣса.

Будучи адъютантомъ князя Багратіона, и слѣдовательно не имѣя команды, я выпросился у него въ первую цѣпь, будто бы для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но собственно для того, чтобы погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею и, если представится случай, порубиться. Я прискакалъ къ казакамъ, перестрѣливавшимся съ непріятельскими фланкерами. Ближайшій ко мнѣ изъ этихъ фланкеровъ, въ синемъ плащѣ и медвѣжьей шапкѣ, казался офицерскаго званія. Мнѣ очень захотѣлось отхватить его отъ непріятельской линіи и взять въ плѣнъ. Я сталъ уговаривать на то казаковъ; но они смѣялись надъ рыцаремъ, который явился къ нимъ съ такимъ безразсуднымъ предложеніемъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать за мною, а у меня, слава Богу, достало на ту пору столько благоразумія, сколько было нужно для того, чтобы не отважиться на схватку съ человѣкомъ, къ которому между тѣмъ уже присоединилось нѣсколько всадниковъ. Къ несчастію, въ моей молодости, я недолго уживался съ благоразуміемъ. Вскорѣ задоръ во мнѣ разгорѣлся, сердце вспыхнуло, и я, какъ бѣшеный, толкнувъ лошадь впередъ, подскакалъ къ офицеру довольно близко и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Онъ, не прибавивъ шагу, отвѣчалъ мнѣ своимъ выстрѣломъ, за которымъ посыпались выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ его товарищей. То были первыя пули, которыя просвистали мимо ушей моихъ. Я не Карлъ XII, но въ эти лѣта, въ это мгновеніе, въ этомъ упоительномъ чаду первыхъ опасностей я понялъ обѣтъ вѣнценоснаго искателя приключеній и гордо взглянулъ на себя, окуреннаго уже боевымъ порохомъ; весь міръ гражданскій и все то, что̀ внѣ боевой службы, все понизилось въ моемъ мнѣніи до антиподовъ! Не надѣясь уже на содѣйствіе казаковъ, но твердо увѣренный въ удальствѣ моего коня, и притомъ увлеченный вдругъ овладѣвшею мною злобою — Богъ знаетъ, за что̀! — на человѣка, мнѣ неизвѣстнаго, который исполнялъ, подобно мнѣ, долгъ чести и обязанности службы,—я подвинулся къ нему еще ближе, замахалъ саблею и принялся ругать его на французскомъ языкѣ, какъ можно

громче и выразительнѣе. Я приглашалъ его выдвинуться изъ линіи и сразиться со мною безъ помощниковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ругательствомъ и предлагалъ то же; но ни одинъ изъ насъ не принималъ предложенія другаго, и мы оба оставались на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, безъ хвастовства сказать, я былъ далеко отъ своихъ и только на три или на четыре конскіе скока отъ цѣпи французскихъ фланкеровъ, тогда какъ этотъ офицеръ находился въ самой цѣпи. Съ моей стороны было сдѣлано все, за что слѣдовало бы меня и подрать за уши, и погладить по головкѣ. Въ это самое время подскакалъ ко мнѣ казачій урядникъ и сказалъ: „Что вы ругаетесь, ваше благородіе! Грѣхъ! Страженіе святое дѣло, ругаться въ немъ все то же, что въ церкви: Богъ убьетъ! Пропадете, да и мы съ вами. Ступайте лучше туда, откуда пріѣхали“. Тутъ только я очнулся и, почувствовавъ всю нелѣпость моей пародіи троянскихъ героевъ, возвратился къ князю Багратіону.

Мудреное дѣло начальствовать арьергардомъ арміи, за которой слѣдуетъ непріятель въ огромныхъ силахъ. Два противоположные предмета составляютъ основную обязанность арьергарднаго начальника: охраненіе спокойствія арміи отъ натисковъ непріятеля во время отступленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіе сколь возможно ближайшей смежности съ нею для неразрывныхъ связей и сношеній съ своею арміею. Какъ согласить между собою эти двѣ, повидимому, несогласныя необходимости? Прибѣгнуть ли къ принятію битвы? Но всякая битва требуетъ болѣе или менѣе продолжительной остановки, во время которой увеличивается разстояніе арьергарда отъ удаляющейся арміи. Обратиться ли къ одному соблюденію ближайшей смежности съ нею и, слѣдственно, къ совершенному уклоненію себя отъ битвы? Но таковымъ средствомъ легко можно сблизить арьергардъ съ самой арміею и привести къ ней непріятеля на своихъ плечахъ. Багратіонъ рѣшилъ эту задачу; онъ постигъ то правило для арьергардовъ, которое, спустя четырнадцать лѣтъ, изложилъ на островѣ св. Елены величайшій знатокъ военнаго дѣла, сказавъ: „L'avant-garde

doit presser les attaques; l'arrière-garde doit manoeuvrer". На этой аксіомѣ Багратіонъ основалъ охранительное дѣйствіе арьергардовъ, во все время своего командованія ими. Подъ его начальствомъ никогда арьергардъ не оставался долго на мѣстѣ, и притомъ никогда не слѣдовалъ безостановочно за арміею. Сущность дѣйствія его состояла въ однихъ отступательныхъ перемѣщеніяхъ съ одной оборонительной позиціи на другую, не вдаваясь въ общую битву; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ грозную осанку частыми отпорами непріятельскихъ покушеній,—отпорами, которые онъ подкрѣплялъ сильнымъ и почти общимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Эта операція требовала всего геніальнаго объема обстоятельствъ, всего хладнокровія, глазомѣра и почти сверхъестественной смѣтливости и сноровки, коими природа такъ чудесно одарила князя Багратіона.

Все это было свыше моихъ понятій; гусарскій штабъ-ротмистръ, я жаждалъ горячей битвы: по моей стратегіи, она была необходима, и въ томъ, что она состоится, ручалась мнѣ извѣстная неустрашимость князя, котораго первою обязанностью была, по моему мнѣнію, защита Вольфсдорфской позиціи всѣми силами и мѣрами, хотя бы это стоило всего арьергарда. Я такъ былъ убѣжденъ въ глубокомысленной основательности моего разсужденія; я такъ былъ увѣренъ въ томъ, что все пошло бы иначе, еслибъ меня послушались, что самъ Суворовъ или Наполеонъ не были бы въ состояніи убѣдить меня въ противномъ! Вотъ единственная причина порыва моей невѣжественной самонадѣянности, который подвергъ меня величайшей опасности и окончился моимъ спасеніемъ только по особенному милосердію Божію.

Тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ передовой цѣпи къ князю, я былъ посланъ имъ къ 5-му егерскому полку, съ приказаніемъ оставить занимаемый имъ лѣсъ и отступать къ Дитрихсдорфу, гдѣ избрана была для арьергарда вторая позиція. Это меня удивило и огорчило. Какъ!—думалъ я— когда такъ мало еще войскъ вступило въ дѣло, когда въ 5-мъ егерскомъ полку ни одно еще ружье не закоптилось порохомъ,

а уже отступленіе! Гдѣ же та неустрашимость князя, которую такъ выхваляли и восхваляютъ? Однако я поскакалъ къ егерямъ и выполнилъ порученіе.

Между тѣмъ передовая цѣпь наша, продолжая перестрѣлку съ непріятельскими фланкерами, отодвинулась уже къ лѣсу, который должны были оставить егеря. Возвращаясь къ моему мѣсту послѣ отданнаго имъ повелѣнія и перебирая въ головѣ моей средства, какъ бы исправить промахъ князя Багратіона, рѣшившагося оставить Вольфсдорфскую позицію безъ сильнаго отпора, я проѣзжалъ сквозь ту же передовую цѣпь, среди которой, за часъ предъ тѣмъ, я такъ гомерически и только что не гекзаметрами ругался съ французскимъ офицеромъ. Я увидѣлъ и того урядника, который прозою своего благоразумія прервалъ мое эпическое изступленіе. Я подъѣхалъ къ нему, и вдругъ мысль гораздо сумасброднѣе той, отъ которой онъ отвлекъ меня, вспыхнула въ моей головѣ. Чортъ знаетъ, гдѣ-то я читалъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появлялись люди, прежде не замѣченные, которые силою воли и дарованій исторгали побѣду у непріятеля наперекоръ предначертаній главнаго начальства. Какъ же не испытать судьбы своей? Можетъ-быть и я также одаренъ великими дарованіями; можетъ-быть и я избранъ Провидѣніемъ для подобнаго подвига, и воображеніе мое занеслось, Богъ знаетъ куда! Я задумалъ ударить съ передовою цѣпью на непріятеля, опрокинуть его, и тѣмъ увлечь за собою 5-й егерскій полкъ, который только что началъ собираться, чтобы выступать изъ лѣса. Увидя успѣхъ мой, полагалъ я, князь подкрѣпитъ меня всѣмъ арьергардомъ и дастъ знать о томъ Беннингсену, который немедленно возвратится со всею арміею. Однимъ словомъ, я возмечталъ не болѣе и не менѣе какъ разбить весь непріятельскій авангардъ горстью всадниковъ и егерей, и быть даже главнымъ виновникомъ пораженія самого Наполеона. И все это пришло мнѣ въ голову не за кулисами, а на самой сценѣ, на коей я собственными глазами видѣлъ все пространство отъ Вольфсдорфа до Варлака, покрытое густыми колоннами пѣхоты и конницы съ несмѣтнымъ числомъ артиллеріи; слѣдственно, я

могъ, кажется, удостовѣриться въ нелѣпости моего предпріятія; но страсть говорила громче разсудка, что́, къ сожалѣнію, часто повторялось и въ другихъ случаяхъ. Увлекшись этимъ, я спросилъ урядника: „А что̀, братъ, еслибъ ударить?“ „Для чего жь нѣтъ, ваше благородіе“, отвѣчалъ онъ, и, указывая на фланкеровъ, которые вертѣлись у насъ подъ носомъ, прибавилъ: „Ихъ здѣсь немного; съ ними можно справиться; давича мы были далеко отъ пѣхоты, а теперь близко: есть кому поддержать“. „Ну, подбивай же на ударъ своихъ казаковъ!“ сказалъ я ему, „а я примусь подбивать гусаръ и уланъ“ (ихъ было разсыпано взвода два въ казачьей цѣпи). Намъ удалось. Цѣпь вся гикнула и дружно бросилась въ сѣчу; мы перемѣшались съ непріятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули засвистали, и пошла потѣха. Я помню, что и моя сабля поѣла живаго мяса; благородный паръ крови курился и на ея лезвеѣ. Сѣча продолжалась недолго. Французскіе фланкеры, смятые нашими, пошли на уходъ; но въ запальчивости погони мы неожиданно встрѣтились съ ихъ резервами, которые прискакали къ нимъ на помощь. Это были драгуны, съ конскими хвостами, развѣвавшимися на гребняхъ шлемовъ. Они бросились на насъ съ жадностью; посыпались свѣжіе удары, и мы, въ свою очередь, сбитые и опрокинутые, обратились въ бѣгство, вдоль опушки лѣса, гдѣ уже не было егерей, чтобы поддержать насъ. Весь мой исполинскій планъ рушился, и, подобно Наполеону послѣ Ватерлоо, пасмурный и суровый возвращался я къ князю, направляясь мимо Вольфсдорфа къ Дитрихсдорфу, куда тянулись всѣ войска арьергарда. Я ѣхалъ одинъ лощиною, въ полной безпечности на счетъ непріятеля, потому что драгуны, которые насъ растрепали, удовольствовавшись этимъ успѣхомъ, насъ не преслѣдовали. Но едва поднялся я на возвышеніе, какъ вдругъ встрѣтился, почти лице съ лицемъ, съ шестью французскими конно-егерями, ѣдущими изъ Вольфсдорфа, для наблюденія за движеніемъ главныхъ силъ арьергарда. Я вздрогнулъ. Увидѣть ихъ и поскакать прочь—было дѣйствіемъ одного и того же мгновенія. Они выстрѣлили по мнѣ изъ карабиновъ и же-

стоко ранили мою лошадь, которая однако жь продолжала скакать на первыхъ порахъ, не уменьшая прыти. Я думалъ, что отдѣлался; но не тутъ то было! Они уже настигали меня, обскакивая справа и слѣва. Я окинулъ глазами окрестность, не увижу ли какой либо подмоги, и замѣтилъ только хвосты колоннъ арьергарда, подходившіе къ Дитрихсдорфу, верстахъ въ трехъ отъ меня. На всемъ полѣ до самаго лѣса не было уже никого изъ нашихъ. Гибель казалась неизбѣжною. На мнѣ накинута была шинель, застегнутая у горла одною пуговицей, и сабля голая въ рукахъ, у сѣдла пистолеты, которыхъ я не успѣлъ зарядить послѣ выстрѣловъ на передовой цѣпи. Хотя одинъ изъ преслѣдователей, видно на лучшей лошади, чѣмъ его товарищи, догналъ меня, но не на такое разстояніе, чтобъ достать саблею; онъ только ухватился за край моей шинели, раздувавшейся отъ скока. Онъ воспользовался этимъ, и чуть-чуть не стащилъ меня съ лошади. Къ счастію шинель разстегнулась и осталась въ его рукахъ. Я безостановочно продолжалъ скакать къ лѣсу, преслѣдуемый и настигаемый все ближе и ближе, потому что лошадь моя ослабѣвала отъ полученной ею раны. Зима стояла кроткая, и отъ того болота были обманчивы: подъ снѣгомъ лежала топь непроходимая. Я скакалъ не по дорогѣ, а какъ попало, и, какъ на бѣду, наскакалъ на ту часть опушки лѣса, куда примыкало непримѣтное для глазъ болото. Лошадь моя, рухнувъ въ него со всего маху, провалилась по брюхо, и, упавъ на бокъ, она издохла. Еще двѣ секунды—и остріе надо мною! Смерть или плѣнъ были бы моею участью! Въ этотъ самый моментъ около двадцати казаковъ, посланныхъ Юрковскимъ для наблюденія за непріятелемъ и приведенныхъ сюда однимъ Провидѣніемъ, выскочили съ крикомъ изъ лѣсу, немного выше болота, въ которомъ я загрязъ съ моею лошадью, и погнали моихъ преслѣдователей обратно къ Вольфсдорфу. Но одинъ изъ нихъ, истинный мой спаситель, посадилъ меня позади себя и привезъ къ Юрковскому, который далъ мнѣ лошадь изъ-подъ убитаго гусара. Такимъ образомъ я возвратился къ арьергарду, стоявшему уже на позиціи подъ Дитрихсдорфомъ.

Между тѣмъ князь, коего доброта сердца не уступала высокимъ качествамъ геройской души, безпокоился на мой счетъ и безпрестанно спрашивалъ обо мнѣ каждаго возвращавшагося изъ передовой цѣпи. Никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, куда я дѣвался. Наконецъ я предсталъ предъ нимъ на чужой лошади, безъ шинели, въ грязи, въ снѣгу и въ крови, но, признаться, съ какимъ-то торжественнымъ видомъ, вслѣдствіе избѣжанія бѣды и полной увѣренности въ превосходствѣ совершеннаго мною подвига. Я утаилъ отъ князя и даже отъ товарищей моихъ грандіозные замыслы и предначертанія, которые тогда уже начинали казаться мнѣ донкишотствомъ. Я разсказалъ имъ только о преслѣдованіи меня непріятелемъ и спасеніи меня казаками. Князь слегка пожурилъ меня за опрометчивость, и, сколько я могъ замѣтить, съ одобрительной улыбкою, приказавъ дать свою бурку въ замѣну сорванной съ меня шинели. Онъ вскорѣ представилъ меня даже къ награжденію.

Библіотека для чтенія 1836 г., т. XV, подъ заглавіемъ: «О томъ, какъ я, будучи штабъ-ротмистромъ, хотѣлъ разбить Наполеона».

V.

ВОСПОМИНАНІЕ

о

СРАЖЕНІИ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ, 1807 года ЯНВАРЯ 26-го и 27-го.

Посвящается Алексѣю Петровичу Ермолову.

Дѣла минувшихъ лѣтъ...
Оссіанъ.

I.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти свѣяно съ памяти современниковъ бурею Бородинскаго сраженія, и потому многіе даютъ преимущество послѣднему передъ первымъ. По истинѣ, предметъ спора оружія подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, касался болѣе сердца русскаго, чѣмъ споръ оружія подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ — быть или не быть Россіи. Это сраженіе наше собственное, наше родное. Въ эту священную лоттерею мы были вкладчиками всего нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ, всей нашей прошедшей славы, всей нашей настоящей народной чести, народной гордости, величія имени русскаго и всего нашего будущаго. Предметъ спора оружія подъ Эйлау представлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, что онъ былъ кровавымъ предисловіемъ вторженія Наполеона въ Россію, но кто тогда предугадывалъ это? Лишь нѣсколько избранныхъ природою, и одаренныхъ болѣе другихъ прони-

цательностію. Большей же части изъ насъ онъ казался усиліемъ, не касающимся существенныхъ пользъ Россіи, однимъ споромъ въ щегольствѣ военной славы обѣихъ сражавшихся армій, окончательнымъ закладомъ: чья возьметъ, понтировкою на удальство, въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ еще кошелькомъ въ карманѣ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и на пулю въ лобъ при проигрышѣ, какъ то̀ было подъ Бородинымъ.

Итакъ, не оспаривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать Бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ надъ нею Эйлауской, относительно кровопролитія. Хотя первая превышала послѣднюю восемью-десятью тысячами человѣкъ и слишкомъ шестью-стами жерлами артиллеріи, она однако лишь не много превосходила ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Этому причиною родъ оружія, который былъ преимущественно употребленъ подъ Эйлау. Въ Бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, въ Эйлауской — рукопашное. Въ послѣдней штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и упивались до̀-сыта. Ни въ одномъ почти сраженіи не видно подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собою, хотя впрочемъ эти свалки, ослабляя ружейную и пушечную грозу, гремѣвшую съ обѣихъ сторонъ, должны были заглушать въ самой пылкой душѣ увлекательные призывы славы и честолюбія.

Мнѣ было тогда не много болѣе двадцати лѣтъ; я кипѣлъ жизнью, слѣдственно и любовью къ случайностямъ. Къ тому же, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ, непреклонною волею итти боевою стезей и душою неугомонною, страстною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, не разъ въ этомъ двухъ-суточномъ боѣ проклятая Тибуллова элегія: „О блаженствѣ домосѣда“ приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, ревѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, бороздили по всѣмъ направленіямъ

сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ головою моею и подъ моими ногами! То былъ широкій ураганъ смерти, все въ дребезги ломавшій и стиравшій съ лица земли все, что̀ ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе; оно продолжалось отъ полудня 26-го до одиннадцати часовъ вечера 27-го числа и прекратилось только тишиною и безмолвіемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два періода. Таково было дѣйствіе и огнестрѣльнаго оружія въ Эйлаускомъ сраженіи. Но и здѣсь, какъ и во всѣхъ сраженіяхъ, оно производило болѣе шуму, чѣмъ гибели, болѣе потрясало нервную систему и воображеніе человѣка, чѣмъ достигало цѣли всякаго оружія—вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго истребленія противниковъ. Въ этомъ отношеніи огнестрѣльныя дѣйствія далеко уступаютъ рукопашнымъ схваткамъ, гдѣ удары не расточаются даромъ; падая на предметы, находящіеся подъ самымъ лезвіемъ, они потому не требуютъ издали прицѣловъ, отъ которыхъ происходятъ удары невѣрные, гадательные, вредящіе болѣе количествомъ, нежели частнымъ своимъ дѣйствіемъ. Чтобы вполнѣ обнять положеніе обѣихъ армій, сражавшихся въ этой знаменитой битвѣ, надо взять свыше.

При обозрѣніи театра войны того времени, мы видимъ, что онъ граничилъ къ сѣверу Фришъ-Гафскимъ и Куришъ-Гафскимъ заливами, или частью Балтійскаго моря; къ югу Австрійскою Галиціею, тогда нейтральною [1]); къ западу Вислою, а къ востоку съ Нѣманомъ, границею Россіи, что̀ составляло около трехъ-сотъ верстъ длиннику и до двухъ-сотъ верстъ поперечнику. На этомъ тѣсномъ пространствѣ необходимо было обѣимъ арміямъ избѣгать близкаго сосѣдства съ Галиціею и моремъ, чтобы не быть припертымъ противною арміею либо къ морю, либо къ предѣламъ нейтральнаго государства. Это соображеніе побудило генерала Беннингсена, оставивъ Пултускъ,

[1]) Часть Австрійской Галиціи, граничившая съ театромъ военныхъ дѣйствій, шла тогда отъ Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги; потомъ склонялась вправо къ Сироцку, продолжая итти по лѣвому берегу Буга, мимо Брокъ, Бреста и далѣе до Хотина.

перенести дѣйствіе въ Старую Пруссію. Малѣйшее замедленіе въ этомъ случаѣ угрожало намъ бѣдствіемъ неотразимымъ, потому что главныя силы французовъ находились тогда не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову. Чрезвычайная ростополь, не дозволивъ Наполеону достичь избранной имъ цѣли, способствовала намъ совершить передвиженіе чрезъ Остроленку, Тикочинъ, Біалу, Щучинъ и Рейнъ. На этомъ окружномъ маршѣ, главнокомандующій нашъ генералъ Беннингсенъ, оставивъ корпусъ Эссена 1-го въ Высоко-Мазовецкѣ, а дивизію Седморацкаго въ Ганіондзѣ, Іоганнисбургѣ и Николайкинѣ, для связи Эссена съ главными силами арміи, двинулся съ нами къ Бартенштейну.

Въ то время расположеніе французской арміи было слѣдующее: гвардія, въ числѣ 12000, въ Варшавѣ; корпусъ Ланна, въ числѣ 23000, между Брокъ и Остроленки, противъ Эссена 1-го; корпусъ Даву, въ числѣ 34000, въ Мишеницахъ; корпусъ Сульта, въ числѣ 30000, въ Билленбергѣ; корпусъ Ожерô въ числѣ 11000, въ Нейденбургѣ; резервный кавалерійскій корпусъ, въ числѣ 20000, подъ командою Мюрата, въ окрестностяхъ Виллинберга; корпусъ Бернадота, въ числѣ 17000, почти внѣ круга боевыхъ происшествій, въ Эльбингѣ [1]). Всѣ эти войска размѣстились уже по кантониръквартирамъ; только корпусъ Нея, состоявшій изъ 22000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, преслѣдовалъ прусскій корпусъ Лестока внизъ по Алле по направленію къ Фридланду и находился потому почти на пути слѣдованія нашей арміи.

Беннингсенъ узналъ о семъ залетномъ положеніи Нея въ Рейнѣ. Пользуясь бездѣйствіемъ французской арміи, онъ вознамѣрился отрѣзать и истребить этотъ корпусъ на походѣ; всѣ наши силы обратились къ Рёсселю и Бишофштейну. Къ несчастью, исполненіе не соотвѣтствовало достоинству предначертанія. Переходы были медленны, къ тому же и направленіе было не довольно на перерѣзъ, что̀ дозволило Нею и Бессьеру, пробравшись чрезъ Прейсишъ-Эйлау и между Пас-

---

[1]) Числительная сила французскихъ корпусовъ взята изъ документовъ, отбитыхъ въ обозахъ французской арміи.

саргою и Алле къ Гильгенбургу, безпрепятственно примкнуть къ массѣ своей арміи.

Между тѣмъ Бернадотъ, узнавъ о предпріятіи нашемъ на Нея и Бессьера, постигъ опасность, которой онъ могъ подвергнуться, въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія на берегу моря и между крѣпостями Данцигомъ и Грауденцомъ, тогда еще занятыми прусскими войсками. Оставивъ окрестности Эльбинга, онъ двинулся на Голландъ и, вступивъ въ Морунгенъ, подвинулъ авангардъ свой къ Либштадту. Въ это время армія наша подошла къ Аренсдорфу, а авангардъ ея, подъ командою генералъ-маіора Маркова, атаковалъ Либштадтъ. Непріятельскій авангардъ отступилъ съ урономъ; Марковъ, слѣдуя за нимъ, атаковалъ самого Бернадота въ Морунгенѣ; потерпѣвъ здѣсь значительное пораженіе, онъ былъ принужденъ отступить къ главной арміи, прибывшей уже въ Либштадтъ. Тутъ надлежало намъ прекратить дальнѣйшее наступленіе, потому что съ переходомъ за черту расположенія главныхъ непріятельскихъ силъ, оставшихся между Омулевой и Наревой, мы подвергались потерѣ сообщеній съ дивизіею Седморацкаго, корпусомъ Эссена 1-го и, что̀ всего важнѣе, съ нашей границей; кругъ нашего дѣйствія заключался между Фришъ-Гафскимъ заливомъ, Вислою и французскою арміею, въ случаѣ наступательнаго ея движенія. Но не взирая на то, желая отвлечь Бернадота отъ главной французской арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить Грауденцъ отъ блокады [1]), мы, преслѣдуя Бернадота, отступавшаго на Дейчь-Эйлау, Стразбургъ и Торнъ, продолжали наступать. Главная квартира наша была уже около Либемиля; въ Ризенбургъ вступилъ прусскій корпусъ Лестока; въ Дейчь-Эйлау авангардъ князя П. И. Багратіона [2]), а аванпосты его, подъ командою полковника Юрковскаго, въ Стразбургъ. Однако какое-то темное предчувствіе тревожило Беннигсена, на счетъ положенія нашей арміи относительно главныхъ силъ Наполеона. Чтобы сколько-нибудь

---

[1]) Изъ записокъ генерала Беннигсена.

[2]) Князь Багратіонъ, прибывъ въ армію изъ Петербурга, принялъ немедленно начальство надъ главнымъ авангардомъ.

исправить его защитою затыльныхъ сообщеній нашихъ, главнокомандующій счелъ необходимымъ оставить корпусъ Сакена въ Зебургѣ, а корпусъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына въ Алленштейнѣ; принявъ такія полумѣры, онъ только что увеличилъ протяженіе арміи, подвергнувъ Сакена и Голицына натиску превосходнаго числомъ непріятеля. Положеніе главной арміи, направленной къ ложному предмету дѣйствія, нисколько чрезъ то не улучшилось. Но русскій Богъ великъ! Вдругъ аванпостные казаки авангарда плѣнили французскаго офицера, посланнаго курьеромъ отъ маршала Бертье къ Бернадоту съ приказаніемъ Наполеона напирать на армію нашу, не выпуская ея изъ виду; Бертье извѣщалъ его вмѣстѣ съ тѣмъ о движеніи всѣхъ французскихъ силъ на Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ. Багратіонъ мгновенно проникъ опасность; онъ въ ту же минуту отослалъ плѣннаго курьера съ перехваченной бумагой къ Беннингсену и, не ожидая дальнѣйшаго повелѣнія, самъ собою, поспѣшно отступилъ для скорѣйшаго соединенія съ арміею. Однако, предвидя неминуемость генеральнаго сраженія, Багратіонъ, въ намѣреніи ослабить непріятельскую армію цѣлымъ корпусомъ войскъ, не забылъ и о Бернадотѣ: онъ приказалъ Юрковскому атаковать его аванпосты и, сбивъ ихъ, преслѣдовать цѣлый день, дабы чрезъ то убѣдить его, что мы не измѣнили намѣренія нашего — тѣснить его всѣми силами. Приказаніе Юрковскому заключалось припискою, въ которой было ему предписано: при наступленіи ночи, поспѣшно отступить по прилагаемому маршруту, для присоединенія къ авангарду. Предпріятіе это увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Бернадотъ, не получивъ повелѣнія Наполеона, перехваченнаго казаками, остался въ полномъ невѣдѣніи касательно направленія главныхъ силъ французовъ въ тылъ нашей арміи, столь для нея опаснаго. Къ тому же, полагая, что натискъ Юрковскаго поддерживается всѣмъ авангардомъ, за которымъ слѣдовала вся наша армія, онъ продолжалъ отступленіе къ Торну, что̀ отсрочило прибытіе его къ Прейсишъ-Эйлау нѣсколькими сутками. Юрковскій примкнулъ къ авангарду нѣсколькими часами позже при-

соединенія его къ арміи подъ Янковымъ; но прусскій корпусъ Лестока, находившійся отъ Янкова гораздо далѣе Багратіона, не могъ уже надѣяться безопасно достигнуть этого пункта, а потому онъ направился на Саальфельдъ, Вормдитъ и Мельзакъ, стараясь, по мѣрѣ отступленія арміи, находиться всегда на одной съ нею высотѣ. 22-го января нашъ арръергардъ засталъ всю нашу армію сосредоточенную при Янковѣ, уже имѣвшую предъ собою всю французскую армію, которая полагала янковскій путь занятымъ однимъ корпусомъ князя Голицына; непріятель былъ не мало изумленъ неожиданною встрѣчею со всѣми нашими силами, готовыми къ отраженію ея натисковъ. Извѣстіе о взятіи казаками посланнаго къ Бернадоту курьера тогда еще не было извѣстно Наполеону. Обманутый въ своемъ стратегическомъ предпріятіи, онъ вознамѣрился посредствомъ тактическаго дѣйствія на нашъ лѣвый флангъ возвратить потерянное; онъ хотѣлъ поставить армію нашу въ то самое положеніе, изъ котораго она вышла быстрымъ перелетомъ отъ Морунгена и Дейчь-Эйлау къ Янкову. Вслѣдствіе этого, Сультъ атаковалъ Бергфридъ, деревню, къ коей примыкалъ лѣвый флангъ нашъ, а генералъ Гюд поскакалъ съ бригадою легкой кавалеріи къ Гутштадту. Мы отстояли Бергфридъ; но Гутштадтъ, заключавшій часть обозовъ арміи съ малымъ числомъ охранныхъ войскъ, попался въ руки французовъ; этотъ партизанскій набѣгъ, при всеобщемъ тогдашнемъ невѣдѣніи правилъ этого рода дѣйствій, былъ замѣчателенъ.

II.

Армія наша отошла съ наступленіемъ ночи къ Вольфсдорфу, оставивъ на занимаемомъ ею мѣстѣ арръергардъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли. По утру 23-го, Барклай, двинувшись вслѣдъ за арміею, былъ атакованъ на пути превосходными силами; сражаясь цѣлый день, онъ много потерпѣлъ, особенно при Деппенѣ; но къ вечеру онъ примкнулъ къ арміи, стоявшей уже на боевой позиціи при Вольфсдорфѣ. Ночью армія вновь снялась съ позиціи и потянулась по на-

правленію къ Ландсбергу. Арьергардъ Багратіона, смѣнивъ утомленный наканунѣ арьергардъ Барклая, остался при Вольфсдорфѣ для той же цѣли, для которой наканунѣ былъ оставленъ арьергардъ Барклая при Янковѣ.

24-го, по утру, Багратіонъ былъ атакованъ наступавшимъ непріятелемъ; завязался упорный бой; но, не смотря на всѣ усилія французовъ, щегольство въ порядкѣ было сохранено во всѣхъ частяхъ нашего арьергарда. Къ вечеру онъ двинулся вслѣдъ за арміею, направляясь чрезъ Толбашъ и Кашауэнъ, и прибывъ въ Бергерсвальдъ, въ трехъ верстахъ отъ Фрауэндорфа, гдѣ на нѣсколько часовъ пріостановилась главная армія. Въ этотъ день прусскій корпусъ Лестока, шедшій на одной высотѣ съ нашимъ арьергардомъ, по направленію къ Вормдиту, былъ атакованъ корпусомъ Нея, отряженнымъ отъ главной французской арміи противъ него, во время ея движенія изъ Янкова къ Вольфсдорфу. Въ одно и то же время былъ отдѣленъ отъ непріятельской арміи корпусъ Даву на Гейльсбергъ; это было сдѣлано въ видахъ облегченія слѣдованія войскъ по стѣсненной снѣгами дорогѣ, отъ чего колонна чрезмѣрно растягивалась.

Въ ночь на 25-е, армія наша, подобно непріятельской, выступила къ Ландсбергу, двумя колоннами, для избѣжанія затрудненій при движеніи одною колонною по пути, заваленному снѣгами. 1-я колонна слѣдовала большою дорогою; 2-я, подъ начальствомъ Сакена, на Сперваргенъ и Петерсгагенъ. Арьергардъ Барклая прикрывалъ отступленіе первой; арьергардъ Багратіона шелъ на Клаузитенъ, Пауленъ и Попертенъ въ Ландсбергъ, гдѣ примкнулъ къ арміи почти въ одно время съ Барклаемъ, который на пути своемъ подъ Гофомъ понесъ сильное пораженіе. Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, чло направленіе сего трехъ-суточнаго нашего отступленія ни мало не препятствовало исполненію основной мысли Наполеона, отрѣзать насъ отъ сообщеній нашихъ съ Нѣманомъ, или, что̀ одно и то же, съ Россіею, и подавить насъ тыломъ къ Фришъ-Гафскому заливу. Къ чему должны были клониться усилія наши въ теченіе этого трехъ-суточнаго отсту-

пленія для ниспроверженія плана Наполеона? Къ сохраненію сообщеній съ Нѣманомъ, посредствомъ движенія всею массою нашихъ войскъ отъ Янкова къ Гутштадту, вмѣсто движенія къ Вольфсдорфу; или отъ Вольфсдорфа къ Гейльсбергу и Ландсбергу; или отъ Ландсберга къ Домнау, Фридланду и Прейсишъ-Эйлау. Подобнымъ движеніемъ мы бы не допустили Наполеона привести въ исполненіе его предначертанія; избавившись этимъ путемъ отъ охвата лѣваго нашего фланга правымъ флангомъ французской арміи, мы бы прикрыли тѣмъ сообщенія наши съ Россіею и удалились бы отъ Фришъ-Гафскаго залива; по мѣрѣ отступленія и направленія нашей арміи къ Эйлау и къ Кёнигсбергу, мы, напротивъ, постоянно приближались къ нему. Но стратегическіе виды были рѣшительно пожертвованы какимъ-то мнимымъ тактическимъ выгодамъ, основаннымъ на ложномъ мнѣніи, что войску русскому столько же необходимо для битвы мѣстоположеніе открытое, сколько французскому закрытое или изобилующее естественными препятствіями; сверхъ того, что войску нашему, отъ малаго навыка его къ стройнымъ движеніямъ въ бояхъ, выгоднѣе оборонительное, чѣмъ наступательное дѣйствіе; какъ будто за семь лѣтъ передъ тѣмъ при Суворовѣ оно не только не знало сущности, но даже названія подобнаго рода дѣйствія! Какъ будто бы Альпы, съ ихъ ущельями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежатъ болѣе равнинамъ, чѣмъ закрытымъ и изобилующимъ естественными препятствіями мѣстностямъ! Но таково было разсужденіе всѣхъ вообще военачальниковъ того времени, и на немъ была основана мысль сразиться оборонительно на равнинахъ Эйлау.

Между тѣмъ Наполеонъ не зналъ, что Беннингсенъ избралъ Эйлау полемъ битвы, и привыкнувъ трехъ-дневнымъ опытомъ достигать нашу армію лишь подъ вечеръ и видѣть ее уходящею съ занятой позиціи во время ночи, предполагалъ Прегель и кантониръ-квартиры за Прегелемъ единственными предметами нашего отступленія. Онъ ни въ какомъ случаѣ не думалъ и не могъ думать, чтобы подъ Эйлау его ожидало сраженіе. Этотъ пунктъ не представлялъ ни стратегическаго,

ни тактическаго преимущества передъ Янковымъ, Вольфсдорфомъ и Ландсбергомъ. Съ этою мыслію онъ, слѣдуя за нами по большой дорогѣ, имѣлъ, въ двадцати или въ двадцати-пяти верстахъ отъ главныхъ силъ своихъ, вправо Даву на Гейльсбергской дорогѣ, влѣво, верстахъ въ двадцати, Нея, преслѣдовавшаго прусскій корпусъ Лестока, по направленію къ Крейцбургу, и на нѣсколько сутокъ позади себя Бернадота, ничего незнавшаго еще о происходящемъ.

Ночью на 26-е, армія наша выступила отъ Ландсберга и, по неимѣнію двойнаго пути, двинулась одною колонною къ Эйлау. Арьергардъ Багратіона былъ оставленъ для прикрытія этого движенія въ Ландсбергѣ. По случаю медленнаго выступленія арміи съ мѣста ночлега и замедленія ея при движеніи одною колонною, Багратіонъ былъ принужденъ отложить отступленіе арьергарда до восьмого часа утра. Въ восьмомъ часу непріятельскія колонны, спустившись, подобно широкому потоку, со снѣжныхъ высотъ Гофа, разлились по всему пространству отъ Гофа до Ландсберга. Бой завязался. Мы отступали, тѣснимые превосходными силами; не достигнувъ еще половины разстоянія отъ Ландсберга до Эйлау, весь арьергардъ уже вступилъ въ дѣло. Такъ какъ здѣсь мѣстность была открытая, мы стали нуждаться въ кавалеріи. Багратіонъ послалъ меня [1]) къ главнокомандующему просить у него нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе арьергарда. Беннингсенъ приказалъ мнѣ взять два первые конные полка, которые я встрѣчу на пути. Жребій палъ, кажется, на С.-Петербургскій драгунскій и Литовскій уланскій полки, съ которыми я рысью помчался чрезъ Эйлау къ арьергарду, отошедшему уже къ мызѣ Грингофшенъ. Кирасирскій его величества и два драгунскіе полка, Каргопольскій и Ингерманландскій, были присланы вслѣдъ за конницей, мною приведенной. Между тѣмъ непріятель продолжалъ напирать сильнѣе и сильнѣе. Арьергардъ отступалъ въ порядкѣ и безъ волненія. Нѣсколько полковъ 8-й пѣхотной дивизіи подошли

---

[1]) Я имѣлъ честь и счастіе служить тогда адъютантомъ при князѣ.

къ нему на подмогу; ибо не всѣ еще войска вступили на избранное для нихъ боевое поле; вся баттарейная артиллерія слѣдовала еще проселочною дорогою, вправо отъ арміи. Необходимо было удержать стремленіе непріятеля, чтобы дать время баттарейной артиллеріи примкнуть къ арміи, которая также должна была успѣть расположиться на избранной позиціи. Возвратясь къ Багратіону, я нашелъ его, осыпаемаго ядрами и картечью и отдававшаго приказанія съ геройскимъ величіемъ и очаровательнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ обѣ сражавшіяся стороны столкнулись, потому что Багратіонъ, получивъ подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе о неготовности арміи къ бою, остановился; Наполеонъ, полагая, что Багратіонъ не прекратитъ своего отступленія, усиливалъ приливы своей арміи, напирая волнами на волны. Ружейный огонь трещалъ по всей линіи и былъ не разъ прерываемъ звуками желѣза объ желѣзо. Полтавскій и Софійскій пѣхотные полки съ успѣхомъ ходили на штыки на 46-й линейный. С.-Петербургскій драгунскій полкъ, предводимый полковникомъ Дехтяревымъ, ударилъ на 18-й линейный, который двигался отъ Грингофшена между озеромъ и холмомъ близъ мызы, разсѣялъ этотъ полкъ и взялъ одного орла. Полковникъ Ермоловъ, командовавшій всею артиллеріею арьергарда, сыпалъ картечи въ наступившія густыя колонны, которыя сильно терпѣли отъ того; но слѣдующія за ними колонны, не будучи остановлены трупами своихъ, не умѣряли ни своей отваги, ни своей настойчивости. Не смотря на всѣ наши усилія удержать мѣсто боя, арьергардъ былъ оттѣсненъ къ городу, занятому войсками Барклая; хотя ружейный огонь изъ переднихъ домовъ и заборовъ затрещалъ по всему его протяженію, но все было тщетно! Непріятелю удалось ворваться въ городъ. Уже выстрѣлы его сверкнули изъ-за угловъ, оконъ и крышъ домовъ; пули посыпались градомъ и ядра его стали пронизывать стѣснившуюся въ улицахъ пѣхоту нашу, ощетинившуюся еще разъ штыками. Эйлау болѣе и болѣе наполнялся непріятелемъ. Приходилось уступить ему эти каменныя дефилеи, столь для насъ необходимыя. Уже Барклай палъ,

жестоко раненый; множество штабъ и оберъ-офицеровъ подверглись той же участи, или были убиты, и улицы были завалены нашими мертвыми тѣлами. Багратіонъ, сильно тѣснимый превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, началъ медленно отступать изъ Эйлау. При выходѣ изъ города къ сторонѣ позиціи онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который, подкрѣпивъ его полною пѣхотною дивизіею, приказалъ ему снова, и во чтобы то ни стало, овладѣть городомъ, обладаніе которымъ входило въ его тактическія предначертанія. И подлинно, независимо отъ многихъ другихъ удобствъ, городъ находился только въ семи-стахъ шагахъ отъ праваго фланга боевой нашей линіи. Багратіонъ безмолвно слѣзъ съ лошади и, ставъ во главѣ передовой колонны, повелъ ее съ величайшимъ хладнокровіемъ обратно къ Эйлау. Всѣ другія колонны послѣдовали за нимъ спокойно и безъ шума, но, при вступленіи въ улицы, все, заревѣвъ „ура!“, ударило въ штыки, и мы снова овладѣли Эйлау. Ночь прекратила битву. Городъ остался за нами.

Занявъ городъ достаточнымъ числомъ пѣхоты и снабдивъ начальствовавшаго надъ нею приказаніями и наставленіями, Багратіонъ распустилъ прочія войска арьергарда по мѣстамъ назначеннымъ имъ по диспозиціи; не имѣвъ уже команды, князь отправился въ главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапенъ, въ трехъ верстахъ отъ Эйлау, въ тылу нашей линіи.

Пожаръ костровъ запылалъ въ обѣихъ арміяхъ. Казалось, что все было кончено до слѣдующаго утра. Вышло иначе. Взятіе приступомъ города произвело то, что̀ производитъ всякій удачный приступъ: разбродъ по улицамъ и по домамъ большей части войска, которое предалось своевольству и безначалію. Надлежало собрать и устроить его. Начальствовавшій надъ нимъ прибѣгъ къ единственному въ подобныхъ случаяхъ способу—къ барабану; но онъ упустилъ изъ виду, что находится лицемъ къ лицу съ непріятелемъ, котораго бивачные огни пылали почти у воротъ города. Не обдумавъ достаточно этого дѣла, онъ приказалъ ударить сборъ, не назначивъ даже мѣста, гдѣ его ударить. Барабаны загремѣли, но

въ сторонѣ города, самой отдаленной отъ непріятеля, или, лучше сказать, у самой оконечности улицъ, ведущихъ изъ города къ позиціи нашей арміи. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, какъ все хлынуло къ точкѣ сбора, оставивъ безъ всякой защиты ворота эйлаускія, площадь и улицы. Непріятель, воспользовавшись этимъ, вступилъ по пятамъ нашимъ въ пустой городъ, гдѣ расположился съ полною рѣшимостію удержать его на сей разъ за собою.

Это неожиданное и, можно сказать, несчастное происшествіе, угрожая правому флангу нашему внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, принудило Беннингсена исключить на всю ночь изъ боеваго порядка всю 4-ю пѣхотную дивизію; усиливъ ее Архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и расположивъ между арміею и городомъ, онъ сверхъ того придвинулъ ближе къ выходамъ изъ улицъ баттарею изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, устроенную прежде на самой оконечности праваго фланга арміи. Это обстоятельство имѣло для насъ слѣдствія еще болѣе неблагопріятныя: оно лишило насъ на другой день возможности, за пять часовъ до прибытія корпуса Даву на поле сраженія, двинуть всѣ наши силы на правый флангъ французской арміи, ослабленной въ то время отсутствіемъ этого корпуса, корпуса Бернадота, и лишенной точекъ опоръ для своихъ фланговъ; французы были расположены за городомъ, на оси котораго мы безопасно могли предпринять рѣшительный поворотъ вправо и вполнѣ воспользоваться превосходствомъ силъ нашихъ и мѣстностью. Наконецъ оно перенесло на сторону непріятельской арміи всѣ выгоды, представляемыя опорою на Эйлау, на оси коего уже не мы, а она могла на другой день совершить поворотъ влѣво; это дозволило ей примкнуть къ подходившему на поле сраженія корпусу Даву. Охвативъ весь лѣвый флангъ нашъ, французы потѣснили его къ Кёнигсбергской дорогѣ, чѣмъ исполнились виды Наполеона, клонившіеся съ самаго движенія его отъ Наревы къ тому, чтобы, отстранивъ насъ отъ послѣдняго прямаго сообщенія съ Россіею, отбросить къ Кёнигсбергу и къ Фришъ-Гафскому заливу. Сло-

вомъ, по занятіи непріятелемъ Эйлау, намъ ни минуты не слѣдовало оставаться на избранномъ нами боевомъ полѣ, но надлежало немедленно отойти къ Домнау или Фридланду. Передвиженіе это было тѣмъ болѣе безопасно, что Даву не могъ еще угрожать пути отступленія нашей арміи, которая могла безпрепятственно сдѣлать переходъ въ двадцать верстъ. Но воля главнокомандующаго была непоколебима, и жребій былъ брошенъ.

III.

Армія наша, заключавшая въ себѣ отъ 78000 до 80000, была размѣщена слѣдующимъ образомъ: примыкая правымъ флангомъ къ большой Кёнигсбергской дорогѣ у селенія Шлодитена [1]), она имѣла направленіе нѣсколько косвенное къ городу; не доходя полу-версты до города, упираясь лѣвымъ флангомъ къ Клейнъ-Саусгартену, она образовала тупой уголъ. Деревня Серпальтенъ, находившаяся впереди Саусгартена, была занята слабымъ отрядомъ генералъ-маіора Баговута.

Пять пѣхотныхъ дивизій: 2-я, 3-я, 5-я, 7-я и 8-я, были построены въ двѣ линіи; два баталіона каждаго полка развернутымъ фронтомъ, третій позади ихъ въ колоннѣ; при нихъ было болѣе двухъ-сотъ орудій. Резервъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, 4-й и 14-й, былъ построенъ въ двѣ густыя колонны и имѣлъ при себѣ шесть-десятъ орудій конной артиллеріи. Вначалѣ онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ мызы Аукдапенъ, но съ разсвѣтомъ онъ былъ переведенъ ближе къ центру арміи. Вся конница, раздѣленная на три части, была расположена на флангахъ и въ срединѣ арміи, гдѣ находилось не болѣе двадцати-восьми эскадроновъ; казачьи полки были расположены уступами на обоихъ флангахъ. Независимо отъ артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи и находившейся при резервѣ, 1-я баттарея изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій была вначалѣ устроена на правомъ флангѣ арміи, у Кёнигсбергской дороги, а по занятіи непріятелемъ города, подвинута

---

[1]) На этомъ полѣ сраженія были селенія Шлодитенъ и Шмодитенъ Къ первому примыкалъ правый флангъ нашей арміи; послѣднее лежитъ позади перваго въ близкомъ разстояніи отъ него.

на семь-сотъ шаговъ отъ него; 2-я баттарея изъ семи-десяти баттарейныхъ орудій была расположена почти въ центрѣ арміи, въ верстѣ отъ города; 3-я изъ сорока баттарейныхъ между этою баттареею и Саусгартеномъ. Ко всѣмъ тремъ баттареямъ, подобно куртинамъ въ бастіонной системѣ, примыкали войска первой нашей линіи. Хотя прусскій корпусъ Лестока, усиленный русскимъ Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ и простиравшійся почти до 8000 человѣкъ, былъ далекъ отъ поля сраженія, но онъ направлялся къ Альторфу, то-есть, къ правому флангу нашей позиціи; одна бригада его, коей предводительствовалъ генералъ Плоцъ, заманивая Нея къ Крейцбургу, отдалялъ его отъ круга рѣшительныхъ происшествій и не дозволялъ ему участвовать въ приготовлявшемся боѣ.

Правымъ флангомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й; срединою генералъ-лейтенантъ Сакенъ; лѣвымъ флангомъ генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой; резервомъ генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ; всею кавалеріею генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ; артиллеріею генералъ-лейтенантъ Рѣзвой. Багратіонъ, бывшій въ чинѣ генералъ-лейтенанта однимъ изъ младшихъ, не имѣлъ особой команды и былъ подчиненъ Дохтурову.

Французская армія, въ ночь съ 26-го на 27-е, была расположена въ слѣдующемъ порядкѣ: у передовыхъ строеній города и въ самомъ городѣ пѣхотная дивизія Леграна; на правой сторонѣ города пѣхотная бригада Вивіена; на лѣвой пѣхотная бригада Фере (обѣ составляли пѣхотную дивизію Леваля); къ правому флангу бригады Вивіена примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера. Всѣ сіи три дивизіи составляли корпусъ Сульта. На правомъ флангѣ дивизіи Сентъ-Илера была уступомъ расположена драгунская дивизія Мильго; за городомъ, по обѣимъ сторонамъ Ландсбергской дороги, находились драгунскія дивизіи Клейна и Груши; уступомъ отъ ихъ лѣваго фланга, позади пѣхотной бригады Фере, была расположена гвардейская кавалерійская дивизія; на лѣвомъ ея флангѣ, выступомъ, легкія кавалерійскія бригады Кольберта, Гюо и Брюера; а уступомъ, кирасирская дивизія Гопульта;

легкая кавалерійская бригада Дюронеля на оконечности лѣваго фланга всей арміи между ею и селеніемъ Альторфъ; позади кирасиръ Гопульта, на дорогѣ отъ Эйлау къ селенію Стробенену—пѣхотный корпусъ Ожерö; пѣшая гвардія Наполеона и его собственный бивакъ на холмѣ между Эйлау и мызою Грингофшенъ; пѣхотный корпусъ Даву, верстахъ въ двадцати отъ арміи на Бартенштейнской дорогѣ; пѣхотный корпусъ Нея на Мельзакской дорогѣ къ Цинтену, около селенія Гусененъ, верстахъ въ двадцати-пяти отъ арміи; пѣхотный корпусъ Бернадота въ разстояніи нѣсколькихъ сутокъ позади арміи.

Мѣстоположеніе занимаемой нами позиціи представляло слегка холмистую равнину, примыкающую лѣвой стороною къ легкимъ возвышеніямъ, господствующимъ надъ нашимъ лѣвымъ флангомъ. Этотъ флангъ былъ чрезвычайно важенъ для насъ въ стратегическомъ отношеніи. Снѣгъ, покрывавшій землю, затруднялъ перемѣщеніе артиллеріи; оледенѣлыя и покрытыя снѣгомъ небольшія озера и болота, разсѣянныя по полю сраженія, были весьма обманчивы. Представляя обширныя плоскости, повидимому, удобныя для дѣйствія кавалеріи и артиллеріи, они были весьма опасны для движенія по нимъ войскъ; многія изъ нихъ были еще непроходимы даже и для пѣхоты. Между селеніями Саусгартеномъ, Куштеномъ и мызой Ауклапеномъ находился лѣсъ изъ кустарниковъ. Погода стояла ясная, хотя изрѣдка наступала небольшая темнота отъ пролетнаго появленія большаго снѣга. Стужа была легкая, не превышавшая трехъ или четырехъ градусовъ.

Съ утреннимъ разсвѣтомъ армія поднялась и стала въ ружье. Еще курились на мѣстѣ ночлега костры, войска разсѣкались черными полосами это бѣлое, незапятнанное поле предстоящаго сраженія, нигдѣ еще не сверкнулъ ни одинъ выстрѣлъ; но замѣтно было только нѣкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ, приходившихъ въ окончательный порядокъ; 4-я пѣхотная дивизія и Архангелогородскій полкъ возвратились на свое мѣсто въ составъ главнаго резерва арміи. Ободняло, и съ дневнымъ свѣтомъ грянула шестидесяти-пушечная баттарея нашего праваго фланга. Часть непріятельской

артиллеріи, ночевавшей позади переднихъ строеній города, выдвинувшись изъ-за нихъ, отвѣчала на вызовъ—и Наполеонъ вполнѣ удостовѣрился, что дѣло уже идетъ о битвѣ не съ арьергардомъ, какъ онъ полагалъ, а со всею нашею арміею. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ отдѣленіи корпусовъ Нея и Даву на значительное разстояніе и не роптал на судьбу, лишившую его въ столь рѣшительный день содѣйствія корпуса Бернадота. Это обстоятельство не прошло бы ему даромъ за семь лѣтъ прежде, когда Суворовъ былъ еще на конѣ во главѣ русскихъ войскъ. Хотя нашей арміей не предводительствовалъ уже великій Суворовъ, нельзя было однако пренебрегать Беннингсеномъ, полководцемъ не безъ замѣчательныхъ дарованій и свѣдѣній. Гонцы полетѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно спѣшить къ Эйлау.

Между тѣмъ жестокая канонада гремѣла вокругъ города, и главныя силы французской арміи начали размѣщаться; легкія кавалерійскія бригады Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались влѣво отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Леваля, соединивъ всѣ три бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ этимъ легко-коннымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣхотная дивизія Леграна, выдвинувшись впереди города, примкнула къ правому флангу Леваля. Корпусъ Ожеро построился въ двѣ линіи: дивизія Дежардена составила первую, а дивизія Гюдле вторую линію. Обѣ эти дивизіи примкнули лѣвыми своими флангами къ церкви, находящейся у оконечности города, гдѣ находился самъ Наполеонъ во все время сраженія. За Ожеро расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая слѣва къ пѣшей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а вправо, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Дивизія Сентъ-Илера (отъ корпуса Сульта) примкнула къ правому флангу первой линіи Ожеро, заслоняя собою драгунскую дивизію Клейна; драгунская дивизія Мильго—къ правому флангу Клейна, и составила оконечность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ возрастала по мѣрѣ развертыванія французской арміи параллельно нашей. Хотя она сдѣлалась общею, но гремѣла съ большею силою около города, нежели на другихъ пунктахъ; съ нашей стороны потому, что мы этимъ старались затруднить дивизіямъ Леграна и Леваля нападеніе на нашъ правый флангъ, а съ непріятельской— для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ правый, чѣмъ на лѣвый флангъ, и для облегченія чрезъ то усилій Даву, коего прибытіе на оконечность этого фланга нашего должно было рѣшить участь сраженія. Огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался уже около трехъ часовъ сряду, но ничего замѣчательнаго не происходило ни съ непріятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву, коему велѣно было принять вправо отъ Бартенштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ Гейльсбергской, Наполеонъ приказалъ всему центру главной арміи двинуться вправо для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Войска двинулись, но въ самую эту минуту закрутилась метель съ густымъ снѣгомъ, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожерô, потерявъ направленіе и отдѣлясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ, неожиданно для насъ и для себя, предъ центральною нашею баттареею въ самую минуту проясненія погоды. Семьдесятъ жерлъ рыгнули адомъ, градъ картечь зазвенѣлъ по желѣзу и застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки Московскій гренадерскій, Шлиссельбургскій пѣхотный и пѣхотная бригада генерала Сомова, наклонивъ штыки, ринулись съ жадностью на него. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, они противопоставили штыки штыкамъ и стали грудью. Произошла схватка, дотолѣ невиданная. Болѣе 20000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ вонзали треугольное орудіе другъ въ друга. Толпы валились. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого гомерическаго побоища, и скажу по истинѣ, что въ продолженіи шестнадцати кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо наименован-

ную эпопеею военнаго искусства, я не видалъ подобнаго побоища! Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его: слышенъ былъ только какой-то невыразимый гулъ перемѣшавшихся и рѣзавшихся безъ пощады тысячей храбрыхъ. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими грудами; люди падали одни на другихъ сотнями, такъ что вся эта часть поля сраженія уподобилась вскорѣ высокому парапету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ наша взяла! Корпусъ Ожеро былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и прискакавшимъ къ ней на помощь генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ съ центральною конницей. Задоръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, въ пылу погони, занесся за непріятельскую позицію и явился у церкви, въ ста шагахъ отъ самого Наполеона; объ этомъ упомянуто самими французами во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, коего энергія и присутствіе духа возвышались по мѣрѣ увеличенія опасности, приказалъ Мюрату и Бессьеру съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею ударить на гнавшіяся за Ожеро съ криками „ура!“ войска наши. Это движеніе было необходимо для спасенія хотя части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если бы Беннингсенъ на это отважился. Болѣе шестидесяти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и снѣгъ, взрываемый 12000 сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и взвился изъ-подъ нихъ, какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блистательный Мюратъ, въ карусельномъ костюмѣ своемъ, окруженный многочисленною свитою, горѣлъ впереди бури, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ въ средину сѣчи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, подставленныхъ нашею пѣхотою, не удержали этого гибельнаго напора. Французская кавалерія все смяла, все затоптала, прорвала первую линію арміи, и въ бурномъ своемъ стремленіи достигла до второй линіи и резерва, но тутъ напоръ ея волнъ

разразился о скалу. Вторая линія и резервъ устояли, не поколебавшись, и густымъ ружейнымъ и баттарейнымъ огнемъ обратили вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія эта, въ свою очередь преслѣдуемая конницею нашею сквозь строй пѣхоты первой линіи, ею же смятой и затоптанной, а теперь снова уже поднявшейся на ноги и стрѣлявшей по ней въ догонку,—отхлынула даже за черту, которую она занимала въ началѣ дня. Погоня конницы была удальски запальчива и, какъ говорится, до дна (à fond). Оставленныя на этой чертѣ непріятельскія баттареи были взяты достигшими до нихъ нѣсколькими нашими эскадронами; канониры и колеса у нѣкоторыхъ орудій были изрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣстѣ по неимѣнію передковъ съ упряжью, ускакавшихъ отъ страха. Въ этой рукопашной схваткѣ и въ приливѣ и отливѣ кавалеріи дивизіонные генералы: кавалерійскій Гопультъ, гвардейскій Далманъ, генералъ-адъютантъ Корбино [1]) и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣстѣ битвы. Самъ маршалъ Ожерò, дивизіонный генералъ Гюдле и бригадный Лошетъ были ранены; нѣкоторые другіе бригадные генералы и множество штабъ-офицеровъ, какъ Лакюе, Маруа, Бувьеръ и прочіе, понесли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеровъ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были охвачены нашею конницею и положили жизнь между первою и второю линіями; 14-й линейный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ 24-мъ линейномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожерò, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли лишь одни обломки; шесть орловъ было взято нашими. Какая была минута для дружнаго и совокупнаго натиска всѣхъ силъ нашихъ на дивизію Сентъ-Илера, оставшуюся безъ подпоры и безъ надежды на какую либо помощь! Все вокругъ этой дивизіи было или истреблено, или разстроено, и чтò всего важнѣе, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверхъ того, было еще одиннадцать часовъ утра, слѣ-

[1]) Одинъ изъ трехъ извѣстныхъ генераловъ Корбино.

довательно оставалось еще два часа до прибытія корпуса Даву на поле сраженія. Но, чтобы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума разсчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго, какъ искра электрическая, и столько же необходимаго для поэта, для витіи, какъ и для полководца: это есть лишь принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо, полководцевъ слова.

Благопріятная минута, обѣщавшая оружію нашему такъ много выгоды, исчезла. Войска наши, гнавшіяся за непріятелемъ, были принуждены возвратиться къ главнымъ силамъ арміи, изъ которыхъ не было выдвинуто имъ на помощь ни одного баталіона, и разстроенный непріятель, пользуясь ихъ отливомъ, сплотился, устроился и ободрился. Тогда обѣ сражавшіяся арміи вошли въ то самое положеніе, въ которомъ онѣ находились до рѣзни и сѣчи, до бойни, безполезно пожравшей такое множество воиновъ; всѣ эти чудеса храбрости, все это самоотверженіе, весь этотъ героизмъ воиновъ, загромоздившихъ трупами своими поле кроваваго прѣнія, ни къ чему не послужили, какъ будто его и не бывало! Дѣйствіе ограничилось жестокою канонадою, снова разлившеюся по всему протяженію обѣихъ армій, и побіеніемъ новыхъ тысячей, такъ отъ нѣчего дѣлать, до прибытія къ французамъ корпуса Даву, къ намъ—прусскаго корпуса Лестока.

Насталъ второй періодъ сраженія. Около перваго часу по полудни, на гребнѣ высотъ, которыя виднѣлись отъ насъ влѣво и къ которымъ примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, показалось нѣсколько отдѣльныхъ всадниковъ. За ними слѣдовали громады конницы, а тамъ стали выдвигаться пѣхотныя колонны и артиллерія. Горизонтъ зачернѣлъ и взволновался; холмы Саусгартена, дотолѣ безмолвные, сверкнули, оклубились дымомъ и „проглаголали“. Даву отвѣчалъ имъ изъ сорока орудій, и потекъ лавою на боевое поле; въ то же время къ нему стала приближаться дивизія Сентъ-Илера, подкрѣпленная кавалерій-

ской дивизіей Мильго. На лѣвомъ флангѣ Сентъ-Илера, уступомъ отъ него, двинулись, потерпѣвшія уже въ бою, кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта: онѣ были построены въ три линіи. Къ лѣвому флангу этой кавалеріи примкнулъ остатокъ корпуса Ожерó, построенный въ двѣ линіи. За ними расположилась пѣшая гвардія, а позади Гопульта конная, потерпѣвшая не менѣе кавалерійскихъ дивизій. Дивизіи же Леграна и Леваля, и четыре легкія кавалерійскія бригады остались на своихъ мѣстахъ. Все вниманіе наше и непріятельское обратилось на Даву и на нашъ лѣвый флангъ. Поскакали адъютанты по Альторфской дорогѣ съ повелѣніями Лестоку спѣшить не къ правому уже флангу арміи, а чрезъ Шмодитенъ къ лѣвому. Нѣкоторая часть конницы и артиллеріи, находившаяся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, потянулась къ тому же лѣвому флангу, который непріятель сталъ тѣснить все болѣе и болѣе къ центру, давно уже подвергавшемуся дѣйствію баттарей, расположенныхъ за каменными строеніями города; онѣ обстрѣливали продольными выстрѣлами все протяженіе арміи нашей отъ Эйлау до Ауклапена и лѣса, находящагося между Саусгартеномъ, Ауклапеномъ и Куштитеномъ.

Обстоятельства представлялись не въ красивомъ видѣ. Даву, оттѣснивъ за лѣсъ лѣвый флангъ нашъ и занявъ пространство, раздѣляющее Куштитенъ и Саусгартенъ, устроилъ на высотахъ Саусгартена огромную баттарею, и съ своей стороны сталъ пронизывать ядрами протяженіе нашей арміи, обстрѣливаемое уже продольными выстрѣлами изъ Эйлау. Селеніе Куштитенъ наполнилось его пѣхотою; пѣхота дивизіи Сентъ-Илера заняла мызу Ауклапенъ, гдѣ находилась ночью главная квартира Беннигсена. Графъ Остерманъ съ свойственной ему неустрашимостью, графъ Паленъ съ величавымъ спокойствіемъ героя, тщетно отражали нападеніе, котораго стремительность возрастала вслѣдствіе успѣховъ. Безпорядокъ начиналъ обнаруживаться въ нашихъ войскахъ; вся часть поля сраженія отъ Куштитена до Шмодитена покрылась разсѣянными солдатами: они направлялись къ Кёнигсберской дорогѣ

подъ прикрытіемъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, не теряя ни духа, ни устройства, обливали еще кровью своею каждый шагъ земли, ими оспариваемый. Перекрестный огонь умножавшихся непріятельскихъ баттарей бороздилъ, взрывалъ поле битвы и все, что на немъ находилось. Обломки ружей, щепы лафетовъ, кивера, каски вились по воздуху; все трещало и разрушалось. Среди бури ревущихъ ядръ и лопавшихся гранатъ, среди упадшихъ и падавшихъ людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннингсенъ, какъ знамя чести. Къ нему и отъ него носились адъютанты; извѣстія и повелѣнія смѣнялись извѣстіями и повелѣніями; скачка была безпрерывная, онъ обнаружилъ дѣятельность неутомимую; но положеніе арміи тѣмъ не исправилось, потому что всѣ мысли, всѣ намѣренія, всѣ распоряженія вождя нашего, все дышало осторожностью, разсчетливостью, свойствами ума точнаго, основательнаго, сильнаго для состязанія съ умами такого же рода; но все это безсильно противъ людей, у которыхъ внезапно проявляются вспышки генія, ускользающія отъ предусмотрительности и разсчетовъ, основанныхъ лишь на теоретическихъ правилахъ. Все, что Беннингсенъ ни приказывалъ, все, что ни исполнялось вслѣдствіе его повелѣній,— все клонилось лишь къ систематическому отраженію нападеній Даву и Сентъ-Илера, противоставляя лишь нашъ штыкъ и дуло—штыку и дулу непріятеля; но нельзя было ожидать отъ него какого либо неожиданнаго движенія, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ движеній, и удара напропалую и очертя голову на какой либо пунктъ, почитаемый непріятелемъ внѣ опасности. И подлинно, какъ шло дѣло? Даву продолжалъ напирать, охватывая болѣе и болѣе лѣвый флангъ нашей арміи, тогда какъ часть центра и правый флангъ нашъ, не двигаясь съ мѣста, постепенно и мало по малу отдѣляли отъ себя частицы пѣхоты, конницы и артиллеріи на помощь отступавшему лѣвому флангу; но ни центръ, ни правый флангъ не предпринимали сами ничего совокупнаго, рѣшительнаго, такого, что могло бы ошеломить противника своею внезапностью. Впрочемъ страдательное отраженіе натисковъ праваго непрія-

тельскаго фланга приносило намъ не мало пользы: отсрочивая рѣшительное пораженіе, оно давало время корпусу Лестока прибыть на поле битвы; но для того слѣдовало подкрѣплять этотъ флангъ большими массами, а не мелкими частицами. Багратіонъ, въ минуту опасности, силою воли и дарованія вновь появился въ главѣ войскъ; принявъ здѣсь начальство, онъ двинулъ резервъ къ Ауклапену и обратилъ его лицемъ къ Даву и Сентъ-Илеру. Ермоловъ, прискакавъ къ тому же пункту съ двадцатью-четырьмя орудіями, выдвинулъ ихъ изъ-за резерва и, осыпавъ брандскугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажегъ ее, чѣмъ принудилъ непріятельскую пѣхоту очистить ее; генералъ-маіоръ графъ Кутайсовъ прибылъ также сюда съ двѣнадцатью орудіями, но позднѣе. Тогда, не теряя ни мгновенія, Ермоловъ устремился къ ручью, разсѣкавшему лѣсъ, и, отвѣчая съ успѣхомъ выстрѣламъ заложенныхъ непріятелемъ баттарей, не допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной пѣхотной колонны, ни къ лѣсу, ни къ Ауклапену, ни къ Кушитену для подкрѣпленія войскъ, двигавшихся къ послѣднему селенію. Но эти успѣхи, или, лучше сказать, эта отсрочка угрожавшей гибели, не могла быть продолжительна. Для того, чтобы рѣшительно похитить у непріятеля побѣду, надлежало не только остановить, но поразить Даву; намъ слѣдовало сдѣлать дружный натискъ на его правый флангъ, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ тылу его общимъ наступленіемъ на корпусъ Ожеро и примыкавшую къ нему кавалерію. Для произведенія этой атаки мы еще обладали достаточными силами; но для перваго намъ былъ необходимъ прусскій корпусъ, который все не являлся.

Наконецъ прискакали адъютанты съ извѣстіемъ о приближеніи Лестока, столь давно и столь нетерпѣливо нами ожидаемаго. Отвлекши большую часть корпуса Нея бригадою генерала Плоца, Лестокъ съ главными силами своими, состоявшими изъ девяти баталіоновъ и двадцати-девяти эскадроновъ [1]), обратился на Лейсенъ, Гравентенъ и Альторфъ. Уже было около четырехъ часовъ по полудни; дорога Альторфская зачернѣла вой-

---

[1]) 5584 человѣка. Изъ рапорта Лестока.

сками, и Беннингсенъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, какъ для ускоренія ихъ прибытія, такъ и для того, чтобы дать имъ надлежащее направленіе. Замѣтно было, что по прибытіи главнокомандующаго къ сему корпусу, онъ сталъ быстрѣе двигаться. Лестокъ двинулся къ Шмодитену; миновавъ это селеніе и не доходя до Кушитена, онъ построилъ войска въ боевой порядокъ. Правую колонну составлялъ русскій Выборгскій полкъ, лѣвую—полкъ Рюхеля; въ резервѣ же слѣдовалъ за ними гренадерскій баталіонъ Фобецкаго развернутымъ фронтомъ. Пѣхотный полкъ Шёнинга, построенный въ колонну, оставивъ селеніе влѣво, ударилъ на непріятельскую пѣхоту, предъ нимъ находившуюся, и, опрокинувъ ее, прогналъ въ лѣсъ. Генералъ Каль, съ конницею и однимъ полкомъ казаковъ, примкнувшихъ къ нему отъ главной арміи, оставивъ Кушитенъ вправо, напалъ на непріятельскую кавалерію, примыкавшую къ этому селенію, разстроилъ ее и, обратясь на пѣхоту, выбѣгавшую въ разстройствѣ изъ Кушитена, истребилъ большую часть ея, не допустивъ ея до лѣсу, въ которомъ скрылась первая непріятельская колонна. Въ этомъ случаѣ Выборгскій пѣхотный полкъ возвратилъ три орудія, взятыя французами на нашемъ лѣвомъ флангѣ, во время ихъ наступленія.

Овладѣвъ Кушитеномъ, Лестокъ поворотилъ войска вправо и построилъ ихъ лицемъ къ лѣсу. Полкъ Шёнинга образовалъ правый флангъ, гренадерскій баталіонъ Фобецкаго и Выборгскій пѣхотный—средину, а полкъ Рюхеля—лѣвый флангъ корпуса. Вторую линію составляли кирасирскій полкъ Вагенфельда и драгунскіе полки Ауера и Бачко. Легко-конный полкъ „Товарищей“ построился на лѣвомъ флангѣ пѣхоты. Въ это время отступавшій лѣвый нашъ флангъ остановился и устроился; резервъ его, подъ командою генералъ-маіора графа Каменскаго, и конница резерва, подъ командою генералъ-маіора Чаплица, двинулись на помощь Прусскому корпусу. Атака на лѣсъ была произведена съ превосходнымъ мужествомъ и съ замѣчательнымъ устройствомъ. Лѣсъ былъ очищенъ частью огнестрѣльнымъ, частью холоднымъ оружіемъ. Вотъ моментъ общаго

натиска всей средины и всего главнаго резерва нашей арміи на разстроенный уже корпусъ Ожеро̀, конную гвардію и три кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта, соединившія лѣвый флангъ непріятельской арміи съ его правымъ флангомъ. Подобное движеніе даровало побѣду Наполеону подъ Аустерлицомъ. Но армія наша осталась на мѣстѣ, ограничивъ дѣйствіе свое одною канонадою. Натиску Лестока содѣйствовала собственная его артиллерія, поражавшая войска Даву и Сентъ-Илера, и артиллерія Ермолова и Кутайсова, обстрѣливавшая продольными выстрѣлами линію этихъ войскъ по всему протяженію отъ лѣваго до праваго ихъ фланга.

Не смотря на это общее съ нашей стороны бездѣйствіе, предоставлявшее всѣ усилія одному Лестоку, Каменскому и артиллеріи Ермолова и Кутайсова, непріятель не устоялъ противъ нихъ. Отступленіе его, начатое сперва въ порядкѣ, обратилось наконецъ въ постыдное бѣгство, которое достигло до того, что двадцать-восемь орудій, частью подбитыхъ и частью ничѣмъ не поврежденныхъ, были имъ брошены на мѣстѣ сраженія. Наступившій мракъ и невѣденіе объ этомъ не дозволили прусскому генералу украсить день Эйлаускій такими важными трофеями. Даву и Сентъ-Илеръ, оставивъ поле битвы, расположили войска свои по обѣимъ сторонамъ Саусгартена; передовая цѣпь и караулы ихъ остановились въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди его. У Эйлау остались на прежнихъ мѣстахъ пѣхотныя дивизіи Леваля и Леграна; но четыре легкія кавалерійскія бригады подвинулись къ Альторфскому ручью, для открытія сообщенія съ частью корпуса Нея, подходившаго уже къ Альторфу. Съ нашей стороны войска расположились слѣдующимъ образомъ: передняя линія ихъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ дорогѣ, идущей отъ Куштена въ Домнау, шла вдоль ручья, текущаго отъ Ауклапена, и разсѣкала лѣсъ почти на двое. Оттуда линія эта проходила впереди Ауклапена и упиралась въ центральную баттарею нашу, игравшую столь значительную роль въ первомъ періодѣ сраженія. Къ этой баттареѣ примыкали войска праваго фланга, какъ примыкали они въ первоначальномъ ихъ построеніи передъ сра-

женіемъ. Это параллельное положеніе сражавшихся войскъ по прекращеніи битвы доказываетъ отсутствіе рѣшительнаго перевѣса оружія одной арміи надъ другою. Какъ французская, такъ и наша, остались въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, уступившемъ нѣсколько саженъ мѣста корпусу Даву и дивизіи Сентъ-Илера, по причинѣ наступленія сумрака, который прервалъ битву. Еще одинъ часъ дня, и—Лестокъ неминуемо овладѣлъ бы артиллеріею, оставленною французами между Куштеномъ и Саусгартеномъ, и принудилъ бы самый корпусъ Даву и дивизію Сентъ-Илера отступить за Саусгартенъ и далѣе.

Наступила глубокая ночь надъ Эйлаускимъ полемъ, упитаннымъ кровью. Всѣ окружныя селенія были объяты пламенемъ, и отблескъ пожаровъ отражался на войска, хотя и утомленныя, но еще стоявшія подъ ружьемъ и ожидавшія повелѣній своихъ начальниковъ. Кое-гдѣ видны уже были вспыхнувшіе костры биваковъ, вокругъ коихъ толпились, или къ которымъ пробирались тысячи раненыхъ. Искаженные трупы людей и лошадей, разбитыя фуры, пороховые ящики и лафеты, доспѣхи и оружіе,—все это въ безпорядкѣ разбросанное и сваленное въ груды, придавало равнинѣ живописность ужаса и разрушенія, достойную кисти вдохновеннаго творца „Послѣдняго дня Помпеи“.

Бой прекратился, но недоумѣніе: возобновить ли битву или отступить намъ къ Кёнигсбергу, а французамъ къ Вислѣ,—обуревало мысли верховныхъ вождей обѣихъ армій. Упрямѣйшій восторжествовалъ не возобновленіемъ нападенія, но выжиданіемъ утра на мѣстѣ битвы. Беннигсенъ отступилъ около полуночи, оставивъ на полѣ нѣсколько эскадроновъ для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія арміи, двинувшейся къ Кёнигсбергу; Лестокъ отошелъ чрезъ Алленбургъ въ Велау. Погони не было. Французская армія, подобно разстрѣленному военному кораблю, съ обломанными мачтами и съ изорванными парусами, еще грозно колыхалась; но она была неспособна сдѣлать малѣйшій шагъ впередъ не только для возобновленія битвы, но

даже для преслѣдованія. Вдругъ закипѣли ружейные выстрѣлы въ Шмодитенѣ, чему мы весьма изумились. Мы вспомнили о Неѣ, котораго совершенно потеряли изъ виду. И подлинно, Ней, прибывъ въ девять часовъ вечера съ частью своего корпуса въ Альторфъ, нашелъ тамъ Прусскій гренадерскій баталіонъ капитана Куровскаго, который, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, оставилъ селенія и отошелъ къ арміи. Генералъ Лиже-Белеръ, съ 6-мъ и 39-мъ полками легкой пѣхоты, слѣдовалъ за нимъ и вступилъ въ Шмодитенъ, селеніе, наполненное нашими ранеными и командами, прибывшими для ихъ прикрытія. Послѣднія открыли огонь по французамъ, и перестрѣлка завязалась. Тотчасъ отряженъ былъ къ нимъ на помощь Воронежскій пѣхотный полкъ при нѣсколькихъ орудіяхъ; но непріятель, не ожидая нашего отряда, отступилъ въ Альторфъ, и тѣмъ прекратилась тревога.

28-го числа армія наша, отдохнувъ въ Мюльгаузенѣ, продолжала путь свой къ Кёнигсбергу, вокругъ котораго остановилась, оставивъ арьергардъ князя Багратіона въ Людвигсвальдѣ; французская армія, опасаясь движеніемъ впередъ быть вынужденною принять новое сраженіе, осталась около Эйлау; двадцать-четыре непріятельскіе эскадрона двинулись чрезъ два дня для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, когда Наполеонъ удостовѣрился, что армія наша достигла уже Прегеля.

5-го февраля Наполеонъ, рѣшившись отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ, оставилъ Эйлау; его преслѣдовали нашъ авангардъ и всѣ казачьи полки подъ начальствомъ атамана Платова, который съ этого времени пріобрѣлъ европейскую славу. Обратное движеніе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало въ served уронѣ, понесенномъ ею, пять лѣтъ спустя при отступленіи изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ печальнаго отступленія ея отъ Эйлау до Гутштадта. Весь путь былъ усѣянъ ея обломками. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей умирающихъ, или заваливших трупами своими путь, по коему мы слѣдовали;

лазаретныя фуры, полныя умершихъ или умирающихъ и искаженныхъ въ Эйлаускомъ сраженіи солдатъ и чиновниковъ, попадались намъ во множествѣ. Торопливость при отступленіи достигла того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ изъ нихъ, валявшихся на снѣгу безъ покрова и одежды и истекавшихъ кровью. Такихъ было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни, попадавшіяся на пути, были завалены больными и ранеными; они оставались безъ врачей, безъ пищи и малѣйшаго надзора. Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, много мародеровъ и восемь орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи.

Уронъ нашъ въ этомъ сраженіи простирался почти до половиннаго числа сражавшихся, то-есть, до 37000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ: по спискамъ видно, что послѣ битвы армія наша состояла изъ 46800 человѣкъ регулярнаго войска и 2500 казаковъ [1]). Со времени изобрѣтенія пороха не было примѣра подобнаго урона. Предоставляю читателю судить объ уронѣ французской арміи, которая, уступая нашей въ количествѣ артиллеріи, была отбита въ центрѣ и на нашемъ лѣвомъ флангѣ послѣ двухъ упорныхъ атакъ. Трофеи наши состояли изъ девяти орловъ, исторгнутыхъ изъ рядовъ непріятельскихъ, и изъ 2000 плѣнныхъ. Прусскій корпусъ взялъ два орла.

IV.

Трогательное происшествіе случилось со мною послѣ сраженія. За годъ и два мѣсяца армія наша потерпѣла сильное пораженіе подъ Аустерлицомъ; Кавалергардскій полкъ раздѣлилъ пораженіе съ прочими частями арміи. Служившій въ этомъ полку поручикомъ родной братъ мой, тогда двадцатилѣтній юноша, былъ жестоко раненъ: получивъ пять ранъ саблею, одну пулею и одну штыкомъ, онъ былъ оставленъ замертво въ грудѣ труповъ на полѣ сраженія. Такъ пролежалъ

---

[1]) Изъ записокъ генерала Беннигсена.

онъ до глубокой ночи. Очнувшись ночью, онъ всталъ, и кое-какъ добрелъ до огня, сверкавшаго изъ ближайшей деревни, которую нашелъ занятою русскими ранеными, среди которыхъ онъ и помѣстился. Спустя трое сутокъ, двое кавалергардовъ, подобно ему раненыхъ, но гораздо легче, Араповъ и Барковскій, уговорили его итти вслѣдъ за отступавшею арміей нашей, и онъ, не зная о ея направленіи, побрелъ вмѣстѣ съ ними, какъ бродятъ люди, изнуренные страданіями и голодомъ. Путешествіе ихъ продолжалось не долго. Гвардейскій конно-гренадерскій эскадронъ, отряженный изъ французской арміи для собранія раненыхъ какъ французскихъ, такъ и русскихъ, настигъ странниковъ и объявилъ имъ объ ихъ участи. Дѣлать было нечего, надлежало повиноваться. Эскадронъ пошелъ далѣе, но командиръ его поручилъ брата моего и его двухъ товарищей одному изъ офицеровъ своего эскадрона для доставленія ихъ въ Брюнъ, гдѣ тогда находилась главная квартира Наполеона.

Но „бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ!“ говоритъ пословица. Офицеръ этотъ былъ поручикъ Серюгъ, племянникъ министра Маре (герцога Бассано). На его произволъ отданы были и жизнь и смерть брата моего. Я говорю и жизнь и смерть, потому что ненависть французовъ къ русскимъ и русскихъ къ французамъ началась съ этой эпохи. Въ обѣихъ арміяхъ вошло въ обычай срывать съ плѣннаго послѣдній покровъ, послѣднюю обувь, и изнеможеннаго отъ голода, усталости, стужи или ранъ предавать смерти. Хотя начальство этого не приказывало, но за подобные поступки никогда не взыскивало. Человѣколюбивый и сострадательный Серюгъ не былъ еще зараженъ этими гнусными правилами. Соболѣзнуя о злополучіи своего плѣнника, онъ простеръ свою снисходительность до того, что воспретилъ ему итти пѣшкомъ, посадилъ на лошадь и, видя его ослабленнымъ отъ голода, раздѣлилъ съ нимъ послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба. Такъ привезъ онъ его къ пастору ближайшаго села, приказавъ ему накормить при себѣ плѣнника до-сыта; снарядивъ для него повозку, онъ отправилъ его въ Брюнъ, ожививъ его дру-

жескимъ и, можно сказать, братскимъ участіемъ. Кромѣ того онъ далъ брату слово отыскать его въ Брюнѣ, куда надѣялся вскорѣ возвратиться; на случай, если бы онъ не возвратился, Серюгъ взялъ съ брата слово прибѣгнуть прямо къ дядѣ его, министру Маре, требуя отъ него всѣхъ вспомоществованій, необходимыхъ въ его положеніи. Все это слышалъ я отъ брата, по возвращеніи его изъ плѣна, и за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ армію.

Прибывъ съ арьергардомъ въ Людвигсвальдъ 29-го января, я отпросился у князя Багратіона въ Кёнигсбергъ для собственныхъ надобностей; прибывъ туда, я остановился у генерала Чаплица, исправлявшаго тогда должность коменданта города. Чаплицъ объявилъ мнѣ, что какой-то французскій офицеръ, раненый въ послѣднемъ сраженіи, спрашивалъ обо мнѣ, или, лучше сказать, освѣдомлялся, нѣтъ ли въ арміи нашей гвардіи поручика Давыдова? Я одинъ въ цѣлой арміи былъ гвардіи поручикъ Давыдовъ, и, любопытствуя узнать имя этого офицера, я просилъ показать себѣ списокъ плѣнныхъ чиновниковъ. Каково было мое удивленіе, когда, при разсматриваніи огромнаго фоліанта, имя гвардіи конно-гренадерскаго полка поручика Серюга первое бросилось мнѣ въ глаза! Увидѣть это имя и бѣжать къ Серюгу было дѣломъ одного мгновенія. Я еще не добѣжалъ до него, не видалъ его въ лицо, а уже былъ его братомъ, другомъ, вѣчнымъ и страстнымъ. Надобно сказать, что жители Кёнигсберга, узнавъ о прибытіи арміи нашей къ стѣнамъ города, опасались дальнѣйшаго нашего отступленія и занятія города французами; дабы заблаговременно заслужить благосклонность Наполеона, они употребили все стараніе, чтобы испросить у Беннингсена позволеніе разобрать по домамъ своимъ раненыхъ французскихъ офицеровъ, для пользованія и содержанія ихъ на своемъ иждивеніи. Разумѣется, что въ этомъ фортуна болѣе благопріятствовала племяннику министра, чѣмъ другому. Серюгъ пользовался гостепріимствомъ богатѣйшаго гражданина въ Кёнигсбергѣ. Я нашелъ его въ высокомъ, роскошно убранномъ домѣ, коего весь первый этажъ былъ ему предоставленъ. Кро-

вать съ занавѣсью, бѣлье отличное, ширмы, столики, диваны, обширныя кресла возлѣ кровати, полусвѣтъ и куреніе въ комнатѣ, врачъ и лѣкарства,—ни въ чемъ не было недостатка. Но онъ лежалъ блѣдный, изнеможенный, въ жестокихъ страданіяхъ. Нѣсколько сабельныхъ ранъ по головѣ и по рукамъ не столько его безпокоили, сколько мучила его рана пикою въ пахъ, глубокая и смертельная. Я тихо и осторожно подошелъ къ кровати страдальца и объявилъ ему мое имя. Мы обнялись какъ будто родные братья. Онъ спросилъ съ живѣйшимъ участіемъ о братѣ моемъ; я благодарилъ за сохраненіе мнѣ его и предложилъ себя къ его услугамъ. Онъ на это отвѣчалъ мнѣ: „Вы видите я на попеченіи добраго человѣка и ни въ чемъ не нуждаюсь. Однако вы можете мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Безъ сомнѣнія, между плѣнными есть раненые моего взвода; не можете ли вы исходатайствовать у начальства двухъ, или хотя одного изъ моихъ конно-гренадеръ для нахожденія при мнѣ. Пусть я умру, не спуская глазъ глазъ съ мундира моего полка и гвардіи великаго человѣка“. Я, разумѣется, поспѣшно исходатайствовалъ у Беннингсена и Чаплица позволеніе выбрать изъ толпы плѣнныхъ двухъ конно-гренадеръ взвода Серюга, и, сопровождаемый двумя его усачами, осѣненными медвѣжьими шапками и одѣтыми въ полной формѣ, я явился чрезъ два часа къ нему. Нельзя изъяснить радости несчастнаго моего друга при видѣ своихъ сослуживцевъ. Изъявленію благодарности не было бы конца, безъ просьбы моей прекратить порывы сердца, столь изнурительные въ его положеніи. Двое сутокъ я ни денно, ни нощно не оставлялъ Серюга; на третьи все кончилось: онъ умеръ на рукахъ моихъ, и похороненъ на Кёнигсбергскомъ кладбищѣ. За гробомъ шли двое упомянутыхъ французскихъ конно-гренадеръ и я—поручикъ русской гвардіи. Странное сочетаніе людей и мундировъ! Глубокая печаль живо изображалась на лицахъ старыхъ рубакъ, товарищей моихъ въ процессіи. Я былъ молодъ: я плакалъ.

Библіотека для чтенія 1835 г., т. XII.

VI.

ТИЛЬЗИТЪ

въ

1807 году.

I.

1807 года 2-е іюня ознаменовано было неимовѣрною храбростью, неимовѣрными усиліями войскъ нашихъ, и при всемъ томъ, этотъ день былъ днемъ самымъ бѣдственнымъ для нашего оружія. Армія наша, расположенная въ боевой порядокъ наперекоръ основнымъ правиламъ военнаго искусства, уничтоженная превосходнымъ числомъ непріятеля, засыпанная на тѣсномъ пространствѣ густою массою чугуна и свинца, частью вбитая въ тѣсныя улицы Фридланда, частью опрокинутая съ крутыхъ береговъ въ Алле, двигалась къ Прегелю, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній непріятеля.

Не забуду никогда тяжелой ночи, смѣнившей этотъ кровавый день. Арьергардъ нашъ, измученный десяти-суточными битвами и ошеломленный послѣднимъ ударомъ, разразившимся болѣе на немъ, чѣмъ на другихъ войскахъ, прикрывалъ безпорядочное отступленіе арміи, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ столь грозной, стройной и красивой. Физическія силы наши гнулись подъ гнетомъ трудовъ, нераздѣльныхъ со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда превыше всякихъ опасностей и бѣдствій, Багратіонъ коман-

довалъ этой частью войскъ; но и онъ, подобно подчиненнымъ своимъ, изнемогалъ отъ усталости и изнуренія. Сподвижники его, тогда только начинавшіе знаменитость свою: графъ Паленъ, Раевскій, Ермоловъ, Кульневъ, исполняли обязанности свои также черезъ силу; пѣхота едва тащила ноги, всадники же дремали, шатаясь на коняхъ.

На разсвѣтѣ армія прибыла въ Велау, и въ продолженіи дня перешла черезъ Прегель; арьергардъ, соединясь съ нею, истребилъ мостъ. Все войско, сколько позволило время, устроилось и пошло далѣе на Таплакенъ, Клейнъ-Ширау и Попелкенъ, по направленію къ Тильзиту. Порядокъ марша былъ слѣдующій: впереди гвардія со всею баттарейною артиллеріею; за ними два полка легкой кавалеріи праваго фланга (остальною кавалеріею этого фланга Беннингсенъ усилилъ арьергардъ); потомъ вся кавалерія обоихъ фланговъ; наконецъ вся пѣхота и легкая артиллерія, и съ ними главная квартира; арьергардъ заключалъ шествіе. Но прежде чѣмъ продолжать очеркъ этого отступленія, необходимо взглянуть на предшествовавшія ему стратегическія распоряженія обоихъ полководцевъ. Наполеонъ стоялъ на Пассаргѣ; передовой корпусъ его арміи, корпусъ Нея, находился въ Гутштадтѣ и окрестностяхъ его.

Беннингсенъ, устрашенный дѣйствіемъ въ сосѣдствѣ Фришгафскаго залива, къ которому едва не была приперта армія его во время зимней кампаніи, избралъ новую черту дѣйствія. Онъ расположилъ войска свои по теченію Алле, отъ окрестностей Гутштадта до Шипенбейля, занимая ими Гейльсбергъ и Бартенштейнъ; предназначивъ Гейльсбергъ пунктомъ соединенія всѣхъ силъ своихъ для генеральнаго сраженія, онъ приказалъ возвести на возвышеніяхъ, облегающихъ городъ, многочисленныя укрѣпленія. Эти распоряженія не подлежали бы осужденію, еслибъ черта дѣйствія, избранная Беннингсеномъ, заслонявшая единственное основаніе арміи нашей — Нѣманъ и Россію, прикрывала вмѣстѣ съ тѣмъ и магазины, на Нѣманѣ или между Нѣманомъ и нашей арміей расположенные. Но по этому направленію не существовало никакихъ магазиновъ; напротивъ, Беннингсенъ, прикрывая Нѣманъ и Россію, оставилъ

и даже умножилъ съѣстные и боевые припасы въ Кёнигсбергѣ, находившемся на правомъ флангѣ арміи и почти внѣ круга боевыхъ происшествій. Такимъ же образомъ распорядился онъ и относительно подвозовъ, высылаемыхъ изъ магазиновъ въ армію; они подвергались неминуемой гибели при первой необходимости оставить Гейльсбергъ, при первомъ движеніи его на правый берегъ Алле. Это не могло укрыться отъ такого проницательнаго и всеобъемлющаго взгляда полководца, каковъ былъ Наполеонъ. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ не только потому, что долгъ всякаго военачальника пользоваться ошибками противника, но и по необходимости. Область, изнуряемая войсками его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и область, столько же времени прокормившая наши войска и куда онъ намѣревался вторгнуться, не представляли болѣе средствъ къ пропитанію. Надлежало имѣть заранѣе учрежденные магазины, которые были устроены нами только въ Кёнигсбергѣ. Наполеонъ рѣшился потому немедленно овладѣть ими; Беннигсенъ же не озаботился оставить въ немъ достаточнаго гарнизона для охраненія его въ случаѣ набѣга самой малочисленной партіи непріятельскихъ гусаръ. Но чтобъ овладѣть Кёнигсбергомъ, не подвергая себя той же самой опасности, въ коей находился Беннингсенъ во время зимней кампаніи, надлежало сперва, вытѣснивъ армію нашу изъ Гейльсбергскихъ укрѣпленій, отбросить ее на правый берегъ Алле; это не было упущено изъ вида. Французская армія, перейдя чрезъ Пассаргу, подступила къ Гейльсбергу, обнимая лѣвымъ крыломъ своимъ нашъ правый флангъ. Тогда только Беннингсенъ вспомнилъ о Кёнигсбергѣ. Три способа представлялись ему къ удержанію, хотя на нѣкоторое время, Кёнигсберга: одинъ въ отраженіи Наполеона отъ Гейльсбергскихъ укрѣпленій, разбитіи его арміи и преслѣдованіи ея за Пассаргу и далѣе къ Вислѣ; другой—въ перемѣщеніи всей арміи къ Фришгафскому заливу, избѣгая сраженія подъ Гейльсбергомъ (это движеніе было тогда уже очень опасно и невозможно по причинѣ смежности съ непріятелемъ; къ тому же еслибъ оно и удалось, то армія наша снова подверглась бы тому јественному положенію, въ которомъ она находилась во время

зимней кампаніи); наконецъ, третій состоялъ въ томъ, чтобы отдѣлить къ Кёнигсбергу нѣкоторую часть арміи. Беннингсенъ избралъ послѣдній, тѣмъ болѣе, что и самое положеніе дѣлъ тому способствовало. Прусскій корпусъ Лестока, дѣйствовавшій на нижней Пассаргѣ у Спандена, былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи движеніемъ лѣваго крыла французской арміи отъ Эльдитена къ Гутштадту. Та же участь постигла отрядъ графа Каменскаго, возвращавшійся изъ-подъ Данцига, послѣ неудачной попытки пробиться въ эту крѣпость. Беннингсенъ воспользовался обоими обстоятельствами; Лестокъ, усиленный отрядомъ Каменскаго съ 12000 человѣкъ, поспѣшилъ къ Кёнигсбергу. Въ это время Наполеонъ атаковалъ армію нашу, защищавшую Гейльсбергскія укрѣпленія, и послѣ неимовѣрныхъ усилій, продолжавшихся до глубокой ночи, былъ отбитъ съ чрезвычайнымъ урономъ. Мы побѣдили хотя оборонительно, но побѣдили; воспользовавшись на другой день побѣдою, мы, какъ мнѣ кажется, могли въ свою очередь атаковать непріятеля. Беннингсенъ предпочелъ простоять весь слѣдующій день въ укрѣпленіяхъ, и на третій, съ арміею, ободренной успѣхомъ, понесшей лишь небольшой уронъ, и нисколько не разстроенной, онъ перешелъ на правый берегъ Алле, вдоль котораго двинулся къ Прегелю. Наполеонъ достигъ своей цѣли не побѣдою, а неудачею; подобные примѣры встрѣчаются въ исторіи. Не рѣдко коменданты крѣпостей, отразивъ приступъ непріятеля, не только не рѣшаются сдѣлать хотя слабую вылазку, но, будучи побѣдителями, предпочитаютъ оставить ихъ.

Между тѣмъ какъ мнѣніе о необыкновенной предпріимчивости Наполеона вынуждало Беннингсена избѣгать генеральнаго сраженія, императоръ французовъ, убѣжденный въ недостаткѣ предпріимчивости своего противника, отважился на самыя опрометчивыя дѣйствія. Онъ не могъ не замѣтить разстройства и потому нѣкотораго потрясенія духа въ большей части своей арміи вслѣдствіе неудачнаго приступа; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ армію нашу, отступавшую послѣ удачнаго дѣла не отъ безсилія, разстройства, боязни, чего никогда не бываетъ въ самыхъ посредственныхъ войскахъ,

закрытыхъ по горло въ смертоносныхъ укрѣпленіяхъ и отразившихъ непріятеля, но онъ ничего не хотѣлъ принять въ уваженіе. Онъ не хотѣлъ сознаться въ томъ, что мы оставили Гейльсбергскія укрѣпленія и отступили вдоль Алле къ Прегелю лишь вслѣдствіе воли Беннингсена, а не побѣды его надъ нами; слѣдовательно еще не воспослѣдовало ничего рѣшительнаго, и разсѣченіе Гордіева узла было еще впереди, а потому для этой цѣли надо было имѣть подъ рукой болѣе войска. Но, допустивъ это, нельзя повѣрить, чтобы этотъ великій полководецъ, отдѣливъ Мюрата съ корпусами Сульта, Даву и большею частью кавалеріи, всего около 50000 человѣкъ, вслѣдъ за Лестокомъ, дерзнулъ приступить къ рѣшенію участи войны лишь съ двумя дивизіями; эта война, не ознаменованная до этого времени рѣшительными успѣхами Наполеона, и длившаяся для него впервые болѣе полугода, приноситъ немаловажную честь Беннингсену, не взирая на рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ этимъ генераломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеону было бы вѣрнѣе и безопаснѣе, оставивъ безъ вниманія Лестока въ Кёнигсбергѣ, итти всѣми силами вслѣдъ за нашей арміей, къ Нижней Алле; одержавъ надъ ней рѣшительную побѣду, онъ лишь тогда долженъ былъ отдѣлить отъ главной арміи корпуса, направленные къ Кёнигсбергу еще изъ-подъ Гейльсберга. Двинувшись отъ Нижней Алле чрезъ Тапіау въ Лабіау, онъ безпрепятственно и вдругъ достигъ бы двухъ цѣлей: овладѣнія безъ выстрѣла Кёнигсбергомъ и уничтоженія корпуса Лестока, коему, кромѣ Лабіау, не было другаго выхода.

Лестокъ узналъ 4-го числа о пораженіи Беннингсена подъ Фридландомъ и объ отступленіи арміи нашей къ Тильзиту; оставивъ немедленно Кёнигсбергъ, онъ поспѣшилъ къ Лабіау, чтобы оттуда выйдти на Тильзитскій путь. Постигая всю опасность своего положенія, онъ не шелъ, но летѣлъ туда безъ отдыха. Мюратъ, овладѣвъ нашими магазинами въ Кёнигсбергѣ, оставилъ при нихъ корпусъ Сульта, и отославъ Даву чрезъ Тапіау въ главную армію Наполеона, онъ сталъ преслѣдовать Лестока съ одною кавалеріею. Онъ настигъ его, но уже тогда, когда Лестокъ, пройдя открытое мѣстополо-

женіе, вступилъ близъ Лабіау въ лѣса и болота, гдѣ кавалерія была безполезна. Между тѣмъ Наполеонъ, направивъ 3-го числа изъ Фридланда корпусъ Нея на Инстербургъ, слѣдовалъ за нами съ главными силами.

Не зная объ оставленіи Сульта въ Кёнигсбергѣ и о присоединеніи Даву къ Наполеону, и убѣжденный, что при малѣйшемъ замедленіи въ отступленіи, корпуса Нея, Даву и Сульта могутъ прибыть на Тильзитскій путь и отрѣзать насъ отъ Тильзита, Беннингсенъ разсудилъ, что мы подвергались большей опасности при нападеніи на насъ Нея и Мюрата съ тыла, чѣмъ при натискѣ главной французской арміи съ фронта со стороны Велау. Это въ нѣкоторомъ отношеніи весьма справедливое разсужденіе едва не побудило его спѣшить съ большею частью войскъ къ узлу путей, идущихъ изъ Инстербурга и Лабіау и соединяющихся съ Тильзитскимъ путемъ при деревняхъ Ваннаглаукенъ и Шиллупишкенъ; но подобное отступленіе могло подвергнуть насъ опасностямъ другаго рода. Главная масса французской арміи, не встрѣчая преградъ и отпора со стороны нашего арьергарда, который поступилъ бы въ этомъ случаѣ въ составъ главныхъ силъ, могла, какъ говорится, сѣсть намъ на плеча, и жаркими, неослабными натисками довершить нашу гибель прежде, чѣмъ мы успѣли бы достигнуть праваго берега Нѣмана.

Чтобы сколько-нибудь остановить стремленіе Наполеона со стороны Велау и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть отрѣзаннымъ Мюратомъ и Неемъ отъ Тильзита, намъ приходилось жертвовать арьергардомъ. Багратіонъ былъ оставленъ при Таплакенѣ, съ повелѣніемъ отражать натиски Наполеона и отступать какъ можно медленнѣе за арміею, которая въ то же время ускоряла свое движеніе. Такъ полтора года предъ тѣмъ Кутузовъ, находясь почти въ столь же затруднительномъ положеніи, оставилъ того же Багратіона съ шеститысячнымъ арьергардомъ подъ Голлабрюномъ и Шенгробеномъ противъ огромныхъ корпусовъ Ланна, Сульта и Мюрата. Но тамъ и здѣсь горѣла надъ питомцемъ Суворова та же звѣзда. Казалось, что Провидѣніе хранило его до Бородинскаго дня, чтобы сочетать великое событіе съ великою

жертвою, другое Каннское побоище со смертью другаго Павла Эмилія.

Въ теченіе всего 3-го числа преслѣдованіе производилось безъ сильныхъ натисковъ безъ той наглости, свойственной французскимъ войскамъ послѣ малѣйшей удачи. Но 4-го мы примѣтили, что число преслѣдовавшихъ насъ войскъ значительно увеличилось, и почувствовали желѣзную волю ихъ верховнаго предводителя. Арьергардъ нашъ былъ жестоко тѣснимъ при Клейнъ-Ширау, Битененѣ и Попелкенѣ; узелъ путей, соединяющихся въ Ваннаглаукенѣ и Шиллупишкенѣ, былъ отъ насъ еще далеко, главная же армія еще далѣе. О войскахъ Лестока, также и о посланныхъ партіяхъ для наблюденія за движеніемъ и направленіемъ Нея, мы не получали никакого извѣстія: было отъ чего придти въ отчаяніе! Въ этотъ день, какъ будто для развлеченія насъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, прибыло въ арьергардъ нѣсколько башкирскихъ полковъ, только что пришедшихъ въ армію. Вооруженные луками и стрѣлами, въ вислоухихъ шапкахъ, въ какихъ-то кафтанахъ въ родѣ халатовъ и на лошадяхъ неуклюжихъ, малорослыхъ, эти жалкія каррикатуры удалыхъ черкесскихъ наѣздниковъ, были присланы въ арьергардъ, какъ насъ увѣряли тогда, съ намѣреніемъ, поселивъ въ Наполеонѣ мысль о возстаніи на него всѣхъ народовъ, подвластныхъ Россіи, устрашить его тѣмъ. Но зачѣмъ было морочить людей фантасмагоріями, и тѣмъ болѣе такого положительнаго человѣка, каковъ былъ Наполеонъ? Не народы невѣжественные и дикіе, а 30000 резервнаго, регулярнаго войска, стоящаго на границѣ съ примкнутыми штыками и подъ начальствомъ полководца предпріимчиваго и рѣшительнаго,—вотъ чтó тогда могло устрашить Наполеона. Я не спорю, что при вторженіи въ какое либо европейское государство регулярной арміи нашей, одержавшей уже не разъ большіе успѣхи, тучи уральцевъ, калмыковъ, башкирцевъ, ринутыхъ въ объѣздъ и въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, могли привести въ трепетъ непріятеля. Ихъ многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память гунновъ и Аттилу, могли сильно поразить европейское воображеніе, но, чтó еще полезнѣе, могли лишить

противника съѣстныхъ и военныхъ запасовъ его. Но послѣ пораженія подъ Фридландомъ и отступленія къ Нѣману, когда и самая наша пѣхота, артиллерія и конница уже съ трудомъ могли удерживать побѣдоносное шествіе наполеоновскихъ полчищъ къ границамъ Россіи, открытой и неготовой еще на отпоръ,—какъ можно было обманывать себя столь несбыточными надеждами! Какъ было увѣрять себя въ успѣхѣ, противопоставляя оружіе XV столѣтія оружію XIX, и метателямъ ядръ, гранатъ, картечи и пуль—метателей стрѣлъ, заостренныхъ желѣзомъ, хотя число ихъ было бы весьма велико! Французы прозвали ихъ сѣверными купидонами (les amours du nord).

Какъ бы то ни было, но французы и тѣ изъ русскихъ, которые впервые увидѣли башкирцевъ, встрѣтили ихъ единодушнымъ смѣхомъ. Вечеромъ много было разсказовъ о приключеніяхъ съ башкирцами въ теченіе этого дня. Чтò касается до меня, я былъ свидѣтелемъ одного весьма забавнаго случая.

На перестрѣлкѣ взятъ былъ въ плѣнъ французскій подполковникъ, котораго я забылъ имя. Къ несчастію, природа одарила его носомъ большаго размѣра, а вслѣдствіе случайностей войны, этотъ носъ былъ пронзенъ насквозь стрѣлою, которая остановилась ровно на половинѣ длины своей. Подполковника сняли съ лошади и посадили на землю, чтобы освободить его отъ этого безпокойнаго украшенія. Много любопытныхъ, между коими и нѣсколько башкирцевъ, обступили страдальца. Но въ то время, какъ лѣкарь, взявъ пилку, готовился пилить на двое стрѣлу возлѣ самаго носа, такъ, чтобы вынуть ее справа и слѣва, чтò почти не причинило бы боли и еще менѣе ущерба этой громадной выпуклости,—одинъ изъ башкирцевъ, узнавъ оружіе, ему принадлежащее, схватилъ лѣкаря за обѣ руки. „Нѣтъ“, говорилъ онъ, „нѣтъ, бачка, не дамъ рѣзать стрѣлу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрѣла; я самъ ее выну“. „Что ты врешь“, говорили мы ему „ну, какъ ты вынешь ее?„ „Да, бачка, возьму за одинъ конецъ“, продолжалъ онъ, „и вырву вонъ; стрѣла цѣла будетъ“. „А носъ?“ спросили мы. „А носъ?“ отвѣчалъ онъ, „чортъ возьми носъ!“ Можно вообразить себѣ хо-

хоть нашъ. Между тѣмъ подполковникъ, не понимая русскаго языка, угадывалъ однако жъ, о чемъ идетъ дѣло. Онъ умолялъ насъ отогнать прочь башкирца, что̀ мы и сдѣлали. Долгъ платежемъ красенъ: тутъ въ свою очередь французскій носъ восторжествовалъ надъ башкирскою стрѣлою.

5-го числа положеніе наше не улучшилось. То же невѣдѣніе о Лестокѣ и о Неѣ, та же неотвязчивость непріятельскаго авангарда въ преслѣдованіи, тѣ же усилія, то же самоотверженіе войскъ нашихъ при отраженіи натисковъ непріятеля! Разсуждая объ ожидающей насъ участи съ однимъ изъ ближайшихъ тогда знакомыхъ моихъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитаномъ, барономъ Дибичемъ [1]), мы какъ-то нечаянно и въ одно время оглянулись вправо и увидѣли около пятидесяти прусскихъ гусаръ, скакавшихъ къ правому флангу нашей позиціи. Я ѣзжалъ на конѣ не манежно, но бойко, на казацкую руку, и конь подо мной былъ залетный. Въ одно мгновеніе я нагналъ пруссаковъ и немедленно прискакалъ съ ними къ Багратіону. Они объявили ему, что Лестокъ благополучно прошелъ чрезъ Гроссъ-Баумвальдскій лѣсъ, что французы отстали отъ него далеко, что они отстанутъ еще далѣе по причинѣ разсѣкающей дорогу, почти на двѣ мили, плотины узкой, изломанной и разрытой въ разныхъ мѣстахъ войсками Лестока. Мы ожили. Но судьба не довольствовалась однимъ подаркомъ; въ ту же минуту пришло донесеніе, не менѣе счастливое: партіи наши, посланныя къ сторонѣ Инстербурга для наблюденія за Неемъ, дали знать, что онъ, не двигаясь болѣе къ Тильзитскому пути, направился къ Гумбиннену; слѣдовательно, и съ этой стороны горизонта небо прояснилось. Дѣла наши приняли иной оборотъ; спасеніе наше было уже несомнѣнно. Наконецъ, къ вечеру того же дня, главная армія увидала Тильзитъ и Нѣманъ, для безпрепятственнаго и спокойнаго достиженія коихъ мы жертвовали арьергардомъ; всѣ арьергардныя войска расположились боевымъ порядкомъ у Дранговской кирки для прикрытія начавшейся переправы тяжестей. Эти важныя для насъ событія

---

[1]) Покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ.

развязали руки Багратіону; онъ избавился отъ тяжелой обязанности задерживать вдесятеро сильнѣйшія громады войскъ, предводимыя Наполеономъ. Ней и Мюратъ не угрожали уже тылу его, и дѣйствіе его могло ограничиваться одними легкими и обыкновенными отраженіями непріятеля, напиравшаго на фронтъ его со стороны Велау.

Въ такомъ положеніи были дѣла наши, когда я, 6-го по утру, посланъ былъ къ Беннингсену съ увѣдомленіемъ о томъ, что аррьергардъ избѣжалъ опасности съ тыла, что войско сохранило полное устройство и бодрость духа, Мюратъ присоединился къ главной арміи и корпусъ Нея направился на Гумбинненъ. Я не засталъ уже арміи нашей у Дранговской кирки; переправивъ тяжести свои чрезъ Нѣманъ, она сама уже приступила къ переходу чрезъ эту рѣку; главная же квартира перешла въ Тильзитъ. Проѣхавъ за кирку, я встрѣтилъ скакавшаго отъ Беннингсена въ аррьергардъ маіора Эрнеста Шёпинга, одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ товарищей и собесѣдниковъ. „Что новаго, Шёпингъ?“ спросилъ я его. „Новое то̀“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „что я везу письмо отъ Беннингсена къ Багратіону. Беннингсенъ предписываетъ ему войти чрезъ меня въ сношеніе съ французами и предложить имъ перемиріе, пока приступимъ къ переговорамъ о мирѣ. Вотъ тебѣ все новое. Прощай!“ Не могу выразить, что̀ произвело во мнѣ это извѣстіе! Я не скажу, чтобы собственно въ отношеніи къ себѣ мнѣ были противны и перемиріе и самый миръ. Напротивъ, безпрерывныя отступленія, даже послѣ успѣховъ, безпрерывныя занятія новыхъ позицій, будто неприступныхъ, а между тѣмъ немедленно оставляемыхъ при появленіи непріятеля, и рѣшительное отсутствіе наступательнаго дѣйствія, приводили насъ всѣхъ въ отчаяніе. Ко всему этому положеніе дѣлъ представлялось мнѣ такъ, какъ оно было въ дѣйствительности; оно было обнажено отъ всѣхъ оптическихъ обмановъ и обольщеній. Несоразмѣрность дарованій Беннингсена съ геніемъ Наполеона, вкравшаяся уже тогда въ духъ большей части нашего войска, вещественное разстройство арміи послѣ Фридландскаго пораженія, недостатокъ въ резервахъ, чрезмѣрное отдаленіе наше отъ необученой еще милиціи

и множество другихъ обстоятельствъ не менѣе важныхъ, все это я услыхалъ отъ Шёпинга и все вскорѣ изгладилось изъ моей памяти. Я, выходя изъ себя отъ негодованія, ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ другаго, кромѣ срама приступать къ миру, не отмстивъ за Фридландъ; какъ будто на меня обрушалась обязанность отвѣтствовать отечеству за оскорбленіе его славы и чести. Въ безуміи своемъ я поспѣшилъ къ Беннингсену, чтобы увѣрить его въ отличномъ положеніи арьергарда и въ возможности смѣло продолжать военныя дѣйствія на столько времени, сколько ему заблагоразсудится; какъ будто все зависѣло отъ арьергарда, какъ будто довольно было одного клока войскъ для борьбы съ полководцемъ, противъ котораго признавали недостаточною и цѣлую армію. Такова молодость!

Я прискакалъ въ главную квартиру, которую составляла толпа людей различнаго рода. Тутъ были англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской, тунеядцы, интриганты, словомъ,—это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкрутившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ. Войдя въ домъ, занимаемый Беннингсеномъ, я узналъ, что хотя онъ еще отдыхаетъ, но что онъ не замедлитъ придти скоро въ залу. Я, между тѣмъ, вышелъ на улицу, чтобы, до появленія Беннингсена, посмотрѣть на слѣдовавшія къ переправѣ войска и на приготовленія къ сожженію моста. Въ эту минуту я наткнулся на одного моего знакомца, котораго выраженіе физіономіи противорѣчило планамъ, гнѣздившимся въ головѣ моей. Это блѣдное и трепещущее существо, узнавъ о моемъ намѣреніи, возмечтало, что Беннингсенъ непремѣнно и безпрекословно уважитъ все то, что я, двадцатилѣтній сорванецъ, дерзну ему предложить; имъ овладѣлъ великій страхъ. Онъ принялся доказывать мнѣ, какъ предосудительно подчиненному давать совѣты столь высокой особѣ, каковъ главнокомандующій, особенно въ мои лѣта, въ моемъ чинѣ (лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистра) и при малой моей опытности, и что, кромѣ насмѣшекъ и прозванія „la mouche du coche“, я ничего другаго не заслужу. Замѣчаніе это, совершенно справедливое,

потрясло рѣшимость мою до основанія. Я призадумался и, очнувшись, окинулъ глазомъ то общество (давно ли еще столь бодрое и увѣренное въ низложеніи Наполеона?), среди котораго я находился; этого было достаточно, чтобы наложить печать безмолвія на уста мои. Безъ сомнѣнія, при таковомъ воинственномъ расположеніи духа, нечего было и помышлять о продолженіи борьбы съ непріятелемъ. Тутъ только я узналъ, въ какой міръ я попалъ, и убѣдился, до какой степени та часть арміи, которая живетъ подъ крышами и такъ рѣдко вдается въ случайности сраженій, отличается отъ той, которой крышею служитъ шатеръ небесный; я оставилъ эту послѣднюю, за два часа передъ тѣмъ, подъ пулями и ядрами, готовою даже на безконечныя войны.

Въ главной квартирѣ все было въ полной тревогѣ, какъ будто чрезъ полчаса должно было наступить свѣто-преставленіе. Одинъ Беннингсенъ оставался неизмѣннымъ; онъ, видимо, страдалъ, но скорбью безмолвною, мужественною, римскою; то былъ Сципіонъ, пораженный Аннибаломъ при Тессинѣ. Когда онъ вошелъ въ залу, я подошелъ къ нему и передалъ ему то̀, съ чѣмъ былъ присланъ отъ Багратіона, не убавивъ ни слова изъ того, о чемъ думалъ прежде. Воинственный порывъ мой значительно охладѣлъ, вслѣдствіе благоразумныхъ убѣжденій испуганнаго моего знакомца и при видѣ испуганной главной квартиры, нравственный духъ которой долженъ былъ рано или поздно, но неминуемо отозваться въ арміи. Извѣстіе, привезенное мною о безопасности арьергарда, было, какъ казалось, пріятнымъ подаркомъ для Беннингсена, котораго взоръ прояснился. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ его и моихъ отвѣтовъ аудіенція кончилась, и я возвратился къ своему мѣсту.

Между тѣмъ армія наша все 6-е и часть 7-го числа безпрерывно переходила на правый берегъ Нѣмана, подъ прикрытіемъ арьергарда; не взирая на то, что Наполеонъ уже давно извѣстился о предложеніи Беннингсена, нашъ арьергардъ, тѣснимый его войсками, продолжалъ сражаться. Наконецъ всѣ безъ исключенія войска перешли черезъ Нѣманъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, ближайшихъ къ фланкерамъ непріятельскимъ и съ ними перестрѣливавшихся. Уже

было послано имъ приказаніе поспѣшно примкнуть къ войскамъ, находившимся уже на той сторонѣ рѣки; въ эту минуту французскіе конно-егеря и драгуны показались въ городѣ и бросились за ними; казаки скакали, не примѣчая, что передовой изъ преслѣдователей, съ саблею на-голо, былъ самъ Мюратъ; они успѣли уже достигнуть праваго берега Нѣмана, когда онъ только что вскакалъ на мостъ. Мостъ вспыхнулъ почти подъ мордой красиваго коня его и вмигъ запылалъ. Опрометчивый паладинъ остановился, круто поворотилъ коня назадъ и шагомъ возвратился въ городъ; Нѣманъ раздѣлилъ сражавшихся. Во время перемирія въ Тильзитѣ, Мюратъ хвасталъ этою погонею и увѣрялъ, что онъ самъ хотѣлъ перескакать чрезъ мостъ и показаться на нашемъ берегу. „Жаль, что это не состоялось, ваше высочество“, отвѣчалъ ему кто-то изъ нашихъ, „мы имѣли бы лишняго плѣннаго“.

Армія наша расположилась слѣдующимъ образомъ: главная квартира въ Амтъ-Бауленѣ, пѣхота и регулярная кавалерія между Погегеномъ и Вилькишкеномъ, гвардія въ Бенникайтенѣ, прусскій корпусъ Лестока въ Амтъ-Винге, 14-я русская пѣхотная дивизія противъ Рагнита (куда прибылъ корпусъ Нея), простираясь до Юрбурга, все казачье войско на заливныхъ лугахъ Нѣмана, противъ сожженнаго моста авангардъ и квартира Багратіона помѣстились сначала въ деревнѣ Шаакенѣ, на дорогѣ, проходящей изъ Амтъ-Баублена въ Вилькишкенъ, на берегу одного изъ заливовъ Нѣмана; но за нѣсколько дней до заключенія мира авангардъ былъ распущенъ, а квартира Багратіона переведена въ Погегенъ. Тѣмъ кончилась война 1806 и 1807 годовъ. Какой чудесный переворотъ, менѣе чѣмъ въ два года!

Въ 1805 году, въ августѣ, Франція, граничившая съ другими государствами, изъ которыхъ каждое обладало подобными и ни въ чемъ ей неуступавшими средствами и могуществомъ, покоилась въ границахъ своихъ за Рейномъ. Въ 1807 году, въ началѣ іюня, не существовало уже между Франціею и Россіею ни одного государства, вполнѣ независимаго; всѣ они болѣе или менѣе покорялись одной волѣ завоевателя, который уже съ высокихъ береговъ Нѣмана

ненасытнымъ взоромъ пожиралъ землю русскую, синѣющую на горизонтѣ.

II.

8-го числа по утру, я находился въ главной квартирѣ, въ Амтъ-Баубленѣ. При мнѣ пріѣхалъ туда, съ отвѣтомъ на предложенное Беннингсеномъ перемиріе, адъютантъ маршала Бертье, Луи Перигоръ (племянникъ Талейрана). Я зналъ его за три года прежде въ Петербургѣ, когда онъ числился при французскомъ посольствѣ. Но тамъ я видѣлъ его мальчишкою и во фракѣ; здѣсь же я увидалъ его возмужалымъ и въ гусарскомъ мундирѣ. Онъ былъ не дуренъ собою, и казался еще красивѣе въ черномъ ментикѣ, который весь горѣлъ золотомъ, въ красныхъ шароварахъ и медвѣжьей шапкѣ, называемой французами colback.

Перигоръ былъ принятъ весьма вѣжливо; это было въ порядкѣ вещей, но, къ сожалѣнію, съ излишнею снисходительностью, чего онъ не заслуживалъ, по своему наглому поведенію. Въ залу, гдѣ находились самъ Беннингсенъ и множество другихъ генераловъ и разнаго рода чиновниковъ, съ непокрытыми головами, Перигоръ, гордо войдя въ шапкѣ на головѣ, оставался въ ней до обѣда, не снимая ея даже за обѣденнымъ столомъ и до самаго своего отъѣзда. Все это сдѣлано было подъ тѣмъ предлогомъ, что военный уставъ французской арміи запрещаетъ снимать шапки и каски офицерамъ, когда на нихъ лядунки, означающія время службы. Пусть такъ; но кто мѣшалъ Перигору, по исполненіи даннаго ему порученія, снять лядунку и послѣ того шапку? Онъ тѣмъ соблюлъ бы и законы военнаго устава своей арміи, и, гораздо прежде его принятые обществомъ, законы общежитія, что̀, впрочемъ, всегда соблюдалось французами и прежде и послѣ Перигора. Надо полагать, что не въ его головѣ родилась эта дерзкая мысль. Она была ему, вѣроятно, внушена свыше, какъ мѣрило нашей терпимости, а терпимость наша служила, можетъ-быть, мѣриломъ числа и рода требованій, которыя были предъявлены Наполеономъ при переговорахъ о мирѣ. Какъ знать? легко могло случиться, что, если бы мы сбили шапку съ головы Перигора, изъ головы Наполеона

вылетѣло бы и нѣсколько статей мирнаго трактата. Дѣло было въ шапкѣ, но мы не хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ. Это умышленное пребываніе съ покрытой головой, при нашемъ главнокомандующемъ и при нашихъ генералахъ и чиновникахъ, оскорбило всѣхъ насъ; но никто не сказалъ ни полслова о томъ Перигору, хотя бы посредствомъ косвенной шутки. Боже мой, какое чувство злобы и негодованія пробудилось въ сердцахъ нашей братіи, молодыхъ офицерахъ, свидѣтеляхъ этой сцены! Тогда еще между нами не было ни одного космополита; всѣ мы были люди стариннаго воспитанія и духа, православными россіанами, для коихъ оскорбленіе чести отечества было то же, что оскорбленіе собственной чести. Воспламененное воображеніе наше представило намъ Перигора какимъ-то татарскимъ посломъ, пріѣхавшимъ за данью въ станъ великихъ князей россійскихъ, какимъ-то гордымъ римляниномъ, другимъ Попиліемъ, обводившимъ вокругъ насъ черту мечемъ своимъ, съ приказомъ не дерзать переступать чрезъ нее, пока безусловно не покоримся всѣмъ его требованіямъ. Поступокъ Перигора былъ первымъ шагомъ къ оскорбленію нашего достоинства, столь часто впослѣдствіи оскорбленнаго Лористономъ, Савари и въ особенности Коленкуромъ, недостойной и наглой памяти; но за то, въ день побѣднаго вступленія нашего въ Парижъ, надо было видѣть, какъ всѣ эти лица униженно прибѣгали къ великодушію нашего государя.

Когда, вспомнивъ объ этой тяжкой эпохѣ, длившейся пять лѣтъ сряду, и взглянувъ на Россію, увидишь, что она теперь, и скажешь себѣ, что она все совершила, безъ помощи доброжелателей и союзниковъ, сама собою, собственными усиліями,—тогда, не краснѣя, можно говорить объ Аустерлицѣ, о Фридландѣ, о нечестивыхъ наполеоновскихъ надсмотрщикахъ и о всѣхъ испитыхъ нами горькихъ капляхъ, поглощенныхъ громаднымъ потокомъ 1812 года; тогда, поднявъ съ гордостью голову, скажешь себѣ: я русскій.

Того же дня, въ шестомъ часу по полудни, отправился въ Тильзитъ генералъ-лейтенантъ князь Лобановъ-Ростовскій, для переговоровъ о перемиріи, которое заключено было 9-го числа и ратификовано Наполеономъ 10-го. Важнѣйшія статьи условія

состояли: въ опредѣленіи демаркаціонной черты обѣихъ противныхъ армій по тальвегу или по срединѣ Нѣмана; въ начатіи военныхъ дѣйствій въ случаѣ несогласія обѣихъ договаривавшихся сторонъ не прежде истеченія одного мѣсяца, считая отъ дня объявленія о прекращеніи перемирія; въ заключеніи перемирія съ прусскою арміею особо отъ россійской и въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ къ поспѣшнѣйшему заключенію окончательнаго мира. Послѣдняя статья была необходима для Наполеона. Не взирая на побѣду его подъ Фридландомъ и на грозное пребываніе его на Нѣманѣ, обстоятельства его были на самомъ дѣлѣ не такъ благопріятны, какъ казались. Впереди Россія, съ ея неисчислимыми средствами для себя, безъ средствъ для непріятеля, необъятная, бездонная; позади Пруссія, хотя безъ арміи, но съ народомъ, оскорбленнымъ въ своей чести, ожесточеннымъ, доведеннымъ до отчаянія насиліями завоевателей, не подымающимъ оружія лишь потому, что не къ кому еще пристать, и ожидающимъ съ минуты на минуту возстанія Австріи. Съ своей стороны Австрія, потрясенная Ульмомъ и Аустерлицомъ, но обладающая еще 340000 арміею [1]), готовою къ военнымъ дѣйствіямъ, и коей 80000 авангардъ былъ уже двинутъ къ сѣвернымъ границамъ Богеміи, въ область, прилегавшую къ путямъ сообщенія Наполеона съ Франціею. Вотъ положеніе, которое безпокоило сего великаго полководца въ Тильзитѣ, и которое вынуждало его желать поспѣшнѣйшаго заключенія мира. Императоръ Александръ находился тогда недалеко отъ главной квартиры своей арміи.

11-го, въ три часа по полудни, Наполеонъ послалъ оберъ-гофмаршала своего Дюрока къ его величеству съ привѣтствіями и ратификованнымъ имъ актомъ перемирія. Государь, принявъ весьма милостиво Дюрока, ратификовалъ съ своей стороны актъ, имъ привезенный. Кажется, тогда же было назначено то достопамятное свиданіе, коего блескомъ воспользовался Наполеонъ, полезною стороною — Александръ. Оно подало поводъ съ одной стороны — къ предложенію, съ

---

[1]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat (Hardenberg). Tome IX.

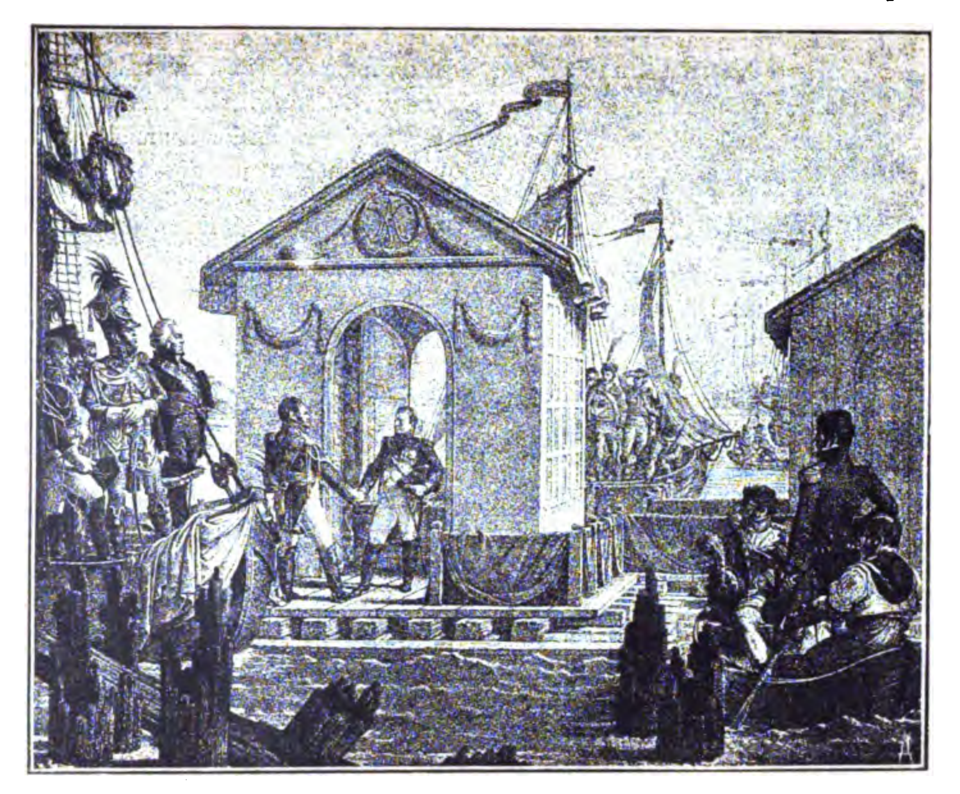
другой — къ безмолвному согласію на первое ошибочное дѣйствіе Наполеона, увлекшее его отъ одной ошибки къ другой до окончательной гибели. Я говорю о войнѣ его съ Испаніею [1]).

Наконецъ 13-го настал этотъ торжественный и достопамятный день. Такъ какъ демаркаціонная черта проходила по тальвегу или срединѣ Нѣмана, то на самой этой срединѣ, возлѣ сожженнаго моста, были построены два павильона, въ родѣ строющихся на рѣкахъ купаленъ, четвероугольныхъ и обтянутыхъ бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ, будучи обширнѣе и красивѣе другаго, былъ назначенъ для двухъ императоровъ; меньшій—для ихъ свитъ. Павильоны эти были построены, по приказанію Наполеона, командовавшимъ артиллеріею арміи, генераломъ Ларибоассьеромъ. На одномъ изъ фронтоновъ большаго видно было съ нашей стороны огромное А; на другомъ фронтонѣ, со стороны Тильзита, такой же величины литера N, искусно написанныя зеленою краскою. Двѣ большія, но обыкновенныя барки съ гребцами были приготовлены на обѣихъ сторонахъ рѣки, для поднятія обоихъ монарховъ съ ихъ свитами и доставленія ихъ къ павильонамъ. Правый берегъ Нѣмана луговой и пологой, занятый нами, уступалъ въ высотѣ лѣвому берегу, принадлежавшему тогда французамъ. Это мѣстное обстоятельство было причиною того, что все пространство земли, отъ самаго города до первыхъ возвышеній, на коихъ лежали селенія Альтъ-Бауленъ, Погегенъ и другія, все было для нихъ открыто и видимо, тогда какъ мы могли видѣть лишь Тильзитъ, торчавшій на хребтѣ высокаго берега и скатъ его къ Нѣману. Однако намъ представлялось весьма ясно все то̀, что происходило въ этой части города; мы могли видѣть толпы жителей, могли даже различать мундиры всѣхъ родовъ войскъ, тамъ роившихся, и любоваться стоявшею по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ сгиба ея до берега Нѣмана, старой гвардіей, которой часть была построена нѣсколькими линіями, обращенными лицемъ въ нашу сторону. Все это войско ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего, громоноснаго своего полубога, чтобы

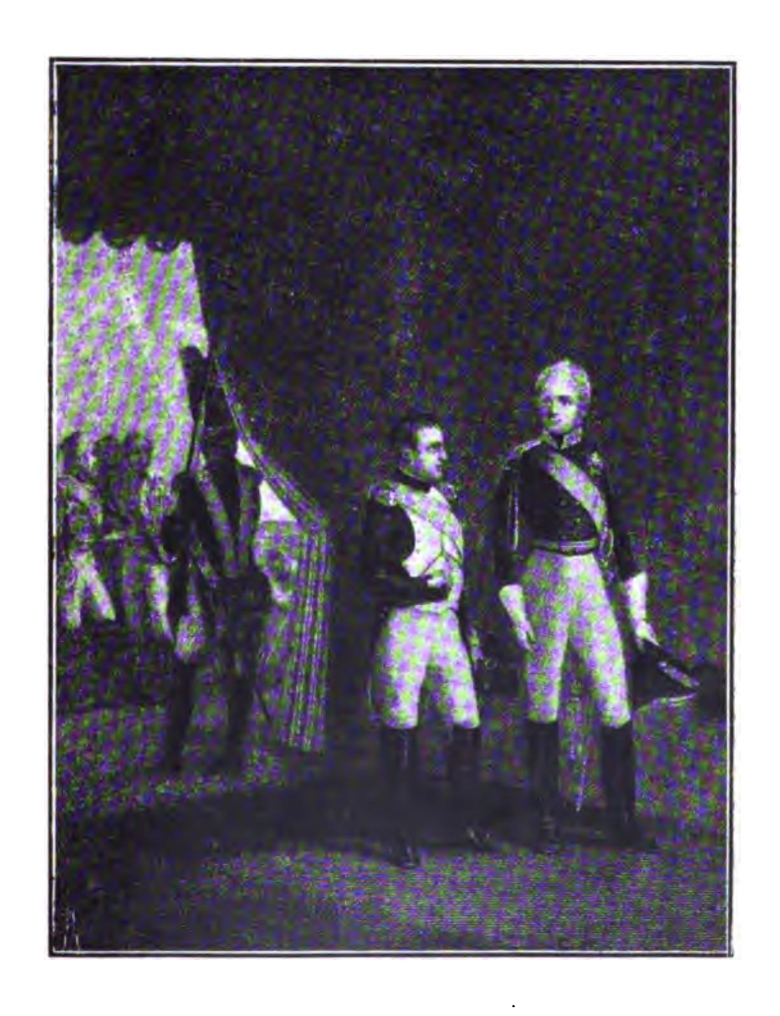
---

[1]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat (Hardenberg). Томъ IX, pag. 431 et 432.

Къ стр. 304.

Къ стр. 305.

привѣтствовать его въ минуту быстраго его проскока къ пристани. Съ нашей стороны не было сдѣлано никакихъ приготовленій, кромѣ барки съ гребцами, и, въ видѣ конвоя, одного полуэскадрона Кавалергардскаго полка и одного полуэскадрона, или полнаго эскадрона, прусской конной гвардіи. Войска эти были расположены на берегу рѣки, правымъ флангомъ противъ сожженнаго моста, лѣвымъ—къ нѣкогда бывшей здѣсь богатой крестьянской усадьбѣ, называемой Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ и находящейся почти у самаго берега, на поворотѣ дороги, проложенной мимо ея изъ Тильзита въ Амтъ-Бауbленъ. Эта усадьба была назначена мѣстомъ кратковременнаго пріюта для императора Александра; онъ долженъ былъ прибыть къ баркѣ и къ павильону не ранѣе и не позже Наполеона. Долго искали болѣе красиваго пристанища, но не существовало уже никакого строенія на берегу; всѣ были разобраны на бивачные костры, да и это строеніе представляло вмѣсто крыши одни стропилы, ибо вся солома, служившая крышею, была снята войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ сѣнѣ, но и въ соломѣ.

По утру нѣкоторые изъ старшихъ генераловъ нашихъ съѣхались верхами въ Амтъ-Баубленъ, гдѣ находился уже императоръ. Князь Багратіонъ пріѣхалъ туда же, и я, пользуясь званіемъ его адъютанта и жаждавшій быть свидѣтелемъ столь необыкновеннаго зрѣлища, слѣдовалъ за нимъ въ богатомъ лейбъ-гусарскомъ ментикѣ. Всѣ были въ парадной формѣ. Государь имѣлъ на себѣ Преображенскій мундиръ, покроя того времени; на каждой сторонѣ воротника было вышито по двѣ маленькихъ золотыхъ петлицы такого же почти рисунка, какой теперь на воротникахъ Преображенскаго мундира, но несравненно меньше; эксельбантъ висѣлъ на правомъ плечѣ, эполетъ же тогда не носили. Панталоны были лосинныя бѣлыя, ботфорты—короткіе. Прическа отличалась тѣмъ только отъ прически нынѣшняго времени, что была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ ея выказывался бѣлый плюмажъ, и черный султанъ вѣялъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосинныя, шпага на бедрѣ; шарфъ вокругъ таліи и Андреевская лента чрезъ плечо. Такъ одѣтъ былъ императоръ Але-

ксандръ. Теперь одежда эта показалась бы нѣсколько странною; но тогда она всѣмъ нравилась, особенно на тридцатилѣтнемъ мужчинѣ такой чудесной красоты, стройности и ловкости, какими былъ одаренъ покойный императоръ.

Около одиннадцати часовъ утра государь, прусскій король, великій князь Константинъ Павловичъ и нѣсколько генераловъ, назначенныхъ сопровождать государя на баркѣ, сѣли въ коляски и отправились къ берегу Нѣмана, по Тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адъютантами своими скакали верхами по обѣимъ сторонамъ колясокъ; эта процессія была, безъ сомнѣнія, видна изъ Тильзита. Такъ прибыли мы въ Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ. Коляски остановились, и всѣ вошли въ огромную сельскую горницу. Государь сѣлъ близъ окна, лицемъ ко входу. Онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами, съ нимъ пріѣхавшими и близъ коляски его скакавшими. Мы, адъютанты, вошли вслѣдъ за нашими генералами и помѣстились на днѣ картины, у самаго входа. Я не спускалъ глазъ съ государя; мнѣ казалось, что онъ прикрывалъ искусственнымъ спокойствіемъ и даже иногда веселостью духа различныя чувства, его обуревавшія и невольно обнаруживавшіяся въ ангельскомъ его взглядѣ и на его открытомъ, высокомъ челѣ. И какъ могло быть иначе? Дѣло шло о свиданіи съ величайшимъ полководцемъ, политикомъ, законодателемъ, администраторомъ и завоевателемъ, поразившимъ, въ теченіе двухъ только лѣтъ, войска всей Европы и уже два раза нашу армію и нынѣ стоявшимъ на рубежѣ Россіи. Дѣло шло о свиданіи съ человѣкомъ, обладавшимъ даромъ неограниченно господствовать надъ всѣми, съ коими онъ имѣлъ дѣло, и замѣчательнымъ по своей чудесной проницательности. Дѣло шло не объ одномъ свиданіи съ нимъ, а объ очарованіи сего всемірнаго очарователя, объ искушеніи этого увлекательнаго искусителя, о введеніи въ заблужденіе этого свѣтлаго и положительнаго генія. Надо было необходимо отвлечь силы, вниманіе и дѣятельность Наполеона на какое либо предпріятіе, которое, по своей отдаленности, могло бы дать Европѣ время, хотя нѣсколько, освободиться отъ покрывающихъ ее развалинъ; Россіи же

приготовить средства для ниспроверженія покушеній его на ея независимость, чего государь рано или поздно не могъ не предвидѣть. Вотъ что̀ волновало душу Александра и вотъ что̀ было имъ достигнуто, вопреки мнѣнія свѣта, всегда увлекающагося лишь наружнымъ блескомъ. Въ этомъ случаѣ побѣда несомнѣнно и неоспоримо осталась за нашимъ императоромъ; это можно доказать самыми фактами. Наполеонъ пробудился отъ своего заблужденія лишь въ концѣ 1809 года, когда достохвальное и упорное сопротивленіе испанцовъ отвлекло уже бо̀льшую часть его силъ отъ Европы, и когда мы, будучи его союзниками, такъ явно уклонялись отъ дѣйствительнаго содѣйствія ему въ войнѣ съ Австріею, съ которой мы сохранили тѣ связи дружества, которыя намъ были столь необходимы въ эпоху Отечественной войны.

Не прошло получаса, какъ кто-то вошелъ въ горницу и сказалъ: „Ѣдетъ, ваше величество". Электрическая искра любопытства пробѣжала по всѣхъ насъ. Государь весьма хладнокровно и ни мало не торопясь всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу, перчатки, и вышелъ съ спокойнымъ лицемъ и обыкновеннымъ шагомъ изъ горницы. Мы, бросившись изъ нея во всѣ отверстія, прибѣжали на берегъ и увидѣли Наполеона, скачущаго во всю прыть между двумя рядами своей старой гвардіи. Гулъ восторженныхъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и оглушалъ насъ, стоявшихъ на противномъ берегу; конвой и свита его состояла, по крайней мѣрѣ, изъ четырехъ-сотъ всадниковъ. Почти въ одно время оба императора вступили каждый на свою барку. Государя сопровождали: великій князь Константинъ Павловичъ, Беннингсенъ, графъ (что̀ нынѣ князь) Ливенъ, князь Лобановъ, Уваровъ и Будбергъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертье, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Въ этотъ день король Прусскій не ѣздилъ на свиданіе; онъ оставался на правомъ берегу рѣки вмѣстѣ съ нами.

О, какъ явственно, не взирая на мою молодость, какъ явственно поняла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого истиннаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человѣка! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ

восторгомъ глядѣлъ я на монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего, при гибели, казалось, неотразимой и окончательной!

Но вотъ обѣ императорскія барки, отчаливъ отъ берега, поплыли. Въ эту минуту огромность зрѣлища восторжествовала надъ всѣми чувствами. Всѣ глаза обратились и устремились на противоположный берегъ рѣки къ баркѣ, несущей этого чудеснаго человѣка, этого невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря, коихъ онъ такъ много превосходилъ разнообразіемъ дарованій и славою покоренія народовъ просвѣщенныхъ и образованныхъ. Я глядѣлъ на него въ подзорную трубку, хотя разстояніе до противнаго берега было не велико, и хотя оно сверхъ того уменьшалось по мѣрѣ приближенія барки къ павильону. Я видѣлъ его, стоявшаго впереди государственныхъ сановниковъ, составлявшихъ его свиту, особо и безмолвно. Время изгладило изъ памяти моей родъ мундира, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, и въ запискахъ моихъ, писанныхъ тогда наскоро, этого не находится; но сколько могу припомнить, кажется, что мундиръ былъ на немъ не конно-егерскій, обыкновенно имъ носимый, а старой гвардіи. Помню, что на немъ была лента Почетнаго Легіона, чрезъ плечо по мундиру, а на головѣ та маленькая шляпа, которой форма такъ извѣстна всему свѣту. Меня поразило сходство его стана со всѣми печатными изображеніями его, тогда вездѣ продаваемыми. Онъ даже стоялъ со сложенными на груди руками, какъ представляютъ его на картинкахъ. Къ сожалѣнію, отъ неимѣнія опоры, подзорная трубка колебалась въ моихъ рукахъ, и я не могъ явственно разсмотрѣть подробностей чертъ его, какъ бы мнѣ этого хотѣлось.

Обѣ барки почти одновременно причалили къ павильону, однако барка Наполеона немного опередила, такъ, что ему достало нѣсколько секундъ, чтобы, соскочивъ съ нея, пройти скорыми шагами сквозь павильонъ и принять императора нашего при самомъ сходѣ его съ барки; тогда они рядомъ вошли въ павильонъ. Сколько помнится, всѣ особы обѣихъ свитъ не входили въ малый павильонъ, а оставались на плоту боль-

шаго, знакомясь и разговаривая между собою. Спустя около часа времени, они были позваны въ большой павильонъ къ императорамъ. Тамъ Наполеонъ, сказавъ каждому изъ нихъ по привѣтствію, говорилъ болѣе, чѣмъ съ другими, съ Беннингсеномъ. Между прочимъ онъ сказалъ ему: „Вы были злы подъ Эйлау" (Vous étiez méchant à Eilau), выражая симъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: „Я всегда любовался вашимъ дарованіемъ, еще болѣе вашею осторожностью". (J'ai toujours admiré votre talent, votre prudence encore plus). Самолюбіе почтеннаго старца-воина приняло эту полуэпиграмму за полный мадригалъ: ибо во мнѣніи великихъ полководцевъ осторожность почитается послѣднею военною добродѣтелью, предпріимчивость и отважность — первыми. Беннингсенъ разсказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ.

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ императора Александра при выходѣ его изъ барки, то этикетъ требовалъ, чтобы императоръ Александръ проводилъ Наполеона до той барки, на которой онъ пріѣхалъ, что̀ и было сдѣлано, и тѣмъ заключилось первое свиданіе. Французы ликовали. Музыканты сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода, въ честь достопамятнаго свиданія, въ честь дружбы великихъ монарховъ, и прочее. Стихотворцы сочиняли романсы, стансы и пѣсни на тѣ же предметы. У меня остался въ памяти отрывокъ одной изъ нихъ: „Le radeau":

Sur un radeau
J'ai vu deux maîtres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre
Et le sort de l'Europe entière
Sur un radeau.

Слѣдующихъ куплетовъ не припомню, но вотъ конецъ послѣдняго:

Je gagerai, que l'Angleterre
Craindrait moins une flotte entière
Que ce radeau.

Что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ монарховъ въ мірѣ — занимало всѣхъ насъ въ высшей степени; но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе, вслѣдствіе тайнаго приказа Наполеона, привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостью. За привѣтливости и вѣжливость мы платили привѣтливостями и вѣжливостью — и все тутъ. 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножемъ въ крови по локоть.

Я не буду описывать свиданія, смѣнившаго на другой день первое свиданіе; это значило бы повторять мною уже сказанное. Разница между ними состояла въ томъ только, что въ послѣднемъ участвовалъ король Прусскій, что нѣкоторые изъ особъ свиты императора уступили мѣста свои на баркѣ другимъ особамъ, и что государь и Прусскій король были приглашены на жительство въ Тильзитъ. Спѣша привести въ исполненіе послѣднее обстоятельство, Наполеонъ въ то же утро приказалъ вывести часть гвардіи своей изъ половины Тильзита и приготовить эту половину города для нашей гвардіи. Тамъ же приказалъ онъ отвести два лучшіе дома для обоихъ монарховъ. Того же дня, въ шесть часовъ по полудни, государь переѣхалъ въ Тильзитъ. Наполеонъ встрѣтилъ его величество у самаго берега, при выходѣ его изъ лодки. Вся французская пѣшая и конная гвардія стояла въ парадѣ по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ пристани до Наполеоновской квартиры, куда государь пріѣхалъ верхомъ, рядомъ съ Наполеономъ. Тамъ былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены были только великій князь Константинъ Павловичъ и Мюратъ. Вечеромъ вступила въ половину города, оставленную французскою гвардіею, часть нашей гвардіи, назначенная находиться при высочайшей особѣ. Она состояла изъ одного баталіона Преображенскаго полка, подъ командою того же полка полковника графа Воронцова (нынѣ генералъ-губерна-

торъ Новороссійскихъ губерній), изъ одного полуэскадрона Кавалергардскаго полка, подъ командою того же полка ротмистра Левашева (нынѣ генералъ отъ кавалеріи и графъ), изъ одного полуэскадрона, или взвода лейбъ-гусарскаго полка, подъ командою того же полка штабсъ-ротмистра Рейтерна (умеръ генералъ-лейтенантомъ), и изъ нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ.

Домъ, который занималъ государь, находился на большой улицѣ и отстоялъ отъ дома, занятаго Наполеономъ, въ восьмидесяти или во ста саженяхъ. Онъ былъ двухъ-этажный, хотя весьма небольшаго объема, и имѣлъ парадное крыльцо, впрочемъ, довольно тѣсное, но украшенное четырьмя колоннами. Входъ на это крыльцо было прямо съ улицы, по тремъ или четыремъ ступенямъ, между двумя средними колоннами фасада. Крыльцо это примыкало къ довольно просторнымъ сѣнямъ, представляющимъ три выхода: одинъ въ правыя, другой въ лѣвыя комнаты нижняго этажа, и третій прямо, на довольно благовидную и опрятную лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ, обитаемый самимъ государемъ. Войдя на этотъ этажъ, направо находилась общая комната; она была въ симметріи съ внутреннимъ покоемъ государя и соединялась съ этимъ покоемъ проходною комнатою, изъ коей вела дверь на балконъ, поддерживаемый колоннами параднаго крыльца. Кромѣ упомянутой мною части гвардіи, находившейся въ Тильзитѣ съ Воронцовымъ, Левашевымъ и Рейтерномъ, никому не было позволено, ни изъ нашихъ, ни изъ прусскихъ войскъ, пріѣзжать въ Тильзитъ. Разумѣется, что изъ этого числа были исключены адъютанты, по случаю необходимыхъ иногда сношеній арміи съ императорскою главною квартирою, и разумѣется, что я не преминулъ воспользоваться этой привиллегіею. Впрочемъ, любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми запрещеніями. Множество нашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, для избѣжанія препятствій, одѣвались въ партикулярныя платья и проживали въ Тильзитѣ по нѣскольку дней. Послѣ кампаніи, столь тяжкой и продолжительной, Тильзитъ казался намъ земнымъ раемъ. Что́ же касается до высокихъ гостей этого города, я полагаю, что, не взирая на взаимное ихъ согласіе, привѣтливости, угожденія и, если смѣю

прибавить къ этому священное слово—дружбу, по крайней мѣрѣ наружную, я полагаю, что родъ жизни, которую вели они, не соотвѣтствовалъ нраву и привычкамъ ни того, ни другаго. Дни шли за днями почти однообразно; въ полдень или въ часъ по полудни завтракъ, въ родѣ обѣда; въ шесть часовъ, или императоръ Александръ пріѣзжалъ къ Наполеону верхомъ, съ малочисленными своими конвоемъ и свитою, или Наполеонъ пріѣзжалъ къ Александру, также верхомъ, съ огромною своею свитою и съ огромнымъ своимъ конвоемъ. Потомъ отправлялись они вмѣстѣ на маневры [1]) какихъ либо французскихъ войскъ, или всей гвардіи вообще, или гвардіи же по частямъ, или корпуса Даву. Замѣчательно тó, что, не взирая на близкое расположеніе корпуса Ланна отъ Тильзита, этотъ корпусъ ни разу не былъ представленъ государю, потому что онъ состоялъ изъ однихъ обломковъ, оставшихся послѣ понесеннаго имъ урона подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. По окончаніи маневровъ, Наполеонъ обыкновенно приглашалъ государя къ себѣ, гдѣ въ восемь часовъ они садились за трапезу. Почти ежедневно, въ десять или въ одиннадцать часовъ вечера Наполеонъ посѣщалъ государя безъ этикета, по дружески, пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты, безъ охранной стражи, въ той исторической шляпѣ, въ томъ историческомъ сѣромъ сертукѣ, отъ коихъ земля дрожала, и которые, казалось, курились еще дымомъ сраженій въ минуты самыхъ дружескихъ бесѣдъ. Тамъ онъ пилъ чай и оставался съ глазу на глазъ

---

[1]) Посѣтивъ однажды лагерь французскихъ войскъ, императоры заѣхали въ полкъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Николà. Нашъ государь, попробовавъ похлебку изъ принесеннаго котелка, приказалъ наполнить его червонцами. Спустя пять лѣтъ, этотъ Николà былъ взятъ въ плѣнъ и находился при А. П. Ермоловѣ. Во время пріѣзда государя въ Вильну въ концѣ 1812 года, этотъ Николà, одѣтый въ партикулярное платье и съ головою, повязанною платкомъ, вслѣдствіе ранъ, ожидалъ въ толпѣ вмѣстѣ съ другими пріѣзда государя. Не смотря на его костюмъ и повязку на головѣ, государь, увидавъ его, сказалъ ему весьма ласково: «Я васъ гдѣ-то видалъ». «Я имѣлъ счастіе принимать ваше величество у себя въ полку, а нынѣ я раненъ и въ плѣну». Государь приказалъ тотчасъ выдать ему 200 червонцевъ. Впослѣдствіи въ 1814 году, государь спросилъ однажды въ Парижѣ Ермолова: «Гдѣ твой Николà, зачѣмъ ты его съ собой не привезъ?» «Я не смѣлъ этого сдѣлать», отвѣчалъ онъ, «потому что вашимъ величествомъ было строго приказано оставить всѣхъ плѣнныхъ въ Россіи».

съ государемъ до часу, а иногда и до двухъ часовъ за полночь.

Король прусскій переѣхалъ въ Тильзитъ 16-го и съ того дня часто провождалъ время съ Александромъ и Наполеономъ, кромѣ вечернихъ бесѣдъ. Королева прибыла 25-го, за два только дня до заключенія мира.

Все, что̀ происходило явно и торжественно, имѣло очевиднаго свидѣтеля не одного меня, и потому можно надѣяться, что кто-нибудь дополнитъ и исправитъ многое, мною забытое, или ошибочно изображенное. Достойно сожалѣнія то̀, что никому нельзя описать происшествій, гораздо важнѣйшихъ: разговоровъ обоихъ императоровъ съ глазу на глазъ, при первой встрѣчѣ ихъ въ павильонѣ и на упомянутыхъ вечернихъ бесѣдахъ. Все это происходило безъ свидѣтелей, и слѣдовательно, осталось безъ историка. Вотъ невозвратная утрата! Другія происшествія, гораздо менѣе любопытныя, но много еще занимательныя и потому драгоцѣнныя для исторіи, имѣя свидѣтелей, могли бы быть описаны ими со всѣми подробностями: это сношенія монарховъ не совсѣмъ тайныя, не совсѣмъ публичныя; разговоры, шутки, пролетныя мнѣнія, и иногда невольно вырывавшіяся предположенія ихъ, словомъ, разныя мысли, которыя они сообщали одинъ другому во время прогулокъ, на маневрахъ, за обѣдами,—вездѣ, куда мы, молодые офицеры, не имѣли ни права, ни средствъ проникнуть. Къ сожалѣнію (по крайней мѣрѣ относительно этого предмета), многихъ изъ этихъ свидѣтелей нѣтъ уже на свѣтѣ, а оставшіеся въ живыхъ кончаютъ дни свои съ полнымъ равнодушіемъ къ исполинскимъ, эпическимъ событіямъ того времени, какъ беззаботные аисты на развалинахъ Трои.

Имѣя нѣкоторое право посѣщать Тильзитъ, я просилъ князя Багратіона о дозволеніи мнѣ ѣздить туда, какъ можно чаще. Князь, столько же взыскательный начальникъ во всемъ, что̀ касается до службы, сколько снисходительный и готовый на одолженія подчиненныхъ своихъ, согласился на мою просьбу безъ затрудненія, и почти ежедневно посылалъ меня съ разными порученіями къ разнымъ особамъ, проживавшимъ тогда въ Тильзитѣ. Это обстоятельство доставило мнѣ возможность

видѣть почти ежедневно Наполеона, и часто на разстояніи не далѣе одного или двухъ шаговъ отъ себя. Чтобы избѣжать повтореній, я опишу только первую мою встрѣчу съ нимъ; прочія, кромѣ кой-какихъ особенностей, недостойныхъ вниманія, во всемъ сходствовали съ этой первою встрѣчею.

Не помню, котораго числа, знаю только, что скоро послѣ переѣзда государя въ Тильзитъ, князь Багратіонъ послалъ меня съ запискою къ одному изъ чиновниковъ императорской главной квартиры. Я нарядился въ парадный лейбъ-гусарскій мундиръ и переѣхалъ чрезъ Нѣманъ на лодкѣ. Особа, къ которой я былъ посланъ, находилась въ общей комнатѣ дома, занимаемаго государемъ. Я нашелъ въ этой комнатѣ князя Куракина и князя Лобанова, уполномоченныхъ тогда при переговорахъ о мирѣ, прусскаго фельдмаршала Калькрейта, нѣкогда покорителя Майнцкой крѣпости, свѣжаго и знаменитаго защитника Данцига, множество министровъ и другихъ государственныхъ сановниковъ. При мнѣ вошелъ Коленкуръ съ какою-то особаго рода надменною и наглою учтивостью. Онъ былъ присланъ Наполеономъ съ приглашеніемъ государя на маневры въ шесть часовъ и къ его обѣденному столу послѣ маневровъ. Спесивая осанка этого временщика переступила мѣру терпимости. Послѣ, во время посольства своего въ Петербургѣ, онъ былъ еще напыщеннѣе и неприступнѣе; но, Боже мой! Надо было видѣть его восемь лѣтъ позже, подъ Парижемъ, въ утро побѣднаго вступленія нашего въ эту столицу! Исполнивъ данное мнѣ препорученіе, я пошелъ къ своимъ однополчанамъ, конвойнымъ лейбъ-гусарамъ, гдѣ пробылъ до шестого часу, въ нетерпѣніи и надеждѣ разсмотрѣть Наполеона лучше, чѣмъ я видѣлъ его, плывшаго на баркѣ. Въ шестомъ часу, я уже былъ на парадномъ крыльцѣ дома государя. Не прошло получаса, какъ услышалъ я топотъ многочисленной конницы и увидѣлъ толпу всадниковъ, несущихся во всю прыть по главной улицѣ къ дому его величества. Это былъ Наполеонъ, окруженный своею свитою и конвоемъ. Толпа, сопутствовавшая ему, состояла, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ сотъ человѣкъ. Впереди скакали конные егеря; за ними всѣ, облитые золотомъ, въ звѣздахъ и крестахъ, маршалы и императорскіе адъ-

ютанты (то же что у насъ генералъ-адъютанты). За этою блестящею толпою скакала не менѣе ея блестящая толпа императорскихъ адъютантовъ (officiers d'ordonnance, родъ нашихъ флигель-адъютантовъ), перемѣшанныхъ со множествомъ придворныхъ чиновниковъ, маршальскихъ адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба, также чрезвычайно и разнообразно одѣтыхъ. Вся эта кавалькада замыкалась нѣсколькими десятками другой части, скакавшихъ впереди конныхъ егерей. Въ самой срединѣ этой длинной колонны, между маршалами, скакалъ самъ Наполеонъ. И вотъ онъ у крыльца. Одинъ изъ двухъ безсмѣнныхъ пажей его, Мареско, сынъ славнаго инженернаго генерала, хорошенькій мальчикъ, лѣтъ семнадцати, одѣтый въ гусарскомъ коричневомъ доломанѣ съ золотомъ и въ треугольной шляпѣ съ полями, соскочилъ съ своей лошади, бросился къ лошади Наполеона и схватилъ ее обѣими руками подъ уздцы. Наполеонъ сошелъ, или, лучше сказать, спрыгнулъ съ нея, и такъ быстро вбѣжалъ на крыльцо и прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ, ведущей въ покои государя, что я едва могъ замѣтить. За нимъ пошли маршалы и адъютанты его; но всѣ прочіе чиновники, свита и конвой его остались верхами на улицѣ. Мюратъ, шедшій вслѣдъ за Наполеономъ, встрѣтясь у крыльца съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, занялся съ нимъ разговоромъ и не пошелъ далѣе. Я долго смотрѣлъ на Мюрата, одного изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ европейскихъ конницъ. Его красивые станъ и лице, карусельный родъ одежды, носимый со всѣмъ тщаніемъ и кокетствомъ модной красавицы, бросались въ глаза. Извѣстно, что онъ наряжался богатѣе и великолѣпнѣе въ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ предвидѣлъ болѣе опасностей. Но извѣстно также, что, при этомъ рыцарскомъ духѣ, дарованія его ограничивались яростью въ сѣчахъ, картинною наружностью и однимъ навыкомъ механическаго построенія громадъ кавалеріи и дѣйствіемъ ими на пункты, указанные Наполеономъ. Мареско вошелъ на крыльцо и остановился возлѣ меня, поручивъ придворному, распудренному и покрытому галунами, конюшему держать наполеонову лошадь у самыхъ ступеней крыльца. Я помню, что лошадь эта была рыжая, очень небольшаго роста, но чистѣйшей арабской

крови и съ длиннымъ хвостомъ. Сѣдло на ней было бархатное малиновое, чепракъ такой же, золотомъ шитый, оголовье изъ золотаго галуна; удила и стремяна изъ литаго золота. Вдругъ зашумѣло на государевой лѣстницѣ; маршалы и адъютанты, не останавливаясь, сходили съ нея и быстро шли къ лошадямъ своимъ. Мареско предупредилъ ихъ; онъ, стремглавъ, бросился съ крыльца къ наполеоновой лошади, которую, принявъ отъ конюшаго, взялъ подъ уздцы, какъ прежде. Нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ республиканецъ, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ гордый вельможа, Коленкуръ, въ богатомъ обершталмейстерскомъ мундирѣ и съ двумя звѣздами на груди, держалъ одною рукою стремя для наполеоновской ноги, другою—хлыстъ для руки его, ожидая подхода барина своего къ лошади. Наполеонъ вышелъ изъ сѣней на крыльцо, рядомъ съ государемъ, и отъ тѣсноты крыльца остановился такъ близко ко мнѣ, что я былъ вынужденъ попятиться, чтобы какъ-нибудь случайно не толкнуть его. Онъ разсказывалъ что-то государю весело и съ жаромъ. Я ничего не слышалъ; я весь былъ зрѣніе; я пожиралъ его глазами, стараясь напечатлѣть въ памяти моей всѣ черты, всѣ измѣненія физіономіи, всѣ ухватки его. Къ счастью моему, онъ, какъ будто въ угожденіе мнѣ, заговорился болѣе, чѣмъ обыкновенно говаривалъ на ходу, и отъ того пробылъ возлѣ меня, конечно, болѣе двухъ минутъ. Я былъ доволенъ, но не совсѣмъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть явственнѣе цвѣтъ глазъ и взглядъ его, и въ эту минуту, онъ, какъ бы нарочно, обратилъ голову на мою сторону и прямо взглянулъ мнѣ въ глаза. Взглядъ его былъ таковъ, что во всякомъ другомъ случаѣ я, конечно, опустилъ бы вѣки; но тутъ любопытство мое все превозмогло. Взоръ мой столкнулся съ его взоромъ и остановился на немъ твердо и непоколебимо. Тогда онъ снова обратился къ государю, съ отвѣтомъ на какой-то вопросъ его величества; онъ сошелъ со ступеней крыльца, надѣлъ шляпу, сѣлъ на лошадь и, толкнувъ ее шпорами, поскакалъ, какъ пріѣхалъ, почти во всѣ поводья. Все это было сдѣлано одно за другимъ, безъ антрактовъ; въ ту же секунду, всѣ впереди его, вокругъ него, позади его стоявшіе всадники

различныхъ чиновъ и званій, разомъ двинулись съ мѣста, также во всѣ поводья, и все это великолѣпное зрѣлище, какъ блестящій и громозвучный метеоръ, мгновенно исчезло изъ виду.

Я уже говорилъ, что былъ весьма пораженъ сходствомъ стана Наполеона со всѣми печатными, и тогда вездѣ продаваемыми, изображеніями его. Не могу того же сказать о чертахъ его лица. Всѣ, видѣнные мною до того времени портреты его не имѣли ни малѣйшаго съ нимъ сходства. Довѣряясь имъ, я полагалъ Наполеона съ довольно большимъ и горбатымъ носомъ, черными глазами и волосами, словомъ— истиннымъ типомъ италіанской физіономіи. Ничего этого не было. Я увидѣлъ человѣка малаго роста, ровно двухъ аршинъ шести вершковъ, довольно тучнаго, хотя ему было тогда только тридцать-семь лѣтъ отъ роду, и хотя образъ жизни, который онъ велъ, не долженъ бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидѣлъ человѣка, державшагося прямо, безъ малѣйшаго напряженія, что̀, впрочемъ, есть принадлежность всѣхъ почти людей малаго роста. Но вотъ что̀ было его собственностью: какая-то благородно-воинственная сановитость, происходившая, безъ сомнѣнія, отъ привычки господствовать надъ людьми и чувства нравственнаго надъ ними превосходства; онъ былъ не менѣе замѣчателенъ непринужденнымъ и свободнымъ обращеніемъ и безъискуственною и натуральною ловкостью въ самыхъ пылкихъ и быстрыхъ пріемахъ и ухваткахъ своихъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Я увидѣлъ человѣка лица чистаго, слегка смугловатаго, съ чертами весьма регулярными. Носъ его былъ небольшой и прямой, на переносицѣ котораго едва была примѣтна весьма легкая горбинка. Волосы на головѣ его были не черные, но темнорусые, брови же и рѣсницы ближе къ черному, чѣмъ къ цвѣту головныхъ волосъ, а глаза голубые,—это, при черныхъ его рѣсницахъ, придавало его взору чрезвычайную пріятность. Наконецъ, сколько разъ ни случалось мнѣ видѣть его, я ни разу не примѣтилъ тѣхъ нахмуренныхъ бровей, коими одаряли его тогдашніе портретчики—памфлетисты.

Въ этотъ день и, впрочемъ, во всѣ послѣдовавшіе дни, мундиръ на немъ былъ конно-егерскій, темнозеленый, съ красною

выпушкою и съ отворотами, наискось срѣзанными такъ, чтобы былъ видѣнъ бѣлый казимировый камзолъ съ маленькими мундирными пуговицами. Эполеты на немъ были золотые полковничьи, подобные нынѣшнимъ эполетамъ нашихъ полныхъ генераловъ, безъ звѣздочекъ. На мундирѣ была звѣзда и крестикъ Почетнаго Легіона. Нижнее платье бѣлое казимировое, ботфорты выше колѣна, изъ мягкой кожи, весьма глянцовитые и съ легкими золотыми шпорами. Шпага на бедрѣ, шляпа въ рукѣ, пока не подходилъ онъ къ лошади. Изъ свиты его я замѣтилъ маршала Ланна, человѣка сухощаваго и съ физіономіею, поражавшею своею стойкостью, предпріимчивостью и рѣшимостью, и маршала Даву, дебелаго, довольно высокаго роста, лысаго, съ очками на носу и незамѣчательной наружности, но уже знаменитаго воина по Ауэрштетской побѣдѣ, собственно ему принадлежащей. О Бертье и о прочихъ маршалахъ и генералахъ я умолчу: время изгладило образы ихъ изъ моей памяти. Для дополненія описанія наружности Наполеона, я представляю здѣсь немногимъ извѣстное письмо остроумнаго принца де-Линя, видѣвшаго Наполеона нѣсколькими только днями позже меня. Изъ этого письма я перевожу на русскій языкъ тѣ только мѣста, которыя относятся единственно къ особѣ Наполеона.

„Наконецъ я видѣлъ этого дѣлателя и раздѣлывателя королей. Узнавъ, что, послѣ своихъ побѣдъ, свиданій и заключенія мира, онъ возвращается въ Парижъ и будетъ проѣздомъ въ Дрезденѣ, я изъ Теплица пріѣхалъ туда $^{17}/_{5}$ іюля. Мы съ герцогомъ Веймарскимъ втерлись въ толпу народа, стоявшаго у дворцовой лѣстницы. Императоръ съ королемъ всходили на нее такъ медленно, отъ многочисленности и неловкости саксонскихъ низкопоклонниковъ, что я могъ безъ труда осмотрѣть перваго изъ нихъ съ ногъ до головы. Мнѣ понравились положеніе головы его и осанка его, благородно-воинственная. Эта осанка — не великихъ господъ лишь на основаніи дипломовъ, обыкновенно пышущая презрѣніемъ или наглостью, которыя принимаются за благородство. Взглядъ его былъ твердъ, тихъ и величественъ. Казалось, что онъ мыслилъ о многихъ важныхъ предметахъ, что̀ придавало величавое

спокойствіе его физіономіи, и она была въ истинномъ и естественномъ положеніи. Но эта физіономія не понравилась мнѣ на другой день отъ принужденной улыбки ложнаго добродушія, чувствительности и покровительства; улыбки, которою онъ во время посѣщенія своего картинной галлереи, угощалъ народную сволочь и меня вмѣстѣ съ нею..... Я не отставалъ отъ него и всегда находился на одной высотѣ съ нимъ, позади толпы, между которою онъ шелъ. Я былъ похожъ на влюбленнаго человѣка, который, чтобы не потерять изъ виду своей милой, танцующей экосезъ, слѣдуетъ за ней по рядамъ экосеза. Такъ я не терялъ ни единаго взгляда, ни единаго звука его голоса. Звукъ этотъ показался мнѣ немного простонароденъ. Онъ бросилъ отрывисто нѣсколько вопросовъ и замѣчаній и, что̀ меня удивило—на манеръ Бурбоновъ, съ коими онъ также сходствуетъ, и нѣкоторымъ качаньемъ съ боку на бокъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Что́ производитъ это? Престолъ ли Франціи или умышленность? Все замѣчательно въ человѣкѣ, который ничего даромъ и безъ цѣли не говоритъ и не дѣлаетъ. Такъ, напримѣръ, я примѣтилъ, что онъ удостоивалъ легкимъ вниманіемъ Магдалину Корреджіеву, картины Тиціановы, трехъ грацій, прелестный эскизъ Рубенса и прочія, а останавливался предъ обыкновенными картинами, представляющими сраженія, или какія-нибудь важныя историческія событія. Опять родится вопросъ: какъ это случилось, — само собою, или съ намѣреніемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что это было сдѣлано для зрителей..... Наполеонъ купался, давалъ аудіенціи въ ваннѣ, просыпался и вставалъ въ пять часовъ; онъ навѣщалъ въ госпиталяхъ раненыхъ подъ Іеной, осматривалъ укрѣпленія города и кадетскій корпусъ, гдѣ экзаменовалъ кадетъ, держа каждаго экзаменующагося за ухо. Странная привычка, или ухватка! Онъ также поступилъ относительно князя Іоанна Лихтенштейна, во время мирныхъ переговоровъ въ Брюнѣ. Не соглашаясь однажды на нѣкоторыя статьи, на которыя онъ былъ прежде согласенъ, Наполеонъ вздумалъ, по прежнему, взять за ухо уполномоченнаго генерала. Лихтенштейнъ, отстранившись, сказалъ ему: „Если герой нашего вѣка не то говоритъ во втор-

никъ, что̀ говорилъ онъ въ понедѣльникъ, — онъ вѣроломствуетъ и мрачитъ свою славу; военному человѣку не пристойно имѣть съ нимъ дѣло: я пришлю къ нему министра". Это побѣдило Наполеона..... Вотъ другое обстоятельство, которое отвлекло меня отъ представленія къ нему и въ Вѣнѣ, и въ Дрезденѣ; онъ обошелся бы со мною или очень ласково, или очень грубо. Въ первомъ случаѣ, я потерялъ бы уваженіе къ себѣ и между своими; во второмъ, онъ бы осыпалъ меня упреками за мои шутки на его счетъ (ибо ему все извѣстно). Что̀ бы отвѣчалъ я ему, еслибъ онъ сказалъ мнѣ: Вы меня, сударь, называете то первымъ сатаною, то землетрясеніемъ, то чортомъ-человѣкомъ, то Магометомъ, то Каліостро. Онъ, можетъ-быть, не знаетъ всего удивленія, всего восторга, питаемаго мною къ нему, этому чудеснѣйшему существу, которому подобнаго не было еще въ этомъ мірѣ!"

Наконецъ, 27-го іюня, былъ заключенъ миръ. Войска наши выступили въ Россію; князь Багратіонъ отправился въ Петербургъ, и я туда же. Отдыхъ нашъ былъ непродолжителенъ: въ январѣ мѣсяцѣ мы уже были съ войсками, воюющими въ Финляндіи. Это напоминаетъ мнѣ слова незабвеннаго моего друга и боеваго собрата, Кульнева: „Матушка Россія", говаривалъ онъ тогда, „тѣмъ хороша, что все-таки въ какомъ-нибудь углу ея да дерутся". Въ то время былъ еще другой уголъ, гдѣ дрались: это Турція, куда князь, слѣдовательно, и я за нимъ, явились, по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи.

Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было поприще для надеждъ честолюбія!

Сто русскихъ литераторовъ, т. I. Спб. 1839.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова и примѣчаніями,

составленными А. О. Круглымъ.

Томъ II.

ПРОЗА.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ журналу

„СѢВЕРЪ",

за

ФЕВРАЛЬ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 февраля 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

ПРОЗА.

Къ стр. 3.

Храбрый Кульневъ

Генералъ-Маiоръ

Сражаясь за Отечество окончилъ жизнь на полѣ чести 20го Іюля 1812 г. на 48 году отъ рожденія.

VII.

ВОСПОМИНАНІЕ

о

КУЛЬНЕВѢ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

1808 годъ.

Война въ Финляндіи, во время самаго своего разгара, не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному громадными событіями въ Моравіи и восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ которой число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому же, первая половина ея не была ничѣмъ другимъ ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границъ Лапландіи, покореніемъ первоклассной крѣпости, ничтожной пальбой изъ пушекъ и набѣгами нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Надо согласиться, что и средства, которыя доставили намъ столь важныя пріобрѣтенія, имѣли мало права на общее вниманіе. За то увѣренность въ незатруднительномъ завоеваніи этого края такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріятель напалъ на разбросанныя по клокамъ наши войска, когда вспыхнула война народная, и подвозы съ пищею и зарядами прекратились вслѣдствіе набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣримому пространству лѣсовъ, сквозь которые над-

лежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизни, тогда мирные наши соотечественники не хотѣли вѣрить доходившимъ до нихъ слухамъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселья столицы и на семейныя удовольствія. А между тѣмъ кровь храбрыхъ, орошая тундры финскія, запекалась въ скалахъ, по нимъ разсѣянныхъ! А между тѣмъ лучшую часть жизни мы провождали подъ инеемъ сѣвера, среди океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ пустынныхъ озеръ, гоняясь за славою!

По заключеніи мира съ Швеціею, новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли, и участіе, и обѣты, и усилія въ другую сторону,—и Финляндская война, будучи поглощена событіями, еще огромнѣе предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности.

Я пишу не исторію, слѣдовательно не беру на себя обязанности вызывать эту войну къ безсмертію. Писатель-наѣздникъ—я и тѣмъ буду доволенъ, если записки мои напомнятъ моимъ товарищамъ очаровательныя минуты нашей юности, мечты и надежды честолюбія, опасности, которыхъ мы искали, и кочевья, и бесѣды Оссіановскія близъ пылающихъ пней, подъ пасмурнымъ сѣвернымъ небомъ.

При первомъ взглядѣ на карту Финляндіи мы видимъ, что эта область составлена изъ неправильнаго четвероугольника, къ которому плотно приставленъ равнобедренный треугольникъ. Основаніемъ первому служитъ сѣверный берегъ Финскаго залива, боками: восточный берегъ Ботническаго залива отъ Або до Вазы и перпендикуляръ, падающій отъ Куопіо на Аборфорсъ; крышею—дорога, лежащая отъ Вазы на Лаппо, Линдулаксъ и Кайвисто въ Куопіо. Эта крыша четвероугольника составляетъ основаніе треугольника, коего одинъ бокъ образуется продолженіемъ восточнаго берега Ботническаго залива отъ Вазы до Улеаборга; другой—дорогою, идущею отъ Куопіо чрезъ Индесальмо къ этому же городу. Непрерывная трясина, усыпанная скалами и осѣненная дремучимъ лѣсомъ, обширныя озера, соединяющіяся между собою,

дороги, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ малому числу средоточій, и весьма рѣдко имѣющія поперечныя между собою сообщенія, составляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастгусъ есть главное средоточіе дорогъ четвероугольника; сверхъ того, пунктъ этотъ имѣетъ сообщенія со всѣми средоточіями треугольника, а именно, чрезъ Лаппо съ Нью-Карлеби, чрезъ Линдулаксъ съ Гамле-Карлеби, чрезъ Кайвисто и Куопіо, или чрезъ Гейнолу, Сентъ-Михель и Куопіо съ Улеаборгомъ. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, застёжка всѣхъ дорогъ Финляндіи и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія съ Швеціею: одно чрезъ Аландскіе острова, близъ Або, другое чрезъ Кваркенскій проливъ близъ Вазы.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и восточный берегъ Ботническаго залива, не имѣютъ искусственныхъ укрѣпленій. Но сѣверный берегъ Финскаго залива защищенъ первоклассною крѣпостью Свеаборгомъ, портъ котораго можетъ вмѣстить до шестидесяти военныхъ кораблей, крѣпостцею Свартгольмомъ и укрѣпленными мысами: Перкалаутомъ и Гангоутомъ, пресѣкающими береговое плаваніе гребнымъ флотиліямъ. Вся приморская часть этого края много отличается отъ внутренней, относительно благосостоянія, кротости нравовъ и даже просвѣщенія жителей. Можно сказать, что, пока ѣдешь отъ Аборфорса до Або и отъ Або до Улеаборга, чувствуешь еще себя, по крайней мѣрѣ, въ сосѣдствѣ съ Европою; торговля, сближая людей, стираетъ съ нихъ кору природы и однообразитъ обычаи и нравы; но чѣмъ болѣе погружаешься въ глубину этой области, тѣмъ болѣе видишь, что нравы народа, оттѣняясь мало по малу, сливаются наконецъ съ суровою и мрачною его обителью. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ 1808 году.

Военная сила Финляндіи доходила до 15000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и до 4000 милиціи, разбросанныхъ по всей области. Изъ этого числа до 7000 находилось въ крѣпостяхъ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ; остальнымъ 12000 было приказано немедленно сосредоточиться близъ опредѣ-

ленныхъ имъ пунктовъ, при первомъ извѣстіи о нашемъ наступательномъ движеніи. Тавастгусъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для тѣхъ войскъ, которыя обитали въ южной части четвероугольника; Ваза и оба Карлеби — для находившихся въ сѣверной части его и южной части треугольника; Куопіо — для живущихъ въ Саволакской провинціи, а Улеаборгъ—сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ частей, собравшихся въ Тавастгусѣ, въ Куопіо и въ обоихъ Карлеби.

Сверхъ того наистрожайше было повелѣно генералу Клингспору, назначенному главнокомандующимъ шведской и финской арміями, не принимать сраженія до сосредоточенія послѣдней въ Улеаборгѣ. Въ концѣ января, армія наша была расположена между Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ. Она состояла изъ трехъ дивизій: 5-й, 17-й и 21-й. Первою командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, второю—генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 1-й (вскорѣ послѣ того генералъ-лейтенантъ графъ Каменскій), послѣднею—генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ. Къ этимъ дивизіямъ были присоединены три эскадрона лейбъ-казаковъ и полки: Финляндскій драгунскій, Гродненскій (чтó нынѣ Клястицкій) гусарскій и одинъ Донской казачій полкъ Лощилина. 5-я дивизія была раздѣлена на три отдѣленія: два, состоявшія подъ личнымъ надзоромъ дивизіоннаго командира, находились въ окрестностяхъ Нейшлота; одинъ, подъ командою генерала Булатова, въ окрестностяхъ Вильманштранда. Вся армія заключала въ себѣ до 20000 человѣкъ пѣхоты и конницы и была поручена генералу отъ инфантеріи графу Буксгевдену. Много было толковъ на счетъ времени, когда удобнѣе открыть военныя дѣйствія. Нѣкоторые предлагали перейти немедленно границу, другіе же совѣтывали отсрочить наступленіе до весны.

Выгоды зимней кампаніи заключались въ томъ, что Швеція не успѣла еще къ ней приготовиться. Финскіе полки, разсѣянные по всему пространству Финляндіи, еще не собирались, шведскія войска еще не прибыли на театръ дѣйствія. Финляндская область была лишена тѣхъ естественныхъ преградъ, которыми она такъ изобилуетъ по вскрытіи рѣкъ и

таянiи снѣговъ. Свеаборгская крѣпость не была ни совершенно вооружена для правильной обороны, ни достаточно снабжена военными и съѣстными потребностями. Сверхъ того, по положенiю своему на островахъ, она зимою доступнѣе, чѣмъ по вскрытiи льдовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ укрѣпленiй требовали еще окончательной достройки, и тѣ, которыя были достроены, имѣли предметомъ лишь защиту гавани; слѣдовательно, они могли съ успѣхомъ отразить атаки съ моря, а не съ твердой земли, откуда мы должны были вести осаду или приступъ. Прочiя укрѣпленiя сѣвернаго берега Финскаго залива находились въ лучшемъ состоянiи.

Безспорно, что, отсрочивъ наступленiе до весны, мы могли, дождавшись прибытiя войскъ изъ Россiи, открыть свои дѣйствiя съ большими силами; весною, двинувшись къ Вазѣ или Улеаборгу, можно было отрѣзать отъ Швецiи финскiя войска, лишенныя зимнихъ путей сообщенiя чрезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы эти выгоды съ выгодами зимней кампанiи, и не потеряли ли бы онѣ своего значенiя отъ неудобствъ, съ ними сопряженныхъ и ихъ превышающихъ? Во-первыхъ, видя армiю нашу, сосредоточивающуюся въ продолженiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ на границѣ Финляндiи, шведское правительство могло воспользоваться этимъ временемъ, чтобы собрать финскiя войска, усилить ихъ своими, и принять всѣ мѣры къ укрѣпленiю важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Тавастгуса, Куопiо, Лаппо, Кайвисто и Улеаборга. Обладая Свеаборгомъ и всѣми укрѣпленными пристанями сѣвернаго берега Финскаго залива, которыя тогда должны были бы быть достаточно укрѣплены и снабжены всѣмъ необходимымъ, Швецiя могла легко предпринимать значительныя высадки и дѣйствiя во флангъ и тылъ нашей армiи, еслибъ она рѣшилась углубиться въ нѣдра Финляндiи. Наконецъ, вскрытiе рѣкъ и озеръ, вынуждая войска наши слѣдовать по дорогамъ, врѣзаннымъ, подобно желобамъ, между горами и озерами, лишало бы ихъ возможности пользоваться равнинами и прямыми сообщенiями; однимъ словомъ, мы не имѣли бы того необходимаго простора для наступа

тельной войны, который столь удобенъ для предположеній и разсчетовъ начальниковъ.

Правительство наше весьма благоразумно предпочло зимнюю кампанію весенней. Вслѣдствіе этого, дивизіи Горчакова было приказано дѣйствовать на Свеаборгъ, дивизіи Багратіона на Тавастгусъ, дивизіи Тучкова, чрезъ Куопіо, на Вазу. Военныя дѣйствія открылись 8-го февраля. При вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы непріятельскіе, я былъ въ отпуску. Московскія веселости, въ то время увлекательныя, вскружили мнѣ окончательно голову. Двадцати-трехлѣтній юноша, я уже былъ штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гусарскаго полка, украшенный двумя крестами на шеѣ и двумя на красномъ ментикѣ, покрытомъ золотомъ; я утопалъ въ наслажденіяхъ и, подобно всѣмъ людямъ этого возраста, былъ влюбленъ до безумія.

Первая вѣсть о войнѣ съ Швеціею и о движеніи нашихъ войскъ за границу заставила меня отказаться отъ московскихъ баловъ и сердечныхъ порывовъ, и возвратиться, подобно Телемаку, слѣдующему совѣту Ментора, къ моему долгу и мѣсту; я не замедлилъ догнать армію нашу, вступившую въ Шведскую Финляндію. На пути къ Гельсингфорсу, на станціи Сибо, я познакомился съ проѣзжавшимъ, подобно мнѣ, къ своему генералу, Архангелогородскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Закревскимъ [1]), состоящимъ въ должности адъютанта у графа Каменскаго. Это знакомство тѣмъ болѣе для меня памятно, что искренняя и взаимная дружба наша осталась неизмѣнною въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ Гельсингфорсѣ находились тогда главная квартира графа Буксгевдена и назначенныя для осады Свеаборга войска, подъ начальствомъ графа Каменскаго. Тутъ я впервые увидѣлъ адъютанта графа Буксгевдена, Невскаго пѣхотнаго полка поручика Нейдгарта, что нынѣ генералъ-адъютантъ и командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса.

Ежедневная пушечная пальба по крѣпости, пальба тощая и только что дразнившая непріятеля, и ружейные выстрѣлы

---

[1]) Бывшій Московскій военный генералъ-губернаторъ.

изъ крѣпости по нашимъ баттареямъ, войскамъ и городу, но еще болѣе приготовленіе фашинъ и лѣстницъ для предстоящаго скораго приступа, задержали меня въ Гельсингфорсѣ. Я на это рѣшился, какъ потому, что зналъ образъ мыслей моего начальника, который, въ случаѣ приступа, узналъ бы съ радостью объ участіи своего адъютанта въ столь отважномъ предпріятіи, такъ и потому, что по направленію 21-й дивизіи изъ Тавастгуса въ Або, не было непріятеля, слѣдовательно, нельзя было предвидѣть какого либо сраженія.

Я былъ свидѣтелемъ весьма страннаго случая, врядъ ли кому извѣстнаго и, можетъ-быть, давно уже забытаго. Во время войны въ восточной Пруссіи, за восемь мѣсяцевъ до войны въ Финляндіи, Гродненскій гусарскій полкъ находился въ авангардѣ князя Багратіона, и потому я былъ извѣстенъ всѣмъ офицерамъ этого полка. Въ Гельсингфорсѣ пришелъ ко мнѣ квартирмейстеръ этого полка, поручикъ Малевскій или Маековскій. Во время нахожденія нашего въ авангардѣ, онъ не разъ видѣлъ меня, толкующаго вкривь и вкось о военныхъ операціяхъ, при чемъ я часто смотрѣлъ на карту; онъ возымѣлъ чрезъ то весьма высокое понятіе о моихъ военныхъ способностяхъ и познаніяхъ. Полагая, что никто лучше меня не знаетъ о мѣстопребываніи штаба полка, къ которому онъ спѣшилъ по исполненіи данныхъ ему порученій въ Петербургѣ, онъ явился ко мнѣ съ просьбою направить его ближайшимъ трактомъ къ мѣсту расположенія этого штаба. Зная, что Гродненскій гусарскій полкъ состоитъ при 21-й дивизіи, я важно развернулъ карту, счелъ число переходовъ отъ Тавастгуса до Або, опредѣлилъ на каждый по двадцати-пяти, а иногда и по тридцати верстъ, и, соображаясь со днемъ выступленія этой дивизіи изъ Тавастгуса, объявилъ утвердительно Малевскому или Маековскому, что штабъ полка его долженъ теперь находиться въ Або. Я при этомъ разсчетѣ не принялъ въ соображеніе одного обстоятельства: я забылъ, что на картѣ нѣтъ глубокаго снѣга, что широкія дороги, на ней обозначенныя, были ничто иное, какъ тропинки, по которымъ конница могла слѣдовать только въ одинъ конь, пѣхота же

рядами, а артиллерія и тяжести съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ, такъ что вмѣсто двадцати-пяти или тридцати верстъ въ сутки, 21-я дивизія не была въ состояніи проходить болѣе двѣнадцати верстъ въ сутки. Квартирмейстеръ мой отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ за оказанную ему услугу и, нисколько не сомнѣваясь въ вѣрности показаній двадцати-трехлѣтняго сорванца-стратегика, отправился на почтовыхъ въ Або, куда въѣхалъ какъ въ Москву или Петербургъ. Въ Або не было даже слуха о движеніи арміи, хотя здѣсь не было непріятельскихъ войскъ, но члены университета и жители города были вполнѣ намъ враждебны. Къ счастью, нашъ странствующій рыцарь, не подвергаясь никакому оскорбленію, успѣлъ прежде, чѣмъ разнеслась вѣсть о его пріѣздѣ, найти убѣжище у ландсгевдена или губернатора города, у котораго пробылъ ни живымъ, ни мертвымъ, до дня прибытія въ Або одного изъ отрядовъ 21-й дивизіи. Но это еще не все; здѣсь только начинается истинное торжество нашего квартирмейстера. Появленіе нашихъ войскъ весьма встревожило ландсгевдена и главныхъ чиновниковъ Або, которые прибѣгли къ Малевскому съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и увѣдомить начальника отряда, что городъ покорился нашему оружію, съ минуты прибытія въ него перваго русскаго офицера, господина Малевскаго. Торжествующій Малевскій, нарядившись въ свой парадный мундиръ, сѣлъ на лошадь ландсгевдена и, въ сопровожденіи гражданскихъ чиновниковъ, отправился къ отряду. Между тѣмъ начальникъ отряда, увидя толпу въ мундирахъ, предшествуемую гусарскимъ офицеромъ, принялъ ее за непріятельскую партію, высланную изъ города для обозрѣнія войскъ, составлявшихъ нашъ авангардъ. Все въ отрядѣ пришло въ движеніе, начали строиться въ боевой порядокъ, занимать позицію, выдвигать пушки и едва не открыли огня,—какъ вдругъ бѣлый платокъ, которымъ замахалъ квартирмейстеръ и вслѣдъ за тѣмъ появленіе его къ отряду вывели всѣхъ изъ заблужденія. Оставалось лишь мирно и торжественно вступить въ Або и заняться сочиненіемъ реляціи, что̀ для Малевскаго было менѣе доступно, чѣмъ столица Финляндіи

съ ея 280 чугунными пушками и замкомъ, вооруженнымъ 323 такими же пушками.

Я не долго оставался въ Гельсингфорсѣ. Едва начались переговоры о сдачѣ Свеаборга, какъ уже я погонялъ лошадей по Абовской дорогѣ. Въ Або, явившись къ мѣсту служенія, я попалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на балы и увеселенія. Князь Багратіонъ объявилъ намъ, что назначеніе 21-й дивизіи въ настоящую минуту состояло лишь въ томъ, чтобы предаваться всякаго рода увеселеніямъ, ибо, по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ южной Финляндіи и покореніи Свеаборга, Шварцгольма и мысовъ Гангоута и Перкелаута, если они и возобновятся, то не могутъ быть значительны.

Я разсудилъ, что если уже гоняться за увеселеніями, — для меня было выгоднѣе обратно ѣхать въ Москву, гдѣ веселости этого рода на русскую стать: шумны, роскошны, и сверхъ того поэтизированы присутствіемъ моей красавицы, чѣмъ оставаться въ Або, съ неловко прыгающими чухоночками, довольно свѣжими и хорошенькими, но ни въ какомъ случаѣ не стоющими ружейныхъ выстрѣловъ, для которыхъ я пожертвовалъ отрадными муками моего сердца. Это побудило меня проситься у князя на сѣверъ къ генералу Раевскому и Кульневу, которые преслѣдовали финскія войска къ Улеаборгу. Тамъ еще пахло жженымъ порохомъ, тамъ было и мое мѣсто. На такого рода просьбы князь отвѣчалъ всегда согласіемъ и похвалами. Въ душѣ его былъ отголосокъ на всѣ удалые порывы юношей, жадныхъ къ боевымъ приключеніямъ и случайностямъ.

Послѣ двухъ-суточнаго пребыванія моего въ Або, длинныя финскія сани мчали уже меня по пустыннымъ и снѣжнымъ озерамъ и холмамъ между скалами и дремучими лѣсами Финляндіи. Я скакалъ въ Вазу. Въ это время народонаселеніе было равнодушно и еще покойно. Жители не питали къ намъ еще ни малѣйшей злобы. Курьеры и всякаго рода обозы проѣзжали столь же безопасно, какъ въ срединѣ Россіи. Вскорѣ, отпущенные во-свояси главнымъ начальствомъ нашимъ, гарнизоны Свеаборга и Свартгольма, и неудачи войскъ нашихъ,

все измѣнили. Въ Вазѣ былъ Раевскій. Я бы остался при этомъ, полномъ дарованія и неустрашимости военачальникѣ, при этомъ, съ дѣтства моего столь любимомъ человѣкѣ, еслибъ Кульневъ не командовалъ авангардомъ его, и слѣдовательно, если бы онъ не былъ впереди Раевскаго, и потому ближе къ непріятелю. Я поѣхалъ къ Кульневу, котораго догналъ въ Гамле-Карлеби, и не отлучался отъ авангарда его до окончательнаго покоренія Финляндіи.

О Кульневѣ много и многіе говорили, даже писали и печатали, всякій по своему, видя его мимоходомъ или судя о немъ по слухамъ. Нѣкоторые полагали, что онъ былъ необыкновенный воинъ, достойный высшихъ степеней, а потому и командованія большими арміями; другіе разумѣли его лишь храбрымъ, но необразованнымъ и грубымъ гусаромъ. Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о Кульневѣ, я предъявляю права мои на довѣренность читателя къ моимъ словамъ.

Я познакомился съ Кульневымъ въ 1804 году, во время проѣзда моего чрезъ городъ Сумы, гдѣ стоялъ тогда Сумскій гусарскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ маіоромъ. Знакомство наше, хотя онъ былъ старѣе меня ровно двадцать-однимъ годомъ, превратилось въ пріязнь, во время войны 1807 года въ восточной Пруссіи. Мы тогда были: я—лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистромъ, Кульневъ—подполковникомъ Гродненскаго гусарскаго полка, въ который онъ переведенъ былъ изъ Сумскаго. Но, въ 1808 и 1809 годахъ въ Финляндіи и въ 1810 году въ Турціи, пріязнь наша достигла, такъ сказать, задушевной дружбы, которая неослабно продолжалась до его блистательной и завидной смерти. Въ послѣднихъ двухъ войнахъ, Финляндской и Турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, какъ случалось, то въ одной горницѣ, то въ одномъ балаганѣ, то у одного куреня подъ крышею неба, ѣли изъ одного котла, пили изъ одной фляжки. Вотъ каковы были наши взаимныя отношенія.

Кульневъ, родившійся въ 1763 году, получилъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, при знаменитомъ директорѣ Бецкомъ, въ самую блистательную эпоху этого военнаго учи-

лица; онъ зналъ удовлетворительно артиллерійскую науку и теоретически и практически полевую фортификацію. Онъ порядочно изъяснялся на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, хотя писалъ на обоихъ часто ошибочно; но познанія его въ исторіи, особенно въ россійской и римской, были истинно замѣчательны. Военный человѣкъ и еще гусаръ, онъ не хуже всякаго профессора зналъ хронологическій порядокъ событій и соотношенія между собою единовременныхъ происшествій; выводя изъ нихъ собственныя заключенія, полныя здраваго смысла и проницательности, онъ любилъ предлагать въ примѣръ молодымъ офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ, подвиги нѣкоторыхъ римскихъ и русскихъ героевъ. Слогъ приказовъ, отдаваемыхъ имъ по войскамъ своимъ, рапорты начальству, усиленные и быстрые переходы отрядовъ, ему ввѣряемыхъ, и притомъ нѣкоторыя странности въ образѣ его жизни, частныя и офиціальныя, бывали принимаемы за подражаніе Суворову. Это напрасно; служа при этомъ великомъ человѣкѣ во время Польской войны 1794 года, Кульневъ платилъ ему, подобно всѣмъ русскимъ воинамъ, дань благоговѣнія; боготворя Суворова, онъ всегда говорилъ о немъ со слезами восторга и никогда не старался подражать ему ни въ какихъ странностяхъ. Онъ былъ одаренъ слишкомъ смѣтливымъ умомъ, чтобы рѣшиться на подражаніе причудамъ, которыя искупаются одними только геніальными дарованіями и безсмертными подвигами. Причуды Кульнева происходили отъ веселаго его нрава, никогда, ни отъ чего не унывавшаго, и отъ неподдѣльной, самобытной оригинальности его характера. Суровый образъ жизни былъ имъ предпочтенъ роскошному отъ того, что онъ болѣе соотвѣтствовалъ солдатскому быту. Къ тому же, нельзя было роскошествовать: изъ скуднаго маіорскаго жалованья, а потомъ изъ весьма ограниченнаго въ то время содержанія полковничьяго и генералъ-маіорскаго, онъ ежегодно и постоянно до конца своей жизни удѣлялъ треть на содержаніе дряхлой и бѣдной своей матери, о чемъ было извѣстно всему городу Люцину, гдѣ она жила. Онъ другую треть употреблялъ на необходимыя для военнаго человѣка нужды: мун-

диры, содержаніе верховыхъ лошадей, конную сбрую и прочее; наконецъ послѣднюю—на пищу себѣ. Эта пища состояла изъ щей, гречневой каши, говядины или ветчины, которую онъ очень любилъ. Всего этого готовилось у него вдоволь, на нѣсколько человѣкъ. „Милости просимъ“, говаривалъ онъ густымъ и громкимъ басомъ, „милости просимъ, только каждаго гостя со своимъ собственнымъ приборомъ, ибо у меня одинъ“. Питейнымъ онъ, подобно гусарамъ того времени, не пресыщался: стаканъ чаю съ молокомъ по утру, вечеромъ съ ромомъ; чарка водки передъ завтракомъ, чарка передъ обѣдомъ, рюмка наливки для лакомства, а вода или квасъ для утоленія жажды: вотъ всѣ напитки, которыми довольствовался Кульневъ въ продолженіи сутокъ. На водку онъ былъ чрезмѣрно прихотливъ, и потому самъ гналъ и искусно подслащивалъ ее. Онъ также самъ заготовлялъ разнаго рода закуски, и мастерски маринировалъ рыбу, грибы и прочее, что̀ дѣлывалъ даже въ продолженіи войны, въ промежуткахъ битвъ и движеній. „Голь на выдумки хитра“, говаривалъ онъ, подчивая гостей; „я, господа, живу по донкишотски, странствующимъ рыцаремъ печальнаго образа, не имѣю ни кола, ни двора; подчую васъ собственной стряпней и чѣмъ Богъ послалъ“.

Это отчужденіе отъ роскоши, этотъ избранный имъ скромный родъ жизни, давали ему болѣе, чѣмъ людямъ богатымъ, но увлеченнымъ прихотями сластолюбія и расточительности, возможности помогать неимущимъ. Независимо отъ этого, Кульневъ изъ самой службы извлекалъ средства на вспомоществованіе своимъ родственникамъ. Получивъ однажды извѣстіе о крайности, въ которой находилась его мать, и видя, что ей необходимо пять тысячъ рублей, онъ, послѣ Куортанской побѣды, въ которой особенно отличился, просилъ графа Каменскаго замѣнить этою суммою генералъ-маіорскій чинъ, къ которому онъ былъ представленъ; графъ согласился. Сумма была прислана Кульневу и немедленно имъ отослана къ бѣдной и обожаемой старушкѣ. Въ другой разъ, во время Турецкой войны, получивъ аренду въ тысячу рублей на двѣнадцать лѣтъ,

онъ передалъ право на полученіе этой суммы малолѣтней родной племянницѣ и крестницѣ своей, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были высылаемы изъ кабинета въ опекунскій совѣтъ и хранились тамъ до ея замужества. Но этого мало. Благодѣянія его не ограничивались однимъ кругомъ его родственниковъ. Они простирались далѣе, хотя въ другомъ видѣ. Онъ былъ постояннымъ покровителемъ разжалованныхъ въ рядовые штабъ и оберъ-офицеровъ, служившихъ въ его отрядахъ. Во время Турецкой войны, ихъ было у него въ авангардѣ до двадцати человѣкъ, всѣ они пользовались самымъ ласковымъ, можно сказать, отеческимъ обхожденіемъ его, и всѣ они были выведены въ офицеры въ продолженіи одной кампаніи. Плѣнные непріятели обрѣтали въ немъ заступника и утѣшителя; французскій генералъ Сенъ-Женье, взятый имъ въ плѣнъ подъ Друею въ 1812 году, залился слезами, услыша о его смерти. Левенгельмъ, Клерфельдъ, и всѣ офицеры и солдаты финскіе и шведскіе, взятые въ плѣнъ, во время войны въ Финляндіи, съ восторгомъ отзывались о его рыцарскихъ свойствахъ и не переставали питать къ нему чувства живѣйшей признательности. Жители области, въ которой воевалъ Кульневъ, не подвергались ни оскорбленіямъ, ни разоренію отъ солдатъ его; ихъ образъ жизни во время войны оставался почти такимъ, какимъ и въ мирное время. Молва о его великодушіи разносилась всюду. Когда, по завоеваніи сѣверной Финляндіи, онъ пріѣхалъ въ Або и вошелъ на балъ князя Багратіона, всѣ, сидѣвшіе въ залѣ горожане, узнавъ, что то̀ былъ Кульневъ, встали со своихъ мѣстъ, танцовавшіе прервали свои танцы, и все общество подошло къ нему съ изъявленіемъ благодарности за сохраненіе спокойствія и собственности жителей той части Финляндіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ, и за оказанныя имъ благодѣянія ихъ родственникамъ, взятымъ въ плѣнъ. Всему этому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Но странное дѣло! Воинъ, сочувствующій всякому страждущему существу, до того, что крикъ птицы или скота, которыхъ рѣзали на бивачныхъ кухняхъ вблизи куреня его, могъ отвратить его отъ пищи на цѣлыя сутки и болѣе, этотъ самый воинъ насла-

ждался зрѣлищемъ погибавшихъ въ сраженіяхъ и былъ неукротимъ во время гнѣва своего на подчиненныхъ за малѣйшій проступокъ въ военномъ дѣлѣ. Послѣднимъ не было пощады; грозные на ихъ счетъ приказы, злые, насмѣшливые выговоры, внушаемые ему умомъ, склоннымъ къ ѣдкой язвительности, были причиною, что служба подъ его начальствомъ была часто не всегда пріятною, но не рѣдко нестерпимою. Строгость относительно нижнихъ чиновъ за упадокъ духа въ сраженіи и грабительство мирныхъ жителей доводила его до такого изступленія, что одни совѣты истинныхъ друзей его, и то послѣ перваго взрыва и наединѣ съ нимъ, могли нѣсколько воздержать его отъ безчеловѣчной жестокости относительно виновныхъ. За то попечительность его о пищѣ, о благосостояніи солдата, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, простиралась за предѣлы обыкновенной попечительности. „Солдатъ долженъ быть чистъ честью“, говаривалъ онъ, „а чтобъ имѣть право воздерживать его отъ похищенія чужаго добра, надо, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался; у голоднаго брюха нѣтъ уха“.

Начальствуя всегда авангардами, Кульневъ былъ неусыпенъ въ надзорѣ за непріятелемъ, и говаривалъ: „Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армія спала и отдыхала“. И подлинно, онъ почти не спалъ и не отдыхалъ. Онъ, можно сказать, надѣвалъ на себя одежду при начатіи войны, и снималъ ее съ себя при заключеніи мира. Все разоблаченіе его на ночной сонъ состояло въ снятіи съ себя сабли, которую клалъ у изголовья. Только въ теченіе дня, по возвращеніи съ дальнихъ разъѣздовъ, съ извѣстіемъ о томъ, что непріятель въ бездѣйствіи и далеко отъ авангарда, онъ только тогда позволялъ себѣ умыться и перемѣнить бѣлье, послѣ чего немедленно и въ ту же минуту надѣвалъ опять на себя одежду, и такъ проводилъ ночь, имѣя коня осѣдланнымъ у балагана или куреня своего. При первомъ извѣстіи о выстрѣлѣ или о движеніи непріятеля, Кульневъ являлся съ однимъ только ординарцемъ или вѣстовымъ къ той части цѣпи, откуда былъ слышенъ непріятель. Тамъ, на самомъ мѣстѣ происшествія, онъ удостовѣрялся соб-

ственными глазами, нужно ли подымать весь авангардъ, или часть его, и эта тревога стоитъ ли того, чтобы будить и заставлять стать въ ружье всю армію или корпусъ, къ которому принадлежалъ командуемый имъ авангардъ. Во время ночи, каждый возвращавшійся начальникъ разъѣзда былъ обязанъ будить его и доносить, видѣлъ или не видѣлъ, встрѣтилъ или не встрѣтилъ непріятеля. Число этихъ пробужденій доходило иногда до семи и восьми въ продолженіи ночи; а такъ какъ я жилъ съ нимъ въ одномъ балаганѣ, или у одного куреня, то часто разъѣздные, не зная, кто изъ насъ въ которомъ углу спитъ, будили меня вмѣсто Кульнева, и тѣмъ, по цѣлымъ ночамъ, не давали мнѣ покоя, что̀ было истинно невыносимо. Я уже говорилъ о взыскательности Кульнева за грабительство, которое иногда дозволяли себѣ нижніе чины; эта взыскательность была столь же велика и за недостатокъ стойкости въ сраженіяхъ. Онъ былъ неумолимо строгъ къ солдатамъ, уклонявшимся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и оставлявшимъ свои мѣста подъ предлогомъ снабженія себя патронами въ замѣну изстрѣленныхъ ими. Для предупрежденія подобнаго зла, онъ предварительно наряжалъ особыя и малочисленныя команды, которыхъ долгъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы переносить патроны изъ парка, находиться во время дѣла позади цѣпи и снабжать патронами нуждающихся въ нихъ застрѣльщиковъ. То же было предписано и артиллеріи. Сверхъ того онъ бдительно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы застрѣльщики и артиллеристы не оставляли цѣпи и не свозили орудій съ мѣстъ своихъ, подъ предлогомъ недостатка патроновъ и зарядовъ. Тѣ, которые изстрѣляли свои патроны, должны были оставаться на своихъ мѣстахъ до полученія патроновъ и зарядовъ, принесенныхъ имъ назначенными для этой цѣли командами. Это было необходимо въ Финляндіи, гдѣ всѣ сраженія были огнестрѣльныя и происходили въ мѣстахъ лѣсистыхъ, усѣянныхъ огромными скалами. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что полки наши, потерпѣвшіе въ Австріи и восточной Пруссіи, были наполнены рекрутами, непривычными къ бою, которые, пользуясь мѣстностью, за-

труднявшею надзоръ за ними офицеровъ и старыхъ солдатъ, выбрасывали, послѣ первыхъ выстрѣловъ, изъ своихъ сумъ патроны и убѣгали въ паркъ, подъ предлогомъ снабженія себя новыми патронами. Распоряженія Кульнева прекратили это неустройство. Онъ пріучилъ ихъ къ бережливости въ растратѣ патроновъ и зарядовъ и къ большей мѣткости во время стрѣльбы.

Въ отрядахъ Кульнева я впервые замѣтилъ новый тогда способъ усиливать цѣпи застрѣльщиковъ. Мнѣ давно уже бросалось въ глаза неудобство усиливать ихъ съ тыла. Такимъ усиливаніемъ увеличивалась лишь густота цѣпи и вмѣстѣ съ этимъ обнаруживался въ ней безпорядокъ, который доходилъ до того, что цѣпь превращалась въ безобразную толпу солдатъ, стрѣлявшихъ одинъ въ другого. Резервы Кульнева были располагаемы болѣе позади фланговъ цѣпи застрѣльщиковъ, чѣмъ позади ихъ тыла, дабы, при отступленіи отъ непріятеля, этой цѣпи удобнѣе было бы дѣйствовать на его фланги. Такимъ образомъ цѣпь наша никогда чрезмѣрно не густѣла, и потому она никогда не превращалась въ толпу, вредившую болѣе себѣ, чѣмъ непріятелю. Будучи атакована, не столько съ фронта, сколько во флангъ, и не будучи въ состояніи долго преслѣдовать, она находилась вынужденною остановиться и отступать часто въ безпорядкѣ. Будучи мало свѣдущъ въ построеніяхъ и движеніяхъ войскъ при мирныхъ маневрахъ, я не знаю, находится ли этотъ способъ дѣйствія въ правилахъ егерской службы; но въ истинномъ бою и лѣсистой Финляндіи онъ былъ чрезвычайно полезенъ, особенно въ рѣшительной Оровайской побѣдѣ, которая была приписана графомъ Каменскимъ Кульневу, награжденному за то Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса. Чтобы окончательно изобразить Кульнева, я прибѣгаю къ выпискѣ нѣсколькихъ строкъ изъ его писемъ и приказовъ: послѣ десятилѣтняго служенія въ маіорскомъ чинѣ, безъ надежды на производство въ слѣдующій чинъ, и на сорокъ второмъ году жизни, Кульневъ рѣшился оставить службу. Онъ писалъ къ родному брату своему, въ началѣ 1805 года: „Признаюсь тебѣ, что сія война остается

послѣднимъ моимъ поприщемъ. Я не упущу случая, и буду служить въ ней, какъ вѣрный сынъ отечества. Послѣ удалюсь въ общую нашу деревушку, Болдырево [1]). Мнѣ скучно стало не видѣть перемѣны въ службѣ моей".

Но тутъ какъ бы взыграло солдатское сердце, и онъ, опомнясь, продолжаетъ: „Впрочемъ, la guerre a ses faveurs, ainsi que ses disgrâces; надо во всемъ полагаться на волю Божію. Для чести и славы Россіи, равно и для подпора несчастнаго нашего семейства, я не буду щадить живота моего".

Того же года и къ тому же брату: „Я надѣюсь, что ты не покинешь бѣдную мать нашу, и увѣряю тебя съ моей стороны, что, гдѣ бы я ни былъ, она будетъ получать опредѣленную мною ей треть. Ежели же меня убьютъ, то коней и рухляди моей останется ей на три года; ибо все стоитъ болѣе 1000 рублей. Вотъ все мое имѣніе, которое нажилъ я въ продолженіи двадцатилѣтней моей службы. Прощай; благослови на одолѣніе враговъ! Заклинаю тебя не покидать любезную мать, а паче, буде меня не станетъ".

1807 года онъ писалъ къ другому брату: „Поздравляю тебя съ чадомъ. Больше ни о чемъ не прошу Бога, какъ только, чтобъ онъ былъ счастливѣе меня. Да послужатъ ему нѣкогда примѣромъ и наставленіемъ несчастія мои, которыя довольно отличительны! Будучи всѣми любимъ, ведя скромную и честную жизнь, я цѣлый вѣкъ гонимъ судьбою. Сравнивая сіе съ злодѣяніями людей, которые въ этой жизни наслаждаются всѣми благами, необходимо надо предполагать, что есть будущая жизнь, въ которой отличится зло отъ добра. Вотъ единое утѣшеніе для каждаго христіанина, и оно подкрѣпляетъ духъ мой, который по сіе время, благодаря Бога, не унывалъ, полагаясь во всемъ на волю Провидѣнія, и будучи увѣренъ, что все создано къ наилучшему концу".

Приказъ офицеру, занимавшему постъ близъ Вазы, въ 1808 году: „Ежели бы у васъ осталось только два человѣка, то честь ваша состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть непрі-

---

[1]) Родовая деревушка Кульневыхъ, Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда.

ятеля всегда на глазахъ и обо всемъ меня увѣдомлять. Впрочемъ, старайтесь отстаивать пунктъ, который вы защищаете, до самаго нельзя; къ ретирадѣ всегда есть время, къ побѣдѣ рѣдко".

Другой приказъ того же года: „Разные пустые бабьи слухи отражать духомъ твердости. Мы присланы сюда не для пашни; у государя есть крестьяне на это. Честь и слава — наша жатва; чѣмъ больше непріятеля, тѣмъ славнѣе. Имѣть всегда на памяти неоднократно уже повторяемыя мною слова: честная смерть лучше безчестной жизни".

Брату своему, въ томъ же году: „Будь терпѣливъ и не скучай. За Богомъ молитва, за государемъ служба не пропадаютъ. Какая служба была несчастнѣе моей? Теперь все перемѣнилось, и я — довольнѣйшій изъ смертныхъ своею участью (онъ получилъ тогда чинъ полковничій и крестъ св. Георгія 3-го класса). Лучше быть меньше награждену по заслугамъ, чѣмъ много безъ всякихъ заслугъ. Съ какимъ придворнымъ вельможею, носящимъ Владиміра 1-го класса, поравняю я мой Владиміръ 4-го съ бантомъ?"

Приказы.

30-го января 1808 года.—„Вчерашній маршъ былъ для всѣхъ равенъ. Въ эскадронахъ, мнѣ ввѣренныхъ, и лейбъ не позноблено ни одного, а въ эскадронѣ полковаго командира четыре человѣка. Изъ сего должно заключить, что сапоги были тѣсны, не могли вмѣстить теплой обуви, и болѣе способны для лѣтняго парада, чѣмъ для зимняго военнаго похода. Лучше прилежать къ настоящей службѣ, пещись о благѣ подчиненныхъ, чѣмъ удручать тѣло человѣческое пустымъ, и ни къ чему не нужнымъ щегольствомъ, а паче въ такое время, когда идемъ пріобрѣтать новую честь и славу".

9-го іюня того же года. — „Быть готову къ движенію. Людей никуда не отлучать; придать силы имъ крутою кашицею. Провіантскихъ много наскакало; требовать отъ нихъ все, что̀ слѣдуетъ, а не дадутъ, рапортовать мнѣ. Кормленный солдатъ лучше десяти тощихъ; предполагать маршу нельзя: пойдемъ на тридцать верстъ, а очутимся за сто".

1-го іюня 1809 года.—„Имѣть неусыпное смотрѣніе за чистотою тѣла солдатскаго. Государь щедро все отпускаетъ: можно иногда и мясца изъ двойнаго жалованья поѣсть. Эти деньги пожалованы не для того, чтобы по рукамъ раздавать, а должны быть въ артели,—а артель есть душа и кормилица солдатская“.

15-го іюля 1809 года. Письмо въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, котораго Кульневъ назначенъ былъ шефомъ:

„Чистота и опрятность есть источникъ здравія солдатскаго. При доброй пищѣ пещися о нихъ по долгу христіанскому и обязанности службы; вести въ эскадронахъ ежедневную записку, чтò солдаты ѣли, какого роду было варево; а когда кашицы поспѣли, то давать повѣстку къ кашàмъ, и тогда всѣ бросаютъ свою работу. О чемъ вынужденнымъ нахожусь напомнить: ибо замѣчено мною неоднократно, что одни ѣдятъ, а другіе работаютъ, а начальникъ, глядя на то равнодушно, съ сытымъ желудкомъ, куритъ трубку, не думая о томъ, что одни съѣдятъ вдвое, а другимъ ничего не достанется“.

Письмо туда же 1810 года: „Обучать солдатъ, какъ предписано было отъ главнокомандующаго, отнюдь не болѣе трехъ часовъ въ сутки, но знать, чему обучать, на чтò должно испытывать самихъ господъ офицеровъ, достаточно ли они знаютъ свое дѣло, безъ чего ученье не есть ученье, а мученье“.

Приказъ при выступленіи на завоеваніе Аландскихъ островов, 1809 года: „Съ нами Богъ! Я передъ вами, князь Багратіонъ за нами“.

Другой: „На маршѣ быть бодру и веселу; уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ. По прибытіи на Кумлингенъ—чарка водки, кашица съ мясомъ, щитъ и ложе изъ ельнику. Покойная ночь!“

Третій: „Серьги солдату носить неприлично: это предоставлено однѣмъ женщинамъ. Солдатъ долженъ щеголять опрятностью и чистотою аммуниціи. Кто носитъ серьги, тотъ о званіи солдата не имѣетъ никакого понятія“.

1812 года, будучи на Двинѣ, слѣдовательно не далеко отъ города Люцина, гдѣ жилъ братъ его, онъ писалъ къ

нему: „Я повозку мою по сіе время не отыщу; остался въ одномъ мундирѣ; пить и ѣсть нечего. Привези, братъ, водочки и кусокъ хлѣба подкрѣпить желудокъ. Ибо съ самаго начала этой войны я еще не спалъ и порядочно не ѣлъ“.

Тогда же и къ нему же: „Ежели я паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно. Я почитаю счастьемъ пожертвовать послѣднею каплею крови моей, защищая отечество“.

Какъ Кульневъ чувствовалъ, какъ говорилъ, такъ онъ и сдѣлалъ. 1812 года 20-го іюля, въ сраженіи подъ Клястицами, ядро оторвало ему обѣ ноги; онъ упалъ и, сорвавъ съ шеи своей крестъ св. Георгія, бросилъ окружавшимъ его, сказавъ: „Возьмите! Пусть непріятель, когда найдетъ трупъ мой, приметъ его за трупъ рядового солдата и не тщеславится убитіемъ русскаго генерала“.

Кульневъ былъ росту высокаго, почти двухъ аршинъ и десяти вершковъ; онъ былъ сухощавый, но широкоплечій и немного сутуловатый мужчина, и имѣлъ волоса темнорусые съ сильною просѣдью. Онъ имѣлъ лице продолговатое, носъ довольно большой, прямой, съ малой горбиною; и носилъ довольно длинные усы, соединявшіеся съ огромными бакенбардами. Я недавно гдѣ-то читалъ, что онъ носилъ какой-то черный гусарскій ментикъ, или доломанъ, съ черными шароварами; не справедливо: онъ носилъ, подобно всѣмъ гусарамъ, ментикъ или доломанъ Гродненскаго гусарскаго полка, смотря по времени года; только одежда эта была не офицерская, а рядового гусара, то-есть, сшитая изъ толстаго солдатскаго сукна, съ гарусными снурками и оловянными пуговицами; но рейтузы и фуражка его были форменные офицерскіе. Правда, онъ надѣвалъ иногда финскій колпакъ или разнаго рода скуфьи и ермолки, что̀ дѣлывалъ изъ балагурства, а можетъ-быть, изъ страсти носить что-нибудь странное на головѣ: онъ однажды надѣлъ на голову и долго носилъ подаренный мною ему табачный кисетъ, зеленаго сафьяна, шитый золотомъ. Все это дѣлывалъ онъ однако на бивакѣ, внѣ службы, но никогда на службѣ и передъ войскомъ.

Изобразивъ Кульнева, какимъ онъ былъ, съ его качествами и недостатками, я скажу въ заключеніе, что онъ былъ, можетъ-быть, менѣе замѣчателенъ военными дарованіями, чѣмъ коренными чувствами истаго россіанина, по своему истинно русскому образу мыслей. Можно смѣло сказать, что Кульневъ былъ однимъ изъ послѣднихъ воиновъ чисто русскаго семейства, какъ Брутъ—послѣднимъ римляниномъ. Другіе, не менѣе его мужественные, не менѣе его предпріимчивые, появившись на горизонтѣ событій, ознаменовали себя, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, подвигами блистательнѣйшими; но они, большею частью, по образу чувствъ и мыслей своихъ, принадлежатъ столько же нашему, сколько чужому небу. Кульневъ былъ нашею родной, русской звѣздою, неподвижною, какъ полярная звѣзда. Онъ былъ такимъ, какимъ представляемъ себѣ россіанъ того времени, когда всѣ ихъ обѣщанія и клятвы скрѣплялись однимъ словомъ: „Да будетъ мнѣ стыдно!“ Онѣ соблюдались не изъ страха законовъ, а изъ опасенія упрековъ собственной совѣсти. Любовь къ отечеству и преданность къ престолу сливались въ одну струю и были однимъ и тѣмъ же чувствомъ; пламенная и вмѣстѣ съ тѣмъ покорная любовь къ родителямъ, и тайныя и безмолвныя благодѣянія, оказываемыя врагамъ,—все это почиталось естественнымъ дѣломъ. Таковъ былъ Кульневъ, какъ человѣкъ и гражданинъ. Память о немъ для насъ, современниковъ, друзей и боевыхъ его товарищей, тѣмъ любезнѣе и священнѣе, что въ настоящее время вѣковые отпечатки нашей національности и самобытности такъ быстро исчезаютъ предъ чужеземными лжемудрствованіями и жалкими подражаніями, столь несвойственными русскому духу.

Обращаюсь теперь къ военнымъ дѣйствіямъ. Во время проѣзда моего изъ Гельсингфорса въ Або и изъ Або, чрезъ Вазу, въ Гамле-Карлеби, Свеаборгская крѣпость покорилась нашему оружію. Шведскія войска, защищавшія ее и составлявшія четвертую часть гарнизона, были отправлены плѣнными въ Выборгъ; но около 5400 финскихъ войскъ были распущены по домамъ. Эта ошибка была для насъ гибельна по

своимъ послѣдствіямъ, въ теченіе лѣтней кампаніи, при первомъ отступательномъ движеніи нашихъ войскъ изъ сѣверной Финляндіи.

Между тѣмъ главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, не принимая во вниманіе слабость нашихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на сѣверѣ, не преставалъ посылать имъ повелѣнія за повелѣніями объ усиленіи преслѣдованія и натисковъ на Клингспора, котораго войска, по мѣрѣ отступленія къ Улеаборгу, сосредоточиваясь болѣе и болѣе, усиливались вмѣстѣ съ тѣмъ прибывавшими изъ Швеціи войсками. Насъ явно ожидали неудачи, ибо въ это время вся 21-я дивизія оставалась въ бездѣйствіи въ Або и его окрестностяхъ, 17-я дивизія, или войска, облегавшія Свартгольмъ и Свеаборгъ, вступили въ эти крѣпости, въ качествѣ гарнизоновъ, а резервы, подошедшіе изъ Россіи, были употреблены на защиту береговъ отъ десантовъ, которыхъ еще нельзя было опасаться. Это произвело тò, что между 5-ю дивизіею, дѣйствовавшею на сѣверѣ, и главными силами, оставшимися въ южной Финляндіи, находилось пространство въ 600 верстъ, пустое и незанятое никакими войсками. Я не осуждаю, но изображаю распоряженія въ томъ видѣ, въ какомъ они были сдѣланы.

1-го апрѣля Кульневъ занялъ Калаіоки; 3-го, за два часа до разсвѣта, выступилъ онъ къ атакѣ селенія Иппери, защищеннаго авангардомъ непріятельской арміи. Пѣхота наша, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ и шести орудій, подъ командою подполковника Карпенки и маіоровъ Вреде и Конскаго, направилась большою дорогою, тогда какъ два эскадрона гусаръ и до двухъ сотъ казаковъ, подъ командою маіора Силина, составлявшіе ея лѣвый флангъ, двигались по льду Ботническаго залива, въ недалекомъ разстояніи отъ берега. Дѣло завязалось на самомъ разсвѣтѣ, и ружейный огонь пѣхоты загорѣлся на большой дорогѣ и въ лѣсахъ, сквозь которые она пролегала. Въ это время шведскіе драгуны Ниландскаго полка, съѣхавъ съ берега, показались на льду противъ нашей конницы и двинулись на малую часть казаковъ, впереди ея разсѣянныхъ. Казачьи фланкеры начали отъѣзжать и заманиват

разстроенную уже отъ движенія впередъ непріятельскую конницу. Увидя это, Кульневъ и я, оставя пѣхоту, поскакали къ нашей конницѣ; но она, не дождавшись насъ, ударила, смяла и опрокинулаНиландскихъ драгунъ. Мы успѣли лишь насладиться зрѣлищемъ блистательнаго дѣйствія казаковъ и погонею ихъ за непріятелемъ по гладкой и снѣжной пустынѣ Ботническаго залива. Картина оригинальная и очаровательная! Много было поколото драгунъ, много было взято въ плѣнъ. Но посреди этой сумятицы намъ бросилась въ глаза группа всадниковъ, около которой толпились казаки, и которая еще защищалась. Мы направились во весь скокъ въ эту сторону и услышали слова: „Koulneff, Koulneff, sauvez nous la vie!“ (Кульневъ, Кульневъ, спаси намъ жизнь!). Это были генералъ Левенгельмъ, королевскій адъютантъ, только что, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, прибывшій въ армію изъ Стокгольма, для исправленія должности начальника главнаго штаба, и адъютантъ его капитанъ Клерфельдъ, молодой человѣкъ, бывшій у насъ наканунѣ парламентеромъ; при нихъ было нѣсколько драгунъ. Кульневъ остановилъ направленныя на нихъ пики, соскочилъ съ лошади и кинулся обнимать плѣнныхъ чиновниковъ. Кровь Левенгельма заструилась по усамъ и бакенбардамъ Кульнева, ибо Левенгельмъ былъ раненъ пикою въ горло, къ счастью, не такъ опасно, какъ мы думали. Преслѣдованіе продолжалось до села Пигаіоковъ.

Рана Левенгельма была немедленно перевязана цирюльникомъ нашего отряда; послѣ этого, онъ и адъютантъ его, ободренные привѣтствіями и ласками Кульнева, были отправлены при конвоѣ къ генералу Раевскому, выступившему уже изъ Вазы къ намъ на помощь. Во время перехода къ Пигаіокамъ, я, для смѣха, мысленно сочинилъ стихи, которые проговорилъ Кульневу. Вотъ все, что изъ нихъ помню:

Повѣдай подвиги усатаго героя,
О Муза, разскажи, какъ Кульневъ воевалъ,
Какъ онъ среди снѣговъ въ рубашкѣ кочевалъ
И въ финскомъ колпакѣ являлся среди боя.
Пускай услышитъ свѣтъ
Причуды Кульнева и громъ его побѣдъ.

Румяный Левенгельмъ на бой приготовлялся,
И завязавъ жабо, прическу поправлялъ,
Ниландскій полкъ его на клячахъ выѣзжалъ,
За нимъ и корпусъ весь Клингспора пресмыкался.
О, храбрые враги, куда стремитесь вы?
Отвага, говорятъ, ничто безъ головы.

Нашъ Кульневъ до зари, какъ соколъ, встрепенулся;
Онъ воиновъ своихъ ко славѣ торопилъ:
«Вставайте», говоритъ, «вставайте, я проснулся!
«Съ охотниками въ бой! Богъ храбрости и силъ!
«По чаркѣ, да на конь, безъ холи и затѣевъ;
«Чѣмъ ближе, тѣмъ виднѣй [1]), тѣмъ легче бить злодѣевъ!»
Все вмигъ воспрянуло, все двинулось впередъ....
О Муза, разскажи торжественный походъ!

На другой день мы пошли далѣе и, почти безъ сопротивленія, заняли Брагештадтъ; но въ Ольківкахъ встрѣтили неожиданный намъ отпоръ, впрочемъ, не долго продолжавшійся.

Излишне было бы напоминать Кульневу объ осторожности и неослабной бдительности въ надзорѣ его за передовой цѣпью. Дѣятельность, неусыпность и строгость Кульнева были неимовѣрны. Но необходимо надо было разочаровать его и убѣдить, что отступленіе Клингспора не будетъ продолжаться до безконечности; оно происходило лишь вслѣдствіе стратегическихъ видовъ, то-есть, отъ сосредоточенія всѣхъ шведскихъ и финскихъ войскъ у Улеаборга, а не отъ страха, поселеннаго въ него заносчивою и опрометчивою нашей погоней. Я принялъ на себя обязанность вывести Кульнева изъ заблужденія; я не разъ спорилъ съ нимъ до изнеможенія силъ, почти до ссоры; но все было тщетно. Онъ упустилъ изъ вида, что, по мѣрѣ отлива финскихъ войскъ къ Улеаборгу, къ этому узлу, или застёжкѣ всѣхъ дорогъ Финляндіи, всѣ финскія войска, идущія по онымъ, сами собою и однимъ своимъ направленіемъ сосредоточиваются близъ этого города. Онъ забылъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, наши клоки войскъ, оторванные отъ нашихъ главныхъ силъ, оставшихся на сѣверномъ берегу Финскаго

---

[1]) Приказъ Кульнева наканунѣ нападенія, которое было назначено за два часа до разсвѣта.

залива, подвигаются къ тому же Улеаборгу, не имѣя опоры и надежды на усиленіе себя свѣжими войсками. Не принимая ничего этого въ уваженіе, онъ, въ чаду своихъ успѣховъ, шелъ впередъ безъ оглядки.

6-го апрѣля отрядъ нашъ снова наткнулся на непріятеля. Это было у Сигаіокской кирки; онъ занималъ позицію, которую, казалось, не хотѣлъ уступить даромъ. Мы атаковали живо; первоначальные натиски наши были успѣшны, и финскій аррьергардъ уже снимался съ позиціи, чтобы слѣдовать за отступавшими главными силами. Вдругъ Клингспоръ, остановивъ свои войска, направляетъ сильную дивизію на помощь аррьергарда; огонь возобновляется съ ожесточеніемъ; финскія колонны, подъ огнемъ своихъ десяти орудій, наклоняютъ штыки и бросаются намъ на встрѣчу. Кульневъ и духъ войскъ нашихъ, возвышенный успѣхами, непрерывно до этого времени продолжавшимися, привѣтствуютъ непріятеля по долгу и чести. Огневое дѣло обращается въ штыковую рѣзню; финны и шведы—достойные состязатели русскихъ въ этомъ родѣ битвы; схватка была молодецкая, но превосходство числительной силы непріятеля надъ нашею восторжествовало и должно было восторжествовать. Мы были вынуждены уступить мѣсто сраженія; уронъ съ обѣихъ сторонъ простирался до 1000 человѣкъ. Съ нашей стороны былъ убитъ 24-го егерскаго полка маіоръ Конскій; со стороны непріятеля полковникъ Флемингъ; Кульнева одинъ Богъ спасъ: ядро, пролетѣвшее близъ него, обожгло ему ногу. На другой день Клингспоръ, оставивъ поле сраженія, сосредоточилъ свои силы между Лиминго и Люміоки. Мы немедленно вступили въ Сигаіоки. Между тѣмъ генералъ Раевскій, слѣдуя за нами, остановился въ Пигаіокахъ, гдѣ соединилась съ нимъ 5-я пѣхотная дивизія, пришедшая изъ Куопіо. Одна изъ бригадъ этой дивизіи, подъ командою генерала Булатова, состоявшая изъ 2500 человѣкъ, была оставлена на пути, лежащемъ изъ Куопіо въ Улеаборгъ, для преслѣдованія отступавшей къ этому городу непріятельской бригады Кронштета. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, командовавшій 5-ю дивизіею, будучи старѣе въ чинѣ, принялъ

начальство надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими въ сѣверной Финляндіи.

Кульневъ, наказанный за свою опрометчивость пораженіемъ подъ Сигаіоками, обратился къ благоразумію. Мы остались въ Сигаіокахъ, соблюдая всевозможную военную осторожность; не предпринимая уже ничего вооруженною рукою, мы ожидали Булатова, коему было предписано Тучковымъ сойти съ большой Куопіосской дороги у Францила, чтобы итти къ Револаксу, деревнѣ, отстоящей отъ Сигаіокъ не далѣе восьми или десяти верстъ. Но такъ какъ Кульневъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, то, 12-го апрѣля, онъ послалъ меня съ однимъ эскадрономъ гусаръ и одной сотнею казаковъ на островъ Карлое, отстоявшій отъ берега въ десяти или пятнадцати верстахъ, почти противъ самаго Улеаборга. Мнѣ было предписано изгнать оттуда непріятеля, не предпринимая однако же ничего, чтобы не навлечь на себя нападенія непріятельскаго авангарда, на флангѣ и почти въ тылу котораго находился этотъ островъ. Я пришелъ на разсвѣтѣ въ Карлое и засталъ тамъ нѣсколько фуражировъ съ слабымъ прикрытіемъ. Бой продолжался не долго; нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ было убито, нѣсколько было взято въ плѣнъ, остальные спаслись бѣгствомъ, едва завидя приближавшуюся къ острову команду мою. Въ теченіе дня, я благополучно примкнулъ къ отряду, отъ котораго былъ отдѣленъ. Того же числа, то-есть, 12-го апрѣля, Булатовъ вступилъ въ Револаксъ, и въ то же время войска Тучкова и Раевскаго придвинулись къ Брагештадту. Непріятельская армія, состоявшая изъ 13000 человѣкъ, оставалась въ Лиминго и Люміокахъ. Надлежало ожидать скорой развязки отъ чрезмѣрнаго удаленія нашего отъ главной арміи и отъ гибельнаго для насъ сосредоточенія непріятельскихъ войскъ.

Сынъ Отечества 1838 г., ч. III.

Къ стр. 29

Д. В. Давыдовъ въ 1812 году.

VIII.

ДНЕВНИКЪ ПАРТИЗАНСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ
1812 года.

Съ 1807 по 1812 годъ я былъ адъютантомъ покойнаго князя Петра Ивановича Багратіона въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Турціи, вездѣ близъ стремени сего блистательнаго полководца. Когда противныя обстоятельства отрывали его отъ дѣйствовавшихъ армій, тогда онъ, по желанію моему, оставлялъ меня при нихъ: такъ я прошелъ курсъ аванпостной службы при Кульневѣ въ 1808 году въ сѣверной Финляндіи и при немъ же въ Турціи въ 1810 году, во время командыванія арміей графа Каменскаго.

Въ 1812 году поздно было учиться. Тучи бѣдствій разразились надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ и каждый сынъ его обязанъ былъ платить ему наличными свѣдѣніями и способностями. Я просилъ у князя позволеніе стать въ ряды Ахтырскаго гусарскаго полка. Онъ похвалилъ меня и писалъ о томъ военному министру. Я былъ 8-го апрѣля переименованъ въ подполковники съ назначеніемъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, расположенный тогда близъ Луцка. 18-го мая мы выступили въ походъ къ Бресту-Литовскому.

Около 17-го іюня армія наша расположена была въ окрестностяхъ Волковиска, полкъ нашъ находился въ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока.

17-го іюня началось отступленіе. Отъ этого числа, до назначенія меня партизаномъ, я находился при полку; командуя

первымъ баталіономъ [1]), я былъ въ сраженіяхъ подъ Миромъ, Романовымъ, Дашковкой и во всѣхъ аванпостныхъ сшибкахъ, до самой Гжати. Видя себя полезнымъ отечеству не болѣе рядового гусара, я рѣшился просить себѣ отдѣльную команду, не смотря на слова, произносимыя и превозносимыя посредственностью: никуда не проситься и ни отъ чего не отказываться. Напротивъ, я всегда былъ увѣренъ, что въ ремеслѣ нашемъ тотъ только выполняетъ свой долгъ, который переступаетъ за черту его, не равняется духомъ, какъ плечами въ шеренгѣ съ товарищами, на все напрашивается и ни отчего не отказывается. При сихъ мысляхъ я послалъ къ князю Багратіону письмо слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство! Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ гусарскій полкъ, имѣлъ предметомъ партизанскую службу и по силамъ лѣтъ моихъ, и по опытности моей, и если смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю и, слѣдовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего отличнаго. Князь, вы мой единственный благодѣтель! Позвольте мнѣ предстать къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній; если они будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему, и будьте надежны, что тотъ, который носилъ званіе адъютанта Багратіона пять лѣтъ сряду, будетъ умѣть поддержать честь сію со всею ревностью, какую бѣдственное положеніе любезнаго нашего отечества онаго требуетъ. Денисъ Давыдовъ“.

21-го августа князь позвалъ меня къ себѣ [2]); представъ къ нему, я объяснилъ ему выгоды партизанской войны, при обстоятельствахъ того времени: „Непріятель идетъ однимъ путемъ“, говорилъ я ему, „путь сей протяженіемъ своимъ очень великъ; транспорты съ продовольствіемъ непріятеля покрыва-

---

[1]) Въ то время гусарскіе полки состояли изъ двухъ баталіоновъ, каждый баталіонъ въ военное время заключалъ въ себѣ 4 эскадрона.

[2]) Это было при Колоцкомъ монастырѣ, въ овинѣ, гдѣ была его квартира.

ютъ пространство отъ Гжати до Смоленска и далѣе. Между тѣмъ обширность части Россіи, лежащей на югѣ Московскаго пути, способствуетъ изворотамъ не только партій, но и цѣлой нашей арміи. Что дѣлаютъ толпы казаковъ при авангардѣ? Оставя достаточное число ихъ для содержанія аванпостовъ, надо раздѣлить остальное на партіи и пустить ихъ въ средину каравана, слѣдующаго за Наполеономъ. Пойдутъ ли на нихъ сильные отряды? Имъ есть довольно простора, чтобы избѣжать пораженія. Оставятъ ли ихъ въ покоѣ? Они истребятъ источникъ жизни и силы непріятельской арміи. Откуда возьметъ она заряды и пропитаніе? Наша земля не такъ изобильна, чтобы придорожная часть могла прокормить двѣсти тысячъ войска, а оружейные и пороховые заводы не на Смоленской дорогѣ. Къ тому же, обратное появленіе нашихъ посреди разсѣянныхъ отъ войны поселянъ ободритъ ихъ и обратитъ настоящую войну въ народную. Князь, откровенно вамъ скажу: душа болитъ отъ вседневныхъ паралельныхъ позицій! Пора видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Россіи; кому не извѣстно, что лучшій способъ защищать предметъ непріятельскаго стремленія состоитъ не въ паралельномъ, а въ перпендикулярномъ или, по крайней мѣрѣ, въ косвенномъ положеніи арміи, относительно этого предмета, и потому, если не прекратится избранный Барклаемъ и продолжаемый свѣтлѣйшимъ родъ отступленія, Москва будетъ взята, миръ въ ней подписанъ и мы пойдемъ въ Индію сражаться съ французами!.... [1]) Я теперь обращаюсь къ себѣ собственно: если должно непремѣнно погибнуть, то лучше я лягу здѣсь; въ Индіи я пропаду со ста тысячами моихъ соотечественниковъ, безъ имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здѣсь я умру подъ знаменами независимости, около которыхъ столпятся поселяне, ропщущіе на насиліе и безбожіе враговъ нашихъ... а кто знаетъ? можетъ-быть и армія, опредѣленная дѣйствовать въ Индіи!...“ Князь прервалъ нескромный полетъ

---

[1]) Общее мнѣніе того времени, низложенное твердостью войска, народа и царя.

моего воображенія; пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ: „Нынче же пойду къ свѣтлѣйшему и изложу ему твои мысли“.

Князь Кутузовъ въ то время отдыхалъ; до пробужденія его вошли къ князю Василій и Дмитрій Сергѣевичи Ланскіе, которымъ онъ читалъ письмо, полученное имъ отъ графа Растопчина и находящееся нынѣ у господина Старынкевича, въ которомъ сначала было нѣчто похожее на это: „Я полагаю, что вы будете драться прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ Москвѣ, я выду изъ нея къ вамъ на подпору со 100000 вооруженныхъ жителей; если и тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ ея пепелъ достанется“. Это намѣреніе меня восхитило.

Весь тотъ день свѣтлѣйшій былъ занятъ, и потому князь отложилъ говорить ему обо мнѣ до наступающаго дня, а между тѣмъ мы подошли къ Бородину. Эти поля, это село мнѣ были болѣе, нежели другимъ, знакомы. Тамъ я провелъ и безпечныя лѣта моего дѣтства и ощутилъ первые порывы къ любви и славѣ. Но въ какомъ видѣ нашелъ я этотъ пріютъ моей юности! Надъ домомъ отеческимъ носился дымъ биваковъ, ряды штыковъ сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и войска толпились на родимыхъ холмахъ и долинахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью читывалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія на границахъ Франціи—тамъ закладывали редутъ Раевскаго [1]). Красивый

---

[1]) Нѣкоторые военные писатели приняли въ настоящее время за правило искажать событія, въ которыхъ принималъ участіе генералъ Ермоловъ, они умалчиваютъ о заслугахъ сего генерала, коего мужество, способности, безкорыстіе и скромность въ донесеніяхъ слишкомъ всѣмъ извѣстны. Такъ какъ подобныя описанія не могутъ внушить никакого довѣрія, я рѣшился либо опровергать вымыслы этихъ господъ, либо сообщать моимъ читателямъ все то, о чемъ имъ не угодно было говорить. Такъ, напримѣръ, въ описаніи Бородинскаго сраженія, никто не далъ себѣ труда собрать всѣ свѣдѣнія о взятіи нами редута Раевскаго, уже занятаго непріятелемъ. Почтенный Николай Николаевичъ Раевскій, именемъ котораго названъ этотъ редутъ, описывая это событіе, упоминаетъ слегка о Ермоловѣ, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блистательному мужеству этихъ двухъ генераловъ, и, основываясь на рапортѣ Барклая и на разсказахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, всѣ безпристрастные свидѣтели этого побоища громко признаютъ Ермолова главнымъ героемъ этого дѣла; ему

лѣсокъ передъ пригоркомъ обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все измѣнилось! Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но даже и въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Я глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горокъ, для строенія биваковъ и костровъ. Слезы воспоминанія брызнули изъ глазъ моихъ, но скоро ихъ осушила мысль, что я и оба брата мои были вкладчиками крови и имущества въ сію священную лотерею.

принадлежитъ въ этомъ случаѣ и мысль и исполненіе. Это блистательное дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: получивъ извѣстіе о ранѣ князя Багратіона и о томъ, что вторая армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ послалъ туда Ермолова съ тѣмъ, чтобы, ободривъ войско, привести его въ порядокъ. Ермоловъ приказалъ храброму полковнику Никитину (нынѣ генералъ отъ кавалеріи) взять съ собой три конныя роты и не терять его изъ виду, когда онъ отправится во 2-ю армію. Бывшій начальникъ артиллеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ рѣшился сопровождать его, не смотря на всѣ представленія Ермолова, говорившаго ему: «Ты всегда бросаешься туда, куда тебѣ не слѣдуетъ, давно ли тебѣ былъ выговоръ отъ главнокомандующаго, за то, что тебя нигдѣ отыскать не могли. Я ѣду во вторую армію, мнѣ совершенно не знакомую, приказывать тамъ именемъ главнокомандующаго, а ты что̀ тамъ дѣлать будешь». Они слѣдовали полемъ, какъ вдругъ замѣтили вправо на редутѣ Раевскаго большое смятеніе: редутомъ овладѣли французы, которые, не найдя на немъ зарядовъ, не могли обратить противу насъ взятыхъ орудій; Ермоловъ разсудилъ весьма основательно: вмѣсто того, чтобы ѣхать во 2-ю армію, гдѣ ему, можетъ-быть, съ незнакомыми войсками не удастся исправить ходъ дѣлъ, не лучше ли возстановить здѣсь сраженіе и выбить непріятеля изъ редута, господствующаго надъ всѣмъ полемъ сраженія и справедливо названнаго Беннигсеномъ ключемъ позиціи. Онъ потому приказалъ Никитину поворотить вправо къ редуту, гдѣ они уже не нашли Паскевича, а прострѣленнаго полковника 26-й дивизіи Савоини съ разнородной массой войскъ. Приказавъ ударить сборъ, Ермоловъ мужественно повелъ ихъ на редутъ. Найдя здѣсь баталіонъ Уфимскаго полка послѣдній съ края 1-й арміи, Ермоловъ приказалъ ему итти въ атаку развернутымъ фронтомъ, чтобы линія казалась длиннѣе и ей легче было бы захватить большее число бѣгущихъ. Для бо̀льшаго воодушевленія войскъ, Ермоловъ сталъ бросать, по направленію къ редуту, георгіевскіе кресты, случайно находившіеся у него въ карманѣ; вся свита Барклая мужественно пристроилась къ нимъ и въ четверть часа редутъ былъ взятъ. Наши сбрасывали съ вала вмѣстѣ съ непріятелемъ и пушки; пощады не было никому; взятъ былъ въ плѣнъ одинъ генералъ Бонами, получившій двѣнадцать ранъ (этотъ генералъ жилъ послѣ долго въ Орлѣ; полюбивъ

Такъ какъ вторая армія составляла лѣвый флангъ линіи, князь остановился въ Семеновскомъ. Вечеромъ онъ прислалъ за мною адъютанта своего Василья Давыдова. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: „Свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи, но, полагая успѣхъ предпріятія сего сомнительнымъ, опредѣляетъ на оное только пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ; онъ хочетъ, чтобы

весьма Ермолова, онъ далъ ему письмо въ южную Францію къ своему семейству, которое онъ просилъ посѣтить. При полученіи извѣстій о побѣдахъ французовъ, раны его закрывались и онъ былъ добръ и спокоенъ, при малѣйшемъ извѣстіи о неудачахъ ихъ, раны раскрывались и онъ приходилъ въ ярость). Такъ какъ вся масса нашихъ войскъ не могла взойти на редутъ, многіе въ пылу преслѣдованія, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ и находящемуся впереди, были встрѣчены войсками Нея. Ермоловъ приказалъ кавалеріи, заскакавъ впередъ, гнать нашихъ обратно на редутъ. Мужественный и хладнокровный до невѣроятія Барклай, на высокомъ челѣ котораго изображалась глубокая скорбь, прибывъ лично сюда, подкрѣплялъ Ермолова войсками и артиллеріей. Въ это время исчезъ графъ Кутайсовъ, который былъ убитъ близъ редута; одна лошадь его возвратилась. Одинъ офицеръ, не будучи въ состояніи вынести тѣла, снялъ съ него знакъ св. Георгія 3-го класса и золотую саблю. (Этотъ молодой генералъ, будучи полковникомъ гвардіи — пятнадцать лѣтъ и генераломъ — двадцать четыре года, былъ одаренъ блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечеръ 25-го августа съ Ермоловымъ и Кикинымъ, онъ былъ пораженъ словами Ермолова, случайно сказавшаго ему: «Мнѣ кажется, что завтра тебя убьютъ». Будучи чрезвычайно впечатлителенъ отъ природы, ему въ этихъ словахъ неизвѣстно почему послышался голосъ судьбы). Ермоловъ оставался на редутѣ около трехъ часовъ, пока усилившаяся боль, вслѣдствіе сильной контузіи картечью въ шею, не вынудила его удалиться. Барклай написалъ Кутузову слѣдующій рапортъ о Бородинскомъ сраженіи: «Вскорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всѣми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлалъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизіею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію; но начальникъ главнаго штаба генералъ-маіоръ Ермоловъ съ свойственною ему рѣшительностью, взявъ одинъ только третій баталіонъ Уфимскаго полка, остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко; баттареи его дѣлали страшное опустошеніе; но ничто не устояло... третій баталіонъ Уфимскаго полка и восемнадцатый егерскій полкъ бросились прямо на баттарею, девятнадцатый и сороковой егерскіе полки по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріятельскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощаду, а непріятель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе баттареи. Генералъ-маіоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24-й дивизіи, которой

ты самъ взялся за это". Я отвѣчалъ ему: „Я бы стыдился, князь, предложить опасное предпріятіе и уступить исполненіе онаго другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но для пользы людей мало!" „Онъ болѣе не даетъ!" „Если такъ, то я иду и съ этимъ числомъ; авось либо открою путь большимъ отрядамъ!" „Я этого отъ тебя и ожидалъ", сказалъ князь; впрочемъ, между нами, я не понимаю опасеній свѣтлѣйшаго. Стоитъ ли торговаться изъ за нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, когда дѣло идетъ о томъ, что, въ случаѣ удачи, онъ можетъ лишить непріятеля подвозовъ, столь ему необходи-

---

я велѣлъ смѣнить разстроенную атакой 26-ю дивизію». Барклай написалъ собственноручное представленіе, въ которомъ просилъ князя Кутузова удостоить Ермолова орденомъ св. Георгія 2-го класса; но такъ какъ этотъ орденъ былъ пожалованъ самому Барклаю, то Ермоловъ былъ лишь награжденъ знаками св. Анны 1-го класса.

Въ Бородинскомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстый, замѣчательный по своему необыкновенному уму и извѣстный подъ именемъ американца; находясь въ отставкѣ въ чинѣ подполковника, онъ поступилъ рядовымъ въ Московское ополченіе. Находясь въ этотъ день въ числѣ стрѣлковъ при 26-й дивизіи, онъ былъ сильно раненъ въ ногу. Ермоловъ, проѣзжая послѣ сраженія мимо раненыхъ, коихъ везли въ большомъ числѣ на подводахъ, услыхалъ знакомый голосъ и свое имя. Обернувшись, онъ, въ грудѣ раненыхъ, съ трудомъ могъ узнать графа Толстаго, который, желая убѣдить его въ полученной имъ ранѣ, сорвалъ бинтъ съ ноги, откуда струями потекла кровь. Ермоловъ исходатайствовалъ ему чинъ полковника.

Послѣ Бородинскаго сраженія, Ермоловъ отправился съ Толемъ и полковниками (русскимъ, австрійскимъ и испанскимъ), Кроссаромъ, съ Поклонной горы къ Москвѣ отыскивать позицію, удобную для принятія сраженія. Войска были одушевлены желаніемъ вновь сразиться съ непріятелемъ; когда, послѣ Бородинскаго сраженія, адъютантъ Ермолова Граббе объявилъ войскамъ отъ имени свѣтлѣйшаго о новой битвѣ, это извѣстіе было принято всѣми съ неописаннымъ восторгомъ. Отступленіе нашихъ войскъ началось лишь по полученіи извѣстія съ нашего перваго фланга, котораго непріятель сталъ сильно тѣснить и обходить. Князь Кутузовъ, не желая однако оставить столицу безъ обороны, имѣлъ одно время въ виду ввѣрить защиту ее со стороны Воробьевыхъ горъ—Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы—принцу Евгенію Виртембергскому. Графъ Растопчинъ, встрѣтившій Кутузова на Поклонной горѣ, увидавъ возвращающагося съ рекогносцировки Ермолова, сказалъ ему: «Александръ Петровичъ, зачѣмъ усиливаетесь вы убѣждать князя защищать Москву, изъ которой уже все вывезено; лишь только вы ее оставите, она по моему распоряженію запылаетъ позади васъ». Ермоловъ отвѣчалъ ему, что это есть воля князя, приказавшаго отыскивать позицію для новаго сраженія. Кутузовъ, узнавъ, что посланные не нашли хорошей позиціи, пріостановилъ движеніе корпуса Дохтурова къ Воробьевымъ горамъ. На Поклонной горѣ видны доселѣ слѣды укрѣпленій, коихъ

мыхъ, въ случаѣ неудачи, онъ лишится только горсти людей. Какъ же быть, война вѣдь не для того, чтобы цѣловаться". „Вѣрьте, князь, отвѣчалъ я ему, ручаюсь честью, что партія будетъ цѣла; для этого нужны только отважность въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ; за это я берусь—только, повторяю, людей мало; дайте мнѣ тысячу казаковъ и вы увидите, что будетъ". „Я бы тебѣ далъ съ перваго разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дѣла дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить; князь самъ назначилъ силу партіи; надо повиноваться".

надлежало защищать принцу Виртембергскому. Кутузовъ отправилъ въ другой разъ къ Москвѣ Ермолова, съ принцемъ Александромъ Виртембергскимъ, Толемъ и Кроссаромъ; принцъ, отличавшійся большою ученостью, сказалъ: «En faisant creneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours». Возвратившись въ главную квартиру, Ермоловъ доложилъ князю, что можно было бы, не заходя въ столицу, совершить въ виду непріятельской арміи фланговое движеніе на Тульскую дорогу, что было бы однако не совсѣмъ безопасно. Когда онъ сталъ съ жаромъ доказывать, что невозможно было принять новаго сраженія, князь, пощупавъ у него пульсъ, сказалъ ему: «Здоровъ ли ты, голубчикъ?» «На столько здоровъ, отвѣчалъ онъ, чтобы видѣть невозможность новаго сраженія». Хотя на знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Ермоловъ, какъ видно изъ предыдущаго, былъ убѣжденъ, что новое сраженіе безполезно и невозможно, но, будучи вынужденъ подать свой голосъ однимъ изъ первыхъ, дорожа популярностью, пріобрѣтенною имъ въ арміи, которая приходила въ отчаяніе при мысли о сдачѣ Москвы, и не сомнѣваясь въ томъ, что его мнѣніе будетъ отвергнуто большинствомъ, онъ подалъ голосъ въ пользу новой битвы. Беннингсенъ, находившійся въ весьма дурныхъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ, постоянно предпочитавшимъ мнѣнія противоположныя тѣмъ, кои были предложены этимъ генераламъ, требовалъ того же самаго; неустрашимый и благородный Коновницынъ поддержалъ ихъ. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложивъ въ краткихъ словахъ матеріальныя средства Россіи, кои были ему лучше всѣхъ извѣстны, требовалъ, чтобы Москва была отдана безъ боя; съ нимъ согласились графъ Остерманъ, Раевскій и Дохтуровъ. По мнѣнію сего послѣдняго, армія, за недостаткомъ генераловъ и офицеровъ, не была въ состояніи вновь сразиться съ непріятелемъ. Графъ Остерманъ, питавшій большую непріязнь къ Беннингсену съ самаго 1807 года, спросилъ его: «Кто вамъ поручится въ успѣхѣ боя?» На это Беннингсенъ, не обращая на него вниманія, отвѣчалъ: «Если бы въ этомъ сомнѣвались, не состоялся бы военный совѣтъ, и вы не были бы приглашены сюда». Вернувшись послѣ совѣта на свою квартиру, Ермоловъ нашелъ ожидавшаго его артиллеріи поручика Фигнера, столь знаменитаго впослѣдствіи по своимъ вполнѣ блистательнымъ подвигамъ. Этотъ офицеръ, уже украшенный знаками св. Георгія 4-го класса за смѣлость, съ которою онъ измѣрялъ ширину рва Рущукской крѣпости, просилъ о дозво-

Тогда князь сѣлъ писать и написалъ мнѣ инструкцію, также письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову; одному, чтобы назначилъ мнѣ лучшихъ гусаръ, другому — лучшихъ казаковъ; онъ спросилъ меня: имѣю ли я карту Смоленской губерніи? У меня не было этой карты. Онъ далъ мнѣ свою собственную и, перекрестивъ меня, сказалъ: „Ну, съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь!“ Слова эти мнѣ очень памятны.

23-го рано я отнесъ письмо къ генералъ-адъютанту Васильчикову. У него много собралось генераловъ; не знаю, какъ они узнали о моемъ назначеніи, вѣроятно чрезъ окружающихъ свѣтлѣйшаго, слышавшихъ разговоръ его обо мнѣ съ княземъ, или черезъ окружающихъ князя, стоявшихъ предъ овиномъ, въ которомъ онъ мнѣ давалъ наставленіе. Какъ бы то ни было, но господа генералы встрѣтили меня шуткою: „Кланяйся Павлу Тучкову [1])“, говорили они, „и

леніи остаться въ Москвѣ для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится къ тому возможность. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу и снабженъ на Боровскомъ перевозѣ подорожною въ Казань. Это было сдѣлано за тѣмъ, чтобы слухъ о его намѣреніяхъ не разгласился бы въ арміи.

На второмъ переходѣ послѣ выступленія изъ Москвы, армія наша достигла такъ называемаго Боровскаго перевоза. Здѣсь арьергардъ былъ задержанъ столпившимися на мосту въ страшномъ безпорядкѣ обозами и экипажами частныхъ лицъ; тщетны были просьбы и приказанія начальниковъ, которые слыша со стороны Москвы пушечные выстрѣлы и не зная о истинномъ направленіи непріятеля, торопились продвинуть арьергардъ; но обозы и экипажи, занимая мосты, и не пропуская войскъ, нисколько сами не подвигались. Въ это время подъѣхалъ къ войскамъ Ермоловъ; онъ тотчасъ приказалъ командиру артиллерійской роты, здѣсь находившейся, сняться съ передковъ и обратить дула орудій на мостъ, причемъ имъ было громко приказано зарядить орудія картечью, и открыть по его командѣ огонь по обозамъ. Ермоловъ, сказавъ на ухо командиру, чтобы не заряжалъ орудій, скомандовалъ: «Пальба первая». Хотя это приказаніе не было приведено въ исполненіе, но испуганные обозники, бросившись частью въ рѣку, частью на берегъ, вмигъ очистили мостъ, и арьергардъ благополучно присоединился къ главной арміи. Лейбъ-медикъ Вилье, бывшій свидѣтелемъ всего этого, назвалъ Ермолова: «homme aux grands moyens».

Бывшій дежурный генералъ второй арміи Маринъ, авторъ весьма многихъ комическихъ стихотвореній, часто посѣщалъ Ермолова, о которомъ онъ говорилъ: «Я люблю видѣть сего Ахилла въ гнѣвѣ, изъ устъ котораго никогда не вырывается ничего оскорбительнаго для провинившагося подчиненнаго».

[1]) Генералъ-маіоръ Тучковъ былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Заболотьемъ, что французы называютъ Валутинскимъ.

скажи ему, чтобы онъ уговорилъ тебя не ходить въ другой разъ партизанить“. Однако, если нѣкоторымъ изъ нихъ гибель моя представлялась въ любезномъ видѣ, то нѣкоторые соболѣзновали о моей участи, а вообще всѣ понимали, что жить посреди непріятельскихъ войскъ съ горстью казаковъ— дѣло не легкое, особенно человѣку, который почитался ими и острякомъ, и поэтомъ, слѣдовательно, ни къ чему не способнымъ. Прошу читателя привести себѣ на память этотъ случай, когда я сойдусь съ арміею подъ Смоленскомъ.

Это сраженіе, называемое также Лубинскимъ, описано генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, который даже не упомянулъ о рапортѣ, поданномъ Ермоловымъ князю Кутузову. Я скажу нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ боя, которыя извѣстны лишь весьма немногимъ. Распорядившись на счетъ отступленія армія изъ-подъ Смоленска, Барклай и Ермоловъ ночевали въ арьергардѣ близъ самаго города. Барклай, предполагая, что прочіе корпуса арміи станутъ между тѣмъ выдвигаться по дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, приказалъ разбудить себя въ полночь для того, чтобы лично приказать арьергарду начать отступленіе. Когда наступила полночь, онъ съ ужасомъ увидалъ, что второй корпусъ еще вовсе не трогался съ мѣста; онъ сказалъ Ермолову: «Nous sommes en grand danger, comment cela a-t-il-pu arriver?» къ этому онъ присовокупилъ: «Поѣзжайте впередъ, ускоряйте маршъ войскъ, а я пока здѣсь останусь». Дурныя дороги задержали корпусъ Остермана, который слѣдовалъ потому весьма медленно. Прибывъ на разсвѣтѣ въ мѣсто, гдѣ корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлегъ, Ермоловъ именемъ Барклая приказалъ имъ слѣдовать далѣе. Князь Багратіонъ, Ермоловъ и Толь утверждаютъ, что Тучкову 3-му надлежало не только занять перекрестокъ дорогъ, но и придвинуться ближе къ Смоленску на подкрѣпленіе Карпова и смѣну князя Горчакова. Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Ермоловъ писалъ отсюда Барклаю: «Если выстрѣлы, мною слышанные—съ вашей стороны, мы можемъ много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, бо́льшая часть нашей артиллеріи можетъ сдѣлаться добычей непріятеля; во всякомъ случаѣ прошу ваше высокопревосходительство не безпокоиться, я приму всѣ необходимыя мѣры». Въ самомъ дѣлѣ, сто восемьдесять орудій, слѣдуя медленно и по дурнымъ дорогамъ, находились еще въ далекомъ разстояніи отъ Соловьевой переправы. Къ величайшему благополучію нашему, Жюно, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не трогался съ мѣста; Ермоловъ обнаружилъ здѣсь рѣдкую дѣятельность и замѣчательную предусмотрительность. По его распоряженію, графъ Кутайсовъ и генералъ Пассекъ поспѣшили къ артиллеріи, которой приказано было слѣдовать какъ можно скорѣе; здѣсь въ первый разъ была употреблена команда: «на орудіе садись.» Ермоловъ, достигнувъ перекрестка, поѣхалъ далѣе по направленію къ Соловьевой переправѣ и возвращалъ назадъ встрѣчаемыя имъ войска. Принцъ Александръ Виртембергскій, не имѣвшій команды, просилъ Ермолова поручить ему что-нибудь; придавъ принцу свѣдущаго штабъ-офицера съ солдатами, онъ просилъ его заняться улучшеніемъ дорогъ. Возвратившись къ перекрестку, Ермоловъ узналъ здѣсь отъ генерала

Вышедъ отъ Васильчикова, я отправился за гусарами къ Колоцкому монастырю, куда тотъ день отступалъ аррьергардъ нашъ, подъ командою генерала Коновницына. Проѣхавъ нѣсколько верстъ за монастырь, мнѣ открылась долина битвы: непріятель ломилъ всѣми силами, гулъ орудій не умолкалъ, дымъ ихъ мѣшался съ дымомъ пожаровъ, и вся окрестность была какъ въ туманѣ. Я, ночевавъ съ аррьергардомъ у монастыря, полагалъ на слѣдующій день отобрать назначенныхъ мнѣ гусаръ и ѣхать за казаками къ Карпову, находившемуся на оконечности лѣваго фланга арміи.

Всеволожскаго, что Тучковъ 3-й находится лишь въ трехъ-стахъ саженяхъ отсюда, князь Багратіонъ въ письмѣ своемъ Ермолову, отъ 8-го августа, между прочимъ, пишетъ: «Надо примѣрно наказать офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова 3-го; вообрази, что за восемь верстъ вывелъ далѣе, а Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока армія ваша пришла». Взявъ въ плѣнъ двухъ вестфальцевъ корпута Жюно, Тучковъ 3-й препроводилъ ихъ къ Ермолову, которому они объявили что у нихъ шестнадцать полковъ одной кавалеріи. Ермоловъ писалъ отсюда съ капитаномъ квартирмейстерской части Ховеномъ (впослѣдствіи Тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ) великому князю Константину Павловичу, слѣдовавшему въ колоннѣ Дохтурова, что надо поспѣшить къ Соловьевой переправѣ, перейти тамъ рѣку и, расположившись на позиціи, покровительствовать переправѣ прочихъ войскъ. Приказавъ именемъ Барклая Остерману и Тучкову 1-му подкрѣпить Тучкова 3-го, Ермоловъ направилъ графа Орлова-Денисова къ Заболотью, гдѣ онъ однако не могъ бы выдержать натиска непріятеля, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не велѣно было командиру Екатеринбургскаго полка князю Гуріелю занять рощу; во время нападеній непріятеля на графа Орлова-Денисова, Гуріель поддерживалъ его батальнымъ огнемъ изъ рощи. Получивъ записку Ермолова, Барклай отвѣчалъ: «Съ Богомъ начинайте, а я между тѣмъ подъѣду». Прибывъ вскорѣ къ колоннѣ Тучкова 3-го и найдя, что здѣсь уже были приняты всѣ необходимыя мѣры, Барклай дозволилъ Ермолову распоряжаться войсками. Между тѣмъ непріятель, занявъ одну высоту нѣсколькими орудіями, наносилъ намъ большой вредъ; Ермоловъ приказалъ Желтухину съ своими лейбъ-гренадерами овладѣть этой высотой. Желтухинъ, не замѣтивъ, что высота весьма крута, повелъ слишкомъ быстро своихъ гренадеръ, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты непріятелемъ. Непріятель, замѣтивъ, что этотъ храбрый полкъ, здѣсь сильно потерпѣвшій, намѣревается вновь атаковать высоту, свезъ свои орудія. Между тѣмъ Наполеонъ навелъ пять понтоновъ, чрезъ которые французы могли атаковать наши войска съ фланга и тыла; еслибъ Тучковъ 3-й придвинулся бы ближе къ Смоленску, онъ бы могъ быть отрѣзанъ. Всѣ наши войска и артиллерія, благодаря неутомимой дѣятельности, энергіи и распорядительности Ермолова, но въ особенности бездѣйствію Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оцѣнивъ вполнѣ заслуги Ермолова, поручилъ ему представить отъ своего имени рапортъ о томъ князю Кутузову.

Но 24-го, съ разсвѣтомъ, началось дѣло съ сильнѣйшею яростью. Какъ оставить пиръ, пока стучатъ стаканами? Я остался. Непріятель усиливался ежеминутно; грозныя тучи кавалеріи его окружали фланги нашего арьергарда; въ то же время большое число орудій, разставленныхъ предъ густыми пѣхотными громадами, быстро подавались прямо къ намъ, производя безпрерывную пальбу бѣглымъ огнемъ. Бой ужасный! Насъ обдавало градомъ пуль и картечи, ядры рили колонны наши по всѣмъ направленіямъ. Коновницынъ [1]), отославъ назадъ пѣхоту съ тяжелою артиллеріей, требовалъ умноженія кавалеріи.

Однажды Барклай приказалъ Ермолову образовать легкій отрядъ. Шевичъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли и казаки подъ начальствомъ генерала Краснова. Хотя атаманъ Платовъ былъ всегда большимъ пріятелемъ Ермолова, съ которымъ онъ находился вмѣстѣ въ ссылкѣ въ Костромѣ въ 1800 году, но онъ написалъ ему офиціальную бумагу, въ которой спрашивалъ, давно ли старшаго отдаютъ подъ команду младшаго, какъ, напримѣръ, Краснова осносительно Шевича, и притомъ въ чужія войска? Ермоловъ отвѣчалъ ему офиціальною же бумагою, въ которой находилось, между прочимъ, слѣдующее: «О старшинствѣ Краснова я знаю не болѣе вашего, потому что въ вашей канцеляріи не доставленъ еще формулярный списокъ этого генерала, недавно къ вамъ переведеннаго изъ Черноморскаго войска; я вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы почитаете себя лишь союзниками русскаго государя, но ни какъ не подданными его». Правитель дѣлъ атамана Смирной предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: «Оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе».

[1]) П. П. Коновницынъ былъ въ полномъ смыслѣ слова благородный и неустрашимый человѣкъ, отличавшійся весьма небольшими умственными способностями, и еще меньшими свѣдѣніями. Будучи назначенъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, онъ въ началѣ посылалъ бумаги, имъ получаемыя къ Ермолову, прося его класть на нихъ резолюціи. Ермоловъ исполнилъ на первый разъ его просьбу, но выведенный изъ терпѣнія частыми присылками большого количества бумагъ, онъ возвращалъ имъ въ томъ видѣ, въ какомъ получалъ съ адъютантомъ своимъ Фонвизинымъ, который будилъ ночью Коновницына и обратно возвращалъ ему бумаги. Коновницынъ, прочитавъ однажды записку Ермолова, въ которой было, между прочимъ, сказано: «Вы напрасно домогаетесь сдѣлать изъ меня вашего секретаря», сказалъ Фонвизину: «Алексѣй Петровичъ ругается и ворчитъ». Онъ пріобрѣлъ отличнаго руководителя и наставника въ квартирмейстерскомъ полковникѣ Говардовскомъ, авторѣ знаменитаго письма графа Буксгевдена къ графу Аракчееву. Этотъ даровитый штабъ-офицеръ погибъ въ Бородинскомъ сраженіи. Впослѣдствіи Толь совершенно овладѣлъ Коновницынымъ.

Уваровъ прибылъ съ своею, и, поступивъ великодушно подъ его начальство, сказалъ: „Петръ Петровичъ, не то время, чтобы считаться старшинствомъ, вамъ порученъ аррьергардъ, я присланъ къ вамъ на помощь, приказывайте!“ Такія высокія черты забываются, зато долго помнятъ каждую ошибку, сдѣланную противъ правилъ французскаго языка истиннымъ россіаниномъ! Но къ славѣ нашего отечества, это не одинъ примѣръ: Багратіонъ, послѣ блистательнаго отступленія своего, поступилъ безъ ропота подъ начальство Барклая въ Смоленскѣ; Барклай—подъ начальство Витгенштейна въ Бауценѣ, Витгенштейнъ—снова подъ начальство Барклая, во время и послѣ перемирія; и прежде сего въ Италіи, Милорадовичъ явился подъ команду младшаго себѣ по службѣ, Багратіона. Все это представляетъ возвышенность въ униженіи, достойную геройскихъ временъ Рима и Греціи!

Я прерываю описаніе жестокихъ битвъ арміи. Не моя цѣль говорить о сраженіяхъ, представленныхъ уже во многихъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ свѣту; я предпринялъ описаніе поисковъ моей партіи, а потому къ нимъ и обращаюсь.

Получивъ пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ, я взялъ съ собою Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиковъ Бекетова и Макарова; захвативъ также съ казачьей командой хорунжихъ Талаева и Григорья Астахова, я вступилъ чрезъ село Сивково, Борисъ-городокъ въ село Егорьевское, а оттуда—на Медынь, Шанскій заводъ, на Азарово, въ село Скугорево. Село Скугорево расположено на высотѣ, господствующей надъ всѣми окрестностями, такъ что въ ясный день можно обозрѣвать оттуда пространство на семь или восемь верстъ въ окружности. Высота эта прилегаетъ къ лѣсу, простирающемуся почти до Медыни. Этотъ лѣсъ дозволилъ партіи моей скрывать свои движенія, и, въ случаѣ пораженія, имѣть въ немъ убѣжище. Въ Скугоревѣ я избралъ первый притонъ свой.

Между тѣмъ непріятельская армія стремилась къ столицѣ. Огромные обозы, парки и шайки мародеровъ слѣдовали за нею по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ тридцати

или сорока верстъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, преступала всѣ мѣры насилія и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и жители волостей съ остаткомъ своего имущества бѣжали отъ этой всепожирающей лавы. Но, чтобы яснѣе видѣть положеніе моей партіи, надобно начать выше: путь нашъ становился опаснѣе по мѣрѣ удаленія нашего отъ арміи. Даже мѣста, въ которыхъ еще не было непріятеля, представляли намъ не мало препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, и нѣкоторые изъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ принужденъ былъ подъѣзжать и говорить жителямъ, что мы русскіе, что мы пришли къ нимъ на помощь, на защиту православныхъ церквей. Часто отвѣтомъ намъ былъ выстрѣлъ или, пущенный съ размаха, топоръ, отъ ударовъ котораго судьба спасала насъ [1]). Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ распространить слухъ, что войска возвращаются, и, утвердивъ поселянъ въ намѣреніи защищаться, склонить ихъ къ немедленному извѣщенію насъ о приближеніи къ нимъ непріятеля; потому съ каждымъ селеніемъ долго продолжались переговоры до вступленія въ улицы. Тамъ сцена внезапно измѣнялась; едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги были подносимы солдатамъ.

Сколько разъ я спрашивалъ жителей по заключеніи между нами мира: „Отчего вы полагали насъ французами?“ Каждый разъ отвѣчали они мнѣ: „Да вишь, родимый, (показывая на гусарскій мой ментикъ), „это, баютъ, на ихъ одежу схо-

---

[1]) За два дня до моего прихода въ село Егорьевское, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярскаго казачьяго полка, состоявшую изъ шестидесяти казаковъ. Они приняли казаковъ сихъ за непріятеля отъ нечистаго произношенія ими русскаго языка. Сіи же самые крестьяне напали на отставшую мою телегу, на коей лежалъ чемоданъ и больной гусаръ Пучковъ. Пучкова оставили замертво на дорогѣ, телегу разрубили топорами, но изъ вещей ничего не взяли, а разорвали ихъ въ куски и разбросали по полю.

жо". „Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю?" Да вѣдь у нихъ всякаго сброда люди!" Тогда я на опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но приноравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и ея одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая [1]) и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ.

Но эти опасности были ничтожны въ сравненіи съ ожидавшими насъ на пространствѣ, занятомъ непріятельскими отрядами и транспортами, по причинѣ малолюдности партіи въ сравненіи съ каждымъ прикрытіемъ транспорта и даже съ каждою шайкой мародеровъ. При первомъ слухѣ о прибытіи нашемъ въ окрестностяхъ Вязьмы, сильнымъ отрядамъ приказано было насъ искать; обезоруженные и трепетавшіе французовъ, жители могли легко быть весьма нескромны, а потому мы постоянно находились въ большой опасности. Дабы легче избѣжать ея, мы, днемъ скрываясь и зорко слѣдя за непріятелемъ, проводили его на высотахъ близъ Скугорева; передъ вечеромъ же мы, въ маломъ разстояніи отъ села, раскладывали огни; слѣдуя гораздо далѣе въ сторону, противоположную отъ мѣста, назначеннаго для ночлега, раскладывали другіе огни, и наконецъ, войдя въ лѣсъ, проводили ночь безъ нихъ. Если случалось въ семъ послѣднемъ мѣстѣ встрѣтить прохожаго, то брали его и содержали подъ надзоромъ, до выступленія нашего въ походъ. Когда же онъ успѣвалъ скрыться, мы снова перемѣняли мѣсто. Смотря по разстоянію до предмета, на который намѣревались учинить нападеніе, мы за два или три часа до разсвѣта подымались на поискъ и, сорвавъ въ транспортѣ непріятеля, что̀ было по силѣ, обращались на другой, гдѣ наносили еще ударъ и возвращались окружными дорогами къ спасительному нашему лѣсу, чрезъ который мало по малу снова пробирались къ Скугореву. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29-го августа

[1]) Во время войны 1807 года, командиръ лейбъ-гренадерскаго полка Мазовскій носилъ на груди большой образъ св. Николая чудотворца, изъ-за котораго торчало множество маленькихъ образковъ.

до 8-го сентября. Никогда не забуду этого ужаснаго времени: и прежде, и послѣ я бывалъ въ жестокихъ битвахъ, часто проводилъ ночи стоя, часто засыпалъ на сѣдлѣ, прислонясь къ шеѣ лошади и съ поводьями въ рукахъ, но не десять дней и десять ночей сряду, ибо здѣсь дѣло шло о жизни, а не о чести.

Узнавъ, что въ село Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2-го сентября на разсвѣтѣ [1]) напали на нее и захватили въ плѣнъ девяносто человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись раздѣломъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытные пикеты дали намъ знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣчки Вори, почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и слѣдовалъ безъ малѣйшей предосторожности; мы тотчасъ сѣли на коней, скрылись позади избъ и атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвавшись въ средину, мы еще захватили семьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ. Тогда я созвалъ міръ и объявилъ ему о мнимомъ прибытіи большого числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго, роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ имъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ: „Примите ихъ“, говорилъ я имъ, „дружелюбно, поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимаютъ лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстнаго, а особенно питейнаго, уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на ихъ оружіе, обыкновенно кучею въ углѣ избы или на улицѣ поставленное, и совершите то, что̀ Богъ повелѣлъ совершать съ врагами Христовой церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу, или въ какомъ-нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы

---

[1]) День вступленія французской арміи въ Москву.

мѣста, гдѣ тѣла зарыты, не были примѣтны отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этомъ мѣстѣ кучу каменй, бревенъ; всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее, все жгите или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла французовъ. Эта осторожность потому вамъ нужна, что другая шайка басурмановъ вѣрно будетъ рыться въ свѣжей землѣ, думая найти въ ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я приказываю, да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень многое число французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы въ разныя стороны искать меня, — я приду къ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою, и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ антихриста, которыя не щадятъ и храмовъ Божіихъ! Все, что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ". Я не смѣлъ дать письменнаго наставленія изъ опасенія, чтобы оно не попалось въ руки непріятелю, который могъ быть увѣдомленъ о мѣрахъ, предложенныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

Послѣ сего, перевязавъ плѣнныхъ, я опредѣлилъ къ нимъ одного урядника и девять казаковъ, къ которымъ присоединилъ еще двадцать мужиковъ, и весь этотъ транспортъ отправилъ я въ Юхновъ, для сдачи подъ росписку городскому начальству [1]). Казакамъ этимъ я приказалъ дожидаться партіи въ самомъ Юхновѣ, будучи убѣжденъ, что по малолюдству моей партіи мнѣ нельзя будетъ долго оставаться въ мѣстахъ, гдѣ было много непріятелей; однако мнѣ хотѣлось еще разъ съ горстью моихъ товарищей испытать судьбу, а такъ какъ моя обязанность состояла не въ пораженіи бродягъ,

---

[1]) Я всегда сдавалъ плѣнныхъ подъ росписки: по окончаніи моихъ поисковъ, въ окрестностяхъ Вязьмы, составлена была общая вѣдомость, подписанная Юхновскимъ дворянскимъ предводителемъ Храповицкимъ.

но въ истребленіи транспортовъ жизненнаго и военнаго продовольствія французской арміи, то я, передавъ наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ, жителямъ прочихъ сосѣднихъ селеній, чрезъ которыя проходила партія моя, взялъ направленіе къ Цареву-Займищу, лежащему на столбовой Смоленской дорогѣ.

Былъ вечеръ ясный и холодный; сильный дождь, шедшій наканунѣ, прибилъ пыль, и мы слѣдовали быстро. Въ шести верстахъ отъ села попался намъ непріятельскій разъѣздъ, который, не видя насъ, беззаботно продолжалъ путь свой. Если бы я не имѣлъ нужды въ вѣрномъ извѣстіи о Царевѣ-Займищѣ, занято ли оно войскомъ и въ большихъ ли силахъ, я бы пропустилъ этотъ разъѣздъ изъ опасенія, въ случаѣ, если бы одному изъ разъѣздныхъ удалось спастись, встревожить весь отрядъ, или прикрытіе транспорта, въ селѣ находившагося. Но мнѣ нуженъ былъ языкъ, и потому я отрядилъ урядника Крючкова съ десятью доброконными казаками на перерѣзъ вдоль лощины, а другихъ десять направилъ прямо на разъѣздъ. Видя себя окруженнымъ, онъ остановился и сдался въ плѣнъ безъ боя. Онъ состоялъ изъ десяти рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Мы узнали, что въ Царевѣ-Займищѣ дніюетъ транспортъ съ снарядами и съ прикрытіемъ двухъ-сотъ-пятидесяти человѣкъ конницы. Дабы пасть какъ снѣгъ на голову, мы свернули съ дороги и пошли полями, скрываясь опушками лѣсовъ; но за три версты отъ села, при выходѣ на чистое мѣсто, мы встрѣтились съ сорока непріятельскими фуражирами, которые, увидя насъ, быстро поскакали къ своему отряду. Тактическихъ построеній дѣлать было некогда, да и некѣмъ. Оставя при плѣнныхъ тридцать гусаръ, которые, въ случаѣ нужды, могли служить мнѣ резервомъ, я съ остальными двадцатью гусарами и семидесятью казаками помчался въ погоню за французами и почти вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ засталъ всѣхъ врасплохъ. У страха глаза велики, а страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. При нашемъ появленіи, всѣ бросились врассыпную; иныхъ захватили мы въ плѣнъ, не только нево-

оруженными, но даже неодѣтыми, другихъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа, въ тридцать человѣкъ, вздумала было защищаться, но она была разсѣяна и положена на мѣстѣ. Это доставило намъ сто-девятнадцать рядовыхъ, двухъ офицеровъ, десять провіантскихъ фуръ и одну фуру съ патронами. Остальное прикрытіе спаслось бѣгствомъ. Добычу нашу мы окружили небольшимъ отрядомъ своимъ и поспѣшно повели чрезъ село Климово и Кожино, въ Скугорево, куда прибыли въ полдень 3-го числа. Партія моя, послѣ тридцати-часоваго, безпрерывнаго похода и дѣйствія, требовала отдохновенія, почему она до вечера 4-го числа оставалась на мѣстѣ. Для облегченія лошадей, я прибѣгнулъ къ способу, замѣченному мною на аванпостахъ генерала Юрковскаго, еще въ 1807 году. Исключивъ четырехъ казаковъ для двухъ пикетовъ и двадцать для резерва (который, хотя долженъ былъ находиться при партіи, но всегда былъ въ готовности дѣйствовать при первомъ выстрѣлѣ съ пикетовъ), остальныхъ девяносто-шесть человѣкъ я раздѣлилъ на два отдѣленія и приказалъ въ обоихъ разсѣдлывать по двѣ лошади на одинъ часъ для промытія и присыпки ссаденъ и также для облегченія лошадей. Черезъ часъ эти лошади вновь сѣдлались, а новыя разсѣдлывались; такимъ образомъ, въ двадцать-четыре часа освѣжались всѣ девяносто - шесть лошадей. Въ тотъ же день, по просьбѣ моего резерва, я также и ему позволилъ разсѣдлывать по одной лошади на одинъ часъ.

5-го числа мы пошли на село Андреевское, но на пути мы ничего не взяли, лишь тридцать мародеровъ.

6-го мы обратились къ Ѳедоровскому (чтó на столбовой Смоленской дорогѣ), распространяя вездѣ наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ. На пути встрѣтили мы бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ Московскаго пѣхотнаго полка рядового, который намъ объявилъ, что транспортъ ихъ, конвоируемый непріятеломъ, изъ двухъ-сотъ человѣкъ рядовыхъ, остановился ночевать въ Ѳедоровскомъ, и что прикрытіе къ нему состоитъ лишь изъ пятидесяти французовъ. Мы удвоили шагъ и едва показались близъ села,

какъ уже безъ всякой съ нашей стороны помощи все тамъ приняло иной видъ: плѣнные поступили въ прикрытіе, а прикрытіе въ плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ сего я извѣщенъ былъ о пребываніи въ Юхновѣ дворянскаго предводителя, судовъ и земскаго начальства, также и о бродящихъ въ Юхновскомъ уѣздѣ, безъ общей цѣли, двухъ слабыхъ казачьихъ полкахъ. Извѣстіе это немедленно обратило меня къ Юхнову, куда чрезъ Судейки, Луково и Павловское я прибылъ 8-го числа. Пришедъ туда, я бросился къ двумъ привлекавшимъ меня предметамъ: къ образованію поголовнаго ополченія и къ присоединенію къ партіи моей казачьихъ полковъ, о коихъ я уже упоминалъ. До перваго я достигъ безпрепятственно: дворянскій предводитель Семенъ Яковлевичъ Храповицкій подалъ мнѣ руку помощи со всею ревностью истиннаго сына отечества. Сей почтенный старецъ не только оказалъ большую твердость духа, оставшись съ своимъ семействомъ на аванпостахъ Калужской губерніи, но выказалъ замѣчательную силу воли и неусыпную ревность при подъятіи оружія жителями Юхновскаго уѣзда, коими назначенъ былъ предводительствовать отставной капитанъ Бѣльскій. Къ нему присоединились двадцать-два помѣщика; сто-двадцать ружей, отбитыя моею партіею, и одна большая фура съ патронами были употреблены для первоначальнаго вооруженія ополчившихся, которымъ сборное мѣсто я указалъ въ селѣ Знаменскомъ, на рѣкѣ Угрѣ. Второе требовало съ моей стороны нѣкоторой хитрости: означенные казачьи полки были въ вѣдѣніи начальника Калужскаго ополченія, отставнаго генералъ-лейтенанта Василья Ѳедоровича Шепелева, котораго добродушіе и благородство мнѣ были давно извѣстны; я зналъ однако, что такое начальникъ ополченія, которому попадается въ руки военная команда! Сколь много льститъ самолюбію начальника командованіе чѣмъ бы то ни было! Я на этомъ основалъ мое предпріятіе. Я былъ увѣренъ, что просьба моя о включеніи этихъ полковъ въ составъ моей партіи, если только она останется отъ него независимою, не будетъ имъ уважена, а потому я самъ, повидимому, добро-

вольно поступалъ подъ его начальство. Еще изъ села Павловскаго я отправилъ къ нему поручика Бекетова съ рапортомъ, въ которомъ было сказано: „Избравъ для поисковъ моихъ часть, смежную съ губерніею, находящеюся подъ вѣдѣніемъ его превосходительства относительно военныхъ дѣйствій, я за особенное счастіе поставляю себѣ служить подъ его начальствомъ и имѣю честь донести о всемъ происходящемъ“. Изъ Юхнова я послалъ другого курьера съ описаніемъ слабыхъ успѣховъ моихъ, при чемъ просилъ его ходатайства объ отличившихся (истинные же рапорты мои всегда посылаемы были прямо къ дежурному генералу всѣхъ россійскихъ армій Коновницыну). Добрый мой Шепелевъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Онъ уже возмечталъ, что я дѣйствую по плану, имъ заранѣе обдуманному, что и онъ наноситъ сильные удары непріятелю. 9-го числа я послалъ къ нему новаго курьера съ краснорѣчивѣйшимъ описаніемъ пользы единства въ дѣйствіи и заключилъ рапортъ свой покорнѣйшею просьбою усилить меня казачьими полками, находящимися, подобно моей партіи, подъ его командою. Во время веденія сей дипломатической переписки, я разсылалъ чрезъ земское начальство предписанія о поголовномъ ополченіи.

Между тѣмъ изъ двухъ-сотъ отбитыхъ нами плѣнныхъ я выбралъ шестьдесятъ не рослыхъ, а доброхотныхъ солдатъ. За неимѣніемъ русскихъ мундировъ, я одѣлъ ихъ во французскіе и вооружилъ французскими ружьями, оставивъ имъ для примѣты русскія фуражки, вмѣсто киверовъ.

Мы были еще въ невѣдѣніи о судьбѣ столицы, какъ 9-го числа прибылъ въ Юхновъ, Волынскаго уланскаго полка маіоръ, Храповицкій [1]), сынъ Юхновскаго дворянскаго предводителя, и объявилъ намъ о занятіи Москвы французами. Я ожидалъ этого событія и доказывалъ, что оно неминуемо, если только продолжится наше отступленіе по Смоленской дорогѣ; при всемъ томъ вѣсть эта не могла не поразить насъ; я и то-

---

[1]) Онъ отряженъ былъ въ Москву для вербованія уланъ. Волынскій уланскій полкъ находился въ западной арміи, подъ командою генерала Тормасова, на Волыни.

варищи мои, при первомъ о томъ извѣстіи, сильно призадумались; такъ какъ однако всѣ мы были неунылаго десятка, то и начали распрашивать Храповицкаго о подробностяхъ взятія Москвы. Онъ намъ сказалъ, что оставилъ армію въ Красной Пахрѣ, откуда она должна была продолжать свое движеніе для заслоненія Калужской дороги, что Москва предана огню [1]), но никто въ арміи не помышляетъ о мирѣ. Я былъ внѣ себя отъ радости и тутъ же всѣмъ находившимся тогда въ городѣ помѣщикамъ и жителямъ предсказалъ спасеніе отечества, если только Наполеонъ оставитъ въ покоѣ нашу армію между Москвою и Калугою, до тѣхъ поръ, пока она не усилится слѣдуемыми къ ней резервами. Кто былъ хотя нѣсколько свѣдущъ въ высшей военной наукѣ, тому не могли не бросаться въ глаза послѣдствія превосходнаго движенія свѣтлѣйшаго. Я счелъ однако излишнимъ преподавать стратегію юхновскимъ помѣщикамъ; такъ нѣкогда Колумбъ, предсказывая американцамъ лунное затмѣніе, не заблагоразсудилъ обучать ихъ астрономіи. Я вечеромъ получилъ письмо отъ калужскаго гражданскаго губернатора нижеслѣдующаго содержанія.

„Все свершилось, Москва не наша, она горитъ!... Я, отъ 6-го числа изъ Подольска, отъ свѣтлѣйшаго имѣю увѣреніе, что онъ, прикрывая Калужскую дорогу, будетъ дѣйствовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денисъ Васильевичъ. твоя обязанность велика, прикрывай Юхновъ и тѣмъ спасешь средину нашей губерніи, но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска; мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты дѣйствовалъ такимъ образомъ, чтобы не навлечь на себя непріятеля“. 8-е сентября.

---

[1]) Вопреки многимъ, я и тогда полагалъ полезнымъ гибель Москвы; необходимо нужно было открыть россіанамъ высшій предметъ для ихъ усилій, оторвавъ ихъ отъ города и обративъ ихъ къ государству.

Слова: «Москва взята» заключали въ себѣ какую-то убійственную мысль, что Россія завоевана, и это могло во многихъ охладить рвеніе къ защитѣ того, что̀ тогда только надлежало защищать. Но слова: «Москвы нѣтъ», пресѣкли разомъ всѣ связи съ нею, и въ ней нельзя уже было зрѣть Россію. Вообще всѣ хулители сей превосходной мѣры цѣнятъ одну гибель капиталовъ московскихъ жителей, а не поэзію подвига, которою нравственная сила народа вознеслась до героизма.

10-го, вечеромъ, я получилъ отъ начальника Калужскаго ополченія предписаніе принять въ мою команду требуемые мною казачьи полки и присоединившагося къ моей партіи маіора Храповицкаго.

11-го мы отслужили молебенъ, въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ и народа, и выступили въ походъ, напутствуемые благословеніями всѣхъ жителей. Съ нами пошли отставной мичманъ Николай Храповицкій, титулярный совѣтникъ Татариновъ, шестидесятилѣтній старецъ, и землемѣръ Макаревичъ, прочіе же помѣщики остались дома, довольствуясь ношеніемъ охотничьихъ кафтановъ, саблей и пистолетовъ за поясомъ. Къ вечеру мы прибыли въ Знаменское и соединились съ полками 1-мъ Бугскимъ и Тептярскимъ. Первый состоялъ изъ шестидесяти человѣкъ, а второй изъ ста-десяти. Прежде нежели описывать дѣйствія войскъ, коихъ число неожиданно увеличилось и превратилось, такъ сказать, изъ разбойничьей шайки въ наѣздничью партію, не излишне будетъ познакомить читателя съ частными ея начальниками.

Волынскаго уланскаго полка маіоръ Степанъ Храповицкій [1]) былъ одаренъ игривымъ, но основательнымъ умомъ и замѣчательными дарованіями; возвышенными чувствами своими, строгими правилами чести и европейскимъ образованіемъ, онъ заслужилъ полное уваженіе.

Состоявшій по кавалеріи ротмистръ Чеченскій [2]), вывезенный младенцемъ изъ Чечни и возмужавшій въ Россіи, обращалъ на себя вниманіе своею необычайною храбростью, рѣдкою предпріимчивостью и смѣтливостью въ важныхъ случаяхъ.

Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Николай Бедряга [3]) былъ извѣстенъ своею храбростью и какъ вѣрный и дорогой товарищъ; въ битвахъ же онъ былъ всегда впереди всѣхъ, горѣлъ тамъ, какъ свѣчка.

---

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.
[2]) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.
[3]) Нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

Того же полка поручикъ Дмитрій Бекетовъ [1]), весельчакъ и одаренный умомъ образованнымъ; въ дѣлѣ же онъ былъ весьма храбръ и надеженъ.

Того же полка поручикъ Макаровъ [2]), хотя и не отличался образованіемъ, но имѣлъ умъ весьма положительный. Ягненокъ въ домашнемъ быту, онъ былъ тигромъ на полѣ битвы.

1-го Бугскаго полка сотникъ Ситниковъ, шестидесятилѣтній старецъ, и Мотылевъ, молодой офицеръ,—оба отличной храбрости; они были также замѣчательны своею неутомимою дѣятельностью.

Иловайскаго 10-го полка урядникъ Крючковъ [3]), отличный, неутомимый, храбрый ѣздокъ, рѣдкой смѣтливости и хитрости вполнѣ черкесской.

Шкляревъ [4]), старшій гусарскій вахтмистръ моей партіи, исполнялъ прекрасно приказанія, не давая себѣ однако труда размышлять.

Ивановъ, вахтмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка; я его нѣсколько разъ за буянство и развратъ разжалывалъ въ рядовые, но за храбрость нѣсколько разъ вновь производилъ въ вахтмистры.

Скрыпка и Колядка, оба надежные вахтмистры.

Всѣ гусары были отличнаго военнаго поведенія. Назову тѣхъ изъ нихъ, коихъ не забылъ имена: Ѳедоровъ, Зворичъ, Мацыпура, Жирко, Форостъ, Гробовой, Мацырюкъ, Пучковъ, Егоровъ, Зола, Шкредовъ, Крутъ, Монцаревъ, Куценко, Приманъ, Осмакъ, Лишаръ.

Урядники Донскаго Войска, кои остались у меня въ памяти, были: Тузовъ, Логиновъ, Лестовъ, казаки: Аѳонинъ, Антифеевъ, Волковъ, Володька. Сожалѣю, что забылъ остальныхъ, ибо бóльшая часть изъ нихъ заслуживаетъ того, чтобы быть извѣстною.

---

[1]) Нынѣ въ отставкѣ.

[2]) Нынѣ въ отставкѣ маіоромъ.

[3]) Былъ хорунжіемъ и убитъ 1813 года, во время преслѣдованія непріятеля послѣ побѣды при Лейпцигѣ.

[4]) Нынѣ прапорщикъ Екатеринославскаго гарнизоннаго баталіона.

На 12-е сентября я предпринялъ поискъ къ самой Вязьмѣ. Сердце мое билось отъ радости, при обзорѣ вытягивавшихся полковъ моихъ. Съ ста-тридцатью человѣками я взялъ триста-семьдесятъ человѣкъ и двухъ офицеровъ, отбилъ двѣсти своихъ, и захватилъ кромѣ того одну фуру съ патронами и десять провіантскихъ фуръ. Тутъ же я командовалъ тремя-стами человѣкъ. Какая разница! Какая надежда! Къ тому же ревность обывателей, дѣятельность дворянскаго предводителя въ распространеніи воззванія о поголовномъ ополченіи, въ снабженіи продовольствіемъ моей партіи, въ устройствѣ на собственное иждивеніе лазарета въ Юхновѣ, и наконецъ спасительное движеніе арміи на Калужскую дорогу, все улыбалось моему воображенію, всегда слишкомъ быстро летящему на встрѣчу моему соблазнительному для моего сердца! На разсвѣтѣ мы атаковали въ виду города непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ съ провіантомъ и съ артиллерійскими снарядами. Отпоръ не соотвѣтствовалъ стремительности натиска, и успѣхъ превзошелъ мое ожиданіе: двѣсти-семьдесятъ рядовыхъ и шесть офицеровъ положили оружіе, до ста человѣкъ легло на мѣстѣ, двадцать подводъ съ провіантомъ и двѣнадцать артиллерійскихъ палубовъ съ снарядами достались намъ. Немедленно двѣ фуры съ патронами и триста-сорокъ ружей поступили въ распоряженіе командовавшаго поголовнымъ ополченіемъ капитана Бѣльскаго; такимъ образомъ, съ первыхъ уже дней, я имѣлъ въ Знаменскомъ готоваго оружія почти на пятьсотъ человѣкъ.

14-го мы подошли къ селенію Теплухѣ, что̀ на столбовой Смоленской дорогѣ, и расположились на ночлегѣ, принявъ всѣ мѣры осторожности; тамъ явился ко мнѣ крестьянинъ Ѳедоръ изъ Царева-Займища, изъявившій желаніе служить въ моей партіи. Этотъ удалецъ, оставя жену и дѣтей, скрывавшихся въ лѣсахъ, находился при мнѣ до изгнанія непріятеля изъ Смоленской губерніи и, только по очищеніи губерніи отъ враговъ, возвратился на свое пепелище. По возвращеніи моемъ изъ Парижа, въ 1814 году, я нарочно останавливался въ Царевѣ-Займищѣ, съ тѣмъ, чтобы посѣтить моего храбраго

товарища, но мнѣ сказали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ; онъ умеръ отъ заразы, погубившей многихъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ. Какое великое поученіе! Тѣ, кои избѣгаютъ смерти, и тѣ, кои бодро ее встрѣчаютъ, испытываютъ одинакую участь; каждому опредѣленъ свой срокъ, коего онъ не преступитъ, стоитъ ли прятаться и страшиться!

14-го, къ вечеру, начали подходить мародеры, а такъ какъ мы были скрыты и соблюдали необходимую предосторожность, то брали ихъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія и почти поодиночкѣ. Къ десяти часамъ ночи число плѣнныхъ возрасло до семидесяти человѣкъ при двухъ офицерахъ; у одного изъ нихъ всѣ карманы были набиты награбленными печатками, ножечками и прочимъ. Надобно однако отдать справедливость, что офицеръ этотъ былъ не французъ, а вестфалецъ.

15-го, около восьми часовъ утра, мои пикетные открыли, слѣдовавшее отъ села Тарбѣева, большое количество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на коней и, проскакавъ нѣсколько шагòвъ, увидѣли ихъ, подобно флоту, на парусахъ приближающемуся. Немедленно штабсъ-ротмистръ Бедряга 3-й, поручикъ Бекетовъ и Макаровъ, съ гусарами и казачьими полками, помчались къ нимъ на перерѣзъ. Передніе ударили на прикрытіе, которое, послѣ нѣсколькихъ пистолетныхъ выстрѣловъ, обратилось въ бѣгство; но, бывъ охвачено Бугскимъ полкомъ, оно бросило оружіе; двѣсти-шестьдесятъ рядовыхъ разныхъ полковъ, съ лошадьми ихъ, два офицера и двадцать фуръ, полныхъ хлѣбомъ и овсомъ, со всею упряжью, попались намъ въ руки.

До этого времени всѣ мои поиски были предприняты между Гжатью и Вязьмою. Успѣхъ ихъ обратилъ вниманіе французскаго губернатора города Смоленска [1]). Онъ, собравъ всѣ конныя, чрезъ городъ сей слѣдующія, команды, составилъ сильный отрядъ (изъ 2000 рядовыхъ, при одномъ штабъ-офицерѣ и восьми оберъ-офицерахъ); онъ предписалъ началь-

---

[1]) Генералъ Бараге-Дилье былъ губернаторомъ Смоленской губерніи и имѣлъ пребываніе свое въ Вязьмѣ.

нику [1]) очистить все пространство между Вязьмою и Гжатью, и, разбивъ мою партію, привезти меня живаго или мертваго въ Вязьму [2]). О таковой неучтивости я былъ извѣщенъ еще 13-го сентября, а 15-го, по взятіи транспорта, узналъ чрезъ коннаго крестьянина, что этотъ отрядъ подошелъ уже къ Ѳедоровскому. Вся моя партія выступила изъ Теплухи и пошла по дорогѣ къ селу Шуйскому. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она, лощиной, покрытой лѣсомъ, повернула круто вправо и перешла столбовую дорогу; не будучи видима изъ Теплухи, она отступила чрезъ Румянцово въ Андреевское. Тамъ, проведя ночь, мы усиленнымъ маршемъ направились на село Покровское, находящееся въ пяти верстахъ отъ столбовой дороги. Перемѣщеніе мое основывалось на трехъ предположеніяхъ: или отрядъ, назначенный дѣйствовать противъ меня, потерявъ меня изъ виду, обратился къ первому назначенію своему, то-есть, будетъ продолжать путь свой къ Москвѣ, или, гоняясь за мною отъ Дорогобужа до Гжати, и отъ Гжати къ Дорогобужу, и, изнуривъ лошадей своихъ, представитъ мнѣ возможность нанести ему съ малой потерей сильный ударъ; или, раздѣлясь на двое, чтобы легче захватить меня, подвергнется разбитію по частямъ.

18-го, вечеромъ, по прибытіи нашемъ въ село Покровское, крестьянинъ, пришедшій съ большой дороги, объявилъ намъ, что онъ видѣлъ пѣхотнаго солдата, бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ, остановившихся на ночлегъ въ селѣ Юреневѣ, и что этотъ солдатъ ночуетъ въ селѣ Никольскомъ, между Юреневымъ и Покровскимъ. Я спросилъ крестьянина, можетъ ли онъ привести ко мнѣ этого солдата? Онъ отвѣчалъ, что

---

[1]) Другіе же увѣряли, что на сіе отважился самъ начальникъ отряда, проходившаго тогда изъ Смоленска въ Москву; онъ только испросилъ разрѣшеніе губернатора для дѣйствія противъ меня.

[2]) По взятіи 22-го октября города Вязьмы генераломъ Милорадовичемъ, адъютантъ его Кавалергардскаго полка поручикъ (что́ нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ главнаго штаба 2-ой арміи) Киселевъ отыскалъ въ разбросанныхъ бумагахъ одинъ изъ циркуляровъ, разсылаемыхъ тогда генераломъ Бараге-Дильеромъ. Въ семъ циркулярѣ описаны были примѣты мои и изложено строгое повелѣніе поймать и разстрѣлять меня.

можетъ, но что такъ какъ одному ему итти туда страшно, то проситъ дать ему казака въ проводники. Я ему далъ извѣстнаго урядника Крючкова, и они вмѣстѣ отправились.

19-го, за два часа передъ разсвѣтомъ, посланные мои возвратились и привели этого солдата. Онъ объявилъ мнѣ, что въ Юреневѣ остановилась тысяча человѣкъ нашихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ часть заперта въ церкви, а часть ночуетъ въ избахъ, гдѣ расположена и часть прикрытія, состоявшаго изъ трехсотъ человѣкъ. Я велѣлъ садиться на коней, и, пока партія моя вытягивалась, Крючковъ при крестьянинѣ и солдатѣ разсказалъ мнѣ, что, подъѣхавъ къ Никольскому, они встрѣтили прохожаго, объявившаго имъ, что при немъ вошла въ это село шайка мародеровъ; крестьянинъ, оробѣвъ, не смѣлъ войдти въ село, но Крючковъ, разспрося его подробно о мѣстѣ, гдѣ ночуетъ солдатъ, надѣлъ на себя кафтанъ крестьянина и вошелъ въ село, наполненное французами. Онъ прямо пришелъ къ дому, гдѣ, по разсказу крестьянина, долженъ былъ ночевать солдатъ, и, разбудивъ его, вывелъ его изъ деревни. Такой отважный поступокъ снискалъ ему большое уваженіе прочихъ его товарищей, а меня поставилъ въ пріятную обязанность донести о томъ свѣтлѣйшему. Мы, обойдя Никольское, остановились за четверть версты отъ Юренева, за часъ времени до разсвѣта. Къ несчастію, пока партія была на маршѣ, транспортъ плѣнныхъ поднялся и пошелъ далѣе по Смоленской дорогѣ, уступивъ свое мѣсто тремъ баталіонамъ польской пѣхоты, шедшимъ отъ Смоленска въ Москву. Одинъ изъ нихъ расположился въ селѣ, а два за церковью, на бивакахъ, причемъ ими не было принято никакихъ мѣръ предосторожности. Основываясь на разсказѣ солдата и полагая, что въ самомъ селѣ не болѣе половины прикрытія, ибо другую половину я полагалъ около церкви, я, съ разсвѣтомъ осмотрѣвъ мѣстоположеніе, приказалъ шестидесяти человѣкамъ пѣхоты, прикрывшись лощиною и ворвавшись въ средину улицы, закричать: „Ура, наши сюда!“ и на штыкахъ выбить непріятеля. Въ одно время Бугскій полкъ долженъ былъ объѣхать село и стать на чистомъ мѣстѣ, между дере-

нею и церковью, дабы отрѣзать дорогу бѣгущимъ. Прежній мой отрядъ и Тептярскій полкъ были оставлены мною въ резервѣ и скрытно расположены около лѣса, съ приказаніемъ открывать разъѣздами столбовую дорогу, ведущую къ Вязьмѣ. Распоряженія мои были приведены въ исполненіе со всею необходимою точностью. Пѣхота, тихо пробравшись лощиною, бросилась въ село, но вмѣсто плѣнныхъ нашихъ и слабаго ихъ прикрытія, попалась въ средину, хотя оплошнаго, но сильнаго непріятельскаго батальона. Огонь затрещалъ изъ оконъ и по улицѣ. Мои герои, опираясь братъ на брата, штыками пробили себѣ путь къ Бугскому полку, который подалъ имъ руку помощи. Въ пять минутъ, изъ шестидесяти человѣкъ, тридцать-пять легло на мѣстѣ или было смертельно ранено.

Между тѣмъ Чеченскій съ Бугскимъ полкомъ совершенно пресѣкъ путь атакованному батальону, который, ожидая подкрѣпленія и думая удержаться въ селѣ до его прибытія, усилилъ огонь по насъ изъ избъ и огородовъ. Горя мщеніемъ, я вызвалъ охотниковъ и приказалъ имъ зажечь избы, въ коихъ засѣлъ непріятель. Первыми на то отважились мои двадцать-пять героевъ; избы вспыхнули и болѣе двухсотъ человѣкъ было охвачено пламенемъ. Поднялся ужасный крикъ, но было поздно. Видя неминуемую гибель свою, батальонъ сталъ выбѣгать изъ села врассыпную. Замѣтивъ это, Чеченскій ударилъ въ тылъ и взялъ сто-девятнадцать рядовыхъ и одного капитана; батальонъ однако построился и, не взирая на многократныя атаки наши, отступилъ съ честью къ двумъ вышеупомянутымъ батальонамъ, которые уже спѣшили къ нему на помощь, со стороны церкви. Когда они показались, я, видя, что намъ ничего не осталось дѣлать, приказалъ своимъ отступать. Огонь, направленный противъ насъ, причинилъ намъ мало вреда, и мы, подобравъ нашихъ раненыхъ, были вскорѣ внѣ выстрѣловъ. Въ это время одинъ изъ посланныхъ мною разъѣздовъ къ сторонѣ Вязьмы увѣдомилъ меня, что, въ трехъ верстахъ отъ мѣста битвы, расположенъ артиллерійскій паркъ. Отправивъ раненыхъ въ Покровское подъ прикрытіемъ Тептярскаго полка, я помчался съ остальными войсками къ

парку, которымъ овладѣлъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Онъ состоялъ изъ двадцати-четырехъ палубъ, съ сто-сорока четырьмя волами для ихъ перевозки, двадцати-трехъ фурманщиковъ; прочіе же скрылись въ лѣсу. Возвратясь послѣ этого, не совсѣмъ удачнаго набѣга, въ Покровское, я былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ тѣмъ, что поиски, произведенные мною съ первою моей командою по Смоленской дорогѣ, обратили вниманіе свѣтлѣйшаго, оцѣнившаго наконецъ пользу партизанской войны; по примѣру моему, многіе легкіе отряды получили приказаніе дѣйствовать на путь сообщенія непріятеля.

Едва мы успѣли расположиться въ Покровскомъ, какъ извѣстились о новомъ транспортѣ плѣнныхъ нашихъ, въ числѣ четырехсотъ человѣкъ, остановившихся близъ насъ. Бывъ уже разъ наказанъ за отвагу штурмовать селеніе, занятое пѣхотою, я отрядилъ впередъ урядника Крючкова, съ шестью отборными казаками, и приказалъ, подъѣхавъ къ деревнѣ, выстрѣлить изъ пистолетовъ и поспѣшно скрыться, дабы этимъ, встревожа прикрытіе, принудить его искать себѣ другое мѣсто для привала. Партія моя скрытно слѣдовала за Крючковымъ и остановилась въ засадѣ, ожидая выхода транспорта изъ селенія. Совершенный успѣхъ увѣнчалъ мое предпріятіе. Едва Крючковъ и казаки его, сдѣлавъ залпъ, удалились отъ деревни, какъ весь транспортъ сталъ выходить изъ нея. Давъ ему отойти на разстояніе около двухъ сотъ саженей, партія моя поднялась на высоту и часть ея бросилась въ атаку. Плѣнные въ этомъ случаѣ помогли атакующимъ, и прикрытіе, состоявшее изъ ста-шестидесяти-шести человѣкъ при четырехъ офицерахъ, было мгновенно обезоружено. Я съ этой добычею воротился на ночлегъ въ Покровское, откуда 20-го, по утру, пошелъ въ село Городище, какъ для отдохновенія моей партіи, такъ и для личнаго осмотра поголовнаго ополченія въ Знаменскомъ. Къ тому же меня крайне обременяла захваченная мною добыча. Этотъ поискъ доставилъ мнѣ девятьсотъ-восемь рядовыхъ, пятнадцать офицеровъ, тридцать-шесть артиллерійскихъ палубовъ, сорокъ провіантскихъ фуръ, сто-сорокъ-четыре вола, которыхъ я опредѣлилъ на порціи, и

около двухсотъ лошадей, изъ коихъ лучшія были отобраны для худоконныхъ казаковъ, остальныя же розданы крестьянамъ. Такъ какъ Городище находится въ пятидесяти верстахъ отъ столбовой Смоленской дороги и, слѣдовательно, внѣ опасности отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія, то партія моя раздѣлилась на двое: Бугскій полкъ занялъ деревню Луги, въ трехъ верстахъ отъ Городища, гдѣ я остался съ другою частью моей команды. Пикеты были выставлены на двухъ главныхъ дорогахъ, а разъѣзды посылаемы не далѣе, какъ за три и четыре версты, каждый день по два раза. Между тѣмъ изъ четырехсотъ отбитыхъ нашихъ плѣнныхъ, я выбралъ двѣсти-пятьдесятъ человѣкъ и присоединилъ къ ней остатокъ моей пѣхоты, которую назвалъ геройскимъ полувзводомъ [1]). Въ этотъ полувзводъ я переводилъ только за особенное отличіе и, такимъ образомъ, мало по малу, умножилъ его до двухъ взводовъ. Остальныхъ сто-пятьдесятъ человѣкъ я отправилъ въ Знаменское и, наименовавъ ихъ „Почетною полуротою", предписалъ всему поголовному ополченію брать съ нихъ примѣръ.

21-го, рано, я ѣздилъ въ Знаменское, гдѣ нашелъ уже до пятисотъ человѣкъ подъ ружьемъ; Бѣльскій объявилъ мнѣ, что прочіе 1500 человѣкъ, вооруженные также непріятельскими ружьями, находятся по деревнямъ и въ готовности при первой повѣсткѣ собраться въ Знаменское. Онъ увѣрялъ, что рвеніе поселянъ такъ велико, что въ случаѣ нужды можно набрать въ самое короткое время до 6000 человѣкъ, но эти послѣдніе будутъ вооружены лишь копьями и топорами. Прокламація моя возымѣла свое дѣйствіе, направленіе было указано, и я былъ тѣмъ совершенно доволенъ. Къ славѣ нашего народа, во всей той сторонѣ извѣстными и истинными измѣнниками были одни дворовые люди отставнаго маіора Семена Вишнева и нѣсколько крестьянъ. Первые, соединясь съ французскими мародерами, убили своего помѣщика. Econмъ Ни-

[1]) Я вначалѣ намѣренъ былъ каждому изъ нихъ поручить команду изъ пятидесяти человѣкъ поголовнаго ополченія, но они на это сказали: «Когда-то еще Богъ приведетъ намъ подраться, а здѣсь мы всегда на тычку!» Какъ жаль, что въ походѣ я затерялъ записку съ именами сихъ почтенныхъ воиновъ!

кифоровъ убилъ съ ними отставнаго поручика Данилу Иванова, а Сергѣй Мартыновъ, указывая непріятелю на извѣстныхъ ему богатыхъ поселянъ, убилъ управителя села Городища, разграбилъ церковь, вырылъ изъ гробовъ прахъ помѣщицы этого села и стрѣлялъ по казакамъ. При появленіи моей партіи въ этой сторонѣ, всѣ первые разбѣжались и скрылись, но послѣдняго мы захватили 14-го числа. Эта добыча была для меня важнѣе двухъ сотъ французовъ; я немедленно рапортовалъ о томъ начальнику ополченія и рѣшился его примѣрно наказать.

21-го я получилъ повелѣніе разстрѣлять преступника; тотчасъ мною было разослано по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ объявленіе, чтобы крестьяне собирались въ Городище. Четыре священника ближнихъ селъ были туда же приглашены; 22-го, по утру, преступника исповѣдали, надѣли на него бѣлую рубашку и привели подъ карауломъ къ самой той церкви, которую онъ грабилъ съ врагами отечества. Священники стояли передъ нею лицемъ въ поле, на одной чертѣ съ ними взводъ пѣхоты. Преступникъ былъ поставленъ на колѣни, лицемъ къ священникамъ, за нимъ народъ, а за народомъ вся партія, полукружіемъ. Его заживо отпѣли. Надѣялся ли онъ на прощеніе? Укоренилось ли въ немъ безбожіе до высшей степени, или имъ овладѣло отчаяніе, но во все время онъ ни разу не перекрестился. Когда служба окончилась, я велѣлъ ему поклониться на четыре стороны, а отряду разступиться, онъ же продолжалъ глядѣть на меня глазами невѣдѣнія; наконецъ я приказалъ отвести его далѣе и завязать глаза: при этомъ онъ затрепеталъ; взводъ подвинулся и выстрѣлилъ разомъ. Тогда моя партія окружила зрителей, въ числѣ коихъ, хотя и не было ни одного измѣнника и грабителя, но были однако ослушники начальства. Имѣя списокъ виновныхъ, я сталъ выкликать ихъ поодиночкѣ и наказывать нагайками. Когда кончилась экзекуція, я читалъ мірянамъ слѣдующее: „Такъ караютъ богоотступниковъ, измѣнниковъ отечества и ослушниковъ начальства! Вѣдайте, что войско можетъ удалиться на время, но государь, нашъ православный царь, всегда знаетъ, гдѣ творится зло, и при малѣйшемъ ослушаніи или безпорядкѣ, мы снова явимся и накажемъ пре-

Къ стр. 61

Князь П. И. Багратіонъ.

дателей и безбожниковъ, такъ какъ наказали разбойника, передъ вами лежащаго. Ему и мѣста нѣтъ съ православными на кладбищѣ; заройте его въ разбойничьей долинѣ [1]". Тогда священникъ Іоаннъ, поднявъ крестъ, сказалъ: „Да будетъ проклятъ всякій ослушникъ начальства, врагъ Бога и предатель царя и отечества, да будетъ проклятъ!" Послѣ этого я читалъ народу наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ, и распустилъ всѣхъ по домамъ. Я вечеромъ послалъ курьера съ донесеніемъ, какъ объ успѣхѣ моихъ поисковъ, такъ и о наказаніи помянутаго преступника.

23-го, по утру, извѣстился я о кончинѣ благодѣтеля моего, знаменитаго героя князя Петра Ивановича Багратіона. Судьба, осчастлививъ меня тѣмъ, что я, служа при немъ, пользовался особою его благосклонностью, доставила мнѣ и то счастье, что я могъ отдать первую почесть его великому праху пораженіемъ враговъ въ минуту полученія сего горестнаго извѣстія: одинъ пикетъ, стоявшій на проселочной дорогѣ, ведущей изъ Городища къ Дорогобужу, далъ знать, что двѣ большія непріятельскія колонны идутъ къ Городищу. Я, приказавъ кавалеріи поспѣшнѣе сѣдлать и садиться на коней, послалъ ее къ Чеченскому въ Лугу, а самъ бросился съ пѣхотою къ выходу изъ села на Дорогобужскую дорогу. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы, удержавъ пѣхотою непріятеля у входа въ деревню, дать тѣмъ время кавалеріи изготовиться, собраться и, объѣхавъ деревню, ударить на непріятеля съ тыла. До выхода изъ деревни было болѣе версты. Я ѣхалъ рысью и клянусь честью, что пѣхотинцы мои не только не отставали отъ меня, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ даже опередили меня. Такова была жажда ихъ къ битвамъ съ врагами. Подъѣхавъ къ дальнимъ избамъ, я, остановивъ свою команду, разсыпалъ между избами и огородами пятьдесятъ стрѣлковъ; остальныхъ двѣсти-двадцать-пять человѣкъ построилъ въ двѣ колонны, коихъ головы были видны, а хвосты были скрыты за строеніемъ. Устроивъ все для защиты села, я поѣхалъ впе-

[1]) Такъ называется и искони называлась долина въ трехъ верстахъ отъ Городища.

редъ, чтобы самому увѣриться, заслуживаетъ ли непріятель столь великолѣпнаго пріема. Вскорѣ мнѣ открылась толпа пѣхоты въ четыреста человѣкъ. Вначалѣ она направлялась къ Городищу, но, встрѣченная выстрѣлами моихъ стрѣлковъ и увидя мои колонны, она рѣшилась отступать. Увѣрившись, что эта толпа не имѣетъ никакого дерзкаго намѣренія, ибо это была лишь сильная шайка мародеровъ, я велѣлъ стрѣлкамъ напирать на отступавшихъ, а всей пѣхотѣ слѣдовать за стрѣлками. Въ это время мы увидѣли маіора Храповицкаго, приближающагося къ намъ съ кавалеріею. Непріятель бросился въ ближнюю рощу, пѣхота моя послѣдовала за нимъ; гулъ выстрѣловъ и крикъ „ура!“ загремѣли и слились вмѣстѣ. Роща примыкала къ рѣкѣ Угрѣ, на которой есть броды; за рѣкою же тянулся сплошной лѣсъ почти до Масальска; добыча, казалось, вырывалась изъ рукъ нашихъ. Храповицкій, уроженецъ и житель Городища [1]), соединяя съ отличнѣйшими военными дарованіями основательное знаніе мѣстности, немедленно обскакалъ рощу и сталъ между нею и рѣкою; въ тоже время пѣхота наша ворвалась въ рощу. Непріятель, видя неминуемую гибель свою, сталъ бросать оружіе и сдаваться; я велѣлъ щадить, будучи увѣренъ, что достойнѣйшая почесть праху великаго героя есть великодушное мщеніе врагамъ. Тутъ мы увидѣли Чеченскаго, скачущаго съ полкомъ своимъ къ намъ на помощь; ему донесли, что мы разбиты и приперты къ рѣкѣ. Велики были удивленіе и радость его, когда онъ увидалъ насъ побѣдителями. Это неожиданное дѣло намъ доставило триста-тридцать рядовыхъ и пять офицеровъ. Отставной мичманъ Николай Храповицкій, командовавшій пѣхотою, особенно отличился въ этомъ дѣлѣ. Возвратясь въ Городище, мы отслужили панихиду по нашемъ героѣ и моемъ благодѣтелѣ, незабвенномъ князѣ Петрѣ Ивановичѣ Багратіонѣ и выступили въ село Андреяны. Въ это самое время я получилъ повелѣніе отдѣлить отъ себя Тептярскій полкъ къ Рославлю и Брянску, для содѣйствія отряду Калужскаго ополченія, назначенному

---

[1]) А нынѣ и владѣтель онаго.

прикрывать Орловскую губернію. Чувствуя всю важность Рославлева, угрожаемаго отрядами, посылаемыми изъ Смоленска по Орловской дорогѣ, я тотчасъ приказалъ маіору Темирову итти чрезъ Мутищево въ Рославль; 24-го мы узнали, что непріятельскій отрядъ, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать противъ моей партіи, отыскивавшей насъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней между Вязьмою и Гжатью, показался между Семлевымъ и Вязьмою, въ селѣ Монинѣ. Не отступая отъ моего намѣренія, я, обратясь къ Ѳедоровскому, прибылъ вечеромъ въ Слукино.

25-го отъ Ѳедоровскаго мы поворотили столбовой дорогой прямо къ Вязьмѣ. Я хотѣлъ сильной перестрѣлкой близъ города заманить сюда непріятеля, и лишь тогда обратиться къ Семлеву, гдѣ мѣстоположеніе гораздо удобнѣе для дѣйствія слабымъ партіямъ. Передовые мои открыли перестрѣлку подъ самой Вязьмою, а партія моя, раздѣлясь на три колонны, выказывала, по обыкновенію своему, лишь головы, скрывая хвосты колонны. Вскорѣ мы услышали барабанный бой и увидѣли непріятельскую пѣхоту, которая, отвѣчая на наши выстрѣлы, не смѣла однако отходить отъ города; я и тѣмъ былъ доволенъ. Простоявъ здѣсь до вечера, мы зажгли бивачные огни и ночью скрытно отступили въ Лосмино и 26-го въ Андреяны. Прибывъ туда, я послалъ двухъ крестьянъ въ Покровское развѣдать о непріятельскомъ отрядѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ прискакали два парня изъ Лосмина, съ донесеніемъ, что непріятельскій отрядъ, слѣдуя между этимъ селомъ и Вязьмою, направляется къ Гжати. Желаніе мое исполнилось. Немедленно партія поднялась и выступила къ Монину. Подъ вечеръ она подошла къ этой деревнѣ и застала въ ней сорокъ-двѣ провіантскія фуры и десять артиллерійскихъ палубъ подъ прикрытіемъ ста-двадцати-шести конныхъ егерей и одного офицера. Эта команда принадлежала отряду, меня преслѣдовавшему до самой Гжати, который былъ въ полной увѣренности найти меня въ этомъ направленіи. Плѣнный офицеръ объявилъ мнѣ, что противникъ мой, приведенный своею неудачей въ отчаяніе, двинулся къ Гжати и въ случаѣ новаго

неуспѣха, онъ намѣревался сдѣлать рѣшительный поискъ вдоль Угры, дабы отрѣзать меня отъ Юхнова и Калуги. Я знаю, что нѣкоторые партизаны, командуя отдѣльными частями войскъ, думаютъ командовать не партіею, а арміею, почитая себя не партизанами, а полководцами; это происходитъ отъ того, что у нихъ преобладаетъ мысль—отрѣзавъ противную партію отъ арміи, къ коей она принадлежитъ, занимать позицію подобно австрійскимъ методикамъ. Надо сказать одинъ разъ навсегда, что лучшая позиція для партіи есть непрерывное движеніе, не дозволяющее противнику знать мѣсто, гдѣ она находится, причемъ необходима неусыпная бдительность часовыхъ и разъѣздныхъ. Отрѣзать партію нѣтъ возможности, но лучше слѣдуетъ придерживаться русской пословицы: „убить да уйдти"; вотъ сущность тактической обязанности партизана. Мой противникъ былъ, повидимому, въ полномъ о томъ невѣдѣніи, а потому мнѣ было легко съ нимъ управиться. Отправивъ добычу въ городъ, мы продолжали путь къ столбовой дорогѣ, около которой проходили до 29-го числа съ малою пользою.

29-го партія прибыла въ Андреяны, гдѣ встрѣтилъ насъ курьеръ, возвратившійся изъ главной квартиры. Онъ привезъ мнѣ разныя бумаги и извѣстилъ меня о слѣдованіи, на подкрѣпленіе моей партіи, казачьяго Попова 13-го полка, который и прибылъ въ Андреяны 31-го. Этотъ полкъ, не взирая на усиленные переходы отъ самаго Дона, представился мнѣ въ отличнѣйшемъ положеніи и усилилъ партію мою пятью-стами доброконными казаками. Тогда я перестаroom опасаться нападенія преслѣдовавшаго меня отряда и рѣшился, напротивъ, самъ атаковать его. Но прежде всего мнѣ хотѣлось натравить эти новыя войска, составлявшія большую половину моей партіи. Къ тому же, если малочисленнымъ отрядомъ можно было управлять, такъ сказать, разбойнически, безъ предварительнаго устройства, одной лишь крутою строгостью, то этимъ путемъ нельзя было продолжать съ семью-стами человѣкъ. Итакъ, до 3-го октября я былъ принужденъ заняться образованіемъ внутренняго управленія партіи, показаніемъ лучшаго, по моему мнѣнію,

построенія ея въ боевой порядокъ. Указавъ имъ нѣсколько практическихъ правилъ для нападенія, отступленія и преслѣдованія, я въ первый разъ испыталъ разсыпное отступленіе, столь необходимое для партіи, составленной изъ однихъ казаковъ, въ случаѣ нападенія на нее превосходнаго непріятеля. Оно состояло, во-первыхъ, въ томъ, чтобы по первому сигналу вся партія разсыпалась по полю, во-вторыхъ, чтобы по второму каждый казакъ скакалъ самъ по себѣ и старался скрыться отъ непріятеля, и, въ третьихъ, чтобы каждый изъ нихъ, проѣхавъ по произвольному направленію нѣсколько верстъ, пробирался къ предварительно назначенному въ десяти, а иногда и въ двадцати верстахъ отъ поля сраженія сборному мѣсту.

3-го мы выступили и пришли въ село Покровское.

4-го я предпринялъ общій поискъ и раздѣлилъ партію на три части такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ находилась часть Попова полка. Двѣ сотни этого полка и старая команда сборныхъ казаковъ моихъ, подъ начальствомъ Попова, были направлены къ рѣчкѣ Вязьмѣ въ лѣсъ, простиравшійся между столбовой дорогою и селеніемъ Лузинцовымъ; я самъ находился при ней. Первый Бугскій полкъ и сотня Попова полка съ ротмистромъ Чеченскимъ—чрезъ столбовую дорогу, на рѣчку Вязьму, къ селеніямъ Степанкову и Вопкѣ. Двѣ сотни Попова полка съ Ахтырскими гусарами, подъ командою маіора Храповицкаго,—къ Семлеву; пѣхота оставалась въ Покровскомъ. За два часа предъ разсвѣтомъ, всѣ отдѣленія были въ движеніи; первый отрядъ остановился въ лѣсу за нѣсколько сажень отъ мостика, лежащаго на рѣчкѣ Вязьмѣ. Два казака взлѣзли на высокое дерево, откуда они могли наблюдать за непріятелемъ. Не прошло часу, какъ казаки подали знакъ слабымъ свистомъ. Они открыли одного офицера, идущаго пѣшкомъ по дорогѣ съ ружьемъ и собакою; десять человѣкъ, сѣвъ на коней и бросившись на дорогу, окружили его и привели къ отряду. Это былъ 4-го Иллирійскаго полка полковникъ Гетальсъ, страстный охотникъ стрѣлять дичь, опередившій разстроенный свой баталіонъ, который шелъ формироваться въ Смоленскъ. Съ нимъ была лягавая собака, а въ

сумкѣ убитый тетеревъ. Отчаяніе сего полковника возбуждало въ насъ болѣе смѣхъ, нежели сожалѣніе. Послѣ разныхъ разспросовъ, онъ, отойдя въ сторону, ходилъ въ горести большими шагами; каждый разъ, когда попадалась ему на глаза лягавая собака, улегшаяся на казачьей буркѣ, онъ, становясь въ позицію Тальмы въ Эдипѣ, восклицалъ громкимъ голосомъ: „Malheureuse passion!“ (пагубная страсть); каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на свое ружье, которое—увы!—было уже въ рукахъ казаковъ, или на тетерева, повѣшеннаго на пику, что̀ служило вывѣской его приключенія, онъ, повторяя то же самое, снова начиналъ ходить размѣренными шагами. Между тѣмъ сталъ показываться и баталіонъ. Наши приготовились, и, когда онъ достаточно приблизился, весь отрядъ бросился на него; передніе казаки вразсыпную, а резервъ въ колоннѣ, построенной въ шесть коней; отпоръ былъ непродолжителенъ: бо̀льшая часть рядовыхъ побросала оружіе, но многіе, пользуясь лѣсомъ, разсыпались въ немъ и спаслись бѣгствомъ. Добыча состояла изъ двухъ офицеровъ, при двухстахъ нижнихъ чинахъ. Въ то же время ротмистръ Чеченскій встрѣтилъ фуры съ провіантомъ, ночевавшія въ лѣсу на дорогѣ отъ Вопки къ Вязьмѣ. Непріятель, примѣтивъ казаковъ, торопился построить обозъ полукружіемъ, дабы изъ-за него легче защищаться; но Чеченскій, не давъ времени исполнить сего построенія, ударилъ и овладѣлъ транспортомъ. Тогда прикрытіе, состоявшее изъ пѣхоты, бросилось въ средину лѣса, откуда открыло неумолкаемый огонь. Ярый Чеченскій, спѣшивъ своихъ, бросился въ лѣсъ и ударилъ на непріятеля въ дротики. Сей отважный поступокъ, довершивъ пораженіе, стоилъ намъ пятнадцати лучшихъ бургскихъ казаковъ, которые пали, либо тяжело ранеными, либо убитыми.

Съ своей стороны маіоръ Храповицкій, выбравшись на столбовую дорогу, обратился къ Семлеву. Пользуясь родомъ войска, составлявшимъ отрядъ его, онъ приказалъ шедшимъ впереди отряда Ахтырскимъ гусарамъ надѣть флюгера на пики [1]), а казакамъ скрываться за ними, взявъ дротики на

1) Въ то время нѣкоторые гусарскіе полки были вооружены пиками съ флюгерами, какъ уланы. Изъ числа сихъ полковъ былъ и Ахтырскій.

перевѣсъ. Такимъ образомъ отрядъ сей казался издали польскою кавалеріею, шедшею отъ непріятельской арміи къ Смоленску. Долго Храповицкій никого не встрѣчалъ, но около Семлева онъ увидѣлъ многочисленный транспортъ, состоявшій изъ огромныхъ бочекъ, подвигавшихся къ нему навстрѣчу, хотя и съ прикрытіемъ, но безъ малѣйшей предосторожности; они думали видѣть въ отрядѣ Храповицкаго польскій отрядъ. Наши допустили непріятеля на пистолетный выстрѣлъ и съ крикомъ „ура!“ стремительно ударили на него. Бо́льшая часть прикрытія разсыпалась, но поручикъ Тилингъ съ горстью своихъ защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ раненъ; тутъ онъ былъ оставленъ окружавшими его товарищами. Съ этимъ транспортомъ были отправлены новыя одежда и обувь на весь 1-й Вестфальскій гусарскій полкъ и (по накладной, найденной у Тилинга) стоилъ 17000 франковъ, уплаченныхъ въ Варшавѣ. Возвращаясь съ добычею къ селу Покровскому, Храповицкій былъ атакованъ сильною шайкою мародеровъ, засѣвшею въ лѣсу, чрезъ который надлежало ему проходить. Видя, что нельзя пробиться сквозь непріятеля, столь выгодно расположеннаго, онъ взялъ другое направленіе и благополучно прибылъ къ вечеру въ Покровское, гдѣ соединился съ отрядами Попова 13-го и ротмистра Чеченскаго. Въ этомъ поискѣ Попова полкъ не уступалъ ни въ чемъ прочимъ войскамъ моей партіи. Въ немъ оказались казаки весьма отважные и благонадежные. Лучшій офицеръ сего полка, или, лучше сказать, одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ всего донскаго войска, былъ сотникъ Бирюковъ, за нимъ слѣдовали хорунжіе Александровъ и Персіановъ. Плѣнные (число ихъ простиралось до четырехсотъ-девяносто-шести рядовыхъ, одинъ штабъ и четыре оберъ-офицеровъ) были немедленно отправлены въ Юхновъ, также и сорокъ-одна фура, отбитыя Чеченскимъ. Лошади, взятыя изъ-подъ конвойныхъ были частью раздѣлены между спѣшенными и худоконными казаками, а частью розданы жителямъ. Въ тотъ же день отправленъ былъ отъ меня курьеръ въ главную квартиру. Я описалъ дежурному генералу сей послѣдній поискъ и просилъ награжденія, какъ

отличившимся въ дѣйствіи, такъ и Юхновскому дворянскому предводителю Храповицкому, попеченіями котораго партія моя не терпѣла ни одного дня и ни въ чемъ нужды; благодаря его распоряженіямъ, раненые получали покой и облегченіе.

Предъ отъѣздомъ своимъ вошелъ ко мнѣ поручикъ Тилингъ. Онъ говорилъ мнѣ, что казаки взяли у него часы и деньги, но что онъ, зная право войны, на это не въ претензіи, а проситъ лишь возвращенія кольца, принадлежавшаго любимой имъ женщинѣ. Увы! будучи самъ склоненъ ко всему романическому, сердце мое поняло его сердце, и я обѣщалъ постараться удовлетворить его желаніе. Сердце мое можетъ включить въ каждую кампанію свой собственный журналъ, независимый отъ военныхъ происшествій. Любовь и война такъ раздѣлили между собою все прошедшее мною поприще; донынѣ я ничѣмъ не повѣряю хронологію моей жизни, какъ соображая эпохи службы съ эпохами любовныхъ ощущеній, стоящими, подобно геодезическимъ вѣхамъ, на пустынной моей молодости. Въ то время я пылалъ страстью къ невѣрной, которую полагалъ вѣрною. Чувства моего узника отозвались въ душѣ моей, и легко можно вообразить взрывъ моей радости при встрѣчѣ съ человѣкомъ, служащимъ одному божеству и у одного же алтаря. Когда возвратился разъѣздъ, въ которомъ были казаки, взявшіе его въ плѣнъ, я былъ столько счастливъ, что отыскалъ не только кольцо, но и портретъ, волосы и письма, ему принадлежавшіе и немедленно отослалъ ихъ къ нему при сей запискѣ: „Recevez, monsieur, les effets, qui vous sont si chers; puissent-ils, en vous rappellant l'objet aimé, vous prouver, que le courage et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs. Denis Davidoff, Partisan [1])“.

Этотъ Тилингъ жилъ до 1814 года въ Орлѣ, гдѣ всегда съ благодарностью, но еще съ бóльшимъ удивленіемъ разска-

---

[1]) Примите, государь мой, вещи столь для васъ драгоцѣнныя. Пусть онѣ, напоминая о миломъ предметѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ докажутъ вамъ, что храбрость и злополучіе такъ же уважаемы въ Россіи, какъ и въ другихъ земляхъ. Денисъ Давыдовъ, партизанъ.

зывалъ о семъ приключеніи, какъ разсказываютъ о великодушіи нѣкоторыхъ атамановъ-разбойниковъ. Впослѣдствіи я узналъ, что, утомившись мѣнять съ каждою кампаніею предметы любви, онъ, подобно мнѣ, при заключеніи общаго мира, заключилъ союзъ съ навсегда имъ любимою женщиною; онъ промѣнялъ такимъ образомъ кочующую гусарскую жизнь на уединеніе философа, фантасмагорію на дѣйствительность.

5-го числа партія пошла въ Андреяны; здѣсь я узналъ, что непріятельскій отрядъ раздѣлился надвое. Одна часть находилась въ Крутомъ, а другая въ Лосминѣ, что возлѣ Вязьмы. Мы немедленно выступили въ Крутое. Отрядъ во сто человѣкъ, съ хорунжимъ Бирюковымъ, былъ отправленъ къ селу Бѣлыщину. Ему было велѣно скрытно остановиться у этого села и посылать разъѣзды вправо и влѣво. Вся же партія поспѣшно двинулась къ Крутому, слѣдуя влѣво, чтобы сохранить сообщеніе съ Бирюковымъ и, въ случаѣ удачи, отбросить непріятеля въ сторону, противную той, гдѣ находилась другая его часть. Не зная положительно разстоянія отъ Андреянъ до Крутаго, мы вмѣсто того, чтобы прибыть часа за два до вечера, прибыли туда лишь весьма поздно. Надо было рѣшиться: либо отложить нападеніе до утра, либо предпринять ночную атаку, всегда невѣрную, а часто и гибельную для атакующаго; всякое войско сильно взаимнымъ содѣйствіемъ частей, составляющихъ цѣлое, а какъ содѣйствовать тому, чего не видишь? Къ тому же, мало такихъ людей, которые бы исполняли свой долгъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ не глядятъ. Бо́льшая часть воиновъ вяло воюетъ безъ зрителей. Хотя я и зналъ эту истину, но зналъ также и неудобства отлагать атаку до утра; ржаніе лошади, лай собаки и крикъ гуся-спасителя Капитолія, могутъ повредить успѣху предпріятія. Но мы, съ надеждой на Бога, полетѣли въ бой. Мелкій осенній дождь моросилъ съ самаго утра и умножалъ мракъ ночи. Мы ударили. При резервномъ полку оставалась пѣхота. Передовая непріятельская стража спокойно спала подъ шалашами. Храповицкій и Чеченскій, вскакавъ въ село, спѣшили нѣсколько казаковъ и съ крикомъ

„ура!“ открыли огонь по окнамъ. Подкрѣпивъ ихъ сотней человѣкъ изъ пѣхоты и взявъ двѣ сотни казаковъ изъ резерва, я бросился съ ними чрезъ рѣчку Уду, чтобы не допустить непріятеля пробраться окружною дорогою въ Вязьму. Мракъ ночи былъ причиною того, что проводникъ мой сбился съ пути и привелъ меня не на то мѣсто, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ рѣчку. Это принудило насъ спуститься съ довольно значительной крутизны и кое-какъ перебираться на ту сторону. Не зная и не видя мѣстоположенія, я рѣшился, подвигаясь медленно, стрѣлять какъ можно чаще, оглашая воздухъ криками „ура!“. Къ счастію, непріятель не пошелъ въ эту сторону, но, обратясь къ Кикину, онъ побѣжалъ въ разстройствѣ по дорогѣ, которая слѣдовала отъ Юхнова къ Гжати. Мы преслѣдовали его со всею партіею версты четыре. Тутъ я отрядилъ сотню казаковъ вслѣдъ за бѣгущими и велѣлъ преслѣдовать ихъ какъ можно далѣе, забирая влѣво, дабы быть ближе къ партіи и потомъ придерживаться дороги между Вязьмою и Царевымъ-Займищемъ, куда я намѣревался прибыть послѣ поиска на Лосмино. Въ этомъ дѣлѣ мы взяли въ плѣнъ одного ротмистра, одного офицера и триста-семьдесятъ-шесть рядовыхъ, а такъ какъ по случаю ночной атаки я велѣлъ брать по возможности менѣе плѣнныхъ, то число убитыхъ равнялось числу плѣнныхъ. Перевязавъ послѣднихъ и отославъ ихъ, по обыкновенію, въ Юхновъ, я далъ отдохнуть лошадямъ и, отправивъ пѣхоту въ Ермаки, выступилъ къ Лосмину. Направленіе мое было на Бѣлыщино, дабы во-первыхъ, соединясь съ Бирюковымъ, замѣнить отрядомъ его сотню казаковъ, посланныхъ преслѣдовать непріятеля, во-вторыхъ, получить отъ него свѣдѣніе о непріятелѣ, находившемся въ Лосминѣ, и, въ третьихъ, обратясь къ Деревещину и Красному Холму, придти со стороны Вязьмы въ тылъ непріятеля и пасть на него, какъ снѣгъ на голову. Предположеніе мое было бы во всей точности приведено въ исполненіе, еслибъ непріятельскіе фуражиры, находившіеся въ селѣ Сергенковѣ, не примѣтили моей партіи и не бросились бы въ Лосмино, для увѣдомленія своего начальника о моемъ дви-

женіи. Доброконные наѣздники мои погнались за этою сволочью, но, такъ какъ мы были двадцать-четыре часа въ походѣ, изъ коихъ сражались въ продолженіи двухъ часовъ, лошади наши весьма ослабѣли; это дозволило нѣсколькимъ фуражирамъ уйти и встревожить отрядъ, обреченный на гибель. Между тѣмъ мы подвигались рысью къ дорогѣ, идущей изъ Вязьмы въ Лосмино. Разсвѣло; дождь не переставалъ итти и дорога сдѣлалась весьма скользкою. Непріятель имѣлъ неосторожность забыть о ковкѣ лошадей своего отряда, котораго половина была не подкована. Однако, по приходѣ моемъ къ Лосмину, онъ меня встрѣтилъ твердою ногою. Дѣло завязалось. Въ передовыхъ войскахъ произошло нѣсколько схватокъ, но ничего рѣшительнаго. Вся партія построилась въ боевой порядокъ и пустилась на непріятеля, построеннаго въ три линіи, одна позади другой. Первая линія, послѣ перваго удара, была опрокинута на вторую, а вторая на третью. Все обратилось въ бѣгство. Надо было быть свидѣтелемъ этого происшествія, чтобы повѣрить замѣшательству, обнаружившемуся въ рядахъ французовъ. Сверхъ того лошади, не бывъ подкованы, валялись, какъ будто подбитыя картечью; люди же, не обороняясь, бѣжали пѣшкомъ въ разныя стороны. Два эскадрона, оправившись, двинулись было впередъ, чтобы удержать наше стремленіе, но, замѣтивъ моихъ гусаръ, составлявшихъ голову резерва, обратились немедленно назадъ. Преслѣдованіе продолжалось до полудня; кололи, рубили, стрѣляли и брали въ плѣнъ офицеровъ, солдатъ и лошадей; словомъ, побѣда была совершенная и я былъ внѣ себя отъ радости. Плѣнныхъ было: четыреста-три рядовыхъ и два офицера. Полковникъ этого отряда, какъ увѣряли меня, палъ на полѣ битвы, а съ нимъ легло до полутораста рядовыхъ; прочіе разсыпались по полямъ и лѣсамъ или достались въ добычу обывателямъ. Въ обѣихъ этихъ дѣлахъ съ нашей стороны убито четыре казака, ранено пятнадцать и два гусара. Лошадей убито и ранено до пятидесяти.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ я спѣшилъ донести фельдмаршалу объ этомъ лучшемъ изъ поисковъ

моихъ. Немедленно полетѣлъ курьеръ съ теплымъ еще отъ огня битвы донесеніемъ и я остался въ полной увѣренности, что этотъ двойной успѣхъ будетъ одобренъ самыми строгими знатоками военнаго искусства. Между тѣмъ новые замыслы, новыя тревоги, новыя битвы, заглушили прошедшее. Не освѣдомляясь въ главной квартирѣ о дѣлѣ моемъ, я полагалъ, что ему нельзя было затеряться и что молчаніе штаба есть лишь слѣдствіе его недосуга; мнѣ же не отвѣчали потому, что я не дѣлалъ запросовъ и такое взаимное молчаніе продолжалось до перемирія 1813 года. Тогда только все объяснилось: я узналъ, что курьеръ мой былъ захваченъ мародерами на пути къ Юхнову и погибъ вмѣстѣ съ донесеніемъ. Благодаря этой неудачѣ, это осталось извѣстнымъ только моей партіи, непріятельскому губернатору Вязьмы и оставшимся послѣ пораженія войскамъ французскимъ. Я увѣренъ, что это скрыли и отъ самого Наполеона, изъ опасенія его гнѣва за своевольное употребленіе войскъ, предназначенныхъ для другого предмета. Такова бываетъ иногда участь отдѣльныхъ начальниковъ, тогда какъ у линейнаго каждое лыко становится въ строку. Впослѣдствіи нѣсколько дѣлъ, подобныхъ этому, осталось въ неизвѣстности по совершенно другимъ причинамъ.

Въ этотъ день и въ слѣдующіе два дня, разъѣзды мои не отходили отъ столбовой дороги между Вязьмою и Өедоровскимъ, гдѣ удалось имъ перехватить три курьера. На 8-е число партія подошла къ послѣднему селенію, гдѣ соединилась съ сотнею, посланною въ погоню изъ Крутаго.

Въ это время французская армія, пробудясь отъ своего продолжительнаго усыпленія въ Москвѣ, двинулась на Өоминское. Намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобы, обойдя лѣвый флангъ нашей арміи, находившейся при Тарутинѣ, предупредить ее въ занятіи Боровска и Малоярославца [1]) и, до-

[1]) Въ описаніяхъ знаменитаго Тарутинскаго сраженія, многія обстоятельства, предшествовавшія сраженію и во время самаго боя, выпущены изъ виду военными писателями. Главная квартира Кутузова находилась, какъ извѣстно, въ Леташевкѣ, а Ермоловъ съ Платовымъ квартировали въ разстояніи одной версты отъ этого села. Генералъ Шепелевъ далъ

стигнувъ прежде ее Калуги, открыть сообщеніе съ городомъ Смоленскомъ чрезъ Мещовскъ и Ельню. Вслѣдствіе этого, прибывъ въ Ѳоминское 11-го числа, онъ велѣлъ корпусу Жюно, занимавшему Можайскъ, отступить въ Вязьму, отряду генерала Эверса — выступить изъ Вязьмы чрезъ Знаменское и

4-го числа большой обѣдъ, всѣ присутствовавшіе были очень веселы и Николай Ивановичъ Депрерадовичъ пустился даже плясать. Возвращаясь въ девятомъ часу вечера въ свою деревушку, Ермоловъ получилъ чрезъ ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардскаго полка, письменное приказаніе собрать къ слѣдующему утру всю армію для наступленія противъ непріятеля. Ермоловъ спросилъ ординарца, почему это приказаніе доставлено ему такъ поздно, на что онъ отозвался незнаніемъ, гдѣ находился начальникъ главнаго штаба. Ермоловъ, прибывъ тотчасъ въ Леташевку, доложилъ князю, что по случаю поздняго доставленія приказанія его свѣтлости, армію невозможно собрать въ столь короткое время. Князь очень разсердился и приказалъ собрать всѣ войска къ 6-му числу вечеромъ; вопреки увѣреніямъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, князь до того времени и не выѣзжалъ изъ Леташевки. Въ назначенный вечеръ, когда уже стало смеркаться, князь прибылъ въ Тарутино. Беннингсену, предложившему весь планъ атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена въ обходъ; въ этой колоннѣ находился и 2-й корпусъ. Кутузовъ со свитой, въ числѣ которой находились Раевскій и Ермоловъ, оставался близъ гвардіи; князь говорилъ при этомъ: «Вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель, принявъ свои мѣры, заблаговременно отступаетъ». Ермоловъ, понимая, что эти слова относятся къ нему, толкнулъ колѣномъ Раевскаго, которому сказалъ: «Онъ на мой счетъ забавляется». Когда стали раздаваться пушечные выстрѣлы, Ермоловъ сказалъ князю: «Время не упущено, непріятель не ушелъ, теперь, ваша свѣтлость, намъ надлежитъ съ своей стороны дружно наступать, потому что гвардія отсюда и дыма не увидитъ». Кутузовъ скомандовалъ наступленіе, но чрезъ каждые сто шаговъ войска останавливались почти на три четверти часа; князь, видимо, избѣгалъ участія въ сраженіи. Мѣсто убитаго ядромъ Баговута заступилъ мужественный принцъ Евгеній Виртембергскій, который сталъ у головнаго полка. Ермоловъ послалъ сказать чрезъ капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобы онъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ быстрѣе. Остерманъ выслалъ къ назначенному мѣсту лишь полковыя знамена при ста рядовыхъ. Беннингсенъ, выведя войска къ мѣсту боя, вернулся назадъ; еслибъ князь Кутузовъ сдѣлалъ съ своей стороны рѣшительное наступленіе, отрядъ Мюрата былъ бы весь истребленъ. Фельдмаршалъ, окруженный многими генералами, ѣхавшими верхомъ, возвратился вечеромъ въ коляскѣ въ Леташевку. Онъ сказалъ въ это время Ермолову: «Голубчикъ, непріятель понесъ большую потерю, имъ оставлено много орудій въ лѣсу». Кутузовъ, не разспросивъ о ходѣ дѣла у главнаго виновника побѣды Беннингсена, послалъ государю донесеніе, въ которомъ, вмѣсто девятнадцати орудій, взятыхъ у непріятеля, показано было тридцать-восемь. Съ этого времени вражда между Беннингсеномъ и Кутузовымъ достигла крайнихъ размѣровъ и уже никогда не прекращалась.

Юхновъ, а маршалу Виктору съ дивизіями Жирарда и легкою кавалерійскою, итти усиленными маршами изъ Смоленска туда же. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы увидѣть, въ какомъ положеніи я вскорѣ долженъ былъ находиться.

Между тѣмъ генералъ Дороховъ, занимая отрядомъ своимъ Котово [1]), находящееся близъ дороги, идущей отъ Москвы къ Боровску, намѣревался атаковать вице-короля Италіанскаго, прибывшаго 4-го числа въ Ѳоминское; онъ требовалъ на то подкрѣпленія, не зная, что за этимъ корпусомъ слѣдовала вся французская армія.

Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Ѳоминскому корпусъ Дохтурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-ой арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ, Ермоловъ приказалъ Фигнеру и Сеславину слѣдовать по направленію къ Ѳоминскому съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейти рѣчку и приблизиться къ Боровской дорогѣ; здѣсь, оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до Боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ еще было немного листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Наполеона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло, и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Ѳоминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество баттарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло

[1]) Отрядъ сей состоялъ изъ одного баталіона 19-го егерскаго полка, двухъ баталіоновъ Волоцкаго пѣхотнаго полка, двухъ баталіоновъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка, изъ Маріупольскаго гусарскаго полка, четырехъ эскадроновъ Елисаветградскаго гусарскаго полка, изъ Донскихъ полковъ Иловайскаго 11-го и восьми орудій.

его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію, не доходя верстъ пятнадцати до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ утомленныя лошади успѣли бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Ѳоминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: „Гдѣ Алексѣй Петровичъ?“ Явившись къ Ермолову, Сеславинъ въ сопровожденіи своего плѣнника, разсказалъ все имъ видѣнное; плѣнный подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміею изъ Москвы, долженъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко непроницательный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшался продолжать движенія къ Ѳоминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ хранителемъ русскихъ войскъ. Орлиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Принявъ на себя всю отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Волховскаго [1]),

---

[1]) Онъ умеръ сенаторомъ.

которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміей къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Дохтурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную баттарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславина, двинулся по направленію къ селу Котову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобы онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: „Если бы Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я". Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильные резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріятелемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя черезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь италіанской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боровскѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, достигнуть города, собрать всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріятелѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже три баталіона италіанцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ

прибылъ на разсвѣтѣ къ Малоярославцу, передъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотою. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, прійдя съ арміею въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоярославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова съ убѣдительнѣйшею просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ съ настоятельнѣйшею просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, плюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоярославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близъ Малоярославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріятелемъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ сорокъ баттарейныхъ орудій; онъ намѣревался, за неимѣніемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокою канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коновницынъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, если бы онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступить къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, тысяча-пятьсотъ человѣкъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инструментъ, разсѣялись. Городъ былъ однако оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу

передать:—Князь: „Голубчикъ, вѣдь надо итти?“ Ермоловъ: „Конечно, но только на Медынь“. Князь: „Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи?“ Ермоловъ: „Опасности нѣтъ никакой: атаманъ Платовъ захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій, не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всѣ покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться“. Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ полотнянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его оставаться у Малоярославца, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля [1]). Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ. Еслибъ Наполеонъ, дойдя до Боровска, поспѣшилъ бы направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ, безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжалъ бы свое обратное шествіе по краю изобильному и неразоренному. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу; къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ. Въ это самое время партизанъ, князь Кудашевъ, находившійся между Лопаснею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонявшій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мочи для присоединенія къ его хвосту.

Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная, такъ сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытнымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстраго и никѣмъ незамѣченнаго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Чрезъ это Наполеонъ, выпутавшись бы изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тару-

---

[1]) Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія государя, находившимся въ то время при нашей арміи, барономъ Анштетомъ.

тинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Днѣпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ, Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои фланги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего нуженъ былъ проницательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославцу [1]).

[1]) Ермоловъ, слѣдуя послѣ Малоярославскаго сраженія съ войсками Милорадовича, отдавалъ именемъ Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузовъ сказалъ ему: «Голубчикъ, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками». Милорадовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса, могъ легко отрѣзать арьергардъ или другую часть французской арміи. Ермоловъ приказалъ потому именемъ Кутузова наблюдать головнымъ войскамъ возможную тишину и порядокъ, дабы не встревожить непріятеля, который могъ бы расположиться вблизи на ночлегъ. Однажды главныя силы французовъ оставались для ночлега близъ корпуса принца Евгенія Виртембергскаго у самой дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, представляла какъ бы дефиле, чрезъ которое непріятелю и намъ надлежало слѣдовать. Войска безстрашнаго принца Виртембергскаго, всегда находившагося при головныхъ своихъ полкахъ, открыли сильный огонь противу непріятеля, который, снявшись съ позиціи, двинулся поспѣшно далѣе въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; это лишило насъ возможности, атаковавъ его на разсвѣтѣ, отрѣзать какую либо колонну. Французы, побросавъ на дорогѣ много орудій, значительно задержали тѣмъ наши войска, которыя были вынуждены заняться на другой день въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ расчищеніемъ пути, по коему имъ надлежало продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Милорадовичъ ограничился лишь весьма легкимъ замѣчаніемъ принцу, но Ермоловъ объявилъ ему именемъ Кутузова весьма строгій выговоръ. Ермоловъ просилъ не разъ Кутузова спѣшить съ главною арміею къ Вязьмѣ и вступить въ этотъ городъ не позже 22-го ноября; я видѣлъ у него записку, писанную рукою Толя, слѣдующаго содержанія: «Мы бы давно явились въ Вязьму, если бы получали отъ васъ болѣе частыя увѣдомленія и съ казаками болѣе исправными; мы будемъ 21-го близъ Вязьмы». Князь, разсчитывавшій, что онъ можетъ довершить гибель французовъ, не подвергая пораженію собственныхъ войскъ, подвигался весьма медленно; хотя онъ 21-го находился близъ Вязьмы, но остановившись за восемь верстъ до города, онъ не рѣшался приблизиться къ нему. Желая однако убѣдить государя въ томъ, что онъ лично на-

Ничего не зная о происшествіяхъ въ окрестностяхъ Боровска и Малоярославца, мы 9-го, вечеромъ, перехватя еще одного курьера недалеко отъ Ѳедоровскаго, отошли въ Спасское. Подойдя къ этому селу, разъѣздные привели нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, грабившихъ въ окружныхъ селеніяхъ. Такъ какъ число ихъ было не велико, то я велѣлъ сдать ихъ старостѣ села Спасскаго для отведенія въ Юхновъ. Въ это время, какъ проводили ихъ мимо меня, въ одномъ изъ плѣнныхъ мы замѣтили черты лица русскаго, но не француза. Мы остановили его и спросили, какой онъ націи? Павъ на колѣни, онъ признался, что онъ бывшій гренадеръ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, и что уже три года служитъ унтеръ-офицеромъ во французской арміи. Мы всѣ съ ужасомъ возразили ему: „Ты—русскій и проливаешь кровь своихъ братій!“ „Виноватъ!“ было отвѣтомъ его; „умилосердитесь, помилуйте!“ Я послалъ нѣсколько гусаръ собрать всѣхъ жителей, старыхъ

ходился во время битвы подъ Вязьмой, онъ выслалъ къ этому городу гвардейскую кавалерію съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, который, чтобы не подвергать баттарею Козена напрасной потерѣ, отвелъ ее назадъ, ограничившись ничтожною канонадой по городу чрезъ рѣчку. Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, отличавшійся рыцарскимъ благородствомъ и мужествомъ, пользовался всегда полнымъ благоволеніемъ государя, которому онъ не разъ говаривалъ: «Выслушайте, ваше величество, со вниманіемъ все то, что я вамъ скажу; это принадлежитъ не мнѣ, а людямъ, несравненно меня умнѣйшимъ». Ермоловъ, потерявъ весьма много по службѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Павла, былъ даже нѣсколько старѣе въ чинѣ Уварова и князя Багратіона во время штурма Праги въ 1794 году; они были потому въ близкихъ между собою сношеніяхъ, и во время Отечественной войны Уваровъ не разъ говаривалъ Ермолову: «Мнѣ скучно, ты меня сегодня еще не приласкалъ».

Прибывъ изъ отряда Милорадовича въ главную квартиру, находившуюся въ Ельнѣ, Ермоловъ засталъ Кутузова и Беннингсена за завтракомъ; онъ долго и тщетно убѣждалъ князя преслѣдовать непріятеля съ большею настойчивостью. При извѣстіи о томъ, что, по донесеніямъ партизановъ, Наполеонъ съ гвардіею уже близъ Краснаго, лице Кутузова просіяло отъ удовольствія, и онъ сказалъ ему: «Голубчикъ, не хочешь ли позавтракать»? Во время завтрака, Ермоловъ просилъ Беннингсена, на колѣнахъ котораго онъ не разъ въ дѣтствѣ сиживалъ, поддержать его, но этотъ генералъ упорно молчалъ. Когда князь вышелъ изъ комнаты, Беннингсенъ сказалъ ему: «Любезный Ермоловъ, еслибъ я тебя не зналъ съ дѣтства, я бы имѣлъ полное право думать, что ты не желаешь наступленія; мои отношенія къ фельдмаршалу таковы, что мнѣ достаточно одобрить твой совѣтъ, чтобы князь никогда бы ему не послѣдовалъ».

и молодыхъ, бабъ и дѣтей, изъ окружающихъ деревень къ Спасскому. Когда всѣ собрались, я разсказалъ какъ всей партіи моей, такъ и крестьянамъ о поступкѣ сего измѣнника, потомъ спросилъ ихъ, находятъ ли они его виновнымъ? Всѣ единогласно сказали, что онъ виноватъ. Тогда я спросилъ ихъ, какое наказаніе они опредѣляютъ ему? Нѣсколько человѣкъ сказали—засѣчь до смерти, человѣкъ десять—повѣсить, а большая часть — разстрѣлять. Я велѣлъ выдвинуть солдатъ съ ружьями и завязать глаза преступнику. Онъ успѣлъ сказать: „Господи, прости мое согрѣшеніе!“ Гусары выстрѣлили, и злодѣй палъ мертвымъ.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ казни преступника, крестьяне окружныхъ селъ привели ко мнѣ шесть французовъ бродягъ. Это меня удивило, ибо до того времени они не приводили ко мнѣ ни одного плѣнника, развѣдываясь съ ними посвойски и сами собою. Несчастные эти, скрученные веревками и завлеченные въ ровъ, не избѣгли бы такого же рода смерти, какъ и предшественники ихъ, если бы топотъ лошадей и многолюдный разговоръ на русскомъ языкѣ не извѣстили крестьянъ о прибытіи моей партіи. Убѣдившись въ безполезности убійства, они рѣшились представить мнѣ узниковъ своихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я велѣлъ ихъ включить въ число плѣнныхъ, находившихся при моей партіи, и отослать всѣхъ въ Юхновъ, откуда они были отправлены въ дальнія губерніи и, вѣроятно, погибли на пути или на мѣстѣ съ тысячами своихъ товарищей, которые сдѣлались жертвою равнодушія къ страждущему человѣчеству. Но сколь чудно Провидѣніе въ опредѣленіяхъ своихъ! Между ними находился барабанщикъ молодой гвардіи, именемъ Викентій Водъ (Vincent Bode), пятнадцатилѣтній мальчикъ, оторванный отъ родительскаго дома и, какъ ранній цвѣтъ, перенесенный за три тысячи верстъ подъ русское лезвіе и на русскіе морозы. При видѣ сего интереснаго юноши, сердце мое облилось кровью; я вспомнилъ и домъ родительскій и отца моего, когда онъ меня записывалъ въ военную службу. Какъ предать несчастнаго случайностямъ голоднаго, холоднаго и безпріютнаго

странствованія, имѣя всѣ средства къ его спасенію? Оставивъ его при себѣ, я велѣлъ надѣть на него чекмень и фуражку, чтобы избавить его отъ непредвидимаго удара штыкомъ или дротикомъ, и довезъ его такимъ образомъ чрезъ горы и долы, изъ края въ край, до самаго Парижа здоровымъ, веселымъ и почти возмужалымъ, гдѣ передалъ его изъ рукъ въ руки престарѣлому отцу его. Что же вышло? Спустя два дня послѣ этого, являются ко мнѣ отецъ съ сыномъ съ просьбою объ аттестатѣ. „Съ радостью", отвѣчалъ я имъ. „Вотъ тебѣ, Викентій, аттестатъ въ добромъ твоемъ поведеніи". „Нѣтъ", сказалъ отецъ, „вы мнѣ спасли сына, довершите же ваше благодѣяніе, выдайте ему аттестатъ въ томъ, что онъ находился при васъ и поражалъ непріятеля". „Да непріятели были ваши соотечественники?" „Нужды нѣтъ", возразилъ старикъ. „Какъ нужды нѣтъ? ты чрезъ то погубишь сына, его разстрѣляютъ, и дѣльно.» „Нынче другія времена", отвѣчалъ онъ, „по этому аттестату онъ загладитъ невольное служеніе свое хищнику престола и получитъ награжденіе за бой противъ людей, служившихъ незаконному монарху". „Если это такъ, господинъ Водъ, жалка мнѣ ваша Франція! Вотъ тебѣ аттестатъ, какого ты требуешь". И подлинно, я въ ономъ налгалъ. Старикъ былъ правъ; черезъ недѣлю онъ снова пришелъ ко мнѣ съ сыномъ благодарить за новое мое благодѣяніе: Викентій имѣлъ уже въ петлицѣ орденъ Лиліи.

10-го и 11-го мы продолжали ходить по правой сторонѣ Вязьмы, между Ѳедоровскимъ и Теплухой; подъ вечеръ разъѣздные дали знать, что открыли большой транспортъ съ прикрытіемъ, идущій отъ Гжати. Мы немедленно двинулись къ нему навстрѣчу по обѣимъ сторонамъ дороги и, вскакавъ на пригорокъ, увидѣли весь этотъ караванъ, на который тотчасъ ударили. Наши ворвались въ середину обоза и въ короткое время семьдесятъ фуръ, двѣсти-двадцать-пять рядовыхъ и шесть офицеровъ попались къ намъ въ руки; въ дополненіе къ этому мы отбили шестьдесятъ-шесть человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и двухъ раненыхъ кирасирскихъ офицеровъ: Соковнина и Шатилова. Эти послѣдніе сидѣли въ закрытой

фурѣ, и, услыхавъ выстрѣлы вокругъ себя, приподняли крышу и дали знать казакамъ, что они русскіе офицеры. Кто не выручалъ своихъ плѣнныхъ изъ-подъ ига непріятельскаго, тотъ не видалъ и не ощущалъ истинной радости!

12-го партія отошла въ Дубраву. Едва мы расположились на ночлегъ, какъ увидѣли приближающихся къ намъ коляску и телегу; это былъ Юхновскій дворянскій предводитель Храповицкій и обратный курьеръ мой изъ главной квартиры. Привезено было много пакетовъ, изъ которыхъ на одномъ была печать свѣтлѣйшаго. Хотя всѣ бумаги были отъ 10-го, но въ нихъ не было даже и намека о томъ, что французская армія выступила изъ Москвы уже 7-го числа. При этихъ пакетахъ было много писемъ отъ старыхъ и новыхъ пріятелей и друзей, которые осыпали меня похвалами, такъ что я едва не могъ возмечтать быть вторымъ Суворовымъ. Но это продолжалось весьма недолго; движеніе генерала Эверса, посланнаго изъ Вязьмы къ Юхнову, и непростительная моя оплошность пробудили меня отъ этого усыпленія. Вотъ какъ дѣло было: 13-го мы, пришедъ въ Кикино, раздавали награжденія, привезенныя курьеромъ и слишкомъ рано вздумали отдыхать на недозрѣлыхъ еще лаврахъ. Пикеты слѣдовали примѣру партіи, а разъѣзды доѣзжали лишь до бочки вина, выставленной на серединѣ деревни.

14-го, отправивъ обратно въ Юхновъ дворянскаго предводителя, мы пришли въ село Лосьмино въ томъ же расположеніи духа и разума, какъ и наканунѣ; но едва успѣли мы сдѣлать привалъ, какъ вчетверо сильнѣйшій непріятель приблизился къ деревнѣ. Будь онъ отважнѣе, пораженіе наше было бы неизбѣжно; но вмѣсто того, чтобы авангарду его ударить съ крикомъ въ деревню, гдѣ всѣ мы были въ разбродѣ, непріятель, открывъ по насъ огонь изъ орудій, сталъ занимать позицію. Это подняло насъ всѣхъ на ноги и мы спѣшили исправить послѣдствія нашего непростительнаго усыпленія. Хотя я видѣлъ двѣ густыя колонны, но, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ наглость полезнѣе нерѣшительности, называемой трусами благоразуміемъ, я

пошелъ въ бой безъ оглядки. Когда же плѣнные, взятые передовыми наѣздниками, удостовѣрили насъ, что отрядъ сей ничто иное, какъ сволочь всякаго рода [1]), тогда казаки мои, ободрившись, выказали слишкомъ большую отвагу, которая едва не причинила имъ болѣе вреда, нежели пользы. Авангардъ мой, ударивъ на авангардъ непріятеля, опрокинулъ его, но, бывъ въ свою очередь опрокинутъ бросившимися впередъ двумя непріятельскими эскадронами, онъ вмѣсто того, чтобы уходить врассыпную на одинъ изъ фланговъ подвигавшейся впередъ моей партіи (какъ всегда у меня водилось), смѣшался съ непріятелемъ и наскакалъ въ разстройствѣ прямо на партію: еслибъ она не приняла круто вправо, то вся эта толпа вторглась бы въ середину ея, и замѣшательство было бы полное. Къ счастію непріятель, гнавшійся за авангардомъ, былъ принятъ одною частью нашей партіи во флангъ и въ свою очередь опрокинутъ. Тогда вся партія, ободрившись, въ надеждѣ на добычу, бросилась преслѣдовать непріятеля. Необходимо было все стараніе, вся дѣятельность моихъ товарищей: Храповицкаго, Чеченскаго, Бедряги, Бекетова, Макарова и казачьихъ офицеровъ, чтобы разомъ обуздать несвоевременный порывъ нашихъ. Видя, что непріятель не только не смѣшался послѣ отраженія своего авангарда, но, получивъ новое подкрѣпленіе со стороны Вязьмы, двинулся рѣшительно впередъ, я началъ отступать. Вслѣдствіе этого я приказалъ отступать врассыпную, назначивъ сборнымъ мѣстомъ село Красное, за рѣкою Угрою, извѣстное всѣмъ казакамъ моимъ. По данному сигналу все разсыпалось и исчезло; одна сотня, оставленная съ хорунжимъ Александровымъ, для наблюденія за непріятелемъ, продолжала перестрѣливаться и отступать на Ермаки къ Знаменскому, дабы заманить непріятеля въ сторону, противоположную направленію моей партіи. На разсвѣтѣ всѣ уже были въ Красномъ, кромѣ сотни Александрова, которая, соединясь въ Ермакахъ съ моею пѣхотою, отсту-

---

[1]) Отрядъ сей состоялъ изъ 4000 человѣкъ, принадлежащихъ разнымъ полкамъ. Порученіе, данное командиру его, видно выше.

пила съ нею вмѣстѣ въ Знаменское, занимаемое поголовнымъ ополченіемъ.

16-го, въ ночь, я получилъ извѣстіе отъ начальника сего ополченія капитана Бѣльскаго о томъ, что 16-го, по утру, непріятель, приблизившись къ этому селу, намѣревался занять его, но, увидя въ немъ много пѣхоты, открылъ по ней огонь изъ орудій и отступилъ въ Ермаки. Тогда только я узналъ отъ плѣнныхъ, приведенныхъ ко мнѣ со стороны селъ Козельска и Крутаго, что непріятельская армія выступила изъ Москвы, но, по какому направленію и съ какимъ предположеніемъ, мнѣ оно было еще неизвѣстно.

17-го я выступилъ на Ермаки, съ намѣреніемъ продолжать свои поиски къ сторонѣ Вязьмы, но всегда находиться на дорогѣ къ Юхнову, откуда я получалъ всѣ извѣстія изъ арміи, что̀ послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы стало для меня совершенно необходимымъ. Я разсчитывалъ слѣдующимъ образомъ: если армія наша одержитъ верхъ надъ непріятелемъ, то̀ онъ минуетъ то пространство земли, на коемъ я нынѣ находился; если же армія наша потерпитъ пораженіе, то она непремѣнно найдется вынужденною отступить къ Калугѣ, вслѣдствіе чего и я отойду къ Юхнову или къ Серпейску. Перейдя чрезъ Угру, авангардъ мой далъ мнѣ знать, что, будучи атакованъ непріятелемъ подъ Ермаками, онъ поспѣшно отступаетъ, и что сильный непріятель его преслѣдуетъ. Я послалъ къ нему на помощь одну сотню, всю же партію мою переправилъ обратно чрезъ Угру. Едва успѣлъ я перебраться на лѣвый берегъ Угры, какъ увидѣлъ вдали дымъ выстрѣловъ и движеніе кавалеріи. Это была погоня за моимъ авангардомъ. Вскорѣ показались на горизонтѣ двѣ черныя непріятельскія колонны, слѣдовавшія весьма быстро. Авангардъ мой, прибывъ къ берегу, бросился вплавь и соединился съ партіей; непріятельскія же передовыя войска, остановясь на противоположной сторонѣ рѣки, открыли по насъ огонь изъ ружей и пистолетовъ; между тѣмъ прочія войска стали отыскивать бродъ выше мѣста, гдѣ находилась партія моя. Я изъ этого заключилъ, что непріятель не будетъ остановленъ

рѣкой, а потому сталъ отступать на Ѳедотково. Я потому немедленно послалъ три разъѣзда, каждый изъ десяти казаковъ: одинъ на Кузнецово къ селу Козельску для открытія непріятеля съ лѣвой стороны, вторый—въ Ѳедотково для открытія дороги, по коей партія должна была слѣдовать и для приготовленія ей продовольствія, а третій — въ Знаменское съ приказаніемъ Бѣльскому поспѣшно отступать изъ этого села по Юхновской дорогѣ, къ селу Слободкѣ. Желая воспользоваться временемъ, пока непріятель будетъ переправляться чрезъ рѣку, я рысью двинулся въ трехъ колоннахъ и въ два коня, чтобы длинною колонной своей устрашить по возможности непріятеля. Сначала все шло удачно: перестрѣлка умолкла, и мы безпрепятственно продолжали слѣдовать по избранному направленію, но едва успѣли мы сдѣлать семь верстъ, какъ возвратившіеся оба первые разъѣзда извѣстили меня, что другая конная непріятельская колонна идетъ на дорогу, по коей мы слѣдуемъ, и что самое Ѳедотково занято непріятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ непріятель сталъ уже показываться съ лѣвой стороны, а прибывшій изъ Ѳедоткова конный крестьянинъ объявилъ мнѣ, что видѣлъ, какъ непріятель вступалъ въ это село, о чемъ онъ поспѣшилъ меня увѣдомить. Обстоятельства представлялись не въ розовомъ цвѣтѣ, долгое размышленіе было неумѣстно; я немедленно, поворотя вправо на Борисенки, и, переправясь чрезъ Угру при Кобелевѣ, прибылъ въ Воскресенское, находящееся на границѣ Медынскаго уѣзда возлѣ дороги изъ Юхнова въ Гжать. На маршѣ моемъ одинъ урядникъ и два казака были посланы къ Бѣльскому съ повелѣніемъ, не останавливаясь уже въ Слободкѣ, отступать къ Климовскому заводу; сему посланному велѣно было также поспѣшно проѣхать въ Юхновъ для извѣщенія дворянскаго предводителя о томъ, что партія отступаетъ въ Воскресенское, и чтобы всѣ бумаги, которыя будутъ адресованы изъ главной квартиры на мое имя, были бы посылаемы прямо въ означенное село.

20-го, по утру, я получилъ увѣдомленіе отъ дежурнаго генерала объ отступленіи непріятеля изъ Малоярославца и о

слѣдованіи его на Гжать и Смоленскъ [1]). Этого надлежало ожидать: внезапное умноженіе непріятельскихъ отрядовъ и обозовъ между Вязьмою и Юхновымъ могло насъ достаточно удостовѣрить въ скоромъ отступленіи всей непріятельской арміи. Не смотря на это, я не могъ бы тронуться съ мѣста, если бы свѣтлѣйшій не отрядилъ послѣ Малоярославскаго дѣла всю легкую свою конницу на перерѣзъ непріятельскимъ колоннамъ, идущимъ къ Вязьмѣ. Появленіе большого количества казаковъ съ атаманомъ Платовымъ и съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ на пространствѣ, гдѣ я шесть недѣль дѣйствовалъ одинъ, и которое въ это время находилось уже во власти непріятеля, принудило его отступить частью къ Вязьмѣ, а частью къ Дорогобужу и дозволило мнѣ выйти изъ Воскресенскаго. Я лично, безъ сомнѣнія, много обязанъ этому спасительному движенію, но если бы заблаговременно приняли во вниманіе неоднократныя представленія мои о присылкѣ мнѣ бо́льшаго количества легкихъ войскъ тотчасъ послѣ занятія Тарутина, отряды непріятельскіе, оттѣснившіе меня почти до Юхнова, не смѣли бы показаться на этомъ пространствѣ, для насъ впослѣдствіи столь необходимомъ. Какъ бы то ни было, поздно было исправлять прошедшее, а слѣдовало пользоваться настоящимъ, и я немедленно послалъ приказаніе Бѣльскому спѣшить въ Знаменское, гдѣ соединился съ нимъ того же числа вечеромъ.

21-го я оставилъ поголовное ополченіе на мѣстѣ и, присоединивъ регулярную пѣхоту къ своей партіи, выступилъ въ два часа утра по Бородинской дорогѣ на село Никольское, гдѣ, сдѣлавъ большой привалъ, продолжалъ слѣдовать далѣе. Вслѣдствіе этого движенія я попался между отрядами двухъ генералъ-адъютантовъ: графа Ожаровскаго и графа Орлова-Денисова [2]); первый прислалъ ко мнѣ гвардіи ротмистра (что

---

[1]) Въ то время Наполеонъ самъ находился въ Вязьмѣ, ибо онъ прибылъ туда 19-го, въ четыре часа по полудни. Генералъ Эверсъ не пошелъ далѣе и, вслѣдствіе полученнаго имъ повелѣнія, прибылъ 18-го къ вечеру обратно въ Вязьму.

[2]) Отрядъ перваго состоялъ изъ шести казачьихъ полковъ и Нѣжинскаго драгунскаго, а втораго—изъ 19-го егерскаго, Маріупольскаго гусарскаго, двухъ Донскихъ, двухъ Малороссійскихъ казачьихъ полковъ и шести орудій конной артиллеріи.

нынѣ генералъ-лейтенантъ) Палицына, дабы вывѣдать, нельзя ли меня прибрать къ своимъ рукамъ; послѣдній же еще отъ 19-го числа прислалъ офицера отыскивать меня для объявленія, что если я не имѣю еще никакого повелѣнія отъ свѣтлѣйшаго отъ 20-го октября, то чтобы немедленно поступилъ въ его команду. Будучи убѣжденъ, что званіе партизана не освобождаетъ никого отъ чинопослушанія, но съ этимъ вмѣстѣ допускаетъ нѣкотораго рода хитрости, я воспользовался разновременнымъ пріѣздомъ обоихъ присланныхъ и объявилъ первому о невозможности моей служить подъ командою графа Ожаровскаго вслѣдствіе полученія повелѣнія графа Орлова-Денисова, а втораго увѣрилъ, что я поступилъ уже подъ начальство графа Ожаровскаго и, на основаніи даннаго имъ мнѣ повелѣнія, спѣшу къ Смоленской дорогѣ. Между тѣмъ я не счелъ предосудительнымъ просить генерала Коновницына довести до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго о непріятномъ положеніи, въ коемъ я нахожусь: „Имѣвъ счастіе, писалъ я ему, заслужить въ теченіе шестинедѣльнаго моего дѣйствія особенное вниманіе и благодарность его свѣтлости, я, при всемъ уваженіи моемъ къ графамъ Орлову-Денисову и Ожаровскому, счелъ бы за личное для себя оскорбленіе поступить подъ начальство того или другаго, тѣмъ болѣе, что я самъ получилъ уже нѣкоторый навыкъ къ партизанской войнѣ; въ то же время были поручены команды людямъ, хотя во многихъ отношеніяхъ достойнымъ, но совершеннымъ новичкамъ въ этомъ родѣ дѣйствій“. Я заключилъ письмо мое изложеніемъ выгодъ размноженія партій, а не сосредоточиванія ихъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко бы не принесло желаемой пользы; съ этимъ послалъ я урядника Крючкова съ пятью казаками въ главную квартиру, находившуюся по извѣстіямъ около Вязьмы. Я приказалъ ему искать меня къ 23-му числу около села Гаврикова, чрезъ которое я намѣренъ былъ слѣдовать послѣ поиска моего къ селу Рыбкамъ. Того же числа, то-есть, 21-го, около полуночи, мы прибыли за шесть верстъ отъ Смоленской дороги и скрытно остановились въ лѣсу. За два часа предъ разсвѣтомъ мы двинулись на Ловитву. Не

доходя этого села за три версты до большой дороги, намъ начали попадаться несмѣтное число обозовъ и много мародеровъ, которыхъ мы подбирали безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія. Когда же мы достигли села Рыбковъ, тогда увидѣли мы слѣдующее: фуры, телеги, кареты, палубы, конные и пѣшіе солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь,— все двигалось безпорядочными массами; если бы партія моя была бы вдесятеро сильнѣе и у каждаго казака было бы по десяти рукъ, и тогда было бы невозможно захватить въ плѣнъ десятую часть того, что̀ слѣдовало по большой дорогѣ. Предвидя это, я еще предъ выступленіемъ на поискъ, предупредилъ казаковъ моихъ и дозволилъ имъ не брать болѣе въ плѣнъ, а, какъ говорится, катить головнею по всей дорогѣ. Скиѳы мои не требовали на это подтвердительнаго приказанія; за то надо было видѣть, какъ вся сія масса ужаснулась при появленіи этихъ немирныхъ путешественниковъ; надо было быть свидѣтелемъ этого страннаго сочетанія криковъ отчаянія съ возгласами ободрительными, выстрѣловъ защищающихся съ трескомъ взлетавшихъ на воздухъ артиллерійскихъ палубовъ [1]; все это покрывалось громогласнымъ „ура!“ моихъ казаковъ. Это болѣе или менѣе продолжалось до времени появленія французской кавалеріи и за нею гвардіи [2]; тогда, по данному мною сигналу, вся партія отхлынула отъ дороги и начала строиться. Между тѣмъ гвардія Наполеона, по срединѣ которой онъ самъ находился, стала подвигаться. Вскорѣ часть кавалеріи бросилась съ дороги впередъ и начала строиться, съ намѣреніемъ отогнать насъ далѣе. Я былъ совершенно убѣжденъ, что бой мнѣ далеко не по силѣ, но я горѣлъ желаніемъ погарцовать вокругъ Наполеона и съ честью отдать ему прощальный поклонъ за посѣщеніе его. Свиданіе

---

[1]) По сочиненію г. Шамбре видно, что при французской арміи шло 605 орудій, 2455 палубовъ и болѣе 5000 фуръ, каретъ и колясокъ.

[2]) Порядокъ марша непріятеля отъ Вязьмы былъ слѣдующій: корпусъ Жюно, молодая гвардія, 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса, старая гвардія, корпусъ Понятовскаго, корпусъ принца Евгенія, корпусъ Давуи корпусъ Нея, который составлялъ арьергардъ арміи.

наше было весьма недолговременно; умноженіе непріятельской кавалеріи, которая тогда была еще въ довольно изрядномъ положеніи, принудило меня вскорѣ оставить большую дорогу и отступить предъ громадами, валившими одна за другой. Однако во время этого перехода я успѣлъ взять съ бою въ плѣнъ сто-восемьдесятъ человѣкъ, при двухъ офицерахъ, и до самаго вечера конвоировалъ съ приличнымъ почетомъ Наполеона. Перейдя 23-го рѣчку Осму, я предпринялъ поискъ на Славково, гдѣ снова столкнулся съ старою гвардіею, часть которой была расположена на бивакахъ, а часть въ окрестныхъ деревушкахъ. Внезапное и шумное появленіе наше причинило большую сумятицу въ войскахъ непріятельскихъ. Все бросилось къ ружью; непріятель встрѣтилъ насъ съ почетомъ; онъ открылъ по насъ пальбу изъ орудій. Перестрѣлка продолжалась до вечера безъ значительной съ нашей стороны потери. Вечеромъ прибыло нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, но съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не сражаться, ибо, сдѣлавъ нѣсколько движеній вправо и влѣво, они выстроили фронтъ и, выславъ фланкеровъ, остановились, а мы, взявъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, отошли въ Гавриково. Поискъ сей доставилъ намъ сто-сорокъ-шесть человѣкъ фуражировъ, трехъ офицеровъ и семь провіантскихъ фуръ съ разною рухлядью; успѣхъ не важный по количеству захваченной добычи, но это побудило Наполеона отказаться отъ намѣренія внезапно атаковать со всею арміею авангардъ нашъ; можно, по крайней мѣрѣ, такъ заключить, основываясь на циркулярѣ, посланномъ отъ Бертье ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ. По утру, 24-го числа, я получилъ отъ генерала Коновницына разрѣшеніе дѣйствовать отдѣльно и повелѣніе поспѣшно слѣдовать къ Смоленску. Посланный мой увѣдомилъ меня о счастливомъ сраженіи при Вязьмѣ 22-го числа и о движеніи вслѣдъ за мной партій Сеславина и Фигнера; въ то же самое время Платовъ двигался по пятамъ арьергарда непріятельскаго. Получивъ это повелѣніе, я не могъ уже брать съ собою храбрую пѣхоту мою, состоявшую еще изъ ста-семидесяти-семи рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ; я потому, разставшись съ нею на дорогѣ отъ

Гаврикова, отправилъ ее въ Рославль къ начальнику ополченія Калужской губерніи.

Теперь я коснусь одного случая, навлекающаго проклятіе на одного русскаго гражданина. Но долгъ мой говорить откровенно обо всемъ томъ, чтò я дѣлалъ, въ чемъ я кому либо содѣйствовалъ, о тѣхъ, которые мнѣ безкорыстно помогали, и о всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Пусть оцѣнятъ заслуги каждаго.

Около Дорогобужа явился ко мнѣ отставной Московскаго гренадерскаго полка подполковникъ Маслениковъ, въ оборванномъ мужичьемъ кафтанѣ и лаптяхъ. Будучи знакомъ съ самаго дѣтства съ Храповицкимъ, свиданіе ихъ было дружеское; вопросы, относящіеся къ современнымъ обстоятельствамъ, слѣдовали одинъ за другимъ. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи: не успѣвъ выѣхать изъ своего села, онъ былъ захваченъ и ограбленъ непріятелемъ и только тѣмъ успѣлъ спасти послѣднее свое имущество, что досталъ себѣ отъ губернатора города Вязьмы охранный листъ. Зная изъ многихъ опытовъ малую пользу, доставляемую подобными охранными листами, мы однако полюбопытствовали видѣть этотъ листъ. Каково было наше удивленіе, когда мы изъ него увидѣли, что господинъ Маслениковъ освобождается даже отъ всякаго постоя и реквизиціи въ уваженіе обязанности, принятой имъ добровольно на себя, продовольствовать французовъ, какъ находящихся въ Вязьмѣ, такъ и проходившихъ чрезъ нее. Замѣтивъ наше удивленіе, онъ не безъ замѣшательства спѣшилъ увѣрить насъ, что эта статья клонится лишь къ вѣрнѣйшему охраненію его отъ грабительства, и что онъ никогда и ничѣмъ не снабжалъ французовъ. Сердца наши готовы были его извинить: хотя русскій родомъ, онъ могъ быть слабѣе духомъ, болѣе привязанъ къ своей собственности и потому охотнѣе расположенъ ухватиться за всякія средства, могшія спасти его имущество. Мы замолчали; онъ же, пригласивъ насъ на слѣдующій день къ себѣ на завтракъ, самъ отправился въ село свое, чрезъ которое намъ надлежало проходить. На разсвѣтѣ избу мою окружали просители; болѣе двухсотъ

окрестныхъ крестьянъ пали къ ногамъ моимъ съ жалобой на Масленикова, говоря: „Ты увидишь, кормилецъ, его село, ни одинъ хранцъ (то есть франць или французъ) до него не дотронулся, потому что онъ съ хранцами же грабилъ насъ и посылалъ все въ Вязьму—всѣхъ разорилъ, ни синь пороху не оставилъ“. Это насъ всѣхъ взорвало. Но опасаясь, чтобы просители не учинили расправы сами собою и чрезъ то не подали бы дурнаго примѣра сосѣднимъ деревнямъ, я убѣждалъ ихъ терпѣть и уповать на милость Божію; я, словомъ, употреблялъ всѣ въ такомъ случаѣ употребляемыя успокоительныя средства, столь мало успокоивающія! Но нѣтъ логики для оправданія похищенія собственности; голодный сытаго не разумѣетъ. Пріѣхавъ къ Масленикову, намъ казалось, что мы вступили на благословенный островъ, до котораго не коснулся общій потопъ. Церковь, домъ, избы и крестьяне, все было въ цвѣтущемъ положеніи; доносъ казался справедливымъ, но я, желая еще болѣе удостовѣриться въ томъ, рѣшился переступить за порогъ сего гостепріимнаго грабителя. Между тѣмъ товарищи мои сѣли за сытный завтракъ, я же не ѣлъ, молчалъ и даже отворачивался при малѣйшихъ учтивостяхъ хозяина, который, чувствуя свою вину и видя меня сумрачнымъ и безмолвнымъ, истощался во вниманіяхъ ко мнѣ. Послѣ завтрака, разсказывая намъ о грабительствѣ французовъ, онъ повторилъ, сколько онъ пострадалъ во время ихъ пребыванія, и въ доказательство этого показалъ намъ одну горницу, вѣроятно, приготовленную для того, чтобы хотя нѣсколько оправдать себя. Въ ней всѣ мебели были разломаны, обои оборваны и пухъ разбросанъ по полу. „Вотъ“, говорилъ онъ, „вотъ что злодѣи надѣлали!“ Мы всѣ молчали и, поклонясь ему, вышли на улицу съ тѣмъ, чтобы сѣсть на коней и слѣдовать далѣе. Маслениковъ провожалъ насъ, благодарилъ за посѣщеніе и пенялъ мнѣ за то, что я не принялъ его хлѣба и соли. Въ это самое время снова показалась на улицѣ та же толпа просителей и бросилась къ ногамъ моимъ, повторяя жалобы, мнѣ уже прежде принесенныя. Я велѣлъ Масленикову оправдываться; но онъ не могъ ничего

другаго представить, какъ то, что крестьяне эти—измѣнники, бунтовщики, разбойники, мошенники и проч.; всѣ эти прозвища не были ими заслужены и не могли оправдать его самого. Я, возвися голосъ, сказалъ: „Гласъ Божій—гласъ народа!“ При этомъ разругавъ его въ выраженіяхъ весьма сильныхъ, я избавилъ его лишь отъ заслуженнаго имъ тѣлеснаго наказанія. Выговоривъ все то, что было у меня на сердцѣ, я хотѣлъ садиться на коня, но передній изъ крестьянъ началъ требовать возврата всего похищеннаго. Дабы разомъ кончить со всѣми этими жалобами, которыхъ разбирать мнѣ было некогда, я обратился къ другому роду логики; взявъ его за бороду, я сердито и грозно сказалъ ему: „Врешь, этого быть не можетъ. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано французами,—гдѣ его взять? мы всѣ потерпѣли отъ нашествія враговъ,—но что̀ Богъ взялъ, то Богъ и отдаетъ. Ступайте по домамъ, будьте довольны тѣмъ, что этотъ негодяй, за недостаткомъ документовъ, разруганъ какъ никогда никого не ругали, и чтобы я ни жалобъ, ни шуму, ни отъ одного изъ васъ не слыхалъ—не то приду на расправу; пошелъ!“—Совѣсть меня упрекала въ томъ, что я не наказалъ строго Масленикова, но признаюсь, не имѣя вѣрныхъ документовъ, я не смѣлъ въ одно и то же время брать на себя роль и судьи и палача, хотя руки у меня сильно чесались.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ. Размѣщеніе отдѣльныхъ отрядовъ около 24-го и 25-го чиселъ, то-есть, во время нахожденія главной квартиры французской арміи въ Дорогобужѣ, было слѣдующее:

Князь Яшвиль, командовавшій отрядомъ Калужскаго ополченія, занялъ Ельню на обратномъ маршѣ въ Рославль. Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ съ Калужскимъ ополченіемъ, при шести орудіяхъ и трехъ казачьихъ полкахъ, находился также въ Рославлѣ.

Отрядъ графа Орлова-Денисова былъ на маршѣ отъ Вязьмы къ Колпитку и Волочекъ къ Соловьевой переправѣ. Партія моя вслѣдъ за ней на маршѣ изъ Гаврикова чрезъ Богородицкое и Дубосищево къ Смоленску.

Отрядъ графа Ожаровскаго отъ Юхнова и Знаменскаго на маршѣ чрезъ Балтутино въ Вердебяки. Партіи Фигнера и Сеславина отъ Вязьмы къ Смоленску вслѣдъ за моею партіей, но ближе къ главнымъ колоннамъ непріятельской арміи. Отрядъ атамана Платова вслѣдъ за арьергардомъ непріятеля около Семлева.

Отрядъ генерала Кутузова [1]) между Гжатью и Сычевкой въ направленіи къ Николѣ-Погорѣлову и къ Духовщинѣ. По тому же направленію, но ближе къ непріятелю находилась партія Ефремова.

Пока я покушался занять большую дорогу у села Рыбковъ и производилъ поискъ на Славково, графъ Орловъ-Денисовъ опередилъ меня, такъ что я едва усиленными переходами могъ догнать его 25-го числа въ селѣ Богородицкомъ и то уже въ минуту выступленія его къ Соловьевой переправѣ. Оставя мою партію на маршѣ, я явился къ графу съ рапортомъ. Онъ меня принялъ, хотя и ласково, но при всемъ томъ было весьма замѣтно, сколь непріятенъ былъ для него видъ подполковника, ускользнувшаго отъ владычества генералъ-адъютанта и пользовавшагося одинакими съ нимъ правами. Онъ приглашалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Соловьевой переправѣ, предсказывая и обѣщая мнѣ, если я не послѣдую за нимъ, несчастные успѣхи. Но я, зная лѣсистыя мѣста около Соловьева и бывъ убѣжденъ въ безполезности сего поиска, отказался, представивъ ему полученное мною повелѣніе итти къ Смоленску. Къ тому же, прибавилъ я, изнуреніе лошадей принуждаетъ меня дать, по крайней мѣрѣ, четырехъ-часовый отдыхъ. На сіе графъ, усмѣхнувшись, сказалъ: „Желаю вамъ спокойно отдыхать", и поскакалъ къ своему отряду, который уже вытягивался по дорогѣ. Я разсчелъ весьма вѣрно; покушеніе графа Орлова-Денисова было безуспѣшно, и онъ нашелся вынужденнымъ обратиться къ прежнему своему пути. Будь моя партія сильнѣе, онъ бы дорого заплатилъ за свою насмѣшку

---

[1]) Этотъ генералъ поступилъ на мѣсто генерала Винценгероде, взятаго въ плѣнъ посреди Москвы, во время выступленія изъ сей столицы французской арміи.

и долго бы помнилъ движеніе свое къ Соловьеву, ибо въ продолженіи этого времени я открылъ отрядъ генерала Ожеро въ Ляховѣ и могъ бы не раздѣлить съ нимъ славы въ побѣдѣ надъ непріятелемъ. Слѣдуя 26-го къ Дубосищамъ, я примѣтилъ, что авангардъ мой бросился въ погоню за конными французами. Вечернее время и туманная погода не позволили ясно разсмотрѣть силу непріятеля, почему я, стянувъ полки, велѣлъ взять дротики на перевѣсъ и двинулся рысью вслѣдъ за авангардомъ. Но едва вступилъ я въ маленькую деревушку, имя которой я забылъ, какъ увидалъ нѣсколько авангардныхъ казаковъ моихъ, ведущихъ ко мнѣ лейбъ-жандармовъ французскихъ (Gendarmes d'élite). Они объявили мнѣ, что принадлежатъ къ корпусу Бараге-Дилье, расположенному между Смоленскомъ и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на видъ, что ихъ обязанность не сражаться, а сохранять лишь порядокъ въ арміи. Я отвѣчалъ имъ: „Вы вооружены, французы, и находитесь въ Россіи, слѣдовательно молчите и повинуйтесь". Обезоруживъ ихъ и приставивъ къ нимъ караулъ, я приказалъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать ихъ въ главную квартиру, а такъ какъ было уже поздно, то мы, разставивъ посты, расположились на ночлегъ. Спустя часъ времени соединились съ нами Сеславинъ и Фигнеръ [1]). Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши стали, ви-

---

[1]) Фигнеръ и Сеславинъ, какъ артиллеристы, были безгранично преданы А. П. Ермолову, къ которому въ арміи, а особенно въ артиллеріи, питали глубокое уваженіе и любовь за его замѣчательный умъ, постоянно веселый нравъ и ласковое со всѣми обращеніе. На записку Ермолова, заключавшую въ себѣ: «Смерть врагамъ, преступившимъ рубежъ Россіи», Фигнеръ отвѣчалъ: «Я не стану обременять плѣнными». Фигнеръ и Сеславинъ, пріѣзжая въ главную квартиру, останавливались у Ермолова, который, шутя, не разъ говорилъ: «Вы, право, обращаете мою квартиру въ вертепъ разбойниковъ». Въ самомъ дѣлѣ, близъ его квартиры часто находились партіи этихъ партизановъ въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ. При Тарутинѣ Фигнеръ не разъ показывалъ ту точку въ срединѣ непріятельскаго лагеря, гдѣ онъ намѣревался находиться въ слѣдующій день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ, переодѣтый во французскій мундиръ, находился въ срединѣ непріятельскаго лагеря и обозрѣвалъ его расположеніе. Это повторялось не разъ.

димо, измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священною радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ казакамъ, еще, по его мнѣнію, ненатравленнымъ. Не могу выразить того, что̀ я почувствовалъ при этихъ словахъ — красивыя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предпріимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, всѣ эти качества необыкновеннаго воина, я, съ сожалѣніемъ, сказалъ ему: „Не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героизмъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ него они мертвый капиталъ; я, какъ русскій, желалъ бы, чтобы у насъ было бы побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ“. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: „Развѣ ты не разстрѣливаешь?“ „Да“, сказалъ я, „разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ грабитель храма Божія“. „Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?“ сказалъ онъ. Я отвѣчалъ: „никогда, вели хоть тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ“. „Ну, такъ походимъ вмѣстѣ“, сказалъ онъ, „и ты вѣрно бросишь эти предразсудки“. „Если солдатская честь и состраданіе къ несчастію суть предразсудки“, сказалъ я, „то я съ ними умру“. Мы замолчали. Опасаясь однако, чтобы онъ не велѣлъ тайно ночью похитить плѣнныхъ, я, подъ предлогомъ отдачи приказаній, вышелъ изъ избы и секретно приказалъ удвоить стражу, поручивъ надзоръ за ними уряднику, а послѣ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру. Въ ночь возвратились мои разъѣздные, посланные къ селу Ляхову, и увѣдомили меня, что какъ въ немъ, такъ и въ Язвинѣ, находятся два сильныхъ непріятельскихъ отряда, что̀ мнѣ подтвердилъ и приведенный ими плѣнный, увѣряя, что въ первомъ селѣ стоитъ генералъ Ожеро̀ съ 2000 человѣкъ пѣхоты и частью кавалеріи. Мы рѣшились атаковать Ляхово. Но такъ какъ всѣ три партіи не составляли болѣе

1200 человѣкъ разнаго сбора конницы, восьмидесяти егерей 20-го егерскаго полка и четырехъ орудій, то я предложилъ пригласить, для нанесенія вѣрнѣйшаго удара, графа Орлова-Денисова, котораго партія состояла изъ шести полковъ казачьихъ и Нѣжинскаго драгунскаго полка, хотя слабаго, но ѐще годнаго для занятія какого-нибудь возвышенія. Немедленно я послалъ къ графу слѣдующее письмо: „Изъ встрѣчи и разлуки нашей, я примѣтилъ, графъ, что вы считаете меня непримиримымъ врагомъ всякаго начальства; кто безъ честолюбія и самолюбія? Я, при малыхъ дарованіяхъ своихъ, предпочитаю быть первымъ, а не вторымъ; но честолюбіе мое простирается до черты общей пользы. Вотъ вамъ примѣръ: я открылъ въ селѣ Ляховѣ непріятеля. Сеславинъ, Фигнеръ и я соединились. Мы готовы драться, но дѣло не въ дракѣ, а въ успѣхѣ. У насъ не болѣе 1200 человѣкъ конницы, а у французовъ 2000 пѣхоты и еще свѣжей. Поспѣшите къ намъ въ Бѣлкино, возьмите насъ подъ свое начальство—и ура! съ Богомъ!"

27-го числа мы были на маршѣ, и я вечеромъ получилъ отъ графа отвѣтъ. Онъ писалъ: „Увѣдомленіе о движеніи вашемъ на Бѣлкино я получилъ. Вслѣдъ за симъ, и я слѣдую для нападенія на непріятеля; но кажется мнѣ, что атака наша, безъ присоединенія ко мнѣ командированныхъ мною трехъ полковъ (которые прибыть должны черезъ два часа) будетъ не навѣрная, а потому не худо бы намъ дождаться и дѣйствовать всѣми силами".

28-го, по утру, Фигнеръ, Сеславинъ и я пріѣхали въ одну деревушку, занимаемую полкомъ Чеченскаго, верстахъ въ двухъ отъ Бѣлкина. Вдали было видно Ляхово, вокругъ села бивакн; нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами, болѣе ничего нельзя было замѣтить. Спустя полчаса времени, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ въ числѣ сорока человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей предосторожности по направленію къ Таращинѣ. Чеченскій послалъ лощиною и въ тылъ имъ сотню казаковъ своихъ; фуражиры примѣтили ихъ, когда уже было поздно. Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ, бо̀льшая же часть, вмѣстѣ

съ офицеромъ (адъютантомъ генерала Ожеро), сдалась въ плѣнъ. Они подтвердили намъ извѣстіе о корпусѣ Бараге-Дилье и объ отрядѣ генерала Ожеро, которые, не взирая на слѣдованіе отряда графа Ожаровскаго чрезъ Балтутино на Рославскую дорогу остались неподвижными, хотя Болтутино отъ Ляхова не болѣе какъ въ семнадцати, а отъ Язвина въ девяти верстахъ. Вскорѣ изъ Бѣлкина подошла ко мнѣ вся моя партія и графъ Орловъ-Денисовъ явился на лихомъ конѣ съ вѣстовымъ изъ гвардейскихъ казаковъ. Онъ извѣстилъ насъ, что командированные имъ три полка прибыли, и что вся его партія приближается. Поговоря со мною о томъ, какъ и съ которой стороны будетъ направлена атака, онъ повернулся къ Фигнеру и Сеславину, которыхъ партіи еще не прибыли на мѣсто, и сказалъ: „Я надѣюсь, господа, что вы насъ поддержите". Я предупредилъ отвѣтъ ихъ: „Я за нихъ отвѣчаю, графъ, русскіе не выдаютъ русскихъ." Сеславинъ согласился отъ всего сердца, но Фигнеръ противъ воли, ибо любилъ одинъ подвергаться опасностямъ, которыя для него были родною стихіей; онъ всегда презиралъ опасности, но любилъ извлекать изъ нихъ собственную пользу. Спустя часъ времени, всѣ партіи наши соединились, кромѣ восьмидесяти егерей Сеславина; а такъ какъ мнѣ была поручена честь вести передовыя войска, то я, до прибытія егерей, велѣлъ выбрать въ стрѣлки казаковъ, снабженныхъ ружьями, и двинулся къ Ляхову; за мною слѣдовали всѣ прочія партіи. Направленіе наше было на перерѣзъ Смоленской дорогѣ, дабы совершенно преградить отступленіе отряду Ожеро, который хотѣлъ итти на соединеніе съ Бараге-Дилье, занимавшимъ Долгомостье. Едва начали мы вытягиваться и подвигаться къ Ляхову, все пришло тамъ въ смятеніе. Мы услышали барабаны и ясно видѣли, какъ отрядъ становился въ ружье; стрѣлки, отдѣлясь отъ своихъ колоннъ, выбѣгали изъ избъ къ намъ на встрѣчу. Я немедленно спѣшилъ казаковъ моихъ и завязалъ дѣло. Полкъ Попова 13-го и партизанскую мою команду я развернулъ на лѣвомъ флангѣ спѣшенныхъ казаковъ, чтобы закрыть этимъ движеніе подвига-

вшихся войскъ нашихъ, а Чеченскаго съ его полкомъ послалъ на Ельнскую дорогу, чтобы пресѣчь сообщеніе съ Ясминымъ, гдѣ находился другой отрядъ непріятеля. Послѣдствія оправдали эту мѣру. Сеславинъ, прискакавъ къ моимъ стрѣлкамъ съ орудіями, открылъ изъ нихъ огонь по непріятельскимъ колоннамъ, выходившимъ изъ Ляхова; онъ придвинулъ гусаръ своихъ для прикрытія стрѣлковъ и орудій; партіи его и Фигнера построились позади этого прикрытія. Графъ Орловъ-Денисовъ расположилъ отрядъ свой на правомъ флангѣ партій Фигнера и Сеславина и послалъ разъѣзды по дорогѣ въ Долгомостье. Непріятель, не взирая на пушечные выстрѣлы, выходя изъ села, усиливалъ стрѣлковъ, занимавшихъ болотистый лѣсъ, примыкающій къ селу, и атаковалъ главными силами своими нашъ правый флангъ. Сеславинъ смѣнилъ пѣшихъ казаковъ прибывшими егерями своими, и въ то же самое время приказалъ ахтырскимъ гусарамъ, находившимся подъ командою ротмистра Горскина, ударить на непріятельскую конницу, намѣревавшуюся атаковать нашихъ стрѣлковъ. Горскинъ, опрокинувъ эту конницу, вогналъ ее въ болото. Стрѣлки наши бросились за Горскинымъ и начали занимать лѣсъ; стрѣлки же непріятельскіе стали очищать его и стягиваться въ чистомъ полѣ близъ праваго фланга своего. Тогда Литовскаго уланскаго полка поручикъ Лизогубъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, разсыпалъ своихъ уланъ и ударилъ на нихъ. Проѣзжая въ то время вдоль по линіи съ праваго фланга на лѣвый, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая:

Одинъ изъ уланъ, съ саблею въ рукѣ, гнался за французскимъ егеремъ. Каждый разъ какъ егерь прицѣливался, уланъ отъѣзжалъ въ сторону и вновь начиналъ преслѣдовать, когда егерь обращался въ бѣгство. Замѣтивъ это, я закричалъ улану: „Уланъ, стыдно!“ Не отвѣтивъ ни слова, онъ поворотилъ лошадь, выдержалъ выстрѣлъ французскаго егеря, бросился на него и разсѣкъ ему голову. Послѣ сего, подъѣхавъ ко мнѣ, онъ спросилъ меня: „Теперь довольны ли, ваше высокоблагородіе?“ и въ эту минуту охнулъ: какая-то бѣшеная пуля перебила ему правую ногу. Весьма странно то, что сей

улань, получивъ за этотъ подвигъ георгіевскій знакъ, не могъ носить его. Онъ былъ бердичевскій еврей, завербованный въ уланы. Этотъ случай оправдываетъ то мнѣніе, что нѣтъ такого рода людей, которые бы не увлекались честолюбіемъ и, слѣдовательно, не были бы способны къ военной службѣ.

Пріѣхавъ на лѣвый флангъ, мнѣ представили взятаго Чеченскимъ въ плѣнъ криваго гусарскаго ротмистра, посланнаго въ Ясмино съ увѣдомленіемъ, что Ляховскій отрядъ атакованъ, и просьбой спѣшить къ нему на помощь. Между тѣмъ Чеченскій донесъ мнѣ, что онъ, прогнавъ обратно въ село выходившую противъ него непріятельскую кавалерію, пресѣкъ совершенно путь къ Ясмину; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ приказанія на счетъ сотни человѣкъ непріятельской пѣхоты, засѣвшей въ отдѣльныхъ отъ села сараяхъ. Я велѣлъ жечь сараи,—исчадье Чингисханово сожигаетъ сараи съ французами!

Между тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ былъ увѣдомленъ, что двухтысячная колонна спѣшитъ по дорогѣ отъ Долгомостья въ тылъ нашимъ отрядамъ, и что наблюдательныя его войска, выставленныя на этой дорогѣ, поспѣшно отступаютъ. Графъ, оставя насъ довершить пораженіе Ожеро, немедленно обратился съ своимъ отрядомъ на непріятельскихъ кирасиръ, которыхъ недалеко отъ насъ атаковалъ и разсѣялъ; отрядивъ полковника Быхалова съ частью отряда своего, для преслѣдованія ихъ къ Долгомостью, онъ самъ возвратился къ намъ подъ Ляхово. Наступилъ уже вечеръ. Ляхово въ разныхъ мѣстахъ горѣло, перестрѣлка же все еще продолжалась. Я увѣренъ, что если бы при наступленіи ночи генералъ Ожеро свернулъ войска свои въ одну колонну, въ срединѣ которой онъ помѣстилъ бы всѣ тяжести отряда своего, и двинулся въ такомъ порядкѣ большою дорогою къ Долгомостью и къ Смоленску, всѣ наши покушенія остались бы, вѣроятно, тщетными. Намъ оставалось бы лишь конвоировать его до корпуса Бараге-Дилье и послѣ ихъ соединенія откланяться имъ. Вмѣсто того мы услыхали барабанный бой впереди стрѣлковой линіи и увидали подвигавшагося къ намъ парламентера. Въ это время я устанавливалъ на лѣвомъ моемъ флангѣ между

отдѣльными избами присланное мнѣ отъ Сеславина орудіе и готовился стрѣлять картечью. Графъ Орловъ-Денисовъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я прекратилъ дѣйствіе и далъ бы о томъ знать Чеченскому, потому что Фигнеръ отправился уже перламентеромъ въ Ляхово къ Ожеро. Переговоры продолжались болѣе часа. Послѣдствіемъ ихъ было сдача 2000 рядовыхъ, шестидесяти офицеровъ и одного генерала военноплѣнными. Наступила ночь, морозъ усилился, Ляхово пылало; войска наши, не слѣзая съ коней, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой проходили обезоруженныя французскія войска, освѣщаемыя заревомъ пожара. Болтовня французовъ не умолкала: они ругали морозъ, своего генерала, Россію, насъ; но слова Фигнера: „filez, filez" (пошелъ, пошелъ), покрывали ихъ нескромные разговоры. Наконецъ Ляхово очистилось, плѣнные отведены были въ ближнюю деревеньку, которой я забылъ имя, и мы прибыли туда же вслѣдъ за ними. При этомъ случаѣ мы забыли слова Цезаря: „что не додѣлано, то не сдѣлано". Мы должны были немедленно итти къ Долгомостью противъ Бараге-Дилье, встревоженнаго разбитіемъ своихъ кирасиръ, или обратиться на отрядъ, стоявшій въ Ясминѣ; утомившись до крайности, мы всѣ легли спать и, проснувшись въ четыре часа утра, вздумали писать реляцію, которая, какъ будто въ наказаніе за нашу лѣнь, не послужила намъ въ пользу. Фигнеръ былъ отправленъ къ государю императору съ извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ, о которомъ самъ свѣтлѣйшій своеручно прибавилъ: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней кампаніи непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе".

29-го партія моя прибыла въ Долгомостье и тотъ же день пошла къ Смоленску. Я дѣлалъ поиски между дорогами Ельнской и Мстиславской, то-есть, между корпусами Жюно и Понятовскаго, которые на другой день должны были выступить въ Манчино и Червонное. Этотъ поискъ доставилъ намъ шесть офицеровъ, сто-девяносто-шесть артиллеристовъ безъ орудій и до двухсотъ штукъ скота, употребляемыхъ для возки палубъ; но дѣло шло не о добычѣ, а намѣреніе мое переступало за черту

обыкновенныхъ партизанскихъ замысловъ: я предпринялъ это движеніе единственно съ тѣмъ, чтобы собственными глазами обозрѣть расположеніе непріятельской арміи и убѣдиться въ избранномъ ею направленіи. Я всегда былъ того мнѣнія, что она пойдетъ правымъ берегомъ Днѣпра на Катань, а не лѣвымъ на Красный; посмотрѣвъ на карту, можно сейчасъ замѣтить выгоду одного пути и опасность другаго, при движеніи нашей арміи къ Красному. Корпуса Жюно и Понятовскаго, хотя весьма слабые, были однако для меня камнемъ преткновенія; еслибъ я могъ безпрепятственно достигнуть Красненской дороги и тогда бы мнѣ нельзя было открыть болѣе того, что уже я открылъ на дорогѣ Ельненской и Мстиславской, ибо впослѣдствіи я узналъ, что бо́льшая часть непріятельской арміи находилась въ то время между Соловьевой переправой, Духовщиной и Смоленскомъ на правомъ берегу Днѣпра. На эту сторону прибыли только старая и молодая гвардіи, занявшія Смоленскъ, четыре кавалерійскіе корпуса, слитые въ одинъ и расположенные за Красненской дорогой у селенія Вельковичахъ, и два корпуса, между которыми я произвелъ свой поискъ. Такъ какъ оружіе было уже безполезно, я, обратившись къ дипломаціи, старался всѣми возможными изворотами вывѣдать отъ плѣнныхъ офицеровъ объ истинномъ намѣреніи Наполеона; но дипломація измѣнила мнѣ, ибо по отвѣтамъ, сдѣланнымъ мнѣ, оказалось, что всѣ эти офицеры были лишь безмолвные исполнители повелѣній главнаго начальства, и потому ничего не знали о главнѣйшихъ его предначертаніяхъ. Соименный мнѣ покоритель Индіи (Вакхъ, иначе Діонисій) подалъ мнѣ въ этомъ случаѣ руку помощи. Чарка за чаркой, влитыя въ глотки моихъ узниковъ, возбудили ихъ къ многоглаголанію. Одинъ изъ нихъ, находясь въ должности адъютанта при какомъ-то генералѣ, только что возвратился изъ Смоленска, куда онъ ѣздилъ за приказаніями, онъ потому слышалъ о распоряженіяхъ къ выступленію гвардіи изъ Краснаго. „Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“, говоритъ пословица; откровенность хлынула чрезъ край, и я все узналъ, что́ мнѣ нужно было, даже много лишняго. Онъ

не могъ къ столь любопытному извѣстію не припутать разсказовъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя я принужденъ былъ выслушать до тѣхъ поръ, пока мой витія не упалъ съ лошади. Это извѣстіе было слишкомъ важно, чтобы не поспѣшить увѣдомленіемъ о томъ главнокомандующему. Я потому въ ту же минуту послалъ курьера съ достаточнымъ прикрытіемъ по Мстиславской дорогѣ, близъ которой я полагалъ тогда найти главную квартиру. Оставшись одинъ противъ подходившихъ непріятельскихъ войскъ, я отвѣчалъ на стрѣльбу ихъ до тѣхъ поръ, пока превосходство непріятеля не принудило меня отступить по Мстиславской дорогѣ и провести ночь верстахъ въ пятнадцати отъ Смоленска. Въ этотъ день мы прошли, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ верстъ. Неожиданная встрѣча и отпоръ, встрѣченный мною во время движенія къ Смоленску, внушили мнѣ мысль достигнуть Краснаго [1]); къ тому же, бывъ обремененъ плѣнными и двумя-стами штуками скота, я хотѣлъ, сдавъ первыхъ, не оставить безъ употреб-

---

[1]) Сраженіе подъ Краснымъ, носящее у нѣкоторыхъ военныхъ писателей пышное наименованіе трехдневнаго боя, можетъ быть по всей справедливости названо лишь трехдневнымъ поискомъ на голодныхъ, полунагихъ французовъ; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды въ родѣ моего, но не главная армія. Цѣлыя толпы французовъ, при одномъ появленіи небольшихъ нашихъ отрядовъ на большой дорогѣ, поспѣшно бросали оружіе. Въ самомъ Красномъ имѣлъ пребываніе Милорадовичъ, у котораго квартировалъ лейбъ-гусарскаго полка полковникъ Александръ Львовичъ Давыдовъ. Толпа голодныхъ французовъ, въ числѣ почти 1000 человѣкъ, подъ предводительствомъ одного единоплеменника своего, служившаго нѣкогда у Давыдова въ должности повара, подступила къ квартирѣ Милорадовича. Появленіе этой толпы, умолявшей лишь о хлѣбѣ и одеждѣ, не мало всѣхъ сначала встревожило. Храбрый командиръ Московскаго драгунскаго полка полковникъ Николай Владиміровичъ Давыдовъ, называемый torse по причинѣ большаго количества полученныхъ имъ ранъ, ворвался въ средину французскаго баталіона, которому приказалъ положить оружіе. Утомленная лошадь его упала отъ истощенія среди баталіона, который тотчасъ исполнилъ его требованіе. Близъ Краснаго, адъютантъ Ермолова, Граббе взялъ въ плѣнъ мужественнаго и ученаго артиллерійскаго полковника Marion, который очень полюбилъ Ермолова. Когда въ 1815 году Ермолову было приказано обезоружить гарнизонъ Меца или, въ случаѣ его сопротивленія, овладѣть штурмомъ этой крѣпостью, комендантомъ былъ Marion. Почитая безполезнымъ обороняться, когда уже вся Франція была занята союзниками, онъ сдалъ Мецъ, гдѣ, принимая Ермолова какъ стараго пріятеля, онъ познакомилъ его съ своимъ семействомъ.

ленія послѣднихъ, особенно въ такое время, когда войска наши такъ сильно нуждались въ провіантѣ. Вслѣдствіе этого, я рѣшился приблизиться къ главной арміи и потомъ продолжать путь мой къ Красному. Это была съ моей стороны грубая ошибка. И подлинно, взявъ направленіе на Червонное и Манчино, гдѣ еще не было непріятеля, я могъ быть у Краснаго 1-го ноября, въ самый тотъ день, какъ дивизія Клапареда, прикрывавшая транспортъ трофеевъ, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила изъ Смоленска по этому направленію. Правда, что извѣстіе о томъ дошло до меня весьма поздно; къ тому же, не взирая на слабость этой дивизіи, она однако же была значительно сильнѣе моей партіи. Это впрочемъ не отговорка. Господствующая мысль партизановъ этой эпохи должна была состоять въ томъ, чтобы тѣснить, безпокоить, утомлять и, такъ сказать, жечь непрерывно и малымъ огнемъ непріятеля. Пройдя нѣсколько верстъ по Мстиславской дорогѣ, я встрѣтилъ лейбъ-гусарскій эскадронъ, командуемый штабсъ-ротмистромъ Акинфьевымъ, а въ восьми верстахъ далѣе нашелъ нѣсколько пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ для дневки. Какъ корсаръ, который послѣ долговременнаго крейсированія, открываетъ курящіеся берега родины, такъ и я съ великою радостью увидѣлъ биваки товарищей, такъ давно мною оставленныхъ. Берегъ! Берегъ! подумалъ я и бросился во всю прыть къ избѣ генерала Раевскаго. Пріемъ сего, съ дѣтства мною уважаемаго, человѣка былъ таковъ, какого я ожидалъ, но посѣтители его встрѣтили меня иначе; нѣкоторые изъ нихъ были тѣ самые, которые при вступленіи моемъ въ партизаны увѣряли меня, что я берусь не за свое дѣло, полагая его слишкомъ опаснымъ и не соотвѣтствующимъ моимъ способностямъ. Едва я поздоровался съ Раевскимъ и нѣкоторыми пріятелями моими, какъ начались улыбки, полунасмѣшливые взгляды и вопросы на счетъ двухмѣсячныхъ трудовъ моихъ. Боже мой, какъ высоко цѣнили они свои переѣзды отъ одного обѣда на другой по Тарутинской позиціи! Иные давали мнѣ чувствовать, что нѣтъ никакой опасности дѣйствовать въ тылу непріятеля, другіе, что доне-

сенія мои подвержены сомнѣнію; одни безмѣрно хвалили партизановъ прошедшихъ войнъ съ явнымъ намѣреніемъ хулить мои дѣйствія, нѣкоторые осуждали свѣтлѣйшаго за то, что даетъ мѣсто въ реляціяхъ дѣламъ недостойнымъ вниманія; словомъ, видно было, что имя мое выставленное въ нѣкоторыхъ объявленіяхъ того времени, сильно кололо глаза людямъ, искавшимъ въ тѣхъ же объявленіяхъ своихъ именъ. Огражденный чистой совѣстью и росписками на 3560 рядовыхъ и сорокъ-три штабъ и оберъ-офицера, взятыхъ мною отъ 2-го сентября до 23-го октября [1]), я самъ, съ своей стороны, смѣялся надъ моими недоброжелателями. Я желалъ лишь пользы Россіи, и чтобы каждый изъ нихъ могъ выручить имя свое изъ забвенія полученіемъ подобныхъ росписокъ.

Надѣливъ находившіяся тамъ голодныя войска отбитыми мною двумя-стами штуками скота, я ночевалъ, не помню въ какой-то деревушѣ, у генерала Раевскаго и передъ разсвѣтомъ выступилъ по направленію къ Красному.

Я догналъ 1-го ноября на походѣ колонну генерала Дохтурова и графа Маркова, которые въ то время заѣзжали въ какой-то господскій домъ для привала. Намѣреваясь дать вскорѣ отдыхъ партіи моей, я указалъ Храповицкому на ближнюю деревню и приказалъ ему остановиться въ ней часа на два; я самъ заѣхалъ къ генералу Дохтурову, пригласившему меня на походный завтракъ. Не прошло четверти часа времени, какъ Храповицкій прислалъ мнѣ казака съ извѣстіемъ, что свѣтлѣйшій меня требуетъ къ себѣ. Я никакъ не полагалъ столкнуться съ главною квартирою въ этомъ направленіи,

---

[1]) Атаманъ Платовъ прогремѣлъ въ Европѣ за подвиги, совершенные во время кампаніи 1807 года; предводительствуя отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ: десяти казачьихъ, 1-го егерскаго, Павлоградскаго гусарскаго и двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, онъ въ теченіе всей вышеозначенной кампаніи взялъ въ плѣнъ сто-тридцать-девять штабъ и оберъ офицеровъ и 4196 рядовыхъ. Соразмѣряя силу его отряда съ моею партіею, мнѣ слѣдовало бы взять лишь семьсотъ рядовыхъ и двадцать-три офицера. Отчего же число плѣнныхъ, взятыхъ моими двумя полками, почти равняется числу плѣнныхъ, взятыхъ двѣнадцатью полками атамана? Это потому только, что два полка мои дѣйствовали на сообщеніе непріятеля, а двѣнадцать полковъ атамана на фронтъ боевоіі его линіи.

но, такъ какъ заняться туалетомъ было некогда, я сѣлъ на коня и явился немедленно къ фельдмаршалу. Я нашелъ его въ избѣ. Передъ нимъ стояли Храповицкій и князь Кудашевъ. Увидя меня, свѣтлѣйшій подозвалъ къ себѣ и сказалъ: „Я еще лично не знакомъ съ тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу“. Онъ обнялъ меня и прибавилъ: „Удачные опыты твои доказали мнѣ пользу партизанской войны, которая нанесла, наноситъ и нанесетъ непріятелю много вреда“. Я, пользуясь ласковымъ его пріемомъ, просилъ извиненія въ томъ, что осмѣлился предстать предъ нимъ въ мужицкой моей одеждѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Въ народной войнѣ это необходимо, дѣйствуй, какъ ты дѣйствуешь головою и сердцемъ; мнѣ нужды нѣтъ, что одна покрыта шапкой, а не киверомъ, а другое бьется подъ армякомъ, а не подъ мундиромъ. Всему есть время, и ты будешь въ башмакахъ на придворныхъ балахъ“. Еще свѣтлѣйшій полчаса говорилъ со мною, разспрашивалъ меня о способахъ, мною употребленныхъ для образованія сельскаго ополченія, объ опасностяхъ, въ какихъ я находился, о мнѣніи моемъ на счетъ партизанскаго дѣйствія и прочемъ, но въ это время вошелъ полковникъ Толь съ картою и бумагами и мы вышли изъ избы. Я думалъ, что все кончено, и пошелъ обѣдать къ флигель-адъютанту графу Потоцкому—первѣйшему обжорѣ россійской арміи. Но едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ вошелъ въ избу лакей фельдмаршала и объявилъ мнѣ, что свѣтлѣйшій ожидаетъ меня къ столу. Я немедленно явился, и мы сѣли за столъ. Насъ было шесть человѣкъ: самъ свѣтлѣйшій [1]), Коновницынъ, князь Кудашевъ, Толь, я недостойный и одинъ какой-то генералъ, котораго имя и лице я забылъ. За обѣдомъ свѣтлѣйшій осыпалъ меня ласками, говорилъ о моихъ поискахъ, о стихахъ моихъ, о литературѣ вообще, о письмѣ, которое онъ въ тотъ день писалъ къ госпожѣ Сталь въ Петербургъ, спросилъ о моемъ отцѣ и о моей

[1]) Князь Кутузовъ, отличавшійся необыкновеннымъ даромъ слова, не умѣлъ однако хорошо излагать на бумагѣ свои мысли.

матери; отца онъ зналъ по его замѣчательному остроумію и разсказалъ нѣкоторыя остроты его, мнѣ даже неизвѣстныя; мать мою онъ не зналъ, но много говорилъ объ отцѣ ея, генералъ-поручикѣ Щербининѣ, который былъ намѣстникомъ трехъ губерній при Екатеринѣ. Послѣ обѣда я напомнилъ ему о моихъ подчиненныхъ; онъ отвѣчалъ мнѣ: „Богъ меня забудетъ, если я васъ забуду". Онъ велѣлъ подать о нихъ записку. Я ковалъ желѣзо, пока горячо, и представилъ каждаго офицера къ двумъ награжденіямъ. Свѣтлѣйшій безпрекословно все подписалъ, и я, откланявшись ему, поѣхалъ въ корчму сего села, гдѣ ожидали меня партія моя и братъ мой Евдокимъ, котораго я не видалъ съ самаго Бородина. Спустя два часа времени мы выступили въ Волково. Извѣщенный мною изъ-подъ Смоленска о рѣшительномъ направленіи всей французской арміи къ Красному, свѣтлѣйшій думалъ атаковать ее на маршѣ и направилъ армію къ окрестностямъ сего города.

Между 1-мъ и 4-мъ ноября расположеніе партизановъ было слѣдующее:

2-го графъ Орловъ-Денисовъ, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевскаго въ Толстякахъ; мы продолжали путь въ Хилтичи, куда прибыли къ ночи. Отдохнувъ три часа, мы пошли къ Мерлину.

3-го отрядъ графа Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленная партіею Фигнера [1]), къ Звѣровичамъ. Сего числа, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеснами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашею ордою все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части непріятельской колонны было таково,

---

[1]) Фигнеръ еще не прибылъ въ то время изъ Петербурга, куда, какъ уже я сказалъ, онъ посланъ былъ курьеромъ съ донесеніемъ о дѣлѣ при Ляховѣ.

что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухсотъ нижнихъ чиновъ, четыре орудія и множество обоза. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, Богъ знаетъ для чего при главной арміи слѣдовавшая, то врядъ ли эти колонны отошли бы съ столь малымъ урономъ, каковой они въ этотъ день потерпѣли. Командуя одними казаками, мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отстававшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимыми. Видя, что всѣ наши азіятскія атаки не оказываютъ никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя, я рѣшился подъ вечеръ послать полкъ Чеченскаго впередъ, чтобы ломать мостики, находящіеся на пути къ Красному, заваливать дорогу и стараться затруднить по возможности движеніе непріятеля. Я какъ теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала (Марту-

човича), множество обозовъ [1]) и до семи-сотъ плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ сто-пушечный корабль между рыбачьими лодками.

Вечеромъ Храповицкій едва не попался въ плѣнъ двигавшейся близъ дороги непріятельской кавалеріи, которую онъ принялъ за нашу; будучи весьма близорукъ, онъ подъѣхалъ къ самому фронту непріятельскому такъ близко, что могъ уже замѣтить мѣдные одноглавые орлы на киверахъ солдатъ и офицеровъ, и услыхать шопотъ ихъ. Онъ быстро бросился въ сторону; офицеры же стрѣляли по немъ изъ пистолетовъ, при чемъ ранили лошадь его, но такъ легко, что онъ успѣлъ невредимо перескочить, такъ сказать, чрезъ яръ, въ этомъ мѣстѣ находящійся, и присоединиться къ намъ. Здѣсь у Бекетова была убита лошадь и было ранено нѣсколько казаковъ.

Послѣ этого поиска мы отошли въ Хиличи, гдѣ графъ Орловъ-Денисовъ сдалъ отрядъ свой присланному на его мѣсто генералъ-маіору Бороздину. Изъ Хиличи я пошелъ въ Палкино и послалъ сильный разъѣздъ къ Горкамъ съ повелѣніемъ пробираться въ Ланники, куда я направился. Въ самый день нашего дѣла подъ Мирлинымъ, Сеславинъ напалъ на Боево и Ляды, гдѣ отбилъ два магазина и взялъ многихъ въ плѣнъ, но въ ту же ночь Ожаровскій былъ разбитъ въ селѣ Кутковѣ. Это было справедливое наказаніе за безполезное удовольствіе глядѣть на двигавшіяся непріятельскія войска и послѣ этого ночевать въ верстѣ отъ Краснаго: генералъ Роге, командовавшій молодою гвардіею, подошелъ къ Куткову въ то самое время, когда отрядъ Ожаровскаго предавался невинному сну, и разбудилъ его сильными со всѣхъ сторонъ ружейными выстрѣлами. Можно вообразить себѣ сумятицу, которая произведена была этимъ внезапнымъ пробужденіемъ! Всѣ усилія самого

[1]) Въ числѣ оныхъ взята была моими казаками карета господина Феня съ картами топографическаго кабинета Наполеона, съ рукописями и съ бумагами. Къ несчастью, я узналъ о томъ вечеромъ; подошедъ къ бивачному огню, я увидѣлъ, что всѣ эти сокровища пылали въ кострѣ. Все, что я могъ спасти—это карта Россіи господина Самсона на бѣлой веленевой бумагѣ и визитныя карточки, съ которыми господинъ Фенъ намѣревался разъѣзжать по Москвѣ; я потому узналъ, что все сіе принадлежитъ ему.

Ожаровскаго и полковника Вуича привести въ порядокъ дрогнувшія отъ страха и столпившіяся въ деревнѣ войска ихъ, были тщетны; къ счастію, Роге не имѣлъ съ собою кавалеріи что̀ дозволило Ожаровскому, отступивъ въ Кутково, собрать отрядъ свой и привести его въ порядокъ, съ потерей половины людей.

Въ ночь на 4-е онъ прибылъ въ Палкино, откуда я выступилъ чрезъ Боево къ Лядамъ. Около этого мѣста моя партія снова столкнулась съ французами. Тогда подходилъ къ Лядамъ корпусъ вице-короля Италіанскаго. Потеря, понесенная имъ между Смоленскимъ и Краснымъ, дозволила намъ отбить большое число обозовъ и взять четыреста-семьдесятъ-пять плѣнныхъ, между коими находилось нѣсколько офицеровъ. Ночью. на 6-е число, явились ко мнѣ въ Боево Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка маіоръ Ванслов и капитанъ Тарелкинъ, убѣжавшіе изъ плѣна, которые объявили мнѣ, что Наполеонъ при нихъ въѣхалъ въ Дубровну. Я отослалъ ихъ въ главную квартиру и въ три часа по полуночи выступилъ въ Ланники. Отъ самой Вязьмы образъ нашей жизни совершенно измѣнился. Мы вставали въ полночь, обѣдали въ два часа по полуночи такъ плотно, какъ горожане обѣдаютъ въ два часа по полудни. и въ три часа выступали въ походъ. Партія шла всегда вмѣстѣ, имѣя авангардъ, арьергардъ и еще одинъ отрядъ со стороны большой дороги, но всѣ сіи отдѣленія слѣдовали въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Я ѣхалъ между обоими полками иногда верхомъ, иногда въ по̀шевняхъ, которыя служили мнѣ ночью вмѣсто квартиры и кровати. Когда непріятель не былъ виденъ, то за полчаса до наступленія темноты оба полка спѣшивались и отъ того приходили на ночлегъ съ выгулявшимися лошадьми, коихъ немедленно становили къ корму. По принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, мы немедленно ложились спать и во второмъ часу садились снова за трапезу, потомъ на конь и снова пускались въ погоню. Кочевье на соломѣ подъ крышею неба, всевдневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи

своей, пользуюсь полнымъ спокойствіямъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ!..... но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами и грудь, полная надеждъ, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ?

По отступленіи непріятеля отъ Краснаго, размѣщеніе партизановъ было слѣдующее: отрядъ Бороздина, занявъ Ляды 7-го и Дубровну 8-го, шелъ къ Оршѣ. Отрядъ графа Ожаровскаго, пройдя возлѣ большой дороги отъ Нейкова до Казяковъ, обратился къ Горкамъ.

9-го Сеславинъ изъ селенія Грѣхова, что̀ около Корытни, шелъ по направленію къ Копысу. Какъ тотъ, та̀къ и другой, имѣли намѣреніе атаковать кавалерійское депо, о которомъ я узналъ только въ Ланникахъ чрезъ разъѣздныхъ, посланныхъ мною изъ Палкина въ Горки.

Въ ночь на 6-е число, разъѣздные мои, посланные въ селеніе Сыву, перехватили рапортъ на имя маршала Бертье отъ начальника означеннаго депо маіора Бланкара. Узнавъ о числѣ войскъ его изъ вѣдомости, приложенной при рапортѣ, я разсудилъ, что поиски, предпринимаемые партизанами противъ отступающихъ колоннъ главной арміи, не могутъ быть всегда удачны; нападеніе же на отдѣльную какую либо часть французской арміи, каково кавалерійское депо, надлежитъ произвести съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, дабы тѣмъ лишить непріятельскую кавалерію лучшихъ всадниковъ, а генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ арміи—ихъ имущества. Это понудило меня, во-первыхъ, отсрочить нападеніе на депо, которое было вчетверо сильнѣе моей партіи, во-вторыхъ, отослать тотчасъ перехваченныя мною бумаги въ главную квартиру, подходившую тогда къ Романову (въ шестнадцати верстахъ отъ Ланниковъ), въ третьихъ, просить у свѣтлѣйшаго одного полка пѣхоты и двухъ орудій на подкрѣпленіе и наконецъ, въ четвертыхъ, употребить всѣ способы до прибытія требуемыхъ мною войскъ, дабы не потерять изъ виду означенное депо, и въ случаѣ движенія его за Днѣпръ, напасть на него съ тѣми средствами, какими я могъ располагать.

Въ ночь на 8-е число, расположенная мною по дорогѣ изъ Орши въ Горки, засада перехватила курьера и жида [1]), посланныхъ отъ маршала Бертье къ Бланкару съ повелѣніемъ поспѣшно слѣдовать за Днѣпръ. Въ ту же минуту дали мнѣ знать, что одинъ изъ разъѣздовъ моихъ, слѣдовавшій изъ Савы къ Горкамъ, вступивъ безпрепятственно въ это мѣстечко, встрѣтилъ лишь здѣсь отрядъ графа Ожаровскаго; по извѣстіямъ, сообщеннымъ жителями, непріятель двинулся къ Копысу. Мы немедленно пустились, чрезъ Горяны и Бабиники, къ сему же городу. На походѣ узналъ я, что депо прибыло въ Копысъ и заняло его, съ соблюденіемъ всей воинской предосторожности, половиннымъ числомъ пѣшихъ кавалеристовъ, дабы на слѣдующій день прикрыть ими переправу тягостей, охраняемыхъ другою половиною отряда. Это обстоятельство понудило меня скрытно остановиться въ шести верстахъ отъ Копыса, при селѣ Сметанкѣ, съ намѣреніемъ предпринять нападеніе лишь по переправѣ половины депо чрезъ рѣку и тогда разбить по частямъ оба отдѣленія отряда. Днѣпръ не былъ еще покрытъ льдомъ, одни края его начинали слегка замерзать.

9-го, по утру, мы помчались къ Копысу. Почти половина депо была уже на противоположномъ берегу; другая же половина, оставшаяся на этой сторонѣ рѣки, намѣревалась сначала защищаться противъ вскакавшихъ въ главную улицу моихъ гусаръ и донскаго Попова 13-го полка; но едва Чеченскій съ Бугскимъ полкомъ, пробравшись вдоль берега, явился въ тылу ея, среди города и у переправы, все поспѣшило бросать оружіе, рѣзать пристяжки у повозочныхъ лошадей и переправляться вплавь, гдѣ попало. Рѣка мгновенно покрылась плывущими и утопающими людьми и лошадьми; берега ея и самая рѣка были завалены фурами, каретами и колясками, въ улицахъ началась сильная рѣзня и погоня, а съ противнаго берега открыли по насъ сильный ружейный огонь. Желая дать

---

[1]) Этотъ жидъ имѣлъ на себѣ дубликатъ, ибо такое же повелѣніе несъ на себѣ другой жидъ, котораго перехватилъ Сеславинъ.

время разсыпавшимся по городу казакамъ моимъ окончательно очистить улицы отъ непріятеля, я остановился съ резервомъ на площади у самаго берега и велѣлъ привести къ себѣ французскаго мера. По дошедшимъ до меня слухамъ, онъ, желая угодить полякамъ, притѣснялъ и даже убивалъ нашихъ плѣнныхъ. Ко мнѣ привели какого-то рябого и средняго роста человѣка; онъ чистымъ русскимъ языкомъ просилъ позволенія объясниться со мною; въ то же время жена его съ престарѣлою матерью своей, бросившись къ моимъ ногамъ, просила о его помилованіи. Такъ какъ пули осыпали насъ, я имъ сказалъ, что тутъ не ихъ мѣсто; я просилъ ихъ удалиться, давъ честное слово, что господинъ Поповъ (такъ звали сего мнимаго мера) ни мало не пострадаетъ, если будетъ обнаружена его невинность, но между тѣмъ до окончанія дѣла я приставилъ къ нему караулъ. Вскорѣ наѣздники мои очистили городъ отъ непріятеля. Собравъ свои полки, я, не взирая на огонь съ противоположнаго берега, пустился двумя колоннами вплавь чрезъ Днѣпръ, стараясь при этомъ охватить справа и слѣва линію стрѣлковъ, защищавшихъ переправу. Мы еще не достигли берега, какъ бо̀льшая часть изъ нихъ стала бросать оружіе и кричать, что они сдаются. Переправившись, я отрядилъ сотню казаковъ для забранія плѣнныхъ и тѣхъ, которые, скрывшись въ Александріи [1]), бѣжали въ безпорядкѣ по столбовой Бѣлорусской дорогѣ. Вся партія моя пустилась въ погоню за депо, направленіе котораго указывали намъ брошенныя фуры, повозки и пѣшеходы, отставшіе отъ главной массы, заключавшей въ себѣ уже не болѣе двухсотъ-пятидесяти рядовыхъ и офицеровъ; все прочее разбѣжалось по лѣсамъ и погибло въ рѣкѣ, будучи частью убито казаками, частью захвачено ими въ плѣнъ; этихъ послѣднихъ было до шестисотъ рядовыхъ при десяти офицерахъ. Прекративъ преслѣдованіе за нѣсколько верстъ отъ берега, я послалъ поручика Макарова съ десятью казаками по дорогѣ къ Толочину, а подполковника Храповицкаго съ сто-пятидесятью казаками къ

---

[1]) Село, отдѣленное Днѣпромъ отъ Копыса.

Шклову; возвратившись съ остальною частью партіи въ Копысъ, я удостовѣрился, что господинъ Поповъ не только не исполнялъ должности мера, но даже во время пребыванія здѣсь непріятеля скрывался съ семьею своею въ лѣсахъ. Видя невинность сего чиновника, я поручилъ ему временное завѣдываніе городомъ и приказалъ ему по прежнему открыть магистратъ; я вскорѣ отыскалъ истиннаго мера, котораго отослалъ въ главную квартиру съ описаніемъ неистовствъ, какія онъ себѣ дозволялъ относительно русскихъ плѣнныхъ. Чрезъ два часа прибылъ въ Копысъ казачій Шамшева полкъ съ стопятидесятью маріупольскими гусарами, подъ командою подполковника Павла Ржевскаго. Этотъ офицеръ извѣстилъ меня, что графъ Ожаровскій, не заставъ непріятеля въ Горкахъ и видя невозможность догнать его съ цѣлымъ отрядомъ, направилъ его къ Копысу; онъ самъ обратился къ Шклову, занимаемому, по дошедшимъ до него слухамъ, сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Хотя я зналъ достовѣрно, что въ Шкловѣ было не болѣе шестидесяти человѣкъ непріятеля, я не могъ чрезъ Ржевскаго не послать графу Ожаровскому новыхъ желаній побѣдъ и славы, и тѣмъ чистосердечнѣе, что результатъ сраженія съ шестидесятью человѣками не могъ быть сомнителенъ. Но, увы! Ожаровскому не удалось пожать новыхъ лавровъ, ибо, когда 10-го числа отрядъ его готовился уже переправляться чрезъ Днѣпръ для того, чтобы атаковать Шкловъ, Храповицкій явился къ нему и объявилъ, что онъ еще наканунѣ занялъ это мѣстечко своими казаками, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія Ржевскаго въ Копысъ, прибылъ туда же и Сеславинъ. Онъ немедленно переправился чрезъ Днѣпръ и, простоявъ въ Александріи до 11-го числа, выступилъ оттуда чрезъ Староселье, Круглое и Кучу, вслѣдъ за французскою арміею. Ожидая присоединенія отряда, посланнаго съ поручикомъ Макаровымъ къ Толочину, я былъ принужденъ пробыть въ Копысѣ лишній день. Здѣсь мы разстались съ мичманомъ Храповицкимъ, титулярнымъ совѣтникомъ Татариновымъ, землемѣромъ Макаровичемъ и Ѳедоромъ, приставщикъ

ко мнѣ изъ Царева-Займища. Исполнивъ священный свой долгъ, они обратно пошли къ себѣ на родину, на защиту которой столь славно вооружались. Исключая Храповицкаго, оба послѣдніе были бѣдные дворяне, а Ѳедоръ былъ лишь крестьяниномъ; какъ много возвышаются они надъ потомками тѣхъ древнихъ бояръ, которые, прорыскавъ два мѣсяца по московскому бульвару съ гремучими шпорами и съ густыми усами, бѣжали изъ Москвы въ отдаленныя губерніи! Пока достойные и незабвенные ихъ соотчичи подставляли грудь свою штыку враговъ отчизны, они, опрыскиваясь лишь духами, плясали тамъ на могилѣ отечества и спокойно ожидали извѣстія о исходѣ войны! Нѣкоторые изъ этихъ безславныхъ бѣглецовъ до сихъ поръ воспоминаютъ объ этой ужасной эпохѣ, какъ о счастливѣйшемъ времени ихъ жизни. Иначе оно и быть не можетъ. Какъ дѣйствительному статскому совѣтнику забыть генеральскіе эполеты, а регистратору — усы и шпоры?

12-го я получилъ повелѣніе оставить прикомандированный ко мнѣ 11-й егерскій полкъ на переправѣ при Копысѣ; я только изъ этой бумаги узналъ, что, вслѣдствіе моей просьбы, полкъ этотъ былъ прикомандированъ къ моей партіи. Я съ сожалѣніемъ передалъ ему полученное мною повелѣніе. Мы подходили къ лѣсистымъ берегамъ Березины, гдѣ пѣхота была необходима, но ее у меня отняли, что̀ было дѣлать? Я прибѣгнулъ къ прибывшему въ городъ генералу Милорадовичу, который снабдилъ меня на время двумя орудіями конной артиллеріи, чѣмъ мое положеніе нѣсколько поправилось. Съ вышеупомянутой бумагой получилъ я другую слѣдующаго содержанія: „Полагая генералъ-адъютанта Ожаровскаго весьма слабымъ, чтобы одному предпринять поиски на Могилевъ безъ генералъ-лейтенанта Шепелева, имѣете, ваше высокоблагородіе, немедленно присоединиться къ нему и состоять въ командѣ его до овладѣнія Могилевымъ. По овладѣніи же имъ, отдѣляясь отъ него, итти форсированными маршами къ мѣстечку Березинѣ, гдѣ остановиться, ибо, вѣроятно, около этого мѣста удастся вамъ многое перехватить и для того, прибывъ туда,

отрядить партію въ сторону Бобра и Игумна. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ. 11-го ноября. На маршѣ къ деревнѣ Лещи".—Эта бумага была мнѣ въ высшей степени непріятна. Я всегда былъ готовъ поступить подъ начальство всякаго, кого высшее начальство опредѣлило бы мнѣ въ начальники; скажу болѣе: подъ Ляховымъ и Мирлиномъ я самъ добровольно поступилъ въ команду къ графу Орлову-Денисову, ибо я видѣлъ въ томъ пользу службы, но тутъ обстоятельства были другого рода; отрядъ графа Ожаровскаго былъ довольно силенъ для овладѣнія Могилевымъ, если бы даже этотъ городъ и не былъ оставленъ 9-го числа непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ лишь изъ 1200 человѣкъ польскихъ войскъ [1]). Я ясно видѣлъ, что направленіе, данное мнѣ къ мѣстечку Нижнему Березину, и предписаніе наблюдать за непріятельскою арміею къ Бобру и Игумнамъ основывались на предположеніи, что она двинется къ Нижнему Березину и чрезъ это совершенно прекратится наше фланговое преслѣдованіе, принесшее намъ столько пользы; я, конечно, не въ состояніи былъ съ слабымъ моимъ отрядомъ преградить путь этой арміи. Рѣшась итти прямо на Шкловъ, Головино и Бѣлыничи, я объ этомъ заблаговременно извѣстилъ какъ графа Ожаровскаго, такъ и Коновницына, принявъ на себя отвѣтственность за ослушаніе.

13-го, къ ночи, партія моя прибыла въ Головнино, гдѣ мы узнали, что мѣстечко Бѣлыничи занято отрядомъ польскихъ войскъ, прикрывающимъ госпиталь, прибывшій туда изъ Нижняго Березина, по случаю появленія близъ этого мѣстечка отряда графа Орурка, отдѣлённаго отъ арміи Чичагова.

Мы 14-го, рано утромъ, выступили къ Бѣлыничамъ. На походѣ встрѣтили мы Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Казановича, который, полагая край сей очищеннымъ отъ непріятеля, ѣздилъ изъ полка къ родителямъ своимъ для свиданія съ ними, и, во время двухдневнаго пребыванія своего

---

[1]) Дивизіонный генералъ маркизъ Илорно или Алорно, португалецъ родомъ, былъ губернаторомъ въ Могилевѣ, который онъ оставилъ 9-го ноября и отошелъ въ Бобръ.

у нихъ, видѣлъ, какъ въ домъ родительскій являлся нѣсколько разъ непріятель изъ Бѣлынича. Узнавъ о моемъ приближеніи къ этому мѣстечку, онъ сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ на встрѣчу, чтобы извѣстить о пребываніи непріятеля въ мѣстечкѣ. Мѣстечко Бѣлыничи, принадлежащее князю Ксаверію Огинскому, лежитъ на возвышенномъ берегу Друцы, протекающей съ сѣвера къ югу. По дорогѣ отъ Шклова открывается плоское и обширное поле. За мѣстечкомъ существуетъ чрезъ Друцу одинъ довольно длинный мостъ по той причинѣ, что берега ея болотисты. За мостомъ, на пути къ мѣстечку Есмонамъ, частые холмы, покрытые лѣсомъ; отъ Есмоновъ до Березины почти непрерывный лѣсъ. Мы подвигались рысью; непріятельская кавалерія, выѣхавшая изъ Бѣлыничъ, была немедленно опрокинута подполковникомъ Храповицкимъ и маіоромъ Чеченскимъ, вогнавшими ее въ мѣстечко, занятое двумя сильными баталіонами пѣхоты. Увлекшись преслѣдованіемъ, они доскакали до мѣстечка, гдѣ ихъ встрѣтили, какъ слѣдуетъ встрѣчать враговъ, когда имѣешь намѣреніе честно исполнить свой долгъ. Видя невозможность пробиться сквозь мѣстечко, я думалъ, что можно обойти его справа со стороны фольварка Фойны, но вскорѣ убѣдился, что, по причинѣ оттепели и болотистыхъ береговъ рѣки, мы встрѣтимъ здѣсь еще болѣе препятствій. Это побудило меня ворваться въ главную улицу. Чтобы облегчить это предпріятіе, я приказалъ открыть огонь изъ орудій вдоль по главной улицѣ. Непріятельская колонна разступилась направо и налѣво, но, пользуясь искусно мѣстностью, она не переставала преграждать намъ путь частымъ ружейнымъ огнемъ, направленнымъ изъ-за избъ, плетней и заборовъ. Я, хотя и не легко прихожу въ отчаяніе, но тутъ не могъ не упасть духомъ. Тщетно старался я вытѣснить непріятеля изъ избранной имъ засады; люди и лошади наши, не будучи въ состояніи подвигаться, падали подъ смертоносным огнемъ непріятеля. Я увидалъ предъ собой свой собственный аркольскій мостъ! Однако медлить было некогда; съ часу на часъ графъ Ожаровскій могъ прибыть изъ Могилева, и, при помощи своей пѣхоты, похитить у меня лав-

ровый листокъ, за который уже я хватался рукой! Братъ мой Левъ [1]), будучи моложе всѣхъ, былъ менѣе другихъ способенъ покориться необходимости. Онъ съ отборными казаками пустился вдоль улицы, и, не взирая на градъ пуль, осыпавшихъ его и казаковъ, съ нимъ скакавшихъ, ударилъ на резервъ, показавшійся въ срединѣ улицы, и погналъ его къ мосту. Но и это ни къ чему не послужило! Такъ какъ лошадь его была ранена двумя пулями, онъ нашелся вынужденнымъ возвратиться къ партіи, которой я съ трудомъ удерживалъ стремленіе; ибо ея обязанность состояла въ томъ, чтобы вытѣснить непріятеля изъ мѣстечка, а не проскакивать чрезъ село, сильно занятое непріятельскою пѣхотою.

Между тѣмъ подполковникъ Храповицкій съ отрядомъ гусаръ и казаковъ, занявъ съ боя госпиталь и магазинъ, ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. Я, къ счастію, по исполненіи даннаго ему порученія, не отозвалъ его назадъ, ибо прибывшій изъ отряда графа Ожаровскаго казачій полковникъ Шамшевъ, желая участвовать въ дѣлѣ, сталъ было уже занимать госпиталь и магазинъ отъ имени своего начальника. Храповицкій прогналъ его, какъ похитителя чужой добычи; покинувъ ихъ, Шамшевъ расположился съ своимъ полкомъ въ полѣ, не желая нисколько помогать намъ и содѣйствовать къ овладѣнію мѣстечкомъ. Непріятель продолжалъ упорно защищаться въ главной улицѣ; я не могъ не отдать должной справедливости храбрости его. Горя желаніемъ истребить его до прибытія всего отряда графа Ожаровскаго,—полкъ Шамшева былъ его авангардомъ,—я рѣшился зажечь избы брандкугелями. Въ это время непріятель началъ собирать стрѣлковъ своихъ и выстраиваться въ колонну на улицѣ, чтобы начать отступленіе. Отказавшись отъ намѣренія зажечь избы, я немедленно приказалъ осыпать его картечью, что̀ побудило его поспѣшить отступленіемъ изъ мѣстечка; онъ направился чрезъ

---

[1]) Онъ былъ тогда подпоручикомъ 26-го егерскаго полка и адъютантомъ генерала Вахметева. Когда генералъ сей лишился ноги въ Бородинскомъ сраженіи, онъ присталъ къ генералу Раевскому, а потомъ служилъ въ моей партіи.

мостъ по дорогѣ къ Эсмонамъ. Давъ этой колоннѣ выйти въ поле, мы открыли по ней пальбу изъ орудій и обскакали ее со всѣхъ сторонъ. Командующій артиллеріею моею поручикъ Павловъ стрѣлялъ изъ одного орудія картечью, а изъ другого ядрами и гранатами. Хвостъ непріятельской колонны сильно страдалъ отъ этой пальбы, но она, смыкаясь и отстрѣливаясь, мужественно продолжала свое отступленіе. Наконецъ, желая воспользоваться пересѣченнымъ мѣстоположеніемъ и отдѣлаться навсегда отъ насъ, хотя бы съ большимъ пожертвованіемъ, начальникъ колонны вывелъ въ цѣпь половину ея. Едва успѣли новые застрѣльщики выйти въ цѣпь, какъ командовавшій отборными казаками братъ мой Левъ ударилъ на нихъ изъ-за лѣса, и, обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ въ плѣнъ подполковника, двухъ капитановъ и девяносто-шесть рядовыхъ, остальныхъ же частью поколодъ, а частью вогналъ обратно въ колонну, при чемъ запечатлѣлъ кровью своею этотъ отважный подвигъ. Какъ ни прискорбно было мнѣ видѣть брата моего жестоко раненымъ на полѣ битвы, но, побѣдивъ въ себѣ чувство родства и дружбы болѣе возвышеннымъ чувствомъ, я продолжалъ преслѣдованіе. Еще изъ села Мокровичей я отрядилъ сотню казаковъ къ Эсмонамъ съ повелѣніемъ разобрать мостъ на рѣкѣ Осминѣ, сколько дозволитъ время, и потомъ, увидавъ приближеніе непріятеля, скрыться въ засадѣ, близъ самой переправы. Я намѣревался сдѣлать рѣшительный натискъ у этого пункта и тѣмъ окончить бой, стоившій уже мнѣ весьма дорого. И подлинно, непріятель, подойдя къ Эсмонамъ, встрѣтилъ неожиданное для себя препятствіе; ружейный огонь засѣвшихъ у моста казаковъ послужилъ сигналомъ для нашего нападенія: мы со всѣхъ сторонъ атаковали непріятельскую колонну, изъ которой одна половина стала бросать оружіе, другая же, отстрѣливаясь изъ-за перилъ моста и изъ-за ивъ, растущихъ вокругъ него, успѣла перебросить нѣсколько досокъ, и, быстро переправившись чрезъ рѣку, отступила лѣсами къ Нижней Березинѣ.

Въ этомъ дѣлѣ мы овладѣли магазиномъ и госпиталемъ въ Бѣлыничахъ; въ первомъ найдено четыреста четвертей

ржи, сорокъ четвертей пшеницы, двѣсти четвертей гречи и пятьдесятъ четвертей конопляника, а въ послѣднемъ взяли двѣсти-девяносто человѣкъ больныхъ и пятнадцать лѣкарей. Взятъ былъ и подполковникъ, четыре капитана и сто-девяносто-два рядовыхъ, весь обозъ и сто-восемьдесятъ ружей. Я отдаю полную справедливость брату моему Льву, который былъ истиннымъ героемъ этого дѣла. Возвратясь въ село Мокровичи, я немедленно послалъ выбрать лучшихъ двухъ хирурговъ изъ пятнадцати плѣненныхъ лѣкарей, и, приставивъ одного изъ нихъ къ брату, другого къ раненымъ казакамъ, отправилъ 15-го весь этотъ караванъ въ Шкловъ. Грустно было мнѣ разставаться съ страдавшимъ братомъ и отпускать его въ край, разоренный и населенный поляками, никогда не питавшими сожалѣнія ко всему тому, что̀ носило имя русское! Къ тому же, еслибъ урядникъ Крючковъ не одолжилъ меня заимообразно двадцатью-пятью червонными, я былъ бы вынужденъ отказать брату и въ денежномъ пособіи, ибо казна моя и Храповицкаго никогда не превышала двухъ червонныхъ во все время нашихъ разбоевъ, потому что вся захваченная добыча обыкновенно дѣлилась между нижними чинами. Я велѣлъ въ тотъ же день сдать подъ росписку пана Лепинскаго, управлявшаго имѣніемъ графа Огинскаго, отбитые нами у непріятеля магазинъ, госпиталь, ружья, обозъ и плѣнныхъ, и, пославъ рапортъ объ этомъ дѣлѣ въ главную квартиру, находившуюся въ Кругломъ, я выступилъ самъ по указанному мнѣ направленію.

Между тѣмъ на берегахъ Березины совершались громадныя событія. Наполеону, въ первый разъ испытавшему неудачу, угрожала здѣсь, повидимому, неизбѣжная гибель. Въ то время, какъ обломки нѣкогда грозной его арміи быстро слѣдовали къ Березинѣ, чрезъ которую имъ надлежало переправиться, сюда стремились съ разныхъ сторонъ три русскія арміи и многіе отдѣльные отряды. Казалось, конечная гибель французовъ была неминуема, казалось Наполеону суждено было здѣсь либо погибнуть съ своею арміею, либо попасться въ плѣнъ. Но судьбѣ угодно было здѣсь еще разъ улыбнуться

своему прежнему баловню, котораго присутствіе духа и рѣшительность возрастали по мѣрѣ увеличенія опасности. Съ трехъ сторонъ спѣшили къ Березинѣ Чичаговъ, Витгенштейнъ, Кутузовъ, и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и другіе. Армія Чичагова, которую Кутузовъ полагалъ силою въ 60000 человѣкъ, заключала въ себѣ лишь 31000 человѣкъ, изъ которыхъ около 7000 кавалеріи; она была ослаблена отдѣленіемъ Сакена съ 27000 человѣкъ, противъ Шварценберга и неприбытіемъ Эртеля съ 15000 человѣкъ, отговаривавшагося незнаніемъ, слѣдовать ли ему съ одной пѣхотой или вмѣстѣ съ кавалеріею. Грустно думать, что, въ столь тяжкое для Россіи время, могли въ ней встрѣчаться генералы столь легко забывающіе священныя обязанности свои относительно отечества. Чичаговъ, занимая правый берегъ Березины, господствующій надъ лѣвымъ, долженъ былъ наблюдать большое пространство по теченію рѣки, близъ которой мѣстность была весьма пересѣчена и болотиста. Армія Витгенштейна слѣдовала также по направленію къ Березинѣ; утомленная, повидимому, одержанными успѣхами, она подвигалась медленно и нерѣшительно. Мужественный, но недальновидный защитникъ Петрополя, гордившійся одержаніемъ побѣды въ какихъ-то десяти генеральныхъ сраженіяхъ, былъ совершенно обманутъ французскимъ генераломъ Legrand. Въ одномъ изъ донесеній Витгенштейна сказано, что противъ него находилась дивизія стрѣлковъ; это были лишь стрѣлки, вызванные изъ пѣхотной дивизіи. Генералъ Legrand, ослабленный отдѣленіемъ значительныхъ силъ, соединившихся съ Наполеономъ, отступилъ весьма искусно отъ Чашниковъ и Череи. Если бы Витгенштейнъ преслѣдовалъ его дѣятельно и тѣснилъ бы французовъ не ощупью и не такъ слабо, Legrand, имѣя лишь весьма мало пѣхоты, могъ бы быть совершенно истребленъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабленъ. Витгенштейнъ долженъ былъ понять, что развязка кровавой драмы должна была воспослѣдовать на берегахъ Березины, а потому онъ долженъ былъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивъ войска Legrand, быстро двинуться къ этой рѣкѣ. Впослѣдствіи Витген-

штейнъ увѣрялъ, что онъ лишь потому не соединился съ войсками адмирала, что ему надлежало преслѣдовать баварцевъ, которые, какъ извѣстно, выступили изъ окрестностей Полоцка[1]). Прибывъ весьма поздно съ однимъ своимъ штабомъ въ Борисовъ, Витгенштейнъ обнаружилъ впослѣдствіи большую нерѣшительность относительно войскъ Виктора, которыя, послѣ переправы Наполеона чрезъ Березину, могли быть легко уничтожены. Между тѣмъ князь Кутузовъ писалъ адмиралу изъ Копыса отъ 13-го ноября за № 562: „Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь чрезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембино, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли отрядомъ дефилею при Зембинѣ, въ коей удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ чрезъ Староселье, Цегержинъ, къ мѣстечку Березинѣ, во-первыхъ для того, чтобы найти лучше для себя продовольствіе, а во-вторыхъ, чтобы упредить онаго, если бы пошелъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ". Кутузовъ съ своей стороны, избѣгая встрѣчи съ Наполеономъ и его гвардіей, не только не преслѣдовалъ настойчиво непріятеля, но, оставаясь почти на мѣстѣ, находился во все время значительно позади. Это не помѣшало ему однако извѣщать Чичагова о появленіи своемъ на хвостѣ непріятельскихъ войскъ. Предписанія его, означенныя задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичаговъ дѣлалъ не разъ весьма строгіе выговоры курьерамъ, отвѣчавшимъ ему, что они, будучи посланы изъ главной квартиры гораздо позднѣе числъ, выставленныхъ въ предписаніяхъ, прибывали къ нему въ свое время. Пока князь Кутузовъ оставался въ Копысѣ и его окрестностяхъ, Наполеонъ, усиленный войсками Виктора, Удино

---

[1]) Графъ Витгенштейнъ обязанъ былъ взятіемъ Полоцка ополченію, коимъ предводительствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Мордвиновъ, которому здѣсь непріятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскамъ приказаніе отступать, но ратники воспротивились и Витгенштейнъ, вынужденный ихъ поддержать, овладѣлъ городомъ.

и остатками отряда Домбровскаго, подошелъ къ Березинѣ. Множество примѣровъ изъ исторіи убѣждаютъ насъ въ невозможности силою воспрепятствовать непріятелю совершить переправу чрезъ рѣку, но затруднить ее по возможности всегда во власти военачальника противной арміи. Чичаговъ, которому приходилось наблюдать по теченію Березины на разстояніи восьмидесяти верстъ отъ Веселова до Нижней Березины, былъ введенъ въ заблужденіе слѣдующими обстоятельствами: дѣйствіемъ Удино, расположившаго свои посты на тридцати-верстномъ пространствѣ выше и ниже Борисова и занявшаго отрядомъ Ухолоды, гдѣ дѣлались приготовленія для переправы, извѣстіями о приближеніи австрійцевъ со стороны Сморгони и, наконецъ, намеками Кутузова, убѣжденнаго, что Наполеонъ направится къ Нижней Березинѣ. Все это побудило Чичагова двинуться къ Шабашевичамъ. Между тѣмъ Наполеонъ подъ прикрытіемъ сорока-пушечной баттареи, устроенной близъ Студенокъ въ узкомъ мѣстѣ рѣки, благополучно переправился чрезъ нее. Слабый авангардъ Чаплица, не будучи въ состояніи оказать сопротивленія непріятелю, отступилъ къ Стахову; двинувшись одинъ къ Зембину, этотъ авангардъ отдѣлился бы отъ прочихъ частей арміи и былъ бы неминуемо истребленъ. Удино, переправившись во главѣ французской арміи и расположившись между Брилемъ и Стаховымъ, занялъ небольшимъ отрядомъ Зембинское дефиле. Чаплицъ, слабо подкрѣпленный Чичаговымъ, котораго шесть гренадерскихъ баталіоновъ остались далеко назади, не могъ даже развернуть всѣхъ силъ своихъ, такъ что одна артиллерійская рота стрѣляла чрезъ головы другихъ. Чичаговъ, выславъ Сабанѣева съ войсками къ Стахову, приказалъ изнуреннымъ отрядамъ Ермолова и Платова стать тамъ же въ резервѣ. Завязался въ лѣсу кровопролитный, но безполезный бой; французская кавалерія яростно атаковала нашу пѣхоту, при чемъ мужественный князь Щербатовъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣсто ошибочнаго движенія на Игуменъ, Чичагову надлежало, занявъ центральный пунктъ, выслать вверхъ и внизъ по рѣкѣ отряды для открытія непріятеля; движеніе на Игуменъ ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Что касается другихъ обвиненій, такъ, на-

примѣръ, относительно порчи частей въ Зембинскомъ дефиле, Чичаговъ [1]) въ этомъ мало виноватъ; имъ былъ посланъ съ атаманскимъ казачьимъ полкомъ Кайсаровъ, которому было строго предписано испортить всѣ гати этого дефиле. Кайсаровъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Гайнѣ на разстояніи около двадцати

---

[1]) Адмиралъ Чичаговъ, названный Наполеономъ cet imbecile d'amiral, былъ весьма уменъ, остеръ и изъяснялся весьма хорошо и чисто на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Управленіе его морскимъ министерствомъ было ознаменовано тремя подвигами: истребленіемъ части Балтійскаго флота (по мнѣнію нѣкоторыхъ была уничтожена лишь самая гнилая и негодная часть флота) какъ безполезнаго для Россіи, потому что Зундъ принадлежитъ Даніи, испрошеніемъ адмиралу Сенявину ордена св. Александра Невскаго вмѣсто св. Георгія 2-го класса за побѣду при Тенедосѣ, гдѣ имъ было выказано болѣе мужества, чѣмъ искусства, и перемѣною покроя морского мундира. Оставивъ министерство, онъ долго жилъ за границей и, по возвращеніи своемъ, онъ былъ посланъ въ Молдавію; негодуя на свѣтлѣйшаго, лишившаго его чести подписать миръ съ турками, онъ обнаружилъ нѣкоторыя злоупотребленія князя во время командованія его молдавскою арміею. Онъ вознамѣрился (по мнѣнію нѣкоторыхъ вслѣдствіе особаго приказанія) сдѣлать диверсію 500000-ой арміи Наполеона, подступавшей уже къ Москвѣ, движеніемъ своимъ чрезъ Кроацію и Боснію въ Италію; онъ для этой цѣли остановился въ Яссахъ, гдѣ, какъ говорятъ, приказалъ убить нѣсколько тысячъ воловъ, изъ которыхъ ему хотѣлось сдѣлать бульонъ на армію. Въ арміи Чичагова господствовала строгая дисциплина, далеко превосходящая ту, которая существовала въ арміи Витгенштейна. Во время обѣда, даннаго Чичаговымъ въ Борисовѣ, авангардъ его подъ начальствомъ графа Павла Палена, выставленный въ Нѣманицѣ, былъ опрокинутъ войсками Домбровскаго, которыя преслѣдовали нашихъ до самаго города; всѣ устремились къ единственному мосту, гдѣ столпились въ страшномъ безпорядкѣ. Къ счастію непріятель, пришедшій самъ въ разстройство, не могъ довершить пораженія; однако нѣсколько орудій, много обозовъ, и серебряный сервизъ адмирала достались ему въ руки. Когда Чичаговъ, вернувшись изъ Игумена, рѣшился атаковать французовъ, онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обратясь къ своему начальнику штаба Ивану Васильевичу Сабанѣеву (отлично-способному генералу, котораго Ермолову удалось впослѣдствіи оправдать въ глазахъ императора Александра, почитавшаго его пьяницей), сказалъ ему: «Иванъ Васильевичъ, я во время сраженія не умѣю распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте непріятеля». Сабанѣевъ атаковалъ французовъ, но былъ ими разбитъ по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ.

Военный писатель, генералъ Водонкуръ, человѣкъ весьма умный, но не храбрый, знавшій отлично теорію военнаго искусства до перваго выстрѣла и пользовавшійся долго гостепріимствомъ Чичагова, написалъ ему похвальное слово. Генералъ Гильемино, человѣкъ глубокихъ свѣдѣній, яснаго ума и блистательной храбрости, бывшій начальникомъ штаба 4-го италіанскаго корпуса, артиллеріею котораго командовалъ Водонкуръ, говорилъ мнѣ, что онъ во время сраженія никогда не могъ отыскать Водонкура для передачи ему приказаній.

верстъ, съ намѣреніемъ приступить къ порчѣ гатей съ тыла; глубокія и топкія мѣста, окружающія Гайну, никогда въ самую суровую зиму не замерзающія, не дозволили ему привести это предпріятіе въ исполненіе. Еслибъ оно удалось, Наполеонъ нашелся бы вынужденнымъ обратиться на Минскъ, которымъ бы вскорѣ неминуемо овладѣлъ. Обладаніе этимъ городомъ было для насъ и для французовъ дѣломъ первостепенной важности; здѣсь были найдены нами богатые магазины съ запасами, привезенными изъ Франціи, которыми наша армія воспользовалась. Наполеонъ, овладѣвъ Минскомъ, могъ бы здѣсь остановиться и дать время своимъ войскамъ сосредоточиться и отдохнуть. Князь Кутузовъ, не желая, вѣроятно, подвергать случайностямъ исходъ кампаніи, принявшей для насъ столь благопріятный оборотъ, и постоянно опасавшійся даже близкаго сосѣдства съ Наполеономъ и его гвардіею, не рѣшился бы, безъ сомнѣнія, его здѣсь атаковать. Неизвѣстно, какой бы въ этомъ случаѣ оборотъ приняли дѣла? Хотя я врагъ правила, предписывающаго строить золотой мостъ отступающему непріятелю, но здѣсь обстоятельства вынуждали насъ не затруднять Наполеону движенія чрезъ Зембинское дефиле по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, арміи, которымъ надлежало соединиться на Березинѣ для совокупной атаки, были весьма разобщены, и притомъ онѣ не были, повидимому, расположены оказать дѣятельное содѣйствіе одна другой, вслѣдствіе непріязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейнъ не хотѣлъ подчиниться Чичагову, котораго въ свою очередь ненавидѣлъ Кутузовъ за то, что адмиралъ обнаружилъ злоупотребленія князя во время его командованія молдавской арміей. Во-вторыхъ, Наполеонъ, занимая центральный пунктъ относительно нашихъ армій, имѣлъ подъ руками 80000 человѣкъ; онъ могъ легко раздавить любую армію, которая, не будучи поддержана другими, рѣшилась бы преградить ему дорогу. Наконецъ французы, сознавая вполнѣ свое гибельное положеніе и не взирая на понесенныя страшныя потери, обнаружили здѣсь отчаянное мужество. Отрядъ Ермолова перешелъ, вопреки приказанію Кутузова, Днѣпръ близъ Дубровны.

по сожженному мосту, на полуобгорѣвшія сваи котораго были набросаны доски, которыя были перевязаны веревками. Спутанныя лошади перетаскивались съ величайшимъ затрудненіемъ по этому мосту съ помощью веревокъ, привязанныхъ за хвосты. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Ермоловъ встрѣтилъ жида съ донесеніемъ Витгенштейна свѣтлѣйшему; прочитавъ его, Ермоловъ писалъ отсюда Кутузову: „Я изъ этого донесенія заключаю, что непріятель кругомъ обманулъ графа Витгенштейна, который потому отстанетъ отъ него, по крайней мѣрѣ, на полтора марша". Прибывъ въ Лошницы, Ермоловъ чрезъ адъютанта Чичагова Лисановича получилъ приказаніе поспѣшить къ Березинѣ. Совершивъ почти два перехода въ одни сутки, онъ прибылъ въ Борисовъ, гдѣ представлялся графу Витгенштейну, который съ гордостью говорилъ ему о выигранныхъ имъ десяти сраженіяхъ. Этотъ разсказъ мужественнаго защитника Петрополя былъ прерванъ неумѣстными аплодисментами гвардіи поручика О. извѣстнаго впослѣдствіи по своимъ военнымъ сочиненіямъ [1]). Это можетъ служить мѣриломъ той дисциплины, которая господствовала въ войскахъ этого генерала. Умный, благородный и почтенный генералъ И. М. Бѣгичевъ, бывшій начальникомъ артиллеріи при взятіи Праги въ 1794 году, и называвшій графа Аракчеева въ эпоху его могущества графомъ Огорчеевымъ, увидавъ здѣсь Ермолова, закричалъ ему, не взирая на присутствіе Витгенштейна и его штаба: „Мы ведемъ себя, какъ дѣти, которыхъ надлежитъ сѣчь; мы со штабомъ здѣсь, и то гораздо позднѣе, чѣмъ слѣдовало, а армія наша двигается, Богъ знаетъ гдѣ, какими-то линіями". Ермоловъ, явившись къ Чичагову, рѣшился подать ему совѣтъ не портить Зембинскаго дефиле; онъ говорилъ, что по свойству мѣстности, ему смолоду хорошо извѣстной, это почти неудобо-

---

[1]) Николай Александровичъ Окуневъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, перевелъ съ франц. языка «Разсужденія о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ при вторженіи въ Россію въ 1812 году» Спб. 1893. Въ 1839 году въ Тифлисѣ издалъ книгу: «Историческая выписка изъ военнаго журнала о дѣйствіяхъ отряда подъ нач. ген.-лейт. Головина противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году, съ замѣчаніями на исторію войны сей.»

А. Н.

исполнимо, по причинѣ болотъ и топей, окружающихъ рѣчку Гайну, но, еслибъ и удалось испортить нѣкоторыя, болѣе доступныя гати, то онѣ отъ дѣйствія мороза не могли бы затруднить движеніе непріятеля, который, не будучи обремененъ тяжестями, могъ легко по нимъ слѣдовать; во-вторыхъ, адмиралу, котораго армія была вдвое слабѣе того, чѣмъ ее полагалъ князь Кутузовъ, невозможно было одному, безъ содѣйствія арміи князя и Витгенштейна, бывшихъ еще далеко позади, преградить путь Наполеону. Чичагову пришлось бы выдержать напоръ восьми-десяти-тысячной непріятельской арміи на мѣстности лѣсистой, болотистой и весьма невыгодной для принятія боя. На этой мѣстности, въ особенности совершенно неудобной для дѣйствія кавалеріи, онъ могъ противопоставить Наполеону лишь 20000 человѣкъ пѣхоты; французы же, понимая, что залогъ спасенія заключался для нихъ лишь въ отчаянномъ мужествѣ, стали бы сражаться, какъ львы. Наконецъ, присовокупилъ онъ, если даже удастся испортить дефиле, Наполеонъ будетъ вынужденъ обратиться на Минскъ, магазины котораго были для нашей арміи необходимы. Наполеону, сохранявшему присутствіе духа въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, удалось, послѣ переправы чрезъ Березину, благополучно пройти чрезъ дефиле; лишь слѣдовавшія позади французскія войска были застигнуты нашими. Взятіе этихъ войскъ, входившихъ въ составъ Полоцкаго корпуса, свидѣтельствовало не въ пользу графа Витгенштейна; это ясно доказывало, что они своимъ присутствіемъ здѣсь обязаны лишь слабому преслѣдованію этого генерала. Еслибъ Витгенштейнъ былъ проницательнѣе и преслѣдовалъ непріятеля съ большею настойчивостью, если бы Кутузовъ обнаружилъ болѣе предпріимчивости и рѣшительности, и оба они, сообразуясь съ присланнымъ изъ Петербурга планомъ, направили поспѣшнѣе свои войска къ Березинѣ, еслибъ Чичаговъ не совершилъ своего движенія на Игуменъ, былъ въ свое время усиленъ войсками Эртеля и поспѣшилъ къ Студенцу, не ожидая дальнѣйшихъ извѣстій со стороны Нижней Березины, — количество плѣнныхъ могло быть несравненно значительнѣе; быть можетъ, берега Березины содѣ-

лались бы гробницей Наполеоновой армады, быть можетъ, въ числѣ плѣнныхъ находился бы онъ самъ. Какая слава озарила бы насъ русскихъ? Она была бы достояніемъ одной Россіи, но уже не цѣлой Европы. Впрочемъ хвала Провидѣнію и за то, что оно, благословивъ усилія наши, видимо содѣйствовало намъ въ изгнаніи изъ нѣдръ Россіи новѣйшихъ Ксерксовыхъ полчищъ, предводимыхъ величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ. Мы, современники этихъ великихъ событій, справедливо гордящіеся своимъ участіемъ въ оныхъ, мы, болѣе чѣмъ кто либо, должны воскликнуть: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему!“ Ермоловъ, очевидецъ Березинскихъ событій, представилъ свѣтлѣйшему записку, въ которой имъ были рѣзко изложены истинныя, по его мнѣнію, причины благополучнаго отступленія Наполеона. Онъ поднесъ ее во время пріѣзда въ Вильну князя, сказавшаго ему при этомъ случаѣ: „Голубчикъ, подай мнѣ ее, когда у меня никого не будетъ“. Эта записка, переданная князю вскорѣ послѣ того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вѣроятно, умышленно затеряна свѣтлѣйшимъ. Всѣ въ арміи и въ Россіи порицали и порицаютъ Чичагова, обвиняя его одного въ чудесномъ спасеніи Наполеона. Онъ, безспорно, сдѣлалъ непростительную ошибку, двинувшись на Игуменъ; но здѣсь его оправдываетъ: во-первыхъ, отчасти предписаніе Кутузова, указавшаго на Игуменъ, какъ на пунктъ, чрезъ который Наполеонъ будто бы намѣревался непремѣнно слѣдовать; во-вторыхъ, если бы даже его армія не покидала позиціи, на которой оставался Чаплицъ, несоразмѣрность его силъ относительно французовъ не позволяла ему рѣшительно хотя нѣсколько задержать превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ непріятеля, покровительствуемаго огнемъ сильныхъ баттарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки; къ тому же, въ составъ арміи Чичагова, ослабленной отдѣленіемъ наблюдательныхъ отрядовъ по теченію Березины, входили 7000 человѣкъ кавалеріи, по свойству мѣстности ему совершенно здѣсь безполезной; въ третьихъ, если Чаплицъ, не будучи въ состояніи развернуть всѣхъ своихъ силъ, не могъ извлечь пользы изъ своей артиллеріи, то тѣмъ болѣе армія Чичагова не

могла, при этихъ мѣстныхъ условіяхъ, помышлять о серьезномъ сопротивленіи Наполеону, одно имя котораго, производившее обаятельное на всѣхъ его современниковъ дѣйствіе, стоило цѣлой арміи. Относительно порчи гатей въ Зембинскомъ дефиле, онъ виноватъ тѣмъ, что поручилъ это дѣло Кайсарову, а не офицеру болѣе предпріимчивому и болѣе знакомому съ свойствами мѣстности; но такъ какъ это предпріятіе могло имѣть невыгодныя для насъ послѣдствія, оно потому не можетъ служить къ обвиненію адмирала, который, будучи морякомъ, не имѣлъ достаточной опытности для командованія сухопутными войсками. Изъ всего этого я вывожу слѣдующее заключеніе: еслибъ Чичаговъ, испортивъ гати Зембинскаго дефиле, остался съ главною массою своихъ войскъ на позиціи, насупротивъ которой Наполеонъ совершилъ свою переправу, онъ не возбудилъ бы противу себя незаслуженныхъ нареканій и неосновательныхъ воплей своихъ соратниковъ, соотчичей и потомковъ, незнакомыхъ съ сущностью дѣла; но присутствіе его здѣсь не могло принести никакой пользы общему дѣлу, ибо, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, Чичагову невозможно было избѣжать полнаго пораженія или совершеннаго истребленія своей арміи, что̀ было бы для насъ, по обстоятельствамъ того времени, вполнѣ невыгодно и весьма опасно. Наполеонъ понесъ бы, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ несравненно бо̀льшую потерю; но она была бы, во всякомъ случаѣ, ничтожна въ сравненіи съ тою, которой Россія была въ правѣ ожидать отъ своевременнаго прибытія трехъ армій къ берегамъ Березины. Хотя Наполеонъ, съ остатками своего нѣкогда грознаго полчища, поспѣшно отступалъ предъ нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не потрясено. Вѣра въ его непобѣдимость, слегка поколебленная описанными событіями, существовала еще во всей западной Европѣ, не дерзавшей еще возстать противъ него. Наша армія, послѣ понесенныхъ ею трудовъ и потерь, была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильныя подкрѣпленія для того, чтобы съ успѣхомъ предпринять великое дѣло освобожденія Европы, главное бремя котораго должно было пасть на

Россію. Намъ потому, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдовало жертвовать арміею Чичагова для цѣли гадательной и, по стеченію обстоятельствъ, не обѣщавшей даже никакой пользы. Въ то время и даже донынѣ всѣ и во всемъ безусловно обвиняли злополучнаго Чичагова, который, будучи весьма умнымъ человѣкомъ, никогда не обнаруживалъ большихъ военныхъ способностей; одинъ Ермоловъ съ свойственною ему рѣшительностью, къ крайнему неудовольствію всемогущаго въ то время Кутузова и графа Витгенштейна, смѣло оправдывалъ его, говоря, что отвѣтственность за чудное спасеніе Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочихъ главныхъ вождей, коихъ дѣйствія далеко не безупречны. Чичаговъ поручилъ генералу Чаплицу благодарить Ермолова за то, что онъ, вопреки общему мнѣнію, рѣшился его оправдывать. Хотя Наполеонъ, благодаря своему необыкновенному присутствію духа и стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, избѣжалъ окончательнаго пораженія, а можетъ быть, и плѣна, но тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться превосходно соображенному плану, на основаніи котораго три арміи должны были, соединившись одновременно на Березинѣ, довершить здѣсь гибель непріятеля. Хотя успѣхъ и не увѣнчалъ этого достойнаго удивленія плана, однако жь не увѣнчалъ по обстоятельствамъ, совершенно независившимъ отъ сочинителей, которые, при составленіи его, обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость. Они могли утѣшать себя мыслію, что исторія представляетъ не мало примѣровъ тому, что самыя превосходныя предначертанія не были приведены въ исполненіе лишь вслѣдствіе ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ.

16-го числа дошелъ до меня первый слухъ о переходѣ непріятеля чрезъ Березину [1]) и я, извѣстивъ немедленно о томъ фельдмаршала, остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ отъ него повелѣній. Я полагалъ, что хотя бы дошедшее до меня извѣстіе о переправѣ и было бы несправедливо, это, по край-

[1]) Такъ какъ переправа совершилась 16-го числа, то можетъ казаться сверхъестественнымъ, чтобы я могъ узнать объ ней въ тотъ же день, тѣмъ болѣе, что я находился во ста верстахъ отъ французской

ней мѣрѣ, ясно доказывало, что непріятель обратился уже не на Нижнее Березино, чего сначала ожидали, а прямо на Борисовъ, потому направленіе мое къ Нижнему Березину ни къ чему болѣе служить не могло. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, ибо 16-го, къ вечеру, я получилъ отъ генералъ-квартирмейстера полковника Толя письмо слѣдующаго содержанія:

„Нужно увѣдомить васъ о взаимномъ положеніи обѣихъ армій: Чичаговъ 9-го числа въ Борисовѣ, авангардъ его подъ командою графа Ламберта разбилъ на́ голову Домбровскаго. Витгенштейнъ послѣ пораженія Виктора, который шелъ на соединеніе съ Бонапартомъ, находится въ Баранахъ, что̀ на дорогѣ отъ Лепеля къ Баркову, авангардъ нашъ подъ командою Милорадовича въ Бобрахъ, а Платовъ въ Крупкахъ. Главная наша армія сегодня выступаетъ въ Сомры (на картѣ Хомры), малый авангардъ оной подъ командою Васильчикова въ Ухвалы. Съ своей стороны вся французская армія на походѣ къ Борисову. Вы очень хорошо сдѣлаете, если немедленно, какъ можно поспѣшнѣе, займете Озятичи и откроете лѣсную дорогу отъ сего селенія къ Борисову. Желательно, чтобы сей пунктъ былъ занятъ тщательнѣе, такъ какъ и селеніе Чернявка, изъ коей пошлите разъѣздъ на большую Борисовскую дорогу. Орловъ посланъ со ста-пятидесятью казаками къ Чичагову; постарайтесь открыть съ нимъ сообщеніе; вы тѣмъ угодите фельдмаршалу. Всѣ ваши храбрые будутъ награждены. Карлъ Толь [1]). На походѣ въ Сомры 16-го ноября".

арміи. Я другой на это причины не полагаю, какъ то, что переправа началась 14-го въ восемь часовъ утра, а какъ извѣстіе о томъ дошло до меня чрезъ жителей, которые, увидѣвъ мостъ и десять человѣкъ уже на противоположномъ берегу, заключили, что переправа совершена была французами съ успѣхомъ; они распространили слухъ о переходѣ всей непріятельской арміи, что̀ и дошло до меня.

[1]) Полковникъ Толь, добрымъ расположеніемъ котораго я всегда пользовался, былъ человѣкъ съ замѣчательными способностями и большими свѣдѣніями. Онъ получилъ воспитаніе въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ во время командованія ими Михаила Иларіоновича Кутузова, покровительствомъ котораго онъ всегда пользовался. Во время Отечественной войны онъ былъ еще молодъ и мало опытенъ, а потому онъ нерѣдко дѣлалъ довольно значительныя ошибки. Такъ, напримѣръ, во время отступленія нашихъ армій къ Дорогобужу, онъ за нѣсколько верстъ до

Я увидѣлъ изъ этого письма, какъ разобщены были Витгенштейнъ и Чичаговъ, между коими протекала Березина и находилась непріятельская армія, простиравшаяся, по крайней мѣрѣ, до 80000 человѣкъ. Хотя я несовсѣмъ вѣрилъ извѣстію о переправѣ, однако не сомнѣвался болѣе въ томъ, ибо Наполеонъ, пользуясь малочисленностью войскъ Чичагова, могъ перейти рѣку въ какомъ-нибудь пунктѣ, либо открытой силой, либо тайно; по переходѣ же Березины, я предполагалъ, непріятель направится изъ Борисова къ Минску, потому что путь этотъ былъ самый кратчайшій изъ всѣхъ, идущихъ къ Варшавѣ; слѣдуя по нему, Наполеонъ могъ соединиться съ корпусомъ Шварценберга и Ренье, отчего армія его могла снова возвыситься до 130000 человѣкъ. Двигаясь этимъ путемъ, непріятель могъ избѣжать фланговаго преслѣдованія нашего, столь для него пагубнаго до самой Березины, и продолжать свой маршъ чрезъ край, несравненно менѣе опустошенный, чѣмъ Виленскій, гдѣ проходили обѣ воюющія арміи и ихъ обозы. Вслѣдствіе этого, я рѣшился, не взирая на предложеніе полковника Толя, переправиться немедленно чрезъ Березину и итти на Смолевичи, что между Игумномъ и Минскомъ. За таковое ослушаніе я былъ достоинъ весьма строгаго

этого города нашелъ для нихъ позицію близъ деревни Усвятья. Во время осмотра этой позиціи, которая была весьма неудобна, потому что правый флангъ отдѣлялся отъ прочихъ частей арміи болотомъ и озеромъ, князь Багратіонъ, въ присутствіи многихъ генераловъ, сказалъ Толю: «Вы, г. полковникъ, своего дѣла еще не знаете, благодарите Бога, что я здѣсь не старшій, а то я надѣлъ бы на васъ лямку и выслалъ бы вонъ изъ арміи». Не дождавшись непріятеля, обѣ арміи, вопреки увѣреніямъ Барклая, отошли къ Дорогобужу, гдѣ Толемъ была найдена другая позиція, которою князь Багратіонъ также не могъ остаться довольнымъ. Во время осмотра новой позиціи Ермоловымъ, графъ Павелъ Строгановъ указалъ ему на слѣдующую ошибку Толя: его дивизія была обращена затылкомъ къ тылу стоящей позади ее другой дивизіи. Трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ столь искусный и смѣтливый офицеръ, каковъ былъ Толь, могъ дѣлать столь грубыя ошибки; почитая, вѣроятно, невозможнымъ принять здѣсь сраженіе, онъ не обратилъ должнаго вниманія на выборъ позиціи. Не смотря на записку, поданную Барклаю Ермоловымъ, всегда отдававшимъ полную справедливость способностямъ и дѣятельности Толя, онъ былъ высланъ изъ арміи. Князь Кутузовъ, проѣзжая въ армію и найдя Толя въ Москвѣ, взялъ его съ собою. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ большую опытность и заслужилъ репутацію искуснаго генерала.

наказанія. Партизанъ необходимо долженъ умствовать, но не перепускать, какъ говорится, умъ за разумъ. Событія доказали, что мнѣ ни къ чему не послужило преждевременное и отдаленное движеніе мое къ Смолевичамъ, гдѣ я всегда бы успѣлъ предупредить непріятеля; въ случаѣ переправы Наполеона при Борисовѣ, я бы могъ сдѣлать то же самое, двинувшись изъ Озятичей; стоило только внимательнѣе прочесть письмо полковника Толя и взглянуть на карту, чтобы оцѣнить благоразумное его распоряженіе. Полагая непріятеля между селеніемъ Начею и Борисовымъ, извѣщенный о прибытіи Витгенштейна въ Бараны, а Чичагова къ мостовому Борисовскому укрѣпленію, онъ предполагалъ, что непріятелю оставалось поступить слѣдующимъ образомъ: прикрываясь со стороны главной арміи рѣчкой Начей и, спустившись вдоль по ней къ Озятичамъ, совершить переправу въ углу, описываемомъ означенной рѣчкой и Березиной. Вотъ почему Толь посылалъ меня въ Озятичи. При всемъ томъ, я пошелъ на Смолевичи, какъ будто бы для дѣйствія не въ тылъ непріятелю, а арміи Чичагова!! Однако, достигнувъ Козлова Берега, я получилъ изъ главной квартиры увѣдомленіе, что такъ какъ французская армія не имѣетъ никакого средства переправиться чрезъ эту рѣку при Борисовѣ, то, чтобы я спѣшилъ исполненіемъ даннаго мнѣ Толемъ предписанія. Эта бумага, равно и письмо послѣдняго, были отъ 16-го по утру. Такъ какъ мнѣ во второй разъ предписывалось то же самое, я рѣшился отказаться отъ своего безразсуднаго предпріятія, которое я считалъ столь выгоднымъ, что не могъ не увѣдомить генералъ-квартирмейстера, что, исполняя его предписаніе, я почи-

---

Онъ, въ качествѣ начальника главнаго штаба, принималъ участіе въ войнахъ 1828, 1829, 1831 годовъ; эти войны, въ особенности первая половина войны 1831 года, богаты немаловажными ошибками. Зная недружелюбныя отношенія графа Дибича и Толя между собою, невозможно положительно сказать, въ какой степени каждый изъ нихъ здѣсь виноватъ; во всякомъ случаѣ Толь, по званію своему во время веденія этихъ войнъ, не можетъ не принять на себя отвѣтственности за многое, совершенное въ эту эпоху. Но вѣнецъ его славы — это взятіе Варшавы; здѣсь дѣятельность, мужество и въ особенности вполнѣ замѣчательная рѣшительность Толя достойны величайшихъ похвалъ.

таю однако невыгоднымъ данное мнѣ направленіе. Съ кѣмъ не случается грѣха или бѣды? Право, я до сихъ поръ не нашелъ еще достойнаго себѣ укора за столь глупое съ моей стороны упрямство. Мы были уже на половинѣ дороги къ Озятичамъ, какъ нагнали насъ посланные ко мнѣ въ Козловъ Берегъ курьеры съ другими письмами отъ полковника Толя, по которымъ онъ, извѣщая меня о переправѣ французской арміи чрезъ Березину, увѣдомлялъ, что главная армія идетъ на Жуковецъ, Жодинъ и Логойскъ, все на лѣвой сторонѣ непріятеля; онъ совершенно соглашался со мною въ выборѣ направленія партіи моей на Смолевичи. Да проститъ мнѣ генералъ-квартирмейстеръ! Въ этомъ случаѣ ошибка уже не съ моей стороны: важность Смолевичевскаго пункта обнаружилась бы лишь въ случаѣ движенія непріятеля на Минскъ: при слѣдованіи же его къ Вильнѣ этотъ пунктъ терялъ уже все свое значеніе и годился лишь для ночлега или привала. Я долженъ былъ направиться на Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ и Молодечну; но такъ какъ поворотъ непріятеля съ Минской дороги на Виленскую удалялъ меня отъ него на сто-тридцать верстъ, то и по означенному направленію я не могъ уже догнать его прежде Ковно или, по крайней мѣрѣ, прежде Вильны. Чтобы удостовѣриться въ томъ, надо знать, что 20-го ноября, когда, послѣ переправы моей чрезъ Березину, я ночевалъ въ Ушѣ, французская армія находилась уже въ Илiѣ. Кто взглянетъ на карту, тотъ увидитъ пространство, раздѣлявшее меня отъ непріятеля; несмотря на то, я рѣшился дѣйствовать на основаніи предписанія. Не доходя пятнадцати верстъ до Шеверницъ, я узналъ, что туда прибыла главная квартира. Оставивъ партію на маршѣ, я поскакалъ одинъ прямою дорогою въ Шеверницы. Свѣтлѣйшій въ то время обѣдалъ. Входя въ ворота, я встрѣтилъ англійской службы полковника сэръ Роберта-Вильсона, бродившаго около двора; онъ не смѣлъ войти въ квартиру свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе какого-то между ними взаимнаго дипломатическаго неудовольствія. Будучи коротко знакомъ съ нимъ съ самой 1807 года кампаніи, я спросилъ его, что̀ онъ тутъ дѣлаетъ?

„Любезный другъ!“ отвѣчалъ онъ мнѣ, „жду извѣстія о рѣшительномъ направленіи арміи послѣ того несчастія, которое я давно предвидѣлъ, но которое при всемъ томъ не можетъ не терзать каждое истинно англійское и русское сердце!“ Я вошелъ въ сѣни и велѣлъ вызвать полковника Толя, чтобы лично отъ него удостовѣриться въ извѣстіи о переправѣ непріятельской арміи чрезъ Березину и узнать, не будетъ ли мнѣ дано другого направленія? Толь и князь Кудашевъ вышли ко мнѣ въ сѣни и звали меня въ избу, но я, не любя никогда бросаться въ глаза начальникамъ, отказался; тогда они объявили самому свѣтлѣйшему о моемъ прибытіи. Онъ велѣлъ меня позвать, чрезвычайно обласкалъ, и, посадивъ за столъ, угощалъ какъ сына. Послѣ обѣда свѣтлѣйшій разспрашивалъ меня о дѣлахъ при Копысѣ и при Бѣлыничахъ, хвалилъ осторожность мою передъ нападеніемъ на депо и мою настойчивость при овладѣніи Бѣлыничами, но, выговаривая мнѣ за излишнюю строгость съ Поповымъ (котораго я принялъ за мера Копыса), прибавилъ въ видѣ шутки: „Какъ у тебя духа стало пугать такъ его? у него такая хорошенькая жена!“ Я отвѣчалъ ему: „Полагаю, что у Могилевскаго . . . . еще болѣе женъ, которыя, можетъ-быть, еще красивѣе жены Попова, но я желалъ бы, чтобъ сія неоцѣненная особа попалась мнѣ въ руки, я бы съ нею разсчитался по-пріятельски“. „За что?“ спросилъ свѣтлѣйшій. „За присягу французамъ“, отвѣчалъ я, „къ которой онъ приводилъ могилевскихъ жителей и за поминанія на эктеньяхъ Наполеона. Чтобы въ томъ удостовѣриться, продолжалъ я, прикажите нарядить слѣдствіе. Ваша свѣтлость, не награждайте почестями истинныхъ сыновъ Россіи, ибо какая награда можетъ сравниться съ спокойной совѣстью послѣ исполненія своего долга? но щадить измѣнниковъ столько же опасно и вредно, какъ истреблять карантины въ чумное время“. Съ этимъ словомъ я подалъ ему списокъ чиновниковъ, кои присягали и помогали непріятелю. Свѣтлѣйшій, взявъ его, прочиталъ и сказалъ: „Погодимъ до поры до времени“. Я узналъ послѣ, что архіерей Могилевскій былъ разжалованъ въ монахи, но не знаю,

по моему ли представленію, или по представленію другого [1]). На счетъ направленія моей партіи я получилъ лишь повелѣніе догонять французовъ чрезъ Ушу, Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ, Илію и Молодечно; а такъ какъ партія моя, обремененная двумя орудіями, не могла слѣдовать за мною прямою дорогою къ Шеверницамъ, то я нашелся вынужденнымъ ожидать здѣсь до полуночи ея прибытія. Между тѣмъ флигель-адъютантъ Мишо (что нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) просилъ меня дозволить ему, пристроившись къ моей партіи, догнать Чичагова, къ арміи котораго онъ былъ командированъ. Оставивъ орудія наши, какъ обузу слишкомъ тягостную для усиленныхъ переходовъ, мы выступили къ Жуковцу, въ четыре часа по полуночи. Переправа совершилась по тонкому льду; мы прибыли въ Ушу къ ночи.

20-го партія выступила въ походъ и ночевала у Борисовскаго мостоваго укрѣпленія. Въ эту ночь полковникъ князь Кудашевъ, проѣздомъ къ Чичагову, пробылъ у меня два часа; онъ взялъ съ собою Мишо и въ проводники одного урядника и двухъ казаковъ; изъ числа проводниковъ одинъ только возвратился, прочіе два были убиты поселянами. Это служило лучшимъ доказательствомъ того, что мы находились на истинномъ рубежѣ Россіи съ Польшею, и совѣтомъ быть намъ осторожнѣе и бдительнѣе.

Около этого времени морозы, послѣ временной оттепели, усилились и продолжались уже непрерывно. 20-го я получилъ повелѣніе слѣдовать прямо на Ковно [2]), чтобы истребить здѣсь всѣ непріятельскіе запасы. Такое же приказаніе было послано и Сеславину; но ни онъ, ни я не могли исполнить означен-

---

[1]) Рѣчь идетъ объ архіепископѣ Могилевскомъ Варлаамѣ Шишацкомъ (род. 1750 г., ум. 1821 г.), который за присягу Наполеону былъ разстриженъ въ 1813 году въ монахи. Вопросъ о томъ, въ силу какихъ побудительныхъ причинъ Варлаамъ совершилъ такой поступокъ, остается до настоящаго времени невыясненнымъ, хотя и имѣетъ за собою цѣлую литературу. (См. «Волынскія Епарх. Вѣдомости» 1878—1880 гг., «Литовскія Епарх. Вѣдомости» 1883 г. и «Истор. Вѣстникъ» 1881 г., т. V). А. К.

[2]) Ковно заключало въ себѣ огромные магазины и казну въ два съ половиною милліона франковъ. Это мѣстечко было занято 1500 человѣкъ новобранныхъ нѣмецкихъ войскъ при 42 орудіяхъ, изъ нихъ 25 имѣли полную упряжь.

наго предписанія: я, по причинѣ движенія моего къ Нижнему Березину, отчего отсталъ отъ непріятеля на сто-тридцать верстъ; а Сеславинъ, будучи удаленъ отъ главной квартиры, могъ получить это повелѣніе лишь по занятіи Вильны, гдѣ былъ раненъ.

Пока я шелъ отъ Днѣпра къ Березинѣ, всѣ отряды, кромѣ графа Ожаровскаго, и всѣ партизаны, кромѣ меня, слѣдовали за главною непріятельскою арміею. Армія эта находилась 11-го въ Бобрахъ, имѣя авангардъ въ селѣ Ничѣ, 12-го въ Немоницѣ, оставя аррьергардъ въ Лошницѣ; 14-го, въ восемь часовъ утра, авангардъ ея началъ переправляться чрезъ Березину у Веселова, и 16-го, къ вечеру, всѣ силы были уже на противномъ берегу. Съ нашей стороны отрядъ генерала Ермолова, состоявшій изъ четырнадцати баталіоновъ пѣхоты при нѣскольких полкахъ линейной кавалеріи и двухъ ротахъ артиллеріи, преслѣдовалъ непріятеля отъ Орши къ Борисову, куда прибылъ 16-го числа.

Большой авангардъ генерала Милорадовича прибылъ изъ Копыса въ Глинъ 15-го, а въ Негновище 17-го числа.

15-го генералъ Бороздинъ сдалъ отрядъ свой графу Орлову-Денисову, который 17-го поступилъ съ нимъ въ составъ малаго авангарда, порученнаго генералу Васильчикову. Этотъ авангардъ былъ въ Ухвалѣ 16-го и въ Вилятичахъ 17-го числа.

15-го отрядъ атамана Платова находился въ Колпеницѣ, а 16-го у самой Березины въ пятнадцати верстахъ выше Борисова.

15-го подъ Кричею Сеславинъ напалъ съ успѣхомъ на польскія войска графа Тишкевича, изъ которыхъ многіе были побиты, другіе взяты въ плѣнъ; продолжая свое движеніе къ Лошницѣ, онъ снова имѣлъ здѣсь жаркую схватку съ непріятелемъ.

16-го сей отважный и неутомимый партизанъ, открывъ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ, получилъ отъ него повелѣніе, во что бы то ни стало, открыть сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ чрезъ Борисовъ. Исполненіе послѣдовало немедленно по полученіи повелѣнія. Борисовъ былъ занятъ Сеславинымъ, причемъ имъ было взято 3000 человѣкъ въ

плѣнъ, и сообщеніе съ Чичаговымъ открыто[1]). 17-го французская армія двинулась къ Зембину, Наполеонъ же прибылъ въ Камень. Генералъ Ланской, занимавшій Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками село Юрово на рѣкѣ Гайнѣ, выступилъ 16-го числа чрезъ Антополье и Словогощь къ Плещеницѣ, куда прибылъ 17-го въ полдень. Онъ имѣлъ прекрасное намѣреніе слѣдовать впереди непріятеля къ Вильнѣ и затруднять, по возможности, движеніе головныхъ его колоннъ чтò могъ исполнить безпрепятственно, ибо въ этотъ день Плещеницы были заняты одною только придворною свитою Наполеона и конвоемъ раненаго маршала Удино. Но въ то время еще такъ мало понимали истинныя обязанности партизана, что этотъ, извѣстный по своей неустрашимости и отважности, генералъ, бывъ атакованъ подходившими со стороны Камени войсками, вмѣсто того, чтобы, обратясь на Молодечну, истреблять магазины и заваливать дорогу, отступилъ обратно къ аван-

---

[1]) Когда, по совершеніи сего блистательнаго подвига, Сеславинъ кормилъ лошадей и отдыхалъ за Березиной, казачій генералъ Денисовъ, съ партіею изъ отряда Платова пройдя чрезъ пустой городъ, донесъ атаману, что занялъ городъ онъ, а не Сеславинъ. Платовъ, на основаніи этого донесенія, приказалъ послѣднему возвратить Денисову плѣнныхъ и, относя къ себѣ славу занятія Борисова и открытія сообщенія съ Чичаговымъ, донесъ въ этомъ смыслѣ главнокомандующему. Такая наглая несправедливость вынудила Сеславина написать генералу Коновницыну слѣдующее: «Платовъ отнимаетъ у моего отряда, усиленнаго пѣхотою адмирала Чичагова, заслуженную имъ славу. Неужели надо быть генераломъ, чтобы быть правымъ? Спросите сами обо всемъ у адмирала, я врать не стану». 19-го былъ сдѣланъ запросъ отъ свѣтлѣйшаго Чичагову: справедливо ли, что Сеславинъ, усиленный его пѣхотою, занялъ первый Борисовъ и, открывъ тѣмъ сообщеніе графа Витгенштейна съ его арміею, взялъ при этомъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ? Вотъ отвѣтъ Чичагова:

«Имѣя честь получить предписаніе вашей свѣтлости отъ 19-го сего мѣсяца подъ № 553, обязанностію поставляю донести, что гвардіи капитанъ Сеславинъ дѣйствительно первый занялъ городъ и открылъ сообщеніе со мною генерала отъ кавалеріи графа Витгенштейна, доставя отъ него въ то же время письменное ко мнѣ увѣдомленіе о его движеніи и предположеніяхъ, равнымъ образомъ и сдача въ плѣнъ нѣсколькихъ тысячъ непріятелей, была слѣдствіемъ занятія имъ этого города и соединеннаго дѣйствія съ ввѣренною мнѣ арміею корпуса графа Витгенштейна. Чичаговъ. № 1944. Ноября 22-го дня 1812 года. М. Илія.»

Надобно говорить объ этотъ случаѣ для того только, чтобы показать, сколько можетъ быть доступенъ чувству зависти и воинъ, совершившій рядъ блистательныхъ подвиговъ, коего имя гремѣло славой въ Европѣ и которому желать, кажется, ничего не оставалось!

гарду арміи Чичагова, слѣдовавшей на Зембинъ по пятамъ непріятельской арміи; онъ удовольствовался взятіемъ генерала Каминскаго, тридцати штабъ и оберъ-офицеровъ и трехсотъ рядовыхъ. Между тѣмъ графъ Ожаровскій получилъ повелѣніе наблюдать за арміею князя Шварценберга, находившагося въ Слонимѣ. Вслѣдствіе чего, онъ выступилъ на Воложинъ, 26-го прибылъ въ Вишневъ и въ тотъ же день пошелъ чрезъ Трабы, Деневишки и Бенякони въ Лиды, куда вступилъ 1-го декабря. Отрядъ генерала Кутузова шелъ отъ Лепеля на Вышнее Березино и Докшицы, для наблюденія за Баварскимъ корпусомъ, находившимся въ послѣднемъ мѣстечкѣ, и для преслѣдованія главной непріятельской арміи по сѣверной сторонѣ Виленской дороги. Партизанъ Сеславинъ шелъ на мѣстечко Забрежъ, которое было имъ занято съ боя 22-го ноября; на другой день самъ Наполеонъ едва не попался ему въ руки. Во второй разъ въ теченіе настоящей кампаніи судьба спасла его отъ покушенія казаковъ, которые вездѣ и повсюду его преслѣдовали, какъ неотразимые вампиры.

20-го партія моя обошла отрядъ графа Ожаровскаго около Антополья, 23-го обошла кавалерію Уварова въ Логойскѣ, 22-го прибыла въ Гайну, 23-го въ Илію и 24-го въ Молодечну, гдѣ догнала хвостъ арміи Чичагова, то-есть, часть Павлоградскихъ гусаръ и казаковъ подъ командою полковника Сталя. Вслѣдствіе повелѣнія итти прямо на Ковно, мы свернули 25-го на Лебеду, 26-го пришли въ Лоскъ, 27-го въ Ольшаны, 28-го въ Малыя Солешки, 29-го въ Парадоминъ и 30-го въ Новыя Троки. Тамъ я получилъ повелѣніе остановиться и ожидать новаго приказанія. Во время этого долговременнаго странствованія, отряды и партіи наши ворвались въ Вильну, заваленную несмѣтнымъ числомъ обозовъ, артиллеріи, больныхъ, раненыхъ, усталыхъ и лѣнивыхъ. Впослѣдствіи каждый отрядный начальникъ приписалъ себѣ честь занятія сей столицы Литовскаго государства; но вотъ истина: пока Чаплицъ жевалъ и прибиралъ періоды воинственной рѣчи своей къ жителямъ; пока Бенкендорфъ франтилъ и холился съ намѣреніемъ нравиться женщинамъ, Кайсаровъ оставался

близъ непріятельскихъ обозовъ, Тетенборнъ съ обнаженной саблею приказалъ редактору Виленскихъ газетъ объявить свѣту, что онъ первый покорилъ городъ и впослѣдствіи отвѣчалъ смѣхомъ на возраженія своихъ соперниковъ.

Сеславинъ поступилъ иначе. Чтобы изобразить, какъ слѣдуетъ, геройскій его подвигъ, я представляю на судъ читателямъ его донесеніе, и пусть всякій благомыслящій, видя самохвальство иноземца, отдастъ должную справедливость высокой душѣ сего истиннаго и вполнѣ знаменитаго россіанина, который въ описаніи дѣяній своихъ сотрудниковъ, едва упомянулъ о жестокой ранѣ, имъ полученной. Вотъ его донесеніе:

„Генералу Коновницыну. Съ Божіею помощью я хотѣлъ атаковать Вильну, но встрѣтилъ на дорогѣ идущаго туда непріятеля. Орудія мои разсѣяли толпившуюся колонну близъ воротъ города. Въ сію минуту непріятель выставилъ противъ меня нѣсколько эскадроновъ; мы предупредили атаку сію своею и вогнали кавалерію его въ улицы; пѣхота поддержала конницу и посунула насъ назадъ; тогда я послалъ парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ Вильны и, по полученіи отрицательнаго отвѣта, предпринялъ вторичный натискъ, который доставилъ мнѣ шесть орудій и одного орла. Между тѣмъ подошелъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Ланской, съ коимъ мы тѣснили непріятеля до самыхъ городскихъ стѣнъ. Пѣхота французская, засѣвшая въ домахъ, стрѣляла изъ оконъ и дверей и удерживала насъ на каждомъ шагу. Я отважился на послѣднюю атаку, кою не могъ привести къ окончанію, бывъ жестоко раненъ въ лѣвую руку; пуля раздробила кость и прошла на вылетъ [1]). Сумскаго гусарскаго полка поручикъ Орловъ также раненъ въ руку на вылетъ.

„Генералъ Ланской былъ свидѣтелемъ сего дѣла. Спросите у него, самъ боюсь расхвастаться, но вамъ и его свѣтлости рекомендую весь мой отрядъ, который во всѣхъ дѣлахъ отъ Москвы до Вильны окрылялся рвеніемъ къ общей пользѣ

---

[1]) Въ 1810 году Сеславинъ, идя на штурмъ Рущука съ охотниками впереди колонны, получилъ жестокую рану въ правую руку; пуля раздробила кость и прошла на вылетъ.

и не жалѣлъ крови за отечество. Полковникъ Сеславинъ. Ноября 27-го".

По прибытіи моемъ въ Новыя Троки, я получилъ повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать на Олиту и Меречь къ Гроднѣ, рапорты же мои продолжать писать въ главную квартиру, а между тѣмъ постоянно увѣдомлять обо всемъ адмирала Чичагова, двигающагося въ Гёзну и генерала Тормасова, слѣдующаго къ Новому Свержену, что̀ на Нѣманѣ. Съ симъ повелѣніемъ получилъ я письмо отъ генералъ-квартирмейстера, въ которомъ онъ объявлялъ о желаніи свѣтлѣйшаго, дабы войска наши всегда дружелюбно встрѣчали австрійцевъ; эти бумаги были отъ 30-го ноября. Мы уже были на коняхъ, какъ вслѣдъ за этими повелѣніями получилъ я другое, по которому я долженъ былъ, не оставляя Новыхъ Трокъ, прибыть своею особою въ Вильну для свиданія съ свѣтлѣйшимъ. Я потому тотчасъ туда отправился. Отъ Новыхъ Трокъ до села Понари мы слѣдовали весьма покойно. У послѣдняго селенія, тамъ, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ, идущія одна на Новыя Троки, другая на Ковно, груды труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ, множество повозокъ, лафетовъ и палубовъ едва давали мнѣ возможность слѣдовать по этому пути; множество раненыхъ непріятелей валялось на снѣгу или, спрятавшись въ повозкахъ, ожидало смерти отъ дѣйствія холода и голода. Путь мой былъ освѣщенъ заревомъ пылавшихъ двухъ корчемъ, въ которыхъ горѣло много несчастныхъ. Сани мои ударялись объ головы, руки и ноги замерзшихъ или почти замерзающихъ; это продолжалось во все время движенія нашего отъ Понарей до Вильны. Сердце мое разрывалось отъ стоновъ, воплей разнородныхъ страдальцевъ. То былъ страшный гимнъ избавленія моей родины!

1-го декабря явился я къ свѣтлѣйшему. Какъ главная квартира, видимо, измѣнилась! Вмѣсто разоренной деревушки и курной избы, окруженной караульными, выходившими и входившими въ нее должностными людьми и проходившими мимо войсками, вмѣсто тѣсной горницы, куда прямо входили изъ сѣней и гдѣ видали мы свѣтлѣйшаго на складныхъ крес-

лахъ, разсматривавшаго планы во время борьбы своей съ геніемъ величайшаго завоевателя всѣхъ вѣковъ, я увидалъ улицу и дворъ, уставленные великолѣпными каретами, колясками и санями. Толпы подобострастныхъ польскихъ вельможъ въ русскихъ мундирахъ, множество нашихъ и непріятельскихъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ многіе съ костылями, изувѣченные, другіе же бодрые и веселые,—все, тѣснясь, стремилось къ крыльцу, въ переднюю и въ залы человѣка, за два года предъ этимъ въ этомъ же городѣ завѣдывавшаго лишь одниымъ гарнизоннымъ полкомъ, нѣсколькими гражданскими чиновниками, а нынѣ предводительствующаго всѣми русскими силами и спасителя своего отечества! Когда я вошелъ къ нему, одежда моя обратила на меня всеобщее вниманіе. Среди облитыхъ золотомъ генераловъ, красиво одѣтыхъ офицеровъ и литовскихъ гражданъ, я явился въ черномъ чекменѣ, красныхъ шароварахъ, съ круглою курчавою бородою и черкесскою шапкою. Поляки шопотомъ разспрашивали обо мнѣ; нѣкоторые изъ нашихъ отвѣчали: „Партизанъ Давыдовъ"; самолюбіе мое было живо затронуто, когда я услыхалъ нѣсколько прилагательныхъ, обратившихъ вниманіе этой толпы. Чрезъ двѣ минуты я былъ позванъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго, который сказалъ мнѣ, что графъ Ожаровскій идетъ на Лиду, австрійцы прикрываютъ Гродно, и что онъ весьма доволенъ мирнымъ поведеніемъ Ожаровскаго относительно ихъ; желая совершенно изгнать непріятеля изъ предѣловъ Россіи, онъ посылаетъ меня на Меречь и Слиту, прямо къ Гродно, для занятія этого города и очищенія окрестностей его отъ непріятелей; онъ при этомъ приказалъ дѣйствовать болѣе дружелюбными переговорами, чѣмъ оружіемъ. Если же найду первый способъ недостаточнымъ, то онъ позволилъ мнѣ прибѣгнуть къ оружію, съ тѣмъ только, чтобы отсылать плѣнныхъ немедленно въ непріятельскій корпусъ, не только не обижая, но стараясь обласкать и удовлетворять всѣмъ возможнымъ. Свѣтлѣйшій окончилъ тѣмъ, что сказалъ слѣдующее: „Я ожидаю рапорта отъ графа Ожаровскаго о дальнѣйшемъ его движеніи и полагаю нужнымъ, чтобы ты

дождался этого рапорта въ Вильнѣ, дабы не предпринимать напрасно движенія къ Гродно. Въ случаѣ же, если графъ Ожаровскій не двинется по какимъ либо причинамъ изъ Лиды, тогда только ты долженъ поспѣшнѣе слѣдовать къ назначенному тебѣ пункту". Ожидаемый рапортъ былъ полученъ 3-го вечеромъ. Графъ Ожаровскій писалъ, что, занявъ 2-го числа Лиду, онъ послалъ немедленно два полка для занятія Бѣлицы, самъ же остановился въ Лидахъ. Прочитавъ донесеніе, я поскакалъ въ Новыя Троки. Сборы мои никогда не были продолжительны: взнуздай, садись, пошелъ, и на разсвѣтѣ партія моя была уже на половинѣ дороги къ Меречу [1]). Въ этомъ мѣстечкѣ мы успѣли захватить огромный магазинъ съ съѣстными припасами, который я сдалъ подъ росписку прибывшему туда мужественному командиру Московскаго драгунскаго полка полковнику Давыдову и продолжалъ путь вдоль Нѣмана, поручивъ авангардъ мой маіору Чеченскому.

8-го числа Чеченскій, столкнувшись съ аванпостами австрійскими, подъ Гродно, взялъ въ плѣнъ двухъ гусаръ и, вслѣдствіе даннаго приказанія, немедленно отослалъ ихъ къ генералу Фрейлиху, командовавшему въ Гродно отрядомъ, состоявшимъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ конницы и пѣхоты при тридцати орудіяхъ. Фрейлихъ прислалъ чрезъ парламентера благодарить Чеченскаго за его любезный поступокъ, а Чеченскій, воспользовавшись этимъ, вступилъ съ нимъ въ

---

[1]) Кажется, что намѣреніе Кутузова состояло въ томъ, чтобы, подстрекнувъ графа Ожаровскаго къ скорѣйшему движенію его къ Гродно, облегчить тѣмъ моей партіи покушеніе на этотъ городъ; 4-го числа послана была къ нему бумага слѣдующаго содержанія: «Весьма пріятны были свѣтлѣйшему данныя вашимъ сіятельствомъ извѣстія; а какъ непріятель, вѣроятно, отступаетъ за границу нашу, то его свѣтлость приказалъ по близости вашей къ Шварценбергу наблюдать за его движеніями и предоставляетъ вамъ случай завладѣть Гродно. Генералъ Лейтенантъ Коновницынъ». Означенная бумага разъѣхалась съ рапортомъ графа Ожаровскаго, въ которомъ онъ писалъ: «Въ Бѣлицѣ и въ окрестностяхъ ея совершенный недостатокъ въ провіантѣ, а особливо въ фуражѣ, по долговременному пребыванію тамъ австрійскихъ войскъ, почему, занявъ донскими казаками Бѣлицу и Ищолку, прошу ваше превосходительство позволить мнѣ съ остальною частью ввѣреннаго мнѣ отряда остаться въ Лидѣ, для удобнѣйшаго продовольствія и поправленія кавалеріи. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій». 8-го числа декабря было приказано распустить его отрядъ.

переговоры. Австрійскій генералъ объявилъ сперва, что онъ неиначе сдастъ городъ, какъ предавъ огню всѣ провіантскіе и комиссаріатскіе магазины, въ которыхъ было запасовъ на цѣну, превышавшую милліонъ рублей. На это Чеченскій отвѣчалъ, что доставка ляжетъ на жителей этой губерніи и чрезъ это онъ докажетъ лишь свое недоброжелательство къ русскимъ въ такое время, когда каждое дружеское изъявленіе австрійцевъ къ намъ есть смертельная рана бичу всѣхъ народовъ. Послѣ нѣсколькихъ преній, Фрейлихъ рѣшился оставить городъ со всѣми запасами, въ немъ находившимися, и отступилъ съ отрядомъ своимъ за границу. Вслѣдъ за нимъ Чеченскій вступилъ въ Гродно и, остановившись на площади, занялъ своими постами улицы, къ ней прилегающія, и поставилъ караулы при магазинахъ и госпиталяхъ. Онъ не преминулъ также увѣдомить меня о духѣ польскихъ жителей города, весьма для насъ неблагопріятномъ. Иначе и быть не могло; городъ Гродно ближе всѣхъ большихъ литовскихъ городовъ граничилъ съ Варшавскимъ герцогствомъ, и потому въ немъ было болѣе враждебныхъ намъ лицъ: связи родства и дружбы, удобство въ сношеніяхъ съ обывателями лѣваго берега Нѣмана и города Варшавы, съ этимъ горниломъ козней, вражды и ненависти противъ Россіи, все подстрекало гродненскихъ поляковъ стараться наносить намъ наибольшее зло. Напротивъ того всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что при всей своей алчности къ пріобрѣтенію, во все время не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ и весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ. Надо было наказать первыхъ и поблагодарить послѣднихъ.

9-го числа я со всей моей партіей вступилъ въ городъ, у въѣздовъ котораго меня ожидалъ весь кагалъ. Желая изъявить евреямъ мою благодарность за преданность ихъ русскимъ, я, не улыбаясь, выслушавъ рѣчь главнаго изъ нихъ, сказалъ ему нѣсколько благосклонныхъ привѣтствій; увлекшись веселымъ расположеніемъ духа, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сыграть фарсъ на манеръ извѣстнаго балагура

и милаго друга моего Кульнева: я въѣхалъ въ Гродно подъ жидовскимъ балдахиномъ. Я знаю, что многіе не рѣшились бы на это изъ опасенія насмѣшекъ поляковъ, но я ихъ вовсе не боялся. Изступленная отъ радости толпа евреевъ съ визгами и непрерывными „ура!“ провожала меня до площади; между нами не было ни одного поляка, не по причинѣ особой твердости ихъ духа и національной гордости, ибо къ вечеру они всѣ явились ко мнѣ, но по совершенному невѣдѣнію о событіяхъ того времени, хотя извѣстіе о выступленіи французовъ изъ Москвы дошли до нихъ нѣсколькими днями прежде занятія мною Гродно. При всемъ томъ, они все еще полагали, что армія наша въ окрестностяхъ Смоленска, а партію мою считали отрядомъ корпуса Сакена. Остановившись на площади и сойдя съ лошади, я велѣлъ ударить въ барабанъ городской полиціи. Когда стеченіе народа сдѣлалось довольно значительно, я приказалъ барабанамъ умолкнуть и велѣлъ читать заранѣе приготовленную мною бумагу, съ коей копіи, переведенныя на польскій языкъ, были немедленно распространены по городу.

„По пріему, сдѣланному русскому войску польскими жителями Гродно, я вижу, что до нихъ не дошелъ еще слухъ о совершившихся великихъ событіяхъ; вотъ онѣ: Россія побѣдила Наполеона. Всѣ наши силы вступили въ Вильну 1-го декабря. Теперь онѣ за Нѣманомъ. Изъ четырехъ-сотъ-тысячной непріятельской арміи и при ней тысячи орудій лишь пятнадцать тысячъ человѣкъ съ четырьмя пушками перешли обратно за Нѣманъ. Господа поляки, облекитесь въ черное платье! рѣдкій изъ васъ не имѣлъ ближняго, родственника или друга: изъ восьмидесяти тысячъ вашихъ войскъ, дерзнувшихъ вступить въ наши предѣлы, лишь пятьсотъ явятся къ вамъ; прочіе же, обезображенные холодомъ, голодомъ, засыпаны снѣгомъ по большой дорогѣ. Я вошелъ въ городъ на основаніи мирнаго договора, хотя я бы могъ сдѣлать то же самое оружіемъ, но я пожертвовалъ военной славою отряда моего для спасенія города, принадлежащаго Россіи, ибо вамъ извѣстно, что бой въ улицахъ кончится грабежемъ въ домахъ, а грабежъ—пожарами и всеобщимъ разореніемъ. И что

же? я хочу васъ спасать, а вы сами себя губите. Я читаю на лицахъ собравшихся здѣсь поляковъ коварные противу насъ замыслы. Я вижу наглую надменность въ осанкѣ и взглядахъ вашихъ; ружья и сабли у васъ еще въ рукахъ, а пистолеты и кинжалы за поясами. Зачѣмъ все это? Вы бы должны, напротивъ, со всею искренностью вспомнить тѣ обязанности, которыхъ вамъ никогда не надлежало бы забывать? Итакъ, вопреки вашего собственнаго побужденія, я вынужденъ взять необходимыя для вашего спасенія мѣры, ибо однимъ выстрѣломъ вы накликните бѣдствія на весь городъ! невинные пострадали бы вмѣстѣ съ виноватыми, и тогда все будетъ обращено въ прахъ и пепелъ! Дабы охранить васъ отъ разныхъ бѣдствій, и имѣя въ виду лишь пользу города, я измѣняю управленіе онаго. Подполковникъ Храповицкій назначается начальникомъ города. На полицеймейстера и подчиненныхъ его, которые всѣ поляки, я положиться не могу, и потому приказываю всѣмъ и во всемъ относиться къ еврейскому кагалу. Зная преданность евреевъ къ русскимъ, я избираю кагальнаго въ начальники высшей полиціи и возлагаю на него отвѣтственность за всякаго рода безпорядки, могущіе возникнуть въ городѣ, такъ какъ и за всѣ тайныя совѣщанія, о коихъ начальникъ города не будетъ извѣщенъ; дѣло кагальнаго выбрать себѣ изъ евреевъ помощниковъ для надзора какъ за полиціею, такъ и за всѣми польскими обывателями города. Кагальный долженъ помнить и гордиться властью, которою я облекаю его и евреевъ и знать, что ревность и усердіе ихъ будутъ извѣстны высшему начальству. Предписывается жителямъ города, чтобы чрезъ два часа все огнестрѣльное оружіе, имъ принадлежащее, было снесено на квартиру подполковника Храповицкаго. У кого отыщется таковое пять минутъ послѣ истеченія назначеннаго мною срока, тотъ будетъ разстрѣленъ на площади. Увѣряю, что я шутить не люблю и слово свое умѣю держать, награждая и наказывая".

„Это что за столбъ?" спросилъ я, увидя высокій столбъ посреди площади. Кагальный объявилъ, что этотъ столбъ поставленъ польскими обывателями въ честь взятія Москвы. Въ это

время господинъ Андржейковичъ (шуринъ генерала Беннингсена) подошелъ ко мнѣ и, униэительно кланяясь, сказалъ: „Cela se nomme mat de cocagne, mon colonel, les circonstances...“; бросивъ на него взглядъ презрительный, я заставилъ его отступить въ толпу, изъ которой онъ только что выступилъ.

„Кагальный, топоры! и долой столбъ!“ столбъ мгновенно рухнулъ на землю.

„Что за картины вижу я на балконахъ и окнахъ каждаго дома?“

„Это прозрачныя картины“, отвѣчалъ кагальный, „выставлены, какъ и столбъ, для празднованія взятія Москвы“.

„Долой и въ огонь на площади!“ Когда нѣкоторыя изъ картинъ проносили мимо меня, я примѣтилъ разныя аллегорическія ругательства на счетъ Россіи. Самая замѣчательная находилась на балконѣ аптекаря; на ней изображались орелъ французскій и бѣлый орелъ польскій, раздирающіе на части двуглаваго орла Россіи. Я велѣлъ позвать къ себѣ аптекаря и приказалъ ему къ 12-му числу написать картину совершенно противоположнаго содержанія, присовокупивъ къ орламъ Франціи и Польши еще двухъ особыхъ орловъ, улетающихъ отъ одного орла русскаго.

Между тѣмъ я не забылъ жителей, съ домовъ которыхъ сорваны были эти аллегорическія изображенія. Имъ было велѣно къ 12-му же числу выставить изображенія, соотвѣтствующія настоящимъ обстоятельствамъ и прославляющія Россію за освобожденіе отъ нашествія просвѣщенныхъ варваровъ. Всѣ безпрекословно повиновались; одинъ лишь аптекарь не хотѣлъ повиноваться, отговариваясь многосложнымъ содержаніемъ заказанной ему картины; онъ утверждалъ, что не успѣетъ исполнить приказанія въ столь короткій срокъ. Этого было довольно. До сей поры на лицѣ и въ словахъ моихъ изображалась одна холодная строгость; я искалъ лишь повода, чтобы придти въ ярость, и тѣмъ окончательно сразить надменность польскую; этотъ случай представился, и, по словамъ моихъ товарищей, гнѣвъ мой казался ужаснымъ. Я крикнулъ, и электрическая искра пробѣжала

по всей толпѣ поляковъ; аптекарь, вытянувшись, страшно поблѣднѣлъ. Я приказалъ приставить караулъ къ дому его, съ тѣмъ чтобы во весь день, назначенный для торжества, не было у него огня не только въ домѣ, но даже и на кухнѣ, а 13-го, вечеромъ, когда нигдѣ уже не будетъ видна иллюминація, велѣлъ ему освѣтить всѣ окна, выставивъ на балконѣ означенную прозрачную картину. Это было исполнено. Къ довершенію всѣхъ неистовствъ, какъ называли поляки мои дѣйствія, я отыскалъ ксенза, говорившаго похвальное слово Наполеону при вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, и приказалъ ему сочинить и говорить въ россійской церкви слово, въ которомъ онъ долженъ былъ предать проклятію Наполеона съ его войскомъ и союзниками и восхвалять нашего императора, Кутузова, нашъ народъ и войско; но такъ какъ я не зналъ польскаго языка, то ему было велѣно 11-го числа, вечеромъ, представить рукопись свою на разсмотрѣніе Храповицкому. Сверхъ этого я назначилъ сотню казаковъ, всегда готовыхъ для Храповицкаго, когда нужно было бы ему прибѣгнуть къ силѣ для исполненія данныхъ ему повелѣній. Эти казаки были также посылаемы денно и нощно патрулями по городу и разгоняли сборища свыше пяти человѣкъ. Я предписалъ запечатать магазины и оставить при нихъ поставленные маіоромъ Чеченскимъ караулы. Я также приказалъ открыть грекороссійскую церковь и возстановить въ ней богослуженіе; 12-го числа, въ день рожденія государя императора, я приказалъ, чтобы всѣ городскіе чиновники явились ко мнѣ съ поздравленіемъ, чтобы городъ былъ освѣщенъ и чтобы во весь день звонили во всѣ колокола. Я наконецъ приказалъ кагалу подать списокъ всѣмъ чиновникамъ и обывателямъ, записавшимся въ службу Варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ, окончивъ, такъ сказать, площадныя дѣла мои, я пошелъ на квартиру, откуда немедленно отправилъ курьера въ главную квартиру съ донесеніемъ о благополучномъ исполненіи возложеннаго на меня порученія. Чрезъ часъ всѣ важнѣйшія лица города явились ко мнѣ съ почтительными визитами. Всѣмъ произнесенъ былъ швейцаромъ

монимъ,—казакомъ, вооруженнымъ пикой,—отрывистый отказъ. Нѣкоторые однако жь были приняты: Андржейковичъ, о которомъ я выше упомянулъ и съ которымъ Храповицкій долженъ былъ имѣть сношенія относительно продовольствія партіи, старикъ графъ В., который отъ старости и трусости не принималъ участія въ военныхъ предпріятіяхъ, а отъ скупости не помогалъ деньгами, и господинъ Ротъ, венгерскій выходецъ, почтенный старецъ, издавна въ городѣ поселившійся, чуждый всѣхъ политическихъ переворотовъ и имѣвшій въ нашей службѣ пять сыновей, всегда храбро служившихъ. Первому было однажды отказано Храповицкимъ, вслѣдствіе возникшаго между ними спора на счетъ фуража и провіанта, необходимыхъ для партіи; а когда же впустили втораго, онъ въ голубой польской лентѣ, въ башмачкахъ и со шляпою подъ мышкой, самымъ смиреннымъ образомъ явился предо мною въ комнатѣ. Причина посѣщенія его состояла не въ безплодномъ униженіи, подобно нѣкоторымъ его соотечественникамъ; онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы умолять меня о помилованіи, дабы казаки не разоряли его, въ чемъ онъ не сомнѣвался, услыша, что я ношу бороду и командую казаками; два эти обстоятельства были, повидимому, вовсе неутѣшительны для него. Владѣя большимъ движимымъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ теченіе сорока-лѣтняго, достохвальнаго упражненія на зеленой равнинѣ ломбернаго стола, онъ дрожалъ при мысли, что его мгновенно могутъ лишить всего того, что онъ пріобрѣлъ долговременными и искусными подвигами. Я втайнѣ смѣялся надъ нимъ, видя его извороты, которыми онъ желалъ убѣдить меня въ понесенныхъ имъ убыткахъ. Я признаюсь, довольно долго наслаждался его страхомъ и послѣ всякаго разсказа отвѣчалъ ему: „Однако, графъ, если бы можно было пошарить у васъ, то, вѣрно, еще можно кое-что найти!“ и онъ на всякій такой отвѣтъ повторялъ: „Дали Бугъ! ницъ не ма!“ Онъ крестился и подымалъ глаза къ небу. А такъ какъ онъ крестился по католически, то каждый разъ я заставлялъ его снова креститься по нашему, что̀ онъ даже, повидимому, съ радостью самъ собою уже дѣлалъ. Измучивъ

его болѣе часу, я заключилъ наше свиданіе просьбою, чтобы онъ ничего не опасался, что хотя я въ бородѣ и командую казаками, но что ни я, ни они не грабители. Безъ сомнѣнія, слова мои мало его успокоили; но безукоризненное поведеніе партіи моей въ теченіе сутокъ удостовѣрило его въ истинѣ словъ моихъ.

Такъ какъ во время проѣзда моего въ 1807 году изъ Тильзита я провелъ нѣсколько дней въ Гродно, то многіе изъ жителей сего города меня знали, и потому немедленно осыпали меня приглашеніями всякаго рода: одни звали меня на чай, другіе на ужинъ, нѣкоторые разобрали между собою слѣдующіе дни для угощенія меня и моихъ товарищей; но мы рѣшительно отъ всего отказались и раздѣляли время между собою и обазанностями службы.

12-го числа, по утру, господинъ Ротъ, войдя ко мнѣ, объявилъ о пріѣздѣ чиновниковъ и всѣхъ почетныхъ особъ города для поздравленія. Занимаемый мною домъ былъ на городской площади противъ ратуши; я и Храповицкій жили въ двухъ маленькихъ горницахъ, примыкавшихъ къ обширной, сырой залѣ, не топленной съ самаго начала зимы. Тамъ, для приданія себѣ важности, чтó было необходимо относительно поляковъ, я заставилъ ждать цѣлый часъ всѣхъ моихъ посѣтителей, одѣтыхъ уже въ губернскіе мундиры, явившихся съ повинными головами и дрожавшихъ отъ страха и холода. Наконецъ я предсталъ предъ ними въ моей наѣздницеской одеждѣ. Я говорилъ имъ рѣзко, хотя весьма вѣжливо, и заключилъ монологъ свой приказаніемъ слѣдовать за мною въ церковь, дабы молиться за русскаго царя и благодарить Бога за избавленіе Россіи. Все, что я приказалъ Храповицкому, онъ передалъ кагалу, а кагалъ обывателямъ, и все было въ точности приведено въ исполненіе; это весьма не нравилось полякамъ, принужденнымъ противъ воли прославлять и царя и народъ русскій. Они быстро перешли отъ надменной походки вооруженныхъ рыцарей къ національному ихъ паденію въ ноги, и, вмѣсто владычества надъ Россіею, были принуждены исполнять предписанія жидовскаго кагала.

13-го, вечеромъ, я получилъ повелѣніе итти на Ганьондзъ. Партія моя немедленно туда выступила; но я по болѣзни нашелся вынужденнымъ остаться лишнихъ пять дней въ Гродно. Сего числа прибыла въ Гродно кавалерія генералъ-лейтенанта Корфа, а на другой день и пѣхота генерала отъ инфантеріи Милорадовича. Первому изъ нихъ я сдалъ магазины и госпитали, находившіеся въ этомъ городѣ, и, переѣхавъ къ нему на квартиру, остался въ ней до моего выздоровленія.

Не могу умолчать о генералѣ Милорадовичѣ. По пріѣздѣ его въ Гродно, всѣ поляки, оставивъ меня, пали къ его стопамъ; но онъ былъ занятъ другимъ, ибо въ то время онъ получилъ письмо съ драгоцѣнною саблей [1]) отъ графини Орловой Чесменской. Письмо это заключало въ себѣ нѣкоторыя выраженія, дававшія ему надежду на руку этой богатой женщины. Милорадовичъ запылалъ восторгомъ неодолимой страсти! Онъ не находилъ словъ къ изъявленію благодарности своей, писалъ ей цѣлые дни отвѣты, покрылъ стопы бумагъ своими іероглифами: каждое письмо, имъ самимъ вчернѣ написанное, было крайне смѣшно и глупо! Никому не позволено было входить въ его кабинетъ, кромѣ его адъютанта Киселева, меня и взятаго въ плѣнъ доктора Бартелеми. Мы одни были его совѣтниками: Киселевъ, какъ умный человѣкъ, отлично знавшій большой свѣтъ, я, въ качествѣ литератора, Бартелеми, какъ французъ, ибо письма были сочиняемы на французскомъ языкѣ. Давній пріятель Милорадовича, генералъ-маіоръ П. жало-

---

[1]) Сабля эта, осыпанная драгоцѣнными алмазами, была пожалована ея отцу императрицей Екатериной во время каруселя. Письмо графини Орловой было доставлено Милорадовичу чрезъ адъютанта его Окулова; Милорадовичъ въ присутствіи своего штаба нѣсколько разъ спрашивалъ у Окулова: «Что говорила графиня, передавая тебѣ письмо?» и, къ крайнему прискорбію своему, получалъ нѣсколько разъ въ отвѣтъ: «Ничего». Милорадовичъ возненавидѣлъ его и сталъ его преслѣдовать. Окуловъ погибъ скоро въ аванпостной сшибкѣ.

Графъ Милорадовичъ былъ извѣстенъ въ нашей арміи по своему необыкновенному мужеству и невозмутимому хладнокровію во время боя. Не будучи одаренъ большими способностями, онъ былъ необразованный и мало свѣдущій генералъ, отличался расточительностью, большою влюбчивостью, страстью изъясняться на незнакомомъ ему французскомъ языкѣ и танцовать мазурку. Онъ получилъ нѣсколько богатыхъ наслѣдствъ; но

вался на него всякому, подходившему къ запертой для всѣхъ двери его, близъ которой онъ расположился подобно лягавой собакѣ въ своемъ логовищѣ. Комендантъ города и чиновники корпуса также подходили къ ней по нѣскольку разъ въ сутки и уходили домой, не получивъ никакого отвѣта. Отъ этого корпусное и городское управленіе пришли въ хаотическое состояніе, госпиталь обратился въ складъ, наполненный хлѣбомъ, сукномъ и кожами, магазины упразднились, словомъ, безпорядокъ дошелъ до крайняго предѣла. Наконецъ Милорадовичъ, подписавъ свою эпистолу, отверзъ двери, и всѣ въ нихъ устремились. Но, увы! кабинетъ былъ уже пустъ: великій полководецъ ускользнулъ въ потаенныя двери и ускакалъ на балъ плясать мазурку; я же сѣлъ въ сани и явился 18-го числа въ Тикочинъ, гдѣ ожидала меня моя партія.

Переступивъ за границу Россіи, и, видя каждаго подчиненнаго моего украшеннаго тремя награжденіями, а себя — всѣми забытаго, по той лишь причинѣ, что, относясь во всю кампанію прямо къ свѣтлѣйшему, либо къ Коновницыну, я не имѣлъ ни одного посредника, который могъ бы представлять меня къ какому либо награжденію; а потому я не счелъ за преступленіе напомнить о себѣ свѣтлѣйшему, которому написалъ письмо въ слѣдующихъ словахъ:

все было имъ издержано весьма скоро онъ и былъ не разъ вынуждаемъ прибѣгать къ щедротамъ государя. Безпорядокъ въ командуемыхъ имъ войскахъ былъ всегда очень великъ; онъ никогда не ночевалъ въ заблаговременно назначаемыхъ ночлегахъ, что̀ вынуждало адъютантовъ подчиненныхъ ему генераловъ, присылаемыхъ за приказаніями, отыскивать его по цѣлымъ ночамъ. Онъ говаривалъ имъ: «Что я скажу вашимъ начальникамъ, они лучше меня знаютъ, что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать». Послѣ Малоярославскаго сраженія, Ермоловъ, котораго онъ всегда называлъ sa passion, слѣдуя при его отрядѣ, отдавалъ приказанія именемъ Кутузова. Впослѣдствіи, будучи С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, Милорадовичъ, выдѣлывая прыжки передъ богатымъ зеркаломъ своего дома, приблизился къ нему такъ, что разбилъ его ударомъ головы своей; это вынудило его носить довольно долго повязку на головѣ. Онъ былъ обожаемъ солдатами, и, не взирая на то, что не только не избѣгалъ опасности, но отыскивалъ ее всегда съ жадностью, онъ никогда не былъ раненъ на войнѣ. Умирая, Милорадовичъ сказалъ: «Я счастливъ тѣмъ, что не умираю отъ солдатской пули». Онъ былъ влюбленъ въ госпожу Дюръ; когда она занемогла жабой въ горлѣ, онъ всюду разсказывалъ: «Elle a l'équinoxe à la gorge».

„Ваша свѣтлость! Во все время Отечественной войны, я почиталъ грѣхомъ думать о томъ, что̀ не относилось къ истребленію враговъ отечества; нынѣ мы переступили рубежъ дорогого отечества и, желая имѣть какое-нибудь вещественное воспоминаніе о великомъ минувшемъ годѣ, я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость удостоить меня знаками св. Георгія 4-го класса, къ которому я не разъ былъ представленъ, что̀, впрочемъ, можетъ быть лучше оцѣнено вашею свѣтлостью, удостоивавшею меня не разъ въ теченіе кампаніи знаками своего благоволенія и поздравленіями съ полученіемъ военнаго ордена".

Въ отвѣтъ я получилъ (въ селѣ Соколахъ, 22-го числа) пакетъ съ обоими крестами и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Коновницына: „Получа письмо ваше къ его свѣтлости, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать государю императору объ оказанныхъ вами подвигахъ и трудахъ въ теченіе нынѣшней кампаніи. Его императорское величество соизволилъ повелѣть наградить васъ орденами: 4-го класса св. Георгія и 3-й степени св. Владиміра. Съ пріятностью увѣдомляю васъ о семъ и проч. Декабря 20-го дня 1812 года. Вильна".

Меня увѣряли, что если бы я тогда сказалъ хотя два слова о Георгіѣ 3-го класса, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы его весьма легко; но я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ этомъ орденѣ и притомъ слишкомъ убѣжденъ, что далеко его не заслужилъ.

Въ Соколахъ я принужденъ былъ остановиться вслѣдствіе повелѣнія генералъ-адъютанта Васильчикова. Вскорѣ послѣ того получилъ я повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать въ Ганьондзъ, для соединенія съ корпусомъ генерала отъ инфантеріи Дохтурова и поступить въ команду принца Евгенія Виртембергскаго. Вскорѣ потомъ дошло до меня повелѣніе отъ новаго дежурнаго генерала князя Волконскаго относительно того же предмета.

24-го, вслѣдствіе новаго распредѣленія, партія моя поступила въ составъ главнаго авангарда арміи, порученнаго генералу Винценгероде.

Авангардъ сей состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ:

Корпусъ генералъ-маіора Тучкова 2-го.

			Число людей.
Пѣхота	Запасныхъ баталіоновъ. . . .	20	5961
	Рекрутскихъ.	4	
	Корабельный экипажъ. . . .	„	
Кавалерія	Запасныхъ эскадроновъ. . . .	20	1582
	Донскихъ казачьихъ полковъ. .	6	1123
Артиллерія	Баттарейная рота . .	12 орудій	486
	Легкихъ орудій. . .	8 —	
	Цесарская.	1 —	

2-й пѣхотный корпусъ.

4-я дивизія 4 полка по 2 баталіона.		2500
3-я дивизія 4 полка по 2 баталіона.		
Баттарейная рота	12 орудій	400
Двѣ легкихъ роты.	24 орудія	
Конная рота.	12 орудій	

Два донскихъ полка изъ авангарда Милорадовича.

Отрядъ генерала Ланского.

20 эскадроновъ гусаръ.	1527
Полкъ Уральскій казачій.	1812
Два Уральскіе казачьи полка.	

Отрядъ мой.

Два полка казачьихъ: Попова 13-го и 1-й Бугскій.	550
Команда гусаръ и сборныхъ казаковъ.	

Итого. . 16041 человѣкъ.

Такимъ образомъ, поступивъ въ начальники передоваго отдѣленія главнаго авангарда арміи, я сошелъ съ партизанскаго поприща.

Отрывки изъ этого «Дневника» печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1820 и 1822 гг.), и въ «Сынѣ Отечества» (1840 г., ч. II). Въ полномъ видѣ «Дневникъ» напечатанъ въ изданіи 1860 года.

IX.

ЗАНЯТІЕ ДРЕЗДЕНА.

1813 года 10-го марта.

По окончаніи Отечественной войны и при вступленіи арміи нашей въ непріятельскіе предѣлы, нѣкоторыя войска получили новыя размѣщенія и назначенія. Партизанскій отрядъ мой, занявъ передовое мѣсто въ общей массѣ, обратился въ одинъ изъ авангардовъ передового корпуса главной арміи. Казалось, что положеніе это, мало уступая первому, заключало въ себѣ еще достаточно средствъ для удовлетворенія безпокойнаго моего честолюбія; — вышло иначе. Крутой поворотъ отъ независимыхъ, вдохновенныхъ перелетовъ на пропалую къ размѣреннымъ переходамъ по маршрутамъ, доставляемымъ мнѣ изъ корпуснаго дежурства, запретъ покушаться атаковать непріятеля безъ особаго разрѣшенія, кипучая молодость, какая-то безотчетная, удалая и своевольная отвага и наконецъ соблазнительное сосѣдство съ непріятелемъ — были причиною того, что я произвелъ тотъ послѣдній наѣздъ, отъ котораго пострадала вся моя заграничная служба и рушилась вся та будущность, которой (не для чего уже теперь жеманиться) я имѣлъ полное право не опасаться.

Передовой корпусъ, въ составъ котораго поступилъ партизанскій отрядъ мой, состоялъ изъ 8460 человѣкъ пѣхоты, 3109 человѣкъ регулярной конницы, 3535 казаковъ и 69 орудій баттарейныхъ, легкихъ и конныхъ, всего, считая съ артиллеристами, до 16000 человѣкъ. Корпусомъ этимъ ко-

мандовалъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде [1]); частные начальники онаго были: генералъ-адъютантъ князь Трубецкой; генералъ-маіоры: Никитинъ, Бахметевъ, графъ Виттъ, Талызинъ, Кноррингъ и, столь же красивый наружностью, сколько блистательный мужествомъ, Ланской [2]).

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи бѣжали остатки гигантскаго ополченія нахлынувшаго на Россію, и потому легко себѣ вообразить ничтожность сопротивленія, противопоставляемаго непріятелемъ главнымъ силамъ нашимъ во время шествія ихъ отъ Нѣмана до Эльбы; одни передовыя войска наши встрѣчали нѣкоторый отпоръ. Главныя силы эти были раздѣлены на два потока. Первый, управляемый графомъ Витгенштейномъ, шелъ чрезъ сѣверную Пруссію къ Берлину. Ему предшествовали три легкіе отряда генералъ-маіоровъ: Чернышева, Бенкендорфа и полковника Теттенборна, съ полнымъ правомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Другой, или главная армія, при коей находилась императорская квартира, направлялся чрезъ Варшавское герцогство и Силезію къ Дрездену.

---

[1]) Генералъ Винценгероде служилъ въ Гессенъ-Кассельскомъ войскѣ маіоромъ. Въ 1797 году іюня 8-го дня онъ былъ принятъ тѣмъ же чиномъ въ россійскую службу съ назначеніемъ въ адъютанты къ его высочеству великому князю Константину Павловичу, 1798 года мая 5-го дня онъ произведенъ изъ маіоровъ въ полковники; будучи 1799 года февраля 3-го дня исключенъ изъ службы, онъ выѣхалъ за границу, гдѣ немедленно вступилъ въ австрійскую службу, а въ 1801 году, возвратясь въ Петербургъ, онъ снова принятъ въ россійскую службу генералъ-маіоромъ, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, очерненный въ общемъ мнѣніи, онъ былъ принужденъ оставить россійскую службу и опять вступилъ въ австрійскую. Но въ началѣ 1812 года онъ обратно перешелъ въ россійскую службу въ чинѣ генералъ-лейтенанта; онъ командовалъ отрядомъ войскъ прежде около Смоленска, потомъ въ Духовщинѣ и наконецъ около Клина: онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Москвѣ, куда онъ въѣхалъ одинъ, безъ конвоя, въ средину непріятельскихъ войскъ, которыхъ онъ полагалъ внѣ столицы; онъ былъ отосланъ во Францію, но на пути, въ окрестностяхъ Молодечно, былъ выручень изъ плѣна полковникомъ Чернышевымъ (нынѣ военнымъ министромъ), во время отважнаго перехода его съ партіею казаковъ изъ арміи Чичагова къ корпусу графа Витгенштейна, на перерѣзъ всѣхъ сообщеній непріятеля. Винценгероде умеръ скоропостижно, нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира съ Франціею.

[2]) Умершій отъ раны, полученной имъ въ сраженіи подъ Краономъ, во Франціи, 1814 года.

Ему предшествовалъ корпусъ Винценгероде, впереди котораго шли два легкіе отряда подполковника Пренделя и мой. Оба эти отряда находились въ полной зависимости отъ Винценгероде, строго воспретившаго имъ,—по крайней мѣрѣ мнѣ,—сшибки съ непріятелемъ и переходы съ одного мѣста на другое безъ вѣдома его или другого генерала, коему я буду подчиненъ.

Около половины февраля былъ заключенъ союзъ Россіи съ Пруссіею, и прусскія войска двинулись на соединеніе съ нами. Армія графа Витгенштейна усилилась корпусами Іорка и Бюлова; корпусъ Блюхера, выступивъ изъ Бреславля, составлялъ авангардъ главной арміи; ему былъ подчиненъ Винценгероде, коему было велѣно слѣдовать въ главѣ этого корпуса.

20-го февраля Чернышевъ овладѣлъ Берлиномъ. Непріятель, оставивъ городъ, направился двумя колоннами къ Эльбѣ: одною на Магдебургъ, другою на Виттенбергъ. За первою пошли Чернышевъ и Теттенборнъ, за второю Бенкендорфъ.

Въ концѣ февраля Теттенборнъ былъ отряженъ къ Гамбургу; Бенкендорфъ и Чернышевъ остались на Эльбѣ—первый за Виттенбергомъ, послѣдній за Магдебургомъ; особый и независимый отрядъ флигель-адъютанта ротмистра Орлова шелъ изъ Гоэрсверда къ Гроссенгайну; главная квартира графа Витгенштейна занимала Берлинъ; императорская и главная квартира князя Кутузова-Смоленскаго, главнокомандующаго всѣми союзными войсками,—Калишъ.

Съ своей стороны вице-король Евгеній, предводительствовавшій шестидесяти-тысячною французскою арміею, составленною изъ остатковъ главной арміи, нѣкоторыхъ войскъ, остававшихся въ крѣпостяхъ, и резервовъ, прибывшихъ изъ-за Рейна, размѣстилъ ее слѣдующимъ образомъ: маршалъ Даву съ 17000 защищалъ Эльбу, отъ Дрездена до Торгау. Въ командѣ его состояли: 7-й корпусъ Ренье, 31-я дивизія Жерара, баварскій корпусъ Рехберга и саксонскія войска Лекока и Либенау. Виттенбергъ, Магдебургъ и все разстояніе между ними было ввѣрено защитѣ Гренье и Лористона, у которыхъ было 34000 человѣкъ, находившихся подъ личнымъ началь-

ствомъ самого вице-короля. Корпусъ маршала Виктора, командовавшаго на Нижней Эльбѣ, заключалъ въ себѣ не болѣе 6000 человѣкъ. Остальныя войска находились въ Лейпцигѣ при главной квартирѣ вице-короля и корпусной — маршала Даву.

Тутъ необходимо надо сказать о двухъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на описываемое мною событіе. Эта эпоха,—я говорю о времени движенія нашего отъ Вислы къ Эльбѣ,—была краткою эпохою какого-то мишурнаго блеска оружія, впрочемъ, необходимаго для увлеченія еще колебавшихся умовъ въ Германіи. Французы продолжали поспѣшно отступать; мнѣніе о непобѣдимости ихъ исчезало; нѣкоторые союзники ихъ присоединились къ побѣдителямъ; другіе же, ошеломленные внезапностью событія, не смѣя еще свергнуть съ себя непостижимаго и могучаго генія Наполеона,—ожидали. Намъ надлежало, пользуясь успѣхами нашими, до прибытія Наполеона и свѣжихъ силъ изъ Франціи, наводнить нашими войсками сколь возможно болѣе пространства, никѣмъ почти уже незащищеннаго. Это представляло двойную выгоду: чрезъ это увеличивался просторъ для дѣйствія въ случаѣ обратнаго появленія Наполеона изъ-за Рейна, и мы могли легко дѣйствовать на воображеніе нерѣшительныхъ людей пышными и частыми обнародованіями о занятіи новыхъ областей, новыхъ столицъ, новыхъ значительныхъ городовъ.

Какая богатая жатва для всѣхъ, жаждавшихъ извѣстности, въ то время легко пріобрѣтаемой! За то какъ они воспрянули! Все въ союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, поверженіи ключей ихъ къ стопамъ императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріенна и Ватерлоо, алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она не досталась,—всякій начальникъ отдѣльнаго, многочисленнаго корпуса требовалъ для удовлетворенія своего честолюбія столицъ, которыя были доступны для огромныхъ ихъ силъ; малые-городки были предоставлены нашей голодной братьѣ. Къ несчастію моему, подручныхъ столицъ было въ это время только двѣ, изъ коихъ

одну захватилъ уже Чернышевъ, другая — Дрезденъ, которая оставалась на удалаго, и Блюхеръ и Винценгероде двинулись къ этому доброму Дрездену; они не постигали, что слава подвига оцѣняется бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ войскъ не обратило бы на нихъ ничьего вниманія, тогда какъ взятіе того же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо его прославило.

Къ этому надо прибавить, что послѣ разгрома несмѣтныхъ полчищъ Наполеона въ Россіи никто уже не предвидѣлъ войны, по крайней мѣрѣ, такой, какая вновь разгорѣлась. Я скажу болѣе: общее мнѣніе клонилось къ миру, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны начался уже напоръ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ войскъ къ Рейну; съ другой—едва было приступлено къ сбору, или, вѣрнѣе, къ возрожденію силъ. Въ этомъ предположеніи каждый отдѣльный начальникъ многочисленной арміи нашей бросался стремглавъ, чтобы сочетать память о себѣ съ послѣднимъ выстрѣломъ столь необычайной войны—стремленіе достохвальное и благородное, въ которомъ начальники мои не уступали никому. Вотъ почему Блюхеръ, желая лично захватить Дрезденъ, направилъ Винценгероде къ Гоэрсверду; Винценгероде же, имѣя ту же мысль, двинулъ Ланского и меня (находившагося тогда подъ командою Ланского) къ Мейссену. Но Винценгероде медлилъ подъ разными предлогами исполнить предписаніе Блюхера и, такъ сказать, желалъ украдкою достигнуть соблазнительнаго предмета. Я тогда не понималъ этого особаго рода квинтича, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобы взаимныя тонкости начальниковъ моихъ остались тщетны, и что мнѣ было опредѣлено судьбою, поддѣвъ ихъ обоихъ,— сломить себѣ голову.

Другое обстоятельство.—Многіе и донынѣ увѣряютъ меня въ существованіи приказа по арміи, обнародованнаго еще въ предѣлахъ Россіи, которымъ строго воспрещались всякаго рода сношенія съ непріятелемъ и тѣмъ болѣе заключеніе съ нимъ какихъ бы то ни было договоровъ и условій. Вѣрю, но ни-

какіе приказы и распоряженія по арміи, даже никакія извѣстія о производствахъ, словомъ, ничего того, что̀ обыкновенно обнародывается по арміямъ, не посылалось въ партіи наши въ теченіе сей Отечественной войны. Доказательствомъ тому служитъ невѣдѣніе мое, продолжавшееся два мѣсяца сряду о производствѣ меня въ полковники, и обнародованіе о занятіи мною Гродно вслѣдствіе переговоровъ моихъ и перемирія, заключеннаго мною съ австрійскимъ генераломъ Фрейлихомъ, за что̀ я былъ награжденъ самымъ лестнымъ отзывомъ фельдмаршала князя Кутузова и удостоенъ ордена св. Владиміра 3-ей степени отъ императора Александра, прибывшаго въ то время въ Вильну.

Итакъ, домогательство моихъ начальниковъ овладѣть Дрезденомъ и вышеупомянутый приказъ, отданный по арміи, мнѣ совершенно неизвѣстный, но тѣмъ не менѣе послужившій къ моему обвиненію, — вотъ два подводные камня, о которые ударилось, въ беззаботномъ и отважномъ полетѣ своемъ на всѣхъ парусахъ, мое корсарское судно.

Между тѣмъ войска наши подвигались. Партія моя, будучи подчинена Ланскому, командовавшему авангардомъ Винценгероде, и, слѣдуя правѣе его на Мускау, Шпрембергъ, Гоэрсверде, вступила 7-го марта въ деревню Бернсдорфъ, гдѣ застала партію флигель-адъютанта Орлова, готовую уже къ выступленію въ Гроссенгайнъ; Орловъ объявилъ мнѣ о намѣреніи своемъ немедленно перейти Эльбу для того, чтобы угрожать Дрездену со стороны лѣваго берега.

Надо замѣтить, что въ этотъ самый день (7-го марта) корпусъ Блюхера находился еще въ Силезіи, въ трехъ переходахъ отъ Бунцлау; корпусъ Винценгероде на пути къ Гёрлицу, а Ланской вступилъ въ Бауценъ. По прибытіи въ Бернсдорфъ, я, вслѣдствіе даннаго мнѣ повелѣнія, отрядилъ ротмистра Чеченскаго съ командуемымъ имъ 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, какъ для обозрѣнія путей и окрестностей Дрездена, такъ и для собранія свѣдѣній о самомъ городѣ.

Теперь обратимся къ Дрездену и взглянемъ, что̀ происходило тамъ до прибытія моего въ Бернсдорфъ и присоеди-

ненія къ Чеченскому. Я для сего прибѣгну къ сочиненію саксонскаго генерала Оделебена, очевидца-повѣствователя [1]).

12-го февраля король выѣхалъ изъ столицы въ Плауенъ, что въ Войтгландѣ, передавъ управленіе королевствомъ комитету государственныхъ чиновниковъ, именованному Непосредственною Коммиссіею. Половина гвардейскаго полка слѣдовала за королемъ, другая же половина перешла въ Кёнигштейнъ, куда были предварительно перенесены государственная казна и картины знаменитой дрезденской галлереи. Гусары, часть гвардейскаго кирасирскаго полка и полка Застрова, находившіеся подъ командою генерала Либенау, были размѣщены по кантониръ-квартирамъ, въ окрестностяхъ стараго города и въ новомъ городѣ.

23-го февраля генералъ Ренье, пріостановившійся на время въ Бауценѣ, вступилъ съ 7-мъ корпусомъ и размѣстилъ его, частію по селеніямъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу Эльбы, частію въ новомъ городѣ вмѣсто авангарда. Корпусъ этотъ состоялъ лишь изъ 5000 человѣкъ, считая и 1400 баварцевъ генерала Рехберга, отправленныхъ въ Мейссенъ по вступленіи этихъ войскъ въ Дрезденъ. Саксонская кавалерійская дивизія Либенау примкнула къ Ренье, коему было предписано защищать переправу Эльбы подъ Дрезденомъ и Мейссеномъ; вслѣдствіе этого, онъ перевезъ на лѣвый берегъ всѣ суда, которыя могли служить для переправы нашихъ войскъ, положилъ значительное количество пороха подъ двумя сводами великолѣпнаго моста, соединяющаго обѣ половины Дрездена, перевелъ госпитали и военные запасы изъ новаго города въ старый и приказалъ вокругъ новаго устроить нѣсколько бастіоновъ съ куртинами, обнесенными палисадомъ. Это возбудило въ городѣ волненіе: народъ не допускалъ долго войскъ къ минированію моста; но Ренье восторжествовалъ, и подъ двумя сводами моста былъ положенъ порохъ.

Между тѣмъ 28-го февраля маршалъ Даву, вступивъ въ Мейссенъ съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ, сжегъ

---

[1]) Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe, par M-r le baron d'Odeleben, l'un des officiers généraux de l'armée. Paris, 1817.

красивый деревянный мостъ, принадлежащій городу, и прибылъ 1-го марта въ Дрезденъ. Съ его прибытіемъ закипѣла дѣятельность къ защитѣ переправы; но строгость и притѣсненіе всѣхъ сословій достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Ренье, сдавъ команду надъ 7-мъ корпусомъ генералу Дюрюту, выѣхалъ изъ города.

7-го и ночь на 8-е число марта были употреблены на вывозъ орудій изъ вновь воздвигнутаго укрѣпленія, парка, фургоновъ и всякаго рода тяжестей въ старый Дрезденъ.

8-го, въ десятомъ часу утра, не принимая во вниманіе письменныхъ просьбъ короля и пренебрегая мольбами обывателей, Даву приказалъ зажечь мину, и два свода съ трескомъ и громомъ взлетѣли на воздухъ. Даву этого только и ожидалъ; онъ немедленно выступилъ въ Мейссенъ, оставя въ городѣ Дюрюта съ 7-мъ корпусомъ, силою въ 3000 французовъ, усиленныхъ нѣсколькими баталіонами и эскадронами саксонцевъ, подъ начальствомъ генерала Лекока. Дюрютъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей. Онъ поставилъ одну баттарею на мосту у самаго провала, образовавшагося взрывомъ, для обстрѣливанія всего протяженія моста и главной улицы новаго города; другую у Брюлева зàмка на Валлергартенѣ и третью у Фридрихштадта, гдѣ онъ всего болѣе опасался покушеній на лѣвый берегъ, по причинѣ изгиба рѣки, способствующаго переправѣ. Укрѣпленіе новаго города было занято двумя ротами пѣхоты, впереди которыхъ, за палисадами, помѣстились саксонскіе стрѣлки; саксонскій маіоръ Ешки былъ назначенъ комендантомъ этой половины города. Въ такомъ положеніи находился Дрезденъ при появленіи Чеченскаго съ 1-мъ Бугскимъ полкомъ, заключавшимъ въ себѣ не болѣе ста-пятидесяти казаковъ.

8-го, по утру, на походѣ изъ Бернсдорфа къ Кёнигсбрюку, услыхавъ сильный гулъ по направленію къ Дрездену, я узналъ отъ обывателей селеній, на пути моемъ лежащихъ, что гулъ происходитъ отъ взрыва дрезденскаго моста, въ которомъ, говорили они, давно уже роются французскіе піонеры; для приведенія въ исполненіе этого ожидали только прибытія

Даву. Этотъ проклятый гулъ былъ виновникомъ всѣхъ непріятностей, постигшихъ меня впослѣдствіи. Онъ оживилъ мое честолюбіе, заглушенное педантическою акуратностью Винценгероде. Я сообразилъ, что половина города, находящаяся на правомъ берегу Эльбы, или вовсе оставлена непріятелемъ, или занята гарнизономъ, съ которымъ я могу состязаться, и что, слѣдовательно, можно было съ надеждою на успѣхъ постучаться въ ворота. Если, думалъ я, удается мнѣ вступить въ одинъ новый городъ, то уже многое сдѣлано; кусокъ будетъ почать, и слава овладѣнія всею столицею будетъ принадлежать мнѣ, а не другому; этотъ другой былъ въ мысляхъ моихъ или Орловъ, или Прендель, или какой либо отрядный начальникъ прусскаго корпуса, но никакъ не Блюхеръ или Винценгероде, по отдаленію ихъ отъ Дрездена. Хоть и закипѣла кровь молодецкая, но чинопослушаніе ухватило меня за воротъ. Будучи подъ командою Ланского, съ которымъ я былъ большой пріятель, я и страшился и совѣстился отважиться на это предпріятіе совершенно безъ его вѣдома. Курьеръ поскакалъ къ нему въ Бауценъ съ слѣдующей запиской: „Я не такъ далеко отъ Дрездена. Позвольте попытаться. Можетъ-быть, успѣхъ увѣнчаетъ попытку. Я у васъ подъ командою: моя слава—ваша слава". По случаю тихой ѣзды саксонскихъ почтальоновъ, я не прежде какъ чрезъ семь часовъ получилъ отвѣтъ отъ Ланского. Онъ писалъ мнѣ: „Я давно уже просилъ позволенія послать васъ попартизанить; но отказъ былъ отвѣтомъ на мою просьбу, полагая, что вы нужны будете здѣсь въ двадцать-четыре часа, — а я, полагая эти мѣры слишкомъ робкими, разрѣшаю вамъ попытку на Дрезденъ. Ступайте съ Богомъ. Ланской". Получивъ разрѣшеніе, я въ тотъ же мигъ послалъ приглашеніе къ Орлову на пиръ, мною предпринимаемый; въ случаѣ же невозможности, просилъ у него подкрѣпленія, придерживаясь французской пословицы: „Dieu est toujours pour les gros bataillons". Отправивъ приглашеніе къ Орлову, то-есть, въ четыре часа пополудни, я выступилъ изъ Кёнигсбрюка.

Едва начали мы вытягиваться на дорогу, какъ явился ко мнѣ казакъ съ рапортомъ отъ Чеченскаго.

„Рапортъ.—До самыхъ стѣнъ города я ничего не могъ узнать отъ жителей, кромѣ того, что нѣтъ никого въ городѣ; почему я поскакалъ съ пятидесятью казаками ближе; но только что подъѣхалъ къ воротамъ, какъ былъ встрѣченъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ палисадовъ. Слава Богу, кромѣ трехъ лошадей, урону нѣтъ, и все благополучно. Я передъ городомъ, разставя пикеты, ожидаю вашего приказанія. Ротмистръ Чеченскій. 8-го марта".

Отвѣтъ мой Чеченскому: „Держись, я спѣшу къ тебѣ со всею партіею. Денисъ Давыдовъ. 8-го марта, въ пятомъ часу по полудни".

На половинѣ пути моего новый посланный съ новымъ рапортомъ является ко мнѣ отъ Чеченскаго; онъ писалъ:

„Рапортъ.—Цѣлый день непріятель сбивалъ занятые мною пикеты около города. Я, исполняя вашего высокоблагородія приказанія, ни шагу не отступилъ, хотя ясно видѣлъ, что въ упрямствѣ моемъ прока не будетъ. Вдругъ выѣзжаетъ бургомистръ съ просьбою о пощадѣ города! Я не показалъ никакого наружнаго удивленія, но въ умѣ моемъ не могъ разгадать, что̀ это значитъ. Однако я объявилъ ему, что если въ эту же ночь обыватели выгонятъ на ту сторону рѣки французовъ, занимающихъ новый городъ, то городъ не пострадаетъ; въ противномъ же случаѣ не будетъ никому и ничему пощады. Бургомистръ выпросилъ сроку на два часа и возвратился въ городъ. Я съ полкомъ остаюсь, до возвращенія его, на дневныхъ мѣстахъ, и по полученіи отзыва, немедленно объ ономъ донесу вамъ. Сего числа, во время перестрѣлки, хорунжій Рамодановъ смертельно раненъ; рядовыхъ казаковъ ранено четыре; лошадей убито девять. Ротмистръ Чеченскій. 8-го марта".

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ я прибавилъ шагу. Уже партія моя была въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Чеченскаго, то-есть, на высотахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, откуда

дорога спускается къ Дрездену, какъ новый посланный является ко мнѣ съ запиской:

„Батюшка Денисъ Васильевичъ! Изъ города явился бургомистръ, который сказалъ мнѣ, что комендантъ города желаетъ говорить съ офицеромъ нашимъ; почему Левенштернъ [1]) ѣздилъ въ городъ, но комендантъ сказалъ ему, что ежели бы у насъ была самая бездѣлица пѣхоты, то въ ту же минуту онъ оставилъ бы городъ; но что однимъ казакамъ онъ сдать города не можетъ. Александръ Чеченскій“.

Что было дѣлать? Обстоятельства представлялись не въ томъ уже видѣ, какъ прежде. Надо было прибѣгнуть къ хитрости, къ которой хотя уже часто прибѣгали, но которая всегда удавалась. Я оставилъ сотню казаковъ на мѣстѣ полученія мною записки Чеченскаго, съ приказаніемъ заниматься лишь раскладкою бивачныхъ огней по горѣ въ четырехъ мѣстахъ, и чтобы въ каждомъ мѣстѣ было костровъ по двадцати, но чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше. Назначивъ начальникомъ команды одного изъ расторопнѣйшихъ казачьихъ офицеровъ, и дозволивъ ему набрать для своей помощи нѣсколько поселянъ изъ ближнихъ селеній, я самъ поспѣшилъ съ остальными четырьмя сотнями и пятидесятью Ахтырскими гусарами къ Чеченскому, съ коимъ вскорѣ соединился.

Первою заботою моею было, воспользовавшись мѣстностью, расположить войска мои такимъ образомъ, чтобы выказать непріятелю гораздо большее число войскъ, чѣмъ ихъ у меня было въ дѣйствительности. Я занялъ биваками всѣ тѣ улицы форштадта, коихъ выходы были обращены къ городу, выставилъ изъ нихъ головы колоннъ, скрывъ хвосты ихъ за строеніями. Въ такомъ положеніи, любуясь бивачными огнями, разложенными казаками на высотахъ и весьма ярко горѣвшими, я ожидалъ наступленія дня. Въ эту минуту я получилъ убійственное письмо отъ Ланского, которое разразилось какъ бомба! Онъ писалъ.

---

[1]) Штабсъ-капитанъ Левенштернъ, прикомандированный къ партіи моей въ Гродно. Онъ нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

„Любезный мой полковникъ! Не взирая на позволеніе, мною вамъ данное, я принужденнымъ нахожусь измѣнить ваше направленіе, вслѣдствіе повелѣнія, сейчасъ полученнаго мною отъ корпуснаго командира. Итакъ, любезный другъ, вмѣсто Дрездена, прошу васъ обратиться уже изъ Кёнигсбрюка въ Радебургъ; но пошлите разъѣзды по всѣмъ путямъ, ведущимъ къ Дрездену, и откройте всѣ его окрестности. Расположите войска ваши вправо отъ Радебурга къ Мейссену, котораго окрестности также откройте какъ можно тщательнѣе. Прикажите забрать всѣ суда, находящіяся на этомъ берегѣ Эльбы, и пошлите разъѣзды по направленію къ Торгау для сего же предмета. Поставьте постъ въ Пульзницѣ, который оставьте тамъ до прибытія туда Мадатова. Мадатовъ помѣстится между вами и почтовымъ трактомъ, идущимъ изъ Бишофсверды къ Дрездену, дабы закрыть движеніе нашего корпуса, который рѣшительно сходитъ съ Калишскаго пути и котораго корпусная квартира переносится въ Гоэрсверде для очистки мѣста пруссакамъ. Въ Торгау находятся казаки Бенкендорфа; прикажите разъѣздамъ вашимъ до нихъ доходить. Независимо отъ всего этого, прикажите мѣстнымъ начальствамъ заготовлять какъ можно болѣе провіанта и фуража для корпуса, который, безъ сомнѣнія, простоитъ нѣкоторое время на этой сторонѣ Эльбы, по случаю затрудненія въ переправѣ. Ланской. Я иду на Каменецъ".

Признаюсь, эти строки жестоко поразили меня; но очнувшись скоро, я, основываясь на слѣдующемъ разсужденіи, рѣшился продолжать разъ уже начатое предпріятіе.

Чего хочетъ Ланской, думалъ я, посылая меня въ Радебургъ и къ Мейссену? Первое, сбора судовъ и сбора продовольствія для корпуса; второе, заслоненія моею партіею и отрядомъ Мадатова движенія корпуса нашего съ Калишской дороги къ Гоэрсверде? Но заготовить продовольствіе можно было гораздо удобнѣе чрезъ городскихъ властей, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на земскую полицію, и потому я думалъ вѣрнѣе выполнить предписаніе Ланскаго взятіемъ города, чѣмъ движеніемъ въ Радебургъ и Мейссенъ. Сборъ судовъ?

но ихъ нѣтъ, я это знаю,—но ихъ и быть не можетъ: въ этомъ и разсудокъ, и опытность моя мнѣ порукою, въ чемъ я вскорѣ дѣйствительно убѣдился; ибо какой начальникъ войска, отступающаго за обширную рѣку съ намѣреніемъ прикрыть себя отъ нападенія побѣдителя, оставитъ суда на берегу, откуда могъ появиться непріятель? Слѣдовательно, мнѣ нечего было хлопотать о пріобрѣтеніи предметовъ для насъ несуществовавшихъ и находившихся въ рукахъ непріятеля. Наконецъ мнѣ велѣно было прикрывать движеніе корпуса Винценгероде? Но не удобнѣе ли я выполню приказанія Ланского и Винценгероде помѣщеніемъ партіи моей на точкѣ соединенія радіусовъ, по которымъ двигаются непріятельскіе разъѣзды для развѣдыванія о движеніяхъ войскъ нашихъ, чѣмъ раздробленіемъ ея по радіусамъ, между коими всегда найдутся тропинки, если не для разъѣздовъ, то для лазутчиковъ. Сверхъ всего этого не видно ли изъ самаго смысла повелѣнія Ланского, что оно было имъ писано во время пребыванія моего въ Кёнигсбрюкѣ, а не подъ Дрезденомъ? Что жь касается лично до моей особы, то жребій мой брошенъ: я стою у воротъ Дрездена. Первая попытка была неудачна, потому что переговоры происходили съ Чеченскимъ, предводительствовавшимъ только ста-пятидесятью казаками, но теперь я самъ тутъ съ пятисотенною партіею, о чемъ, вѣроятно, непріятель уже извѣщенъ, или ему вскорѣ будетъ это извѣстно; къ тому же яркіе огни, мною разложенные и поддерживаемые, могли ввести всякаго въ заблужденіе. Я въ теченіе дня поджидалъ Орлова, или, по крайней мѣрѣ, помощь съ его стороны; Прендель также былъ не далеко; къ тому же какой самый исполнительный фельдфебель, находясь въ моемъ положеніи, рѣшится на буквальное исполненіе предписанія Ланского и на постыдное отступленіе въ глазахъ и изъ подъ выстрѣловъ непріятеля! Если бы это повелѣніе пришло прежде начатія переговоровъ,—дѣло другое: набѣгъ Чеченскаго кончился бы обыкновеннымъ казачьимъ обозрѣніемъ, и тѣмъ бы окончилось все дѣло. Но уже требованіе о сдачѣ города было сдѣлано; угрозы, въ случаѣ медленной его сдачи, были объяв-

лены. Отрядъ мой, стоявшій у воротъ города, уже былъ ясно виденъ непріятелемъ; бивачные огни, горѣвшіе на высотахъ, достаточно убѣждали его, что онъ имѣлъ уже дѣло не съ ста-пятидесятью казаками: такъ разсуждалъ я самъ съ собою. Это разсужденіе было безспорно нѣсколько основательно, но оно обличало съ моей стороны мало проницательности. Какъ было мнѣ не понять, что дѣло шло не о сборѣ судовъ, не о запасахъ провіанта, не о прикрытіи своею партіею движенія корпуса, во время слѣдованія его къ Гоэрсверде, а объ отдаленіи меня и Ланского отъ пути, по коему Винценгероде намѣревался явиться къ Дрездену? Вотъ чего отъ меня требовалъ этотъ генералъ чрезъ Ланскаго, который, какъ и я, не постигъ смысла этого требованія и, добродушно передавъ его мнѣ, перешелъ изъ Бауцена въ Каменецъ; тогда какъ я, не предвидя отъ того опасныхъ для себя послѣдствій, рѣшился довершить начатое.

Едва ободняло, я послалъ снова Левенштерна парламентеромъ съ требованіемъ сдачи города и извѣстіемъ о прибытіи моемъ съ конницею и пѣхотою, которой огни были видны на сосѣднихъ горахъ, и о скоромъ начатіи приступа въ случаѣ отказа. Отвѣтомъ мнѣ было желаніе генерала Дюрюта, квартировавшаго въ старомъ городѣ, говорить съ уполномоченнымъ мною штабъ-офицеромъ. Я послалъ къ нему Волынскаго уланскаго полка подполковника Храповицкаго, и, чтобы придать ему болѣе важности, я присоединилъ ко множеству орденовъ, имъ носимыхъ, и нѣкоторые мои. При переправѣ на лодкѣ чрезъ Эльбу, Храповицкому, какъ водится, завязали глаза платкомъ (печатное изображеніе этого путешествія Храповицкаго продавалось въ Дрезденѣ какимъ-то дрезденскимъ спекуляторомъ), повели его подъ руки на квартиру французскаго генерала, и переговоры начались. Къ нимъ были допущены саксонскій генералъ Лекокъ и члены Непосредственной Комиссіи. Уполномоченнымъ со стороны Дюрюта былъ первый адъютантъ его капитанъ Франкъ.

Между тѣмъ тò, чего я ожидалъ, случилось. Орловъ, занятый приготовленіями переправы чрезъ Эльбу, не могъ при-

быть ко мнѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ, но прислалъ лишь Донской казачій полкъ Мелентьева, а отрядъ Прендоля показался на Бауценской дорогѣ. Однако, не взирая на прибытіе свѣжаго войска, переговоры, неразлучные съ преніями, иногда довольно воинственными съ обѣихъ сторонъ, продолжались цѣлый день, и только въ девять часовъ вечера уполномоченные подписали договоръ,—Дюрютъ и я ратификовали условія. Возникли затрудненія отъ намѣренія моего вымарать нѣкоторыя статьи, почитаемыя мною вовсе излишними, какъ напримѣръ: первое — все, что касалось продовольствія и размѣщенія по квартирамъ моего отряда, къ чему, по условію, я обязывался допустить гражданскихъ чиновниковъ, назначенныхъ отъ города, вмѣстѣ съ чиновникомъ, на этотъ предметъ отъ меня назначеннымъ; второе — статья, въ которой требовали безобиднаго обхожденія съ жителями, и третье — статья, по которой я обязывался оберегать имущество королевскихъ и частныхъ лицъ и занять охранными караулами кадетскій корпусъ, королевскую библіотеку и японскій дворецъ и вообще всѣ обязанности, исполняемыя безъ требованія и всякимъ благонамѣреннымъ начальникомъ при вступленіи въ какой либо городокъ. Съ своей стороны Дюрютъ, соглашаясь на сдачу новаго города, не хотѣлъ уважить моего требованія, чтобы, до перехода французовъ въ старый, войска ихъ, занимавшія еще укрѣпленіе, отдали бы честь русскимъ, стоя, во всемъ парадѣ, во фронтѣ, и сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ. Затрудненія эти были улажены лишь къ вечеру. Я оставилъ въ капитуляціи статьи, почитаемыя мною излишними, подписавъ только подъ ними, „articles inutiles“ (статьи ненужныя), и Дюрютъ согласился, чтобы войска его отдали честь моимъ съ тѣмъ только, чтобы эта статья не была помѣщена въ капитуляціи. Я былъ этимъ доволенъ, ибо желалъ этого не для газетъ, но для жителей Дрездена; мнѣ хотѣлось сдѣлать ихъ очевидными свидѣтелями униженія французовъ предъ русскими. Но была статья, возбудившая противъ меня всю пернатую и плотоядную тварь, взрывающую, подобно гіенамъ, кладбище происшествій. Меня упрекали въ изъяв-

леніи согласія на статью, въ коей требовалось прекращеніе военныхъ дѣйствій въ самомъ новомъ городѣ и на разстояніи одной мили выше и ниже его. По истинѣ, это согласіе съ моей стороны было бы непростительно, еслибъ тутъ не было сказано: каждый изъ договаривающихся обязуется объявить противнику своему о начатіи военныхъ дѣйствій на этомъ пространствѣ за сорокъ-восемь часовъ до ихъ начатія, и вотъ мой разсчетъ при утвержденіи означенной статьи: не имѣя перевозныхъ средствъ, находившихся на противномъ берегу въ рукахъ непріятеля, а также зная слабость и составъ моей партіи, я самъ собою ничего не могъ предпринять противъ Дюрюта, занимавшаго пѣхотою и артиллеріею старый Дрезденъ. Дюрютъ же, имѣя пѣхоту и артиллерію и сверхъ того всѣ суда, принадлежащія городу и окрестностямъ, могъ всегда напасть на меня въ новомъ городѣ и заставить раскаяться за дерзость, съ которою я торчалъ у него подъ глазами съ одной лишь казачьей командою. Слѣдовательно, что̀ касается лично меня и моей партіи, эта статья, охраняя насъ отъ внезапнаго нападенія Дюрюта, была намъ не только полезна, но необходима, и я по сіе время не могу понять безумія Дюрюта, который имѣлъ въ виду обезпечить себя лишь противъ нечаяннаго нападенія нашего со стороны новаго города, а между тѣмъ легко было переправиться въ восьми, пятнадцати и двадцати верстахъ выше или ниже этого города!

Имѣлъ ли я право заключить конвенцію эту только потому, что она была полезна моей партіи? Одинъ ли я велъ войну съ Наполеономъ? Я былъ, можно сказать, атомомъ въ общей громадѣ силъ; какъ смѣлъ я обязать всю эту громаду въ соблюденіи договора полезнаго для одного меня и вреднаго, можетъ-быть, предначертаніямъ высшаго начальства и общимъ выгодамъ? Но вотъ въ чемъ состоялъ мой разсчетъ: корпуса Блюхера и Винценгероде были ближайшими изъ всей этой громады силъ къ Дрездену; я офиціально и положительно зналъ, что въ это время первый находился въ Бунцлау, на границѣ Силезіи и Саксоніи, внѣ боевыхъ происшествій, а послѣдній—въ Гёрлицѣ. Будь Винценгероде не такъ удаленъ отъ меня, я не

долженъ былъ бы и не осмѣлился бы согласиться на эту статью, или вмѣсто сорока-восьми-часового срока, я назначилъ бы срокъ сообразный съ тѣмъ временемъ, которое было ему необходимо для перехода отъ мѣста, имъ занимаемаго, до Дрездена. Но, съ одной стороны, я видѣлъ Винценгероде въ Гёрлицѣ въ девяноста верстахъ, то-есть, въ трехъ переходахъ, или, что̀ одно и то же, въ семидесяти-двухъ часахъ разстоянія отъ Дрездена, съ другой—мнѣ бросалась въ глаза важность означенной статьи предъ всѣми прочими. Я видѣлъ, что несогласіемъ своимъ я лишу себя плодовъ начатаго, и что Дюрютъ не сдастъ мнѣ безъ этого города. Что было дѣлать? Надлежало, принявъ статью, освободить вмѣстѣ съ тѣмъ Винценгероде отъ обязанности, мною принятой. Надо было устроить такъ, чтобы срокъ прибытія его къ Дрездену совпадалъ со срокомъ окончанія перемирія, ибо, при малѣйшемъ его замедленіи, я могъ подвергнуться неминуемому пораженію. Итакъ, принимая въ соображеніе трехсуточный переходъ Винценгероде изъ Гёрлица до Дрездена, я считалъ, что, при выступленіи его изъ Гёрлица даже 11-го по утру, онъ непремѣнно прибудетъ къ Дрездену 13-го къ вечеру. Въ этомъ предположеніи я, занявъ новый городъ, рапортовалъ генералу Ланскому о прекращеніи перемирія 13-го вечеромъ, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить о томъ генерала Винценгероде; 11-го вечеромъ я послалъ письменное объявленіе Дюрюту о начатіи мною военныхъ дѣйствій въ городѣ и окрестностяхъ его чрезъ сорокъ-восемь часовъ, какъ о томъ было условлено въ капитуляціи. Такимъ образомъ, ничѣмъ не стѣснивъ генерала Винценгероде, я оградилъ лишь себя отъ нечаяннаго нападенія Дюрюта до его прибытія. Къ удивленію моему, одна передовая пѣхота Винценгероде подошла къ Дрездену не прежде 14-го вечеромъ, что̀ подвергало партію мою на цѣлыя сутки большой опасности; хитрость съ моей стороны понятная, и разсчетъ мой, какъ оказалось, былъ вѣренъ! Уже 14-го числа меня не было въ новомъ городѣ, и срамъ изгнанія нашего изъ города былъ бы отнесенъ не ко мнѣ. Гдѣ же съ моей стороны опрометчивость и неосмотрительность при утвержденіи этой статьи?

чѣмъ оковалъ я дѣйствія Винценгероде въ городѣ и окрестностяхъ его, и, слѣдовательно, на чемъ основывался упрекъ въ принятіи статьи, не касавшейся главныхъ операцій арміи, безвредной для моего начальника, даровавшей мнѣ часть Дрездена и отвратившей отъ меня великую опасность? По ратификаціи условій, я немедленно послалъ копію съ нихъ при рапортѣ генералу Ланскому:

„Вчерашняго числа я предпринялъ усиленное обозрѣніе Дрездена. Ротмистръ Чеченскій, командующій 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, отличился; это его обыкновеніе. Убито: оберъ-офицеръ одинъ, ранено казаковъ четыре, убито и ранено лошадей девять. Испуганный непріятель вступилъ въ переговоры, вслѣдствіе коихъ я завтрашняго числа занимаю половину города Дрездена и копію съ условій, мною ратификованныхъ, имѣю честь представить вашему превосходительству. Полковникъ Давыдовъ. 1813 года марта 9-го дня. У палисадъ Дрездена“.

Однако, когда все улеглось и затихло, пришло и раздумье. Черныя мысли заклубились въ головѣ моей, и самый подвигъ мой представился мнѣ не съ одной, а ужь съ двухъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, я видѣлъ во вторженіи слабой казачьей партіи въ столицу, защищенную вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, имѣвшимъ пѣхоту и артиллерію,—славу русскаго оружія и моего имени; съ другой—Винценгероде, стремящагося занять столицу Саксоніи лично, а не отрядомъ своего корпуса, Винценгероде, заранѣе уже сочиняющаго пышную реляцію о побѣдѣ своей надъ непріятелемъ, о торжественномъ вступленіи въ городъ, и уже упоеннаго надеждами на великія и богатыя монаршія щедроты, но вдругъ, обманувшись въ своихъ лучшихъ мечтахъ, онъ сраженъ этой неожиданной удачей моей! Если, думалъ я, Винценгероде дѣйствительно имѣетъ предметомъ Дрезденъ, то какова должна была быть злоба его на меня, и какъ много онъ могъ мнѣ вредить! Впрочемъ, „что будетъ, тó будетъ, а тò будетъ, что Богъ дастъ“, говорилъ гетманъ Хмельницкій; сказавъ себѣ это въ полголоса, я уснулъ сномъ невинности предъ пылающимъ костромъ. До разсвѣта я велѣлъ партіи моей готовиться къ парадному вступленію въ городъ,

то-есть, чиститься и холиться; надо было блеснуть, чѣмъ Богъ послалъ; мы сами нарядились въ самыя новыя одежды. Я тогда носилъ курчавую, черную, какъ крыло вôрона, окладистую бороду; одежда моя состояла изъ чернаго чекменя, красныхъ шароваръ и красной шапки съ чернымъ околышемъ; я имѣлъ на бедрѣ черкесскую шашку, и ордена: на шеѣ Владимира, Анну, алмазами украшенную, и прусскій „за достоинство“,—въ петлицѣ Георгія. Храповицкій и Чеченскій были въ подобной же одеждѣ, но Левенштернъ въ пѣхотномъ мундирѣ. Бекетовъ съ Макаровымъ въ ментикахъ ихъ полка, а Алябьевъ въ мундирѣ казачьяго графа Мамонова полка. Порядокъ вступленія войскъ въ городъ назначенъ былъ слѣдующій: я—впереди, окруженный Храповицкимъ, Левенштерномъ, Бекетовымъ, Макаровымъ и Алябьевымъ, Ахтырскіе гусары позади насъ, въ родѣ конвоя; за ними 1-й Бугскій казачій полкъ, предшествуемый пѣсельниками; потомъ Донской Попова 13-го полкъ, а за нимъ Донской Мелентьева полкъ.

Въ десять часовъ утра явились ко мнѣ гражданскіе чиновники и депутаты города. Они спѣшили къ казачьему начальнику, по ихъ мнѣнію, грубому, необразованному, и не вѣрили своимъ ушамъ и глазамъ, услыхавъ меня, бородоча, отвѣтствовавшаго на привѣтствіе ихъ благодарностью, облеченною въ французскія фразы, впрочемъ довольно пошлыя. Послѣ этого я долго говорилъ имъ о высокой судьбѣ, ожидающей Германію, если она не измѣнитъ призыву чести и достоинству своего имени, о благодарности, коей она обязана императору Александру, о средствахъ, кои у ней подъ рукою, для изъявленія этой благодарности; я лишь казакъ, наѣздникъ, ничего не понимающій въ политикѣ, но увѣренъ, что, если саксонцы первые возстанутъ за дѣло, столь справедливое и священное, они тѣмъ много угодятъ великодушному монарху россійскому, вступившему въ Германію для ея освобожденія, а не для себя, ибо его дѣло уже сдѣлано. Словомъ, Богъ знаетъ, чтò я тутъ нагородилъ безъ малѣйшаго затрудненія, Все, сказанное мною, невольно черпалось изъ прокламацій. распространяемыхъ тогда въ Германіи. Ежедневное чтеніе

ихъ снабжало готовыми фразами безтолковѣйшихъ людей; съ моей стороны я былъ имъ много обязанъ. Цѣлыя груды ихъ лежали въ памяти моей, какъ запасъ сосисекъ для угощенія нѣмцевъ. Пользуясь ими, я такъ ихъ себѣ усвоилъ, что едва не заговорилъ съ казаками моими и даже съ своимъ деньщикомъ отрывками изъ прокламацій.

Того же числа съ самаго утра Дюрютъ дозволилъ переѣздъ жителямъ изъ стараго въ новый городъ и пребываніе въ немъ до полудня, то-есть, до выступленія гарнизона [1]), что̀ произвело въ этой половинѣ Дрездена чрезвычайное стеченіе народа. Многіе даже, предвидя скорое освобожденіе стараго города, не возвратились туда, а остались въ новомъ, въ ожиданіи скораго отступленія Дюрюта къ Лейпцигу.

Въ полдень вся моя партія сѣла на коней, и по предписанному мною порядку, вступила въ ворота укрѣпленія. Тутъ стоялъ гарнизонъ, который отдалъ честь, сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ. У караула стоялъ тотъ самый капитанъ Франкъ, первый адъютантъ Дюрюта, который былъ имъ уполномоченъ при заключеніи договора. Я, благодаривъ гарнизонъ легкимъ приподнятіемъ шапки, подозвалъ къ себѣ капитана Франка и пригласилъ его на завтракъ. Тогда мы подвинулись впередъ, и пѣсельники, ѣхавшіе впереди Бугскаго полка, залились:

Растоскуйся, моя сударушка!

Погода была прелестная. Число любопытныхъ было невѣроятно; на большой улицѣ не оставалось пустого мѣста. Во всѣхъ окнахъ двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ торчали головы; самыя крыши были усѣяны народомъ. Иные махали платками, другіе бросали шляпы на воздухъ, и все кричало, ревѣло и вопило: „Ура! Александръ! ура! Россія!“ И въ этомъ многогласномъ хорѣ, прославлявшемъ два столь огромныя имени, недостойное мое извивалось подобно звуку флейточки среди оглушительнаго гула трубъ и литавръ.

---

[1]) Изъ Оделебена.

Мнѣ отвели квартиру у банкира Прейлинга, на большой улицѣ, гдѣ ожидали меня всѣ почетные чиновники города; но я проѣхалъ мимо, прямо къ берегу, для размѣщенія пикетовъ, вдоль Эльбы. Партія моя располагалась между тѣмъ биваками по большой улицѣ, дабы быть всегда подъ рукою. Окончивъ обязанности службы, я слѣзъ съ коня и вошелъ въ квартиру, гдѣ принялъ городскихъ чиновниковъ. Изъ нихъ я помню директора кадетскаго корпуса, толстоватаго, рыжаго генерала; въ красномъ военномъ мундирѣ съ желтыми отворотами, и начальника японскаго дворца, кажется, господина Липіуса, старичка въ пудрѣ; я забылъ наружность и имена прочихъ. Я употребилъ въ разговорѣ съ ними тотъ же чужой умъ и заимствованныя фразы, какъ и съ депутатами, съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями. Всѣ они остались довольны и я не менѣе ихъ, когда, взаимно раскланявшись, мы разстались. Немедленно поскакалъ отъ меня курьеръ къ Ланскому съ рапортомъ моимъ.

„Рапортъ.—Въ полдень я вступилъ съ войсками въ новый Дрезденъ. Завтра, 11-го марта, вечеромъ я уничтожаю перемиріе, заключенное мною съ Дюрютомъ; слѣдственно 13-го вечеромъ можно будетъ свободно дѣйствовать, какъ внутри города, такъ и въ окрестностяхъ онаго. Покорнѣйше прошу вашего превосходительства довести до свѣдѣнія господина корпуснаго командира обстоятельство это. Замедленіе въ прибытіи пѣхоты и артиллеріи въ новый городъ легко можетъ лишить насъ пріобрѣтеннаго. Полковникъ Давыдовъ 1813 года 10-го марта. Н. г. Дрезденъ“.

Въ этотъ самый день саксонскій генералъ Лекокъ, съ саксонскою пѣхотою, и Либенау, съ саксонскою кавалеріею, выступили изъ стараго Дрездена, первый къ Торгау, а послѣдній къ королю въ Плауенъ, что̀ въ Войтгландѣ; ихъ замѣнили баварцы Рехберга, пришедшіе изъ Мейссена. На другой день, осмотрѣвъ пикеты, я съ конвоемъ Ахтырскихъ гусаръ ѣздилъ въ кадетскій корпусъ и японскій дворецъ. Осматривая чертежи кадетъ, я, въ качествѣ казака, не мало удивилъ памятью своею директора корпуса, показавъ ему на планѣ плауенской долины и ея окрестностей всѣ подробности позиціи Дауна, во время Семилѣтней войны въ

1758 году; я ему напомнилъ, что австрійская конница была расположена на равнинѣ между Дрезденомъ и Плауеномъ, что самъ Даунъ съ пѣхотою занималъ высоты отъ Плауена до Виндберга, Сенсеръ стоялъ на высотахъ Генппена, для защиты тыла арміи и Посендорфскаго дефиле, а Брентано прежде въ Стреленѣ, а потомъ въ Никернѣ; измѣривъ наконецъ циркулемъ ширину долины между Плауеномъ и Подчапелемъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что на планѣ она шире, чѣмъ въ натурѣ, ибо извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ ширина ея не простирается болѣе четырехсотъ шаговъ. Рыжій генералъ мой выпучилъ глаза подобно депутатамъ, коимъ я наканунѣ говорилъ рѣчь на французскомъ языкѣ, и вмѣсто разсужденія со мною о позиціи Дауна и о Семилѣтней войнѣ, поднялъ руки къ верху и съ громогласнымъ восклицаніемъ спросилъ, неужели я принадлежу къ казацкой націи? Я весьма серьезно увѣрилъ его въ этомъ, и мы разстались.

Не то было въ японскомъ дворцѣ. Увы! въ этой сокровищницѣ искусствъ и художествъ, я самъ наскочилъ на плауенскую, неприступную для меня позицію! Тутъ не было воспоминаній ни о Семилѣтней войнѣ, ни о сраженіяхъ, ни о наѣздахъ, — тутъ были статуи, треножники и прочія древности, мнѣ невѣжѣ вовсе чуждыя. Я ходилъ по заламъ, всему дивился, не осмѣливаясь судить и рядить какъ въ кадетскомъ корпусѣ; тутъ я былъ истиннымъ башкирцемъ. Въ этотъ день пріѣзжали ко мнѣ, не болѣе какъ на одинъ часъ времени, князь Мадатовъ и Орловъ. Оба они, какъ пріятели, поздравляли меня съ удачею, не предвидя бѣдствій, уже готовыхъ разразиться надо мною; послѣ ихъ отъѣзда я получилъ отъ Ланского слѣдующее письмо:

„Очень поздравляю васъ, любезный полковникъ, съ занятіемъ новаго города Дрездена. Я отослалъ къ генералу Винценгероде рапортъ вашъ, присланный ко мнѣ вмѣстѣ съ копіею капитуляціи, заключенной вами съ французскимъ генераломъ Дюрютомъ. Вы напрасно однако жь заключили перемиріе, безъ позволенія вашихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что ни я, ни даже генералъ Винценгероде не имѣли на это права. Я вѣрю, что занятіе Дрез-

дена причинитъ большое удовольствіе высшимъ властямъ, и что, въ пылу радости, онѣ забудутъ о статьѣ, касающейся до перемирія; но что̀ вы забыли, не менѣе важно: это—лодки, плоты и паромы, о сборѣ коихъ я просилъ васъ. Они не собраны, и если собраны, то я о томъ не знаю. Не лишнее однако жь было бы захватить тѣ суда, на коихъ непріятель переправлялся; ибо безъ того, всѣ выгоды перемирія на его сторонѣ, а не на нашей. Ланской."

„Сейчасъ получилъ рапортъ вашъ о вступленіи вашемъ въ городъ, и этотъ рапортъ посылаю также къ корпусному командиру".

Я отвѣчалъ ему:

„Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ! Позвольте васъ спросить: гдѣ и кѣмъ было запрещено заключать условія и перемирія съ непріятелемъ, когда они, находясь внѣ сферы общихъ предначертаній, не только не причиняютъ имъ ни малѣйшаго вреда, но даже полезны, необходимы и спасительны для того, кто ихъ заключаетъ? Впрочемъ, если запрещеніе такого рода дѣйствительно существуетъ, то я о томъ не былъ никогда извѣщенъ; всѣхъ насъ, партизановъ, во все время Отечественной войны не увѣдомляли о приказахъ, постановленіяхъ и прочихъ распоряженіяхъ начальства по арміи. Что̀ же касается лично до меня, то я получилъ лишь одну бумагу, заключавшую въ себѣ благоволеніе свѣтлѣйшаго князя Кутузова и извѣщеніе о высочайшемъ пожалованіи мнѣ ордена св. Владиміра 3-й степени, за взятіе мною Гродно, по условію и съ перемиріемъ.

„Условія, заключенныя мною съ Дюрютомъ, потому мнѣ полезны, что съ помощію ихъ я овладѣлъ Дрезденомъ; перемиріе было и не перестаетъ быть мнѣ спасительнымъ потому, что, благодаря его, я съ одними казаками безопасно стою предъ пѣхотою и артиллеріею Дюрюта, который, безъ этого перемирія, Богъ знаетъ для чего имъ заключеннаго, могъ бы прогнать меня изъ новаго города, когда бы онъ того захотѣлъ. Не возразятъ ли мнѣ, что я этимъ перемиріемъ связалъ руки корпусному командиру? Но гдѣ его превосходи-

тельство? Въ трехъ переходахъ отсюда. Слѣдовательно, если допустить выступленіе его изъ Гёрлица въ нынѣшнее утро, онъ сюда можетъ быть не ранѣе 13-го. Къ этому времени и срокъ перемирія кончится, ибо я имѣлъ уже честь донести вамъ, что, въ силу заключеннаго мною условія, я посылаю сегодня вечеромъ письменное объявленіе Дюрюту объ открытіи съ моей стороны военныхъ дѣйствій чрезъ сорокъ-восемь часовъ, то-есть, ко времени прибытія корпуса нашего. Такимъ образомъ, не стѣсняя дѣйствія генерала Винценгероде, я, до прибытія его, избавляю мою партію отъ неминуемой опасности.

„Что жь касается до конницы, то она не принесетъ здѣсь никакой пользы. Прибытіе сюда всего вашего отряда, всей конницы нашего корпуса было бы безполезно, ибо мы, безъ пѣхоты и артиллеріи, дѣйствуя изъ новаго города на старый, ничего не сдѣлаемъ.

Теперь скажу вамъ еще о собраніи судовъ для переправы. Непріятель переправился чрезъ Эльбу не на судахъ; онъ перешелъ ее по существовавшимъ тогда мостамъ дрезденскому и мейссенскому, изъ коихъ первый имъ взорванъ на воздухъ, а послѣдній сожженъ; но, съ переходомъ на лѣвый берегъ рѣки, онъ перевезъ на этотъ берегъ всѣ лодки, плававшія между богемскою границею и Торгау, и этого должно было ожидать. Какой безумецъ, оградясь рѣкой отъ непріятельскаго покушенія и истребивъ мосты, на ней существовавшіе, не довершитъ принятыхъ имъ оборонительныхъ мѣръ, перевозомъ на свою сторону судовъ, могущихъ служить для переправы противника? Орловъ, не найдя также ихъ на Эльбѣ, воспользовался находившимися на Эльстервердовскомъ каналѣ, который отъ меня Богъ знаетъ гдѣ, и о коемъ мнѣ ничего не было предписано. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ. 1813 года марта 11-го дня. Н. г. Дрезденъ".

Уже съ утра этого дня я предписалъ городскому правленію принять мѣры къ заготовленію въ городѣ и окрестностяхъ его провіанта и фуража на сорока-тысячную армію, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ о свозѣ къ берегу Эльбы матеріаловъ для постройки плотовъ и па-

роновъ; я имѣлъ въ виду болѣе попугать Дюрюта, чѣмъ предпринимать переправу. Я полагалъ эту хитрость не излишнею въ случаѣ перехода Эльбы Орловымъ, который обѣщался мнѣ обратиться въ тылъ старому Дрездену.

12-го большая часть тяжестей и довольно большое число французскихъ войскъ двинулись изъ города къ Лейпцигу, а баварскія войска Рехберга выступили въ Мейссенъ [1]). Въ теченіе этого дня партія подполковника Прендeля вступила въ новый городъ. Вечеромъ пикетные мои дали мнѣ знать о звукѣ пушечныхъ колесъ и о движеніи войскъ за рѣкою; полагая, что это происходитъ отъ рѣшительнаго выступленія непріятеля изъ стараго города, и желая лично въ томъ удостовѣриться я скрытно пробрался къ обвалу, образовавшемуся послѣ взорванія сводовъ моста насупротивъ непріятельской баттареи, устроенной по другой сторонѣ его. Долго прислушивался я, но кромѣ разговора французскихъ канонировъ, на баттареѣ находившихся, я ничего не могъ услыхать. Я узналъ послѣ, что шумъ этотъ точно происходилъ отъ начатаго уже отступленія нѣкоторой части войскъ Дюрюта, испугавшагося перехода на лѣвый берегъ передовыхъ войскъ Орлова и начавшаго опасаться нападенія съ моей стороны. Онъ принялъ начатое мною приготовленіе къ постройкѣ паромовъ и плотовъ за истинное намѣреніе переправляться въ старый Дрезденъ; онъ въ то же самое время получилъ извѣстіе о переправѣ Орлова, коего старанія на этотъ счетъ были ему уже извѣстны. Казалось, что судьба, улыбаясь, призывала меня къ овладѣнію послѣднею половиною столицы Саксоніи, какъ вдругъ, 13-го, на разсвѣтѣ, нагрянулъ на меня Винценгероде, который, вмѣсто движенія на Гоэрсверде, прискакалъ на почтовыхъ изъ Бауцена въ Дрезденъ. Я избавлю читателя отъ подробностей свиданія нашего тѣмъ болѣе, что оно состояло въ одномъ монологѣ, какъ бываетъ и какъ должно быть между начальникомъ и подчиненнымъ [2]). Осужденіе мое заключалось въ трехъ

[1]) Изъ Обелебена.

[2]) Генералъ Винценгероде разругалъ при этомъ случаѣ всѣхъ партизановъ вообще и своего пріятеля, генерала Чернышева, въ особенности.

пунктахъ: во-первыхъ, какъ я осмѣлился безъ дозволенія подойти къ Дрездену, не взирая на полученное уже мною другое направленіе и назначеніе? во-вторыхъ, какъ осмѣлился я входить въ переговоры съ непріятелемъ, что было строго запрещено еще въ предѣлахъ Россіи? въ третьихъ, какъ осмѣлился я заключать перемиріе съ непріятелемъ, на что, говорилъ онъ, ни онъ, не самъ Блюхеръ не имѣли права? Послѣдній поступокъ называлъ онъ государственнымъ преступленіемъ, достойнымъ примѣрнаго наказанія. На первый вопросъ я объявилъ ему, что я подошелъ къ Дрездену не своевольно, но вслѣдствіе повелѣнія генерала Ланского; но, опасаясь, чтобы Винценгероде не потребовалъ отъ меня предписанія Ланского, я поспѣшилъ прибавить: „Генералъ Ланской сейчасъ пріѣхалъ; я его видѣлъ. Ваше превосходительство можете удостовѣриться въ томъ отъ него изустно“. На счетъ запрещенія вступать въ переговоры съ непріятелемъ, а еще болѣе заключать съ нимъ перемиріе, я представилъ ему возраженіе, находящееся въ письмѣ моемъ къ Ланскому. Но все это ни къ чему не послужило. „Какъ бы то ни было“, сказалъ онъ, „а ваша вина въ томъ, что вы дѣйствовали на перекоръ запрещенію вступать въ переговоры и заключать перемирія съ непріятелемъ. Нѣтъ отговорокъ въ незнаніи приказовъ, отдаваемыхъ по арміи, и потому я не могу избавить васъ отъ военнаго суда. Сдайте вашу команду подполковнику Пренделю и извольте отправиться въ императорскую и главную квартиры. Можетъ-быть тамъ будутъ съ вами снисходительнѣе; я не люблю, я никогда не употребляю снисходительности въ военномъ дѣлѣ. Прощайте“. Тѣмъ заключился подвигъ, предпринятый не безъ отваги. Я сдалъ партію свою господину Пренделю

Кто когда-нибудь былъ отрываемъ отъ своихъ подчиненныхъ, съ которыми такъ долго раздѣлялъ голодъ, холодъ, радость, горе, труды и опасности, тотъ легко пойметъ, какъ глубоко это огорчило меня. Отъ Бородинскаго сраженія до вступленія въ Дрезденъ я сочеталъ свою судьбу съ ея судьбою, мое существованіе съ ея существованіемъ. Я разставался уже не съ подчиненными; я оставлялъ въ каждомъ гусарѣ

сына, въ каждомъ казакѣ—друга. Въ числѣ особенно близкихъ къ моему сердцу были: Храповицкій и Бекетовъ, съ коими я, можно сказать, заключилъ союзъ кровнаго братства, послѣ долгаго товарищества, взаимныхъ пожертвованій жизни и сочувствія; я не перестаю воспоминать о святыхъ и чудесныхъ событіяхъ, съ коими слилось наше братское чувство. О, какъ черствый сухарь на бивакѣ, запахъ жженаго пороха и кровавая купель сближаетъ людей между собою! При разставаніи со мною пятьсотъ человѣкъ рыдало.

Алябьевъ поѣхалъ со мною; не имѣя команды, онъ потому былъ свободенъ, но служба при партіи могла доставить ему случаи къ отличію и награжденіямъ, а поѣздка со мною—одну душевную благодарность мою; но онъ предпочелъ послѣднее.

Я еще не успѣлъ оставить квартиры своей, какъ явились ко мнѣ депутаты сословія Мейссенскаго округа съ депутатами градской думы. Узнавъ о непріятности, меня постигшей, они поспѣшили изъявить мнѣ изустно свою благодарность за содержаніе въ порядкѣ команды моей, отъ чего, по словамъ ихъ, городъ наслаждался полнымъ спокойствіемъ и безопасностью. При семъ они поднесли мнѣ листъ, который и понынѣ хранится у меня:

„Когда 20-го числа сего мѣсяца россійско-императорскія войска приблизились къ городу Дрездену, то нижепоименованные депутаты съ депутатами градской думы отправились въ находящуюся предъ новымъ городомъ Дрезденомъ главную квартиру начальника россійско-императорскаго войска, господина полковника Давыдова, дабы поручить его покровительству городъ, жителей, королевскую собственность и въ особенности. содержимые на счетъ общества, магазины, и просить, чтобы, въ силу заключенной конвенціи, все это оставалось бы въ сохранности.

„Послѣ того какъ конвенція была утверждена, королевскія зданія и магазины были заняты охранительными караулами; вступившія въ городъ войска размѣщены надлежащимъ порядкомъ по квартирамъ и обезпечены фуражемъ, потребнымъ для многочисленной кавалеріи; вездѣ была соблюдаема совершенная дисциплина, и повсюду господствовали спокойствіе и

безопасность. Нижеименовавшіеся не могли упустить сего случая, чтобы не засвидѣтельствовать подлинности сего дѣла и не присовокупить къ тому увѣренія въ искренней своей благодарности. Новый городъ Дрезденъ, 24-го марта 1813 года".

„Д. Фонъ-Мильтицъ, комиссаръ.
Д. Христіанъ Фридрихъ Кретцемаръ, градскій судья.
Д. Готлибъ-Гейнрихъ Шульцъ, градскій судья".

Я уже садился въ почтовую коляску, какъ получилъ извѣстіе о переправѣ Орлова. Еще нѣсколько часовъ и старый Дрезденъ былъ бы также въ рукахъ моихъ; судьба предоставила эту добычу другому. Я выѣхалъ въ тѣ самыя ворота новаго города, въ которыя, за два дня предъ тѣмъ, я, радостный и съ торжествомъ, входилъ въ главѣ моей партіи.

Въ Калишѣ я явился прямо къ начальнику главнаго штаба обѣихъ союзныхъ армій, князю Петру Михайловичу Волконскому. Князь съ бумагами, мною привезенными отъ Винценгероде, пошелъ къ свѣтлѣйшему князю Кутузову, который неотлагательно представилъ ихъ покойному императору, напомнивъ ему мою службу во времена бѣдственныя и о занятіи мною Гродно. Государь сказалъ: „Какъ бы то ни было, побѣдителей не судятъ". Вотъ слова его.

Винценгероде справедливо предрекъ мнѣ снисходительность высшихъ властей; сердца, въ коихъ звенитъ струна русская, струна отечественная, мнѣ не опасны.

Чрезъ нѣсколько дней служили благодарное молебствіе, сопровождаемое пушечными выстрѣлами, за взятіе Дрездена. Я слушалъ ихъ, скитаясь по улицамъ Калиша; однако на другой день свѣтлѣйшій, приславъ за мною, осыпалъ меня извиненіями и ласками. Онъ отправилъ меня обратно къ Винценгероде, съ предписаніемъ возвратить мнѣ ту самую партію, которая находилась у меня въ командѣ, за что я

ему душевно и глубоко благодаренъ. Онъ не могъ сдѣлать болѣе, ибо его власть была уже весьма ограничена.

Я нашелъ корпусъ нашъ въ Лейпцигѣ, партія не была однако мнѣ возвращена генераломъ Винценгероде, подъ предлогомъ разсѣянія ея по обширному пространству; но обѣщанія его на составленіе мнѣ другой команды не прекращались до того времени, когда я самъ сталъ просить позволенія возвратиться въ Ахтырскій гусарскій полкъ, къ коему я принадлежалъ. Наполеонъ между тѣмъ подвигался; союзныя арміи шли къ нему навстрѣчу: надлежало ожидать сильной сшибки. Я хотѣлъ участвовать съ саблею въ рукѣ, а не въ свитѣ кого бы то ни было. О взятіи мною Дрездена обнародовано было такъ: „Генералъ Винценгероде доноситъ изъ Бауцена, что Нейштадтъ или часть Дрездена, по правую сторону Эльбы, занятъ его войсками“. Ничего болѣе.

Впослѣдствіи я служилъ то въ линейныхъ войскахъ, то командовалъ отрядами, но временно, и былъ лишь подчиненъ другимъ. Самая огромная команда (два полка Донскихъ казаковъ) была поручена мнѣ осенью, послѣ перемирія; но и тутъ не отдѣльно, а подъ начальствомъ австрійской службы полковника графа Менсдорфа, подъ начальствомъ котораго я пріобрѣлъ много: уваженіе его ко мнѣ и неограниченную преданность къ нему благодарнаго моего сердца за его благородное обхожденіе, образованіе, геройскій духъ, дарованія и высокую нравственность. Онъ теперь, какъ я слышу, фельдмаршаломъ-лейтенантомъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ Богеміи.

Современникъ 1836 г., т. IV.

X.

ВОСПОМИНАНІЯ

1826 годъ.

Съ 19-го ноября 1823 года и по 23-е марта 1826 года я былъ въ отставкѣ. При восшествіи на престолъ государя императора Николая Павловича, я снова вступилъ въ службу и назначенъ состоять по кавалеріи. Живя съ семействомъ моимъ то въ Москвѣ, то въ подмосковной, я ожидалъ коронаціи, ни мало не думая о дѣйствительной службѣ, то-есть, о службѣ во фронтѣ или на войнѣ; къ первой я совершенно неспособенъ и признанъ таковымъ высшимъ начальствомъ, а о войнѣ и слуху не было.

Въ первыхъ числахъ августа я поѣхалъ во дворецъ для представленія государю императору, прибывшему въ Москву. Насъ было до шестидесяти человѣкъ разныхъ чиновъ. Начальникъ главнаго штаба его величества генералъ Дибичъ полагалъ, что представленіе будетъ въ проходной залѣ грановитой палаты, почему всѣхъ насъ въ ней поставили въ рядъ; я стоялъ между генералъ-маіорами Болховскимъ и Петромъ Ермоловымъ. Пока мы ожидали государя, Дибичъ, ходя по заламъ, подходилъ ко многимъ и разговаривалъ; я слышалъ, что онъ сказалъ генералъ-маіору Василію Иловайскому: „Государь желаетъ, чтобы вы скорѣе возвратились къ вашему мѣсту и до коронаціи его величества“. Онъ принадлежалъ

къ отдѣльному кавказскому корпусу. То же сказано было и генералъ-маіору Королькову, недавно въ тотъ же корпусъ переведенному. Наконецъ Дибичъ подошелъ ко мнѣ и, поговоря со мной, спросилъ Ермолова: „Давно ли вы получали письма отъ Алексѣя Петровича?“ Ермоловъ отвѣчалъ ему: „Давно уже“ — и Дибичъ отошелъ прочь. Услыхавъ это, я сказалъ Ермолову: „Видно, братъ, въ кавказскомъ корпусѣ что-то нездорово!“ Я полагалъ, что черкесы, сдѣлавъ какой-нибудь набѣгъ, разграбили какое-нибудь селеніе и увели въ плѣнъ жителей, какъ иногда случалось. Многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова, извѣстные своими посредственными способностями и весьма сомнительнымъ безкорыстіемъ, силились, вѣроятно, придать этому обстоятельству наибольшее значеніе.

Ничего не зная о вторженіи персіанъ въ Грузію, я спокойно ожидалъ прибытія государя, какъ вдругъ генералъ Дибичъ объявилъ, что государь желаетъ принять насъ въ своемъ дворцѣ, куда мы и отправились. Всѣхъ насъ поставили по тому же порядку, какъ и въ грановитой палатѣ, и вскорѣ государь вошелъ въ залу. Онъ говорилъ почти со всѣми весьма ласково и милостиво; наконецъ, подошедъ ко мнѣ, онъ изволилъ сказать мнѣ, что радъ меня видѣть, благодарилъ за то, что я снова надѣлъ эполеты въ его царствованіе, замѣтилъ, что я ни мало не постарѣлъ, и спросилъ меня, здоровъ ли я? На отвѣтъ мой, что здоровъ, онъ спросилъ еще: „Можешь ли служить въ дѣйствительной службѣ?“ Я отвѣчалъ ему: „Могу, государь“, и онъ, улыбаясь весьма милостиво, отошелъ далѣе.

На другой день я, находясь все еще въ невѣдѣніи о военныхъ происшествіяхъ въ Грузіи, пріѣхалъ въ Кремль къ разводу. Ходя по площади, встрѣтился я съ Бутурлинымъ, генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Взявъ меня въ сторону, онъ сказалъ: „Знаете ли, что я сейчасъ говорилъ объ васъ съ генераломъ Дибичемъ?“ „Помилуй“, отвѣчалъ я, „что до меня Дибичу?“ „Онъ спрашивалъ“, продолжалъ Бутурлинъ, „согласитесь ли вы ѣхать въ Грузію, гдѣ теперь

война и куда государь хочетъ послать васъ?" „Что же ты сказалъ?" „Я не зналъ вашего намѣренія и, желая дать вамъ средства отказаться, буде вамъ не захочется принять это предложеніе, сказалъ ему, что врядъ ли вы согласитесь на сіе, имѣя такое огромное семейство и сверхъ того имѣніе въ разстроенномъ положеніи. Теперь ваше дѣло рѣшиться ѣхать въ Грузію или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я приготовилъ вамъ отверстіе, чрезъ которое вы можете избавиться отъ этой поѣздки, если ее предпринять вамъ не можно".

Пока Бутурлинъ говорилъ, я уже рѣшился и рѣшился ѣхать. Нельзя было поступить иначе; я самъ просился вступить обратно въ службу, былъ неспособенъ къ фронтовому служенію и ни за что не согласился бы принять въ командованіе дивизію въ мирное время; мнѣ предлагали военныя дѣйствія, какъ же мнѣ было отъ того отказаться? Неужели я надѣлъ эполеты для того только, чтобы таскаться съ ними по гуляньямъ и баламъ подобно тунеядцу или важничать ими въ деревнѣ передъ старостою и исправникомъ? Къ тому же слово война по сію пору (къ несчастію моему!) имѣетъ для души моей звукъ магической, да и выборъ меня перваго на путь опасностей и чести могъ ли не льстить моему самолюбію, столь мало избалованному въ теченіе всей моей двадцати-семи-лѣтней службы? Вотъ причины, которыя понудили меня снова явиться на боевое поприще. Но я однако солгалъ бы, еслибъ сталъ увѣрять, что я это сдѣлалъ безъ борьбы съ моимъ сердцемъ. Нѣжнѣйшая привязанность моя къ женѣ, тогда беременной, съ которою я въ теченіе осьми лѣтъ ни разу не разставался, увѣренность, какъ много огорчитъ ее поѣздка моя на неопредѣленное время въ столь отдаленный край, сдѣлавшійся театромъ военныхъ дѣйствій и гдѣ сверхъ того свирѣпствовали жестокія болѣзни, разлука съ дѣтьми, кои хотя еще были малы, но уже меня утѣшали, словомъ, разлука со всѣмъ милымъ для моего сердца, — все терзало душу мою, и нужна была вся сила разума и всегда увлекавшее меня славолюбіе, чтобы преодолѣть желаніе мое остаться въ кругу семейства.

Такъ какъ по причинѣ сильнаго вѣтра и пыли парадъ былъ отказанъ на площади и войска переведены въ экзерциргаузъ, то и мы всѣ послѣдовали за ними. Во время развода генералъ Дибичъ, подойдя къ генералу Королькову, спросилъ его, когда онъ ѣдетъ? а отъ него подошелъ ко мнѣ и, поздоровавшись, сказалъ, что имѣетъ нужду говорить со мною; онъ назначилъ для свиданія слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ.

Я, возвратясь съ развода, послалъ нарочнаго къ женѣ въ подмосковную, гдѣ она оставалась съ дѣтьми, и звалъ ее немедленно въ Москву, но она пріѣхала уже на другой день, то-есть, тогда, какъ я уже возвратился отъ Дибича. Я не успѣлъ прибыть къ нему, какъ дверь кабинета отворилась, и генералъ Дибичъ позвалъ меня къ себѣ. Эта маленькая, толстенькая, рыжая, криволицая, умная, пылкая и храбрая фигурка была въ сертукѣ на распашку; взявъ меня по пріятельски за руку и, по обыкновенію своему, не глядя въ лице, а потупивъ глаза внизъ или обращая ихъ потупленными въ сторону, онъ сказалъ мнѣ: „Мнѣ весьма прискорбно, что имѣю препорученіе отъ государя императора предложить вамъ то, что, можетъ-быть, вамъ непріятно будетъ принять“. Я, будто ничего не зная, спросилъ, что такое? „Государю угодно, чтобы вы ѣхали въ Грузію; тамъ война; ему нужны отличные офицеры, онъ избираетъ васъ, но желаетъ сперва знать, согласитесь ли вы на это назначеніе?“

Я, рѣшась уже на отъѣздъ въ Грузію, не находилъ нужнымъ жеманиться; принявъ это предложеніе и прямо приступивъ къ дѣлу, я отвѣчалъ ему: „Мнѣ весьма прискорбно видѣть сомнѣніе государя въ томъ, что я могу отказаться отъ столь лестнаго для меня предложенія. Прошу ваше высокопревосходительство доложить его величеству, что я не колеблюсь ни минуты, и что благодарное сердце мое никогда не забудетъ этого знака его ко мнѣ вниманія; я съ радостью готовъ всегда вступить на всякій прямой и опасный путь“. Дибичъ обнялъ меня и разцѣловалъ съ восторгомъ. Тогда я спросилъ его: „Когда прикажете ѣхать?“ Онъ отвѣчалъ

мнѣ: „Подождите перваго курьера изъ Грузіи“. И мы разстались.

Въ продолженіи шести дней не было извѣстія изъ Грузіи; въ шестой день вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Сергѣй Бутурлинъ, братъ генералъ-квартирмейстера первой арміи, и объявилъ мнѣ, что знаетъ положительно о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи.

На другой день, 11-го августа, я поѣхалъ къ разводу на Кремлевскую площадь, дабы узнать о своей участи; глаза мои не сходили съ Дибича, который бродилъ отъ генерала къ генералу и вдругъ, увидя меня, взялъ самое прямое ко мнѣ направленіе. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Государю угодно, чтобы вы какъ можно скорѣе ѣхали“. „Слушаю“, былъ отвѣтъ мой, а постскриптумъ: „Неужели я поѣду, не видавъ лично Государя?“ „Непремѣнно: я вамъ дамъ знать о часѣ, когда его величеству можно будетъ васъ принять“. Сказавъ это, онъ отошелъ въ сторону.

Я забылъ сказать, что, въ теченіе шестидневнаго ожиданія курьера изъ Грузіи, я посѣщалъ общество и балы, даваемые посланниками, гдѣ множество знакомыхъ моихъ интересовались знать о моемъ отъѣздѣ, но я ничего опредѣлительно не говорилъ на этотъ счетъ, ибо и самъ не зналъ не только о времени отъѣзда, но и о возможности его. Между тѣмъ всѣ вообще говорили, что все это уладится безъ войны, а другіе, что если и откроется война, то она не можетъ быть продолжительна, по той причинѣ, что персіанамъ нельзя выдержать натиска русскихъ, и что кампанія не можетъ продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ; я былъ того же мнѣнія не по разсудку, но невольно вѣрилъ тому, чего желало мое сердце. Прослужа двѣ кампаніи противъ турокъ, мнѣ надобно было знать, что въ войнѣ съ азіатцами главное дѣло состоитъ не въ дракѣ, ибо ихъ бить всегда легко, а въ умѣньи вести войну, то-есть, въ умѣньи распоряжаться такимъ образомъ, чтобы войска наши всегда имѣли сытый желудокъ, суму съ патронами, а артиллерія—полные парки, что весьма затруднительно какъ въ Турціи, такъ и въ Персіи.

Я прощаю Г. Н., который на балѣ герцога Девонширскаго сказалъ мнѣ, что я ѣду не надолго, по той причинѣ, что война немедленно послѣ перваго удара окончится,—но непростительно было генералу Паскевичу, прослужившему пять кампаній противъ турокъ, говорить мнѣ то же самое. Я долженъ замѣтить, что онъ былъ назначенъ туда же послѣ меня, ибо, когда онъ говорилъ со мною у Девоншира о моемъ отъѣздѣ, онъ еще и не помышлялъ о своемъ собственномъ.

Къ вечеру я получилъ отъ Дибича бумагу, въ которой мнѣ велѣно было явиться къ государю императору на другой день въ двѣнадцать часовъ.

12-го августа, по утру, государь былъ на маневрахъ, и я дожидался его величества цѣлый часъ во дворцѣ, гдѣ никого не было; около двѣнадцатаго часа я увидѣлъ его, приближающагося въ коляскѣ, а за нимъ въ другой коляскѣ генерала Дибича. Но вскорѣ начали наѣзжать генералъ-адъютанты, потомъ пріѣхали графъ Петръ Александровичъ Толстой, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, и прочіе придворные генералы.

Вскорѣ князь Д. В. Голицынъ былъ позванъ къ государю; когда онъ вышелъ изъ кабинета, позвали графа Петра Александровича Толстого, а потомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, шефа жандармовъ; я, боясь быть забытымъ, сказалъ послѣднему: „Не забыли ли меня? Пожалуйста, напомни!“ просилъ я его. Немедленно послѣ Бенкендорфа я былъ позванъ; проходя чрезъ залу, а потомъ поперекъ узенькаго корридора, я нашелъ его въ предкабинетной, еще не вошедшимъ въ кабинетъ государя и ожидающимъ, какъ кажется, зова его величества. Я, отворивъ дверь кабинета, вошелъ въ него. Я увидѣлъ государя, ходившаго по комнатѣ; я поклонился; государь подошелъ ко мнѣ и изволилъ сказать: „Прости меня, Давыдовъ, что я посылаю тебя туда, гдѣ, можетъ статься, тебѣ быть не хочется“. „Не только прощать, государь, но я пришелъ благодарить ваше величество за выборъ столь лестный для моего самолюбія; я такъ мало избалованъ, государь, судьбою въ теченіе моей

службы, что отъ милостиваго вашего воззрѣнія я внѣ себя отъ восторга и счастія; сдѣлайте милость, государь, коль скоро представится прямая, честная и опасная дорога, не спрашивайте вы меня, хочу ли я или нѣтъ избирать ее, бросайте меня прямо на нее. Вѣрьте, что я это почту за особое благодѣяніе!“ „Я тебя бросать не буду, а употреблять буду“, отвѣчалъ милостиво государь. Теперь, ваше величество, позвольте мнѣ изложить вамъ просьбу мою?“ „Что такое?“ „Когда война кончится, позвольте, не просясь ни у кого, возвратиться въ Москву; я здѣсь оставляю хвостъ, жену и дѣтей?“ „Какъ! я не зналъ, что ты женатъ, много ли у тебя дѣтей?“ „Три сына“. „Славно! Какъ была фамилія твоей жены?“ „Чиркова“. „Кажется, есть родня ей въ гвардіи?“ „Есть, государь, двоюродный братъ“. „Послушай, я тебя не опредѣляю въ кавказскій корпусъ, а посылаю туда для войны съ оставленіемъ все по кавалеріи, слѣдственно, ты къ этому корпусу не принадлежишь; когда война кончится, то ты скажи Алексѣю Петровичу, что я желаю твоего возвращенія, онъ тебя отпуститъ и дѣло кончено“. Потомъ государь подошелъ къ бюро, стоявшему на лѣвой сторонѣ при входѣ въ кабинетъ его и, продолжая говорить, изволилъ разсказать мнѣ съ очевиднымъ неудовольствіемъ о вторженіи персіанъ, о взятіи у насъ двухъ орудій [1]) и разбитіи нѣсколькихъ ротъ; его величество, передавъ мнѣ нѣкоторыя приказанія Алексѣю Петровичу, милостиво обнялъ меня и заключилъ слѣдующимъ: „Ну, прощай, любезный Давыдовъ, желаю тебѣ счастья, и первое о тебѣ извѣстіе имѣть вмѣстѣ съ твоими успѣхами“. Я обѣщалъ служить, сколько умственныя, душевныя и тѣлесныя силы позволятъ, поклонился, вышелъ изъ кабинета и возвратился въ домъ свой.

---

[1]) Ермоловъ, доносившій покойному государю тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана о враждебныхъ противу насъ намѣреніяхъ персіанъ, извѣщалъ ежегодно по нѣскольку разъ его величество о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббаса-Мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружавшихъ его англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполнѣ необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Пе-

По мѣрѣ того, какъ время отъѣзда приближалось, я все болѣе и болѣе огорчался при мысли о разлукѣ съ семействомъ. Домъ былъ, къ несчастью, полонъ знакомыми и пріятелями, что̀ не дозволяло мнѣ посвятить моему семейству послѣднія минуты до отъѣзда; я долженъ былъ казаться веселымъ, когда на̀ душѣ было тяжело. Между тѣмъ, желая знать истинное положеніе дѣлъ въ Грузіи, я наканунѣ моего отъѣзда пригласилъ къ себѣ прибывшаго изъ Грузіи съ депутатами адъютанта А. П. Ермолова, Талызина и маіора Мирза-Джана Мадатова. Такъ какъ путешествіе ихъ продолжалось долго, то, во время ихъ пребыванія въ Тифлисѣ, еще ничего не было извѣстно о намѣреніи персіанъ; они узнали уже о вторженіи ихъ въ Москвѣ вмѣстѣ со всѣми нами. Однако Талызину удалось узнать, что Аббасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола, вступилъ со ста тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость Шушу, въ коей заперся полковникъ Реутъ съ частью своего полка, ибо нѣсколько ротъ, стоявшія на границѣ, погибли уже при ихъ вторженіи; персіане идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ ста-пятидесяти верстахъ. Со стороны Эриванской крѣпости сардарь Эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ, овладѣвъ Бамбакской и Шурагельской провинціями, простерли наѣзды свои до Квеша за пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ

тербурга въ срединѣ декабря 1825 года англійскій полковникъ Шиль, встрѣтившій въ проѣздъ свой чрезъ Грузію лишь слабые отряды наши, убѣдилъ принца, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія; по мнѣнію Шиля, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меньшиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близъ самой границы наступавшія полчища Аббаса-Мирзы, вѣроломно нарушившаго миръ. Полковникъ Назимокъ, находившійся на границѣ и коему надлежало поспѣшно отступать для присоединенія къ главнымъ силамъ, не оправдалъ полученнаго имъ въ прежней войнѣ съ персіанами Георгіевскаго креста; непріятель, воспользовавшись огромнымъ превосходствомъ своимъ въ силахъ, истребилъ двѣ роты и овладѣлъ двумя пушками.

повелѣнія нѣкоторымъ баталіонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8000 человѣкъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ, обитающихъ на единственномъ сообщеніи его съ Россіею. Дѣла представлялись не въ розовомъ цвѣтѣ; я, могу сказать, погружался въ самый пылъ, но жребій былъ брошенъ.

15-го августа, въ два часа по полудни, я съ стѣсненнымъ сердцемъ, выѣхавъ изъ столицы, отправился въ путь; жена моя провожала меня до заставы, гдѣ, простившись съ ней, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ далѣе. Находясь въ уединеніи, я далъ горю излиться горячими слезами. Какъ тяжело было исполнить волю государя, какъ проклиналъ я то непреоборимое честолюбіе и страсть къ приключеніямъ, увлекавшія меня отъ истиннаго благополучія къ непостоянному, безразсудному одобренію людскому; но между тѣмъ я торопилъ своего ямщика.

18-го августа, по утру, я пріѣхалъ въ Елецъ прямо на квартиру къ старинному и многоуважаемому генералу Осипу Даниловичу Ольшевскому. 19-го числа, въ пять часовъ утра, я пріѣхалъ въ Воронежъ и остановился въ трактирѣ.

24-го августа, въ три часа по полудни, я пріѣхалъ въ Ставрополь и остановился у генералъ-маіора князя Петра Горчакова. Онъ былъ областнымъ начальникомъ всей линіи, и назначенъ въ то время генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи. На мѣсто его опредѣленъ генералъ-лейтенатъ Эммануель, который еще въ то время не прибылъ. Горчаковъ ожидалъ его, чтобъ сдать команду линіи и отправиться къ своему мѣсту.

Я не зналъ ничего о томъ, что̀ происходитъ въ Грузіи, кромѣ того, что мнѣ говорили въ Москвѣ и что было весьма неутѣшительно. Одно извѣстіе сообщилъ мнѣ Горчаковъ, которое состояло въ томъ, что гвардейскій свободный полкъ, подъ командою полковника Шипова, и баталіонъ Ширванскаго полка находились на походѣ къ Тифлису, куда имъ велѣно было

итти усиленными переходами. День былъ прекрасный, я потому ходилъ вечеромъ по городу, дабы увидѣть Эльбрусъ, но не видалъ его. Я на Ставрополь смотрѣлъ любопытными глазами, ибо прежде думалъ жить въ немъ со всѣмъ моимъ семействомъ: два раза А. П. Ермоловъ представлялъ покойному императору о назначеніи меня областнымъ начальникомъ линіи и два раза получилъ отказъ; мнѣ предпочли Лисаневича и князя Горчакова.

Хотя генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ семъ краѣ, перенесеніемъ съ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунжу и построеніемъ крѣпости Грозной на ея берегу, обуздалъ чеченцевъ, но, не взирая на то, одинокіе наѣздники изрѣдка пробираются сквозь войска наши, и являются небольшими толпами на дорогу между Екатеринноградомъ и Владикавказомъ. Служба кавказцевъ — этихъ, такъ сказать, мучениковъ долга, ради пользы общественной, а можетъ-быть и необходимости, — весьма тягостна.

28-го, рано по утру, я, оставивъ пѣхоту съ тридцатью казаками, поѣхалъ рысью впередъ. Хотя я много рисковалъ, но мнѣ хотѣлось нагнать почту и большой караванъ, впереди меня шедшій и ночевавшій верстахъ въ девяти отъ меня на Урухскомъ редутѣ. Пріѣхавъ сюда, я, къ сожалѣнію моему, не засталъ уже каравана и былъ принужденъ продолжать путь до привольнаго редута, называемаго Мечетьской. Тамъ настигъ я почту, караванъ и Грибоѣдова, выѣхавшаго гораздо позже меня изъ Москвы. Въ Владикавказѣ отвели мнѣ квартиру въ крѣпости, гдѣ отданы были мнѣ всѣ почести, но я тотчасъ отпустилъ почетный караулъ; я спрашивалъ у коменданта и плацъ-маіора о дѣлахъ Грузіи, но они обѣщали мнѣ прислать недавно пріѣхавшаго изъ Тифлиса полковника путей сообщенія Гозіуса, прибывшаго оттуда для исправленія дороги и мостовъ, испорченныхъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ вслѣдствіе заваловъ Казбека ночью съ 15-го на 16-е число августа, то-есть, въ тотъ самый день, какъ я выѣхалъ изъ Москвы. Какое предсказаніе для меня! Паскевичъ, ѣхавшій нѣсколькими сутками впереди меня, былъ принужденъ жить около недѣли въ Владикавказѣ. Гозіусъ меня первый извѣстилъ о томъ, что про-

исходитъ въ Грузіи. Онъ мнѣ сказалъ, что Ермоловъ собираетъ войска въ Тифлисѣ и еще лично тамъ; что Аббасъ-Мирза съ сто-тысячною его арміею въ Елизаветполѣ, авангардъ его въ Шамхорѣ; что Шуша блокирована и въ ней полковникъ Реутъ съ полкомъ своимъ; сардарь Эриванскій занялъ Бамбакскую и Шурагельскую провинціи и простираетъ набѣги свои до Квеша, въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса, гдѣ разграбилъ нѣмецкую колонію, что противъ Аббасъ-Мирзы князь Мадатовъ съ 3000, а противъ сардаря полковникъ князь Севардземидзевъ съ Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ на Каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелалъ-Оглу близъ Лори. Въ Тифлисѣ все покойно и нимало не опасаются непріятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, обнаруживающаго невозмутимое хладнокровіе.

Я изъ окна видѣлъ Казбекъ, величественно возвышающійся двуглавою вершиной своею надъ всѣмъ снѣговымъ хребтомъ по темноголубому безоблачному небу. Въ ночное время онъ былъ еще поразительнѣе по своей красотѣ: полная луна осыпала блѣдными своими лучами снѣговое темя его.

Въ Владикавказѣ я оставилъ свою коляску и 30-го числа выѣхалъ съ Грибоѣдовымъ въ двумѣстныхъ дрожкахъ, коими одолжилъ насъ до первой станціи маіоръ Николай Ѳедоровичъ Огаревъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, ущелье становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Уже въ Ларсѣ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Владикавказа, вершины горъ по обѣимъ сторонамъ дороги, казалось, готовы были упасть намъ на голову. Въ Коби къ намъ вошелъ добрый и благородный Ш., служившій въ то время при Ермоловѣ; онъ наканунѣ выѣхалъ изъ Тифлиса и отправлялся въ отпускъ на четыре мѣсяца въ Москву, а потомъ во Владимірскую губернію. Счастливый человѣкъ, врядъ ли кто былъ другой въ мірѣ, коему въ душѣ моей я болѣе завидовалъ! Мы разспрашивали его о пріѣздѣ въ Тифлисъ Паскевича [1]), котораго Ермоловъ

[1]) Не принадлежа никогда къ числу почитателей этого хитраго баловня судьбы, оказавшаго однако своему отечеству немаловажныя заслуги, я всегда отдавалъ полную справедливость его примѣрному безстрашію, высокому хладнокровію въ минуты опасности, рѣшительности, выказанной во многихъ случаяхъ, и вполнѣ замѣчательной заботливости его о

принялъ ласково. Грибоѣдовъ сказалъ намъ при этомъ случаѣ: „Каковъ мой-то [1])..., какъ вы хотите, чтобы этотъ человѣкъ, котораго я коротко знаю, торжествовалъ бы надъ однимъ изъ самыхъ умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ Россіи [2]); вѣрьте, что нашъ его проведетъ, и этотъ, пріѣхавъ впопыхахъ, уѣдетъ отсюда со срамомъ". Грибоѣдовъ столько же обманулся въ своемъ пророчествѣ, сколько мы обманулись въ немъ самомъ. Этотъ даровитый писатель долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при А. П. Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человѣкѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человѣкомъ, одареннымъ блестящими способностями, вполнѣ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его однако совершенно безполезнымъ для службы. Алексѣй Петро-

---

нижнихъ чинахъ; къ сожалѣнію, отсутствіе обширнаго и просвѣщеннаго ума, недостатокъ возвышеннаго и твердаго характера, стараніе окружать себя ничтожными льстецами и лицами, хотя и одаренными нѣкоторыми способностями и со свѣдѣніями, но лишенными всякой самостоятельности, коихъ онъ преимущественно выдвигалъ и выдвигаетъ впередъ,—все это содѣлываетъ его, по моему мнѣнію, совершенно неспособнымъ стоять въ главѣ школы, въ которой могли бы образоваться полезные военные люди. Ко всему этому надо присовокупить самонадѣянность и заносчивость, достигшія невѣроятныхъ размѣровъ, примѣрное попеченіе приписывать себѣ все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги ихъ и удаляя вскорѣ по одержаніи успѣха тѣхъ изъ нихъ, коимъ онъ, по общему мнѣнію, былъ тѣмъ обязанъ, страсть, столь сильно нынѣ распространенная, прибѣгать въ донесеніяхъ къ вымысламъ тысячи одной ночи, и нѣкоторые другіе большіе пороки,—все это вынудило не одного благомыслящаго, болѣе или менѣе образованнаго и самостоятельнаго человѣка, уважающаго свое собственное достоинство, удалиться съ поприща, на коемъ возможны служебныя съ нимъ столкновенія.

[1]) И. Ѳ. Паскевичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ А. С. Грибоѣдова Елисаветѣ Алексѣевнѣ. А. К.

[2]) Разумѣется А. П. Ермоловъ. А. К.

вичъ, неохотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, дозволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ однако очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору „Горе отъ ума", онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ родного отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли бы быть для Грибоѣдова крайне непріятны [1]. Память обо всемъ этомъ должна была бы оставаться неизгладимою въ сердцѣ Грибоѣдова, но, къ сожалѣнію, онъ, казалось, принадлежалъ къ числу людей, для коихъ было незнакомо чувство признательности. Увлекшись честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ, но тѣмъ не менѣе принявшимъ на себя постыдныя обязанности, отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный въ С.-Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія; онъ сталъ писать приказы по корпусу и сочинять частныя письма для своихъ новыхъ благодѣтелей. Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для поднесенія государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему Степану Никитичу Бѣгичеву: „Я вѣчный злодѣй Ермолова" [2]. Онъ говорилъ около того же времени не одному мнѣ слѣдующее: „Паскевичъ несносенъ, и я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при тегеранскомъ дворѣ". Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвою

---

[1]) Все, мною здѣсь сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣятельное участіе.

[2]) Мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ.

своей ошибки. Дѣйствія [1]) этого пылкаго, неосмотрительнаго и черезчуръ самолюбиваго посланника возбудили негодованіе шаха и персіанъ. Онъ въ лицѣ шахскаго зятя Аллаяръ-хана нанесъ глубокое оскорбленіе особѣ самого шаха. Грибоѣдовъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ одного умнаго и весьма способнаго армянина, служившаго при немъ въ качествѣ переводчика, потребовалъ выдачи нѣсколькихъ русскихъ подданныхъ—женщинъ, находившихся въ гаремѣ Аллаяръ-хана въ должности прислужницъ. Это требованіе было, вѣроятно, предъявлено имъ вслѣдствіе ложнаго пониманія вещей, а можетъ-быть и съ явнымъ намѣреніемъ доказать свое вліяніе и могущество при персидскомъ дворѣ. Хотя шахъ видѣлъ въ этомъ нарушеніе персидскихъ обычаевъ, но, не желая отвѣчать на требованіе Грибоѣдова продолжительнымъ отказомъ, онъ дозволилъ ему взять этихъ женщинъ самому; посланные въ гаремъ конвойные привели ихъ въ посольскій домъ. Персіане,

[1]) Такъ какъ я въ то время не находился уже болѣе въ Грузіи, то я привожу здѣсь подробности, которыя мнѣ были сообщены многими лицами, заслуживающими довѣрія. Причину этихъ дѣйствій Грибоѣдова должно, сколько мнѣ извѣстно, искать въ слѣдующемъ: Грибоѣдовъ, не взирая на блистательныя дарованія свои, никогда не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ дѣловыхъ людей; онъ провелъ довольно долго въ Персіи, гдѣ убѣдился лишь въ томъ, что слабость и уступчивость съ нашей стороны могли внушить персіанамъ много смѣлости и дерзости, а потому онъ хотѣлъ озадачить ихъ, такъ сказать, съ перваго раза. Къ сожалѣнію, отъ уступчивости до настоятельныхъ требованій относительно гаремскихъ прислужницъ, нѣкогда взятыхъ въ плѣнъ во время вторженія персіанъ въ Грузію, — что̀ заключало въ себѣ, какъ оказалось, много оскорбительнаго для самолюбія этого народа, — было далеко. Настойчивость Грибоѣдова была необходима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежало ему наблюдать за точнымъ исполненіемъ важнѣйшихъ пунктовъ Туркманчайскаго трактата; въ прочихъ случаяхъ надо было обнаружить много ловкости, проницательности и осторожности, дабы не оскорбить понапрасну народной гордости персіанъ. Грибоѣдову, назначенному посланникомъ въ Персію, послѣ нашихъ счастливыхъ военныхъ дѣйствій, было легче пріобрѣсть вліяніе, чѣмъ Ермолову, отправленному туда въ 1817 году. Не взирая на то, что этотъ послѣдній прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго государемъ персидскимъ посламъ, возвратить нѣкоторыя присоединенныя къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искусства и энергіи, что шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукой, что̀ было не безъизвѣстно персіанамъ, нашелся бы вынужденнымъ уступить. Не взирая на то, что всемогущій въ то время Аббасъ-Мирза нисколько не скрывалъ своихъ къ намъ непріязненныхъ чувствъ, Ермо-

видѣвшіе въ этомъ явное неуваженіе русскихъ къ особѣ шахскаго зятя, къ самому шаху и къ существующимъ народнымъ обычаямъ, взволновались. Вскорѣ вспыхнуло возмущеніе, вѣроятно, не безъ одобренія шаха; около сорока человѣкъ нашихъ было убито, въ томъ числѣ весьма много полезныхъ лицъ; спасся одинъ Мальцевъ съ двумя слугами, вслѣдствіе особеннаго къ нему расположенія какихъ-то персіанъ, которые спрятали его гдѣ-то на чердакѣ. Персидскій караулъ, не желая сражаться противу своихъ, заперся [1]). Такъ окончилъ

ловъ успѣлъ склонить шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда выказывавшій большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ персіанамъ высокое къ русскимъ уваженіе, какимъ они даже не пользовались впослѣдствіи, послѣ нашихъ успѣховъ надъ ними. Мнѣ говорилъ одинъ значительный персидскій сановникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ персіанами, коихъ самонадѣянность постоянно возрастала вслѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы и что мы можемъ противоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы. Наконецъ самыя дѣйствія умнаго и энергическаго Мазаровича, никогда не раздражавшаго народной гордости персіанъ, были весьма поучительны для Грибоѣдова, который пренебрегъ, къ сожалѣнію, уроками своихъ предмѣстниковъ. Извѣстно, что къ Мазаровичу явился однажды армянинъ, нѣкогда захваченный персіанами въ плѣнъ; хотя этотъ евнухъ былъ помощникомъ Манучаръ-хана, хранителя сокровищъ и любимца шаха, но онъ обратился къ Мазаровичу съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что въ случаѣ пропажи чего либо наше посольство и армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить армянина отказаться отъ своего намѣренія; такимъ образомъ удалось предупредить большія непріятности. Подобнымъ образомъ долженъ былъ дѣйствовать и Грибоѣдовъ. Я полагаю, что, вѣроятно, существовала возможность выручить плѣнницъ безъ предъявленія несвоевременныхъ и оскорбительныхъ для персіанъ требованій; во всякомъ случаѣ надо было пріискать средства къ ихъ выдачѣ, не жертвуя для того столь многими полезными и славными людьми. Еслибъ, по причинѣ существующихъ обычаевъ, невозможно было этого сдѣлать сейчасъ, то не слѣдовало явно нарушать ихъ и тѣмъ возбуждать противу себя жителей, но предоставить все дѣло времени.

[1]) Однако шахъ, испугавшись послѣдствій этого событія, рѣшился послать въ С.-Петербургъ значительное лице для принесенія извиненій. Такъ какъ въ Персіи всѣ были убѣждены, что наше правительство не замедлитъ предать въ свою очередь смерти высланнаго сановника и его свиты, то рѣшено было избрать для этого предмета Хозрева-Мирзу, который былъ ничто иное, какъ чанка или побочный сынъ шаха. Хозреву Мирзѣ, впослѣдствіи ослѣпленному, сдѣланъ былъ, напротивъ, у насъ въ Россіи блестящій пріемъ, на который онъ по своему рожденію не имѣлъ никакого права и который явно доказывалъ, сколь мало у насъ были извѣстны обычаи востока.

жизнь нашъ знаменитый писатель, который могъ бы еще долго и съ большею пользою подвизаться на литературномъ поприщѣ; находясь съ нимъ долго въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я, болѣе чѣмъ кто-нибудь, былъ глубоко огорченъ его дѣйствіями въ теченіе 1826 и 1827 годовъ. Грибоѣдовъ, терзаемый подъ конецъ своей жизни бѣсомъ честолюбія, заглушилъ въ сердцѣ своемъ чувство признательности къ лицамъ, не могшимъ быть ему болѣе полезными; но за то онъ не пренебрегъ никакими средствами для пріобрѣтенія полнаго благоволенія особъ, кои получили возможность доставить ему средства къ удовлетворенію его честолюбія; это не мѣшало ему, посѣщая нашъ кругъ, строго судить о своихъ новыхъ благодѣтеляхъ. Тяжело разочароваться на счетъ кого бы то ни было, но еще болѣе относительно личностей, столь щедро одаренныхъ природой! Видя поведеніе Грибоѣдова, котораго я такъ любилъ, я душевно скорбѣлъ. Я сожалѣлъ, что не могъ быть въ это время вдали отъ театра его дѣятельности, потому что имѣлъ бы утѣшеніе думать, что многое преувеличено завистью и клеветой; но я, къ сожалѣнію, долженъ былъ лично удостовѣриться въ томъ, что душевныя свойства Грибоѣдова далеко не соотвѣтствовали его блистательнымъ умственнымъ способностямъ.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Коби до Тифлиса, есть истинный пунктъ перевала чрезъ Кавказъ. Вокругъ нея находятся горы гораздо выше ея. Она получила сіе названіе отъ креста, который былъ водруженъ на ней первыми русскими, перешедшими за Кавказъ въ Грузію во время Екатерины, но такъ какъ крестъ деревянный сгнилъ, то Ермоловъ замѣнилъ его огромнымъ крестомъ, высѣченнымъ изъ гранита съ такимъ же подножіемъ.

(Статья неоконченная).

Альманахъ «Русская Весѣда» 1841 г., т. II.

XI.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Паденіемъ Наполеона заключилась великая эпоха войнъ, справедливо названная эпопеей военнаго искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Порфира исполина была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота — Россіи досталось герцогство Варшавское, обнаженное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимою, и округъ въ Галиціи, вошедшій въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остылъ пепелъ Москвы, курившійся на жертвенникѣ отечества и штыки двухсотъ-тысячнаго испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, сверкали на поляхъ Франціи, она могла пріобрѣсти несравненно болѣе того, что она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

Но великодушный государь нашъ удовольствовался лишь пріобрѣтеніемъ для Россіи полнаго права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣщаніяхъ европейскихъ государствъ между собою и чугуннаго шара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мнѣній совѣщателей. Александръ I, ограничившись

присоединенiемъ къ Россiи царства Польскаго, хотѣлъ ввести здѣсь, въ видѣ опыта, тотъ родъ учрежденiй, коихъ духъ возникъ послѣ паденiя Наполеона. Онъ ласкалъ себя надеждой, слѣдуя по противоположной стезѣ, превзойти славу падшаго соперника. Раздѣлъ Польши былъ окончательно признанъ и утвержденъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года торжественнымъ актомъ, подписаннымъ уполномоченными трехъ державъ: Россiи, Австрiи и Пруссiи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россiи и царству Польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссiей: „Статья 5-я. Герцогство Варшавское за исключенiемъ тѣхъ частей онаго, о коихъ упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ и трактатѣ, сего же дня подписанномъ между его величествомъ императоромъ всероссiйскимъ и его величествомъ королемъ прусскимъ, навсегда присоединяется къ имперiи россiйской“; это условiе, весьма ясное, безъ двусмыслiя, не требуетъ потому никакихъ комментарiй. „Оно въ силу своей конституцiи будетъ въ неразрывной съ Россiею связи и во владѣнiи его величества императора всероссiйскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена“. Образъ конституцiи, о коей здѣсь упоминается, увидимъ въ послѣднихъ строкахъ выписки изъ сего акта. Дѣло въ томъ, что высокiя договаривающiяся державы, какъ будто недостаточно успокоенныя на счетъ выраженiя, опредѣляющаго полное и вѣчное подданство царства Польскаго Россiи, присовокупили къ слову „навсегда“ — „на вѣчныя времена“. „Отъ благоусмотрѣнiя его величества императора будетъ зависѣть распространенiе учрежденiй, дарованныхъ царству Польскому, въ польско-россiйскiя губернiи и присоединенiе сихъ послѣднихъ къ царству“. Приведенiе въ исполненiе сего послѣдняго условiя предоставляется, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованiе присоединенному царству особаго управленiя требуется весьма ясно и положительно. Хотя нашъ государь, сообразно съ существующимъ порядкомъ и обычаемъ, долженъ присоединить къ прочимъ своимъ титуламъ титулъ царя (короля) Польскаго, но поляки, находящiеся въ подданствѣ высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и нацiональныя государственныя учреж-

денія, согласныя съ тѣмъ родомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу совладѣній. Спрашивается: какой образъ политическаго существованія можетъ быть признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для области, поступающей на вѣчныя времена въ составъ владѣній великаго государства? тотъ ли, коего духъ наиболѣе согласуется съ духомъ политическаго существованія государства, къ коему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе, значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, модою мнѣній, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ, требующимъ не разрозненія, а, напротивъ, приведенія духа учрежденій областей многосложнаго государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляетъ силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчитъ первому, — это было, вѣроятно, включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-первыхъ, его величество принялъ царство Польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-вторыхъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Въ третьихъ, онъ принялъ титулъ царя Польскаго, присовокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Въ четвертыхъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительнаго образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося

отъ учрежденій, искони въ Россіи существующихъ, и потому какъ самаго безполезнаго и неприличнаго для самодержавно управляемаго государства, въ кругъ владѣнія коего поступило означенное царство. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльнаго и особаго управленія, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство Польское и вотъ силою какого рода условій онъ и наслѣдникъ его имѣли все право управлять на вѣчныя времена.

Наполеонъ сказалъ однажды: „Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Замѣтка—моя шпага. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенію закрытой мною книги". Пророчество великаго человѣка сбылось: замѣтка выпала и все ринулось на поприще возникшихъ вымысловъ, преній и переворотовъ. Самые владыки Европы не могли не подчиниться вліянію этого всеобщаго движенія умовъ; почти въ одно время были дарованы хартіи: Людовикомъ XVIII — Франціи, Вильгельмомъ — Нидерландамъ, Александромъ — Польшѣ. Книга революціи раскрылась, и съ тѣмъ вмѣстѣ военное ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому началу, которое въ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, скромно довольствуясь неизвѣстностью, вдругъ воспрянуло, когда кандалы неволи легли на могучую руку, его отстранявшую. Явились адвокаты, журналисты, разнаго рода витіи, молодые люди, незнакомые съ военной службой, либо жалко въ ней служившіе отъ недостатка въ дарованіяхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ—этихъ кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ—монеты, курсъ которой упалъ столь значительно. Возобновилась борьба годовъ 1789 и 1790. Громъ оружія былъ замѣненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія побоища были забыты, пренія же палатъ депутатовъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному, но невѣжественному поколѣнію,

быть вынужденнымъ отстраниться, для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя и словесныя баттареи, стали оглашать своими звуками несравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилія ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей, къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія, свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всѣ и далеко не всѣ движимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣшались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и тогда, и нынѣ лишь жажда къ пріобрѣтенію личной извѣстности или достоянія побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвященной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего кроется лишь въ всепоглощающемъ „я“; войны всѣхъ эпохъ происходили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь въ образѣ битвы, оружіи и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто Массенъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Багратіоновъ—мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и Леевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ умственный феноменъ вѣковъ и міра, этотъ ослѣпительный метеоръ, облеченный въ очарованіе высочайшей поэзіи, былъ замѣненъ девяносто-лѣтнимъ дитятей Лафайетомъ, въ маскарадномъ платьѣ польскаго гренадера; битвы размѣра гомерическаго, баснословнаго уступили мѣста свои свалкамъ черни въ лохмотьяхъ; фразы Жомини—фразамъ аббата Ламене, повторяемымъ многими глупцами, вовсе ихъ непонимающими, но польза благосостоянія, истинная свобода народовъ (я нисколько не разумѣю подъ этимъ именемъ анархическое состояніе, въ коемъ находятся въ настоящее время нѣкоторыя государства) должны, повидимому, вѣчно оставаться распятыми на крестѣ между двумя разбойниками: честолюбіемъ военнымъ и честолюбіемъ гражданскимъ, никогда не обнаруживающими ни малѣйшаго раскаянія. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія; но эти исключенія въ нашемъ вполнѣ меркантильномъ вѣкѣ слишкомъ рѣдки, чтобы оказать на боль-

шинство умовъ, увлеченныхъ общимъ потокомъ идей, едва замѣтное вліяніе. Намъ, живущимъ въ этомъ эгоистическомъ вѣкѣ, нельзя не привѣтствовать отъ души это радостное, хотя и слишкомъ рѣдкое появленіе избранныхъ личностей, любвеобильныхъ не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ.

Я, можетъ-быть, ошибаюсь, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-хилаго вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода; на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли ею безвредно насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ могучая природа принимала съ пользою благодать, ниспосылаемую благимъ Провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, проникнутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человѣчеству, какъ-будто бы: „люблю всѣхъ“ не означаетъ „никого не люблю, кромѣ самого себя“; мы, бездушные и жалкіе скептики, безпощадно анализирующіе все святое; мы, чахлые, гнилые и вполнѣ прозаическіе—мы не должны дерзать мыслить о свободѣ. Забавно! Въ одно время и пользоваться наслажденіемъ разврата и стяжать награду за добродѣтель—гдѣ это видано? Нѣтъ, надо сперва постараться сдѣлаться достойными этой небесной манны, и лишь тогда она сама собой низойдетъ къ намъ съ неба; но пока всепоглощающее „я“ будетъ единымъ кумиромъ, единымъ рычагомъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Нашъ удѣлъ до того времени одинъ: либо—рабство, либо—анархія, удѣлъ римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели, набожности и любви къ отечеству въ то преступное, нравственное растлѣніе, въ то утонченное себялюбіе, въ коихъ мы нынѣ такъ погрязли.

Свѣжа еще въ нашей памяти французская революція, Іюльскій переворотъ и мятежъ царства Польскаго,—все это, по мнѣнію тогдашнихъ говоруновъ, было совершено лишь для блага общаго; но пусть назовутъ мнѣ хотя одну личность изъ числа многихъ всплывшихъ, такъ сказать, среди этихъ кровавыхъ событій, для котораго общее благо стояло бы выше

собственнаго—къ сожалѣнію, вы не назовете ни одной. У каждаго, какъ у лисицы Крылова, „рыльце въ пуху". Вникнемъ въ Тьера, сего панегириста французской революціи, и мы увидимъ проклятое „я", всплывающее какъ бы противъ воли автора надъ самыми патріотическими побужденіями и порывами людей, имъ прославляемыхъ. Послушаемъ Лафайета и его сообщниковъ, возбудившихъ, при помощи огромныхъ капиталовъ, Іюльскій переворотъ; о чемъ горюютъ они? предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ, о чемъ же имъ вздыхать? онъ вѣдь удался для всѣхъ прочихъ, но не исключительно для тѣхъ, кои волновали умы для удовлетворенія собственнаго честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героизмъ и самоотверженіе поляковъ во время послѣдняго мятежа, и мы убѣдимся, что происки членовъ народнаго правленія приготовили для Польши тотъ рядъ бѣдствій, кои она испытала и которыя были лишь послѣдствіемъ стремленія каждаго—извлечь изъ всего наибольшую выгоду, нимало не заботясь о прочемъ. Вѣрьте послѣ этого забвенію личныхъ выгодъ для общаго блага этихъ Брутовъ и Ликурговъ нашего вѣка, съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ, у коихъ вовсе нѣтъ убѣжденій. Денежная выгода и коммерческій разсчетъ—вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустно становится мнѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый открытіями всякаго рода, просвѣщеніе,—этотъ великій двигатель человѣчества по стезѣ усовершенствованій, допустило его пасть столь низко на этой нравственной лѣстницѣ.

Уже на второмъ сеймѣ [1]), открывшемся въ 1820 году, въ Варшавѣ, обнаружились стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ

---

[1]) На этомъ сеймѣ цесаревичъ, избранный депутатомъ отъ Праги, держалъ рѣчь, нѣкоторые польскіе депутаты заставили молчать присланнаго на сеймъ генералъ-адъютанта Чернышева. Генералъ-контролеръ царства Окуневъ, человѣкъ вполнѣ замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и свѣдѣніямъ, сказалъ собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно изобрѣсти лести, которую бы императоръ всероссійскій не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству: мы, государь, ни полной зависимости, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе безпорядки

пріобрѣтенію личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Духъ своеволія, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобнаго порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлались недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолюбія пресѣкся для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея возстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польскаго шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-россійскія губерніи, слѣдовательно надежда на возстановленіе польскаго государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новые поводы къ усиленію ненависти, питаемой къ намъ во всѣ времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ средства къ явному противъ насъ возмущенію.

Попеченіями россійскаго правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цвѣтущее

возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституціи, данной имъ въ 1815 году, объявивъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободой». Окуневъ сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлалъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймъ; это слово, напоминая имъ былое, въ состояніи свести съума не одну голову».

состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуреннымъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были приняты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы было роздано отъ 72 до 106 милліоновъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съ ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіе пятнадцати лѣтъ до 60 милліоновъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье значительно превосходящее окладъ, опредѣленный россійскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ изобиліемъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много впослѣдствіи намъ вредившая, была возобновлена и значительно усилена. Русскій корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе; всѣ, служившіе въ немъ русскіе, были переведены въ коренные россійскіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ нихъ уроженцы польско-россійскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованнаго Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьми-лѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполнѣ удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своими милостями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвидѣтельствована цесаревичемъ.

Такъ поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недовѣрчиваго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ ре-

зультатовъ. Его либеральныя воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руководили его въ отношеніи поляковъ. Заблужденія этого монарха, надѣявшагося навсегда прекратить искони существующую между Россіею и Польшею вражду, стоили намъ дорого. Это не только не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали, но доставило, напротивъ, полякамъ огромные способы къ возстанію и продолжительной борьбѣ съ Россіею, о коихъ они не смѣли бы и помышлять.

Такимъ образомъ Польша, чреватая мятежомъ, зарожденнымъ въ ней Александромъ I въ минуты несчастной либеральной склонности его, нетерпѣливо ожидала срока своего разрѣшенія. Великій князь Константинъ Павловичъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ ненамѣренно.

Надлежало впослѣдствіи обнаружить великія усилія для того, чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали полную свободу развиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, рядъ бѣдствій разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ: холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежъ, вспыхнувшій въ военныхъ поселеніяхъ; смертоносныя болѣзни, проявившіяся въ войскахъ, возвращающихся съ Дуная, а главное—гибельная система отталкивать людей способныхъ, безкорыстныхъ, постоянно предпочитая имъ личности ничтожныя, бездарныя, корыстолюбивыя, кои могли быть лишь слѣпыми исполнителями...

Итакъ, зародышъ заговора въ царствѣ польскомъ можно отнести къ концу того года, въ который были прекращены публичныя пренія въ палатахъ; оскорбленные тѣмъ поляки скрывали свои замыслы подъ личиною преданности къ нашему правительству, предъ которымъ они, можно сказать, пресмыкались съ полнымъ забвеніемъ собственнаго достоинства. Нельзя позабыть, до какой степени отвратительнаго раболѣпства доходила во дни безмятежія бо̀льшая часть поляковъ, относительно цесаревича (Константина Павловича); впослѣдствіи эти, выдвинутыя мятежомъ, личности не замедлили оскорблять его высочество дѣломъ и словомъ. Всѣ вообще, но въ особенности

завѣдывавшіе какими либо важными военными управленіями, старались, наперекоръ собственнаго нерасположенія къ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе; они не щадили средствъ, чтобы угодить малѣйшимъ капризамъ своенравнаго цесаревича, котораго благосклонность и довѣріе они домогались пріобрѣсти. Они успѣли исходатайствовать чрезъ него разныя улучшенія въ завѣдываемыхъ имъ частяхъ и тѣмъ пріуготовили себѣ способы къ будущей борьбѣ съ Россіею. Они, подъ предлогомъ негодности оружія, испросили чрезъ него присылку изъ Россіи новаго, и когда было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, это мнимо негодное оружіе было ими задержано и впослѣдствіи употреблено противъ насъ. То же самое повторялось относительно пушекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ.

Поляки испросили также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насыпью подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы затруднить ввозъ контрабанды; наконецъ, за нѣсколько времени до возстанія они просили о возведеніи крѣпости въ Тирасполѣ, насупротивъ самаго Бреста-Литовскаго, но на это, къ счастью, не послѣдовало согласія его величества. Хотя все это происходило лишь въ царствѣ, но вѣтви заговора простирались далѣе. Шляхетство польско-россійскихъ губерній вполнѣ сочувствовало всему тому, что дѣлалось въ Варшавѣ, и можно достовѣрно сказать, что все шляхетство отъ береговъ Вислы до береговъ Двины и Днѣпра волновалось.

Чтобы яснѣе видѣть цѣль мятежниковъ, я выписываю изъ сочиненія Солтыка описаніе предначертаній заговорщиковъ за два мѣсяца до открытія возстанія:

«Въ исходѣ сентября 1830 года, то-есть, въ половинѣ сентября по нашему лѣтоисчисленію [1]), главные члены «патріотическаго общества» собрались въ Варшавѣ для совѣщанія; имъ было представлено два плана. Сочинитель перваго требовалъ внезапнаго возстанія въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Изъ этого горнила пожаръ долженъ былъ разлиться по всему древнему польскому государству съ такою быстротою, чтобы извѣстіе о томъ могло достигнуть трехъ союзныхъ государствъ, не ранѣе какъ за двое или трое сутокъ до занятія нашими войсками похищенныхъ ими у насъ областей. Онъ хотѣлъ, чтобы мы воспользовались выгодами,

[1]) Я буду руководствоваться нашимъ мѣсяцоисчисленіемъ.

которыя могли представить намъ быстрота и внезапность дѣйствій. Огромныя средства были накоплены нашими властителями какъ будто бы для того, чтобы содѣйствовать нашему возстанію, которое, по силѣ и обширности своей, не имѣло ничего равнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Армія царства, состоящая изъ 60000 человѣкъ, была расположена слѣдующимъ образомъ: одна треть въ Варшавѣ, другая — на берегу Вислы, а кавалерія находилась на границѣ Познанскаго герцогства; остальная треть — на правомъ берегу Вислы, съ кавалеріей, которой кантониръ-квартиры простирались отъ Сѣдлеца до Замостья, касаясь россійскихъ границъ и Буга. Бо́льшая часть офицеровъ вышесказанныхъ войскъ, принадлежа патріотическому обществу, любила безъ сомнѣнія свое отечество. Одна русская гвардейская дивизія, силою въ 7000 человѣкъ при двадцати-четырехъ орудіяхъ, находилась въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Эта дивизія, будучи, та́къ сказать, окружена нашею арміею, не можетъ оказать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ солдаты были уроженцами похищенныхъ у насъ губерній, а слѣдовательно они болѣе склонны присоединиться къ намъ, чѣмъ дѣйствовать противъ насъ. Размѣщеніе нашихъ войскъ таково, что возстаніе въ Варшавѣ должно было возбудить подобное во всей арміи, не позже какъ чрезъ двое сутокъ; наши войска, расположенныя на правомъ и лѣвомъ берегахъ Вислы, имѣли потому возможность достигнуть въ нѣсколько дней границъ царства и легко проникнуть прямо въ области, къ намъ прилегающія. Россія не только снабдила насъ оружіемъ, зарядами и пушками, но, сверхъ того, расположеніемъ своихъ войскъ значительно уменьшила затрудненія для наступательнаго движенія нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ, корпусъ, называемый «литовскимъ», состоящій изъ 40000 человѣкъ, при ста-двадцати орудіяхъ, былъ разсѣянъ на пространствѣ отъ Дубны до Вильны на разстояніи ста польскихъ миль (700 верстъ); будучи исключительно составленъ изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, онъ необходимо долженъ пристать къ намъ. Треть офицеровъ корпуса уже въ сношеніи съ членами патріотическаго общества, а генералы не могутъ сосредоточить ни на одномъ пунктѣ достаточныхъ силъ для отраженія нашего нападенія. Безъ всякаго сомнѣнія наши войска, въ соединеніи съ литовскимъ корпусомъ, будутъ въ состояніи предпринять нападенія на Кіевъ, Бобруйскъ, Динабургъ и Ригу. Успѣхъ при этомъ тѣмъ менѣе сомнителенъ, что можно легко достигнуть его съ помощью окрестныхъ жителей до появленія въ тѣхъ краяхъ нашихъ войскъ. Въ Галиціи обстоятельства еще болѣе благопріятствуютъ нашему дѣлу: тамъ не болѣе 18000 солдатъ, которые, будучи всѣ уроженцами польскими, занимаютъ эту область; 30000 человѣкъ распущено по домамъ съ полной аммуниціей, хотя у нихъ отобрано оружіе, но оно хранится въ штабныхъ цейхгаузахъ. Ни одинъ изъ нихъ не успѣетъ прибыть къ своему мѣсту до занятія нашими этой области, ибо войска наши, квартируя въ окрестностяхъ Радома и Конска, отстоятъ не далѣе трехъ усиленныхъ переходовъ отъ австрійской Галиціи. Всѣ войска края поспѣшатъ пристать къ намъ и составятъ кадры нашей арміи, а жители, увлеченные всеобщимъ движеніемъ, будутъ дѣйствовать по усмотрѣнію патріотовъ. Познань была справедливо и искони почитаема горниломъ пламеннѣйшаго патріотизма, и потому все ея народонаселеніе возстанетъ разомъ. При появленіи въ ней нашихъ воиновъ 30000 пѣшихъ и конныхъ, исправно вооруженныхъ ландверовъ, отлично знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, умножатъ наши ряды. Число войскъ, составляющихъ прусскіе гарнизоны, не превышало 15000 чело-

вѣкъ. Такъ какъ Познанская крѣпость едва вооружена, то эти войска могутъ лишь соединиться за Одеромъ. Глогау есть ближайшая крѣпость къ Польшѣ изъ всѣхъ крѣпостей, находящихся на Одерѣ. Она снабжена огромнымъ арсеналомъ и гарнизономъ въ 15000 человѣкъ, весьма мало бдительнымъ, что весьма часто бываетъ въ мирное время; этою крѣпостью можно овладѣть врасплохъ».

Изложивъ всѣ способы, коими могли располагать наши и непріятельскія войска, авторъ изложилъ средства для приведенія въ исполненіе своего предначертанія. По его мнѣнію, надлежало взбунтовать въ трое сутокъ всю польскую армію, учредить диктаторство, захватить цесаревича и главныхъ генераловъ, обезоружить русскую гвардейскую дивизію, опредѣлить 2000 офицеровъ въ кантониръ-квартиры войскъ для образованія рекрутовъ и кадровъ для 2-й арміи, которая не должна была быть слабѣе 30000 человѣкъ; она должна была состоять изъ 20000 солдатъ, вышедшихъ въ отставку и 10000 волонтеровъ высшихъ сословій; они хотѣли двинуть немедленно отрядъ изъ 2000 человѣкъ чрезъ Брестъ и Дубно на Волынь, другой такой же силы чрезъ Бѣлостокъ и Вильну—и третій въ 5000 человѣкъ чрезъ Новомясты, Тарновъ, въ Галицію. Этотъ отрядъ долженъ былъ пресѣчь путь, идущій изъ Лемберга въ Вѣну; 2000 человѣкъ краковскихъ волонтеровъ должны были двинуться для того, чтобы поставить австрійцевъ между двухъ огней. Наконецъ они хотѣли направить 5000 человѣкъ въ Познанское герцогство для содѣйствія жителямъ къ возстанію и занятію крѣпости Глогау, отстоящей отъ границъ герцогства не далѣе двадцати миль. Вотъ первоначальныя мѣры, кои имѣлъ въ виду сочинитель этого предположенія. По его мнѣнію, все это могло совершиться въ десять или двѣнадцать дней, и тогда возстаніе могло охватить уже всю Галицію, Познань, Волынь и часть Литвы.

«Число войскъ, коими наше отечество будетъ въ состояніи располагать, возвысится до 180000 человѣкъ при 276 орудіяхъ, а именно:

1-я армія, нынѣ вся подъ ружьемъ изъ	30000	человѣкъ при	96	орудіяхъ.
Резервная, образующаяся на Вислѣ	30000	» »	60	»
Эти орудія поступятъ изъ арсеналовъ и послѣ обезоруженной русской гвардейской дивизіи.				
Литовскій пѣхотный корпусъ. .	40000	» »	120	»
Польскія войска, входящія въ составъ австрійской арміи, расположенныя въ Галиціи, не считая Милиціи	48000	» »	—	»
Ландверы познанскіе	30000	» »	—	»
Волонтеры краковскіе	2000	» »	—	»
Итого	180000	человѣкъ при	276	орудіяхъ.

«По изгнаніи чужеземцевъ изъ столь обширнаго государства, можно будетъ приступить къ набору 200000 рекрутовъ и 50000 лошадей. Для вооруженія этой огромной массы войскъ послужатъ ружья, коими мы овладѣемъ при взятіи Велички, Глогау, Динабурга, Бобруйска, Риги и Кіева, гдѣ, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть сдѣлается неминуемо нашей добычей; расширеніе нашихъ границъ, сосѣдства и дружба съ Венгріею и Силезіею, и удобства выгрузки оружія на берега Литвы, могутъ также значительно тому содѣйствовать.

«Благопріятное стеченіе обстоятельствъ обѣщаетъ намъ полный успѣхъ, надо однако умѣть этимъ воспользоваться.

«Слѣдуя вышеизложенному предначертанію, мы можемъ быть вынуждены вести въ одно время войну съ Россіею, Пруссіею и Австріей; но, принимая въ уваженіе военное положеніе этихъ трехъ державъ и политическія обстоятельства Европы, намъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ нашего предпріятія. Если мы не станемъ считать литовскій корпусъ, Россія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ можетъ выставить противу насъ лишь 80000 человѣкъ; главная причина тому слѣдующая: разстройство и убыль полковъ, возвращающихся изъ Турціи. На возстаніе наше не замедлятъ откликнуться Курляндія и Бѣлоруссія. Австрія и Пруссія, имѣя въ настоящее время мало войска подъ ружьемъ, еще въ оцѣпенѣніи вслѣдствіе Іюльскаго переворота. Мертвая Италія, Сѣверная и Средняя Германія начинаютъ волноваться; дворянство венгерское вполнѣ намъ сочувствуетъ: католическое народонаселеніе Пруссіи тяготится игомъ лютеранъ, и вообще вся земля стонетъ отъ владычества чужеземныхъ обладателей. При таковомъ всеобщемъ возстаніи Франція не останется, безъ сомнѣнія, равнодушною зрительницей; обратившись къ истинной и естественной своей политикѣ, она либо рѣшится, поправъ трактатъ 1815 года, дѣйствовать наступательно, и тогда двухсотъ-пятидесяти-тысячная армія, усиленная волонтерами Германіи и Италіи, можетъ въ три мѣсяца развернуть свои знамена на границахъ Польши; либо, избравъ политику, менѣе великодушную, менѣе достойную для высокой французской націи, она, по крайней мѣрѣ, поспѣшитъ признать независимость Польши. Опираясь тогда на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженною рукою въ дѣла постороннихъ державъ, она не допуститъ австрійцевъ и пруссаковъ противиться нашему возрожденію, принудивъ ихъ, такимъ образомъ, соблюдать строгій нейтралитетъ».

Авторъ находитъ, что нарушеніе трактата 1815 года возбужденіемъ Польши противъ Россіи, есть дѣло вполнѣ законное. Не довольствуясь тѣмъ, онъ требуетъ отъ Франціи подобнаго же нарушенія признаніемъ независимости Польши, и все это для какой цѣли? Для защиты этой страны противъ Россіи, которая будто бы нарушила этотъ трактатъ. Онъ также требуетъ, чтобы Франція, опираясь на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженной рукой въ дѣла постороннихъ державъ, не дозволяла бы Австріи и Пруссіи потушить мятежъ въ польскихъ областяхъ, имъ принадлежащихъ въ силу прежнихъ трактатовъ и окончательно признанныхъ ихъ собственностью трактатомъ 1815 года. Онъ настаиваетъ на необходимости вмѣшательства Франціи вооруженною рукой въ спорныя дѣла государствъ, вовсе для нея постороннихъ.

«Въ первомъ случаѣ, продолжаетъ Солтыкъ, Пруссія и Австрія, отвлеченныя въ противную сторону силами Франціи, могутъ лишь выставить слабыя силы противъ насъ, и мы можемъ двинуть значительныя силы противъ Россіи. Во второмъ случаѣ—вся польская армія двинется

противъ русской, значительно ей уступающей въ силѣ, которую стòитъ лишь нѣсколько разъ побѣдить (дѣло весьма легкое на бумагѣ и за бутылкою венгерскаго вина!) чтобы стереть её и вовсе уничтожить». (Каковою Ляхъ разумѣетъ нашу армію! Подумаешь, что онъ современникъ Баторія или Сигизмунда и что не было войнъ ни 1772, ни 1794, ни 1812 годовъ, или что онъ говоритъ объ арміи папы!)

«Бòльшая часть членовъ общества, будучи вполнѣ согласны относительно возбужденія къ возстанію жителей Польши и польско-россійскихъ губерній, возражала однако противъ остальной части плана. Всѣмъ не безъизвѣстно, говорили они, что отрасли нашего общества никогда не проникали правильнымъ образомъ въ Познань и Галицію; хотя патріотизмъ жителей этихъ областей не подлежитъ сомнѣнію, но возможно ли поручиться въ томъ, что при первомъ появленіи нашихъ войскъ они тотчасъ возстанутъ? Войска, занимающія ихъ, могутъ ли быть легко вытѣснены или присоединены къ нашей арміи? Наши силы достаточны для нанесенія сильнаго удара русскимъ, но при помощи жителей Литвы, Подоліи, Волыни, Бѣлоруссіи, Украйны и въ особенности при единомысліи съ литовскимъ корпусомъ, при неудачѣ въ Познани и Галиціи и при нападеніи на насъ всѣхъ трехъ державъ, выдержимъ ли мы ихъ удары? Не пожертвуемъ ли мы для надежды несбыточной успѣхомъ почти несомнѣннымъ? Оставивъ въ покоѣ Австрію и Пруссію, не имѣемъ ли мы право надѣяться, что обѣ эти державы останутся лишь равнодушными зрительницами возстанія, которое можетъ имѣть для нихъ двоякую пользу: либо ослабленіе Россіи, вслѣдствіе войны ужасной и кровопролитной, либо раздробленіе этой державы на части. Та или другая будетъ весьма выгодна для государствъ, справедливо опасающихся ранняго или поздняго вторженія Россіи въ ихъ владѣнія. Ужели нельзя надѣяться, что Австрія и Пруссія, предугадывая, что послѣ возрожденія нашего мы будемъ въ состояніи исторгнуть у нихъ силою области, коими они беззаконно владѣютъ, не отказались бы заблаговременно отъ нихъ, дабы добровольнымъ пожертвованіемъ затруднить Россію и тѣмъ оградить себя отъ извѣстной алчности ея къ завоеваніямъ. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что уже въ 1815 году Австрія изъявила намѣреніе отказаться отъ своего участка, если только Россія и Пруссія послѣдуютъ ея примѣру. Впрочемъ, если бы обѣ эти державы и не отказались добровольно отъ своихъ участковъ, какъ то должна бы имъ внушить здравая политика, въ такомъ случаѣ кто намъ помѣшаетъ, нанести пораженіе опаснѣйшему врагу нашему, обратиться на Австрію и Пруссію и отобрать у нихъ все насильно ими похищенное. Возможно ли тогда не разсчитывать на помощь Франціи, либеральные порывы которой возбудятъ во всѣхъ европейскихъ народахъ сильное сочувствіе.

«На это авторъ перваго предположенія возразилъ: «Развѣ возстаніе, какое я требую, не сблизитъ насъ съ Венгріей и Германіей? Въ случаѣ войны съ Россіею, Австрія и Пруссія лишатъ насъ, безъ сомнѣнія, огромныхъ средствъ, нынѣ сосредоточенныхъ въ Галиціи и Познани. Не грѣшно ли намъ будетъ оставить въ рукахъ естественныхъ, но доселѣ тайныхъ враговъ нашихъ, большія средства, коими мы могли бы легко воспользоваться. Дай Богъ, чтобы это пренебреженіе не повлекло бы за собою нашей гибели: тогда будетъ поздно обращаться къ друзьямъ нашимъ, когда уже помощь ихъ будетъ для насъ совершенно необходима».

Не взирая на эту выгоду, рѣшено было ограничиться возстаніемъ въ царствѣ польскомъ и польско-россійскихъ губер-

ніяхъ. Между тѣмъ патріотическое общество, испуганное рѣшительными дѣйствіями нашего правительства при разбирательствѣ заговоровъ въ 1825 и 1826 годахъ, медлило, тогда какъ нетерпѣніе буйныхъ головъ, коими изобилуетъ Польша, требовало немедленнаго приступленія къ дѣлу. Вслѣдствіе этого образовались два новыя тайныя общества: одно военное, другое — гражданское, предметъ коихъ состоялъ въ скорѣйшемъ возбужденіи къ возстанію, и потому было рѣшено:

Сорокъ рѣшительныхъ и вооруженныхъ юношей въ плащахъ, явившись поодиночкѣ на Саксонской площади до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, котораго имъ надлежало тотчасъ убить. Это должно было служить сигналомъ для пятидесяти подпрапорщиковъ къ нападенію на русскихъ генераловъ и взятію ихъ въ плѣнъ. Войска, собранныя для развода на площади, должны были, провозгласивъ независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это движеніе, было назначено нѣсколько сотенъ учениковъ изъ военныхъ училищъ, студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основалась главная надежда заговорщиковъ, считавшихъ вообще на 10000 человѣкъ польскаго войска, готоваго къ возстанію. По словамъ Солтыка, усердіе и преданность къ пользамъ Россіи русской гвардейской дивизіи, силою въ 7000 человѣкъ, составленной изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, были также весьма сомнительны.

8-е октября было назначено днемъ возстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7-е и 8-е были днями, въ которыхъ польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, заведенной цесаревичемъ, былъ слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіе двухъ дней сряду русскими, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней—поляками. Въ теченіе этого времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичъ сталъ, безъ всякаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутство-

вать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить возстаніе до 29-го ноября.

Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія возстанія между гражданами и войсками и приведенія всего въ надлежащую готовность Звіерковскаго, Солтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ общества. Но въ половинѣ ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будто бы русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить польскую; австрійцы выводятъ изъ Галиціи польскія войска въ Венгрію и замѣняютъ ихъ тамъ венгерскими; они свозятъ всѣ ружья и сабли польской милиціи въ крѣпости Моравіи, и наконецъ тридцати-тысячный прусскій ландверъ, выведенный также изъ Познани, размѣщенъ по крѣпостямъ Силезіи, гдѣ ему надлежитъ нести гарнизонную службу.

Время было дорого. Срокъ возстанія былъ приближенъ и опредѣленъ 17-го ноября.

Итакъ, 17-го ноября, въ семь часовъ вечера, покушенія нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича, въ Бельведерскомъ дворцѣ его, послужили сигналомъ къ всеобщему мятежу. Цесаревичъ, чудесно спасшійся, выступилъ въ ту же ночь съ русскими и нѣкоторыми оставшимися вѣрными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры и находящуюся въ трехъ верстахъ отъ заставы; здѣсь собралось до 8000 человѣкъ при двадцати-восьми орудіяхъ.

Между тѣмъ въ бушевавшей Варшавѣ сатурналіи и неистовства всякаго рода возрастали; вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу. Буйная молодежь, махая саблями и осыпая ругательствами русскихъ, скакала по улицамъ; словомъ, наглость и самонадѣянность, столь свойственная полякамъ въ минуты успѣха, проявились здѣсь со всею откровенностью невѣжества и упоеній всякаго рода. Но такъ какъ надлежало положить предѣлъ безначалію, Совѣтъ правленія, установленный еще въ 1815 году, принялъ въ ту же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ—Соболевскій, а членами—Мостовскій, Грабовскій, Раутенштраухъ,

Козецкій, Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны Совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было возстаніе и которой послѣднее убѣжденіе— войско и пушки уже были внѣ города. Члены Совѣта, обнаружившіе здѣсь нѣкоторую ловкость и смѣлость, имѣли, вѣроятно, въ виду удержать за собою преимущества, сопряженныя съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе любимыхъ мятежниками, такъ напримѣръ: Чарторижскаго, князя Михаила Радзивилла, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ лучше другихъ гибельныя послѣдствія мятежа и, не желая стать во главѣ правленія, какъ того всѣ желали, скрывался въ продолженіи нѣкотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой, до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4500 человѣкъ, ибо нѣкоторые еще колебались приступить къ бунтовщикамъ, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Все сказанное Солтыкомъ явно опровергаетъ мнѣніе автора вышепредставленнаго предначертанія, который былъ, повидимому, твердо убѣжденъ въ томъ, что при первомъ извѣстіи о возстаніи Варшавы всѣ войска и сословія всего древняго польскаго государства не замедлятъ тотчасъ пристать къ мятежникамъ. Какъ велико было разочарованіе его и всѣхъ, подобныхъ ему мечтателей, когда въ самой Варшавѣ — этомъ гнѣздилищѣ вражды противъ Россіи, вмѣсто 10000 человѣкъ, на которые разсчитывали, по словамъ Солтыка, явилось лишь 4500 человѣкъ! Чего же должно было ожидать отъ войскъ и жителей, расположенныхъ внѣ Варшавы! Возможно ли было послѣ того полякамъ вступить въ одно время въ Галицію, Познань, Литву, Волынь и овладѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней крѣпостями: Кіевомъ, Бобруйскомъ, Динабургомъ, Ригой и Глогау? Такъ всегда неограниченныя желанія легкомысленной толпы рождаютъ въ ней необъятные замыслы, далеко не соотвѣтствующіе средствамъ, коими они могутъ располагать.

Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, какъ легко было нашимъ войскамъ, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событіяхъ 1794 года. Напрасно! Войска Игельстрема понесли тогда жестокое пораженіе не по причинѣ пребыванія своего посреди возмутившагося города, но потому что они, будучи разсѣяны въ немъ и вовсе не готовы къ принятію боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго не могло здѣсь случиться, если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го по утру, одною колонною. Независимо отъ нашего матеріальнаго превосходства въ силахъ надъ мятежниками, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать важные результаты. Если бы даже это предпріятіе и неудалось, то мы могли, очиствивъ еще разъ городъ, вступить уже не чрезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдуя самымъ естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россіею, что̀ одно представляло огромныя выгоды. Ясно было, что одно шляхетство и городская сволочь изъ тунеядцевъ желали возстанія, но многочисленнѣйшій классъ народонаселенія, состоящій изъ хлѣбопашцевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, слабо поддавался внушеніямъ заговорщиковъ. Не взирая на вліяніе генераловъ и офицеровъ, принадлежавшихъ къ патріотическому обществу, солдаты послѣднихъ трехъ классовъ весьма нерѣшительно и неохотно приставали къ мятежникамъ. Вообще нерѣшительность и малая надежда на успѣхъ были замѣтны у самихъ заговорщиковъ; хотя послѣдовало тайное приказаніе нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ, причастныхъ къ бунту, атаковать врасплохъ русскую гвардейскую артиллерію, квартировавшую въ Скерневицахъ, но такъ какъ никто не рѣшился привесть это въ исполненіе, артиллерія благополучно соединилась съ цесаревичемъ въ Вержбѣ.

Хлопицкій, бывшій весьма честнымъ, но бѣднымъ человѣкомъ, удостоился чести командовать французскими войсками

во время Наполеона, возведшаго его въ званіе барона имперіи, чтò доставляло ему 6000 франковъ ежегоднаго содержанія.

Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, въ 1821 году, сказалъ государю: „Я вполнѣ удивляюсь, какъ могли выпустить въ отставку Хлопицкаго".

На чтò его величество отвѣчалъ: „Я вынужденъ былъ уволить его потому, что онъ позволилъ себѣ явно насмѣхаться надъ нѣкоторыми подробностями нашей фронтовой службы".

Въ самомъ началѣ возстанія Хлопицкій, явившись къ цесаревичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналъ, наполненный оружіемъ, и недопустить мятежниковъ овладѣть имъ; но его высочество не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ. Впослѣдствіи императоръ Николай имѣлъ одно время въ виду наказать его ссылкой, но когда ему объяснили, что мы обязаны Хлопицкому тѣмъ, что мятежъ не охватилъ Литвы, онъ назначилъ ему пожизненный пенсіонъ.

Хлопицкій, явившись 19-го ноября, нашелся вынужденнымъ принять на себя послѣ продолжительныхъ отговорокъ званіе главнокомандующаго всѣми польскими войсками. Возникшій между тѣмъ вполнѣ якобинскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Лелевеля, увлекалъ чернь и буйную молодежь дѣйствовать наперекоръ Совѣта, имѣвшаго въ виду дать всему дѣлу нѣкоторый правильный порядокъ. Вынужденный уступить требованіямъ большинства, Совѣтъ исключилъ изъ своего состава Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха, Козецкаго и Фредро, почитавшимися слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, Островскимъ, Молоховскимъ и Лелевелемъ, который, въ свою очередь, уступилъ свое мѣсто въ клубѣ Брониковскому. Вслѣдствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія видѣться съ нѣкоторыми членами Совѣта для узнанія истинныхъ требованій націи, кои онъ желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Виржбу: Чарторижскій, Любецкій, Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія царству конституціи, дарованной ему въ 1815 году, и присоединенія къ нему польско-россійскихъ губерній. Сверхъ того имъ было по-

ручено вывѣдать косвенными путями о истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также исторгнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство или нѣтъ? Послѣ пятичасовой конференціи цесаревичъ, принявшій весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявленіе:

„Во-первыхъ, его высочество объявляетъ, что, не имѣя намѣренія атаковать городъ войсками, находящимися подъ его начальствомъ, онъ, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій, обязуется извѣстить о томъ правительство за 48 часовъ.

„Во-вторыхъ, его высочество принимаетъ на себя ходатайство у престола его величества императора и короля о милосердномъ забвеніи всего прошлаго.

„Въ третьихъ, его высочество объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія литовскому корпусу вступить въ царство польское.

„Въ четвертыхъ, плѣнные будутъ освобождены“.

Чрезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. Совѣтъ правленія палъ и былъ замѣненъ вполнѣ мятежнымъ временнымъ правленіемъ; избраны были членами Совѣта: Чарторижскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Пацъ, Дембовскій и Нѣмцевичъ. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му декабря; полки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ, гдѣ буйство клубовъ и черни достигло высшей степени. Сверхъ того было послано приказаніе Гельгуду, въ Радомъ, и Круковецкому въ Раву, о направленіи ввѣренныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того, чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило его высочество, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ имперіи. Цесаревичъ почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе другое объявленіе:

„Дозволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ.

„Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Я надѣюсь на великодушіе польскихъ націй и

увѣренъ, что мои войска не будутъ во время движенія ихъ къ границамъ тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе всѣхъ зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ, оставшихся въ плѣну".

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичъ послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую мятежники поспѣшили занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Того же числа, то-есть 29-го ноября, цесаревичъ, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ правленія царствовалъ величайшій безпорядокъ; въ Варшавѣ же происходили неистовства всякаго рода. Хлопицкій, почитая необходимымъ положить предѣлъ безначалію, убѣдилъ 23-го числа временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено сеймомъ 8-го декабря при кликахъ черни, которымъ Хлопицкій едва внималъ. Новое правительство было учреждено на слѣдующихъ основаніяхъ: диктаторъ, надзирательная комиссія, избираемая изъ членовъ сейма и имѣвшая право лишать, по своему усмотрѣнію, диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ сеймомъ.

Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что надзирательная комиссія находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую-то національную комиссію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и Езерскаго съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о прекращеніи имъ безначалія и всеподданнѣйшей просьбой возвратить царству конституцію 1815 года и даровать подобную же польско-россійскимъ губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ его величества. Отправивъ ихъ въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лише-

нія жизни, важнѣйшимъ мятежникамъ, вызвавшимся, подобно Солтыку, истребить войска цесаревича, либо захватить его самого въ плѣнъ, либо предпринимать что либо противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы, возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и скопищами всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что, дѣйствуя лишь какъ вѣрноподданный короля своего (императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ его величества. Замѣчательно то, что во время диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не преставало гремѣть въ храмахъ во время богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего, графа Замойскаго, къ командиру литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято съ его стороны какихъ либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣчать самому государю за пролитіе единой капли крови до полученія высочайшаго на то повелѣнія.

Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы о распространеніи возстанія въ польско-россійскихъ губерніяхъ к мнѣнія Солтыка и Кицкаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, несогласившись съ нимъ, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подоліи, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Было очевидно, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, видѣвшій во всемъ царствѣ полное развитіе анархіи и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти своего отечество, не прибѣгая къ оружію, а стараясь до полнаго подчиненія Польши Россіею привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Не взирая на эти явныя намѣренія Хлопицкаго, онъ не упалъ однако во мнѣніи своихъ соотчичей. Поляки, понимая по своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ способенъ заглушать въ себѣ голосъ честолюбія и ище-

нія послѣ предосудительнаго и оскорбительнаго къ себѣ невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, полагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ всѣ превозносили военныя дарованія Хлопицкаго, неимѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хлопицкій, не имѣя соперниковъ, былъ потому человѣкомъ необходимымъ, котораго поддерживали даже тѣ, противъ желанія которыхъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ региментаржей или главныхъ наборщиковъ и обучителей ополченія: одного—Солтыка, въ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, а другого—Малаховскаго, въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ Чарторижскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго въ Парижъ, Віалопольскаго — въ Лондонъ, Мостовскаго—въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя регментаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815 года и дарованію подобныхъ учрежденій польско-россійскимъ губерніямъ; въ нихъ не было упомянуто объ отторженіи этого царства и польско-россійскихъ губерній отъ Россіи. Диктаторъ, будучи глубоко убѣжденъ, что не въ самостоятельности Польши заключался залогъ его благоденствія, но въ покровительствѣ Россіи этому царству, удовольствовался столь умѣренными требованіями.

Между тѣмъ цесаревичъ отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву; но здѣсь одна польская артиллерійская рота, не-

извѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ безпокоить наши войска, приготовилась вмѣстѣ съ жителями мѣстечка преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но, къ нашему благополучію, повелѣніе Хлопицкаго пришло еще во-время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфлокомъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Прибывъ въ Пулаву, цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ престарѣлую княгиню Чарторижскую, называемую имъ „Бабой-Ягой“.

Хотя сынъ этой главнѣйшей виновницы всѣхъ козней заговоровъ и предпріятій, возникавшихъ въ Польшѣ противъ Россіи въ теченіе шестидесяти лѣтъ сряду, носилъ еще званіе члена россійскаго государственнаго совѣта, но онъ былъ уже членомъ вновь учрежденной комиссіи въ Варшавѣ.

Цесаревичъ, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ, явно сыпались вездѣ страшныя ругательства, не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куровъ-Маркушевъ и Каменку съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова, по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во-первыхъ, вслѣдствіе приказанія, отданнаго Хлопицкимъ, и во-вторыхъ, по причинѣ значительнаго превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрядами мятежниковъ. Цесаревичъ хотѣлъ двинуться изъ Любартова чрезъ Коцкъ на Брестское шоссе, около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята нѣсколькими мятежниками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, то цесаревичъ пред-

почелъ, пробравшись вправо на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, позади литовскаго корпуса.

Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать, по возможности, встрѣчи съ мятежными войсками; онъ, вѣроятно, не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ Польскимъ, думалъ, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, чтó могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, повидимому, мысль цесаревича, которой онъ, можно сказать, остался вполнѣ вѣренъ во все продолженіе войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопредѣленное время умиротвореніе страны: съ одной стороны исчезла бы навсегда возможность выдти съ честью изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; съ другой—великодушное забвеніе о прошломъ становилось невозможнымъ, но надлежало, напротивъ, прибѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Вообще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвиняло его въ измѣнѣ. Хотя я глубоко убѣжденъ, что русскій великій князь не могъ забыть обязанностей своихъ относительно своего государя и отечества, но я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что поведеніе цесаревича подало поводъ къ нареканіямъ страшнымъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, но не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своего обуздывать порывовъ своего крутого и своевольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменныя и дерзкія требованія лицъ, незадолго предъ тѣмъ распростертыхъ у его

ногъ. Онъ дѣлалъ все это, имѣя, вѣроятно, въ виду лишь пользу Россіи, которой онъ не могъ не любить. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я, но не такъ думали о томъ поляки. И подлинно, это уваженіе цесаревича къ беззаконному скопищу правителей царства, доказываемое офиціальнымъ съ нимъ сношеніемъ, какъ будто съ законнымъ правительствомъ, признаннымъ и нашимъ, и союзными государствами; эти добродушные переговоры его въ Виржбѣ подъ Варшавою и на походѣ съ каждымъ лицемъ, осмѣливавшимся утруждать его предложеніями своими болѣе и болѣе оскорбительными, какъ для него собственно, такъ и для чести имени русскаго, и которыя всѣ были имъ принимаемы безъ гнѣва и прекословія; стараніе его въ продолженіи всего отступленія миновать встрѣчи съ клочками польскихъ войскъ, разсѣянныхъ по тому пространству, по коему пролегалъ путь его и которыхъ корпусъ его былъ въ семеро сильнѣе; и наконецъ приказанія нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польской арміи, на вопросы ихъ у него: куда прикажетъ онъ слѣдовать ихъ полкамъ, ибо они, кромѣ его другихъ начальниковъ не имѣютъ,— приказанія, говорю я, данныя цесаревичемъ вопросителямъ его, чтобъ они впредь повиновались не ему, а означенному правительству, — съ какой бы точки зрѣнія представлены ни были и польской націи, и польской арміи главными мятежниками, овладѣвшими общимъ мнѣніемъ, — они представлены были, какъ дѣла, внушенныя чувствомъ робости, а не плодомъ разсчета, основаннаго на миролюбіи, котораго предметомъ было водвореніе спокойствія безъ потрясенія взаимнаго самолюбія обоихъ народовъ. Обманъ безстыдный, но, по наружному сходству своему съ истиной, похитившій должное довѣріе къ его высочеству, а съ довѣріемъ и послѣднее къ нему повиновеніе.

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ героевъ, въ чемъ не разъ имѣлъ случай лично убѣждаться, страстно любилъ военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заклю-

чалось лишь въ несносно педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлываніе ружейныхъ пріемовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшительности, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Ряды арміи постепенно наполняются потому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе частями, что̀ приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя матеріальныя выгоды.... Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе . . . . : не щадятъ ни усилій, ни средствъ для приведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ, выдѣлыванія темповъ, наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку? Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого одного не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не столько поясняющихъ, сколько крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ не стѣснить частныхъ начальниковъ, отъ бо̀льшаго или меньшаго умственнаго развитія которыхъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложен-

ныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ и просвѣщенныхъ людей, кои, либо удалятся со служебнаго поприща, либо, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха! Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ—ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, неудастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ лишь окружено толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ, не допускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ.

Меня увѣряли очевидцы, какъ поляки, такъ и русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія нашихъ войскъ въ Виржбу 17-го ноября, ночью, можно было потушить народное волненіе въ самомъ городѣ; на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня—десятью баталіонами, но на слѣдующій день и 26000 человѣкъ были бы уже недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ городъ уже вступили нѣсколько мятежныхъ польскихъ полковъ, шляхетство и разная буйная сволочь, обитавшая въ окрестностяхъ, и мятежъ

принялъ рѣшительную уже осѣдлость. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ, еще 18-го ноября утромъ, не болѣе 4500 человѣкъ войска. Поляки утверждали, что официальный характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенныя ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства Польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичъ приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ (въ числѣ коихъ находился командиръ полка Кржинецкій и Гельгудъ, командовавшій одной пѣхотной бригадой): „повиноваться уже не ему, а народному правленію"; это приказаніе было, вѣроятно, дано его высочествомъ изъ опасенія измѣны сихъ полковъ и собственнаго плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли, напротивъ, всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможности пламя бунта и непокорности державной власти. Присоединеніе этихъ полковъ къ войскамъ цесаревича могло возродить въ царствѣ новую Вандею; многія изъ лицъ, еще колебавшихся принять явное участіе въ возстаніи, отъ недостатка ли смѣлости, отъ убѣжденія ли, что четырехъ-милліонное народонаселеніе не въ состояніи бороться съ пятидесяти-четырехъ-милліоннымъ, или отъ справедливаго опасенія, что благоденствіе края, доселѣ ограждаемое законами, будетъ замѣнено всеобщимъ разореніемъ вслѣдствіе буйнаго своеволія, не затруднились бы, можетъ-быть, пристать къ намъ. Хотя эти лица, увидавъ, напротивъ, что цесаревичъ дозволилъ польскимъ войскамъ присоединиться къ мятежникамъ, и опасались висѣлицы, выставленной Лелевелемъ и ксендзомъ Пулавскимъ, и хотя они оплакивали измѣненіе стараго порядка, но они не могли не объявить своихъ сочувствій къ народному дѣлу. Я предоставляю моимъ читателямъ выводить изъ всего сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается лично меня, то я, какъ исключительно военный человѣкъ, не могу довольно надивиться слѣдующему обстоя-

тельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыя онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился малочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшиться, но бо́льшая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военныя дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главныя силы нашли эти крѣпости занятыми своими. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая либо опасность со стороны противной арміи: Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ польской арміи не было ни одного осаднаго орудія; если бы она имѣла у себя нѣсколько такихъ осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить къ Варшавѣ. Надо присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гуры и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ, ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдовать почти мимо Прагскаго предмѣстья, откуда поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли атаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе Брестскаго шоссе, и тогда Модлинъ могъ бы быть легко занятъ нашими войсками. Сношенія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли господствовать надъ обоими берегами, что̀ значительно облегчило бы нашей главной арміи атаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги,

неимѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы могли бы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или наперерѣзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ поляки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятіе нашими Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи отъ вторженія поляковъ, и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находилась на прямѣйшемъ сообщеніи съ Галиціею, откуда поляки въ теченіе войны получали за деньги порохъ, оружіе и съѣстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галиційскіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоліи и Кіевской губерніи, отправлялись вдоль австрійской Галиціи, къ Завихвосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сей крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившіеся близъ Замостья; мы нашлись впослѣдствіи вынужденными обезпечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить 19-го по утру, мы могли выступить изъ Вир
жбы, и слѣдуя быстро сквозь разсѣянные малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ двухстахъ-шестидесяти верстахъ, не болѣе какъ въ восемь дней. Если ореолъ власти, озарявшій прежде цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе цесаревича съ войсками къ малосильному и ни о чемъ еще неизвѣщенному гарнизону, привыкшему трепетать при одномъ словѣ его высочества, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и, безъ сомнѣнія, ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы, во всякомъ случаѣ, рисковали немногимъ; если бы намъ это предпріятіе не удалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милю, могли вступить въ

свои предѣлы, но уже не въ Влодавѣ, а въ Устилугѣ. Вся разница только въ ста верстахъ; но дѣло было уже сдѣлано. Въ началѣ декабря литовскій пѣхотный корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи находился бы уже на нашей границѣ. Надо сознаться, что цесаревичъ и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь представляется вопросъ: надлежало ли ожидать прибытія главной арміи или, соединившись съ литовскимъ корпусомъ, что̀ составило бы около 50000 человѣкъ тотчасъ открыть военныя дѣйствія противъ 30000 польской арміи, еще не приведенной въ надлежащій порядокъ. Если бы въ литовскомъ корпусѣ офицеры и нижніе чины были коренные русскіе, тогда, безъ сомнѣнія, надлежало воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не могли выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный большею частью изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ перваго удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она дозволяла намъ одержать съ большею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать поляки, возрасли бы, безъ сомнѣнія, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, но не далѣе; напротивъ, средства Россіи были, можно сказать, неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Мы еще болѣе убѣдились въ пользѣ отсрочки изъ слѣдующаго: непостоянство поляковъ, коихъ увлеченіе и пылъ могли охладѣть; несогласія и споры, а можетъ и междоусобныя брани могли возникнуть среди многочисленнаго сборища людей, гдѣ господствовалъ духъ своеволія, столь враждебный мудрому единодержавію, умѣряемому лишь отвѣтомъ свѣдущихъ, даровитыхъ и испытанныхъ мужей; лишь подобное единодержавіе было въ состояніи направить ихъ частныя усилія къ одной общей цѣли.

Теперь вопросъ на оборотъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этого времени приблизиться къ мѣсту расположенія литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого не потому, что польза этого движенія ускользнула отъ его проницательности, но потому лишь, что онъ искалъ не битвъ и военной славы, но мира, посредствомъ коего онъ ожидалъ спасенія Польши, опрометчиво и безтолково ввергнутой мятежниками въ кровавую борьбу съ Россіею. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе Хлопицкаго къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшный исходъ переговоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Озерскимъ? Оцѣняя по достоинству патріотизмъ Хлопицкаго, пожертвовавшаго своимъ честолюбіемъ высокому чувству истинной любви къ отечеству и клятвѣ, имъ уже произнесенной, я невольно вопрошаю себя: неужели надѣялся онъ, въ награду за обузданіе безначалія въ Варшавѣ, несогласіе на распространеніе мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что нашъ государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? потому только, что эти предложенія усѣяны были выраженіями, дышащими вѣрноподданническою предавностью, и подправлены кротостью агнца и сотомъ лести и ласкательства? Пятилѣтнее царствованіе императора Николая, обнаружившаго замѣчательную настойчивость, должно было открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій мятежниковъ лишь тѣмъ, что онѣ были облечены въ формы болѣе мягкія, тогда какъ требованія этихъ послѣднихъ были объявлены нагло и съ оружіемъ въ рукахъ. Въ сущности, требованія ихъ были одни и тѣ же, и съ нашей стороны уступка наглости или уступка покорности, всё была бы уступка, все было бы добровольное посрамленіе себя и потрясеніе Россіи до основанія. Послѣ этого заблужденіе Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію себя для продолжительной борьбы на жизнь и смерть и замедлявшаго развитіе всѣхъ необхо-

димыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россіею мира, непростительно. Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надо было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и не вступая въ сношенія съ мятежниками, уклониться отъ участія въ возстаніи; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россіею до послѣдней искры жизни. Это было бы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ согласно съ логикой; правда, первое вело къ ненависти мятежниковъ и поднятой ими черни, а слѣдственно и къ висѣлицѣ или, по крайней мѣрѣ, къ бѣгству изъ отечества, второе же—должно было навлечь на него полное неблаговоленіе нашего государя. Но дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ, принявъ на себя званіе диктатора, дѣйствовать рѣшительно въ пользу избравшихъ его и не вѣрить въ возможность возстановленія мира въ самомъ разгарѣ войны, тѣмъ болѣе, что поляки, въ самомъ пылу справедливаго гнѣва государя, осмѣливались требовать, чтобы онъ пожертвовалъ для нихъ достоинствомъ и честью своей имперіи. Едва ли самъ Хлопицкій въ минуты, когда онъ не увлекался несбыточными фантазіями, не отчаявался въ успѣхѣ начатаго дѣла. Итакъ, если Хлопицкій рѣшился захватить диктаторскую власть у временнаго правительства, то онъ долженъ былъ не замедлять и затруднять развитіе боевыхъ средствъ своего отечества, но, напротивъ, не щадить усилій для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, что нисколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Этому могло значительно содѣйствовать перемѣщеніе польской арміи отъ Варшавы къ нашей границѣ въ смежность съ литовскимъ корпусомъ, потому именно, что перемѣщеніе это обѣщало усиленіе польской арміи чрезъ соприкосновеніе ея съ войсками, готовыми по всѣмъ предположеніямъ принять заразу мыслей, кипѣвшихъ въ ея рядахъ. Такимъ образомъ силы мятежниковъ при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и поголовнаго ополченія, возрасти до 80000 человѣкъ. Конечно, это предпріятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіе войны литов-

скій корпусъ не измѣнялъ Россіи, а нѣкоторые полки онаго какъ, напримѣръ, гренадерская бригада, бывшая подъ командою генерала Муравьева, покрыла еще себя славою; но при всемъ томъ духъ этого корпуса былъ весьма ненадеженъ. Если этотъ корпусъ остался вѣрнымъ единожды принесенной имъ присягѣ, то это, можетъ-быть, произошло отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы не случилось, если бы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Солтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ варшавскому патріотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому, принявшему на себя званіе диктатора, надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ тайныя сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который, безъ всякаго сомнѣнія, присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, появившись съ восьмидесяти-тысячною арміею въ Бѣлоруссію, возбудить противъ насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. А при возстаніи Литвы неминуемо возстала бы и Волынь, и Подолія, и Украйна, обнаженныя отъ нашихъ войскъ. Если бы оно и не сдалось, онъ нé подвергся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него спереди. Для перваго предпріятія у насъ не было ни одного русскаго солдата ни на флангъ, ни въ тылу его, а для послѣдняго строя было запрещено литовскому корпусу до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши предпринимать малѣйшее наступленіе впередъ. Вмѣсто всего этого, какой имѣли результатъ благочестивыя побужденія Хлопицкаго? Миръ несостоялся и не могъ состояться, а когда надо было прибѣгнуть къ оружію, поляки не располагали для продолженія войны тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ они могли обладать; вмѣсто того, чтобы поддержать свои усилія присоединеніемъ литовскаго корпуса, возбужденіемъ къ возстанію Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Украйны, поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями польско-

россійскихъ губерній и имѣя уже противъ себя литовскій корпусъ.

Мы пришли теперь къ любопытному событію—къ паденію диктатора Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось около сорока дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе сорока-двухъ-дневнаго владычества своего Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятыя имъ строгія мѣры для прекращенія безначалія, явное его противодѣйствіе увеличенію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россіею и Польшей разрыва, не прибѣгая къ оружію, возстановили противъ него всѣ буйныя головы шляхетства, членовъ закрытыхъ имъ якобинскихъ клубовъ и тайныхъ обществъ, требовавшихъ рѣшительной независимости Польши. Но эта ненависть къ Хлопицкому, кипѣвшая пока втайнѣ, не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться. Но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась. Комиссія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе надзирательной комиссіи; хотя эта послѣдняя комиссія и утвердила его, но Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, пылающихъ огнемъ возмущенія и анархіи, и строго запретилъ обнародывать столь непристойный актъ. Не взирая на запрещеніе, этотъ манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и якобинцами, которые стали разглашать, что онъ измѣнникъ; а это, въ свою очередь, побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, если бы они вздумали явно возстать противъ правительства.

Къ этому времени, то-есть, 3-го января 1831 года прибылъ изъ С.-Петербурга подполковникъ Величинскій, посланный отъ Хлопицкаго курьеромъ къ Любецкому. Между прочими словесными извѣстіями, привезенными имъ отъ Любецкаго, онъ объявилъ о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбѣжности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабов-

скаго офиціальное письмо на имя Хлопицкаго, коему были объявлены высочайшее благоволеніе за изъявленныя имъ вѣрноподданническія чувства и настоятельное требованіе о буквальномъ исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, обнародованной его величествомъ царству Польскому отъ 6-го декабря. Воздушные замки Хлопицкаго рушились! И пора; или лучше сказать, ихъ и громоздить бы не слѣдовало. Но дѣло было сдѣлано; медлить было некогда. Диктаторъ, поспѣшно собравъ всѣхъ членовъ національной комиссіи, передалъ полученныя бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства надо было продолжать начатые переговоры и, пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время поспѣшнымъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силъ до открытія военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно атаковали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Избѣгая отвѣтственности въ столь критическомъ положеніи, Хлопицкій приказалъ созвать сеймъ къ 7-му января; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной комиссіи явились къ Хлоповицкому члены надзирательной комиссіи, подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ на необходимость единства въ усиліяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великомъ разногласіи въ мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность матеріальныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенныя въ вышесказанной прокламаціи его величества; это возбудило общее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, сказавшаго имъ съ твердостью: „Если ваша совѣсть дозволяетъ вамъ разрывать узы клятвъ, данныхъ вами законному государю, я васъ съ тѣмъ поздравляю; я не измѣню своихъ правилъ и все, что я дѣлаю здѣсь, я дѣйствую лишь именемъ царя моего Николая“. Хлопицкій подписалъ, такимъ образомъ, самъ приговоръ своему званію и власти; члены комиссіи поспѣшили объявить ему,

что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: „Я самъ слагаю съ себя диктаторство и обвиняю всѣхъ васъ въ якобинствѣ, въ возбужденіи народа и войска къ безначалію, безчинству, анархіи, и чрезъ это въ вовлеченіи отечества въ неминуемую гибель".

Когда умы нѣсколько успокоились, Чарторижскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченное въ весьма ласковыя формы: „Мы надѣемся, генералъ, что вы, по крайней мѣрѣ, не откажетесь принять на себя командованіе арміей".

„Ни за что, гнѣвно закричалъ Хлопицкій: будь я шельма, если приму какое либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я готовъ жертвовать жизнью на полѣ брани!"

Тѣмъ заключилось диктаторство мужественнаго и благороднаго Хлопицкаго, доказавшаго любовь свою къ отечеству не болтовнею на кафедрахъ сеймовъ и гостинныхъ моднаго свѣта, а своею сорока-лѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща Хлопицкій, будучи временною главою Польши и желая спасти свое отечество отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, избралъ цѣль мечтательную, которая не могла спасти поляковъ. Этотъ патріотъ, при всемъ желаніи блага своей родинѣ, причинилъ дѣлу, ему ввѣренному, едва ли не болѣе зла, чѣмъ самый коренной россіанинъ, которому было бы поручено потушить возникшій противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едва ли не бо́льшую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время начальствованія его арміею. Это фактъ неопровержимый, живой и ощутительный! При всемъ томъ никто изъ поляковъ, ни изъ русскихъ не смѣлъ и не смѣетъ подозрѣвать его въ измѣнѣ; хотя Хлопицкій былъ лишенъ диктаторской власти, но, будучи убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, мнѣнія и поступка, и опираясь на свою совѣсть, чистую и безмятежную, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Чернь и войска смотрѣли съ благоговѣніемъ на сѣдины сего маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя вполнѣ правымъ,

онъ, можно сказать, заблуждался. Умственныя способности его далеко не соотвѣтствовали возвышенности его чувствъ.

Послѣ его паденія государь не переставалъ напоминать возмутителямъ о забытомъ ими долгѣ, но въ отвѣтъ на это пламя мятежа и вражды къ Россіи все болѣе и болѣе распространялось по царству.

Независимо отъ отлично обученной тридцати-тысячной арміи, рядовые, получившіе отставки лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и множество волонтеровъ возвысили численность арміи, которая усилилась до 80000 человѣкъ; кромѣ того, образовалась девяти-тысячная резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ находились въ окрестностяхъ Остроленки—Харадецкій, Сѣдлеца—Кучинскій и Кушель, Ломжи—Уланъ, Люблина — Яросовскій, Варшавы — Замойскій, — возбуждая крестьянъ своихъ и дворню къ возстанію, вооружали на свое иждивеніе эскадроны, баталіоны, отряды, не входившіе въ составъ арміи, но исключительно предназначенные для партизанскаго рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіе десяти дней 5000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава—одинъ полкъ пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи [1]), и т. д.; буйная молодежь Познани и Галиціи, оставивъ домa родителей, университеты, училища и ремесла, коими она занималась, спѣшила, очертя голову, въ Варшаву. Въ теченіе пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи арсеналы царства были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на россійскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правленіе приказало спѣшить выдѣлкой оружія на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца, возвести прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлина и Замостья, и приступить къ обращенію Варшавскаго вала въ правильное укрѣпленіе, прибавя къ нему внѣшнія отдѣленія укрѣпленія. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ, и устроенъ новый въ Маримонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство внесли 120 милліоновъ [2]) рублей;

---

[1]) Смотри Солтыка.
[2]) Смотри Солтыка.

наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы поляковъ разными ложными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытіи союзныхъ флотовъ и армій на театръ военныхъ дѣйствій. Поляки вѣрили всему этому, не понимая, что Англія никогда не станетъ проливать крови своей въ порывѣ политической чувствительности и что для Франціи, какъ въ то время выразился министръ внѣшнихъ сношеній Себастьяни, нужны были двадцати-лѣтній рядъ военныхъ чудесъ и Наполеонъ, чтобы проложить себѣ путь чрезъ Германію въ Польшу. Франція ограничилась высылкой сына славнаго маршала Ланна, графа Монтебелло, навьюченнаго огромнымъ именемъ, и полковника Ромарино на легкѣ, безъ имени и безъ дарованій. Я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь о Лангермонѣ, Сюарѣ, Галлуа и другихъ безконечно малыхъ.

Первая забота сейма, открывшагося 7-го января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ, что сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Бригадный генералъ Вейссенгофъ былъ человѣкъ лишенный опытности и дарованія; полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ якобинцевъ, былъ человѣкъ умный, но не умѣвшій распоряжаться большими массами войскъ и врядъ ли, впрочемъ, принявшій бы на себя это званіе; дивизіонный генералъ Круковецкій, истинный представитель характера польской націи—дерзкій, и спесивый, пронира и низкопоклонный по обстоятельствамъ; властолюбецъ, искавшій уже съ начала возстанія Варшавы провозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Пацъ [1]), также любимый якобинцами, человѣкъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣдѣніями, безъ довѣренности къ самому себѣ, и потому нерѣшительный ни на какого рода предпріятія; но точный, будто мыслящій: словомъ

---

[1]) У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Палацо варто (достоинъ) Паца, Пацъ варто Палацо».

изъ числа тѣхъ людей предъ которыми посредственность благоговѣетъ, называетъ ихъ людьми основательными. Въ числѣ кандидатовъ находились: князь Михаилъ Радзивиллъ и Скрженецкій и какой-то Войчинскій, пылинка, упавшая въ свою очередь на вѣсы взвѣшиванія, что-то похожее на дарованіе. 8-го числа полковникъ князь Радзивиллъ былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; при избраніи своемъ онъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіе войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ послѣ него получилъ — Пацъ. Выборъ Радзивилла, бывшаго уже полковникомъ въ 1807 году во время осады Данцига и съ того времени неслыхавшаго боевого выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: этотъ Радзивиллъ былъ роднымъ братомъ князя Антонія Радзивилла, родственника королевы прусской и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскимъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ сейма, что безъ сомнѣнія князь Антоній, по дружбѣ своей къ брату, не откажется помогать ему. Итакъ, избраніемъ Радзивилла члены сейма думали, сдѣлавъ угодное королю прусскому, привлечь къ себѣ, если не Пруссію, то намѣстника [1]) познанскаго, близкаго и единокровнаго имъ сосѣда.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ошиблись они и въ томъ, и въ другомъ предположеніи.

13-го января 1832 года сеймъ на предложеніе нунція Солтыка, о коемъ такъ часто въ семъ сочиненіи упоминается, объявилъ престолъ царства Польскаго празднымъ и чрезъ то отнялъ у людей благомыслящихъ послѣднія надежды на посредничество Франціи и Англіи между царствомъ и нашимъ императоромъ [2]).

---

[1]) Я самъ видѣлъ въ 1807 году князя Антонія Радзивилла въ нашей главной квартирѣ: онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у котораго, въ числѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время князь Михаилъ, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь.

[2]) Франція по сему предмету выслала ко двору нашему герцога Мортемара. Мортемаръ встрѣтилъ на пути изъ Берлина въ Петербургъ польскаго дипломатическаго агента Козмяка, ожидавшаго его пріѣзда. Козмякъ, между прочими извѣстіями, объявилъ ему о предложеніи упраздненія престола польскаго, сдѣланномъ сейму. (Предъ отъѣздомъ Козмяка, то-есть, 9-го января сдѣлано было одно только предложеніе, которое не

17-го января явилось новое правленіе, подъ названіемъ народоваго или національнаго. Исполнительная власть препоручена была пяти членамъ, безъ отчетности, и министрамъ, подвластнымъ отчетности сейма и сената. Это была пародія покойной французской Директоріи, такъ какъ возстаніе царства—пародія французской революціи 23-го ноября и Хлопицкій—18-му брюмера и Наполеону, болтовня сейма—преніямъ Конвента, Лелевель—Робеспьеру и польская нація—французской.

Чарторижскій назначенъ былъ президентомъ этого правленія.

Между тѣмъ, съ нашей стороны, при самыхъ великодушныхъ и милосердныхъ увѣщаніяхъ, не было усыпленія относительно поборенія враждебныхъ усилій царства, въ случаѣ если увѣщанія останутся безъ успѣха. Летѣли курьеры въ корпуса, назначенные въ составъ дѣйствующей арміи, съ повелѣніемъ немедленно слѣдовать къ западной границѣ нашей. Туда же двинулись огромные подвозы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ; польско-россійскія губерніи объявлены въ военномъ положеніи и составленъ главный штабъ арміи изъ слѣдующихъ лицъ:

Главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

Начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Толь.

Генералъ - квартирмейстеръ генералъ - адъютантъ Нейдгартъ 2-й.

Начальникъ артиллеріи генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

Генералъ-инженеръ генералъ-маіоръ Денъ 1-й.

Генералъ-интендантъ сенаторъ Абакумовъ.

Директоръ госпиталей полковникъ Тишинъ 2-й.

Первый изъ нихъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ армію 18-го, второй 16-го декабря, прочіе прежде или немедленно послѣ нихъ.

получило еще утвержденія сейма). Это извѣстіе поразило Мортемара. «Наставленія, данныя мнѣ, сказалъ онъ Козмяку: предоставляютъ мнѣ право дѣйствовать въ пользу царства въ такомъ только случаѣ, когда царство останется относительно къ Россіи такъ, какъ оно создано Вѣнскимъ конгрессомъ; если же оно переступитъ за эту черту, то я торжественно предупреждаю чрезъ васъ польскую націю не полагаться уже болѣе на помощь Франціи». Въ заключеніе Мортемаръ просилъ Козмяка немедленно скакать въ Варшаву и остановить опредѣленіе объ упраздненіи престола. Козмякъ возвратился въ Варшаву и объявилъ о предложеніи Мортемара, но уже было поздно: дѣло было сдѣлано.

Мы часто и понынѣ слышимъ порицанія Россіи за долговременную борьбу ея съ Польшею, обладающей средствами столь много уступающими средствамъ Россіи. И подлинно, нельзя не удивляться, какъ немедленно по возстаніи Польши пятидесятичетырехъ-милліонному народонаселенію не задавить было четырехъ-милліонное народонаселеніе, или арміи, состоящей изъ милліона воиновъ, армію, едва состоявшую изъ тридцати тысячъ войска. Задачу сію рѣшаетъ разстояніе и время. При внимательномъ и чуждомъ пристрастія разсмотрѣніи мы видимъ, что царство Польское, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣло всѣ военныя средства свои подъ рукою, слѣдовательно было готово къ военнымъ дѣйствіямъ вскорѣ по выступленіи войскъ его величества изъ царства; тогда какъ Россія, обладающая несравненно бóльшими способами, вмѣстѣ съ симъ обладаетъ соразмѣрно съ ними и бóльшимъ пространствомъ, по коему способы сіи были разсѣяны. Нѣсколькихъ недѣль достаточно было для польскаго народнаго правленія, чтобы сплавить въ единый слитокъ всѣ свои силы, или, по крайней мѣрѣ, бóльшую часть оныхъ; Россія же нуждалась, по крайней мѣрѣ, въ двухмѣсячномъ срокѣ, чтобы сосредоточить на границѣ царства небольшую часть своихъ военныхъ силъ и всѣ необходимыя для веденія войны принадлежности. Словомъ, говоря языкомъ военнымъ, въ продолженіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ это царство въ отношеніи къ Россіи могло уподобиться сильной колоннѣ войскъ, готовой ударить на средину въ двадцать разъ сильнѣйшей, но чрезмѣрно растянутой ея арміи, слѣдовательно, не представляющей достаточной силы для отпора непріятеля, могущаго избрать одну лишь точку для натиска. И дѣйствительно, этотъ неожиданный мятежъ засталъ армію нашу частію едва возвратившуюся въ Россію послѣ двухлѣтняго гибельнаго пребыванія своего въ краѣ, изобилующемъ всѣми родами болѣзней, невыносимыхъ сѣверными жителями, гдѣ они погибали тысячами отъ чумной заразы [1]). Тѣ войска, кото-

[1]) Смертность въ нашихъ войскахъ, во время пребыванія ихъ въ Турціи, была такъ велика, что многіе полки, будучи два раза укомплектованы, состояли лишь изъ семидесяти рядовыхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ. Главная армія, съ которою Дибичъ намѣревался двинуться на Константинополь, заключала въ себѣ лишь 10000 человѣкъ.

рыя изъ Турціи пришли уже на мѣста свои, заняты были необходимымъ устройствомъ всѣхъ частей, разстроенныхъ продолжительнымъ и изнурительнымъ походомъ, укомплектованіемъ себя рекрутами, ремонтами молодыхъ лошадей и вообще всѣми необходимыми потребностями. Сверхъ того, разстояніе отъ театра войны какъ этихъ войскъ, такъ и тѣхъ, кои не участвовали въ Турецкой войнѣ, было чрезмѣрно велико. Нѣкоторыя получили повелѣніе выступить въ походъ изъ окрестностей Петербурга, Москвы, Орла, Харькова, Херсона и даже въ самый развалъ зимы, всегда неблагопріятной и затрудняющей перемѣщеніе всякаго рода войскъ, особенно артиллеріи и тяжестей. Вотъ причина двухмѣсячной отсрочки въ потушеніи мятежа царства Польскаго. Мы далѣе увидимъ, что не отъ недостатка ревности и врожденной неустрашимости нашихъ войскъ, какъ то старались разглашать по Европѣ враги Россіи, и не отъ недостатка въ съѣстныхъ подвозахъ, въ боевыхъ предметахъ и въ прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ для военнаго дѣйствія, коихъ было весьма достаточно и даже изобильно, продолжалась борьба эта еще семь мѣсяцевъ...

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что единственнымъ виновникомъ продолженія войны былъ самъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, главнокомандующій нашею арміею. Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждаго россіанина, кто бы онъ ни былъ, — другъ ли его, или человѣкъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній.

Дибичъ, какъ въ отношеніи дружбы, такъ и въ отношеніи благодѣяній былъ для меня человѣкомъ рѣшительно чуждымъ, къ которому я никогда не питалъ особеннаго сочувствія, но онъ не былъ человѣкомъ злымъ и безусловно вреднымъ. Не взирая на чрезмѣрную запальчивость своего характера, онъ былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и нѣкоторымъ военнымъ благородствомъ, нѣсколько помутившимся на поверхности отъ долговременнаго пребыванія при дворѣ, но въ глубинѣ еще яснымъ и чистымъ. Вотъ почему я, скрѣпя сердце, о немъ

упоминаю, и будь онъ — онъ одинъ — жертвою своихъ проступковъ, я, конечно, умолчалъ бы о человѣкѣ, обладавшемъ нѣкоторыми блистательными качествами; но проступки его отразились на дѣвственной чести и славѣ невиннаго въ нихъ россійскаго воинства и тутъ уже въ душѣ моей нѣтъ пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго, единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи; недовершеніемъ побѣды ея подъ Гроховымъ, нелѣпостью последующихъ предначертаній и дѣйствіями ощупью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное принятіемъ на себя въ столь важную эпоху обязанности выше силъ,—онъ во всемъ этомъ не только виновенъ, но даже великій преступникъ.

Я зналъ Дибича съ офицерскаго чина. Служа въ Кавалергардскомъ, а онъ въ Семеновскомъ полку, мы въ однихъ чинахъ стаивали вмѣстѣ во внутреннихъ караулахъ, и потому часто находились неразлучно по цѣлымъ суткамъ съ глазу на глазъ. Потомъ мы были оба подполковниками въ Отечественную войну 1812 года, и когда, три года послѣ оной, онъ возведенъ былъ на степень начальника главнаго штаба 1-й арміи, я былъ въ той же арміи начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, что̀ доставило мнѣ случай имѣть съ нимъ непосредственныя и довольно частыя сношенія по службѣ; наконецъ онъ вознесся еще выше, и я уже потерялъ его изъ виду. Я помню, что въ кавалергардской залѣ, у камина, онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ, какъ за два года предъ тѣмъ онъ былъ привезенъ изъ берлинскаго кадетскаго корпуса въ Петербургъ совершеннымъ неучемъ, и какъ онъ самъ собою получилъ кое о чемъ весьма поверхностныя свѣдѣнія относительно военной науки. Онъ жаловался на бѣдность своего состоянія, непозволявшаго ему нанимать учителей и покупать военныя книги, которыя всѣ почти были съ планами и картами, и потому стоили не дешево. Я былъ въ томъ же положеніи, слѣдовательно мы другъ друга понимали и, вмѣстѣ горюя, прихлебывали у камина жиденькій кофе; другими на-

питками мы еще не занимались. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Торри, маіоръ генеральнаго штаба, хвастунъ, пустословъ и человѣкъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, но пользовавшійся репутаціею ученаго по своей части, потому что часть эта была въ то время скудна въ знающихъ ремесло свое чиновникахъ, и потому Торри разсказывалъ всѣмъ и каждому о службѣ своей при маршалѣ Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта; этого было довольно, чтобы считать его едва ли не четверть-Бонапартомъ и не пол-Бертье, относительно свѣдѣній и дарованій.

Не помню, при какихъ обстоятельствахъ Дибичъ и я, скопивъ небольшой капиталъ, стали брать, каждый на своей квартирѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уроки у Торри; собираясь во время карауловъ, мы другъ другу отдавали взаимно отчетъ въ оказанныхъ успѣхахъ. Въ то же время и у того же Торри брали уроки графъ Михаилъ Воронцовъ, служившій тогда поручикомъ въ Преображенскомъ полку и князь Михаилъ Голицынъ, служившій въ Семеновскомъ полку и убитый въ 1807 году подъ Ландсбергомъ.

Вскорѣ наступили наполеоновскія войны: раскрылась другого рода книга и другого рода Торри явился съ суровой ферулой наставника. Въ 1805 году подъ Аустерлицомъ Дибичъ сражался, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ Семеновскаго полка и запечатлѣлъ кровью благородный порывъ своей храбрости. Въ 1807 году, по прибытіи гвардіи на театръ военныхъ дѣйствій въ восточную Пруссію, Дибичъ изъ Семеновскаго полка былъ приписанъ, на время кампаніи къ генеральному штабу гвардіи. Я полагаю, что въ теченіе сего трехмѣсячнаго похода онъ пріобрѣлъ нѣсколько практическаго навыка по сей части, что же касается до теоретическихъ свѣдѣній въ военной наукѣ, то онъ послѣ Торри ни у кого уже не учился. Были слухи, что онъ бралъ уроки и у генерала Фуля; если это правда, то въ этомъ случаѣ можно выворотить на изнанку русскую пословицу и сказать: „неученье свѣтъ, а ученье тьма“; но я этому не вѣрю. Вотъ все, что я знаю,

и врядъ ли кто болѣе знаетъ меня относительно источниковъ его познаній.

Дибичъ былъ человѣкъ умный—это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка, съ какимъ-нибудь гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ бы управиться и съ королемъ саксонскимъ. Въ этомъ порукою Кулевча [1]). И сія битва превзошла дарованія Дибича [2]). Приведя на память сіе сраженіе, можно судить, что̀ случилось бы, если бъ турки вздумали умно защищать Балканы и Румелію? Словомъ, я полагаю, что помочи были необходимы для Дибича, и что званіе корпуснаго командира или начальника главнаго штаба у рѣшительнаго, твердаго и знающаго свое дѣло главнокомандующаго есть очеркъ Попилія, чрезъ который никогда бы не слѣдовало ему переступать [3]). Его двинули за сей очеркъ и спустили съ помочей отъ ложнаго заключенія, что тотъ, кто оказалъ дарованія въ званіи оберъ- и генералъ- квартирмейстера или начальника главнаго штаба арміи, неминуемо долженъ обладать всѣми качествами, необходимыми для главнокоман-

---

[1]) Въ одномъ изъ списковъ настоящей рукописи находится слѣдующая приписка: «Сраженіе при Кулевчѣ было выиграно, какъ извѣстно, самымъ непонятнымъ и чудеснымъ образомъ, лишь благодаря паническому страху, распространившемуся въ турецкой арміи вслѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Графъ Толь, а еще менѣе Дибичъ, не виновны въ одержаніи этой побѣды, имѣвшей огромные результаты; позиція, избранная для нашей арміи, была крайне пересѣчена и невыгодна для принятія боя. Арнольди прискакалъ съ своими орудіями уже по отбитіи главныхъ атакъ турокъ, которые, послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, обратились въ рѣшительное бѣгство».

[2]) Дибичъ, отличавшійся всегда замѣчательною храбростью, во весь день сраженія при Кулевчѣ находился въ шести верстахъ отъ поля битвы, съ зрительною трубой въ рукахъ; онъ при этомъ сказалъ: »Такъ какъ Толь составилъ планъ сраженія, то пусть онъ самъ и распоряжается въ немъ».

[3]) Вмѣсто «очеркъ» правильнѣе было бы сказать «кругъ». Намекъ на извѣстный эпизодъ съ Антіохомъ Сирійскимъ: когда послѣдній отказывался дать рѣшительный отвѣтъ послу Попилію, присланному къ нему въ 168 г. до Р. Х. съ порученіемъ отъ сената, Попилій, очертивъ Антіоха кругомъ, не позволялъ ему выдти изъ него, пока тотъ не объявитъ своего рѣшенія.

А. К.

дующаго. Безспорно, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, но отличное исполненіе обязанностей въ сихъ званіяхъ не есть достаточное мѣрило дарованій и достоинствъ человѣка, опредѣленнаго быть главою и душою арміи. Предлагать начальнику отважныя предпріятія и при неудачахъ отстраняться отъ отвѣтственности, оставляя ему все бремя, а при успѣхахъ раздѣлять съ нимъ славу предпріятія, не тò, что самому рѣшаться на предпріятія, всегда болѣе или менѣе гадательныя и принимать на себя отвѣтственность предъ властями и общественнымъ мнѣніемъ за малѣйшую неудачу. Для послѣдняго необходимы рѣшительность и сила воли, которыя суть основныя стихіи нравственнаго состава истиннаго полководца; въ этихъ-то стихіяхъ нуждалась и нуждается бòльшая часть военачальниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Вотъ отчего великіе полководцы столь рѣдки, и вотъ отчего мантія полководца была не по росту Дибичу.

Говоря о Дибичѣ, дабы не навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, я не умолчу о благородномъ поведеніи его въ Грузіи, куда онъ былъ присланъ по высочайшему повелѣнію для произведенія слѣдствія надъ главнымъ начальникомъ края, котораго ему велѣно было смѣнить. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, по наущенію Корганова, прозваннаго Ермоловымъ за вполнѣ предосудительное его поведеніе „Ванькой-Каиномъ“, подалъ на своего начальника доносъ, по полученіи котораго отправленъ былъ въ Тифлисъ баронъ Дибичъ, который послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдился, что это есть лишь гнусный вымыселъ противъ человѣка, заслужившаго всеобщую любовь, преданность и уваженіе. Донося о семъ государю, равно и о томъ, что дѣла въ Грузіи въ наилучшемъ порядкѣ, Дибичъ простеръ свою смѣлость до того, что осмѣлился представить его величеству необходимость вызвать изъ Грузіи генерала Паскевича, который, по его мнѣнію, не въ состояніи былъ постичь нуждъ края. Во время пребыванія своего въ Тифлисѣ, онъ ежедневно видался съ Ермоловымъ, готовившимся выступить съ нимъ подъ Эривань. Къ нему осмѣлился явиться Коргановъ, вызываясь сдѣлать доносы на Ермолова, но Дибичъ,

не подражая Паскевичу, прогналъ его отъ себя. Около этого времени прибылъ въ Грузію флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ, вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за самимъ Дибичемъ, котораго поведеніемъ въ Грузіи не совсѣмъ оставались довольны въ Петербургѣ. Вскорѣ новый фельдъегерь привезъ барону Дибичу подтвердительное повелѣніе о смѣнѣ Ермолова. Это привело Дибича въ величайшее смущеніе и онъ невольно вскрикнулъ: „Они не понимаютъ, что̀ дѣлаютъ“[1]). Передавая Ермолову сіе высочайшее повелѣніе, онъ просилъ его не прощаться съ войсками, питавшими къ нему величайшую преданность и благоговѣніе. На вопросъ Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую онъ обѣщалъ повергнуть къ стопамъ государя, Ермоловъ отвѣчалъ:

„Я прошу лишь сохраненія правъ и преимуществъ чиновника 14-го класса, что избавляло бы меня, по крайней мѣрѣ, отъ тѣлеснаго наказанія“.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого событія, Дибичъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Николая Долгорукова, просилъ Ермолова предупредить его своимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, потому что онъ не могъ ручаться, чтобы Паскевичъ не нанесъ бы ему какого-либо оскорбленія.

„Благодарите барона, отвѣчалъ Ермоловъ, за его обо мнѣ попеченія и заботы; это не можетъ случиться, ибо при малѣйшемъ покушеніи оскорбить меня, я прикажу войскамъ связать его, что̀ будетъ тотчасъ исполнено, и тогда буду просить барона Ивана Ивановича успокоить государя, что начальство надъ войсками приму не я, но кто-нибудь изъ младшихъ по немъ генераловъ“.

Дибичъ, возвращаясь въ Россію, встрѣтилъ на кавказской линіи ѣхавшаго въ Пятигорскъ генерала Сабанѣева, которому онъ сказалъ: „Государь не знаетъ, кого онъ лишился; я нашелъ край въ блистательномъ порядкѣ и войско, одушевленное духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ; Паскевичу будетъ легко пожинать лавры“.

---

[1]) Я весьма много почерпнулъ изъ разсказовъ правителя дѣлъ барона Дибича, Ивана Зиновьевича Ваценко, князя Николая Андреевича Долгорукова и почтеннаго Ивана Васильевича Сабанѣева.

Я достовѣрно знаю, что Дибичъ сомнѣвался въ успѣхѣ при отъѣздѣ своемъ въ Турцію; но ни турецкая армія, ни турецкій народъ не защищались, и удача увѣнчала походъ баловня фортуны.

Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ появленіи. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ и имъ вовсе непредвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть затруднительно. Таковъ былъ Дибичъ! Долго успѣхи сопутствовали ему во всѣхъ предпріятіяхъ, но чѣмъ окончились всѣ усилія его къ достиженію сферы, несоотвѣтствовавшей его дарованіямъ? Получивъ начальство надъ арміею въ Польшѣ, что̀ почиталось его совмѣстниками за верхъ благополучія, онъ возвысился надъ толпой, насколько веревка возвышаетъ висѣльника. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и подозрѣнія, невольно запавшаго въ душу каждаго солдата, что главнокомандующій подкупленъ врагами, я написалъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую нѣкоторый современный успѣхъ:

Голодный песъ.

Охъ, какъ храбрится
Нѣмецкій фонъ,
Какъ горячится
Нашъ херъ-баронъ.
Ну, вотъ и драка,
Вотъ лавровъ возъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Кипятъ и рдѣютъ
На бой полки;
Знамена вѣютъ
Горятъ штыки,
И забіяка
Палашъ вознесъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Адріанополь
Безъ битвъ у ногъ,
Константинополь
Въ чаду тревогъ;
Что жь ты зѣвака
Повѣсилъ носъ?
Хватай собака,
Голодный песъ.

Ляхъ изъ Варшавы
Намъ кажитъ шишъ,
Что жь ты шаршавый
Подъ лавкой спишь?
Задай, лаяка,
Варшавѣ чосъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

«Все это жжется:
«Я брать привыкъ,
«Что такъ дается.
«Царь-градъ великъ,
«Боюсь я ляха!»
А ты небось!
Хватай собака.
Россійскій песъ.

Такъ вотъ кресченды
Звѣздъ, лентъ, крестовъ,
Двѣ-три аренды,
Пять-шесть чиновъ;
На шнапсъ, гуляка,
Вотъ денегъ возъ!
Схватилъ собака,
Голодный песъ.

Вотъ тотъ, кому Россія обязана семи-мѣсячной отсрочкой въ покореніи царства Польскаго, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобы побѣдить самого Наполеона и его европейскую армаду; но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича.

При всемъ томъ мнѣніе иностранцевъ не перестаетъ быть противнымъ чести русскаго оружія. Всѣ осуждаютъ армію нашу и частныхъ ея начальниковъ въ недостаткѣ энергіи и умѣнья прекратить войну единымъ ударомъ; но легче осуждать, основываясь на слухахъ и словахъ другихъ, чѣмъ до осужденія основательно изслѣдовать, въ какой степени мы заслу-

живаемъ порицанія. Спросите упорнѣйшихъ порицателей, до чего простиралось во время войны число войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какія были предприняты движенія обѣими противодѣйствовавшими арміями? Гдѣ между ними происходили сраженія и какіе были главнокомандующіе? Къ удивленію вашему, они ничего не скажутъ, ибо ни о чемъ не знаютъ; я же, въ качествѣ свидѣтеля и участника, могу сказать, что война эта носила на себѣ совершенно особенный отпечатокъ. Она достойна вниманія не по недостатку въ войскахъ нашихъ мужества и энергіи и дарованія въ частныхъ ея начальникахъ, а, напротивъ, отъ особеннаго положенія той или другой воюющей стороны. Усилія нашей арміи не ограничивались одной борьбой съ польскимъ войскомъ и возставшими въ тылу ихъ польско-россійскими губерніями, но имъ надлежало въ одно и то же время бороться и съ непрерывными проступками полководца, начальству котораго они были ввѣрены. Спрашиваю, какая армія въ мірѣ выдержала бы подобное испытаніе? Пораженная всѣмъ этимъ, она предавалась на побіеніе польскимъ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ окованный левъ стаѣ шавокъ и мордашекъ; но при всемъ томъ, если исключимъ частныя неудачи Гейсмара подъ Сточекомъ, Крейца подъ Казиницами и Розена на брестскомъ шоссе, всѣ сраженія были выиграны русскими, не взирая на то, что числительная сила обѣихъ воюющихъ армій мало въ чемъ одна другой уступала до самаго взятія Варшавы и были случаи, въ которыхъ превосходство войска было на сторонѣ непріятеля. Я говорю какъ было, а не такъ, какъ печаталось въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ газетахъ и разглашалось россійскими общемірными гражданами.

Армія наша, движимая той страстью къ военнымъ случайностямъ, столь свойственной каждому русскому, и всеобщимъ негодованіемъ при извѣстіи о наглыхъ требованіяхъ троекратно покореннаго ею народа того, что самъ великій Наполеонъ совѣстился явно требовать, бодро выдержавъ всѣ трудности зимняго похода, явилась къ 20-му января 1831 года на вызовъ своего противника. Въ сей день снѣжный горизонтъ восточной границы царства покрылся громадами войскъ на-

шихъ; холмы Нѣмана, Наревы и Буга закурились длинными рядами бивуаковъ, и штыкъ русскій сверкнулъ мщеніемъ предъ знакомымъ ему войскомъ польскимъ. Армія наша состояла изъ 1-го и 6-го (бывшаго литовскаго) пѣхотныхъ корпусовъ, гренадерскаго корпуса, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда; всего изъ ста-шести баталіоновъ пѣхоты, ста-тридцати-пяти эскадроновъ кавалеріи, трехсотъ-девяносто-шести орудій артиллеріи и одиннадцати казачьихъ полковъ.

Ополченіе сіе, двинутое для потушенія мятежа, вспыхнувшаго въ области, торжественно признанной всѣми государствами собственностью Россіи, возбудило противъ себя всю либеральную милицію палатъ, чердаковъ и гостиныхъ. Журналы, газеты, витіи лѣвыхъ сторонъ англійскаго парламента и обѣихъ палатъ Франціи, проповѣдники модныхъ идей, модные люди, модныя дамы, модныя фразы и все вообще модное, завопило и стало дыбомъ на Россію; а между тѣмъ, что̀ тутъ было необычайнаго, сверхъестественнаго, и какое государство въ подобномъ случаѣ не сдѣлало бы того же самаго? Чѣмъ поступокъ Россіи предосудительнѣе поступковъ либеральной Англіи или либеральной Франціи: первой нѣкогда относительно Американскихъ Штатовъ, а нынѣ Ирландіи и Индустана, а послѣдней относительно Вандеи и африканскихъ бедуиновъ?

Не принимая этого въ уваженіе, вездѣ печаталось и провозглашалось, что Польша требуетъ только ей принадлежащее: самостоятельность, похищенную у ней Россіею, слѣдовательно Россія должна удовлетворить справедливыя требованія Польши.

Но Ирландія, Алжиръ и Индустанъ того же требуютъ, чего требовала Польша; отчего же никто не вопіетъ противъ Англіи и Франціи? Отчего же Англія и Франція не только не выполняютъ требованій Индустана, Ирландіи и Алжира, но употребляютъ, напротивъ, и силу оружія, и полицейскія, и инквизиціонныя мѣры для удержанія ихъ за собою? Неужели законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого

достоянія, существуютъ лишь для одной Россіи? Это допустить можно, если бъ завоеванія Ирландіи, Алжира и Индустана были послѣдствіями необходимости, повелѣвающей иногда покореніе сосѣднихъ областей для сохраненія собственнаго существованія; но когда Алжиръ, Индустанъ и Ирландія посягали на независимость Англіи или Франціи?

Завоеваніе Алжира предпринято было для отмщенія дею за ударъ, нанесенный имъ вѣеромъ по носу французскаго консула, возстановленія министра любимца (Бурмона) въ общемъ мнѣніи, ему враждебномъ и для помѣщенія пышной фразы въ рѣчи правительства при открытіи палатъ; Индустанъ же былъ покоренъ изъ торговыхъ видовъ; Ирландія по причинѣ алчности Англіи на пріобрѣтенія.

Возможно ли въ томъ упрекнуть Россію относительно Польши? Борьба Россіи съ Польшею продолжалась нѣсколько столѣтій сряду. Были времена, когда Волынь, часть Литвы и часть коренной Польши принадлежали Россіи въ продолженіи довольно долгаго времени. Была эпоха, когда Польша около пяти лѣтъ сряду, и не далѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, владычествовала надъ Россіею оружіемъ, но болѣе всякаго рода кознями и пронырствами. Раздувая въ ней междоусобныя брани, покровительствуя всѣмъ самозванцамъ и мятежникамъ, она возвела-было на престолъ русскій короля своей династіи, и, исторгнувъ изъ нѣдръ Москвы царя нашего, уморила его въ темницѣ и погребла въ Варшавѣ, какъ трофей своего могущества. И къ возстановленію этого-то государства намъ надлежало, по словамъ враговъ нашихъ, приступить при первомъ его востребованіи! И этому-то государству надлежало намъ дать мѣсто на такомъ разстояніи отъ насъ, чтобы ближайшій уголъ границы онаго находился отъ Москвы не далѣе четырехъ, а отъ Петербурга не далѣе пятисотъ верстъ! Само собою разумѣется, что столь благодушнымъ поступкомъ Россія сама бы себя изгоняла изъ среды европейскихъ государствъ, поступая добровольно въ составъ азіатскихъ государствъ; предавъ въ руки Польши всѣ отверстія, чрезъ которыя проникаетъ къ намъ просвѣщеніе, она должна была

совершенно отказаться отъ многихъ хозяйственныхъ, финансовыхъ и торговыхъ предначертаній своихъ и безпрекословно покориться игу Польши и Европы, не имѣя, по ихъ мнѣнію, права отстаивать свое нравственное и вещественное могущество. Чтò сказали бы эти порицатели, если бъ Россія, уступая ихъ требованіямъ, отказалась бы отъ Польши, которою она владѣла въ силу трактатовъ и съ согласія всѣхъ государствъ Европы, чтò сказали бы они объ этомъ политическомъ самоубійствѣ, и этимъ ли ограничились бы ихъ умѣренныя требованія? Россія, возстановивъ Польшу, нашлась бы вынужденной признать самостоятельность и другихъ областей, поступившихъ искони и силою оружія въ составъ ея? Ибо чѣмъ права первой священнѣе правъ послѣднихъ? По возстановленіи Польши, не надлежало ли бы намъ возвратить всѣмъ сосѣдямъ всѣ земли, отъ нихъ пріобрѣтенныя? Законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ не для одной Россіи, слѣдовательно примѣненіе оныхъ неминуемо касается и Франціи, и Англіи. Я здѣсь преимущественно говорю объ этихъ государствахъ, потому что они болѣе другихъ настаивали на добровольное съ нашей стороны удовлетвореніе требованіямъ польскихъ мятежниковъ, но вообще нѣтъ государства, котораго невозможно было бы разоблачить этимъ путемъ. Чтó же стало бы съ Франціей, если бъ пришлось отрѣзать отъ нея провинціи, пріобрѣтенныя ею силою оружія? Чтò бы вышло изъ Англіи въ такомъ же случаѣ, и наконецъ, чтò же бы вышло изъ всѣхъ вообще государствъ земного шара, и какой конгрессъ ангеловъ согласилъ бы правительства при сихъ сложныхъ раздѣлахъ, отдачахъ, передачахъ, принятіяхъ и опять отдачахъ частей, изъ коихъ большее число не помнитъ первоначальнаго владѣльца, или эпоху ихъ самостоятельнаго существованія? Въ какой хаосъ превратились бы всѣ четыре части свѣта, и гдѣ былъ бы предѣлъ сихъ особаго рода межеваній земель и сортировки народовъ? И вотъ къ чему ведетъ слѣдствіе, происходящее отъ ложнаго и обманчиваго начала, которое само собою есть

ни что иное, какъ слѣдствіе начала не менѣе обманчиваго и ложнаго [1]).

Требованіе цеховыми либералами возвращенія самостоятельности Польшѣ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ раздѣленной между Россіею, Австріею и Пруссіею, основывалось на единодушномъ и всеобщемъ возстаніи всей польской націи. Въ этомъ они жестоко ошиблись. Безъ сомнѣнія, возстаніе существовало; но не всеобщее и національное, а частное; ибо какія составныя части польской націи? Шляхетство, духовенство, средній и крестьянскій классы, изъ которыхъ послѣдній классъ превышаетъ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ оба первые. Какой же витія палатъ или гостиныхъ увѣритъ меня, очевидца, что польскіе: средній классъ и крестьяне, соединенно съ шляхетствомъ и духовенствомъ, возстали въ сію войну на Россію для возстановленія разрушенной самостоятельности ихъ отечества? Если же средній и крестьянскій классы были чужды сему возстанію, то неужели частное возстаніе высшихъ двухъ классовъ можно было почитать возстаніемъ всеобщимъ и національнымъ? Россія еще потому не могла удовлетворять ихъ требованіямъ, что они могли быть противны выгодамъ въ двадцать разъ большей массы людей, не требовавшихъ и даже избѣгавшихъ сего удовлетворенія.

---

[1]) Франціи слѣдовало бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ: Нормандію и Турень, завоеванныя Филиппомъ Августомъ; Бурбоне и Овернь—Францискомъ I; Артуа, Лимуссенъ и Пуату—Карломъ V, часть Гасконіи и Гюени — Карломъ VII и Франш-Контè — Людовикомъ XIV. Мы исключаемъ изъ сего разряда Алжирскую область, можно сказать, вчера и предъ глазами нашими похищенную у дея, скитающагося нынѣ но Европѣ безъ пристанища. Еще трупы алжирцевъ не истлѣли, еще разгромленныя стѣны города вопіютъ о насиліи, а мы уже слышимъ надгробныя рыданія Франціи о Польшѣ и площадныя ругательства, изрыгаемыя ею на Россію за сію Польшу, съ 1772 года раздѣленную, при каждомъ ея возстаніи покоренную Россіею, и при каждомъ покореніи утвержденную за завоевателями общимъ согласіемъ всѣхъ державъ Европы!

Англіи слѣдовало бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ Валлійскую область, завоеванную въ 1282 году Эдуардомъ I; Ирландію—въ 1172 году при Генрихѣ II и Шотландію, присоединенную послѣ продолжительныхъ войнъ въ 1603 году при Іаковѣ I. Сверхъ того, не слѣдовало ли бы ей отказаться и въ Азіи отъ всего почти Индустана и множества земель въ Африкѣ и Америкѣ, занимаемыхъ ея колоніями.

Во всѣхъ единодушныхъ, всеобщихъ и національныхъ возстаніяхъ всѣ безъ изъятія сословія добровольно вооружаются; такъ поступили Испанія и Россія, но не вслѣдствіе угрозъ, разорительной пени, побоевъ, заточенія или висѣлицы, какъ то было въ Польшѣ. Здѣсь добровольно возстали только шляхетство, духовенство и войско, съ трудомъ возбужденное къ возстанію своими генералами и офицерами, принадлежащими шляхетскому разряду; хотя средній классъ и крестьяне умножили ополченіе рекрутами, но не добровольно, а бывъ отторжены отъ своихъ семействъ народнымъ правленіемъ и своими помѣщиками. Находясь въ рядахъ мятежниковъ, они сражались храбро; это свойство славянскихъ народовъ, но отъ рекрутскаго набора они скрывались въ лѣсахъ. Въ солдатскомъ же званіи, коль скоро представлялся имъ случай къ побѣгу, они въ самую благопріятную эпоху для польскаго оружія немедленно и съ радостью удалялись въ жилища свои. Они нетерпѣливо ожидали исхода войны, каковъ бы ни былъ результатъ ея, и при первомъ извѣстіи о взятіи Варшавы никакая власть не могла уже удержать ихъ въ рядахъ ополченій. Они, разсыпавшись шайками въ двѣсти, триста и пятьсотъ человѣкъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда никому изъ русскихъ, поодиночкѣ имъ на пути попадавшихся, достигли до пепелищъ своихъ и вновь обратились къ сельскимъ работамъ, какъ будто никогда не мѣняли сохи на оружіе. Равнодушіе къ исходу борьбы, предпринятой съ нами шляхетствомъ и духовенствомъ, еще болѣе обнаружилось между домосѣдами. Они нимало не измѣнились противъ того, что были прежде начатія мятежа. Вездѣ курьеры, малосильныя команды и наши отсталые могли свободно разъѣзжать. Какъ часто мнѣ случалось (и кому изъ насъ этого не случалось?) одному нѣсколько разъ проѣзжать безопасно и по всѣмъ направленіямъ на почтовыхъ въ Польшѣ, иногда ночевать на почтахъ или въ селеніяхъ, иногда на большихъ дорогахъ въ полѣ посреди пахарей. Это ли свойство народной войны и общаго возстанія? Проѣзжая одинъ изъ главной квартиры для принятія отряда, мнѣ ввѣреннаго и расположеннаго противъ Замостьской крѣ-

пости, верстахъ въ десяти отъ Люблина, изломалась у меня почтовая бричка. Это случилось въ полѣ, далеко отъ селенія, слѣдовательно и отъ возможности перемѣнить повозку. Немедленно я послалъ почталіона моего со всею тройкою лошадей въ Люблинъ для высылки мнѣ съ почты крѣпкой брички, съ свѣжими лошадьми, и самъ сѣлъ въ изломанный экипажъ мой и закурилъ трубку, въ ожиданіи грядущихъ благъ и лошадей. Въ это время сотни крестьянъ удалялись съ легкими своими пожитками съ театра военныхъ дѣйствій въ безмятежнѣйшія убѣжища. Вся эта эмиграція въ продолженіи двухъ и болѣе часовъ проходила спокойно мимо меня, лежавшаго и курившаго трубку въ изломанной повозкѣ въ военно-россійскомъ сюртукѣ съ генеральскими эполетами. Многіе здоровались, многіе проходили молча, но ни одинъ не сказалъ мнѣ грубаго, даже насмѣшливаго слова, на которое, признаться, они могли быть вызваны моимъ страннымъ положеніемъ. Безъ сомнѣнія, эти случаи часто повторялись, и вѣрно не одному мнѣ въ теченіе этой войны крестьяне говаривали, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подводъ или фуражированія въ ихъ селеніяхъ:

„О паны, паны!!! не вы, господа солдаты, а наши паны насъ губятъ. Одному хочется быть королемъ, другому—генераломъ, третьему—богачемъ, а мы за все платимъ и за все терпимъ!“

Отчего же происходитъ то равнодушіе крестьянъ и средняго класса къ этому предмету, котораго усиливались достигнуть духовенство и шляхетство польское? Оттого, что вездѣ и всюду духовенство и дворянство, не довольствуясь наслажденіями вещественными, алчутъ сверхъ того и почестей, власти, извѣстности и славы, тогда какъ среднее и низшее сословія ограничиваютъ желанія свои улучшеніемъ ремесленничества, добрымъ урожаемъ, выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній и покровительствомъ законовъ противу насилія сихъ высшихъ сословій, всегда ропщущихъ на твердое и благоразумное правительство, которое не терпитъ ихъ своеволія. Въ теченіе пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи, всѣ состоянія

царства вполнѣ наслаждались отличнымъ преуспѣяніемъ въ хлѣбопашествѣ, ремеслахъ, торговлѣ, и, слѣдовательно, были богаты; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, многіе факты это подтверждаютъ. Это благосостояніе разлилось и на классъ крестьянъ, оцѣнившихъ пользу находиться подъ скипетромъ россійской державы, способствовавшей развитію сего благосостоянія [1]). Кромѣ того, правительство русское значительно ограничило произволъ помѣщиковъ, коихъ извѣстная жестокость едва ли уступала жестокости англійскихъ и американскихъ колонистовъ относительно негровъ; въ подтвержденіе моихъ словъ я также могу привести многіе факты. Когда эти помѣщики возстали на Россію, въ надеждѣ войной удовлетворить свое неумѣренное честолюбіе, они возбуждали къ возстанію и крестьянъ своихъ; тогда легко было предвидѣть, что сіи послѣдніе, желая продолженія того благосостоянія, коимъ доселѣ пользовались, не войдутъ въ сообщничество съ ненавистнымъ для нихъ классомъ противъ правительства, имъ всегда покровительствовавшаго. Инстинктъ и разумъ народа гораздо проницательнѣе, чѣмъ полагаютъ ихъ вольнодумные апостолы аристократическаго свѣта. Вотъ почему всѣ усилія духовенства и шляхетства къ возбужденію средняго и крестьянскаго классовъ къ возстанію и къ вооруженію противъ Россіи остались тщетны. Вотъ почему такъ неудачно раздавались на каѳедрахъ и въ прокламаціяхъ слова: „для польскаго народа, народъ польскій, народомъ польскимъ". Никто доброволь-

---

[1]) Вотъ что говоритъ Солтыкъ въ сочиненіи «La Pologne». Солтыкъ, самый непримиримый врагъ россійскаго правительства: «Народонаселеніе царства въ 1830 году состояло изъ четырехъ милліоновъ жителей. Одна Варшава заключала ихъ до ста-пятидесяти тысячъ. Доходы царства простирались до восьмидесяти милліоновъ злотыхъ (сорока-восьми милліоновъ рублей). Банкъ обладалъ капиталомъ, состоящимъ изъ ста-двадцати милліоновъ злотыхъ (семидесяти-двухъ милліоновъ рублей), и должно сказать, что государственный кредитъ получилъ прочную осѣдлость. Повсюду возникали фабрики, коихъ издѣлія умножались вдесятеро съ 1815 года (эпоха поступленія царства во владычество Россіи). Устроены прекраснѣйшія шоссе и дороги, что̀ весьма вспомоществовало сообщеніямъ въ торговыхъ дѣлахъ; человѣколюбивыя заведенія, произведенія художествъ и великолѣпныя зданія украсили столицу. Не одно царство пользовалось такимъ благодѣяніемъ: благоденствіе сіе достигло и до губерній польско-россійскихъ», и проч.

но не возставалъ, никто добровольно не вооружался, ибо эти сословія видимо не хотѣли отвѣчать на мятежныя воззванія духовенства и дворянства. Вотъ истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ, оно никогда не было таковымъ, какимъ его описывали въ иностранныхъ журналахъ. Но корифеямъ большого свѣта, повторяющимъ слова витій, палатъ и газетчиковъ, до правды дѣла нѣтъ; тамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ, въ промежуткахъ двухъ кадрилей, двухъ партій виста, двухъ бутылокъ шампанскаго, требовали самостоятельности Польши, не смѣя одѣваться, ни мыслить, ни говорить иначе, какъ по картинкамъ и по словамъ модныхъ журналовъ.

Театръ военныхъ дѣйствій или царство Польское граничитъ съ востока Россіею, съ сѣвера и запада Пруссіею, съ юга Австріею.

Оно представляется на картѣ въ видѣ нѣсколько округленнаго четвероугольника съ узкою продолговатостью къ сѣверо-востоку, проходящей между Гумбиненской провинціей прусскаго государства, Гродненской и Виленской губерніями.

Висла, направляясь отъ Завихвоста до Торуня, разсѣкаетъ этотъ четвероугольникъ почти надвое; близъ Торуня она вступаетъ въ границу прусскаго государства.

Восточная часть царства или часть онаго, находящаяся на правомъ берегу Вислы, заключаетъ въ себѣ воеводство Августовское, образующее вышесказанную продолговатость, Плоцкое, Подлясское, клинъ Мазовецкаго воеводства, отсѣченный Вислою, и Люблинское воеводство. Западная часть царства или часть онаго, находящаяся на лѣвомъ берегу Вислы, состоитъ изъ главной части клина Мазовецкаго воеводства, отсѣченнаго Вислою, изъ Калишскаго, Краковскаго и Сандомирскаго воеводствъ.

Восточная часть царства представляется для военнаго взора раздѣленною на четыре поля дѣйствія:

Первое пространство, заключающее въ себѣ Августовское и Плоцкое воеводства, лежащія между Пруссіей и правымъ берегомъ Нѣмана, а потомъ Наревы.

Второе пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Наревы и правымъ берегомъ Буга.

Третье пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ берегомъ рѣки Вепржи.

Четвертое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Вепржи и австрійскою Галиціею.

Западная часть представляетъ два поля дѣйствія:

Пятое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ нижней Вислы и лѣвымъ берегомъ рѣки Пилицы.

Шестое пространство, заключенное между правымъ берегомъ Пилицы и лѣвымъ берегомъ верхней Вислы, или Краковской области и австрійской Галиціи.

Первое поле восточной части царства, весьма тѣсное отъ смежности съ нею границы русскаго государства, Нѣмана и Наревы, изрѣзанное поперечными рѣками, ручьями, озерами и дефилеями, покрытое дремучими лѣсами и во многихъ мѣстахъ непроходимыми болотами, не представляетъ удобства для наступательнаго дѣйствія и весьма способствуетъ оборонительному. Поле сіе начинаетъ расширяться отъ черты, соединяющей Пултускъ съ Млавою, то-есть, отъ черты, отъ которой наступательное дѣйствіе съ нашей стороны не только весьма затруднялось, но здѣсь мы могли подвергнуться большимъ опасностямъ; непріятель, опираясь на Модлинскую крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе, съ полной и весьма основательной надеждой на успѣхъ, могъ произвести совокупными силами натиски чрезъ Сироцкъ и Пултускъ, во флангъ и тылъ арміи нашей, особенно если по какимъ либо обстоятельствамъ она, перейдя рѣку Вкру, двинется въ глубину Плоцкаго воеводства. Наконецъ поле сіе, хотя и прорѣзано отлично устроеннымъ шоссе, простирающимся отъ Ковно до Варшавы, но этотъ путь—одинъ изъ самыхъ дальнихъ изъ всѣхъ, идущихъ отъ границы нашей къ Варшавѣ, ибо заключаетъ въ себѣ более 400 верстъ.

Второе поле нѣсколько удобно для дѣйствія только у границъ нашихъ, до черты, соединяющей мѣстечки Нуръ и Остроленку; но по мѣрѣ углубленія своего къ главному пред-

мету дѣйствія, то-есть, къ Варшавѣ, оно болѣе и болѣе стѣсняется рѣками Наревою и Бугомъ. Мѣстоположеніе онаго становится лѣсистѣе и болотистѣе, такъ что почти по всему пространству его нѣтъ другого пути для арміи съ ея тяжестями, кромѣ пути, идущаго на мѣстечки Брокъ и Вишковъ, прочіе же суть только тропы, проложенныя поселянами по тундрамъ и дремучимъ лѣсамъ. Наревъ, представляя преграду весьма значительную, вовсе отдѣляетъ первое поле отъ второго. Путь, разсѣкающій это поле и идущій отъ Бѣлостока до Варшавы, заключаетъ въ себѣ немного болѣе двухъ верстъ.

Третье поле дѣйствія представляетъ пространство весьма удобное для всякаго рода движенія, особенно для наступательнаго, ибо оно открыто и изрѣзано многочисленными путями сообщеній. Сверхъ того оно разсѣчено отлично устроеннымъ шоссе, идущимъ отъ Бреста до Варшавы, которое заключаетъ въ себѣ не болѣе 180 верстъ.

Наконецъ, четвертое поле не менѣе третьяго удобно для военныхъ дѣйствій; хотя оно и лишено искусственнаго шоссе, однако здѣсь встрѣчаются широкіе пути, разсѣкающіе его по всѣмъ направленіямъ, и хлѣбороднѣйшія части царства Польскаго; операціонный путь, лежащій по сему полю отъ Устилуга до Варшавы, заключаетъ въ себѣ около 300 верстъ. На югъ отъ него находится Замостьская крѣпость, посредствомъ которой польская армія имѣетъ всѣ способы вторгаться въ Волынь, Подолію и Кіевскую губернію, и сверхъ того предпринимать набѣги въ тылъ нашихъ войскъ, занимающихъ Люблинское воеводство, или наступающихъ на Варшаву.

Модлинская крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе служатъ центрами, къ которымъ сходятся пути, разсѣкающіе 1-е, 2-е, 3-е поля и путь 4-го поля—въ случаѣ движенія нашихъ войскъ изъ Люблина на Зелеховъ, Шеницъ и Прагу. На случай, если бы они двигались по почтовому пути прямо на Варшаву, сей путь, проходя чрезъ Пулаву, минуетъ прагское укрѣпленіе.

Поля дѣйствія западной стороны царства состоятъ:

Изъ пятаго поля, заключеннаго между Вислою и Пилицею, бѣднаго лѣсомъ и вообще способнаго для военныхъ дѣйствій, по большему числу путей и открытому мѣстоположенію. Главные изъ нихъ суть: идущіе изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Варшавы въ Люблинъ чрезъ Пулаву и изъ Варшавы въ Калишъ.

Изъ шестого поля, заключеннаго между Пилицею и верхнею Вислою, и покрытаго обширными лѣсами и песками. Главный путь, разсѣкающій это пространство, есть продолженіе пути, идущаго изъ Варшавы въ Краковъ по 5-му полю; другіе пути хотя и удобны для слѣдованія войскъ, но идутъ почти всѣ сквозь обширные лѣса, затрудняющіе движеніе. Вообще по мѣстоположенію это царство весьма плоское и не имѣетъ значительныхъ возвышеній.

Графъ Дибичъ вошелъ, 27-го января, изъ Высокомазовецка съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ самомъ царствѣ Польскомъ и сообразуясь съ высочайшею волею вашего императорскаго величества, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенными силами вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ и расположено такъ, чтобы 80000 человѣкъ могли всегда въ теченіе двадцати часовъ соединиться и нанести возмутителямъ рѣшительный ударъ, если бы они отважились принять сраженіе.

«24-го января вступилъ въ царство Польское, при Ковнѣ, корпусъ гренадерскій генерала князя Шаховскаго нѣсколькими эшелонами, составляющими восемнадцать баталіоновъ гренадеръ, четыре эскадрона кавалеріи, шестьдесятъ орудій артиллеріи и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Неподалеку отъ Гродно при Домровѣ перешелъ генералъ-майоръ Мандерштернъ съ пятью баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами кавалеріи, двѣнадцатью орудіями артиллеріи и казачьимъ полкомъ, направясь прямо на Августово.

«При Влодавѣ перешелъ генералъ-адъютантъ баронъ Гейсмаръ съ двадцатью-четырьмя эскадронами кавалеріи, двадцатью-четырьмя орудіями артиллеріи и двумя казачьими полками, имѣя направленіе къ городу Сѣдлецу.

При Устилугѣ перешелъ генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ съ двадцатью-четырьмя эскадронами кавалеріи, двадцатью-четырьмя орудіями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ въ направленіи къ Люблину.

«Наконецъ, малый отрядъ подъ командою полковника Анрепа изъ одного казачьяго полка и одного дивизіона уланъ, перешелъ въ Брестъ-Литовскомъ въ направленіи къ Сѣдлецу; сему отряду предназначено связать партіями дѣйствія генералъ-адъютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой день, то-есть, 25-го января, перешла гра-

ницу, а именно: корпусъ генерала графа Палена изъ двадцати-одного баталіона пѣхоты, шестнадцати эскадроновъ кавалеріи, семидесяти-двухъ орудій артиллеріи и двухъ казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Тикочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы и далѣе на Дудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ двадцати-шести баталіоновъ пѣхоты, двадцати-четырехъ эскадроновъ кавалеріи, ста-двадцати орудій артиллеріи и двухъ казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и Піонтковѣ, направился чрезъ Соколы на Высокомазовецкъ. При семъ корпусѣ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и казачьяго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ четырьмя баталіонами пѣхоты, двадцатью-восемью эскадронами кавалеріи и сорокавосемью орудій артиллеріи, переправясь при Цекановцѣ и Граннѣ, направился на Нуръ и Стердынь, и наконецъ резервъ арміи изъ двадцатидвухъ баталіоновъ пѣхоты, двѣнадцати эскадроновъ кавалеріи и тридцатишести орудій артиллеріи, перешелъ въ Суражѣ 25-го и 26-го чиселъ, направясь на Соколы подъ командою его императорскаго высочества цесаревича».

Главнокомандующій изъ Венгрова отъ 1-го февраля вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами, первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калушина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части и, оставя отрядъ генералъ-майора Мандерштерна въ Ломжѣ, для наблюденія лѣваго ея фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ. Въ теченіе днёвки, которую имѣла армія, какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами, внезапно наступившій юго-западный вѣтеръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ двадцати градусовъ мороза, 29-го числа всѣ поля были уже совершенно обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится; а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія. Сообразно съ симъ, 30-го числа армія сдѣлала общее фланговое движеніе влѣво и перешла Бугъ въ двухъ мѣстахъ: 6-й пѣхотный корпусъ при Брокѣ, а 1-й пѣхотный при Нурѣ, сдѣлавъ форсированныхъ два марша отъ Ломжы и Замброва. Переправа совершилась хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. За первымъ корпусомъ перешелъ весь резервъ его императорскаго высочества цесаревича, а вслѣдъ за онымъ переправился фурштатъ всей арміи съ шести-дневнымъ провіантомъ. Для обезпеченія оставленнаго арміею края на правомъ берегу Буга, предписалъ я генералу князю Шаховскому, имѣющему прибыть 4-го февраля съ тремя головными полками 3-й гренадерской дивизіи въ Ломжу, принять въ команду свою генералъ-майора Мандерштерна, находящагося въ семъ городѣ съ отрядомъ своимъ, и, сосредоточивъ всю 1-ю гренадерскую дивизію эшелонами, по той же дорогѣ слѣдующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный корпусъ. Корпусъ сей состоять будетъ изъ

двадцати-двухъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ эскадроновъ гусаръ, двухъ казачьихъ полковъ и шестидесяти орудій артиллеріи.

«Независимо отъ сего оставленъ, въ родѣ партизана на правомъ берегу Буга, полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ полкомъ. Дѣлая поиски по всему пространству между Бугомъ и Наревомъ для разсѣянія всякаго вооруженнаго скопища, полковникъ Шиндлеръ будетъ находиться въ безпрестанномъ сношеніи, то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. 31-го числа армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный маршъ двумя колоннами въ направленіи къ Венгрову, который къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена подъ командою генералъ-майора Сакена. Бывшій уже предъ симъ въ семъ направленіи и усиленный бригадою 1-й гусарской дивизіи, 1-й корпусъ въ сей день остановился въ Пашеевѣ, 6-й корпусъ при деревнѣ Тончѣ. Авангарды сихъ корпусовъ, имѣя повелѣнія занять переправы на Ливицѣ, нашли мосты при Ливѣ и Старой-Веси совершенно истребленными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ возмутители подъ прикрытіемъ артиллеріи старались воспрепятствовать возобновленію моста; но бригада егерей и сильный удачный огонь поставленныхъ противъ нихъ орудій принудили ихъ удалиться, такъ что въ сію минуту мостъ построенъ и авангардъ нашъ переправился.

«Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, авангардамъ 6-го и 1-го корпусовъ предписано перейти: первому на дорогу къ Дебрѣ, а послѣднему на дорогу къ Калушину. Главная моя квартира находится въ Венгровѣ.

«Резервъ его императорскаго высочества цесаревича переходитъ сегодня въ Соколовѣ, посылая авангардъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Въ распоряженіе его высочества цесаревича поручается 3-й резервный кавалерійскій корпусъ безъ 2-й бригады украинской уланской дивизіи, которая послѣ завтра только что присоединяется къ своему корпусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы быстро преслѣдовать мятежниковъ, находящихся при Сѣдлецѣ, войска коихъ, вѣроятно, отступятъ, узнавъ о занятіи Венгрова и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калушину.

«Относительно дѣйствій 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, находящагося въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблинскомъ, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что съ переходомъ онаго границы распространился всеобщій страхъ. Въ городѣ Сѣдлецѣ онъ былъ такъ великъ, что съ первымъ появленіемъ казаковъ партизанскаго отряда полковника Анрепа, они почти безъ сопротивленія заняли сей городъ. Возмутители, узнавъ однако жь, что отрядъ полковника Анрепа не довольно силенъ, вошли вторично въ Сѣдлецъ съ двумя пѣхотными полками и артиллеріею. Тогда полковникъ Анрепъ выступилъ къ Збучину. Возмутители, не довольствуясь симъ, 28-го числа сдѣлали рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ полковникъ Анрепъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, атаковалъ и, опрокинувъ ихъ немедленно, преслѣдовалъ на разстояніи шести верстъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Послѣ сего полковникъ Анрепъ расположился при Угржановѣ, имѣя передовые свои посты въ четырехъ верстахъ отъ города Сѣдлеца съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при малѣйшемъ видѣ къ отступленію напасть на арьергардъ возмутителей и преслѣдовать ихъ быстро. На сей конецъ находится онъ въ прямомъ сношеніи съ генералъ-адъютантомъ Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы упредить непріятеля въ его отступленіи. Генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ 27-го января былъ въ одномъ маршѣ отъ Люблина, который, по разсказамъ жителей, не занятъ никакими войсками. Отъ сего города генералъ Крейцъ имѣетъ повелѣніе итти

къ Пулавѣ и, переправя тамъ часть казаковъ на лѣвый берегъ Вислы, стараться разсѣять тамошнія вооруженія.

«Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о первоначальныхъ движеніяхъ моихъ по ввѣренной мнѣ арміи, я обязываюсь всеподданнѣйше присовокупить, что начатіе военныхъ дѣйствій столь неожиданно было для возмутителей, что повсюду находимъ продовольствіе, особенно въ фуражѣ, котораго при теперешней распутицѣ никакими средствами подвезти бы невозможно было. Изъ общихъ движеній возмутителей замѣтна нерѣшимость, они повсемѣстно избѣгають встрѣчи съ нашими войсками и при появленіи оныхъ отступаютъ».

Сіи два донесенія достойны особеннаго вниманія. Они заключаютъ въ себѣ предсказанія всему тому, что впослѣдствіи совершилось и должно было совершиться; здѣсь обнаруживается отсутствіе военныхъ дарованій составителя ихъ. Сверхъ того, какія противорѣчія, какое напряженіе къ введенію въ заблужденіе правительства насчетъ истиннаго положенія дѣлъ! Я одинъ изъ противниковъ военныхъ совѣтовъ, за нѣсколько тысячъ верстъ присылающихъ наставленія главнокомандующимъ насчетъ ихъ дѣйствія, тогда какъ каждая минута, каждый шагъ измѣняютъ обстоятельства войны. Невозможно при чтеніи означенныхъ рапортовъ не пожелать, по крайней мѣрѣ, какой либо военной комиссіи, учрежденной при главѣ правительства для разбора того, что уже исполнено и для открытія противорѣчій и ложныхъ извѣстій. Къ чему послужили бы донесенія правительству, если бы они ему не доставляли средствъ къ основанію на прошедшемъ и настоящемъ предначертаній для будущаго. Если донесенія полководца лживы, то предположенія и разсчеты правительства должны быть весьма ошибочны, слѣдовательно ему выгоднѣе не получать вовсе никакихъ донесеній, чѣмъ получать такія, которыя могутъ вводить его лишь въ заблужденіе. Можно не допускать полной правдивости въ донесеніяхъ о войнахъ съ восточными государствами. Тутъ большею частію и почти всегда встрѣчаются вымыслы тысячи и одной ночи. Тутъ являются на сцену и многолюдныя, несуществовавшія арміи, коихъ разрѣзываютъ надвое, и разбитіе и перебросы ихъ за горы, коихъ не было, и взятіе первоклассныхъ крѣпостей, изъ глины слѣпленныхъ, отъ холостыхъ выстрѣловъ разваливающихся, и громкія побѣды надъ сволочью, не выдержавшей грома единой пушки, и плѣны

какихъ-то главнокомандующихъ [1]), сдающихся первому явившемуся штабъ-офицеру нашему. Бумага терпитъ, награжденія сыплются зря, и ложными извѣстіями введенное въ заблужденіе правительство можетъ часто дѣлать промахи, не подвергая однако тѣмъ опасности Россію, далеко превосходящую восточныя сосѣднія государства въ умственномъ и вещественномъ развитіи; напротивъ, чрезъ обнародованіе такого рода донесеній увеличивается въ европейскихъ государствахъ уваженіе къ превосходству нашего оружія и дарованіямъ нашихъ полководцевъ. Но война съ польскими мятежниками совершенно иная. Она, по вліянію своему на умы, угрожая Россіи ужаснѣйшими послѣдствіями, едва ли не была въ сущности грознѣе войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую—заразой. Одну велъ человѣкъ великій, превосходный, но имѣвшій въ виду лишь одну вещественную цѣль; другая—неслась сама собою, скрывая

---

[1]) Я положительно знаю о многихъ обстоятельствахъ войнъ Персидской и Турецкой, веденныхъ графомъ Паскевичемъ, блистательной храбрости котораго я всегда отдавалъ полную справедливость. Такъ, напримѣръ, Эривань взята была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: защита этой крѣпости была поручена храброму племени шахъ-севенамъ, которые не хотѣли, повидимому, служить Аббасъ-Мирзѣ; находясь на стѣнахъ крѣпости, они открывали по насъ весьма слабый огонь, а иногда вовсе не стрѣляли, что̀ давало намъ возможность безнаказанно подходить къ самому рву крѣпости. Въ то время какъ Паскевичъ отдыхалъ въ лагерѣ, піонерный поручикъ Трикилевичъ измѣрилъ весьма спокойно ровъ крѣпости. Генералы Красовскій и Лаптевъ, пользуясь тѣмъ и не будучи тревожимы непріятелемъ, обошли крѣпость, выломали ворота и проникли въ самую крѣпость; близъ воротъ былъ сильно раненъ лишь аудиторъ. Войска наши отыскали скрывавшагося въ какомъ-то подвалѣ извѣстнаго труса Гассанъ-хана; оружіе сего презрѣннаго воина было подарено государемъ городу Ригѣ, гдѣ доставлено было извѣстіе о взятіи Эривани. Во время благодарнаго молебна стѣны Эривани, подобно стѣнамъ другого Іерихона, осыпались отъ дѣйствія холостыхъ выстрѣловъ. Государь, посѣтивъ Эривань въ 1837 году, сказалъ о ней: «Славны бубны за горами». Во время войны въ азіатской Турціи Паскевичъ доносилъ государю, что онъ, не давъ соединиться двумъ турецкимъ арміямъ, разрѣзалъ ихъ, такъ сказать, уничтоживъ одну и взявъ въ плѣнъ главнокомандующаго, онъ разбилъ и другую. Двухъ армій никогда не было выставлено противъ нашихъ войскъ; воображаемая вторая армія была ни что иное, какъ весьма небольшой сборъ сволочи, которой, такъ-называемый, главнокомандующій Гакки-паша, спасаясь отъ своего начальника, искалъ случая передаться русскимъ, и съ радостью сдѣлалъ это, увидавъ полковника Верзилина. Паскевичъ хотѣлъ отдать подъ судъ генерала Сакена за взятіе при этомъ случаѣ малаго числа плѣнныхъ.

въ чревѣ своемъ начало, полное разрушительными послѣдствіями всякаго единства, всякаго покоя, всякаго благосостоянія и порядка. Какая огромная обязанность лежала на правительствѣ! ему надлежало быть наиболѣе бдительнымъ, вӧ-время обо всемъ извѣщеннымъ и полнымъ вниманія къ малѣйшему происшествію войны [1]). И при таковыхъ-то обстоятельствахъ, облеченный полною довѣренностью правительства, полководецъ, на словахъ коего надлежало ему основывать всѣ предварительныя мѣры и распоряженія, не постигаетъ важности и характера войны. Онъ продолжаетъ доставлять своему правительству донесенія, каковыя доставлялъ ему изъ-за Балкановъ, гдѣ велась такъ сказать война исключительно вещественная! И что всему этому причиною? Старанія скрыть дѣйствія свои при первомъ шагѣ за границу, проступокъ едва простительный прапорщику, опоздавшему къ разводу и извиняющемуся различными вымыслами предъ своимъ ротнымъ командиромъ.

Разберемъ предварительно мѣры Дибича и распоряженія его для перехода ввѣренной арміи за границу и вышеупомянутыя два донесенія императору.

Алчность къ начальствованію и увѣренность въ скоромъ вплетеніи новаго лавра въ Забалканскій вѣнокъ, столь легко пріобрѣтенный въ битвахъ ничтожныхъ, увлекла графа Дибича къ принятію начальства надъ арміей противъ врага образованнаго и свѣдущаго; онъ не имѣлъ для того необходимыхъ познаній и не успѣлъ, какъ оказалось, ознакомиться съ обстоятельствами, на коихъ надлежало основывать всѣ свои распоряженія. Ему представлялся, повидимому, мятежъ, простиравшимся не далѣе Варшавы. По крайней мѣрѣ онъ не постигалъ, что отрасли заговора могли проникнуть въ нѣдра польско-россійскихъ губерній, что этотъ мятежъ былъ послѣдствіемъ нравственныхъ корчей, терзавшихъ Европу; словомъ,

---

[1]) Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Во время польской войны я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи: жена моя была беременною на сносѣ, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ оставались лишь два эскадрона кавалергардовъ; извѣстія же изъ арміи доходили до меня лишь чрезъ Кёнигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталей солдатами».

онъ не ожидалъ, чтобы вспышка въ Варшавѣ была въ состояніи произвести взрывъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Варты до береговъ Днѣпра и Двины. Вмѣсто того, чтобы, принявъ на себя командованіе арміею, разглашать по Петербургу, что онъ задавитъ Польшу въ теченіе шести недѣль [1]), онъ долженъ былъ отклонить отъ себя принятіе тяжкаго для него бремени, столь много превышавшаго его средства. Я говорю это въ оправданіе Дибича, которому слѣдовало предварительно ознакомиться съ характеромъ страны, положеніемъ дѣлъ и оцѣнить, какія могли быть для Россіи печальныя послѣдствія возстанія, могущаго вспыхнуть въ сосѣднихъ съ Польшей губерніяхъ. Если онъ понялъ, что желтая, красная и зеленая черты, отдѣляющія на картѣ эти губерніи отъ царства Польскаго, не вещественнѣе линій, означающихъ экваторъ, тропики и меридіанъ, тогда нѣтъ ему оправданія въ избраніи сихъ губерній основаніемъ дѣйствій нашей арміи, не занявъ ихъ предварительно и заблаговременно какими-нибудь войсками. Какъ ему не знать было, что основаніе для военныхъ дѣйствій арміи не избирается во враждебныхъ областяхъ. Мы видимъ противное въ двухъ только случаяхъ: тогда, когда основаніемъ служитъ самое государство, коему принадлежитъ дѣйствующая армія, какъ была для насъ коренная Россія въ 1812 году; или когда основаніемъ служитъ государство, союзное съ тѣмъ, коего армія предпринимаетъ военныя дѣйствія, какъ были для насъ Австрія и Пруссія въ 1813 году. Поясняю мысль мою мѣстнымъ примѣромъ: всѣмъ извѣстно, что Рейнъ и крѣпости Майнцъ и Страсбургъ представляютъ превосходныя основанія военнаго дѣйствія для арміи, намѣревающейся вторгнуться въ предѣлы Франціи; но если Майнцъ и Страсбургъ заняты уже французскими войсками, и сверхъ того великія герцогства Нассауское, Дармштадтское и Баденское, королевства Виртембергское и Баварское въ союзѣ съ Франціею; то какой полководецъ въ мірѣ осмѣлится предпринять наступательное движеніе за

---

[1]) Дибичъ звалъ даже своихъ знакомыхъ въ Варшаву на блины

Рейнъ и въ нѣдра Франціи безъ предварительнаго взятія или обложенія Майнца и Страсбурга и безъ занятія вышесказанныхъ герцогствъ и королевствъ сильною арміею? — въ томъ самомъ положеніи были и польско-россійскія губерніи относительно нашей арміи. Хотя эти губерніи и были объявлены на военномъ положеніи, но слово — не дѣло; чтобы военное положеніе существовало по истинѣ, а не въ воображеніи, слѣдовало занять эти губерніи войсками, исключительно назначенными для укрощенія возстаній, могущихъ здѣсь возникнуть. Хотя императоръ высочайше повелѣлъ о немедленномъ образованіи резервной арміи въ Литвѣ и о занятіи Волыня и Подоліи войсками первой арміи,— но приведеніе въ исполненіе сихъ спасительныхъ для насъ мѣръ требовало нѣкотораго времени, по причинѣ значительнаго разстоянія между собою войскъ; не излишне было бы для Дибича до прибытія ихъ на пункты, имъ опредѣленные, оставить на сихъ мѣстахъ оба фланга растянутой имъ отъ Ковно до границы австрійской Галиціи арміи, правый въ Вильнѣ и Минскѣ, а лѣвый въ Луцкѣ. Первый, составленный изъ гвардейскаго отряда и второго пѣхотнаго корпуса, былъ достаточно силенъ для удержанія въ повиновеніи литовскія губерніи; послѣдній, состоящій изъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, усиленныхъ войсками, впослѣдствіи составлявшими корпусъ Ридигера, представилъ бы твердый оплотъ противъ всякаго своеволія и возстанія въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. И да не подумали бы, что оставленіемъ сихъ войскъ позади себя и внѣ круга боевыхъ происшествій Дибичъ ослабилъ бы чрезъ то массу дѣйствующихъ силъ, нимало. Онъ имѣлъ даръ распорядиться такимъ образомъ, что и изъ самыхъ войскъ, составлявшихъ главную боевую массу арміи, гренадерскій корпусъ едва былъ въ огнѣ 13-го февраля, придя лишь въ сумеркахъ на поле сраженія подъ Гроховымъ; а 7-го февраля подъ Милосной, сей корпусъ находился еще далѣе, ибо былъ въ ста-пятидесяти верстахъ отъ сражавшейся арміи. Что же касается до гвардейскаго отряда, 2-го пѣхотнаго корпуса и войскъ, образовавшихъ впо-

слѣдствіи корпусъ Ридигера, о нихъ тогда и помину не было на театрѣ военныхъ дѣйствій, а корпусъ Крейца находился въ двухстахъ верстахъ отъ обоихъ вышеозначенныхъ полей битвъ.

Итакъ, избравъ и упрочивъ основаніе свое и пути, съ тылу къ оному ведущіе, Дибичъ былъ бы уже свободенъ, и не опасаясь возстанія между жителями этихъ губерній, онъ могъ бы обратить все свое вниманіе на дѣйствія противу войскъ, непосредственно предъ лицемъ его находившихся. Тогда стоило ему только, сосредоточивъ впереди Бѣлостока на Наревѣ корпуса: гренадерскій, 1-й и 6-й пѣхотные, 3-й кавалерійскій, гвардейскій отрядъ цесаревича, одиннадцать казачьихъ полковъ и до трехсотъ-пятидесяти орудій, двинуться всею этою стотысячною массою чрезъ Нуръ къ Венгрову, а оттуда въ Варшаву, и, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, атаковать польскую армію съ полною надеждою на успѣхъ.

Отъ Бѣлостока до Варшавы не болѣе двухсотъ верстъ. Полагая переходъ по двадцати-пяти верстъ въ сутки, что̀ не очень велико, Дибичъ могъ бы прибыть въ восемь сутокъ подъ Варшаву, слѣдовательноем у болѣе чѣмъ достаточенъ былъ обыкновенный запасъ хлѣба: трехдневный въ ранцахъ и десятидневный въ фуражахъ. Сверхъ того подводы могли прибывать отъ брестскаго магазина въ армію тотчасъ по вступленіи ея въ Венгровъ и занятіи Сѣдлеца, слѣдуя по шоссе прочному, который не могъ портиться отъ дѣйствія дурной погоды. Такъ какъ онъ перешелъ границу 25-го января, то 2-го февраля онъ могъ бы быть уже подъ Варшавой. Ледъ на Вислѣ былъ еще весьма крѣпокъ, ибо въ это время и даже нѣсколько позже корпуса Крейца и Дверницкаго по два раза переходили Вислу по льду съ орудіями и тяжестями. Совокупное движеніе нашей арміи, вслѣдствіе котораго вся армія явилась бы 2-го февраля подъ Варшавой, совершенно уничтожило бы выгоду, которую должно было принести непріятелю прагское предмостное укрѣпленіе. Ледяной плотъ лежалъ въ то время по всей Вислѣ, слѣдовательно не для чего было атаковать твердыню, защищавшую одну только точку рѣки, всюду по льду проходимой.

Сверхъ того замерзаніе рѣкъ и болотъ лишаетъ оборонительныя позиціи большей части выгодъ, ими приносимыхъ; этимъ Дибичъ могъ легко воспользоваться, и чѣмъ весьма рѣдко пользуются полководцы, дѣлая предначертанія свои по картамъ, на которыхъ ни моря, ни рѣки, ни болота не замерзаютъ. Это кажется эпиграммою, но въ сущности это справедливо. Я помню, сколько графъ Буксгевденъ употребилъ времени въ войнѣ Финляндіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года, на сочиненіе плана атаки шведскаго корпуса, занимавшаго, по мнѣнію его, неодолимую позицію подъ Форсби, ибо фланги оной примыкали: правый къ Финскому заливу, а лѣвый къ изгибу широкой рѣки, протекающей предъ Форсби. Что же вышло? Корпусъ шведскій не остановился на сей позиціи, потому что тридцати-градусные морозы давно уже превратили и Финскій заливъ, и рѣки въ равнину, несравненно удобнѣйшую для наступательнаго дѣйствія, чѣмъ твердая земля въ Финляндіи, покрытая скалами и дремучими лѣсами. Есть военачальники, которые къ зимнимъ нелѣпостямъ присоединяютъ еще и лѣтнія. Они примыкаютъ фланги войскъ своихъ къ малому ручью или пруду, на картѣ означенными, не принимая въ уваженіе: есть ли броды или нѣтъ ихъ на семъ ручьѣ, и достаточно ли воды въ немъ для плаванія лягушекъ? О таковыхъ-то полководцахъ великій Суворовъ говаривалъ: „Помилуй Богъ! эти великіе тактики не иначе даютъ сраженія, какъ примкнувъ флангами: однимъ—къ лужѣ, другимъ—къ навозной кучѣ!“

Но приступимъ къ разсмотрѣнію рапортовъ Дибича. Оставя на произволъ судьбы и основаніе, и затыльные пути ведущіе къ оному, Дибичъ, какъ мы выше видѣли, доноситъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго, обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ царствѣ Польскомъ, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенно вступить въ царство Польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ».

За что принимаетъ графъ Дибичъ правительство, осмѣливаясь угощать оное подобными донесеніями? Пусть покажутъ намъ возможность занятія войсками большого пространства, не

разбросавъ войска сіи по всему пространству; пусть укажутъ намъ средства начать военныя дѣйствія соединенными силами, предпринимая нападенія на разные пункты?

Дѣло въ томъ, что пространство, опредѣленное Дибичемъ для занятія арміею, ему ввѣренною, заключалось между восточною прусскою и австрійскою Галиціею, что̀ составляло около четырехсотъ верстъ протяженія; разные пункты, чрезъ которые наступленіе производилось, находились на протяженіи отъ Ковно до Устилуга, что̀ составляло около семисотъ верстъ. И таковую-то операцію въ донесеніи правительству Дибичъ называлъ дѣйствіемъ соединенными силами! Чудесная логика и не менѣе того превосходная стратегія! Впрочемъ это предначертаніе имѣло основаніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, обезпеченіе будущаго продовольствія арміи. Но на долго ли разсѣяніе военныхъ силъ по обширному пространству, въ шести переходахъ отъ сосредоточенной непріятельской арміи, можетъ обезпечить продовольствіе этихъ войскъ, если противодѣйствующія онымъ силы сосредоточены и военачальникъ ихъ предпріимчивъ и знаетъ свое дѣло? Правда, что для подобной же цѣли Наполеонъ разсѣявалъ свою армію, но не въ шести переходахъ отъ непріятельской арміи, а въ весьма дальнемъ отъ оной разстояніи; по мѣрѣ же приближенія своего къ ней, онъ снова ее сосредоточивалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прокормленіе арміи есть дѣло великой важности, но главная цѣль всякаго ополченія не есть лишь утоленіе голода его, а одержаніе побѣдъ, въ коихъ оно нуждается. Армія, расположенная близъ собственныхъ крѣпостей, снабженныхъ продовольствіемъ, можетъ съ полнымъ желудкомъ простоять всю кампанію безъ дѣйствія, и, сохранивъ себя, можетъ погубить отечество. Армія, разсѣянная для пропитанія себя по чрезмѣрному пространству вблизи сосредоточеннаго непріятеля, можетъ съ полнымъ желудкомъ потерпѣть по частямъ пораженія, и, погубивъ себя, погубить отечество. Для этой ли цѣли собираются арміи? Въ 1796 году Бонапартъ, принявъ начальство надъ войскомъ голоднымъ, въ рубищахъ, безъ казны и магазиновъ, и показавъ ему съ высотъ Апеннинновъ роскошную Италію и полныя продовольствіемъ крѣпости,

разливавшія изобиліе въ арміяхъ австрійской и сардинской, сказалъ войскамъ своимъ: „все это ваше“, и все стало ихъ и приняло иной видъ: голодные насытились, нагіе одѣлись, милліоны насыпались въ казну арміи и Франціи; сытые же австрійцы и сардинцы познали голодъ и, растерявъ въ бѣгствѣ башмаки, предали во власть побѣдителей всѣ запасы, всѣ источники богатства изобильнѣйшаго края; вотъ доказательство, что не роскошное содержаніе арміи даетъ побѣду, а побѣда открываетъ средство къ содержанію арміи, поддерживая войну войною.

Изъ сего ясно видно, что для достиженія сего предмета нужно было обратиться къ способу, вовсе противоположному тому, который избранъ былъ Дибичемъ, а именно: прежде всего надлежало напасть совокупными силами на непріятеля, разбить его, и тогда уже легко позади побѣдоносной своей арміи приказать извѣстнымъ областямъ озаботиться о снабженіи арміи всѣмъ для нее необходимымъ. Для отысканія тому примѣра не надо было рыться въ чужеземныхъ исторіяхъ и заглядывать въ Италію; примѣръ тому легко найти въ русской арміи и на самомъ томъ мѣстѣ, на коемъ намѣревались тогда дѣйствовать. За тридцать-шесть лѣтъ предъ симъ, Суворовъ, сосредоточивъ войска въ Брестѣ и обезпечивъ тылъ свой (хотя независимыми отъ него, но назначенными отъ правительства занимать Литву и Волынь корпусами князя Репнина и графа Салтыкова), двинулся усиленными переходами къ Варшавѣ, разбилъ подъ Кобылкою польскій корпусъ, отступавшій изъ-за Наревы и Буга къ сему городу, и взялъ приступомъ укрѣпленную Прагу; покоривъ Варшаву, онъ размѣстилъ войска свои на квартиры, опредѣливъ на доставленіе имъ продовольствія всѣ вслѣдствіе побѣдъ его падшія польскія воеводства. Вотъ способъ, коимъ благоразумному полководцу слѣдуетъ продовольствовать войска свои на счетъ жителей враждебной области до благопріятнаго разсѣченія гордіева узла; это обстоятельство болѣе чѣмъ сомнительно при разбрасываніи наступательной арміи въ близкомъ сосѣдствѣ съ сосредоточеннымъ непріятелемъ, ожидающимъ, можетъ-быть, сей ошибки, чтобы самому перейти въ наступленіе.

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами: первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калушина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, а оставя отрядъ генералъ-майора Мандерштерна въ Ломжѣ для наблюденія лѣваго фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ».

Это выходка для жоминистовъ. Дибичъ хотѣлъ показать оною, что и онъ умѣетъ, подобно Фридриху, Наполеону и Суворову, пользоваться внутреннею линіею; но на дѣлѣ этого не было, и славу Богу! ибо этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Чтобы избирать родъ дѣйствія предметомъ коего служитъ раздѣленіе непріятельской арміи надвое, необходимо слѣдуетъ достовѣрно узнать, точно ли расположеніе ея тому способствуетъ; если слухи справедливы, то не ползти и не останавливаться на пути, а бѣжать, летѣть, бросаться стремглавъ на избранный предметъ дѣйствія, потому что операція такого рода болѣе другихъ требуетъ быстроты и внезапности. Въ этомъ случаѣ, если бы извѣстіе о размѣщеніи польской арміи, полученное Дибичемъ, и не подлежало сомнѣнію, то было безразсудно слѣдовать со всею арміею по мѣстности лѣсистой между Бугомъ и Наревою, едва прорѣзанною кое-гдѣ узкими дорогами и тропинками и въ то время года еще заваленной снѣгами; непріятель между тѣмъ могъ удобно двинуть по широкимъ и удобнымъ шоссе, соединяющимся у Прагскаго укрѣпленія предъ Варшавою. При первомъ извѣстіи о семъ движеніи, непріятель могъ весьма спокойно отойти по обоимъ шоссе и сосредоточиться у Праги, прежде чѣмъ армія наша успѣла бы сдѣлать два перехода по затруднительнѣйшей мѣстности. Положимъ однако, что препятствія эти не устрашили Дибича, что онъ рѣшился преодолѣть ихъ, во что бы то ни стало, и предпринять движеніе, требующее быстроты и внезапности; онъ двинулся, и вдругъ...... что же пишетъ? „въ теченіе днёвки, которую имѣла армія...“ Какъ днёвки?! Въ операціи, въ которой всякой шагъ впередъ, всякой часъ, всякая минута такъ дороги, полководецъ, пред-

принявшій оную, рѣшается остановить армію для днёвки! Но что тому причиною? Послушаемъ еще самого Дибича:

«Какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами».

Право, не знаешь какое имя дать подобной наглости въ отношеніи правительства! Да чѣмъ же главнокомандующій занимался въ теченіе полутора-мѣсячнаго пребыванія своего посреди арміи въ Бѣлостокѣ? Не устройствомъ ли въ окрестностяхъ сего города и въ Брестѣ магазиновъ, ежедневно наполняемыхъ подвозами изъ литовскихъ губерній и образованіемъ арміи, по мѣрѣ прибытія въ ея составъ войска изъ Россіи? И когда войска, составившія армію, подкрѣпили себя, первыя—десяти-дневнымъ, а послѣднія—пяти-дневнымъ отдохновеніемъ, когда магазины наполнились, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльною пропорціею провіанта, когда, сверхъ того, большое количество запасовъ роздано было войскамъ: сухарей на три дня въ ранцы и на десять дней въ фуры, тогда Дибичъ двинулся и послѣ двухъ переходовъ снова остановился, „какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами“, и гдѣ же? Въ землѣ, на коей оставлены были огромные магазины непріятельскіе, въ землѣ, противъ насъ возставшей и изобилующей всѣми родами съѣстныхъ припасовъ, на шести-суточномъ разстояніи отъ непріятеля, и имѣя съ собой одиннадцати-суточный запасъ продовольствія! Если это называется воевать, то какъ назовемъ мы походы Фридриховскіе, Наполеоновскіе, Суворовскіе и предшествовавшихъ имъ полководцевъ? Дошли ли бы до насъ исполинскія имена Александра, Аннибала и Цезаря, если бъ на каждомъ второмъ переходѣ они, имѣя при себѣ достаточное количество провіанта, останавливали войска свои для отдохновенія и ожиданія подвозовъ съ пищею въ краяхъ, оною изобилующихъ?

Впрочемъ, это не новая уловка главнокомандующихъ нашими арміями. Я отслужилъ четырнадцать кампаній и почти въ каждой изъ нихъ читалъ по нѣскольку разъ подобнаго рода оправданія, посылаемыя ими правительству. Забавныя оправданія! Армія не можетъ итти впередъ, потому что еще

подвозы съ запасами къ ней не прибыли. Но развѣ войско, стоя на мѣстѣ, можетъ обойтиться безъ пищи? А если оно употребляетъ не менѣе пищи во время стоянки, какъ и на походѣ, и пищу сію получаетъ отъ жителей края, имъ занимаемаго, то не лучше ли ему утолять голодъ, подвигаясь впередъ, чѣмъ стоя на одномъ мѣстѣ? Тѣмъ болѣе, что отъ неподвижнаго пребыванія арміи край, ею занимаемый, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнуряется и не въ состояніи прокормить ее и жителей. При движеніи же впередъ, она на каждомъ шагу находитъ народонаселеніе свѣжее и еще не раздѣлившее съ войсками пропитанія своего, слѣдовательно. обладающее большею возможностью прокормить сіи войска, чѣмъ то, которое понесло уже ущербъ въ своихъ запасахъ. Если бы впереди находящійся край былъ, подобно Аравійской пустынѣ, лишенъ скота и хлѣба, тогда, безъ сомнѣнія, нельзя вступить въ него безъ огромныхъ запасовъ провіанта изъ магазиновъ, предварительно устроенныхъ въ хлѣбородныхъ областяхъ, съ нею граничившихъ. Но во всѣхъ европейскихъ войнахъ области, прилегающія спереди, съ боковъ и тыла къ той, въ коей полководецъ останавливаетъ армію свою для ожиданія подвозовъ, почти столь же изобильны продовольствіемъ, сколько и онѣ сами. Это разсужденіе не свыше понятій самаго обыкновеннаго человѣка. Что же причиною тому, что всегда пропадаетъ такъ много времени въ бездѣйствіи. подъ предлогомъ поджиданія подвозовъ съ провіантомъ? Не вслѣдствіе ли опасенія генеральнаго сраженія съ непріятелемъ, сего рокового удара, рѣшающаго въ нѣсколько часовъ судьбу всего похода? Вотъ истинная тому причина; поджиданіе же подвозовъ есть только отговорка, и это такъ быть должно. Самое превосходно обдуманное и данное на выгоднѣйшемъ мѣстоположеніи генеральное сраженіе зависитъ отъ бо̀льшихъ или меньшихъ случайностей; а чтобы любить случайности, надо быть преисполнену поэзіею ремесла нашего, исключительно поэтическаго и потому непостижимаго для людей, руководимыхъ единой разсчетливостью, ничего не оставляющихъ на произволъ случая, ничего не ввѣряющихъ порывамъ вдохно-

венія. Надо имѣть твердую, высокую душу, жаждущую сильныхъ ощущеній, безъ вліянія ихъ на умъ, ни отъ чего не смущающійся и всегда дѣятельный, на волю, спаянную въ единый слитокъ и на мнѣніе о себѣ, полное неистощимаго запаса увѣренности въ способности творить успѣхи тамъ, гдѣ посредственность видитъ одну лишь гибель. Какъ же послѣ того предпринимать что либо отважное полководцамъ покроя обыкновеннаго, дарованій сомнительныхъ и теряющимъ силу соображеній при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ? Какъ рѣшаться имъ на сшибку грудь съ грудью съ непріятелемъ, на сшибку, могущую въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ времени, ниспровергнуть въ прахъ весь мозаическій слѣпокъ ихъ хрупкихъ репутацій? Вотъ почему полководцы эти прилѣпляются какъ ростовщики къ скопленному ими, всѣми позволительными и непозволительными способами сего рода капиталишку, рискуя онымъ не иначе, какъ мелкою монетою по денежкамъ и по копеечкамъ въ огромной понтировкѣ армій и народовъ. Вотъ почему они довольствуются ожиданіемъ при выигрышѣ арендъ, чиновъ, крестовъ, а при проигрышѣ наказанія, соразмѣрнаго съ подобными награжденіями; тогда какъ въ этой же понтировкѣ полководцы размѣра Фридриха, Наполеона и Суворова ставятъ на одну карту весь капиталъ необъятныхъ побѣдъ, ими пріобрѣтенныхъ и выигрываютъ государства и части свѣта, или проигрываютъ все до собственной жизни, до собственной свободы, какъ Аннибалъ и Наполеонъ, оставивъ славѣ своей лишь безсмертіе на пропитаніе.

Стоянка Дибича въ окрестностяхъ Ломжи и Высокомазовецка продолжалась трое сутокъ, тогда какъ слѣдовало бы ей продолжаться не болѣе того времени, которое нужно было для сваренія каши и легкаго отдыха. 30-го армія выступила въ походъ, но уже не на Вышковъ, а круто вправо на Броки и Нуръ, дабы безпрепятственнѣе и поспѣшнѣе переправиться чрезъ Бугъ, подъ предлогомъ опасенія скораго вскрытія сей рѣки. Вотъ что пишетъ о томъ Дибичъ:

«Внезапно наступившій юго-западный вѣтръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ двадцати градусовъ мороза 29-го числа

всѣ поля были уже обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится, а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія......»

Правда, что во время трехсуточнаго замедленія арміи нашей въ Ломжѣ и Высокомазовецкѣ, наступила сильная оттепель, но въ эту часть года, то-есть, въ концѣ января, нельзя было ожидать никакого рѣшительнаго появленія весны. Если поля обнажились отъ снѣга и дороги сдѣлались грязными, то грязь эта была на одной только поверхности дорогъ, грунтъ же ихъ оставался твердымъ и еще далеко было до разлитія рѣкъ, ибо самый Бугъ былъ безпрепятственно перейденъ по льду гренадерскимъ корпусомъ князя Шаховского шестнадцать дней послѣ появленія означенной оттепели, а Висла вскрылась только въ началѣ марта. Такъ всегда бываетъ на широтѣ той части Польши, на коей происходили тогда военныя движенія. Для чего же приписывать отступленіе отъ начально избраннаго предначертанія опасности, которая будто бы угрожала намъ вслѣдствіе близкаго вскрытія Буга? Пользуясь вполнѣ правами главнокомандующаго, не отъ Дибича ли зависѣло дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится? Не обладалъ ли онъ полною волею слѣдовать по направленію, для него удобнѣйшему? Если прямой путь къ непріятелю представлялъ затрудненія, были пути и вправо и влѣво: ступай тѣмъ или другимъ, все хорошо, не ходи только тѣмъ, который ведетъ обратно въ Россію. Зачѣмъ же избирать кривой путь въ сношеніи съ правительствомъ? На это врядъ ли онъ имѣлъ разрѣшеніе. Но положимъ, что измѣненіе начальнаго предначертанія произошло отъ причины изъясненной въ разбираемомъ нами рапортѣ, и поспѣшность, употребленная для перехода на лѣвый берегъ Буга, основывалась на намѣреніи избѣжать всякаго значительнаго препятствія между нашей арміей и непріятельской, слѣдовательно новое предначертаніе ручалось въ быстрѣйшемъ достиженіи главныхъ непріятельскихъ силъ и скорѣйшей развязкѣ возникшихъ споровъ—генеральнымъ сраженіемъ. Всѣмъ извѣстно, что для такого рѣшительнаго удара

превосходство въ численной силѣ весьма не лишнее по той причинѣ, что съ гораздо большею вѣроятностью можно надѣяться на побѣду съ девяносто-восьми-тысячною, чѣмъ съ семидесяти-трехъ-тысячною массою при нападеніи ея на семидесяти-трехъ-тысячную. Сверхъ того, однимъ изъ непростительныхъ стратегическихъ проступковъ почитается движеніе арміи двумя путями противъ одного пути, между ними находящагося и занятаго непріятелемъ, особенно если эти два пути отдѣлены одинъ отъ другого естественными преградами, какъ напримѣръ: рѣками, озерами, болотами и проч. Для какого же предмета оставленъ былъ весь гренадерскій корпусъ князя Шаховского и отрядъ генерала Мандерштерна около Ломжи на ковенскомъ шоссе, лежащемъ на правомъ берегу Наревы, во время перехода главной нашей арміи на лѣвый берегъ Буга и при переносѣ ея дѣйствія на брестское шоссе, тѣмъ болѣе, что точка соединенія обоихъ шоссе была въ рукахъ непріятельской арміи, расположенной впереди сей точки не въ дальнемъ отъ нея разстояніи? Что мѣшало обратить и корпусъ этотъ, и отрядъ Мандерштерна вслѣдъ за нашей арміей, для которой войска эти составили бы резервъ и усилили бы ее чрезъ это 20000 человѣкъ и 72 орудіями, вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе очищенія ковенскаго пути опасаться непріятельскаго вторженія по немъ къ Вильнѣ? Но объ этомъ вторженіи непріятель не могъ имѣть тогда ни малѣйшаго помышленія, ибо рѣшился ли бы начальникъ польской арміи залетѣть всѣми силами за пятьсотъ верстъ отъ Варшавы при движеніи всей нашей арміи по брестскому шоссе къ столицѣ? Я увѣренъ, что если непріятелю и пришла мысль двинуться по сему направленію, то она явилась по той причинѣ, что онъ могъ увлечься желаніемъ истребить корпусъ, вчетверо слабѣйшій противъ польской арміи, который оставленъ былъ въ Ломжѣ на защиту этого пути и только лишь потому, что онъ былъ удаленъ отъ нашихъ главныхъ силъ. Слѣдовательно, этотъ корпусъ, вмѣсто того, чтобы охранять ковенское шоссе, служилъ только приманкою для польской арміи, съ которой онъ, по великому

превосходству ея въ силахъ, не могъ и полсутокъ бороться. Я предоставляю читателю судить, что произошло бы, если бъ, по разбитіи этого корпуса при Ломжѣ, непріятель, недовольствуясь симъ успѣхомъ, двинулся немедленно къ Бугу и далѣе въ тылъ арміи нашей, направляющейся къ Варшавѣ? Какое вліяніе возымѣло бы на духъ польской арміи и польской націи извѣстіе о разбитіи двадцати-тысячнаго корпуса нашего при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій? Въ какое положеніе это обстоятельство поставило бы Дибича, находившагося между вооруженною Варшавою, предмостнымъ Прагскимъ укрѣпленіемъ, Модлинской крѣпостью и польской арміей, устремляющейся на него съ тылу и могшей легко захватить всѣ его запасы, парки и резервы; кромѣ того, непріятель истребленіемъ гренадерскаго корпуса значительно бы возвысилъ этимъ нравственный духъ своихъ войскъ. Мнѣ скажутъ, что такое движеніе было бы чрезмѣрно отважно. Согласенъ, но такими только движеніями и пріобрѣтаются огромные успѣхи, спасаютъ отечества, живутъ въ потомствѣ. Размѣренныя, систематическія движенія заранѣе разсчитаны посредственностью и принаровлены къ мѣстности, какъ разводъ къ городской площади; всякій знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ, и куда итти, куда притти, и что каждому изъ фигурантовъ надлежитъ дѣлать. Но эти вспышки генія непредвидимы и неисчислимы по своимъ послѣдствіямъ, ибо онѣ не только поражаютъ духъ непріятельскихъ войскъ, но ошеломляютъ, отуманиваютъ главнаго начальника, ниспровергая всѣ его предначертанія; съ планами, съ обѣихъ сторонъ по канвѣ разчисленными и систематически размѣренными, кампанія можетъ продолжаться для обѣихъ сторонъ до изнеможенія силъ, какъ минуэтъ вѣка Людовика XIV, но нѣтъ такой глубоко обдуманной систематической кампаніи, которая была бы въ состояніи выдержать одного, а много двухъ движеній, подобныхъ тому, какое слѣдовало бы предпринять его сіятельству князю Михаилу Радзивиллу, при представленномъ выше распорядкѣ его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. И да не подумали бы, что подобнаго рода движенія никогда не были приведены въ

исполненіе. Кто усомнится въ этомъ, пусть раскроетъ описаніе кампаніи великаго Наполеона въ 1796 году въ Италіи. Пусть онъ взглянетъ на карту и представитъ себѣ Вислу—вмѣсто Адижа; польскую армію — вмѣсто французской арміи; Варшаву—вмѣсто Вероны; россійскую армію—вмѣсто австрійской; Дибича—вмѣсто Вурмзера; Радзивилла—вмѣсто Наполеона; дорогу, идущую отъ Бреста къ Варшавѣ — вмѣсто дороги, ведущей отъ Тревизы къ Веронѣ; Давидовича, расположеннаго при Трентѣ — вмѣсто Шаховского, расположеннаго при Ломжѣ; дорогу, идущую на Трентъ и далѣе къ Ботцену — вмѣсто ковенской дороги; движеніе Вурмзера отъ Бассано къ Веронѣ — вмѣсто движенія Дибича отъ Брокъ и Нуры къ Варшавѣ; разбитіе Наполеономъ Давидовича при Трентѣ — вмѣсто разбитія, угрожавшаго Шаховскому подъ Ломжою; движеніе отъ Трента по Саганской долинѣ (дорогѣ?) къ Бассано — вмѣсто движенія, которое Радзивиллъ долженъ былъ предпринять отъ Ломжи къ Бугу и за Бугъ въ тылъ Дибичу, послѣ разбитія Шаховского. Что же касается до движенія къ Вильнѣ малою частью арміи, то могло ли оно быть предпринято, тогда какъ все еще было спокойно въ Литвѣ, гвардейскій отрядъ находился въ окрестностяхъ Вильны и 2-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ около Минска? Да и какой сумасбродный полководецъ осмѣлился бы отдѣлять на второстепенное и весьма гадательное предпріятіе какую либо часть войскъ отъ массы, ожидающей съ часу-на-часъ рѣшительной борьбы съ подвигавшейся къ ней сосредоточенною непріятельскою арміею? Итакъ, мнѣ кажется, что не лишнее было бы Дибичу присоединить къ нашей главной арміи войска Шаховского и Мандерштерна.

12-го марта графъ Тиманъ и я прибыли въ главную квартиру, но Граббе насъ опередилъ сутками. Всѣ подняли меня на руки, прежде нежели я былъ допущенъ до высшихъ вождей. Генералъ-квартирмейстеръ Нейдгардтъ принялъ меня по-дружески. На другой день мы съ Тиманомъ представлялись фельдмаршалу, который, принявъ насъ въ кабинетѣ, очень обласкалъ меня и, говоря со мной, безпрестанно повторялъ:

„Денисъ Васильевичъ“. Онъ звалъ меня обѣдать и, посадивъ возлѣ себя, говорилъ много, шутилъ и подливалъ мнѣ и себѣ много вина, разспрашивалъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, съ которымъ онъ такъ благородно поступилъ въ Грузіи [1]).

Отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ:

„Я для васъ готовлю хорошее мѣсто и команду; подождите немного, завтра пріѣдетъ графъ Толь, мы съ нимъ объ этомъ потолкуемъ“.

На другой день, по пріѣздѣ Толя, я поспѣшилъ къ нему. Онъ, увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ и обнялъ съ слѣдующими словами: „Здравствуй, любезный и милый Денисъ, жду тебя сто лѣтъ, послужимъ вмѣстѣ, найду тебѣ дѣло, и славное“.

Въ тотъ же день за обѣдомъ фельдмаршала, возлѣ котораго сидѣлъ Толь, этотъ генералъ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ ему:

Ваше сіятельство, надо дать ему славное мѣсто, это давнишній мой другъ и пріятель съ самаго 1812 года.

„Да, да! непремѣнно, отвѣчалъ фельдмаршалъ, я васъ только дожидался“.

Въ мѣстечкѣ Шеницы, 15-го марта, я получилъ предписаніе главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, слѣдующаго содержанія:

«Господину генералъ-майору и кавалеру Давыдову.

«Съ полученія сего имѣете, ваше превосходительство, отправиться въ городъ Люблинъ, гдѣ явитесь къ генералъ-отъ-кавалеріи графу Витту, командиру отдѣльнаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ, и коему при семъ прилагается предписаніе, относительно вашего назначенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ родѣ летучаго отряда и составлять въ то же время и передовую стражу войска въ Люблинѣ и около сего города квартирующихъ. Ввѣряемый вамъ отрядъ состоитъ изъ казачьихъ полковъ: Катасанова, Платова и Кирѣева, имѣющіе въ подкрѣпленіи финляндскій драгунскій полкъ, расположенный нынѣ въ Красноставѣ,

---

[1]) За обѣдомъ графъ Дибичъ, вспоминая о Грузіи, говорилъ: «Каргановъ разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, которымъ совершенно овладѣлъ; онъ увѣрилъ его, что Ермоловъ посылалъ его подъ Елисаветполь на вѣрную гибель и что даже непремѣнно хочетъ отравить его». Когда я самъ заболѣлъ, входитъ ко мнѣ Каргановъ съ разстроеннымъ лицемъ и объявляетъ мнѣ по секрету, что онъ знаетъ навѣрное, что Ермоловъ отравилъ меня; но я закричалъ: «Вонъ отсюда, мерзавецъ!»

по дорогѣ отъ Люблина къ Замостью. Главная обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за движеніями мятежника Дверницкаго, находящагося нынѣ съ отрядомъ изъ 8000 или 10000 тысячъ человѣкъ въ сей крѣпости и ея окрестностяхъ.

«Предметъ его дѣйствій можетъ быть, съ переходомъ нашимъ за Вислу, сдѣлать поискъ къ Люблину, или партіями, стараясь взволновать край между Вепржомъ и Бугомъ, или наконецъ, оставя всю пѣхоту съ частью артиллеріи въ Замостьѣ, со всею кавалеріею (въ числѣ коей суть 5-й и 6-й эскадроны отъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерскихъ и 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уланскихъ полковъ и четырехъ полковъ кракусовъ, каждый въ три эскадрона, что̀ составляетъ всего двадцать-восемь эскадроновъ, выводящихъ въ строй не болѣе десяти рядовъ, или 2800 человѣкъ на конѣ), стараться изъ Замостья пробраться чрезъ Раховъ на лѣвый берегъ. Первы.. два предположенія менѣе вѣроподобны, паче если онъ узнаетъ, что въ Устилугѣ собраны довольно значительныя силы нашихъ войскъ, при коихъ есть и казачій полкъ Попова 3-го, въ Грибешовѣ расположенный и имѣющій повелѣніе открывать всѣ движенія мятежниковъ со стороны Замостья. Третій случай требуетъ большой бдительности, чтобы мятежники, скрывъ отъ васъ свои движенія, не успѣли бы въ превосходныхъ силахъ напасть на генерала барона Крейца, въ Урженедовѣ находящагося, и удаливъ его, пробраться на лѣвый берегъ Вислы. Извѣстная опытность вашего превосходительства укажетъ вамъ способы, какъ остеречь войска наши отъ внезапнаго непріятельскаго появленія, а между тѣмъ и средства къ безпрестанному его безпокойству, дѣлая на него частые поиски. Для сего необходимо нужно вамъ быть въ весьма тѣсной связи съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Крейцомъ, у коего состоять вамъ въ прямой зависимости и ежедневно доносить о происходящемъ какъ къ нему въ Урженедово, такъ и графу Витту въ городъ Люблинъ, дабы на случай движенія Дверницкаго на генерала барона Крейца, могли бы вы сблизиться къ нему и соединенно нанести превосходствомъ вашихъ силъ мятежнику пораженіе. Также нужно будетъ сохранять отъ времени до времени сношеніе и съ Устилугомъ, съ командиромъ тамошнихъ войскъ генералъ-майоромъ Лошкаревымъ». Генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

№ 1141. 15-го марта 1831. М. Шеницы.

Извѣстно, что въ это время фельдмаршалъ готовился къ переходу чрезъ Вислу. Онъ для сего избралъ мѣсто между рѣкою Вепржою и Прагою, противъ мѣстечка Рыки, гдѣ приготовлены были всѣ нужные матеріалы для построенія мостовъ въ нѣсколько часовъ времени. Изъ размѣщенія войскъ ясно видно, что для прикрытія главныхъ силъ арміи во время ихъ переправы, фельдмаршалъ оставилъ вправо отъ нихъ 6-й пѣхотный корпусъ генерала Розена у Дембевельке, на шоссе, идущемъ изъ Варшавы къ Бресту-Литовскому и влѣво сводный корпусъ генерала Крейца въ Люблинскомъ воеводствѣ [1]); изъ

---

[1]) Въ инструкціи упомянуто о генералѣ графѣ Виттѣ, но графъ Виттъ въ день пріѣзда моего въ Люблинъ, то-есть, 2-го марта, получилъ повелѣніе:

корпуса Розена отрядъ подъ командою генерала Гейсмара поставленъ былъ въ Милоснѣ для наблюденія за непріятельской арміей, занимавшей Варшаву, а аванпосты отряда сего у самой прагской заставы. Изъ корпуса Крейца отрядъ, подъ моимъ командованіемъ, поставленъ былъ въ Красноставѣ для надзора за корпусомъ Дверницкаго, находившимся подъ Замостьемъ и въ окрестностяхъ сей крѣпости. Изъ этого явствуетъ, что важнѣйшія обязанности того времени лежали на Гейсмарѣ и на мнѣ, ибо мы были истинными очами главной арміи.

Мы должны были неотлучно находиться съ глазу на глазъ съ непріятелемъ и извѣщать о малѣйшемъ его движеніи, которое могло быть намъ опаснымъ во время нашего движенія.

Сверхъ того, какъ видно изъ сей инструкціи, намъ надлежало и послѣ переправы арміи продолжать наблюденія наши за тѣмъ же непріятелемъ для воспрепятствованія ему возбуждать волненія и возстанія въ краю, лежащемъ между Вислою и Бугомъ.

Кто не сознается, что для достиженія цѣли, для коей составлены были отряды наши, необходимо слѣдовало оставить насъ независимыми: Гейсмара отъ Розена, а меня отъ Крейца, ограничивъ отношенія наши къ Розену и Крейцу одними частными извѣщеніями о происходящемъ? Безъ этого невозможно было бы имѣть вѣрное наблюденіе, ибо отъ непосредственной подчиненности Гейсмара—Розену, а меня—Крейцу, начальники наши могли, по неосновательнымъ извѣстіямъ жителей или лазутчиковъ, перемѣщать насъ,—Гейсмара къ Модлину или къ Оссеку, а меня къ Рахову или къ Хелму и отвлекать насъ отъ главнаго предмета, указаннаго Дибичемъ, куда и когда имъ заблагоразсудится, къ предметамъ, быть-можетъ, ложнымъ или мечтательнымъ. Гейсмару и мнѣ, при независимомъ положеніи, представлялась только одна обязанность: ему—стоять у Праги и наблюдать непріятельскую армію у главнаго ея выхода; мнѣ—стоять у Красностава и наблюдать за

поступить обратно въ составъ главной арміи съ большею частію своего корпуса и усилить нѣсколькими полками корпусъ Крейца, заступившій его мѣсто въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Дверницкимъ, расположеннымъ у Замостья; намъ обоимъ надлежало немедленно извѣщать о малѣйшемъ движеніи находившихся противъ насъ войскъ, какъ главную армію, такъ и Гейсмару—Розена, а мнѣ—Крейца.

Въ выше представленной мною инструкціи я не безъ намѣренія подчеркнулъ двѣ статьи, одна другую уничтожающія. Первую ту, въ которой излагается весь духъ даннаго мнѣ порученія, то-есть, надзоръ за движеніями Дверницкаго, а вторую—подчиненность моя Крейцу. Къ чему же столь подробное наставленіе чиновнику, коего другой, старшій ему чиновникъ, могъ однимъ словомъ отвлечь отъ предмета ему указаннаго и чрезъ то разстроить всѣ виды главнокомандующаго, изложенные въ сей бумагѣ? Не лучше ли было бы прямо и просто сказать: „Ваше превосходительство подчиняетесь генералу барону Крейцу, отъ коего получите всѣ нужныя наставленія". И все тутъ. По крайней мѣрѣ чрезъ то главный штабъ арміи избавился бы и отъ потери времени на сочиненіе мнѣ инструкціи и отъ лишняго расхода чернилъ и бумаги.

Эта зависимость Гейсмара отъ Розена, а моя отъ Крейца, произошла не отъ сомнѣнія въ точномъ исполненіи Гейсмаромъ и мною данныхъ намъ порученій, ибо въ такомъ случаѣ избрали бы не насъ, а другихъ,—а единственно отъ педантическаго сохраненія правъ чиноначалія. Главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобы Гейсмаръ [1]), командовавшій частью войскъ, отдѣленныхъ отъ 6-го пѣхотнаго корпуса, и имѣвшій вблизи себя этотъ корпусъ, находился въ непосредственной подчиненности у корпуснаго командира. Та же мысль господствовала и при составленіи моей инструкціи.

Будучи солдатомъ тридцать-два года сряду, я не возсталъ противъ святого долга подчиненія младшаго старшему; но, изучивъ ремесло свое и вникнувъ въ него, по мѣрѣ способностей, дарованныхъ мнѣ природою, я думаю, что есть

---

[1]) Генералъ баронъ Гейсмаръ, непоказывавшійся своимъ войскамъ часто въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, обнаружилъ въ польской войнѣ замѣчательную неспособность; блистательнымъ успѣхомъ своимъ въ войнѣ съ турками, въ 1828 году, онъ былъ исключительно обязанъ отличнымъ распоряженіямъ своего начальника штаба, полковника Граббе.

случаи, въ которыхъ главному начальнику необходимо преступать за черту обыкновенія. Это необходимо надо было сдѣлать, въ особенности для начальника отряда, указавшаго еще въ 1812 году на пользу партизановъ, коихъ обязанности должны быть чужды вліянія всякаго надъ ними начальства, исключая главнаго.

Въ строгомъ смыслѣ зависимость Гейсмара могла быть еще нѣсколько допущена, такъ какъ корпусъ Розена, главная армія и корпусъ Крейца стояли по одному протяженію и обращены были лицемъ къ общему имъ направленію, имѣя каждая изъ этихъ трехъ частей собственно принадлежащій ей авангардъ, и однимъ изъ нихъ могъ почитаться отрядъ Гейсмара. Но Дверницкій около Замостья былъ совершенно отдѣленъ отъ польской арміи, занимавшей Варшаву, слѣдовательно, и отрядъ мой, назначенный для наблюденія за нимъ, долженъ былъ быть, подобно ему, отдѣленъ отъ нашей арміи, которая, какъ и главная непріятельская, были расположены за Вислой. Послѣ этого, само собой разумѣется, что отряду этому ни подъ именемъ авангарда, ни подъ какимъ либо другимъ именемъ и предлогомъ не слѣдовало принадлежать корпусу Крейца. Этотъ корпусъ, подобно корпусу Розена, находясь въ составѣ главной арміи, былъ подчиненъ общей системѣ дѣйствія и составлялъ отдѣльное лѣвое, какъ корпусъ Розена отдѣльное правое крыло главныхъ силъ нашихъ, обращенныхъ лицемъ къ Вислѣ, то-есть, въ сторону, почти противоположную той, къ коей обращенъ былъ мой отрядъ, занимавшій Красноставъ и наблюдавшій Дверницкаго, стоявшаго около Замостья.

Стоитъ только бросить взглядъ на карту и вспомнить размѣщеніе войскъ нашихъ въ то время, чтобы удостовѣриться, что истинный авангардъ Крейца находился между рѣкою Вепржою и Юзефова, подъ командой генерала Пашкова. Авангардъ же главной арміи, выступившей тогда изъ Шеницы чрезъ Желиховъ къ Рыки, охранялъ правый берегъ Вислы, упираясь въ Вепржу, а авангардъ Розена подъ командою Гейсмара стоялъ предъ Прагою. Польза независимости моего отряда и

неудобство подчиненности, которою его оковали, окажутся въ своемъ мѣстѣ.

Достойно замѣчанія и то, что въ сей инструкціи изложены только три предположенія: первое, предпріятіе Дверницкаго между Вепржой и Бугомъ на Брестъ-Литовскъ; второе, движеніе его къ Люблину въ тылъ корпуса Крейца, расположеннаго около Уржендова, и третье, движеніе чрезъ Раховъ на Вислу для соединенія съ главною польскою арміею; но ни слова не было сказано о возможности вторженія его въ Волынь и далѣе, что̀ однако не могло не бросаться въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли ручались въ этомъ вторженіи: во-первыхъ, удобство положенія Замостья, подъ пушками котораго находился корпусъ Дверницкаго; во-вторыхъ, обнаженіе отъ войскъ нашихъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній. (Хотя изъ инструкціи и видно, что въ Устилугѣ стоялъ генералъ-майоръ Лошкаревъ, но онъ командовалъ только слабымъ отрядомъ, подкрѣпленнымъ сводным корпусомъ генерала Ридигера, весьма еще малочисленнымъ по случаю неприбытія всѣхъ войскъ, въ составъ его назначенныхъ. Онъ былъ, слѣдовательно, весьма недостаточенъ для отраженія десяти-тысячнаго корпуса Дверницкаго, привыкшаго одерживать успѣхи и составленнаго изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи); въ третьихъ, естественная невозможность царства Польскаго продолжать борьбу съ Россіею, безъ распространенія мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что не иначе можно было привести въ дѣйствіе, какъ посредствомъ войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи мятежниковъ, — и наконецъ, въ четвертыхъ, духъ вражды ко всему русскому, господствовавшій искони во всѣхъ польско-россійскихъ губерніяхъ, со времени возстанія царства, успѣховъ нашихъ подъ Милосной и Гроховымъ, коими главнокомандующій нашъ не умѣлъ воспользоваться, и также частныхъ пораженій, нанесенныхъ Дверницкимъ Гейсмару и Крейцу, преувеличенныхъ недоброжелателями Россіи. Если бы Дверницкій, по переправѣ чрезъ Вислу въ Пулавѣ и по изгнаніи Крейца изъ Люблина въ исходѣ февраля, ограничился занятіемъ сего центральнаго

пункта южной части театра войны, тогда не было бы возможности предусмотрѣть вторженія его въ Волынь. Все, что можно было бы предвидѣть—это набѣги его изъ Люблина къ Сѣдлецу или къ Бялѣ, то-есть, на путь сообщенія нашей арміи съ Брестомъ или на лѣвый флангъ оной во время расположенія ея около Шеницы, Парчова, Литовичи и Сточека, или быстрое отступленіе его обратно за сію рѣку (находившуюся отъ него на разстояніи одного сильнаго суточнаго перехода), въ случаѣ движенія на него части арміи нашей изъ-за Вепржа. Но когда по занятіи Люблина, по вскрытіи Вислы, при неимѣніи ни моста, ни пароновъ на сей рѣкѣ, Дверницкій, оставивъ городъ сей, двинулся къ Замостью, тогда не трудно было, видя, что онъ совершенно отдѣляется отъ главной польской арміи, постичь истинное его направленіе, долженствовавшее непремѣнно простираться гораздо далѣе этой крѣпости; можно было отгадать, что предметъ, имъ избранный, есть Волынская губернія; ибо какой, мало-мальски понимающій ремесло свое, начальникъ рѣшится предать въ руки непріятеля кратчайшее, и, можно сказать, единственное сообщеніе свое съ главною арміею, коей онъ принадлежитъ, для того только, чтобы поглядѣть на крѣпость, вовсе въ немъ ненуждавшуюся ни для усиленія своего гарнизона, ни для снабженія себя оружіемъ; напротивъ, прибытіе туда новыхъ силъ должно было уменьшить средства пропитанія, получаемыя ею изъ окрестностей?

Не взирая на то, весьма ясно видно, что нашъ главнокомандующій не только не постигъ возможности сего вторженія, но и первыя два предположенія, болѣе третьяго съ онымъ сходныя по своему наступательному свойству, бросилъ въ данную мнѣ инструкцію такъ, par acquit de conscience, чтобы не совсѣмъ быть грѣшнымъ предъ алкораномъ нѣмецкой методики. Главное вниманіе обращено было на прегражденіе Дверницкому обратнаго отступленія за Вислу.

Вотъ для чего и помѣщенъ былъ одинъ изъ полковъ моихъ въ Желкевкѣ и въ Высокомъ, съ повелѣніемъ ему дѣлать разъѣзды за Щербжечинъ и Франполь; вотъ для чего

и помѣщенъ былъ корпусъ Крейца не въ Люблинѣ, а въ Урждовѣ, ближе къ пути отступленія Дверницкаго, о чемъ онъ не гадалъ и не думалъ.

Мнѣ слѣдовало бы выѣхать изъ Шеницы немедленно по полученіи инструкціи. Уже товарищи мои, Граббе и графъ Тиманъ, разъѣхались по мѣстамъ имъ назначеннымъ. Первый—на второй день по пріѣздѣ нашемъ въ первый пѣхотный корпусъ, гдѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба; послѣдній—на третій день, въ отрядъ Гейсмана бригаднымъ командиромъ конно-егерскихъ полковъ тираспольскаго и арзамасскаго. Нѣкоторыя, лично до меня касавшіяся, обстоятельства задержали меня, и я противъ воли долженъ былъ остаться въ Шеницѣ до 16-го числа.

Независимо отъ моего одиночества, главная квартира сама собою мнѣ смертельно надоѣла! Въ теченіе службы моей я никогда не служилъ при главныхъ квартирахъ, но случалось мнѣ быть присылаему туда или съ извѣстіями, или за приказаніями отъ князя Петра Ивановича Багратіона, безсмѣннаго начальника авангардовъ нашихъ армій во время войнъ Наполеоновскихъ, у коего я имѣлъ честь и счастіе быть адъютантомъ пять лѣтъ сряду. Впослѣдствіи, командуя самъ отдѣльными частями, я былъ туда призываемъ для доставленія свѣдѣній о непріятелѣ и полученія секретныхъ приказаній для внезапныхъ на него нападеній. Я помню главную квартиру Беннингсена въ 1806 и 1707 годахъ въ восточной Пруссіи; я помню главную квартиру графа Каменскаго въ Турціи; я помню главную квартиру нашего Кутузова въ великій годъ войны Отечественной, не говорю уже о главныхъ квартирахъ Шварценберга и императора Александра въ 1813 и 1814 годахъ. Какое многолюдство, какая роскошь, какія веселости всякаго рода! Это были подвижныя столицы со всѣми ихъ очарованіями! Было гдѣ нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивуакахъ, обмыть пахнувшіе порохомъ усы въ бокалахъ шампанскаго, натѣшиться разговорами и обмѣномъ остроумія въ любезнѣйшихъ обществахъ, напитаться свѣжими политическими новостями и

отдохнуть отъ всечаснаго: „кто идетъ?“ „садись!“ и отъ безпрерывныхъ разспросовъ: „гдѣ непріятель? сколько?... пѣхота или конница?... есть ли пушки?...“ и проч.

Но въ этой войнѣ главная квартира напоминала колонію квакеровъ или обитель траппистовъ. Конечно, я не могъ жаловаться за себя; фельдмаршалъ удостоилъ меня отлично благосклоннымъ пріемомъ. Сверхъ того и начальникъ главнаго штаба, по пріѣздѣ своемъ изъ Люблина, обошелся со мною, можно сказать, совершенно по-дружески, за что я обоимъ имъ душевно благодаренъ; но справедливость не дозволяетъ умолчать, что какъ для меня, такъ и для другихъ ничего не было утомительнѣе сей печальной, педантической, аккуратной въ распредѣленіи времени главной квартиры, гдѣ видимо преобладала крайняя нерѣшительность. Въ ней все наводило истинную тоску и грусть. Пустота на улицахъ, нигдѣ пяти человѣкъ вмѣстѣ, кромѣ караула главнокомандующаго или такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей! Сіи послѣдніе, то отправлявшіеся безмолвно въ канцеляріи, то отсюда къ фельдмаршалу, представляли собой какъ бы процессію церковнаго причета, ходящаго съ запасными дарами къ лежащему на смертномъ одрѣ грѣшнику. Имъ недоставало только продолжительнаго колокольнаго звона и псалмопѣнія; а квартира фельдмаршала, подобно святынѣ, не иначе была доступна для насъ какъ во время скуднаго и скучнаго его обѣда. Все это хорошо для стяжанія царства небеснаго, но не для покоренія царства Польскаго! Русской арміи необходима блистательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но побѣдная [1]), подобно Суворовской. Если гдѣ-нибудь можно извлечь какую-нибудь пользу изъ веселыхъ и любезныхъ, но ни къ какому дѣлу неприкладныхъ тунеядцевъ, то это въ русскихъ главныхъ квартирахъ, откуда громъ музыки и разливной хохотъ молодежи должны были всюду распространяться; сколько я примѣтилъ, что это всегда повторяется во всѣхъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ штабахъ, а это рож

---

[1]) Слово самого Суворова.

даетъ то расположеніе духа въ войскахъ, которое есть залогъ успѣха; разумѣется, это только тогда, когда при веселости, возбуждающей бодрость въ массахъ, мы видимъ въ главной квартирѣ и глубоко обдуманныя предпріятія, и быстрое, неизмѣнное исполненіе единожды избраннаго намѣренія.

Независимо отъ сего унынія, подавлявшаго нашу главную квартиру, надо признаться, что наружность фельдмаршала много вредила ея важности и блеску.

Безразсудно было бы требовать отъ военачальника—чертъ Аполлона, кудрей Антиноя, или стана Потемкина, Румянцова и Ермолова. Физическое сложеніе не во власти человѣка, да и къ чему оно? Не гремѣли ли славою и хромые Агезилаи, и горбатые Люксембурги, и рыжіе Лаудоны? Но можно, должно и во власти Дибича было озаботиться, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ приличіи въ одеждѣ и осанкѣ и нѣкоторой необходимой опрятности. Неужели помѣшало бы его важнымъ занятіямъ нѣсколько пригоршней воды, брошенной на лице грязное, и нѣсколько причесокъ головы сальной и всклокоченной? Онъ, какъ говорили приверженцы его, былъ выше этого мелочного дѣла; но имѣлъ ли онъ право такъ презирать всѣ эти мелочи, когда самъ великій Суворовъ тщательно наблюдалъ за чистотой одежды и бѣлья, имъ носимыхъ? Вообразите себѣ человѣка низенькаго, толстенькаго, съ опухлою и воспаленною физіономіею, небритаго, немытаго, съ рыжими, нечесанными волосами, падающими почти до плечъ, какъ у майниста, въ запачканномъ сертукѣ безъ эполетъ; все это было приправлено какими-то застѣнчивыми и порывистыми ужимками, ухватками и пріемами, означающими ничтожнаго выскочку, обязаннаго своимъ повышеніемъ лишь слѣпой фортунѣ; онъ ежеминутно озирался изподлобья и наискось, не возбуждаетъ ли онъ насмѣшливыхъ улыбокъ или взглядовъ людей, его окружающихъ.

Такимъ я видѣлъ Дибича въ Шеницѣ. Странность тѣлодвиженій, безобразіе и неопрятность его простирались до того, что самое ласковое обхожденіе его, самая благосклонность его ко мнѣ, разговоры, сужденія, шутки, часто остроумныя, пріят-

ныя и веселыя, не имѣли силы побѣдить отвращенія къ нему присутствовавшихъ. Я не знаю, что происходило въ душѣ другихъ при видѣ Дибича, но что касается до меня, то я не преставалъ напрягать мысли мои, чтобы убѣдить себя въ томъ, что подъ сею неблаговидною оболочкою скрываются превосходные таланты и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно былъ смущаемъ безотчетнымъ инстинктомъ, говорящимъ мнѣ: что я самъ себя обманываю, что Дибичъ не на своемъ мѣстѣ и что мы съ нимъ ничего славнаго не предпримемъ и не сдѣлаемъ. Сверхъ того, жестоко терпѣла во мнѣ и гордость россіанина, когда приходили къ нему обѣдать находившіеся при его особѣ комиссары дружественныхъ съ Россіею дворовъ, австрійскаго и прусскаго [1]). Стыдъ выступалъ огненными вспышками на грустное лице мое, и я невольно переносился мыслями въ прошедшее.

Я вспомнилъ Беннингсена, длиннаго и возвышавшагося надъ полками — какъ знамя, холоднаго — какъ статуя командора въ Донъ-Жуанѣ, но ласковаго безъ короткости, благороднаго въ рѣчахъ и въ положеніяхъ тѣла, вопреки огромнаго своего роста, одареннаго тою степенностью, которая пріобрѣтается чрезъ долговременное начальствованіе, и словомъ, по обращенію съ подчиненными, истиннаго вождя вождей сильной арміи.

Я вспомнилъ умнаго, злаго, вулканическаго Каменскаго, вполнѣ понимавшаго великолѣпное подножіе, на которое онъ былъ возведенъ судьбою тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду.

Я вспомнилъ нашего Ахилла Наполеоновскихъ войнъ, моего Багратіона, его горделивую поступь, его орлиный взглядъ, его геройскую осанку, то магическое господствованіе надъ умами людей, превышавшихъ его въ учености, и наконецъ, тотъ рѣдкій даръ сохранять въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ ними преимущество первенствующаго лица, безъ оскорбленія ничьей гордости, ничьего самолюбія.

Я вспомнилъ скромнаго, важнаго, величественнаго Барклая, какъ будто привыкшаго съ самыхъ пеленъ начальство-

---

[1]) Австрійскій—графъ Кобога, прусскій—полковникъ Каницъ, человѣкъ весьма умный.

вать и повелѣвать, тогда какъ за пять лѣтъ до достиженія имъ званія главнокомандующаго, я самъ видѣлъ его генералъ-майоромъ, вытягивающимся предъ Багратіономъ, дававшимъ ему приказанія.

Я уже не говорю о Кутузовѣ; пятидесяти-лѣтняя репутація сего умнѣйшаго, тончайшаго, просвѣщеннѣйшаго и любезнѣйшаго собесѣдника блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ и обществъ, полномочное посольство при Екатеринѣ и Отечественный 1812 годъ, суть достаточныя мѣрила глубокой и вѣрной оцѣнки имъ людей и искусства владычествовать надъ ними всѣми родами очарованія.

Я невольно, наконецъ, вспомнилъ и объ Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ онъ хотя и не носилъ званія главнокомандующаго, но былъ имъ на дѣлѣ; его величавая осанка, классическія черты лица, глаза, исполненные жизни и огня, не могли не плѣнить войскъ и жителей сего края. Неуклонная справедливость при большой строгости, рѣдкое безкорыстіе, обширныя свѣдѣнія, особенно по части военнаго искусства, замѣчательный даръ слова и въ особенности ласковое и вѣжливое со всѣми обращеніе — стяжали ему удивленіе, любовь и привязанность войска и горцевъ, трепетавшихъ при его имени. Бывшій митрополитъ Грузіи Ѳеофилактъ, одаренный замѣчательнымъ умомъ, въ донесеніяхъ своихъ министру духовныхъ дѣлъ, называлъ его мудрымъ правителемъ Грузіи; графъ Каподистрія, въ письмахъ своихъ къ нему называлъ его всегда âme antique. Ермоловъ съ ничтожными средствами упрочилъ владычество русскихъ въ этомъ краѣ, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность и торговлю, открылъ новые источники доходовъ, создалъ новыя военныя дороги, воздвигъ укрѣпленія на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ; наконецъ, построилъ столицу тамъ, гдѣ были лишь куча саклей и два караванъ-сарая. И все это совершено было съ примѣрнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса; рѣдко проходили года, чтобы онъ не представилъ одинъ или два милліона экономіи; самый госпиталь и комиссаріатское зданіе Тифлиса построены были на счетъ оставшейся

послѣ посольства его въ Персію суммы, которую онъ имѣлъ полное право удержать у себя. Но главный его подвигъ состоитъ въ преобразованіи духа командуемыхъ имъ войскъ; подъ его начальствомъ каждый солдатъ становился героемъ, готовымъ итти въ адъ по гласу обожаемаго вождя. Горько было ему быть съ безчестьемъ изгнану съ поприща своихъ славныхъ подвиговъ. Удаленіе его со служебнаго поприща, надолго лишивъ Россію отлично умнаго, просвѣщеннаго, энергическаго и безкорыстнаго слуги, есть ничѣмъ неизгладимое пятно на памяти времени, въ которое постоянно выдвигаются лишь ничтожные, корыстолюбивые, бездарные и невѣжественные льстецы.

Ермоловъ, называемый въ Петербургѣ проконсуломъ Грузіи, никогда не пользовался благоволеніемъ государя императора Николая Павловича, почитавшаго его человѣкомъ опаснымъ, по своему либеральному образу мыслей. Онъ возъимѣлъ о немъ это мнѣніе съ самаго 1815 года. При вступленіи въ Парижъ одной дивизіи гренадерскаго корпуса, которымъ командовалъ Ермоловъ, императоръ Александръ остался недоволенъ фронтовымъ образованіемъ одного изъ полковъ этой дивизіи, вслѣдствіе чего послѣдовало высочайшее повелѣніе посадить трехъ штабъ-офицеровъ на гауптвахты, занятыя въ тотъ день англійскими войсками. Ермоловъ горячо заступился за нихъ, говоря, что если они заслуживаютъ наказанія, то ихъ приличнѣе арестовать въ собственныхъ казармахъ, но не слѣдуетъ срамить трехъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ въ глазахъ чужеземцевъ; „такимъ образомъ, сказалъ онъ, нельзя пріобрѣсти любви и расположенія войска“. Государь остался непреклоненъ. Ермоловъ, не исполнивъ высочайшаго повелѣнія, отправился въ театръ, куда прибылъ адъютантъ князя П. М. Волконскаго—Чебышевъ съ приказаніемъ тотчасъ арестовать виновныхъ. Встрѣтивъ тамъ великаго князя Николая Павловича, Ермоловъ сказалъ ему: „Я имѣлъ несчастіе подвергнуться гнѣву его величества. Государь властенъ посадить насъ въ крѣпость, сослать въ Сибирь, но онъ не долженъ ронять храбрую армію въ глазахъ чужеземцевъ. Гренадеры прибыли

сюда не для парадовъ, но для спасенія отечества и Европы“. Слова эти, столь неблагопріятно отозвавшіяся для Ермолова чрезъ десять лѣтъ, были вѣроятно переданы государю, потому что онъ приказалъ приготовить въ занимаемомъ имъ дворцѣ Elysée Bourbon три кровати для арестованныхъ. Великій князь Николай Павловичъ сказалъ однажды покойному императору, что этотъ самостоятельный и энергическій начальникъ на границѣ государства весьма неблагонадеженъ. Но государь возразилъ на это: „Я хорошо знаю Ермолова, онъ слишкомъ полезенъ и безкорыстенъ, чтобы я могъ чего-либо опасаться“.

Событіе 14-го декабря не могло не имѣть огромнаго вліянія на Ермолова, который получилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ нынѣшняго государя близъ станицы Червленной, гдѣ онъ находился съ отрядомъ. Находясь среди раскольниковъ безпоповщинскаго толка, онъ долго не могъ быть приведенъ къ присягѣ. Благочинный, не получая на этотъ счетъ никакого предписанія отъ своего епархіальнаго архіерея, находившагося въ Астрахани, затруднялся приведеніемъ къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что войска только-что присягнули великому князю Константину Павловичу. Войска и начальники присягнули великому князю Константину Павловичу съ замѣтною радостію, почитая его представителемъ русской партіи..... Въ Петербургѣ, гдѣ довольно долго не получали изъ Грузіи присяжнаго листа, возникли опасенія, преувеличенныя многочисленными врагами Ермолова, пользовавшагося въ то время во всей русской арміи громадной репутаціей. Утверждали, что Ермоловъ съ войскомъ спѣшитъ въ Петербургъ для провозглашенія императоромъ великаго князя Константина Павловича..Однажды, на выходѣ во дворцѣ, австрійскій посолъ эрцгерцогъ Фердинандъ-Эсте спросилъ великаго князя Михаила Павловича.

Quelle nouvelle a-t-on de Géorgie? serait-il vrai, que le général Ermoloff et son armée soient en marche sur Pétersbourg?

Великій князь, смѣясь, отвѣчалъ громко: „Подождемъ немного его прибытія сюда, и тогда онъ самъ разъяснитъ намъ все дѣло“.

Между тѣмъ государь и императрица посылали по нѣскольку разъ въ день освѣдомляться о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи. Враги Ермолова, ненавидѣвшіе его за его острый языкъ, безкорыстіе и безграничную преданность къ нему войска, окончательно возстановили противъ него государя. Его величество сталъ его почитать опаснымъ либераломъ, безбожникомъ, безчеловѣчнымъ и горькимъ пьяницей, хотя многимъ извѣстно, что онъ всегда былъ весьма воздерженъ въ употребленіи вина. Вскорѣ прибылъ нетерпѣливо ожидаемый фельдъегерь съ присяжнымъ листомъ; императрица, извѣстясь о томъ, перекрестилась отъ удовольствія. Государь благодарилъ Ермолова письмомъ за принесеніе присяги. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го августа 1826 года, онъ даже писалъ ему:

„Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ“ и т. д. Прибывшій изъ Грузіи фельдъегерь былъ званъ во всѣ значительные дома Петербурга, всѣ любопытствовали знать подробности о присягѣ Ермолова. Выведенный изъ терпѣнія частыми вопросами, онъ имѣлъ неосторожность сказать: „Алексѣй Петровичъ такъ боготворимъ въ Грузіи, что если бы онъ велѣлъ присягнуть персидскому шаху всѣ бы тотчасъ это сдѣлали“. Въ награду за это изреченіе онъ совершилъ путешествіе въ Якутскъ. Враги Ермолова пользовались всякимъ случаемъ, чтобы усилить недовѣріе къ нему государя; воспрещено было даже посылать Ермолову медаль, выбитую въ память коронаціи и обыкновенно разсылаемую особамъ первыхъ трехъ классовъ.

Отправляя Паскевича въ Грузію, государь писалъ, между прочимъ, Ермолову отъ 10-го августа 1826 года: „Этотъ бывшій начальникъ мой пользуется всею моею довѣренностью; онъ лично можетъ вамъ объяснить все то, что по краткости времени и по безъизвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, даю я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнитъ

всегда всѣ, ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостью. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ найчаще". Такимъ образомъ генералъ Паскевичъ началъ свое военное поприще въ новое царствованіе.........

Прибывъ въ Грузію, Паскевичъ предложилъ Ермолову свое посредничество для донесенія государю, но, глубоко оскорбленный, Ермоловъ отвѣчалъ: „Я въ посредникахъ до сихъ поръ не нуждался, а прошу васъ исполнять лишь мои приказанія". Видя явное неблаговоленіе и недовѣріе къ себѣ государя, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ написать государю слѣдующее письмо отъ 3-го марта 1827 года:

„Ваше императорское величество! Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего величества, я чувствую, сколь много безпокоитъ ваше величество мысль, что при настоящихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, лишенному, по мнѣнію вашему, способностей и дѣятельности. Сей недостатокъ довѣренности вашего величества поставляетъ меня въ положеніе весьма затруднительное. Вашему величеству угодно предполагать, что я не одаренъ рѣшительностью, хотя не безъизвѣстно никому, что мнѣ природа въ оной не отказала, а потому дѣятельность моя невольно охлаждается при мысли, что я никогда не заслужу довѣренности вашего величества, столь необходимой главному начальнику войскъ и края. Въ этихъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности быть полезнымъ для службы моего отечества, я почти вынужденъ желать увольненія отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не должно приписать того намѣренію уклониться отъ войны ничтожной.

„Устраняя всѣ личныя выгоды и разсчеты, я всеподданнѣйше осмѣлюсь представить вашему величеству эту мѣру, если только она согласна съ общей пользой, которая одна въ теченіе всего моего служебнаго поприща руководила моими дѣйствіями и проч. Ермоловъ".

По прибытіи въ Грузію барона Дибича, Ермоловъ, опровергнувъ по пунктамъ весь доносъ Паскевича, написалъ барону слѣдующее письмо:

„Милостивый государь! Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку, заключающую въ себѣ фальшивые доносы о злоупотребленіяхъ, будто бы совершонныхъ мною во время моего командованія Грузіею. Въ нихъ не упоминаются источники, изъ которыхъ почерпнуты всѣ эти гнусныя клеветы; нѣтъ основательныхъ доказательствъ, которыя убѣждали бы въ справедливости этихъ показаній, и вамъ не угодно было выставить имя негоднаго доносчика, который, впрочемъ, слишкомъ извѣстенъ. Такъ какъ все въ нихъ упомянутое легко быть можетъ опровергнуто, я, не желая молчаніемъ дать новый поводъ къ выдумкамъ еще болѣе гнуснымъ и нелѣпымъ, которымъ въ Петербургѣ такъ охотно и слѣпо вѣрятъ, сдѣлалъ противъ каждаго изъ семи пунктовъ свои возраженія. Не признавая въ себѣ дара всевѣдѣнія, я потому не могу утверждать, чтобы во все десяти-лѣтнее управленіе мое Грузіей не сдѣлано было съ моей стороны какихъ либо неумышленныхъ упущеній и ошибокъ; человѣку слишкомъ свойственно ошибаться, а потому я, подобно прочимъ смертнымъ, чистосердечно каюсь, что въ теченіе моего служебнаго поприща я не разъ весьма грубо ошибался. Но слишкомъ тридцати-пяти-лѣтнее мое служеніе, въ продолженіи котораго я никогда не былъ руководимъ личными и корыстолюбивыми выгодами, служить можетъ ручательствомъ въ томъ, что я вовсе не способенъ на дѣла, въ которыхъ доносчику меня обвинить было угодно. Одна ожесточенная злоба и низкая зависть могли изобрѣсти преступленія, несовмѣстныя съ моимъ характеромъ. Я слишкомъ уважаю самого себя, чтобы унизиться до оправданія; но прошу ваше высокопревосходительство произвести строжайшее слѣдствіе, подвергнувъ примѣрному наказанію виновныхъ, хотя бы въ числѣ ихъ я самъ могъ находиться. Я спокойно буду ожидать суда, который обнаружитъ неосновательность взводимыхъ на меня обвиненій и имя гнуснаго клеветника, которому самый правдивый и непогрѣши-

тельный Петербургъ не долженъ будетъ отказать на сей разъ въ полномъ презрѣніи. Грустно думать, что лица, которымъ, по своему высокому положенію въ мірѣ, знаніе истины должно бы быть наиболѣе священно и драгоцѣнно, съ видимою радостью вѣрятъ показаніямъ всякаго негодяя; я не могу ихъ уважать и дорожить ихъ мнѣніемъ, которое обнаруживаетъ или нелюбовь къ истинѣ и злонамѣренное противъ меня предубѣжденіе, или жалкое тупоуміе. Вамъ легко убѣдиться, что не любовь къ истинѣ руководила доносчикомъ, который долженъ былъ бы въ противномъ случаѣ обнаружить злоупотребленія ранѣе. Истина всегда можетъ достигнуть престола монарха, умѣющаго вникать въ нужды своихъ подданныхъ, благу которыхъ онъ обязанъ посвящать всю свою дѣятельность“.

Ермоловъ былъ вызванъ и имя его не встрѣчается ни на одномъ изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ воспоминаніе подвиговъ, совершенныхъ русской арміей и гвардіей въ 1812, 1813 и 1814 годахъ. Одинъ изъ враговъ Ермолова въ Петербургѣ, мало разборчивый въ выраженіяхъ, сказалъ однажды князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну слѣдующія слова, достойныя человѣка, умѣющаго владѣть собою: „Этого..... Ермолова выпроводятъ съ жандармами изъ Грузіи, гдѣ у него все распущено, въ страшномъ безпорядкѣ; онъ умѣетъ лишь заниматься до полудня, а послѣ, до слѣдующаго утра, онъ мертво пьянъ“. Между тѣмъ всѣмъ была извѣстна изумительная дѣятельность Ермолова, который часто довольствовался лишь четырехчасовымъ отдыхомъ; относительно же употребленія крѣпкихъ напитковъ онъ былъ чрезвычайно воздерженъ. При этомъ то же лице поддерживало слухъ, что Ермолова привезутъ связаннаго и скованнаго, подобно преступникамъ, ссылаемымъ въ Сибирь.

Шефомъ любимаго Ермоловымъ Ширванскаго полка сдѣланъ былъ вскорѣ Паскевичъ, который не разъ говаривалъ этому безстрашному полку: „Это шотландцы; я выбью изъ васъ ермоловскій духъ“. Когда изгнаніе Ермолова сдѣлалось извѣстнымъ, храбрые ширванцы умоляли Ермолова чрезъ своего полкового командира Ковалева, чтобы онъ выѣхалъ проститься

съ ними. Тяжело было Ермолову не удовлетворить ихъ желанію, но, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ барона Дибича не прощаться съ войсками, Ермоловъ, не желая дѣлать сценъ и быть виновникомъ злополучія многихъ, воздержался отъ того. . . . . Не полагаясь на многихъ изъ служившихъ при немъ, онъ сжегъ много любопытныхъ и драгоцѣнныхъ бумагъ и писемъ; желая избѣжать проводовъ, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа пополуночи. Обращаюсь къ прерваннымъ воспоминаніямъ о польской кампаніи 1831 года

Если бы отъ неимѣнія порядочной квартиры въ Шеницѣ, мѣстечкѣ скудномъ, не отвели мнѣ квартиры въ двухъ верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Погоржелѣ, гдѣ стоялъ гренадерскій полкъ императора австрійскаго, напоминавшій мнѣ, что я въ арміи, и если бы не адъютанты главнокомандующаго, милая и любезная молодежь, къ которой приставалъ я каждое утро по пріѣздѣ моемъ въ Шеницы и которая меня закормила, запоила, и, такъ сказать, отогрѣла замерзавшую мою душу, я бы не зналъ куда дѣваться; 16-го, отобѣдавъ у князя Михаила Горчакова, тогда начальника артиллеріи дѣйствующей арміи (нынѣ начальникъ главнаго штаба оной), я выѣхалъ къ своему мѣсту. Около вечера я сбился съ дороги и вмѣсто Парчова попалъ въ Литовичи, гдѣ расположенъ былъ штабъ гренадерскаго корпуса. Я въѣхалъ прямо въ квартиру командира онаго, почтеннаго князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго и провелъ у него ночь; а по утру 17-го отправился далѣе на Желеховъ, куда въ тотъ день перешла главная квартира изъ Шеницы. Вся армія, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса и своднаго графа Витта была въ движеніи къ переправѣ. Ростополь была ужасная; густая грязь, по колѣно лошади и по ось повозки, весьма затрудняла движеніе.

На пути изъ Серочина къ Сточеку я осматривалъ поле сраженія перваго неудачнаго нашего дѣла въ сей войнѣ. Я ѣхалъ именно по дорогѣ чрезъ лѣсъ отъ деревни Колодзя къ Сточеку, по коей выскакалъ полкъ Переяславскій конно-егерскій, съ храбрымъ и знающимъ свое дѣло генераломъ Пашковымъ (Александромъ Васильевичемъ). Я любовался голыми возвы-

шеніями, закрывавшими войска Дверницкаго и обширною плоскостью, за ними лежащею, по которой ему было столь легко, свивая и развивая войска свои, направлять главные свои натиски куда ему заблагоразсудится; не будучи видимъ нашими войсками, онъ могъ слѣдить за малѣйшимъ ихъ движеніемъ и наблюдать за ними, какъ на ладони. Я удивился и невольно содрогнулся, увидя на какомъ разстояніи находился конно-егерскій короля виртембергскаго полкъ въ то время, какъ, по повелѣнію Гейсмара, Пашковъ, увѣнчавъ имъ высоты, ударилъ на непріятеля прежде, нежели второй полкъ, долженствовавшій поддержать ударъ его, успѣлъ обогнуть оконечность лѣса! Разстояніе это было столь велико, что непріятель, разстроивъ Переяславскій полкъ, успѣлъ обратиться всѣми своими силами на полкъ короля виртембергскаго, который понесъ участь, подобную первому. Вдобавокъ къ сему резервъ этихъ двухъ полковъ, состоявшій изъ конно-егерскихъ полковъ: тираспольскаго и арзамасскаго и двѣнадцати орудій, оставленъ былъ въ Серочинѣ, за пять верстъ отъ поля битвы. Я пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе!

Къ вечеру я пріѣхалъ въ Желиховъ, куда только-что прибыла главная квартира. Пристанище мое было у полкового командира атаманскаго полка Кузнецова, который самъ стоялъ у казачьяго полковника Рудухина, находившагося въ свитѣ его высочества великаго князя Константина Павловича, и тогда числившагося въ гвардейскомъ отрядѣ, командуемомъ генераломъ графомъ Курутой, бывшимъ уже на походѣ къ Коцку.

Такъ какъ путь мой лежалъ чрезъ сіе же мѣстечко, то 18-го, по утру, мы съ Рудухинымъ выѣхали верхами къ Коцку. Двѣ брички наши едва тащились, и наконецъ такъ отстали, что я съ своею увидѣлся только въ Люблинѣ. Вся дорога была завалена повозками, на каждомъ шагу выбивающимися изъ грязи и изнуренными лошадьми гвардейскаго отряда, здѣсь оставленными или уже издохшими на дорогѣ.

Въ Окржѣ мы сдѣлали привалъ и тамъ я увидѣлъ большую часть сихъ хваленыхъ войскъ, для подражанія которымъ

еще недавно стекались въ Варшаву всѣ истые любители фронтовой службы россійской арміи. И подлинно, я увидѣлъ истинно неподвижную Гатчину! все застегнуто отъ глотки до пупа! всякая пуговица, всякій ремешекъ, всякая пряжечка, всякій солдатъ, вахмистръ, офицеръ и генералъ на мѣстѣ, уставомъ имъ опредѣленномъ! За то какое изнуреніе, какія лохмотья! Какъ все грустно, все скудно людьми и лошадьми, хотя сей отрядъ ни разу еще не нюхалъ пороху. Педантство начальниковъ въ военное время есть тягчайшій ранецъ, тягчайшій вьюкъ для подчиненныхъ. Войску русскому необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ щепетильной взыскательности; тогда только оно здорово и бодро, а если къ этому еще добрая пища и побѣды, тогда и конь топочетъ и солдатъ хохочетъ, и нѣтъ для него недосягаемаго и неодолимаго.

Мы ночевали въ Гуловской-Волѣ и 19-го, рано по утру, выѣхали въ Коцкъ. Вдругъ на половинѣ дороги намъ послышались пушечные выстрѣлы, коихъ направленіе казалось со стороны Вислы. Сначала я полагалъ, что сіи выстрѣлы производились по рабочимъ нашимъ, близъ мостовъ находящимся и по войскамъ, къ нимъ подходящимъ, но гулъ выстрѣловъ вскорѣ усилился и продолжался до самаго вечера. Ясно оказывалось, что это была не простая кононада, а сильная битва. Впослѣдствіи мы узнали о нападеніи польской арміи на Гейсмара и Розена. Довольно замѣчательно, что отъ того мѣста, гдѣ мы были въ то время, до Милосны, гдѣ происходило сраженіе болѣе ста верстъ по прямой линіи; правда, что день былъ ясный и легкій, вѣтерокъ дулъ со стороны битвы.

Мы провели ночь въ Коцкѣ; 20-го, распростясь съ Рудухинымъ, я сѣлъ въ почтовую повозку и пріѣхалъ въ Люблинъ, гдѣ явился къ графу Витту. 21-го я пробылъ въ Люблинѣ и обѣдалъ у графа. 22-го я ночевалъ въ Пяскахъ, а 23-го къ обѣду достигъ, накенецъ, моего отряда въ Красноставѣ.

Скромность налагаетъ на меня печать безмолвія; но польщенное самолюбіе мое побуждаетъ меня сказать два слова о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ войсками. Грѣшный человѣкъ, я слѣдую охотнѣе внушенію послѣдняго.

Удивительно и непонятно впечатлѣніе, произведенное моимъ появленіемъ на армію. Неужели тому причиною нѣсколько десятковъ лѣтъ боевой службы, нѣсколько весьма незначительныхъ партизанскихъ наѣздовъ, или нѣсколько разгульныхъ стишковъ, написанныхъ у дымныхъ бивуаковъ и, по словамъ педантовъ, исполненныхъ грамматическихъ ошибокъ? Проѣздъ мой отъ Шеницы до Красностава былъ истинно тріумфальнымъ шествіемъ! не было офицера знакомаго или незнакомаго, стараго или молодого, не было солдата, унтеръ-офицера на походѣ, на привалахъ, или на бивуакахъ, которые бы, увидя меня и узнавъ, что это я, не бѣжали бы ко мнѣ на встрѣчу, или, догнавъ меня, толпами не окружали, какъ какое либо невиданное чудо. Всѣ кричали мнѣ: „Ваше превосходительство, слава Богу, что вы пріѣхали; есть на кого опереться!“ Нѣкоторые подходили ко мнѣ, поздравляя не меня, какъ говорили они, а армію и самихъ себя съ пріѣздомъ моимъ.

Я истинно краснѣлъ и лицемъ, и душею! Я имъ отвѣчалъ: „Не рано ли вы радуетесь? повремените, я постараюсь заслужить доброе ваше обо мнѣ мнѣніе...“ И тогда невольно вспомнилъ оковы, несомыя мною за пазухой въ инструкціи, данной мнѣ фельдмаршаломъ, касательно непосредственной моей подчиненности Крейцу,—оковы, которыя я долженъ былъ надѣть на себя въ самую минуту пріѣзда моего въ отрядъ мнѣ ввѣренный, и отъ коихъ, въ теченіе всей войны, я только на нѣсколько дней могъ освободиться вторженіемъ своимъ въ Волынь и взятіемъ приступомъ города Владимира.

Начальникъ главнаго штаба графъ Толь простеръ до того благосклонное вниманіе свое ко мнѣ и нетерпѣніе доставить мнѣ средства удовлетворить мое рвеніе къ службѣ, а можетъ быть и собственное желаніе свое воспользоваться безъ замедленія моими, по мнѣнію его, способностями, что прежде, чѣмъ узналъ о прибытіи моемъ въ главную квартиру, онъ составилъ уже означенный отрядъ и поручилъ его полковнику Анрепу, съ оговоркою: „до моего пріѣзда“. Полковникъ Анрепъ ожидалъ меня съ часу-на-часъ, и слѣдовательно пріѣздъ мой ни мало не удивилъ его. Однако нельзя не отдать справед-

ливости благородному поступку сего отличнаго офицера при сдачѣ отряда, имъ командуемаго. Сколько я знаю чиновниковъ, истинно достойныхъ и по качествамъ душевнымъ, и по военнымъ дарованіямъ, которые исполняли бы сдачу сію по правиламъ, простирающимся до той черты, отъ которой начинается любовь къ общей пользѣ и забвеніе собственнаго неудовольствія; ибо какъ ни говори, а для молодого штабъ-офицера сдача таковаго отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбно, но это есть великое несчастіе. Анрепъ сдалъ отрядъ мнѣ такъ, какъ немногіе. Онъ изложилъ мнѣ всѣ извѣстныя ему подробности о корпусѣ Дверницкаго, о Замостьской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора непріятеля, изложилъ мнѣ порядокъ службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мною аванпосты свои, истолковавъ, по какимъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой-то возвышенности, на такомъ-то скатѣ, показалъ на картѣ дороги и пункты, до коихъ доходятъ его разъѣзды; разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ, онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь ревностнаго офицера. Впослѣдствіи онъ отлично усердною службой своей оправдалъ мое о немъ мнѣніе, а возвышенностью чувствъ, воинственною и какою-то рыцарскою осанкой, представилъ мнѣ ближайшее сходство съ тѣмъ идеаломъ истинно военнаго человѣка, который столь давно мерещился моему воображенію.

Говорятъ, что онъ похожъ на покойнаго отца своего, убитаго въ 1807 году, въ чинѣ генералъ-отъ-кавалеріи, при Морунгенѣ во время войны нашей съ Наполеономъ въ восточной Пруссіи. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ всей россійской арміи; его воинственная наружность, чистота нравственная, твердость душевная, свѣтлый разумъ и замѣчательная служба обворожили всѣхъ; я его не зналъ, но по пріѣздѣ моемъ въ армію въ 1807 году, первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло сего отличнаго генерала.

Общая диспозиція войскамъ своднаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ на 21-е марта была слѣдующая:

«Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Крейца составляется:

«Изъ 2-й драгунской дивизіи; 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи; гренадерской дивизіи (3 полка) 6-го пѣхотнаго корпуса, и казачьихъ полковъ: Платова, Кирѣева, Хоперскаго, Грекова и Катасанова.

«Съ симъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ Крейцъ дѣйствуетъ отдѣльно, и съ полученіемъ сего всѣ свои донесенія дѣлаетъ уже прямо господину главнокомандующему арміею. Генералъ-майоры Пашковъ и Муравьевъ и полковникъ Анрепъ (эта бумага писана была за нѣсколько часовъ прежде моего прибытія въ Люблинъ и потому сказано Анрепъ, а не Давыдовъ) поступаютъ въ команду генералъ-лейтенанта Крейца.

«Главныя силы отряда генерала Крейца остаются расположенными около Уржендова.

«Генералъ-майоръ Пашковъ съ однимъ полкомъ (конныхъ егерей и Грекова казачьимъ полкомъ) содержатъ посты по Вислѣ отъ Вепржа (или отъ постовъ, выставленныхъ отъ главныхъ силъ вдоль Вислы и по лѣвому берегу Вепржа) до Юзефова, а отъ Юзефова до Завихвоста по Вислѣ содержитъ посты казачій полкъ Хоперскаго.

«Полковнику Анрепу (то-есть, Давыдову), оставаясь въ своемъ нынѣшнемъ расположеніи, усилить посты въ Горшковѣ и въ Желковѣ для удобнѣйшаго наблюденія за непріятелемъ и сношенія съ главными силами генерала Крейца.

«Несвижскій карабинерный полкъ 21-го числа собирается въ Казиміржѣ, а 22-го слѣдуетъ къ мѣстечку Ополѣ. Одинъ изъ конно-егерскихъ полковъ съ четырьмя орудіями конной роты № 28 переходитъ 22-го числа во Вржеловецъ. Дивизіонъ драгунскаго герцога Александра Виртембергскаго полка, нынѣ находящійся въ Люблинѣ и Глускѣ, слѣдуетъ 22-го числа съ конною баттарейною ротою № 27 въ Недржевице-Косцельна подъ командою полковника Шилинга, коему, принявъ въ свою команду и Луцкій гренадерскій полкъ, расположенный въ Недржевице-Дюжу, доносить прямо генералу Крейцу, а равно и генералъ-майору Муравьеву. Самогитскій гренадерскій полкъ остается въ городѣ Люблинѣ подъ командою генералъ-маіора Муравьева, какъ равно и легкая рота № 2 6-го пѣхотнаго корпуса.

«Рота литовскаго сапернаго баталіона остается по-прежнему въ Казиміржѣ въ вѣдѣніи генералъ-майора Бракера и въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Крейца.

»Всѣ сіи войска отнынѣ прекращаютъ свои донесенія къ господину командующему отдѣльнымъ сводным корпусомъ (графу Витту) и должны относиться во всемъ къ генералъ-лейтенанту барону Крейцу».

Эта бумага—послѣднее завѣщаніе графа Витта въ Люблинскомъ воеводствѣ. Немедленно послѣ того, онъ, усиливъ своими войсками корпусъ Крейца, выступилъ съ остальными войсками къ главной арміи, подвигавшейся въ мѣстечко Рыки, для переправы за Вислу и оставилъ Крейца между корпусомъ Дверницкаго, стоявшимъ подъ пушками Замостьской крѣпости и корпусомъ Серавскаго, расположеннымъ за Вислою, напротивъ мѣстечекъ Пулавы и Казиміржа; въ то время всѣ говорили, что отрядъ Серавскаго состоялъ изъ 700 или 800 человѣкъ новобраннаго и худо вооруженнаго войска.

Отрядъ мой, принадлежавшій корпусу Крейца, занималъ Красноставъ Финляндскимъ драгунскимъ и казачьими Катасанова и Платова полками. Полкъ Кирѣева расположенъ былъ въ Желкевкѣ и Высокомъ. Первыя заботы мои по вступленіи въ командованіе ввѣреннаго мнѣ отряда были, какъ я сказалъ, немедленно объѣхать аванпосты для обзора окрестностей Красностава, знакомство съ войсками и объявленіе въ приказѣ о поступленіи ихъ подъ мое начальство. Вмѣстѣ съ симъ я отправилъ курьера къ генералу Крейцу съ рапортомъ о моемъ прибытіи и о принятіи отряда въ мое вѣдѣніе, и наконецъ послалъ партію для открытія сообщенія съ генералъ-майоромъ Лошкаревымъ, выставивъ казачій постъ въ мѣстечкѣ Войславицѣ для этого же предмета. Партіи для наблюденія за Дверницкимъ производили поиски свои по устроенному полковникомъ Анрепомъ порядку; онѣ ходили съ одной стороны отъ Красностава до Ситанца, съ другой—изъ Желкевки почти до Сѣдлеца, а изъ Высокаго до Щербжечина и Франсполя.

Я узналъ, что генералъ-майоръ Лошкаревъ наблюдалъ отрядомъ своимъ теченіе рѣки Буга отъ села Кладнова, что̀ противъ Дубенки до мѣстечка Летовижа, смежнаго съ австрійскою Галиціею.

Въ Грубешевѣ стоялъ отъ него казачій Попова полкъ, а въ Устилугѣ—два резервныхъ баталіона 26-й пѣхотной дивизіи. Гусарская бригада, состоявшая при семъ отрядѣ, заключала въ себѣ 1350 сабель, казачій полкъ до 360 пикъ и два баталіона въ 660 штыковъ.

Отрядъ сей принадлежалъ сводному корпусу генерала Ридигера, который самъ съ передовыми войсками сего корпуса прибылъ во Владиміръ-Волынскій еще 7-го марта. Съ нимъ прибыли туда 2-я и 3-я бригады 10-й пѣхотной дивизіи въ весьма разстроенномъ составѣ и заключавшіе въ себѣ не болѣе 1760 штыковъ. Прочія войска, долженствовавшія образовать сей корпусъ, были еще далеко и приближались съ различныхъ пунктовъ. Итакъ, у генерала Ридигера состояло въ командѣ всего 1800 сабель и 2420 штыковъ для защиты Волынской, Подольской и Кіевской губерній противъ десяти-

тысячнаго корпуса, коимъ предводительствовалъ предпріимчивый Дверницкій, и многочисленнаго шляхетства означенныхъ губерній, тайно вооруженнаго и ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прибытія сего польскаго генерала для общаго возстанія.

Теперь оставимъ Лошкарева въ Устилугѣ, Ридигера—во Владимірѣ, мой отрядъ—въ Красноставѣ, Крейца—въ Уржендовѣ, а непріятельскихъ генераловъ: Дверницкаго—у Замостья и Серавскаго—за Вислой, и перенесемся за Вепржъ, за Бугъ, за Нареву и посмотримъ на положеніе войскъ нашихъ, тамъ находившихся до 19-го марта.

Графъ Виттъ, усиливъ корпусъ Крейца частію войскъ своихъ, былъ на походѣ изъ Люблинскаго воеводства за Вепржъ для поступленія въ составъ главной арміи.

Главная армія находилась на походѣ изъ Шеницы на Желиховъ и Рыки для перехода Вислы между устьемъ Вепржа и мѣстечкомъ Казеницы, на лѣвомъ берегу рѣки лежащимъ.

6-й пѣхотный корпусъ Розена находился на брестскомъ шоссе у Дембелевки (Дембы-Вельки), имѣя авангардъ свой подъ командой Гейсмара въ Милоснѣ, а аванпосты его у самой заставы варшавскаго предмѣстья Праги.

2-й пѣхотный корпусъ графа Палена 2-го находился на походѣ изъ бѣлорусскаго Минска, чрезъ Брестъ-Литовскъ, къ Сѣдлецу на подкрѣпленіе Розена. Гвардія—въ Ломжѣ. Отрядъ Сакена—въ Остроленкѣ.

Нигдѣ еще не было слышно ни единаго выстрѣла, всюду господствовала тишина и спокойствіе!

Первая вспышка проявилась внѣ круга боевыхъ происшествій. Далѣе къ тылу праваго крыла дѣйствующей арміи возникаетъ мятежъ въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ Виленской губерніи, и почти въ то же время (14-го марта) корпусъ Уминскаго подходитъ къ Остроленкѣ.

Пора сказать о цѣли движенія Уминскаго. Многіе полагали, что причина этого движенія была надежда послѣ четырехъ-недѣльнаго бездѣйствія застать врасплохъ отрядъ Сакена и гвардію, воспользоваться ихъ усыпленіемъ и удовольствоваться однимъ какимъ либо успѣхомъ на Наревѣ. Другіе думали, и это правдопо-

добнѣе, что пославшій Уминскаго генералъ Скржинецкій имѣлъ въ виду мысль, подобную той, которая, спустя двѣнадцать дней послѣ сего, была приведена въ исполненіе Дверницкимъ, то-есть, вторженіе въ наши границы и доставленіе помощи возставшей шляхтѣ Виленской губерніи (возстаніе, о которомъ польское правительство заблаговременно было извѣщено), возбуждая при томъ къ таковому же возстанію и прочія литовскія губерніи, еще доселѣ спокойныя. Какъ бы то ни было, но натискъ Уминскаго не удался и онъ послѣ нерѣшительнаго покушенія на Остроленку, остался въ окрестностяхъ Пултуска и Сироцка. При всемъ томъ мятежъ, возникшій въ части Виленской губерніи не переставалъ распространяться далѣе и далѣе!

Событія такого рода при началѣ наступательнаго движенія должны были неминуемо имѣть вліяніе на нерѣшительнаго, пылкаго и своенравнаго Дибича. Онъ, какъ и всѣ подобнаго рода люди, подчинялся впечатлѣнію измѣняющихся обстоятельствъ и уже при открытіи кампаніи твердость духа его поколебалась отъ неисполненія предначертаній своихъ, которыя впрочемъ не были приведены въ исполненіе отъ неумѣнія воспользоваться побѣдой подъ Гроховымъ. Дибичъ дрогнулъ, увидя, что счастіе начинаетъ ему измѣнять; это свойство всякаго баловня фортуны, лишеннаго отъ природы той твердости душевной, той самонадѣянности въ собственныхъ дарованіяхъ, которыя одни побѣждаютъ препятствія. Но эти два испытанія были только предисловіемъ тягчайшихъ и гораздо еще горестнѣйшихъ.

19-го марта, то-есть, спустя одни сутки по полученіи тревожныхъ извѣстій о мятежѣ въ Литвѣ и движеніи Уминскаго, и трехъ сутокъ послѣ выступленія главной арміи изъ окрестностей Шеницы, состоялся общій натискъ главныхъ силъ польской арміи изъ Варшавы на Гейсмара и Розена по брестскому шоссе въ трехъ переходахъ отъ Дибича во время марша его къ переправѣ.

Это событіе было весьма естественно, ибо неужели Скржинецкій потерпѣлъ бы одинъ часъ времени присутствія кор-

пуса Розена, разбросаннаго по зимнимъ квартирамъ въ присутствіи главныхъ силъ, имъ предводимыхъ. Бездѣйствіе его до 19-го числа основывалось на опасеніи натиска главныхъ силъ нашихъ въ тылъ его войскамъ во время напора ихъ на Розена; едва узналъ онъ объ отбытіи Дибича къ Вепржу и преданіи Розена собственнымъ силамъ и произволу судьбы, онъ немедленно воспользовался и не могъ не воспользоваться превосходствомъ своимъ надъ войсками, противъ него находившимися. Фельдмаршалъ предвидѣлъ этотъ случай еще предъ выступленіемъ изъ Шеницы, ибо я самъ 16-го, по утру, видѣлъ призваннаго къ главнокомандующему Розена, которому было поставлено на видъ, что главнымъ предметомъ его есть отступленіе къ Бресту, при первомъ на него нападеніи, и соединеніе на пути со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, идущимъ отъ Бреста, который онъ долженъ былъ защищать какъ хранилище складовъ и всего для арміи необходимаго.

Итакъ, если натискъ Скржинецкаго на Розена былъ въ порядкѣ вещей, а сверхъ того еще и предвидимъ фельдмаршаломъ, то не надлежало ли ему до начатія своего движенія прибѣгнуть къ сему простому разсужденію: нападеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на Розена можетъ ли ниспровергнуть планъ, основанный на движеніи къ Вислѣ и переходѣ ея, и угрожаетъ ли онъ существованію нашей арміи? Если онъ угрожаетъ, то надо было остаться около Шеницы и чрезъ то спасти отъ разстройства планъ кампаніи и существованіе арміи, и вмѣсто движенія къ Вепржу и перехода Вислы, придумать какое либо другого рода предпріятіе. Если же оно не угрожаетъ нашей арміи, то слѣдуетъ, оставивъ Шеницу, переправиться чрезъ Вислу, и чтобы ни приключилось съ корпусомъ Розена или съ другими отдѣльными частями надлежало, не изумляясь ничему, не упадая ни отъ чего духомъ, стремиться, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, къ достиженію цѣли, единожды избранной.

Это не есть съ моей стороны разсужденіе, какъ говорится, заднимъ умомъ, это даже не есть разсужденіе военное, это разсужденіе всякаго, который рѣшается на какое либо пред-

пріятіе военное, гражданское, мануфактурное, торговое или частное, и лично до него касающееся. Итакъ, если главное начальство рѣшилось уже двинуться къ переправѣ, не взирая на увѣренность въ нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ на корпусъ Розена, то, независимо отъ непоколебимости воли, необходимой для достиженія предмета, имъ единожды избраннаго, ему надлежало прибѣгнуть къ слѣдующимъ предосторожностямъ, требующимъ особеннаго его вниманія: во-первыхъ, до выступленія арміи изъ Шеницы, надлежало озаботиться на счетъ продовольствія Розена такъ, чтобы онъ могъ прокормиться провіантомъ, привезеннымъ уже изъ магазиновъ Бреста къ мѣсту имъ занимаемому; это дозволило бы ему, имѣя войска всѣ въ сборѣ на одномъ пунктѣ и сосредоточенными, отразить натиски непріятеля, а не разбрасывать войскъ для пропитанія по зимнимъ квартирамъ, какъ то случилось при нападеніи на него польской арміи. Это, къ несчастію, не могло не случиться, ибо на шоссе не было ни куска обывательскаго или запаснаго казеннаго хлѣба; во-вторыхъ, соображаясь съ весеннею ростопелью и съ положеніемъ дорогъ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ заранѣе предвидѣннымъ уже отступленіемъ корпуса Розена къ Сѣдлецу (что̀ совершенно открывало тылъ нашей арміи во время ея движенія изъ Шеницы къ углу, образуемому Вепржемъ и Вислою), слѣдовало предварительно отправить впередъ всѣ парки, обозы и тяжелую артиллерію, дабы арміею прикрыть сіи тяжести, а не тяжестямъ симъ прикрывать армію; мы были свидѣтелями сего чудеснаго распоряженія.

Зависимость моя отъ генерала Крейца произвела обстоятельства, которыя можно было предупредить, оставивъ меня независимымъ и подчинивъ лишь графу Толю; при этомъ мнѣ слѣдовало однако извѣщать немедленно обо всемъ происходящемъ какъ генерала Крейца, такъ и генерала Ридигера, занимавшаго границу нашу по Бугу, а головными колоннами самый Владиміръ. Прибывъ въ Красноставъ, я немедленно придвинулъ разъѣзды свои до Замостьской крѣпости для ближайшаго наблюденія за Дверницкимъ, котораго я не долженъ

былъ допускать къ Вислѣ, а потому я занималъ дистанцію въ шестьдесятъ верстъ отъ Красностава до Высокаго. Этотъ отличный и предпріимчивый генералъ въ теченіе настоящей кампаніи разбилъ барона Гейсмара и взялъ у него восемь пушекъ, Крейца, у котораго взялъ пять пушекъ и генерала Кавера, у котораго взялъ три пушки. У меня, за неимѣніемъ пушекъ, не могъ онъ ими обогатиться. Въ тотъ же день, по собственному побужденію, послалъ я отъ себя разъѣзды для открытія сношеній съ Ридигеромъ. Чрезъ два дня я получилъ отъ Крейца диспозицію на 25-е число, въ которой сказано было: „Отрядъ генералъ-майора Давыдова располагается въ Пяски".

Исполняя это повелѣніе, я немедленно извѣстилъ о томъ Ридигера, который, отъ 27-го марта за № 524, увѣдомилъ Крейца, что такъ какъ по всѣмъ слухамъ Дверницкій думаетъ итти на Волынь (чему онъ, по слабости силъ, противиться не можетъ, а будетъ вынужденъ отступить за рѣчку Стырь для присоединенія къ войскамъ, къ нему подходящимъ), то онъ убѣдительно проситъ оставить меня въ Красноставѣ, прибавляя: „Даже я полагаю, что нахожденіе отряда Давыдова въ Красноставѣ весьма много содѣйствовало тому, что Дверницкій до сего времени оставался въ Замостьѣ". Но Крейцъ не только не возвратилъ меня въ Красноставъ, но 29-го прислалъ мнѣ новую диспозицію, въ коей было сказано: „Генералъ-майору Давыдову дѣлать поиски на мѣстечко Туробань до рѣки Гутта и далѣе, если же Дверницкій уже пришелъ на Медлиборжище и Закликовъ, то генералъ-майоръ Давыдовъ быстро долженъ двигаться по слѣдамъ его". Крейцъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ наобумъ, ибо, отдаливъ меня отъ Красностава, онъ лишился средствъ получать вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Дверницкаго, который, по его мнѣнію долженъ былъ обратиться въ Вислѣ на соединеніе съ Серавскимъ, о переправѣ котораго на правый берегъ Вислы ходили уже слухи.

На основаніи даннаго мнѣ предписанія, я уже 1-го апрѣля былъ на маршѣ изъ Туробана на Щербжечину, открывая моими партіями Франполь и Бельгерой.

Дверницкій же на другой день выступленія моего изъ Красностава сосредоточилъ свои войска у Замостья, и перейдя быстро Бугъ въ Крыловѣ, вступилъ въ наши границы, въ Волынь. Если бы я не былъ подчиненъ Крейцу, то ни въ какомъ случаѣ не двинулся бы въ Пяски, а оттуда, на Щербжечину; понимая, что главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за Дверницкимъ, я хотѣлъ даже 26-го двинуться къ Ситанцу, деревнѣ, отстоящей отъ Замостья въ десяти верстахъ. Вскорѣ Крейцъ узналъ о истинномъ направленіи Дверницкаго, объ отступленіи Ридигера, о возстаніи Волыни и о томъ, что Подолія и окрестности Кіева также въ сильномъ волненіи. Крейцъ, обвиняя меня въ томъ, что я проглядѣлъ Дверницкаго, за которымъ обязанъ былъ наблюдать, предписалъ мнѣ итти по его слѣдамъ. Пройдя мимо самого Замостья, гарнизонъ котораго не только не дѣлалъ вылазокъ, но даже не показывался, я, 4-го апрѣля, находясь на сообщеніи Дверницкаго съ сею крѣпостью, захватилъ нѣсколько курьеровъ и небольшіе отряды его. Переправясь за Бугъ, я былъ пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: на мѣстѣ, гдѣ непріятель еще недавно располагался лагеремъ, водружены были довольно высокіе шесты, на вершинѣ которыхъ были привязаны мѣшки. По осмотрѣ мѣшковъ, оказалось, что они вмѣщали въ себѣ возмутительныя прокламаціи. Поляки,* не понимая высокой русской души Ермолова, котораго они почитали глубоко оскорбленнымъ и пылающимъ местью къ своей родинѣ, напечатали отъ его имени возмутительную прокламацію къ русскимъ [1]). Эти прокламаціи, пересланныя въ главную квартиру, были поспѣшно доставлены въ Петербургъ. Ермоловъ, извѣщенный объ этомъ происшествіи, былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что самыя нелѣпыя клеветы были столь легко и охотно удостоиваемы вниманія въ Петербургѣ, и не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ, по крайней мѣрѣ, своихъ враговъ насмѣшками. Онъ

[1]) Поляками были напечатаны двѣ прокламаціи: въ одной мнимая главная квартира Ермолова была назначена въ Самарѣ, а въ другой, отпечатанной весьма скоро послѣ первой, въ Одессѣ.

писалъ брату моему: „Этого мало; вы вѣрно услышите о одержанныхъ мною побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ фельдмаршалу Дибичу“.

Перейдя Бугъ въ Крыловѣ по мосту, по которому слѣдовалъ Дверницкій, я предалъ его огню и взялъ 6-го городъ Владимиръ приступомъ. Бой живо кипѣлъ! Старъ и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ, и подобно лазамъ или лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно въ продолженіи четырехъ часовъ; съ моей стороны были спѣшены 3-й дивизіонъ Финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, бо̀льшая часть полка Катасанова, всѣ же прочіе были на конѣ. Побѣда увѣнчала мою рѣшительность; фельдмаршалъ и графъ Толь, будучи весьма довольны мною, вошли обо мнѣ съ представленіемъ о награжденіи знакомъ св. Георгія 3-го класса, чего я однако никогда не удостоился получить.

Движеніе мое на Владимиръ не было плодомъ необдуманнаго предпріятія, но послѣдствіемъ обмана жителей мѣстечка Крылова, которые меня увѣрили, что Дверницкій во Владимирѣ; я однако поставилъ здѣсь все верхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать. Я не могъ поспѣть 7-го, то-есть, въ день сраженія Ридигера съ Дверницкимъ къ Боромелю (?), но если бы я явился хотя на другой день, то былъ бы не лишнимъ. Впрочемъ и Владимиръ былъ пунктомъ весьма важнымъ, какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій Волынской губерніи.

Въ „Газетѣ Варшавской“ было сказано: „Генералъ Толь, узнавъ о выступленіи генерала Дверницкаго на Волынь, отрядилъ изъ своего корпуса часть войскъ для дѣйствія противу него. Когда этотъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Давыдова, проходилъ близъ Замостья, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ счастливую вылазку. Письма изъ Замостья, отъ 20-го числа, утвердительно удостовѣряютъ, что корпусъ генерала Давыдова разбитъ волынскимъ ополченіемъ во время переправы его чрезъ Бугъ“.

Невольно вспомнишь Наполеона, который узнавъ, что австрійцы, имъ совершенно разбитые, утверждають противное, сказалъ „Laissez les faire, les rêves sont toujours la consolation des malheureux“. Узнавъ во Владимирѣ о пораженіи Дверницкаго Ридигеромъ подъ Боромелемъ, я обратился поспѣшно на путь сообщенія его съ Замостьемъ, пролегавшій вдоль границы австрійской Галиціи. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, но Ридигеръ, искуснымъ направленіемъ своей кавалеріи, оттѣснилъ Дверницкаго отъ этого пути и принудилъ его обратиться къ Берестечку и Почаеву. Подойдя къ Дружнополю, мои разъѣзды встрѣтились съ разъѣздами Ридигера, посланными для развѣдыванія о Серавскомъ, который по слухамъ спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ. Узнавъ отъ нихъ объ истинномъ направленіи Дверницкаго, я обратился чрезъ Владимиръ къ Ковелю, гдѣ сильное скопище мятежниковъ производило страшныя неистовства. Одно приближеніе мое къ Ковелю заставило мятежниковъ поспѣшно бѣжать и искать спасенія въ лѣсистыхъ болотахъ. На основаніи предписаній Крейца, я, перейдя границу въ Устилугѣ, расположился въ Влонкахъ для наблюденія за Замостьемъ.

Въ самый день взятія Владимира Крейцъ разбилъ Серавскаго подъ Казимiржемъ. Польскія газеты того времени осуждали Серавскаго за переходъ его чрезъ Вислу, тѣмъ болѣе, что у него изъ 7000 человѣкъ едва 1000 человѣкъ были вооружены ружьями. Между тѣмъ корпусъ Дверницкаго, тѣснимый Ридигеромъ, бросился на австрійскую границу; Ридигеръ остановился и протестовалъ, и австрійцы поспѣшили обезоружить ихъ.

Узнавъ о неудачѣ Серавскаго и Дверницкаго, Скржинецкій, находившійся у Сѣдлеца, отрядилъ изъ главныхъ своихъ силъ семи-тысячный отрядъ при десяти орудіяхъ, подъ командою начальника главнаго штаба Хржановскаго, которому велѣно было спѣшить на выручку Дверницкаго. Подошедъ никѣмъ не замѣченный къ Коцку, Хржановскій былъ однако открытъ здѣсь партіею корпуса Крейца, который, отрядивъ противъ него отрядъ генерала Фези, самъ двинулся къ Любартову; Фези былъ разбитъ, но Крейцъ, соединясь съ нимъ, настигъ въ Любартовѣ отрядъ

Хржановскаго, который, остановившись на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ не было ни мостовъ, ни бродовъ, безпечно варилъ кашу. Крейцъ, пришедшій изъ Люблина, атаковалъ Любартовъ, занятый арьергардомъ непріятеля и этимъ далъ ему время опомниться, построиться и отступить съ малой потерей на Ленгну, гдѣ самъ Крейцъ остановился, пустивъ въ погоню за Хржановскимъ легкій отрядъ графа Алексѣя Петровича Толстого. Такимъ образомъ ускользнулъ отъ насъ Хржановскій, котораго можно было превосходно покупать въ Вепржѣ. Можно было поправить эту ошибку слѣдующимъ образомъ: Крейцу слѣдовало изъ Ленгны усиленнымъ маршемъ слѣдовать чрезъ Бискуницe въ Красноставъ и, пройдя здѣсь Вепржъ по прекрасному мосту, пресѣчь дорогу въ Замостье Хржановскому, который, двигаясь на Шедлище и Раіовецъ, описывалъ дугу, тогда какъ Крейцъ могъ итти хордой. Дорога, по которой шелъ Хржановскій, шла болотами, лѣсами и плотинами, а Крейцу предстояло слѣдовать по дорогѣ гладкой и открытой. Муравьевъ совѣтовалъ предпринять это движеніе, но его не послушали. Съ своей стороны Хржановскій понялъ опасность, которой подвергался, и, узнавъ о пораженіи Дверницкаго, онъ съ неимовѣрной быстротой направился на Красноставъ; перейдя здѣсь рѣку, онъ сжегъ мостъ. Между тѣмъ Крейцъ воротился въ Люблинъ и занялся составленіемъ реляціи, превосходящей всякое вѣроятіе. О сраженіи подъ Любартовомъ, отстоявшемъ отъ меня въ ста верстахъ, я ничего не зналъ; я въ то время находился въ Влонкахъ, верстахъ въ десяти отъ дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать Хржановскій. Если бы корпусный командиръ заблагоразсудилъ предупредить меня о дальнѣйшемъ движеніи Хржановскаго, я могъ бы легко преградить ему дорогу около Руколона, Краслыгина, Сургова, Заставы, гдѣ, изломавъ мосты и плотины, я бы его здѣсь надолго задержалъ. Но обо мнѣ забыли, и я былъ извѣщенъ о дѣлѣ подъ Любартовымъ и о направленіи непріятеля лишь за часъ предъ разсвѣтомъ 29-го апрѣля. Я тотчасъ устремился къ Избицѣ, но непріятель, двигавшійся всю ночь, прошелъ уже это мѣстечко и направлялся быстро къ Старому-Замостью Я здѣсь соединился

съ графомъ Толстымъ, командовавшимъ авангардомъ нашего корпуса. Здѣсь сошлись четыре генерала: графъ Толстой, Анрепъ, Шиллингъ и я; такъ какъ я былъ старшій, то графъ Толстой подъѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, но я сказалъ ему: „Ваше дѣло слишкомъ хорошо начато, чтобы я похитилъ у васъ и начальство, и успѣхъ; продолжайте, я же стану помогать вамъ". Если бы Замостье находилось не въ двѣнадцати, а въ тридцати верстахъ, то вѣроятно весь непріятельскій корпусъ, крайне утомленный, побросалъ бы оружіе. Но Замостье было близко и онъ остановился, хотя съ большою потерею. Всѣ мы разошлись, а мнѣ вновь приказано было наблюдать за Замостьемъ. Тѣмъ кончился нахальный, можно сказать, походъ Хржановскаго отъ Сѣдлеца къ Замостью посреди нашей арміи. И здѣсь хотѣли обвинить меня и графа Толстаго въ томъ, что Хржановскому удалось спастись. Къ этому надо прибавить, что за сутки до полученія мною извѣстія о появленіи Хржановскаго въ Коцкѣ, Крейцъ безъ всякой надобности отобралъ у меня Финляндскій драгунскій полкъ, который потому не могъ быть со мною подъ Старымъ-Замостьемъ, ни съ Крейцомъ— въ Любартовѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ отобралъ у меня еще два полка казачьихъ и оставилъ меня съ однимъ полкомъ Кирѣева, въ которомъ было не болѣе 300 человѣкъ. Я не жалуюсь на Крейца [1]), человѣка добраго, но малодушнаго, какъ въ отношеніи своихъ враговъ, такъ и въ отношеніи своихъ пріятелей. Онъ былъ всегда со мною хорошъ и впослѣдствіи остался таковымъ же, но у него былъ начальникъ штаба баронъ Деллингсгаузенъ, зародышъ Макка будущихъ россійскихъ войнъ, который имѣлъ на него неограниченное вліяніе. Онъ сталъ дѣлать неудовольствія Муравьеву, Пашкову, Анрепу, графу Толстому и мнѣ; Крейцъ же молчалъ, какъ

---

[1]) При извѣстіи о приближеніи непріятеля, носъ генерала Крейца вытягивался, можно сказать, на десять пораженій; онъ взялъ приступомъ Люблинъ, защищаемый сволочью, весьма слабо вооруженною; здѣсь отличался при взятіи мельницы баронъ Деллингсгаузенъ, который былъ флигель-адъютантомъ и о которомъ государь изволилъ сказать: «Il est aussi brave, que menteur». Послѣ взятія Люблина Крейцъ въ своемъ донесеніи называлъ его второю Сарагоссою.

мокрая курица и извинялъ его въ письмахъ своихъ ко мнѣ. Короче Крейцъ былъ у него какъ ..... на содержаніи. Все мною здѣсь сказанное основано на письменныхъ официальныхъ документахъ; самъ великій Деллингсгаузенъ не имѣетъ документовъ достаточно сильныхъ, чтобы опровергнуть тѣ, которые у меня и подписаны Крейцомъ и имъ самимъ.

Не могу понять, почему послѣ Остроленской побѣды, которую можно назвать первымъ кризисомъ въ нашу пользу, вдругъ оказалось столь необходимымъ присутствіе въ главной арміи корпуса Крейца, которому приказано было, не ожидая смѣны своей Ридигеромъ, оставить Люблинское воеводство и спѣшить на соединеніе съ арміей; Ридигеръ же, который долженъ былъ смѣнить его, едва перешелъ границу въ Устилугѣ и не прежде могъ двинуться къ Люблину, какъ по прибытіи Кайсарова, который долженъ былъ заступить его мѣсто и имѣть предметомъ охраненіе Волыни. Между тѣмъ около Замостья находился корпусъ Хржановскаго, въ восьмидесяти верстахъ за Вислой корпусъ Дзѣконскаго, коего передовые посты доходили до Курова и Белжады; войсками его корпуса были сильно заняты Казиміржа, Пулава и Голомбъ, гдѣ былъ мостъ и предмостное укрѣпленіе. Подобное повелѣніе Крейцу могло быть объявлено ему до Остроленскаго дѣла, когда готовы были всѣмъ жертвовать для усиленія нашего главнаго корпуса, ожидавшаго встрѣчи съ главными непріятельскими силами. Казалось, благопріятный исходъ дѣла долженъ былъ неминуемо измѣнить всѣ обстоятельства, по крайней мѣрѣ, относительно поспѣшнаго выступленія Крейца изъ Люблина до смѣны его Ридигеромъ, который съ своей стороны не щадилъ ни убѣжденій, ни просьбъ, чтобы склонить Крейца не оставлять береговъ Вислы и Вепржа до своего появленія въ окрестностяхъ Люблина. Если Дибичъ уже рѣшился не оставлять корпуса Крейца, состоявшаго изъ 9000 всадниковъ при сорока-восьми орудіяхъ, для защиты Волыни и удержанія сего края отъ неминуемаго возстанія, то слѣдовало бы ему, по крайней мѣрѣ, присоединить его къ главнымъ силамъ своимъ, а не давать ему направленіе, частью

на Люблинъ, частью на Сточекъ и даже за Вислу для разсѣянія вновь формировавшихся непріятельскихъ войскъ; эти войска, которыя не могли быть сильны, должны были сами по себѣ разсѣяться при одномъ извѣстіи о пораженіи главной польской арміи, и для этой важной цѣли намъ слѣдовало напрягать всѣ умственные и вещественныя усилія наши. Крейцъ выступилъ 19-го мая изъ Люблинскаго воеводства, на защиту котораго имъ была оставлена лишь 2-я конно-егерская дивизія, состоявшая изъ шести-сотъ человѣкъ, неимѣвшихъ ружей, съ изнуренными лошадьми, Хоперскій казачій полкъ, Кирѣева полкъ въ триста человѣкъ, всего 2100 коней. Имъ надлежало наблюдать за непріятелемъ на протяженіи отъ Красностава до Завихвоста, отсюда до Бобровниковъ, а отсюда до Коцка; кромѣ того, надо было занять центральный пунктъ — Люблинъ достаточнымъ числомъ войскъ. Изъ города были вывезены Крейцомъ на подводахъ весь хлѣбъ и овесъ; больныхъ же, которыхъ слѣдовало перевезти въ числѣ 1200 человѣкъ, оставили въ госпиталяхъ города, гдѣ, кромѣ того, брошено было на произволъ судьбы много пороху, зарядовъ и оружія. Даже 48-му егерскому полку, выступившему въ Россію для укомплектованія себя людьми, которому ничего бы не стоило оставаться въ Люблинѣ хотя нѣсколько лишнихъ сутокъ, приказано было, не взирая на всѣ просьбы Пашкова, оставшагося начальникомъ въ воеводствѣ и городѣ, поспѣшнѣе выступать. Жители не помнили себя отъ радости и явно говорили, что надняхъ въ городъ вступитъ польскій корпусъ, который неминуемо насъ всѣхъ плѣнитъ. Это было весьма правдоподобно.

Въ это время, то-есть, 20-го мая Ридигеръ, подъ начальство котораго я поступилъ уже восемь дней, далъ мнѣ изъ Камарова слѣдующее повелѣніе: „Оставить Кирѣева полкъ для наблюденія Замостья, спѣшить самому въ Люблинъ и принять подъ свое главное начальство всѣ войска воеводства.“ Я прибылъ 21-го въ Люблинъ, гдѣ узналъ о побѣдѣ подъ Остроленкой и о прибытіи нашей главной арміи къ Пултуску. Поляки, почитая меня жестокосердымъ, трепетали при имени моемъ. Я, подобно знаменитому нашему Алексѣю Петровичу

Ермолову, съ намѣреніемъ разсѣевалъ эти слухи, чтобы не быть вынужденнымъ карать непокорныхъ. Я находился нѣкоторое время въ крайней опасности, отъ которой избавился лишь видимымъ милосердіемъ Божіимъ. Какъ было не воспользоваться Дзѣконскому отдаленіемъ моимъ отъ главной арміи, находившейся за Наревомъ, отдаленіемъ отъ Ридигера и, наконецъ, выступленіемъ Крейца, котораго онъ могъ значительно удержать и не допустить до Пултуска. Кромѣ того, пользуясь малочисленностью моего отряда, онъ могъ безъ большихъ усилій захватить 1300 больныхъ, много пороху, зарядовъ и нѣсколько сотъ ружей, въ коихъ мы сильно нуждались; но для него было всего важнѣе овладѣніе Люблиномъ, гдѣ онъ могъ легко соединиться съ Хржановскимъ, который съ своей стороны не замедлилъ бы прибыть туда, слѣдуя чрезъ Красноставъ и Пяски. Сосредоточеніе силъ непріятельскихъ могло быть для насъ тѣмъ болѣе гибельно, что въ то же время Скржинецкій готовился со всею арміею выступить изъ-подъ Праги къ Люблину. Движеніе это, предпринятое имъ лишь недѣлю спустя, не имѣло успѣха только потому, что Ридигеръ находился въ то время уже въ Люблинѣ. Зная мою слабость, онъ прислалъ мнѣ отрядъ генерала Плохова, и вскорѣ самъ сюда явился. Зная меня и Плохова со времени войны въ Финляндіи, Ридигеръ питалъ къ намъ большую дружбу и постоянно оказывалъ большое довѣріе. Мнѣ было поручено начальство надъ двадцатью эскадронами, казачьимъ полкомъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Извѣстясь о движеніи Скржинецкаго, Ридигеръ быстрымъ движеніемъ за Вепржъ успѣлъ поразить часть его арміи подъ Лисабысомъ или Будзискимъ. Въ этомъ сраженіи, гдѣ Ридигеръ съ 6000 человѣкъ одержалъ блистательную побѣду на 20000 польскихъ войскъ, я, командуя авангардомъ, состоявшимъ изъ конно-егерской дивизіи Пашкова и двухъ егерскихъ полковъ 19-го и 20-го, при шести орудіяхъ, въ продолженіи трехъ часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля, значительно превосходившаго меня числомъ (здѣсь сражалась противъ меня польская гвардія). Появленіе Ридигера, лично атаковавшаго не-

пріятеля за лѣсомъ, рѣшило судьбу сраженія. Благодаря Бога, я опрокинулъ непріятеля и соединился съ Ридигеромъ, который, слыша сильный съ моей стороны огонь, весьма опасался за меня. Послѣ сраженія онъ меня при всемъ корпусѣ благодарилъ. Въ этомъ дѣлѣ Плоховымъ взято было много офицеровъ и рядовыхъ, обозъ съ артиллерійскими зарядами и ящикъ съ казной, гдѣ найдено было до 50000 рублей. Возвратясь въ Люблинъ, Ридигеръ, узнавъ о выступленіи изъ Замостья Хржановскаго, прогналъ его за Вислу. Поручивъ мнѣ преслѣдованіе непріятеля съ двадцатью-девятью эскадронами, при которыхъ находились генералы Квитницкій, Ольшевскій, Плоховъ, графъ Тимманъ, онъ самъ возвратился въ Люблинъ; но непріятель бѣжалъ такъ быстро, что я не могъ его догнать. Этимъ вполнѣ блестящимъ и малоизвѣстнымъ подвигомъ Ридигеру удалось отстоять Люблинское воеводство. Это—единственная классическая операція въ продолженіи всей войны, она достойна изученія, и Жомини не можетъ не быть въ восторгѣ, узнавъ, какую дѣятельность и энергію выказалъ здѣсь Ридигеръ.

Въ Люблинѣ Ридигеръ праздновалъ свои успѣхи; за обѣдомъ, за которымъ было до шестидесяти человѣкъ (я былъ въ отсутствіи), онъ, между прочимъ, сказалъ: „Когда я въ Лисабысахъ услыхалъ ужасный огонь со стороны авангарда, трехчаснымъ жестокимъ боемъ успѣвшимъ удержать стремленіе главныхъ непріятельскихъ силъ, я, признаюсь, подумалъ, что если Давыдова собьютъ, мнѣ будетъ плохо; но Давыдовъ блистательно опрокинулъ непріятеля“.

Я во время преслѣдованія сдѣлалъ двѣ ошибки, за которыя, знаю, онъ весьма сердился. Когда я прибылъ изъ авангарда и признался въ нихъ съ первыхъ словъ, Ридигеръ вмѣсто того, чтобы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать за то замѣчаніе, сталъ себя обвинять и увѣрять меня, что если я не сдѣлалъ того, что слѣдовало, то этому причиною онъ самъ, съ чѣмъ я однако никакъ согласиться не могъ. Я никогда ни съ однимъ начальникомъ не былъ столь близокъ, какъ съ Ри-

дигеромъ, который былъ обыкновенно не только не мягокъ, но весьма серьезенъ и строгъ; но я, кромѣ незаслуженнаго вниманія, ничего отъ него не видалъ. Зная его съ поручичьяго чина, потомъ полковникомъ и генералъ-майоромъ, я никогда не могъ думать, чтобы онъ былъ одаренъ столь замѣчательными военными способностями. Онъ мнѣ позволилъ и даже просилъ письменно и словесно сообщать ему все, что мнѣ придетъ въ голову. Я часто позволялъ себѣ давать ему совѣты, за которые онъ не зналъ какъ меня достаточно благодарить. Я весьма радуюсь и горжусь тѣмъ, что въ этомъ подвигѣ былъ ему главнымъ помощникомъ, въ особенности въ Лисабысахъ, гдѣ принялъ на свой щитъ главный ударъ непріятеля, о чемъ онъ непрестанно говорилъ и за что баловалъ меня самымъ дружескимъ обращеніемъ. У насъ съ нимъ не было секретовъ; едва получалъ онъ какое либо извѣстіе или важную бумагу, онъ тотчасъ посылалъ за мною, сообщалъ мнѣ все, и мы съ нимъ по нѣсколько часовъ сидѣли вмѣстѣ. По представленію моему, принятому съ благодарностью Ридигеромъ, сдѣлана была по Люблинскому воеводству публикація; мною написанныя правила для аванпостной службы отданы были по его желанію въ приказѣ. Видя его военныя дарованія, рѣшительность и деликатное со мною обращеніе, я глубоко уважаю его, какъ одного изъ отличнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и добродушнѣйшихъ генераловъ нашихъ.

Если бы корпуса Дзѣконскаго изъ-за Виелы, Хржановскаго изъ Замостья и главная непріятельская армія, оставивъ достаточные гарнизоны въ Люблинѣ и Прагѣ и наблюдательные отряды противъ Ридигера и Розена, сосредоточились бы у брестскаго шоссе лицемъ къ Пултуску и Остроленкѣ и развернули бы свои колонны отъ Брокъ къ Ружиполю и Остроленкѣ въ тылу нашей арміи, мы неминуемо понесли бы жесточайшее пораженіе [1]).

---

[1]) До смерти своей графъ Дибичъ жаловался на графа Толя и получилъ въ отвѣтъ разрѣшеніе: «отправить его вонъ». Это письмо, полученное послѣ кончины фельдмаршала, было распечатано графомъ Толемъ.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій вступаетъ въ командованіе арміею. Я не могъ питать большого уваженія къ сему человѣку, потому что гнусные его доносы на Ермолова мнѣ были слишкомъ извѣстны. Принадлежа къ числу безграмотныхъ, которому Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныя письма, онъ, недовольствуясь уже отправленными въ Петербургъ доносами, приказалъ написать отъ имени Аббасъ-Мирзы письмо, въ которомъ Ермоловъ былъ обвиненъ въ вѣроломномъ нарушеніи мира [1]). По его приказанію была вырѣзана армяниномъ печать, которая весьма походила на печать, которую Аббасъ-Мирза обыкновенно прикладывалъ къ своимъ граматамъ и письмамъ; это подложное письмо, снабженное этою печатью, было отправлено въ Петербургъ съ адъютантомъ главнокомандующаго графомъ Опперманомъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ то время при графѣ. Не взирая на все это, я, какъ русскій, желалъ ему отъ души быть генералиссимусомъ, даже принцемъ крови, лишь бы война могла быть имъ окончена скоро и молодецки.

Я опять съ 25-го іюля въ Красноставѣ и вновь наблюдалъ за Замостьемъ, откуда нельзя было ожидать никакого

Великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ однажды графу Дибичу: «Смотри, герой Забалканскій, не будь плѣнникъ Завислянскій». Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ сказалъ Алексѣю Петровичу Ермолову: «Прибывъ въ армію, я въ графѣ Дибичѣ не нашелъ уже того фельдмаршала, съ которымъ я былъ въ сношеніяхъ въ эпоху Адріанопольскаго мира; въ Европѣ многіе дураки утверждали, что я его отравилъ, мнѣ не нужно было этого дѣлать, потому что онъ самъ себя отравлялъ ромомъ».

[1]) Злонамѣренность сего доноса, который . . . . превосходитъ всѣ предыдущіе, очевидна, ибо всѣмъ извѣстно, что Аббасъ-Мирза, вѣроломно нарушивъ миръ, вторгся неожиданно въ наши предѣлы. Графъ Паскевичъ отправилъ для этой цѣли негодяя Карганова (извѣстнаго подъименемъ Ваньки-Каина) съ чиновникомъ на границу для принятія вымышленнаго письма. Это было передано Ермолову генераломъ Василіемъ Иловайскимъ, а послѣ подтверждено многими изъ подчиненныхъ фельдмаршала. Лучшимъ опроверженіемъ того, что Ермоловъ не нарушилъ мира, написавъ будто бы рядъ оскорбительныхъ писемъ Аббасъ-Мирзѣ, служитъ то, что въ теченіе десяти-лѣтняго славнаго управленія Грузіей всѣ письма, писанныя имъ Аббасъ-Мирзѣ и другимъ сосѣднимъ пашамъ были писаны его собственною рукою и ни одно не было предъявлено нашему правительству.

нападенія съ тѣхъ поръ, какъ Хржановскій удалился въ Варшаву. Въ Люблинѣ жители повѣсили носы, говоря, что вскорѣ наступитъ миръ; хотя этого и нельзя было предвидѣть такъ скоро, но слухи эти ясно доказывали, что поляки почитали свое дѣло окончательно проиграннымъ. Я принадлежалъ арміи Сакена, но не Паскевичевой. У поляковъ еще до этого времени началась ужасная анархія, начальникъ существовалъ лишь для командованія войсками въ военное время; внѣ поля сраженія войска не признавали властей, отбирали у жителей послѣднее, говоря, что это для отчизны. Не взирая на то, что я къ полякамъ никогда не питалъ большого расположенія и сочувствія, война эта мнѣ казалась даже невыносимою, ибо часто со слезами на глазахъ я находился вынужденнымъ отрывать родителей отъ дѣтей и отсылать ихъ. Но къ утѣшенію моему, Крейцъ и въ особенности Ридигеръ весьма строго наблюдали за тѣмъ, чтобы солдаты наши не дозволяли себѣ грабить жителей.

19-го іюля я, командуя отрядомъ на Вислѣ, дѣлалъ фальшивую переправу, стрѣлялъ изъ орудій и ружей въ Пулавѣ, и это одно изъ послѣднихъ дѣйствій моихъ въ теченіе кампаніи. Корпусу нашему велѣно было переходить Вислу, и въ диспозиціи было сказано: „Весь корпусъ переходитъ Вислу по мосту въ Юзефовѣ 25-го іюля, а отрядъ генералъ-майора Давыдова въ Пулавѣ съ 24-го на 25-е“. (Такъ моста не было, но я успѣлъ построить и поставить двѣ барки, на коихъ можно было помѣстить пятьдесятъ человѣкъ пѣхоты и два плота, на коихъ можно было поставить человѣкъ десять съ лошадьми). Отрядъ мой состоялъ изъ ста человѣкъ стрѣлковъ, одного казачьяго полка, семи эскадроновъ конныхъ егерей. Весь противоположный берегъ былъ изрытъ длиннымъ валомъ, за которымъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, которые стрѣляли по всякому подходившему съ нашей стороны. Итакъ, мнѣ надлежало съ сотнею стрѣлковъ держаться противъ превосходнаго числомъ непріятеля болѣе сутокъ, ибо ранѣе, и то съ большимъ трудомъ, нельзя было перевести мою конницу, по-

тому что рѣка широка и быстра, плоты же были сдѣланы наскоро, гребцы нашлись съ трудомъ, къ тому же все это должно было находиться подъ выстрѣлами непріятеля. Всѣ мы видѣли явную гибель, къ которой стремились, но я тридцати-лѣтній солдатъ, хотя и сознавалъ вполнѣ свое опасное положеніе, долженъ былъ безпрекословно исполнить повелѣніе. Цѣлый день трудились мы надъ исправленіемъ плотовъ и паромовъ, подвергаясь во все время непріятельскимъ выстрѣламъ. При наступленіи ночи, я сталъ готовиться къ переправѣ; такъ какъ офицеры и стрѣлки обнаруживали большую робость, я рѣшился сѣсть на первую барку и ѣхать съ ними, можно сказать, на убой. Хотя генералъ Ольшевскій, завѣдывавшій конно-егерскими эскадронами, старинный пріятель мой, человѣкъ испытанной храбрости, и сказалъ мнѣ: „Je vous ai toujours cru brave, mais aujourd'hui vous agissez en héros", но я чувствовалъ себя далеко не такъ хладнокровнымъ и спокойнымъ. Ольшевскій оставался на берегу; изъ тѣхъ, коимъ слѣдовало быть со мною, никого не было, всѣ остались въ Пулавѣ, кромѣ моего любезнаго Кологриваго, который былъ мнѣ преданъ, какъ сынъ и храбръ, какъ нельзя болѣе. Когда уже совершенно стемнѣло, я началъ садиться въ первую барку съ пятидесятью стрѣлками; по всему противоположному берегу затрещали выстрѣлы, градъ пуль сталъ осыпать насъ и въ самое короткое время ряды солдатъ убитыхъ и раненыхъ пали вокругъ меня. Едва только хотѣли мы отчалить, какъ послышались съ нашей стороны крики: „Ваше превосходительство! курьеръ!"

Я выскочилъ изъ барки и при огнѣ фонарей прочелъ: „Отмѣнить переправу и итти къ мосту на Юзефовъ". Еще секунда, мы бы отчалили, полетѣли бы по быстрой Вислѣ, и уже никакой курьеръ насъ не могъ бы спасти. Огонь непріятельскій по насъ былъ такъ силенъ, что въ Пулавѣ раненъ былъ мой человѣкъ. Тутъ человѣческаго ничего не было, одинъ Богъ былъ виновникомъ нашего спасенія; я съ полноты душевной принесъ ему мою душевную молитву за столь

чудное спасеніе! Полковникъ польскій, командовавшій на противоположномъ берегу, будучи впослѣдствіи взятъ въ плѣнъ, говорилъ мнѣ, что онъ, зная о нашей переправѣ, ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы всѣхъ насъ истребить.

Въ 20-хъ числахъ августа я командовалъ отрядомъ въ предмостномъ укрѣпленіи на Вислѣ, близъ Казимiржа. Варшава была еще въ рукахъ непріятельскихъ. Вдругъ непріятель, въ довольно большихъ силахъ приблизившись къ намъ, выслалъ на приступъ двѣ колонны; такъ какъ я зналъ, что это были толпы мужиковъ, предводимыхъ Ружицкимъ, я открылъ по нихъ сильный огонь, отъ котораго они разсѣялись. Ридигеръ, бывшій постоянно моимъ ангеломъ-хранителемъ, бодрствовалъ по своему обыкновенію; онъ явился, преслѣдовалъ на разстояніи тридцати верстъ непріятеля, который при этомъ лишился 1000 человѣкъ убитыми и плѣнными, пятнадцать офицеровъ и пятьсотъ рядовыхъ. Чрезъ два дня я узналъ, что десяти-тысячный корпусъ генерала Рамарино, преслѣдуемый Розеномъ, направляется на меня; такъ какъ у насъ было всего 1200 человѣкъ, я потому поспѣшилъ извѣстить о томъ Ридигера, находящагося въ пятидесяти верстахъ. До полученія моей бумаги, онъ мнѣ предписалъ съ однимъ баталіономъ и четырьмя орудіями спѣшить въ Радомъ на подкрѣпленіе принца Адама Виртембергскаго[1]); я послалъ къ нему другого курьера, при чемъ писалъ ему, что полагаю свое присутствіе въ укрѣпленіи болѣе необходимымъ. Получивъ повторительное приказаніе выступить, я на разсвѣтѣ 1-го сентября двинулся, но на половинѣ дороги меня настигъ новый курьеръ съ приказаніемъ ночевать и возвратиться назадъ.

Утромъ получилъ я слѣдующее донесеніе отъ генерала Слатвинскаго, оставшагося въ укрѣпленіи: „Видя предъ собой непріятеля въ весьма большихъ силахъ, нашелся вынужденнымъ оставить укрѣпленіе праваго берега, и перейдя

---

[1]) Объ немъ я однажды сказалъ: «Quoique ce soit un prince de sang et par dessus cela un Adam, mais ce n'est pas le premier des hommes»

рѣку, я сжегъ мостъ“. Онъ поступилъ весьма благоразумно и основательно; непріятель, за неимѣніемъ моста, двинулся къ австрійской границѣ, гдѣ, преслѣдуемый русскими, онъ положилъ оружіе. Такъ какъ Слатвинскій не успѣлъ кой-чего перевезти на тотъ берегъ, то подвергся сильнымъ нареканіямъ. Я бы испыталъ то же самое, но, къ счастью, Богъ меня отъ того спасъ.

Къ намъ стало возвращаться много офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, которые были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ жителей Варшавы. Такъ, напримѣръ, нѣкто ксендзъ Пулавскій ходилъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, умоляя со слезами народъ истребить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и евреевъ. Нѣсколько десятковъ евреевъ было повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Генералъ Янковскій за неудачу свою подъ Лисабысомъ (или Будзискомъ), генералъ Буковскій и камергеръ Феншъ были изрублены и повѣшены. Графиня Гауке также была изрублена и повѣшена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была также повѣшена въ глазахъ ея дочери, тщетно умолявшей о пощадѣ и получившей также ударъ штыкомъ въ бокъ. Плѣнный офицеръ нашъ Кетлеръ былъ повѣшенъ вслѣдствіе просьбы какой-то женщины, которая просила народъ, въ случаѣ несогласія его на то, повѣсить ее. Офицеры наши, возвратясь изъ плѣна разсказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возьмутъ въ плѣнъ, то тотчасъ повѣсятъ. При нихъ объявлено было нѣсколько разъ, что Ридигеръ и я взяты, и что насъ везутъ въ Варшаву, гдѣ намъ потому заготовлялись почетныя квартиры и на другой день мы должны были быть повѣшенными: „Слышите ли, говорили поляки, что партизанъ Давыдко (это было мое прозвище) идетъ на насъ, жжетъ и рубитъ все безъ пощады, смотрите, будьте осторожны; но мы его скоро возьмемъ и повѣсимъ“. На аванпостахъ съ начала войны спрашивали лишь о принцѣ Адамѣ Виртембергскомъ, котораго ненавидѣли за то, что его мать была княжна Чарторижская и онъ самъ прежде служилъ въ польскихъ вой-

скахъ; о Ридигерѣ, который своими славными побѣдами навелъ на нихъ страхъ, и о мнѣ недостойномъ.

Нѣкто генералъ Каминскій командовалъ отрядомъ, который мы полагали въ 1500 человѣкъ, но онъ состоялъ изъ 4000 человѣкъ; онъ весь положилъ оружіе и, павъ на колѣна, кричалъ: „Виватъ Николай, цесаржъ нашъ польскій!“ Грустно становится смотрѣть на этотъ народъ, гордый и заносчивый въ счастіи, но низкопоклонный послѣ неудачи. Вспомнишь невольно слова Наполеона: „Cette nation porte sa ruine dans son caractére“. Но слава Богу, Варшава пала, и лучъ русскаго штыка вновь засверкалъ старинной славой!

Текстъ настоящихъ «Воспоминаній» печатается по изданію «Русской Старины» (1872 г., т. VI), съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣланными нами по списку, принадлежавшему князю И. Ѳ. Паскевичу, и нынѣ хранящемуся въ редакціи «Русской Старины.»

СОЧИНЕНІЯ
ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА
ДАВЫДОВА.

Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова
и примѣчаніями,

составленными А. О. Круглымъ.

Томъ III.

ПРОЗА.—ПИСЬМА.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
къ журналу
„СѢВЕРЪ",
за
МАРТЪ
1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 марта 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова, Большая Итал., № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

Письма.

ПРОЗА.

XII.

О партизанской войнѣ.

Односторонній взглядъ на предметъ или сужденіе о немъ съ мнимою предусмотрительностью есть причина того понятія о партизанской войнѣ, которое не престаетъ еще господствовать. Схватить языка, предать пламени нѣсколько непріятельскихъ хванилищъ, недалеко отстоящихъ отъ арміи, сорвать незапно передовую стражу, или въ умноженіи партій видѣть пагубную систему раздробительнаго дѣйствія арміи—суть обыкновенныя сей войны опредѣленія. И то и другое ложно. Партизанская война состоитъ ни въ весьма дробныхъ, ни въ первостепенныхъ предпріятіяхъ: ибо занимается не сожженіемъ одного или двухъ амбаровъ, не сорваніемъ пикетовъ и не нанесеніемъ прямыхъ ударовъ главнымъ силамъ непріятеля. Она объемлетъ и пересѣкаетъ все протяженіе путей, отъ тыла противной арміи до того пространства земли, которое опредѣлено на снабженіе ея войсками, пропитаніемъ и зарядами, чрезъ что заграждая теченіе источника ея силъ и существованія, она подвергаетъ её ударамъ своей арміи обезсиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительныхъ узъ подчиненности. Вотъ партизанская война въ полномъ смыслѣ слова.

Безъ сомнѣнія, такого рода война была бы менѣе полезна, если-бъ воевали однѣми малосильными арміями, не требующими большаго количества съѣстныхъ потребностей и дѣйствующими однимъ холоднымъ оружіемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе, съ тѣхъ

поръ, какъ умножили огромность военныхъ силъ, и наконецъ съ тѣхъ поръ, какъ склонились болѣе къ системѣ сосредоточенія, чѣмъ раздробленія войскъ при размѣщеніи и направленіи ихъ въ походахъ и въ дѣйствіи,—съ тѣхъ поръ и пропитаніе ихъ, извлекаемое изъ того пространства земли, которое они собою покрываютъ, должно было встрѣтить невозможности, а производство зарядовъ въ лабораторіяхъ, обученіе рекрутъ и образованіе резервовъ—необоримыя затрудненія среди тревогъ, битвъ и военныхъ случайностей.

При таковыхъ обстоятельствахъ надлежало искать средства къ снабженію войскъ всѣми для войны необходимыми потребностями не чрезъ извлеченія ихъ изъ пространства земли, войсками покрываемаго, что отъ несоразмѣрности потребителей съ произведеніями было бы невозможно, а изъ предѣловъ, находящихся внѣ боевыхъ происшествій. Отъ сего произошло раздѣленіе театра войны на два поля: на боевое поле и на поле запасовъ, и снабженіе перваго произведеніями второго, но не вдругъ и не великими громадами, а по мѣрѣ израсходованія съѣстныхъ и боевыхъ предметовъ, возимыхъ при арміи, дабы не обременять её излишними тяжестями и чрезъ то не оковывать ея движеній. Но само собою разумѣется, что изобрѣтеніе это долженствовало произвести и со стороны противника изобрѣтеніе къ прегражденію снабженія непріятельской арміи предметами столь для нея необходимыми.

Для достиженія этой цѣли два способа представились при первомъ взглядѣ: или дѣйствіе отрядами на боевое поле непосредственно въ тылъ фронта арміи, гдѣ производится раздача привозимыхъ зарядовъ и провіанта и размѣщеніе прибывшихъ войскъ изъ резервовъ, или дѣйствіе оными же отрядами на самое поле запасовъ.

Но тутъ же удостовѣрились, что первое съ трудомъ прикосновенно отъ смежности самой непріятельской арміи съ мѣстомъ, назначеннымъ для нападенія, а послѣднее обыкновенно ограждаемо укрѣпленіями, въ срединѣ коихъ заключаются склады продовольствія, приготовляются заряды и производится образованіе резервовъ. Осталось то пространство, по которому

всѣ сіи три предмета доставляются въ армію: вотъ поле партизанскаго дѣйствія. Оно не представляетъ тѣхъ препятствій, которыми изобилуетъ и боевое поле и поле запасовъ: ибо какъ главныя силы арміи, такъ и укрѣпленія, находясь на оконечностяхъ онаго, не въ состояніи защищать его — первыя отъ стремленія всѣхъ усилій на борьбу съ противоположной имъ главной арміей, послѣднія по причинѣ естественной неподвижности своей. Изъ сего слѣдуетъ, что партизанская война существовать не можетъ, когда непріятельская армія расположена на самомъ полѣ запасовъ; но чѣмъ болѣе увеличивается пространство, отдѣляющее боевое поле отъ поля запасовъ, тѣмъ партизанская война полезнѣе и рѣшительнѣе. Правда, что осторожные полководцы не минуютъ опредѣлять по всему протяженію главнаго пути, разсѣкающему означенное пространство, и укрѣпленные этапы, или пріюты, для защиты подвозовъ во время ихъ приваловъ и ночлеговъ, и отряды войскъ для прикрытія сихъ подвозовъ во время переходовъ ихъ отъ этапа до этапа; мѣры благоразумныя, но далеко уступающія и долженствующія уступить нападенію многочисленныхъ и дѣятельныхъ партій, какъ всякое оборонительное дѣйствіе уступаетъ наступательному. Къ тому же, надо прибавить и то, что эти укрѣпленные этапы сколько ни были бы обширны, никакъ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ то количество подводъ, которое составляетъ и самый слабый подвозъ армій нашего времени; прикрытіе, сколько ни было бы многолюдно, никогда совокупно итти не можетъ по той причинѣ, что, охраняя все протяженіе подвоза, оно принуждено растягиваться по мѣрѣ протяженія онаго во время переходовъ, и потому всегда быть слабѣе на точкѣ натиска партіи, совокупно дѣйствующей. Независимо отъ этихъ неудобствъ, сколько надо боевой силы для снабженія ею сихъ укрѣпленныхъ этапъ, болѣе и болѣе умножающихся по мѣрѣ движенія впередъ, по мѣрѣ успѣховъ, увлекающихъ наступающую армію далѣе и далѣе отъ поля запасовъ!

Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность партизанской войны при огромныхъ ополченіяхъ и системѣ

сосредоточенія въ дѣйствіяхъ нашего времени, сдѣлаемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ.

Во-первыхъ, кѣмъ производится война?—Людьми соединенными въ арміи.

Во-вторыхъ, но люди, такъ сказать, съ пустыми руками могутъ ли сражаться?—Нѣтъ. Война не кулачный бой. Этимъ людямъ нужно оружіе; но со времени изобрѣтенія пороха и оружіе само собою недостаточно: этому оружію нужны и патроны и заряды, для произведенія дѣйствія отъ него требуемаго; а так къ какъ патроны и заряды болѣе или менѣе выстрѣливаются въ каждой битвѣ и дѣланіе ихъ затруднительно при движеніяхъ и дѣйствіи войскъ, то необходимо нужно снабжать оружія новыми зарядами и патронами съ того мѣста, гдѣ они приготовляются. Это ясно доказываетъ, что армія, и съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ патроновъ и зарядовъ, ни что иное, какъ устроенная толпа людей съ рогатинами, толпа, которая, отъ перваго непріятельскаго выстрѣла должна разсѣяться, или, принявъ битву, погибнуть. Словомъ, нѣтъ силы въ арміи, или, можно сказать, что со времени изобрѣтенія пороха—нѣтъ арміи безъ зарядовъ и патроновъ.

Въ третьихъ, требуетъ ли армія подкрѣпленія въ теченіе войны?—Требуетъ, по мѣрѣ потери людей и лошадей въ сраженіяхъ, въ стычкахъ и перестрѣлкахъ, также и отъ ранъ получаемыхъ или въ битвахъ, также и отъ болѣзней, умножающихся отъ усиленныхъ переходовъ, ненастья, трудовъ и недостатковъ всякаго рода. Безъ укомплектованія себя, арміи должны мало по малу уменьшаться и потомъ исчезнуть совершенно.

Наконецъ въ четвертыхъ, нечего спрашивать, нужна ли пища солдату, ибо человѣкъ безъ пищи не только сражаться, но и жить не можетъ; а такъ какъ доказано, что по многолюдству своему арміи нашего времени не въ состояніи довольствоваться произведеніями того пространства земли, которое онѣ собою покрываютъ, то имъ необходимы подвозы съ пищею, безъ которыхъ онѣ должны или умереть съ голоду, или, разсѣясь для отысканія пропитанія за кругъ боевыхъ происше-

ствій, превратиться въ развратную толпу бродягъ и грабителей, и погибнуть по частямъ, безъ защиты и славы.

Итакъ, чтобы лишить непріятеля сихъ трехъ, можно сказать, коренныхъ стихій жизненной и боевой силы всякой арміи, какое для сего избрать средство? Нѣтъ другого, какъ истребленіе ихъ во время ихъ перемѣщенія съ поля запасовъ на боевое поле, слѣдственно, средствомъ партизанской войны. Что предприметъ непріятель безъ пищи, безъ зарядовъ* и безъ укомплектованія себя войсками? Онъ принужденъ будетъ или прекратить дѣйствіе миромъ, или плѣномъ, или разсѣяніемъ, безъ надежды на соединеніе—три послѣдствія весьма неутѣшительныя и совершенно противоположныя тѣмъ, которыя стяжаетъ всякая армія при открытіи военныхъ дѣйствій. Независимо отъ гибели, которою угрожаетъ партизанская война симъ тремъ кореннымъ стихіямъ силы и существованія всякой арміи, есть второстепенныя необходимости, тѣсно связанныя съ благосостояніемъ ея, и не менѣе подвозовъ съ пищею и съ зарядами, не менѣе доставленія къ ней резервовъ подвергающіяся опасности: подвозы съ одеждою, съ обувью и съ оружіемъ на смѣну испорченному отъ чрезмѣрнаго употребленія или потерянному въ сумятицахъ сраженій; хирургическія и госпитальныя вещи; курьеры и адъютанты, возящіе иногда весьма важныя повелѣнія изъ непріятельской главной квартиры къ оставшимся позади областямъ, резервамъ, заведеніямъ, отдѣльнымъ корпусамъ и отрядамъ, такъ какъ и донесенія послѣднихъ въ главную квартиру, чрезъ что разрушается содѣйствіе всѣхъ частей между собою. Транспорты раненыхъ и больныхъ, перевозимыхъ изъ арміи въ больницы, или команды выздоровѣвшихъ, возвращающіяся изъ больницы въ армію; чиновники высшаго званія, переѣзжающіе съ одного мѣста на другое для осмотра отдѣльныхъ частей, или для принятія отдѣльнаго начальства, и прочее.

Но это недостаточно. Партизанская война имѣетъ вліяніе и на главныя операціи непріятельской арміи. Перемѣщеніе ея въ теченіе кампаніи по стратегическимъ видамъ долженствуетъ встрѣтить необоримыя затрудненія, когда первый и каждый

шагъ ея можетъ немедленно быть извѣстенъ противному полководцу посредствомъ партій, когда сими же партіями, на первомъ и на каждомъ шагу, она можетъ быть задержана засѣками, истребленными переправами, и атакована всѣми противными силами въ то время, какъ, оставя одинъ стратегическій пунктъ, она не успѣла еще достичь до другого, что приводитъ намъ на память Сеславина и Малоярославецъ. Таковыми преградами угрожаетъ непріятель и во время отступленія своего. Преграды эти, воздвигнутыя и защищаемыя партіями, способствуютъ преслѣдующей арміи тѣснить отступающую и пользоваться мѣстными выгодами для окончательнаго ея разрушенія: зрѣлище, коему мы были свидѣтелями въ 1812 году, при отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ отъ Москвы до Нѣмана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступаетъ вещественной части этого рода дѣйствія. Поднятіе упадшаго духа въ жителяхъ тѣхъ областей, которыя находятся въ тылу непріятельской арміи; отвлеченіе отъ содѣйствія ей людей безпокойныхъ, корыстолюбивыхъ, посредствомъ всякаго рода добычи, отбиваемой у нея и раздѣляемой съ жителями въ замѣну приманокъ, расточаемыхъ имъ вождями противныхъ войскъ въ однѣхъ только прокламаціяхъ; ободреніе собственной арміи частымъ доставленіемъ къ ней и подъ глаза ея плѣнныхъ солдатъ и чиновниковъ, обозовъ и подвозовъ съ провіантомъ, парковъ и даже орудій, и сверхъ того потрясеніе и подавленіе духа въ противодѣйствующихъ войскахъ: таковы плоды партизанской войны искусно управляемой. Какихъ послѣдствій не будемъ мы свидѣтелями, когда успѣхи партій обратятъ на ихъ сторону все народонаселеніе областей, находящихся въ тылу непріятельской арміи, и ужасъ, посѣянный на ея путяхъ сообщенія, разгласится въ рядахъ ея? когда мысль, что нѣтъ ни прохода, ни проѣзда отъ партій, похищая у каждаго воина надежду при немочи на безопасное убѣжище въ больницахъ, устроенныхъ на поле запасовъ, а въ рядахъ достаточное пропитаніе, съ того же поля привозимое, въ первомъ случаѣ произведетъ въ немъ робкую предусмо-

трительность, въ послѣднемъ увлечетъ его на неизбѣжное грабительство, одну изъ главныхъ причинъ паденія дисциплины, а съ дисциплиною совершеннаго разрушенія арміи.

Иностранные писатели излагаютъ законы военнаго искуства не для насъ русскихъ, а для государствъ, коимъ принадлежали они, слѣдственно, по масштабу и по свойству военной силы, имъ извѣстной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и мѣстность, и понынѣ находясь за предѣлами понятій и разсчетовъ ихъ, столь рѣзко разнствуютъ съ другими государствами. Напримѣръ, правила, чтобы не употреблять легкаго войска на долгое время и на дальнее разстояніе отъ главной арміи, дабы чрезъ то не лишить ея той числительной силы, которая въ генеральныхъ сраженіяхъ такъ необходима, и что партизанская война безопасна только въ собственномъ и въ союзномъ государствѣ, но гибельна и невозможна въ предѣлахъ непріятеля—суть правила справедливыя и неоспоримыя относительно всѣхъ европейскихъ государствъ, но ошибочныя относительно Россіи.

Легкая европейская конница составлена изъ людей одинаковаго свойства съ людьми составляющими всѣ другія части линейнаго войска.

Она различествуетъ отъ нихъ одною одеждою и названіемъ, но ничѣмъ другимъ: ни особою способностью къ наѣздамъ и поискамъ, ни особою отважностью, сноровкой и подвижностью; слѣдственно, отдѣленіе отъ главной массы такой легкой конницы на предпріятія, по неспособности ея, невѣрныя и гадательныя—есть истинное раздробленіе арміи на части и лишеніе ея силъ необходимыхъ въ генеральныхъ сраженіяхъ. Къ неспособности этой конницы на отдѣльное дѣйствіе надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребываніе ея въ непріятельской землѣ, которой народонаселеніе въ такой враждѣ или въ явномъ противъ нея возстаніи. Все это чуждо для россійской арміи. Легкая конница ея состоитъ не изъ бригадъ или дивизій, носящихъ только званіе легкаго войска, а изъ цѣлыхъ племенъ воинственныхъ всадниковъ, исключительно занимающихся наѣздами и изъ рода въ родъ

передающихъ способность свою къ сему роду дѣйствія. Конница эта никогда нейдетъ у насъ въ счетъ съ линейнымъ войскомъ для генеральныхъ сраженій и, мало полезная въ нихъ, превосходна и неподражаема въ отдѣльныхъ поискахъ.

Итакъ, потому что европейскими арміями не употребляется партизанская война отъ неимѣнія ни единаго истинно легкаго всадника и отъ необходимости содержать въ общей массѣ даже и тѣхъ, кои носятъ званіе легкихъ всадниковъ, неужели и мы, обладающіе цѣлыми парадами летучихъ, неутомимыхъ и врожденныхъ наѣздниковъ, ни мало непослабляющихъ отсутствіемъ своимъ регулярную армію, неужели и мы обязаны воспретить себѣ родъ дѣйствія, для насъ столь полезный для противниковъ нашихъ столь гибельный? Если бы случилось Россіи воевать государства, у коихъ не было бы ни артиллеріи, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей отъ употребленія противу нихъ и артиллеріи и конницы? Что сказали бы объ Англіи, если-бъ вздумала она заключить флотъ свой въ пристаняхъ, вмѣсто того, чтобы сражаться имъ въ открытомъ морѣ съ флотами, столь много уступающими ему и качествомъ и количествомъ? Вотъ, однако же, что̀ дѣлала Россія въ отношеніи къ своей легкой конницѣ. Насыщенная неразрывнымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній, пріобрѣтенныхъ усиліями одныхъ линейныхъ войскъ своихъ, и потому имѣя все право избѣгать заботы въ изысканіи другого рода средствъ къ покоренію своихъ противниковъ, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служившихъ ей въ теченіе полнаго столѣтія. Послѣ Бородинскаго сраженія приступлено было къ испытанію этого новаго употребленія легкой конницы. Пущено нѣкоторое число казачьихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятельской арміи: и едва отдѣлились они отъ главныхъ нашихъ силъ, какъ безмятежные дотолѣ пути сообщенія непріятеля приняли иной видъ; все обратилось на нихъ вверхъ дномъ и въ хаосъ, и несмѣтное число солдатъ и всякихъ степеней чиновниковъ, подвозовъ съ провіантомъ и съ оружіемъ, парковъ съ зарядами и даже орудій загромоздили нашу главную квартиру.

Безошибочно можно сказать, что болѣе трети войска, отхваченнаго у непріятеля, и всѣ транспорты, къ нему шедшіе и доставшіеся намъ въ сей рѣшительный переломъ судьбы Россіи, принадлежатъ тѣмъ изъ казачьихъ отрядовъ, кои дѣйствовали въ тылу и на флангахъ непріятельской арміи. Если выводъ единаго испытанія этого,—ибо по малочисленности партій, пущенныхъ тогда на путь сообщенія непріятеля, можно почесть это предпріятіе истиннымъ испытаніемъ,—если выводъ этотъ, говорю я, представляетъ намъ такой огромный выигрышъ при употребленіи такихъ слабыхъ средствъ, то чего не можно ожидать отъ развитія этого рода дѣйствія по размѣру, сообразному съ многочисленностью легкой конницы нашей, въ наступательныхъ войнахъ съ Европою?

Надо надѣяться, или лучше сказать, можно съ достовѣрностью ожидать, что со временемъ и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною вниманія, потому что они судятъ о легкихъ войскахъ нашихъ по своимъ легкимъ войскамъ, что и эта часть, отъ бо̀льшаго и бо̀льшаго усовершенствованія, вскорѣ поступитъ на степень прочихъ частей военной силы государства.

Огромна наша мать Россія! Изобиліе средствъ ея дорого уже стоитъ многимъ народамъ, посягавшимъ на ея честь и существованіе; но не знаютъ еще они всѣхъ слоевъ лавы, покоящихся на днѣ ея. Одинъ изъ сихъ слоевъ состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ полудикихъ и воинственныхъ народовъ, населяющихъ всю часть Имперіи, лежащую между Днѣпра, Дона, Кубани, Терека и верховьевъ Урала, и коихъ поголовное ополченіе можетъ выставить въ поле сто, полтораста, двѣсти тысячъ природныхъ наѣздниковъ. Единое мановеніе царя нашего, и застонутъ поля непріятелей подъ копытами сей свирѣпой, неутомимо подвижной конницы, предводимой просвѣщенными чиновниками регулярной арміи! Не разрушится ли, не развѣется ли, не снесется ли прахомъ съ лица земли все, что ни повстрѣчается, живого и неживого, на широкомъ пути урагана, направленнаго въ тылъ непріятельской арміи, занятой въ то же время борьбою съ милліонною нашею

арміей, первою въ мірѣ по своей храбрости, дисциплинѣ и устройству?

Еще Россія не подымалась во весь исполинскій ростъ свой, и горе ея непріятелямъ, если она когда-нибудь подымется!

«Современникъ» 1836 г., т. III.—Въ изданіи 1860 г. эта статья напечатана въ сокращенной и исправленной редакціи и составляетъ «Вступленіе» къ «Опыту теоріи партизанскихъ дѣйствій» съ слѣдующимъ эпиграфомъ: «Je ne suis qu'un soldat et je n'ai bue du zèle».

XIII.

Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?

(Посвящается графу Карлу Θедоровичу Толю).

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Напалеона, казавшіяся непоколебимыми. Отшибы эти были произведены двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и порабощенной имъ Европы: Испаніею и Россіею.

Первая—противуставшая французамъ безъ союзниковъ и безъ Наполеона, потрясла налагаемое на нее иго при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англіи. Послѣдняя, принявшая на свой щитъ удары того французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Западомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ,—достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству. Однако жъ всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушныя усилія испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи русскаго народа нисколько не упоминаютъ; они, въ добавокъ, уничтожаютъ ихъ

разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданно наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать-два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать-два года готовится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, впослѣдствіи предательски на нее возставшіе, но въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ вмѣстѣ съ нею же раздѣлявшіе стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочутъ о распространеніи и укорененіи въ общемъ мнѣніи этой ложной причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія;— и не могло быть иначе. Надутая двадцати-лѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло независимость свою не только отраженіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ всей европейской орды, ей принадлежавшей, ополчившейся съ нею подъ предводительствомъ величайшаго генія вѣковъ и міра? Этой ли націи, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что̀ еще чувствительнѣе, каррикатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, можно ли было ей признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда! когда, обладая монополіею словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, справедливо почитаемымъ общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она болѣе другихъ народовъ могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на счетъ событія, столь жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно ниспровергнувшаго призрака ея непобѣдимости! Будемъ справедливы; какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? какая нація, напротивъ, не усиливалась бы поддержать свой кредитъ

въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ ударомъ?

Франція не пренебрегла этимъ преимуществомъ и поступила похвально; священнѣйшій долгъ всякаго народа состоитъ въ томъ, чтобы дорожить своимъ достоинствомъ, спасать и защищать всѣми мѣрами, всѣми средствами нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его вещественнымъ существованіемъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ русскихъ, которые, бывъ свидѣтелями, даже дѣятелями въ этомъ великомъ подвигѣ, знаютъ истинную причину гибели нахлынувшихъ на насъ полчищъ, — похвально ли имъ повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобы не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фраковъ, или повязки галстуковъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ лишь огонь восковыхъ свѣчъ и кенкетовъ, да запахъ пороху на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугунъ, и свинецъ, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, что тѣ, которые въ моихъ глазахъ подвергали опасности покой, здоровье и жизнь свою на войнѣ Отечественной, приписываютъ теперь блистательный исходъ ея одной лишь причинѣ, приводимой ея врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо и ревностно тогда подвизались; они, въ угожденіе имъ, жертвуютъ собственными трудами, подвигами, ранами, торжествомъ и славою Россіи, — какъ будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ въ изданной мною нѣкогда особой статьѣ [1]) ложное показаніе Наполеона, будто въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго вреда его арміи. Теперь приступаю къ другому вопросу, къ опроверженію того, будто „армія

---

[1]) Разборъ трехъ статей Наполеона.

Наполеона погибла единственно отъ стужи, настигшей неожиданно въ необыкновенное время года", а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла:

Во-первыхъ, не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ, обѣщаніемъ мира, успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно было ему для возрожденія нашей арміи.

Во-вторыхъ, не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ, чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный.

Въ третьихъ, не отъ флангового марша арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную непріятелемъ, при малѣйшемъ его замедленіи.

Въ четвертыхъ, не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ единство непріятельской арміи при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ.

Въ пятыхъ, не отъ чудеснаго соединенія, почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ, трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыни.

Въ шестыхъ, не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ нашими партіями и не отъ изнуренія непріятельской арміи ежечасными, денными и ночными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которыя тѣснили ее, какъ въ ящикѣ, отъ Москвы до Нѣмана, не позволяя ни одному солдату отлучаться на шагъ отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи.

Въ седьмыхъ наконецъ, будто армія эта погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отъ чего каждое движеніе малѣйшей ея части было тотчасъ извѣстно нашему главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ „Опытѣ партизанскаго дѣйствія“ мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и, слѣдовательно, нѣсколько очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся военныхъ подвиговъ французской арміи.

Начнемъ съ господина Коха [1]). Онъ говоритъ:

„Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна похвалъ; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково, напримѣръ, увѣреніе его, что одна стужа причиною злополучія французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда сѣверная армія перешла по льду Вааль и овладѣла голландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ 1807 году, когда огромныя толпы конницы неоднократными наскоками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если, по собственному разсчету генерала Гурго, французская армія состояла только изъ сорока-пяти тысячъ дѣйствовавшаго войска, по прибытіи ея на берега Березины, то должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенію. Онѣ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности относительно продовольствія“.

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаетъ господинъ Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее [2]):

„Въ это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то-есть, на обратномъ пути около Вязьмы, французская армія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ положеніи, въ какомъ французскій историкъ старается показать ее. До 25-го октября, то-есть, на обратномъ пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа гораздо умѣреннѣе той, кото-

---

[1]) Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

[2]) Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le génénae Gourgaud.

рую мы переносили во время кампаніи въ Пруссіи и въ Польшѣ въ 1807 году и даже въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самого императора. Октября 25-го, на обратномъ пути около Дорогобужа, корпуса арміи еще находились въ устройствѣ; они были составлены изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя уронъ, понесенный ими въ походѣ, много убавилъ числительную силу ихъ. Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ) ошибается еще въ томъ, будто бы въ Оршѣ безпорядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель, послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносными. Что касается до сильной стужи, то мѣру ея опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще покрыта льдомъ, во время переправы чрезъ нее".

Господинъ Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра [1]):

„Октября 15-го ст. ст. четыре градуса стужи". (Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца).

„Октября 23-го, снѣгъ, слѣдственно стужа умѣренная". (Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы).

„Октября 24-го, снѣгъ продолжается". (Это на обратномъ пути между Вязьмою и Дорогобужемъ).

„Октября 25-го, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдственно немного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ". (Это было тамъ же и уже около Дорогобужа).

„Октября 28-го, двѣнадцать градусовъ стужи". (Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ).

„Октября 31-го и ноября 1-го, семнадцать градусовъ стужи". (Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ).

„Ноября 2-го, стужа гораздо слабѣе". (Это было на обратномъ пути, по выступленіи изъ Смоленска къ Красному).

„Ноября 6-го, оттепель". (Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею).

---

[1]) Histoire de l'expédition de Russie par M*** (Chambray). Tome III.

„Ноября 12-го, оттепель прекращается“. (Это было на обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ).

„Не одна стужа разстроила и истребила французскую армію, потому что второй и девятый корпуса сохранили совершенный порядокъ, не взирая на то, что терпѣли такую же стужу, какъ и главная армія. Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска отъ Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна, нежели гибельна. Главныя причины злополучія, постигшаго нашу армію, были во-первыхъ голодъ, потомъ безпрерывные переходы и кочевья, и наконецъ уже стужа, когда она была сопряжена со снѣгомъ. Чтò касается до лошадей, то, сытыя, онѣ весьма легко переносятъ стужу, сколь она ни жестока. Онѣ гибли не отъ нея, а отъ голоду и усталости.

„Я уже сказалъ, и еще повторяю: сытыя лошади переносятъ кочевья безъ затрудненія, какъ бы стужа ни была велика. Итакъ, не стужа погубила лошадей французской арміи, и ихъ пало не до тридцати тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ бюллетеней. Самая жестокая стужа, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября, ст. ст., то-есть, на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ [1]): „Еще три дня хорошей погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отступленіе свое“.

Генералъ Жомини, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи [2]), заставляетъ говорить Наполеона: „Главныя причины неудачи предпріятія на Россію относили къ ранней и чрезмѣрной стужѣ; всѣ мои приверженцы повторяютъ эти слова до пресыщенія. Это совершенно ложно. Какъ подумать, чтобы я не зналъ о срокѣ этого ежегоднаго явленія въ Россіи! Не только зима наступила не ранѣе обыкновеннаго, но приходъ ея 26-го октября, ст. ст., былъ позже, нежели какъ это ежегодно случается. Стужа не была чрезмѣрна, потому что до

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page. 113.

[2]) Vie politique et militaire de Napoléon. Tome IV.

Краснаго она измѣнялась отъ трехъ до восьми градусовъ, а 8-го ноября наступила оттепель, которая продолжалась до самаго прибытія нашего къ берегамъ Березины: одинъ только день пѣхота могла переходить по льду чрезъ Днѣпръ, и то до вечера; вечеромъ оттепель снова испортила переправу.

„Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кампаніи: въ послѣдней громады конницы носились по озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы поднять цѣлую армію съ артиллеріею. Но при Эйлау армія моя не разстроилась, потому что была въ краѣ изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ 1812 году: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колонны наши обратились въ буйную сволочь, въ которой солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ другому. Чтобы собраться и распутаться, намъ надлежало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ лагерѣ, снабженномъ огромными магазинами.

„Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы должны были погибнуть: потому что оттуда до Вислы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для пристанища, а у Вислы армія уже не существовала. Я прибылъ въ Смоленскъ 28-го октября, ст. ст. Вся армія собралась 1-го ноября. Она во всемъ нуждалась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтованной, какъ къ предѣлу своего злополучія, что̀ обрѣла она тамъ? Обрушенные домы, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмѣсячное пребываніе корпуса маршала Виктора вокругъ города, гарнизонъ, пятнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ и проходившія команды издерживали въ сутки по 60000 раціоновъ.

„Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа была достаточна, чтобы ее частью разстроить“.

Въ примѣчаніи сказано: „Стужа во время кампаніи въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжалась отъ Москвы

до Березины. Но въ этихъ двухъ кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и не каждыя сутки, какъ въ последней кампаніи, кочевали голодными, съ увѣренностью, что завтра будетъ хуже.

„Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи къ берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пятидесяти тысячъ изъ трехъ сотъ, которыя я привелъ на берега Двины и въ Москву, то должны быть другія причины столь ужасному злополучію.

„Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые порочатъ моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги. Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу и славу французской арміи, состоящую въ преодолѣніи преградъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, никто не похититъ у русскихъ, что, не взирая на разрывъ ихъ линіи, при первомъ шагѣ моего вторженія, они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить тысячу-двѣсти верстъ, сохранивъ всѣ тяжести и не оставивъ намъ ни одного трофея. Если-бъ мы творили одни чудеса, а непріятели наши однѣ ошибки: то какъ Барклай и Багратіонъ, выступившіе одинъ изъ Дриссы, другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ отъ другаго тремя-стами тысячами моего войска,—какъ могли бы они соединиться наперекоръ моему старанію не давать имъ соединиться? Какъ Витгенштейнъ, начальствовавшій надъ корпусомъ, въ половину малочисленнѣе трехъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ противъ него, могъ бы сохранить угрожательную осанку въ теченіе всей кампаніи? Не менѣе сверхъестественно было бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ промахахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ, могла явиться въ назначенный часъ подъ Краснымъ и схватиться грудь съ грудью съ нашей арміею, какъ это и случилось. Наконецъ, могъ ли непріятель, если бы онъ не обладалъ ни военными качествами, ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раздѣленный и раздробленный на части,—могъ ли бы онъ сообразить и исполнить наступательное соединеніе обоихъ крылъ и средины арміи своей при Березинѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ

Финляндіи и отъ береговъ Прута войска, долженствовавшія оспаривать намъ переправу?

„Безъ сомнѣнія, ему вспомоществовали обстоятельства, а противъ меня возстало все то, что ему благопріятствовало; но надо быть чрезъ мѣру ненавистливымъ, чрезъ мѣру несправедливымъ, чтобы порицать то, что достойно похвалъ и подражанія.

„Конечно, русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ. Главнѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на границѣ, направленіе къ Дриссѣ и образъ отступленія отъ Смоленска; дознано также, что Кутузовъ могъ бы сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на его мѣстѣ,—я бы вѣрно не упустилъ случая истребить армію, возвращавшуюся изъ Москвы; но, не смотря на излишнюю его осторожность, должно признаться, что онъ далъ искусное направленіе движеніямъ своей арміи.

„Смѣшно увѣрять, будто русскіе совершенно были чужды въ нашемъ злополучіи. Правда, этому злополучію причиною не генеральныя сраженія, выигранныя у насъ нашими противниками; но какъ не согласиться въ томъ, что ему способствовало пламенное рвеніе арміи, правительства, народа и генераловъ, ознаменованное особенно во второй части кампаніи? Высокопарныя ругательства могутъ имѣть временное вліяніе на чернь и людей несмыслящихъ: истина господствуетъ надъ вѣками!"

Заключимъ выписки эти извлеченіемъ изъ извѣстнаго сочиненія сэра Вальтера Скотта [1]):

„Причины такого ужаснаго событія скрывались въ ложныхъ разсчетахъ, которые зародились при первыхъ мысляхъ объ этомъ предпріятіи и сдѣлались очевидными при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть на предметъ не во вкусѣ обожателей Наполеона. Вѣря безусловно словамъ, которыя онъ самъ распространилъ, они почитаютъ, что ихъ герой могъ быть побѣжденъ только стихіями. Объ этомъ объявлено и въ двадцать-

[1]) Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tome IV.

девятомъ бюллетенѣ: „До 25-го октября, ст. ст., говорятъ тамъ, успѣхи его были одинаковы, но выпавшій тогда снѣгъ, въ шесть дней разстроилъ духъ его арміи, отнялъ мужество у солдатъ его и, ободривъ презрительныхъ казаковъ, лишилъ французовъ артиллеріи, фуража и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя русскіе мало тому способствовали, въ то жалкое положеніе, въ какомъ они вступили въ Польшу!“ Наполеонъ никогда не выходилъ изъ этого увѣренія, и это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторженные его обожатели отступаютъ съ крайнимъ нежеланіемъ. Но прежде, нежели согласиться съ ихъ мнѣніемъ, надобно рѣшить три вопроса: первый, обыкновенное паденіе снѣга, или походъ чрезъ страну, покрытую снѣгомъ, должны ли непремѣнно сами по себѣ причинить всѣ тѣ бѣдствія, которыя французы имъ приписываютъ? Второй, возможность такого происшествія не должна ли была входить въ разсчеты Наполеона? Третій, паденіе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно не было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или вліяніе климата благопріятствовало скорѣйшему развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели,—причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ до суровой зимы?

„Безполезно распространяться на счетъ перваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основанія отступающую армію; безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ слабые солдаты должны погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить движенія зимою, нежели въ дождливую погоду“.

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобства для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды, причиняемыя суровостью времени.

„Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодолимыя, могущія уничтожать цѣлыя арміи: то какъ же эти обстоятельства не вошли въ разсчеты генерала, столь знаменитаго, предпринявшаго столь огромное дѣло? Развѣ въ Россіи никогда не идетъ снѣгъ?

Развѣ морозы въ ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что морозы начались ранѣе обыкновеннаго: мы увѣрены, что это оправданіе не имѣетъ никакого основанія; но во всякомъ случаѣ, въ высшей степени безразсудно подвергать сохраненіе и цѣлость арміи, столь многочисленной и употребленной на такое важное предпріятіе, зависимости отъ мороза, могущаго появиться нѣсколькими днями ранѣе или позднѣе.

„Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ іюлѣ предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные припасы, достаточные для продовольствія своей арміи; но, увлеченный нетерпѣніемъ, онъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не принялъ мѣръ, для преодолѣнія голода и стужи, которые предвидѣлъ.

„Въ двадцать-второмъ бюллетенѣ сказано: „Можно ожидать, что Москва-рѣка и прочія рѣки Россіи замерзнутъ въ половинѣ ноября“. Это должно было приготовить императора къ снѣгу и къ началу морозовъ пятью или шестью днями ранѣэ.

„Въ двадцать-пятомъ бюллетенѣ признана необходимость зимнихъ квартиръ и изображенъ императоръ, самодовольно осматривающій вокругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры: на югѣ ли Россіи или во владѣніяхъ преданной ему Польши. „Время прекрасное, говоритъ бюллетень; но должно ожидать холода въ первыхъ числахъ ноября и, слѣдственно, должно заботиться о зимнихъ квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ нужду“. Невозможно, чтобы тотъ, предъ глазами котораго составлялись эти бюллетени, или тотъ, кто составлялъ ихъ, былъ бы самъ изумленъ паденіемъ снѣга 6-го ноября: это такое событіе, вѣроятность котораго была предвидима, но противъ котораго не было принято мѣръ предосторожности“.

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, что начальство забыло перековать лошадей и запастись подковами.

„Въ третьихъ, хотя, безъ сомнѣнія, суровость погоды значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣвшей недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ и подверга-

вшейся всякаго рода нуждамъ; однако жъ она не была первою и ни съ какой точки зрѣнія главнѣйшею причиною этихъ бѣдствій. Читатель долженъ припомнить походъ чрезъ Литву: Наполеонъ, не бывъ разбитъ ни разу, потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ страною дружелюбною. Развѣ эта потеря въ іюнѣ и въ іюлѣ причинена раннимъ снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 6-го ноября? Совсѣмъ нѣтъ: причину этому находятъ, какъ говоритъ бюллетень, въ неизвѣстности, томленіи, маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, ихъ усталости, нуждахъ, кои они терпѣли, словомъ, въ той системѣ усиленныхъ переходовъ, которая впрочемъ не доставила Наполеону никакой существенной выгоды; она всегда стоила ему около четвертой части арміи, прежде нежели она достигала до поля сраженія [1]). Если предположить, что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя силу во сто-двадцать тысячъ человѣкъ, подъ командою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ военачальниковъ, и началъ настоящее вторженіе въ Россію съ двумя стами тысячами, то половина этой значительной силы погибла до прибытія его въ Москву, въ которую онъ вступилъ лишь съ сотнею тысячъ человѣкъ. Усталость погубила множество людей, битвы и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ покидаетъ Москву 7-го октября, ст. ст., какъ городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться, хотя выступленіе оттуда, какъ онъ самъ предвидѣлъ, было сопряжено съ значительными затрудненіями. Тогда находилось подъ его начальствомъ около 120000 человѣкъ. Армія его была усилена до этого числа присоединеніемъ къ ней оправившихся послѣ болѣзни бродягъ и командъ, прибывшихъ изъ резервовъ. Онъ вступилъ въ сраженіе безполезное, хотя и съ честью выдержанное, при Малоярославцѣ; но, не успѣвъ проложить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ, онъ былъ принужденъ бѣжать чрезъ Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дорогѣ. На этомъ пути онъ

---

[1]) Мнѣніе совершенно ложное.

далъ сраженіе подъ Вязьмою, въ которомъ потеря французовъ была весьма значительна; его колонны были безпрестанно тревожимы казаками, и онъ лишился плѣнными многихъ тысячъ. Два сраженія столь кровопролитныя, не считая притомъ пораженія Мюрата и безпрестанно возобновляемыя стычки, стоили французамъ убитыми и ранеными (ибо каждый раненый былъ уже безполезнымъ для Наполеона) по крайней мѣрѣ 25000 человѣкъ. Наконецъ, наступило 25-е октября. До этого дня еще не видали клока снѣгу, который въ самомъ дѣлѣ пошелъ лишь тогда, когда Наполеонъ испыталъ большую часть бѣдствій, потому что въ то время фланги его и резервъ уже выдерживали жестокія сраженія и понесли большіе уроны, не получивъ никакой существенной выгоды. Такимъ образомъ почти три четверти арміи, которую онъ привелъ въ Россію, были сокрушены, а остальная четвертая часть была приведена въ жалкій безпорядокъ еще до снѣга, которому онъ потомъ приписалъ неудачу свою.

„Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда нужды и потери французской арміи еще болѣе умножились; но зима была только союзницею русскихъ, а не такъ какъ тогда думали—единственною ихъ защитницею: отступленіе наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ, прежде нежели морозы сѣвера понудили ее къ отступленію“.

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее:

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7-го октября, ст. ст., двигалась при хорошей погодѣ, по словамъ Шамбре и Жомини, до 28-го октября, то-есть, двадцать-однѣ сутки, а по словамъ Гурго до 25-го октября, то-есть, восемнадцать сутокъ. Но съ этого времени армія въ теченіе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или въ теченіе пяти сутокъ по словамъ Гурго, терпѣла стужу, которая, по наблюденію Шамбре, простиралась отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ, а по словамъ Жомини, отъ трехъ до восьми градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашаются уже въ томъ, что во время переходовъ французской арміи отъ Смоленска до Орши, стужа весьма уменьшилась, и если

позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ двухъ до четырехъ градусовъ. Наконецъ Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности, коей подвергались при переправѣ чрезъ Днѣпръ подъ Оршею 8-го ноября; а мы помнимъ, что, при переходѣ чрезъ эту рѣку корпуса Нея, при Гусиновѣ, бо́льшая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда провалилась и погибла.

Итакъ, во все время слѣдованія французской арміи отъ Москвы до Березины, то-есть, въ теченіе двадцати-шести дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и Наполеона, или пяти сутокъ, по словамъ Гурго.

Между тѣмъ французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы, состояла, по списку французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ 110000 человѣкъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45000 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы сто-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти-пяти тысячъ человѣкъ вслѣдствіе трехъ или пяти суточныхъ морозовъ, тогда какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 году во время Эйлауской кампаніи, продолжавшіеся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе всей зимней кампаніи, не разрушали единства и устройства ея?

Все это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что не стужа, а другое обстоятельство было причиною гибели сего гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть, что всѣ историки кампаніи согласны въ отысканіи истинныхъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ: во-первыхъ, въ голодѣ, который терпѣла французская армія;

во-вторыхъ, въ безпрерывныхъ, усиленныхъ переходахъ и въ третьихъ, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что̀ обыкновенно производитъ голодъ въ арміи по безлюдному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ?

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта [1]). Сверхъ того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и напрягала всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу, двигаться оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру, по краю, изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею съ тылу, а не съ боку, какъ это случилось.

Такимъ образомъ французская армія не имѣла бы никогда недостатка въ пищѣ; переходы ея могли бы быть совершаемы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ ея пути отступленія, и подъ прикрытіемъ сильнаго арьергарда, котораго войска смѣнялись бы чрезъ нѣсколько дней свѣжими войсками; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не всѣ свои корпуса, то, по крайней мѣрѣ, бо̀льшую часть ихъ, что̀ доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ непогоды. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, скрытно обогнувшая оконечность лѣваго фланга нашихъ войскъ, занимавшихъ Тарутинскую позицію, французская армія достигла почти той точки, отъ которой можно было ей отступать, не будучи никѣмъ тревожима и имѣя все въ изобиліи. Вдругъ партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Дохту-

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page. 113.

рова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ со всею арміею летитъ отъ Тарутина туда же и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, и такимъ образомъ, не допустивъ его до изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, принуждаетъ его предпринять отступленіе по пути, уже опустошенному. Хотя при французской арміи находилось еще на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезло. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятеля ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хотя малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей отважиться съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ французская армія слѣдуетъ по пути опустошенному, безъ обозовъ, наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя деревни. Что жь этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ, заслоненіе Калужской дороги при Малоярославцѣ, отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами, необходимость итти по разоренному Смоленскому пути, овладѣніе непріятельскихъ обозовъ съ пищею нашей легкой конницей, которая, окруживъ французскія колонны отъ Малоярославца до Нѣмана, не дозволяла ни одному солдату отлучиться отъ большой дороги для отыскиванія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ, въ Литвѣ расположеннымъ; но какъ спѣшить съ войскомъ, которое не могло подкрѣпить себя послѣ каждаго перехода и потому съ каждымъ днемъ становилось неспособнѣе къ перенесенію физическихъ трудовъ? Какъ

было, между тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или дѣлать короткіе переходы? Отдохновенія, сколько бы они ни были продолжительны, переходы, сколько бы коротки они ни были, не могли безъ пищи подкрѣплять человѣка голоднаго! Къ тому жъ и здѣсь выказывается превосходство флангового марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы привалы и стоянки непріятеля, чѣмъ переходы его были бы короче, и словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своею арміею параллельно французской по краю изобильному и еще неприкосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, могъ бы, опередивъ его болѣе и болѣе, угрожать заслоненіемъ единственнаго пути отступленія по Смоленской дорогѣ. Итакъ, безпрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были причиною гибели французовъ не менѣе голода, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ тому еще флангового марша Кутузова, грозившаго отрѣзать имъ путь отступленія. Что касается до кочевья подъ открытымъ небомъ, то и оно было слѣдствіемъ общей причины, произведшей и голодъ и безпрерывные переходы: путь, по которому, противъ воли своей, должна была слѣдовать французская армія, разоренный отчасти русскими войсками, во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріятелемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы, ни сарая для пріюта; а безпрерывный надзоръ и набѣги легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни большой громады войскъ отъ прямой дороги, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею цѣли.

Словомъ, подводя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели французской арміи, мы видимъ, что гибель произошла, какъ я выше сказалъ, отъ отстраненія непріятельскихъ силъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ

слѣдовать; обращенія ихъ на путь опустошенный; успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, лишившей ее обозовъ съ пищею и не позволявшей ни одному солдату отдаляться отъ большой дороги, для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ флангового марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели при отысканіи причинъ гибели французской арміи, можно удовлетвориться только тѣми, которыя мы привели сейчасъ? Если-бъ было такъ, то ни одно ружье, ни одна пушка въ русской арміи не закоптились бы отъ пороха; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровью непріятельской, а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6-го октября, подъ Малоярославцомъ 12-го октября и подъ Краснымъ 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о ежедневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже корпусами нашими.

Присоединивъ три приведенныя причины ко всѣмъ битвамъ, мы можемъ, подведя приблизительный итогъ урону французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи о количествѣ непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, также и насчетъ числа войскъ его, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки; мы этимъ и заключимъ наше разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязьмѣ простирался до 25000 человѣкъ: это чрезмѣрно! Я почитаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязьмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ монастырѣ и другія частныя битвы до Смоленска.

Потомъ, по офиціальнымъ спискамъ плѣнныхъ, взятымъ подъ Краснымъ и составленнымъ при отправленіи ихъ въ нѣдра Россіи, вѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, мы видимъ, что число ихъ доходило до 21170 нижнихъ чиновъ при 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18000 человѣкъ, что весьма умѣренно, число взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины, — мы удостовѣримся, что главная французская армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ, въ числѣ 45000 человѣкъ, и что изъ 110000, выступившихъ изъ Москвы, пропало 65000 человѣкъ не отъ одной стужи, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ пристрастные приверженцы Наполеона, или вѣчные хулители славы россійскаго оружія, а глубокими соображеніями Кутузова и его ближайшихъ помощниковъ, мужествомъ и трудами войскъ нашихъ и неусыпностью и отвагой легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи; все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали, что́ дѣлаютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко отличавшіяся между собою. И подлинно, общее выраженіе: „армія Наполеона погибла отъ стужи и мороза“, сливаетъ, такъ сказать, въ одну эпоху отступленія ея отъ Москвы до Березины и отъ Березины до Нѣмана; этимъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ скрываютъ истину, облекая ее неоспоримымъ фактомъ: стужею и морозомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ истребленію французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко приковывается къ этому факту, повидимому, наиболѣе вѣроятному, который, слѣдовательно, можно легче постигнуть, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій изъ соображеній и разбора движеній, доступныхъ лишь лицамъ, изучившимъ военное ремесло.

Но чтобы извлечь истину изъ этого ложнаго показанія, надлежитъ, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть къ вопросу о времени появленія губительнаго феномена природы: — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятеля, или оно свирѣпствовало въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіе двадцати-шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12 до 17 градусовъ продолжался не болѣе трехъ или пяти сутокъ, а во второй

морозъ, достигнувъ отъ 20 до 25 градусовъ, почти непрерывно продолжался двадцать-два дня.

Въ теченіе первой эпохи вліяніе холода на непріятеля было весьма слабо; во второй оно было для него истинно губительно. Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то-есть, уже у береговъ Березины, арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушаніемъ и, слѣдственно, способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ Удино и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка и совершившихъ свой переходъ въ то самое время, какъ главная армія бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ; они потому, подобно ей, перенесли трехъ или пяти-суточный морозъ и ни мало не потеряли отъ этого ни относительно своего устройства, ни относительно численной силы своей; потому что причины, которыя ниспровергли устройство и уменьшили численную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то-есть, когда всѣ эти войска перешли за Березину и наступила смертоносная стужа, тогда арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, устройства, и даже безъ оружія; оно губило армію, приведенную въ такое положеніе, не столько вслѣдствіе стужи, сколько причинъ, мною выше приведенныхъ.

Я на всё сказанное не только не опасаюсь возраженій, но вызываю ихъ; бросаю перчатку, подымай кто хочетъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По поводу этой статьи, уже въ журналѣ „Библіотека для чтенія„ господинъ редакторъ этого журнала пригласилъ любителей отечественной исторіи прибѣгнуть къ архиву бывшаго Виленскаго университета, для отысканія точныхъ свѣдыній о состояніи воздуха во второй половинѣ 1812 года, изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, чрезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступленіе. Виленская астрономическая обсерваторія доставила ему изъ метеорологическихъ книгъ все, что касается до состоянія Реомюрова термометра въ Вильнѣ съ 1-го августа по 31-е декабря того года; но ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній вслѣдствіе грозы военной. Какъ ни мало удовлетворительны доставленныя въ „Библіотеку для чтенія" документы, представляющіе состояніе температуры въ одной только Вильнѣ, которой географическая широта южнѣе Смоленской 6-ю, а Оршинской 11-ю минутами, и которой долгота простирается отъ 6 до 7 градусовъ къ востоку [1]); при всемъ томъ можно ясно видѣть, что до 23-го ноября какъ въ Вильнѣ, такъ въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ, положеніе воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свѣту.

	Широта			Долгота отъ Ферро.		
[1]) Вильна	54°	41'	2"	42°	57'	23"
Смоленскъ	51	47	15	49	45	5
Орша	54	30	22	48	5	21

Чтобы дополнить возраженія мои на молву, болѣе и болѣе отъ времени укореняющуюся, я представляю здѣсь выписку изъ Виленской вѣдомости; въ этой выпискѣ означены измѣненія высотъ Реомюрова термометра въ Вильнѣ, со дня отступленія французской арміи изъ Малоярославца до совершенія переправы ея черезъ Березину. Я далѣе не выписываю потому, что, какъ уже сказалъ, за Березиной французская армія, въ смыслѣ военномъ, уже не существовала.

«Библіотека для чтенія» 1835 г., т. X.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ Т

Виленской астрономической обсерваторіи.		Показаніе Гурго.	Показані
Число градусовъ.			
Октября 15 + 5°	тепла.		
——— 15 + 3°.7			4° стужи
——— 17 + 3. 5			
——— 18 — 0. 5	мороза.		
——— 19 — 0. 5			
——— 20 — 2°. 5			
——— 21 — 4.			
——— 22 — 5°. 2			
——— 23 — 0 —			23-го числа с умѣренная.
——— 24 + 2° тепла.			24-го числа
		до 25-го числа погода хорошая.	
——— 25 + 1°. 5	тепла.		
——— 26 + 1°			25-го числа с ромъ, слѣдств
——— 27 + 1			
——— 28 — 2° мороза.			28-го числа 1 стужи.
——— 29 + 1°	тепла.		
——— 30 + 1			
——— 31 + 3°. 5	мороза.		31 ч. } 17
Ноября 1 — 8°			1 ч. Н. } ж
——— 2 — 9. 2			Со 2-го числа
——— 3 — 6. 5			
——— 4 — 3			
——— 5 — 2			
——— 6 + 1°. 5	тепла.		6-го ч. нача
——— 7 + 1. 5			7-го ч. оттепе
——— 8 — 0. 5	мороза.	8-го числа оттепель въ полной силѣ.	Съ 7-го на 8-е пилъ въ Днѣп на берегу ору чинѣ толкости
——— 9 — 2°. 2			
——— 10 — 6. 2			
——— 11 — 5. 5			
——— 12 — 2°			12-го числа от
——— 13 — 2°			
——— 14 — 4°			
——— 15 — 4°			
——— 16 — 1°. 5			

ІЦА ПОКАЗАНІЙ.

Шамбре.	Показаніе Наполеона.	Показаніе Жомини и Коха.
ственно, стужа должается.		
ный съ вѣт- юднѣе.		Самая жестокая стужа продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября. Кохъ.
самая сильная стужа до Берез. еньшилась.	Еще три дня хорошей погоды—и армія совершила бы въ устройствѣ свое отступленіе.	1-го ноября армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа ее разстроила. До Краснаго стужа измѣнялась отъ 3° до 8°. Жомини.
ль. илась.		8-го числа наступила оттепель. Жомини.
Лей частію пото- стію оставилъ жести по при- прекращается.		

XIV.

Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ

въ

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ И СОТРУДНИКАМЪ, СЛУЖИВШИМЪ ВЪ МОЕЙ ПАРТІИ 1812 ГОДА.

Я давно читаю и не перестаю читать записки Наполеона, сочиненныя имъ на островѣ св. Елены и изданныя послѣ смерти его генералами Гурго и Монтолономъ.

Широкіе очерки, живыя картины, неожиданныя мысли и выраженія, и вообще какая-то воинственная оригинальность слога, отличаютъ произведеніе это отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода произведеній. Смѣло можно сказать, что Наполеонъ явился на этомъ новомъ для него поприщѣ, каковымъ бывалъ онъ на полѣ брани, въ государственномъ совѣтѣ и въ частныхъ бесѣдахъ: вездѣ исполинъ мысли, вездѣ со своимъ собственнымъ, цѣльнымъ характеромъ, но увы! всегда и всюду, играя легковѣріемъ людей, онъ представляетъ имъ обстоятельства и событія въ томъ свѣтѣ, въ какомъ желаетъ, чтобы ихъ видѣли, а не въ томъ, въ какомъ они дѣйствительно были. Можетъ быть, въ началѣ онъ почиталъ это средство самымъ дѣйствительнымъ, для увлеченія умовъ за колесницею

побѣдителя; но поэтъ въ душѣ, увлеченный симъ полетомъ своего воображенія, онъ мало по малу самъ убѣдился въ истинѣ всѣхъ ложныхъ сказаній, имъ же самимъ вымышленныхъ и обнародованныхъ лишь для введенія въ заблужденіе другихъ. Такимъ образомъ Руссо любилъ идеальную Юлію, какъ существо живое, его любившее; такимъ же образомъ пламенный Тассъ былъ убѣжденъ, что битвы подъ стѣнами Іерусалима происходили не иначе, какъ онѣ изображались въ безсмертномъ его твореніи.

Я могу ошибаться, но при всемъ томъ мое мнѣніе правдоподобнѣе: смотрите, съ какою рѣшительностью, съ какимъ нетерпѣніемъ и даже, если только можно сказать, съ какою досадою Наполеонъ опровергаетъ въ запискахъ своихъ великія дѣянія, всему свѣту извѣстныя! Притворство не имѣетъ подобныхъ порывовъ, впрочемъ, какая бы ни была причина неосновательныхъ описаній, разбросанныхъ по сей сокровищницѣ военныхъ и политическихъ наблюденій, причина не оправдываетъ слѣдствія, и мы не безъ удивленія видимъ, какъ этотъ новый историкъ, опровергая и уничтожая описанія подвиговъ тѣхъ войскъ и военачальниковъ, которые противъ него сражались, касается и службы русскихъ партизановъ.

„Ни одинъ больной“, говоритъ онъ, „ни одинъ отдалившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были захвачены въ теченіе этой кампаніи отъ Майнца до Москвы. Не проходило дня безъ полученія извѣстія изъ Франціи, не проходило дня безъ того, чтобы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи“ [1]). Потомъ четырнадцать страницъ далѣе онъ говоритъ:

„Во время движенія на Москву, онъ никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцати-дневнаго пребыванія его въ этой столицѣ, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ съ зарядами не были перехвачены, ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковый находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ; артиллерійскіе подвозы и военные экипажи

---

[1]) Mémoires pour servir àl 'histoire de France, par Napoléon publiés par Montholon. Tome I, page 98.

безпрепятственно доходили“ [1]). И наконецъ, семь страницъ далѣе, опять обращаясь къ тому же предмету, онъ повторяетъ: „Во время Аустерлицкой, Іенской, Фридландской и Московской кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобы главная квартира не получала извѣстія изъ Парижа“ [2]).

Слова, падшія съ такой высоты, не суть уже шипѣніе раздраженной посредственности, столь давно преслѣдующей нашихъ партизановъ. Это удары Юпитера; звукъ ихъ можетъ увѣковѣчиться въ общемъ мнѣніи, какъ увѣковѣчились въ немъ всѣ тѣ ложныя преданія, которыя не были изслѣдованы, вслѣдствіе равнодушія и лѣности людей, безпечно повторявшихъ то, что уже было сказано другими.

Я одинъ изъ обвиняемыхъ. Честь вооружаетъ меня противъ нареканій ужасныхъ, сокрушительныхъ, можетъ-быть, неотразимыхъ. Но что дѣлать? Новый Леонидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое о партизанской моей службѣ не равняется съ тѣмъ вниманіемъ, коимъ почтили ее мои соотчичи, однако оно не упадаетъ и до презрѣнія. Я скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ единственно для роковаго 1812 года, но рожденнымъ подобно тому рядовому солдату, который въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣляя на удачу, убилъ съ десятокъ французовъ. Какъ мало не употребилъ онъ на то и знанія и дарованія, при всемъ томъ ему выпалъ жребій уменьшить непріятельскую армію десятью человѣками и этимъ содѣйствовать своимъ товарищамъ въ общемъ ея истребленіи.

Такъ думаю я о себѣ; я ослабилъ непріятельскую армію по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ начальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ природою.

Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклятіе за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon publiés par Montholon. Tome II, page 112.
[2]) Les mêmes. Tome II, page 119.

брызговъ, этихъ отпечатковъ чести, купленныхъ трудами и ежеминутною жертвою жизни. Это моя собственность, это мой участокъ, въ славѣ земляковъ моихъ тѣмъ для меня драгоцѣннѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, безплодной въ своей юности и до самой старости никакимъ полезнымъ и славнымъ дѣяніемъ не ознаменованной! Но какой избрать способъ къ защитѣ этой собственности? Обнародовать эфирныя строки моихъ собственныхъ записокъ, въ надеждѣ, что онѣ затмятъ во мнѣніи людей неизгладимый приговоръ чрезвычайнаго человѣка, было бы верхъ смѣшной и безполезной дерзости, да и кто возьметъ на себя трудъ читать описаніе, поступившее въ область вымысловъ съ тѣхъ поръ, какъ клеймо отверженія горитъ на каждомъ его листѣ.

Опровергнуть взводимыя на нашихъ партизановъ нареканія убѣдительными и неопровержимыми доказательствами! Но гдѣ для этого найти документы? Постараемся отыскать ихъ въ бюллетеняхъ французской арміи, сочиненныхъ какъ извѣстно самимъ Наполеономъ; въ Мониторѣ, въ этомъ единственномъ офиціальномъ журналѣ французскаго правительства; въ письмахъ маршала Бертье къ начальникамъ корпусовъ большой арміи; въ отбитыхъ у непріятеля бумагахъ, хранящихся въ главномъ штабѣ государя императора, и въ тѣхъ описаніяхъ кампаній 1812 года, авторовъ которыхъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нашему войску.

Такъ, напримѣръ, Наполеонъ говоритъ: „Во время Аустерлицкой и Французской [1]) кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобъ армія не получала извѣстія изъ Парижа!“

Правда, что въ кампаніяхъ Аустерлицкой и Іенской мы не слыхали ни объ одномъ партизанскомъ покушеніи. Я полагаю, что причиною этого бездѣйствія было оцѣпенѣніе австрійскихъ и прусскихъ военачальниковъ, вслѣдствіе понесенныхъ ими рѣшительныхъ пораженій, при самомъ открытіи обѣихъ кампаній. Страхъ и изумленіе такъ сильно овладѣли самыми

---

[1]) Я съ намѣреніемъ выпускаю слово «и Московской»; о ней сказано будетъ особо.

твердыми душами, что самъ Блюхеръ, подобно прочимъ прусскимъ генераламъ, имѣя сверхъ 33 баталіоновъ 54 эскадрона, положилъ оружіе въ Ратковѣ; видя опасность неминуемую, онъ могъ съ этимъ средствомъ двинуться къ Гамбургу или Науенбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить партизанской войной чувствительные удары непріятельской арміи. Я увѣренъ, что если-бъ Іенское сраженіе не воспослѣдовало при самомъ началѣ войны, и если бы прусское войско успѣло бы нѣсколько привыкнуть къ разнообразію военныхъ случайностей, то не только Блюхеръ, но и генералы, менѣе его одаренные мужествомъ и духомъ предпріимчивости, прибѣгли бы къ этому послѣднему средству погибающей храбрости и извлекли бы изъ него великую пользу для своего отечества. Какъ бы то ни было, но слова Наполеона на счетъ кампаній Аустерлицкой и Іенской, относительно партизанскаго дѣйствія, совершенно справедливы и не допускаютъ ни малѣйшаго возраженія.

Нельзя того же сказать о такъ называемой имъ Фридландской кампаніи (что мы называемъ кампаніею 1807 года въ восточной Пруссіи).

Съ самаго начала этой кампаніи, русская армія твердо и мужественно встрѣтила непріятеля. Подъ Пултускомъ она отразила часть Наполеоновой арміи и отступила лишь потому, что съ нашей стороны бой происходилъ не на томъ пунктѣ, гдѣ бы слѣдовало его принять. Главныя силы французской арміи были обращены тогда не на Пултускъ, а двигались изъ Плоцка и Торна, онѣ угрожали правому флангу нашей арміи, находившемуся у Голомина и Макова; слѣдовательно, въ случаѣ успѣха и неудачи, намъ нельзя было оставаться у Пултуска, и еще менѣе преслѣдовать къ Варшавѣ французскія войска, надъ которыми мы подъ Пултускомъ одержали верхъ. Малѣйшее замедленіе наше, малѣйшій шагъ впередъ вдоль границы восточной Галиціи, тогда принадлежавшей Австріи, дали бы Наполеону возможность пресѣчь наше сообщеніе съ Россіею или вынудили бы насъ вступить въ нейтральное государство. Это побудило Беннигсена немедленно отсту

пить и перенести театръ войны въ старую Пруссію. Мы избрали направленіе ошибочное, но обязаны спасеніемъ лишь тому обстоятельству, что перехватили курьера, посланнаго Бертье къ Бернадоту, преслѣдуемому нами по направленію къ Торну. Мы быстро сосредоточили нашу армію при Янковѣ и сразились съ непріятелемъ при Прейсиштъ-Эйлау; послѣ этого кровопролитнаго, но нерѣшительнаго сраженія, каждая сторона хвалилась побѣдой. Итакъ, побѣда французовъ при Фридландѣ есть единственный рѣшительный успѣхъ, одержанный надъ непріятелемъ въ этомъ походѣ; но до этого несчастнаго для насъ событія мы имѣли время пріучить наши легкія войска къ частнымъ сшибкамъ съ непріятелемъ, и эта школа продолжалась около полугода. Нечаянныя удачи привели къ успѣхамъ обдуманнымъ и зрѣлымъ. Наконецъ, вслѣдствіе наблюденія, опытности, отваги, наши предпріятія стали принимать характеръ партизанской войны. Но, будучи плодомъ частныхъ вдохновеній и порывовъ, а не соображенія главнаго начальства, эти дѣйствія не имѣли связи между собою. Невозможно было еще составить нѣчто цѣлое и дружно направить натискъ къ одной общей цѣли, которую въ то время еще не сознавали ни начальники, ни наѣздники. Спустя долгое время послѣ нашего отступленія въ нѣдрахъ Россіи, когда гибель отечества принудила всѣхъ напрягать умственныя и существенныя силы наши къ его спасенію, только тогда убѣдились мы въ большей или меньшей пользѣ, какую могли принести легкіе отряды, дѣйствующіе въ согласіи между собой на сообщеніяхъ наступательной непріятельской арміи, по мѣрѣ ея отдаленія отъ источника средствъ и запасовъ. Итакъ, соглашаясь съ тѣмъ, что партизанскіе набѣги въ кампаніи 1807 года были произведены независимо отъ вліянія высшаго начальства и, слѣдовательно, безъ взаимной между собой связи, я не могу сказать, что подобныхъ набѣговъ вовсе не было. Бюллетени и Монитёръ, эти архивы истины, въ которыхъ французы признаются въ своихъ неудачахъ, возопіютъ противъ меня! Записки Наполеона, оцѣняя важность одной изъ перехваченныхъ въ этой кампаніи депешей, весьма справедливо изображаютъ

бѣдственное положеніе нашей арміи, если-бъ эта депеша достигла своего назначенія. Онѣ между тѣмъ окажутъ намъ и другую услугу: въ нихъ мы встрѣчаемъ явное противорѣчіе удостовѣренію мною опровергаемому и въ той же книгѣ изложенному. Начнемъ съ записокъ, а потомъ приведемъ въ свидѣтели Монитёръ и Бюллетени.

„Послѣ сраженія при Пултускѣ, въ декабрѣ 1806, командовавшій россійскою арміею генералъ Беннингсенъ выступилъ къ нижней Вислѣ съ тѣмъ, чтобы напасть на маршала принца Понте-Корво (Бернадота), занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ, оставивъ Варшаву $\frac{16}{28}$ января 1807, сосредоточилъ армію въ Вилленбергѣ и двинулся на лѣвый флангъ русскихъ въ намѣреніи опрокинуть ихъ къ Фришъ-Гафу. Снѣгъ и ледъ покрывали землю. Русская армія находилась въ крайней опасности; уже французская армія достигла тыла ея, какъ вдругъ казаки схватили офицера главнаго штаба принца Невшательскаго (Бертье). Взятыя на немъ депеши извѣстили о движеніи. Беннингсенъ, устрашенный, поспѣшно стянулся къ Алленштейну“ [1]), и прочее.

Вотъ что объявлено о томъ же въ Монитёрѣ:

„Французская армія еще не трогалась съ мѣста. Всѣ другіе корпуса покойно оставались въ своихъ квартирахъ. Она медлила за тѣмъ, чтобы дѣйствіе непріятеля болѣе обрисовывалось, и боялась своимъ движеніемъ обратить его вниманіе на бѣдствія, которымъ онъ подвергался.

„Между тѣмъ движеніе русскихъ все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ обозначалось. Они прошли Остероде и вступили въ Лебау. Тогда по сигналу, данному во французской главной квартирѣ, войска тронулись, и всѣ устремились на лѣвый флангъ непріятеля, съ намѣреніемъ зайти ему въ тылъ. Но на войнѣ встрѣчаются обстоятельства, не подвластныя разсчетамъ. Офицеръ, принадлежавшій главному штабу, былъ посланъ къ принцу Понте-Корво съ описаніемъ движенія войскъ французской арміи. Начальникъ главнаго штаба, извѣщая принца о намѣреніи императора, предписывалъ ему отступить

---

[1]) Mémoires pour servir á l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 55.

до самаго Торна, дабы тѣмъ заманить далѣе непріятеля. Офицеръ этотъ былъ схваченъ казаками и не успѣлъ разорвать своей депеши. Итакъ, россійскій генералъ узналъ заблаговременно объ опасности, которая бы неминуемо постигла его сорока-восемью часами позже. Это способствовало ему прибыть (22-го января) 3-го февраля со всею арміею въ Алленштейнъ и встрѣтить въ боевомъ порядкѣ шедшую по сему пути французскую армію. Таковое обстоятельство показалось неизъяснимымъ. Тайна открылась на другой лишь день, когда узнали, что посланный офицеръ былъ взятъ непріятелемъ, не успѣвъ сжечь депеши" [1]).

Монитёръ заключаетъ статью эту повтореніемъ: „Онъ (непріятель) былъ бы истребленъ, если бы офицеръ, посланный съ депешами къ принцу Понте-Корво, сжегъ ихъ, ибо все было такъ разочтено, чтобы непріятель не прежде сорока-восьми часовъ могъ извѣститься о томъ, о чемъ узналъ изъ депеши. Россійская армія избѣгла гибели вслѣдствіе одного изъ происшествій, которыя предоставлены случаю, для напоминанія людямъ, что онъ участвуетъ во всѣхъ человѣческихъ соображеніяхъ и событіяхъ, и что если рѣшительные удары, истребляющіе армію и измѣняющіе ходъ кампаніи, суть плоды опытности генія, то они не менѣе того нуждаются въ его содѣйствіи" [2]). Такой курьеръ стбитъ ста эстафетъ, часто привозящихъ извѣстія лишь о сплетняхъ парижскихъ актеровъ, или о пустословіи Брутовъ, болтуновъ Пале-Рояля.

Въ теченіе этой кампаніи были взяты и другіе курьеры, между которыми находился извѣстный императорскій ординарецъ Монтескью; но такъ какъ о нихъ не было упомянуто въ офиціальныхъ бумагахъ, то и я умолчу о нихъ.

Относительно больныхъ извѣстно, что при нападеніи на корпусъ маршала Нея, 24-го мая (5-го іюня) при Гутштадтѣ и $^{25}/_{6}$ при Анкендорфѣ, не только больные этого корпуса, но и обозы, паркъ, канцелярія и собственные экипажи маршала сдѣлались добычей казаковъ Платова, переплывшаго черезъ

[1]) Moniteur de 1807.
[2]) Monituer de 1807.

Алле и черезъ Пассаргу. Въ доказательство того, что они дѣйствовали въ тылу непріятеля, служитъ 78-й бюллетень французской арміи, въ коемъ сказано о дѣлѣ при Анкендорфѣ. „Нашъ уронъ состоялъ въ сто-шестьдесятъ человѣкъ убитыми, двѣсти ранеными и двѣсти-пятьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Большая часть послѣднихъ были схвачены казаками, которые по утру до атаки, появились въ тылу арміи". 78-й бюллетень, 31-го мая (12-го іюня) 1807 года, Гейльсбергъ [1]).

Изъ этого видно, что отрядъ Платова, составленный изъ десяти казачьихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, 1-го егерскаго и двѣнадцати орудій конной артиллеріи, былъ уже въ тылу четырнадцати-тысячнаго корпуса, когда поведена была на него восьмидесяти-тысячной арміи атака съ трехъ сторонъ. Спрашиваю всякаго истинно военнаго человѣка: могъ ли Платовъ не похитить всего того, что находилось на этомъ удобномъ для похищенія пунктѣ. Если уже такъ взяты всѣ находившіяся при корпусѣ важнѣйшія бумаги, которыя донынѣ хранились у генерала Беннингсена, если, по увѣренію самого бюллетеня, тамъ взяты были и двѣсти-пятьдесятъ здоровыхъ солдатъ, то какимъ же способомъ могъ избѣжать подобной же участи транспортъ больныхъ? Перемѣщеніе ихъ было столь же затруднительно, какъ передвиженіе артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ, которыя, не имѣвъ времени при внезапной атакѣ удалиться въ безопасное мѣсто, также попались въ руки летучему корпусу атамана.

Впрочемъ, зачѣмъ привязываться къ словамъ? Намѣреніе Наполеона очевидно: говоря о безпрепятственномъ доставленіи эстафетъ и о неприкосновенности своихъ больныхъ, онъ не столько имѣлъ въ виду эстафеты и больныхъ, какъ убѣдить, что въ теченіе этой кампаніи тылъ его арміи былъ недоступенъ, и что войска наши ничего здѣсь не отбили. Вотъ сущность обвиненія, и такъ прибавимъ къ этому слѣдующее:

Въ одномъ изъ бюллетеней сказано: „Генералъ Викторъ (впослѣдствіи маршалъ и герцогъ Бюлленскій; онъ командовалъ

---

[1]) Ложное показаніе. Въ сей день было взято 60 офицеровъ, 1500 рядовыхъ и 2 орудія. Одни казаки взяли 55 офицеровъ и 705 рядовыхъ.

тогда вторымъ корпусомъ большой арміи), былъ, во время проѣзда своего въ Штетинѣ, схваченъ съ адъютантомъ своимъ партіею, производившею въ той странѣ поиски и состоявшею изъ 25 гусаръ". 53-й бюллетень 10-го января (22-го февраля) 1807, Варшава.

Въ другомъ: „Въ сторонѣ Вилленберга три тысячи русскихъ плѣнныхъ были освобождены партіею, состоявшею изъ тысячи казаковъ". 60-й бюллетень $^{5}/_{17}$ февраля 1807, Эйлау. Тутъ нужно замѣтить слѣдующее: что плѣнные были освобождены не казаками, а Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ командою генералъ-майора Львова; этотъ генералъ былъ посланъ на поискъ изъ отряда Седморацкаго, занимавшаго Іоганисбургъ. Явившись въ тылу французской арміи, во время ея движенія къ Прейсишъ-Эйлау, онъ отбилъ въ окрестностяхъ Вилленберга не 3000 русскихъ, а до 5000 русскихъ и прусскихъ плѣнныхъ, слѣдовавшихъ въ Варшаву, и благополучно возвратился съ ними въ Іоганисбургъ.

Если этого не довольно, то вотъ еще случай, который можетъ мнѣ служить сильнѣйшею подпорою:

$^{13}/_{25}$ января Бернадотъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ и до глубокой ночи преслѣдовалъ его къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣстечкѣ, оставшемся въ тылу его и, повидимому, совершенно безопасномъ вслѣдствіе наступательнаго его движенія. Къ его несчастію, прибыли того же числа къ вечеру въ село Лоокенъ полки, Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій, находившіеся тогда подъ начальствомъ—первый графа Петра Петровича Палена, а послѣдній — флигель-адъютанта князя Михаила Долгорукаго. Примѣтивъ, что пушечный гулъ болѣе и болѣе отдаляется по направленію къ Либштадту, благородный и неустрашимый Паленъ почелъ за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи въ то время, какъ другіе сражаются, и рѣшился самовольно двинуться въ тылъ французскаго корпуса. Между тѣмъ, не желая совершенно очистить занятый имъ пунктъ, который могъ быть весьма важенъ въ предначертаніяхъ главнаго начальства, онъ умѣлъ сочетать отважность съ благоразуміемъ. Онъ лишь

съ тремя эскадронами драгунъ и двумя эскадронами гусаръ, двинувшись на Экерсдорфъ и Гимельфортъ, прибылъ въ глубокую ночь къ Морунгену, занятому лишь непріятельскими обозами; Паленъ и Долгорукій, ворвавшись въ улицы, разбудили оружіемъ и выстрѣлами спокойно отдыхавшее прикрытіе. Все находящееся въ Морунгенѣ попалось въ руки нашимъ эскадронамъ, такъ что $^{15}/_{27}$ числа, когда Бернадотъ, вслѣдствіе наступательнаго на него движенія всей нашей арміи, возвратился съ корпусомъ въ Морунгенъ, онъ нашелъ въ немъ лишь мертвыя тѣла, изрубленныя повозки и разносимыя вѣтромъ бумаги его канцеляріи; все имущество Бернадота, вскорѣ ему возвращенное, сдѣлалось добычей предпріимчивыхъ генераловъ нашихъ [1]).

Я бы этимъ могъ заключить возраженія свои на кампанію 1807 года; но справедливость требуетъ, чтобы я не умолчалъ и о собственномъ неумѣніи нашемъ извлечь всю пользу, которую могли доставить намъ огромныя полчища легкихъ войскъ, прибывшія въ армію съ береговъ Дона, Кубани и Урала. И подлинно, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ дѣйствій, изъ которыхъ лишь два принадлежатъ казакамъ, вся служба ихъ ограничивалась лишь содержаніемъ передовой стражи и дѣйствіемъ наравнѣ съ линейными войсками; эти дѣйствія не соотвѣтствовали разнороднымъ ихъ наклонностямъ, подвижности, хитрости и вообще качествамъ воинственнаго народа, котораго методическіе уставы не привели еще къ европейскому однообразію.

Отрядъ атамана Платова состоялъ, какъ я уже выше сказалъ, изъ слѣдующихъ полковъ: десяти казачьихъ, одного гусарскаго, одного егерскаго и 12 орудій конной артиллеріи. Какое было назначеніе этому отряду?

До марта мѣсяца онъ находился въ авангардѣ главной арміи. Отъ 1-го (13-го) марта до 24-го мая (5-го іюня) онъ составлялъ при Пассенгеймѣ связь главной арміи съ кор-

---

[1]) Сущность дѣла взята изъ донесенія главнокомандующаго государю императору; нѣкоторыя подробности его собраны мною на мѣстѣ сраженія.

пусомъ, дѣйствовавшимъ на Наревѣ, а потомъ до Тильзитскаго мира онъ не выходилъ изъ состава боевой линіи главной арміи. Какую извлекли изъ этого пользу? Никакую, или весьма скудную! Казаки били, были биты, нападали, отступали и наконецъ отступили до Тильзита вмѣстѣ съ прочими войсками арміи. Но, Боже мой! какое представлялось ему обширное поле для приложенія къ дѣлу его природной удали!

Если бы, во время движенія французской арміи отъ Вилленберга чрезъ Алленштейнъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, бо̀льшая часть казачьихъ полковъ была оставлена на правомъ берегу Алле, между Зебургомъ и Гейльсбергомъ для дѣйствія партіями въ тылу непріятеля, какъ то̀ сдѣлалъ генералъ Львовъ съ однимъ лишь драгунскимъ полкомъ....

Если бы вмѣсто того, чтобы заниматься въ окрестностяхъ Пассенгейма около трехъ мѣсяцевъ сшибками и перестрѣлками съ новонабранными польскими войсками, параллельно противъ нихъ стоявшими въ окрестностяхъ Инденбурга, казаки наши, раздѣлясь на партіи, предприняли бы поиски, съ одной стороны между Гогенштейномъ и Гилленбургомъ на сообщеніе главной французской арміи съ Торномъ, а съ другой чрезъ Хорцеленъ и Присницъ на сообщеніе корпуса Массены съ Варшавою....

Если бы во время наступательнаго движенія французской арміи на Гейльсбергъ, казачьи полки были двинуты отъ Гейльсберга чрезъ Гутштадтъ вдоль лѣваго берега Пассарги на Морунгенъ, Прейсишъ-Голландъ и Мюльгаузенъ, и наконецъ, если бы во время отдѣленія нашей арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, означенные полки, отойдя къ Гердауену, вдругъ ринулись бы оттуда чрезъ Фридландъ къ Кёнигсбергу....

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему дѣлу. Дѣйствуя совершенно въ смыслѣ партизанской войны, въ землѣ, съ нами союзной и противъ конницы утомленной и неспособной къ отраженію внезапныхъ партизанскихъ натисковъ, они неминуемо распространили бы ужасъ въ тылу французской арміи. Безъ сомнѣнія, имъ было бы невозможно задержать вполнѣ арміи великаго полководца; но отвлекши, по крайней

мѣрѣ, бо́льшую часть его конницы, они чрезъ то, лишивъ Наполеона того орудія, которымъ предпріятія его быстро достигали цѣли и узелъ битвы разсѣкался внезапно, значительно замедлили бы его наступленіе.

До сихъ поръ возраженія мои относились къ кампаніи, въ которой партизанскіе набѣги играли второстепенную роль; я теперь обращусь къ войнѣ, въ которой набѣги вступили въ составъ общаго предначертанія главнаго начальства и своими славными успѣхами не могли не обратить на себя особеннаго вниманія Наполеона. Станемъ отвѣчать по статьямъ.

„Во время движенія на Москву, онъ (Наполеонъ) нигдѣ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля“.

Тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе. Какъ разумѣть слова: „Dans sa marche sur Moscou?“—„во время Московскаго похода“: то-есть: „во время Московской кампаніи“, или „во время движенія на Москву?“ По послѣднему смыслу, Наполеонъ правъ: ибо до вступленія его въ столицу легкая конница наша содержала лишь передовую стражу, и о партизанской войнѣ не было слуха. Первый набѣгъ былъ сдѣланъ при Царевѣ-Займищѣ $^{2}/_{14}$ сентября, въ самый день занятія Москвы, а второй $^{9}/_{21}$ сентября при селѣ Перхушковѣ. Я придерживался бы послѣдняго смысла и, слѣдовательно, не приступилъ бы къ возраженію, если бы самъ историкъ, продолжая говорить о томъ же предметѣ, не уничтожилъ этого смысла слѣдующими словами: „ни одинъ подвозъ не былъ взятъ въ теченіе этой кампаніи, ни одна эстафета не была перехвачена“, и прочее; это доказываетъ то, что онъ имѣлъ въ виду всю кампанію, то-есть, дѣйствіе отъ Нѣмана до Москвы, пребываніе въ Москвѣ и отступленіе изъ Москвы до Нѣмана.

Для рѣшенія этой задачи, намъ надлежитъ объяснить слѣдующее: „онъ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля“. Какъ разумѣть эти слова? въ тактическомъ или стратегическомъ смыслѣ? Если въ тактическомъ, то Наполеонъ опять правъ: ибо армія его, расположенная по московскимъ предмѣстьямъ лицемъ въ поле, имѣла въ тылу своемъ только Бѣлый-го-

родъ, Китай-городъ и Кремль [1]), занятые главною и корпусными квартирами, ей принадлежащими. Но этого нельзя предположить; Наполеонъ былъ не комендантомъ или не начальникомъ полиціи, чтобы ограничить свой кругъ дѣйствія завѣдываніемъ лишь войсками, не выходившими за шлагбаумы. Начальствуя несмѣтными силами, одаренный всеобъемлющимъ, дальновиднѣйшимъ геніемъ, онъ, конечно, видѣлъ далѣе камеръ-коллежскаго Вала [2]), и потому нельзя предполагать, чтобы онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ томъ, что тылъ всякой арміи граничитъ только съ лазаретными фурами, хлѣбопеками и дежуретвами. Изъ этого ясно видно, что онъ разумѣлъ не тактическій, но стратегическій тылъ свой, то-есть, не Бѣлый-городъ и Кремль, а пространство, по которому армія его прибыла и получила съѣстные и боевые подвозы; она должна была имѣть сношеніе съ фланговыми своими корпусами, союзными государствами и Франціею и съ путемъ, по которому надлежало ей отступать въ случаѣ неудачи. Разумѣя такимъ образомъ слово Наполеона, я рѣшаюсь доказать ихъ неосновательность; не прошло пяти дней по занятіи французскою арміею Москвы, какъ уже сообщеніе ея не могло не подвергнуться опасности вслѣдствіе искуснаго движенія Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую. Это движеніе возбудило восторгъ и удивленіе во всей нашей арміи, и о превосходствѣ его по сіе время умалчиваютъ иностранные писатели, либо по низкому чувству зависти, либо просто по невѣжеству. Итакъ, одна Тарутинская позиція, столько же наступательная въ стратегическомъ отношеніи, сколько оборонительная по мѣстности и своимъ укрѣпленіямъ, одно уже занятіе этой позиціи, само собою опровергаетъ все сказанное Наполеономъ. Если прибавимъ къ тому, что отрядъ Дорохова и партія Сеславина производили поиски между Смоленской и Боровской дорогами, по направленію къ Вязьмѣ; если скажемъ, что отдѣльныя команды князя Вадбольскаго находились между Версей и Можайскомъ, Бенкендорфа между Можайскомъ и Волоколамскомъ,

---

[1]) Имена частей города, составляющихъ средину Москвы.
[2]) Насыпь, окружающая Москву.

Чернозубова между Можайскомъ и Сычевкой, Фиглева [1]) въ окрестностяхъ Звенигорода, и моя партія между Гжатью и Дорогобужемъ: тогда смѣло можно сказать, что слова Наполеона сказаны весьма опрометчиво и недостойны сего великаго человѣка.

„Во время двадцати-дневнаго пребыванія въ Москвѣ“.

Наполеоново пребываніе въ Москвѣ продолжалось не двадцать, а тридцать-четыре дня. Онъ вступилъ въ Москву $^{2}/_{14}$ сентября, а выступилъ изъ нея $^{7}/_{19}$ октября. Замѣчаніе это весьма важно, ибо эти четырнадцать дней суть главнѣйшіе союзники превосходной тарутинской позиціи, имѣвшей такое непосредственное вліяніе на судьбу непріятельской арміи. И подлинно, выступи армія эта четырнадцатью днями ранѣе, ни одинъ замыселъ фельдмаршала не достигъ бы полной зрѣлости! Армія наша не успѣла бы усилиться частію войскъ, формированныхъ княземъ Лобановымъ; въ самомъ лагерѣ обученіе рекрутъ и поступившихъ въ линейные полки ратниковъ не пришло бы къ окончанію, съ Дону не успѣли бы прибыть двадцать-четыре полка казаковъ, что̀ съ находившимися при арміи полками составило болѣе 20000 превосходной легкой конницы, нанесшей непріятелю столь чувствительные удары во время его отступленія; духъ арміи не успѣлъ бы еще возвыситься вслѣдствіе побѣды, одержанной надъ непріятельскимъ авангардомъ $^{6}/_{18}$ октября, и наконецъ доставленіе продовольствія не успѣло бы еще вступить въ колею навыка такъ, чтобы, во время преслѣдованія непріятеля, подводы могли постоянно кругообращаться изъ арміи въ хлѣбороднѣйшія губерніи, а изъ нихъ въ армію всюду, гдѣ она ни находилась. Все это совершилось между 23-мъ сентября (5-мъ октября) и 7-мъ (19-мъ) октября.

Напротивъ, послѣдніе четырнадцать дней довершили разстройство непріятельской арміи. Недостатокъ въ продовольствіи

[1]) Не надо принимать Фиглева за Фигнера. Первый служилъ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, а послѣдній въ артиллеріи. Первый находился въ отрядѣ генерала Винценгероде, а послѣдній былъ партизаномъ и дѣйствовалъ въ то время около Москвы, между дорогами Тульскою и Калужскою.

оказался уже по истеченіи двадцати-дневнаго срока; ибо все, что еще оставалось подъ рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходованіи всего число бродягъ неимовѣрно возрасло, и духъ разврата овладѣлъ всѣми частями арміи. Если бы эта армія выступила четырнадцатью днями ранѣе, то она не только избѣгла бы голода, но и прошла бы все разстояніе отъ Москвы до Смоленска путемъ сухимъ и при ясной погодѣ, по той причинѣ, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и вьюги поднялись только 28-го октября (9-го ноября) между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, то-есть, въ то время, когда непріятель могъ уже быть далеко за Смоленскомъ. Я не упрекаю и не критикую, а повѣствую, предоставляя самому читателю дѣлать заключеніе о важности тѣхъ четырнадцати дней, о которыхъ Наполеонъ умалчиваетъ.

„Ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ“.

Партизаны не должны были этого предпринимать; таковыя предпріятія не въ духѣ партизанскаго дѣйствія. Что можетъ принудить партизана къ приступу? Два предмета: или овладѣніе какимъ либо подвозомъ, курьеромъ и чиновникомъ, остановившимися въ укрѣпленномъ почтовомъ домѣ для кратковременнаго отдыха, или упроченіе себя на пути сообщенія непріятеля.

Но до перваго всякій партизанъ можетъ достичь, не прибѣгая къ тѣмъ усиліямъ, которыхъ требуетъ приступъ: ему стоитъ только расположиться въ какомъ либо открытомъ мѣстѣ, смежномъ съ большою дорогою, между двумя почтовыми станціями (étapes) и добыча, къ которой онъ стремится, вскорѣ предстанетъ передъ нимъ на чистомъ полѣ. Что же касается до послѣдняго, онъ никогда его не можетъ достигнуть, ибо при первомъ появленіи передъ нимъ самой малочисленной пѣхотной команды, казаки его должны непремѣнно оставить мѣсто, имъ дорого стоившее; защищая его, они погибнутъ въ немъ для предмета, совершенно противнаго ихъ назначенію.

Но положимъ, что партія удержитъ за собою этотъ укрѣпленный постъ, и тутъ самый успѣхъ будетъ болѣе вреденъ,

чѣмъ полезенъ; онъ прикуетъ партію къ одному мѣсту, и принудитъ чрезъ это подвозы миновать это мѣсто окружными дорогами, тогда какъ непрестанною подвижностью и появленіемъ партіи на нѣсколькихъ пунктахъ въ одни сутки весьма немного можетъ отъ нея ускользнуть. Если же штурмовать укрѣпленія для того только, чтобы по овладѣніи ими немедленно оставлять ихъ, то это дѣло не столько отважное, сколько безумное, и подобный партизанъ немного напартизанитъ, какъ бы ни была огромна его партія.

Но когда это было необходимо, то не только укрѣпленный домъ, но и городъ Верея, обнесенный валомъ и палисадами, былъ взятъ отрядомъ генерала Дорохова; и да н^ подумаютъ, что городокъ этотъ былъ защищаемъ лишь малымъ числомъ войскъ: въ немъ взято одними плѣнными триста-семьдесятъ-семь рядовыхъ, пятнадцать штабъ и оберъ-офицеровъ и одно знамя [1]).

„Ни одинъ больной, ни одинъ отдалившійся не были взяты".

Справедливѣе было бы сказать: во время движенія къ Москвѣ и пребыванія ея тамъ ни одинъ госпиталь не былъ взятъ, и вотъ почему: когда армія шла къ Москвѣ, то, какъ я уже замѣтилъ, партизановъ еще не было, а непріятельскіе больные были оставляемы на пути въ городахъ и въ обнесенныхъ оградами монастыряхъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними оставлялись и войска, какъ для ихъ охраненія, такъ и для открытія слѣдовавшихъ къ арміи съѣстныхъ и боевыхъ подвозовъ.

Когда же эта армія вступила въ Москву, то больные не отсылались уже назадъ, а помѣщались въ самой столицѣ; итакъ, нашимъ партизанамъ было бы не легко врываться въ улицы городовъ и перелѣзать чрезъ ограды монастырей для подвига, хотя оправдываемаго пользою отечества, но въ сущности всегда ненавистнаго для всякаго истинно православнаго воина! Къ тому же надлежало бы брать ихъ приступомъ, но

---

[1]) Изъ «Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la Russie et la France par Vaudoncourt». Донесеніе Дорохова фельдмаршалу князю Кутузову отъ 29-го сентября и 2-го октября.

эти приступы были чужды всего того, что̀ составляетъ прелесть отважнаго предпріятія: великодушной и возвышенной цѣли, той поэзіи нашего кроваваго ремесла, безъ которой мы ничто иное, какъ привиллегированные душегубцы!

Впрочемъ отсрочка продолжалась не долго; всякій знаетъ, что при общемъ отступленіи непріятельской арміи, ни одинъ госпиталь не успѣлъ быть упраздненъ, и всѣ они безъ малѣйшаго усилія попались въ руки побѣдителей.

Что же касается до безопаснаго перемѣщенія больныхъ изъ одного госпиталя въ другой, по случаю накопленія ихъ въ одномъ и уменьшенія въ другомъ госпиталѣ; что касается до благополучнаго проживанія въ тылу непріятельской арміи отдалившихся отъ нея, коихъ принято называть бродягами или мародерами, то это нареканіе уничтожается однимъ уже пребываніемъ нашихъ партій на пространствѣ, гдѣ были разсѣяны непріятельскіе больные и мародеры. Кого увѣрить можно, чтобы наши многочисленныя партіи, рыскавшія вдоль большой Смоленской дороги отъ Москвы до Дорогобужа, смотря хладнокровно на всѣ эти необузданныя шайки разбойниковъ, слѣдовавшія мимо ихъ и грабившія окрестныя села и города, не старались бы истреблять ихъ? Если бы партіи и рѣшились на то, то возможно ли, чтобы поселяне допустили ихъ предавать безпрепятственно огню и мечу ихъ самихъ, равно и имущества! Въ доказательство того, что движеніе взадъ и впередъ людей и подвозовъ по непріятельскому пути сообщенія было не такъ безопасно, какъ о томъ сказано въ разсматриваемомъ мною сочиненіи, служитъ слѣдующее предложеніе, сдѣланное Лористономъ 23-го сентября (5-го октября): онъ просилъ прекратить народную войну, которая, будучи возбуждаема и поддерживаема партизанами, наносила непріятелю столь страшный вредъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Народъ разумѣетъ войну эту нашествіемъ татаръ и, слѣдовательно, считаетъ всякое средство къ избавленію себя отъ враговъ не только не предосудительнымъ, но похвальнымъ и священнымъ“. Этого мало: встревоженный умноженіемъ числа партизанскихъ партій, Наполеонъ, побѣдивъ въ себѣ чувство гордости, возобновляетъ

изъ села Троицкаго $^{8}/_{20}$ октября предложеніе Лористона. Маршалъ Бертье, въ письмѣ своемъ къ князю Кутузову, говоритъ между прочимъ: „Генералу Лористону предложено было предложить вашей свѣтлости мѣры, чтобы сообразовать военныя дѣйствія съ правилами, установленными во всѣхъ войнахъ, дабы государство терпѣло лишь то зло, которое проистекаетъ изъ самой сущности войны“ [1]). На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Весьма трудно обуздать народъ, оскорбленный всѣмъ тѣмъ, что передъ нимъ происходитъ, народъ, не видавшій непріятеля въ нѣдрахъ своего отечества уже двѣсти лѣтъ и потому готовый погибнуть за него; онъ не умѣетъ различать принятые обычаи отъ тѣхъ, кои не допускаются въ обыкновенныхъ войнахъ. $^{9}/_{21}$ октября, 1812. Тарутино“ [1]).

Впрочемъ, не одни мародеры, но и самые фуражиры погибали въ этой борьбѣ войскъ съ цѣлою націею. Взглянемъ, что̀ о томъ говорятъ Ларрей, генералъ штаба, докторъ главной французской арміи, господинъ Шамбре, сочинитель „Исторіи нашествія на Россію“, и наконецъ самъ Наполеонъ.

„Начальники непріятельской арміи поддерживали нашихъ въ надеждѣ на миръ, увѣряя, что прелиминарные пункты будутъ на дняхъ подписаны. А между тѣмъ тучи казаковъ окружали мѣсто, на коемъ были расположены войска наши, ежедневно похищая у насъ великое число фуражировъ“ [2]).

„Къ изнуренію фуражировъ присоединялись пораженія, наносимыя имъ казаками, подъѣзжавшими даже къ заставамъ Москвы“ [3]).

Повелѣніе Наполеона къ Бертье. Гжатскъ. 22-го августа (3-го сентября) 1812 г.

„Напишите генераламъ, командующимъ корпусами, что мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка, господствующаго въ образѣ, принятомъ войскомъ для отысканія пищи; что нужно безъ отлагательства, чтобы они условились между собою на счетъ мѣръ, которыя должны быть соблюдаемы для

---

[1]) Lettre du M. Berthier au M. P. Koutousoff $^{8}/_{20}$ Octobre. Troidskoé.
[2]) Larrey. Mémoires de la Chirurgie militaire.
[3]) Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Tome III

прекращенія случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ, что число людей, захватываемое непріятелемъ, простирается ежедневно до нѣсколькихъ сотенъ; и потому непремѣнно надлежитъ подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, запретить солдатамъ отлучаться поодиночкѣ, а посылать за пищею войска (руководствуясь учрежденіемъ для фуражировъ) командами, наряженными отъ каждаго корпуса, если армія стоитъ совокупно, или отъ каждой дивизіи, если армія раздѣлена на части; надо поручить начальство надъ ними генералу или штабъ-офицеру, придать имъ достаточное число войскъ, для прикрытія ихъ отъ казаковъ и поселянъ во время фуражированія; надо, чтобы они старались тамъ, гдѣ найдутъ жителей, получать провіантъ и фуражъ посредствомъ требованія, не причиняя имъ большаго вреда насильствомъ и похищеніемъ другихъ предметовъ. Наконецъ, исполненіе этого предписанія весьма важно, и, безъ сомнѣнія, ревностью моей къ службѣ генералы и корпусные начальники изыщутъ всѣ средства къ прекращенію неустройствъ, о которыхъ идетъ дѣло. Вы не преминете написать также Неаполитанскому королю (Мюрату), командующему конницею, о томъ, что̀ необходимо нужно, чтобы конница его, прикрывая фуражирующихъ, охраняла бы ихъ отъ казаковъ и непріятельской конницы, посылаемыхъ для этого предмета изъ лагеря. Вы предложите принцу Экмюльскому (Даву) не подходить къ авангарду ближе двухъ льё (10 верстъ). Вы ему внушите необходимость сей мѣры, дабы фуражиры, искавъ фуража и провіанта, всегда находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ непріятеля. Наконецъ, вы замѣтите герцогу Эльхингенскому (Нею), что онъ теряетъ ежедневно болѣе людей во время фуражированія, чѣмъ на полѣ сраженія, и потому необходимо, чтобы первое производилось съ большимъ устройствомъ, при чемъ не слѣдуетъ далеко высылать фуражировъ“ [1]).

Итакъ, если фуражиры, отправлявшіеся всегда на добычу въ бо̀льшихъ массахъ чѣмъ мародеры и наблюдавшіе нѣкоторыя правила и устройства, не могли, не взирая на упреки

---

[1]) Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Lettre de Napoléon au Major-général. 3 Sept. 1812. Gjatsk. T. III.

Наполеона, избѣжать плѣна или смерти, то какимъ же образомъ могли мародеры, скитавшіеся въ землѣ, имъ неизвѣстной, безъ опредѣленной цѣли, безъ начальниковъ, иногда безъ патроновъ и всегда безъ прикрытія пребывать невредимо среди народа озлобленнаго, вооруженнаго и жаждавшаго мщенія? Если бы дѣйствительно партизаны и поселяне, сложа руки, хладнокровно глядѣли на неистовства, производимыя этою безопасною для нихъ сволочью, то зачѣмъ было Бертье и Лористону предлагать князю Кутузову принятіе мѣръ для сообразованія военныхъ дѣйствій съ установленными во всѣхъ войнахъ правилами? Зачѣмъ было Наполеону хлопотать о правильномъ устройствѣ во время фуражированія, ибо, какъ видно, онъ смотрѣлъ на мародеровъ своихъ, какъ на фуражировъ безъ начальства и связи? Не многозначительны ли эти слова, во-первыхъ: „Мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка во время отыскиванія пищи; во-вторыхъ, нужно безотлагательно условиться на счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ прекращенію случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ; въ третьихъ, число людей, забираемыхъ непріятелемъ, ежедневно простирается до нѣсколькихъ сотенъ, и въ четвертыхъ, Ней ежедневно теряетъ болѣе людей на фуражированіи, нежели въ сраженіи?“ Но, довольно говорить о бродягахъ и мародерахъ, истребленіе которыхъ было впрочемъ болѣе дѣломъ поселянъ, нежели партій устроенныхъ и направившихся на сообщеніе непріятеля съ гораздо важнѣйшею цѣлью.

„Ни одна эстафета не была перехвачена....“

Не говоря уже о тѣхъ, которыя попались мнѣ въ руки, я упомяну только о нѣкоторыхъ курьерахъ, перехваченныхъ другими партизанами.

Мнѣ, можетъ-быть, скажутъ, что донесенія начальству не суть документы вѣрные и неоспоримые; я согласенъ, когда они упоминаютъ лишь о числѣ убитыхъ и раненыхъ; это число бываетъ часто преувеличено относительно непріятеля и уменьшено относительно своихъ войскъ. Что же касается до донесеній о плѣнныхъ или о перехваченныхъ курьерахъ съ де-

пешами, то большой ошибки сюда допустить нельзя, ибо плѣнный или курьеръ лично представляется въ главную квартиру, гдѣ, послѣ допроса, онъ поступаетъ въ списокъ тѣхъ плѣнныхъ, которые были взяты прежде него; отобранныя отъ нихъ депеши хранятся подъ нумерами, что можно и теперь видѣть въ главномъ штабѣ государя императора.

Итакъ, вотъ мои доказательства:

Въ рапортѣ фельдмаршала къ государю императору, отъ 22-го сентября (4-го октября), сказано: „Сентября $^{11}/_{23}$ генералъ-маіоръ Дороховъ, продолжая дѣйствія съ своимъ отрядомъ, доставилъ перехваченную имъ у непріятеля почту въ двухъ запечатанныхъ ящикахъ, а третій ящикъ съ ограбленными церковными вещами; $^{12}/_{24}$ сентября поймано его же отрядомъ на Можайской дорогѣ два курьера съ депешами", и прочее.

Въ рапортѣ генерала Винценгероде къ государю императору изъ города Клина, отъ $^{3}/_{15}$ октября, сказано: „На сихъ дняхъ симъ послѣднимъ полковникомъ (Чернозубовымъ) взяты два французскіе курьера, ѣхавшіе изъ Москвы съ депешами".

Фельдмаршалъ доноситъ также государю императору, отъ $^{1}/_{13}$ октября, о взятіи 24-го сентября (6-го октября) курьера близъ Вереи подполковникомъ княземъ Вадбольскимъ.

Генералъ Винценгероде доноситъ государю императору, отъ $^{8}/_{20}$ октября, изъ села Чашникова, о взятіи курьера въ слѣдующихъ словахъ:

„Я получилъ рапортъ отъ подполковника Чернозубова, находящагося со ввѣреннымъ ему полкомъ на Можайской дорогѣ между городами Гжатскомъ и Вязьмою".

Вотъ этотъ рапортъ: „Прибывъ съ полкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, къ деревнѣ Теплухѣ на большой Московской дорогѣ, находящейся гдѣ учреждена французская почта (étape), я успѣлъ схватить непріятельскаго почталіона (estafette), предъ моимъ прибытіемъ выѣхавшаго изъ сей деревни. Всѣ бумаги, при немъ найденныя, при семъ къ вашему превосходительству представляю, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ французскихъ войскъ, взятымъ на самой большой дорогѣ.

„Послѣ сего я пошелъ прямо по той же самой дорогѣ къ Цареву-Займищу и на пути взялъ въ плѣнъ одного офицера и тридцать-восемь рядовыхъ, которыхъ, для поставленія въ Тверь, препроводилъ къ Сычевскому исправнику. До упомянутаго Царева-Займища я не могъ дойти, по причинѣ встрѣтившейся въ большомъ числѣ пѣхоты, препровождавшей обозъ, котораго часть отбивъ, я поворотилъ назадъ, и имѣю ночлегъ сего числа въ деревнѣ Холмѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ большой дороги. Вашему превосходительству о семъ донести честь имѣю, равно и о томъ, что въ сихъ предпріятіяхъ содѣйствовали мнѣ города Сычевокъ дворянскій предводитель Нахимовъ и исправникъ Богуславскій“.

Господинъ Шамбре, въ „Исторія нашествія на Россію“, опровергаетъ съ успѣхомъ слова Наполеона, мною здѣсь оспариваемыя; онъ говоритъ: „Наполеонъ въ этомъ случаѣ самъ себѣ противорѣчитъ въ письмахъ своихъ отъ 3-го, 23-го, 24-го и 27-го сентября (н. м.), такъ какъ и отъ 6-го, 10-го, 2-го и 24-го октября, 9-го ноября, 2-го декабря (н. м.) и въ другихъ еще письмахъ, мною не объявленныхъ оттого, что я не нашелъ въ нихъ ничего достойнаго замѣчанія. Сверхъ этихъ писемъ, донесенія генерала Бараге-д'Ильера, приложенныя къ сему второму изданію, достаточно удостовѣряютъ не въ собственномъ заблужденіи Наполеона, а въ умышленномъ стараніи его ввести другихъ въ заблужденіе, дабы чрезъ то прикрыть славу и самолюбіе свое отъ нападокъ. Безъ сомнѣнія, онъ не рѣшился бы сказать все мною оспариваемое, если бы зналъ, что часть его писемъ, записки Бертье и другихъ генераловъ, вѣдомости о движеніяхъ войскъ и другіе драгоцѣнные документы, необходимые для описанія нашествія на Россію, будутъ нѣкогда обнародованы; обстоятельство, которое, повидимому, должно было быть вовсе никому неизвѣстнымъ, становится, напротивъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ событій нашего времени“ [1]).

---

[1]) Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray) Tome III, pag. 249.

Вотъ нѣкоторыя выписки изъ сихъ писемъ: „Мы не получали эстафетъ послѣ прибывшей $^{7}/_{19}$ октября. Недостаетъ тѣхъ, которыя должны были прибыть $^{8}/_{20}$, $^{9}/_{21}$ и $^{10}/_{22}$" [1]). „Доведите до его, (маршала Виктора) свѣдѣнія, что не получая эстафетъ по сіе время, я не знаю, что происходитъ въ его сторонѣ" [2]). „Императоръ не получилъ двухъ эстафетъ; быть можетъ, что это есть слѣдствіе нашего отступленія къ Сенно, и чрезъ это стало доступнымъ непріятелю большое пространство земли" [3]).

И наконецъ господинъ Шамбре заключаетъ: „Во время отступленія, Наполеонъ получилъ отъ Смоленска до Молодечно лишь двѣ депеши изъ Франціи, и то чрезъ Марета (герцога Бассано). На доставленіе первой изъ этихъ депешей отважился польскій дворянинъ, объ имени котораго я умолчу, дабы не подвергнуть его подозрѣнію; вторую доставилъ ему еврей за деньги; онъ встрѣтилъ Наполеона въ Каменѣ, послѣ перехода чрезъ Березину" [4]).

Теперь мы подошли къ главному предмету партизанскаго дѣйствія, а именно, къ истребленію непріятельскихъ подвозовъ съ боевыми и съѣстными припасами, отрядовъ, командъ и войскъ, проходящихъ въ армію, или изъ оной. Достигли ли наши партизаны этого предмета, или нѣтъ, мы увидимъ изъ достовѣрныхъ документовъ, которыми я вооруженъ. Прежде всего представимъ легкій очеркъ того положенія, въ которомъ находились пути сообщенія французской арміи; очеркъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а господину Шамбре. „Невѣдѣніе его (Наполеона) о движеніяхъ этого генерала (Кутузова), умножаясь вслѣдствіе рыскавшихъ около Москвы русскихъ партій, ввергло его въ совершенное недоумѣніе на счетъ намѣренія непріятеля. Партіи эти, безпокоя съ неутомимою дѣятельностью фуражировъ, пресѣкли всѣ прямыя сообщенія между Мюратомъ, Бессьеромъ и Понятовскимъ. Ихъ предпріятіямъ

---

[1]) Lettre du M. Berthier à Junot 23 Octob. Fominskoé.
[2]) Lettre de Napoléon au major-général.
[3]) Lettre du M. Berthier à Victor 9 Nov. Smolensk.
[4]) Histoire de l'expédition en Russie, par M.*** (Chambray).

содѣйствовали тѣ изъ поселянъ, которые оставались еще въ селеніяхъ, увѣдомленіемъ о движеніяхъ французскихъ войскъ. Наконецъ взятіемъ нѣсколькихъ артиллерійскихъ палубъ и нѣсколькихъ командъ между Москвою и Можайскомъ, Дороховъ преградилъ путь подвозамъ, принудивъ ихъ измѣнить свое направленіе. Для возстановленія этого сообщенія, Наполеонъ отрядилъ, $^{11}/_{23}$ сентября, гвардейскихъ драгунъ, двѣ роты гвардейской конной артиллеріи и одинъ линейный полкъ. Этому отряду было предписано остановиться въ селѣ Вязёмѣ, находящемся на столбовой дорогѣ въ 7 льё (35 верстахъ) отъ Москвы. Спустя нѣсколько дней, $^{14}/_{26}$ сентября, онъ еще отрядилъ на половину пути отъ этого села къ Москвѣ дивизію Брусьера, принадлежавшую корпусу принца Евгенія, легкую кавалерію того же корпуса и гвардейскихъ конныхъ егерей съ артиллерійскою конною ротою. Такъ какъ и сама дорога отъ Можайска къ Смоленску много подвергалась нападеніямъ партій, то было приказано Наполеономъ отправлять войска изъ этого города не иначе, какъ вмѣстѣ, и не менѣе какъ въ числѣ 1500 человѣкъ". Томъ III, стр. 151.

Теперь перейдемъ къ документамъ.

Донесеніе Бертье генерала Бараге-д'Ильера, военнаго губернатора Смоленской губерніи, квартировавшаго въ Вязьмѣ.

Вязьма. $^{8}/_{20}$ сентября.

„Число и отвага вооруженныхъ поселянъ, повидимому, увеличивается; въ глубинѣ области $^{3}/_{15}$ сентября крестьяне деревни Клушина, что̀ возлѣ Гжатска, перехватили транспортъ съ понтонами, слѣдовавшій подъ командою капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются отъ войскъ нашихъ, рѣжутъ отряды, которые мы вынуждены посылать для отысканія пищи Эти неистовства, чаще происходящія между Дорогобужемъ и Можайскомъ, достойны, по моему мнѣнію, вниманія вашей свѣтлости. Необходимо тотчасъ взять мѣры къ прекращенію новыхъ безпокойствъ, возбуждаемыхъ крестьянами, или примѣрно наказать ихъ наглость за прошедшія преступленія [1]).

[1]) Lettre du gén. Baraguay d'Hilliers au M. Berthier.

„Казаки рыщутъ на флангахъ нашихъ. Разъѣздъ, состоявшій изъ 150 гвардейскихъ драгунъ, подъ командою генерала Мартода, попался въ засаду казаковъ между дорогами Московской и Калужской; изрубивъ 300 человѣкъ, они хотя и пробились, но оставили 20 человѣкъ на полѣ сраженія. Они были взяты, а вмѣстѣ съ ними и тяжело раненый маіоръ“. 23-й бюллетень, $^{9}/_{21}$ октября, Москва [1]).

„Казаки показались на Смоленской дорогѣ, въ 24 или въ 28 верстахъ отсюда. Они въ числѣ тридцати человѣкъ внезапно атаковали подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, состоявшій изъ 15 ящиковъ, и сожгли его“. Бертье къ Мюрату, отъ $^{10}/_{22}$ сентября. Москва.

„Вы, конечно, уже извѣщены о томъ, что произошло на Можайской дорогѣ; казаки, въ числѣ около сорока человѣкъ, напали нечаянно въ одной деревнѣ на 15 артиллерійскихъ палубъ и подорвали ихъ. Императоръ послалъ маіора Летора съ 250 драгунами на Можайскую дорогу, въ самое то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Маіоръ Леторъ имѣетъ повелѣніе остановить всѣ кавалерійскія команды, которыя слѣдуютъ въ армію, отчего отрядъ его достигнетъ до полуторы тысячи или до двухъ тысячъ человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ онъ назначенъ прикрывать дорогу“, и прочее. Изъ письма Бертье къ Бессьеру, $^{10}/_{22}$ сентября. Москва [2]).

„Пятьсотъ или шестьсотъ казаковъ, пресѣкшихъ Можайскую дорогу, намъ нанесли много вреда. Они подорвали 15 артиллерійскихъ палубъ и взяли два резервные эскадрона, шедшіе въ армію, то-есть, около двухсотъ конныхъ солдатъ. Эти эскадроны принадлежали резервной командѣ генерала Ланюса, который неосторожно расположилъ ихъ вправо отъ себя; послѣ того казаки хотѣли атаковать большой обозъ

[1]) 23-me bulletin, 9 Oct. Moscou.
[2]) Lettre du M. Berthier à Murat. 22 Sept. Moscou. Этотъ набѣгъ, встревожившій маршала Бертье, былъ произведенъ сорока казаками, но потеря непріятеля состояла не въ 15, а въ 36 палубахъ, двухъ капитанахъ, пяти офицерахъ и девяносто-двухъ рядовыхъ. Это можно видѣть въ рапортѣ Дорохова, хранящемся въ главномъ штабѣ его величества. Это нападеніе было произведено на село Перхушково сотникомъ Юдинымъ.

съ артиллерійскими снарядами, но были отражены ружейной пальбой прикрытія. Такъ какъ я уже извѣщалъ васъ, маіоръ Леторъ прибылъ вчера въ домъ князя Голицына, что на Можайской дорогѣ, съ двумя стами конныхъ солдатъ. По извѣстіямъ, даннымъ вами, и также по извѣстіямъ, полученнымъ отъ короля (Мюрата), его величество приказалъ генералу Сентъ-Сюльпису выступить со всѣми своими драгунами на подкрѣпленіе маіора Летора, если только это будетъ необходимо. Я полагаю, что не нужно будетъ прибѣгать къ этому, ибо движеніе войскъ, посланныхъ вами къ Подольску и къ Деснѣ, должно вовсе удалить казаковъ отъ Можайской дороги". Изъ письма Бертье къ Бессьеру $^{11}/_{23}$ сентября. Москва [1]).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. $^{11}/_{23}$ сентября.

„Увѣдомьте генерала Бараге-д'Ильера и герцога Абрантесскаго (Жюно), что кавалерія и артиллерія, которыя должны прикрывать транспорты, должны слѣдовать совокупно, ночевать въ кареѣ близъ транспорта и ни подъ какимъ предлогомъ не раздробляться; начальникъ транспорта долженъ ночевать среди его; всякій начальникъ, который не будетъ соблюдать этихъ повелѣній, будетъ наказанъ за нерадѣніе и будетъ виновенъ въ случаѣ взятія транспорта.

„Подтвердите это повелѣніе въ Смоленскъ, чтобы каждый транспортъ былъ посылаемъ подъ командою штабъ-офицера и подъ прикрытіемъ 1500 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, не

---

[1]) Lettre du M. Berthier à Bessiéres. 23 Sept. Moscou. Я не почитаю нужнымъ оспаривать странное мнѣніе маршала Бертье, будто бы движеніемъ кавалеріи Бессьера къ Подольску и къ Деснѣ можно было остановить покушенія партій нашихъ на Смоленскую дорогу; нелѣпость такого мнѣнія недостойна опроверженія. Надо объяснить положеніе дѣлъ, о которыхъ упоминаетъ этотъ маршалъ: дѣло означенное въ выпискѣ этого письма, принадлежитъ полковнику Сиверсу, который взялъ въ плѣнъ ѣхавшаго съ повелѣніями адъютанта маршала Нея, съ однимъ капитаномъ и тремя рядовыми. Въ 23-мъ бюллетенѣ и въ выпискѣ письма Бертье къ Бессьеру отъ 26-го сентября, о которой я упомяну, говорится о другомъ дѣлѣ, происходившемъ у села Бурцова, что на Боровской дорогѣ; въ этомъ дѣлѣ взяты маіоръ Мартодъ, четыре офицера и сто-восемьдесять-шесть рядовыхъ; съ нашей стороны уронъ былъ значительный: убитъ полковникъ Сиверсъ, тяжело ранены полковникъ князь Хилковъ и маіоръ графъ Гудовичъ, нижнихъ чиновъ ранено и убито двадцать-пять.

считая артиллерійскихъ, инженерныхъ и обозныхъ погонщиковъ. Дайте знать, что я съ прискорбіемъ вижу, что транспорты отправляются съ слабыми прикрытіями. Вслѣдствіе этого повелѣнія, напишите приказъ на счетъ образа ночеванья транспортовъ и пошлите оный къ начальникамъ транспортовъ 5-го и 6-го. Независимо отъ этого приказа, представьте предъ глаза мои уложенія на счетъ транспортовъ и прикрытій оныхъ. Мнѣ помнится, что въ нихъ весьма ясно изложены средства, какъ транспорты должны быть охраняемы. Если такъ, то надо будетъ перепечатать эти уложенія и разослать ихъ по всѣмъ комендантамъ укрѣпленій отсюда до Ковно" [1]).

Отъ того же къ тому же. Москва. $^{12}/_{24}$ сентября.

„Увѣдомьте генерала Сентъ-Сюльписа, что я получилъ его письмо. Объявите ему, что на безопасный проѣздъ отъ Можайска до Москвы я гляжу, какъ на весьма важное дѣло, и что я полагаюсь на него въ охраненіи этого пути. Ему надлежитъ расположиться на томъ пунктѣ, на которомъ онъ теперь находится и который есть центральный; онъ долженъ открыть сообщеніе съ герцогомъ Абрантесскимъ (Жюно), находящимся въ Можайскѣ, и рекомендую ему прикрывать эстафеты, при проѣздѣ ихъ мимо его отряда. Полковникъ Леторъ поступаетъ подъ его команду, и я предоставляю ему расположить Летора уступомъ тамъ, гдѣ заблагоразсудитъ.

„Предпишите ему и настаивайте, чтобы онъ имѣлъ патрули для прикрытія курьеровъ. Нужно было бы узнать: отозваны или нѣтъ казачьи отряды, назначенные для того, чтобы перехватывать ихъ? Я полагаю, что онъ уже послалъ двѣсти или триста человѣкъ на то мѣсто, гдѣ отрядъ генерала Ланюса былъ взятъ тому нѣсколько дней. Генералъ Леторъ выступаетъ нынче или завтра; этимъ все-таки прибавится лишняя патруль на дорогѣ" [2]).

---

[1]) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 23 Sept. Moscou.
[2]) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 24 Sept. Moscou.

Выписка изъ письма Бертье къ Бессьеру отъ $^{14}/_{26}$ сентября. „Канонада, которую вы вчера утромъ слышали вправо отъ васъ, была предпринята по наблюдательному отряду гвардейскихъ драгунъ, слѣдовавшихъ противъ правилъ подъ начальствомъ маіора Мартодота, который взятъ или убитъ. Мы потеряли въ этой безразсудной схваткѣ нѣсколько гвардейскихъ драгунъ, взятыми или убитыми, маіора, капитана, старшаго адъютанта. Мы также потеряли нѣсколько человѣкъ пѣхоты. Безразсудный начальникъ отряда былъ нечаянно атакованъ тремя тысячами человѣкъ войска при нѣсколькихъ орудіяхъ“ [1]).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. $^{15}/_{17}$ сентября.

„Я позволяю генералу Бараге-д'Ильеру располагать польскимъ полкомъ, по его усмотрѣнію. Такъ много отрядовъ идетъ къ намъ сзади, что ему легко будетъ проучить поселянъ“ [2]).

Генералъ Бараге-д'Ильеръ къ Бертье. Вязьма. $^{18}/_{30}$ сентября.

„Я получилъ письмо вашей свѣтлости. Огорченный его содержаніемъ и видя, что императоръ, хотя и не явно, обвиняетъ меня въ нерадѣніи относительно образованія губерніи, мнѣ ввѣренной, отчего, по его мнѣнію, происходятъ безпорядки на пространствѣ отъ Смоленска до Можайска, я спѣшу отвѣчать какъ можно откровеннѣе и короче. Прежде всего скажу: я образовалъ военное и гражданское управленіе Смоленской губерніи, въ чемъ удостовѣряетъ прилагаемое при семъ уложеніе; но для извлеченія всѣхъ средствъ изъ непріятельской области, въ которой жители вооружены противъ насъ, надо: во-первыхъ, достаточное число войскъ для занятія важнѣйшихъ пунктовъ, и этимъ устрашить жителей, и для изгнанія тѣхъ, которые руководятъ вооруженными жителями. Во-вторыхъ, когда не существуетъ никакого сходства въ языкѣ завоевательной арміи съ языкомъ завоеваннаго народа [1]), тогда нужно имѣть людей, говорящихъ обоими языками, дабы повелѣнія и требованія наши могли быть имъ понимаемы. До

---

[1]) Lettre du M. Berthier à Bessiers. 26 Sept. Moscou.
[2]) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 27 Sept.

сего же времени, я во всей губерніи нигдѣ не имѣю ни того, ни другого пособія. Если исключимъ укрѣпленныя станціи, на дорогѣ расположенныя, то останется дѣйствующихъ войскъ: въ Дорогобужѣ около двухсотъ человѣкъ пѣхоты и сорокъ гусаровъ; въ Гжатскѣ сто-семьдесятъ человѣкъ. Ваша свѣтлость можете повѣрить это по ежедневнымъ вѣдомостямъ.

„На другой день по прибытіи моемъ сюда, я, вслѣдствіе вашего повелѣнія, послалъ три колонны, составленныя каждая изъ пятидесяти человѣкъ, для обозрѣнія области и для собранія съѣстныхъ припасовъ. Двѣ изъ нихъ были взяты и не возвратились, о чемъ я имѣлъ честь донести вашей свѣтлости. Нѣсколько подобныхъ происшествій случилось послѣ того“ [2]).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. 24-го сентября (6-го октября).

„Напишите герцогу Беллюнскому (Виктору), чтобы полки, сформированные въ Кёнигсбергѣ и въ Витебскѣ, изъ отставшихъ отъ своихъ полковъ людей, не прикрывали артиллерійскихъ транспортовъ.

„Эти транспорты должны быть прикрываемы полными баталіонами, или частями баталіоновъ полнаго состава“ [3]).

Отъ того же къ тому же. Москва. 24-го сентября (6-го октября).

„Увѣдомьте генерала Бараге-д'Ильера о всѣхъ принятыхъ распоряженіяхъ для образованія 9-го корпуса и о мѣстѣ, гдѣ ему слѣдуетъ находиться. Дайте знать ему, что я совершенно согласенъ на его требованіе, чтобы занять сильными отрядами Вязьму, Гжатскъ и Дорогобужъ. Вслѣдствіе этого я приказываю вамъ предписать Гжатскому коменданту, чтобы онъ не пропускалъ далѣе Гжатска, и герцогу Абрантесскому (Жюно), чтобы онъ не пропускалъ далѣе Можайска команды,

---

[1]) Каковъ завоеванный народъ, о которомъ нѣсколько выше сказано, что онъ однако еще вооруженъ противъ завоевателей.
[2]) Lettre du général Baragay-d'Hilliers au M. Berthier. 30 Sept. Viasma.
[3]) Lettre de Napoléon à Berthier. 6 Oct. Moscou.

сюда идущія, разумѣется, если войска эти не перешли уже вышесказанныхъ пунктовъ“ [1]).

„Непріятель выставилъ много казаковъ, которые безпокоятъ кавалерію“. 25-й бюллетень, $^8/_{20}$ октября [2]).

Бертье къ Даву. Вязьма. 21-го октября (2-го ноября).

„Необходимо нужно, князь, перемѣнить образъ построенія, употребляемый на переходахъ противъ непріятеля, обладающаго такимъ множествомъ казаковъ. Надобно дѣлать переходы такъ, какъ мы дѣлали ихъ въ Египтѣ: обозы въ срединѣ и въ стольких рядахъ, сколько позволитъ дорога. Полубаталіонъ въ замкѣ и нѣсколько баталіоновъ въ одну шеренгу по бокамъ обоза, такъ, чтобы при поворотѣ во фронтъ огонь былъ отовсюду. Можно дозволить, чтобы баталіоны эти находились одинъ отъ другого въ нѣкоторомъ разстояніи, которое тогда должно быть занято нѣкоторымъ числомъ орудій. Наблюдайте, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не было отдаляющихся поодиночкѣ и безъ оружія солдатъ“ [3]).

Отъ того же къ Нею. Вязьма. 21-го октября (2-го ноября).

„Надо круто обуздать предпріятіе этой канальи казаковъ и обходиться съ ними, какъ мы обходились съ Аравитянами въ Египтѣ“ [4]).

„Отъ самаго Малоярославскаго дѣла авангардъ не видалъ непріятеля, развѣ однихъ казаковъ, которые, подобно Аравитянамъ, рыщутъ на флангахъ и гарцуютъ, безпокоя насъ“.

„Съ тѣхъ поръ не видали уже русской пѣхоты, а однихъ казаковъ“. 28-й бюллетень. 30-го октября (11-го ноября) [5]).

„Непріятель, видѣвшій на дорогѣ слѣды ужаснаго злополучія, поражающаго французскую армію, старался этимъ воспользоваться. Онъ окружилъ всѣ колонны казаками, ко-

---

[1]) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 6 Oct. Moscou.
[2]) 25-me bulletin 28 Oct. Noilskoé.
[3]) Lettre du M. Berthier à Davoust. 2 Nov. Viasma.
[4]) Lettre du même à Ney. 2 Nov. Viasma.
[5]) Bulletin 28-me. 11 Nov. Smolensk.

торые отхватывали, подобно Аравитянамъ въ пустынѣ, отстававшія фуры и повозки". 29-й бюллетень. 21-го ноября (3-го декабря) [1]).

„Офицеры и солдаты много потерпѣли отъ усталости и голода. Многіе лишились всего своего имущества, вслѣдствіе потери повозочныхъ лошадей; нѣкоторые вслѣдствіе казачьихъ засадъ. Казаки захватили великое число разсѣянныхъ и бродящихъ солдатъ, офицеровъ инженерныхъ, генеральнаго штаба, снимавшихъ планы съ мѣстоположеній, и раненыхъ офицеровъ, неосторожно путешествовавшихъ". 29-й бюллетень большой арміи.

„Генералъ Бараге-д'Ильеръ командовалъ дивизіею, формировавшеюся въ Смоленскѣ. Онъ расположилъ свои войска на дорогѣ, идущей изъ Смоленска въ Ельню. Приближеніе россійской арміи должно было бы заставить его сосредоточить его дивизію. Онъ этого не сдѣлалъ; 28-го октября (9-го ноября) трое русскихъ партизановъ атаковали одну изъ его бригадъ, которая, не взирая на свою числительность, простиравшуюся до 1100 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы, положила оружіе. Остальная часть дивизіи едва успѣла скрыться въ Смоленскѣ. Партизаны взяли также многія французскія депо, изъ коихъ главнѣйшее было въ Клементьевѣ [2]). Бóльшая часть лошадей, употребленныхъ для возки фуръ и расположенныхъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Смоленска, но въ дальнемъ разстояніи отъ этого города, попались также въ руки казаковъ.

Императоръ объявилъ неудовольствіе свое генералу Бараге-д'Ильеру за то, что, будучи извѣщенъ о движеніи непріятеля, онъ не собралъ войска свои. Императоръ лишилъ его команды и сослалъ въ Берлинъ. Тамъ было назначено судить его.

Независимо отъ невозвратной потери людей и лошадей, причиненной непредусмотрительностью генерала Бараге-д'Ильера,

---

[1]) Bulletin 29-me. 3 Dec. Molodetchno.

[2]) Главное депо находилось не въ Клементьевѣ, а въ Горкахъ: это депо, состоявшее подъ начальствомъ маіора Бланкарда, было на голову разбито и частію взято 21-го ноября (3-го декабря) въ Копысѣ моею партіею.

императору было чрезмѣрно прискорбно видѣть, что французскій корпусъ, состоявшій изъ 1100 человѣкъ и 500 конницы, могъ положить оружіе передъ партизанскими отрядами!

„Генералъ Ожеро съ бригадою своею былъ взятъ русскими партизанами: Денисовымъ, Давыдовымъ и Сеславинымъ [1]), соединившимися для этого предпріятія". Гурго. Критическій разборъ Исторіи 1812 года господина Сегюра [2]).

Я могъ бы не удовольствоваться этими документами, у меня хранившимися, но я опасаюсь представить слишкомъ длинную статью; между тѣмъ, поставивъ себѣ въ обязанность не представлять иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, кои были обнародованы самимъ непріятелемъ, я, къ сожалѣнію моему, не могу уже упомянуть о тѣхъ партизанскихъ набѣгахъ, которые, бывъ извѣстны обѣимъ сражавшимся арміямъ, были помѣщены въ однихъ донесеніяхъ и объявленіяхъ князя Кутузова. Я потому не распространяюсь о поискѣ $^8/_{20}$ октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылъ авангарда французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ пять офицеровъ и триста-шестьдесятъ рядовыхъ и отбилъ огромный транспортъ со съѣстными припасами, собранными изъ окрестныхъ деревень.

Я умолчу также о поискѣ Сеславина, $^{10}/_{22}$ октября, въ которомъ онъ сорвалъ завѣсу, скрывавшую гибельное для насъ движеніе французской арміи, о которомъ впрочемъ я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ событій этой кампаніи; о поискѣ у села Шалымова, $^{12}/_{24}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ комиссаровъ и четыреста рядовыхъ; о поискѣ близъ Медыни, $^{13}/_{25}$ октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій, разбивъ авангардъ князя Понятовскаго,

---

[1]) Генералъ Гурко умолчалъ о партизанѣ Фигнерѣ и вмѣсто Денисова долженъ былъ бы сказать: графомъ Орловымъ-Денисовымъ, ибо фамилія Денисовыхъ весьма многочисленна на Дону, и потому нельзя узнать, по словамъ господина Гурко, который изъ Денисовыхъ былъ въ этомъ дѣлѣ.

[2]) Examen critique de l'ouvrage de M. Segur par le gén. Gourgaud.

взялъ пять орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ; о вторичномъ поискѣ при Боровской дорогѣ, $^{14}/_{26}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ отбилъ сто фургоновъ съ провіантомъ и снарядами и взялъ въ плѣнъ около четырехсотъ человѣкъ; о поискѣ при Молодечно, 21-го октября (2-го ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ маіора Нарышкина и провіантскаго чиновника Полотова; о поискѣ при Борисовѣ, $^{16}/_{28}$ ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ и взялъ въ плѣнъ 3000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Всѣ эти предпріятія и набѣги, увѣнчанные бо́льшими или меньшими успѣхами во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, преградили путь слѣдовавшимъ къ нимъ подвозамъ съ пищею, зарядами, и значительно затруднили для нихъ самое фуражированіе; самый проѣздъ курьеровъ и чиновниковъ, посылаемыхъ въ отдѣльные корпуса, въ средину Европы и во Францію, или слѣдовавшихъ оттуда въ непріятельскую армію, сдѣлался почти невозможнымъ. Это не дозволило частямъ арміи оказывать взаимнаго содѣйствія; самыя общія передвиженія непріятельской арміи, успѣхъ которыхъ преимущественно зависѣлъ отъ сохраненія ихъ въ тайнѣ, были заблаговременно открываемы партизанами, а потому французы всюду встрѣчали сильное противодѣйствіе. Примѣры этому видимъ при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ я упоминаю въ своихъ Запискахъ.

Означенные набѣги и поиски должны были неминуемо обнаружить все свое вредное вліяніе, когда непріятельская армія, оставивъ Москву, сопутствуемая голодомъ и холодомъ, двинулась обратно по пути опустошенному и безпріютному; будучи денно и нощно тревожима партизанскими партіями, она была принуждена противопоставить неутомимости этихъ смѣльчаковъ излишнюю осторожность, что̀ изнуряло ихъ войска во время приваловъ и ночлеговъ; ибо невозможно было знать,

особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, а потому ничтожная перестрѣлка могла обратиться въ рѣшительный бой. Сверхъ того непрестанный надзоръ партизановъ, непрерывныя покушенія ихъ, внезапные набѣги на команды, отдалявшіяся отъ колоннъ, крайне устрашили и изнурили непріятеля; онъ опасался отлучаться отъ главной массы своихъ войскъ, хотя бы для отысканія себѣ пищи и пріюта противъ стужи. Основываясь на смѣтѣ, сдѣланной главнымъ штабомъ россійской арміи, мы видимъ, что число плѣнныхъ, взятыхъ различными партіями, простиралось до 15000 рядовыхъ и чиновниковъ. Къ этому надо прибавить огромное количество фуръ съ провіантомъ и одеждою, палубъ съ зарядами, тысячи воловъ и строевыхъ и повозочныхъ лошадей, и прочее.

Послѣ всего того я спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: какое можетъ вселить довѣріе та часть Наполеоновыхъ Записокъ, въ которой раздраженный, какъ кажется, горестнымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ и тяжкимъ гнетомъ настоящаго, онъ рѣшился обнародывать все мною выше опровергнутое. Онъ утверждаетъ, что въ теченіе Московской кампаніи въ тылу французской арміи не было непріятеля и что она не лишилась ни одного транспорта провіантскаго и артиллерійскаго, ни одной команды, ни одной эстафеты, ни одного курьера и даже (что̀ свыше всякаго вѣроятія) ни одного бродяги? И кто тому не вѣритъ? Самъ Наполеонъ едва не попался два раза въ плѣнъ казакамъ; а извѣстно, что мѣсто полководца не впереди своихъ войскъ, но въ срединѣ и тылу ихъ.

Вотъ первый случай; не я, а неустрашимый и прямодушный генералъ Раппъ, находившійся тогда близъ стремени Наполеона, разсказываетъ объ этомъ:

„Наполеонъ кочевалъ въ полумилѣ отъ этого мѣста (отъ Малоярославца). На другой день мы сѣли на коней въ семь съ половиною часовъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, на которомъ наканунѣ сражались. Императоръ находился между герцогомъ Виченскимъ (Коленкуромъ), принцемъ Невшательскимъ (Бертье)

и мною. Едва успѣли мы оставить шалаши, гдѣ провели ночь, какъ прилетѣли тучи казаковъ. Они выѣзжали изъ лѣса, находившагося впереди насъ на лѣвой сторонѣ. Такъ какъ они были построены довольно правильно, то мы приняли ихъ за французскую кавалерію.

„Герцогъ Вичентскій первый догадался. „Государь, это—казаки!“—„Не можетъ быть“, отвѣчалъ Наполеонъ.—„Они уже скакали на насъ, оглашая воздухъ ужаснымъ крикомъ. Я схватилъ лошадь его за узду и быстро поворотилъ ее. „Да это наши!“—Это казаки, не медлите!—„Точно они“—сказалъ Бертье.—„Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія“, прибавилъ Мутонъ. Наполеонъ далъ нѣсколько повелѣній и отъѣхалъ. Я двинулся впередъ съ конвойнымъ эскадрономъ; насъ опрокинули; лошадь моя, получивъ ударъ пикою въ шесть пальцевъ глубины, повалилась на меня; мы были затоптаны этими варварами. Къ счастію, примѣтивъ артиллерійскій паркъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, они бросились на него. Маршалъ Бессьеръ успѣлъ между тѣмъ прибыть съ конно-гвардейскими гренадерами“ [1]).

О томъ же дѣлѣ сказано въ бюллетенѣ такъ: „Императоръ перенесъ главную квартиру свою въ деревню Городню. Въ семь часовъ утра шесть тысячъ казаковъ, прокравшись лѣсомъ, произвели общій набѣгъ при крикахъ „ура!“ въ тылъ позиціи, при чемъ взяли шесть орудій въ паркѣ; герцогъ Истрійскій (Бессьеръ) быстро двинулся со всею гвардейскою кавалеріею. Онъ осыпалъ сабельными ударами эту орду, опрокинулъ ее, втопталъ въ рѣку, возвратилъ взятую артиллерію и отбилъ нѣсколько фуръ, принадлежащихъ непріятелю; 600 казаковъ убито, ранено и взято въ плѣнъ, 30 гвардейцевъ ранено и три убито. Подъ дивизіоннымъ генераломъ Раппомъ убита лошадь. Неустрашимость, столько разъ оказанная этимъ генераломъ, обнаруживается во всѣхъ случаяхъ. Драгунскій маіоръ Леторъ отличился. Въ восемь часовъ все пришло въ прежній порядокъ“ [2]).

---

[1]) Mémoires du général Rapp; page 226 et 227.
[2]) 27-me bulletin. 27 Oct. Vereia.

Это дѣло, называемое во французской арміи „le hourra de l'empereur“ (императорское ура), случилось на другой день послѣ Малоярославскаго сраженія. До разсвѣта Платовъ отрядилъ часть своего летучаго корпуса съ генераломъ Иловайскимъ за рѣку Лужу нѣсколькими верстами выше Малоярославца, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, сражавшимся наканунѣ предъ этимъ городомъ и стоявшимъ еще на полѣ сраженія. Иловайскій ударилъ на артиллерійскій паркъ, который состоялъ изъ 40 орудій и кочевалъ на Боровской дорогѣ во время проѣзда Наполеона изъ Городни въ Малоярославецъ, гдѣ находились войска вице-короля Италіанскаго. Казаки бросились частію на паркъ, а частію на Наполеона и его конвой. Если бы они знали, за кого они, такъ сказать, рукой хватались, то, конечно, не промѣняли бы этой добычи на 11 орудій, отбитыхъ ими изъ парка и которые, не взирая на слова Раппа и 27-го бюллетеня, остались въ ихъ власти и никогда не были обратно взяты французскою кавалеріею. По истинѣ эта кавалерія преслѣдовала казаковъ, но уже въ то время, какъ казаки сами сочли нужнымъ возвратиться къ главнымъ своимъ силамъ. Преслѣдованіе за ними продолжалось до рѣки, которую они перешли въ бродъ, вмѣстѣ съ отбитыми пушками, и огонь изъ двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, открытый Платовымъ съ праваго берега Лужи, разомъ остановилъ напоръ непріятельской кавалеріи. Она отступила безъ преслѣдованія.

Не менѣе ложно показаніе бюллетеня относительно числа людей, у насъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, такъ и отбитія казачьихъ обозовъ. У партизановъ и казаковъ нѣтъ другихъ повозокъ, кромѣ тѣхъ, которыя они отхватываютъ у непріятеля, да и они этими повозками пользуются лишь для дальнихъ предпріятій, а не для набѣговъ, продолжающихся нѣсколько часовъ. Ихъ обозы состоятъ обыкновенно изъ вьючныхъ лошадей, которыя въ совокупности называются кашами.

Вотъ другой случай. Партизанъ Сеславинъ занялъ съ боя мѣстечко Забрежъ, въ которомъ взялъ генерала Доржанса и одиннадцать штабъ и оберъ-офицеровъ. „23-го октября (4-го ноября)

Наполеонъ, оставивъ Молодечно въ девять часовъ утра, перенесъ главную квартиру въ Бьеницу, Луазонъ долженъ былъ прибыть въ Ошмяны на другой день; а такъ какъ Сморгоны и Молодечно были заняты французскими войсками, то, воспользовавшись безопасностью пути сообщенія, Наполеонъ рѣшился оставить армію; онъ тайно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. 24-го октября (5-го ноября) въ восемь часовъ утра, онъ оставилъ Бьеницу и пріѣхалъ къ Сморгони въ часъ по полудни. Тамъ, приготовившись окончательно къ отъѣзду, онъ собралъ генераловъ: Мюрата, принца Евгенія, Бертье, Нея, Даву, Лефебра, Мортье и Бессьера, объявилъ имъ, что оставляетъ армію и ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Сдавъ начальство Мюрату, онъ въ семь часовъ вечера отправился въ путь въ обыкновенной своей каретѣ, за которой ѣхали сани. Онъ взялъ съ собою только генераловъ: Коленкура, Дюрока и Мутона. Первый сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ, два послѣдніе въ саняхъ; на козлахъ сидѣли мамелюкъ и ротмистръ польскихъ гвардейскихъ уланъ, который долженъ былъ служить переводчикомъ [1]). Онъ ѣхалъ тайно подъ именемъ герцога Виченскаго и, полагая путь совершенно безопаснымъ, взялъ съ собою лишь одинъ слабый конвой Неаполитанской кавалеріи.

„Луазонъ прибылъ послѣ полудня въ Ошмяны, гдѣ по причинѣ жестокой стужи поспѣшилъ размѣстить войска по домамъ. Русскій партизанъ Сеславинъ, шедшій также на Ошмяны, но боковыми путями влѣво отъ большой дороги, прибылъ къ тому же мѣстечку въ сумерки съ гусарскимъ полкомъ, казаками и артиллеріей. Не зная, что мѣстечко занято пѣхотною дивизіею, онъ ворвался въ него съ кавалеріею, но былъ немедленно принужденъ оставить его. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ расположился на бивуакахъ, въ маломъ разстояніи отъ дороги. Наполеонъ благополучно доѣхалъ до Ошмянъ, но могъ весьма легко попасть, что̀ случилось бы навѣрно, если-бъ этотъ партизанъ зналъ объ его проѣздѣ“ [2]).

---

[1]) Духинъ-Вонсовичъ.
[2]) Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Tome III.

Дѣло это происходило такъ: за часъ предъ въѣздомъ въ Ошмяны Наполеона, Сеславинъ, не зная и бывъ въ невозможности знать объ этомъ обстоятельствѣ, но искавшій лишь случая сразиться съ непріятелемъ, ворвался въ Ошмяны съ Ахтырскими гусарами и казаками; въ то же время орудія его открыли огонь по магазину, находившемуся въ мѣстечкѣ; главный караулъ, стоявшій у квартиры, приготовленной для Наполеона, былъ изрубленъ и магазинъ охваченъ пламенемъ. Французскія войска, разсѣянныя по домамъ, стали въ безпорядкѣ выбѣгать къ ружью; темнота ночи много увеличила происшедшую отъ того сумятицу. Нѣкоторыя войска, оробѣвъ, побѣжали по дорогѣ къ Табаришкамъ, но другія, находившіяся внѣ мѣстечка, бросились къ нему и открыли со всѣхъ сторонъ сильный огонь по Сеславину. Не имѣя пѣхоты, онъ отвѣчалъ имъ саблями и дротиками; видя однако, что борьба не подъ силу, онъ былъ вынужденъ оставить мѣстечко. Въ эту минуту Наполеонъ въѣхалъ въ Ошмяны и, перемѣнивъ лошадей, отправился чрезъ Мѣдники въ Вильно, а отсюда во Францію.

Будь атака однимъ часомъ позже, Наполеонъ не избѣгъ бы плѣна. Конечно, подобная развязка была бы противъ правилъ драматическаго искусства, выгодъ парижскихъ рестораторовъ и красавицъ Пале-Ройяля и нашихъ вооруженныхъ путешественниковъ, совершившихъ на чужой счетъ столь неожиданное путешествіе; за то какая военная слава озарила бы русскихъ! мы кончили бы все дома.... безъ чужеземцевъ!

Сеславинъ не виноватъ, ибо успѣхъ въ подобномъ случаѣ зависитъ отъ судьбы, а не отъ разсчетовъ человѣческихъ.

Меня нельзя упрекнуть, чтобы я уступилъ кому либо во враждѣ къ посягателю на независимость и честь моей родины; но моя вражда не шипитъ и не прячется, но молча хватаетъ за горло. Товарищи мои помнятъ, если не слабые успѣхи мои, то, по крайней мѣрѣ, мои усилія, клонившіяся ко вреду непріятеля въ теченіе Отечественной и заграничной войнъ; они также помнятъ мое удивленіе, мои восторги, возбужденные

подвигами Наполеона и уваженіе къ его войскамъ, которое я питалъ въ душѣ моей въ пылу борьбы. Солдатъ, я и съ оружіемъ въ рукахъ, не преставалъ отдавать справедливость первому солдату вѣковъ и міра; я любовался, я былъ обвороженъ храбростью, въ какую бы она одежду не облекалась, въ какихъ бы краяхъ она не проявлялась. Хотя Багратіоново „браво“, вырвавшееся въ похвалу непріятеля, среди самаго пыла Бородинской битвы, отозвалось въ душѣ моей, но оно ее не удивило [1]). Такъ чувствовалъ я, когда сердце мое билось еще подъ гусарскимъ ментикомъ, такъ я чувствую нынѣ за плугомъ и въ мирномъ кабинетѣ своемъ. Нѣтъ, не ненависть, не презрѣнная лесть или пристрастіе, но любовь къ истинѣ постоянно руководили перомъ моимъ; впрочемъ я ничего самостоятельнаго не сочинялъ, а сводилъ лишь статьи, противорѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ Запискахъ Наполеона, писанныхъ на память, наскоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но онъ, конечно, во всякомъ случаѣ оцѣнитъ то, что русскій, я соблюдалъ въ своихъ выраженіяхъ чувство приличія и вѣжливости. Я опровергаю нѣкоторыя сказанія того, чья великая память вызвала безстыдныя нареканія и малодушныя оскорбленія нѣкоторыхъ соотечественниковъ моихъ, сослуживцевъ его и даже людей, осыпанныхъ его благодѣяніями.

Напечатано отдѣльнымъ изданіемъ. М. 1825.

---

[1]) Извѣстно, что у князя Багратіона за нѣсколько минутъ до полученія имъ смертельной раны, вырвалось, такъ сказать, отъ души громкое «браво» 57-му линейному французскому полку, первому изъ полковъ корпуса Даву, который вскочилъ на флеши, расположенныя предъ Семеновскимъ и обороняемыя самимъ княземъ Багратіономъ.

XV.

Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ.

Я велъ нѣкоторое время переписку съ сиръ Вальтеръ-Скоттомъ. Письмо, мною ниже помѣщенное, было написано за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія объ его кончинѣ, и потому оно осталось въ моемъ портфелѣ. Я не имѣлъ намѣренія переводить его на русскій языкъ и издавать его въ свѣтъ, если-бъ не узналъ о переводѣ на русскій языкъ книги, на погрѣшности которой я здѣсь указываю. Такъ какъ замѣчанія мои не могутъ уже быть полезными сочинителю, то да охранятъ онѣ, по крайней мѣрѣ, моихъ соотечественниковъ отъ заблужденія, въ которое былъ невольно введенъ этотъ знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему пристрастными и недобросовѣстными людьми.

Милостивый государь! Послѣднее письмо ваше я имѣлъ честь получить вскорѣ послѣ безцѣннаго подарка, вами присланнаго [1]), за который я не успѣлъ еще благодарить васъ, по случаю независящихъ отъ меня обстоятельствъ [2]).

Я давно желалъ имѣть портретъ человѣка, такъ много мною уважаемаго, и такъ побѣдительно увлекающаго вниманіе и удивленіе свѣта. Желаніе мое удовлетворено особенною вашею ко мнѣ благосклонностью, простирающеюся до сочетанія моего безславнаго имени съ вашимъ знаменитымъ именемъ [3]).

---

[1]) Портретъ его.

[2]) Пребываніе мое въ дѣйствующихъ войскахъ во время войны съ Персіею въ 1826 году.

[3]) Подпись собственной рукой подъ портретомъ: Walter Scott for Denis Dawidoff.

Горжусь весьма, милостивый государь, что гравированный портретъ мой давно уже находится въ вашемъ кабинетѣ оружій, столь тщательно вами собираемыхъ. Это спасаетъ меня отъ неприличія отдарить васъ изображеніемъ чертъ моей малозначущей особы и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ мнѣ случай просить васъ принять курдскую пику и персидскій кинжалъ, отбитые отрядомъ, бывшимъ подъ моей командою въ легкой сшибкѣ съ персидскимъ корпусомъ войскъ близъ Эривани, и черкесскій лукъ съ колчаномъ, полнымъ стрѣлъ, который удалось мнѣ пріобрѣсти въ проѣздъ мой чрезъ кавказскую линію. Все это отправлено къ вамъ чрезъ англійское посольство.

Вы желаете имѣть замѣчанія мои на войну 1812 года, описанную вами, милостивый государь, въ „Исторіи жизни Наполеона" [1]). Я не безъ робости повинуюсь вашей волѣ, ибо долженъ заблаговременно признаться вамъ, что ихъ будетъ не малое число, потому что документы, коими вы руководствовались при составленіи описанія этой войны, были, повидимому, доставлены вамъ людьми малосвѣдущими и подвластными пристрастію, которое неминуемо должно было, не взирая на любовь вашу къ истинѣ, отозваться и въ той части сочиненія вашего, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи. Простите моей солдатской откровенности, но я не былъ бы достоинъ благосклоннаго вниманія вашего, если-бъ осмѣлился платить вамъ за него лицемѣріемъ, мнѣ вовсе не свойственнымъ, и преступнымъ молчаніемъ; прочитавъ описаніе ваше о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ нашихъ армій и о полководцѣ, глубокими соображеніями котораго было спасено мое отечество, и чье имя для насъ русскихъ и драгоцѣнно и священно, я не могу оставить безъ возраженій нѣкоторыхъ ошибочныхъ показаній вашихъ. Приступаю къ замѣчаніямъ.

Вы говорите, глава VII, стр. 246: „Турки защищались лучше, чѣмъ отъ нихъ этого ожидали, и хотя въ началѣ кампаніи судьба не благопріятствовала ихъ оружію, однако великій визирь одержалъ наконецъ побѣду подъ Рущукомъ

---

[1]) Vie de Napoléon Buonaparte, par Sir Walter Scott. Paris. Imprimerie de Casson. 1827.

или, по крайней мѣрѣ, разстроилъ до того армію россійскаго генерала, что принудилъ его снять осаду этой крѣпости. Но побѣда не долго озаряла знамена побѣдителей; вскорѣ россіане атаковали турецкій укрѣпленный лагерь, взяли его приступомъ и истребили до основанія армію, его защищавшую“.

Вотъ какъ происходило дѣло по истинѣ:

Армія наша, подъ предводительствомъ Кутузова, занимала позицію предъ Рущукской крѣпостью, которая еще 15-го сентября предъидущаго года сдалась предмѣстнику его, графу Каменскому, и уже съ того времени принадлежала намъ.

Великій визирь, прибывшій изъ Турлака въ укрѣпленный лагерь между Пизанцами и Кадькію, рѣшился воспользоваться превосходствомъ числительныхъ силъ своей арміи и атаковать Кутузова. 22-го іюня (ст. ст.), рано по утру, вся армія его двинулась на нашу, и бой завязался. Турецкая армія состояла изъ 60000, число русскихъ войскъ не превышало 20000, включая сюда и казаковъ. Кутузовъ, раздѣливъ пѣхоту свою на девять каре, построилъ ихъ въ двѣ линіи шахматнымъ порядкомъ; третью же составляла кавалерія.

Великій визирь, желая отвлечь вниманіе наше отъ главныхъ пунктовъ атаки, устремилъ пѣхотныя толпы и артиллерію свою противъ центра русской арміи; въ то же время вся конница его яростно атаковала оба фланга наши. Нападенія конницы лѣваго его фланга были постоянно отражены; но конница, составлявшая его правый флангъ, прорвавшись между кареями, опрокинула лѣвую оконечность нашей кавалеріи и, обскакавъ весь лѣвый флангъ нашъ, бурно разлилась по всему пространству виноградныхъ садовъ, находившихся между нашею арміею и крѣпостью. Минута была критическая. Кутузовъ приказалъ всей кавалеріи праваго своего фланга обратиться влѣво и, выдвинувъ ей на помощь одно изъ пѣхотныхъ каре второй линіи, устремилъ эту громаду на турецкую конницу, уже гарцующую подъ стѣнами крѣпости. Натискъ былъ дружный, очертя голову, и, слѣдовательно, удачный. Турки не устояли и отхлынули къ главнымъ силамъ своей арміи, которая послѣ тщетныхъ усилій, продолжавшихся сряду пять

часовъ, была принуждена начать отступленіе. Кутузовъ преслѣдовалъ ее всею своею арміею десять верстъ за поле битвы. Великій визирь вступилъ въ свой укрѣпленный лагерь при Кадькію и Пизанцами. Кутузовъ привелъ къ вечеру обратно войска свои въ лагерь, занимаемый имъ прежде. Гдѣ же тутъ побѣда турецкой арміи надъ русскою?

Продолжаю. Армія наша не снимала осады Рущука, ибо Рущукъ былъ уже въ нашихъ рукахъ съ 15-го сентября предъидущаго года. При всемъ томъ Кутузовъ, не взирая на отпоръ, сдѣланный имъ визирю, находился въ крайне затруднительномъ положеніи, по случаю выступленія въ Россію пяти дивизій изъ девяти, составлявшихъ его армію. Уже наступилъ 1811 годъ. Дѣло шло не о завоеваніяхъ, а о собственномъ существованіи. Войска были нужны для защиты самой Россіи, угрожаемой Наполеономъ, съ которымъ сношенія двора нашего становились болѣе и болѣе непріязненными. Свѣжій опытъ доказалъ безопасность арміи нашей при схваткѣ грудь съ грудью съ турецкою арміею,—но великій визирь, опираясь на значительное превосходство силъ своихъ, могъ бы безъ сраженія принудить Кутузова оставить правый берегъ Дуная. Ему стоило только, занимая ежедневно армію нашу нѣкоторою частью своихъ войскъ, двинуться съ главными силами или къ сторонѣ Туртукая, или Силистріи и, перейдя Дунай, явиться въ Валахіи на пути сообщеній Кутузова съ Россіею. Тогда было бы поздно прибѣгать къ предупрежденію турецкихъ войскъ въ занятіи Валахіи. Но при переходѣ въ эту область всей нашей арміи, надлежало рѣшить вопросъ весьма важный: оставить ли за собой крѣпость или пожертвовать ею? Соображаясь съ чрезвычайною обширностью этой крѣпости, Кутузову слѣдовало бы неминуемо снабдить ее, по крайней мѣрѣ, двадцатью баталіонами пѣхоты и артиллеріею. Таковой огромный отрядъ, послѣ выступленія въ Россію пяти дивизій, ослабилъ бы совершенно армію и лишилъ бы ее послѣдней надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ сильнымъ непріятелемъ на самой важнѣйшей части театра военныхъ дѣйствій. Это побудило Кутузова, пожертвовавъ Рущукомъ и переселивъ

жителей въ Валахію, подорвать важнѣйшія части крѣпости и предать пламени строенія, служащія для складки запасовъ; перейдя потомъ на лѣвый берегъ Дуная и снявъ мостъ, соединяющій оба берега рѣки, ограничиться лишь защитою Валахіи.

Спустя пять дней послѣ сраженія (то-есть, въ ночь съ 27-го на 28-е іюня), армія наша, состоявшая изъ 26 баталіоновъ пѣхоты и 35 эскадроновъ кавалеріи, перейдя Дунай, расположилась противъ Кашорскаго острова между крѣпостью Журжею, занятою нашимъ гарнизономъ, и селеніемъ Слободзеею, отстоящимъ отъ нея въ нѣсколькихъ верстахъ. 28-го утромъ турки, занявъ покинутый нами Рущукъ, расположились лагеремъ на высотахъ у самаго города.

Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня великій визирь предпринялъ переправу чрезъ Дунай въ пяти верстахъ выше Рущука съ намѣреніемъ занять низменность подъ защитою выстрѣловъ баттарей, устроенныхъ имъ на возвышенностяхъ праваго берега. Войска наши противились сначала высадкѣ непріятеля на берегъ, но вскорѣ они, по приказанію Кутузова, прекратили свои дѣйствія. Тогда Кутузовъ рѣшился обложить турецкія силы, перешедшія на лѣвый берегъ Дуная и приступившія уже къ укрѣпленію своего лагеря. Остановивъ двѣ дивизіи, 9-ю и 15-ю, слѣдовавшія въ Россію, онъ притянулъ часть ихъ къ главнымъ силамъ; присоединивъ также и нѣкоторые отряды, наблюдавшіе непріятеля вдоль Дуная, онъ возвысилъ чрезъ это числительную силу главной массы арміи до 50 баталіоновъ и 40 эскадроновъ.

Великій визирь, пользуясь удачею и удостовѣрясь въ твердой осѣдлости переправившихся за рѣку войскъ, усилилъ ихъ мало по малу всею почти арміею, оставя на противоположномъ берегу только нѣсколько баттарей и малосильный отрядъ войскъ. Наконецъ, прибывъ лично на лѣвый берегъ, визирь намѣревался постепенно расширять кругъ наступательныхъ своихъ дѣйствій.

Съ своей стороны Кутузовъ спѣшилъ предупредить покушеніе визиря устроеніемъ блокадной линіи, которую онъ образовалъ изъ десяти редутовъ, построенныхъ полукружіемъ,

примкнувъ оба ея фланга къ Дунаю, выше и ниже турецкаго лагеря.

Я сказалъ уже, что великій визирь, переправившись лично съ главными силами своими за Дунай, оставилъ лишь малозначительный отрядъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Въ глаза бросилась польза разбитія этого корпуса и упроченія побѣды твердою осѣдлостью войскъ нашихъ на самомъ томъ мѣстѣ, которое прежде занималъ этотъ корпусъ. Тогда турецкая армія должна была вовсе лишиться сообщенія своего не только съ внутренностью имперіи, но даже съ лѣвымъ берегомъ Дуная и, слѣдственно, со всѣми источниками ея средствъ. Сверхъ того она подвергалась губительнымъ выстрѣламъ артиллеріи нашей съ высотъ, господствующихъ надъ пологостью берега, занимаемаго визиремъ. Кутузовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ съ чудесною и геніальною ловкостью.

30-го октября генералъ Марковъ съ 18 баталіонами, 10 эскадронами и 2 казачьими полками (всего 9000 человѣкъ) двинулся къ селенію Петрушанамъ и 1-го октября подошелъ къ мѣсту, назначенному ему Кутузовымъ для переправы въ двадцати верстахъ выше Рущука. Къ вечеру весь его корпусъ находился уже на правомъ берегу, а къ полуночи въ пяти верстахъ отъ непріятельскаго корпуса; 2-го октября Марковъ атаковалъ и разбилъ его, при чемъ онъ взялъ восемь орудій и четыреста человѣкъ въ плѣнъ. Онъ расположился противъ самаго тыла арміи визиря, занявъ артиллеріею своею всѣ окопы, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалась переправа турецкой арміи 28-го іюля. Для довершенія ея гибели, Кутузовъ, единовременно съ нападеніемъ Маркова, подвинулъ оба отдѣленія флотиліи нашей, плававшей по Дунаю; 1-е отдѣленіе отъ Турнова приблизилось къ турецкому лагерю, 2-е отъ Силистріи двинулось по этой рѣкѣ къ Журжи, намъ принадлежавшей.

Безнадежное положеніе турецкой арміи было слѣдствіемъ глубокихъ соображеній Кутузова. Лишенная подвозовъ съ пищею, армія эта подвергалась всѣмъ родамъ недостатковъ; силь-

ный голодъ сталъ свирѣпствовать, и войска гибли ежедневно сотнями.

Угрожаемый неминуемою личною гибелью, великій визирь въ ночь отъ 2-го на 3-е ноября отправился лично въ Рущукъ на рыбачьей лодкѣ [1]). Тайно приказано было не препятствовать его бѣгству, ибо Кутузовъ зналъ, что, по обычаю Турецкой имперіи, всѣ сношенія, переговоры и обѣщанія великаго визиря, окруженнаго непріятелемъ, не имѣютъ силы и значенія; къ тому же этотъ великій визирь былъ весьма расположенъ къ миру и присутствіемъ своимъ въ диванѣ могъ ускорить прекращеніе войны, въ то время для насъ вполнѣ несвоевременной.

Наконецъ, 26-го ноября, турецкое войско, состоявшее изъ 6000 человѣкъ, способныхъ къ бою, и 2000 больныхъ,—жалкій остатокъ столь огромной арміи!—положило оружіе; 56 орудій достались побѣдителямъ и были немедленно перевезены къ Журжу. Тѣмъ заключились покушенія великаго визиря на Кутузова и война съ Турецкою имперіею, продолжавшаяся шесть лѣтъ сряду.

Изъ этого краткаго изложенія борьбы нашей съ турками въ 1811 году,—изложенія, основаннаго на сущей истинѣ, вы легко усмотрите, милостивый государь, какъ мало описанное вами происшествіе похоже на самое происшествіе; бросивъ на него взглядъ съ настоящей точки зрѣнія, вы, конечно, отдадите справедливость подвигу, не уступающему ни единому изъ подвиговъ величайшихъ полководцевъ, прославленныхъ извѣстными намъ военными лѣтописями. Безъ сомнѣнія, въ немъ нѣтъ отпечатка тѣхъ мгновенныхъ и бурныхъ порывовъ генія, болѣе блистательныхъ и потому болѣе поражающихъ воображеніе людей, чѣмъ подвиги, хладнокровно обдуманные и съ меньшимъ шумомъ приведенные въ исполненіе; но и таковые подвиги кажутся мнѣ не безъ высокаго

---

[1]) Чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ бѣгства визиря отъ Кутузова въ рыбачьей лодкѣ другой полководецъ—и какой полководецъ!—бѣжалъ отъ того же Кутузова въ саняхъ, оставя армію свою въ положеніи не менѣе бѣдственномъ, чѣмъ турецкая.

достоинства. Сверхъ того это событіе замѣчательно и въ другомъ отношеніи: не видимъ ли уже мы въ немъ того новаго Фабія, который ровно годъ спустя и почти тѣми же мѣрами отстоялъ новый Римъ противъ новаго Аннибала?

Глава VIII, стр. 268: „Барклай-де-Толли [1]) возведенный Александромъ на степень генералиссимуса, родомъ германецъ и шотландецъ по происхожденію, начерталъ и представилъ царю планъ военныхъ дѣйствій и средство обмануть Бонапарта, употребленіемъ противъ него его собственнаго образа дѣйствій. По мнѣнію Барклая, усилія къ отраженію напоровъ Бонапарта должны были ограничиваться однимъ принужденіемъ его умѣрить стремленіе свое и итти съ осторожностью,—но съ тѣмъ вмѣстѣ ничѣмъ не пренебрегать съ россійской стороны въ пресѣченіи его сообщеній, въ поврежденіи его основанія дѣйствій (base) и въ избѣжаніи малѣйшей битвы съ нимъ общими силами. Вслѣдствіе чего, главный предметъ дѣйствія состоялъ въ отступленіи отъ непріятеля, въ устраненіи отъ себя сраженій, кромѣ сшибокъ передовой стражи или передовыхъ отрядовъ съ его передовыми войсками, и въ приступленіи къ генеральному дѣлу съ нимъ тогда только, когда на сторонѣ русскихъ ознаменуется несомнительное превосходство въ числительной силѣ. Когда пути сообщенія непріятеля отъ чрезмѣрнаго протяженія подвергнутся пресѣченію не только посредствомъ войскъ, но даже и посредствомъ жителей, и отъ того окажется въ непріятельской арміи недостатокъ въ пропитаніи, затрудненіе въ полученіи зарядовъ, въ замѣнъ выстрѣленныхъ, и рекрутовъ, для замѣщенія солдатъ, погибшихъ отъ битвъ и трудовъ военныхъ; когда въ россійской арміи, отъ приближенія ея къ источникамъ своихъ средствъ и пособій, ознаменуется

---

[1]) Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись чрезъ Двину у Будиловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и ровнѣе праваго, слѣдовать чрезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы могли прибыть, по крайней мѣрѣ, двумя сутками ранѣе; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска и, легко разбивъ ихъ (что̀ не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены понтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отмѣнилъ переправу. Ермоловъ упомянулъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля.

избытокъ во всѣхъ военныхъ потребностяхъ и усилится она резервами и общимъ ополченіемъ, — словомъ: цѣль всѣхъ соображеній состояла въ томъ, чтобы тогда только приступить къ истинной борьбѣ съ непріятелемъ, когда поврежденіе путей отъ поздняго времени года, недостатокъ въ продовольствіи и зарядахъ, утомительные переходы, болѣзни и потеря, понесенная въ частныхъ ошибкахъ, похитятъ у Наполеоновой арміи всѣ тѣ преимущества, которыми обладала она при вступленіи въ Россію: числительную силу, рвеніе къ боямъ и строго наблюдаемую ею дисциплину“.

Во-первыхъ, Барклай-де-Толли не имѣлъ званія генералиссимуса, которое почитается у насъ выше фельдмаршальскаго. Онъ былъ генераломъ отъ инфантеріи и притомъ военнымъ министромъ, что̀ давало ему преимущество надъ прочими генералами отъ инфантеріи по праву, соединенному съ этимъ званіемъ, объявлять высочайшія именныя повелѣнія.

Во-вторыхъ, у насъ такъ мало постигали возможность отрѣзать сообщенія непріятеля, что, когда я, за нѣсколько переходовъ до Москвы, первый предложилъ это предпріятіе, оно было принято съ большою недовѣрчивостью. Подъ предлогомъ неминуемой гибели, сопряженной съ подобными предпріятіями, мнѣ было дано лишь пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ. Я съ этой горстью казаковъ провелъ десять сутокъ сряду въ тылу и посреди непріятельской арміи; небольшіе успѣхи мои, при столь ничтожныхъ средствахъ, убѣдили высшее начальство въ пользѣ подобнаго рода дѣйствій. Придавъ мнѣ еще казаковъ, что̀ возвысило силу моей партіи до 800 человѣкъ, они отрядили многія другія партіи, давъ имъ различное направленіе.

Въ третьихъ, планъ кампаніи, приписываемый вами, по общему мнѣнію, Барклаю, почитается у насъ сочиненнымъ послѣ событія, и вотъ почему: во-первыхъ, если бы этотъ планъ, составленный до начатія войны Барклаемъ, былъ представленъ императору Александру и утвержденъ его величествомъ, то не для чего было бы разсуждать въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Дриссѣ (то-есть, немедленно послѣ начатія военныхъ дѣйствій)

о принятіи сраженія въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою. Во-вторыхъ, не для чего было бы предписывать князю Багратіону въ Волковискѣ спѣшить къ Дрисскому укрѣпленію для соединенія съ первою арміею, чтобы, сосредоточивъ всѣ силы на этомъ пунктѣ, принять означенное сраженіе. Барклай, имѣя въ виду задержать непріятеля, дабы дать тѣмъ время князю Багратіону спѣшить чрезъ Могилевъ на соединеніе съ 1-ою арміею, рѣшился, напротивъ, принять сраженіе сперва впереди города, а потомъ позади его. Оно было отмѣнено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе, что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи Ермолова, настойчиво требовавшаго дальнѣйшаго отступленія арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе безполезной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратіона князь Меншиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву [1]). Въ

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому и сообщенныя мнѣ очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ, по причинѣ пересѣченной и лѣсистой мѣстности, наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска въ Островно, гдѣ мы потерпѣли пораженіе; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возъимѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ непріятелемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2-го корпуса и упиравшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ лѣтъ своего служебнаго поприща, поспѣшилъ къ Барклаю и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. «Насъ спасаетъ одно обстоятельство», говорилъ онъ: «фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкой Лучесой, которую трудно перейти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріятель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ». Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріятелемъ. На

третьихъ, никогда Барклай и Багратіонъ не подвинулись бы наступательно изъ Смоленска къ Руднѣ для разрыва на двое французской арміи, тогда какъ не было еще малѣйшей надежды на скорое прибытіе резервовъ и подкрѣпленій, находившихся около Москвы и за Москвою; къ пресѣченію путей сообщенія непріятеля съ его основаніемъ не было еще приступлено, что̀ при приведеніи въ исполненіе плана кампаніи, приписываемаго Барклаю, было необходимо; и наконецъ, въ четвертыхъ, неужели правительство, при устройствѣ на Нѣманѣ и въ Литовскихъ губерніяхъ такого огромнаго количества магазиновъ и складовъ разнаго рода, стоившихъ несмѣтныхъ суммъ, имѣло въ виду пожертвовать всѣми этими запасами въ пользу Наполеона для весьма гадательной и сомнительной приманки къ дальнѣйшему наступленію его въ нѣдра имперіи? Но положимъ, что этотъ планъ кампаніи дѣйствительно существовалъ, что̀ произошло бы, если-бъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы увлечься этой приманкой и продолжать дальнѣйшее движеніе свое къ Москвѣ, остановившись въ Смоленскѣ, обратился бы къ упрочиванію своего владычества въ Польшѣ и Литвѣ и не прежде устремился бы къ Москвѣ, какъ отдохнувъ и приведя въ порядокъ утомленныя и разстроенныя продолжительнымъ походомъ войска свои; онъ бы усилился здѣсь новою сто-тысячною польскою арміею и многочисленными резервами, слѣдовавшими къ нему

собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генералъ-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ, съ величайшею запальчивостью возразилъ ему: «Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ-быть вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?» Результатомъ этого было то, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-й арміи, думалъ принять сраженіе близъ Витебска за тѣмъ, чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ княземъ Багратіономъ. Но на первомъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адъютантъ князя Багратіона, князь Меншиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близъ Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергало 1-ю армію жестокому и безполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственныя послѣдствія.

изъ Франціи и Германіи; устроивъ магазины и всякаго рода склады на Двинѣ и Днѣпрѣ, онъ могъ возвести здѣсь прочныя укрѣпленія, которыя могли бы служить мѣстомъ склада запасовъ и въ крайности убѣжищемъ для его войскъ! Куда дѣвалось бы это чрезмѣрное протяженіе путей сообщенія непріятельской арміи при движеніи ея уже не отъ Нѣмана къ Москвѣ, а только отъ Днѣпра къ этой столицѣ, то-есть, по протяженію, заключающему въ себѣ уже не 1200, а только 380 верстъ?

Нѣтъ, милостивый государь, отступленіе наше отъ Нѣмана до Москвы не есть слѣдствіе заранѣ обдуманнаго предначертанія; оно есть слѣдствіе разобщеннаго положенія обѣихъ нашихъ армій предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и движенія Наполеона главной массою силъ своихъ между ними къ верховьямъ Двины и Днѣпра. Намѣренія его были такъ мало намъ извѣстны, что направленіе главныхъ силъ его изъ Вильно на Глубокое и Дакшицы намъ казалось невѣроятнымъ. Мы опасались болѣе направленія ихъ къ нижней Двинѣ, то-есть, на Курляндію и Лифляндію, къ Петербургу [1]), чѣмъ на Смоленскъ и Москву; (я имѣлъ въ рукахъ достовѣрнѣйшіе документы на счетъ этого опасенія). Тогда только, когда обрисовалось это грандіозное развитіе несмѣтныхъ ополченій между Двиной и Березиной, въ губерніяхъ Виленской и Минской, тогда только мы приступили къ сосредоточенію обѣихъ армій, но уже не въ Минской и не въ Виленской губерніяхъ, затопленныхъ приливомъ наполеоновыхъ полчищъ. Мы старались усиленными переходами по обширному полукружію опередить головы непріятельскихъ колоннъ и собрать въ одну массу всѣ свои силы тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, въ Оршѣ, въ Смоленскѣ или въ самой Москвѣ. Богъ привелъ совершиться сосредото-

[1]) Движеніе корпуса Виктора по направленію къ Петербургу сильно всѣхъ встревожило; великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ Ермолову: «Сестра моя Екатерина Павловна не знаетъ куда ѣхать, чтобы родить; она, какъ многіе, боится остаться въ Петербургѣ». «Не безпокойтесь, ваше высочество», отвѣчалъ Ермоловъ, «французы не сдѣлаютъ, конечно, подобной глупости и не пойдутъ на Петербургъ; если бы они и предприняли это безполезное движеніе, то встрѣтятъ неодолимыя препятствія въ Новгородскихъ болотахъ и лѣсахъ».

ченію нашему въ Смоленскѣ, и слава Ему! похвала и обоимъ главнокомандующимъ, въ особенности Багратіону, заслужившему безсмертную благодарность Россіи преодолѣніемъ неисчислимыхъ препятствій и преградъ, встрѣченныхъ имъ на каждомъ шагу; онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ весь объемъ, всю проницательность и всю рѣшительность превосходнаго полководца! Что же касается до отступленія нашего отъ Смоленска къ Москвѣ,—оно было послѣдствіемъ несоразмѣрности силъ нашихъ съ непріятельскими, которыхъ нельзя было намъ атаковать, но слѣдовало избѣгать встрѣчи съ ними до соединенія нашего съ войсками, образовавшимися въ срединѣ имперіи: мы спѣшили къ нимъ, чтобы быть многочисленнѣе и, слѣдовательно, сильнѣе. Вотъ вся тайна отступленія нашего отъ Нѣмана до Смоленска и отъ Смоленска до Москвы. Тотъ, кто осмѣлился увѣрять васъ, милостивый государь, что оно было предварительно обдумано кѣмъ либо изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, тотъ намѣревается ввести или васъ въ заблужденіе, или самъ заблуждается.

Глава VIII, стр. 280: „Этотъ систематически выжидательный образъ дѣйствія былъ необходимъ для Россіи по той причинѣ, что приготовленіе ея къ оборонительной войнѣ не получило еще окончательной осѣдлости. Ей нужна была отсрочка въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, до прибытія изъ Англіи ружей и другихъ необходимостей и для заключенія мира съ Турціею, для перемѣщенія на важнѣйшій театръ событій той арміи, которая находилась тогда на Дунаѣ“.

Что касается до ружей и другихъ военныхъ необходимостей, будто бы нами изъ Англіи ожидаемыхъ, мы въ нихъ не нуждались и не могли въ нихъ нуждаться, обладая такимъ великимъ количествомъ арсеналовъ, литейныхъ, ружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, и высылая ежегодно избытокъ хлѣбныхъ припасовъ нашихъ за границу на пропитаніе Европы, а часто и самой Англіи. Справедливость замѣчанія моего подкрѣпляется неоспоримымъ фактомъ: во весь 1812 годъ мы питались своимъ собственнымъ хлѣбомъ, жгли свой собственный порохъ и не прежде получили изъ Англіи весьма

малое количество ружей (на нѣсколько пѣхотныхъ полковъ), какъ въ началѣ 1813 года, то-есть, тогда, когда были собраны уже всѣ ружья пятисотъ-тысячной непріятельской арміи, брошенныя ею во время бѣгства; въ одномъ Ковно взяли мы шестьдесятъ тысячъ новыхъ ружей, присланныхъ для нея изъ Франціи. Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что россійская армія уклонялась отъ рѣшительныхъ битвъ по причинамъ, выше мною изложеннымъ, а не вслѣдствіе ожиданія мира съ Турціею. Миръ этотъ былъ заключенъ и подписанъ 16-го мая, ровно за два мѣсяца до вторженія непріятеля въ наши предѣлы, и если дунайская армія не успѣла прибыть на театръ рѣшительныхъ событій въ началѣ кампаніи, или, по крайней мѣрѣ, къ сентябрю мѣсяцу, то этому причиною не военныя дѣйствія противъ турокъ, съ которыми мы были уже тогда въ дружественныхъ сношеніяхъ, а вслѣдствіе оригинальной мысли Чичагова, который вздумалъ угрожать Наполеону движеніемъ чрезъ Сербію, Боснію и Кроацію въ Италію, въ то время, какъ участь Россіи рѣшалась на поляхъ Бородина, Тарутина и Малоярославца.

Глава VIII, стр. 284: „Платовъ слѣдовалъ за нею (за второю арміею) съ двѣнадцатью тысячами дѣтищъ пустыней".

Платовъ занималъ Гродно и принадлежалъ первой, а не второй арміи. Онъ присталъ къ послѣдней, по случаю быстраго отступленія первой изъ окрестностей Вильно къ Свенціанамъ и къ Дриссѣ и движенія французской арміи вслѣдъ за нею. Отдѣленный по этому случаю отъ арміи, къ которой принадлежалъ отрядъ легкихъ войскъ, имъ командуемыхъ, Платовъ рѣшился обратиться ко второй арміи и примкнулъ къ ней не съ 12000, а только съ 9000 всадниковъ, то-есть, съ четырнадцатью казачьими полками и двумя ротами донской конной артиллеріи. Вотъ все, что состояло подъ начальствомъ Платова при началѣ военныхъ дѣйствій.

Тамъ же: „Багратіонова армія простиралась до 80000 человѣкъ".

Я находился въ этой арміи и имѣю вѣрное свѣдѣніе, что числительная сила ея заключалась въ 47000 человѣкъ

регулярнаго войска и 4000 казакахъ, не считая отряда Платова и отряда Дорохова, приставшаго впослѣдствіи къ этой же арміи и который состоялъ лишь изъ 3000 человѣкъ.

Тамъ же: „Итакъ, сила россійской арміи при открытіи военныхъ дѣйствій состояла изъ 260000 человѣкъ“.

Можетъ-быть и изъ гораздо бо̀льшаго числа, если примемъ въ соображеніе резервы, общее ополченіе, финляндскій, кавказскій и закавказскій корпуса и армію, находившуюся въ Молдавіи; но можно положительно сказать, что три западныя арміи, принявшія на свой щитъ удары пятисотъ-тысячной наполеоновой арміи, состояли только изъ 218000 пѣхоты и кавалеріи, включая въ это число и казачье войско, которое рѣдко участвовало въ генеральныхъ сраженіяхъ.

Глава VIII, стр. 292: „Пока проходила она (непріятельская армія) чрезъ Польшу, изобиліе всякаго рода ей сопутствовало. Но въ Литвѣ обстоятельства измѣнились; русскіе вывезли все то, что̀ могло служить ей пропитаніемъ“.

Русскіе, при отступленіи своемъ, вывезли съ собою однихъ должностныхъ людей съ ихъ движимымъ имуществомъ, казначейства и всѣ суммы, принадлежащія правительству. Что же касается до вывоза магазиновъ съ съѣстными запасами, изготовленными для нашей арміи, вывозъ этого былъ невозможенъ вслѣдствіе сумятицы, возникшей во всемъ народонаселеніи. До вывоза ли было огромныхъ и, можно сказать, необъятныхъ и неисчислимыхъ запасовъ, которыми были завалены литовскія губерніи, тогда какъ каждый житель думалъ лишь о спасеніи или своей личности или своей собственности? И возможно ли было принуждать ихъ къ тому силою, когда все вниманіе было лишь устремлено на военныя дѣйствія? Все, что русскіе могли сдѣлать съ этими магазинами, ограничилось лишь преданіемъ ихъ огню; но и эта мѣра была почти недѣйствительна. Обязанность предавать огню магазины была возложена на малочисленныя команды войскъ, или, лучше сказать, на передовую цѣпь, ежедневно остававшуюся послѣднею при отступленіи арміи и ея арьергарда, слѣдственно войску ближайшему къ непріятелю. Цѣпь эта никогда не могла

имѣть достаточнаго времени для приведенія въ исполненіе даннаго ей наставленія, ибо должна была приступать къ нему лишь тогда, какъ было уже поздно, когда непріятельскія массы были уже тутъ и быстрымъ своимъ напоромъ не дозволяли ей не только зажигать магазины, но и оставаться близъ нихъ ни единой минуты, а потому строенія съ съѣстными запасами, если они были иногда зажигаемы, то не на долго: непріятель самъ ихъ тушилъ и получалъ добычу, едва поврежденную.

Глава VIII, стр. 323: „Числительная сила его арміи (Багратіона) умножилась не только войсками атамана Платова, но и дивизіею генерала Дохтурова".

Дохтуровъ командовалъ не дивизіею, а корпусомъ, находившимся въ составѣ первой арміи. Вы, можетъ-быть, принимаете Дорохова за Дохтурова? но Дороховъ не командовалъ дивизіею, онъ командовалъ авангардомъ 4-го пѣхотнаго корпуса (генерала Шувалова), составленнаго изъ Изюмскаго гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ. Не успѣвъ, подобно Платову, примкнуть къ первой арміи при внезапномъ отступленіи ея къ Свенціанамъ, онъ, подобно Платову, примкнулъ ко второй арміи.

Глава IX, стр. 323: „Не одинъ знаменитый успѣхъ увѣнчалъ усилія и труды Платова и казаковъ его надъ польскою конницею, исполненной стремительной храбрости, но чуждой партизанской войны, знаніе которой исключительно принадлежитъ этимъ новымъ скиѳамъ".

Платовъ два раза разбилъ авангардъ короля Вестфальскаго во время отступленія второй арміи. Первый разъ подъ Миромъ, 28-го іюня, второй подъ Романовымъ, 2-го іюля; но эти дѣла не принадлежатъ къ роду партизанскихъ дѣлъ; ибо Платовъ командовалъ арьергардомъ второй арміи, составленнымъ изъ всѣхъ казачьихъ полковъ, съ ними пришедшихъ, и другихъ, принадлежавшихъ этой арміи. Сверхъ того, арьергардъ этотъ заключалъ въ себѣ Ахтырскій гусарскій полкъ, Кіевскій драгунскій и два егерскихъ полка, съ приличнымъ числомъ артиллеріи. Сраженія его съ непріяте-

лемъ были сраженія арьергарда отступающей арміи съ авангардомъ наступающаго непріятеля и не выходили изъ круга обыкновенныхъ соображеній; слѣдственно, онѣ не могли имѣть и не имѣли ни малѣйшаго сходства съ партизанскимъ дѣйствіемъ, по существу своему вдохновеннымъ, своенравнымъ и залетнымъ.

Глава IX, стр. 339: „Онъ (Барклай) отрядилъ въ Ельню армію своего товарища“.

Багратіонъ не былъ отряженъ въ Ельню; онъ былъ отодвинутъ по большой московской дорогѣ къ селу Соловьеву. Ему было предписано перейти тамъ Днѣпръ прежде первой арміи для прикрытія переправы ея, въ случаѣ движенія французской арміи отъ Смоленска лѣвымъ берегомъ Днѣпра, въ намѣреніи пресѣчь путь нашего отступленія къ Москвѣ. По направленію къ Ельнѣ посланъ былъ Багратіономъ полковникъ Донскаго войска Сысоевъ, для наблюденія за непріятельскимъ движеніемъ.

Глава X, стр. 359: „Природная рьяность солдатъ (русскихъ), недавно поступившихъ въ ряды арміи, ихъ довѣренность въ собственныя силы, ихъ алчность къ битвамъ за право, на защиту котораго они ополчились, все возбудило въ нихъ ропотъ на столь продолжительное отступленіе; они громогласно требовали битвы подъ начальствомъ русскаго генерала“.

Чинопослушаніе и строгая дисциплина, соблюдаемая войскомъ нашимъ, такъ извѣстна, что вошла въ пословицу. Кто видалъ солдатъ нашихъ, а еще болѣе кто служилъ съ ними, тотъ удостовѣритъ васъ, милостивый государь, что никогда ни одинъ изъ нихъ не возвыситъ голоса для требованія чего либо. Они ждутъ велѣнія начальства и исполняютъ его не только безъ ропота и съ ревностью, но съ какимъ-то особеннымъ неподражаемымъ удальствомъ, даже и тогда, когда они ясно видятъ безполезность усилій и вѣрную гибель, которой они подвергаются,—вотъ солдатъ русскій! По истинѣ, негодованіе на Барклая за такое долговременное отступленіе существовало, и довѣренность къ нему изчезла; но чувства эти изъявлялись между собою тихо и скромно, никогда въ слухъ и въ

многолюдствѣ, тѣмъ менѣе предъ всѣмъ войскомъ, явно и громогласно.

Глава X, стр. 360: „Генералъ Кутузовъ, пользовавшійся высокою репутаціею между русскими, былъ вызванъ изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ противъ турокъ, и принялъ начальство надъ главною арміею“.

Если только между нами русскими Кутузовъ пользовался высокою репутаціею, то остается намъ сожалѣть о маломъ вниманіи иностранцевъ къ военачальникамъ государства, котораго воинственный духъ и, по словамъ ихъ, алчность къ завоеваніямъ такъ явно угрожаютъ спокойствію Европы. Если бы господа иностранцы, при принятіи Кутузовымъ начальства надъ россійскими арміями, взяли бы на себя трудъ раскрыть книгу жизни этого полководца, то они увидѣли бы, что служба его отечеству продолжалась пятьдесятъ-три года непрерывно, что двѣ пули, прошедшія въ разныя времена сквозь могучую голову его, ни мало не ослабили высокихъ его умственныхъ способностей; что онъ, независимо отъ многихъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ чинахъ, командовалъ крайнею колонною лѣваго фланга на Измаильскомъ приступѣ, гдѣ заслужилъ извѣстный отзывъ Суворова: „Кутузовъ былъ на моемъ лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою“. При разбитіи великаго визиря 1791 года подъ Мачиномъ, вынудившимъ Оттоманскую порту просить мира, онъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ арміи, одержавшимъ бо́льшій успѣхъ, чѣмъ средина и правое крыло. Они узнали бы, что въ царствованіе Великой Екатерины, обладавшей необыкновеннымъ даромъ при избраніи на важныя должности людей необыкновенныхъ, онъ еще въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ находился въ 1793 и 1794 годахъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Оттоманской портѣ и, по исполненіи этого порученія, онъ долго начальствовалъ сухопутными кадетскими корпусами, почитавшимися и въ самый вѣкъ военныхъ чудесъ разсадниками россійскихъ генераловъ и офицеровъ; этотъ самый Кутузовъ совершилъ въ 1805 году затруднительное и знаменитое отступленіе, сражаясь на каждомъ шагу съ по-

бѣдоносными громадами Наполеона отъ Баваріи до Моравіи. Онъ сохранилъ во всемъ блескѣ честь русскаго оружія, тогда какъ честь оружія союзниковъ нашихъ сокрушалась о гранитныя колонны, предводительствуемыя Наполеономъ, и ихъ арміи были разсѣяны геніемъ величайшаго изъ полководцевъ вѣковъ и міра. И, наконецъ, ровно за годъ до вызова его на защиту отечества, которому угрожалъ этотъ же полководецъ, предводительствовавшій войсками всей ополченной Европы, онъ истребилъ на Дунаѣ турецкую армію, вслѣдствіе чего былъ заключенъ побѣдителемъ славный и неожиданный при тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ; этотъ миръ много способствовалъ изгнанію изъ нѣдръ нашего отечества всей ополченной Европы съ ея до того времени непобѣдимымъ полководцемъ.

Не могу также пропустить безъ замѣчанія показанія вашего на счетъ прибытія Кутузова къ арміямъ, дѣйствовавшимъ противъ Наполеона, изъ арміи, находившейся въ то время на Дунаѣ. Онъ прибылъ оттуда прямо въ Петербургъ тотчасъ по заключеніи имъ мира, то-есть, въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; будучи избранъ дворянствомъ начальникомъ Санктпетербургскаго и Московскаго ополченій, онъ спустя два мѣсяца, облеченный властью главнокомандующаго всѣхъ россійскихъ армій, отправился въ первую и вторую западныя арміи, подходившія тогда къ Вязьмѣ.

Глава X, стр. 361: „Первое дѣйствіе его (Наполеона) состояло въ нападеніи на редутъ, построенный впереди россійской арміи; но, по непростительной ошибкѣ, слишкомъ удаленный отъ главнаго боевого порядка“.

Этотъ редутъ не входилъ въ составъ главной боевой черты арміи. Онъ построенъ былъ отдѣльно отъ нея съ тою цѣлью, чтобы умножить непріятелю препятствія прежде достиженія имъ избранной нами главной позиціи. Кутузовъ имѣлъ въ виду, чтобы упорной защитой этого редута нѣкоторою частію нашихъ войскъ отсрочить генеральное сраженіе на столько, на сколько намъ нужно было, чтобы окончательно укрѣпиться на холмахъ и равнинахъ Бородинскихъ, что̀ и случилось.

Слѣдственно, редутъ этотъ, выполнивъ вполнѣ виды Кутузова, былъ построенъ на выгодномъ мѣстѣ и не ошибочно.

Глава X, стр. 362: „Россійская армія, тогда равная въ численности силѣ французской арміи; ибо каждая изъ нихъ состояла изъ 120000 подъ ружьемъ".

По всѣмъ вѣрнѣйшимъ документамъ, россійская армія состояла изъ 112000, кромѣ 10000 ополченія, которое не было и не могло быть употреблено въ битвѣ по причинѣ неопытности своей въ военномъ дѣлѣ (они только за нѣсколько дней были призваны отъ сохи). Французская армія заключала въ себѣ болѣе 160000 человѣкъ.

Глава X, стр. 367: „Ней началъ битву въ семь часовъ утра нападеніемъ на редутъ, построенный съ бастіонами и находившійся на центрѣ россійской арміи".

Не было ни одного редута съ бастіонами; люнетъ, который вы, милостивый государь, принимаете за редутъ, былъ едва окончен изъ палисадъ и рогатокъ; въ такомъ же положеніи находились и три флеши, построенныя впереди села Семеновскаго. Битва началась не въ семь часовъ, а въ шесть часовъ утра, не атакою Неемъ редута, а почти единовременною атакою села Бородина вице-королемъ италійскимъ Евгеніемъ и канонадою баттарей праваго фланга французской арміи по нашимъ флешамъ. Тогда началась атака этихъ флешей корпусами Нея и Даву, а потомъ уже, и гораздо позже, атака люнета, защищаемаго корпусомъ Раевскаго. Послѣдняя была произведена частію войскъ вице-короля Евгенія (именно, дивизіями Морана, Жерара и Брусье), перешедшаго по занятіи Бородина съ лѣваго берега Колочи на правый берегъ ея.

Тамъ же: „Въ самое то время принцъ Евгеній употреблялъ такія же усилія къ изгнанію непріятеля изъ села Семеновскаго и укрѣпленій, окружавшихъ его".

Я сейчасъ сказалъ, что Евгеній начальствовалъ войсками атаковавшими Бородино, слѣдственно, онъ находился совершенно на противоположной сторонѣ того крыла арміи, атаковавшаго Семеновское и флеши, построенныя предъ Семеновскимъ. Повторяю, что какъ Семеновское, такъ и флеши эти находи-

лись на лѣвомъ, а не на правомъ крылѣ нашей арміи, и были атакованы корпусами Даву и Нея, а не Евгеніемъ, расположеннымъ противъ нашего праваго крыла.

Тамъ же: „Полки поселянъ, никогда до этого дня не видавшіе сраженія и вмѣсто мундировъ одѣтые въ сѣрыхъ полукафтаньяхъ, построились съ твердостью обстрѣленныхъ уже ветерановъ... бросились въ средину самыхъ жестокихъ сѣчъ".

Васъ, конечно, увѣрили, милостивый государь, что въ Бородинскомъ сраженіи ополченіе сражалось съ войсками, и вотъ причина, почему вы такъ увеличили числительную силу арміи. Этого не было. Кутузовъ, не надѣясь на стойкость ополченія, оставленнаго въ первоначальномъ своемъ составѣ, по причинѣ недостатка времени на размѣщеніе его по полкамъ, приказалъ ему заняться перенесеніемъ раненыхъ изъ средины битвы и доставленіемъ ихъ въ подвижныя больницы, помѣщенныя въ тылу сражавшихся войскъ. Этою благоразумной мѣрою онъ усилилъ армію нашу всѣми тѣми солдатами, которые безъ того непремѣнно ослабили бы боевыя силы ея. Вотъ употребленіе ополченія! Оно неоспоримо принесло много пользы, но не въ отношеніи боевыхъ трудовъ.

Глава X, стр. 368: „Дѣло въ томъ, что послѣднее пособіе его (Наполеона) состояло въ десяти-тысячной его гвардіи".

Войско, не участвовавшее въ сраженіи, состояло не изъ 10000 человѣкъ, а изо всей старой и молодой гвардіи, то-есть, изъ 35000 или 40000. Изъ этихъ войскъ лишь 35 орудій были въ дѣлѣ и дивизія Клапареда (легіонъ Вислы), подвинутая въ концѣ сраженія на помощь вице-королю Евгенію; всѣ прочія не были въ огнѣ и потому не понесли ни малѣйшаго урона.

Глава XI, стр. 383: „Наполеонъ прибылъ на высоту, называемую Поклонною горою, по той причинѣ, что на ней, при видѣ Москвы, русскіе становятся на колѣни, крестятся и молятся этому святому граду".

Русскіе крестятся при видѣ всякой церкви, всякой часовни и всякаго святаго мѣста. Съ Поклонной горы Москва представляется взору со всѣми своими церквами и колокольнями.

Легко можетъ статься, что иностранцы приняли поклоненіе народа симъ церквамъ за поклоненіе Москвѣ. Это напрасно. Москва никогда не слыла и нынѣ не слыветъ святымъ градомъ. Черный народъ называетъ ее кормилицею, матушкой или бѣлокаменной, но не святою. Этимъ наименованіемъ пользуется одинъ Кіевъ, заключающій въ своихъ пещерахъ мощи святыхъ угодниковъ.

Глава XI, стр. 384: „Наполеонъ ожидалъ прибытія къ нему депутаціи бородатыхъ бояръ“.

Русскіе бояре не носятъ бородъ со времени императора Петра Великаго. Продолжаютъ носить бороды одни купцы, мѣщане и крестьяне, хотя впрочемъ число носящихъ бороды весьма уменьшилось въ званіи купеческомъ и даже мѣщанскомъ. Изъ всѣхъ дворянъ военныхъ и гражданскихъ я одинъ носилъ бороду, со времени вступленія моего на партизанское поприще до занятія мною города Дрездена. Много было толковъ на этотъ счетъ между тунеядцами, и всякій изъ нихъ понималъ поступокъ мой по своему. Дѣло въ томъ, что въ началѣ я отпустилъ бороду отъ недостатка времени заниматься этой условною обязанностью свѣта: не до бритья горла и челюстей было мнѣ, когда непріятельская сабля такъ близко ходила въ слѣдъ за бритвою. Брошенный со ста-тридцатью всадниками за двѣсти верстъ отъ арміи на сообщеніяхъ непріятеля, въ срединѣ подвижныхъ колоннъ его и отрядовъ, жадно меня ищущихъ, проводя ночь въ отыскиваніи добычи, днемъ—въ лѣсахъ вертепахъ, чутко и зорко, всегда въ тревогахъ, всегда съ кровавыми помыслами, мнѣ некогда было заниматься бритьемъ и холеньемъ.

Впослѣдствіи я продолжалъ носить бороду, потому что она какъ будто бы роднила меня съ поселянами, съ которыми я долженъ былъ имѣть ежечасныя сношенія, и которые, при видѣ моего гусарскаго ментика, могли принимать меня съ перваго взгляда за непріятеля; а въ то время первый взглядъ и первый выстрѣлъ, или ударъ топоромъ или вилою слѣдовали другъ за другомъ. Наконецъ, вступивъ въ Германію и командуя передовыми войсками авангарда главной арміи, на-

ходившагося тогда подъ начальствомъ генерала Винценгероде, я не перемѣнилъ моего варварскаго наряда, какъ называли его тогда, по другой причинѣ: Нѣмцы, видя мой казачій нарядъ и слыша, что я говорю по французски, получили выгодное понятіе о русскомъ образованіи, которое проникло даже въ народы, почитаемые ими до встрѣчи со мною людоѣдами. Это мнѣніе я старался поддерживать всѣми средствами, особенно строжайшимъ соблюденіемъ дисциплины въ моемъ отрядѣ. Они говорили: если казакъ не касается имущества нашего, если онъ обходительнѣе и ласковѣе французскаго маршала, то что же должны быть начальники регулярныхъ русскихъ войскъ, вслѣдъ за нимъ идущихъ? Они потому ожидали ихъ съ восторгомъ, нетерпѣніемъ и радушіемъ, какъ друзей и избавителей.

Глава XI, стр. 387: „Письмо это было послано съ извѣстнымъ службою своею офицеромъ, оставшимся въ Москвѣ отъ болѣзни, которая воспретила ему слѣдовать за арміею“.

Вы, конечно, имѣли въ виду Яковлева, о коемъ упомянулъ и Фенъ въ рукописи 1812 года, и который былъ одинъ изъ малаго числа (5000 или 6000 человѣкъ) дворянъ, оставшихся въ Москвѣ подъ разными предлогами. Что же касается до офицеровъ, то въ защиту чести товарищей моихъ, я почитаю необходимымъ увѣрить васъ, милостивый государь, что, кромѣ тяжело раненыхъ и больныхъ, въ Москвѣ никого изъ офицеровъ не оставалось.

Глава XI, стр. 405: „Рѣка Нава протекала предъ фронтомъ позиціи, занятой россійскою арміею“.

Нара, а не Нава.

Глава XI, стр. 408: „Они (крестьяне) отъ рожденія презираютъ чужеземцевъ, называя ихъ глухонѣмыми и полагая выразить тѣмъ незнаніе ихъ русскаго языка“.

Слово „нѣмецъ“ можетъ происходить отъ слова „нѣмой“, то-есть, лишенный природою средства изъясняться словомъ, или отъ „не мой“, то-есть, мнѣ не принадлежащій ни по духу, ни по характеру, ни по сочувствію,—чуждый мнѣ человѣкъ.

Глава XI, стр. 412: „Это перемиріе (заключенное на аванпостахъ обѣихъ воюющихъ армій) должно было превра-

титься предувѣдомленіемъ съ той или съ другой стороны за три часа до начатія дѣйствія".

Мы никогда не слыхали о подобномъ перемиріи: оно не существовало.

Глава XII, стр. 4: „Лагерь или позиція, занимаемая Мюратомъ въ Вородоновѣ".

Въ Вороновѣ, а не въ Вородоновѣ. Но позиція Мюрата находилась не въ Вороновѣ, а близъ Винкова. Правое крыло войскъ его упиралось къ рѣкѣ Нарѣ; центръ, расположенный на старой Калужской дорогѣ, былъ прикрытъ рѣчкою Чернишнею, которая, поворачивая при деревнѣ Быковѣ къ сѣверу, отдѣляла чрезъ то центръ отъ лѣваго крыла, протянутаго по направленію къ селу Дмитріевскому. Это самое крыло было атаковано и поражено нашею арміею 6-го октября. Позиція же при Вороновѣ была занята Мюратомъ, вслѣдствіе этого пораженія, на весьма короткое время и только для прикрытія направленія непріятельской арміи съ старой Калужской дороги на новую.

Глава XII, стр. 9: „Но Кутузовъ едва проникъ опасность, угрожавшую устраненіемъ арміи его отъ Калуги (движеніемъ Наполеона изъ Москвы на Ѳоминское, Боровскъ и Малоярославецъ), немедленно прибѣгнулъ къ возмездію приведеніемъ въ дѣйствіе маневра, употребляемаго Наполеономъ. Онъ отрядилъ къ югу генераловъ Дохтурова и Раевскаго съ сильнымъ отрядомъ".

Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7-го числа октября, то-есть, на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Ѳоминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Калужской дорогѣ, открылъ въ Ѳоминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Орнано и пѣхотную дивизію Брусье, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозрѣвая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего на счетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились

на этомъ пунктѣ или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленской дорогою, или это доказываетъ, что вся Наполеонова армія двигается къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ подъ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находился начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предъ самымъ выступленіемъ изъ тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Ѳоминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ, корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеславину удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Ѳоминскомъ не одни войска Орнано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи тѣмъ болѣе, что было строго приказано главнокомандующимъ итти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ [1] Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоярославцу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи непріятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго непріятеля, онъ также быстро обратился къ Малоярославцу. Такимъ образомъ, таинственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, зачернѣлъ непріятельскими войсками. Ермоловъ съ головными войсками бросился въ городъ Малоярославецъ, гдѣ

---

[1]) Сеславинъ и Болховской сообщили мнѣ всѣ подробности, относящіяся къ этому великому событію.

вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіею Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміею вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміею въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоярославца), но, приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ непріятелемъ, не переставалъ посылать записки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительнѣйшею просьбою спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевскаго и Бороздина; хотя городъ остался за непріятелемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ непріятелю. Если-бъ Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоярославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространился въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ злополучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предпріимчивъ и рѣшителенъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостью и высокой рѣшительностью, и Кутузовъ меньшею проницательностью, указавшей ему на Тарутино, какъ на точку спасенія отечества; замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоярославцу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды, вслѣдствіе боковаго направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или, лучше сказать, продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!

Въ главѣ XII, на страницѣ 13, вы упоминаете, милостивый государь, о нападеніи казаковъ на самого Наполеона, проѣзжавшаго изъ села Городни къ Малоярославцу, на другой день послѣ кровавой битвы въ этомъ городѣ; вамъ угодно

было назвать войско, на него напавшее, „мародерами“, то-есть, бродягами. Обстоятельство это представлено было вамъ не въ настоящемъ свѣтѣ. Это нападеніе было произведено нѣсколькими полками казаковъ атамана Платова, имѣвшаго въ виду пресѣчь часть новой Калужской дороги, лежавшей между Малоярославцемъ и Городнею.

Глава XII, стр. 30: „Древніе доспѣхи и крестъ Ивана Великаго брошены были въ озеро Семелинское“.

Семелинскаго озера нѣтъ, а если вы назвали такъ Семлевское озеро, то возлѣ села Семлева нѣтъ озера.

Тамъ же: „Тогда принуждены были оставить часть артиллеріи, что̀ скрыли отъ Наполеона. Воспитанный для артиллерійской службы, онъ, подобно многимъ артиллерійскимъ офицерамъ, питалъ какое-то суевѣрное чувство къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ“.

Наполеонъ старался сохранять пушки свои не отъ первоначальнаго служенія своего въ артиллеріи и не отъ суевѣрнаго чувства къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ, а отъ того, что взятіе пушекъ непріятелемъ почитается всюду и всегда безчестьемъ арміи, корпусу или отряду, которому принадлежатъ онѣ.

Глава XII, стр. 34: „Кутузовъ, не внявъ представленіямъ и даже угрозамъ людей, противныхъ его мнѣнію“.

За какого рода чучелу принималъ Кутузова и за какую разбойничью шайку принималъ русскую армію тотъ, который рѣшился выдавать вамъ, милостивый государь, за быль такую нелѣпую басню?

Смѣю увѣрить васъ, что тотъ, кто знаетъ армію нашу, тотъ удостовѣритъ васъ, что въ ней ближайшій человѣкъ по чину своему къ главнокомандующему никогда не осмѣлится безъ позволенія его предложить ему совѣтъ. Я уже не говорю объ угрозахъ, будучи увѣренъ, что онѣ не были терпимы и считались преступленіемъ въ самой французской арміи во время анархическаго бѣшенства Франціи, ибо безъ того не отстояли бы французы своего отечества знаменитыми побѣдами и завоеваніями своими. Угрозы Кутузову! и въ какое время! когда

онъ былъ облеченъ почти въ диктаторскую власть, когда онъ, благословляемый и называемый народами и войскомъ спасителемъ отечества, преслѣдовалъ Наполеоновскую армію!

Глава XII, стр. 46: „Продолжавшаяся въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ партизанская война противъ Сенъ-Сира, много нанесла ему вреда“.

Партизанская война не существовала въ арміи графа Витгенштейна; Изюмскаго гусарскаго полка полковникъ Бедряга одинъ произвелъ нѣсколько удачныхъ поисковъ. Корпусъ Сенсира понесъ потерю не отъ партизанской войны, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ стычекъ и въ особенности по причинѣ частыхъ регулярныхъ битвъ.

Тамъ же: „Крѣпость (Бобруйскъ) была защищена россійскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Эртеля“.

Эртель командовалъ корпусомъ, состоящимъ изъ 11000 человѣкъ, и находился не въ Бобруйской крѣпости, а въ Волынской губерніи, въ окрестностяхъ Мозыря; польскій генералъ Домбровскій съ 12000 войска обложилъ Бобруйскъ, защищаемый пяти-тысячнымъ гарнизономъ, подъ командою артиллерійскаго генерала Игнатьева.

Глава XII, стр. 53: „Князь Чернышевъ“.

Чернышевъ не былъ и не есть князь. Онъ графъ; это достоинство получено имъ четырнадцать лѣтъ послѣ войны, вами описываемой, то-есть, во время коронованія императора Николая.

Глава XIII, стр. 64: „Она (армія Наполеона) до 40000 человѣкъ“ (при выступленіи изъ Смоленска).

Этому мудрено повѣрить; ибо по официіальнымъ спискамъ, хранившимся у насъ, видно, что въ дѣлахъ подъ Краснымъ отъ 3-го до 7-го числа ноября, взято въ плѣнъ нашею арміею 26000 нижнихъ чиновъ, триста офицеровъ, и, вѣроятно, было положено на мѣстѣ болѣе 12000 непріятельскихъ войскъ, что составитъ 38000 или около 40000 человѣкъ. Неужели Наполеонъ съ однимъ только штабомъ соединился съ корпусами Виктора и Удино на пути къ Борисову? Всѣмъ извѣстно, что онъ выступилъ изъ Орши съ арміею, простира-

вшеюся за 40000 человѣкъ, слѣдственно, онъ вступилъ въ Смоленскъ съ восьмидесятью-тысячною арміею.

Глава XIII, стр. 71: „Но ни увѣщанія подкомандующихъ его, ни упреки сиръ Роберта Вильсона, комиссара англійскаго правительства, не могли его..... (то-есть Кутузова)“.

Повторяю: горе тому, кто осмѣлился бы въ эту эпоху увѣщевать Кутузова, еще менѣе упрекать его за дѣло, на которое онъ однажды рѣшился, былъ ли онъ русскій или чужеземецъ, или комиссаръ какой бы то ни было націи и правительства! Зная лично сиръ Роберта Вильсона, съ которымъ я раздѣлялъ военную кочевую жизнь и опасности битвъ въ нѣсколькихъ войнахъ, я всегда любовался его холодною храбростью и благороднымъ образомъ мыслей; я потому не могу не удивиться его молчанію, видя клевету человѣка, увѣрившаго васъ, милостивый государь, въ происшествіи, никогда небываломъ и столь много омрачающемъ честь арміи, всегда, какъ казалось, господиномъ Вильсономъ уважаемой. Ибо, чтó ни говори, а войско, позволяющее иностранцу упрекать вождя своего (не только Кутузова среди самаго торжества его оружія), но какого бы то ни было начальника, при самыхъ гибельныхъ обстоятельствахъ, хотя бы вслѣдствіе собственной вины его, не есть войско, а сволочь, чернь, чуждая чувству чести и достоинства, свойственному благородному званію.

Глава XIII, стр. 72: „Не такъ много стоило усилій престарѣлому россійскому генералу, при пораженіи, нанесенномъ имъ непріятельской арміи подъ Вязьмою, Краснымъ и другихъ мѣстахъ, сколь то воображаютъ. Онъ всюду былъ сильнѣе Наполеона, по случаю раздѣленія симъ послѣднимъ арміи своей на четыре колонны, слѣдовавшія одна отъ другой на односуточное разстояніе“.

Но, Боже мой! Не въ умѣніи ли пользоваться ошибками противника своего состоитъ вся тайна военнаго искусства? Верхъ совершенства его не заключается ли въ направленіи движеній своихъ такъ, чтобы на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ театра дѣйствія и на полѣ сраженія числительная сила своихъ войскъ превышала бы числительную силу непріятеля? Не то

ли дѣлалъ Фридрихъ въ теченіе Семилѣтней войны, не то ли дѣлалъ Наполеонъ въ 1796 году въ Италіи и въ 1809 году подъ Регенсбургомъ?

Глава XIII, стр. 86: „Они (Викторъ и Удино) подвигались въ надеждѣ спасти Борисовъ, но узнали, что Домбровскій разбитъ Витгенштейномъ".

Домбровскій защищалъ предмѣстное Борисовское укрѣпленіе, построенное для защиты Борисовскаго моста на правомъ берегу Березины и лицемъ къ Минской дорогѣ. Онъ былъ разбитъ генераломъ графомъ Ламбертомъ, командовавшимъ авангардомъ арміи Чичагова, шедшей отъ Минска, тогда какъ Витгенштейнъ шелъ по слѣдамъ войскъ Виктора, отступившихъ отъ Полоцка на Сенно, Черею и Бараны къ Борисову.

Тамъ же: „Вслѣдствіе этой неудачи (развитіе авангарда Чичагова арміи, находившагося подъ командою графа П. П. Палена, по случаю раны графа Ламберта, полученной имъ при взятіи приступомъ Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія) Витгенштейнъ принужденъ былъ оставить Борисовъ и снова оградиться Березиной отъ французовъ".

Въ обоихъ сихъ случаяхъ видно, что Витгенштейнъ принимается вами, милостивый государь, за Чичагова, ибо Витгенштейнъ никогда не оставлялъ Борисова и не прикрывалъ Березины противъ французовъ по той причинѣ, что онъ, какъ я уже имѣлъ честь выше сказать, не находился на лѣвомъ берегу Березины, а преслѣдовалъ Виктора и Удино отъ Полоцка на Сенно, Черею и Бараны къ Борисову.

Глава XIII, стр. 98: „Такимъ образомъ французы успѣли выбраться на дорогу, ведущую къ деревнѣ, называемой Бриловой (Брили), или, лучше сказать, на длинныя плотины и мосты, построенные изъ сосновыхъ бревенъ между непроходимыхъ болотъ. Стоило только русскимъ произвести дружный натискъ и подавить непріятеля къ симъ мостамъ и плотинамъ, чтобы довершить его гибель".

Эти плотины и мосты, простирающіеся на нѣсколько десятковъ верстъ съ нѣкоторыми промежутками, находятся между

Брилями и Зембиномъ, а не между селеніемъ Студянки и Брили, отстоящими одно отъ другаго не менѣе полверсты; хотя онѣ и раздѣлены Березиной и низменнымъ, довольно болотистымъ берегомъ, но чрезъ нихъ вездѣ можно перейти, и потому онѣ не покрыты ни плотинами, ни мостами.

Глава XIV, стр. 131: „Баварскій корпусъ подъ командою Вреде остался на границѣ Волыни".

Баварская дивизія находилась въ составѣ арміи Сенъ-Сира на Двинѣ, около Полоцка. Она не оставалась на границѣ Волыни, а при отступленіи Виктора и Удино отъ этого города къ Борисову, она двигалась на Глубокое къ Вильно.

Кончаю письмо мое, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не принимать съ дурной стороны откровенности моей.... и проч. и проч. Вашъ покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

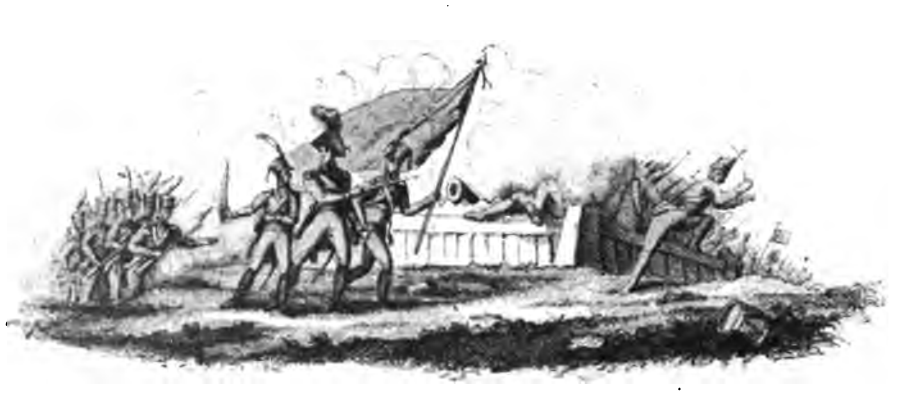
«Сынъ Отечества» 1840 г., т. II.

Къ стр. 109.

Н. Н. Раевскій.

Къ стр. 109.

Раевскій ведетъ своихъ малолѣтнихъ сыновей въ сраженіе.

XVI.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ

Н. Н. Раевскаго.

Неизвѣстный [1]) сочинитель некрологіи Н. Н. Раевскаго [2]) обозрѣлъ жизнь этого знаменитаго мужа въ одномъ лишь военномъ отношеніи, коснувшись слегка и какъ бы мимоходомъ его гражданской и частной дѣятельности.

Отдавая должную справедливость этому прекраснѣйшему произведенію, я думаю, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ читателей, вникнувшихъ во всю красоту характера Раевскаго. Онъ представленъ намъ только на конѣ, въ дыму битвъ и съ гласомъ повелительнымъ. Мы ищемъ благочестивую душу его,

---

[1]) Эти замѣчанія писаны были въ то время, когда имя автора некрологіи мнѣ было неизвѣстно.

[2]) Имя Н. Н. Раевскаго тѣсно связано съ самыми славными событіями Отечественной войны, въ особенности съ знаменитою обороной Смоленска, преждевременное занятіе котораго французами могло имѣть самое гибельное вліяніе на судьбу Россіи. Раевскій, слѣдуя къ этому городу, былъ задержанъ дивизіею принца мекленбургскаго, приказавшаго своимъ войскамъ отдыхать. Я и Ш(аховской?) не разъ для забавы заводили между собою ссоры въ присутствіи принца, который почиталъ своею обязанностью насъ мирить; но посредничество стоило ему не дешево. Раевскій занялъ Смоленскъ и удержался въ немъ по собственному побужденію, но не вслѣдствіе приказанія князя Багратіона; онъ, вопреки увѣреній нѣкоторыхъ лицъ, никогда не имѣлъ намѣренія принимать сраженія впереди Смоленска. Этотъ городъ и его окрестности были въ началѣ Отечественной войны свидѣтелями великихъ, но доселѣ мало извѣстныхъ событій, о которыхъ я здѣсь не могу не сказать нѣсколькихъ словъ. Здѣсь несогласія, существовавшія между Барклаемъ и княземъ Багратіономъ, достигли наибольшихъ размѣровъ; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшагося болѣзнью храбраго, благороднаго, но не дальновиднаго графа Сенъ-При, сношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратіонъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались го-

хранилища всего возвышеннаго, отголоска всему благородному. Мы ищемъ вѣрнаго друга, тайнаго благотворителя сира и нища, мужа твердаго въ бѣдствіяхъ жизни, равнодушнаго къ почестямъ и высокому сану, имъ заслуженнымъ, и довольствующагося единымъ миромъ своей совѣсти, словомъ, мы ищемъ человѣка, и видимъ въ некрологіи одного храбраго и искуснаго генерала.

Не упрекаю въ томъ сочинителя; какъ военный, онъ, можетъ-быть, желалъ отдать справедливость полководцу, предоставляя другимъ описаніе его частной жизни. Но мы не можемъ довольствоваться однимъ этимъ очеркомъ; мы желали бы имѣть некрологію Раевскаго не одностороннюю, хотя бы она заключалась и въ тѣсной рамѣ, подобно той, въ коей

раздо дружелюбнѣе. Ермоловъ, передавая приказанія Барклая князю и донесенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія; онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратіону, убѣждая его именемъ Бога и отечества не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современныя обстоятельства. Я случайно пріобрѣлъ копіи съ трехъ замѣчательныхъ писемъ Ермолова, которыя, будучи проникнуты высокимъ патріотизмомъ, драгоцѣнны для историка. Эти письма, оставшіяся въ числѣ немногихъ бумагъ князя Багратіона, помѣщены мною въ прибавленіяхъ къ Дневнику партизанскихъ дѣйствій. Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими, вынуждали государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генералъ-адъютантами: Кутузову, графу Шувалову и другимъ были переданы письма на имя его величества. Между тѣмъ Барклай, выслушивая донесенія князя Багратіона, передаваемыя ему Ермоловымъ и гладя по своему обыкновенію раненую руку свою, говорилъ ему: «Съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ», князь Багратіонъ говорилъ ему въ свою очередь: «Съ твоимъ методикомъ Давустомъ можно еще ладить». Къ несчастію, выздоровленіе графа Сенъ-При, послѣдовавшее чрезъ двѣ недѣли, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ. Графъ Сенъ-При, по наущенію интриганта Jean-Bare, но безъ всякаго съ своей стороны дурнаго умысла, значительно способствовалъ усиленію вражды между двумя военачальниками, которыхъ взаимныя отношенія начинали принимать миролюбивый характеръ; ему стоило лишь буквально передавать вулканическому и нетерпѣливому князю Багратіону приказанія, отдаваемыя Барклаемъ, весьма дурно изъяснявшимся на русскомъ языкѣ. Безстрашному, искусному, но злополучному Барклаю, которому, по свойствамъ его характера и незнанію русскаго языка, невозможно было привязать къ себѣ войскъ, было непріятно ви-

заключается описаніе его военныхъ дѣяній. Раевскій представляется не однимъ полководцемъ тѣмъ, кои имѣли счастіе созерцать вблизи его душевныя качества. Военная служба его, принесшая столько пользы и славы отечеству, есть, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшая, но не превосходнѣйшая изъ пѣсней благозвучной его жизни.

Вообще нельзя довольно надивиться жалкому обыкновенію почти всѣхъ некрологовъ и біографовъ нашего времени, представляющихъ знаменитыхъ вождей не иначе, какъ въ мундирахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы.

Неужели военное званіе, впрочемъ столь почтенное и благородное, до того превышаетъ званіе добродѣтельнаго чело-

---

дѣть всеобщую любовь и преданность солдатъ къ князю, умѣвшему воодушевить свою армію, гдѣ, не смотря на понесенные труды, ежедневно раздавались музыки и пѣсни. Въ 1-ой арміи, не понесшей еще чувствительныхъ потерь, все наводило тоску и уныніе; самое присутствіе Барклая, холоднаго, хотя всегда величаваго и рѣдко слѣзавшаго съ коня, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно угрюмаго, молчаливаго, неумѣвшаго сказать ласковаго и привѣтливаго слова, не могло ободрить командуемыхъ имъ войскъ. Нашъ солдатъ весьма охотно извиняетъ военачальника русскаго происхожденія, ласковаго, внимательнаго и умѣющаго говорить съ нимъ языкомъ для него доступнымъ; если бы даже онъ въ продолженіи довольно долгаго времени слѣдовалъ ненавистной для всѣхъ системѣ отступленій и понесъ бы сильную неудачу, солдаты, почитая его злополучнымъ, видѣли бы во всемъ этомъ лишь кару Божію. На военачальника чужеземца, не одареннаго этими великими качествами, но постоянно отступающаго предъ непріятелемъ, хотя бы онъ еще не потерпѣлъ пораженія, нашъ солдатъ начинаетъ смотрѣть недовѣрчиво, даже враждебно, почитая его лишь измѣнникомъ. Вотъ основаніе характера русскаго солдата, котораго свойства надлежитъ всякому главнокомандующему предварительно изучить. Близъ Смоленска Барклай возымѣлъ мысль итти съ 1-ою арміею къ городу Бѣлому, направивъ 2-ую по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полнаго пораженія. Ермоловъ, который по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: «Вы не осмѣлитесь, ваше высокопревосходительство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ армій». Барклай, убѣдившись въ гибельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. Оба главнокомандующіе, съѣхавшись вскорѣ послѣ того въ одной избѣ села Гаврикова и сидя на одномъ бревнѣ, изливали другъ на друга накопившуюся желчь. Во время пребыванія армій близъ Смоленска, Толь предложилъ, воспользовавшись соединеніемъ ихъ, атаковать непріятеля, при чемъ намъ бы пришлось дебушировать лишь чрезъ двое воротъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля; этотъ странный планъ, но мало всѣхъ изумившій, былъ единодушно отвергнутъ.

вѣка, что, говоря о первомъ, можно пренебречь послѣднимъ? Если бы было такъ, то мы невольно руководились бы одною несправедливостью, помѣщая въ одинъ и тотъ же разрядъ и на ту же степень и славныхъ воиновъ, соединяющихъ воинскія достоинства съ высокою нравственностью, и воиновъ, заслужившихъ подобную же славу, но заклейменныхъ во всеобщемъ мнѣніи, или ремесломъ, или пороками, ни воину, ни гражданину не свойственными. Но пусть представятъ вполнѣ жизнь каждаго, и тогда всякій займетъ мѣсто, ему принадлежащее; тому, коего потерю долго не престанутъ оплакивать всѣ истинные сыны отечества, мало останется соперниковъ, соединявшихъ въ себѣ доблести воина съ добродѣтелями гражданина.

Не подъ силу мнѣ предпринимать это дополненіе; я желалъ бы только возбудить къ этому предпріятію людей, которые, владѣя перомъ искуснѣе меня, имѣли случай короче знать этого достойнаго мужа. На нихъ лежитъ обязанность изобразить Раевскаго таковымъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, и если изображеніе это требуетъ пера военнаго, то еще болѣе, можетъ-быть, ожидаетъ оно оцѣнки философа. Изображеніе Раевскаго будетъ столь же полезно послѣ кончины его, сколько и при его жизни: описаніе это будетъ какъ бы отрывкомъ изъ Плутарха, а не пролетнымъ листомъ, брошеннымъ публикѣ, утомленной уже чтеніемъ некрологій всѣхъ военныхъ людей безъ разбора. Отрывокъ этотъ, изучаемый юношествомъ, будетъ въ нравственномъ отношеніи полезнѣе всѣхъ дидактическихъ наставленій и разсужденій моралистовъ; счастливъ отецъ, замѣтившій слезу восторга на глазахъ своего сына при чтеніи жизни Раевскаго!

Съ моей стороны, чѣмъ ближе я вникалъ въ образъ мыслей, чувства и дѣяній его, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ сочетаніе древнихъ, едва ли въ нашемъ вѣкѣ въ одномъ человѣкѣ сочетающихся добродѣтелей: сильнаго характера съ отмѣнною чувствительностью, ума проницательнаго, точнаго, съ кротостью неподдѣльною, естественною; снисходительности къ слабостямъ другихъ съ строгостью къ своимъ собственнымъ. „По исполненіи обязанностей начальника, никто не узнавалъ

уже въ немъ человѣка, облеченнаго властью. Надменность, своенравіе были ему неизвѣстны, и — что̀ весьма рѣдко — любовь и уваженіе къ нему другихъ не уменьшались ни вслѣдствіе добродушнаго съ ними обхожденія, ни вслѣдствіе строгости, къ которой онъ, впрочемъ, прибѣгалъ въ важныхъ преступленіяхъ, но никогда въ мелочныхъ. Исчисленіе примѣровъ безкорыстія и честности столь великаго мужа было бы оскорбленіемъ его добродѣтели. Относительно добраго или худаго о немъ мнѣнія свѣта онъ былъ совершенно равнодушенъ, чѣмъ не могутъ похвалиться многіе достойные люди. Онъ ни явно, ни тайно не домогался того. Чуждый всякаго рода совмѣстничества съ равными, онъ былъ чуждъ и личныхъ распрей съ своими подчиненными, полагая безславіемъ одержать въ таковыхъ случаяхъ надъ ними верхъ и униженіемъ не имѣть его. Онъ никогда не старался присвоивать себѣ заслугъ другихъ; онъ былъ добръ съ добрыми и сухъ съ людьми злонамѣренными. Простота въ одеждѣ, скромность въ разговорахъ, пренебреженіе пышности были причиною того, что толпа народная, цѣнящая великихъ мужей по одному наружному блеску, ихъ окружающему, не постигала, что въ немъ такъ много славнаго; истолкователей тому было немного".

Кто не подумаетъ, что эта статья, столь вѣрно изображающая Раевскаго, не есть произведеніе какого либо современнаго ему писателя, глубоко вникнувшаго въ его качества? Это отрывокъ Тацита изъ жизни Агриколы [1])! И подлинно,

[1]) Предложенный отрывокъ изъ Тацита переведенъ Давыдовымъ съ французскаго языка. По этому поводу въ «Запискахъ» К. А. Полеваго сохранился слѣдующій разсказъ: «Давыдовъ какъ-то заѣхалъ ко мнѣ, съ просьбою перевести для него отрывокъ изъ «Жизни Агриколы Тацита», который ему нужно было вмѣстить въ свою прекрасную статью «Замѣчанія на некрологію Раевскаго». Я отказался, говоря, что не смѣю переводить Тацита, не довольно изучивши его языкъ. «Я перевелъ самъ, да съ французскаго!»—сказалъ онъ. Тутъ онъ прочелъ мнѣ свой переводъ изъ жизни Агриколы. Выслушавши его, я искренно выразилъ ему свое мнѣніе, что если бы самъ Тацитъ перевелъ этотъ отрывокъ на русскій языкъ, то переводъ не былъ бы лучше. Можетъ-быть, онъ не во всемъ вѣренъ буквальному смыслу подлинника, зато вѣренъ духу его. «Нѣтъ, куда мнѣ! — возразилъ Д. Давыдовъ.—Нынче хорошо пишутъ и молодые писатели, такъ что намъ, ветеранамъ, только любоваться ими». (Записки К. А. Полеваго. С.-Пб. 1888, стр. 321). А. К.

часто благоговѣя передъ симъ, какъ будто остаткомъ блистательныхъ вѣковъ Рима и Греціи, передъ симъ живымъ явленіемъ одного изъ великихъ мужей временъ, почти уже для насъ баснословныхъ, я готовъ былъ вѣрить переселенію душъ и видѣть въ Раевскомъ продолженіе или Агриколы, или Эпаминонда, или Сципіона, столь сродныхъ съ нимъ простотою нравовъ и кротостью душевной. Онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ нашей эпохѣ, исключительно коснѣющей въ тѣсной, себялюбивой разсчетливости и дерзающей осмѣивать сатанинскимъ хохотомъ все то, что̀ выше ея смрадныхъ предѣловъ!

Естественнымъ послѣдствіемъ этого кроткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ важнаго характера Раевскаго было равное и одинаковое обхожденіе его съ лицами какъ высшихъ, такъ и низшихъ степеней общественной іерархіи. Онъ былъ всегда одинаковъ со старшими и равными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ воиками въ пылу битвъ и среди мира. Онъ былъ всегда спокоенъ, скроменъ, привѣтливъ, но всегда сознавалъ силу свою, которая невольно обнаруживалась въ его физіономіи и взорѣ, при самомъ спокойномъ его положеніи.

Но сколько казался онъ намъ величественнымъ, когда послѣ каждой войны (оставивъ на каждой изъ нихъ безсмертную печать какого либо геройскаго подвига или искуснаго дѣянія) вопреки обыкновенію людей, стяжавшихъ всеобщіе плески и хвалы, онъ оставался при своемъ корпусѣ въ какой либо удаленной губерніи Россіи или скрывался въ сельскомъ убѣжищѣ среди своего семейства! Тамъ съ ежедневнымъ восхожденіемъ солнца, мы видѣли его въ простой одеждѣ поселянина, копающаго гряды и сажающаго цвѣты, равнодушнаго къ заслуженной имъ славѣ, гремящей за предѣлами его мирнаго пріюта, и наслаждающагося восторгами младенца и успѣхами невинныхъ трудовъ своихъ. Тамъ занимался онъ мелочными для его ума хозяйственными заведеніями, заботливо вникая въ судьбу своихъ подданныхъ, которыхъ благосостояніе онъ упрочивалъ. Обладая умомъ просвѣщеннымъ и страстью къ испытанію природы во всѣхъ ея отрасляхъ, онъ пользовалъ и исцѣлялъ страдавшихъ тѣлесными недугами. Та

рука, которая мановеніемъ своимъ обливала кровію враговъ отечества на поляхъ сраженій, та самая рука пользовала своихъ и чужеземныхъ страдальцевъ, спасенныхъ ею въ тѣхъ же самыхъ битвахъ. Но при первомъ вызовѣ на службу отечеству, Раевскій, вырываясь

от сохи опять послушно,

изъ объятій семейства, изъ любимаго имъ уединенія, является на знакомыя ему битвы съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, какъ бы изъ огорода на пашню, или съ пашни за семейную трапезу. Озаренный славою искуснаго полководца, достигшій высокихъ званій и почестей, обожаемый и благословляемый какъ отецъ, чтимый войсками какъ герой, онъ по окончаніи войны вновь возвращался въ сельское свое убѣжище, къ своей семьѣ, своимъ цвѣтамъ и огородамъ, съ тою же ясною душею, не омраченною тщеславіемъ, съ тою же скромностью философа, какъ будто не ему, а другому принадлежали совершенные имъ подвиги. Какъ будто не онъ, а другой, въ сопровожденіи двухъ отроковъ сыновъ, впереди колоннъ своихъ ударилъ въ штыки по Салтановской плотинѣ [1]), не взирая на смертоносный огонь непріятеля; или спасъ подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, задержавъ горстью храбрыхъ всѣ силы Наполеона; или удерживалъ, сколь было возможно, соименный ему редутъ на Бородинскомъ полѣ, который Ермоловъ впослѣдствіи столь блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріятеля [2]); или своимъ

[1]) Дѣло это называется дѣломъ подъ Дашковкой, но истинная свалка была на Салтановской плотинѣ.

[2]) Не желая заслужить упрека въ пристрастіи, я долженъ сказать, что этотъ знаменитый подвигъ Ермолова на Бородинскомъ полѣ не былъ оцѣненъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполнѣ заслуживалъ. По причинамъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ, повидимому, желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріятеля принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему генераламъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе доселѣ живы, такъ, напримѣръ, мужественный А. П. Никитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли, весьма не благоволившій впослѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтвердилъ почтенный

появленіемъ къ вечеру въ первый день безсмертной Кульмской битвы [1]), упрочившей побѣду за Ермоловымъ и русскою гвардіею; онъ сражался на равнинахъ Лейпцига, орошенныхъ благородною его кровью, побѣждалъ на высотахъ Роменвиля и Бельвиля, отъ взятія которыхъ затрепеталъ и покорился Парижъ. Наконецъ, когда „Раевскій прошелъ сквозь весь пылъ долголѣтней вражды государствъ и народовъ, пожравшей цѣ-

и благородный графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: «Quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas convenir, que notre armée lui doit son salut à Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d' autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare désintéressement». Высокое мужество и самоотверженіе Раевскаго и его сподвижниковъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ, не могутъ не быть оцѣнены всякимъ россіяниномъ, который дорожитъ славою своего отечества. Они потому не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ, нисколько не уменьшающихъ ихъ собственныя.

[1]) Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служитъ однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, вслѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представленій, Барклай не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, такъ и при Малоярославцѣ суждено было Ермолову, ниспровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и силятся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ— принцъ Евгеній Виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма не благоволившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своей блестящей побѣдой. Таковое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ важнѣйшихъ событій войны 1813 года проистекаетъ, во-первыхъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца Виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а во-вторыхъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестящія достоинства котораго возбуждали въ нихъ чувство зависти. Цѣня высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергскаго во всю эпоху наполеоновыхъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробное описаніе этого сраженія, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одер-

лыя поколѣнія, сквозь преграды, ковы и гоненія, воздвигаемыя явною и тайною злобою всякому человѣку съ чистой совѣстью,—другой родъ славы ожидалъ его: борьба съ самою судьбою. Провидѣніе, испытующее высокіе характеры для поученія человѣчества, готовило намъ это тягостное, но великое и торжественное зрѣлище! Неожиданная гроза разразилась надъ главою посѣдѣвшей, но еще не остылой отъ вдохновеній воин-

---

жанной побѣды. Во время слѣдованія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, коею временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находился самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Донѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пирнѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со 2-мъ корпусомъ и русскою гвардіею двинуться на Максенъ. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 году въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія его почитаетъ послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастію, здѣсь душею всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую проницательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ поспѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Хотя въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца), они, какъ было сказано, не замедлятъ, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Съѣхавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Пирной и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, поспѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фонвизина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамонова для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричвица на Кенигштейнъ крайне неудобна: во-первыхъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а во-вторыхъ, потому что близкое сосѣдство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакенбергера, объяснилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде; «прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у цесаревича, я еще короче ознакомился съ этою

ственныхъ и еще курившейся дымомъ сраженій.... Раевскій былъ пораженъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоцѣнномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что однажды оно полюбило. Мы видали мужей твердыхъ въ опасностяхъ, видали самого Раевскаго въ весьма критическихъ обстоятельствахъ; онъ никогда, нигдѣ и ни отъ чего не измѣнялся,— но тутъ онъ превзошелъ наше ожиданіе, или лучше самого

мѣстностью, которую уже хорошо знаю изъ походовъ великаго Фридриха. Если вы направитесь на Максенъ, продолжалъ онъ, то весь отрядъ нашъ будетъ неминуемо окруженъ непріятелемъ и не избѣгнетъ совершеннаго пораженія: въ доказательство того я предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструментами, который насъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ручаюсь, что вы его болѣе не увидите». Въ самомъ дѣлѣ, этотъ обозъ и денежный ящикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, двинувшіеся на Максенъ, сдѣлались добычею французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ Виртембергскій, рѣшено было слѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ Виртембергскимъ, опрокинули непріятеля у Кричвица, Котты и Кольберга: безстрашные лейбъ-егеря, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова французовъ съ высотъ близъ Цегиста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнана въ лѣсъ. Принцъ Леопольдъ, командовавшій Кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова mon commandant, получилъ за этотъ подвигъ по ходатайству Алексѣя Петровича знаки св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ, отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый генералъ Кноррингъ, особенно отличившійся впослѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ донесеніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: «Вы сперва додѣлайте, а потомъ уже пріѣзжайте досказывать». Такъ какъ Петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ французами у Гюгсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, видя, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаяваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ итти тише и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: «Je vous reponds, Mr. le comte, que nous passerons facilement par là; я беру на себя предъ его величествомъ всю отвѣтственность за все то, что можетъ приключиться съ гвардіей». Широкоплечіе и усастые ветераны Преображенскіе выбили французовъ изъ Гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками проложили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ Петерсвальдской дорогѣ сходится другая, идущая чрезъ селеніе Макербахъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно слѣдовать непріятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этого пункта, занятіе котораго французами могло имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственнымъ ему

себя! Новый Лаокоонъ, обвитый, тѣснимый змѣями, онъ не докучалъ воплями Небу, не унижалъ себя мольбами о сострадании. Ни единаго ропота, ни единаго злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его, ни единымъ вздохомъ, ни единымъ стенаніемъ не порадовалъ онъ честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданіями человѣка, далеко превосходящаго ее своими достоинствами. Испытаніе ужасное!

рѣшительностью и проницательностью, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсвальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Непріятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелой артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ на счетъ числительности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надлежало, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру, расположить стрѣлковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на Ноллендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а, напротивъ, французы, овладѣвъ высотами и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: «Благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ». Остерманъ, будучи раненъ въ десятомъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ непріятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отлично благородный человѣкъ сказалъ ему: «Побѣда за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему требованію». Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевскаго; Ермоловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное вліяніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію». Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ, и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

«Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя «лишь только, что вы мало упомянули объ генералѣ Ермоловѣ, которому «я всю истинную справедливость отдавать привыченъ; впрочемъ

«Съ должнымъ имѣю честь быть...».

Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно, и намъ можно было судить только по ослабѣвавшему его здоровью, измѣнявшимся взору и физіономіи, омраченнымъ уже глубокою тоской и неотразимою горестью. Съ тѣмъ же безмолвіемъ о своихъ страданіяхъ душевныхъ, тогда сопряженныхъ уже съ недугами тѣлесными, онъ благословилъ семейство свое—увы! неполное—и скончался, какъ справедливо говоритъ некрологъ его, не

Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки св. Георгія 2-го класса, этотъ мужественный генералъ сказалъ ему: «Этотъ орденъ долженъ бы принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ важное участіе въ битвѣ и окончилъ ее съ такой славой».

Прибывъ въ седьмомъ часу по полудни къ Кульму въ первый день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенности въ виду дать георгіевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деистомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы, Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклая; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердивъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отличные совѣты, данные имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ нашелся вынужденнымъ войти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ между прочимъ было сказано слѣдующее: «Мнѣ извѣстно, что на основаніи законовъ, ни одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главнокомандующій, описывая подробно подвиги, совершенные будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ на поле сраженія лишь въ седьмомъ часу по полудни. Мнѣ, какъ главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ подкомандуемымъ генераламъ совершенно неизвѣстны подвиги, оказанные Діестомъ, который, имѣю честь донести, никогда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, запечатлѣвшему кровью своею славную побѣду свою подъ Кульмомъ». Вслѣдствіе этого рапорта, Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій

оставя ни единаго человѣка, который имѣлъ бы право возставать противъ его памяти.

Вотъ легкій очеркъ Раевскаго какъ человѣка, какъ гражданина, о чемъ ни слова не было упомянуто въ его некрологіи. Замѣтимъ теперь нѣкоторыя погрѣшности, требующія опроверженія:

На 1-й страницѣ сказано, что Раевскій былъ внукомъ князя Потемкина; а на послѣдней, что онъ безъ покровительства и связей достигъ чина генерала отъ кавалеріи.

Къ первому надлежало бы прибавить: двоюроднымъ внукомъ, что̀ было основательнѣе; а допустивъ первое, послѣднее становится невѣроятнымъ: ибо въ началѣ своей службы могъ ли Раевскій не имѣть сильной подпоры въ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ, знаменитѣйшимъ и всемогущимъ въ то время вельможею въ Россіи? Если бы Раевскій не находился подъ покровительствомъ Потемкина, едва ли бы онъ на двадцатомъ году своей жизни могъ бы командовать коннымъ полкомъ булавы великаго гетмана (ошибочно названнаго въ некрологіи гетманскимъ легко-коннымъ полкомъ золотой булавы) въ такое время, когда полки ввѣрялись однимъ только весьма заслуженнымъ полковникамъ? Я полагаю, что было бы справедливѣе сказать такъ: Раевскій, начиная съ чина полковника, достигъ безъ покровительства и связей чина генерала отъ кавалеріи.

На 2-й страницѣ находимъ: „Раевскій слѣдуетъ за осадою въ траншеяхъ Очакова“...

мундиръ: «Я тебя хорошо знаю», сказалъ ему его высочество, «ты не станешь просить вспомоществованія, хотя ты на то имѣешь полное право, тѣмъ болѣе, что многія лица, ничего не потерявшія, выхлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ денегъ и не могу предложить тебѣ ихъ, но возьми въ знакъ дружбы мой мундиръ». Ермоловъ, благодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира. Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы графомъ Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, Ладыгинымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиной того, что онъ послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подъѣхавъ къ нему, замѣтилъ это; къ счастью Ермоловъ, находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя.

Раевскій прибылъ къ арміи не подъ Очаковымъ, а подъ Бендерами, на другой годъ послѣ взятія Очакова. Онъ только подъ Бендерами услыхалъ свистъ первой пули, и тамъ же, замѣченный княземъ Потемкинымъ, онъ былъ имъ прикомандированъ къ казачьимъ полкамъ, для изученія аванпостной и партизанской службы. Потемкинъ предписалъ бригадиру войска Донскаго Орлову употреблять Раевскаго на службу сперва рядовымъ казакомъ, а потомъ по чину поручика гвардіи; при концѣ этой войны, онъ былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, неоднократно разсказывалъ о томъ самъ Раевскій.

На 3-й страницѣ некрологъ Раевскаго говоритъ о дѣйствіи его подъ Ломиттеномъ въ кампаніи 1807 года. Но подъ Ломиттеномъ сражался генералъ Дохтуровъ, а не князь Багратіонъ, начальствовавшій тогда авангардомъ арміи, въ коемъ Раевскій командовалъ 5-мъ, 20-мъ и 25-мъ егерскими полками, а на другой день былъ усиленъ 26-мъ полкомъ. Авангардъ Багратіона атаковалъ Альткирхъ, деревню отстоящую въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Гутштадта, почти въ одинъ и тотъ же день и часъ съ атакою Ломиттена Дохтуровымъ; слѣдственно, Раевскому нельзя было быть въ одно время и въ томъ и другомъ мѣстѣ, между которыми болѣе двадцати верстъ разстоянія; притомъ у него была опредѣленная команда.

О Дашковскомъ дѣлѣ сказано: „Въ семъ отчаянномъ положеніи (второй арміи) Раевскій беретъ на себя обязанность сразиться съ Даву и остановить его движеніе. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой продолжается съ перемѣнною успѣха. Между тѣмъ вторая армія переправляется черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ и скорымъ движеніемъ къ сѣверу занимаетъ Смоленскую дорогу. Тогда только Раевскій начинаетъ отступательное свое движеніе“, и прочее.

Этого нельзя допустить безъ нѣсколькихъ возраженій. Во-первыхъ: кто зналъ князя Багратіона, тотъ зналъ и то, что подъ начальствомъ его никто не осмѣливался брать на себя какое либо предпріятіе и какую либо обязанность: князь при-

казывалъ, подчиненные исполняли его предписанія; такой порядокъ существовалъ во всѣхъ когда либо ввѣряемыхъ ему частяхъ, начиная съ егерской роты до арміи. Но положимъ, что Раевскій, пользуясь тѣснѣйшею дружбою съ Багратіономъ, предложилъ ему сразиться съ Даву; во всякомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, не предлагалъ ему остановить его движеніе. Такое предложеніе могло бы быть названо самохвальствомъ, чтò свойственно молодости и легкомыслію, но было совершенно чуждо важному и основательному характеру Раевскаго, убѣжденнаго опытомъ въ своенравіи случайности при всякомъ военномъ предпріятіи. Во-вторыхъ: Раевскій не тогда отступилъ, когда вся уже вторая армія переправилась черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, но Дашковское дѣло началось по утру 11-го іюля и продолжалось до вечера; а 12-го, въ восемь часовъ утра, Раевскій, получивъ повелѣніе слѣдовать за арміею, направлявшеюся къ Старому Быхову для переправы черезъ Днѣпръ, немедленно выступилъ туда съ своимъ корпусомъ, оставя дивизію соединённыхъ гренадеръ графа Воронцова для прикрытія своего движенія. Эта дивизія, не будучи атакована непріятелемъ въ продолженіи цѣлаго дня, спокойно отошла ночью за корпусомъ Раевскаго. Многихъ изъ насъ тревожило то, что Даву воздержался отъ преслѣдованія Раевскаго и Воронцова. Мы полагали, что Даву, проникнувъ превосходную мысль Багратіона, и, оставивъ въ покоѣ Раевскаго и Воронцова, двинулся черезъ Днѣпръ къ Мстиславлю, дабы преградить намъ путь къ Смоленску. Къ счастію, опасенія наши оказались напрасными; Даву, введенный въ заблужденіе усиленнымъ и кровопролитнымъ боемъ съ Раевскимъ и движеніемъ Платова съ казаками мимо Могилева, откуда имъ было все вывезено, принялъ это за твердое намѣреніе Багратіона пробиться къ этому городу правымъ берегомъ Днѣпра. Сосредоточивъ вокругъ этого города всѣ свои силы, онъ тщетно ожидалъ новой по тому же направленію атаки; Даву тогда только увѣрился въ своемъ заблужденіи, когда князь Багратіонъ находился уже около Мстиславля, и когда соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію.

На 5-й страницѣ упомянуто объ отступленіи изъ Краснаго Невѣровскаго, и оно названо только славнымъ. Я могу ошибаться, но съ того времени, какъ это прилагательное отъ частаго употребленія при описаніи ничтожныхъ перестрѣлокъ въ ничтожныхъ войнахъ потеряло свою цѣну и значеніе, мнѣ кажется, что слѣдовало бы пріискать выраженіе, болѣе соотвѣтствующее блистательнѣйшему отступленію дивизіи, едва только составленной изъ рекрутъ; она, отражая на разстояніи сорока верстъ главныя силы Наполеона, достигла Смоленска непобѣжденною и въ устройствѣ, и хотя она понесла значительный уронъ, но не была приведена въ смѣшеніе, какъ говоритъ о томъ некрологъ. Я помню, какими глазами мы увидѣли эту дивизію, подходившую къ намъ въ облакахъ пыли и дыма, покрытую пòтомъ трудовъ и кровью чести! Каждый штыкъ ея горѣлъ лучемъ безсмертія! Такъ нѣкогда глядѣли мы на Багратіона, возвращавшагося къ намъ изъ-подъ Голлабрюна, въ 1805 году.

По истинѣ, слѣдующій день озарилъ бой, столько же знаменитый по великодушію, сколько превышающій битву, выдержанную Невѣровскимъ, по вліянію, которое онъ имѣлъ на судьбу отечества. Гибель Невѣровскаго лишила бы арміи наши нѣсколькихъ тысячъ воиновъ — и только; тогда какъ гибель Раевскаго имѣла бы послѣдствіемъ взятіе Смоленска и пагубное для нашихъ армій, двигавшихся къ Руднѣ, нападеніе съ тыла. Но обстоятельство это ни мало не уничтожаетъ геройскаго подвига Невѣровскаго. Находясь въ тѣсной связи съ Смоленскимъ боемъ Раевскаго, онъ представляется намъ краснорѣчивымъ предисловіемъ того великаго дня, безъ котораго не было бы ни Бородинскаго сраженія, ни Тарутинской позиціи, ни спасенія Россіи.

На 8-й страницѣ сказано: „Подъ Лейпцигомъ онъ своими гренадерами занимаетъ часть центра въ нашей линіи. Въ этомъ ужасномъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка: Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію подъ прикрытіемъ сильной баттареи, устремилъ ее на нашъ

центръ. Часть онаго поколебалась и временно уступила отчаянному нападенію. Но корпусъ гренадеръ подъ командою Раевскаго, свернувшись въ каре, стоялъ непоколебимо и, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ отражалъ всѣ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опрокинуть французскую кавалерію, которая принуждена была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненый картечью въ правое плечо, и проч...... Поэтъ Батюшковъ, служившій при немъ адъютантомъ, замѣтя сіе происшествіе, прискакалъ къ нему на помощь", и прочее.

Замѣчаніе 1-е: Во время атаки французской кавалеріи, Раевскій не имѣлъ при себѣ всего гренадерскаго корпуса, а только одну дивизію; другая дивизія была отдѣлена вправо, внѣ выстрѣла.

2-е. Слово: „окруженный со всѣхъ сторонъ", не выражаетъ положенія, въ которомъ находился тогда Раевскій. Можно сказать, что онъ былъ поглощенъ приливомъ большей части французской конницы, нахлынувшей на средину союзныхъ армій, и, отражая ея усилія, онъ не уступилъ ни пяди земли, пока эти громады, обращенныя вспять нашими резервами, дозволили всей нашей линіи вновь занять покинутое ею мѣсто, примкнуть къ каре Раевскаго, какъ къ гранитнымъ редутамъ.

Въ этомъ случаѣ Раевскій былъ раненъ не картечью, а ружейною пулею французскаго стрѣлка; ихъ стрѣлки были высланы изъ пѣхотныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся на помощь своей конницы, насъ стремительно атаковавшей. Пуля попала не въ плечо, а въ верхнюю часть груди, ниже ключицы, между правымъ плечомъ и шеей.

3-е. Поэтъ Батюшковъ нисколько не подскакалъ къ нему на помощь. Онъ и гвардіи егерскаго полка поручикъ Левъ Давыдовъ стояли почти рядомъ съ Раевскимъ. Они даже замѣтили тотъ моментъ, въ который французскій стрѣлокъ, находившійся весьма близко отъ нихъ, прицѣлился и своимъ выстрѣломъ ранилъ Раевскаго. Тогда Раевскій, полагая, что онъ

получилъ лишь контузію, продѣвъ руку подъ сертукъ, ощупалъ мѣсто удара; вынувъ ее окровавленною, онъ съ улыбкою сказалъ Батюшкову тотъ французскій стихъ, о коемъ упоминаетъ его некрологъ. Наконецъ 4-е, оба, какъ Батюшковъ, такъ и Давыдовъ, нося званіе адъютантовъ не Раевскаго, а генерала Бахметева, лишившагося ноги подъ Бородинымъ, служили въ этой должности при Николаѣ Николаевичѣ по собственному ихъ желанію и вслѣдствіе рекомендаціи Бахметева.

Полное заглавіе настоящей статьи, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, слѣдующее: «Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго, изданную при «Инвалидѣ» 1829 года, съ прибавленіемъ его собственныхъ записокъ на нѣкоторыя событія войны 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ». М. 1832.— Въ началѣ этого изданія перепечатана самая некрологія неизвѣстнаго сочинителя (стр. 1—15), затѣмъ слѣдуютъ «Замѣчанія» Давыдова (стр. 17—32), а съ стр. 33-й по 87-ю идетъ изложеніе записокъ самого Раевскаго съ слѣдующимъ предисловіемъ, предпосланнымъ Давыдовымъ на стр. 32: «Теперь представимъ собственныя записки Раевскаго. Онѣ могутъ служить историку основой описанія службы его въ великій годъ Отечественной войны. Записки сіи были писаны самимъ имъ на французскомъ языкѣ для генерала Жомини, намѣревавшагося писать исторію кампаніи 1812 года и просившаго циркулярами всѣхъ корпусныхъ командировъ и нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, оказавшихся въ сію безсмертную эпоху на горизонтѣ событій, о снабженіи его вѣрнѣйшими описаніями дѣйствія войскъ, ими командуемыхъ». Въ заключеніе изложенія записокъ Раевскаго Давыдовъ присовокупляетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей военной жизни (стр. 87—88): «Теперь я разскажу одно случившееся со мною происшествіе, которое почитаю достойнымъ вниманія относительно того времени обстоятельствъ.

«По окончаніи вышесказанной битвы (то-есть, подъ Краснымъ) я отправился въ мою квартиру отдохнуть. Чрезъ нѣсколько времени офицеръ, бывшій при мнѣ на ординарцахъ, разбудилъ меня и объявилъ, что пришли два французскіе офицера отъ одной французской колонны, состоящей изъ 5000 человѣкъ, которая никому другому кромѣ меня не хочетъ сдаться. Я приказалъ имъ войти. Одинъ изъ нихъ былъ лѣкарь, а другой, по имени Коло́, родомъ французъ, жившій долгое время въ Россіи и исправлявшій должность переводчика у соотчичей своихъ въ Смоленскѣ. Вотъ его исторія! Сей Коло служилъ нѣсколько лѣтъ камердинеромъ у брата моего, полковника Александра Давыдова, и въ теченіе этого времени женился на одной ливонской сироткѣ, жившей въ домѣ моей матери. Я видалъ его безъ замѣчанія; но онъ зналъ меня хорошо. Одна изъ колоннъ маршала Нея, въ коей сей Коло находился, бывъ отрѣзана отъ корпуса своего, принуждена была ночевать на открытомъ полѣ и развела большіе огни. Въ это время одинъ сбившійся съ дороги лейбъ-гусаръ, принялъ ихъ за русскихъ, подъѣхалъ къ нимъ и попалъ имъ въ руки. Такъ какъ въ колоннѣ не было ни одного высшаго званія офицера, то одни хотѣли его убить, другіе сохранить ему жизнь; но эксъ-камердинеръ Коло́, допрашивая его и узнавъ, что я стою близко съ моимъ

корпусомъ, уговорилъ несчастныхъ своихъ товарищей воспользоваться симъ случаемъ для общаго спасенія, объяснивъ имъ предварительно, сколь положеніе ихъ безнадежно. Тогда, взявъ означеннаго гусара въ проводники и въ сопровожденіи лѣкаря, Коло явился ко мнѣ уполномоченнымъ парламентеромъ и остался при мнѣ, обратясь къ прежней своей должности, то-есть, къ должности камердинера. Лѣкарь же, въ сопровожденіи моего ординарца и двухъ казаковъ, съ разсвѣтомъ привелъ ко мнѣ всю сію колонну. Такимъ образомъ я взялъ въ плѣнъ 5000 человѣкъ, не сходя съ постели, и теперь еще, воспоминая объ этомъ происшествіи, не могу воздержаться отъ смѣха, зная, какъ часто такъ называемые важные подвиги, имѣя основаніемъ подобные случаи, гремятъ въ реляціяхъ, будучи въ сущности своей ни важнѣе, ни отважнѣе того, для котораго мнѣ стоило только приподнять голову съ подушки и сказать два слова!»

XVII.

МЫСЛИ

при

известіи о неудачномъ предпріятіи на Константину французскихъ войскъ.

1836.

Можно смѣло сказать, что нѣтъ народа менѣе завистливаго нашего; въ немъ, по крайней мѣрѣ, не было до нынѣ замѣтно той несправедливости, которая, вслѣдствіе тайной ненависти и зависти, увлекаетъ нѣкоторыя націи къ преувеличенію недостатковъ своихъ враговъ и къ прославленію своихъ собственныхъ добродѣтелей. Напротивъ того, русскіе не только не унижаютъ знаменитыхъ подвиговъ, совершенныхъ ихъ непріятелями, но они первые разглашаютъ и превозносятъ ихъ, восхищаясь малѣйшимъ предпріятіемъ, выходящимъ изъ разряда посредственности; они даже съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ и предъ лицемъ свѣта признаютъ превосходство ихъ надъ собою, хотя бы оно и было нѣсколько сомнительно. Такъ поступила Россія въ войнѣ съ Карломъ XII, изъ которой она извлекла много полезныхъ для себя уроковъ. Такъ поступила она въ войнѣ съ Наполеономъ, поучительными дѣйствіями котораго она также воспользовалась. Такимъ же образомъ великій предшественникъ Россіи относительно обширности завоеваній и пріобрѣтенной военной славы—Римъ усвоивалъ себѣ оружіе и военныя учрежденія побѣжденныхъ имъ народовъ, превосходившихъ ихъ въ этомъ отношеніи.

И подлинно, пусть укажутъ намъ изъ всѣхъ сражавшихся съ Наполеономъ народовъ хотя на одинъ, который бы болѣе

русскаго благоговѣлъ предъ величіемъ его дѣяній, даже въ такое время, когда земля наша стонала подъ бременемъ полчищъ вооруженной Европы. Съ какимъ восторгомъ глядѣли мы на знаменитую фалангу Наполеона—его старую гвардію! Съ какими похвалами отзывались мы всегда о всей французской арміи въ пылу кровопролитнѣйшихъ съ нею битвъ! Кто изъ насъ оспаривалъ у французовъ носимое ими названіе великой націи въ минуты упорнѣйшей съ ними борьбы? Какое правительство приступало съ такою достохвальною ревностью къ усвоенію себѣ великихъ преобразованій, совершенныхъ Наполеономъ въ тактикѣ и стратегіи? Одно наше правительство, оцѣнивъ высокія усовершенствованія сего необычайнаго генія и сочетавъ ихъ съ душевною мощью русскаго войска, могло возвести его на ту высокую степень, которая возбуждаетъ лишь смѣшные возгласы и безсильныя ругательства нашихъ противниковъ.

Этотъ недастатокъ зависти и злобы въ нашемъ народѣ и войскѣ, восторгъ, который мы ощущали при встрѣчѣ съ французами, даже при вступленіи въ Германію, возбуждали негодованіе нашихъ союзниковъ. Одно мужество, стойкость нашихъ войскъ и ревность къ общему дѣлу изглаживали первое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе.

Но чѣмъ восторженнѣе были похвалы наши, тѣмъ горестнѣе было для насъ сознаваться въ нашемъ заблужденіи на счетъ этой самой Франціи. Видя геніальныя предначертанія Наполеона, выполняемыя французами, могли ли мы сомнѣваться въ превосходствѣ ихъ надъ другими войсками и въ томъ, что онъ съ одной лишь французскою націей былъ въ состояніи творить тѣ чудеса, которымъ свѣтъ удивлялся и предъ которыми трепеталъ? Какъ можно было допустить, что Франція сама по себѣ не сознаетъ своего достоинства, что она не одарена непоколебимымъ мужествомъ, силою воли, чтобы и безъ помощи Наполеона сохранить то первенствующее положеніе, на которое она была имъ возведена вопреки всему міру.

Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадокъ духа, обнаружившійся въ французскихъ войскахъ и во фран-

цузской націи при первомъ неблагопріятномъ оборотѣ войны, послѣ первой неудачи Наполеона въ Россіи и на поляхъ Лейпцига. Наше разочарованіе достигло наибольшихъ размѣровъ при вступленіи нашемъ во Францію. Для насъ русскихъ, еще такъ недавно испытавшихъ вторженіе многочисленнаго непріятеля въ самыя нѣдра государства, воспрянувшаго на защиту свою, малодушіе французовъ было непостижимо. Инстинктъ грубѣйшихъ животныхъ, которымъ грозитъ гибель, влечетъ ихъ къ сосредоточенію всѣхъ частныхъ силъ въ одно общее усиліе; человѣческій же разсудокъ научаетъ сверхъ того слѣпо повиноваться въ то время одной волѣ, направляющей это общее усиліе. Самые римляне, столь высоко цѣнившіе свою свободу, жертвовали ею въ подобныхъ случаяхъ для спасенія независимости отечества, избирая диктатора, котораго волѣ всѣ безусловно подчинялись. Напротивъ того, французы, имѣя лишь въ виду сохраненіе тряпья, рухляди и спокойствія, что̀ въ ихъ понятіяхъ имѣло бо̀льшую цѣнность, чѣмъ честь и независимость отчизны, предали своего диктатора на произволъ судьбы. Ни одинъ гражданинъ не возсталъ и не вооружился для защиты генія, создавшаго все изъ развалинъ, успокоившаго страну послѣ кровавыхъ смутъ и возвысившаго Францію на верхъ славы и могущества и тогда еще отстаивавшаго ея честь, независимость и существованіе ежеминутными пожертвованіями жизни.

Но возникли тайные заговоры въ Парижѣ, городахъ и провинціяхъ, все стало помышлять лишь о измѣнѣ монарху-полководцу, котораго лезвіе сабли еще грозно сверкало на берегахъ Оби и Марны и обороняло Францію съ такою дѣятельностью и самопожертвованіемъ. Что же произошло однако? Измѣна восторжествовала, частныя имущества спасены, спокойствіе государства не нарушено, союзники въ Парижѣ, а Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Франція спокойна, но она лишилась областей, пріобрѣтенныхъ потоками крови своей. Гдѣ же честь, общее уваженіе, слава націи, всегда снѣдаемой честолюбіемъ и потому болѣе другихъ дорожащей мнѣніемъ свѣта? Гдѣ же поприще, на которомъ ей возможно возвратить

себѣ если не все утраченное, то, по крайней мѣрѣ, извѣстность и вниманіе къ себѣ міра. Не оставалось ничего другаго, кромѣ многоглаголанія, высокомѣрнаго пустословія въ типографіяхъ и на каѳедрахъ, запрещенныхъ Наполеономъ, требовавшимъ дѣла, но не словъ. Она отлично воспользовалась своимъ положеніемъ; не будучи облачена уже въ бранные доспѣхи, она въ рубищахъ славы, ухватясь за представительное начало, наводнила Европу своимъ неистощимымъ велерѣчіемъ. Когда Наполеонъ съ сердцемъ, обагреннымъ кровью бросился снова въ ея объятія, призывая ее не на каѳедры, а на битвы, не на подмостки фиглярства, болтовни и мишурныхъ зрѣлищъ, а къ дѣлу великому, она, безстыдная, не внявъ его призыву, вторично выдала его союзникамъ. Она осыпала своего великаго преобразователя печатными и словесными ругательствами, недостойными великой націи, уважающей самую себя; она этимъ имѣла лишь въ виду снискать благорасположеніе союзниковъ и своего новаго правительства.

Съ этого времени мы ясно увидѣли, что Франція не заслуживаетъ громкаго названія великой націи; успѣхи, побѣды, торжества принадлежали не ей, а лично Наполеону; съ паденіемъ этого исполина мысли и слова, пала и сама Франція. Провидѣніе, лишивъ ее славы воинской, оставило ей, какъ будто въ наказаніе или насмѣшку, одно самохвальство, которымъ она запятнала эпическіе подвиги великаго генія. Такъ была громко представлена свѣту военно-мирная прогулка по Испаніи, гдѣ французы, въ союзѣ со всѣмъ народонаселеніемъ, гнались за шайкой полунагихъ своевольцевъ, не осмѣлившихся оказать имъ малѣйшаго сопротивленія. Такъ было пышно обнародовано взятіе приступомъ Трокадеро, лишь наканунѣ укрѣпленнаго инсургентами и съ котораго, за недостаткомъ защитниковъ, едва было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Такимъ же образомъ были мы оглушены описаніями осады Антверпенской крѣпости, какъ будто дѣло шло объ Аустерлицкомъ и Фридландскомъ сраженіяхъ, а не о крѣпости, не приведенной еще окончательно въ оборонительное положеніе и защищенной лишь слабымъ голландскимъ гарнизономъ противъ восьмидесяти-

тысячной арміи французской, снабженной большимъ количествомъ артиллеріи. Такъ было торжественно объявлено о занятіи Анконской крѣпости, защищенной лишь святыми молитвами папы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду намъ не престаютъ прославлять подвиги тридцати-тысячной регулярной арміи надъ безпорядочною толпой своевольныхъ кабиловъ, какъ будто бы наѣздники, лишенные единства и связи, могли и могутъ оказать французамъ большое сопротивленіе. Наконецъ, обнародованы пышныя описанія экспедицій на Константину; первая, по словамъ ихъ, неудалась лишь вслѣдствіе вреднаго вліянія климата и излишняго употребленія недозрѣлыхъ фруктовъ, вторая же — вслѣдствіе сильнаго дождя и тропическихъ жаровъ. Вообще же это была лишь жалкая пародія вторженія Наполеона въ Россію и гибели его армады въ нѣдрахъ нашего отечества. Какъ же было изображено французами истребленіе турецкаго флота подъ Навариномъ, при чемъ они умалчиваютъ о участіи англійскаго и русскаго флотовъ!

Повторяю, при описаніи славныхъ подвиговъ чужеземцевъ, перомъ нашихъ писателей никогда не управляетъ одна слѣпая любовь къ отечественной славѣ или оскорбленное самолюбіе; изображенія ихъ въ превратномъ свѣтѣ обличали бы насъ не побѣдителей, а побѣжденныхъ. Сверхъ того, мы, русскіе, по природѣ нашей чужды тайной ненависти къ кому либо; самыя обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, не допускаютъ въ насъ этого низкаго и недостойнаго чувства.

Кому и чему намъ завидовать относительно военной славы? Владѣя очевидными и неоспоримыми фактами, мы не нуждаемся въ панегирикахъ. Гдѣ были границы Россіи при вступленіи на престолъ Петра I, гдѣ были онѣ при восшествіи на престолъ Екатерины II и гдѣ настоящіе предѣлы Россіи? Мы, безъ помощи союзниковъ, по неизреченной благости Творца, отразили пятисотъ-тысячную армію, предводимую величайшимъ полководцемъ всѣхъ вѣковъ. Проникнувъ въ нѣдра Европы съ горстью войскъ, не превышавшихъ 50000 человѣкъ, мы силою одной воли увлекли за собою тѣ же ополченія, на оружіи которыхъ не остыла еще кровь наша!

Кто изъ насъ не замѣтитъ явной и всеобщей ненависти къ Россіи чужеземныхъ историковъ, журналистовъ и большей части писателей? Вездѣ, гдѣ коснутся они Россіи, ея государей, вождей, народа и войска, вездѣ возводятъ на нихъ клеветы. Не благоразумнѣе ли поступили бы враги наши, если-бъ къ общему ополченію гортаней и перьевъ присоединили бы и логику. Пусть твердятъ они, что народы воинственные, движимые духомъ завоеванія, монархи, посягающіе на сосѣдственные престолы и земли, и даровитые полководцы, суть бичи рода человѣческаго. Кто осмѣлится опровергать эту истину? Пусть продолжаютъ они: Александръ Великій, Аннибалъ, Юлій Цезарь и всѣ позднѣйшіе вожди, совершившіе великіе военные подвиги, ознаменовавшіе себя благородными порывами къ военной славѣ, вся эта поэзія жизни народовъ, все то, чѣмъ книги и наставники воспламеняли наше молодое воображеніе и возвышали нашъ духъ, все предается анаѳемѣ, потому что все это, потрясая благосостояніе народовъ, причиняетъ гибель роду человѣческому. Согласившись съ первымъ, нельзя отрицать и втораго.

Но восхвалять и превозносить Римъ, Александра Великаго, Аннибала, Юлія Цезаря и вмѣстѣ Францію и Англію, первую — за завоеваніе почти всей Европы, а вторую — за основаніе колоній во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и самодержавіе владычества ея на всѣхъ моряхъ; прославлять Наполеона и его маршаловъ за ихъ военные подвиги, а за подобные же подвиги злословить русскій народъ, русскую армію, Петра, Екатерину, Александра, Суворова, Кутузова! Въ настоящее время французы, вслѣдствіе удара опахаломъ по носу ихъ консула, покорившіе почти всю сѣверную часть Австраліи возстаютъ на насъ за покореніе Варшавы, Крыма, нѣкогда кровныхъ враговъ нашихъ. Они, можно сказать, бѣснуются за усмиреніе возставшей Польши, признанной нашею собственностью на основаніи трактатовъ.

Каждое государство пріобрѣло въ этотъ промежутокъ времени участки, выгоднѣйшіе того, чтó получила Россія; такимъ образомъ Англія, продолжая прибѣгать къ инквизиціон-

нымъ мѣрамъ, въ своихъ сношеніяхъ съ Ирландіею, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы смирить мятежную Канаду; она отторгла Бельгію отъ Нидерландовъ, въ замѣнъ колоній, которыхъ она не помышляетъ возвращать Нидерландамъ.

Успѣхи Россіи на пути просвѣщенія и всемірнаго владычества слишкомъ замѣтны, и потому, не будучи въ состояніи отрицать ихъ, они довольствуются описаніемъ неудачъ и невѣжественныхъ проступковъ, въ эпоху юношескаго возраста Россіи. Не имѣя намѣренія опровергать нелѣпыя ихъ сказанія и сужденія, на счетъ политическаго и гражданскаго устройства Россіи, я укажу лишь на искаженіе нѣкоторыхъ славныхъ подвиговъ нашего войска.

Предъ глазами современниковъ совершилось неимовѣрное чудо: Россія, долго коснѣвшая въ невѣжествѣ, внезапно преобразилась и, въ теченіе одного столѣтія, перешла въ состояніе возмужалости; этимъ она обязана Петру I и Екатеринѣ II. Конечно, совершись этотъ переломъ въ жизни русскаго народа съ большею постепенностью, наше отечество извлекло бы изъ него несравненно бо́льшую пользу. Хотя мнѣ пятьдесятъ-первый годъ отъ роду, но я видѣлъ Екатерину, Румянцова, Потемкина, Безбородко, имѣлъ счастіе говорить съ Суворовымъ и служить подъ начальствомъ Кутузова. При жизни моей перенесена наша граница отъ Буга до Днѣпра и Дуная, образована Кавказская линія и покорена Польша. Я находился въ сѣверной Россіи, смежной съ сѣвернымъ мысомъ, близъ Арарата, нынѣ намъ принадлежащаго, и вмѣстѣ съ войсками нашими торжествовалъ избавленіе Европы отъ Наполеона въ столицѣ побѣжденнаго завоевателя.

Неужели русскіе государи и народъ достигли въ столь короткое время могущества безпечностью и недостатками силъ душевныхъ и умственныхъ? Неужели во все это время не было приведено нами въ исполненіе ни одного обширнаго труда, не было совершено блистательныхъ военныхъ предпріятій, не было обнародовано ни одного благотворнаго постановленія, не была одержана ни одна блестящая побѣда на сушѣ и морѣ, не былъ заключенъ ни одинъ славный мир-

ный договоръ? Всего было довольно. Но въ какомъ свѣтѣ все это было изображено иностранными писателями? Какой геройскій подвигъ, совершенный русскими, переданъ въ истинномъ видѣ? За то, съ какою алчностью хватаются за всѣ воспоминанія о малѣйшихъ неудачахъ нашихъ! Съ какою тайною радостью повѣствуютъ они о пораженіи нашей неопытной арміи подъ Нарвой. Забавно то, что мы, школьники-воины, были предводительствуемы ихъ единокровными: герцогомъ де-Кроа и Аллартомъ, перебѣжавшимъ къ непріятелю при началѣ сраженія. Какъ торжественно передаютъ они описаніе малѣйшихъ частныхъ неудачъ нашихъ! Нѣтъ историческаго и дамскаго альманаха, нѣтъ той дѣтской книжки, гдѣ бы ни были изображены эти событія на чужеземный ладъ, то-есть, въ искаженномъ видѣ, съ примѣсью къ тому достойныхъ и нелѣпыхъ клеветъ на Петра I, котораго занятія въ свободное отъ дѣлъ время (если только бывало у этого великаго человѣка таковое), конечно, не могли стать въ уровень съ достохвальными занятіями Людовика XV. Я помню, сколько въ дѣтствѣ моемъ чтеніе Левека, француза—писателя вѣка этого короля, испортило мнѣ крови. Этотъ Левекъ измѣрялъ обычаи и дѣйствія Петра на аршинъ обычаевъ и нравовъ дряхлѣющаго и гнилаго французскаго общества того времени. Самъ Вольтеръ, не устоявшій противъ обворожительной любезности Екатерины, восхваляя Карла XII, не имѣлъ духа предпринять самъ собою исторію его побѣдителя и, вѣроятно, не приступилъ бы къ ней, если бы великая монархиня не побѣдила въ немъ драгоцѣнною собольею шубой и значительною суммою денегъ врожденнаго въ каждомъ иностранцѣ чувства ненависти ко всему русскому. При всемъ томъ, и тутъ, въ краснорѣчивомъ описаніи высокихъ качествъ Петра, онъ не могъ не преувеличить недостатковъ его, къ прискорбію, свойственныхъ всему человѣчеству. Въ одно время съ Левекомъ и Вольтеромъ, описывалъ дѣянія Петра нашъ славный Голиковъ. Не взирая на тяжелый слогъ его, вниманіе читателя не можетъ оторваться отъ тучныхъ десяти томовъ, наполненныхъ, большею частію, лишь офиціальными доку-

ментами о его путешествіяхъ, битвахъ, законахъ, трудахъ при созданіи флота, образованіи войска, фабрикъ, заводовъ, поощреніи наукъ, художествъ и промышленности, и великихъ дѣяній, предъ которыми невольно благоговѣетъ всякій даже чужестранецъ, не лишенный разума и души, способной сочувствовать всему возвышенному, славному и полезному.

Сама Екатерина служила и служитъ предметомъ недостойныхъ пасквилей чужеземцевъ; блистательное царствованіе ея немногимъ уступаетъ въ пользѣ царствованію Петра I. За исключеніемъ графа Сегюра и принца де-Линя, очевидныхъ свидѣтелей ея безсмертныхъ подвиговъ, прочіе писатели взводили лишь клеветы на сію великую государыню, много превышавшую бо̀льшую часть монарховъ, коихъ потомство удостоило наименованіемъ великихъ. Эта великая монархиня, столь много возвеличившая Россію, не назначала ни одного губернатора или другого важнаго чиновника и не утверждала выборовъ дворянъ, не поговоривъ предварительно съ этими лицами; убѣдившись въ ихъ способности и умѣньи понимать обязанности свои, она лишь тогда утверждала ихъ въ этихъ званіяхъ [1]).

---

[1]) Вотъ два случая, мало извѣстные, но превосходно обрисовывающіе великія свойства Екатерины II.

Во время путешествія своего въ Крымъ, императрица, окруженная блестящею свитой, остановилась въ одномъ городѣ, гдѣ провела трое сутокъ. Будучи недовольна дѣйствіями одного губернатора, она, потребовавъ его къ себѣ въ кабинетъ, сдѣлала ему весьма сильный выговоръ. Выходя изъ кабинета, губернаторъ казался растеряннымъ, что̀ было замѣчено всѣми и въ особенности Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ (отцемъ остроумнаго Александра Львовича). Чрезъ нѣсколько времени, извѣстившись о хорошихъ распоряженіяхъ этого губернатора, она пригласила его къ себѣ и весьма милостиво и долго съ нимъ бесѣдовала. Нарышкинъ, увидя это, сказалъ ей: «Матушка, слыхали мы, что ты его журила въ кабинетѣ, а нынѣ удивляемся твоимъ къ нему ласкамъ». На это императрица сказала: «Я удивляюсь тому, что вы меня такъ мало разумѣете; я журю келейно, но хвалю публично».

Нѣкто Кологривовъ, братъ князя А. Н. Голицына по матери, служившій хорошо въ царствованіе императрицы и достигшій маіорскаго чина, получилъ наслѣдство въ Костромской губерніи, вслѣдствіе чего сталъ искать въ этой губерніи мѣста вице-губернатора; онъ рѣшился написать письмо о томъ императрицѣ, которая, между тѣмъ, обѣщала это мѣсто племяннику Безбородко. Получивъ письмо Кологривова, она сказала: «Пусть Безбородко пріищетъ другое мѣсто своему племяннику,

Нравственныя качества или пороки первенствующихъ лицъ государства служатъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ достоинства царствующихъ и царствованій [1]); это вѣрнѣйшая аксіома вѣковъ. Кто были сподвижники Петра? Шереметьевы, Меншиковы, Головины, Долгорукіе. Екатерина же создала Румянцовыхъ, Потемкиныхъ, Репниныхъ, Суворовыхъ, Безбородко, Паниныхъ; „эти лица размѣра героическаго, исполинскаго", какъ выражается одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, „рисуются предъ глазами нашими озаренныя лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающія намъ дѣйствующія лица временъ древнихъ". Но какъ изображены эти славные помощники великой монархини чужеземными историками? Левекъ приписываетъ всю славу Чесменскаго боя не Орлову, Спиридову и Ильину, а Эльфинстону (бывшему впослѣдствіи контръ-адмираломъ) и какому-то Догделю (о которомъ ни одинъ историкъ не упоминаетъ), не уступавшимъ, можетъ-быть, въ мужествѣ и искусствѣ нашимъ морякамъ. Объ Орловѣ, главномъ начальникѣ флота, Спиридовѣ, начальникѣ авангарда, и Ильинѣ, начальникѣ брандеровъ и единственномъ истребителѣ турецкаго флота, не сказано ничего.

Кологривова же вызвать сюда». Когда Кологривовъ представился императрицѣ, она спросила его—знакомъ ли онъ съ обязанностями вице-губернатора? Когда онъ отозвался незнаніемъ, присовокупивъ, что онъ однако надѣется быть со временемъ полезнымъ губерніи, императрица, объяснивъ ему эти обязанности, присовокупила: «Я даю вамъ это мѣсто, но съ однимъ условіемъ: чрезъ годъ вы должны извѣстить меня письмомъ и сказать съ полною откровенностью, приносите ли вы пользу, или нѣтъ. Я наведу справки и если окажется, что вы скрыли истину отъ меня, вы никогда болѣе никакого мѣста не получите». Чрезъ годъ Кологривовъ писалъ императрицѣ, что, ознакомившись съ своею должностью, онъ чувствуетъ себя не безполезнымъ и надѣется принести еще бо́льшую пользу. Когда императрица, послѣ наведенныхъ справокъ, удостовѣрилась, что Кологривовъ не обманулъ ея, она написала ему: «Отнынѣ вы мнѣ другъ».

[1]) Во время пребыванія въ Берлинѣ Даламберта, Фридрихъ спросилъ его однажды, бывалъ ли онъ у Людовика XV; онъ отвѣчалъ, что былъ однажды у короля, которому подносилъ рѣчь, читанную въ академіи. На вопросъ Фридриха, о чемъ съ нимъ говорилъ Людовикъ, онъ отвѣчалъ, что король не сказалъ ему ни слова. «Съ кѣмъ же говорилъ онъ?» возразилъ Фридрихъ, не понимая, чтобы можно было избѣгать разговора съ даровитыми людьми и довольствоваться лишь сплетнями и льстивыми рѣчами придворныхъ.

Побѣда Румянцова при Кагулѣ внушила, къ удивленію, даже неострое слово Фридриху, владѣвшему превосходнѣе всѣхъ своихъ современниковъ двойнымъ остріемъ: шпаги и пера. Этотъ великій государь, которому некому было завидовать относительно всякаго рода славы, особенно военной, сказалъ по этому случаю даже непристойное слово. Извѣстясь о сей побѣдѣ, въ которой 17000 русскихъ разбили на голову 150000 турокъ [1]), онъ сказалъ, что кривые побили слѣпыхъ; онъ упустилъ изъ виду, что эти кривые доказали подъ Кунерсдорфомъ, что они умѣли бить не однихъ слѣпыхъ, но и тѣхъ, кои, по русской поговоркѣ, глядятъ въ оба глаза, голубые, большіе и полные генія! Чтобы еще болѣе убѣдиться сколь шутка эта была неумѣстна, достаточно вспомнить, что побѣдитель при Кагулѣ, названный Фридрихомъ кривымъ, былъ виновникомъ Кунерсдорфскаго пораженія, стоившаго Фридриху 20000 человѣкъ и 172 орудій. Въ описаніи этого сраженія иностранными писателями, сіи послѣдніе, упоминая лишь о томъ, что Лаудонъ съ австрійскою кавалеріей исторгъ побѣду у Фридриха, умалчиваютъ о Румянцовѣ, который съ русскою кавалеріей одновременно съ Лаудономъ смялъ и опрокинулъ пруссаковъ!

Потемкина [2]) не щадятъ иностранные писатели; нелѣпостямъ, клеветамъ оскорбительнымъ на счетъ этого замѣчатель-

---

[1]) Императрица, не будучи довольна въ слѣдующемъ году дѣйствіями Румянцова, упрекала его въ томъ, что онъ еще мало сдѣлалъ, говоря, что у непріятеля еще много артиллеріи. Отвѣтъ героя замѣчателенъ: «Государыня, всѣ пушки, взятыя мною въ настоящей кампаніи—литья текущаго года, всѣ же, отлитыя въ предшествующихъ годахъ, взяты мною «въ прошедшей кампаніи». Это убѣдительное возраженіе осталось безъ отвѣта. Нельзя забыть того, что графъ Румянцовъ рекомендовалъ императрицѣ двухъ чиновниковъ своихъ, знаменитыхъ впослѣдствіи графовъ, Завадовскаго и Безбородко. Отецъ мой и многіе другіе современники графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго разсказывали мнѣ, что сей послѣдній, отличаясь высокими военными дарованіями, былъ, къ сожалѣнію, замѣчателенъ своимъ чрезмѣрно-завистливымъ характеромъ и вполнѣ нестерпимымъ педантизмомъ. Румянцовъ, будучи весьма мало доступенъ для своихъ подчиненныхъ, превосходилъ, по мнѣнію ихъ, Потемкина, какъ военачальникъ, но въ отношеніи прочихъ умственныхъ свойствъ онъ стоялъ далеко ниже князя Таврическаго,

[2]) Бывшій генералъ-прокуроръ графъ А. Н. Самойловъ разсказывалъ брату моему А. М. Каховскому многія обстоятельства, относящіяся до жизни

наго государственнаго человѣка нѣтъ числа! Я недавно имѣлъ случай прочесть въ „Исторіи возрожденія Греціи“ Пуквиля слѣдующее: будто бы Потемкинъ приказалъ въ Азовской губерніи вдругъ устроить 240 городовъ; вотъ также описаніе одежды Потемкина того же самаго автора: „въ шелковомъ кафтанѣ сѣраго цвѣта, въ свѣтлозеленомъ нижнемъ платьѣ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, съ волосами, небрежно повязанными бантомъ и покрытыми соломенной шляпой, обвязанною широкою лентой свѣтло-голубаго цвѣта, концы которой падали ему и на плеча; все это давало ему видъ селадона“. Этотъ селадонъ былъ

князя Потемкина. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Потемкинъ въ видахъ пріобрѣтенія полной любви и довѣрія запорожцевъ, которые лишь вслѣдствіе его убѣжденій согласились переселиться въ Черноморье, записался простымъ казакомъ въ одномъ изъ ихъ куреней; его называли Грицкой Нечесой по причинѣ безпорядка, въ коемъ часто находились его волосы. Однажды Потемкинъ сталъ звать къ себѣ одного изъ своихъ адъютантовъ: такъ какъ не оставалось ни одного адъютанта на лице, то на зовъ его прибѣжалъ въ кабинетъ чиновникъ А. Ф. Крыжановскій, котораго Потемкинъ два раза прогонялъ съ словами: «Ступай вонъ, не тебя спрашиваютъ». Такъ какъ послѣ третьяго зова ни одинъ изъ адъютантовъ не явился къ князю, Крыжановскій вновь предсталъ предъ нимъ; веселое расположеніе духа Потемкина придало не мало смѣлости Крыжановскому, который сказалъ ему: «Хотя, ваша свѣтлость, слывете за весьма умнаго человѣка, а какую вы сегодня бумагу подписали? Вами несправедливо утвержденъ приговоръ по одному судному дѣлу». «Ты ничего, дуракъ, не понимаешь», отвѣчалъ, смѣясь, Потемкинъ, «я долженъ былъ утвердить приговоръ генералъ-аншефа князя Репнина». «А если этотъ приговоръ былъ несправедливъ, ваша свѣтлость?» «А почему», спросилъ князь. Когда Крыжановскій объяснилъ ему весь ходъ дѣла, Потемкинъ, внимательно выслушавъ его, сказалъ: «Жаль, что я ничего о томъ не зналъ ранѣе, но бумага должна быть отправлена; впрочемъ, пошли мнѣ скорѣй Попова». Крыжановскій, бросившись послѣ этихъ словъ на колѣни предъ княземъ, воскликнулъ: «Не погубите меня, ваша свѣтлость, я во многомъ виноватъ, вѣдь бумага еще не отправлена, я ее задержалъ». Потемкинъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго гнѣва, повторилъ ему приказаніе о присылкѣ Попова. Когда прибылъ В. С. Поповъ, Потемкинъ сказалъ ему: «Если приговоръ, мною сегодня утвержденный, еще не отправленъ, принеси его мнѣ сюда для просмотра». Прочитавъ еще разъ дѣло, Потемкинъ совершенно измѣнилъ свою резолюцію. Впрочемъ Потемкинъ, крайне избалованный счастіемъ, дозволялъ себѣ нерѣдко весьма много. Князь, узнавъ однажды, что одинъ штабъ-офицеръ арміи, находившійся съ своею частью въ трехстахъ верстахъ отъ квартиры, имъ занимаемой, отлично играетъ въ шахматы, вытребовалъ его къ себѣ съ фельдъегеремъ; когда этотъ офицеръ, предполагавшій, что ему готовится какое либо прекрасное мѣсто, прибылъ, Потемкинъ, указавъ ему на одного извѣстнаго игрока сказалъ: «Я хочу узнать, кто изъ васъ останется побѣдителемъ». По окончаніи игры, этотъ офицеръ былъ немедленно отправленъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ въ мѣсто своего расположенія.

роста необыкновеннаго (въ немъ было не менѣе трехъ аршинъ), хотя и косой на одинъ глазъ, но онъ былъ не лишенъ красивыхъ чертъ, соотвѣтствовавшихъ его исполинскому росту; поступь и осанка его были истинно величественныя. Тому, кто когда либо видалъ Потемкина, можно ли узнать его, въ платьѣ маскараднаго покроя господина Пуквиля.

Но всѣ эти выдумки не могутъ сравняться съ гнусными клеветами на счетъ Суворова, этого представителя нашей военной славы, этого единственнаго военнаго соперника Фридриха и Наполеона.

Къ крайнему прискорбію, мы почти безъ возраженій выслушиваемъ пасквили чужеземныхъ писателей; литература наша доселѣ скудна описаніями жизни людей, коими Россія вправѣ гордиться.

(Статья неоконченная).

Изд. 1860 г.

ПИСЬМА.

I.

Н. Н. Раевскому.

14-го іюля 1810 г. Лагерь при Рущукѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ вы насъ оставили [1]), милостивый государь Николай Николаевичъ, много воды утекло. Курсъ нашего могущества съ часу на часъ упадаетъ. Угрозы, дерзости, бѣшенство противу артиллерійскихъ генераловъ не даютъ ни ядеръ, ни бомбъ, ни брандскугелей. Третьяго дня графъ Сиверсъ сказался больнымъ и, вслѣдствіе просьбы его лѣчиться въ Яссахъ, отправленъ въ Силистрію. Рѣзваго [2]) ожидаютъ сюда съ артиллеріею и снарядами и готовятъ ему еще сильнѣе удары. Словомъ сказать, всѣ окружающіе великаго Могола, всѣ бранены, разбранены и ошельмованы по пяти разъ на день. Со всѣмъ тѣмъ, дѣла не только лучше не идутъ, но еще разстраиваются болѣе и болѣе. Время прошло, когда какое-то преимущество, называемое геніемъ, а нами—дурацкимъ счатьемъ, давало право дѣлать неистовства безъ возмездія и критики. Нынче мы.... у Рущука. Маска спала, и остался человѣкъ. Да какой? Всѣ глаза открыли и всѣ такъ кричатъ, что и я опасаюсь слушать. Но дабы лучше видѣть геройскіе наши подвиги, я вамъ скажу, что та высота, о которой вы гово-

---

[1]) Удаленіе Н. Н. Раевскаго изъ южной арміи было вызвано ссорою его съ главнокомандующимъ графомъ Н. М. Каменскимъ. Отношенія Д. В. Давыдова къ Раевскому были самыя дружественныя, скрѣпляемыя еще родственными узами: дядя Д. В. Давыдова, Левъ Денисовичъ Давыдовъ, былъ женатъ на Е. Н. Самойловой, бывшей въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, отцомъ Николая Николаевича.

[2]) Генералъ-маіоръ артиллеріи Дмитрій Петровичъ Рѣзвой.

рили, что возьметесь поставить баттарею противу Жумлы, была занята Мишо[1]), 26-го же числа атакована и отстоена безпримѣрно 28-мъ егерскимъ полкомъ подъ командою полковника Корнилова[2]), ночью же отъ испуга Агамемнона и брата его Менелая[3]), срыта до основанія безъ всякой причины. Многіе еще редуты и баттареи на центрѣ и на разныхъ мѣстахъ были также сдѣланы, передѣланы и раздѣланы. Дороги, что мы воображали занятыми Войновымъ и Левизомъ[4]), не были заняты ни Войновымъ, ни Левизомъ. Наконецъ, видя въ телескопы и подзорныя трубки до 800 верблюдовъ, въ порядкѣ шествующихъ въ Жумлу, непреклонность визиря къ миру, и услыша отъ Цызырева[5]) о шествіи 15000 человѣкъ изъ Варны на нашъ лѣвый флангъ, владыко рѣшился 4-го іюля ночью убраться на тѣ высоты, съ которыхъ мы пошли на атаку 11-го іюня, оставя тамъ 6-го числа братца съ половиною арміи, какъ всегда водится, въ Разградѣ „Ma foi“[6]), въ Базарджикѣ „ай да“ Цызырева, въ Каскуджи Войнова. Самъ „ай да“ Каменскій устремился къ Рущуку, думая, соединясь съ Зассомъ[7]), занять Рущукъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, кинуть пыль въ глаза. Но увы! Башнягъ-ага, которому послано было сказать, что я пришелъ съ арміею и даю три часа рѣшиться сдаваться или держаться, отвѣчалъ, что

---

[1]) Графъ Александръ Францовичъ Мишо-де-Боретуръ (род. 1771 г., ум. 1841 г.).

[2]) Генералъ-лейтенантъ Петръ Яковлевичъ Корниловъ (род. 1770 г., ум. 1828 г.).

[3]) Агамемнонъ — главнокомандующій графъ Н. М. Каменскій (род. 1776 г., ум. 1811 г.); Менелай — братъ его, Сергѣй Михайловичъ, генералъ отъ инфантеріи (род. 1772 г., ум. 1831 г.), въ то время начальникъ 3-го корпуса арміи графа Каменскаго.

[4]) Александръ Львовичъ Войновъ (род. 1770 г., ум. 1832 г.) и генералъ-лейтенантъ Өедоръ Өедоровичъ Левизъ офъ Менаръ (Levis of Menar) (род. 1767 г., ум. 1824 г.)—начальники дивизій арміи графа Каменскаго.

[5]) Цызыревъ—одинъ изъ начальниковъ дивизій арміи графа Каменскаго.

[6]) Ma foi—графъ Александръ Өедоровичъ Ланжеронъ (род. 1763 г., ум. 1831 г.), генералъ отъ инфантеріи, названный такъ по его любимому присловью. Въ это время состоялъ начальникомъ 2-го корпуса арміи графа Каменскаго.

[7]) Генералъ Зассъ — начальникъ 1-го корпуса арміи графа Каменскаго.

онъ поздравляетъ его съ пріѣздомъ, что ему не нужно три часа рѣшаться на то, на что уже онъ давно рѣшился, что онъ даже можетъ отворить ворота города, если ему угодно и среди города дать отвѣтъ ему; впрочемъ, проситъ Бога, да пріосѣнитъ покровомъ своимъ всесильное россійское воинство.

Вотъ наши новости по сію пору. Однако траншеи сдѣланы, сапы въ двадцати-пяти саженяхъ отъ валу; говорятъ, что на передовой сапѣ нынче поставлена будетъ баттарея; лѣстницы дѣлаютъ, фашины сдѣланы, все готовится къ штурму, кромѣ меня, который его не ожидаетъ. Впрочемъ, какъ подумаетъ Агамемнонъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что дѣлать? Въ Шумлу обратно итти? Осмѣютъ, да и не дойдешь: смѣнятъ! Оставить Рущукъ и итти на Тырново? Съ чѣмъ итти? Вѣдь надо и предъ Рущукомъ что-нибудь оставить. И вышло: живъ, живъ, курилка, еще не умеръ, а у курилки ножки тоненьки, душа коротенька. Взявши Рущукъ штурмомъ, онъ, конечно, ослѣпитъ челядь генераловъ; но всякій, кто мыслитъ хорошо, увидитъ въ движеніи на Рущукъ пустое движеніе. Шумла есть главный пунктъ: Шумлу возьмешь, и все падетъ.

Вотъ, любезный и почтенный нашъ генералъ, вотъ наши обстоятельства. Левушка [1]) ѣдетъ къ вамъ, отъ того я пишу такъ откровенно. Онъ велъ себя отлично 23-го числа, я имъ радовался; но человѣкъ, покровительствованный генераломъ Раевскимъ, не можетъ уже остаться на поприщѣ брани, гдѣ господинъ Каменскій прячется, и для того велѣно ему отправиться къ вамъ. Я ожидаю штурму или отступа отъ Рущука; тогда сейчасъ переѣзжаю Дунай и ѣду въ Яссы провести съ вашимъ превосходительствомъ нѣсколько пріятныхъ дней, а оттуда ѣхать въ Москву. Итакъ, до свиданія. Мое почтеніе Софьѣ Алексѣевнѣ. Я думаю, что она пріѣхала уже въ Яссы. Сашеньку [2]) цѣлую. Съ истиннымъ почтеніемъ и из-

---

[1]) Генералъ-маіоръ Левъ Денисовичъ Давыдовъ (род. 1792 г., ум. 1848 г.), состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при Н. Н. Раевскомъ. Впослѣдствіи былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса въ Москвѣ.

[2]) Софья Алексѣевна Раевская, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, — жена Н. Н. Раевскаго, и старшій сынъ ея Александръ Николаевичъ (род. 1795 г., ум. 1868 г.).

вѣстною вамъ преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга Денисъ.

Левушка собирался, собирался и протянулъ отъ 14-го до 24-го іюля. Штурмъ былъ неудаченъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ за семь тысячъ ранено и убито. Бахметьевъ, Щербатовъ ранены, Сиверсъ [1]) на брустверѣ убитъ. Изъ штабъ-офицеровъ мало осталось. Впрочемъ, Левушка вамъ все скажетъ. Простите. Я еще немного подожду, а тамъ дамъ тягу. Уваровъ [2]) ѣдетъ въ Бухарестъ, и все разъѣзжается. Вашъ покорный слуга Денисъ.

24-го іюля.

II.

П. П. Коновницыну.

26-го декабря 1812 г. Соколы.

Милостивый государь Петръ Петровичъ [3])! Я достовѣрно узналъ, что изъ Варшавы австрійскіе магазины вывозятся вонъ съ поспѣшностью, что въ городѣ семъ, кромѣ больныхъ и нѣсколько сотъ пѣхоты, никого нѣтъ и что жители не только насъ ожидаютъ, но что отъ страха собрали значущее число контрибуціи для усмиренія побѣдителей. Сія послѣдняя статья основана, какъ кажется, на ихъ собственномъ характерѣ; ибо русскихъ предметъ не деньги. Я не намѣренъ и не смѣю давать совѣты; но долгъ всякаго объяснить мысли свои, и по-

---

[1]) Генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Николаевичъ Бахметьевъ (род. 1774 г., ум. 1841 г.), генералъ отъ инфантеріи князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ (род. 1777 г., ум. 1848 г.), впослѣдствіи московскій военный генералъ-губернаторъ, и генералъ-маіоръ артиллеріи графъ Яковъ Карловичъ Сиверсъ—начальники дивизій арміи графа Каменскаго.

[2]) Θедоръ Петровичъ Уваровъ (род. 1773 г., ум. 1824 г.), генералъ-адъютантъ императора Александра I, впослѣдствіи командиръ гвардейскаго корпуса.

[3]) Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ (род. 1766 г., ум. 1812 г.), генералъ отъ инфантеріи, въ 1812 году состоялъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ россійскихъ армій.

тому я думаю, что если силы наши, пользуясь заслоненіемъ нынѣ занятыми противу австрійцевъ нашими аванпостами, двинутся съ поспѣшностью изъ Гродны чрезъ Ганюнзъ, Новогродъ, Остроленку къ Пултуску, а тѣ, что находятся въ Бѣлометокѣ и Цехановцѣ на Тикочинъ, Визну, Ломзу и Новогродъ въ то же направленіе, тогда мы въ положеніи всегда будемъ достигнуть нашего предмета, который долженъ быть обходъ австрійскаго лѣваго крыла и отклоненіе ихъ корпуса къ Галиціи. Движеніе сіе тѣмъ болѣе возымѣетъ желаемый успѣхъ, что лѣвое крыло означеннаго корпуса примыкаетъ къ Пултуску, гдѣ находится и главная квартира князя Шварценберга, который, по извѣстіямъ мною собраннымъ, ищетъ только придирки къ отступленію въ Галицію и дрожитъ получить повелѣніе отступать въ сѣверную часть Германіи, гдѣ Бонапартъ, конечно, съ дѣятельностью старается поправить свои нелѣпости. Дошедши до Пултуска легко можно видѣть, что, подвинувъ часть войскъ къ Модлину для закрытія движенія нашего, можно, перейдя всѣми силами Бугъ подъ Сироцкомъ, а потомъ Вислу подъ Яблонами, достигнуть своей цѣли, которая основана на занятіи Варшавы и отдаленіи въ Галицію австрійскаго корпуса.

Кончая серьезное, я опишу вашему превосходительству кой-что и смѣшное; я узналъ отъ австрійскаго маіора, графа Ностица, слѣдующее: Бонапарте, въ проѣздъ свой чрезъ Ломзу, переодѣлся въ другое платье, а старое оставилъ съ пятидесятью наполеондорами на почтѣ, гдѣ прождавъ долго лошадей, конечно не безъ брани, отправился съ польскимъ гвардейскимъ офицеромъ въ жидовской кибиткѣ, покрытой изорванной клеенкой, въ Варшаву. На дорогѣ къ Остроленкѣ онъ встрѣтилъ Гогенцолерна, легко-коннаго полка поручика, ведущаго ремонтъ въ полкъ свой, который силою нѣмецкаго ругательства велѣлъ кибиткѣ остановиться, дабы проѣздъ ея не повредилъ какую-нибудь лошадь изъ его команды. Тогда какая-то желто-смуглая голова выглянула изъ кибитки и закричала ему: „Qui êtes-vous, f....“ Офицеръ, переводя послѣднее слово за нѣмецкую брань, объявилъ ему, кто онъ и куда идетъ.

„Oh! vous n'avez pas beaucoup de chemin à faire“, отвѣчалъ Бонапарте, „l'armée vient à votre rencontre“. Не смотря на таковое пріятное извѣстіе, господинъ Наполеонъ простоялъ, покамѣсть ремонтъ прошелъ; отправился въ Варшаву, гдѣ пробывши нѣсколько часовъ, поѣхалъ въ Дрезденъ. Офицеръ же австрійскій, проѣхавъ милю, встрѣтилъ Коленкура и прочихъ окружающихъ (или догоняющихъ), которые, спросивши его, не видалъ ли онъ императора въ кибиткѣ, увѣрили, что говорилъ съ нимъ или обруганъ имъ былъ дѣйствительно Наполеонъ.

Пора бы кончить! Но письмо не письмомъ безъ всепокорнѣйшей моей просьбы усилить меня комплектнымъ казачьимъ полкомъ. Ради Бога, ваше превосходительство, исходатайствовайте мнѣ эту милость. Неравно что-нибудь прикажутъ, ей-ей, не въ состояніи буду выполнить приказаніе, а это, вы знаете, не въ моихъ правилахъ. Увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ хорошемъ расположеніи, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга Денисъ Давыдовъ!

PS. Когда меня усилите, нельзя ли мнѣ позволить дѣйствовать своевольно? Авось либо что-нибудь сотворю.

III.

Графу А. А. Аракчееву.

(1813—1814 г.)

Съ перваго выстрѣла при переходѣ Нѣмана до сраженія подъ Бородинымъ, а потомъ до береговъ Рейна, я не спускалъ съ глазу непріятеля. Вашему сіятельству, конечно, не безъизвѣстно, что я имѣлъ наиопаснѣйшія, а потому наилестнѣйшія препорученія, подавши прожектъ покойному князю Багратіону о дѣйствіи партизановъ и доказавъ самъ на дѣлѣ выгоды моего предположенія. Долго пользовался я призна-

тельностью вышняго начальства; но гнусныя интриги заставили меня предстать къ покойному фельдмаршалу для оправданія себя за овладѣніе (послѣ десяти-часовой битвы) столицею Саксоніи, въ одно время, какъ генералъ Чернышевъ получалъ 1-я Анны за занятіе безъ выстрѣла Берлина, а полковникъ Тетенборгъ чинъ за торжественный въѣздъ въ Гамбургъ. Справедливость царя-покровителя была щитомъ безпокровнаго! Я, по его императорскаго величества повелѣнію, воротился къ своему отряду, но онъ уже былъ отданъ другому, что̀ принудило меня, послѣ различныхъ предлоговъ, одного кривѣе другого, мнѣ представленныхъ, удалиться въ Ахтырскій гусарскій полкъ, къ коему я принадлежу. Графъ Милорадовичъ, въ коего корпусѣ находился полкъ сей, выбираетъ меня снова въ партизаны, употребляетъ меня отъ Лютцена до заключенія перемирія по роду службы моей; я имѣю счастье выполнить нѣсколько разъ его повелѣнія, онъ меня представляетъ къ чину, и я остаюсь опять безъ награжденія. Въ послѣднюю кампанію назначаются легкіе отряды, которые даются въ командованіе или людямъ, подъ моимъ начальствомъ находившимся, или тѣмъ, которымъ сей родъ службы вовсе былъ чуждымъ; я же, русскій полковникъ съ полкомъ казачьимъ, поступаю въ составъ отряда графа Менсдорфа, австрійскаго полковника. Сколько ни прискорбно, командовавши самъ отдѣльною частію, находиться подъ начальствомъ другого, но во всю сію службу вашему сіятельству объявитъ самъ полковникъ господинъ Менсдорфъ, какими подвигами заслужилъ я предстательство его у государя императора и у фельдмаршала князя Шварценберга, которые также остались втуне.

Между тѣмъ всѣ мои сверстники и даже младшіе по службѣ, провождая жизнь въ резервахъ и главныхъ квартирахъ, обошли и обходятъ меня. Я представлялъ о томъ нѣкоторымъ моимъ начальникамъ, коихъ, кажется, долгъ—прежде наградить подчиненныхъ, а потомъ получать себѣ награды; но они, обезобразя себя разноцвѣтными украшеніями, увѣряютъ, что уже поздно симъ утруждать государя императора. Я просилъ нѣкоторыхъ близкихъ вельможъ къ его императорскому

величеству возобновить въ памяти его мою службу, но у нихъ одинъ отвѣтъ: „не по моей части". Какъ будто доводить истину до царя раздѣлено на части?

Не имѣя никакихъ протекторовъ кромѣ извѣстной справедливости вашего сіятельства, осмѣливаюсь представить вамъ, милостивый государь, службу мою на разсмотрѣніе; если требованіе мое справедливо, то покорнѣйше прошу уважить её и исходатайствовать мнѣ поравненіе въ чинѣ съ моими сверстниками; если же нѣтъ, то предать ее забвенію и....

IV.

Князю П. А. Вяземскому.

2-го сентября (1815 г. Варшава).

Любезный Вяземскій! Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ оставилъ, я все живу въ Варшавѣ. Еще судьба не устаетъ меня преслѣдовать. Тогда какъ войска наши летѣли къ славѣ, великій князь остановилъ меня здѣсь съ намѣреніемъ отнять у меня случай быть въ дѣлѣ или отличиться. Къ счастію моему, ни одинъ русскій не выстрѣлилъ, и честь моя спасена! Однако же на дняхъ я ѣду въ Парижъ, независимо устрицъ, pâtés de foie gras и сиренъ Парижа — надо кончить и рѣшить судьбу свою! A propos de Sirène, что дѣлаетъ божество мое [1])? Все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ. Сколько здѣсь прекрасныхъ женщинъ; ей-ей, ни одна сравниться не можетъ! Прости, скажи мое всенижайшее почтеніе княгинѣ [2]), поцѣлуй княжнушку [3]) и, когда будешь писать къ Четвертин-

[1]) Танцовщица А. И. Иванова. О ней см. т. I, стр. 75.

[2]) Жена князя П. А. Вяземскаго — Вѣра Өедоровна, урожденная княжна Гагарина.

[3]) Дочь князя П. А. Вяземскаго—Марія Петровна (род. 1813 г., ум. 1848 г.), впослѣдствіи была замужемъ за П. А. Валуевымъ.

скому [1]), вспомни ему обо мнѣ. Пиши ко мнѣ въ Варшаву въ канцелярію главнокомандующаго резервною арміею на имя Петра Ивановича Миллера для доставленія такому-то. Прости, да напиши обо всемъ. Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

Князь Ѳедоръ [2]) былъ у меня въ Варшавѣ, когда полкъ его проходилъ впередъ, а теперь всѣ они возвращаются.

V.

Князю П. А. Вяземскому.

16-го октября (1815 г.) Варшава.

Письмо твое, любезный мой Вяземскій, меня ужасно обрадовало и какъ будто перенесло въ Бѣлокаменную, съ которой сопрягаются всѣ мои сердечныя воспоминанія! Не лѣнись милый другъ, увѣдомляй почаще о своемъ житьѣ-бытьѣ; я съ своей стороны отъ того рѣдко пишу, что писать нечего; ходъ моей жизни одинаковъ—неудовольствія да притѣсненія за вѣрную мою службу, вотъ все, что я получилъ и получаю. Но такъ какъ моя мачиха-фортуна пріучила меня къ терпѣнію, то и сношу все безъ ропота, тѣмъ паче что, повѣришь ли? когда я нахожусь въ положеніи, требующемъ твердости духа, я какъ будто на своемъ мѣстѣ. Но полно объ этомъ говорить.

Ты пишешь, что первое письмо ко мнѣ послалъ съ Вельяшевымъ, который находится въ главной квартирѣ. Я объ этомъ узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Парижа, но его не видалъ, слѣдственно письма твоего не получалъ и не надѣюсь по смежности съ зимою получить даже и послѣ дождечка въ четвергъ. Онъ же, какъ я предвижу, опять займется диссер-

---

[1]) Кн. Борисъ Антоновичъ Четвертинскій (род. 1781 г., ум. 1865 г.), оберъ-шталмейстеръ. Пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ императора Александра I. Былъ женатъ на княжнѣ Надеждѣ Ѳедоровнѣ Гагариной, сестрѣ жены князя П. А. Вяземскаго.

[2]) Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, генералъ-маіоръ, шуринъ князя П. А. Вяземскаго.

таціею объ ухабахъ [1]): то до письма ли будетъ ему? Читавши о пирахъ вашихъ въ Кунцовѣ [2]), зависть моя доходила до бѣшенства! Еслибъ я зналъ, что великій князь [3]) по милости своей удержитъ меня здѣсь, съ какимъ бы удовольствіемъ я провелъ съ вами время, которое по пустому убилъ въ пустой Варшавѣ съ пустыми людьми? Авось ли судьба будетъ мнѣ благосклоннѣе и зимою опять заброситъ меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго [4]) и уничтожатъ всѣ его покушенія,—но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить! Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія; я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши, и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею! И ты можешь ей сказать, что я отъ нея умираю, всякій день толстѣю; но у всякаго свой манеръ умирать. Что тебѣ еще сказать? Царя ждемъ къ 24-му сего мѣсяца, а такъ какъ съ нимъ Уваровъ [5]), то по геометрической пропорціи выходитъ, что и Окуневъ [6]) сюда явится. Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю, какъ онъ будетъ мнѣ читать свою героиду, и какъ я при послѣднемъ стихѣ объявлю ему, что героиня его героиды замужемъ. Все это меня восхищаетъ.

Прости милый Вяземскій, скажи мое почтеніе княгинѣ, кланяйся Василію Львовичу Пушкину, князю А. Голицыну [7]) и всѣмъ нашимъ пріятелямъ, особенно Майкову, который, подобно Юпитеру, владѣетъ судьбой моей; радуюсь сердечно,

---

[1]) Вельяшевъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія.

[2]) Въ Кунцовѣ жилъ лѣтомъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, театральныя вечеринки у котораго привлекали къ нему многихъ его знакомыхъ.

[3]) Константинъ Павловичъ.

[4]) Адамъ Павловичъ Глушковскій, балетмейстеръ Московскаго театра. Впослѣдствіи былъ женатъ на танцовщицѣ А. И. Ивановой.

[5]) Ѳ. П. Уваровъ, генералъ-адъютантъ императора Павла I и Александра I.

[6]) Г. А. Окуневъ, ротмистръ кавалергардскаго полка.

[7]) А. Н. Голицынъ (род. 1769 г., ум. 1817 г.), камергеръ, былъ женатъ на отдаленной родственницѣ князя П. А. Вяземскаго Маріи Григорьевнѣ Вяземской.

что ему лучше. Письмо къ сыну его Николаю [1]) я не отдалъ, потому что не видалъ его, а поручить другому не хотѣлъ; скоро его доставлю или самъ, или чрезъ вѣрныя руки, которыя мнѣ еще по сію пору не попадались. Пожалуйста, пиши почаще и адресуй письма по прежнему. Жуковскому я писалъ въ Петербургъ; онъ по слухамъ принятъ императрицею очень милостиво, и боюсь, чтобы изъ независимаго философа не поступилъ въ рабы фортуны. Прости еще любезный другъ. Не забудь сказать мое почтеніе Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андреевнѣ [3]). Твой вѣрный другъ Денисъ Давыдовъ.

Увѣдомь, гдѣ ты нанялъ домъ и чей именно. Если не родные, я бы съ радостью принялъ твое дружеское предложеніе; все однако жь сдѣлаю. У тебя pied-à-terre, чтобы имѣть удовольствіе перваго въ Москвѣ тебя увидѣть.

VI.

Князю П. А. Вяземскому.

8-го декаря (1815 г.) М. Яновъ, возлѣ Бреста.

Наконецъ я, любезный Вяземскій, вырвался изъ Варшавы и иду вмѣстѣ съ дивизіею: изъ Бреста поѣду въ Кіевъ на контракты, а оттуда, если будетъ возможность, полечу къ вамъ. Новаго тебѣ писать нечего; мы идемъ довольно весело, ибо осушиваемъ остатки шампанскаго, привезеннаго изъ Франціи; жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда, можетъ-быть,

---

[1]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ (род 1761 г., ум. 1838 г.), камергеръ, бывшій въ то время директоромъ императорскихъ театровъ въ Москвѣ и сынъ его Николай Аполлоновичъ (род. 1796 г., ум. 1873 г.), впослѣдствіи извѣстный живописецъ, академикъ Императорской академіи художествъ.

[2]) Въ маѣ 1815 года Жуковскій былъ представленъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, которая образовала около себя кружокъ ученыхъ и литераторовъ.

[3]) Карамзины.

я не пожелалъ бы и въ Москву. Но, во чтобы то ни стало, я постараюсь, если не въ январѣ, то вѣрно въ февралѣ, увидѣть всѣхъ васъ. Если будешь писать, пиши въ Кіевъ и увѣдомь, гдѣ нанялъ домъ, дабы мой pied-à-terre былъ у тебя. Друзьямъ нашимъ всѣмъ кланяйся и скажи мое почтеніе княгинѣ. Прости, твой другъ Д. Давыдовъ.

VII.

О. Д. Ольшевскому [1]).

(1816 г.)

Полагая, пріѣхавши обратно въ Новомосковскъ, найти тебя переѣхавшаго уже къ намъ, но не тутъ-то было. Ты, подобно Куку, имѣешь страсть водиться съ дикими, или, подобно Мунго-Парку, бесѣдствуешь съ готентотами. Потерявъ надежду видѣть тебя у себя, я рѣшился послать къ тебѣ въ Орѣховъ привезенный мною тебѣ подарокъ изъ Полтавы — онъ мнѣ самому присланъ изъ Франціи изъ якобинскаго клуба, въ которомъ я членъ. Я увѣренъ, что подарокъ сей тебѣ понравится.

Прости любезный другъ, я завтра, чуть свѣтъ, ѣду въ Кіевъ, откуда, сели отпустятъ, поѣду въ Москву, но къ 10-му января все буду въ Кіевѣ, а сюда съ весеннею розою, то-есть, въ мартѣ мѣсяцѣ привезу сюда жену или дѣвку [2]). Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) О. Д. Ольшевскій, командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, былъ старинный пріятель Д. В. Давыдова.

[2]) Д. В. Давыдовъ говоритъ объ Е. Д. Злотницкой. О ней см. т. I. с. 76.

VIII.

И. И. Сосницкому [1]).

16-го іюля 1823 г. Москва.

Любезный Иванъ Ивановичъ! За что такая немилость? Показались и исчезли! Заверните при свободномъ времени, дайте мнѣ случай лично возблагодарить васъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили вчерашній день [2]). Вашъ талантъ таковъ, какого я нигдѣ не видалъ, кромѣ Парижа, да и тамъ вы были бы изъ первыхъ актеровъ. Право, я отъ восторга внѣ себя. Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

IX.

А. А. Бестужеву.

18-го февраля 1824 г. Москва.

Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, также и „Полярную Звѣзду", въ коей съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы меня не забыли [3]). За все это приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, а что я не писалъ къ вамъ отъ самаго вашего отъѣзда, то этому при-

---

[1]) И. И. Сосницкій (род. 1794 г., ум. 1871 г.), извѣстный артистъ императорскихъ театровъ.

[2]) Сосницкій игралъ въ этотъ вечеръ піесу А. А. Шаховскаго: «Ты и Вы, Вольтерово п сланіе или 60 лѣтъ антракта».

[3]) Въ альманахѣ А. А. Бестужева «Полярная Звѣзда» на 1823 годъ были, между прочимъ, помѣщены двѣ піесы Давыдова и тамъ же въ обзорѣ литературы (стр. 27) была сдѣлана такая характеристика произведеній нашего поэта: «Амазонская муза Давыдова говоритъ откровеннымъ нарѣчіемъ воиновъ, любитъ бесѣды вокругъ пламени бивуака и съ улыбкою рыщетъ по полю смерти. Слогъ партизана-поэта быстръ, картиненъ, внезапенъ. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попремѣнно оживляютъ оный. Иногда онъ бываетъ нерадивъ въ отдѣлкѣ; но время ли наѣзднику заниматься уборомъ? Въ нѣжномъ родѣ — «Договоръ» съ невѣстою и нѣсколько элегій; въ гусарскомъ—залетныя посланія и зачатныя пѣсни его останутся навсегда образцемъ».

чина данное самому себѣ (слово) прервать со всѣми всякаго рода переписку. Хлѣбопашецъ и любимецъ словесности, жизнь моя заключается въ кабинетѣ или въ полѣ,

Гдѣ не стыжусь порою
Поднять смиренный плугъ солдатскою рукою,
Иль поселянъ въ кругу, въ день лѣтній, золотой,
Взмахнуть среди луговъ желѣзною косой.

Вотъ все мое занятіе, о чемъ же писать мнѣ?

Прошу же покорно не заключать, чтобы молчаніе мое происходило отъ того, чтобы я забылъ или разлюбилъ человѣка, котораго я отъ всей души люблю и уважаю. Примите въ томъ увѣреніе солдата-хлѣбопашца Дениса Давыдова.

X.

А. И. Якубовичу [1]).

14-го марта 1824 г. Москва.

Желавъ перехватить срочнаго фельдъегеря, летѣвшаго въ вашу сторону, я приготовилъ къ вамъ письмо, милый мой богатырь-философъ, но фельдъегерь, не коснувшись до меня, взмылъ и спустился въ Тифлисѣ. Итакъ, письмо, пролежавъ у меня довольно долго, было предано каминному пламени. Теперь я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Я получилъ письмо ваше, исполненное лестнѣйшими выраженіями на счетъ моихъ военныхъ способностей, почти вмѣстѣ съ приказомъ о моей отставкѣ [2]). Признаюсь, нико-

---

[1]) А. И. Якубовичъ—одинъ изъ декабристовъ. Въ молодости служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку; за участіе въ одномъ поединкѣ былъ сосланъ въ двадцатыхъ годахъ на Кавказъ, гдѣ прославился въ войнѣ съ горцами и былъ раненъ въ голову. Окончилъ жизнь въ 1845 году въ ссылкѣ въ Сибири.

[2]) Д. В. Давыдовъ вышелъ въ отставку въ началѣ 1823 года, по случаю отказа императора Александра I назначить его начальникомъ Кавказской линіи, несмотря на двукратное о томъ представленіе Ермолова.

гда и никакое письмо столь кстати не приходило! Конечно, рѣшась оставить службу, я ждалъ приказа съ нетерпѣніемъ и теперь всякій день, всякій часъ благодарю Провидѣніе за избавленіе меня отъ наплечныхъ кандаловъ генеральства. При всемъ томъ, прослужа дурно ли, хорошо ли, но сплошь двадцать-два года, изъ коихъ восемь сряду въ безпрерывныхъ войнахъ, тяжело было снести то равнодушіе, съ какимъ оттолкнули меня въ толпу хлѣбопашцевъ! Сильно зауныло сердце, но въ день скорби пришло и утѣшеніе. Право, я еще не въ отставкѣ, я еще на конѣ, а не за плугомъ, съ саблею, а не съ косою, пока люди, подобные вамъ, будутъ мыслить обо мнѣ, какъ вы мыслите. Неужто вѣчный приговоръ уже мой подписанъ! Неужто не явлюсь еще въ поляхъ, войной гремящихъ, не окрещусь съ вами въ одной огненной купели, не раздѣлю съ вами и пукъ соломы, и сухарь съ водою! Мнѣ сороковой годъ, еще десять лѣтъ могу ждать, а въ десять лѣтъ неужто ни съ кѣмъ не поссоримся?

Вы такъ лестно отзываетесь о слабомъ моемъ „Опытѣ“ [1]), что не могу при семъ не послать къ вамъ одинъ экземпляръ онаго, исправленный отъ опечатокъ. Примите его какъ знакъ особеннаго уваженія къ вашей доблести, коею не только какъ преданный вамъ, но какъ русскій не могу не гордиться. Куда бы хорошо сдѣлали, если бы въ свободные часы взяли на себя трудъ описать ваши наѣзды и поиски! Любопытно видѣть разницу партизанской войны въ вашей сторонѣ съ партизанскою европейскою войною: la dernière n'est qu'une plante exotique, sa véritable patrie est le Caucase [2]). Право, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, потрудитесь и подарите меня симъ начертаніемъ, я имъ воспользуюсь при третьемъ изданіи „Опыта“, который дополню и послѣднею войною Мины въ Испаніи и моею въ 1812 и 1813 годахъ. Уважающій васъ всею солдатскою душою Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій», вышедшій въ 1822 году вторымъ изданіемъ.

[2]) Переводъ: «Послѣдняя—экзотическое растеніе, настоящая его родина есть Кавказъ».

P. S. Сейчасъ получилъ о васъ извѣстіе отъ пріѣзжаго къ намъ П. Н. Ермолова [1])—онъ сказывалъ мнѣ, что головная рана ваша разболѣлась отъ вашего къ ней небреженія,—не я посмѣю удерживать васъ бросаться туда, гдѣ ихъ получаютъ, но получа рану, долгъ солдата излѣчиться отъ ней совершенно, ибо онъ полезнѣе здоровымъ, нежели больнымъ. Признаюсь вамъ, что это извѣстіе меня и огорчило, и осердило, по истинѣ осердило!

XI.

А. И. Якубовичу.

(1825 г.)

Милостивый государь Александръ Ивановичъ! Братъ мой Левъ доставилъ мнѣ подарокъ вашъ; будучи давно мирнымъ хлѣбопашцемъ, я привыкъ къ забвенію, но теперь чье вниманіе проникло въ мое уединеніе? Героя, который уже третій годъ питаетъ мою душу своими богатырскими и великодушными дѣяніями, несущими на себѣ отпечатокъ чего-то гомерическаго, вѣющими запахомъ временъ поэтическихъ, нынѣ столь плоскихъ и прозаическихъ. Признайтесь, что вы даете мнѣ лучшее оправданіе на упреки въ самолюбіи.

Дайте мнѣ руку, почтенный Александръ Ивановичъ, и будемъ друзьями; я давно жаждалъ сего и имѣю на то право не по службѣ моей, которая ничѣмъ особеннымъ не ознаменована, но по душѣ, умѣющей цѣнить подвиги ваши, пышущіе поэзіей, и безропотную трату молодой жизни и просвѣщеннаго ума въ пустынныхъ жилищахъ дикихъ народовъ. Я въ молодыхъ лѣтахъ испыталъ участь нѣсколько сходную съ вашей,

---

[1]) П. Н. Ермоловъ (род. 1787 г., ум. 1844 г.), генералъ-маіоръ. Въ 1823 году былъ откомандированъ на югъ для проведенія новой пограничной черты Россіи съ Персіей.

но менѣе счастливую; я нашелъ въ ссылкѣ не битвы, а разводы и манежи. Видите, что и участи наши сходствуютъ во многомъ между собой; да послужитъ сіе скрѣпомъ взаимныхъ чувствъ нашихъ и преградою пустымъ учтивостямъ при первой встрѣчѣ у огня бивуаковъ.

Но пора кончить. Я боюсь похитить минуту у вашихъ бранныхъ упражненій и отсрочить смерть какому-нибудь горному наѣзднику.

XII.

А. И. Якубовичу.

(1825 г.)

Я слышалъ, что любезнѣйшій мой другъ Александръ Ивановичъ хочетъ пріѣхать ко мнѣ съ Петромъ Николаевичемъ Ермоловымъ верхами на персидскихъ коняхъ, — пріѣзжайте, какъ хотите, хотя на животномъ, на коемъ и Іисусъ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ. Только пріѣзжайте. Болѣзнь маленькаго моего сына удержитъ меня долго еще въ подмосковной. Денисъ Давыдовъ.

XIII.

А. И. Якубовичу.

24-го августа (1825 г.)

Наконецъ на два письма мои я имѣю два отвѣта отъ тебя, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ. Слава Богу, что операція кончилась счастливо; конечно, терзаніе было ужасное, но я боялся болѣе нежели терзанія. Ты меня неизъяснимо обрадовалъ, и я, право, внѣ себя отъ радости!

Сейчасъ я отъ Ларіона Васильевича Васильчикова [1]), который по бивуачнымъ и боевымъ сношеніямъ любитъ меня какъ брата. Я его просилъ, чтобы онъ помогъ тебѣ, какъ бы онъ мнѣ помогъ, и взялъ съ него на сей счетъ слово, слѣдовательно непремѣнно явись къ нему, этого требуетъ отъ тебя моя дружба. Онъ завтра ѣдетъ въ Петербургъ. Если будетъ сила и время, пиши, братъ и другъ любезный. Адресуй письма на Поварской переулокъ въ домѣ Яновой, я еще эту квартиру не перемѣнилъ, а когда перемѣню, то увѣдомлю. Да увѣдомь, куда мнѣ адресовать письма къ тебѣ: гдѣ ты живешь? по сіе время не знаю. Итакъ, прости, дай Богъ, чтобы первое письмо твое было еще пріятнѣе послѣдняго.

Когда я Васильчикову говорилъ объ операціи твоей и потомъ, что ты хвалишь оператора, онъ немедленно назвалъ Арендта [2]). Сипягину [3]) буду говорить о Дибичѣ [4]), какъ скоро увижу, а пока о томъ пишу къ нему. Вѣрный другъ Денисъ Давыдовъ.

XIV.

Барону И. И. Дибичу.

(1823 г.) Тифлисъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я не просился въ Грузію, а назначенъ милостивымъ выборомъ государя императора.

---

[1]) Князь Л. В. Васильчиковъ, генералъ отъ кавалеріи (род. 1777 г., ум. 1847 г.), съ 1801 года генералъ-адъютантъ при императорѣ Александрѣ I.

[2]) Лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Арендтъ (род. 1786 г., ум. 1859 г.), извѣстный хирургъ.

[3]) Николай Мартьяновичъ Сипягинъ (род. 1785 г., ум. 1828 г.), генералъ-адъютантъ, тифлисскій военный губернаторъ.

[4]) И. И. Дибичъ-Забалканскій, откомандированный въ это время для военныхъ дѣйствій на Кавказъ.

Я прошлою осенью командовалъ не безъ успѣха значительнымъ отрядомъ и по окончаніи военныхъ дѣйствій занемогъ; преодолѣвъ недуги свои, я, усердствуя къ службѣ, возвратился въ Кавказскій корпусъ до перваго выстрѣла. Не взирая на то, я остаюсь безъ команды, а между тѣмъ блистательнѣйшія мѣста отданы прибывшимъ послѣ меня генераламъ, изъ коихъ одинъ командуетъ тамъ, гдѣ мнѣ прошлою осенью удалось одержать успѣхъ, другой же — моложе меня по службѣ. Солдатъ, я не ропщу на назначенія начальства, онѣ для меня священны. Я не могу допустить мысли, чтобы сіе произошло отъ намѣренія начальства удержать меня при главной квартирѣ, какъ вставку выбывающимъ, или поручить мнѣ лишь ничтожные отряды, какими я командовалъ въ чинѣ подполковника и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я полагаю, что это произошло единственно отъ того, что замѣщенные генералы пользуются довѣренностью начальства, котораго я лишенъ.

Видя себя излишнимъ въ корпусѣ, я предаю чувства мои возвышенной и благородной душѣ вашего высокопревосходительства и смѣю увѣрить васъ, милостивый государь, что въ настоящемъ затруднительномъ положеніи моемъ я приму дозволеніе возвратиться въ Россію не только за обиду, но за истинное благодѣяніе; я этого тѣмъ болѣе желаю, что, страдая пятнадцатый годъ жестокимъ ревматизмомъ въ лѣвой ногѣ, ежегодно усиливающимся, я могъ бы въ проѣздъ въ Пятигорскъ воспользоваться минеральными водами для пользованія себя. Получивъ облегченіе, я могъ бы быть полезнѣе для службы государя на другой войнѣ, чѣмъ теперь, разстроенный тѣлеснымъ недугомъ и глубокимъ огорченіемъ, которое ваше высокопревосходительство, какъ истинный солдатъ, болѣе другаго оцѣнить умѣете.

XV.

В. Ѳ. Адлербергу.

(1826 г.) Георгіевскъ.

Пріязнь ваша, ваши добрые совѣты, стараніе обо мнѣ и одолженія ваши, которыя я никогда не забуду, даютъ мнѣ нѣкоторую смѣлость и даже право на терзаніе васъ еще немного, любезнѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ [1]). Иванъ Ивановичъ, въ офиціальной бумагѣ своей, обѣщалъ мнѣ войти съ докладомъ къ государю императору о позволеніи мнѣ отбыть съ водъ въ Россію: тѣмъ болѣе мнѣ сіе необходимо, что мнѣ нельзя уже временить на счетъ моего состоянія, съ часу на часъ приходящаго въ упадокъ. Судя строго, мнѣ не надлежало бы вступать въ службу въ прошедшемъ году; но я не могъ побѣдить желанія моего служить государю Николаю Павловичу. Еще менѣе слѣдовало мнѣ ѣхать сюда, но, какъ я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ, выборъ его величества вскружилъ мнѣ голову.

Итакъ, любезнѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ, сдѣлайте одолженіе, не откажите мнѣ взять на себя трудъ не только напомнить одинъ разъ, но, если дѣло замедлится, то напоминать Ивану Ивановичу объ обѣщаніи его до тѣхъ поръ, пока онъ не пошлетъ сіе мнѣ необходимое разрѣшеніе. Я боюсь, что, погрузясь въ воды, меня тамъ забудутъ (ибо не одно дѣло Ивану Ивановичу обо мнѣ помнить) и чрезъ то сдѣлаютъ мнѣ чрезвычайную разстройку, которая можетъ принудить меня рѣшительно оставить службу. Тутъ конецъ просьбы. Теперь другое дѣло. Я увѣренъ, что имѣю въ васъ точнаго

---

[1]) Письмо это, обращенное къ В. Ѳ. Адлербергу, въ то время полковнику и флигель-адъютанту императора Николая I, написано было вскорѣ послѣ отставки А. П. Ермолова, вызванной дѣйствіями князя И. Ѳ. Паскевича. Вмѣстѣ съ Ермоловымъ были удалены и всѣ его родственники и приближенные. Послѣднее обстоятельство и заставило Давыдова написать письмо къ Адлербергу съ просьбою похлопотать объ ускореніи отставки, которую онъ могъ получить чрезъ тогдашняго начальника главнаго штаба И. И. Дибича.

истолкователя причинъ, побудившихъ меня избѣгать затруднительнаго соотношенія съ начальствомъ по родству моему съ Алексѣемъ Петровичемъ; я вамъ сказывалъ о томъ неудовольствіи, которое уже я понесъ по сему прежде еще смѣны Алексѣя Петровича и во время отсутствія его въ горы. Вы также видѣли, что я готовъ былъ все забыть и все простить, если бы только дали мнѣ хотя какую либо команду. Право, я служилъ бы лихо, не смотря что начальникъ другой, ибо царь и честь моя все тѣ же; да и къ чему бы я въ другой разъ прискакалъ сюда, какъ не для того, чтобы драться, драться и драться. Мнѣ никакой команды не давали, и я молчалъ, полагая, что занимаясь приготовленіемъ къ походу, начальству было не до моей особы. Вдругъ даютъ самую блистательнѣйшую команду младшему мнѣ по службѣ [2])! Я изъявляю на то мое удивленіе, и мнѣ отвѣчаютъ, что команда потому дана ему, что уже онъ тамъ на мѣстѣ, какъ будто бы я не могъ быть на томъ же мѣстѣ въ три дня? Наконецъ отвѣтъ заключается тѣмъ, что нѣтъ команды, которая мнѣ могла бы быть теперь ввѣрена.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Влачить двадцати-шести-лѣтнюю боевую мою службу за главною квартирою вмѣстѣ съ маркитантами и, удостоенный выборомъ на дѣятельную службу самимъ государемъ, столь мало чувствовать цѣну этой милости, что, облеченный ею, унижать себя прошеніемъ мѣста у какого-нибудь раздавателя мѣстъ, возникающаго всегда и вездѣ во всѣхъ главныхъ квартирахъ всего свѣта? Могъ ли я на это рѣшиться! Скажутъ, что это лишняя гордость, но безъ гордости какой бы я былъ солдатъ! Не отъ нея ли я, смѣю сказать, болѣе въ мой вѣкъ сдѣлалъ, нежели награжденъ. И ни мало не былъ я оскорбленъ тѣмъ и всегда готовъ служить безъ надежды на награды, только, чтобы давали мнѣ команды и непріятеля. Свѣжій примѣръ сему порукою: за Миргское мое дѣло, которое, да простятъ мнѣ сію дерзость, важнѣе и какъ бой, и послѣдствіями своими послѣдней стычки

[2]) То-есть, Панкратьеву. О немъ см. ниже въ письмѣ № XVIII.

авангарда нашего (ибо прежде Миргскаго дѣла персіане дѣлали набѣги къ Акзиблуку и къ Башкечешу въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса, а послѣ изгнанія ихъ мною за границу ни одинъ персидскій всадникъ не переступилъ за черту оной до сего времени) я только просилъ награды подчиненнымъ моимъ, а себѣ ничего, кромѣ одной милости — начать первымъ сію кампанію, что̀ мнѣ и обѣщали, что̀ могли бы и выполнить, препоруча мнѣ передовыя войска авангарда, командуемаго генераломъ старѣе меня въ чинѣ; но сего не сдѣлали по той причинѣ, что я, будучи болѣе извѣстенъ его въ арміи, въ Россіи и далѣе, всѣ успѣхи отнеслись бы ко мнѣ, а всѣ неудачи къ нему. Я это чувствую, ясно знаю, но я молчалъ, молчу и молчать буду, а говорю вамъ одному о томъ, ибо съ вами я могу и хочу быть откровененъ. Теперь скажутъ, ежели бы я рѣшился слѣдовать за главной квартирой и очищать тамъ мѣсто себѣ, успѣлъ ли бы я въ томъ? Нѣтъ! Не ясно ли было, что, препоруча отрядъ Карабагскій генералу младшему мнѣ по службѣ и въ то же время объявя мнѣ, что нѣтъ мнѣ теперь команды, не ясно ли было, что начальство рѣшительно хотѣло сей жестокою намекою отъ меня отдѣлаться и отворить дверь къ выходу, ибо, вѣроятно ли, чтобы я лишенъ былъ сего блистательнѣйшаго мѣста, потому что оно находило меня глупѣе, менѣе храбрымъ и менѣе опытнымъ избраннаго имъ на сіе мѣсто, и что всѣ здѣшнія превосходительства меня превосходнѣе? Итакъ, эта намека приготовляла меня къ другимъ сильнѣйшимъ: если бы я заупрямился не понять первую и остался здѣсь, что̀ бы изъ того вышло? Я могу ошибаться, ибо всякій человѣкъ видитъ все съ собственной точки зрѣнія, но мнѣ кажется, что я бы чрезъ то осрамилъ себя въ собственной совѣсти, въ глазахъ другихъ и въ высочайшемъ мнѣніи, столь для меня драгоцѣнномъ, и все это безъ малѣйшей пользы для общаго дѣла.

Видя себя въ такомъ необыкновенномъ для меня положеніи, долго боролась страсть моя къ боевой службѣ и желаніе заслужить высочайшій выборъ, столь высоко поднявшій

мое самолюбіе съ обстоятельствами, меня тѣснившими; наконецъ, я рѣшился воспользоваться случаемъ, представляющимся мнѣ для пользованія ноги моей, отъ боли которой я, безъ сомнѣнія, если не чрезъ годъ, то вѣрно черезъ два принужденъ былъ бы оставить службу: ибо уже одинъ разъ я отъ того выходилъ въ отставку, а прошлую осень едва могъ держаться на конѣ. Я счелъ, что безполезный теперь, я могу быть полезнѣе послѣ и, излѣчась отъ болѣзни и исправя дѣла мои, могу быть снова годенъ государю императору на другую войну, въ другое время, при другихъ для меня обстоятельствахъ. Только чтобы его величество промолвилъ слово, и я готовъ буду куда и на что ему угодно, алча одного его вниманія и боясь одного его неблаговоленія.

Простите мнѣ, любезнѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ, мою докучливость, но вы вашимъ кратковременнымъ здѣсь пребываніемъ снискали общее уваженіе, а я, къ оному прибавляя пріязнь и благодарность, не могу васъ отпустить отсюда, не объясня всего того, что у меня на сердцѣ.

XVI.

А. А. Закревскому.

31-го августа (1827 г.) С. Мышецкое.

31-го августа (1827 г.). С. Мышецкое а пиши въ Москву, въ Знаменскій переулокъ, въ собственный домъ.

Я тебѣ писалъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, немедленно по пріѣздѣ моемъ изъ Грузіи, но писалъ по почтѣ и потому не знаю, дошло ли письмо мое до тебя. Молчаніе твое необыкновенное заставляетъ думать меня, что письмо мое не дошло до тебя и потому, пользуясь пролетомъ Мадатова, я посылаю тебѣ другую эпистолу.

Я теперь живу въ деревнѣ, чуждый и дѣлъ и слуховъ этого міра. Здоровье мое, потрясенное не на шутку мерзостью господина Паскевича, начинаетъ поправляться. Покой, уединеніе и семейственное счастіе совершенно оживляютъ и духъ, и тѣло мое.

Я былъ у брата Алексѣя [1]); онъ не грустенъ, но сердитъ и какъ будто выбитый съ винта, на коемъ онъ вертѣлся тридцать-восемь лѣтъ славной службы! Кажется, однако, что начинаетъ кой-какъ привыкать къ безмятежной жизни, началъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ записокъ своихъ, ибо не изъ числа тѣхъ безграмотныхъ, которымъ и партикулярныя письма сочиняетъ Грибоѣдовъ [2]). Тамъ же строитъ онъ маленькую хижину для себя и своей библіотеки. Какъ мы часто о тебѣ говорили и, конечно, нигдѣ о тебѣ дружественнѣе не вспоминали, какъ въ Тифлисѣ и въ Лукьянчиковѣ [3])!

Я не говорю о Ермоловѣ—сильные враги его все сдѣлали; но скажи, какова моя участь со всею страстью моею къ боевой службѣ (съ тобою могу говорить такъ): съ умомъ, съ храбростью, съ опытностью, не съ тою, что̀ только была, но съ тою, что̀ была, дѣлала и замѣчала, съ ревностью, которая, ты свидѣтель, заставила меня бросить и беременную жену, родившую послѣ во время моего отсутствія, и дѣтей, и радости домашнія, и разстроенное имѣніе, чтобы летѣть въ Грузію, тогда представленную намъ какъ котелъ кипящій. Пріѣхавъ туда, я сдѣлалъ то, что̀ препоручено мнѣ было сдѣлать, подобно господину Паскевичу, побилъ и выгналъ непріятеля изъ Грузіи, но болѣе его вошелъ въ границы Персіи. Онъ, правда, взялъ 1100 человѣкъ плѣнныхъ, но какъ и по чьей милости, спроси о томъ Мадатова, а въ дѣлѣ его и не видали. У васъ, можетъ-быть, онъ еще героемъ слыветъ, и Елизаветпольское дѣло неизвѣстно, а въ Грузіи оно чисто и ясно: Вельяминовъ [4]) и Мадатовъ [5]) все сдѣлали. Паскевичъ только имя свое приложилъ къ дѣлу.

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

[2]) Намекъ на князя И. Ѳ. Паскевича, которому, по словамъ Д. В. Давыдова, А. С. Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныя письма (Соч. Давыдова т. II, стр. 323.)

[3]) Родовая деревня А. П. Ермолова въ Орловской губерніи.

[4]) О немъ см. Соч. Давыдова т. I, стр. 163.

[5]) Князь Валерьянъ Григорьевичъ Мадатовъ (род. 1782 г., ум. 1829 г.), генералъ-лейтенантъ, извѣстенъ своими подвигами на Кавказѣ, которые, благодаря недоброжелательству къ нему главнокомандующаго И. Ѳ. Паскевича, часто были представляемы въ ложномъ свѣтѣ.

Но я занесся о Елизаветпольскомъ дѣлѣ и забылъ о себѣ. Итакъ, я сдѣлалъ то, что́ мнѣ велѣно было сдѣлать, а можетъ и болѣе, ибо входъ въ границы Персіи мнѣ именно воспрещенъ былъ, я ослушался; но, кажется, не для безславія нашему оружію. За все за это, мнѣ, послѣ графа Дибича обѣщаній, что я первый открою огонь противъ персіанъ, мнѣ не даютъ команды и самую блистательнѣйшую даютъ Панкратьеву, человѣку не знающему войны, давно уже просившемуся въ оберъ-полицеймейстеры и тремя годами моложе меня въ чинѣ генералъ-маіорскомъ. Наконецъ, не смотря, что не я просился въ Грузію, а что я присланъ туда по выбору государя и гораздо прежде господина Паскевича, тѣснятъ меня и заставляютъ выбыть изъ корпуса. Ты знаешь всю мою службу отъ самой Финляндской кампаніи; ты помнишь, какъ я служилъ и какъ я люблю служить; признайся, что я несчастливъ! Я, который оставляю въ покоѣ и кресты, и ленты, и чины, словомъ ничего не желаю кромѣ команды и непріятеля, меня не только первыхъ, но и послѣднихъ лишаютъ...

XVII.

Н. И. Похвисневу.

(1827 г.)

Ты вѣчно въ разъѣздахъ и я также, любезный братъ. Я недавно возвратился изъ Симбирска и еще не могу отдохнуть отъ проклятыхъ дорогъ, изрытыхъ губернаторами. Правда ли, что ты отъ насъ отбываешь? Сохрани Богъ, если далеко отъ Москвы; а если въ Москвѣ, то дай Богъ только, чтобы мѣсто было выгоднѣе. Увѣдомь, братъ любезный. Да ты, который такъ часто рыскаешь по большимъ дорогамъ, не можешь ли выполнить уже тригоднее обѣщаніе? Пріѣзжай въ мое Мышецкое. Теперь осень; мы съ тобой погуляемъ за

зайцами и даже за медвѣдями, коихъ около меня болѣе, нежели зайцевъ. Пожалуйста, братъ любезный, хвати когда-нибудь: вѣдь только три часа ѣзды. Очень одолжишь брата и друга Дениса.

XVIII.

Князю П. Д. Горчакову [1]).

(1829—1830 г.)

Я получилъ письмо отъ Баратынскаго, который проситъ меня, чтобы я ему подробно описалъ С. А. [2]), но я ему отвѣчалъ, что не могу. Чудеса природы и художествъ анализировать нельзя; хотя части цѣлаго восхитительны, но главная прелесть изящнаго состоитъ въ общей гармоніи совершенствъ, а не въ ихъ частности. Описать подробно Душеньку—все равно, что анализировать Аполлона Бельведерскаго, Венеру Медицiйскую, ораторію Гайдена, Мадонну Рафаэля... Пусть пріѣдетъ въ Симбирскъ, и если не имѣетъ сердца, то дивится, а если оно еще трепещетъ въ груди его, то полюбитъ на вѣкъ.

Я съ сердечной тоской готовъ на вѣкъ законопатить свою саблю въ ножны. Хотя я служилъ честно и, можно сказать, довольно долго и нѣсколько блистательно, но служба моя никакъ не можетъ колоть глазъ тѣмъ, кои состояли при дворѣ, въ гвардіи, въ главныхъ квартирахъ. Относительно моего усердія сорока-пяти-лѣтняя жизнь моя можетъ достаточно свидѣтельствовать о исполненіи моихъ обязанностей; что же касается моихъ способностей, то я нисколько не ослѣпленъ на

---

[1]) Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (род. 1768 г., ум. 1868 г.) въ 20-хъ годахъ состоялъ помощникомъ начальника штаба Кавказскаго корпуса, а потомъ управляющимъ Имеретіей.

[2]) По всей вѣроятности, С. А. Кушкина, которой Давыдовъ посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній.

свой счетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я буду дрянью, а въ другихъ — не уступлю нѣкоторымъ.

Что касается тѣхъ, кои меня винятъ за то, что я оставилъ Грузію въ началѣ кампаніи, то это — несправедливое нареканіе. Всѣ, понимающіе военное дѣло, должны раздѣлить войну съ персіанами на двѣ кампаніи: оборонительную и наступательную, ибо послѣдняя была лишь результатомъ первой. Нельзя было итти на Тавризъ, не выгнавъ предварительно персіанъ изъ Грузіи. Первая кампанія заключала въ себѣ: сраженіе подъ Шамхоромъ — Мадатова, сраженіе подъ Елисаветполемъ—Паскевича, а дѣло мое подъ Мирагомъ. Вторая кампанія состоитъ изъ завоеванія Эриванской и Адербиджанской областей. Я уѣхалъ послѣ первой кампаніи, потому что, бывъ присланъ на дѣйствительную службу самимъ государемъ, я получилъ приказаніе сопровождать безъ службы главную квартиру вмѣстѣ съ маркитантами. Родство мое съ Алексѣемъ Петровичемъ, сошедшимъ съ служебнаго поприща послѣ тридцати-восьми-лѣтней, славной, вполнѣ безкорыстной и полезной дѣятельности, поставило меня въ затруднительное соотношеніе съ лицами, хотя не лишенными нѣкоторыхъ блистательныхъ военныхъ качествъ, но презрѣнными по душевнымъ свойствамъ, ничтожными по своему невѣжеству и невыносимыми по безсмысленному высокомѣрію. Я, впрочемъ, перенесъ бы стоически непріятности, если бы получилъ какую либо команду. Въ то время, какъ мнѣ было суждено влачить двадцати-шести-лѣтнюю службу за главной квартирой, генералъ, тремя годами младшій меня въ чинѣ и давно уже просившійся [1]) въ оберъ-полицеймейстеры, получилъ блистатель-

[1]) Генералъ Николай Петровичъ Панкратьевъ, нѣкогда флигель-адъютантъ императора Александра; этотъ генералъ, не глупый отъ природы, но развратный, имѣвшій нѣкоторыя свѣдѣнія, но никогда не бывшій военнымъ человѣкомъ, предавался въ началѣ своего поприща страсти къ вину, отъ которой, впрочемъ, совершенно отсталъ впослѣдствіи. Отецъ его, умершій въ званіи Кіевскаго губернатора, былъ человѣкъ очень умный, весьма безкорыстный, но тоже склонный къ вину. Такъ какъ у него ничего не осталось послѣ смерти, то кіевляне похоронили его на свой счетъ.

ную команду, состоящую изъ 6000 человѣкъ. Я, быть можетъ, побѣдилъ бы въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія, еслибъ самъ просился въ Кавказскій корпусъ, но я почитаю, что тотъ, кто понимаетъ всю цѣну выбора своего государя, унижаетъ его самымъ преступнымъ образомъ сотовариществомъ съ тунеядцами; это дѣло было уже не мое, но моего государя, и потому я рѣшился выбыть изъ корпуса.

Если меня обвиняютъ въ преданности Алексѣю Петровичу, который, въ теченіе всей своей службы, успѣлъ внушить къ себѣ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ неимовѣрную любовь и уваженіе, то многіе и въ особенности тѣ, которые поклоняются лишь восходящему свѣтилу, не поймутъ того; въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ понимать постоянство въ дружбѣ, самоотверженіе и всякій возвышенный порывъ благородной души? Ихъ правила заключаются лишь въ томъ, чтобы привѣтствовать того, кому улыбается фортуна, и разрывать связь съ тѣмъ, къ кому она обращается тыломъ и которые потому для нихъ безполезны.

XIX.

А. Ѳ. Воейкову [1]).

4-го октября 1829 г. С. Маза.

Любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ! Въ Дневникѣ отечественныхъ воспоминаній „Русскаго Инвалида“ № 228 сказано, что партизанское дѣйствіе русскихъ войскъ въ 1812 году „началось 9-го сентября“. Это невѣрно; вотъ истина:

Я имѣлъ честь предложить партизанскую войну покойному свѣтлѣйшему князю Кутузову еще 22-го августа при Колоцкомъ монастырѣ. Нѣсколько дней послѣ предложенія моего, я былъ отправленъ имъ изъ Бородина въ тылъ французской арміи со ста-тридцатью казаками и гусарами и произ-

[1]) А. Ѳ. Воейковъ (род. 1779 г., ум. 1839 г.), авторъ извѣстной сатиры «Домъ сумасшедшихъ», съ 1822 г. по 1839 г. издавалъ «Русскій Инвалидъ».

велъ первый набѣгъ мой въ селѣ Токаревѣ 1-го, а второй набѣгъ въ селѣ Царевѣ-Займищѣ 2-го сентября, въ день вступленія непріятельской арміи въ Москву.

Въ то время истинное партизанское дѣйствіе, то-есть, дѣйствіе легкихъ отрядовъ на пути сообщенія и на тылъ непріятеля такъ мало было извѣстно, успѣхъ онаго такъ казался сомнителенъ, и войска, долженствовавшія дѣйствовать въ тылу и посреди непріятеля въ такую, казалось, вдавались опасность, что князь Кутузовъ, соглашаясь на предложеніе мое, чрезъ князя П. И. Багратіона представленное, сказалъ ему: „На таковую, почти вѣрную гибель я не дамъ много людей. Назначь ему на пробу пятьдесятъ гусаръ и около сотни казаковъ, — но пусть онъ, Давыдовъ, самъ за это возьмется". Я этого-то и желалъ, хотя между тѣмъ и увѣренъ былъ въ недостаткѣ ввѣряемой мнѣ силы, какъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ, такъ и для избѣжанія собственной гибели, отъ коей одно Провидѣніе спасло меня.

Удостовѣрясь въ пользѣ партизанскаго дѣйствія послѣ нѣсколько удачныхъ поисковъ моихъ и склонясь на просьбу мою объ умноженіи числа партій на непріятельскихъ сообщеніяхъ, свѣтлѣйшій 9-го сентября отрядилъ генерала Дорохова изъ Красной-Пахры на село Шарапово къ Перхушкову. Какъ помнится, около 20-го сентября отправилъ онъ на разныя точки затыльныхъ путей непріятеля партизановъ Сеславина, Фигнера и князя Кудашева [1]), объ успѣхахъ и отличномъ служеніи коихъ извѣстно Россіи и Европѣ; и спустя пять, или шесть дней послѣ того, усилилъ партію мою прибывшимъ съ Дона полкомъ Попова 13-го.

Итакъ, любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, не 9-го, а 1-го сентября 1812 года началась партизанская война, въ подкрѣпленіе чему служитъ донесеніе князя Кутузова государю императору отъ 11-го сентября изъ села Красной-Пахры, въ коемъ сказано: „Для дѣйствія на тылъ непрія-

[1]) Князь Николай Даниловичъ Кудашевъ, извѣстный партизанъ въ Отечественную войну, зять свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова, умеръ генераломъ-маіоромъ въ 1813 году.

тельскій я, подъ командою генералъ-маіора Дорохова, послалъ (9-го сентября) сильный отрядъ, отъ котораго имѣю сегодня рапортъ, что онъ успѣлъ уже взять шесть офицеровъ и двѣсти рядовыхъ. Между тѣмъ, Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ съ 150 человѣкъ легкой кавалеріи уже давно живетъ посреди непріятеля между Гжатска и Можайска и удачно дѣйствуетъ для преграждёнія непріятельскихъ коммуникацій".

Не примите съ дурной стороны возраженіе мое. Ошибка, вкравшаяся въ „Русскій Инвалидъ", весьма естественна: хотя много уже издано описаній войны 1812 года, но не все еще о ней высказано. Въ изданныхъ уже описаніяхъ особенно скудна, весьма неудовлетворительна относительно пользы, ею принесенной, и весьма ошибочна относительно мѣстъ и времени партизанская часть—часть, едва ли не игравшая первую роль во второй эпохѣ сей войны, то-есть, отъ вступленія непріятеля въ Москву до обратнаго перехода чрезъ Нѣманъ. Нельзя быть иначе. Дневникъ поисковъ моихъ у меня еще подъ спудомъ; быть можетъ, что въ такомъ положеніи и дневникъ поисковъ почтеннаго моего друга Александра Никитича Сеславина, а Фигнеръ и князь Кудашевъ, падшіе на полѣ чести, ничего о партизанской службѣ своей не оставили, или то, что и оставили о ней, то, конечно, погибло вмѣстѣ съ ними въ сумятицѣ тревогъ военныхъ. Какъ же было вамъ не ошибиться. Но какъ же и мнѣ умолчать, увидя несправедливое показаніе начатія партизанской войны 1812 года— войны, которой, смѣю сказать, я былъ создателемъ и потому столь для меня неравнодушной. Сверхъ того, опредѣленіемъ начатія оной 9-го сентября уничтожается, хотя малый, но самый отважнѣйшій участокъ боевой моей жизни: ибо отъ 1-го до 10-го сентября я съ ста-тридцатью всадниками находился посреди въ нѣсколько тысячъ разъ сильнѣйшаго меня непріятеля и, не взирая на то, ежедневно нападалъ на него, истреблялъ его конвои и отряды и перенесъ труды и опасности ни прежде, ни послѣ мною не встрѣчаемыя. Старый пріятель вашъ, и проч.

XX.

М. Н. Загоскину.

6-го марта (1830 г.) С. Маза.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Я вамъ обѣщалъ доставить свѣдѣніе о Фигнерѣ; спѣшу исполнить мое слово.

Наружность Фигнера ничего не представляла замѣчательнаго. Онъ былъ средняго роста, пріятной физіономіи, бѣлокуръ, круглолицъ, съ сѣрыми глазами, съ маленькимъ круглымъ носомъ; ни худъ, ни толстъ, но оказывалъ склонность къ послѣднему. Когда входилъ въ чувства (а чувства его состояли единственно въ честолюбіи и самолюбіи), тогда въ немъ открывалось что-то сатаническое, такъ какъ и въ средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія опредѣленной имъ цѣли, ибо сіе сатаническое столько же оказывалось въ его подлой унизительности предъ людьми ему нужными, сколько въ надменности его противъ тѣхъ, отъ коихъ онъ ничего не ожидалъ, и въ варварствахъ его, когда, ставя рядомъ до ста человѣкъ плѣнныхъ, онъ, своей рукой, убивалъ ихъ изъ пистолета, одного послѣ другого. Сему я не былъ свидѣтелемъ, но знаю отъ людей, ему донынѣ приверженныхъ и разсказывающихъ о семъ, какъ о дѣлѣ знаменитомъ, принадлежащемъ глубокой политикѣ, потому что имѣло основаніемъ привязать къ себѣ чернь, всегда алчущую подобнаго рода зрѣлища. Они также разсказывали мнѣ о неоднократномъ истребленіи его партіею, вслѣдствіе повелѣнія его, по триста и по четыреста человѣкъ плѣнныхъ. Бывъ самъ партизаномъ, я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ не позволяющихъ забирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно, и послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось — что̀ дѣлалъ Фигнеръ. Лицемѣрство его доходило до того, что, будучи безбожникомъ во всемъ смыслѣ слова, онъ, по занятіи

Москвы, другой книги не имѣлъ и не читалъ кромѣ библіи. Что же касается до коварства его, то вотъ два случая: былъ взятъ въ плѣнъ одинъ французскій офицеръ; Фигнеръ съ нимъ обошелся ласково, потомъ вошелъ съ нимъ въ дружескую связь и когда чрезъ нѣсколько дней все изъ него вывѣдалъ, тогда подошлъ къ нему сзади, когда сей несчастный обѣдалъ съ офицерами отряда, и убилъ его своею рукою изъ духового ружья своего. Съ другимъ плѣннымъ офицеромъ онъ также вошелъ въ дружескую связь и, вывѣдавъ у него все, что нужно ему было, призвалъ, въ отрядѣ его находившагося, Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Шувалова и спросилъ его: „Знаете ли, что ваша обязанность исполнять волю начальника?“ Знаю, отвѣчалъ тотъ. „Такъ подите сейчасъ и задавите веревкою соннаго французскаго офицера или застрѣлите его“. Шуваловъ отвѣчалъ какъ благородный офицеръ, и Фигнеръ нарядилъ на этотъ подвигъ Ахтырскаго гусарскаго полка унтеръ-офицера Шіанова, извѣстнаго храбреца, но человѣка тупого ума, непросвѣщеннаго и увѣреннаго, что истребленіе французовъ, какимъ бы то способомъ ни было, доставляетъ убійцѣ царство небесное. Онъ исполнилъ приказаніе.

Ко всѣмъ симъ отвратительнымъ порокамъ Фигнеръ соединялъ быстрый, тонкій, проницательный и лукавый умъ. Былъ мало свѣдущъ въ наукахъ, даже относительныхъ къ военному дѣлу, хотя служилъ въ артиллеріи. Но за то обладалъ духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ и, что̀ всего важнѣе для военнаго человѣка, отважностью и предпріимчивостью безпредѣльными, средствами всегда готовыми, глазомъ точнымъ, сметливостью сверхъестественною; личная храбрость его была замѣчательна, но не равнялась съ сими качествами, могу сказать, съ сими добродѣтелями военными; въ нихъ онъ былъ единственъ! За то безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное—превышали всѣ сіи качества военнаго человѣка.

Въ зимнюю кампанію 1812 года я встрѣтился съ нимъ и съ Сеславинымъ (котораго я несравненно выше ставлю Фи-

гнера и какъ воина, и какъ человѣка, ибо къ военнымъ качествамъ Фигнера онъ соединялъ строжайшую нравственность и изящное благородство чувствъ и мыслей. Въ личной же храбрости не подлежитъ уже никакому сомнѣнію: онъ—Ахиллъ, тотъ—Улиссъ). Это было наканунѣ Ляховскаго дѣла, въ коемъ мы соединенно взяли въ плѣнъ 2000 пѣхоты, 60 офицеровъ и генерала Ожеро̀. Фигнеръ тогда носилъ артиллерійскій шпенцеръ на мѣху, картузъ мѣховой, и ничѣмъ наружно не отличался. Но въ 1813 году, во время дѣйствій въ Саксоніи и перемирія, онъ носилъ нанковый—дикаго цвѣта или сѣраго цвѣта чекмень, картузъ кожаный, и всегда почти имѣлъ въ рукахъ духовое ружье, о которомъ я говорилъ выше. Въ обѣихъ эпохахъ всегда онъ ѣздилъ на лошади омундштученной и осѣдланной французскою сбруею, чрезъ что легко ему было только что накинуть на себя французскій плащъ и надѣть французскую шляпу, чтобы проѣзжать между французскими войсками и все видѣть своими глазами. Ему для сего способствовало твердое знаніе и хорошій выговоръ италіанскаго языка, которому онъ выучился въ Неаполѣ, бывъ еще юношею, съ нашими войсками, возвращавшимися изъ Корфу чрезъ Неаполь. На французскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ онъ говорилъ, но не весьма чисто; русскій же зналъ совершенно и говорилъ на немъ весьма краснорѣчиво, съ нѣкоторою, однако, напряженною витіеватостью.

Во время перемирія иногда являлся онъ, особенно въ главной квартирѣ, въ гвардейскомъ артиллерійскомъ мундирѣ, а иногда въ мундирѣ сформированныхъ имъ двухъ баталіоновъ изъ плѣнныхъ испанцевъ и италіанцевъ, кои онъ наименовалъ „мстительными легіонами", и почему на эполетахъ ихъ были литеры М. Л. Онъ мнѣ говаривалъ, во время перемирія, что намѣреніе его, когда можно будетъ отъ успѣховъ союзныхъ армій пробраться чрезъ Швейцарію въ Италію — явиться туда со своимъ италіанскимъ легіономъ, взбунтовать Италію и объявить себя вицекоролемъ Италіи на мѣсто Евгенія; я увѣренъ, что точно эта мысль бродила въ его головѣ, такъ, какъ подобная—бродила въ головахъ Фердинанда

Кортеса, Пизарра и Ермака; но однимъ удалось, а другимъ воспрепятствовала смерть и, можетъ-быть, воспрепятствовали бы и другія обстоятельства,—вотъ разница. Всетаки я той мысли, что Фигнеръ вылитъ былъ въ одной формѣ съ сими знаменитыми искателями приключеній: та же безчувственность къ горю ближняго, та же безсовѣстность, лицемѣріе, коварство, отважность, предпріимчивость, увѣренность въ звѣздѣ своего счастія!

Вотъ все, что я вамъ могу сказать о Фигнерѣ, любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ. Желаю, чтобъ это вамъ послужило для вашего новаго романа; я не менѣе желаю, чтобъ онъ принесъ намъ столько же удовольствія, какъ „Юрій Милославскій", который я во второй разъ уже читаю.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и въ таковой же преданности, милостивый государь, вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXI.

М. Н. Загоскину.

10-го іюня (1830 г.) С. Маза.

Нѣкоторыя поѣздки и хозяйственныя хлопоты не позволили мнѣ немедленно отвѣчать на пріятнѣйшее письмо ваше. Спѣшу воспользоваться первою свободною минутою.

Право, я не стою той благодарности, которою вамъ угодно было почтить меня. Давъ слово, могъ ли я не сдержать его? къ тому же знавъ, для чего вы хотѣли имѣть описаніе Фигнера, я старался васъ удовлетворить, можетъ-быть, болѣе по эгоизму, нежели по правиламъ моимъ исполнять то, что я единожды обѣщаю: удовольствіе, которымъ я наслаждался при чтеніи „Юрія Милославскаго", даетъ мнѣ надежду на подобное же удовольствіе при чтеніи и того романа, который на станкѣ у васъ и для котораго я спѣшилъ прислать вамъ легкій

очеркъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ [1]). Вотъ вся причина моего скораго исполненія вашего препорученія; послѣ сего судите, столько ли я достоинъ вашей благодарности, какъ вы полагаете.

На счетъ мнѣнія вашего, что я, не зная васъ коротко, имѣлъ причину полагать васъ не въ числѣ литературныхъ доброжелателей моихъ, скажу вамъ искренно, что вы совершенно въ этомъ ошиблись. Клянусь вамъ честью, что я этого никогда не думалъ ни о васъ, ни о комъ либо; ибо я такъ мало цѣню мои произведенія, такъ твердо знаю, что

Я не поэтъ—я партизанъ, гусаръ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ—

что не могъ и не могу подумать, чтобы люди, занимающіеся словесностью, имѣли время на хвалу или порицаніе произведеній человѣка совершенно чуждаго не только словесности, но почти и грамматики—въ чемъ, я полагаю, вы удостовѣритесь и по письму сему.

Что же касается до меня, то могу васъ увѣрить въ особенномъ уваженіи моемъ къ вашему таланту—особенно послѣ „Юрія Милославскаго“, который, неизъяснимо, въ такой степени меня восхищалъ и восхищаетъ. Если нужда вамъ и впередъ будетъ узнать что либо о происшествіяхъ или о какомъ либо изъ значущихъ лицъ войнъ Наполеоновыхъ, то покорнѣйше прошу безъ всякихъ церемоній прямо адресоваться ко мнѣ, я за особое удовольствіе почту вамъ доставить всякаго рода о нихъ свѣдѣнія. Служа долго, я много видѣлъ и много замѣчалъ, слѣдственно, я живой лексиконъ какъ людей, такъ и происшествій отъ Аустерлица до послѣдней Персидской войны. Д. Давыдовъ.

---

[1]) Новый романъ М. Н. Загоскина, для котораго Давыдовъ доставилъ матеріалъ, былъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», вышедшій въ 1831 году.

XXII.

Доктору Маркусу.

21-го октября 1830 г. Черная Грязь.

Я самъ вызвался на труды и дѣло и уже съ 14-го сего мѣсяца вступилъ въ должность надзирателя 20-го участка [1]. Я тружусь и стараюсь, если не болѣе, то, конечно, не менѣе другихъ надзирателей, ибо мой участокъ, будучи разсѣкаемъ Петербургскою дорогою, болѣе другихъ подверженъ опасности. Обо всѣхъ надзирателяхъ участковъ упомянуто въ афишкахъ вами, милостивый государь, подписуемыхъ, а обо мнѣ ни слова не сказано. Я другой награды не ищу и не хочу, кромѣ одобренія собственной совѣсти, но желаю, чтобы отечественники мои знали, что такъ, какъ въ 1812, такъ въ 1830 году и во всякомъ общемъ бѣдствіи я тутъ и не изъ послѣднихъ являюсь на службу царю и отечеству. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

XXIII.

Графу А. И. Чернышеву [2].

1-го января 1831 г.

Не взирая на чрезмѣрное разстояніе между вашимъ сіятельствомъ и мною, разстояніе столь блистательными заслугами государю и отечеству вами, милостивый государь, пріобрѣтенное, вы не преставали никогда оказывать мнѣ особой благосклонности. Теперь вамъ, какъ начальнику моему, предстоитъ

---

[1] Письмо написано во время холеры въ Москвѣ.

[2] Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (род. 1786 г., ум. 1857 г.), впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, состоялъ въ 1831 г. начальникомъ главнаго штаба его величества. Результатомъ письма было призваніе Давыдова въ армію, гдѣ онъ получилъ въ командованіе летучій отрядъ.

случай прибавить къ оной благосклонности и благодѣяніе. Въ Польшѣ возникли безпокойства; полагать должно, что загремитъ скоро тамъ оружіе; если этому быть должно, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ государя императора желаніе мое служить въ дѣйствующей арміи. Воля его священная употребить меня какъ, куда и чѣмъ его величеству угодно будетъ,—только за долгъ поставляю не скрыть отъ вашего сіятельства, что, хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованнымъ духомъ предпріятій.

Впрочемъ, смѣю повторить, ваше сіятельство, да будетъ священная воля монарха, а я съ своей стороны ручаюсь честью русскаго солдата, что во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не осрамлю высокую довѣренность его и благодѣтельное ходатайство вашего сіятельства.

XXIV.

Графу К. Ө. Толю [1]).

18-го мая 1831 г. Варшава.

Ваше сіятельство, моя единственная подпора и надежда! Какъ въ великомъ 1812 году, такъ и въ текущемъ, вы постоянно мнѣ благодѣтельствовали и благодѣтельствуете, и потому я смѣю утруждать ваше сіятельство моимъ собственнымъ дѣломъ, сопряженнымъ однако и съ пользою общею.

Въ половинѣ марта я, по особенной благосклонности вашего сіятельства, получилъ блистательнѣйшій отрядъ. Я дѣй-

[1]) Графъ К. Ө. Толь (род. 1777 г., ум. 1842 г.), состоялъ въ 1831 г. начальникомъ главнаго штаба арміи. Результатомъ письма былъ переводъ Д. В. Давыдова въ корпусъ генерала Өедора Васильевича Ридигера (род. 1783 г., ум. 1856 г.) Объ отношеніяхъ послѣдняго къ Давыдову см. т. II, стр. 319—324.

ствовалъ онымъ, какъ умѣлъ, и слышалъ, что заслужилъ одобреніе ваше, что для меня выше всѣхъ наградъ въ свѣтѣ!

Вскорѣ начали отсѣкать части моего отряда: вначалѣ взяли полкъ драгунъ, полкъ сильный, ибо состоялъ изъ восьми-сотъ человѣкъ, прежде загоненныхъ и изнуренныхъ, а у меня послѣ нѣкоторыхъ поисковъ и приступа города Владимира, опять почувствовавшихъ теченіе въ себѣ русской крови и на все готовыхъ. Потомъ взяли у меня казачій полкъ Платова; я все молчалъ, исполняя долгъ мой съ остаткомъ моего отряда. Наконецъ отняли у меня казачій полкъ Катасанова, такъ что оставя меня съ однимъ казачьимъ Кирѣева полкомъ, коего сила числомъ людей не простирается далѣе трехсотъ человѣкъ, уничтожили совершенно отрядъ, столь милостиво вашимъ сіятельствомъ мнѣ довѣренный; ибо полкъ Кирѣева, имѣя своего полковника, не есть уже отрядъ, который составляется изъ нѣсколько полковъ.

Между тѣмъ я слышу, что генералъ-майоръ Шереметевъ сдѣлалъ партизанскій набѣгъ почти подъ глазами вашего сіятельства. Быть можетъ, что другой какой либо генералъ готовится то же исполнить или исполнилъ уже, а я долженъ о томъ слышать и, кипя ревеніемъ, готовый на таковыя же предпріятія, такъ давно вамъ извѣстный за знающаго свое дѣло, не имѣть способовъ дѣйствовать, ибо не имѣю войскъ, лишившись ихъ постепеннымъ разборомъ моего отряда.

Такъ какъ я, сіятельнѣйшій графъ, состоя по кавалеріи, не принадлежу никакому корпусу и никакой дивизіи, и такъ какъ, по разсѣяніи отряда вашимъ сіятельствомъ мнѣ ввѣреннаго, я совершенно здѣсь безъ дѣла, то не удостоите ли вы меня позволеніемъ прибыть къ вашей особѣ для полученія отряда такого, каковой ваша извѣстная ко мнѣ благосклонность опредѣлить составить. Я на все готовъ, на все радъ, только предоставьте мнѣ счастіе драться подъ вашего сіятельства распоряженіемъ и относиться единственно къ вамъ, какъ то было въ 1812 году, а не наблюдать непріятеля вдалекѣ отъ васъ и безъ сношенія прямаго съ вашимъ сіятельствомъ.

Вѣрьте, сіятельнѣйшій графъ, чести моей, что ежели я и теперь всѣми силами стараюсь служить, какъ вѣрный сынъ отечества, то подъ непосредственнымъ вліяніемъ и начальствомъ вашего сіятельства все то сдѣлаю, что умственныя и душевныя способности внушить мнѣ возмогутъ.

XXV.

В. А. Жуковскому.

25-го ноября 1831 г. Москва.

Ты хотѣлъ имѣть лѣвый усъ мой, какъ ближайшій къ сердцу; вотъ десятая часть онаго, то-есть, все то, что̀ я могъ собрать изъ-подъ губительныхъ ножницъ, лишившихъ меня этой боевой вывѣски.

Посылаю тебѣ её, она осребрилась восемью войнами и еще пахнетъ порохомъ послѣдней битвы въ Польшѣ; но посылаю не при стихахъ, какъ ты требовалъ, а при прозѣ, потому что я пишу стихами тогда только, когда бѣсъ поэзіи во мнѣ разыграется, чего теперь не случилось. Такъ какъ этотъ бѣсъ никогда въ тебѣ не дремлетъ, то прошу меня за подарокъ отдарить хотя четверостишіемъ. Прости другъ старинный и почтеннѣйшій; жаль, что не успѣлъ обнять тебя передъ отъѣздомъ твоимъ! Денисъ.

При семъ приложены завернутые въ бумажку волосы, съ надписью на бумажкѣ:

Послужной списокъ уса̀ Давыдова.

Войны: 1) Въ Пруссіи 1806 и 1807 г. 2) Въ Финляндіи 1808 г. 3) Въ Турціи 1809 и 1810 г. 4) Отечественная 1812 г. 5) Въ Германіи 1813 г. 6) Во Франціи 1814 г. 7) Въ Персіи 1826 г. 8) Въ Польшѣ 1831 г.

XXVI.

И. В. Салаеву.

(1833 г.)

Еслибъ вы знали, чтѐ такое день прихода почты или привоза газетъ и журналовъ въ деревню степную и удаленную отъ всего мыслящаго, то вы поняли бы мое положеніе; вотъ отчего я употребляю слово „Бога ради“, ибо истинно нестерпимо сидѣть въ пропасти, какъ заваленный въ Геркуланумъ, слышать надъ собой движеніе и жизнь и не брать въ нихъ участія. Это мой удѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ не имѣю газетъ и журналовъ. Мнѣ хочется послать чрезъ васъ статью къ Смирдину, съ тѣмъ только, чтобъ г..... вычистили бы изъ нея всю дрянь галлицизмовъ, но не касались бы живого, какъ они сдѣлали въ прочихъ статьяхъ.

Признаюсь вамъ, что исторія исполинскаго царя нашего (Бергмана) [1]) мнѣ мало понравилась. Холодна, тяжела! Видно, что писана нѣмцемъ! Нѣтъ въ ней жизни, нѣтъ въ ней русской души. Это Петръ, но Петръ восковой, какого я видѣлъ въ Кунсткамерѣ.

XXVII.

Н. М. Языкову.

23-го апрѣля 1833 г. С. Маза.

Не знаю, какъ и благодарить душевнаго моего поэта за присылку стихотвореній его и вмѣстѣ съ ними лихого его посланія [2])! Я говорю „душевнаго“ и „моего“ не безъ основанія. Никто болѣе васъ, любезнѣйшій по уму и почтеннѣйшій по

---

[1]) П. Бергманъ. Исторія Петра Великаго. Переводъ съ нѣм. языка Е. Аладьина. С.-Пб. 1833.

[2]). Въ 1833 году вышло 1-ое изданіе стихотвореній Н. М. Языкова, за присылку которыхъ Давыдовъ и благодаритъ автора; упоминаемое здѣсь посланіе Языкова къ Давыдову напечатано въ 4-мъ изданіи послѣдняго, т. III, стр. 181.

возвышеннымъ чувствамъ Николай Михайловичъ, не имѣетъ дара волновать мою душу и владычествовать надъ нею своевольно деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отецъ и командиръ; одинъ стихъ вашъ и я въ огнѣ боёвъ, весело и безотчетно. Въ обѣихъ послѣднихъ войнахъ стихи ваши (пѣснь короля Регнера [1]), подаренная мнѣ въ Персіи Н. Киселевымъ) [2]) возились мною за пазухой какъ волшебная ладонка, имѣющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду къ битвамъ и славѣ. Я пьяный на дѣвичникѣ Пушкина говорилъ вамъ о томъ, но вы были такъ пьяны, что врядъ ли это помните, а это сущая правда, и трезвый я трезвому повторяю то же; Поэтическій лоскутъ этотъ, замаранный грязью бивуаковъ и окуренный жжёнымъ порохомъ, и понынѣ у меня хранится; послѣ этого какъ же мнѣ не называть васъ „душевнымъ“ и „моимъ“ поэтомъ?

Милое и лестное для самолюбія моего вниманіе ваше такъ меня тронуло, что по полученіи посланія вашего и золотого ковчега, полнаго драгоцѣнными нитями перловъ, я было пустился отвѣчать вамъ стихами—но, признаюсь, оробѣлъ; рука дрогнула — какъ писать этакому чорту въ поэзіи стихами! одинъ Асмедей-Пушкинъ имѣетъ на это право.

Прошедшей зимою я былъ на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ часто говорилъ о васъ съ Кирѣевскимъ и Баратынскимъ. Они жаловались, что вы не ѣдете въ Москву, а я жаловался, что вы не ѣдете въ Рѣпьевку — гдѣ же вы? и долго ли вамъ лишать меня удовольствія обнять волженскаго земляка на берегахъ Волги? увѣдомьте, будете ли вы въ Рѣпьевку и когда? я до половины, а можетъ-быть и до конца сентября, проживу здѣсь, а тамъ переселюсь въ Москву. Въ Москвѣ этой зимою я впервые прочелъ піесу вашу „Поэту“, ту, которая поставлена первою въ стихотвореніяхъ

---

[1]) «Пѣснь короля Регнера» первоначально была напечатана въ «Новостяхъ литературы» за 1823 г., кн. XXXIII, стр. 110.

[2]) Н. Д. Кисилевъ одинъ изъ пріятелей Языкова, которому послѣдній посвятилъ нѣсколько своихъ стихотвореній.

вашихъ, — я ахнулъ. Что за языкъ! что за поэзія! что за возвышенность чувствъ — это очарованіе! а „Кубокъ"? Что мои хмельные стихи противъ этихъ? Сивуха предъ шампанскимъ.

Не зная, куда адресовать письмо мое, я посылаю его чрезъ Петра Александровича Бестужева [1]) и, повторяя вамъ душевную мою благодарность, прошу васъ вѣрить словамъ партизана-поэта, что первымъ почитателемъ отличнаго вашего таланта и возвышенныхъ чувствъ вашихъ есть преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Такъ какъ Бестужева нѣтъ въ Рѣпьевкѣ, то посылаю это письмо чрезъ Д. Н. Анненкова.

XXVIII.

Н. М. Языкову.

3-го октября (1833 г.) С. Маза.

Письмо ваше отъ 23-го сентября я имѣлъ удовольствіе получить съ послѣднею почтою и спѣшу на оное отвѣчать. Досадно, что почта ходитъ долго; но что дѣлать!

Ваши вопросы.	Отвѣты.
1) Не было ли у больной въ малолѣтствѣ чесотки?	Не помнитъ. Но сыпи были и въ 1812 году была сыпь весьма большая отъ застуды послѣ танцевъ.
2) Какое имѣетъ вліяніе болѣзнь на расположеніе духа?	Больная сохраняетъ всегда спокойствіе духа и когда не больна, то о болѣзни не думаетъ. При ѣдѣ только боится лишняго съѣсть и послѣ ѣды всегда въ страхѣ, не съѣла ли она лишняго.

---

[1]) Мичманъ П. А. Бестужевъ, братъ извѣстнаго романиста А. А. Бестужева (Марлинскаго), за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ, а въ 1830 г. уволенъ въ отставку. Умеръ въ сумасшествіи въ 1840 году.

3) Какого рода отрыжки? Одною пищею и именно тою, которую она съѣла болѣе. Даже самымъ легкимъ бульіономъ, если она его съѣла хотя одной ложкой болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Но съ булавочную головку лукъ неминуемо производитъ ужасныя боли въ желудкѣ и всѣ тѣ страданія, кои я вамъ описалъ въ запискѣ.

4) Какая пища болѣе нравится, то-есть, животная или растительная? Больная не причудлива на ѣду: она не даетъ преимущества одной надъ другой пищѣ, но любитъ варенье, конфекты, молочное пирожное. Варенье и конфекты она ѣстъ весьма по малу и ей это не причиняетъ боли, но отъ всякаго пирожнаго она рѣшительно отказалась.

Повторяю, одна болѣзнь у больной—желудочная, когда она съѣстъ немного болѣе обыкновеннаго, хотя бы ложку бульіону самаго легкаго. Впрочемъ, она во всемъ здорова.

Весьма вы меня обрадовали извѣстіемъ, что переводчикъ „Терапіи" Гартмана [1]) уже отысканъ и назначенъ. Ради Бога, не мѣшкайте пустить въ ходъ предпріятіе ваше, вы этимъ много добра сдѣлаете и собьете съ мѣста медиковъ, которые, подобно Эдипу, говорятъ:

Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ [2]).

Благодарю васъ покорнѣйше, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, за присылку стиховъ вашихъ—они не уступаютъ

---

[1]) Ф. Гартманъ. Терапія острыхъ болѣзней по гомеопатической системѣ. Перев. съ нѣм. языка. М. 1835.

[2]) Стихи изъ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ», дѣйствіе II, явленіе I.

ни однимъ изъ тѣхъ, которые соединены въ золотомъ ковчегѣ, вами мнѣ присланномъ. Это прелесть, какъ все то, что изливается изъ пера вашего! Въ легчайшей поэтической вспышкѣ вашей стихи ваши, какъ говоритъ Пушкинъ, „стоятъ дыбомъ!“ Кстати о Пушкинѣ; знаете ли, что я слышалъ отъ людей, получившихъ письма изъ Казани? Въ Казани были Пушкинъ и Баратынскій, отыскивающіе свѣдѣнія о Пугачевѣ. Изъ этого я заключаю, что они въ союзѣ для сочиненія какого-нибудь романа, въ которомъ будетъ дѣйствовать Пугачевъ. Итакъ, вотъ рѣшеніе загадки появленія Пушкина въ нашей и въ Оренбургской губерніяхъ. Если это правда, то дай Богъ! авось ли мы увидимъ что-нибудь близкое къ Вальтеръ-Скотту; по сю пору мы не избалованы качествомъ, но задушены количествомъ романовъ. Судите, что я на дняхъ прочелъ въ объявленіи о появленіи новаго романа Загоскина [3])? „Романы Загоскина сдѣлались уже народной гордостью“. Каково? Да за кого же г. объявитель русскій народъ принимаетъ?

Вы обѣщали прислать мнѣ переведенные вами листки Гартлауба [4]); пожалуйста не забудьте.

Какъ досадно, что наши деревни такъ далеки одна отъ другой! разстояніе принуждаетъ насъ переписываться, тогда какъ сосѣдями мы бы переговаривались. Обоихъ васъ умоляю не спѣшить въ отысканіи гомеопатическаго лѣкарства для жены моей, но когда отыщете, то не медлить присылкою онаго съ описаніемъ какъ и когда принять его, и діэты, и время дѣйствія сего лѣкарства, и названія его. Вы тѣмъ весьма обяжете преданнаго вамъ слугу и пріятеля Дениса Давыдова.

PS. На этихъ почтахъ я вамъ пришлю записку о себѣ и старшемъ сынѣ, у коего сильная золотуха.

---

[3]) Аскольдова могила. М. 1833.

[4]) К. Гартлаубъ. Краткое начертаніе способа гомеопатическаго лѣченія болѣзней. С.-Пб. 1832.

XXIX.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

7-го ноября (1833 г.) С. Маза.

Милостивые государи Александръ и Николай Михайловичи! Письмо ваше, предписаніе, какъ употреблять гомеопатическія крупинки, вами присланныя, извѣстіе о Пушкинѣ и выписку о Дибичѣ я получилъ, за что приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность. Кажется, что г. нѣмецъ, писавшій статью о Забалканскомъ [1]), глядѣлъ на него не съ той точки зрѣнія, съ которой я глядѣлъ на него, но воля сочинителя, а Дибичъ не таковъ былъ, какъ онъ его описываетъ.

Радъ душевно, что Пушкинъ принялся за дѣло. Этотъ лощеный Петербургъ его губитъ, а болѣе насъ, отвлекая его отъ вдохновеній; впрочемъ, вы знаете, что онъ запоемъ пишетъ только осенью и, какъ кажется, это время года онъ не даритъ праздности; если будете писать къ нему, скажите ему мой дружескій поклонъ. Меня атакуетъ Смирдинъ и даетъ по двѣсти рублей за листъ—это дешево; я ему дарю одну статью, но за послѣдующія хочу просить дороже. Слава Богу, нынче можно продавать бредни какъ сало и дёготь; надо этимъ пользоваться, особенно при неурожайномъ годѣ.

Жена моя благодаритъ васъ также за присылку ей лѣкарства, но ей не хочется принимать его прежде присылки вами и мнѣ лѣкарства: я страдаю болѣе года съ начатіемъ астма, и мнѣ необходимо къ вамъ прибѣгнуть. На первой почтѣ я постараюсь прислать вамъ основное описаніе моей болѣзни, а если позволите, то проѣздомъ въ Пензу лично объясню вамъ подробности оной; надо только знать мнѣ, будете ли вы въ Языковѣ въ теченіе декабря? Книги, о которыхъ вы мнѣ дали записку, я получилъ и готовлюсь рыться въ нихъ съ утра

---

[1]) Авторъ статьи о Дибичѣ, вѣроятно, Theod. Stürmer. Der Tod des Grafen Diebitsch Sabalkansky. Berlin 1832.

до вечера; будетѣ ли прокъ, не знаю. Причина замедленія отвѣта моего есть рысканье мое по мхамъ и по болотамъ за всякаго рода звѣрями. Сейчасъ только съ коня и сейчасъ принялся за перо, чтобы писать къ вамъ побѣдной рукою, поразившей огромнаго волка. Примите истинное увѣреніе въ душевной преданности вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXX.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

18-го декабря 1833 г. С. Маза

Милостивые государи Александръ и Николай Михайловичи! Съ душевной горестью долженъ васъ увѣдомить, что послѣдняя болѣзнь моя такъ ослабила меня, что я только что имѣю довольно силъ дотащиться на своихъ до Пензы; это причиною, что всѣ пріятнѣйшія мои предначертанія посѣтить васъ въ Языковѣ и провести съ вами нѣсколько дней я принужденъ положить въ долгій ящикъ. Весьма это мнѣ прискорбно, но что дѣлать? „Скачи враже—якъ панъ каже", говоритъ малороссійская пословица.

У меня теперь гомеопатическій врачъ Клейнеръ изъ Саратова и онъ мнѣ избралъ Spirit. sulph. Мы съ нимъ вмѣстѣ читали симптомы, которые производитъ это лѣкарство, и я удивился сходству онымъ со всѣми припадками, которыми я такъ давно страдаю. Если это лѣкарство не поможетъ мнѣ, то я не буду вѣрить псорическимъ лѣкарствамъ. Каково постановленіе о гомеопатіи, которое я читалъ въ „Сѣверной Пчелѣ"? Несчастную, связанную по рукамъ и по ногамъ, предали на распятіе алопатіи. Но это ничего, да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Главное, что до сего не признавали существованіе оной, считали ее мечтою, бредомъ духо-

видцевъ, теперь признано существованіе ея; она живетъ, она дышетъ, она дѣйствуетъ и это уже много; это большой шагъ.

Итакъ, простите или лучше до свиданія. По возвращеніи изъ Пензы, то-есть, весною, когда погода будетъ благопріятнѣе и здоровье мое получше, авось ли Богъ дастъ, что я увижу васъ въ Языковѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и таковой же преданности вамъ преданнаго слуги Дениса Давыдова.

XXXI.

М. А. Максимовичу [1]).

30-го декабря 1833 г.

Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, я имѣлъ удовольствіе получить. Причина, почему я такъ долго не отвѣчалъ вамъ, была болѣзнь моя, болѣзнь жестокая, которая едва не утащила меня на свиданіе съ предками.

Точно правда, что „Книга Наума“ [2]) заслужила отъ меня особенное уваженіе; она, какъ я писалъ къ И. В. Салаеву, не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, но смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселянина.

Сожалѣю душевно, что не имѣю ни единой статьи для вашего альманаха [3]), ибо давно уже я пишу однѣ военныя записки; къ какой стати оглашать громомъ оружія убѣжище музъ и заглушать ихъ мирныя пѣсни? Къ тому же отрывки теряютъ свою цѣну отъ исторженія изъ цѣлаго. Вотъ отчего я такъ долго хлопоталъ, пріискивая статью для Смирдина. И тутъ уже вы сами видѣли, что хлопоты мои остались втунѣ, ибо статья, мною ему посланная, далеко не достойна занимать

---

[1]) М. А. Максимовичъ (род. 1804 г., ум. 1873 г.), извѣстный писатель, ботаникъ, филологъ и историкъ.

[2]) Сочиненіе М. А. Максимовича «Книга Наума о божіемъ мірѣ» (1833 г.) въ популярныхъ очеркахъ излагаетъ для народа строеніе вселенной. Книга выдержала двѣнадцать изданій.

[3]) Альманахъ «Денница», который М. А. Максимовичъ издавалъ въ 1830—1834 гг.

мѣсто въ такомъ пышномъ журналѣ, какова „Библіотека для чтенія“. Я какъ подумаю о легіонѣ знаменитыхъ сотрудниковъ, такъ волосъ дыбомъ становится: это старая гвардія Наполеона, прежде выстрѣловъ уже поражающая.

Подумавъ немного, я рѣшаюсь послать вамъ для альманаха вашего четверостишіе [3]), которое я написалъ при появленіи на балъ одной красавицы въ Пензѣ. Если годятся, то кланяюсь вамъ этими стихами:

Вошла, какъ богиня, важна, горделива,
Какъ юная пери—стройна и красива,
И шопотъ восторга бѣжитъ по устамъ,
И крестятся вѣдьмы, и тошно чертямъ.

Не знаю, что прежде поставить: „крестятся“ или „вѣдьмы“? Кажется, говорятъ „крѐстятся“, а не „крестя̀тся“, впрочемъ отъ васъ зависятъ эти слова, какъ вамъ угодно.

Простите любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ; будьте увѣрены, что мало васъ уважаютъ болѣе вашего.

XXXII.

Н. М. Языкову.

16-го февраля (1834 г.) Пенза.

Письмо ваше, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, я получилъ на дняхъ. Благодарю васъ, моего душевнаго поэта, за то, что вы не забываете истинно вами восхищеннаго человѣка, который за особое счастіе считаетъ минуту знакомства съ вами. Я давно уже получилъ первый номеръ „Библіотеки“ и нахожу стихотворную часть весьма посредственной, кромѣ „Гусара“, который нечто какъ вспышка съ царь-пушки Пушкина. При всемъ томъ, это журналъ хорошій и, кажется,

[3]) Это четверостишіе не было напечатано въ «Денницѣ». Оно было помѣщено въ «Современникѣ» 1836 года.

можетъ служить саркофагомъ всѣмъ нашимъ журналамъ. Не знаете ли вы, какая цѣна за стихотворенія? За листъ печатной прозы мнѣ даютъ триста рублей; я послалъ около двухъ листовъ даромъ, потомъ хочу посылать за деньги и, какъ уже говорилъ вамъ, если продаютъ сало и дёготь, то почему не продавать и бредни, благо есть покупатели? Максимовичъ прислалъ мнѣ „Денницу"; досадно, что этотъ отличный человѣкъ такимъ вздоромъ занимается.

Пенза—моя вдохновительница. Холмъ, на коемъ лежитъ этотъ городъ есть мой Парнассъ съ давняго времени; здѣсь я опять принялся за поэзію. Посылаю вамъ что-то вдохновенное, но недостаточно обдѣланное; скажите ваше мнѣніе и, пожалуйста, исправьте, что̀ вамъ не понравится. Я о томъ же писалъ и къ Баратынскому. Кстати о Баратынскомъ. Я на дняхъ и отъ него получилъ письмо—онъ препоручаетъ мнѣ вамъ кланяться. Вотъ слова его: „Вы переписываетесь съ Языковымъ; поклонитесь ему отъ меня. Дай Богъ здоровья ему и его музѣ. Онъ поэтъ въ душѣ. У насъ не умѣютъ его цѣнить; но когда гнилая наша поэзія еще будетъ гнилѣе и будетъ пахнуть мертвечиной, мы почувствуемъ все достоинство его безсмертной свѣжести". Что касается до стиховъ моихъ, то онъ ихъ не исправилъ и тѣмъ огорчилъ меня, ибо я вижу самъ въ нихъ недостатки, которые исправить не умѣю. Стихи, вдохновенные чудомъ красоты и прелести, — „Вальсъ".

Жду на будущей почтѣ 2-й номеръ „Библіотеки" Тамъ моя статья [1]); какъ-то ее обработали Гречъ и Сенковскій, которые, какъ вы пишете, по своему все коверкаютъ? Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго? пришлите. Зачѣмъ вы ничего не посылаете въ Библіотеку? Неужто симбирскія красавицы не имѣютъ вліянія на поэта и на поэзію? Если такъ, то пріѣзжайте сюда, ручаюсь, что здѣсь самый сухой приказный ударитъ по струнамъ лиры—что же будетъ съ поэтомъ, каковы вы? Простите любезнѣйшій Николай Михайловичъ, пишите и не забывайте вамъ душою преданнаго Дениса Давыдова.

---

[1]) «Знакомство съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ».

Благодарю и васъ, любезнѣйшій Александръ Михайловичъ, за приписаніе. Вы пишете, что между Гречемъ и Полевымъ возгорѣлось опять, это было бы хорошо для читателей, еслибъ у насъ умѣли ругаться деликатно и слогомъ образованнаго общества; но тутъ ругательства будутъ, какъ были, площадныя и матерщиной, почему выгоднѣе было бы для читателей, чтобъ они жили мирно. Сенковскаго статья въ „Библіотекѣ" хороша [1]), и слогъ его мнѣ нравится; есть игривость и легкость въ немъ. О гомеопатіи я вамъ ничего не скажу; здѣсь я алопатически пью вино и удовольствіе; къ десятельнымъ каплямъ прибѣгну при возвращеніи моемъ въ Мазу, куда я ѣду 6-го или 7-го марта, то-есть, на первой недѣлѣ поста, очищать себя отъ грѣховъ всѣхъ родовъ поэзіи. Простите, пишите и не забывайте душою вамъ преданнаго Дениса Давыдова.

XXXIII.

А. С. Пушкину.

4-го апрѣля 1834 г. С. Маза.

Помилуй, что у тебя за дьявольская память; я когда-то на лету разсказывалъ тебѣ разговоръ мой съ М. А. Нарышкиной [2]): „Vous préférez les suivantes", сказала она мнѣ; „parce qu'elles sont plus fraiches", былъ отвѣтъ мой; ты слово въ слово поставилъ это эпиграфомъ въ одномъ изъ отдѣленій „Пиковой Дамы". Вообрази мое удивленіе и еще болѣе восхищеніе жить такъ долго въ памяти Пушкина, нѣкогда любезнѣйшаго собутыльника и всегда единственнаго родного моей душѣ поэта. У меня сердце облилось радостью, какъ при полученіи записки отъ любимой женщины.

---

[1]) «Скандинавскія саги», напечатанныя въ I-мъ т. «Библіотеки для чтенія».

[2]) Марія Антоновна Нарышкина (род. 1779 г., ум. 1854 г.), урожденная княгиня Святополкъ-Четвертинская, пользовалась большимъ расположеніемъ императора Александра I.

Какъ мнѣ досадно было разъѣхаться съ тобой прошлаго года! Я не успѣлъ проѣхать Симбирскъ, какъ ты туда явился, и что̀ всего досаднѣе, я возвращался изъ того края, въ который ты ѣхалъ и гдѣ я могъ бы тебѣ указать на разныя личности, отъ которыхъ ты могъ бы получить нужныя бумаги и свѣдѣнія. Ты былъ потомъ у Языкова, и я не зналъ о томъ. Неужели ты думаешь, что я могъ бы засидѣться въ своемъ захолустьѣ и не прилетѣлъ бы обнять тебя. Злодѣй, зачѣмъ не увѣдомилъ ты меня о томъ?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали. На дняхъ я написалъ много стиховъ, такъ и брызгало ими. Я, право, думалъ, что разсудокъ во мнѣ такъ разжирѣлъ, что вытѣснилъ послѣднюю поэзію; не тутъ-то было, встрепенулась небесная, а онъ давай Богъ ноги! такъ, что по сю пору не отыщу его.

Совѣстно мнѣ посылать тебѣ мои пустыя сердечныя бредни, но, если прикажешь, я исполню волю моего парнасскаго отца и командира. Надо только, чтобы повелѣніе писано было нецеремонно, и слово „вы“ замѣнилось бы словомъ „ты“, тогда я на все готовъ.

XXXIV.

Н. М. Языкову.

4-го апрѣля 1834 г. С. Маза.

Я вижу по письму вашему, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, что вы послѣднее мое письмо еще не получили, ибо вы говорите объ одномъ „Вальсѣ“. Въ послѣднемъ же письмѣ я къ вамъ послалъ еще нѣсколько піесъ, вырвавшихся изъ души, а при семъ еще посылаю одну. Вы видите, что чѣмъ чортъ не шутитъ! Однако всѣ эти посылки я дѣлаю не для того, чтобы вы стихи мои хвалили, а болѣе для того, чтобы вы ихъ бранили и изъявили бы мнѣніе ваше,

гдѣ въ нихъ что надо исправить и какъ исправить? такъ со мною поступаютъ друзья мои: Баратынскій, Пушкинъ, Вяземскій; того и отъ васъ прошу. Да, ради Бога, не пишите ко мнѣ церемоніальныхъ писемъ. Послѣднее ужаснуло меня офиціальнымъ заключеніемъ: „съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, честь имѣю быть вашего превосходительства и пр.“ Богъ съ вами съ такими выходками!

Я уже третью недѣлю лѣчусь гомеопатически по предписанію Петерсона; курсъ лѣченія моего не прежде кончится мая. Что-то будетъ? Вы хорошо дѣлаете, что намѣрены ѣхать къ нему; онъ болѣе другихъ имѣетъ навыку. Клейнеръ порядочный гомеопатъ, но, какъ кажется, безъ госпожи Быковской не такъ-то успѣшно лѣчитъ; она, говорятъ, отлично знаетъ гомеопатію и лѣчитъ чудесно.

Вчера получилъ я третій томъ „Библіотеки для чтенія“, гдѣ Пушкинская повѣсть [1]) мнѣ весьма понравилась. Что за память въ этомъ человѣкѣ! Богъ знаетъ, когда-то я разсказалъ ему, что волочась за одной suivante, Марья Антоновна Нарышкина сказала мнѣ: „Davidoff est pour les suivantes“; а я ей отвѣчалъ: „que voulez-vous, madame, elles sont plus fraiches“, а онъ это поставилъ эпиграфомъ. Не согласитесь ли вы со мною, что и въ третьемъ томѣ стихотворное отдѣленіе больно плохо? Вы обѣщались прислать мнѣ „Самозванца“ [2]), пришлите пожалуйста; въ 3-мъ томѣ есть на него критика [3]), хочется посмотрѣть, справедлива ли она? Что вы ничего не посылаете въ „Библіотеку“? Баратынскій и Вяземскій такъ же жмутся—что это значитъ? Признаюсь, я раскаялся, что далъ туда статью мою о Каменскомъ; они ее во многихъ мѣстахъ исказили и одолжили меня собственными вставками, о коихъ я ихъ не просилъ. Если пошлю что еще имъ, то непремѣнно съ оговоркою ничего не перемѣнять. Но пора къ стихамъ

---

[1]) «Пиковая Дама».
[2]) Дмитрій Самозванецъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе А. Хомякова. М. 1833 (1834).
[3]) Критическая статья Сенковскаго на «Самозванца» была напечатана не въ 3-мъ т., а во 2-мъ т. «Библіотеки для чтенія» 1834 г.

обратиться, вотъ мои послѣдніе: „О! кто, скажи ты мнѣ, кто ты...“

Вотъ вамъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Пожалуйста помогите мнѣ кой-что въ этой сволочи исправить и вы меня весьма обяжете.

Любезнѣйшій Александръ Михайловичъ, вы очень обрадовали меня извѣстіемъ о пріѣздѣ вашемъ сюда весною. Надѣюсь, что не забудете Мазу и навѣстите степнаго жителя. Вы пишите, что намѣрены ѣхать къ Петерсону по просухи— знаете ли что? отложите эту поѣздку до половины іюня и тогда пустимтесь всѣ вмѣстѣ въ Пензу, куда я ѣду на ярмарку. Это будетъ и полезный, и пріятный partie de plaisir. Жду перевода вашего Гартмана [1]) съ нетерпѣніемъ, ибо безъ него я какъ безъ головы — аптека полная и отличная, но дѣйствовать не умѣю или весьма плохо. Я теперь на гомеопатической діетѣ и принимаю порошки Петерсоновы. Что-то будетъ? Но кажется мнѣ, что выборъ Клейнера сходнѣе съ болѣзнью; онъ выбралъ одинъ sulph., а Петерсонъ—4: callocynthide, causticum и zincum, но вѣроятно, пишетъ онъ, что нужно еще будетъ silicea.

Каждаго лѣкарства по 4 порошка и каждый порошокъ принимать въ 4-е сутки. Увѣдомьте, когда васъ ждать въ Рѣпьевку,— это будетъ для меня изъ праздниковъ праздникъ. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

XXXV.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

16-го іюня 1834 г. С. Маза.

Сто лѣтъ ни я къ вамъ не писалъ, ни отъ васъ ни слова не получалъ, любезные Николай Михайловичъ и Александръ Михайловичъ! Съ моей стороны причина тому—поѣздка моя

---

[1]) Ф. Гартманъ. Терапія острыхъ болѣзней по гомеопатической системѣ. Перев. съ нѣм. М. 1835 г.

въ Пензу на ярмарку и разныя развлеченія, а съ вашей стороны не знаю, что этому причиною, — не свадьба ли, какъ слухъ о томъ носится? Если правда, то позвольте мнѣ поздравить жениха отъ всей души.

Посылаю вамъ съ благодарностью „Рука Всевышняго отечество спасла" [1]). Что же касается до „Самозванца", то я осмѣлился его оставить еще на нѣсколько времени. Вы хотите знать мое мнѣніе объ обоихъ этихъ явленіяхъ. Это задача не по мнѣ. Все, что я могу сказать, это то, что „Рука" мнѣ часто чесала затылокъ отъ досады и много не шевелила моего сердца. Это акафистъ съ полнымъ чувствомъ любви къ отечеству и иногда съ хорошими стихами. Можетъ-быть, эта піеса дѣйствуетъ на души, особенно на русскія души, болѣе на сценѣ, но при чтеніи, воля Кукольника, не щипаетъ за сердце или если когда и щипнетъ, то очень рѣдко. Что касается до „Самозванца", эта трагедія для меня, при всѣхъ ея недостаткахъ въ планѣ и въ выборѣ лицъ, прелесть, прелесть и прелесть! а отчего—не знаю, ибо сужденіе о ней въ „Библіотекѣ" въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Досадно видѣть „Самозванца" таковымъ, какъ онъ представленъ; онъ, конечно, и въ исторіи молодецъ, но тутъ онъ выше молодца, онъ царь и царь русскій съ какимъ-то чувствомъ à la Pierre le Grand. Правда, что съ слабымъ характеромъ и сбиваемъ съ пути честолюбивою бабою, но все привлекателенъ по одному уже чувству его.

Въ „Библіотекѣ" справедливо сказано, іезуитъ не іезуитъ, а болѣе іезуитъ Антоній; Шуйскій, точно правда, ханжа и мошенникъ низкій и проч., но отчего же, повторяю, я два раза прочелъ эту трагедію съ жадностью, а нѣкоторыя сцены перечиталъ по пяти разъ? Право не знаю, а это было.

Были ли вы у Петерсона и что онъ вамъ далъ отъ Łenia? Я былъ у него также и теперь сижу на гомеопатіи до 15-го августа. На дняхъ я сдѣлалъ чудо: вылѣчилъ одну больную за двадцать верстъ отсюда и не видавши ея, а по запискамъ

---

[1]) Драма Н. Кукольника.

ея сестры. У ней было воспаленіе и даже нарывъ въ груди, сильная горячка съ приливомъ крови и воспаленіемъ въ головѣ. Въ восемь дней она была уже на ногахъ, тогда какъ при началѣ моего лѣченія она была безъ памяти, такъ слаба, что ее ворочали на простыняхъ и безъ языка. Каковъ гусаръ-эскулапъ? Вы писали мнѣ, что переводъ Гартмана выйдетъ изъ печати въ половинѣ мая, что значитъ, что по сію пору онъ не выходитъ? а я его жду, какъ Мессію ждутъ жиды.

Посылаю вамъ послѣднее стихотвореніе мое [1]). Скажите мнѣ ваше мнѣніе по гусарски или по студентски, это все равно, ибо и тамъ и тамъ душой вино и откровенность. Мое мнѣніе, что въ немъ нѣтъ единства, читатель не догадается, къ кому болѣе страсти—къ рѣчкѣ или къ дѣвѣ, которая въ концѣ піесы является; надо было бы менѣе огня въ началѣ, а то нѣтъ оттѣнка; эта ошибка неизгладима. Но стихи, кажется, и звучны, и хороши.

Неужели мы не увидимся до отъѣзда моего изъ этого края? Я ѣду въ началѣ сентября, то-есть, въ первыхъ числахъ, и ѣду на долго въ Москву. Не будете ли вы тамъ зимою? Куда бы хорошо сдѣлали. Баратынскій купилъ себѣ маленькую подмосковную, гдѣ совсѣмъ основался, а будетъ пріѣзжать на зиму въ Москву налегкѣ съ одной женою.

Забылъ вамъ прислать еще стихи; они сдѣланы были въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Пензу. Это подражаніе одному мадригалу Вольтера:

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою...
Ту, чье, восторженный, теперь здоровье пью,
Чьей наслаждаюсь вновь красой и стройнымъ станомъ...
Я обомлѣлъ!.... какъ случаемъ нежданномъ,
Гуляющій на волѣ сорванецъ,
Встрѣчается солдатъ-бѣглецъ
Съ своимъ безбожнымъ капитаномъ.

„Случаемъ нежданномъ"—плохо, но стихи были скованы на скорую руку.

Пожалуйста ни тѣхъ, ни другихъ не раздавайте. Я не хочу, чтобы кто-нибудь ими воспользовался и втиснулъ въ

---

[1]) «Рѣчка».

„Библіотеку“, гдѣ я неожиданно нашелъ „И мою звѣздочку“ [1]). Мнѣ сказываютъ, что это г. Араповъ [2]) сыгралъ со мной эту шутку. Я о томъ писалъ Смирдину и побранилъ Вяземскаго, которому эта „Звѣздочка“ была отъ меня послана.

Я не спрашиваю, чѣмъ Александръ Михайловичъ занимается? онъ любитъ; это занятіе самое привлекательное и прелестное; но вы чѣмъ занимаетесь, пишете ли? Если написали что, то, ради Бога, не обнесите чарочкой; вы мой душевный поэтъ, никто мнѣ душу не возвышаетъ болѣе васъ, ничто не ласкаетъ мое сердце болѣе вашихъ стиховъ и въ этомъ случаѣ они соперники взгляду моей красавицы. Я съ вашими стихами за пазухой былъ въ двухъ сраженіяхъ, я ихъ часто читалъ той, которой старался тронуть сердце. Вы непростительны были бы не мнѣ первому доставлять все то, что вырвется изъ огненной души вашей.

Пора однако кончить; вотъ уже и листа конецъ, итакъ простите и вѣрьте въ сердечной преданности Дениса Давыдова.

XXXVI

Графу Ѳ. И. Толстому [3]).

30-го августа (1834—1835 г.) С. Маза.

Увѣдомь, сдѣлай милость, каковъ ты, что твоя грудная боль? По письмамъ изъ Москвы я вижу, что у васъ дожди проливные и холодъ, что̀, вѣрно, держало тебя между четырехъ стѣнъ, что̀ не даетъ здоровья. У насъ, напротивъ, все

---

[1]) Напечатана въ I-мъ томѣ за № LXIII.
[2]) П. Н. Араповъ (род. 1796 г., ум. 1861 г.), извѣстный въ свое время драматическій писатель.
[3]) Графъ Ѳеодоръ Ивановичъ Толстой (род. 1784 г., ум. 1846 г.), прозванный американцемъ, умный и даровитый человѣкъ, близкій къ литературному кружку В. Л. и А. М. Пушкиныхъ, князя П. А. Вяземскаго, Д. В. Давыдова и другихъ.

лѣто была засуха — слѣдственно, погода для прогулокъ прелестная.

Я здѣсь какъ сыръ въ маслѣ, особенно когда сравниваю каждый день противоположный прошлогоднему дню! Посуди: жена и полдюжины дѣтей, сосѣди весьма отдаленные, занятія литературныя, охота псовая и ястребиная — другаго завтрака нѣтъ, другаго жаркова нѣтъ, какъ дупеля облитые жиромъ и до того, что я ихъ ужъ и мариную, и сушу, и чортъ знаетъ, что съ ними дѣлаю! Потомъ свѣжіе осетры и стерляди, потомъ ужасныя величиной и жиромъ перепелки, которыхъ самъ травлю ястребами до двадцати въ одинъ часъ на каждаго ястреба. Такъ какъ ты не псовый и не ястребиный охотникъ, то нечего тебѣ и говорить объ охотѣ за звѣремъ и птицею — и потому у меня есть и другая охота, отъ которой ты, вѣрно, не отказался бы — гоньба за разбойниками. Здѣсь ихъ довольно и такъ нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогахъ, а штурмуютъ господскіе дома. Я по старой партизанской привычкѣ и за ними гоняюсь, хотя они, всѣхъ грабя, всякую мою собственность и мужиковъ моихъ собственность щадятъ по пословицѣ: corsaires attaquant corsaires ne font pas leurs affaires. Недавно я мимо ихъ проѣхалъ, какъ они говорили пастухамъ, во ста шагахъ, искавши ихъ, но они спрятались и я не могъ ихъ увидѣть въ лѣсу и въ ужасныхъ оврагахъ; а то была бы схватка, которая напомнила бы мнѣ старинное партизанское удальство мое!

Пожалуйста напиши о твоемъ здоровьѣ, я не хочу сказать о нездоровьѣ, ибо не хочу объ этомъ и думать. Меня на дняхъ мой Васинька весьма напугалъ: простудился и сдѣлалась горячка. Ты можешь вообразить мое положеніе! Слава Богу, теперь онъ совсѣмъ здоровъ; желаю и о тебѣ то же узнать. Скажи мое почтеніе графинѣ. Вѣрный и непоколебимый другъ Денисъ.

XXXVII.

Графу Д. И. Хвостову.

11-го сентября 1835 г. С. Маза.

Милостивый государь графъ Дмитрій Ивановичъ! Неожиданная честь, коею ваше сіятельство удостоили меня, много льститъ моему самолюбію и поставляетъ меня въ пріятнѣйшую обязанность принести вамъ мою душевную благодарность какъ за похвалу вашу статьи моей [1]) о вашемъ безсмертномъ родственникѣ [2]) и моемъ героѣ-полубогѣ, такъ и за доставленіе мнѣ вами, милостивый государь, новѣйшихъ стихотвореній вашихъ, которыя я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Точно правда,—я былъ у столь много уважаемаго мною покойнаго князя Алексѣя Ивановича [3]), во время квартированія его въ вашемъ домѣ въ С.-Петербургѣ, и очень помню, что чести быть представлену вашему сіятельству препятствовали мнѣ молодыя мои лѣта, ибо я еще былъ тогда во всей силѣ слова мальчишка, хотя уже нѣсколько окуренный порохомъ, — но все мальчишка, и по вѣтренности моей, и по службѣ моей, и по стихамъ моимъ, мнѣ совѣстно было безпокоить васъ ничтожною моею особою, не имѣя еще никакого права на вниманіе кого либо. Теперь, если не служба моя на поприщахъ войны и словесности, я и по сіе время ничто иное, какъ казакъ наѣздникъ, то, по крайней мѣрѣ, лѣта мои сближаютъ уже меня съ вашимъ сіятельствомъ, и потому я за счастіе почту въ первый пріѣздъ мой въ С.-Петербургъ принести лично вамъ мое глубочайшее почтеніе.

---

1) «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

2) Графъ Д. И. Хвостовъ былъ женатъ на племянницѣ А. В. Суворова—княгинѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой.

3) Князь А. И. Горчаковъ (род. 1776 г., ум. 1807 г.), братъ супруги Хвостова.

Князь Александръ Аркадьевичъ [1]) сказалъ вамъ правду. Точно я намѣренъ былъ писать о великомъ Суворовѣ, но не жизнь его, — это мнѣ не подъ силу, — a étude или разсужденіе о Суворовѣ. Я его долго, то-есть, съ юношества моего изучалъ, вникалъ въ намѣренія его, старался угадывать ихъ и систему его дѣйствія, считаемую тогда мнимыми великими тактиками не системою, а какимъ-то безобразнымъ дѣйствіемъ, внушеннымъ своенравными порывами безтолковой отважности, и потому тѣмъ еще болѣе Суворову подручною и выгодною. Я, кажется, постигъ ее, по крайней мѣрѣ столько, сколько можетъ постичь человѣкъ обыкновенный произведенія ума человѣка необыкновеннаго. При всемъ томъ, къ сожалѣнію моему, я долженъ прекратить священный трудъ мой отъ недостатка въ матеріалахъ. Вы совѣтуете мнѣ, ваше сіятельство, адресоваться къ нѣкоторымъ сослуживцамъ въ Италіанской кампаніи: я со многими говорилъ и только терялъ время!— Лавернова Исторія — не исторія, а панегирикъ, Антингова — далеко не удовлетворительна, Фуксова Исторія Италіанской кампаніи [2]) ни на что не похожа. Правда, что при ней есть два тома любопытныхъ документовъ, но они служить могутъ для одной италіанской кампаніи, а Суворовъ великъ былъ тридцать лѣтъ уже прежде оной. Итакъ, гдѣ искать матеріаловъ для построенія храма? Негдѣ! И я, не взирая на рвеніе мое, долженъ положить перо и не писать. А грустно! Въ кои-то вѣки надѣлилъ насъ Богъ геніемъ самобытнымъ, и мы отъ преступнаго равнодушія ко всему собственному лишаемъ отечественную исторію блистательнѣйшаго украшенія. Еще двѣсти или триста лѣтъ впередъ, и какой-нибудь новый

---

[1]) Князь А. А. Суворовъ (род. 1804 г., ум. 1882 г.), внукъ А. В. Суворова. Д. В. Давыдовъ посвятилъ ему свою статью «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

[2]) Laverne. Histoire du feld-maréchal Sauvorof, liée à celle de son temps. Paris. 1809.—Фр. Антингъ. Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова—Рымникскаго; пер. съ нѣм. М. 1800 (1801).—Е. Фуксъ. Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г., подъ предводительствомъ генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. С.-Пб. 1825—1826.

Нибуръ или Полевой скажетъ, что Суворова не было, что Суворовъ миѳъ, означающій военный періодъ Россіи; къ счастію, что въ опровержение его мнѣнія найдутъ Суворова во французскихъ историкахъ, но какъ найдутъ его? Искаженнаго, обезображеннаго, не только на себя, но даже ни на NN не похожаго!

Примите, ваше сіятельство, нелицемѣрное увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXXVIII.

Н. М. Языкову.

11-го сентября (1835 г.) С. Маза.

Благодарю и нѣтъ словъ у меня довольно возблагодарить васъ, любезный Николай Михайловичъ, за поэтическій подарокъ вашъ [1]). Можете ли вы думать, чтобы я воспротивился напечатанію онаго? Кто противится безсмертію? А вы меня къ нему несете, какъ въ поднебесную орелъ голубя, — мощно и торжественно. Что за стихи, что за прелесть! Впрочемъ, что же не прелесть изъ произведеній вашихъ? Вы меня такъ этими стихами расшевелили, что я было принялся писать вамъ стихами же, измаралъ около дести бумаги и сталъ въ пень отъ совѣсти платить мѣдью за золото.

Если вы до половины октября пробудете въ Пензѣ, то я васъ увижу, ибо въ концѣ текущаго мѣсяца я буду въ той сторонѣ. Какъ хочется васъ застать тамъ, съ какою радостью я обниму моего благодѣтеля, да—благодѣтеля, не прогнѣвайтесь! Вы, можетъ-быть, думаете, что ничего не значитъ быть вами, именно вами воспѣтымъ? А я думаю, что много

---

[1]) Это письмо служитъ отвѣтомъ на стихотвореніе Н. М. Языкова, начинающееся словами: «Жизни баловень счастливый»...

значитъ быть прославленну гордой и независимой лирою перваго самобытнаго поэта нашего, никого не воспѣвающаго наперекоръ сердца и совѣсти.

Смотрите же, чуръ не забыть меня послѣ жизни моей; мало того чтобы благодѣтельствовать мнѣ въ теченіе ея. Я уже нѣкогда говорилъ о томъ Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вамъ о томъ же: напишите тогда общими силами некрологію мою и произведите въ свѣтъ не пролетный листокъ для Воейковскаго „Инвалида“, а что-нибудь такое, которое бы осталось на долго. Шутки въ сторону и не въ похвалу себѣ сказать, а я этого стою: не какъ воинъ и поэтъ исключительно, но какъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ лицъ русской арміи. Непристойно о себѣ такъ говорить, но это правда. Возьмите благословеніе, данное мнѣ Суворовымъ; тридцати-лѣтнюю службу мою во всѣхъ, ровно во всѣхъ войнахъ Россіи въ теченіе этого времени; 1812 годъ, на которомъ я зарубилъ свое имя. Вѣкъ Наполеона, коему принадлежу я,—вѣкъ бурный и мятежный, изрыгавшій всесокрушительными событіями какъ Везувій лавою, но въ пылу которыхъ я пѣлъ какъ на кострѣ тампліеръ Моле, объятый пламенемъ. И послѣ—штиль и спокойствіе, и обо мнѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, меня какъ нѣтъ на свѣтѣ; соха и словесность поглощаютъ меня,—но вовстаетъ гроза и буря, и я, какъ алкіонъ, бѣлѣюсь уже на черномъ небѣ: война въ Персіи—и я тутъ, у подошвы Арарата бьюсь и кочую; война въ Польшѣ—и я тутъ, на берегахъ Вислы — громлю и милую; хвалю и вѣшаю, и имя мое во всѣхъ войнахъ торчитъ какъ казацкая пика. Миръ заключенъ, и я опять дома, опять гражданинъ, опять отецъ семейства, пахарь, обожатель красоты во всѣхъ ея отрасляхъ—въ юной дѣвѣ ли, въ подвигѣ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, вездѣ я слуга ея, я рабъ ея, богослужитель, поэтъ ея. Но полно предупреждать васъ въ похвальномъ словѣ, ибо мнѣ надо и совѣсть знать.

Знаете ли вы, что я въ Москвѣ познакомился съ Кукольникомъ, часто видалъ Хомякова и одинъ разъ обѣдалъ у Баратынскаго съ сотрудниками „Московскаго Наблюдателя“.

Какъ находите вы этотъ журналъ? Мнѣ кажется, что онъ еще слабѣе „Библіотеки для чтенія“, въ которую я помѣщаю свои статьи, потому что она всетаки расходится по Россіи болѣе другихъ журналовъ. Вы, конечно, читали уже статью мою о морозѣ [1]); по стихамъ вашимъ видно, что читали и о „Встрѣчѣ съ Суворовымъ“; жаль что, по сіе время Смирдинъ не печатаетъ статью „Воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи“, это мое любимое дитя; эту статью я самъ рекомендую, она утѣшитъ васъ, если ее не исковеркалъ Сенковскій, какъ уже исковеркалъ вышедшія статьи мои. Про него можно сказать то, что Наполеонъ говаривалъ о Фушѐ: „Cet homme a la manie de fouler le pied dans le soulier de tout le monde“. Что ему мѣшало оставить въ покоѣ пять словъ, заключающихъ встрѣчу съ Суворовымъ: „и Прага, залитая кровью, курилась“, это и коротко, и картинно. Какъ же онъ разжижилъ это: „и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ“. Этотъ уродъ не понялъ, что слово курилась на концѣ періода есть послѣдній махъ кисти живописца, слѣдственно, въ немъ и вся сила періода.

Не будучи знакомъ съ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ, я на дняхъ получилъ письмо отъ него. Какъ родственникъ Суворова, онъ благодарилъ меня за мою статью и хвалитъ ее до нельзя, увѣряя, что я одинъ разгадалъ этого неразгаданнаго метеора и проч., и все это для того, какъ кажется, чтобы всучить мнѣ пару новыхъ его стихотвореній [2]). Какъ хотите, а пусть осколки этой бомбы летятъ не въ одного меня, а и въ васъ, и потому прилагаю вамъ одинъ экземпляръ изъ нѣсколькихъ въ меня попавшихъ. Я никогда не забуду шутку Суворова, уже умирающаго. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ давалъ приказанія окружавшимъ его родственникамъ весьма серіозно и въ заключеніе всего слабымъ голосомъ умирающаго подозвалъ къ себѣ графа Хвостова, — этотъ подошелъ къ нему съ благоговѣніемъ и слу-

---

[1]) «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году»?

[2]) «На освященіе собора Смольнаго монастыря» и «Столѣтіе литейнаго дома».

шалъ. Что же Суворовъ сказалъ ему съ усмѣшкою на устахъ? „А ты, мой другъ, пожалуйста, одолжи меня: не сочиняй стиховъ на мою смерть" [1]).

Итакъ, до свиданія, любезнѣйшій Николай Михайловичъ. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

PS. Пожалуйста кланяйтесь отъ меня Александру Петровичу Петерсону.

XXXIX.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

17-го сентября (1835 г.) С. Маза.

Милое дружеское письмо ваше, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ, я получилъ вчера и спѣшу благодарить васъ, но какъ благодарить, не знаю. Слова не выразятъ чувствъ моихъ. Одолженіе ваше за предѣлами обыкновенныхъ, свѣтскихъ одолженій; оно бьетъ прямо въ сердце отцовское, а для возблагодаренія за такого рода одолженія нѣтъ лексиконовъ и риторикъ; нѣтъ ни пера, ни языка; итакъ, довольствуйтесь моимъ сердцемъ, вамъ на вѣкъ преданнымъ и благодарнымъ.

Жду съ нетерпѣніемъ письма вашего съ подробностями, какъ записать въ кандидаты моего второго сына, ибо, какъ я васъ, кажется, увѣдомилъ, старшаго я приготовляю въ Институтъ инженеровъ путей сообщеній подъ непосредственное начальство почтеннѣйшаго и всей душой уважаемаго мною графа Карла Ѳедоровича [2]). Повторяю вамъ, что ему (то-есть, второму) скоро одиннадцать только лѣтъ, слѣдственно, записавъ его въ кандидаты, я хочу продержать его еще у себя для приготовленія къ тому, что по программѣ требуется.

Вы пишете о какой-то моей славѣ,—что принцъ [3]) съ радостью приметъ сына Дениса Давыдова; напоминаете о службѣ

---

[1]) Д. И. Хвостовъ, какъ извѣстно, не исполнилъ просьбы Суворова. Ода на его смерть напечатана въ 1-мъ томѣ собранія стихотвореній Д. И. Хвостова. С.-Пб. 1828, изд. 3-е, стр. 182.

[2]) Графъ К. Ѳ. Толь (род. 1777 г., ум. 1842 г.), генералъ-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщенія.

[3]) Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

моей 1812 года и пр. Это дань вашей дружбы; вы такъ меня видите; вы, можетъ-быть, одинъ въ Россіи. Ваша прекрасная душа съ отголоскомъ на все отечественное, на все благородное и отважное, представляетъ меня какимъ-то историческимъ лицемъ, тогда какъ я ничто какъ пахарь и иногда сотрудникъ Смирдина, и все тутъ. Кстати о Смирдинѣ,—читали ли вы послѣднюю статью мою о Суворовѣ? Какъ она вамъ кажется? Жаль мнѣ, что онъ держитъ подъ спудомъ любимое мое дѣтище „Воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи",—эту статью я вамъ рекомендую; вы ею будете довольны, ручаюсь. Въ ней я говорю про вдохновеніе во время сраженія; говорю, что оно столько же нужно полководцу, сколько витію и поэту, и потомъ вотъ слова мои: „принадлежность Суворова, принадлежность Наполеона — поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо — полководцевъ слова". Это не дурно.

Не могу забыть письмо ваше,—что ни говорю и ни думаю, а все оно въ головѣ у меня—нѣтъ, въ сердцѣ. Мало вамъ одолжать меня стараніемъ о принятіи сына моего въ кандидаты,—нѣтъ, надо было еще предложить себя для надзора иногда за нимъ и въ праздничные дни брать его къ себѣ въ домъ вмѣстѣ съ Леонидомъ [1]). Знаете ли вы, что это такое? Но что мнѣ спрашивать васъ, знаете ли—вы сами отецъ и страстный отецъ, слѣдственно, этотъ вопросъ лишній, но лишній для устъ, а не для сердца. Ничего не могу болѣе вамъ сказать: да вознаградитъ васъ Богъ въ дѣтяхъ вашихъ за ваши мнѣ одолженія.

Анекдоты о Ланскомъ, Ушаковѣ и другихъ я вамъ доставить не могу, ибо ничего не знаю. Кой-что однако напишу о Ланскомъ и доставлю. Теперь я по уши занятъ: дописываю статью Смирдину и рыскаю по полямъ за волками, лисицами и зайцами. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) Сынъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

XL.

А. И. Михайловскому-Данилевскому

5-го ноября (1835 г.) С. Маза.

Почтеннѣйшій и милый мой другъ Александръ Ивановичъ! Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ; письмо ваше и всѣ нужныя наставленія я отъ васъ получилъ, теперь надо приступить къ дѣлу, то-есть, къ кандидатству. Досадно то, что грамота моя на дворянство находится въ моемъ домѣ въ Москвѣ, куда пишу, чтобы скорѣе ее ко мнѣ выслали; боюсь, что замедлю—тогда какъ слышу, что охотниковъ въ кандидаты до шести-сотъ, а мѣстъ на сто-пятьдесятъ. Впрочемъ, употреблю все стараніе, чтобы имѣть.

Вы пишете, что вамъ нравится мое воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи. Это мое любимое дитя. Жаль, что г. Сенковскій, или не знаю кто, опакостилъ лучшія розы цвѣтника моего. Я объ этомъ писалъ и еще пишу Смирдину, пусть исправляетъ мои грамматическія ошибки: не зная грамматики, не только не буду въ претензіи за исправленіе этихъ ошибокъ, но еще благодаренъ буду. Но измѣнять слогъ мой, хотя онъ и не превосходенъ, я не соглашаюсь. Одно переставленное слово часто отнимаетъ всю душу періода. Возьмите, напримѣръ, въ „Встрѣчѣ съ великимъ Суворовымъ“ я кончаю такъ: „и Прага, залитая кровью, курилась“... Въ „Библіотекѣ“ сказано: „и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ“. Первое—послѣдній махъ кисти живописца, послѣднее—вялая фраза Сенковскаго; къ тому же Прага залита была не одной кровью защитниковъ, довольно было брызговъ и нашей крови. Потомъ въ воспоминаніи сказано у меня: „все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизвѣстнаго и пр. и столько же необходимаго для поэта, для витіи, какъ для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо — полководцевъ слова“. Какъ же въ „Библіо-

токѣ“ сказано: „который (порывъ) равно необходимъ и поэту, и витіи, и полководцу, и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо—полководцевъ слова“. Ахъ, онъ с... с..., поэтовъ и витій военнаго дѣла! Да и какъ весь періодъ исковеркалъ!

Теперь я пишу Смирдину, чтобы онъ статьи мои пересылалъ ко мнѣ прежде, чѣмъ печатать ихъ, немедленно по выходѣ ихъ изъ станка Сенковскаго и цензуры. Иначе нельзя; что ни дай этимъ самозванцамъ литераторамъ—все они на свой ладъ переворотятъ. Я зимою буду въ Петербургѣ на малое время и обниму любезнѣйшаго друга Александра Ивановича отъ всей души; пока до свиданія. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

P. S.

На будущей почтѣ пришлю вамъ послѣднія двѣ статьи, на которыя подрядился я. Буду просить васъ вручить ихъ Смирдину и, взявъ у него двѣ тысячи ассигнацій, немедленно прислать ко мнѣ, чѣмъ обяжете очень.

XLI.

Н. М. Языкову.

13-го ноября (1835 г.) С. Маза.

Получили ли вы, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, письмо мое, писанное къ вамъ въ Пензу? я его адресовалъ по присланному мнѣ вами адресу: въ Пензу, въ домъ Ермолова. Вообразите мое несчастіе: я пріѣхалъ въ Пензу спустя нѣсколько только дней послѣ вашего отъѣзда, объ этомъ мнѣ говорилъ Петерсонъ, у котораго я былъ раза два.

Я теперь въ Мазѣ моей съ 30-го октября. Снѣгъ завалилъ мою хижину, и я волею и неволею принужденъ за-

няться статьями для „Библіотеки“. Теперь кончаю послѣднюю статью; что-то будетъ? Избавлюсь ли я отъ губительныхъ поправокъ Сенковскаго, который взялъ на себя не только коверкать слогъ мой, но и мысли мои. Есть мѣста, которыя я никакъ не узнаю. Всего досаднѣе, что онъ не оставилъ въ покоѣ и любимаго моего дѣтищу Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. Между прочимъ, у меня въ одномъ мѣстѣ сказано: „но чтобъ пользоваться подобными минутами не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума разсчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго, какъ искра электрическая, и столько же необходимаго для поэта, для витіи, какъ и для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо—полководцевъ слова“. Какъ же онъ передѣлалъ: „который равно необходимъ и поэту, и витію, и полководцу и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова — поэтовъ и витій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо — полководцевъ слова“. То ли это? Или, если хотите, оно то же, но какъ выражено! Такихъ поправокъ множество.

Мнѣ хочется въ теченіе этого мѣсяца быть въ Симбирскѣ— не будете ли вы тамъ, или не будете ли въ Рѣпьевкѣ у вашей сестрицы? Если будете въ Рѣпьевкѣ, ради Бога увѣдомьте, я сейчасъ прискачу къ вамъ. Я въ Мазѣ пробуду до начала января, потомъ съѣзжу въ Москву и въ Петербургъ и къ марту буду опять здѣсь.

Что наши заграничные гомеопаты? Мнѣ кажется, что la discorde est au camp. По крайней мѣрѣ наука не подвигается, а остановилась. Мнѣ Беллюзаръ наслалъ кипы гомеопатическихъ книгъ, и я въ нихъ копаюсь съ любовью. Пожалуйста скажите мой дружескій поклонъ братцу вашему Александру Михайловичу и не лѣнитесь, пишите мнѣ иногда о себѣ и не оставляйте поэзію для славы вашей—скажу болѣе, для славы Россіи.

Ваша лирическая пѣснь ко мнѣ [1]) свела съ ума всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ поэзію, и прелестная рука переписала стихи ваши для меня. Простите любезнѣйшій Николай Михайловичъ, отвѣчайте на это письмо волею и неволею. Преданный вамъ всею душою Денисъ Давыдовъ.

XLII.

А. С. Пушкину.

23-го ноября (1835 г.) Москва.

Письмо твое съ Шениншнымъ я получилъ. Досадно, что Даниловскій отсѣкаетъ безъ всякаго основанія цѣлые періоды отъ статей моихъ [2]). Чтó дѣлать?! Я пока ни слова не намекну ему о томъ, боясь разсердить его. Онъ теперь пишетъ 12-й годъ [3]) и, пожалуй, съ сердцовъ вычеркнетъ изъ него и дѣла мои.

Между тѣмъ я, признаюсь, доволенъ его обозрѣніемъ кампаніи 1814 года [4]). Происшествія изложены ясно, есть въ немъ документы неизвѣстные; ни одно выраженіе, конечно, не беретъ на штыки читателя, за то все сочиненіе проникнуто теплою любовью къ Россіи, чтò для меня, варвара, человѣка русскаго безъ всякой примѣси, Богъ знаетъ, какъ усладительно, особенно при настоящемъ духѣ обще-гражданства, разливаемаго нашими школьниками—Ликургами съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ. Но неужели нельзя хвалить русскихъ войскъ безъ порицанія Наполеона? Это порицаніе причиною того, что все сочиненіе отзывается болѣе временемъ 1812 года,

---

[1]) Напечатана въ Собраніи стихотвореній Н. М. Языкова, т. II, стр. 56.

[2]) Нѣкоторыя изъ статей Д. В. Давыдова были представлены на цензуру А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

[3]) «Описаніе Отечественной войны 1812 года» вышло первымъ изданіемъ въ 1839 году.

[4]) Это обозрѣніе сдѣлано въ «Запискахъ 1814 года». С.-Пб. 1831.

слогомъ Сергѣя Глинки, когда ненависть къ посягателю на честь и существованіе нашей родины внушала намъ одни ругательства на него, чѣмъ нашимъ временемъ, когда вражда къ нему забыта и геній его оцѣненъ безспорно и торжественно. Эти всѣ выходки Данилевскаго для чего? Онъ оттого похожъ на тѣхъ французовъ, которые, при вступленіи нашемъ въ Парижъ, навязавъ веревку на шею бронзовой статуи великаго человѣка, тащили ее съ вершины колонны на мостовую.

Ты спрашиваешь о Чаадаевѣ [1])? Какъ очевидецъ, я ничего не могу сказать о немъ; я прежде не ѣзжалъ къ нему и теперь не ѣзжу. Я всегда почиталъ его человѣкомъ весьма начитаннымъ и, безъ сомнѣнія, весьма умнымъ шарлатаномъ въ безпрерывномъ пароксизмѣ честолюбія, но безъ духа и характера, какъ бѣлокурая кокетка, въ чемъ я, кажется, не ошибаюсь. С. разсказывалъ мнѣ весь разговоръ его съ нимъ, отъ доски до доски! Видя бѣду неминуемую, онъ признался ему, что писалъ этотъ пасквиль на русскую націю по возвращеніи изъ чужихъ краевъ во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь; какъ онъ старался свалить всю бѣду на журналиста и цензуру, на перваго—потому, что онъ очаровалъ его и увлекъ его къ дозволенію отдать въ печать этотъ пасквиль, а на послѣднюю—за то, что пропустила оный. Это просто гадко, но что смѣшно—это скорбь его о томъ, что скажутъ о признаніи его умалишеннымъ знаменитые его друзья и ученые: Балланшъ [2]),

---

[1]) Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (род. 1793 г., ум. 1856 г.), офицеръ Семеновскаго и Ахтырскаго гусарскаго полка; авторъ извѣстныхъ «Философскихъ писемъ», въ которыхъ онъ проводитъ пессимистическій взглядъ на русскую жизнь и требуетъ полнаго перевоспитанія русскаго общества на началахъ католицизма, «животворящаго начала единства», олицетвореніемъ котораго является папство. Русское общество отнеслось очень враждебно къ воззрѣніямъ Чаадаева. Его «Письма» показались пасквилемъ на честь Россіи, а самого автора сочли даже за сумасшедшаго. Къ такому пониманію Чаадаева былъ близокъ, очевидно, и Давыдовъ.

[2]) Балланшъ (род. 1776 г., ум. 1847 г.), французскій писатель. Въ своихъ сочиненіяхъ Балланшъ касается, между прочимъ, теологическихъ вопросовъ. Католицизмъ признается Балланшемъ съ точки зрѣнія искусства самою поэтическою религіею.

Ламне [1]), Гизо и какіе-то нѣмецкіе шустера-метафизики! Но полно, еслибъ ты не вызывалъ меня, я бы о немъ промолчалъ, потому что не люблю разочаровывать; впрочемъ, спроси у Тургенева, который на дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ тебѣ, можетъ-быть, разскажетъ происшествіе не такъ, какъ я, и успокоитъ тебя на счетъ католички [2]).

Ты хочешь печатать оставшіяся строки отъ „Занятія Дрездена“. Напрасно. Ты увидишь, какъ статья будетъ гола. Я лучше пришлю тебѣ другую статью, а эту ты мнѣ возврати. Впрочемъ, какъ хочешь, все отдаю на волю моему отцу и командиру. Только, Бога ради, пришли мнѣ копію съ „Занятія Дрездена“, зачеркнувъ въ ней карандашемъ все то, что̀ вычеркнули кровавыми чернилами. Присылай скорѣй, безъ замедленія, не клади въ долгій ящикъ, потому что у меня не осталось даже черновой тетради. Прости.

XLIII.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

22-го декабря 1835 года. С. Маза.

Сейчасъ прочиталъ я въ приказахъ о производствѣ вашемъ [3]), любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ, и спѣшу васъ отъ всей души моей поздравить. Пора, пора и пора,— только жаль, что производство это сопрягается съ назначеніемъ въ сенаторы. Рано еще вамъ мѣнять поприще суда Божія на поприще суда человѣческаго — впрочемъ, сенаторство не мѣ-

---

[1]) Аббатъ де-Ламне (род. 1782 г., ум. 1854 г.), французскій философъ, основатель теологическаго скептицизма Главный его трудъ: «Essai sur l'indifférence en matière religieuse», гдѣ авторъ старается доказать дѣйствительность вѣры въ Бога, откровенія, католичества.

[2]) Екатерина Дмитріевна Панова, урожденная Улыбышева, къ которой былъ адресованъ рядъ извѣстныхъ «Философскихъ писемъ» Чаадаева въ теченіе 1829—1830 г.

[3]) 6-го декабря 1835 г. А. И. Михайловскій-Данилевскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

шаетъ взмаху сабли, когда нужда потребуетъ. Была бы только гроза, зачернѣлась бы только туча на горизонтѣ, и мы явимся и, какъ алкіоны, выпечатаемся бѣлымъ пятномъ на черной тучѣ. За нами дѣло не станетъ, да то плохо, что грозы-то не предвидится. Какъ не пожалѣть о нашей общей потерѣ, о благодѣтелѣ нашемъ Наполеонѣ! Этотъ добрый человѣкъ не оставлялъ насъ въ тоскѣ тунеядства. Нынѣ вѣкъ болтуновъ; все болтаетъ: и на каѳедрахъ, и въ газетахъ, и въ гостиныхъ, а что изъ того проку? Бороды вмѣсто бакенбардовъ, длинные ногти и золотыя очки на носу! Намъ не для чего задирать другихъ. Слава Богу! Одной рукой хватаемся за Сѣверный мысъ, другою за Араратъ, а ступней въ срединѣ Европы; хоть бы насъ задрали, да кому! Европа въ халатѣ, безъ портокъ, ѣстъ, пьетъ и сплетничаетъ; ей тѣсенъ мундиръ и каска въ тягость! Итакъ, видно, намъ съ вами долго, а, можетъ-быть, и никогда уже не жить нашей истинной жизнью! Я 22-го января выѣзжаю отсюда въ Москву. Въ Москвѣ пробуду дня три и поскачу въ Петербургъ на нѣсколько дней. Первый мой выѣздъ будетъ къ вамъ или, лучше сказать, только-что пріѣду, сейчасъ дамъ вамъ знать о моемъ пріѣздѣ. Я нетерпѣливъ обнять васъ и поблагодарить за вашу милую благодѣтельную дружбу, ибо есть дружбы разнаго рода.

Я полагаю, что вы уже получили посылку мою съ двумя статьями для Смирдина. Пожалуйста не щадите его и при отдачѣ ему статей тутъ же отберите отъ него статьи общественнаго блага, то-есть, деньги. Двѣ тысячи рублей не могутъ быть нигдѣ лишними, особенно въ Петербургѣ.

Я съ собою привезу еще одну статью, довольно любопытную; это занятіе мною Дрездена. За нее я дешево не возьму, да вѣдаетъ о томъ Смирдинъ и Комп., ибо это статья изъ партизанскаго дневника моего. Во мнѣ возникла довольно оригинальная мысль года два тому назадъ: я вздумалъ всѣ вы-ручаемыя мною деньги за сочиненія мои употреблять на прибавку жалованій учителямъ и на покупку книгъ дѣтямъ моимъ, а такъ, какъ вояжъ, предпринимаемый мною теперь, собственно

для старшаго моего сына, котораго я намѣренъ отдать въ 1837 году въ Институтъ путей сообщенія, то на эту поѣздку я употребляю деньги изъ этой суммы. Мнѣ хочется, чтобъ въ совершенномъ возрастѣ сыновей моихъ, они знали, что на воспитаніе ихъ употреблены были не однѣ деньги пшеничныя, но и тѣ, которыя я пріобрѣталъ головою. Это, можетъ-быть, послужитъ имъ примѣромъ, ибо хорошій примѣръ дѣйствительнѣе всякаго словеснаго наставленія.

Что̀ вамъ болѣе писать изъ глухихъ степей нашихъ? У насъ вьюги да мятели, и все тутъ. Итакъ, простите, до свиданія. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

XLIV.

А. С. Пушкину.

6-го января 1836 г. С. Маза.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, стихи, сейчасъ мною написанные. Я объ нихъ могу кричать: „стихи горячіе“, какъ блинники кричатъ: „блины горячіе“; это челобитная Башилову. У меня есть каменный, огромный домъ въ Москвѣ, окно въ окно съ пожарнымъ депо. Въ Москвѣ давно хлопочутъ о покупкѣ дома для оберъ-полицеймейстера: я рѣшился предложить свой— вотъ о чемъ идетъ дѣло въ моей челобитной. Ты можешь напечатать ее въ „Современникѣ“, только повремени немного, хотя до 3-го номера. Главное дѣло въ томъ, чтобы моя челобитная достигла не столько поэтической, сколько положительной цѣли; пусть она сперва подѣйствуетъ на Башилова, понудивъ его купить мой домъ за 100000 рублей, а тамъ, въ случаѣ несогласія съ его стороны, да поступитъ она въ область фикцій вмѣстѣ съ своими надеждами и предпріятіемъ.

XLV.

А. С. Пушкину.

8-го февраля (1836 г.) Москва.

Полагая, что у тебя нѣтъ ни письма, ни стиховъ Жобара[1]), спѣшу доставить ихъ тебѣ, любезнѣйшій другъ. Хотя переводъ довольно плохъ, но есть вполнѣ смѣшныя мѣста; что касается до письма, я, читая его, хохоталъ какъ дуракъ. Этотъ Жобаръ—злая бестія, ловко доклевавшій журавля, подбитаго соколомъ. Преданный тебѣ душою.

XLVI.

А. С. Пушкину.

2-го марта 1836 г. Москва.

Твое „ты" [2]) сняло съ меня 25 лѣтъ съ костей и развязало мнѣ руки; я молодъ и веселъ. Теперь слово о журналѣ: Смирдинъ мнѣ давалъ по триста рублей за печатный листъ, съ тѣмъ, чтобы статьи, помѣщаемыя имъ въ „Библіотекѣ для чтенія", я имѣлъ право печатать въ особой книжкѣ. Какъ тебѣ угодно? Я съ тобой на все согласенъ, только увѣдомь. Жаль, что не дождусь тебя въ Москвѣ; я сегодня ѣду въ мои степи. Баратынскій хочетъ пристать къ намъ, это не худо; Языковъ, вѣрно, будетъ нашимъ, надо бы и Хо-

[1]) Жобаръ, бывшій казанскій профессоръ, находился въ сильной враждѣ съ С. С. Уваровымъ. Жобаръ перевелъ стихотвореніе Пушкина «На выздоровленіе Лукулла» на французскій языкъ и отправилъ его къ Уварову, противъ котораго оно и было направлено, съ просьбою снабдить переводъ своими примѣчаніями для напечатанія его въ одной изъ бельгійскихъ газетъ.

[2]) Ср. конецъ письма Давыдова къ Пушкину отъ 4-го апрѣля 1834 года.

мякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы въ комплектѣ.

Боюсь за Данилевскаго, хотя онъ увѣряетъ меня въ своей пріязни, но, читая мою статью, онъ что-то сильно морщился. Но смѣлымъ Богъ владѣетъ, et puis on peut lui faire des concessions. Прости.

XLVII.

Н. М. Языкову.

25-го марта (1836 г.) С. Маза.

Я отъ васъ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, едва-едва дотащился въ саняхъ до Симбирска, гдѣ хотѣлъ было ихъ бросить, но какое-то наслажденіе бороться съ препятствіями понудило меня снова пуститься въ зимнемъ экипажѣ и я, плывя водою, ныряя по ухабамъ и тащась по голой землѣ, добрался до дома на полозьяхъ, гдѣ не взялъ еще нужной осѣдлости, чтобы приняться за работу. Закачало; въ головѣ еще пусто, перья еще не очинены и чернильница высохла. Приведя все въ порядокъ, пущусь помогать Пушкину [1]).

Кстати о Пушкинѣ. Вы хотѣли имѣть адресъ его? Вотъ онъ: на Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ домѣ Баташева.

Я нашелъ здѣсь кипу номеровъ „Journal des Débats“, „Инвалида“ и экономическихъ журналовъ, меня дожидавшихся, но „Наблюдателя“ не нашелъ; видно, почтамтъ ошибкою доставляетъ его въ другое мѣсто. Также не нашелъ и „Библіотеки для чтенія“. Я полагаю, что Сенковскій съ сердцовъ за мои на него выходки не захочетъ присылать, ибо прежде журналъ этотъ присылаемъ былъ мнѣ даромъ.

Болѣе писать нечего изъ степей моихъ, къ тому же я не сотресъ съ себя еще грязи дорожной. Итакъ, простите до перваго прозаическаго или стихотворнаго изверженія. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) Пушкинъ сталъ издавать въ то время «Современникъ», въ которомъ сотрудничалъ Давыдовъ.

XLVIII.

А. С. Пушкину.

6-го апрѣля (1836 г.) С. Маза.

Я былъ у Языкова, который готовъ поступить подъ твои знамена. Увѣдомь, Бога ради, пропуститъ ли цензура мою статью [1])? Если возстанутъ противъ какихъ-нибудь словъ и даже цѣлыхъ періодовъ, я уполномочиваю тебя вымарать и измѣнить во всей статьѣ, что̀ твоей душѣ будетъ угодно. Если же всю статью остановятъ въ таможнѣ, я примусь вновь за работу и пришлю тебѣ другую.

Нѣтъ ли прижимки твоему журналу со стороны наслѣдника Лукулла [2])? Я знаю, что „Наблюдатель“ [3]) охаетъ; разсчитывай на меня; я подъ твоимъ начальствомъ лихо буду служить. Кланяйся общимъ пріятелямъ нашимъ: Жуковскому, Вяземскому, и повергни меня къ стопамъ жены твоей.

XLIX.

В. А. Жуковскому.

14-го апрѣля 1836 г. С. Маза.

Любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ! У меня есть экземпляръ сочиненій твоихъ самаго перваго изданія [4]), подаренный мнѣ тобою и съ подписью твоей руки. Я бы могъ купить экземпляръ новаго, послѣдняго изданія, но онъ будетъ не отъ тебя и безъ твоей подписи. Пришли же мнѣ такой,

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о «Занятіи Дрездена».

[2]) Намекъ на извѣстное стихотвореніе Пушкина «На выздоровленіе Лукулла».

[3]) Журналъ «Московскій Наблюдатель» началъ издаваться съ 1835 г. подъ редакціей В. П. Андросова.

[4]) Стихотворенія В. Жуковскаго. 2 части. С.-Пб. 1815-1816.

какого мнѣ хочется, и тѣмъ одолжишь стариннаго друга очень и очень.

Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи [1]), что мой бѣдный локонъ дыбомъ станетъ отъ восторга. Ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія этого журнала. И мое дѣтище должно быть тамъ, если попутный вѣтеръ перенесъ его между шкеръ и таможенныхъ заставъ петербургской цензуры.

Я не могу забыть пріятнѣйшаго вечера и утра, проведенныхъ у тебя, и вообще краткаго, но и веселаго пребыванія моего въ Петербургѣ. Я какъ будто снова отскочилъ въ прошедшее, встрѣтясь съ тобой и Вяземскимъ, товарищами лучшихъ дней моей жизни! Если Богъ приведетъ, я скоро опять увижусь съ вами и не на короткій уже срокъ: будущую весну везу двухъ сыновей, одного въ Институтъ путей сообщенія, а другого въ Училище правовѣдѣнія, и слѣдственно, пока помѣщу ихъ, пока увижу, какъ они за дѣло принимаются, поживу съ вами; а тамъ буду ежегодно раза два производить партизанскіе наскоки для надзора за ними. Смотрите же, прошу не старѣть до того времени и брать примѣръ съ меня, а если вздумаете старѣть, то, чуръ, вмѣстѣ. Охъ, тяжелое это дѣло! Какъ я ни храбрюсь, а все чувствую, что не тотъ уже, что былъ! Прошедшую войну въ Польшѣ сталъ уже укрываться отъ непогоды; дай уже шалашъ, тогда какъ прежде весь шалашъ состоялъ въ чаркѣ водки; сталъ кряхтѣть на сѣдлѣ при усиленномъ переходѣ, чего я никогда не дѣлалъ и не понималъ, какъ можно это дѣлать. Однако недавно сломалъ два важные похода, одинъ изъ Москвы сюда въ самую ужасную ростополь, а другой на волка, за которымъ по приволжскимъ степямъ моимъ гнался во весь скокъ около двадцати верстъ и котораго наконецъ побѣдилъ. Впрочемъ, послѣдній подвигъ не стоитъ перваго; путь изъ Москвы сюда былъ гораздо труднѣе: я плылъ, топился, ползъ по голой землѣ, обрывался въ зажоры и часто ночевалъ въ полѣ подъ проливнымъ дождемъ,

---

[1]) «Ночной смотръ» напечатанъ въ «Современникѣ» 1836 г., т. I.

что не такъ-то покойно въ перекладной, открытой повозкѣ, — за то пріѣхалъ домой, какъ голубь Лафонтена, таща крыло и хромая. Прости другъ любезный и вѣрь неколебимой дружбѣ вѣрнаго друга Дениса.

L.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

3-го мая 1836 г. С. Маза.

Письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, отъ 17-го апрѣля я третьяго дня получилъ. Повторяю вамъ: готовъ всѣми силами помогать вамъ въ трудѣ вашемъ доставленіемъ всего того, что у меня и въ памяти, и въ портфелѣ. Начинаю присылкою вамъ двухъ моихъ брошюръ: 1-я, „Замѣчанія на некрологію Раевскаго"; 2-я, „Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона", диктованныхъ Гурго на островѣ св. Елены. О послѣдней говорено было въ „Revue Encyclopédique", гдѣ между прочимъ сказано [1]): Là fut toute sa faute (le séjour trop prolongé à Moscou), de là vinrent tous les désastres de notre armée et le témoignage d'un ecrivain russe, qui se montre aussi impartial que zélé pour la gloire de son pays, devra être d'un grand poids aux yeux de l'histoire. M. Davuidof, nous aimons à le reconnaître, a conservé dans cette discussion toute la décence et la dignité que l'on pouvait attendre d'un homme digne d'apprécier le mérite militaire, et que son esprit et ses talens ont rendu aussi célèbre dans la société que sur les champs de bataille [1]). „Sol-

[1]) «Revue Encyclopedique» 1828 г., t. XXXVII, p. 450. Переводъ. «Въ этомъ заключалась вся ошибка (слишкомъ продолжительное пребываніе въ Москвѣ), отсюда всѣ бѣдствія нашей арміи, а свидѣтельство русскаго писателя, который является настолько же безпристрастнымъ, насколько и ревностнымъ къ славѣ своей страны, должно имѣть большое значеніе въ глазахъ исторіи. Мы считаемъ пріятнымъ своимъ долгомъ признать, что Давыдовъ въ этомъ разборѣ сохранилъ все приличіе и достоинство, какого можно было ожидать отъ человѣка, способнаго оцѣнить военныя заслуги, и который, благодаря своему уму и талантамъ, сдѣлался на столько же извѣст-

dat lui-même, il a respecté", dit-il, „la gloire du premier soldat de tous les siècles et la mémoire de celui que quelques-uns de ses anciens serviteurs, de ceux même qu'il avait comblés de bienfaits, ont eu plus d'une fois la lâcheté d'insulter et de calomnier".

Въ этихъ двухъ брошюркахъ вы найдете кой-что не мало интереснаго относительно къ Отечественной войнѣ. Первую я посылаю вамъ для того, что въ ней находятся нѣкоторыя опроверженія сказаніямъ Бутурлина [1]). Онѣ писаны были самимъ Раевскимъ и имъ самимъ были ко мнѣ присланы еще въ 1817 году. Послѣдняя—не полна; у меня былъ экземпляръ въ рукописи полнѣе, то-есть, съ бо́льшимъ числомъ документовъ, опровергающихъ слова Наполеона, но тетрадь эта у Смирдина, имѣющаго намѣреніе помѣстить эту статью въ книгѣ, въ которой онъ помѣститъ всѣ отдѣльныя статьи мои [2]).

Партизанскій дневникъ мой я прежде зимы не могу вамъ доставить; онъ много измаранъ; надо будетъ переписать его. Къ этому времени я надѣюсь выдать четвертое изданіе „Опыта теоріи партизанскаго дѣйствія" [3]), оно вылито въ другую форму и много исправлено по совѣту знающихъ свое дѣло военныхъ людей, между прочимъ незабвеннаго Бурцова [4]), убитаго за

нымъ въ обществѣ, какъ и на поляхъ битвы. «Будучи самъ солдатомъ», говоритъ Давыдовъ, «онъ не переставалъ отдавать справедливость первому солдату вѣковъ и міра и уважать память того, который вызывалъ неоднократныя безстыдныя нареканія и малодушныя оскорбленія нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ и даже людей, осыпанныхъ его благодѣяніями».

[1]) Давыдовъ разумѣетъ сочиненіе гр. Д. П. Бутурлина: «Исторія нашествія императора Наполеона въ 1812 году». С.-Пб. 1823—1824.

[2]) Авторъ разумѣетъ здѣсь изданіе 1840 г., которое, судя по цензурной помѣтѣ, было уже готово въ 1837 году.

[3]) Авторъ, вѣроятно, ошибся, такъ какъ въ печати извѣстны только два изданія «Опыта»: 1821 и 1822 годовъ.

[4]) Генералъ-маіоръ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ за участіе въ событіяхъ 1825 года былъ заключенъ въ крѣпость, а отсюда отправленъ на службу въ Грузію, гдѣ состоялъ при Паскевичѣ. По воспоминаніямъ С. П. Шипова, Бурцовъ «былъ человѣкъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, весьма даровитый, необыкновенно основательно образованный». «У меня нѣтъ теперь въ арміи такого Бурцова», говорилъ мнѣ—прибавляетъ Шиповъ—фельдмаршалъ Паскевичъ въ Варшавѣ въ 1838 году». Бурцовъ былъ убитъ въ Турецкую войну въ сраженіи подъ Бейбуртомъ въ 1828 году». (Русскій Архивъ 1878 г., кн. II, стр. 154).

Арцрумомъ и обѣщавшаго намъ отличнаго полководца. Въ этомъ „Опытѣ“ будетъ вся сущность партизанскаго искусства для русскихъ войскъ.

Наконецъ, пришлю вамъ и обѣщенные мною документы, только съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ, что вы ихъ отъ меня имѣете. Сверхъ того не только даю вамъ право, но прошу васъ не щадить меня вопросами о подробностяхъ каждаго случая, событія и обстоятельства этого безсмертнаго похода. Я много знаю и врядъ ли не болѣе многихъ, а для узнанія того, что я не знаю, укажу вамъ на знающаго. Словомъ, прошу располагать мною по вашей волѣ и желанію; я вашъ батракъ отъ всей души. Болѣе писать некогда; почта не ждетъ, пора печатать письмо; обнимаю васъ, Денисъ Давыдовъ.

LI.

А. С. Пушкину.

18-го мая (1836 г.) С. Маза.

Правда твоя, видно какая-нибудь нѣмецкая вѣдьма особаго рода стоитъ горой за Дрезденъ и Винценгероде [1]). Вотъ я другой разъ въ дуракахъ отъ этого проклятаго городишки, и Чернышевъ другой разъ спасаетъ Винценгероде: первый разъ отъ французскихъ жандармовъ, которые везли его во Францію на закланіе, въ другой разъ отъ анаѳемы, воспѣтой мною его поганой памяти. Это, право, замѣчательно. Надо, чтобъ въ 1812 году Чернышевъ, шедшій съ партіею казаковъ отъ Бреста къ Полоцку, неожиданно повстрѣчалъ Винценгероде тамъ, гдѣ онъ уже не имѣлъ никакой надежды на спасеніе и избавилъ его отъ неминуемой смерти. Двадцать-три года спустя, во время управленія Чернышевымъ министерствомъ, я вздумалъ потѣшиться надъ этимъ человѣкомъ, но онъ продолжаетъ прикрывать его своею эгидою и за предѣлами гроба; это, впрочемъ, съ его стороны и честно, и благородно. Если

---

[1]) Дѣло идетъ о статьѣ Давыдова «Занятіе Дрездена».

онъ и ему подобные допускаются въ рай и молитвы ихъ доступны Всевышнему, Чернышевъ пріобрѣлъ себѣ важнаго покровителя, но если слабости наши сопутствуютъ намъ и на тотъ свѣтъ, то защита его втуне. Неблагодарность Винценгероде не измѣнила ему, онъ тамъ то же говоритъ о Чернышевѣ, что̀ говорилъ мнѣ здѣсь во время выговора, дѣлаемаго мнѣ за взятіе Дрездена; онъ въ пылу гнѣва разразился на партизановъ вообще и разругалъ не столько меня, сколько самого Чернышева. Какъ бы то ни было, но эскадронъ мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею прошу тебя привести въ порядокъ; надо убитыхъ похоронить, раненыхъ отдать въ лазаретъ, а съ оставшимися всадниками „ура!" и снова въ атаку. Такъ дѣлывалъ я въ настоящихъ битвахъ; солдату грѣшно унывать, надо либо пропасть, либо врубиться въ паршивую колонну. Одного боюсь я: какъ ты уладишь, чтобы, при исключеніи погибшихъ, сохранить въ эскадронѣ связь и единство! Возьми этотъ трудъ уже на себя, Бога ради; собери растрепанныя части и сдѣлай изъ нихъ нѣчто цѣлое. Между тѣмъ не замедли прислать мнѣ чадо мое (рукопись), пострадавшее въ битвѣ; дай мнѣ полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные въ неравной борьбѣ, смѣло предпринятой и храбро выдержанной, я его до поры и до времени оставлю дома. Это мнѣ приводитъ на память Берниса, который былъ относительно кардинала Флёри въ томъ же положеніи, какъ я относительно Чернышева; Флёри сказалъ съ гнѣвомъ Бернису: „Tant que je vis, monsieur, vous n'imprimerez pas ce mandement", на что тотъ отвѣчалъ: „eh bien, monseigneur, j'attendrai". Если я успѣю, то пришлю тебѣ къ 2-му номеру, а если нѣтъ, то къ 3-му такой эскадронъ, который пройдетъ чрезъ все, носъ къ верху, фуражка на бекрень и съ сигаркою въ зубахъ, какъ бывало я хаживалъ въ трактирахъ мимо общества приказныхъ. Пожалуйста присылай мнѣ рукопись искаженную, которую, умираю, хочу видѣть въ этомъ положеніи. Прости.

Журнала твоего я еще не получалъ.

LII.

А. С. Пушкину.

8-го іюня (1836 г.) С. Маза.

Сдѣлай милость, отсѣки весь хвостъ у статьи моей „О партизанской войнѣ" отъ самаго слова „въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ" и приставь хвостъ, тебѣ присылаемый; кажется, онъ будетъ лучше. При всемъ томъ прошу тебя исправить слогъ во всей статьѣ; я писалъ ее во всѣ поводья, слѣдственно, перескакивалъ чрезъ кочки и канавы: надо однѣ сгладить, другія завалить фашинникомъ, а твой фашинникъ—изъ вѣтвей лавровыхъ. Весь твой.

P S. Стихи къ Башилову, названные мною „Челобитной", можешь печатать хоть сейчасъ.

LIII.

Н. М. Языкову.

14-го іюня (1836 г.) С. Маза.

Авось письмо это еще застанетъ васъ въ Языковѣ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, и потому адресую его прямо туда. Я вчера получилъ письмо отъ Вяземскаго изъ Петербурга. Онъ пишетъ мнѣ, что Пушкинъ былъ въ Москвѣ и оттуда только что воротился въ Петербургъ. Я къ нему послалъ важную статью „О партизанской войнѣ" въ замѣну погибшей отъ меча военнаго министра „Занятіе мною Дрездена въ 1813 году". Надѣюсь, что эту пропустятъ даже и безъ задержанія въ карантинѣ. Жаль мнѣ покойницу: какая лихая наѣздница была, помяни ее Господи! Мнѣ Вяземскій пишетъ, вотъ слова его: „Знаетъ ли Языковъ мое посланіе къ нему, напечатанное во второмъ томѣ „Новоселья" [1])? Если знаетъ, что онъ не от-

[1]) «Новоселье» литературный сборникъ, вышедшій въ двухъ частяхъ. С.-Пб. 1833—1834.

кликнется?“ Прошу же мнѣ дать отвѣтъ, отчего вы не откликаетесь или сами ему скажите, будучи въ Москвѣ, гдѣ онъ будетъ въ іюнѣ. Я завидую вамъ; хотя я неразлучно былъ съ нимъ всѣ десять дней пребыванія моего въ Петербургѣ, но съ этимъ человѣкомъ не устанешь быть и десять, и сто лѣтъ потому, что какъ онъ ни уменъ и не милъ, а душа и сердце его очаровательнѣе еще ума его.

Посылаю вамъ „Челобитную“ мою Башилову, предсѣдателю строительной комиссіи въ Москвѣ, отцу поэта Башилова. Я прошу его, чтобъ онъ постарался купить для оберъ-полицеймейстера домъ мой, каменный, огромный, на Пречистенкѣ, окно въ окно съ депо пожарнымъ. Стихи довольно удачно набросаны, ждутъ только одобренія парнасскаго моего отца и командира, котораго обнимаетъ Денисъ Давыдовъ.

LIV.

А. С. Пушкину.

20-го іюня (1836 г.)

Ты меня, любезный другъ, забылъ совсѣмъ; ты мнѣ обѣщалъ прислать 1-й номеръ журнала, а его по сю пору нѣтъ; вотъ и 2-й номеръ на дворѣ, а 1-й все еще не ѣдетъ. Увѣдомь, получилъ ли ты мою статью „О партизанской войнѣ“ и еще къ ней variante. Это все послано съ Шеншинымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты эту статью напечаталъ прежде „Занятія Дрездена“, вполнѣ охолощеннаго. Возврати мнѣ искаженную рукопись, которая мнѣ необходима.

Въ „Пчелѣ“ [1]) есть ругательства на „Современникъ“, по слогу видно, Булгаринъ машетъ...., нельзя ли махнуть

[1]) Давыдовъ, очевидно, здѣсь ошибся. Въ «Сѣв. Пчелѣ» 1836 г., апрѣля 17-го, была, напротивъ, помѣщена статья, въ которой авторъ возстаетъ противъ несправедливыхъ нападокъ на «Современникъ», появившихся въ «Библіотекѣ для чтенія» 1836 г., т. XV, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что «Современникъ есть родъ бранно-періодическаго журнала».

его ладонью по ланитѣ, какъ нѣкогда махнулъ ты его въ „Литературной Газетѣ“ [1]). Не забудь прислать 1-й номеръ журнала и мою тетрадь.

Слава Богу, всѣ мои насмѣшки на свадьбу К. даромъ; онъ не женится; это были лишь пустые московскіе слухи.

LV.

А. С. Пушкину.

7-го іюля (1836 г.) С. Маза.

„Очи“ не позволяю тебѣ печатать ни за что, даже и безъ подписи [2]), но „Челобитная“ къ твоимъ услугамъ. Не хочешь ли двухъ эпиграммъ [3])? Тисни ихъ безъ подписи (то-есть, эпиграммы, а не „Челобитную“, подъ которой непремѣнно нужно подписать мое имя). Первая эпиграмма не принадлежитъ почти мнѣ, она мнѣ внушена Вяземскимъ, а я ее переложилъ въ стихи; вторая же хоть и моя, да плоха, она съ мыслью не новою, а потому мнѣ не нравится. Посылаю тебѣ еще мадригалъ — подражаніе Вольтеру, мнѣ противны первые четыре стиха. Передѣлай ихъ по-своему и пусти ихъ въ ходъ безъ моей подписи.

Ты теперь долженъ получить уже вторую статью мою и viriante къ ней [4]), она была послана чрезъ Шеншина; если онъ въ Петербургѣ, это все уже у тебя, если же его нѣтъ, то пролежитъ до его возвращенія, ибо застраховано. Я на-

---

[1]) Намекъ на статьи Пушкина «О запискахъ Видока» (Литер. Газета 1830 г., № 20), гдѣ все сказанное о Видокѣ, начальникѣ тайной полиціи, относится къ Булгарину. Качества Видока—честолюбіе, шпіонство, доносы и т. п.

[2]) «Очи»—первоначальное заглавіе стихотворенія: «Я помню, глубоко»... Первыя строки письма вызваны словами Пушкина въ письмѣ къ Давыдову отъ мая 1836 г.: «Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои «Очи» безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени?»

[3]) Эпиграммы №№ LXXVII, LXXVIII.

[4]) «О партизанской войнѣ».

дѣю ъ, что ты будешь доволенъ этой статьей, она отрывокъ изъ любимаго сочиненія моего, которое я кончаю. Боюсь, что „Дрезденъ“ [1]) будетъ очень плохъ безъ Винценгероде, это останется на твоей совѣсти, ты пожелалъ имѣть это въ своемъ журналѣ.

Увѣдомь, куда адресовать тебѣ письмо? я же пускаю на удалую, на Каменный Островъ. Продолжаешь ли ты занимать домъ Баташева или перемѣнилъ, и чья дача, на которой ты живешь?

LVI.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

3-го февраля (1837 г.). Москва, на Пречистенкѣ, въ собств. домѣ.

Знаете ли нашу общую горесть? Пушкинъ, нашъ славный Пушкинъ, убитъ на дуэли! Онъ приревновалъ жену свою — и, какъ всѣ увѣряютъ, напрасно, она даже и не кокетствовала, а какой-то Дантесъ, кавалергардскій офицеръ (и побочный сынъ Голландскаго короля) давно искалъ уже всѣми средствами компрометировать ее въ обществѣ. Пушкинъ закипѣлъ какъ Отелло, вызвалъ Дантеса на дуэль, ранилъ его сильно, но самъ палъ. Пуля вошла въ брюхо и остановилась въ кишкахъ; онъ умеръ чрезъ три часа по полученіи раны. Я такъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что нѣтъ силъ писать вамъ болѣе. C'est une calamité publique. Обнимаю васъ. Денисъ Давыдовъ.

Вчера были у насъ Хомяковъ съ Екатериной Михайловной.

---

[1]) «Занятіе Дрездена 1813 года».

LVII.

А. П. Ермолову.

20-го марта 1839 г. С. Маза.

Я вѣрно четыре раза писалъ Евдокиму [1]), почтеннѣйшій братъ Алексѣй Петровичъ, чтобы онъ увѣдомилъ меня о вашемъ подагрическомъ припадкѣ, то ему слѣдовало бы на сей счетъ меня и успокоить. Но онъ молчалъ, и обязанность его взяла на себя петербургская газета, въ которой я, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что 20-го февраля вы пріѣхали въ Петербургъ. Итакъ, слава Богу, подагра съ плечъ долой, или лучше съ ногъ долой! Дай Богъ никогда уже ей не посѣщать васъ и возвратиться въ Сенатъ, гдѣ ея вѣчная главная квартира. Спустя нѣсколько дней по прочтеніи въ газетѣ о вашемъ пріѣздѣ, я получилъ и отъ моего Васи извѣстіе о томъ же, но онъ къ извѣстію этому прибавляетъ, что, какъ кажется ему, вы въ Петербургѣ не надолго; я же съ своей стороны полагаю, что вы, конечно, проведете тамъ Святую недѣлю. Пишу къ вамъ туда, желая, чтобы письмо мое васъ еще тамъ застало, ибо оно заключаетъ въ себѣ просьбу и вотъ какую.

Вы помните, что два года тому назадъ, то-есть, 1837 года октября 3-го я подалъ графу Орлову записку, въ которой просилъ его объ исходатайствованіи у государя императора перемѣщенія праха незабвеннаго нашего героя князя П. И. Багратіона изъ пустыннаго села Сима, Владимирской губерніи. Орловъ въ ту же минуту отнесъ записку мою къ государю, а его величество изволилъ передать ее военному министру съ тѣмъ, чтобы по ней было исполнено въ свое время; Орлову же изволилъ сказать, что прахъ этотъ перенесенъ будетъ на Бородинское поле и погребенъ у памятника.

Открытіе памятника, кажется, будетъ лѣтомъ. Перемѣщеніе праха князя Багратіона требуетъ заблаговременнаго распоряженія

---

[1]) Генералъ-маіоръ Е. В. Давыдовъ (ум. 1842 г.), младшій братъ Д. В. Давыдова.

и предписаній въ тѣ мѣста, которыя въ этомъ дѣлѣ должны нѣсколько соучаствовать и коимъ нужно будетъ употребить нѣсколько времени для приведенія въ исполненіе предписаннаго. Мѣста эти—Синодъ и Владимирское губернское правленіе. Сверхъ того, если честь сего перемѣщенія возложена будетъ на меня—честь, которую я приму за истинное благодѣяніе, (и на которую, впрочемъ, я имѣю все право и потому, что я былъ болѣе времени, чѣмъ другіе, адъютантомъ князя и потому, что я подалъ мысль о перемѣщеніи его праха и хлопочу о томъ), то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распоряжаться по сему случаю.

Я писалъ дежурному генералу Клейнмихелю и просилъ его доложить о томъ графу Чернышеву. Но такъ какъ вы теперь въ Петербургѣ, почтеннѣйшій братъ, то не можете ли вы сдѣлать мнѣ милость поговорить о томъ съ графомъ и уладить такъ, чтобы до выѣзда еще вашего изъ Петербурга все это распоряженіе было сдѣлано, и предписанія разосланы во всѣ тѣ мѣста, въ которыя ихъ слѣдуетъ разослать? Вы крайне обязали бы меня; сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ этомъ.

Болѣе писать изъ снѣжныхъ степей моихъ нечего, скажу только, что я съ нѣкотораго времени все боленъ; ревматизмы одолѣваютъ! Это слѣдствіе бивуачной жизни. Поневолѣ вспомнишь слова генерала въ какой-то французской піесѣ: „La gloire! Ça ne donne que des rhumatismes; c'est le seul bien qu'on ne nous conteste pas“ [1]).

Простите, почтеннѣйшій братъ! Въ маѣ, если Богъ дастъ жизни и здоровья, надѣюсь васъ увидѣть въ Осоргинѣ [2]) или въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ. Преданнѣйшій всей душою братъ Денисъ.

---

[1]) Подмосковная деревня А. П. Ермолова.

[2]) Переводъ. Слава! Она даетъ только одно неоспоримое благо—ревматизмы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо императору Александру I.

(1814—1815 г.) [1].

Sire! Un sort que je crois injuste accable au sein de Vos états un homme que le hazard a si longtemps épargné aux champs d'honneur; daignez jetter un regard d'indulgence non point sur mes services, mais sur la douleur d'un soldat qui n'a pas mérité d'y être en proie. Je ne prétends point rappeler à Votre Majesté les journées où j'ai combattu; leur fréquence est leur unique mérite, je le sais et le peu d'éclat qu'elles ont jetté sur ma vie est trop payé par le souvenir d'une conscience sans tâches; non, Sire, je ne prétends pas m'étendre sur les détails d'une carrière peu féconde en exploits dignes de Vous être présentés... L'histoire de ma vie se réduit à deux mots: quatorze ans de travaux militaires et pas un reproche à me faire. En Prusse, en Turquie, en Russie, en Allemagne et en France, partout où Votre Majesté eut des ennemis, mon bras les a combattus, et le titre de général qui m'a été accordé dernièrement, devint enfin le prix de mes services. Un ordre que les autorités militaires ont

---

[1]) Настоящее письмо было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1814 году Давыдовъ получилъ за Краонское сраженіе чинъ генералъ-маіора, а въ концѣ того же года было приказано переименовать его изъ генералъ-маіоровъ въ полковники, какъ произведеннаго по ошибкѣ. Оскорбленный такого рода произволомъ, Давыдовъ и рѣшился обратиться къ государю съ настоящимъ письмомъ. Въ 1815 году ему былъ возвращенъ генеральскій чинъ.

annoncé en Votre auguste nom me parait irrévocable et je ne balançais plus à prendre les attributs de mon grade, quand tout-à-coup je me vis par un arrêt, que je ne puis encore comprendre, dépouillé des honneurs qu'il avait plu à Votre Majesté d'accorder au plus zélé de ses soldats. Daignez, Sire, un seul instant être mon juge et Vous rappeler que je n'ai point sollicité la recompense de mes faibles services, mais du moment qu'elle m'a été accordée, j'ose Vous demander qu'elle me soit laissée, d'autant plus que Votre Majesté a dû se convaincre plus d'une fois, qu'au défaut de talents superieurs, j'ai toujours fait preuve des premiers vertus d'un soldat.... d'un dévouement sans bornes et d'un amour ardent pour la gloire de Vos armes, sentiments qui ne sont jamais sortis de mon coeur et que j'ai si souvent appuyés par des actions si non glorieuses, du moins toujours honorables. L'ex-général Denis Davidoff[1]).

[1]) Переводъ письма. Государь! Несправедливый рокъ обременяетъ въ вашей державѣ человѣка, котораго судьба сохранила такъ долго на поляхъ чести! Соблаговолите взглянуть взоромъ снисходительнымъ не на мои заслуги, а на горесть солдата, который не заслужилъ подобной участи. Я не позволю себѣ напомнить вашему величеству дни сраженій, въ которыхъ я участвовалъ: ихъ число составляетъ только ихъ достоинство, знаю это, и потому блескъ ихъ оставилъ во мнѣ одно воспоминаніе, что жизнь и совѣсть моя остались безупречны. Нѣтъ, Государь, не буду утруждать васъ подробностями моей службы, недостойной вашего вниманія; она выразится двумя словами: четырнадцать лѣтъ военнаго поприща и ни одного упрека. Въ Пруссіи, Турціи, Швеціи, Россіи и Германіи, вездѣ, гдѣ у вашего величества были враги, я сражался съ ними и чинъ генеральскій былъ недавно наградой моей службы. Я смѣлъ думать, что ваша воля, объявленная военными властями, непреложна, и не поколебался надѣть на себя знаки моего новаго достоинства; какъ вдругъ, по произволу, котораго я до сихъ поръ не понимаю, я былъ лишенъ почестей, которыми ваше величество почтили самаго усерднаго изъ вашихъ солдатъ. Соблаговолите, Государь, быть моимъ судьею; удостойте вспомнить, что не я ходатайствовалъ о награжденіи моихъ слабыхъ заслугъ, но, получивши награду, позвольте мнѣ просить васъ оставить ее за мною, ибо ваше величество могли неоднократно убѣдиться, что во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взамѣнъ высшихъ талантовъ эта безпредѣльная преданность и горячая любовь къ славѣ вашего оружія, эти чувства никогда не выходили изъ моего сердца, и я ихъ всегда поддерживалъ дѣяніями, если не славными, то всегда достойными. Бывшій генералъ-маіоръ Денисъ Давыдовъ.

II.

Письма П. Д. Киселеву.

7-го августа 1819 г.

.... Радъ очень, что ты въ упреки всѣхъ предсказателей и астрологовъ сошелся съ графомъ Витгенштейномъ [1]); иначе не могло быть съ человѣкомъ открытаго характера и молодцомъ душою и дѣлами. Ей-ей сожалѣю, что я тебя старше по службѣ,—право съ удовольствіемъ послужилъ бы съ тобою. Впрочемъ, увѣренъ, что сожалѣніе мое не долго продлится; если уже назначено мнѣ судьбою быть обойденнымъ, то пусть лучше обойдетъ умный и дѣятельный человѣкъ, какъ ты, нежели какой-нибудь лѣнивый скотъ, въ грязи валяющійся. Божусь, что я это отъ души говорю. Люди прошедшаго столѣтія не поймутъ меня, ибо ихъ мысли и чувства падали къ стопамъ Екатерины, Зубова [2]) и Грибовскаго! [3]) Слова: отечество, общественная польза, жертва честолюбія и жизни для нея — извѣстны были только въ отношеніи къ власти, отъ которой они ждали взглядъ, кусокъ эмали или нѣсколько тысячъ бѣлыхъ негровъ. Впрочемъ, я не говорю, что я хочу всегда подъ тобою остаться. Нѣтъ, дай Богъ послѣ и мнѣ быть тебя чиновнѣе, то-есть, полезнѣе Россіи, ибо первое у меня цѣнится послѣднимъ. „C'est l' utilité qui donne la valeur", говоритъ Сей, и сіе слово я отношу какъ къ государственному хозяйству, такъ и нашему быту. Вспомни, что Вяземскій сказалъ обо мнѣ въ посланіи своемъ:

Врагамъ былъ грозенъ не по чину,
Друзьямъ—ты не по чину милъ.

---

[1]) Между Киселевымъ и Витгенштейномъ существовалъ одно время разладъ, вызванный назначеніемъ П. Д. Киселева въ 1819 году начальникомъ штаба 2-ой арміи.

[2]) Платонъ Александровичъ Зубовъ—фаворитъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II.

[3]) Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій—статсъ-секретарь Екатерины II, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Тогда и я стоилъ болѣе многихъ, даже полезныхъ людей. Теперь—я какъ червонецъ въ денежныхъ погребахъ графини Браницкой! [1]) Но погоди, кто знаетъ, что̀ будетъ? Можетъ-быть, перевороты государственные вытащатъ сундуки изъ-подъ сводовъ, и червонцы въ курсъ пойдутъ.

Каталогъ твой о нынѣшнихъ и будущихъ занятіяхъ твоихъ весьма хорошъ. Дай Богъ тебѣ исполнить все, что ты предпринимаешь, ибо рвеніе твое имѣетъ цѣлью общую пользу. Я тебя всегда любилъ, ты знаешь это; но теперь тебя болѣе и болѣе почитаю при каждомъ о тебѣ извѣстіи. Продолжай, братъ, дави могучею стопою пресмыкающихъ!

Ко мнѣ прислали на тысячу рублей книгъ. Я теперь весь зарытъ въ нихъ и предпринялъ курсъ фортификаціи въ Бусмарѣ, государственное хозяйство въ Сеѣ и politique constitutionnelle въ Benjamin Constant и Bentham, коихъ у меня полныя сочиненія. Времени много передъ руками; давай учиться, тѣмъ свободнѣе, что мѣсто начальника штаба совершенно пустое. Выпиши себѣ Oeuvres de Benjamin Constant и Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la tribune nationale. 4 vol. Не всѣмъ имѣть Монитёръ. Преинтересныя сочиненія! Иногда на досугѣ взглянешь въ нихъ и будешь ими доволенъ. Денисъ Давыдовъ.

15-го ноября (1819 г.).

Душная моя должность [2]), какъ тюрьма, гаситъ даже воображеніе мое; въ него такъ много вкралось прозы, что я себя не узнаю. Заговорили было, что Австрія на насъ вооружается; отъ радости трубка упала изъ зубъ моихъ, и я взглянулъ на саблю мою, снѣдаемую ржавчиной, но вскорѣ узналъ, что штыки нѣмецкіе поднялись на мысли народныя, то-есть, я

---

[1]) Графиня А. В. Браницкая, племянница князя Г. А. Потемкина, впослѣдствіи оберъ-гофмейстерина при императорѣ Николаѣ I, извѣстная въ свое время богачка.

[2]) Д. В. Давыдовъ занималъ тогда должность начальника корпуснаго штаба въ Кременчугѣ.

увидѣлъ, что они намѣрены колоть воздухъ,—и я со вздохомъ велѣлъ закурить трубку и раскрылъ воинскій уставъ о пѣхотной службѣ. Да проститъ мнѣ Михаилъ идеологъ! [1]) Скучное время пришло для нашего брата солдата! Что мнѣ до конституціонныхъ преній! Признаюсь въ эгоизмѣ. Ежели бы я не владѣлъ саблею, и я, можетъ-быть, искалъ бы поприща свободы, какъ и другой; но, обнаживъ ее разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не выпускать изъ руки, я знаю, что и при свободномъ правленіи я буду рабомъ, ибо все буду солдатомъ. Двадцать лѣтъ идя одной дорогой, я могу служить проводникомъ по ней, тогда какъ по другой я слѣпецъ, которому нужно будетъ схватиться за поясъ другого, чтобы итти безопасно. Мнѣ жалокъ Орловъ съ его заблужденіемъ, вреднымъ ему и безполезнымъ обществу; я ему говорилъ и говорю, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которою онъ могъ быть истинно полезнымъ отечеству. Какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову [2]) не стряхнуть абсолютизма въ Россіи. (Онъ) долго еще будетъ... тѣмъ свободнѣе, что, разслабясь ночною грезою, она сама не хочетъ шевелиться, не только привстать разомъ. Но мнѣ онъ не внимаетъ. Опровергая мысли Орлова, я также не совсѣмъ и твоего мнѣнія, чтобы ожидать отъ правительства законы, которые сами собою образуютъ народъ. Врядъ ли оно дастъ намъ другіе законы, какъ выгоды осѣдлости для военнаго поселенія, или рекрутскій наборъ въ Донскомъ войскѣ! (Простите Донскіе казаки, хранители русской арміи и спасители отъ изнуренія легкой нашей кавалеріи!..) Какъ военный человѣкъ, я все представляю себѣ въ военномъ видѣ: я представляю себѣ свободное правленіе какъ крѣпость у моря, которую нельзя взять блокадою; приступомъ—много стоитъ. Смотри Францію; но рано или поздно поведетъ осаду и возь-

---

[1]) М. Ѳ. Орловъ (род. 1788 г., ум. 1842 г.), флигель-адъютантъ императора Александра I, одинъ изъ декабристовъ.

[2]) Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 1790 г., ум. 1863 г.), участникъ Отечественной войны; человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, отличавшійся въ жизни различнаго рода причудами и странностями.

меть ее осадою, не безъ урона рабочихъ въ сапахъ, особенно у гласиса, гдѣ взрывы унесутъ не малое ихъ число; за то мѣста взрывовъ будутъ служить ложементами, и осада все будетъ подвигаться, пока, наконецъ, войдетъ въ крѣпость и раздробитъ монументъ Аракчеева. Что всего лучше—это то, что правительство, не зная почему, само заготовляетъ осаждающимъ матеріалы военнымъ поселеніемъ, рекрутскимъ наборомъ, на Дону, соединеніемъ Польши, свободою крестьянъ и проч. Но Орловъ объ осадѣ и знать не хочетъ; онъ идетъ къ крѣпости по чистому мѣсту, думая, что за нимъ вся Россія двигается, а выходитъ, что онъ, да бѣшеный Мамоновъ, какъ Ахиллъ и Патроклъ, которые вдвоемъ хотѣли взять Трою, предприняли приступъ... Но довольно объ этомъ.....

Недавно выписалъ я новую книгу о Малой Азіи. Эта сторона намъ почти неизвѣстна, то-есть, топографическая ея часть. Я изъ нея выписываю все, что касается до береговъ Чернаго моря въ Анатоліи и даже, что касается глубины этой провинціи. Можетъ-быть, выписка моя полезна будетъ тому, кто будетъ командовать высаднымъ войскомъ въ Анатоліи, которая есть сердце Турецкой имперіи и куда, слѣдовательно, мы должны будемъ устремить истинный ударъ нашъ. О, если бы я командовалъ этимъ войскомъ! Il y a du romanesque, il y a de la poésie dans cette expédition! И она точно по мнѣ! Но увы, репутація моя умнаго человѣка поглощается мнѣніемъ, что я вѣтренъ и безхарактеренъ, слѣдовательно, пустой человѣкъ! Проклятое мое остроуміе и стихотворство много мнѣ повредили въ мнѣніи людей сухой души и тяжкаго разсудка. Но что же дѣлать? Поздно уже увѣрять, что я не поэтъ, и молчать съ неподвижнымъ взоромъ, какъ будто я думаю. Каковъ есть, таковъ и представляюсь. Но помню, какъ глубокомысленные мудрецы искали способъ поставить яйцо стойми, и какъ его Колумбъ поставилъ... Денисъ Давыдовъ.

III.

Письмо князю В. Ѳ. Одоевскому [1]).

9-го января (1824 г.).

Съ сокрушеннымъ сердцемъ объявляю вамъ, любезнѣйшій князь, что, перечитавъ еще разъ отрывокъ, вамъ мною обѣщанный, я нашелъ его совершенно недостойнымъ для „Мнемозины“. Къ тому же, право, стыжусь о себѣ говорить, а еще болѣе печатать. Такъ и быть, отдаю вамъ вступленіе Финляндской кампаніи, но послѣдняго отрывка не могу, право не могу отдать! Боюсь сраму.

Пороюсь въ бумагахъ моихъ и, если найду что либо достойное печати, то пришлю къ вамъ немедленно. Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

Въ настоящее изданіе писемъ Д. В. Давыдова не включены: 1) письма къ А. А. Закревскому, большое собраніе которыхъ напечатано въ 73-мъ томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» и обнимаетъ собою года 1815—1831; 2) всѣ письма, которыя носятъ на себѣ характеръ военныхъ донесеній или рапортовъ, и большая часть которыхъ помѣщена въ изданіи 1860 года въ приложеніяхъ къ Дневнику партизанскихъ дѣйствій, не вошедшихъ въ настоящее изданіе, и 3) письма Д. В. Давыдова къ его сыну Василію, къ Е. Д. Золотаревой и П. Д. Киселеву, изъ которыхъ извѣстны въ печати только отрывки, помѣщенные въ «Собраніи сочиненій Давыдова» изд. 1860 г., т. III, въ статьѣ А. А. Осипова: Біографія Д. В. Давыдова («Истор. Вѣстникъ», 1890 г., т. XLI) и въ трудѣ А. П. Заблоцкаго - Десятовскаго: Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Пб. 1882 г., т. I.

Письма, вошедшіе въ настоящее собраніе, извлечены изъ слѣдующихъ изданій: «Библіографическія Записки» 1858 г. (т. I.); «Москвитянинъ» 1841 г. (т. III); 1850 г. (т. IV); «Русскій Архивъ» 1866 г., 1868 г., 1871 г. (кн. I), 1879 г., (кн. II); «Русскій Инвалидъ» 1829 г. (№ 274); «Русская Старина» 1870 г. (т. II), 1872 г. (т. V и VI), 1873 г. (т. VIII), 1877 г. (т. XX), 1884 г. (т. XLIII), 1887 г. (т. LV), 1888 г. (т. LX), 1889 г. (т. LXI), и 1893 г. (т. LXXVII); «Раутъ» 1854 г. (кн. III) и «Собраніе сочиненій Д. В. Давыдова», изд. 1860 г., ч. III. Письма за №№ XXXVI, L печатаются съ рукописей, за сообщеніе которыхъ приносимъ искреннюю благодарность Л. Н. Майкову и Н. К. Шильдеру; письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому извлечено изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

---

[1]) Князь Владимиръ Ѳедоровичъ Одоевскій съ 1824 г. вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ сталъ издавать альманахъ «Мнемозину», въ первой части котораго было напечатано «Извлеченіе изъ записокъ генералъ-маіора Д. В. Давыдова. Кампанія 1803 года. Финляндія». Это извлеченіе составляетъ начало статьи Давыдова «Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи».

Рѣчь Д. В. Давыдова, произнесенная въ „Арзамасѣ“.

Друзья мои!

Я избралъ предметомъ рѣчи моей то, что̀ всего болѣе занимаетъ насъ въ нашемъ собраніи — самое наше собраніе. Не ожидайте отъ меня тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми украсили предметъ сей нѣкоторые изъ моихъ сочленовъ. Я намѣренъ въ возможной простотѣ говорить съ вами о нѣкоторыхъ предметахъ до него относящихся. Новый сочленъ, котораго мы съ сердечнымъ удовольствіемъ здѣсь въ первый разъ видимъ, познакомится чрезъ то съ нашими законами, и, можетъ-быть, не безполезно будетъ, если я снова оживлю ихъ и въ вашей памяти.

Цѣль наша—образованіе себя въ литературѣ, особливо въ русской, образованіе нравственнаго нашего характера. Чѣмъ можемъ мы ее достигнуть, какъ не дружескими откровенными совѣтами, неограниченною, но кроткою искренностью, которая должна быть однимъ изъ главныхъ нашихъ законовъ! Мы взаимно подкрѣпляемъ другъ друга; насъ здѣсь восемь, и всякій изъ насъ въ восемь разъ сильнѣе здѣсь, нежели былъ бы онъ одинъ безъ чистосердечныхъ друзей, которые исполнены къ нему любви, которые радуются его успѣхамъ во всемъ, которые и отъ его обхожденія ожидаютъ себѣ взаимной пользы. Но только тогда можемъ мы ласкаться достигнуть нашей цѣли, когда живо почувствуемъ все, что можетъ произвести въ насъ единодушіе и неслабѣющее усердіе, когда еще тѣснѣе соединимся мы узами дружбы. Теперь съ сердечнымъ сожалѣніемъ вижу я, что мы раздѣлены, такъ сказать, на двѣ части, и та и другая порознь въ совершенно короткомъ знакомствѣ между собою, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ насъ не довольно еще одинъ съ другимъ сближены. Будемъ стараться, сколько можно, истребить это неравенство; приведемъ, если смѣю такъ сказать, въ равновѣсіе нашу взаимную дружбу; будемъ искренни, будемъ усердны, будемъ единодушны, и тогда-то всякое упражненіе наше будетъ приносить намъ пользу, будетъ имѣть свою цѣну; тогда-то собраніе

наше утвердится на основаніи непоколебимомъ, тогда-то всякій изъ насъ будетъ искать въ немъ и найдетъ отдохновеніе въ самыхъ трудахъ, радость, отраду въ непріятностяхъ жизни, спасительные совѣты во всякомъ случаѣ, тогда-то будетъ оно запечатлѣно печатью братства, и мы ощутимъ живо сладостныя дѣйствія нашего союза.

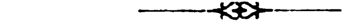
Искренность, любезные друзья, да будетъ первымъ закономъ нашего собранія; все другое: совѣты, похвалы и самую критику можемъ мы найти въ свѣтѣ; искренность царствуетъ только здѣсь. Но кто же изъ насъ смѣшаетъ ее съ грубостью, съ колкостью въ критикѣ. Нѣтъ! Вездѣ кротость должна сопровождать ее, иначе это значило бы только удаляться отъ нашей цѣли. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ огорчиться дружескою критикою? Онъ узнаетъ, что написалъ дурные стихи, но вмѣстѣ увидитъ и то, что онъ имѣетъ истинныхъ, чистосердечныхъ друзей, можетъ-быть и отъ нихъ же самихъ получитъ безпристрастное увѣреніе, что можетъ сдѣлать лучше. Но за то и какъ же неоцѣненна будетъ для него похвала ихъ, въ которой не будетъ уже онъ подозрѣвать никакой скрытности, никакого пристрастія: онъ предается тогда свободно своей радости, ибо для каждаго изъ насъ, признаемся искренно, друзья мои, для каждаго изъ насъ не можетъ быть ничего пріятнѣе такого приговора.

Мы счастливы, мы можемъ питать въ себѣ этотъ небесный въ сердцахъ нашихъ энтузіазмъ, предадимся ему; пусть радость будетъ для насъ матерью добродѣтелей, пусть благородный, святой энтузіазмъ юности будетъ ихъ душою, ихъ пищею. Никто еще не помогалъ несчастному по опредѣленію одного холоднаго разсудка; сердце должно иногда заглушать его голосъ, чтобы быть тѣмъ нѣжнѣе, тѣмъ сострадательнѣе, тѣмъ дѣятельнѣе въ оказаніи помощи. Есть великія, священныя добродѣтели, которыя безъ энтузіазма существовать не могутъ, которыя кажутся мечтою для жалкаго, равнодушнаго философа, судящаго о нихъ съ однимъ своимъ разумомъ. Еще опытность не научила насъ разсуждать, дѣлать мудрыя и глубокія разсужденія, чтобы располагать нашими поступками, но

тѣмъ сильнѣе можемъ мы чувствовать! Послѣдуемъ же гласу сердецъ нашихъ, направимъ стремленія его въ благое, и мы будемъ дѣятельны, будемъ веселы, будемъ благополучны.

Проснитесь! Дышите въ насъ, великіе безсмертные, принимайте жертвы сердецъ нашихъ, пылающихъ вашимъ пламенемъ, носитесь духомъ своимъ надъ нами. Друзья, въ эту минуту чувствую живо, что смерть за отечество—ничто!

Извлечено изъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ,

помѣщеннымъ въ трехъ томахъ Сочиненій Д. В. Давыдова.

Томъ I.

1) Къ біографіи: портретъ Д. В. Давыдова, въ рубашкѣ и плащѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ; съ подлинника, рисованнаго Б. Лангеромъ и гравированнаго Г. Аѳанасьевымъ.

2) Къ стр. 46: рисунокъ къ стихотворенію «Гусарскій пиръ»; съ гравированнаго на стали подлинника (неизвѣстнаго художника), приложеннаго къ изданію сочиненій Давыдова 1840 года.

3) Къ стр. 97: представленіе ребенка Давыдова Суворову; съ гравированнаго на деревѣ политипажа, рисованнаго А. И. Коцебу и помѣщеннаго въ «Исторіи Суворова», соч. Н. Полевого.

4) Къ стр. 305: свиданіе императора Александра съ Наполеономъ, съ современнаго рисунка Готро (Gotherot).

Томъ II.

5) Къ стр. 3: портретъ Я. П. Кульнева; съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ книгѣ: Жизнь генералъ-маіора Кульнева. С.-Пб. 1815.

6) Къ стр. 29: портретъ Давыдова въ казакинѣ и ермолкѣ; съ гравюры Э. Орма, воспроизводящей картину, писанную А. О. Орловскимъ масляными красками.

7) Къ стр. 61: портретъ князя П. И. Багратіона, съ гравюры І. Саундерса, сдѣланной по оригиналу Тончи.

Томъ III.

8) Къ стр. 109: портретъ Н. Н. Раевскаго; съ гравюры І. Кардели.

9) Къ стр. 109: Н. Н. Раевскій ведетъ своихъ малолѣтнихъ сыновей въ сраженіе; съ рисунка, помѣщеннаго подъ вышеупомянутымъ портретомъ работы Кардели.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

Л.

М.

Н.

О.

С.

